

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ШКОЛА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РОССИЯ И СТРАНЫ АТР

**МАТЕРИАЛЫ
ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Владивосток

7 – 8 декабря 2016 г.

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2016

УДК 316.42

ББК 60.56

П78

Издание материалов конференции осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), договор № 16-06-20859/16 от 17 ноября 2016 года

Редакционная коллегия:

И.Г. Кузина, канд. ист. наук, профессор (отв. ред.);

А.В. Винокурова, канд. социол. наук, доцент;

О.В. Заяц, канд. социол. наук, доцент;

Н.В. Осмачко, канд. социол. наук, доцент.

П78

Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7 – 8 декабря 2016 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина] – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 780 с.

В издание включены материалы выступлений участников второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР», которая уже стала традиционным мероприятием для Школы гуманитарных наук ДВФУ. Материалы конференции объединены общей проблемой применения естественнонаучных методов в количественных и качественных социологических исследованиях. В рамках работы конференции обсуждались стратегии применения методов и моделей принятия управленческих решений, теории графов, сетевого анализа, картографии. Особое внимание уделено практике проведения социологических исследований в АТР.

ISBN 978-5-7444-3666-7

© ФГАОУ ВО «ДВФУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ..... 12

<i>Абросимова Е.Е.</i> Образовательная безопасность студентов в контексте социально-экономических трансформаций российского общества	12
<i>Авраменко Е.В.</i> Периодизация антикризисной политики в ресторанном бизнесе	14
<i>Адиев А.З.</i> Соотношение категорий «этничность» и «политика» в региональной модели социального управления	15
<i>Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.</i> Темпоральное измерение человеческого капитала студентов	18
<i>Амбарцумян Р.М.</i> Социально-образовательный проект как новый предмет социологического анализа	21
<i>Андрянова Т.В.</i> Качество оказания услуг организациями культуры в социологическом измерении	23
<i>Анисина Е.А., Стерлигова Д.В.</i> К актуальности создания эндаумент-фондов в вузах российских регионов....	25
<i>Анферова Е.Н., Свистунова И.Г.</i> Модели наркотизации общества.....	28
<i>Ардальянова А.Ю.</i> Сетевой анализ процесса взаимодействия социальных субъектов.....	31
<i>Арефьева Д.В.</i> Государственно-частное партнерство в области жилищного строительства Республики Башкортостан ..	33
<i>Арсланова Р.Р., Абдюшева С.Р.</i> Статистический анализ заболеваемости и продолжительности жизни населения с учетом различных факторов.....	34
<i>Багирова А.П., Сурина С.Э.</i> Преподаватели высшей школы как объект исследования проблем академического материнства: первые результаты анализа	38
<i>Бадмацыренов Т.Б., Хандаров Ф.В.</i> Буддизм и Рунет: особенности социологического исследования виртуальной религиозности	40
<i>Бальжинимаева Е.П.</i> Социальное расслоение населения по основным характеристикам уровня жизни (на примере Республики Бурятия)	42
<i>Баронина А.А.</i> Использование методов социологии для изучения проблем молодежи (на примере исторического факультета ИГУ).....	45
<i>Батина О.Э.</i> Национальная дистанция как индикатор уровня толерантности	47
<i>Башарова Р.Р.</i> Проблема повышения уровня жизни населения в регионе.....	50
<i>Бегинина И.А., Бегинина А.А., Козлов В.А.</i> Мотивы миграции сельского населения в город (на примере с. Сухой Карабулак Базарно-Карабулакского района Саратовской области): опыт социологической диагностики.....	51
<i>Бегинина И.А., Прочаковская О.А.</i> Причины и способы разрешения супружеских конфликтов в ракурсе социологического анализа.....	54
<i>Белкина В.А., Килимова Л.В.</i> Особенности рынка медицинских услуг в условиях трансформации современного российского общества	56
<i>Беломестнов В.Г., Малыгина И.Н., Ларионов В.Г.</i> Методика инновационно-инвестиционного развития социальной инфраструктуры.....	59
<i>Беляков В.Н., Трофимова В.В., Хавер В.Н.</i> Применение метода социологического опроса для формирования элементов теоретических основ инновационного развития	61
<i>Бессчетнова О.В.</i> Институт сиротства в системе государственного управления: социологический аспект.....	64
<i>Бийжанова Э.К.</i> Диаспоры в интеграционных процессах современного российского приграничья.....	67
<i>Буркальцева Д.Д., Горобец Е.В.</i> Экономическая безопасность как «состояние защищенности национальных интересов» определенного социального объекта	69
<i>Буртонова И.Б., Буртонов М.Н.</i> Современные технологии социального обслуживания граждан пожилого возраста..	72
<i>Вахина А.Д.</i> Вовлечение населения в процесс бюджетирования на примере программы поддержки местных инициатив в Тверской области	75
<i>Галкина Е.П., Кадничанская М.И.</i> Применение кластерного анализа в прикладных социологических исследованиях.	77
<i>Гареева Э.Р.</i> Совершенствование системы социального обеспечения населения муниципального образования.....	80
<i>Гареева Л.Р., Муллагалямов Х.Р.</i> О некоторых методологических проблемах в задачах принятия решений в условиях неопределенности	81
<i>Герасимук А.Р.</i> Маркетинговые стратегии управления малыми гостиницами в России.....	83

<i>Гизатулина А.А.</i> Факторы самоубийства в социализации подростков Челябинской области	84
<i>Голубев В.С.</i> Организация окружающего пространства в практике социального управления	86
<i>Горбунов Н.М.</i> Модель региональной идентичности (на примере исследования учащихся школ).....	88
<i>Горобец Е.В., Буркальцева Д.Д.</i> Региональная дифференциация показателей воспроизводства населения – объект статистического изучения	90
<i>Горячих М.В.</i> Применение методов статистики для анализа социально-экономических явлений	93
<i>Грабельных Т.И., Саблина Н.А., Кузьмина Е.С.</i> Внедрение «профильных» технологий партнерства вузов с работодателями как способ формирования потребностей на региональном рынке труда.....	96
<i>Грошев И.Л.</i> Кумулятивный аспект противодействия коррупции	97
<i>Грошева И.А.</i> Гражданское общество и гражданский контроль: опыт конструирования реальности	100
<i>Гудина О.В., Щека В.И.</i> Социальное самочувствие: сравнительный анализ.....	104
<i>Гуж О.А.</i> Социальная безопасность как детерминанта стабилизации современного общества	106
<i>Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Туринцева Е.А.</i> Образовательные планы молодежи как фактор формирования образа социального благополучия	108
<i>Гусякова Л.Г., Яйтакова А.В., Говорухина Г.В.</i> Региональная модель управления социально-демографическими процессами	110
<i>Дергунова Е.А.</i> Система здравоохранения как предмет социологического исследования	113
<i>Деренко Н.В.</i> Компьютерное моделирование динамических систем в социологических исследованиях	114
<i>Дмитриев Е.И.</i> Белорусская телевизионная аудитория: тренды изменений последнего десятилетия (вторичный социологический анализ).....	117
<i>Долженкова А.В.</i> Современные проблемы использования кластеризации целочисленных данных на примере социологических исследований	119
<i>Дышаева Л.Ф., Дышаева А.А.</i> Статистическое моделирование как инструмент исследования корпоративной культуры: теоретико-методические основы	121
<i>Емельянова Т.В., Матвеева Н.В.</i> Методы социологического обследования деревни в отчётах комитета по землеустроительным делам при главном управлении землеустройства и земледелия	123
<i>Ерохина Е.А.</i> Актуальные проблемы регулирования межэтнических отношений в регионах Севера России	126
<i>Желнина Е.В.</i> Социально-управленческое моделирование инновационной активности	129
<i>Журавская Т.Н.</i> Помочь, наказать или не заметить? Инспектор федеральной службы на выездной проверке	132
<i>Иванов Д.В.</i> Социология – ключ в выявлении проблем регионов	134
<i>Иванова Т.Н., Безденежных П.В.</i> К вопросу о структурно-организационных моделях компьютеризации образования.....	136
<i>Иванова Т.Н., Чикишева С.Ю.</i> Современная семья в коммуникационном пространстве образования: взгляд социолога	139
<i>Игбаева Ф.А.</i> О целевых программах развития населения и семьи	142
<i>Ильина В.А.</i> Женское движение в современной России	145
<i>Индербиев А.А.</i> Методы и способы привлечения молодежи в экстремистскую деятельность: опыт Чеченской Республики.....	147
<i>Испулова С.Н.</i> Управление мотивацией как фактором развития социально-трудовых отношений на промышленном предприятии	150
<i>Истомина А.П.</i> Преподаватель вуза в общественном мнении.....	153
<i>Калашишникова С.М., Лагонская В.В.</i> Каучсерфинг в контексте социального пространства России.....	156
<i>Карякина Л.А.</i> Развитие кластеров в регионе: методика интегральной оценки	158
<i>Килимова Л.В.</i> Ценностные ориентации субъектов Интернет-практик Курского региона	161
<i>Клепова М.И.</i> Модель социальной защиты населения, формирующаяся в современной России.....	164
<i>Ковалева Г.А.</i> Бюджет времени многодетных матерей.....	165
<i>Колодезников И.В.</i> Использование модели и решётки «четырёх действий» для повышения конкурентоспособности компании	168

<i>Комбаев А.В.</i> Роль социологии в решении актуальных социальных проблем региона: мониторинг межэтнической толерантности в среде учащейся молодежи	170
<i>Коркина К.А.</i> Мнение жителей Тольятти об американском образе жизни	172
<i>Костень Д.</i> Биткоин как новая форма товарно-денежных отношений. Блокчейн как новая форма инфраструктуры. Платформа как новая форма управления.....	174
<i>Кузина И.Г., Прокофьева А.С.</i> Правовые основы моделирования системы социальной защиты молодой семьи.....	179
<i>Кузьмин А.И.</i> Основные подходы к оценке демографического потенциала территории	183
<i>Куриков В.М., Хакназаров С.Х.</i> К вопросу о коррупции в бизнес-сообществе Югры: социологический аспект.....	187
<i>Лимкина Н.А.</i> Удовлетворенность населения Республики Мордовия деятельностью мировых судей (по материалам социологических исследований ГКУ РМ «НЦСЭМ»).....	190
<i>Липатова М.Е.</i> Жизненные ценности и предпочтения молодёжи современного российского общества	193
<i>Макаров С.Н.</i> Работа с кадрами в инновационном развитии	194
<i>Максимова С.Г., Горбунова А.А.</i> Моделирование как основа исследования этнической идентичности в приграничных регионах России.....	197
<i>Мамонова А.Д.</i> Спортивные тренеры как особая профессиональная группа и эффективность её деятельности в современных условиях (на примере Иркутской области)	200
<i>Мироненко А.А.</i> Социологическое исследование феномена хоккея	203
<i>Монахов Д.Н.</i> Анализ мониторинга педагогических кадров Московской области	204
<i>Монахов Д.Н.</i> Сетевой анализ как метод моделирования процесса повышения квалификации учителей	206
<i>Морева А.А.</i> Специфика освещения вопросов по антикоррупционной деятельности в сфере службы ЗАГС регионов Сибири и Дальнего Востока.....	208
<i>Мочалина О.С.</i> Центры инвестиционной активности различных территориальных типов Республики Крым	210
<i>Муллаянова М.Р.</i> Роль обеспеченности материальными ресурсами в производстве продукции	213
<i>Напалкова А.А.</i> Исследование факторов, влияющих на формирование экологической культуры общества и устойчивое потребление	214
<i>Недре В.Ю., Дытченко О.А.</i> Управленческие решения в гостиничном бизнесе.....	217
<i>Никитин А.П.</i> Количественные объективации социальных качеств как выражение денежной культуры	219
<i>Новоселова Е.Н.</i> Основные причины и социально-экономические последствия старения населения столичного мегаполиса	222
<i>Османова Э.У.</i> Анализ туристического потока дестинации Республики Крым.....	225
<i>Панфилова А.О., Калина А.Ю.</i> Управление человеческими ресурсами как уровень социально-управленческой деятельности	229
<i>Петрова О.С.</i> Опыт создания базы данных в источниковедческом исследовании: методы изучения делопроизводственной документации научно-исторического сообщества России во второй половине XIX – начале XX вв.	230
<i>Подгорная К.С.</i> Изучение социального самочувствия жителей Тольятти.....	233
<i>Полушкевич М.А.</i> Разрушение социальной безопасности России.....	234
<i>Проноза А.В., Воронова Е.С.</i> Диагностика сформированности ценностных ориентиров студенческой молодежи в сфере патриотического сознания	237
<i>Прончева О.Г.</i> Влияние поляризации на исход информационного противоборства	239
<i>Родак О.И.</i> Специфика репродуктивного поведения российской молодёжи: обзор статистических данных	242
<i>Родионов В.А.</i> Тенденции развития партийной системы современной Монголии	244
<i>Рябокоть М.В., Черномор М.С.</i> Формирование информационно-коммуникационной стратегии классического университета на основе анализа обращений абитуриентов	245
<i>Савинова А.В.</i> Коммуникации вузов и работодателей как условие управления карьерными ориентациями молодежи .	248
<i>Семенов С.А.</i> Роль социологии здоровья в решении социальных проблем региона.....	251
<i>Сибушева А.Р.</i> Региональная практика разработки комплексных программ социально-экономического развития муниципального района (на примере Республики Мордовия).....	254
<i>Симонян А.В.</i> Религиозные представления современной молодежи	255

<i>Скоробогатова Т.Н.</i> О формах регулирования потоков потребителей услуг: логистический аспект	257
<i>Слепова О.М.</i> Социальные группы риска и публичные библиотеки: перспективы взаимодействия	259
<i>Смирнова Е.С.</i> Общественное мнение студенческой молодежи о волонтерской деятельности.....	261
<i>Софронов Д.А.</i> Предпосылки формирования сетевого анализа социально-информационного взаимодействия	263
<i>Судьин С.А.</i> Психически больной и семья: модели взаимодействия в условиях стационарного учреждения	265
<i>Тер-Никогосова Н.А.</i> Гражданское самосознание и патриотизм в современной России.....	268
<i>Тимшина Е.Л.</i> Формализация и интерпретация сведений о современном женском движении в России: опыт создания и использования базы данных.....	270
<i>Титаренко Л.Г.</i> Моделирование типов студенчества как актуальная задача образования и воспитания	273
<i>Толвайишис Л.</i> Потенциал количественного анализа и моделирования для исследования социальных процессов в Сербии.....	276
<i>Трофимова В.В., Нехайчук Д.В.</i> Общественное благосостояние как основная цель развития государства.....	279
<i>Тупик Е.С.</i> Опыт исследования подростковой преступности в современной социологии	282
<i>Усачева К.О.</i> Российская бедность на фоне современных кризисных явлений	285
<i>Ушкова Ю.В.</i> Моделирование факторов социальной мобильности российской молодежи: количественный анализ.....	287
<i>Фадеев П.В.</i> Таджики в различных регионах России (итоги контент-анализа СМИ)	290
<i>Фадеева Т.В.</i> Социологическое исследование здоровья как ресурса адаптационного поведения студентов вузов	292
<i>Файзуллин Т.Ф.</i> Особенности развития научно-образовательного потенциала региона	295
<i>Фролова С.Н.</i> К вопросу об исследовании туризма как социоэкономического феномена современности	297
<i>Хакназаров С.Х.</i> Разработка углеводородного сырья на территории Югры и её результаты в контексте социологических исследований	299
<i>Цыбиков А.С., Дармаев Т.Г., Дагбаев Э.Д., Перельгина В.А.</i> Анализ мощности и планирование соцопроса.	302
<i>Шахматова Н.В., Ивченков С.Г., Бегинина И.А.</i> Гендерные стереотипы современной молодежи: опыт социального моделирования	305
<i>Шевченко О.К.</i> Квантирование власти как базис создания теории управленческих решений.....	308
<i>Шимбирёва О.А.</i> Методы формализованного анализа консервативно-монархических настроений в российском обществе начала XX в. (опыт применения контент-анализа.....	310
<i>Шиняева О.В., Тчане А.К.</i> Управление процессом интеграции российского высшего образования в международное пространство: региональный аспект	313
<i>Шишкарёва Н.В., Ухалова Т.С.</i> Основные подходы социологии социальных проблем	316
<i>Шмарова И.В.</i> Применение статистических методов анализа для исследования демографических процессов	317
<i>Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Лободин П.Н.</i> Моделирование миграционных потоков.....	319
<i>Шойдурова Е.Ю.</i> Государственная служба занятости в регулировании рынка труда.....	323
<i>Шубат О.М., Караева А.П.</i> Кластерный анализ в исследовании социально-экономических процессов: опыт критического анализа.....	325
<i>Шубат О.М., Киселева О.И.</i> Методы прогнозирования численности населения: опыт критического анализа.....	328
<i>Юрасова М.В.</i> Системы исследований в управлении	331
РАЗДЕЛ 2. АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	335
<i>Ангаева Д.Б.</i> Взаимодействие России и Монголии в трансграничном водосборном бассейне озера Байкал: социально-экологические проблемы	335
<i>Бадарав Д.Д.</i> Ценностные установки и социорелигиозная идентичность населения в Республике Бурятия	337
<i>Базарова А.В.</i> Особенности воспитания и социализации детей в молодой семье (по результатам социологического исследования в Республике Бурятия)	341
<i>Бальчунас О.С.</i> Программа «Жильё для российской семьи»: проблемы реализации	344

<i>Башкуева Е.Ю.</i> Применение качественных и количественных социологических методов в исследованиях модернизации здравоохранения Республики Бурятия	346
<i>Бедрина Е.Б.</i> Миграционный потенциал стран АТР как фактор формирования евразийской миграционной системы ..	349
<i>Буров В.Ю., Ортыков А.У.</i> Роль малого предпринимательства в развитии перспективных направлений сотрудничества Забайкалья с Китаем и Монголией.....	353
<i>Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю., Костина Е.Ю.</i> Студенты Дальневосточного федерального университета о социальной справедливости и неравенстве: опыт количественного анализа	355
<i>Вовженяк И.С.</i> Пространственная неоднородность экологического состояния и социальной напряженности в Приморском крае.....	358
<i>Гаврилова Н.И., Севастьянова Н.В.</i> Проблемы развития малого бизнеса в г. Иркутске: мнение предпринимателей	361
<i>Галкина А.В.</i> Виды и рост преступности как индикаторы динамики социальных потребностей населения в регионах Сибири и Дальнего Востока в XXI веке	363
<i>Гатауллина С.Ю.</i> Туризм как объект социологических исследований	366
<i>Гольцова Е.В.</i> Исследование мотивации миграционного поведения молодежи Иркутской области	368
<i>Гончарова С.В., Налунина Д.Е.</i> Вовлечённость студентов ДВФУ в международную деятельность вуза в АТР (по материалам фокус-групповых исследований).....	371
<i>Грачиков Е.Н.</i> Социология Китая: трансформация традиционных методов	374
<i>Грицких Н.В.</i> Социально-экономические проблемы Иркутской области в условиях интеграции со странами АТР	378
<i>Гусельникова Т.О.</i> Современное положение молодежи в системе трудовых отношений (на примере Иркутской области).....	380
<i>Дагбаев Э.Д., Актанов И.Г.</i> Политические аспекты социального самочувствия современной молодежи Монголии..	382
<i>Демина Ю.А.</i> Интересы России в АСЕАН и возможности углубления сотрудничества	385
<i>Ерохин А.К., Ерохина Л.Д.</i> Включенность этнического предпринимательства в социально- экономическую структуру Приморского края	388
<i>Жариков Е.П.</i> Приоритеты южных районов российского Дальнего Востока и северо-восточных провинций Китая.....	390
<i>Заяц О.В., Лю Шуанфэн, Моргун С.Э.</i> Сравнительный анализ мнения российских и китайских студентов о социально-экономических факторах конфликтности в семье.....	393
<i>Калашишникова С.М., Кудрявцева М.В.</i> Проблемы международного усыновления в России и странах АТР	396
<i>Калашишникова С.М., Мельникова Д.О.</i> Ценностные ориентации в развитии взаимоотношений между АТР и Россией.....	398
<i>Карпец О.В., Юрченко Е.С.</i> Влияние западных санкций на российско-китайское экономическое взаимодействие после вступления России в ВТО	399
<i>Коваленко С.В., Меньшиков М.Ю.</i> Качество государственных и муниципальных услуг в Приморском крае: социологические аспекты	402
<i>Ковтун Г.С., Маслов М.А.</i> Гражданская активность в СМИ как фактор международных отношений (на примере стран АТР): опыт качественного социологического исследования	405
<i>Колесниченко К.Ю.</i> Роль военнослужащих в социально-демографических процессах на российском Дальнем Востоке в 30- 90-е гг. XX века	408
<i>Кондратенко Г.В.</i> Система учёта внутренних мигрантов в Китае	410
<i>Коньков А.Т.</i> Международная миграция в Сахалинской области и проблемы адаптации этнических мигрантов	412
<i>Кориненко С.А.</i> Направления государственной политики по интеграции и адаптации мигрантов в Приморском крае.....	415
<i>Котоманова О.В.</i> Мотивация и участие женщин в управлении обществом (на примере города Улан-Удэ)..	417
<i>Кочева Е.В.</i> Межотраслевые связи России и стран АТР: оценка эффективности использования ресурсов....	419
<i>Кришкевич Е.Д., Захарченко А.В.</i> Миграционные установки молодежи города Комсомольск-на-Амуре	422
<i>Крупенёва К.А.</i> Миграционные процессы в молодежной среде на примере Иркутской области: опыт, проблемы и перспективы развития.....	425
<i>Кузина И.Г., Стеколыщикова А.А.</i> Организация деятельности по профилактике социального сиротства (на материалах эмпирического социологического исследования).....	427

<i>Кузнецова Н.В.</i> Экономическая интеграция России и АТР: современное состояние и перспективы	429
<i>Кухлевский А.Л.</i> Прогнозирование рождаемости и смертности в регионе.....	433
<i>Лесниковская Е.В.</i> АТР в свете реконцептуализации регионоведения	436
<i>Матёв Н.А.</i> Анализ деловой активности России и стран АТР: мультипликативный подход.....	437
<i>Меркушова Н.И.</i> Женское предпринимательство: состояние исследований и перспективы развития в России и Китае.....	440
<i>Миргалеев Т.Р.</i> Товарная структура экспорта Российской Федерации: состояние и перспективы развития ..	442
<i>Моисеев И.Е.</i> Пояс развития от Тихого океана до Прибалтики	444
<i>Москвин А.Н., Пургина М.М.</i> Российско-китайские отношения в современных внешнеполитических условиях	446
<i>Овчаренко Н.П., Галенко Е.В.</i> Проблемы и перспективы межкультурной коммуникации России и стран АТР в индустрии туризма и гостеприимства	449
<i>Онищенко К.С.</i> Перспектива развития туристических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея	451
<i>Осмачко Н.В., Батодоржиева О.Б., Статкевич В.В.</i> Проектирование профессиональной карьеры студентами направления подготовки «Социология»	454
<i>Осмачко Н.В., Чистик К.В.</i> Состояние и проблемы функционирования сферы занятости населения в регионах Дальневосточного федерального округа (на примере Приморского края).....	456
<i>Паначёва А.С.</i> Брендинг городов регионального значения как фактор развития межкультурного взаимодействия России в АТР	459
<i>Петрова Е.В.</i> Проблемы и перспективы взаимодействия субъектов Байкальского региона с Монголией и Китаем (на материалах социологического исследования)	462
<i>Попиль В.А.</i> Туристический вектор развития Приморья: зачем в край едут гости из стран АТР.....	465
<i>Попова Т.Н., Грудина М.В.</i> Перспективы экономического взаимодействия России и Китая	467
<i>Руденко Л.Л., Барашок И.В.</i> Проблемы социально-культурной адаптации иностранных студентов в вузе ...	470
<i>Русейшвили Е.Г., Меркушова Н.И.</i> Реализация программ превосходства в России и Китае: сравнительный анализ... 473	473
<i>Свердликова Е.А.</i> Восприятие факторов управления цепями поставок, в контексте развития Азиатско-Тихоокеанского регионального партнёрства	476
<i>Селезнева Ю.М.</i> Эффективность современных технологий содействия властных структур развитию туризма в рамках региональной политики (на примере Иркутской области).....	478
<i>Скульмовская Л.Г., Никифорова А.А.</i> Состояние, проблемы и перспективы развития туризма в Азиатско-Тихоокеанском регионе	480
<i>Соколова А.М.</i> Ценностные ориентации студентов стран АТР и России (на примере Дальневосточного федерального университета)	484
<i>Соколова М.М.</i> Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений: история, современность, перспективы.....	486
<i>Сорокина П.А., Костина Е.Ю.</i> Анализ документов как метод исследования приграничного сотрудничества.....	489
<i>Сыроед Н.С., Нестерова А.А.</i> Проблемы исследования конфликтов в российских и китайских семьях.....	491
<i>Томилов В.А.</i> Дизайн образовательного пространства стран АТР	494
<i>Трифонова Г.А.</i> Потребительские предпочтения покупателей рыбной продукции в г. Владивосток (на примере магазина «Трепанг»)	496
<i>Тупикина Е.Н., Анепкина А.А.</i> Статистический анализ расходов на здравоохранение в России и странах АТР	499
<i>Федирко О.П.</i> Социологические опросы как инструмент оценки религиозности населения СССР в 1920-1930-е гг. (на примере Дальнего Востока)	502
<i>Хышиктуев О.В., Бадмацзыренова Е.Л.</i> Международно-правовые механизмы защиты озера Байкал и перспективы российско-монгольского сотрудничества	504
<i>Цыбиков А.С., Дармаев Т.Г., Дагбаев Э.Д., Раднаев Б.А.</i> Анализ соответствий в исследовании общественного сознания молодежи Монголии	507
<i>Шаршембиева Т.С.</i> Развитие патриотизма в современном Кыргызстане	510

<i>Шахаева А.А., Гармаева Т.И.</i> Социокультурное образовательное пространство трансграничных регионов России и Китая как форма выявления позиций национальных интересов	512
<i>Шевцова А.Л.</i> Внешнеполитическая деятельность Республики Беларусь в АТР: особенности и тенденции .	514
<i>Шуст А.С., Абухович Ю.К.</i> Малазийский опыт позитивной дискриминации	516
РАЗДЕЛ 3. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ	520
<i>Абрамова М.А.</i> Проективные методы в социологии	520
<i>Акимова М.А.</i> Анализ формирования российской социально-культурной действительности.....	522
<i>Акулова А.П.</i> Семейный конфликт братьев и сестры и его отражение в балладных текстах	525
<i>Алейникова С.М.</i> «Русский мир» как модель международной интеграции.....	528
<i>Амбарова П.А., Бердышева А.С.</i> Управление временем горожан в контексте развития городской среды.....	530
<i>Андреанова В.А.</i> Исследование глобальных городов в социологии	533
<i>Анжиганова Л.В.</i> Ресурсы этнического развития: системная целостность	535
<i>Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Солонько И.В., Величко М.В.</i> Синергетический подход в исследованиях общества и его конкретные формы.....	537
<i>Арпентьева М.Р.</i> Интерсубъективные технологии управления.....	539
<i>Бадонов А.М.</i> Проблема выявления домашнего насилия в современном российском обществе	542
<i>Бальжанова А.Б.</i> Социальная активность пожилых людей в условиях региона.....	544
<i>Барбенко Я.А.</i> Функцио-статусно-ролевой набор переселенца как инструмент управления колонизацией (на историческом опыте Дальнего Востока России	547
<i>Батьянова Л.Н.</i> Социокультурная солидарность как способ возрождения социальной безопасности России	550
<i>Белинская Д.В., Говердовская М.А.</i> Социальные зоны города (на примере г. Мичуринска).....	552
<i>Богатова О.А.</i> Условия и результаты формирования российской национально-гражданской идентичности в Республике в составе Российской Федерации (по данным качественного социологического исследования)	554
<i>Бреславский А.С.</i> Картографирование геокультурных образов города (на примере Улан-Удэ).....	557
<i>Вершинина И.А.</i> Междисциплинарный подход к изучению городского пространства	560
<i>Ворошилова А.И., Мосеева П.С.</i> Родительство и родительский труд в крупной социальной сети.....	563
<i>Габриелян О.А., Гаспарян М.В.</i> К методике исследования топологических моделей реального и виртуального социопространств (на примере Крыма).....	565
<i>Гавриленко О.В., Маркеева А.В.</i> Вызовы технологической революции 4.0: форсайт-технологии в деятельности современных организаций	567
<i>Герасимов А.В.</i> Создание виртуальных музеев как перспектива применения ИКТ в школьном образовании.....	570
<i>Голубев С.В.</i> Образование как институт социализации: теоретико-социологический анализ	573
<i>Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г.</i> Виртуальные среды как инструмент расширения социального пространства людей с ограниченными возможностями по зрению	575
<i>Горбачева Н.Б.</i> Современный взгляд на социализацию личности сквозь призму межпоколенческого взаимодействия	578
<i>Горбункова Д.Н.</i> Отношение студентов к научной работе: исследование методом Стефенсона	580
<i>Гримов О.А.</i> Развитие сетевых теорий в социологии.....	583
<i>Гринкевич О.В.</i> Элементы образа будущего в представлениях студенческой молодежи БГУ	585
<i>Данилова С.В.</i> Использование интент-анализа в социально-психологических исследованиях	588
<i>Данильченко М.</i> Социокультурные особенности общества в оценке качества жизни	591
<i>Дарижапова М.Н.</i> Самоотношение как компонент самосознания	593
<i>Джелилов А.А.</i> Социокультурная парадигма в зеркале фразеологии крымскотатарского, английского и китайского языков	596
<i>Докучаев И.И.</i> Модели и моделирование в социокультурных практиках.....	599
<i>Долгаева Е.И.</i> Условия развития этносов в Республике Мордовия: результаты фокус-группового исследования	602
<i>Загутин Д.С., Маяцкая И.А.</i> Математическая интерпретация схемы-модели развития творческой деятельности молодежи с помощью теории графов	605

<i>Заяц О.В., Анкудинов И.И.</i> К вопросу об использовании междисциплинарного подхода к изучению семейных конфликтов	608
<i>Змиевский П.В.</i> Субкультура геймеров	610
<i>Иванов Р.В.</i> Герои нашего времени: по материалам современных фильмов.....	612
<i>Калашиникова С.М., Ледовская Д.С.</i> Роль социологии в развитии творческих способностей личности в современной России.....	615
<i>Касаткина Е.Д.</i> Коммуникативные стратегии аттракции как объект изучения социальных наук	617
<i>Кишкин М.И.</i> Анализ визуальных источников в исследовании проблемы социального здоровья (на примере граффити-рейтинга)	619
<i>Ковтун Г.С., Котков Д.А.</i> Девиантологическая модель профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете.....	621
<i>Козырев Г.И.</i> Коммуникация сотрудничества и вражды.....	624
<i>Колесникова Г.И.</i> Социальное мифотворчество и массовое сознание в современной России.....	627
<i>Комарова А.Н.</i> Социальное здоровье как многокомпонентная система	630
<i>Комплектова А.В., Ардальянова А.Ю.</i> Количественные и качественные социологические методы в управлении персоналом: исследовательские и практические задачи.....	633
<i>Коноплева А.А.</i> Анализ применения качественных методов к изучению проблем культурантропологии как разделу философского знания	634
<i>Копрянцева М.В.</i> Глобализация как фактор влияния на культурную идентичность	636
<i>Кривоносова Л.А.</i> Социологическая направленность общественной экспертизы социальных программ регионального развития.....	638
<i>Кривошеев В.В.</i> Фантомы электронной культуры.....	640
<i>Крикунова Ю.А.</i> Жизненный путь телеведущего: опыт качественного исследования	643
<i>Ксенофонтова Е.Г.</i> Методика ЭДСО: экспресс-диагностика социальной общности	646
<i>Кудрявцев В.А.</i> Русская классическая социальная мысль и задачи отечественной междисциплинарной персоналистической социологии	648
<i>Кузнецова И.В.</i> Теоретические и эмпирические методы исследования предпринимательства	651
<i>Купряшкин И.В.</i> Основной принцип синергетики и модель научного исследования	653
<i>Лепин А.П.</i> «Азиатская» социально-политическая мысль в контексте дихотомии «Запад – Восток»	655
<i>Лыкова В.В.</i> Историческая память как процесс с точки зрения синергетики.....	657
<i>Макеева Н.А.</i> Профессиональная культура школьного учительства и пути её формирования	660
<i>Мищенко А.С.</i> Наднациональные культурные компетенции российских граждан как основа взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.....	662
<i>Могина О.А.</i> Студенческая молодежь как субъект формирования городского пространства (на примере г. Саранска)..	665
<i>Монина Н.П.</i> Соборность как исходная социальная ценность аксиосферы русской православной культуры	666
<i>Мурашова Л.С.</i> Роль социогуманитарных наук в современных классических университетах.....	669
<i>Назаретян А.П.</i> Глобальные сценарии XXI века: загадка сингулярности	670
<i>Нефедев С.Н.</i> Концепт структурной модели в качественных социологических исследованиях	674
<i>Никитенко В.Н.</i> Дальневосточный субэтнос: становление и эволюция	677
<i>Ондар У.О.</i> Точки роста в ситуации выживания или как выжить пожилому человеку в глубинке	679
<i>Осмачко Н.В., Кузнецова Л.П.</i> Эксперты о миссии высшего социогуманитарного образования и её реализации на российском Дальнем Востоке	681
<i>Остовская А.А.</i> Особенности применения регионального форсайта органами публичного управления.....	684
<i>Панфилова А.О., Стешенко В.А.</i> Возможности формирования синергетического эффекта в развитии мотивации персонала	686
<i>Подъячев К.В.</i> О применении качественной (визуальной) социологии при анализе социального развития регионов России	688

<i>Попов М.В.</i> Всемирно-историческое значение третьей русской революции.....	691
<i>Проноза Е.В., Проноза А.В.</i> Особенности лингвокультурной коммуникации в многонациональном экипаже.....	694
<i>Пыстогова Е.А.</i> Социальное картирование как метод исследования качества жизни населения регионов России.....	697
<i>Рерке В.И.</i> Социально-психологическое сопровождение замещающих семей	701
<i>Савельева Ж.В.</i> Здоровье студентов в вузе: гуманистическая стратегия и методика исследования	703
<i>Сакун Д.И.</i> Компьютерная зависимость: социальная проблема или выдумка	706
<i>Самойленко П.Ю.</i> Современные медиа как зеркало социальных процессов.....	709
<i>Сенченко О.И.</i> Личностное развитие специалиста как одна из социальных проблем современного общества	711
<i>Скуденков В.А.</i> Экономические притязания россиян в период санкций против России	713
<i>Соболева С.В.</i> Социальная работа в пенитенциарных учреждениях на примере СИЗО-1 г. Якутска.....	716
<i>Сыроед Н.С., Деменок А.С.</i> Достоинства качественных методов в социологических исследованиях.....	719
<i>Тарасов В.И., Нехайчук Ю.С.</i> Концептуальные основы общественного благосостояния	721
<i>Титова М.А.</i> Проектирование социальной среды: место образовательных структур в современных населенных пунктах	723
<i>Толвайшиц Л.</i> Исследование становления исторической идентичности косовских сербов в послевоенный период методом нарративного анализа	726
<i>Трофимова Е.Л.</i> Уровень гражданской идентичности солдат срочной службы	728
<i>Трунёв С.И., Антониук Е.Ю.</i> Визуальная социология и ахиллесова пята герменевтики.....	731
<i>Уваров Е.А.</i> Деструкция социальной среды в аспекте развёртывания современного жизненного пространства	733
<i>Файзуллин Ф.С.</i> Проблемы воспроизводства национальной научно-технической интеллигенции в регионе	735
<i>Филипова А.Г., Еськва А.В.</i> Социальный потенциал детства в регионе: от онтологии предметной области к экспертным оценкам	737
<i>Филипова А.Г., Штефан Ч.А., Еськова А.В.</i> Когнитивное моделирование: возможности изучения социального потенциала региона.....	740
<i>Хабибуллина З.Н.</i> Синергетическое осмысление идей русского космизма.....	744
<i>Хасанова А.Г., Шарипов А.Р.</i> К истории веротерпимости и толерантности.	746
<i>Цветкова И.В.</i> Моделирование дискурса инновационного развития	748
<i>Чукреева Л.Н., Пикула А.О.</i> Опыт работы дошкольных образовательных учреждений с детьми из неблагополучных семей (по материалам социологического исследования)	751
<i>Шаповалова П.В., Каплун О.Ю.</i> Формирование лидерских качеств у студентов: теория и практика	754
<i>Шарипов А.Р., Хасанова А.Г.</i> Влияние международного капитала на национальную экономику и национальное самосознание.....	755
<i>Шендрикова С.П.</i> Благотворительная деятельность театральных коллективов Крыма в решении социальных вопросов полуострова в XIX-XX вв.	758
<i>Шимельфениг О.В.</i> Математическая модель внутренней позиции личности.....	760
<i>Широкалова Г.С.</i> Государство: грани отчуждения	763
<i>Эрлих П. В., Лебедева Г.Н.</i> Глобализация как фактор влияния на возможности человека	766
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	768

РАЗДЕЛ 1. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Абросимова Е.Е.

Проблема обеспечения безопасности во всех сферах человеческой жизни становится все более актуальной, что в свою очередь порождает необходимость формирования теоретических знаний о факторах, сущности и структуре безопасности жизнедеятельности; знаний, обеспечивающих понимание проблем личной, общественной и государственной безопасности и способов личной подготовки к их решению; умений и навыков выявления и предотвращения опасности, обеспечения личной безопасности; готовности к безопасному поведению.

В настоящее время мировые тенденции развития значительно увеличивают риски и угрозы безопасности человека и расширяют масштабы их возможных последствий. Усложняется задача обеспечения безопасности человека, становится актуальной проблема выявления и предупреждения рисков и угроз [1].

Потребность в безопасности является одной из фундаментальных потребностей человека, при этом удовлетворение данной потребности в современном мире напрямую зависит от организации социальной среды. Образовательная безопасность становится объектом исследования общественных наук в целом и социологии в частности. Между тем, анализ образовательного процесса с точки зрения безопасности его участников является сравнительно новым направлением социологических исследований.

В современных условиях государственная система образования осталась единственным, по сути, институтом, формирующим духовные основы личности, на фоне не всегда позитивных информационных потоков СМИ, культурной и религиозной разобщенности. Кроме того, процесс образования является достаточно продолжительным периодом в жизни любого современного человека, и поэтому понятие «образовательной безопасности» становится неотъемлемым аспектом качественного образования.

В рамках понятия образовательная безопасность нельзя делать акцент исключительно, на одном параметре безопасности. Образовательная безопасность должна рассматриваться комплексно и содержать все необходимые характеристики, позволяющие достаточно полно и точно описать данное понятие. Это обоснованно и прикладным характером.

Введение точных и конкретных параметров, по которым необходимо оценивать уровень образовательной безопасности, позволит регулировать и контролировать реализацию данных норм. Это обеспечит целостность содержания образования, форм, методов, условий жизнедеятельности образовательного учреждения; защищенность жизненно важных интересов обучающихся, социально-экономические и правовые гарантии реализации конституционных прав и свобод студентов [2].

Систематизация характеристик должна проводиться по основным направлениям, т.е. понятие «образовательная безопасность» должно изучаться по трем основным теоретическим аспектам безопасности образования современного российского студента: психологическая безопасность, бытовая безопасность и социальная безопасность.

Психологическая безопасность трактуется как определенное психологическое состояние, при котором человек адекватно реагирует на возникающие угрозы и опасности. Особенностью данного аспекта комплексного понятия «безопасность образования» заключается в том, что психологические угрозы проявляются не так отчетливо и явно, как физические опасности, а знания о них у большинства людей практически отсутствуют. В процессе обучения студент сталкивается с большим количеством стрессовых ситуаций. Под стрессовыми ситуациями можно понимать и сдачу экзаменов непосредственно для поступления в высшее учебное заведение, и экзаменационные сессии, и различного рода испытания, которые современные студенты проходят в процессе обучения. То,

каким образом личность студента реагирует на данные ситуации, зачастую зависит от внешней среды и окружающих его людей.

Бытовая безопасность определена как возможность чувствовать себя защищенным непосредственно в образовательном учреждении. Этот аспект неразрывно связан с аспектом психологической безопасности, однако имеет ряд своих особенностей. Находясь большую часть своего времени в стенах вуза, а иногородние студенты и проживают в общежитие, студент должен понимать, что не подвергнется физической опасности. В современном мире угроза физической опасности в местах массового скопления людей становится все более реальной и актуальной. Здесь встает вопрос достаточно широкого масштаба: от проблем терроризма до качества инфраструктуры вуза.

Социальную безопасность следует понимать, как возможность студента использовать полученные знания и навыки для дальнейшей реализации своих возможностей. Ведь по окончании высшего учебного заведения у человека в идеале должно быть больше возможностей для самореализации в профессиональном плане, нежели у человека без высшего образования. Таким образом, высшее образование должно выполнять функцию «социального лифта», который позволит студенту чувствовать себя более уверенным и защищенным, т.е. находиться в более безопасной ситуации.

Социологические исследования проблем развития современного общества показывают, что преимущественная часть угроз и рисков для него возникает в результате происходящих социальных трансформаций [3]. И если рассматривать образование как процесс, то становится очевидно, что именно этот период в жизни человека содержит наибольшее количество возможностей и предпосылок для различного рода трансформаций и изменений. Именно поэтому процесс получения образования для многих людей становится очень важным с точки зрения потенциальных угроз.

Изучая процесс образования с позиции безопасности, появляется возможность выстроить образовательный процесс максимально комфортно и продуктивно, что в свою очередь позволит субъектам образовательного процесса получить максимально эффективный продукт по окончании образования, а так же возможность реализовывать свой потенциал в рамках выбранной профессии. Специалисты, не просто получающие диплом, а имеющие качественные знания и навыки, смогут внести свой весомый вклад в дальнейшее развития страны на различных уровнях экономики. Таким образом, социологический анализ понятия «образовательная безопасность» носит не только научную значимость, но и представляет прикладную ценность.

Анализируя методологию исследования проблемы образовательной безопасности следует отметить, что наиболее удачными в данном случае выступают методы моделирования. Моделирование безопасной образовательной траектории обучающегося на основе социологических данных, полученных в ходе массовых опросов, фокус-групп и наблюдения, позволяет выделить основные зоны комфорта и риска образовательного пространства, выявить основные тенденции и направления развития студенческого социума.

Библиографический список:

1. Биктимирова З.З. Безопасность в концепции развития человека // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 135-142.
2. Писарь О. В. Безопасность личности как целостное интегральное качество // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2008. № 12. С. 47-56.
3. Зинченко Н.И. Обеспечение безопасности личности, общества и государства: концептуально-теоретический аспект // *Социально-гуманитарные знания*. 2006. № 6. С. 175-188.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСТОРАННОМ БИЗНЕСЕ

Авраменко Е.В.

Основной характеристикой нынешней мировой экономики, является ускорение хода событий и рост неопределённости. Растёт конкуренция на рынках, снижается продолжительность жизненного цикла продукции, новые технологии позволяют модифицировать принципы ведения бизнеса. В некотором роде, эти изменения положительно влияют на рост производительности общественного труда, но в тоже время могут привести к увеличению рисков ведения бизнеса и экономическим кризисам. В последние годы кризисы происходят как на уровне национальных экономических систем, так и на уровне отдельных предприятий, что приводит к увеличению числа банкротств.

Все компании, как российские, так и зарубежные проходят кризисные периоды. Но если западные компании имеют достаточно опыта для преодоления проблем, то у нас такого опыта мало. Хотя, на сегодняшний день российские компании организуют меры по антикризисному управлению, но только по линии финансового менеджмента.

Жёсткая конкуренция на внутреннем рынке и непростая ситуация в мировой экономике вынуждают владельцев ресторанов продумывать каждый шаг в развитии бизнеса. В ход идут и особый сервис, специальные праздничные акции.

Цель статьи – определение составляющих кризиса ресторанного предприятия.

Экономические кризисы на предприятии вызваны как развитием ситуации во внешнем окружении, так и внутренними причинами, чаще всего связанными, с ошибками в управлении. Кризисы зарождаются и формируются по определённым законам, проходя в своём развитии несколько стадий.

Самыми известными в этой области можно считать работы В.Кристэка и Г. Мюллера.

Рассмотрим стадии развития кризиса с точки зрения его агрегированного состояния [1].

1. Потенциальный кризис. Кризис предприятия как процесс находит свое начало в фазе потенциального кризиса. Так как любая экономическая система работает в условиях ограниченности ресурсов, то можно сделать вывод, что любой хозяйствующий субъект прибывает в состоянии кризиса. Если нехватка ресурсов отрицательно не отражается на работе экономической системы, можно сказать о стадии потенциального кризиса. Фазу потенциального кризиса ресторан проходит в период появления на рынке, когда вложенные на открытие средства ещё не приносят прибыли.

2. Латентный кризис. Мюллер назвал данную стадию стратегическим кризисом. Он считал, что стратегический кризис наступает тогда, когда потенциал развития предприятия значительно истощён и нет возможности создать новый. Этот кризис образуется на предприятии, когда ресторан находится на рынке продолжительное количество времени и потребитель уже успел пресытиться, а ресторан не может предложить ничего нового, вследствие чего теряет часть прибыли.

3. Острый преодолимый кризис. На этом этапе организация начинает ощущать неблагоприятное воздействие, исходящее от кризиса. На данной стадии предприятию грозит текущая неплатежеспособность, если руководство не сможет погасить все долги, возникшие из-за увеличения убытков на предприятии. Она может быть только временной и устраняется различными мерами. На ресторанном предприятии этот кризис возникает, если не было принято никаких решений на предыдущем этапе.

4. Острый непреодолимый кризис. Если предприятию не удаётся преодолеть острый кризис, то оно вступает в последнюю стадию кризисного процесса. Острый непреодолимый кризис предполагает, что нехватка ресурсов на предприятии достигла размеров, невозможных для его дальнейшего функционирования. Этот этап на ресторанном предприятии характеризуется отсутствием прибыли, даже после предприятий, проведённых с целью реабилитации.

В современных рыночных условиях многие предприятия сталкиваются с кризисами, которые отражают собственные темпы развития каждой обособленной организации, часто не совпадающие с темпами общего развития или развития других организаций [2].

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Выявлено, что в основе антикризисной политики лежит управление, которое базируется на постоянном мониторинге деятельности организации с целью своевременного диагностирования причин ухудшения финансового состояния и определения путей его восстановления, а также экономического роста и развития предприятия.

При наступлении кризисных ситуаций необходимо иметь запасные резервы для их преодоления, а также владеть системой управления для осуществления деятельности организации в условиях наступившего кризиса. Из этого следует, что проявление кризисных ситуаций на предприятии требует радикальных мер, чтобы сохранить место на рынке, так как в противном случае – предприятие ждёт ликвидация.

Библиографический список:

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: «Дело», 2008. 702 с.
2. Кабушкин Н.И., Бондаренко Г.А. Менеджмент гостиниц и ресторанов. М.: Новое знание-Москва, 2009. 368 с.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ЭТНИЧНОСТЬ» И «ПОЛИТИКА» В РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Адиев А.З.

В современной политической науке и практике утвердилось мнение, что не нации создают государства, а наоборот, государства «конструируют» (воспитывают) собственные нации на базе этнического, языкового, конфессионального большинства. К примеру, в документе, определяющем государственную национальную политику Российской Федерации, написано, что *«российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов»* [1]. Тем самым отношение власти (большинства) к меньшинствам – людям той или иной этнической и расовой принадлежности в полиэтничных странах – становится одним из важных показателей зрелости гражданского общества и состояния демократии в современных государствах. Поэтому не случайно общим достоянием российской нации власть признает многообразие этнического состава и религиозной принадлежности населения страны, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия народов России.

Вместе с тем, во многих странах мира вопросы соотношения этничности и власти не решаются без проблем и зачастую приводят к затяжным и кровопролитным конфликтам. Печальным примером служат украинские события последних лет. Сторонники политики украинского этнического национализма, захватившие ресурсы государственной власти, в попытке объединения населения страны вокруг этой идеи развязали гражданскую войну, и вместо общенационального объединения украинское общество раскололось по этническому, региональному и языковому признакам. И сейчас, по мнению Л.М. Дробизевой, политика власти по отношению к меньшинствам – это одна из моральных и политических проблем, стоящих в современном мире на повестке дня [2].

Оптимальное соотношение демократии (власть большинства и принцип: один человек – один голос) и учёта интересов этнических меньшинств в полиэтничных государствах занимало умы многих философов и политологов. А. Лейпхарт, автор теории consociational democracy, на основе сравнительных исследований опыта политического развития Австрии, Бельгии, Канады, Нидерландов и Швейцарии поставил под сомнение целесообразность прямого транзита институтов классической демократии в страны, для которых характерна фрагментарность политической культуры [3, с. 126]. Прямые копирования демократических институтов англо-американского происхождения в полиэтничные и поликонфессиональные страны Европы, Азии и Ближнего Востока

становятся, по мнению исследователя, факторами политической нестабильности в этих регионах. В таких государствах легитимность власти обеспечивается не простым волеизъявлением большинства, а формированием большой коалиции и институтами представительства, обеспечивающими учёт интересов основных сегментов общества. В работах А. Лейпхарта, Д. Горовица, Б. Андерсона и многих других показаны ограничения демократии: мажоритарная система (один человек – один голос) никогда не обеспечит учёта интересов меньшинств в органах государственной власти, а в современном обществе, наряду с правами человека, приоритетными стали и «права меньшинств», что приводит к актуализации политической роли этничности.

Этничность проявляется в различных жизненных обстоятельствах. Она воплощается в повседневных контактах, культурных идиомах и стереотипах, когнитивных схемах, личных жизненных стратегиях и поведении, сигналах во взаимодействии, социальных сетях и институциональных формах. Вместе с тем, академический интерес политологов к данной категории связан с воплощением и выражением этничности в политических проектах и националистической риторике. Являясь мощным политическим ресурсом, этничность используется для завоевания и удержания власти. Более того, в реализации националистических политических проектов в ряде стран она выполняет функцию легитиматора власти и во многих случаях используется для легитимации самого государства. Усиление политического значения этнической идентичности наблюдается во многих регионах мира, в том числе и на Западе, и сегодня политизация этнокультурных различий становится одной из ключевых тенденций политического развития в глобальном масштабе.

Политизированная этничность – это ресурс в борьбе за власть и статус группы. Идеологическим аргументом в пользу повышения статуса является убеждение о том, что этнос – не только культурная общность (люди, объединенные общностью языка, обычаев, традиций, и т.п.). У неё широкие интересы во всех сферах, в том числе экономике и политике, защищать и реализовывать которые можно только с помощью юридически закреплённого надежного статуса, полученного политическими методами. Политизация этничности приводит к тому, что этническая идентичность оказывается более значимой, чем гражданская в политических взаимодействиях, т.е. люди в своём политическом поведении (голосование, участие в протестных акциях и публичной политике) исходят из этнической групповой идентичности, а не гражданской. Политические взаимодействия тем самым осмысливаются не как взаимодействия равных и свободных индивидов по поводу политических курсов, формирования органов власти и других публичных проблем. Они воспринимаются гражданами в терминах «мы – они», где этническая группа – «мы» – противопоставлена другим гражданам – «они». Наиболее очевидные формы проявления политизации этнической идентичности – создание и функционирование этнических партий, этническое голосование, этнополитические конфликты.

Таким образом, политизация этничности означает, что этничность приобретает значение при распределении властных позиций. Это не обязательно приводит к кровавым конфликтам, но каждое государство выстраивает свою национальную политику, исходя из того, что политизация этничности всегда представляет собой проблему. Исходя из данного предположения, государства, по мнению профессора П.В. Панова [4, с. 150], могут принять одно из четырёх решений. Первое – «закрывать глаза», т.е. не замечать политизацию этничности. Второе – предпринимать целенаправленные усилия по деполитизации этничности, стремясь интегрировать политизированную этническую группу в лоно гражданской нации. Третье – «наказать» политизированную этническую группу, исключив её из национальной политики. Четвёртое – включить этнические группы в политику, что проявляется, прежде всего, в учете этнического фактора при распределении властных позиций.

В России, на наш взгляд, реализуются второй и четвёртый варианты из перечисленных. Причём, политика интеграции этнических групп в единой гражданской нации реализуется на федеральном уровне, а неформальный учёт этнического фактора при распределении властных позиций осуществляется на уровне субъектов, особенно в национальных республиках. В России проблематике этничности придается политическое значение, и в этой сфере государством проделана огромная работа. В результате принятых мер по укреплению российской государственности удалось преодолеть дезинтеграционные процессы и создать предпосылки для развития общероссийского

гражданского самосознания на основе общей судьбы народов России, укрепления национального согласия и духовной общности населяющих ее народов.

К настоящему времени в России создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, соответствующие подразделения в Администрации Президента РФ и Аппарате Правительства РФ. В структуре Правительства РФ определён федеральный орган исполнительной власти (Федеральное агентство по делам национальностей), ответственный за выработку политики и нормативно-правовое регулирование в сфере государственной национальной политики, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов. В 2012 г. в России принята Стратегия государственной национальной политики, которая рамочно определяет принципы, приоритетные цели и задачи, а также механизмы реализации этой политики до 2025 года. В качестве основных инструментов реализации данной стратегии на местах и в масштабах всей страны предполагается использовать долгосрочные целевые программы по гармонизации межэтнических отношений. Почти во всех субъектах РФ реализовываются целевые программы в указанной сфере, планируются и осуществляются комплексы мероприятий в рамках данных программ. Все эти меры государственной власти показывают, насколько актуальной и приоритетной становится для нее национальная политика, политика по гармонизации межэтнических отношений в стране.

Формирование гражданской нации в многонациональном государстве в любом случае предполагает взаимную интеграцию и определённую ассимиляцию меньшинств в государствообразующем этносе. И только когда данный процесс социально объективен и протекает без элементов дискриминации отдельных этнических, конфессиональных и языковых групп, можно говорить о построении гражданской нации. В противном случае мы, скорее всего, имеем дело с обыкновенным этническим национализмом.

Этничность, конечно же, является важным политическим ресурсом. Её активно эксплуатируют политики для завоевания и удержания власти. Но в полиэтничных странах и регионах политические ресурсы этничности не безграничны. Эти ресурсы могут возрастать в кризисные и переходные эпохи, когда группа ищет политическую опору в культурно близкой среде и в лидерах, с которыми солидарны не только в политическом плане, но и в этнокультурном. В демократически устроенном сообществе и в толерантной среде разыгрывание этнической карты может, наоборот, нанести непоправимый ущерб политике. Этничность становится востребованной политиками на начальных этапах государственного строительства или после восстановления государственной независимости, когда идет активный поиск государственной идеологии и государственных символов. В иное время значение этничности может ослабевать, но всегда существуют возможности ее актуализации как реакция местных сообществ на ущемление их интересов или как форма социального протеста.

Библиографический список:

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Дробижева Л.М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/610/692/1219/028.DROBIZHEVA.pdf>
3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Изд-во Аспект-Пресс, 1997. 287с.
4. Панов П.В. Этничность и распределение властных позиций в полиэтничном обществе: проблемы и решения // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М: Аспект-Пресс, 2015. С. 148-158.

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ*

Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.

Национальные системы высшего образования нуждаются в высококачественном человеческом капитале, не только преподавателей, но и студентов. Способность университетов отвечать на вызовы нелинейного социального окружения обеспечивается новым пониманием ресурсов, находящихся в их распоряжении. Студенты – это не только образовательные группы и потребители образовательных услуг. Они являются носителями уникального человеческого капитала, который выращивается в университетской среде и отличается спецификой своего социального времени. В условиях экономического кризиса и перехода к информационному обществу возникает особый вектор поиска новых ресурсов. К таким новым ресурсам Дж. Урри, З. Бауман, М. Кастельс относят социальное время, находящееся в инкорпорированном состоянии [2; 3; 4].

Время как элемент человеческого капитала студентов воплощается в таких основных формах, как бюджет времени, темпоральные способности, темпоральные стратегии поведения, возраст. Рациональное использование времени (во всех четырех его формах) позволяет конвертировать его в другие виды человеческого капитала, такие как образовательный, интеллектуальный, культурный, креативный капитал, здоровье студентов. Результатом такой конвертации являются временные инвестиции, которые дают не меньшую отдачу, чем финансовые. Проблема состоит в том, что этот процесс временного инвестирования не экономический и не технологический, а социальный. Значит, он детерминирован темпоральным сознанием студентов, пониманием ими потенциала времени для развития их человеческого капитала. Именно эта проблема требует своего изучения и интерпретации [см: 1]. Другой аспект проблемы заключается в том, насколько университет может создать условия для формирования конструктивных темпоральных практик студентов, их культуры времени.

Цель статьи состоит в представлении ключевых выводов по эмпирическому исследованию темпоральных характеристик человеческого капитала российских студентов. Эмпирической базой исследования стали результаты анкетного опроса студентов 11 государственных вузов г. Екатеринбурга. Екатеринбург является одним из ведущих российских образовательных центров. В Уральском регионе сосредоточено около 70 университетов, большая часть которых сконцентрирована в Екатеринбурге. Объем выборки при анкетном опросе студентов Екатеринбурга составил 1200 человек. Применялась двухступенчатая стратифицированная выборка, в которой были представлены студенты всех основных профилей обучения (технического, естественнонаучного, гуманитарного и социально-экономического). Ошибка выборки составила 3 %. Дополнительными методами являлись наблюдение за образовательными практиками в уральских университетах и анализ документов, регламентирующих организацию жизнедеятельности студентов в университете.

Один из результатов эмпирического исследования – определение объектов временных инвестиций. Другими словами, мы определили, в какие виды человеческого капитала конвертируют свое время студенты.

Образовательный капитал. Большая часть времени студентов занята учебной деятельностью. Мотивированные на хорошую учебу студенты затрачивают на этот вид деятельности до 10 часов времени ежедневно: 6–7 часов аудиторных занятий и 2–3 часа внеаудиторной домашней работы. «Плохие» студенты затрачивают намного меньше времени. Они пропускают занятия, не выполняют домашнее задание. Это сказывается на качестве получаемого образования и, следовательно, их образовательного капитала. Кроме того, примерно 15% опрошенных студентов тратят время на дополнительное образование.

Профессиональный капитал. В последние годы в России получила массовое распространение практика вторичной занятости студентов. Среди важных мотивов выбора вторичной занятости у студентов уральских вузов стоят: желание быть материально независимым (64%), получить опыт

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределённости»)

работы для дальнейшего трудоустройства (45,4%) и как можно раньше начать профессиональную карьеру (26,9%). В среднем на работу студенту тратят 15 часов свободного времени в неделю.

Культурный капитал. Студенты составляют примерно 1/3 часть посетителей театров и музеев. Это та часть активных в культурном отношении студентов, которая стабильно выделяет в своем бюджете времени часы для культурного досуга. Конвертация времени в культурный капитал студентов носит как индивидуальный характер, так и организованный: посещение театров, музеев, культурных центров вписано в план работы кураторов студенческих групп и университетских активистов, занимающихся организацией воспитательной работы в университете. По мнению другой части студентов (65%), огромную часть времени «пожирает» непродуктивный досуг: разговоры по телефону, общение в соцсетях, интернет-игры. По оценкам этой группы студентов, они могут тратить на непродуктивный досуг 4–5 часов в день, жертвуя сном, учебой, выполнением бытовых обязанностей.

Физический капитал, капитал здоровья. По нашим данным, около 54% студентов занимаются физкультурой и спортом эпизодически, 34% вообще не тратят на это время. Систематически выделяют в бюджете времени часы на физкультуру и спорт около 12%. Но физический капитал и здоровье студентов требуют не только физической активности, но и времени на приготовление полезной еды, прогулки. Однако, по их мнению, на покупку продуктов и приготовление здоровой еды «им жалко времени».

Социальный капитал. Практически во всех государственных университетах Екатеринбурга созданы студенческие профсоюзы, волонтерские организации, существуют проекты, обеспечивающие интеграцию студентов в структуры гражданского общества. Опрошенные нами студенты (от 15 до 50%) вовлечены на постоянной основе (15%) или эпизодически (50%) в общественную деятельность. Время, затраченное на этот вид внеучебной работы, трактуется студентами как важный способ накопления социального опыта, приобретения полезных связей, контактов, формирования капитала доверия к ним.

Для высококачественного креативного, культурного, социального, физического капитала студентов должна быть сформирована соответствующая мотивация, связанная с отношением к времени как ресурсу. В связи с этим нам важно было изучить не только, сколько времени тратится на тот или иной вид капитала, но и почему студенты это делают, от чего это зависит, сознательно ли или под влиянием каких-то нерациональных мотивов (подражание, семейные привычки).

Понимание студентами ценности времени мы определяли через соотнесение его с другими факторами достижения успеха. Результаты исследования показали, что время было поставлено не на первые позиции (их заняли не менее важные, но традиционные ресурсы, прежде всего профессиональные и личные психологические качества, а также деньги). Это означает, что время не расценивается значительной частью студенческой молодежи в качестве стратегического капитала, необходимого для достижения успеха в жизни. Мы полагаем, что это не случайно. Полученные данные отражают ценностную картину мира, характерную и для других социальных общностей. Наше исследование темпоральных стратегий поведения некоторых из них показало, что в большинстве случаев время как ценность, как капитал еще не проявило себя в должной мере.

Философия времени как базовый элемент темпоральной стратегии поведения студентов исследовалась нами также через подбор афористичных определений и метафор времени. Систему темпоральных метафор мы разбили на три смысловых блока: 1) время – деньги; 2) время – внешний фактор; 3) время – фактор развития личности. В результате обнаружилось противоречие: студенты на первое место поставили определение времени как *ресурса личностного и профессионального развития*, несмотря на то, что ответы на другой вопрос, косвенно фиксирующий тот же самый смысл и функцию социального времени, показывали иное понимание.

Анализ данных исследования показывает, что студенты в целом положительно воспринимают фактор времени (первые пять позиций заняли позитивно окрашенные метафоры, последние три – содержащие негативные характеристики). Это связано с тем, что молодежь более оптимистично, чем другие поколенческие общности, смотрит на настоящее. Одной из основных причин этого является

наличие у нее «в запасе» большого резерва жизненного, биологического времени. Вместе с тем, полученные данные свидетельствуют о том, что темпоральное сознание студентов противоречиво. С одной стороны, они осознают и декларируют ценность времени, с другой, в реальной практике относятся к нему как к неисчерпаемому и малозначимому ресурсу, предпочитая сосредоточить внимание на других факторах жизненного продвижения.

Мы фиксируем, что над студентами довлеет социальная норма: время нельзя тратить попусту, поэтому они считают, что время является ресурсом их личностного и профессионального роста. Однако в реальности тех, кто мотивирован на рациональное использование времени, немного. У многих студентов возникает острый дефицит времени из-за того, что они не планируют его, не имеют ежедневников, не планируют цели своей деятельности на перспективу.

Опрос достаточно четко показал, в каких сферах жизни студенты испытывают серьезный дефицит времени. На первом месте стоит недостаток времени для отдыха, его испытывают 40% опрошенных. Для удовлетворения витальных потребностей (во сне, пище и других физиологических потребностей) времени не хватает у 32%. Почти треть студентов (30%) отметила острую нехватку времени для личностного развития. Причины такой ситуации, казалось бы, лежат на поверхности. Это серьезный объем учебной (аудиторной и внеаудиторной) нагрузки, двойная занятость большинства студентов (совмещение учебы и работы), для определенной их части это участие в активной общественной жизни внутри и вне вуза. В то же время исследование показало, что главной причиной дефицита времени большинства студентов является отсутствие навыков эффективного управления временем.

Поведенческие тенденции проявляются в определенных темпоральных ситуациях. В ситуации дефицита времени дискомфорт ощущает большинство студентов (65%), в то время как в ситуации вынужденного безделья хорошо себя чувствует 42% ответивших.

Другим поведенческим показателем значимости времени выступает умение и желание его планировать. Примерно треть опрошенных студентов считает, что планирование времени обязательно для любого современного человека, но еще больше (49%) полагают, что оно не обязательно для всех людей (только для тех, кто особо ценит время). Почти 15% студентов вообще считают, что планирование времени не обязательно («планируй – не планируй, жизнь все равно нарушит все планы»).

Практически во всех сферах своей жизни больше половины опрошенных лишь прикидывают примерный план, а для общения и удовлетворения физиологических потребностей время вовсе и не планируют. Поэтому только немногочисленной группе студентов (13%) удаётся всегда точно рассчитать время на осуществление различных дел, остальные же вынуждены ускорять их выполнение (59%) или увеличивать сроки (23%). Невысокая ценность планирования, характерная для российской культуры, проявляется в темпоральном поведении студенчества и обуславливает отсутствие у большей части представителей данной общности потребности в совершенствовании навыков тайм-менеджмента. Только 18% опрошенных студентов заявили об острой потребности в этом, в то время как около четверти сообщили о полном отсутствии таковой. Проанализированный срез темпоральной стратегии поведения студентов показывает традиционную «проблему времени», вызванную несформированностью умений управления ресурсами времени, а главным отсутствием потребности в этом.

Время как элемент человеческого капитала студентов в своей структуре имеет управляемые и неуправляемые компоненты. Возрастом нельзя управлять, но можно управлять бюджетом времени и темпоральным поведением студентов. В управлении временем студентов можно использовать образовательные ресурсы. Это средства, силы и возможности, связанные с взаимодействием образовательных общностей. Они могут быть мобилизованы администрацией университета для регулирования проблемной ситуации.

К образовательным ресурсам, способным формировать у студентов культуру времени, относятся образовательные программы, программы конкретных учебных курсов. Их цель состоит в формировании знания о значении фактора времени, темпоральных умений и навыков. К

образовательным ресурсам могут быть отнесены механизмы временной организации учебной деятельности и взаимодействия между университетской администрацией, преподавателями и студентами. Образовательными ресурсами можно считать также возможности материально-технической среды университета, его пространственной, временной и организационной структур. Использование всех названных возможностей способно привести к оптимизации отношения студентов к своему времени.

Библиографический список:

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 3. С. 8-18.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Кастельс И. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI века. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012. 336 с.

СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК НОВЫЙ ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Амбарцумян Р.М.

Возрастающий динамизм социальной жизни, выражающийся, прежде всего, в постоянном росте количества информации, требует от современного человека непрерывного самосовершенствования, овладения огромным количеством компетенций как технологического, так и личностного характера. Еще в 90-е годы XX века известные специалисты в сфере менеджмента К. Нордстрем и Й. Ридерстраале, характеризуя происходящие события, отмечали: «Новые роли неизбежно требуют новых знаний. 30 лет назад мы овладевали одним навыком в год. Сегодня каждый день приносит нам как минимум один новый навык. Завтра это будет происходить каждый час. В 1960 г. среднему менеджеру надо было запомнить в среднем около 25 имен сослуживцев в течение всей его карьеры, сегодня приходится запоминать 25 новых имен каждый месяц. Завтра – каждую неделю, причем половина этих имен будет на иностранных языках» [1, с. 61].

Другой стороной технических прорывов и революций становится возрастающая неопределенность, приводящая к высвобождению больших масс некогда квалифицированных специалистов, теперь пополняющих ряды безработных и прекариат. Одно лишь это обстоятельство показывает, насколько важно построение опережающих сценариев социального развития. Если еще несколько десятилетий назад способность предвидеть и угадать были залогом успеха, прежде всего, в бизнесе, то сейчас стратегическое видение, непривязанное ни к каким стандартам и инструкциям, стало как никогда востребованным во всех сферах жизни.

Одной из социальных технологий, направленных на формирование как минимум стремящейся к новому знанию личности, способной в перспективе быть востребованной на избранном поприще, являются социально-образовательные проекты (СОП). Они представляют собой технологию решения социальных проблем через обучающие инициативы. СОП не только являются дополнением к традиционной системе образования, частично компенсирующим ее инерционность; они способствуют формированию личности нового типа, способной к успешному функционированию в условиях неопределенности. Следовательно, СОП касаются напрямую тех сфер, которых традиционное образование почти не касается: государственное и муниципальное управление, политическое просвещение, охрана здоровья, развитие каких-либо конкретных навыков.

Актуальность и новизна тематики СОП как предмета социологического анализа нуждается в некотором прояснении, поскольку те или иные их аспекты в социологии поднимались неоднократно. Например, интерес социологии образования к различным обучающим проектам естественен [2, 3, 4].

Рассмотрение СОП как новой образовательной формы, ее институционализация, место в структуре образовательных предложений, специфика функций, акторов, социальный портрет слушателя – все это представляет бесспорный интерес. С точки зрения социологии культуры, СОП может быть рассмотрен как часть или отдельная форма социально-культурного проекта, направленного на трансформацию ценностной сферы общества. Например, распространение религиозных знаний в России начала 90-х годов стало частью мощного социально-культурного проекта, другими составляющими которого было и восстановление храма Христа Спасителя в Москве, и реституция церковных ценностей. Наконец, еще одной отраслью социологии, играющей важную роль в анализе СОП, является социология управления, для которой особую важность представляет их технологический компонент [5, 6]. Преимущества и ограничения проектного формата работы анализируются в образовательном контексте. Сами проекты такого рода чаще всего строго ограничены во времени, результаты участия в них характеризуются достижением измеримых целей в виде приобретенных знаний и способностей, например, развитию лидерских качеств, позволивших реализовывать уже собственные инициативы.

Пониманию особенностей реализации и функциональных основ СОП может способствовать анализ его специфики как социального проекта. Г.А. Лукс, характеризуя социальные проекты, определяет их в широком смысле как «... модель самой человеческой деятельности, направленную на изменение социальной ситуации» и «результат инновационного проектирования..., направленный на решение какой-либо конкретной задачи» [7, с. 42]. Нацеленность на структурный контекст и изменение внешних условий здесь очевидна. Ограниченность данного подхода нам видится не только в том, что образовательная составляющая находится на периферии процесса проектирования. Основной их проблемой, обуславливающей эту ограниченность, которую и должны преодолеть СОП, на наш взгляд, является догоняющий характер большинства реализуемых в настоящее время проектов.

Достаточно скептически нами воспринимается мысль не только о возможности, но и о целесообразности трансформации социального контекста посредством большинства предлагаемых проектов. Оговоримся особо, что мы не ведем речь о проектах, направленных на выравнивание шансов, например, лиц с ограниченными возможностями; акцент делается на критике так называемых инновационных проектов, отталкивающихся не от перспективных проблем, а от стремительно меняющейся текущей ситуации. Наш опыт показывает, что намечаемые результаты утрачивают актуальность еще в процессе реализации проекта.

СОП с его образовательной составляющей позволяет ставить в центр не ситуацию, а индивида как потенциального актора социальных изменений. Инвестиции в человеческий капитал, ориентация на личность, на активизацию ее ресурсов, повышение ее социальной субъектности представляются нам рациональной стратегией решения проблем, с которыми обществу еще предстоит столкнуться.

Библиографический список:

1. Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.
2. Константиновский Д.Л. Образование и социальная дифференциация // Социология образования. 2009. № 7. С. 11-24.
3. Гринь А.М., Наумова Н.А., Байтов А.С. Вопросы формирования системы управления инновационным образовательным проектом // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 5. С. 45-54.
4. Гончарова Н.А., Логинов М.П. Теоретические основы управления образовательными проектами в вузе // Вопросы управления. 2015. № 3 (15). С. 129-135.
5. Бекарев А.М., Плотников М.В. Проблемы социальной инженерии // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. № 1 (69-70). С. 219-227.
6. Плотников М.В. Модель социальной технологии менеджмента // Вестник Нижегородского

университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 90-97.

7. Лукс Г.А. Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике. Самара: Издательство «Самарский университет», 2003. 278 с.

КАЧЕСТВО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Андрянова Т.В.

Независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры проводится в соответствии со ст. 36.1 и ст. 36.2 Закона Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [1], Указом Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [2], приказами Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет» [3], «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры» [4], «Об утверждении перечня организаций культуры, в отношении которых не проводится независимая оценка качества оказания услуг в сфере культуры» [5].

В перечень, не оказывающих услуги населению организаций культуры, в отношении которых не проводится независимая оценка качества оказания услуг в сфере культуры входят 15 организаций. Независимая оценка качества оказания услуг не проводится также в отношении создания, исполнения и интерпретации произведений литературы и искусства.

Региональное измерение предполагает оценку качества оказания услуг один раз в год в отношении нескольких организаций культуры. В 2016 году это были: Курский областной археологический музей, Курская государственная картинная галерея имени А.А. Дейнеки и 2 библиотеки (Курская областная библиотека для слепых и Курская областная библиотека для детей и юношества). Независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве оказания услуг организациями культуры, а также в целях повышения качества их деятельности.

Для проведения независимой оценки используются показатели, характеризующие общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры:

- открытость и доступность информации об организации культуры;
- комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения;
- время ожидания предоставления услуги;
- доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации культуры;
- удовлетворенность качеством оказания услуг.

С учётом особенностей деятельности организаций культуры, применяется унифицированная модель независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры с использованием автоматизированной информационной системы независимой оценки качества. По способу оценки показатели делятся на три группы:

- изучение мнения получателей услуг;
- наличие информации на сайте www.bus.gov.ru;
- наличие информации на официальном сайте организации культуры или при его отсутствии на сайте учредителя организации культуры.

Использование методов социологии (телефонный опрос с использованием базы получателей, интервью) являются наиболее эффективными. Интернет-канал, виджет и терминалы, установленные в организациях культуры, позволяют проводить независимую оценку длительное время, получить

достаточно большое количество анкет, заполненных получателями услуг, с наименьшими затратами. Для повышения достоверности полученных оценок используется сочетание всех каналов сбора информации.

На основании результатов проведения независимой оценки Общественный совет представляет предложения по улучшению качества деятельности организаций культуры (по каждой организации культуры отдельно). Результаты проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры размещаются Минкультуры России на своем официальном сайте и на официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в сети «Интернет» (www.bus.gov.ru). Организации культуры на основании результатов проведения независимой оценки и предложений по улучшению качества деятельности организаций культуры разрабатывают планы мероприятий по повышению качества оказания услуг и обеспечивают их выполнение.

Расчёт числовых значений показателей производится по двум направлениям, соответствующим способам оценки, указанным в методических рекомендациях: уровень открытости и доступности информации, уровень удовлетворенности качеством оказания услуг.

Независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры измеряется в баллах. Минимальное значение – 0 баллов, максимальное значение – 100 баллов.

Независимая оценка качества оказания услуг *i*-ой организацией культуры (N_i), определяется по формуле:

$$N_i = N_i^{\text{откр}} + N_i^{\text{удовл}}, \text{ где:}$$

$N_i^{\text{откр}}$ - уровень открытости и доступности информации для *i*-ой организации культуры; $N_i^{\text{удовл}}$ - уровень удовлетворенности качеством оказания услуг *i*-ой организацией культуры.

Уровень открытости и доступности информации для *i*-ой организации культуры определяется по формуле:

$$N_i^{\text{откр}} = N_i^{\text{откр_сайт}} + N_i^{\text{откр_ГМУ}}, \text{ где:}$$

$N_i^{\text{откр_сайт}}$ - уровень открытости и доступности информации на официальном сайте *i*-ой организации культуры; $N_i^{\text{откр_ГМУ}}$ - уровень открытости и доступности информации *i*-ой организации культуры на Официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях www.bus.gov.ru.

Уровень открытости и доступности информации на официальном сайте *i*-ой организации культуры отражает полноту и качество информации об организации культуры, размещаемой на официальном сайте организации культуры в сети «Интернет».

Уровень открытости и доступности информации на официальном сайте *i*-ой организации культуры ($N_i^{\text{откр_сайт}}$) определяется по формуле:

$$N_i^{\text{откр_сайт}} = \sum_k P_{ik} \times Z_{ik}, \text{ где:}$$

P_{ik} - степень поисковой доступности *k*-ого информационного объекта, размещенного на официальном сайте *i*-ой организации культуры; Z_{ik} - уровень значимости *k*-ого информационного объекта, размещенного на официальном сайте *i*-ой организации культуры.

Таблица 1 – Итоговые значения оценки качества оказания услуг организациями культуры Курской области

Наименование организации культуры	Оценка уровня удовлетворенности качеством оказываемых услуг, баллы	Оценка уровня открытости и доступности информации организации культуры на сайте www.bus.gov.ru	Оценка уровня открытости и доступности информации на официальном сайте организации, баллы	Итоговая оценка
1	2	3	4	5
Областное бюджетное учреждение культуры	46,5	7	30,5	84

«Курская государственная картинная галерея имени А.А. Дейнеки»				
Курский государственный областной музей археологии	46,3	7	31	84,5
Областное казенное учреждение культуры «Курская областная специальная библиотека для слепых имени В.С. Алехина»	50,8	7	29,5	87,3
Курская областная библиотека для детей и юношества	45,8	7	35	87,8
Областное бюджетное учреждение культуры «Курский государственный театр кукол»	40,5	7	10,5	58
Областное бюджетное учреждение культуры «Центр театрального творчества “Ровесник”»	45,4	7	27	79,4

Библиографический список:

1. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>

3. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 20.02.2015 № 277 «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет». Официальный сайт Министерства культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkrf.ru/open-ministry/quality/detail.php?ID=653325>

4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 25.02.2015 № 288 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры» (с изменениями от 07.08.2015 № 2168) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dmmuseum.ru/uploads/files/PRIKAZ...20150225_288.pdf

5. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 07.08.2015 № 2169 «Об утверждении перечня организаций культуры, в отношении которых не проводится независимая оценка качества оказания услуг в сфере культуры». Официальный сайт Министерства культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkrf.ru/open-ministry/quality/detail.php?ID=653325>

К АКТУАЛЬНОСТИ СОЗДАНИЯ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ В ВУЗАХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Анисина Е.А., Стерлигова Д.В.

Современная образовательная система в России уже долгое время претерпевает значительные изменения. Финансово-экономические показатели деятельности вуза становятся главными критериями в определении его эффективности и конкурентоспособности на рынке. Изменение характера финансирования вузов со стороны государства приводит к необходимости создания условий для долгосрочного финансирования университета с целью обеспечения его стабильной деятельности.

В современных условиях вузы хотя и медленно, но становятся другими. Постепенно многие из них обрастают сетью научно-коммерческих предприятий, которые призваны доводить идеи учёного до уровня интеллектуального товара. Высшие учебные заведения начинают занимать важную нишу по производству наукоёмкой и уникальной продукции, по политическим, социологическим, историческим и другим гуманитарным прикладным исследованиям.

Начался переход на гибкие системы обучения. Поощряется развитие в системе высшего образования оказания платных услуг. Это тоже влияние реформ, вынуждающих вузы заниматься активным привлечением дополнительных, внебюджетных средств.

Одной из таких форм является создание эндаумент-фонда, суть которого заключается в обеспечении долгосрочного и стабильного финансирования деятельности образовательного учреждения. Данный фонд формируется из денежных пожертвований физических и юридических лиц. Образуется целевой капитал, который «размещается в ценные бумаги, акции, депозиты. Доходы, в виде процентов от инвестируемых средств идут на финансирование исследовательских проектов, образовательных программ, развитие научных школ, выплату стипендий одарённым студентам и т.д.» [1, с. 42].

Это не только повышает имидж вуза, создаёт основу для устойчивого развития его социальной среды, но, самое главное, даёт уверенность в завтрашнем дне.

Для современной России (в российской практике) фонд целевого капитала – не есть что-то новое, ещё в Российской Империи было развито попечительство и создавались фонды – предшественники современных эндаументов.

Благотворительность в России имеет глубокие исторические корни, которые связаны со становлением и развитием Российского государства. Бесконечен перечень славных имен благотворителей, меценатов. И это прямое доказательство того, что «речь идёт о серьёзном явлении, получившем самое широкое распространение, об определенной форме мироощущения и бытия, когда сама благотворительность, характеризующая всю сознательную жизнь человека, становится способом его существования» [2, с. 172].

За последние годы отношения бизнеса и высших учебных заведений существенно изменились. Если раньше они основывались исключительно на благотворительности, то теперь отношения строятся на принципах социального партнёрства. Одним из финансовых инструментов, позволяющих добиться подобной стабильности, является Фонд целевого капитала.

Сегодня деловое сообщество начинает понимать, что «запас прочности» российской системы образования иссякает и через несколько лет проявления организационно-финансовой, кадровой и технологической деградации станут очевидными. Программы профессионального отбора в этих условиях теряют смысл. Поэтому российские компании вкладывают в школы и вузы значительные средства, организуя попечительские движения, фонды и т.д.

С инициативой создания эндаумент-фондов в начале 2006 г. выступили российские бизнесмены, главным образом представители Российской ассоциации промышленников и предпринимателей. Были приняты поправки в Налоговый кодекс, освобождающие доход от доверительного управления целевым капиталом от налога на прибыль. Одновременно с этим развитие рынка целевых капиталов происходит и под непосредственным влиянием таких факторов, как развитие благотворительности и проектов социальной ответственности бизнеса. Это можно рассматривать как положительную тенденцию в развитии рынка с точки зрения привлечения пожертвований и реализации совместных целевых программ. В том же году был принят закон № 275-ФЗ от 30.12.2006 «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», освободивший такие фонды от налогообложения доходов от инвестирования целевого капитала. С момента вступления в силу данного закона в российском вузовском и научном сообществе возник интерес к эндаументам как к новому перспективному инструменту финансовой поддержки высшего образования, стали учреждаться фонды целевого капитала при вузах и различных некоммерческих организациях.

Если пять лет назад эндаументов были единицы, то к настоящему моменту при образовательных учреждениях России их число приближается к сотне.

Фонд управления целевым капиталом высшего учебного заведения – это особая некоммерческая организация. Такая организация создается исключительно для формирования целевого капитала, его использования и распределения доходов на цели развития конкретного высшего учебного заведения [5].

Эндаумент-фонд после формирования целевого капитала передаёт его управляющей компании, получает доходы от управления целевым капиталом и направляет эти доходы конкретному высшему учебному заведению [4, с. 4]

В качестве успешного примера можно привести Фонд развития МГИМО. Фонд развития МГИМО создан в 2007 году для аккумулирования долгосрочного целевого капитала, доходы от которого направляются на развитие образовательных программ, финансирование научных исследований, укрепление материально-технической базы и другие цели развития Университета.

Выдающиеся выпускники МГИМО В.О. Потанин, А.Б. Усманов и Ф.К. Шодиев стали первыми дарителями Фонда – они внесли по 5 млн долл., уже «на старте», сформировав крупный капитал эндаумента.

Привлечённые денежные средства направляются на поддержание статуса МГИМО как уникального международного гуманитарного университета. Это выражается в финансировании лингвистического блока, продвижении Университета на мировом рынке образовательных услуг, создании инновационных образовательных программ, поддержке научных исследований и издательской деятельности.

По результатам проведённого исследования (нужно отметить, что сбор статистики по фондам целевого капитала – дело достаточно сложное, так как далеко не все эндаументы раскрывают информацию, а единого резерва фондов не ведётся), в 2007 году (первый год после принятия закона об эндаументах) было зарегистрировано всего 13 фондов; в 2013 году их было уже 110, при этом они аккумулировали денежные средства на сумму 24,5 млрд. рублей.

Прорыв наблюдался в 2012 году – эндаументы выросли с 4,7 млрд. до 22,5 млрд. руб. На данный момент около 50% эндаументов – московские, 18% базируются в Санкт-Петербурге, 32% – региональные. Большинство фондов (около 70%) создано для поддержки образования и науки, в первую очередь, это эндаументы конкретных ВУЗов. Именно эти фонды целевого капитала являются крупнейшими публичными фондами.

Однако, поскольку на 1 января 2013 года в России было аккредитовано 1115 вузов, и только около 500 в Москве и Санкт-Петербурге, необходимо анализировать ситуацию именно в провинциальных вузах.

Из взятых для анализа четырёх регионов ЦФО, фонды целевого капитала сформированы только в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина и Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Во Владимирском государственном университете имени А.Г. и Н.Г. Столетовых фонд ликвидирован 31 августа 2013 года. В Рязанской области не создано ни одного Фонда развития высшего учебного заведения.

Тамбовский госуниверситет создал специализированный фонд управления целевым капиталом развития в марте 2010 года. Средства фонда расходуются на финансирование программ развития университета, реализацию инновационных проектов, укрепление материально-технической базы, модернизацию образовательных программ, повышение качества образования, стимулирование научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей, а также на развитие кадрового потенциала и социальную поддержку сотрудников и обучающихся.

В Белгороде областная администрация выступила соучредителем Фонда содействия развитию Белгородского государственного университета.

Возникновение первых отечественных эндаументов в регионах совпало с пиком финансового кризиса. Соответственно, первые результаты инвестирования не впечатлили создателей фондов, и в дальнейшем они предпочли не рисковать.

И именно поэтому, сами вузы должны быть заинтересованы в необходимости создания своего Фонда развития и выступать инициатором партнёрских отношений с бизнес-сообществом. Создание эндаумента, прежде всего, даёт реальную возможность развивать в своих стенах научную и исследовательскую деятельность, средств на которую при нынешнем финансировании катастрофически не хватает.

И здесь перед эндаументами встаёт ключевая проблема: уровень развитости российской благотворительности никак не соответствует их амбициозным планам. Привлечь средства в эндаументы практически невозможно без вмешательства правительства, активно лоббирующего вопросы благотворительности среди отечественных бизнесменов.

В данном случае необходима инициатива руководства, сотрудников образовательного учреждения, а не жертвователей, государственных чиновников, выпускников. А в большинстве провинциальных вузов налицо отсутствие выработанной стратегии по работе с текущими и потенциальными инвесторами, благотворителями, спонсорами. Практически во всех учебных заведениях эта работа носит децентрализованный характер, в 70% отсутствуют какие-либо программы для привлечения средств и пожертвований. Возможно, многие высшие учебные заведения пока не готовы к публичной оценке результатов своей деятельности.

Ведь наличие эндаумента позволяет значительно увеличить бюджет университета и привлекать средства на реализацию долгосрочных крупных образовательных и научных проектов, приглашать известных профессоров, выплачивать стипендии одарённым студентам.

Иными словами, наличие эндаумента позволяет говорить о положительном имидже и репутации вуза в регионе и города, об отношении к нему выпускников, власти и бизнес-сообщества.

Библиографический список:

1. Анисина Е.А. Модели меценатской деятельности в современной России // Обсерватория культуры. 2012. № 1. С.38-45.
2. Анисина Е.А. От благотворительности к социальным инвестициям // Человек в мире культуры: общество и образование: материалы III Международного философско-культурологического симпозиума. Рязань: ИЦ «Банкирский дом», 2007. С.171-173.
3. Белова Н. Университетские эндаументы/целевые капиталы в США и России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pif.investfunds.ru/>
4. Молчанов Н. Эндаумент из прекрасного далёка // Филантроп. 2013. № 28.
5. Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // Российская газета. 2007. № 2.

МОДЕЛИ НАРКОТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Анферова Е.Н., Свистунова И.Г.

Проблема наркомании за последние десятилетия стала актуальной для большинства стран. Незаконный оборот наркотических средств растет ежегодно, что непосредственно отражается на состоянии общества в целом. Затраты государства на сдерживание распространения наркомании, издержки, которые несет общество: преждевременная смертность, потеря трудовых ресурсов, значительно влияет на экономическое и социальное положение страны. Именно поэтому моделирование динамики распространения наркотических средств является актуальной проблемой.

Для принятия эффективных мер по сокращению числа наркозависимых необходимо построить модель распространения наркомании. Выяснить, какие факторы в большей мере влияют на процесс перехода индивида в группу наркозависимых, какие понятия и принципы из смежных областей могут быть применены для более точного описания процесса наркотизации.

В ходе исследования были изучены следующие модели, описывающие динамику наркотизации общества: эпидемиологическая модель с учетом внешних рисков; регрессионная модель; демографическая модель;

Все модели были протестированы на данных США, так как в сведениях по наркоситуации России имеется значительный недостаток данных.

Эпидемиологическая модель с учетом внешних рисков

В рамках исследования было предположено, что процесс наркотизации общества может быть рассмотрен как процесс заболевания и иметь эпидемиологические предпосылки. Поэтому основная

гипотеза включала в себя предположение, что индивид может быть вовлечен в наркоманию благодаря двум факторам [1]: он может попасть в неблагоприятную среду и быть вовлеченным через воздействие со стороны наркомана (внешние факторы, λ), а может попасть в группу наркозависимых вследствие психологических факторов, влияющих на его жизнь, например, неустойчивое эмоциональное или психическое состояние, неадекватная оценка риска, плохая компания, неблагоприятная атмосфера в семье, склонность к риску (внутренние факторы, A). Но так как наркомания по природе своего происхождения не является вирусом, то значение параметра λ будет небольшим, а значение параметр A – велико.

Тогда эпидемиологическая модель может быть записана через рекуррентные соотношения:

$$\begin{cases} v_t = \frac{S_t}{N} * (I_t \lambda + A) \\ S_{t+1} = S_t - v_t + \gamma R_t \\ I_{t+1} = I_t - \mu I_t + v_t \\ R_{t+1} = R_t + \mu I_t - \gamma R_t \end{cases} \quad (1)$$

Где S – группа восприимчивых индивидуумов, I – группа инфицированных индивидуумов, R – группа осужденных наркозависимых, v – среднее число зараженных, μ – доля наркоманов, задержанных органами внутренних дел, γ – доля наркозависимых, которые отбыли срок наказания и возвращаются в группу подверженных, N – население в рассматриваемом регионе.

Оценки A , λ были получены с помощью применения последовательного МНК. Также предполагалось, что срок наказания равен 2 годам, следовательно, $\gamma = 0,5$. Для определения параметра μ решалась задача: $\sum (I_t - I_t^*)^2 \rightarrow \min_{\mu}$, тогда $\mu = 0,004097$. Результаты модели представлены на рисунке 1(а).

Регрессионная модель с применением модели популяции с наименьшей критической численностью

Для молодежи высока вероятность попадания в группу наркозависимых не столько от эмоциональных расстройств, сколько от коммуникации с уже вовлеченными в наркоманию индивидами. Поэтому в данной модели предполагается встреча здорового человека с дилером, что в свою очередь пропорционально второй степени популяции [2]. Тогда математически «естественный прирост» популяции наркоманов может быть описан следующим образом:

$$\frac{dX}{dt} = kDY \quad (2)$$

Где k – некоторый коэффициент; X – популяция наркозависимых; Y – численность рассматриваемого региона; D – число дилеров.

Для определения коэффициента k была решена следующая задача:

$$\begin{cases} (X_{t+1} - (X_t + kDY))^2 \rightarrow \min_k \\ s. t. : 0 < k \leq 1 \end{cases} \quad (3)$$

Тогда регрессионная модель наркотизации общества имеет вид:

$$\ln(X) = C + a_1 \ln(d) + a_2 \ln(A) + a_3 \ln(L) + a_4 \ln(P) \quad (4)$$

Где X – численность наркозависимых; d – смертность наркоманов; A – число арестованных наркоманов; L – число лечащихся наркозависимых; P – число «первачков»; C – константа.

Данная регрессионная модель была протестирована на примере наркоситуации США. Тогда модель (4) имеет вид:

$$\ln(X) = 22,69 + 0,69 \ln(d) - 0,37 \ln(A) - 0,72 \ln(L) + 0,17 \ln(P) \quad (5)$$

Из основных статистических результатов модели (5) был сделан вывод, что все коэффициенты значимы, за исключением коэффициента при «естественном приросте». С целью улучшения рассматриваемой регрессионной модели он был удален из рассмотрения. Тогда регрессионная модель имеет вид:

$$\ln(X) = C + a_1 \ln(d) + a_2 \ln(A) + a_3 \ln(L) \quad (6)$$

Для модели (6) были проведены стандартные тесты, проверяющие состоятельность, несмещенность и эффективность оценок. Результаты визуализированы на рисунке 1(а).

Демографическая модель распространения наркомании

Автором описанной далее модели является к.т.н. Сергей Александрович Митягин (Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр).

Данная модель рассмотрена для случая двух групп «число наркозависимых», «все население». Тогда система может быть описана через две управляющие матрицы [3]:

- а) матрица, которая задает возрастную структуру населения;
- б) матрица, которая определяет переход индивидуума между группами.

Так как в ходе исследования была найдена информация об изменении населения США, то процесс распространения наркомании может быть упрощен и записан в виде:

$$N^t = F_\beta^t P^t \quad (7)$$

$$F_\beta = \begin{pmatrix} g_1 & 0 & \dots & 0 & 0 \\ 0 & g_2 & \dots & 0 & 0 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \vdots \\ 0 & 0 & \dots & g_{n-1} & 0 \\ 0 & 0 & \dots & 0 & g_n \end{pmatrix} \quad (8)$$

Где N – население в целом, F_β – матрица наркотизации общества, элемент g_i – вероятность лиц соответствующего возраста перейти в группу N .

При этом оценка вероятностей перехода в группу наркозависимых определялась как

$$g_i = \frac{n_i}{p_i} \quad (9)$$

Где p_i – количество людей на рассматриваемой территории в возрасте i , n_i – число наркозависимых возраста i .

Для определения элементов матрицы F_β рассматривались следующие факторы, описывающие наркоситуацию и социально-экономическую обстановку в США: количество преступлений, связанных с наркоманией; удельный вес числа преступлений, связанных с наркоманией, к общему числу преступлений; количество изъятых наркотических веществ; число амбулаторных больных наркоманией до 18 лет; число амбулаторных больных наркоманией после 18 лет; число стационарных больных наркоманией до 18 лет; число стационарных больных наркоманией после 18 лет; число женщин наркозависимых, которым была оказана помощь в медицинских учреждениях; число медицинских учреждений; доля населения, которая имела опыт приема наркотических средств; средние доходы населения в час; число безработных; отношение средних доходов населения к прожиточному минимуму; коэффициент неравенства; цена на кокаин (меньше, чем 10 гр.). Многие выбранные факторы имеют значительную корреляцию между собой, поэтому был применен метод главных компонент.

Т а б л и ц а 1 – Визуализация доли объясняемой дисперсии каждой компонентой

	PC_1	PC_2	PC_3	PC_4	PC_5	PC_6	PC_7	PC_8	PC_9	PC_{10}
Доля объясняемой дисперсии	0,6019	0,1759	0,7909	0,05935	0,04687	0,02105	0,0099	0,00443	0,00157	0,00
Кумулятивная доля	0,6019	0,7777	0,85684	0,91619	0,96306	0,98411	0,9940	0,99843	1,0000	1,00

объясняемой дисперсии										
-----------------------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Используя значения главных компонент, была построена регрессия, объясняющая вероятность перехода индивида соответствующего возраста в группу наркозависимых:

$$g_i = a_0 + a_1P_1 + a_2P_2 + a_3P_3 + a_4P_4 \quad (10)$$

Где g_i – вероятность перехода в группу наркозависимых для индивида возраста i . При этом g_i определялось в соответствии с формулой (9). В соответствии с формулами (7), (10) были получены результаты наркозависимых по возрастам и общая тенденция наркомании (Рисунок 1(б)).

Построение модели распространения наркомании позволит в дальнейшем провести оценку издержек общества. Это, в свою очередь, повлияет на планирование и перераспределение ресурсы в более эффективные службы, направленные на контроль и профилактику по потреблению наркотических веществ. Также полученные результаты дадут обоснования для увеличения объема финансирования на борьбу с наркотизацией.

Оценка распространения наркомании необходима и для мониторинга в области политики, проводимой в отношении наркотиков, в этом случае появляется возможность контролировать целевые показатели с помощью оценки числа лиц, употребляющих наркотики и обращающихся в соответствующие службы, и их сопоставления с оценками общего числа лиц, употребляющих наркотики.

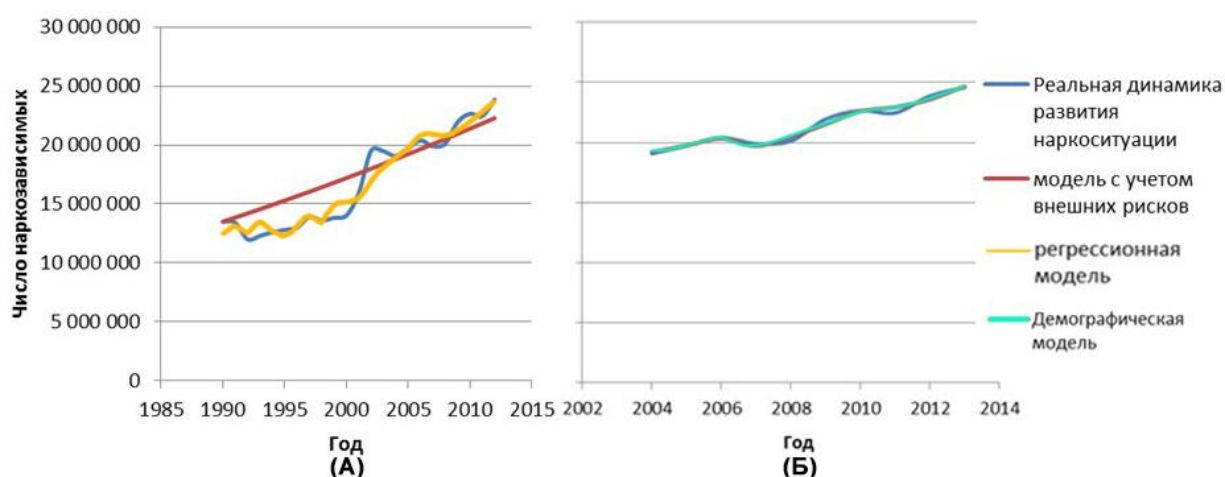


Рисунок 1 – Сравнение моделей с реальной наркоситуацией США

Библиографический список:

1. Ризниченко Г.Ю. Лекции по математическим моделям в биологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.biophys.msu.ru/lectmb/Lect03.htm>.
2. Гришунина Ю.Б. и др. Моделирование эпидемической ситуации с учетом внешних рисков // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. 2014. Выпуск № 5. С. 61-66 с.
3. Митягин С.А. и др. Региональная демографическая модель распространения наркомании // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2011. № 6 (76).

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Ардальянова А.Ю.

Сетевизация современного общества стимулирует возникновение и развитие соответствующих подходов в социальной теории. Применение сетевого анализа в социальных науках является сложной, но в значительной степени актуальной задачей. Обращение к понятиям «сеть»,

«сетевое пространство», «сетевое взаимодействие» вызывает целый ряд трудностей для социальных исследователей, поскольку заставляет их вникать в сложную и малознакомую для них область – теорию информации и коммуникации. Однако следует согласиться с рядом авторов, что речь не идет о перенесении понятий сетевой теории в социальную сферу, задача социологов состоит в самостоятельном исследовании процесса возникновения совершенно нового качества социальной коммуникации, трансформирующего институты и практику взаимодействия.

Сетевой подход к взаимодействию, описанный в терминологии теории информации и коммуникации, представлен в западной социологии М. Кастеллсом, Б. Вельманом, М. Грановеттером, а среди отечественных исследователей можно выделить работы Г. В. Градосельской, А. А. Давыдова. Так, исследователи отмечают, что в процессе взаимодействия субъекты действуют «как алгоритмически устроенные системы, существующие в алгоритмически устроенной социальной среде» [2]. Актеры взаимодействуют на основе системы социальных алгоритмов, которая представляет собой взаимосвязанное параллельное многоуровневое функционирование вспомогательных алгоритмов сохранения и развития, индивидуальных и коллективных алгоритмов, уникальных и массовых алгоритмов. В связи с этим субъекты взаимодействия могут быть рассмотрены как социальные агенты, действующие в рамках пространства взаимодействия, и одновременно как многоуровневые системы, поведение которых обусловлено взаимодействием всех внутренних подсистем и уровней. Такая сложная иерархия наиболее наглядно может быть представлена в виде сети, которая охватывает все уровни взаимодействия и может осуществлять различные функции в зависимости от условий и социального контекста.

Исследователи отмечают, что субъекты взаимодействия подчиняются общесистемным принципам и законам, в частности: конечности и стадийности существования, когерентности (согласованности взаимодействия подсистем, соразмерности частей) и т.д.; принципам и законам всех живых и социальных систем, например законам сохранения и развития, активности и адаптации, координации и субординации, кооперации и конкуренции, экстремальным принципам (экономии усилий, времени, максимизации положительных явлений и минимизации отрицательных явлений и т.д.); принципам и законам, характерным для конкретной социальной среды в определенный период времени и в определенных территориальных (административно-территориальных) границах, которые индивид усваивает в процессе своего жизненного цикла, в частности допустимые и эффективные социологические алгоритмы решения индивидуальных и коллективных (общих) проблем [2].

В качестве основных отношений социальных агентов наиболее часто выделяют коммуникацию, кооперацию, соревнование, координацию, управление и интеракцию. Эти виды отношения могут быть отнесены и к отношениям совершенно разных субъектов. Например, такой вид отношений, как кооперация, может возникнуть как в отношении двух организаций, так и в межличностном пространстве. Сетевой подход позволяет проводить анализ процессов на разных уровнях взаимодействия (макро-, мезо-, микро-), что является несомненным преимуществом данного подхода. Так, например, алгоритм социального взаимодействия в *диаде*, образующейся в результате взаимосвязи пары акторов на микроуровне, будет идентичен алгоритму взаимодействия в диадах более высокого уровня. Такие диады как работник-работодатель, ученик-учитель, мужчина-женщина определяют алгоритм взаимодействия в соответствующих социальных институтах – занятости, образовании, семья и т.д. Анализируя же связи в полной сети, нам становятся очевидны процессы, которые влияют на персональные взаимоотношения отдельных акторов.

Основным методом сбора данных при исследовании процесса взаимодействия социальных субъектов в рамках сетевого подхода может являться наблюдение за потоками коммуникации (в том числе, контент-анализ, ивент-анализ). Следует также обратить внимание на возможность применения качественных социологических методов при исследовании сетей.

Таким образом, сетевой подход позволяет опереться на коммуникативные процессы, которые являются основными в современном обществе. Сегодня, в условиях роста неустойчивости социальных групп их трансформации и распада сетевой подход позволяет переключить внимание исследователя от группы к связям, от субъектов социального взаимодействия к самой сети.

Библиографический список:

1. Wellman, B. The Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers. *American Journal of Sociology* 84 (5): 1201–31
2. Градосельская, Г.В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие / Г.В. Градосельская. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 248с.
3. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // *Экономическая социология*. – №4. – 2009. – С. 31-51.
4. Давыдов, А.А. О компьютерной теории социальных агентов / А.А. Давыдов // *Социологические исследования*. – 2006. – № 2. – С. 19-28.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Арефьева Д.В.

Государственно-частное партнёрство – это совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

Данный вид партнерства является довольно распространенным и приносит значительные выгоды обеим сторонам [1, с. 84]. Однако государственно-частное партнерство в сфере жилищного строительства встречается не так часто, как хотелось бы, а все проекты, реализуемые на данный момент, являются исключительными.

Рынок жилищного строительства в Республике Башкортостан хорошо развит. В настоящее время республика занимает 8 место в Российской Федерации (2,6%) в сфере строительства и 5 место (3,2%) по объемам ввода жилья [2].

В республике так же реализуется 51 проект ГЧП, из них 38 посвящены сфере коммунального хозяйства, 8 социальной, 3 энергетической, 2 транспортной системе и, к сожалению, ни одной, посвященной области жилищного строительства [3].

Почему же в сфере жилищного строительства России, при всей её привлекательности, данный вид партнерства слабо развит? К сожалению, ответ на этот вопрос достаточно простой – в России до сих пор нет четкой модели взаимодействия между бизнесом и государственными структурами, а также регулирующей его нормативно-правовой базы.

На данный момент практика реализации государственно-частного партнерства в жилищном строительстве Республики Башкортостан и России в целом сосредоточена лишь на реализации проектов комплексного освоения территорий (КОТ). КОТ включает в себя не только возведение многоквартирных домов, но и прокладку, и подключение всех необходимых коммуникаций и инженерных систем, а также размещение сопутствующей инфраструктуры, включая детские сады, школы, поликлиники и т.п. По большому счету для таких крупных проектов ГЧП просто необходимо.

ГЧП играет значимую роль и в строительстве социально-значимого жилья и жилья эконом-класса. При реализации таких проектов государство может участвовать не только в процессе самого строительства, но так же и устанавливать цену, доступную для многих граждан. Обеспечение граждан доступным жильем необходимо, в первую очередь, для того, чтобы решить ряд социальных проблем, существующих в обществе, ведь обеспеченность жильем и его доступность напрямую влияют на уровень жизни, сказываются на объеме рождаемости, отражаются в качестве жизни населения.

Однако участие государства не должно оканчиваться только на том, чтобы устанавливать доступную цену за квадратный метр жилья. Оно может оказывать содействие в вопросах длительной эксплуатации инфраструктурных объектов, а застройщик, в свою очередь, привносить в проект свои компетенции – опыт, новые технологии, материалы и т.п.

По нашему мнению, объекты, построенные в рамках ГЧП, зачастую обладают более качественными характеристиками, нежели те объекты, которые реализуются только за счет средств застройщика или государства, ведь в партнерстве можно максимально использовать возможности обеих сторон, и, тем самым, достичь эффекта синергии.

К сожалению, в рамках принятого недавно ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ [4] жилищное строительство исключено из сферы его применения, т.е. в отношении жилья не может быть использованы инструменты ГЧП [5, с. 17]. На наш взгляд, это является большой проблемой и поэтому на данный момент многие не знают, что можно реализовывать проекты ГЧП в сфере жилищного строительства.

Благодаря ГЧП в сфере жилищного строительства возможно решать такие острые проблемы республики, как, например: переселения людей из ветхого и аварийного жилья (на данный момент в РБ в переселении нуждаются 22485 человек [6]), предоставления жилья отдельным категориям граждан, создание рынка арендного жилья («социального найма») и другие. В одиночку ни государство, ни бизнес не в состоянии развивать крупные проекты КОТ, призванные решить пресловутый российский «квартирный» вопрос.

Мы считаем, что для решения данных проблем и развития рынка Республики Башкортостан государственно-частное партнерство должно активно внедряться и реализовываться на практике. Благодаря этому мы сможем достичь существенных положительных изменений в области жилищного строительства, а так же выйти на лидирующие положения среди других субъектов Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Ибрагимова И.Ф. Государственно-частное партнерство: риски и перспективы развития // Психолого-экономические исследования. 2015. Т. 2-8. № 3. С. 83-90.
2. Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан. Анализ социально-экономического развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://economy.bashkortostan.ru/>
3. Официальный сайт Единой информационной системы государственно-частного партнерства в РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pppi.ru/>
4. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ (действующая редакция, 2016).
5. Ибрагимова З.Ф. Барьеры развития механизма государственно-частного партнерства в регионах // Проблемы экономики и информатизации образования: материалы XI Международной научно-практической конференции / научный редактор Е.Б. Карпов. М., 2014. С. 15-19.
6. Постановление Правительства РБ от 28 марта 2014 года № 136 «Об адресных программах Республики Башкортостан по переселению граждан из аварийного жилищного фонда на 2013-2017 гг.» (с изменениями на 28.03.2016).

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ С УЧЕТОМ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ

Арсланова Р.Р., Абдюшева С.Р.

Заболеваемость – это важнейшая составляющая комплексной оценки здоровья населения. Проблемы здоровья населения следует отнести к глобальным, связанным с национальной безопасностью государства. Острый демографический кризис в России, сопровождающийся отрицательным влиянием на состояние здоровья населения, определяет особое внимание государства к состоянию здоровья граждан.

Здоровье населения обусловлено комплексным воздействием факторов, определяющих образ жизни человека и состояние среды его обитания. Факторы, потенциально опасные для здоровья человека и способствующие возникновению заболеваний, называют факторами риска.

Понятие «фактор риска» применяется к любому явлению, влияние которого повышает вероятность возникновения заболеваний. Наряду с непосредственными причинами заболеваний, факторы риска, действуя опосредованно, создают условия для возникновения и развития заболеваний. Выявление факторов риска и профилактика хронических заболеваний способствуют сохранению здоровья и повышению качества жизни населения страны. Из этого следует, что одна из важнейших задач государственной власти состоит в разработке комплексных мер, направленных не только на предупреждение заболеваний, но, в первую очередь, и на коррекцию и устранение факторов риска их возникновения.

Основными факторами риска являются 5 групп факторов: социально-экономические, социально-биологические, социально-гигиенические, эколого-гигиенические, медико-организационные [1]. Группа эколого-гигиенических факторов включает показатели содержания опасных соединений в атмосферном воздухе, в воде, в почве, в пищевых продуктах, а также неблагоприятные климатические условия.

Целью данного исследования является проведение статистического анализа средней продолжительности жизни и здоровья населения на примере онкологических заболеваний. В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- проанализировать особенности здоровья населения как статистического объекта исследования;
- исследовать зависимость заболеваемости онкологическими болезнями от различных факторов;
- проанализировать динамику заболеваемости и составить прогноз на ближайшую перспективу;
- рассмотреть факторы, влияющие на среднюю продолжительность жизни.

Ранее в наших работах [2], [3] излагался подход, позволяющий анализировать и прогнозировать показатели заболеваемости населения по основным классам болезней. Влияние различных факторов на возникновение и развитие заболевания также представляет несомненный интерес как с точки зрения общего здоровья населения, так и с точки зрения построения математических моделей и их исследования. Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере онкологических заболеваний.

Поставим задачу выявить наличие (или отсутствие) взаимосвязи онкологических заболеваний (новообразования) от выбросов в атмосферу загрязняющих веществ (корреляционный анализ), а также установить, является ли линейная форма взаимосвязи соответствующей данным статистики (регрессионный анализ). У нас имеются данные по числу (тыс. человек) зарегистрированных заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые относительно онкологических заболеваний и данные по количеству (тыс. тонн) выбросов в атмосферу загрязняющих веществ с 2005 по 2014 год по Республике Башкортостан (таблица 1).

В нашем случае, y – заболеваемость новообразованиями, x_1 – годы наблюдения, x_2 – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ.

Получаем уравнение множественной регрессии:

$$y = 151,3347 + 2,6050 * x_1 + 0,2821 * x_2.$$

Прогнозирование по уравнению множественной регрессии (столбец \hat{y}) получается очень близким к статистическим данным. Качество модели, исходя из относительных отклонений по каждому наблюдению, признается хорошим, т.к. средняя ошибка аппроксимации составляет 1,67% .

Таблица 1 – Взаимосвязь онкологических заболеваний от выбросов в атмосферу загрязняющих веществ

	Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн, x	Новообразования, на 100 тыс. чел., y	\hat{y}_x
2005	410,6700	270,5000	280,9931
2006	395,0000	272,7000	273,3792
2007	406,6100	271,9000	279,0204
2008	417,4000	277,7000	284,2632
2009	397,9000	275,4000	274,7883
2010	387,5900	279,5000	269,7787
2011	406,4400	278,5000	278,9378
2012	402,8270	287,8000	277,1823
2013	448,9420	287,8000	299,5893
Сумма	3673,3790	2501,8000	2517,9321
Сред.знач	408,1532	277,9778	279,7702

Стандартизированное уравнение $t_{x_1}^{\wedge} = \beta_1 * t_{x_1} + \beta_2 * t_{x_2} + \varepsilon$ регрессии будет выглядеть следующим образом: $t_{x_1}^{\wedge} = 0,5379 * t_{x_1} + 0,4424 * t_{x_2}$.

Так как стандартизированные коэффициенты регрессии можно сравнивать между собой, то можно сказать, что фактор x_1 оказывает большее влияние на y , чем x_2 . Коэффициент множественной корреляции $R_{y_{x_1x_2}} = 0,8763$ указывает на весьма сильную связь всего набора факторов с результатом. С помощью F-критерия Фишера подтверждается статистическая значимость всего уравнения и показателя тесноты связи $R_{y_{x_1x_2}}$.

Для проверки возможности прогнозирования исключим 2014 год. Уравнение регрессии примет вид $y = 212,4116 + 0,1606 * x$. Выбросы в атмосферу в 2014: 458,365. Подставляя в уравнение, получаем прогноз заболеваемости: 286,0425. Это довольно сильно различается с реальным статистическим значением: 320,3 (10,7%). Однако по рисунку 1 видно, что значение 2014 года (10-ый год наблюдения) сильно «выбивается» из общей тенденции. Возможно, на выявление впервые заболевших в этом году повлияли какие-то дополнительные факторы. Так, это могли быть результаты всеобщей диспансеризации.

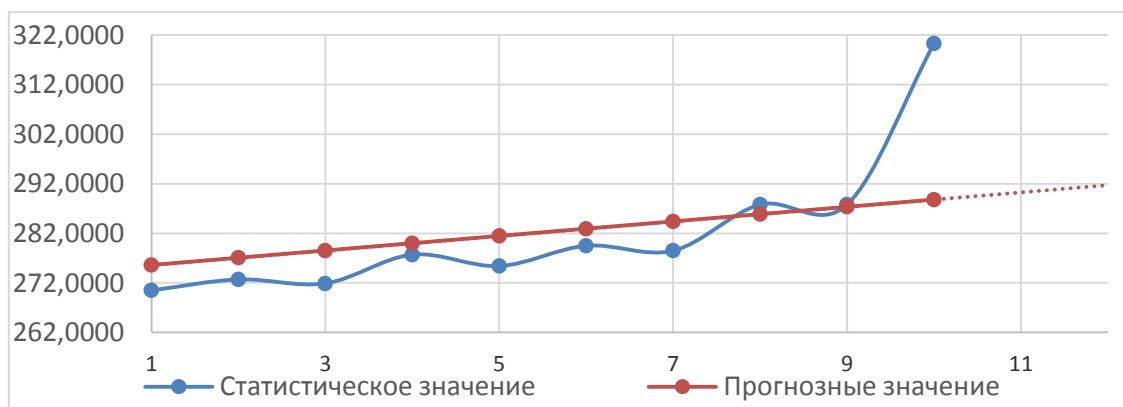


Рисунок 1 – Зависимость количества заболевших новообразованиями от года наблюдения

Для получения более точных прогнозов необходимо исследовать дополнительные факторы, которые могут влиять на заболеваемость населения.

Теперь поставим задачу выявить наличие (или отсутствие) взаимосвязи средней продолжительности жизни от расходов на здравоохранение (в % от ВВП). У нас имеются данные средней продолжительности жизни (годы) и данные расходов на здравоохранение (в % от ВВП) с 1995 по 2014 год по России (таблица 2).

Таблица 2 – Взаимосвязь средней продолжительности жизни от расходов на здравоохранение

	Средняя продолжительность жизни, лет, y	Годы, x_1	Расходы на здравоохранение (в % от ВВП), x_2	\hat{y}_x
1995	65,22	1	5,36	64,3828
1996	66,19	2	5,55	64,8235
1997	66,95	3	7,1	67,0386
1998	66,78	4	6,62	66,6051
1999	66,04	5	5,8	65,7281
2000	65,34	6	5,42	65,4251
2001	65,49	7	5,67	65,9440
2002	65,09	8	5,99	66,5544
2003	65,01	9	5,61	66,2514
2004	65,42	10	5,19	65,8962
2005	65,47	11	5,21	66,1151
2006	66,64	12	5,3	66,4253
2007	67,5	13	5,38	66,7225
2008	67,85	14	6,22	68,0112
2009	68,6	15	7,44	69,7958
2010	68,86	16	6,83	69,1927
2011	69,66	17	6,61	69,0985
2012	70,24	18	6,88	69,6435
2013	70,76	19	7,09	70,1103
Сумма	70,93	20	7,07	70,2770
Сред.знач	1344,0400	210	122,3400	1344,0410

Пусть y – средняя продолжительность жизни, x_1 – годы наблюдения, x_2 – расходы на здравоохранение (в % от ВВП).

Получаем уравнение множественной регрессии:

$$y = 57,1968 + 0,1928 * x_1 + 1,3047 * x_2.$$

Прогнозирование по уравнению множественной регрессии (столбец \hat{y}) получается близким к статистическим данным. Качество модели, исходя из относительных отклонений по каждому наблюдению, признается хорошим, т.к. средняя ошибка аппроксимации составляет 2,2% .

Коэффициент множественной корреляции $R_{yx_1x_2} = 0,9247$ указывает на весьма сильную связь всего набора факторов с результатом.

С помощью F-критерия Фишера подтверждается статистическая значимость всего уравнения и показателя тесноты связи $R_{yx_1x_2}$.

По данным Всемирной организации здравоохранения проводится прямая зависимость между общими расходами на здравоохранение и средней (ожидаемой) продолжительностью жизни.

Библиографический список:

1. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / О. П. Щепин, В. А. Медик. М., 2011. 592 с.
2. Абдюшева С.Р., Арсланова Р.Р. Математические модели в страховании жизни и здоровья // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков // Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Уфа: АЭТЕРНА, 2015. Часть I. С. 107-109.
3. Габдульманова Л.И., Абдюшева С.Р. Применение математических методов для анализа заболеваемости населения // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков // Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Уфа: АЭТЕРНА, 2015. Часть I. С.178-180.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ АКАДЕМИЧЕСКОГО МАТЕРИНСТВА: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА*

Багирова А.П., Сурина С.Э.

Конфликт «семья-работа» сегодня является актуальным исследовательским сюжетом в зарубежной науке. Одно из его интересных проявлений может быть обнаружено среди женщин-матерей, занимающихся научной и преподавательской деятельностью. Действительно, совмещение профессионального и родительского труда может быть исследовано с точки зрения влияния, которое оказывает каждый из них друг на друга, поиска возможностей их оптимального совмещения и организации, значимости каждого из этих видов труда для субъекта этого труда и т.д.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика академического и родительского труда по основным признакам трудовой деятельности.

Сравнивая академический и родительский труд по перечисленным критериям, можно говорить об определенной степени сходства этих двух видов трудовой деятельности по целому ряду характеристик. Следовательно, их можно анализировать вместе, применяя в чем-то схожие методики изучения.

Одной из первых, возникающих в связи с этой исследовательской тематикой, задач, является вопрос о количественной оценке самого явления академического материнства. Результаты проведенного анализа, на основе данных мониторинга экономики образования Высшей школы экономики – показывают, что доля женщин, занимающихся наукой, среди исследователей упала с 41,4 % в 2011 г. до 40,9 % в 2013 г., тогда как доля мужчин за этот же период выросла с 58,6 % до 59,1 % [1, с. 39-40].

Таблица 1 – Сравнительная характеристика академического и родительского труда

Показатели характеристики	Академический труд	Родительский труд
Характер труда	Пронизывающий другие виды деятельности	Пронизывающий другие виды деятельности
Значимость результатов для общества	Значим	Значим
Регламентация труда	Регламентирован	Не регламентирован
Статус субъекта труда	Невысокий	Низкий
Продолжительность рабочего времени, режима работы	Определенна	Не определена
Напряженность труда	Умственная нагрузка (преимущественно)	Физическая, умственная, эмоциональная нагрузка
Характер степени вовлеченности в трудовую деятельность	Овладевающий, нескончаемый	Овладевающий, нескончаемый
Отсроченность результата во времени	Отсрочен	Отсрочен

В то же время, доля женщин в возрасте до 49 лет, занимающихся наукой, за 2011-2013 гг. выросла с 52,8% до 54,8%. Следовательно, можно сказать, что потенциальное число субъектов родительского и профессионального труда, среди женщин в возрасте до 49 лет составляет около 54,8%.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-32-00020 «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ»)

Другая важная методическая проблема анализа проблем академического материнства – оценка результативности академического труда. Как известно, этот труд может оцениваться с помощью различных индикаторов.

Нами проведен анализ результативности научной деятельности за 2014-2016 гг. преподавателей одного из подразделений Уральского федерального университета. Учитывались только научные результаты в виде публикаций статей в изданиях, индексируемых в международных базах научного цитирования Web of Science, Scopus, а также руководство/участие в исследовательских проектах, поддержанных грантами российских научных фондов. Результаты нашего анализа таковы.

Среди женщин-преподавателей, работающих в анализируемом подразделении, публикации в Web of Science, Scopus имеют 26% сотрудниц, в то время как среди мужчин доля преподавателей, имеющих такие публикации, составляет 12,9% (рис. 1).

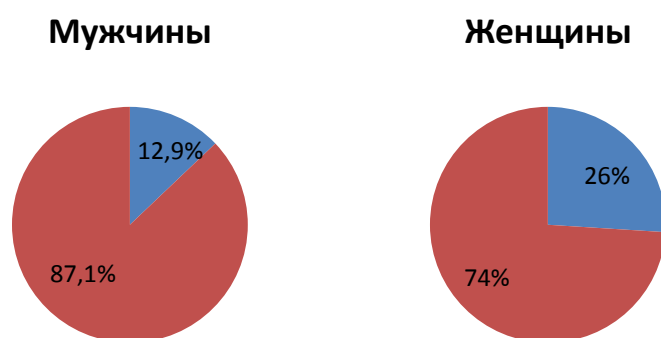


Рисунок 1 – Доли мужчин и женщин, имеющих публикации в Web of Science, Scopus

Среднее количество публикаций на одну женщину за 2014-2016 гг. составило 0,68; на одного преподавателя-мужчину – 0,45. Средний возраст женщин, имеющих публикации в базах международного научного цитирования, составляет 45 лет.

24,6% женщин-преподавателей, работающих в анализируемом подразделении, в 2016 г. были задействованы в исследовательских проектах, поддержанных грантами научных фондов. Среди мужчин доля таких ученых составила лишь 9,7 %. Средний возраст женщин, участвующих в исследовательских проектах, поддержанных грантами научных фондов, составляет 41 год.

Проведенный анализ позволяет заключить, что доля женщин-преподавателей, имеющих научные результаты в виде публикаций, работы над грантами научных фондов, явно больше, чем доля таковых среди мужчин-преподавателей. В работе с грантами научных фондов доля женщин высока и отличается в 2,5 раза. В то же время, средний возраст женщин, имеющих научные результаты серьезного уровня, позволяет предположить, что они могут совмещать реализацию функций профессионального и родительского труда. Судя по их достижениям в науке, процесс совмещения двух видов труда, скорее всего, является успешным – во всяком случае, такие успехи фиксируются в сфере академического труда. В целом же, обнаруженная высокая результативность научной деятельности женщин-преподавателей исследуемого подразделения позволяет нам перейти к более глубокому изучению этих женщин как объекта исследования проблем академического материнства.

Библиографический список:

1. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы науки: 2015: статистический сборник. Москва: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. С. 39-40.

БУДДИЗМ И РУНЕТ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Бадмацыренов Т.Б., Хандаров Ф.В.

Буддизм занимает все более укрепляющиеся позиции в сети Интернет, перешагнув собственно религиозные границы, и приобретая черты массовой культуры. Буддийские идеи и символы проникли в пространство масс-медиа, фильмов и популярной литературы, зачастую лишаясь значительной доли своего изначального содержания. Следует отметить и сравнительно высокий уровень политизации виртуального буддизма, обусловленный активной политической деятельностью буддийских сообществ в разных странах. Кроме того, буддизм выступает маркером этнорелигиозной идентичности у многих этнических групп, включая и регионы явных и скрытых конфликтов.

Русскоязычный сегмент Интернета – Рунет – один из самых динамично развивающихся, по данным исследования gemiusAudience число реальных пользователей в России в 2012-2013 возросло с 57,6 до 63,6 млн. человек [8]. Русский язык – один из самых популярных, используемых при создании сайтов. По данным международной компании «W3Techs» (w3techs.com) за декабрь 2013 года, 6% всех сайтов созданы на русском языке. Русский язык используется на 89,8% российских сайтов, 79% украинских сайтов, 86,9% белорусских сайтов, 84% казахских сайтов. В доменной зоне «.RU» размещается 4,8% всех сайтов Сети; больше только в «.COM» (52,6%) и «.NET» (5,5%). Гораздо меньше русский язык используют на самых популярных сайтах мира – он уступает не только английскому, но и китайскому, французскому, немецкому и японскому. Русскоязычные пользователи составляют примерно 3% от всех пользователей Интернета [7, с.116].

Согласно исследованию, проведенному Яндексом, большинство аудитории наиболее популярных сайтов религиозной направленности составляют женщины [9]. Российские пользователи Интернет выходят в сеть для поиска нужной информации (44%), общения (41%) и развлечения (29%) [7, с. 117].

Растущая популярность Интернета и проникновение в сеть религиозных организаций способствовали формированию особого научного направления, разрабатывающего новые подходы и методы изучения религии в интернет-пространстве. К. Хэлланд предложил разделение на «религию онлайн» (religion online) и «онлайн-религию» (online religion)[4]. Религия онлайн предполагает прежде всего информирование пользователей о религии в целом, отдельных мероприятиях и т.п. и в основном ориентирована на реальную «оффлайновую» деятельность религиозных сообществ. Онлайн-религия ориентирована на виртуальные религиозные действия в сети. Интересно, что первоначально гипотеза К. Хэлланда состояла в том, что традиционные «официальные религиозные группы» коррелировали с религией онлайн, а неофициальные религиозные веб-сайты – с онлайн-религией. Вместе с тем, эта точка зрения была подвергнута критике, в которой отмечалось, что даже на относительно простых информационных сайтах официальных религиозных сообществ, например Конгрегационалистской церкви, есть возможность интерактива в виде «онлайн-формы заказа молитвы» [5, с. ⁹³⁻¹⁰⁶]. В 2006 году Кэмпбелл Х. определила четыре различающиеся в Интернете формы религии как онлайн сбор религиозной информации, онлайн ритуалы и богослужения, онлайн рекрутирование и миссионерская деятельность и религиозное онлайн-сообщество [3, с.3-6].

Хотя позже, в 2010 году, К.Хелланд признал, что предложенная им дихотомия становится все более «расплывчатой» и «смешанной», разделение онлайн-религии и религии онлайн все еще служит важным инструментом в описании различий в стратегиях религиозной виртуальной активности групп и индивидов [2, с. 3].

Кроме того, в последнее десятилетие появляется новый термин «цифровая религия»(digital religion) как описание технологического и культурного смешения пространства религиозных сфер онлайн и оффлайн. Религия в интернете несет отпечаток как онлайн-культуры с ее интерактивностью и контентом, наполняемым пользователями, так и традиционной религии с верованиями и ритуалами, связанными с исторически возникшими сообществами [2, с. 4].

В целом, изучение представленности религии в сети Интернет в свете все более возрастающего его влияния на жизнь людей представляет собой одно из наиболее перспективных направлений социологического изучения религиозной жизни. С самого начала создания Интернета возникает потребность в его изучении, обусловленная как стремлениями его прикладного использования, так и с позиций фундаментальной науки. Аналитический центр Юрия Левады на основе репрезентативной выборки из 1600 человек от 18 лет и старше из 130 городских и сельских населенных пунктов 45 регионов страны ежемесячно проводит омнибусный опрос, позволяющий получить данные в краткие сроки. Исследования также проводятся крупными интернет-компаниями Яндекс и Mail Group. Кроме того, существует развитая сеть исследовательских центров, таких как TNS, comScore, Brand Analytics, занимающихся интернет-исследованиями разной направленности. Квантитативные методики построены на измерении количественных характеристик Интернета и интернет-взаимодействия и обладают большими возможностями в изучении виртуальной религии. Вместе с тем, появление сети Интернет во многом обусловило возникновение проблемы «больших данных» как несовершенства существующих методов сбора и анализа данных.

При помощи сервиса Goggle Тренды существует возможность подсчета доли исследуемого запроса в общем числе поисковых запросов в Google за определенное время. Средняя доля поискового запроса «буддизм» за период с февраля 2004 по апрель 2015 составляет 10 с трендом на увеличение, на основании чего в системе ему присвоен статус «сверхпопулярного» запроса. В ходе исследования была произведена серия запросов в поисковой системе Google по ключевым словам, представленным в таблице 1.

Из данных таблицы видна существенная разница между англоязычным и русскоязычным сегментами Интернета по количеству результатов, что является отражением существующих различий по наиболее важным параметрам сети – количеству пользователей и сайтов. Можно отметить также превалирование результатов отражающих территориально-географическую привязку, над теми, которым характерна скорее этно-территориальная атрибуция российского буддизма. Так, результаты запросов «буддизм» «Бурятии», «Тувы (Тывы)», «Калмыкии» почти в три раза превышают результаты по «бурятский», «тувинский», «калмыцкий». Вместе с тем, для запросов по другим странам это различие несущественно, например «тибетский буддизм» и «буддизм Тибета».

Таблица 1 – Результаты запросов в поисковой системе Google. 10-14.12.2014

Наименование поискового запроса	Результатов, примерно
Buddhism	5 330 000
Буддизм	750 000
Российский буддизм	403 000
Буддизм в России	853 000
Русский буддизм	495 000
Буддизм Бурятии	89 400
Бурятский буддизм	34 000
Буддизм Тува	63 400
Буддизм Тыва	75 200
Тувинский буддизм	16 600
Буддизм Калмыкии	68 700
Калмыцкий буддизм	23 000
Тибетский буддизм	191 000
Буддизм Тибета	173 000
Тибето-монгольский буддизм	23 000
Китайский буддизм	350 000
Буддизм Китая	394 000
Японский буддизм	228 000
Буддизм Японии	345 000

Показательно, что запрос «русский буддизм» сопряжен с запросами «русский буддизм как это возможно», «русский будда», «стихийный русский буддизм», а запрос «Буддизм в России» с «буддизм в России презентация», «буддизм в России реферат», «буддизм в России кратко», «буддизм в России журнал». Можно предположить, что интерес российских пользователей во многом обусловлен учебными целями, поскольку впервые большинство российских учащихся знакомятся с буддизмом в рамках школьного курса ОРКСЭ и продолжают его изучение, причем весьма поверхностное по большей части, в учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования в нормативных курсах философии, культурологии, социологии и истории религии. Довольно трудно подсчитать долю учебной онлайн-информации в виде рефератов или курсовых работ, но можно констатировать ее довольно большой объем. Так, по запросу «буддизм в России презентация» поисковая система выдает 99 600 результатов.

Таким образом, можно констатировать, что представленность буддизма в сети возрастает, буддийские религиозные сообщества используют новые формы коммуникации и успешно осваивают виртуальное пространство. Вместе с тем, представляют интерес особенности формирования структуры буддийского виртуального сообщества, социальные практики включения в него новых членов и то, каким образом происходит взаимодействие «новых» и «традиционных» буддийских направлений и групп.

Библиографический список:

1. Campbell H. Ed. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds – Routledge, 2012.
2. Campbell H. Ed. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds – Routledge, 2012.
3. Campbell H. Ed. Religion and the Internet // Issue of Communication Research Trends. 2006. Vol. 25. Iss.1. P. 4-6.
4. Helland C. Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet // Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet Volume 01.1 Special Issue on Theory and Methodology, (2005). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf>
5. Young G. Reading and Praying Online: The Continuity of Religion Online and Online Religion in Internet Christianity// Religion Online: Finding Faith on the Internet. New York: Routledge, 2004. P. 93-106.
6. Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2014. 95 с.
7. Мужчины vs Женщины. Исследование gemiusAudience. Россия. Август 2012/2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gemius.ru/otchety-i-prezentacii/muzhchiny-vs-zhenschiny-v-runete-kto-kogo-4617.html>
8. Новости в Интернете: СМИ и читатели [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://company.yandex.ru/researches/reports/2014/ya_news.xml

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОСНОВНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ УРОВНЯ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Бальжинимаева Е.П.

Одним из важнейших и ключевых направлений внутренней политики государства на современном этапе развития, является преодоление бедности и повышения уровня жизни населения. Истоки неравенства населения, его отдельных групп и представителей обусловлены не только естественными различиями физических и интеллектуальных способностей людей, но также и разными возможностями к доступу ограниченных ресурсов, позволяющим наиболее удачливым приобретать высокие статусные позиции.

Социально-экономические процессы последних десятилетий затронули интересы большей части населения страны, привели к интенсивным процессам внутренней и внешней миграции, усилению горизонтальной и вертикальной мобильности внутри общества.

При этом группы, сумевшие успешно адаптироваться к рыночным условиям приобрели и накопили состояние и стали богатыми, а другие менее успешные и менее удачливые либо остались в прежнем положении, либо опустились по иерархической лестнице на более низкий уровень, приобретая статус бедных. В результате кардинальных сдвигов, прежде всего, в экономике и социальной сфере, происходят глубинные процессы, связанные с трансформацией структуры современного общества. Состав и структура населения в настоящее время имеет более сложный, подвижный характер по сравнению с дореформенным периодом. Для системной характеристики дифференциации населения в научных исследованиях широко используется критерий уровня жизни (в широком смысле уровень благосостояния).

Уровень жизни – это комплексная социально-экономическая категория, отражающая уровень развития физических, духовных и социальных потребностей, степень их удовлетворения и условия в обществе для развития и удовлетворения этих потребностей.

Основными показателями, характеризующими уровень жизни, являются оценки доходов и расходов, потребления материальных благ и услуг, условия жизни, валовый региональный продукт (ВРП), свободное время и т.д. Эти показатели изучаются в целом по всему населению и социальным группам в частности. Для характеристики доходов населения используют показатели номинальных, располагаемых и реальных располагаемых доходов, включая и заработную плату наемных работников [1, с. 39].

Анализ отечественных и зарубежных источников показывает многообразие существующих показателей оценки уровня жизни. Основными из которых, на наш взгляд, являются следующие: величина среднедушевых располагаемых доходов в зависимости от прожиточного минимума (ПМ); наличие имущества (движимого и недвижимого); наличие сбережений; уровень потребления.

Исходя из этих параметров, выделяются следующие группы (слои) населения:

- высший – высшая бюрократия, крупные предприниматели, менеджеры, владельцы и совладельцы крупных предприятий, высокопоставленные специалисты (руководители общественных организаций и учреждений) и высшие офицеры;
- новый средний – средние и мелкие предприниматели (руководители малых предприятий, индивидуальные предприниматели), государственные и муниципальные служащие среднего звена, высококвалифицированные специалисты и т.д.
- средний – научные работники, преподаватели, врачи, работники сферы культуры и других услуг, служащие государственных и муниципальных органов;
- новый нижний – малоквалифицированные специалисты и рабочие, экономически неактивное население;
- нижний – лица, без определенного места жительства и работы, нищие, постоянно безработные и другие.

Мы имеем модель, которая, на наш взгляд, отражает не только основные тенденции расслоения современного общества в целом, но и регионального общества по выделенным критериям.

Таблица 1 – Модель расслоения современного общества

Высокодоходное население	Богатые	Высший
	Новые богатые	Новый средний
	Средние	Средний
Низкодоходное население	Новые бедные	Новый нижний
	Бедные	нижний
	Нищие	

В приведенной схеме высший слой соответствует богатым, новый средний – новым богатым, средние – средним слоям, новый нижний – новым бедным, а нижний – нищим.

Анализ статистических данных и результаты социологических обследований, позволяют сделать вывод о достаточно высокой степени дифференциации населения региона по критериям уровня жизни. В частности, богатые слои составляют в среднем по республике – 1,5%, средние – 18,7%, новые бедные – 59,9%, бедные и нищие – 20,9%.

Официальные статистические данные подтверждают сделанный нами вывод о достаточно высокой доли населения республики живущей за чертой бедности, ниже прожиточного минимума [2, с. 9].

Особый интерес представляют «бедные» слои населения. Бедные – это категория людей, которые не могут на имеющиеся средства удовлетворить основные потребности в пище, одежде, жилище, чей денежный доход ниже величины прожиточного минимума [3, с. 3].

Значительная часть малообеспеченного населения – это трудоспособные люди, для которых характерно преобладание таких членов семьи как учащиеся, пенсионеры, дети и безработные. В этих семьях в среднем на одного работающего приходится 1,3 иждивенца, в то время как в категории населения

с доходами выше прожиточного минимума на одного работающего на одного иждивенца приходится не более 1 иждивенца [4, с. 10].

Распределение населения с доходами ниже прожиточного минимума по основным социально-экономическим категориям показало, что в основном бедное население РБ – это работающие по найму люди – 39,3% («новые» бедные), дети до 15 лет (19,9%), учащиеся (15,0%) и пенсионеры (12,8%). Данная особенность неизбежно смещает структуру доходов в сторону уменьшения роли заработной платы и повышения значимости социальных трансфертов (пенсий, пособий, стипендий), уровень которых явно недостаточен.

По профессиональному составу бедных больше наблюдается среди работников сельского хозяйства и бюджетной сферы (образование, здравоохранение и культура). Анализ структуры трудоспособного бедного населения выявляет более высокий риск попадания в эту категорию, прежде всего, лиц с начальным образованием. Средним и неполным средним, но в то же время в этой группе присутствуют и лица с высшим образованием, что подтверждает макроэкономический характер причин бедности большинства низкодоходного населения.

Результаты социологических опросов и данные органов государственной статистики показали, что типичными признаками образа жизни «бедных» являются: плохое питание, недоступность или малодоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможности получить платное образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести свободное время, так как хочется. Следует отметить, что все вышеперечисленное оказывает существенное влияние на изменение менталитета, интересов, ценностных ориентаций представителей данного слоя, что может вызвать рост социальной напряженности в обществе, связанной с проблемой социальной справедливости.

С учетом этого одним из важнейших направлений государственного регулирования социально ориентированной экономики должно стать создание эффективной системы помощи бедному населению, защиты населения от безработицы и роста цен, создание системы социальных гарантий для всех слоев населения.

Библиографический список:

1. Абзаев П.Б. Социальная структура и дифференциация населения республики Бурятия // Анализ социально-трудовых и отраслевых проблем развития экономики Республики Бурятия: Сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 37-42.

2. Уровень жизни населения и безработица в Республике Бурятия в сравнении с соседними регионами // Аналитическая записка 04-02-10. 2011.

3. Социально-экономические индикаторы бедности в 2008-2011 гг. М., 2012.

4. Бальжинимаева Е.П. О некоторых аспектах социальной структуры населения РБ) // Современное развитие регионов России: политические, социальные и экономические аспекты. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2015.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГУ)

Баронина А.А.

В современном обществе вполне обоснованно сложилось представление о молодёжи как наиболее активной социально-демографической группе, особенности и проблемы которой нуждаются в осмыслении и изучении. Уровень социальной, правовой и политической культуры молодого поколения – один из важнейших показателей развития государства в целом. Именно этим обстоятельством вызвано повышенное внимание к проблеме молодежной активности в различных сферах ее проявления. Вместе с социальной, экономической и культурной активностью молодёжи, особо следует отметить ее политическую активность, которая, в свою очередь, может проявляться с разной степенью интенсивности. Результаты социологических исследований показывают, что уровень политической активности молодежи стабильно низок в современной России, что можно отметить как тенденцию, отрицательно влияющую на развитие общества. Политическая активность – неотъемлемая часть политической социализации молодого поколения, которая является фундаментом для функционирования политической системы [1, с. 57]. Под политической активностью следует понимать осознанное желание молодых людей влиять на ход политического процесса, посредством реализации своих возможностей и использования средств и методов, имеющихся в политической системе общества. При этом, степень интенсивности реализации желания различна [2, с. 8].

Проблема политической активности молодёжи в Иркутской области разработана слабо. Данная тема изучена в основном только в работах Р.Ю. Зуляр, таких как, «Российская государственная молодежная политика: состояние, проблемы и перспективы»; «Проблемы политической социализации студентов в Байкальском регионе на рубеже XX–XXI вв.»; «Значение и роль вузов в формировании политической активности студенчества» и др. Такой низкий уровень изученности проблемы политической активности молодежи придает этой теме особую актуальность и требует детального рассмотрения.

Цель данного исследования: обозначить направления исследований молодежи на историческом факультете ИГУ с подробным обзором выпускной квалификационной работы автора статьи (основная цель которой заключается в изучении политической активности студенческой молодежи), защита которой планируется в 2017 г.

В рамках написания выпускных квалификационных работ на историческом факультете Иркутского государственного университета по направлению подготовки «Политология» за период с 2015 г. было защищено несколько исследований, посвященных изучению различных проблем молодёжи. В 2015 г. была защищена работа Я.Д. Никулиной «Реализация государственной молодежной политики в начале XXI в. на территории Иркутской области». Эмпирическую часть работы представляет комплексное исследование: социологический опрос экспертов (34 специалиста отделов по делам молодежи из 18 муниципальных образований области) и проведенные глубинные интервью с тремя из них. В том же году была защищена работа А.В. Головановой «Деятельность общественных организаций и объединений Иркутской области по формированию патриотизма молодежи как аспект политической социализации в современный период». Эмпирическую часть работы представляет экспертный опрос (15 экспертов: члены Комиссий Общественной Палаты Иркутской области, организаторы и представители молодежных общественных организаций патриотической направленности г. Иркутска, преподаватели) методом гайд-интервью и вторичная обработка данных Реестра организаций патриотической направленности области.

В 2016 г. защищена работа Д.А. Григорьева «Политический абсентеизм молодежи: факторы преодоления (на примере выборов губернатора Иркутской области 2015 г.)». Эмпирическая база исследования: пилотажное социологическое исследование (методом анкетирования 160 респондентов) и формализованный опрос десяти специально отобранных представителей молодежи Иркутской области (по критерию наличия позиции абсентеизма) [3].

В 2017 г. планируется к защите две выпускных квалификационных работы, которые находятся в настоящее время на стадии проведения эмпирического исследования. Первая работа А.В. Поповой «Политическое сознание современной студенческой молодежи как результат воздействия институтов (на примере дихотомии: СМИ – Высшая школа в г. Иркутске)». Вторая работа – автора статьи «Политическая активность современной студенческой молодежи как результат социализации (на примере г. Иркутска)».

Помимо этих работ на факультете в процессе разработки находятся следующие направления: изучение политических ценностей студенческой молодежи г. Иркутска, исследование политической грамотности молодежи города, написание истории государственной молодежной политики области за период с 1991 г. по настоящее время.

В рамках обозначенной тематики социологических исследований, автор статьи видит целью своей работы (в рамках написания ВКР) определение уровня политической активности студенческой молодежи г. Иркутска, а также выявление факторов, непосредственно оказывающих влияние на степень интенсивности ее проявлений. Для того, чтобы детально рассмотреть данную проблему, важно знание сущности таких процессов, как политическая социализация, политическая активность, политическое участие, т. е. необходимо постоянно получать о них достоверную и обоснованную информацию. Источником такой информации в нашем исследовании являются социологические методы.

Теоретические методы, используемые в работе, включают в себя анализ авторефератов на тему политической социализации и социально-политической активности молодежи на примере изученности этой проблемы в других регионах России. Также используется анализ теоретической литературы таких исследователей, как Г. Алмонд, Ж.Т. Тощенко, Е.Б. Шестопап, Ю.И. Мастерова, Н.П. Поливаева, Л. Милбрайт. Изучение теоретической основы вопроса даёт возможность чёткого определения категориально-понятийного аппарата, выделения критериев исследования, факторов, влияющих на процесс политической активности молодого поколения.

Эмпирическое исследование представляют собой длительную и многоаспектную работу, включающую, во-первых, социологический количественный опрос студенческой молодежи г. Иркутска в возрасте от 18 до 30 лет. Акцент сделан на молодежи, обучающейся в иркутских вузах на основе того, что именно в студенчестве молодые люди проявляют наибольшую активность в различных сферах, в связи с неустоявшимися конкретно ориентированными взглядами, поиском себя в социуме и желанием оказывать влияние на социально-политическую жизнь в своем регионе. Респондентами в опросе выступают студенты крупных университетов города, на основе репрезентативной выборки. Срок проведения опроса – ноябрь 2016 г. – январь 2017 г.

Анкета количественного опроса включает в себя вопросы, составленные по следующим критериям: интерес молодежи к политике; политическая активность, рассмотренная в ракурсе политического участия и выстроенная по трем основным теоретическим группам: созерцательная активность, переходная активность, гладиаторская активность (Л. Милбрайт); протестный потенциал молодого поколения города; мотивация молодежи, участвующей или не принимающей участия в политической жизни г. Иркутска; отношение молодых людей к гражданскому обществу, то есть определение эффективности гражданских инициатив, как площадки для политической активности, в глазах студенческой молодежи; оценка необходимости повышения политической активности молодежи непосредственно представителями этой социальной группы (именно через данный аспект планируется выйти на разведение таких понятий как политическая грамотность и политическая активность, определение сущности каждого из них).

Следующим этапом исследования предполагается глубинное интервью, направленность которого в большей степени будет зависеть от результатов количественного опроса. Представляется правильным сделать акцент на двух подгруппах студентов, которые будут выступать респондентами в интервью.

Первая подгруппа – социально-политические активисты, стабильно участвующие в политической жизни города и региона в целом. Целью интервью с этой подгруппой является определение мотивации, влияющей на интенсивную или неинтенсивную политическую активность молодежи, а также вынесение основных положений и методов, которые следовало бы применить для поднятия уровня активности молодых людей в этой сфере.

Вторая подгруппа респондентов должна включать в себя студентов, которые абсолютно не участвуют в социально-политической жизни города и региона. Планируется выявить основные причины отсутствия политической активности и факторы, порождающие нежелание влиять на ход социально-значимых политических процессов.

В ходе обобщения результатов проведённых социологических методов исследования, будут выявлены основные тенденции политической активности молодежи, характерные для г. Иркутска. На основе полученных данных, сложится определённая картина уровня интенсивности проявления политической активности, как одной из базовых составляющих политической социализации молодого поколения. Такого рода исследование может служить уникальной возможностью для определения методов и средств повышения уровня политической активности молодежи в г. Иркутске, а также для разработки направлений работы в сфере молодежной политики, взаимодействия власти с молодым поколением и привлечения молодежи к политическому участию, посредством прямого воздействия на факторы, играющие основную роль в этом направлении.

Библиографический список:

1. Гукова И.Н. Развитие общественно-политической активности молодежи на основе взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы. при Президенте РФ. Орел, 2016. 179 с.
2. Зуляр Р.Ю., Григорьев Д.А. Политический абсентеизм молодежи: протестное голосование как фактор преодоления (на примере выборов губернатора Иркутской области 2015 г.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 56-67.
3. Мастерова Ю.И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: автореф. дис. канд. полит наук: 23.00.02; ГУ ВШЭ. М., 2009. 32 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ИНДИКАТОР УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Батина О.Э.

В условиях глобализации мы часто сталкиваемся с борьбой между различными государствами. Процессы глобализации приводят к необходимости переосмысления оснований толерантности. Таким образом, толерантность выступает как ценность и обретает особую актуальность [1, с. 254].

Россия является поликультурным государством. В связи с этим возникает потребность в новом мировоззрении, которое будет направлено на объединение культур и народов с целью их дальнейшего сближения и духовного обогащения. При всей важности распространения представлений о толерантности в России следует учесть, что оно наталкивается на значительное сопротивление, поскольку воспринимается как импорт зарубежных идей, противоречащих привычному для россиянина образу мысли и образу жизни. Однако как общественное явление толерантность имеет давние традиции в социокультурной жизни России [2, с. 311].

В исследовании уровня этнической толерантности населения важным является измерение социальной дистанции между людьми разной национальности. Для этого было решено провести

исследование, направленное на измерение национальной дистанции жителей г. о. Тольятти методом анкетирования с применением шкалы Богардуса. С помощью шкалы социальной дистанции можно охарактеризовать степень близости или отдаленности различных социальных и этнических групп и отдельных людей друг от друга. Чем выше показатель шкалы, тем более толерантным является индивид. Баллы в шкале распределяются следующим образом:

- согласен допустить в качестве члена семьи – 1 балл;
- согласен допустить в качестве близких друзей – 2 балла;
- согласен допустить в качестве соседей – 3 балла;
- согласен допустить в качестве коллег по работе – 4 балла;
- согласен допустить в качестве жителей нашей страны – 5 баллов;
- согласен допустить в качестве туристов – 6 баллов;
- вообще не допускал бы – 7 баллов.

Наше социологическое исследование было посвящено проблеме социальной дистанции жителей г. о. Тольятти по отношению к представителям другой национальности. Всего в опросе приняло участие 50 респондентов. В свою очередь респонденты делились на 4 возрастные группы: 18-30 лет, 31-40 лет, 41-50 лет, 51-60 лет.

Также выделялась такая социально-демографическая характеристика как уровень образования. Это связано с тем, что уровень образования предположительно влияет на уровень толерантности положительно.

Что касается интегральных индексов национальной дистанции, то они распределились неоднозначно в зависимости от национальности. Самый высокий индекс национальной дистанции получили такие национальности как «дагестанцы» – 5,6, «чеченцы» – 5,48. Данные показатели располагаются между 5 и 6 баллами. Это свидетельствует о том, что «дагестанцев» и «чеченцев» готовы допускать лишь «в качестве туристов». На основе полученных индексов можно сделать вывод об отсутствии толерантности к представителям данных национальностей и о «национальной изолированности» к ним.

Далее располагаются следующие национальности: «узбеки» (4,98), «китайцы» (4,96), «азербайджанцы» (4,68), «американцы» (4,6), «грузины» (4,36), «англичане» (4,26), «французы» (4,22), «немцы» (4,1). Данные индексы находятся между 5 и 4 баллами. Из этого следует, что к представителям вышеперечисленных национальностей существует склонность к «национальной обособленности» и принятию их в «качестве жителей страны или региона».

К представителям следующих национальностей у респондентов наблюдается определенный уровень толерантности и «степень открытости к контактам». К числу таких национальностей относятся «евреи» (3,98), «башкиры» (3,88), «армяне» (3,82), «украинцы» (3,3). Эти народности респонденты могут рассматривать как «коллег по работе» и «соседей по дому».

Особое место среди всех национальностей занимают «татары» (2,98) и «белорусы» (2,66). Индекс национальной изолированности к ним оказался самым незначительным, ниже 3. Это свидетельствует о том, что «татар» и «белорусов» респонденты готовы принять как «соседей по дому» или «близких друзей».

Немало важным для нас было узнать, как отличаются индексы национальной дистанции по половой принадлежности респондента. Оказалось, что уровень национальной дистанции мужчин и женщин зависит от той или иной национальности. К примеру, к такой национальности как «дагестанцы» женщины являются более «национально изолированы» (5,85), чем мужчины (5,3). Такая же тенденция проявляется в отношении к представителям следующих национальностей: «чеченцы» (женщины – 5,67; мужчины – 5,26), «узбеки» (женщины – 5,04; мужчины – 4,91), «китайцы» (женщины – 5; мужчины – 4,91), «азербайджанцы» (женщины – 5,1; мужчины – 4,17) и ряду других национальностей. Однако к «французам», «англичанам», «немцам», «американцам», «китайцам», «евреям», «белорусам» и «татарам» у мужчин индекс национальной дистанции выше, чем у женщин.

В исследовании степени национальной дистанции важным является выяснить то, как образование влияет на уровень толерантности к представителям других национальностей. Выяснилось, что респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием менее «национально изолированы», чем респонденты со средним и средним специальным образованием. Самый высокий индекс наблюдается у национальностей «дагестанцы» – 5,95 и 5,37 соответственно. Стоит отметить, что среди респондентов со средним образованием чаще встречается индекс больше 5. Индекс ниже 5 получили такие национальности как «татары», «башкиры», «грузины», «армяне», «украинцы», «белорусы» и «евреи». Стоит отметить, что респонденты со средним уровнем образования не готовы вступать в дружеские и семейные отношения с представителями других национальностей.

Важно отметить, что респонденты с высшим образованием готовы допускать в качестве близких друзей «украинцев» и «татар». «Белорусам» был присвоен самый низкий индекс – 2,17. Это говорит о том, что с представителями данной национальности респонденты готовы вступать в родственные связи.

Следующим критерием, по которому нам было важно сравнить респондентов – это возраст. Оказалось, что респонденты в возрасте 18-30 лет проявляют большую терпимость, так как индекс изолированности в их группе самый низкий – 2,41 в отношении к белорусам. Затем следует возрастная группа 51-60 лет с индексом 2,57 по отношению к татарам. Наименьший индекс изолированности респондентов в возрасте 31-40 лет равен 2,6 (украинцы). Наименее терпимыми является возрастная группа 41-50 лет с индексом 2,88 – к белорусам. Таким образом, к такой национальности как «белорусы» наименьшую степень изолированности проявляют две возрастные группы респондентов: 18-30 лет и 41-50 лет. Стоит отметить, что к такой национальности как «башкиры» молодежь наоборот менее толерантно, чем старшее поколение. Так, респонденты в возрасте 18-30 лет отмечают индекс 4, респонденты в возрасте 31-40 лет – 3,2, респонденты в возрасте 41-50 – 3,63. Однако в возрастной группе 51-60 лет сохраняется высокая изолированность (4,57). Самым высоким индексом изолированности оказался индекс у респондентов в возрасте 31-40 лет к национальности «дагестанцы» (6,8). Этот индекс свидетельствует о проявлении ксенофобии и нежелание допускать в свою страну представителей данного народа. Изолированными возрастная группа 31-40 лет оказалась и к национальности «чеченцы» с индексом 6,6. Респонденты в возрасте 51-60 лет оказались наиболее изолированными к «англичанам» с индексом 6. Англичан данная возрастная группа согласна принимать лишь в качестве туристов. Респонденты от 41 до 50 лет, как и респонденты от 18 до 30 лет к наиболее изолированным отнесли «дагестанцев» - индексы 5,63 и 5,45 соответственно.

Подводя итоги полученных результатов, выяснилось, что проявление той или иной национальной изолированности и обособленности к представителям других национальностей зависит от ряда факторов. К ним относится возраст, пол, уровень образования. Стоит отметить, что уровень социальной дистанции так же зависит от конкретной национальности. Наименее дистанцированными стали «татары» и «белорусы». К числу национальностей, представителей которых респонденты считают «чужими» относятся «дагестанцы» и «чеченцы». Несомненно, важным является тот факт, что в ходе нашего исследования явного проявления ксенофобии у жителей г. Тольятти не обнаружилось.

Библиографический список:

1. Желнина Е.В. Понимание и границы толерантности в современном российском обществе (социологический анализ русского фольклора) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. Тольятти, 2013. С. 254-261.
2. Стоян Ю. В., Желнина Е. В. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое положение индивида в г. о. Тольятти // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. Тольятти, 2013. С. 311-327.

ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Башарова Р.Р.

Политика государства может быть ориентирована на различные ценности: на поддержание положения в мире, развитие промышленности, обогащение страны или на социальную составляющую. В настоящее время социально-ориентированные страны расположены в развитых странах Европы. В РФ после распада СССР наблюдается большая направленность на разрешение внешних конфликтов и повышение рейтинга РФ в мире. Однако поддержание приемлемой социальной ситуации в стране необходимо для дальнейшего развития экономики, так как социальная сфера тесно взаимосвязана с экономической и политической.

Одним из показателей эффективности социальной политики является показатель уровня жизни. Уровень жизни – комплексный показатель, который по методике расчета ООН включает в себя следующие характеристики: рождаемость и смертность; санитарно-жилищные условия; уровень потребления продуктов питания; жилищные условия; уровень образования и культуры; условия труда и занятости; сопоставление доходов и расходов населения; потребительские цены; обеспечение транспортом; возможность отдыха; уровень развития система социального обеспечения; обеспечение прав и свобод человека [2]. Таким образом, уровень жизни и его повышение не регламентируются определенным законом, но характеризует социальную политику в целом.

В 2015 году Россия по уровню жизни заняла 58 место в мире из 193 стран, при этом по сравнению с 2014 годом РФ улучшила свое положение на 10 пунктов из-за спада волны кризиса 2014 года [3]. Таким образом, Россия в динамике имеет не столь высокий показатель уровня жизни как у развитых стран, что свидетельствует о большом потенциале развития в данной области.

Уровень жизни в различных субъектах РФ не однороден. На протяжении 2013-2015 годов наблюдалась стабильная динамика высокого уровня жизни в Москве, Санкт-Петербурге и Республике Татарстан. Наиболее низкие значения данного показателя наблюдаются в республиках Алтай, Калмыкия, Тыва [3]. В целом, только Москва является единственным субъектом с высоким уровнем жизни; остальные характеризуются средним, низким и очень низким уровнем жизни.

Такие результаты рейтинга свидетельствуют о неравномерном развитии регионов РФ и о том, что общая политика правительства РФ претерпевает существенные изменения на уровне муниципального управления. Соответственно, для выравнивания уровня жизни РФ в различных регионах необходима разработка общих стандартов управления в муниципальных образованиях.

На сегодняшний день проблема низкого уровня жизни напрямую связана с теневым сектором экономики и нарушением закона. Согласно опросу РБК, 30% россиян считают, что повысить уровень жизни можно за счет перехода в теневую часть экономики, так как правовое регулирование в настоящее время не является совершенным [4].

Показатель уровня жизни является комплексным, поэтому общее сокращение показателя свидетельствует о среднем ухудшении организации социальной политики в регионе. Для достижения социальных целей в сферах здравоохранения социального обеспечения, образование и т.д., из бюджета РФ в региональные бюджеты выделяется определенная сумма средств для поддержания развития региона. Однако в связи со слабым контролем и слабо продуманной стратегией развития региона большая часть средств выходит их бюджета в результате хищений и непроизводительных трат [1].

Таким образом, для улучшения ситуации в регионах по показателю уровня жизни необходимо повышение контроля бюджетных затрат регионов. Для этого необходимо использовать не только отчетность о расходах, которая может быть сфальсифицирована, и показатели эффективности социальной политики, конкретные результаты. В целях эффективного планирования деятельности региона следует ужесточить выбор стратегии развития субъектов РФ, которая должна приниматься не разрозненно, а в соответствии со стратегиями ближайших регионов и соответствовать общим целям социальной политики государства. Ужесточение ответственности за соблюдение намеченной

программы позволит увеличить заинтересованность органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных органов в соответствии намеченной стратегии.

Таким образом, уровень жизни отдельных субъектов РФ существенно снижает уровень жизни РФ в целом. При этом слабое управление в рамках муниципальных образований вызвано некачественным планированием стратегии развития региона и слабым контролем его выполнения со стороны органов высшей власти. Соответственно, принятие мер по исправлению существующих проблем позволит повысить уровень жизни граждан в муниципальных образованиях.

Библиографический список:

1. Минякова Т.Е. Уровень жизни населения: перспективы и тенденции развития (на примере России и Китая). Ульяновск: УлГТУ, 2012. 135 с.
2. Хисамутдинов И.А. Основы экономики и теории рынка. М., 2010
3. Салихова С.Ф., Лукашевич И.В. Социально-экономическое развитие регионов: проблемы, анализ и пути решения // Экономика и социум. 2013. № 2-3 (7). С. 39-41.
4. Салихова С.Ф., Локошко Е.А. Выравнивание уровня регионального развития Республики Башкортостан // Экономика и социум. 2013. № 2-3 (7). С. 49-50.
5. Рейтинг стран по уровню жизни [Электронный ресурс] URL:<http://gotoroad.ru/best/indexlife>
6. Третью россиян связали повышение своего уровня жизни с повышением дохода [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/economics/25/10/2016/580f55949a7947af189b451b>

**МОТИВЫ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОД (НА ПРИМЕРЕ С. СУХОЙ
КАРАБУЛАК БАЗАРНО КАРАБУЛАКСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ):
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ**

Бегина И.А., Бегина А.А., Козлов В.А.

Прошедшее столетие и наш XXI век стали переломными в развитии человечества. Произошло и происходит множество изменений во всех сферах общества: развивается научно-техническая база, совершенствуются технологии, наконец, растут и множатся города. Одной из важных причин роста городов является миграция населения, которая в настоящее время имеет огромный размах, происходит массовый отток населения из мест своего постоянного проживания в новые. Особое место занимает миграция сельского населения. Процесс перемещения населения из села в город сопровождается нередко сокращением сельских жителей, а также накладывает существенный отпечаток на социальную жизнь и города, и деревни. Особым образом сказывается миграция из села в город на самих сельских жителях. Ведь каждый из них меняет место жительства, место работы, род своей деятельности, появляется новое социальное окружение и, порой, очень нелегко проходит адаптация к новым условиям. Именно из-за вышеуказанных, а также ряда других проблем возникла потребность в исследовании миграции сельского населения из села в город.

Миграция населения – сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям процесс [1, с. 14]. По Т.И. Заславской [2, с. 12] миграция сельского населения включает перемену места жительства в пределах сельской местности, т.е. переезд из села в село, и миграцию населения из сел в города. В 60-е гг. XX века большой вклад был внесен в разработку методов изучения миграции и измеряющих ее показателей. В этой связи стоит упомянуть работы В.И. Переведенцева [3, 4], Ж.А. Зайончковской [5], Т.И. Заславской [6], которая одной из первых указала на то, что причины миграции лежат не только в закономерностях развития производства, но и в трансформирующихся потребностях, интересах и стремлениях людей; формирование миграционных установок происходит, с одной стороны, под воздействием внешних обстоятельств и стимулов, с другой – в силу особенностей самого индивида [7, 8]. Возникла необходимость в принципиальном методологическом и терминологическом уточнении, которое и было сделано Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковским [9].

Наряду с этим возникла острая потребность в социологическом мониторинге сельско-городской миграции, в том числе – в Саратовской области. Исходя из этого, в 2015 году был проведен социологический опрос населения села Сухой Карабулак Саратовской области, посвященный выяснению мотивов миграции в город. Было опрошено 30% совершеннолетнего населения по квотной выборке – 324 человека. Критерии отбора – пол, возраст, образование. Население, обладающее разными социально-демографическими характеристиками, различается своими миграционными ориентациями.

При ответе на вопрос «Довольны ли Вы нынешней государственной политикой в области сельского хозяйства?» возникла картина, которую можно было предположить заранее. Во многих селах, деревнях России царит нищета, безработица; местная власть, которая вроде бы и должна бы помочь сельскому труженику, на самом деле практически помогает мало.

Более того, что в селах острая нехватка сельскохозяйственной техники, на которой могли бы работать сельчане. Естественно, что большинство респондентов села Сухой Карабулак совсем не довольны проводимой государством политикой в области сельского хозяйства (60%). 28% респондентов вообще затруднились ответить на данный вопрос, возможно из-за безразличного отношения или из-за не информированности в данной области. 7,3% скорее не довольны нынешней государственной политикой в области сельского хозяйства. Скорее довольны – 3,7% опрошенных, и, лишь 1,2% оказались полностью довольными нынешней обстановкой в сельском хозяйстве и не имеющими к государству никаких претензий.

И «проводимая» государством политика в области сельского хозяйства, и отсутствие рабочих мест, да и многие другие факторы повлияли на отношение респондентов к сельскому и городскому образам жизни, а также на желание жить в деревне, или в городе. 39% опрошенных считают, что лучше жить в деревне. 38% полагают, что лучше жить в городе. 4% считают, что «была бы работа, то лучше жить в селе».

33% опрошенных устраивает сельская жизнь, 20% указали, что скорее устраивает, чем нет. 27% категорично ответили - «нет», 16% - для себя решили, что жизнь в селе не для них. Самым большим недостатком сельской жизни стала тяжесть ведения сельского хозяйства (17% ответов). Такова же доля ответов, указывающих на нехватку рабочих мест, низкую заработную плату .18% ответов указали на неограниченный рабочий день, 14% - на плохую работу учреждений культуры, 7,6% – на нехватку свободного времени, 3,4% - на неустроенность быта, плохое медицинское обслуживание, отсутствие удобств, 3% - на непривлекательный внешний облик села, не благоустроенность улиц, грязь. Только 6,2% ответов свидетельствуют о том, что сельские жители не видят недостатков в своей жизни.

В числе плюсов городской жизни - наличие рабочих мест, приемлемой заработной платы, а также удобств (23%). Многим в селе не хватает развлекательных мест (20%). 9,7% ответов указывают на такие достоинства городского образа жизни, как ограниченный рабочий день, наличие свободного времени, улучшенные бытовые условия, хорошее медицинское обслуживание. Для 4% важно то, что в городе можно продолжить свое образование.

В селе Сухой Карабулак проходит железная дорога, и постоянный доступ к городу обеспечен. Многие жители села так и живут – утром на электропоезде на работу, а вечером на том же виде транспорта домой. Хотя заработная плата совсем маленькая, но она и позволяет хоть как-то существовать. Среди мотивов переезда в город доминирует нехватка денег (21% ответов). Далее - стремление жить со своими детьми или другими родственниками (19% ответов), или желание сменить место работы (14% ответов), состояние здоровья (12% ответов). В других случаях селяне нашли в городе хорошо оплачиваемую работу (19,8% ответов). У некоторых были причины еще более личного характера, такие как женитьба на городской девушке, либо замужество (7,4% ответов). Другие - стремились повысить свой образовательный уровень, приобрести профессию (6,6% ответов). В 4,9% - просто нравится город, и они давно хотели там жить. 2,5% ответов дали те, кто получили образование и решили остаться в городе Саратове. В ряде случаев причиной переезда в город стал разрыв семейных уз, иначе говоря, развод – (1,6% ответов). Переехав в город, многие

приступили к реализации намеченных планов и обустройству в городе. Каков же результат? А результат немного неожиданный – 23% респондентов совершенно не довольны сложившейся ситуацией, им приспособиться к городским условиям не удалось. В противовес этим 21% респондентов все же полностью реализовали свои планы в городе и довольны ситуацией. 20% опрошенных реализовывают свои планы по мере возможностей, а 17% все время находятся в движении, несмотря на то, что они получили не совсем то, что ожидали, многое еще предстоит сделать. Большую часть планов, имея некоторые проблемы, удалось осуществить 15% опрошенных. И 4,9% респондентов затруднились ответить.

Респондентам было предложено оценить, насколько они удовлетворены проживанием в городе (по пятибалльной шкале). Вот, что получилось. 11% опрошенных оценили свою удовлетворенность проживанием в городе очень низко – всего лишь на 1 балл; вдвое больше – 21% оценили на 2 балла. 27% респондентов удовлетворены проживанием в городе на 3 балла, скорее всего это респонденты, которые динамично реализовывают намеченные цели. 34% оценили свою удовлетворенность проживанием в городе на 4 балла. Лишь 7,3% респондентов смогли с полной уверенностью сказать, что их жизнь в городе идет «на отлично», т.е. удовлетворены они полностью.

Каким же образом респонденты соотносят город и село со своими детьми, каковы перспективы будущего детей респондентов глазами самих респондентов. У большей части опрошенных дети живут в городе – таковых 41%. 16% респондентов живут вместе со своими детьми в селе. У 9,8% респондентов дети живут и в городе, и в селе. Многие респонденты, имеющие детей, считают, что лучше всего их детям жить в городе – 46% опрошенных, и лишь 7,3% ответили, что хотели бы, чтобы их дети жили в деревне. К ним примыкают 3,7% респондентов, которые были бы рады видеть своих детей, живущих в селе, если бы только у тех была работа. 2,4% респондентов не видят различий при проживании в городе или в деревне, поэтому так и ответили на вопрос о том, где лучше жить их детям. 12% не смогли дать определенного ответа и уклонились от него. 28% респондентов вопрос пропустили за неимением детей.

Таким образом, большинство респондентов, несмотря на все трудности сельской жизни, нехватку рабочих мест и свободного времени, неустроенность быта и т.п. все же выбирают жизнь в селе. Люди, с детства привыкшие к тяжелому сельскому труду, не желают оставлять родной земли, которая их кормит и дает возможность выжить. Основным мотивом, который послужил переезду в город, является острая нехватка рабочих мест и средств к существованию. Люди пожилые, не имеющие возможности справляться с подсобным хозяйством в силу своих лет, а также по состоянию здоровья переезжают жить к своим детям, родственникам в город. Другие переезжают из-за смены социального статуса. Молодые люди, находясь в поиске своей цели и назначения в жизни, пытаются как-то в жизни продвинуться вперед, повысить свой образовательно-профессиональный уровень, стать квалифицированными специалистами в той или иной области. Возможности для этого им предоставляет город, поэтому большая часть молодежи села, получив среднее образование, переезжают в город – учиться, а многие там остаются жить дальше.

Библиографический список:

1. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970.
2. Переведенцев В.И. Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Новосибирск: СО АН СССР, 1961.
3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975.
4. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.
5. Методология и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
7. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.

8. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1.

9. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.

ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Бегина И.А., Процаковская О.А.

В российском обществе с экономическими и социальными изменениями, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности семья представляет особый интерес, поскольку не только обеспечивает стабильность общества, но и эволюционирует вместе с ним, адаптируясь к новациям и переменам.

Естественно, что в такой системе интенсивного, тесного взаимодействия не могут не возникать конфликты. Противоречия между личностью и семьей неизбежны. При возникновении таких противоречий в семье человек оказывается перед выбором способа их разрешения.

Характер внутрисемейных отношений зависит от многих факторов. Это и социальное положение семьи, и ее состав, и возраст членов семьи, степень их эмоциональности, уровень интеллекта и способность к открытому общению. Этой проблеме и было посвящено социологическое исследование, проведенное в 2015 году в г. Красный Кут Саратовской области. В качестве метода сбора социологической информации было использовано раздаточное анкетирование. Выборочная совокупность конструировалась по принципу квотно-стратифицированной, критериями отбора были территориальные и половозрастные характеристики респондентов. Объем выборки – 354 респондента.

В ходе исследования супружеских конфликтов было опрошено по 50% мужчин и женщин. Возрастное распределение респондентов следующее: респондентов в возрасте до 30 лет было опрошено 38%, в возрасте 31-55 лет – 32%, в возрасте старше 55 лет – 32% от числа всех опрошенных.

Что касается образования опрошиваемых, то 14% опрошенных имеют среднее или неполное среднее образование, 41% респондентов - среднее специальное образование, 45% - высшее или незаконченное высшее образование.

По уровню дохода чаще всего респонденты причисляли себя ко второй из выделенных групп доходов – до 5 000 руб. (70%), 14% опрошенных причислили себя к третьей группе доходов (до 10 000 руб.), 10% респондентов отнесли себя к группе дохода, составляющей доход до 2 500 руб., а достаток свыше 10000 руб. в месяц на одного члена семьи имеют 6% из всех опрошенных. По полученным данным можно сказать, что большинство опрошенных респондентов имеют доход на одного члена семьи, соответствующий среднему уровню дохода в месяц.

Что касается стажа семейной жизни, то здесь, как и предполагалось опросить, 22% респондентов состоят в браке до 3-х лет, 26% - в браке до 10 лет, по 20% - в браке до 20 и до 30 лет, 12% состоят в браке более 30 лет. Таким образом, в исследовании представлены семьи, проходящие разные циклы семейной жизни.

На вопрос «Что главное для Вас в браке?» 52% респондентов ответили «потребность в детях», 39% респондентов - «взаимная поддержка», 7% - «сексуальная удовлетворенность», и только по 1% из всех опрошенных ответили «взаимопонимание» и «любовь». В ответах на этот вопрос проявляется значимость детей и родительства для семьи. Только на втором месте располагается другая важная сторона семейной жизни – забота супругов друг о друге.

Сравнение ответов на этот вопрос у мужчин и женщин показало, что и для первых, и для вторых на первом месте оказались дети (50% и 54% соответственно). Взаимная поддержка располагается на втором месте также в обеих группах респондентов, только несколько большее значение ей придают мужчины (44%), а не женщины (34%). Сексуальная удовлетворенность как

главное в браке выбрали 4% мужчин и 10% женщин, что показывает большую значимость этой стороны семейной жизни для слабого пола, что также является довольно неожиданным результатом.

Возможно, такой выбор говорит не столько о приоритетах в семейно-брачных отношениях, сколько о проблемных зонах, в которых достижение гармонии является затруднительным. Действительно, в сложных социально-экономических условиях, когда мужчинам особенно тяжело дается роль кормильца семьи, они с особой остротой нуждаются в духовной поддержке своих вторых половин. С другой стороны, и это признано всеми специалистами, женщинам значительно сложнее достичь гармонии в сексуальной сфере, чем мужчинам.

Вопрос о наличии конфликтов в семье еще раз подтвердил ту мысль, что конфликты не обходят стороной ни одну семью, это неотъемлемая часть семейной жизни. Все 100% респондентов ответили утвердительно.

Однако по степени частоты возникновения конфликтов семьи довольно сильно различаются. Не реже 1 раза в неделю с ними сталкиваются 43% из всех опрошенных, ежедневно конфликты происходят в семьях 32% респондентов, а у 25% из всех опрашиваемых конфликты возникают не чаще 1 раза в месяц. Таким образом, конфликты возникают в семьях очень часто, что еще более актуализирует проблему их грамотного и конструктивного разрешения.

26% респондентов находятся в конфликте несколько минут, 40% респондентов – несколько часов, 23% респондентов – один-два дня, 7% респондентов «дуются» не более 2-х недель, и только 4% респондентов не могут забыть о конфликте и продолжают его целый месяц, а иногда и дольше. Средняя продолжительность семейных конфликтов – несколько часов. Отсюда можно сделать вывод о том, что конфликты, если и оказываются частным явлением семейной жизни, то как правило, не относятся к категории затяжных противостояний.

Немаловажным для нашего исследования является вопрос о формах протекания конфликтов в семьях. Большинство опрошенных (41%) ответили, что конфликты в их семье протекают в форме накопления раздражения. У 32% респондентов основной формой семейных конфликтов являются словесные оскорбления (нецензурная брань). У 27% респондентов конфликты протекают в «демонстративном молчании». 17% респондентов претерпевают угрозы мужа (жены). У 16% респондентов конфликты протекают в форме проявления резких жестов. И у 14% респондентов формой протекания конфликтов является рукоприкладство супруга.

Полученные результаты говорят о том, что в опрошенных семьях конфликты протекают в основном в «мягких» формах (проявление словесных оскорблений, накопление раздражения, демонстративное молчание). Но нельзя упустить из виду тот факт, что почти половина всех опрошенных указывают на жесткие формы протекания конфликтов (угрозы мужа (жены), рукоприкладство мужа (жены), проявление резких жестов). Такая семейная жестокость вызвана, скорее всего, социальными факторами, стрессами в семье, употреблением алкоголя или наркотиков, и требует особого внимания не только со стороны социального окружения и органов социальной защиты населения, но и всего общества.

Что касается инициаторов конфликтов в опрошенных семьях, то мнения разделились следующим образом: 39% супругов считают, что инициатором конфликтов в их семье является их супруг/а, 31% респондентов считают, что «зачинщиками» конфликтов в их семье являются они сами и 30% опрошенных разделяют мнение, что инициаторами конфликтов являются оба супруга.

Несмотря на то, что почти 2/5 респондентов всю вину перекладывают на своего супруга, большая часть респондентов берет вину либо полностью на себя, либо разделяют ее с супругом/ой. Это говорит о том, что супруги неэгоистично смотрят на проблему семейных конфликтов и не отрицают свою вину, что в какой-то мере является залогом успешного преодоления проблем в семейной жизни и сохранения семьи как целого.

Очень важным для нашего исследования являлся вопрос о причинах возникновения конфликтов в семье. Здесь мнения респондентов разделились.

Разобьем разные причины конфронтаций в семье на две группы: субъективных и объективных причин. Среди субъективных причин преобладают такие, как неумение распределить

домашние обязанности (46%) и ревность супруги/а (32%). Все остальные причины значительно отстают. Так, разные интересы супругов и примыкающая к ним несовместимость характеров в совокупности набрали 28%, а неудовлетворенные сексуальные потребности – только 5%. Среди объективных причин лидируют вредные привычки партнера (30%), взаимоотношения с родителями и другими родственниками (28%), неудовлетворенная потребность в материальном обеспечении, что тесным образом связано с первой причиной (24%), супружеская неверность (23%). «Детский» вопрос и проблема различных социальных статусов нарушают семейный покой крайне редко (в 13% и 3% случаев соответственно).

Полученные данные демонстрируют, что наиболее опасными зонами для семейной жизни являются субъективные причины, поскольку они чаще провоцируют семейные конфликты. В то же время они значительно легче поддаются разрешению, чем объективные причины, которые могут носить более роковой для семейного будущего характер.

Результаты исследования показали, что наиболее важной основой семьи респонденты считают наличие детей, на втором месте по значимости располагается взаимная поддержка супругов. При этом любовь, выступающая одним из главных факторов при заключении брака, в процессе самой семейной жизни свою важность практически полностью теряет. В качестве основы семейной жизни ее выбрал только один респондент.

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Белкина В.А., Килимова Л.В.

На рубеже XX столетия Россия вошла в полосу существенной системной трансформации базовых социальных институтов. Кардинальные изменения, произошедшие за последние десятилетия во всех сферах общества, повлекли за собой радикальные изменения в жизнедеятельности людей. Развитие современного общества, его пространственно-временная динамика все больше зависит от процессов, происходящих в нем, и потребностей человека [1, с. 85].

Сегодня мы наблюдаем такое явление, при котором рыночные отношения на шкале ценностей русской культуры становятся инструментальными, т.е. принадлежат к составу средств или целого их комплекса.

Использование понятия «социальная трансформация» дает нам возможность более глубокого осознания изменений, происходящих в современном социокультурном пространстве. Социальная или общественная трансформация одновременно обозначает и действительность, и категорию культурологического знания, описывающую трансформирующуюся действительность.

Радикальной трансформацией нашего времени является феномен превращения сферы услуг в доминирующий сектор экономики. Не является исключением и экономика нашей страны. По мнению ведущих ученых – экономистов А. Торояна и А. Фишера роль сферы услуг сегодня чрезвычайно велика. Трансформации в этом секторе настолько существенны, что позволяют аналитикам утверждать о создании «глобального сервисного пространства, о тенденции «сервизации мировой и национальных экономик», а так же определять современную экономику как «экономику услуг» или «экономику сервисного типа» [2, с. 64].

Самое общее определение понятия «услуги» было дано К.Марксом в его фундаментальном труде «Капитал». По Марксу, «услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительской стоимости товара ли, труда ли. Услуга есть вообще лишь способ выражения для особой потребительской стоимости труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность» [3, с. 199].

Сфера услуг сегодня выступает одновременно хозяйственным механизмом удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей, а также одним и звеньев общественного воспроизводства, распределения и потребления товаров. Можно утверждать, что сфера услуг – значимый социальный инструмент повышения благосостояния граждан.

Сохранение жизни и здоровья человека на протяжении всей истории считалось истинной ценностью для любого общества. На сегодняшний день медицина, которая всегда являлась одной из сложнейших консервативных областей человеческой деятельности, превратилась в сферу услуг. Медицина – единственная сфера человеческой деятельности, изначально подчиненная нравственным регулятивам и нормам профессиональной этики. В наши дни вопросы медицины представляются особо значимыми как для каждого отдельно взятого человека, так и для всей человеческой цивилизации в целом. Когда здоровью или жизни человека угрожает опасность, напрямую возникает модель отношений «врач-больной». В течение многих лет развития медицины формировались многогранные профессиональные и моральные аспекты взаимоотношений больных с врачами. Однако в реалиях современного общества, вследствие трансформации многих общественных институтов, на данные отношения стало накладываться свой отпечаток такое явление, при котором медицинское обслуживание превращается в услугу.

Здравоохранение в современном российском обществе становится одной из отраслей общественного хозяйства. В связи с этим оно обладает рядом характеристик, которые, тем не менее, нарушают действие традиционного рыночного механизма. Перечислим их:

1) часть медицинских услуг обладает свойством общественных товаров (общественных благ). Спецификой общественных благ является способность распространять свой потребительский эффект на лиц, не участвующих в рыночной сделке;

2) недостаточная информированность потребителя, т.е. «информационная асимметрия» производителя и потребителя медицинских услуг деформирует обычное взаимодействие спроса и предложения;

3) особая роль принципа равенства в получении медицинской помощи: объем и качество потребления медицинских услуг не может определяться только уровнем платежеспособности населения – это в свою очередь нарушает механизм рыночного ценообразования в здравоохранении.

В последние десятилетия XX века в медицине произошли качественные изменения. Очевиден тот факт, что медицинское дело и система здравоохранения поднялись на более высокую стадию своего развития. Медицине в современных условиях стали доступны многие вещи, недоступные ранее. Высокие информационные технологии вторглись во многие разделы медицины. Значительно возрос уровень информированности граждан по вопросам медицинского обслуживания, наметился необратимый процесс глобализации медицинской информированности и медицинского образования. В контексте развития современной науки исключительный интерес представляют происходящие инновации в сфере медицинских услуг. К таким инновациям можно отнести как новшества в медицинском обслуживании, так и в его потреблении.

В реалиях российского общества медицинский рынок услуг сформировался в особую конъюнктуру. Медицинские услуги представляют собой многообразие процедур, различающихся как с фактической, так и с юридической точки зрения. К. Маркс относил медицинские услуги к «необходимым» услугам. Они порождены потребностями самого общественного производства. Маркс выдвинул тезис о том, что медицинская услуга наделена всеми свойствами товара, так как она [3]:

имеет потребительскую стоимость, т.е. удовлетворяет человеческую потребность;

2) лечебно-профилактическая деятельность глубоко специализирована, является самостоятельным звеном в системе общественного разделения труда;

3) меновая стоимость медицинской помощи отвечает общественно необходимым затратам на её оказание.

В современной науке существует огромное число определений медицинских услуг. Многие специалисты характеризует медицинскую услугу как «профессиональные действия, направленные на сохранение или поддержание оптимального уровня здоровья индивидуума» [4, с. 71]. Такое определение отражает ориентированность медицинской услуги на здоровье человека. Другие специалисты говорят, что медицинская услуга есть какое-либо профессиональное действие,

направленное на изменение или сохранение физического или психического здоровья, с целью получения пользы ее потребителем (пациентом), в той или иной форме.

По определению специалиста в области сервиса и услуг Р.А. Смирнова, услуга – не создающая материальных благ деятельность по удовлетворению потребностей отдельных лиц и общества в целом [5, с. 83]. Медицинская услуга – мероприятие или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость.

Потребность в медицинских услугах объективно обусловлена следующими основными факторами [6, с. 58]: демографические факторы; технический прогресс, развитие медицинской науки; факторы, связанные с уровнем культурного развития общества; товары и услуги индивидуального потребления – приобретаются отдельными покупателями; процесс потребления этих товаров и услуг подчиняется принципу исключения.

Как и все другие виды услуг, медицинские услуги обладают рядом особенностей: 1) в процессе оказания медицинских услуг личный контакт производителя (представителя услуг) и потребителя (пациента) увеличивает требования к профессионально-квалификационным качествам, опыту, этике и общей культуре производителя (представителя услуг); 2) существует высокая степень дифференциации медицинских услуг (это связано с диверсификацией спроса на данные услуги); 3) медицинские услуги не имеют четкого результата (результат деятельности по оказанию медицинской услуги, подверженный во многих случаях влиянию различных качеств представителя услуги, не может быть заранее определен с достаточной точностью, поэтому окончательная оценка результата возможна только после потребления услуги).

В современном обществе возможность получения необходимых медицинских услуг рассматривается как одно из неотъемлемых социальных прав человека, так как медицинская помощь направлена на удовлетворение первоочередных, жизненно необходимых потребностей, связанных с сохранением и укреплением здоровья [7, с. 35]. При этом сегодня медицинские услуги мы рассматриваем как товар, имеющий свои особенности производства и потребления. Современные социокультурные условия создали предпосылки для того, чтобы при обсуждении проблемы финансирования здравоохранения, мы применяли терминологию и методы анализа, выработанные экономической наукой.

В научном сообществе все еще не найдены в полном объеме ответы на такие вопросы, как: что следует включать в содержание понятия «медицинские услуги», чем сегодняшняя медицина отличается от традиционной медицины прошлого, какова роль рынка медицинских услуг в современном мире? Все это предполагает развертывание широкого обсуждения весьма острых вопросов, касаемо медицинского обслуживания.

Библиографический список:

1. Килимова Л.В. Влияние информационной среды на систему ценностей личности в модернизирующемся обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 85-90.
2. Залятов М.М. Развитие сферы высокотехнологичных услуг в современной экономике // Проблемы современной экономики. 2014. № 4. С.62-67.
3. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Мысль, 1976. 900с.
4. Решетников В.А. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 2015. №1. С. 66-77.
5. Волкова А.А. Особенности инновационного развития сервисной сферы и организации обслуживания населения // Экономика и управление. 2011. № 11 (73). С. 81 -84.
6. Язбек А. Борьба с неравенством в здравоохранении. Синтез опыта и инструментов. М.: Весь Мир, 2010. 331 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128375

7. Килимова Л.В., Миронова И.И. Предоставление медицинских услуг как показатель качества жизни населения // Молодежь и XXI век: материалы III Международной научной конференции. В 3 ч. Ч.2. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2011. С. 32-35.

МЕТОДИКА ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Беломестнов В.Г., Малыхина И.Н., Ларионов В.Г.

Социальная система государства, состоящая из социальной политики и системы социальных услуг, определяется отраслями социальной сферы, объединенными в социальную инфраструктуру. Социальная система является совокупностью отношений между субъектами по поводу производства, распределения и потребления социальных благ, направленных на формирование и развитие человеческого капитала индивидуума и общества в целом.

При этом целью оказания социальных услуг является как создание и поддержание трудовых ресурсов для экономики (производственный аспект социальной системы), так и формирование и реализация социальных потребностей населения (потребностный аспект социальной системы).

Система социальных услуг является также частью экономической системы, обеспечивая занятость населения и формирование регионального продукта. И если, по данным Федеральной службы статистики по Республике Бурятия, вклад системы социальных услуг в формирование ВРП составляет 15,6%, то численность занятых в ней – 24,1% от общей численности занятых в экономике [1].

Социальная инфраструктура, определяющая среду обитания и среду развития личности, является базой обеспечения качества жизни населения в регионах. Несмотря на достаточно жесткое регулирование развития большей части социальной инфраструктуры через систему социальных нормативов и бюджетное финансирование, проблемы региональной дифференциации достаточно велики.

В условиях финансовых ограничений, высокой степени износа части социальной инфраструктуры и других проблем для развития инфраструктуры предлагается методика развития, основанная на инновационном замещении ресурсов и технологий.

Первым этапом методики является выявление диспропорций в развитии социальной инфраструктуры и выборе инструмента их устранения.

С точки зрения системного подхода можно предложить следующие варианты устранения диспропорций:

1. Повышение коэффициента использования факторов экономического потенциала отрасли.
2. Изменение баланса выпуска услуг.
3. Добавление структурообразующих элементов
4. Объединение элементов системы через создание горизонтальных и вертикальных объединений.
5. Декомпозиция системы и системных элементов.
6. Устранение ограничений.
7. Развитие количества связей в инфраструктуре.
8. Развитие пропускной способности (мощности) связей в инфраструктуре.

На втором этапе происходит оптимизация используемых ресурсов и технологий.

Особенностью социальных услуг является обеспечение качества, доступности, достаточности и обеспеченности на территории. Другая важная задача организации производства – обеспечение высоких показателей экономичности производства самой социальной системы.

Предполагается развитие мощностей социальной инфраструктуры трех типов:

- экстенсивное (дополнительные услуги по объемам);
- интенсивное (качество услуг);
- инновационное (замена технологий).

Установление баланса между изменением элементов производственной системы (инноваций в производство), заменой ресурсов по качеству использования (инноваций в качество ресурсов) и повышением эффективности использования имеющихся ресурсов (инноваций в организацию производственной системы и использования ресурсов) является основным признаком долгосрочной политики развития учреждения социальной инфраструктуры.

Третьим этапом данной методики является оценка инвестиционной емкости требуемых на реализацию инноваций на рынке социальных услуг. Под ёмкостью понимается максимальный спрос на социальные инвестиции в регионе в существующих экономических условиях при их эффективном использовании.

Для расчета ёмкости рынка можно предложить два метода, которые отличаются друг от друга подходами к базе оценки – спросу на инвестиции либо предложению инвестиционных ресурсов.

Метод проектной оценки спроса инвестиционных ресурсов основан на затратной оценке спроса на инвестиции. Ёмкость рынка можно определить как сумму всех социальных инвестиционных проектов заявляемых в регионе, скорректированную на оценку возможности их реализации.

$$W = \sum I_z * K_w \quad (1)$$

Где W – емкость регионального рынка, $\sum I_z$ – суммарные заявляемые в регионе потребности в инвестициях государственно-муниципального, корпоративного, общественного и частного характера по отраслям социальной инфраструктуры; K_w – коэффициент корректировки инвестиционной ёмкости.

Коэффициент корректирования определяется, исходя из оценки региональных инвестиционных рисков – проектных либо прогнозируемых на предстоящий период.

Метод базисной оценки предложения инвестиционных ресурсов оценивает среднестатистическое предложение инвестиций в регионе с учётом коэффициента роста инвестиционного предложения. Оценка коэффициента роста инвестиционного предложения базируется либо на базе социально-экономического прогнозирования, либо на базе индикативного инвестиционного моделирования.

Авторами проведен анализ потребностей социальной инфраструктуры Республики Бурятия для модернизации и инновационного развития отраслей (табл. 1).

Таблица 1 – Потребности инвестиционного финансирования (по отношению к стоимости фондов)

Отрасли социальной инфраструктуры РБ	Модернизация	Расширение	Инновационное развитие
Образование	0,2	0,6	0,3
Культура	0,3	0,2	0,2
Здравоохранение	0,3	0,6	0,6
ЖКХ	1,2	0,4	0,8
Транспорт	0,6	0,5	0,7
Связь	0,2	0,4	0,2
Торговля	0,1	0,2	0,2
Бытовое обслуживание	0,4	0,3	0,3

Парадигма социального роста ведет к высоким потребностям в инвестировании и, как следствие росту текущих затрат на социальные услуги. Это в итоге приводит к проблемам финансирования социальных услуг как в бюджетах, так и у населения.

Также остро стоит проблема обеспечения высокого уровня качества социальных услуг. В условиях высокого износа и устарелых технологий, особенно в отраслях среды обитания, без инновационного замещения невозможно проводить политику воспроизводства.

На четвертом этапе оценивается потребность в инвестировании в человеческий капитал отраслей социальной инфраструктуры – подготовки креативных руководителей и работников.

Формальное использование руководителем управленческого инструментария, излишняя формализованность отношений подчинения в организации, злоупотребление методами

административного воздействия, неоправданная тотальность контроля, использование властных полномочий в личных, корыстных целях, игнорирование этики деловых отношений, волюнтаризм в управлении наносят ущерб его авторитету руководителя, не только снижают, но и сводят на нет синергетический эффект, дезорганизуют деятельность трудового коллектива, существенно затрудняют достижение целей организации.

Особым типом интеллекта является *креативность*, понимаемая как способность порождать необычные идеи или генерировать, создавать на базе известных новые, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации.

Социальная самоорганизация возникает как результат целенаправленных индивидуальных действий ее составляющих. Совокупность мыслей, идей образует интеллект, имея в виду при этом индивидуальные особенности, относимые к познавательной деятельности человека — мышлению, памяти, восприятию, вниманию и т.п.

Творческая направленность личности и организации нуждается в постоянном развитии, тренинге, в противном случае она теряется под воздействием среды.

Библиографический список:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat.ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Беляков В.Н., Трофимова В.В., Хавер В.Н.

По материалам международной организации «Всемирный экономический форум» экономика стран подразделяется на три стадии развития: базовая, инвестиционная и инновационная. Конкурентными преимуществами на международном рынке для базовой стадии развития экономики является наличие благоприятных природных факторов (полезные ископаемые, дешевая рабочая сила, стабильная политическая ситуация и т. п.). Для инвестиционной стадии – создание развитой экономической инфраструктуры (дороги, коммуникации, порты, благоприятные условия привлечения внешних инвестиций, устойчивая законодательная база и т. п.). Для инновационной стадии – создание условий интенсивного инновационного развития (высокий образовательный уровень населения, развитие национальной науки, создание условий быстрой трансформации научных и технических разработок в высокоэффективные производства, приоритетные возможности экспорта новых продуктов, техники и технологий на мировом рынке). Соответственно, показатель валового национального продукта на душу населения по паритету покупательной способности распределяется следующим образом: для базовой стадии развития составляет 0,5 – 10 тыс. дол./чел.; для инвестиционной стадии 10 – 30 тыс. дол./чел.; для инновационной стадии 30 и выше тыс. дол./чел. Из приведенных данных следует, что простое двукратное увеличение интенсивности производства не приводит к кардинальному изменению в экономике страны. Таким образом, важнейшей задачей интенсификации экономики и повышение благосостояния населения является достижение структурных изменений и создание условий для эффективного инновационного развития.

В нашей стране принята «Стратегия инновационного развития» и формируется институциональная система, включающая технопарки, платформы, различного рода центры инновационного развития и т. п. Вместе с тем, в проводимых научных исследованиях по обоснованию направлений развития инновационной инфраструктуры недостаточно внимания уделяется разработке методологических основ практической деятельности ее субъектов. В результате такого положения работа последних, зачастую носит в достаточной степени хаотичный и не в полной

мере управляемый характер. Таким образом, формирование теоретических основ и разработка рекомендаций в этой области является весьма актуальной научной и практической задачей.

Как известно, инновационный проект формируется из трех составных частей это – инновационное предложение, источник финансирования и исполнитель работ по проекту [1]. Начальным этапом создания проекта является разработка инновационного предложения. Как правило, его формирование осуществляется на основе результатов фундаментальных и прикладных исследований ученых. Предложение должно содержать техническое описание будущего проекта, область применения, описание и характеристики инновационного продукта, параметры и технологии его получения, исследование потенциального рынка реализации, технико-экономические расчеты эффективности будущего производства, определение инновационных рисков и соответственно оценку возможности реализации проекта в целом. Инновационное предложение реализуется в инновационный проект при условии присоединения к нему двух остальных частей – финансирования работ и их квалифицированного исполнителя. При наличии высокоэффективной инновационной разработки и источника финансирования, нахождение исполнителя работ является в достаточной мере определенной и вполне реальной задачей. В то же время, привлечение в проект инвестиций, учитывая высокую ликвидность и универсальность области применения этого ресурса, является весьма сложным и мало прогнозируемым. Кроме того, даже при создании развитой системы специализированных венчурных фондов остается весьма непростая задача выбора фондом проектов для финансирования. Таким образом, исследования направленные на создание теоретических подходов к определению целесообразности инвестирования реализации инновационных проектов представляется актуальной научной задачей.

Инновационный проект в отличие от инвестиционного, характеризуется дополнительными рисками, связанными с неполучением положительного результата при создании новой техники и технологий, а также продвижением нового продукта на рынке. Вместе с тем, вся совокупность рисков общих для проектов создания любых новых предприятий здесь также присутствует. Таким образом, к рискам реализации проекта можно отнести:

- внешние риски: не связанные с деятельностью предприятия или его партнеров (страновой риск, правовой, экономический, валютный и др.) [3–4];
- внутренние риски: обусловленные деятельностью самого предприятия или его партнеров (отраслевой, производственный, коммерческий, транспортный, финансовый, экологический, и др.) [3–4];
- проектные риски: изменение технологии производства работ, ошибки в проектной документации, поломки техники и т.п. [3–4];
- риски, связанные с реализацией проекта при создании новой техники (внутренние инновационные);
- риски, связанные с реализацией проекта (внутренние инвестиционные).

Из приведенного выше перечня видно, что количество рисков велико, и они носят весьма разнообразный характер. В научной литературе имеют место попытки предложить различные аналитические зависимости для определения показателей эффективности или ущерба, связанных с отдельными рисками. При этом в формулу вводятся гипотетические показатели, обозначающие «вероятность наступления отрицательного события» [2]. Получить фактическое значение такого показателя практически не представляется возможным, а, следовательно, предложенные формулы не имеют практического значения. Учитывая, что количество, как приведено выше, рисков – весьма значительно, получение и практическое применение аналитических зависимостей для оценки возможности привлечения инвестиций представляется затруднительным.

Такие условия предопределяют целесообразность выполнения оценки инвестирования денежных средств в реализацию инновационного проекта на основе рассчитанных эмпирических зависимостей полученных по результатам статистической обработки социологического опроса. Для исследования рационально сформировать совокупность потенциальных инвесторов из числа людей, рассматривающих возможность вложения собственных денежных средств, что обеспечит большую

степень объективности и достоверности принимаемых решений. Полученные таким образом результаты будут учитывать все множество действующих на рассматриваемой территории и определяющих соответствующие риски факторов. В нашем представлении предложенный подход к оценке возможности привлечения инвестиций будет наиболее объективным и имеющим возможность практического применения.

Были проведены исследования для представителей малого и среднего бизнеса. Сформирована методика социологического исследования, в результате чего получены зависимости характеризующие взаимосвязь объема инвестиций с различной степенью риска и эффективности капитальных вложений (ЭКВ). Результаты приведены в табл. 1. Предложенный методологический подход может быть применен в других условиях, например: для изучения возможности привлечения средств от источников крупного бизнеса или различных групп населения и организационных структур.

Таблица 1 – Полученные квадратичные модели

№ п/п	Эффективность капитальных вложений (ЭКВ), %	Коэффициент детерминации – R^2	Рассчитанный критерий Фишера - F	Полученная формула
1	100	0,684	574,8	$y = 32,080 - 2,103x + 0,039x^2$
2	300	0,757	823,5	$y = 37,842 - 2,497x + 0,052x^2$
3	500	0,850	1503,5	$y = 46,815 - 3,037x + 0,059x^2$
4	700	0,744	770,1	$y = 48,257 - 2,587x + 0,050x^2$
5	1000	0,682	567,8	$y = 51,349 - 2,211x + 0,036x^2$
6	1300	0,709	644,5	$y = 56,899 - 2,478x + 0,046x^2$
7	1600	0,751	800,2	$y = 62,076 - 2,318x + 0,040x^2$
8	2000	0,791	1005,7	$y = 71,233 - 2,887x + 0,059x^2$

Источник: Разработано автором

Выявлено, что квадратичная функция надежно описывает зависимость, что характеризуется высоким уровнем коэффициента детерминации, который составил 0,68 – 0,85. Показатели расчетного критерия Фишера 574 – 1503, что превышает табличное значение $F_{\text{табл}} = 3,01$, со степенями свободы $k_1 = 2$ и $k_2 = 530$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Количество статистических данных составило 533 измерения. Коэффициенты регрессии и их статистика превышают критическое значение Стьюдента $t_{\text{табл}} = 1,96$. В целом, найденная оценка уравнения регрессии статистически надежная.

Полученные таким образом результаты могут быть использованы:

- субъектами инновационной инфраструктуры для оценки предлагаемых инновационных проектов и возможности их практической реализации;
- для формирования направлений поиска инвестиций в инновационные проекты и методической основы для обоснования целесообразности создания венчурных инвестиционных фондов;
- в качестве составляющего элемента формирования методики эффективной работы венчурных инвестиционных фондов, и других финансовых структур, работающих в области финансирования инновационного развития и др.

Библиографический список:

1. Беляков В.Н., Тарасов В.И. Актуальность формирования рекомендаций для работы субъектов инновационной инфраструктуры // Экономика и предпринимательство. 2016. № 8(73). С. 524-529.
2. Дубров А.М. Лагоша Б.А., Хрусталева Е.Ю. Моделирование рискованных ситуаций в экономике и бизнесе. Уч. пос. / под ред. Б.А. Лагоши. М.: Финансы и статистика. 1999. 176 с.
3. Кинев Ю.Ю. Оценка рисков финансово-хозяйственной деятельности предприятий на этапе принятия решения // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 5. С. 73-83.

4. Лукьянова В.В. Диагностика риска деятельности предприятия: монография. Хмельницкий: ИП Ковальский В.В., 2007. 312 с.

ИНСТИТУТ СИРОТСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Бессчетнова О.В.

Сиротство было присуще всегда человеческому обществу на всём протяжении его исторического развития. Биологические сироты появлялись в результате гибели родителей в результате войн, эпидемий, стихийных бедствий, голода, тяжелых условий труда и быта. Однако в настоящее время доля биологических сирот в общей численности детей, оставшихся без попечения родителей, крайне мала. Основную долю составляют социальные сироты, т.е. дети, чьи родители живы, но по ряду причин не занимаются их содержанием, развитием, воспитанием; злоупотребляют своими родительскими обязанностями; жестоко обращаются с детьми. В результате государство вынуждено изымать детей из семей, прибегать к ограничению или лишению родителей родительских прав; организовывать процесс жизнеустройства сирот; наделять их особыми правами и льготами, осуществлять меры государственной социальной помощи и поддержки по ликвидации социального неравенства по сравнению с детьми, воспитывающимися в благополучных кровных семьях.

До конца XX века основными формами устройства сирот в нашей стране были помещение их в образовательные, лечебные учреждения интернатного типа (дома малютки, детские дома, дома-интернаты для детей с различными отклонениями в развитии, детские больницы, реабилитационные центры, пр.), реже под опеку/попечительство и усыновление. Вместе с тем, отечественными и зарубежными учёными доказано, что длительное пребывание детей в системе институционализации приводит к формированию депривированной личности, не способной адекватно адаптироваться в социуме, получить образование, трудоустроиться, создать семью, воспитать собственных детей.

В настоящий момент наблюдается переход от длительной институционализации сиротства (политики государства, направленной на помещение сирот в учреждения интернатного типа как основного способа их жизнеустройства) к процессу его деинституционализации (внедрение новых семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в субъектах РФ; реформирование интернатных учреждений для сирот и перепрофилирование их в малокомплектные организации или центры по социальному сопровождению замещающих семей; возвращение детей в кровную семью), что диктует необходимость объективной оценки ряда факторов, способствующих данному переходу, выработку новых механизмов и технологий управления его субъектами.

В самом общем виде управление можно представить как деятельность субъекта, направленная на изменение объекта путем мотивации, прогнозирования, планирования, организации, координации и контроля, для достижения поставленной цели [1]. В связи с чем, деятельность государства как основного субъекта управления институтом сиротства направлена на планирование и координирование деятельности государственных организаций, учреждений и структур, уполномоченных в области решения проблем детей, оставшихся без попечения родителей; определение направлений их развития с учётом внутренних и внешних ресурсов, включая социально-демографические, социокультурные, экономические, территориальные и др., в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Создание благоприятных условий труда в системе субъектов управления институтом сиротства (четко выстроенная иерархия внутри системы с разграничением прав и обязанностей всех её субъектов, препятствующая дублированию функций смежными организациями; получение полной и достоверной информации в едином банке данных; подбор квалифицированного персонала; стандартизация деятельности учреждений и организаций, предоставляющих услуги детям,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00057 «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах»)

оставшимся без попечения родителей; соблюдение сроков финансирования) позволит организовать более эффективную деятельность по решению проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Мотивация как одна из ключевых составляющих процесса управления институтом сиротства представляет собой деятельность государства, направленную на побуждение людей к принятию в свои семьи неродных детей, путем внедрения целого ряда мер: создание правового поля для развития замещающих семей (опекунских, приёмных, патронатных); повышение престижа семьи в иерархии ценностей современной молодежи; введение дополнительных социальных льгот и гарантий семьям, усыновившим третьего ребенка, детей с ограниченными возможностями здоровья, кровных братьев и сестер, как на федеральном уровне, так в субъектах РФ; перенесение акцента государственной социальной политики с репрессивного (изъятие детей из семьи; лишение родителей родительских прав) на реабилитационный способ решения проблем семей, находящихся в социально опасном положении.

Так, в Саратовской области за последние несколько лет наблюдается увеличение доли сирот, проживающих в семьях: 75,4 % – в 2008 г.; 74,6 % – в 2011 г.; 80,3 % – в 2013 г.; 84,5 % – в 2014 г. [3]. В 2011 г. в Саратовской области было учтено 10 105 детей, оставшихся без попечения родителей; в 2012 г. – 9 791; в 2013 г. – 9 523; в 2014 г. – 10 342; в 2015 г. – 10 467. Из них в детских интернатных учреждениях в 2011 г. проживало 1 737, в 2012 г. – 1530, в 2013 г. – 1 771, в 2014 г. – 1 352, в 2015 г. – 1 143 ребенка [3].

Зафиксирован рост числа приемных семей в области: за последние десять лет их количество возросло более чем в десять раз (2003 г. – 24 ребенка; 2013 г. – 186; 2014 г. – 267). В 2015 г. в семьи граждан передано 783 ребенка, из них: усыновлено – 49 детей (41 россиянами, 8 – иностранными гражданами), находилось под опекой – 548 детей, в приемных семьях – 148, возвращено родителям – 38 [4]. Всего на учете в органах опеки и попечительства в 2015 г. состояло 7 609 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей или 1,73 % от общего числа детского населения области (средний показатель по ПФО – 1,8 %) [4].

Правительством Саратовской области в 2015 г. предусмотрены следующие меры социальной поддержки гражданам, принявшим неродных детей в семью: вознаграждение приемным родителям на содержание приемных детей до 6 лет – 4 705 рублей; на детей от 6 до 18 лет – 7 000 рублей; ежемесячная доплата в размере 1 601 руб. и 20 % надбавка за работу с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей; за ребенка-инвалида до трех лет ежемесячная доплата в размере 100 руб. [5]; дополнительные ежемесячные денежные выплаты на питание детей, больных туберкулезом, хронической дизентерией, а также находящихся в ослабленном состоянии (на детей до 6 лет – 520 рублей; на детей от 6 до 18 лет – 705 рублей), а также на питание в летний оздоровительный период, выходные, праздники и каникулы (на детей до 6 лет – 11,5 рублей в день; на детей от 6 до 18 лет – 15,7 рублей в день) [5].

С 2013 г. Саратовская областная Дума освободила приёмных родителей и лиц, взявших в семью семь и более сирот, от налога на одно транспортное средство; предусмотрела компенсацию расходов на оплату коммунальных услуг, приобретение лекарств, оплату телефонной связи в полном объеме; получение денежной выплаты на приобретение игрушек, предметов по хозяйству, на культурные мероприятия в размере 4% от базовой суммы заработной платы приемных родителей; ежегодную компенсацию транспортных расходов в размере 1 000 руб., а также ежегодную единовременную выплату в сумме 15 000 руб. для отдыха и лечения [6].

Кроме того, внесены изменения в ст. 218 Налогового кодекса РФ, которые предусматривают увеличение стандартного налогового вычета до 2 тыс. руб. на второго ребенка; до 4 тыс. руб. – на третьего и каждого последующего ребенка; до 12 тыс. руб. – на каждого ребенка-инвалида. Увеличивается предельный размер дохода, учитываемый при предоставлении стандартного налогового вычета приемным родителям, попечителям и опекунам с 280 до 350 тыс. руб. [7]. Усыновители кроме единовременного пособия из федерального бюджета в размере 13 742 руб.

получают единовременное пособие из регионального бюджета – 9 492 руб. [8], что не предусмотрено в других субъектах РФ.

Приоритет сохранения кровной семьи ребенка, нацеленность на оказание социальной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении привел к снижению численности детей, родители которых лишены родительских прав, практически во всех федеральных округах: например, в Белгородской области (ЦФО): 2011 г. – 174; 2012 г. – 173; 2013 г. – 239; 2014 г. – 188; 2015 г. – 204; в Саратовской области (ПФО): 2011 г. – 821 ребенок; 2012 г. – 755; 2013 г. – 622; 2014 г. – 560; 2015 г. – 509; в Забайкальском крае (СФО): 2011 г. – 845 детей; 2012 г. – 830; 2013 г. – 742; 2014 г. – 609; 2015 г. – 526 [2]. Спад показателей, не в последнюю очередь, связан, на наш взгляд, с пересмотром стратегий социальной политики в отношении детей-сирот в связи с реформированием всей системы профилактики социального сиротства; изменением судами мер воздействия на родителей, не исполняющих свои обязанности по содержанию и воспитанию детей, с лишения их родительских прав на ограничение в правах.

Контроль предполагает оценку эффективности функционирования субъектов управления институтом сиротства, анализ достижений ими своих целей, в первую очередь, по успешной адаптации и социализации сирот в социуме; выработку и использование механизмов коррекции, позволяющих изменить работу государственных органов и организаций с учетом новых социально-экономических, политических, идеологических и других условий.

Таким образом, эффективное государственное управление субъектами института сиротства в процессе его трансформации позволит выработать долгосрочную стратегию, избежать просчетов, внедрить инновационные технологии в отечественную социальную практику, направленные на решение проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также на семейную политику детствосбережения в целом.

Библиографический список:

1. Мескон М. Основы менеджмента / пер. Л.И. Евенко. М.: Дело, 1997. 704 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. Семейная политика детствосбережения. Семья, материнство и детство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.
3. В области сокращается число детей, нуждающихся в устройстве в семье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.saratov.gov.ru/news/v_oblasti_sokrashchaetsya.
4. Область лидирует в ПФО по размеру вознаграждений приемным родителям [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.sarbc.ru/main/2012/11/27/1294>.
5. О социальной поддержке и материальном обеспечении приемных семей в Саратовской области: Закон Саратовской области от 9.11.2007 № 248-ЗСО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minobr.saratov.gov.ru/docs/17>.
6. О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте до трех лет гражданам, проживающим на территории Саратовской области, при рождении третьего и последующих детей: Закон Саратовской области от 26.10.2012 № 158-ЗСО. Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 № 117-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/doc>.
8. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федер. закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (с изм. от 29.12.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc.

ДИАСПОРЫ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ*

Бийжанова Э.К.

Анализируя феномен диаспоры, обращает на себя внимание тот факт, что в литературе нет ясности в использовании данного термина. В ряде случаев их объединяют с понятием этническая группа или этническая общность, которые живут в отрыве от страны исхода. Это понятие гораздо шире и объемнее – этнической общностью можно назвать значительное количество образований – от нации, народа до малой этнической группы. В этой связи, можно предположить, что отождествление термина диаспора с малочисленными народами является ошибочным. Не смотря на то, что они обладают рядом схожих функций, они при этом имеют собственный ареал расселения, который не покидали в определенный исторический отрезок [2].

Современные диаспоры являются не просто этнокультурными анклавами, но и активными участниками внутри- и внешнеполитических отношений стран пребывания, что приводит к появлению новых социальных и политико-правовых аспектов деятельности этнических групп, выходящие за рамки традиционного представления о национальных меньшинствах. К тому же существование диаспор как этнокультурных общностей во многом зависит от готовности и желания их представителей жить в соответствии с правовыми нормами, действующими в том или ином государстве, что требует дополнительного их изучения в нормативно-правовом дискурсе (см., например: [4]).

Диаспора – это не просто часть одного народа живущего среди другого, скорее – это этническая общность, имеющая основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа, сохраняющая их, поддерживающая и содействующая их развитию: языка, культуры, сознания [5].

Исторически важным фактором является то, что Российская Федерация является полиэтничной и поликультурной страной. Данный фактор берет свое начало еще с времен СССР. Поскольку окончательная демаркация линии границы закончилась только к середине 2000-х гг., то многие жители приграничья, объединенные ранее советским гражданством, столкнулись с необходимостью найти собственное место в социокультурной среде принявшего государства. Можно отметить, что такого типа этнические диаспоры становятся естественным мостом в строительстве международных отношений нового уровня – приграничного сотрудничества, укрепления межнациональных связей, как на государственном, так и на региональном уровне, поскольку диаспоры зачастую выступают акторами, укрепляющими связи со странами исхода.

В данной статье хотелось бы отметить, влияние приграничья на социокультурные, социально-экономические и интеграционные процессы, происходящие в развитии диаспор. Приграничная интеграция является относительно новым направлением изучения территориально-пространственного развития России. Поскольку затрагивает развитие не только торгово-экономических связей России, но и культурных, образовательных, научных и т.д. Отмечается заинтересованность субъектов РФ в приграничной интеграции с соседними странами, в частности с областями, прилегающими к российскому приграничью России [6].

На приграничное сотрудничество значительное влияние оказывает характер межгосударственных отношений. Сложность этого процесса состоит в том, что, с одной стороны приграничное сотрудничество развивается на территориях, к которым внимание государства формально выше, чем к остальной части страны, а с другой – по-прежнему не совсем понятная законодательная база, на которую можно было бы опереться при изучении приграничной интеграции и сотрудничества с социологической точки зрения, на уровне местных сообществ, в которые безусловно входят и диаспоры. Значительная часть публикаций, затрагивающих тему приграничного сотрудничества не рассматривают весь комплекс вопросов данного феномена.

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-18-00093, рук. – чл.-корр. А.В. Дмитриев)

Можно отметить, что и Тюменская область (далее – ТО) (с Казахстаном) и Краснодарский край (далее – КК) (с Абхазией, Украиной) являются регионами нового приграничья, появившимся в результате распада Советского Союза. Более того, там, где последние 20 лет существовала граница с Украиной граница передвинулась к Херсонской области (Украина).

Проведенные в 2015-2016 гг. исследования в указанных регионах позволили рассмотреть роль и функции диаспор в приграничной интеграции и сотрудничества с регионами, находящимися в непосредственной близости от наших границ.

Тюменская область. В ТО проживает значительная казахская диаспора. По данным Росстата 2010 г. все население области составляло – 1 млн 340 тыс. человек, из них казахи составили – 13,2 тыс. человек, представляя четвертую по численности этническую группу (после русских, украинцев и татар, включая сибирских), по сравнению с данными 2002 г. 12,9 тыс. человек. Так же стоит отметить, что особенностью расселения казахской диаспоры в области является то, что она преобладает в районах, непосредственно являющихся приграничными, таких как – г. Ишим, Сорокинский, Омутинский муниципальные районы и т.д.

Наличие прямых контактов дает казахской диаспоре играть значительную роль в укреплении и развитии российско-казахстанских отношений в целом, и приграничного сотрудничества в частности. Именно представители казахской диаспоры первыми реагируют на упрощение таможенного режима, используют вновь открывающиеся возможности в развитии торговых отношений и взаимных инвестиций [1].

Среди указанных экспертами представительств можно выделить наиболее многочисленные и активные образования: НКА казахов Тюменской области; казахская общественная организация «Достык»; ТООО «Центр казахской культуры и творчества «Арман» и др.

Одной из важных функций, указанных организаций является проведение различных этнокультурных мероприятий, что дает возможность развития более тесного взаимодействия некоренного и коренного населения друг с другом. Близость границы в данном случае и связи, появившиеся еще до распада СССР позволяют наиболее успешно интегрироваться в российское пространство и наоборот.

Краснодарский край. Несколько иная ситуация в КК, здесь данные статистики 2010 г. показывают уменьшение численности как украинской, так и грузинской диаспоры по сравнению с переписью 2002 г. Однако данные миграционной статистики КК свидетельствуют о положительном сальдо миграции. Согласно их данным: миграционный прирост украинской диаспоры составил 22,1% от общего количества мигрантов из стран СНГ, миграционный прирост грузинской диаспоры среди стран ближнего зарубежья составил 19%.

По утверждению некоторых исследователей, существует несколько факторов, которые оказали влияние на расхождение всероссийских и региональных данных, т.е. на уменьшение или увеличение численности ряда многочисленных диаспор. Например: демографический, т. е. различия в уровне естественного прироста населения и его естественной убыли; миграционный – различия в притоках людей извне или их оттоке за рубеж; этнический – изменением этнического самоопределения [2].

Несмотря на то, что прирост численности этих диаспор оказывается относительно небольшим по сравнению количеством прибывших за последние несколько лет мигрантов из среднеазиатских стран, данные этнические группы по-прежнему остаются одними из самых многочисленных в крае. Украинцы на втором месте по численности, грузины на четвертом месте.

В крае существует достаточно развитая сеть украинских национально-культурных автономий, таких как: «Содружество Кубань-Украина»; «Украинская диаспора «Содружество» и др., грузинских: «Грузинская община «Иверия»; «Апсны» и др.

К тому же, как и в случае с ТО и Казахстаном, украинцы и грузины, проживающие в крае жили здесь еще со времен Советского Союза и также, как и казахи в ТО в основном не считают себя мигрантами. Но не до конца ясная ситуация с Абхазской республикой, показывает некоторую сложность в изучении грузинской диаспоры в крае и их самоопределением.

Подводя итоги можно отметить, что практически в ТО и КК отмечается низкая степень межнациональной напряженности, поскольку нынешние приграничные территории еще 30 лет назад таковыми не являлись. К тому же некоторые приграничные территории, по обе стороны линии границы, объединяет, не только не посредственная близость друг другу, но и общее советское прошлое в некоторых регионах, где этих границ и вовсе не было.

К особенности диаспор на современном приграничье России можно отнести, что практически все диаспоры существующие сейчас, существами здесь еще с времен СССР. Большинству представителей проанализированных диаспор было гораздо проще интегрироваться в принимающее общество и наоборот. Для принимающего общества представители этих этнических групп не являются «чужими». К тому же большая часть жителей регионов, граничащих с нашей страной владеют русским языком на достаточно хорошем уровне, что также влияет на успешное взаимодействие на территории РФ и интеграцию в принимающее общество.

В современных реалиях, граница является одним из важных факторов, которое формирует, такое новое явление как приграничное сообщество. Важное место в формировании этого сообщества место занимают диаспоры тех этнических групп, страны исхода которых находятся в непосредственном соседстве с границами РФ. В первую очередь оказывает влияние интенсивное взаимодействие диаспор со страной исхода, поскольку она находится достаточно близко и характеризующееся интенсивным взаимодействием различных общностей населения (этнических, территориальных, религиозных и пр.) и трансформирующейся структурой населения под воздействием уникального приграничного положения регионов.

Библиографический список:

1. Айталы А.А. Казахская диаспора в России: проблемы и перспективы // Сб. «Казахстанско-российское взаимодействие в XXI веке и вызовы глобализации». Астана, 2004. С. 174
2. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С 74-78.
3. Богдаев Д. Перепись 2010: этнический срез хъ[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/s_map.php
4. Маркин В.В., Роговая А.В. Региональное законодательство и социальные конфликты // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2. С. 4-12.
5. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С.33-42.
6. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. М., 2001. С. 71.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК «СОСТОЯНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ» ОПРЕДЕЛЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА*

Буркальцева Д.Д., Горобец Е.В.

Трактовка безопасности как «состояния защищенности национальных интересов» определенного социального объекта (личности, общества или государства) приобрело особую популярность, оно положительно воспринимается в политических и научных кругах, в счет и учитывается при разработке проектов концепций и законодательных актов по вопросам безопасности в США, странах Западной Европы и странах СНГ.

В связи с широтой спектра национальных интересов проблема национальной безопасности может быть рассмотрена на политическом, экономическом, социальном, правовом, военном, экологическом уровнях науки и практики, что и вызывает декомпозиции национальной безопасности на соответствующие составляющие (рис. 1).

Следовательно, задачей национальной безопасности является защита интересов общества и государства как целостной системы и обеспечения условий для их устойчивого развития. Именно их

* Работа подготовлена в соответствии с выполнением грантового соглашения фонда РГНФ № 16-02-00220/16 от 16.05.2016, регистрационный номер НИОКТР АААА-А16-116040410178-5

устойчивый прогрессивное развитие является основным критерием национальной безопасности. Поэтому в широком смысле национальной безопасности можно детерминировать как способность общества и государства поддерживать и воспроизводить все разнообразие своих национальных ресурсов в степени, необходимой для прогрессивного развития. Несмотря на то, что национальная безопасность предусматривает поддержку удовлетворения основных внутренних жизненных потребностей страны и в сфере внешних отношений, следует, что важнейшей ее целью выступает обеспечение политической и экономической суверенитета. При этом объектами национальной безопасности становятся государство, общество и личность.

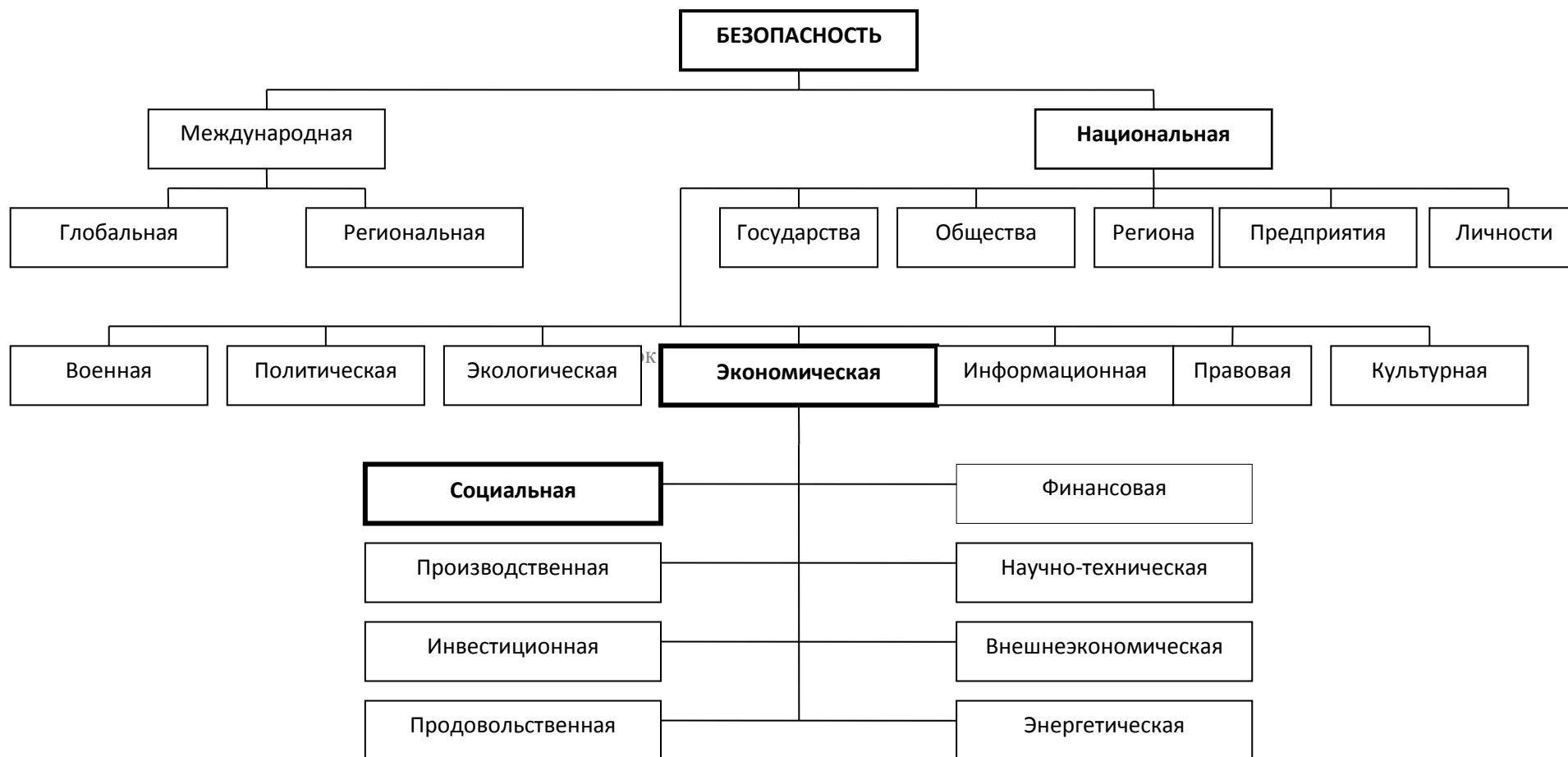
Итак, исторически проблема национальной безопасности возникает одновременно с возникновением государства, государственных институтов, с появлением необходимости защиты национальных интересов, а потому проблема национальной безопасности с различными степенями остроты стоит (стояла и будет стоять) перед каждым государством в каждый конкретный исторический момент. На каждом конкретно-историческом этапе ее развития для обеспечения национальной безопасности необходимо использование особых методов и средств, применение специфических механизмов и существования соответствующей системы специальных государственных институтов. При этом центральным звеном целостной системы национальной безопасности как комплекса защитных механизмов национальных интересов является экономическая безопасность, которая является решающим условием функционирования национальной экономической системы.

Как научная категория экономическая безопасность – это видовая составляющая национальной безопасности и одновременно входит в систему категорий экономической теории.

Несмотря на относительную новизну категории «экономическая безопасность», вопрос ее обеспечения имеет долгую историю теоретического исследования. Исторический аспект – основа любой научной категории, а потому исторические корни и источники помогают раскрыть ее содержание и показать эволюцию развития. Согласно данному подходу понятие «экономическая безопасность» является категорией исторической, которая возникла вместе с появлением государства и неразрывно связана с ее существованием и функционированием.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в фундаментальном труде М. Блауга [1], мы не находим четко определенных формулировок понятия экономической безопасности, хотя неявно проблемы экономической безопасности исследовались экономистами и обществоведами различных теоретических направлений.

В частности, античные философы видели безопасность тогдашней экономической системы в национальном богатстве, которое уже в меркантилистов выражалось золотом и любого рода сокровищами. Сердце меркантилизма – доктрина активного сальдо торгового баланса и регулирования внешней торговли с целью увеличения притока в страну золота и серебра. Основными средствами достижения такого оптимального и безопасного состояния является поддержка промышленности путем импорта дешевого сырья, установление протекционистских тарифов на импортную промышленную продукцию и стимулирования экспорта, особенно готовой продукции. Хотя концепция меркантилизма была в дальнейшем раскритикована, однако саму идею защиты национального производителя от внешних угроз можно считать, по нашему мнению, зародышем современных концепций экономической безопасности.



Долгое время существовало понимание экономической безопасности как одной из характеристик глобального военного противостояния социалистических и капиталистических систем, то есть экономическая безопасность рассматривалась как обеспечение жизнедеятельности национальных экономик в условиях военных действий и «холодной войны». Как разновидности этой концепции существовали подходы, согласно которым экономическая безопасность трактовалась, как обеспечение возможности страны выжить в условиях стихийных бедствий и экологических катастроф или в условиях национальных и мировых экономических кризисов [2, с. 38].

В российской и украинской экономической литературе также встречаются различные взгляды на определение категории «экономическая безопасность», что объясняется сложностью, многокомпонентностью и взаимообусловленностью ее составляющих. Анализ накопленных научных знаний позволяет систематизировать их в наиболее значимые подходы к определению сущности экономической безопасности. Согласно им экономическую безопасность рассматривают: как процесс удовлетворения потребностей; с точки зрения защиты интересов государства; с позиции экономической устойчивости и независимости страны; как совокупность условий и факторов [3].

Анализ и систематизация подходов к определению сущности экономической безопасности дает возможность выделить специфические признаки, которые являются методологической основой исследования этого явления. В основе экономической безопасности лежит принцип антропоцентризма. Экономическая безопасность – это историческое и динамическое явление, она относится к внутренним противоречивым понятиям, о значении которых не существует и не может существовать четкого согласия.

Экономическая безопасность является многоуровневым и многоаспектным явлением с определенной пространственной структурой. Ее следует рассматривать с использованием системного подхода как совокупность взаимосвязанных структурных элементов с вертикальными (мега-, макро-, мезо- и микроуровнями) и горизонтальными (социальная, производственная, финансовая, инвестиционная, энергетическая, научно-техническая, продовольственная и внешнеэкономическая безопасность) уровнями.

Библиографический список:

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
2. Алмаев М., Махе Н., Фомин А. Сущность и угрозы экономической безопасности // Власть. 1996. № 12. С. 38.
3. Економічна безпека України: проблеми та пріоритети зміцнення : [монографія] / З.С. Варналій, Д.Д. Буркальцева, О.С. Саенко. К.: Знання України, 2011. 299 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Буртонова И.Б., Буртонов М.Н.

Одним из основных стратификационных признаков, позволяющих выделять социально-демографические слои, является возраст человека. Всемирная организация здравоохранения предложила классификацию возрастов в старости: возраст от 60 до 74 лет отнесен к пожилому возрасту, от 75 до 89 лет относится к возрастному периоду «старость», а от 90 лет и старше – к долгожителям. В настоящее время растет доля людей пожилого возраста от общего числа жителей в большинстве стран мира. Данная категория населения занимает одно из первых мест в ряду объектов социальной поддержки и помощи.

В научной литературе существует большое количество классификаций и типологий, так или иначе определяющих понятие «пожилой возраст», «пожилой человек», «люди старшего возраста». Многообразие связано с тем, что наступление старости не является легко фиксируемым единовременным событием и учеными разных наук представляется не одинаково. В связи с увеличением численности пожилых людей наиболее актуальными в современных условиях

становятся проблемы их общественного и социального положения, роли и места в семье, медико-социальной реабилитации, социального обслуживания и обеспечения, социального попечительства над пожилыми людьми [1].

Изменение социального статуса человека в старости, вызванное, прежде всего прекращением или ограничением трудовой деятельности, трансформацией ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, а также возникновением различных затруднений как в социально-бытовой, так и в психологической адаптации к новым условиям, диктует необходимость выработки и реализации специфических подходов социальной работы с пожилыми людьми.

В социальной работе с пожилыми людьми используются разнообразные формы и методы, такие как социальное обслуживание на дому, срочная и адресная социальная помощь. Также в этой системе функционируют различные учреждения, в частности центры социального обслуживания, отделения дневного пребывания, стационарные учреждения и специализированные жилые дома для пожилых людей. Но на фоне прогрессирующего старения населения возникает необходимость поиска новых видов деятельности и новых инновационных технологий социального обслуживания граждан пожилого возраста, нуждающихся в социальной поддержке и помощи. Это необходимо для того, чтобы уже сегодня обеспечить социальной помощью и поддержкой наибольшее количество нуждающихся в этом пожилых граждан.

Одной из современных технологий социального обслуживания является «приемная семья для граждан пожилого возраста». Для одинокого пожилого человека приемная семья – это возможность продления жизни в домашней обстановке, систематическое оказание различных видов помощи, решение жилищных проблем, экономически целесообразная и альтернативная стационарному обслуживанию инновационная технология жизнеустройства [2, 12].

Семья поднимает статус пожилого человека, он чувствует себя более защищенным, не нарушается привычный ритм жизни, снижается уровень страха перед одиночеством, появляется возможность общения, оказания посильной помощи и передачи накопленного жизненного опыта другим членам семьи. Данная технология социального обслуживания пожилых людей обеспечивает условия проживания, которые наиболее оптимальны для соматического и психологического самочувствия пожилых. В связи с этим нам представляется необходимым проанализировать особенности данной технологии.

В Республике Бурятия с 2008 года реализуется социальная технология «приемная семья» для одиноких пожилых граждан и инвалидов, нуждающихся в постоянном круглосуточном уходе. Порядок организации «приемной семьи» регулируется «Положением о приемной семье для граждан пожилого возраста и инвалидов», утвержденным постановлением Правительства Республики Бурятия № 638 от 12 декабря 2014 г. Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия разработан план мероприятий по развитию технологии «приемная семья для граждан пожилого возраста» на период до 2020 года, принято Постановление Правительства Республики Бурятия № 410 от 01 ноября 2014 г. о Республиканской целевой программе «Повышение доступности и качества государственных услуг в сфере социальной поддержки населения в Республике Бурятия на 2011 – 2020 годы». За 4 квартал 2015 года заключено 25 договоров социального обслуживания в приемной семье. Однако при этом есть случаи и расторжения договоров (8 граждан) по различным причинам: смерть, переезд к родственникам, психологическая несовместимость.

Для анализа современных технологий социального обслуживания граждан пожилого возраста была разработана анкета, целью которой было определение проблем и перспектив реализации технологии «приемная семья для граждан пожилого возраста». Анкетирование проводилось в организациях и учреждениях, подведомственных Министерству социальной защиты населения Республики Бурятия. Респондентами выступали специалисты учреждений, где проводилось анкетирование, так и пожилые люди, которые проживают в АУСО «Улан-Удэнский комплексный центр социального обслуживания населения «Доверие»».

Вопросы анкеты были направлены на выявления наиболее оптимальных форм социального обслуживания граждан пожилого возраста, на выявление отношения участников исследования к технологии «приемная семья для граждан пожилого возраста», определения преимуществ и недостатков данной технологии, а также отношение к организационным вопросам реализации технологии в республике и городе. Отдельные вопросы были заданы с целью получения информации о перспективах развития данной технологии.

Проанализировав ответы респондентов, нами были сделаны следующие выводы. Отношение к технологии «приемная семья для граждан пожилого возраста» у участников опроса в целом положительное, как у самих потенциальных получателей данной услуги, так и у сотрудников социальных учреждений. Очевидны преимущества внедрения технологии, поскольку базой для создания приемной семьи является реальная семья российских граждан, которая берет на себя заботу о пожилom человеке и несет полную ответственность за его жизнь и здоровье, и качество осуществляемого ухода.

Мы выяснили, что приемная семья подбирается для каждого гражданина индивидуально, путем прохождения предварительного собеседования, обследования и оценки условий проживания обеих сторон. Специалистами социального учреждения осуществляется психологическое консультирование кандидатов, предполагается определение оптимального состава приемной семьи, разрабатывается прогноз психологической совместимости. Осуществляется первичная диагностика с целью изучения степени выраженности необходимых для данного вида деятельности качеств личности.

Ответы респондентов позволили нам выявить также проблемы реализации технологии «приемная семья для граждан пожилого возраста», которые в основном связаны с недостатком кандидатов, желающих взять пожилого человека в семью. Мы связываем это, в том числе, с наличием так называемых «стереотипов» в отношении исследуемой проблемы, непонимание людей, желающих взять пожилого человека в семью, непринятие самой идеи в целом. Также сложности реализации технологии связаны еще и с недостаточной информированностью населения о такой технологии.

Однако, респонденты отмечают, что в продвижении данной технологии есть перспективы. Мы связываем это с общей гуманистической направленностью технологии, с устоявшимся мнением, о том, что человеку нужна семья независимо от его возраста, пониманием того, что пожилой человек в семье не чувствует себя одиноким, ощущает свою значимость и нужность.

Таким образом, анализ положения пожилых граждан свидетельствует о том, что они относятся к наиболее социально незащищенной категории населения и нуждаются в особом внимании со стороны государства. Проблемы социальной защищенности пожилых людей стали особенно актуальными в результате всех социальных реформ, проводимых в нашей стране. Социальные и психологические проблемы пожилых людей происходят на фоне общего ухудшения здоровья, вызванного физиологическими изменениями в организме.

Изучение современного положения людей пожилого возраста дает основания для вывода, о том, что стареющее общество особо нуждается в совершенствовании социального обслуживания данной категории населения, о необходимости разработки инновационных технологий социальной работы с пожилыми людьми, реализация которых изменит представление о старости и представит старость как этап многих возможностей и динамичного развития, как отдельного человека, так и общества в целом.

Библиографический список:

1. Соколова В.Ф., Березцкая Е.В. Теория и практика реабилитации граждан пожилого возраста. М.: Флинта, 2012.
2. Крякина Л.Н. Приемная семья – новая модель социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов // Социальное обслуживание. 2014. № 5. С. 10-15.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС БЮДЖЕТИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Вахина А.Д.

Программа поддержки местных инициатив (далее ППМИ) является ключевым звеном в развитии муниципальных образований.

Программа предусматривает выделение на конкурсной основе субсидий из областного бюджета на реализацию наиболее важных для городских и сельских территорий проектов, направленных на благоустройство и ремонт объектов общественной инфраструктуры поселений. При этом отбор и реализация проектов в поселениях осуществляется при активном участии населения, что является отличительной особенностью ППМИ.

При этом важными условиями участия муниципального образования в программе ППМИ являются:

1. Местный бюджет выделяет не менее 10 % от общей стоимости проекта, население – не менее 5 %, обязательное участие спонсоров в лице юридических лиц и депутатов Законодательного Собрания.

2. Из регионального бюджета на реализации проекта городского поселения предусмотрено 800 тыс. рублей, а сельского населения – 700 тыс. рублей.

3. Объект (земля) должен находиться в собственности и направлен на решение вопросов, предусмотренных ФЗ – 131 статье 14 и соответствовать типологии ППМИ.

4. Документация должна быть представлена в полном объеме в соответствии с Приложением 1 приказа от 29.01.2013 г. №11- нп.

5. Не более 2 заявок от населения.

6. Конкурсный отбор проходит в 6 этапов, на первом этапе проводится конкурс среди городских поселений, на втором – среди сельских поселений.

7. Общий объем субсидии из областного бюджета 92 млн. рублей.

8. Срок реализации проекта до 1 сентября 2016 года.

Условия участия в программе для городских округов:

1. Финансирование из областного бюджета: 4 млн руб.

2. Вклад со стороны населения не менее 20% от стоимости проекта.

3. Средства областного бюджета не менее 40% от стоимости проекта.

4. Вклад из местного бюджета – оставшаяся сумма.

5. 4-6 пилотных ТСЖ и ТОС от каждого района.

6. Около 20 участников, 1 куратор от района.

7. Предполагается около 10 победивших проектов стоимостью около 1 миллиона рублей.

8. Типологии проектов: парковки, освещение во дворах, благоустройство скверов, детские и спортивные площадки.

В электронной системе «ППМИ – Тверь» происходит расчет бальной оценки поселений, который основан на принципах прозрачности и отсутствие субъективного фактора. Активизация участия местного населения в процессе бюджетирования программы поддержки местных инициатив является одним из главных индикаторов эффективности реализации программы и развития социальной инфраструктуры территории. Активность населения за 3 года работы программы в Тверской области выросла в 3,5 раза. Если в 2013 году было подано 72 заявки, в 2015-м эта цифра увеличилась до 222, то в 2016-м поступило 250 заявок. Особенностью реализации программы в 2016 году стало участие со стороны городских округов в результате, которого было подано 11 заявок.

Основными целями участия населения в процессе бюджетирования является решение острых социальных проблем местного уровня, повышение качества жизни населения через развитие местной социальной инфраструктуры, активизация населения в решении собственных проблем, повышение доверия власти и населения за счет организации совместной работы, а также повышение прозрачности использования бюджетных средств. При консорциумном подходе в работу вовлекается

большого количества партнеров из разных секторов, что позволяет создать постоянно действующий механизм поддержки гражданских инициатив (Фонды Местных Сообществ). Население, сопричастное к реализации отобранных проектов, осуществляет общественный контроль за его реализацией, последующей эксплуатацией и сохранностью. Повышается уровень доверия к власти за счет увеличения прозрачности управленческих решений и снижения уровня коррупции.

Программы поддержки местных инициатив в регионах отличаются видами муниципальных образований, участвующих в программе, числом заявок от муниципальных образований, объемом региональной субсидии, предоставляемых из регионального бюджета муниципальным образованиям, условиям софинансирования: вкладом граждан и объемом средств из местного бюджета. В силу различных условий реализации программ поддержки местных инициатив трудно выявить лучший опыт. Обычно сравнивают тех, у кого схожие условия. Наиболее развитая система межсекторного партнерства на примере ППМИ представлена в Тверской области, которая является лучшей практикой реализации программы.

В процессе формирования партнерства возникает много барьеров и проблем со стороны каждого из участников взаимодействия, минимизация и устранение которых приводит к более эффективному результату. Основными проблемами реализации программы поддержки местных инициатив являются невысокое качество подготовки заявок и комплектов документации, неэффективная работа с населением, недоверие местных жителей к программе, отсутствие мотивации к участию, сложность с поиском подрядной организации и их недобросовестная работа, сложность оформления объекта в собственность муниципального образования. Работая сообща, партнерские организации определяют общие цели и задачи, достигают взаимопонимания, преодолевают взаимный антагонизм и постепенно формируют отношения, основанные на доверии и сотрудничестве.

Управление Программой поддержки местных инициатив с помощью региональной информационной системы управления (ИСУ) используется в Ставропольском крае и Тверской области. Система ИСУ отражается по – разному, система ИСУ в Тверской области считается лучшей практикой. Создаваемые механизмы, направленные на повышение информационной открытости органов власти и органов местного самоуправления работают по принципу обязательной открытости. Информационная открытость является одним из приоритетных направлений работы «Открытого Правительства». В соответствии с программным способом бюджетирования обязательством со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления является публикация в открытом доступе всех программ, в которых они принимают участие, в том числе программы поддержки местных инициатив, с целью повышения эффективности расходования бюджетных средств.

Таким образом, для повышения уровня участия муниципальных образований в ППМИ необходимо увеличить общий объем финансирования проектов ППМИ, через привлечение средств федерального бюджета, необходимо разработать единое нормативно – правовое обеспечение ППМИ, которое позволит создать единую структуру ППМИ для всех регионов и всех участников программы, инициировать создание портала «Путеводитель по проектам ППМИ». Разработка проекта «Инициативное бюджетирование программы поддержки местных инициатив» позволит повысить заинтересованность участия в программе со стороны всех участников процесса софинансирования программы поддержки местных инициатив.

Индикатором успешного участия муниципальных образований в программе поддержки местных инициатив выступает финансовая заинтересованность со стороны населения, органов местного самоуправления и юридических лиц. Участие граждан в распределении бюджетных средств муниципального образования через участие в программе поддержке местных инициатив способствует повышению эффективности расходования бюджетных средств, росту заинтересованности к участию в программе, и обеспечивает причастность местного населения к решению злободневных проблем.

Библиографический список:

1. Конституция РФ. Федер. конституционный закон от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ //Консультант Плюс.
2. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // Российская газета. 2015. 17 июл. (№ 6727-156).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131 – ФЗ // Российская газета. 2003. 8 окт. (№ 3316).
4. Об отдельных вопросах реализации программ по поддержке местных инициатив в Тверской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499304810>
5. О государственной программе Тверской области «Управление общественными финансами и совершенствование региональной налоговой политики на 2013-2018 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499304820>
6. Акрамовская А.Г., Якимец В.Н. АЯ-рейтинг регионов по уровню продвижения механизмов межсекторного социального партнерства / дисс. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Москва, 2007. 177 с.
7. Бондарчук Е.А., Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: объединение ресурсов бизнеса, власти и общества на территории МО (Местное самоуправление – новые технологии развития) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fsdejournal.ru/pdf-files/2010/bondarchuk_yakimets_03-2010.pdf
8. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство-бизнес - некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002. 80 с.

ПРИМЕНЕНИЕ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА В ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Галкина Е.П., Кадничанская М.И.

Термин *кластерный анализ* (впервые ввел Тьюн, 1939 г.) в действительности включает в себя набор различных алгоритмов классификации. Кластерный анализ – один из математико-статистических методов, получивших распространение благодаря развитию компьютерных технологий и формализованных программ расчетов. Его цель — классификация, типологическая группировка совокупностей массовых явлений на основе множества признаков.

Методы кластерного анализа можно применять в различных ситуациях, которые встречаются как в научных, так и прикладных исследованиях. Название метода происходит от того же корня, что и слово «класс», «классификация». Английское слово «the cluster» имеет значения: группа, пучок, куст, то есть объединение каких-то однородных явлений [1].

Все задачи кластерного анализа можно подразделить на два типа в зависимости от объема совокупности классифицируемых наблюдений:

- к первому типу относятся задачи классификации сравнительно небольших по объему совокупности наблюдений, состоящих не более чем из нескольких десятков наблюдений (например, классификация стран, городов, предприятий, типов технологических процессов);

- ко второму типу относятся задачи классификации достаточно больших массивов многомерных наблюдений (например, классификация семей, промышленных изделий).

С точки зрения информации об окончательном числе классов, на которое требуется разбить исследуемую совокупность объектов, задачи кластерного анализа можно подразделить на три типа:

- число кластеров заранее задано;
- число кластеров неизвестно и подлежит определению;
- число кластеров неизвестно, но его определение и не входит в условие задачи, требуется построить так называемое иерархическое дерево исследуемой совокупности.

В соответствии с разделением задач кластерного анализа можно выделить три основных типа процедур кластерного анализа:

- а) процедуры иерархические, предназначены в основном для решения задач типа 3;
- б) процедуры параллельные, реализуемые с помощью алгоритмов, на каждом шаге которых одновременно используются все имеющиеся наблюдения;
- в) процедуры последовательные, реализуемые с помощью алгоритмов, на каждом шаге которых используется лишь небольшая часть наблюдений, а также результат разбиения на предыдущем шаге [2].

Метод кластерного анализа активно применяется в прикладных социологических исследованиях. В 2014 году на кафедре социологии и политологии Ульяновского государственного университета было проведено социологическое исследование на тему «Профессия как фактор самореализации человека (на примере МО «Сенгилеевский район» Ульяновской области)». Вид выборки – случайная серийная (гнездовая). При серийной выборке единицами отбора выступали не сами объекты, а группы (кластеры или гнезда). Группы отбирались случайным образом.

В МО «Сенгилеевский район» были опрошены муниципальные служащие Администрации МО «Сенгилеевский район» (50 человек); сотрудники ЗАО "Силикатчик" – это ведущее предприятие строительной отрасли в Сенгилеевском районе, здесь производится кирпич силикатный, продажа строительного песка, мела, извести (40 человек (1 смена)); учителя МОУ Сенгилеевская СОШ №1 (40 человек). Всего в исследовании приняло участие 130 респондентов.

Большое достоинство кластерного анализа состоит в том, что он позволяет производить разбиение объектов не по одному параметру, а по целому набору признаков. В данном анализе, за основу выделения кластеров были взяты такие переменные как: возраст, уровень образования, интерес к работе, оценка своей работы, стаж по специальности, профессиональный статус. В результате было выделено 4 кластера.

1 кластер. В данный кластер вошли работники в возрасте от 19 до 30 лет, с высшим образованием, считающие работу не в полной мере интересной, и не удовлетворенные заработком, стаж работы по специальности около 4 лет (из них 21 муниципальных служащих, 22 рабочих, 20 учителей). Требования, предъявляемые к своей профессии по степени значимости для данного кластера таковы: оплата труда; профессия должна соответствовать способностям, наклонностям; профессия должна быть интересной; возможность получения социальных благ; возможность сделать карьеру; профессия должна быть востребованной на рынке труда; профессия должна быть престижной. Наиболее важным качеством в профессиональной самореализации является ответственность (70%). Далее следуют исполнительность (40%), дисциплинированность (35%). Наиболее значимым в работе для данного кластера является стабильность организации (59%), грамотный, профессиональный руководитель (46%), дружелюбный коллектив (44%).

2 кластер. В данный кластер входили работники в возрасте от 31 до 40 лет, с незаконченным высшим образованием, считающие работу не в полной мере интересной и неудовлетворенные уровнем заработной платы, работающие по специальности более 15 лет (из них 6 муниципальных служащих, 8 рабочих, 8 учителей). Требования, предъявляемые к своей профессии по степени значимости для данного кластера таковы: достойная оплата труда; профессия должна соответствовать способностям, наклонностям человека; профессия должна быть интересной; профессия должна давать возможность получения социальных благ; профессия должна быть престижной; профессия должна давать возможность сделать карьеру; должна быть востребованной на рынке труда. Наиболее важными качествами в профессиональной самореализации для этого кластера - ответственность (64%), далее - образованность (50%), исполнительность (36%). Для данного кластера наиболее значимым в нынешней работе - это стабильность организации (68%). Далее по степени значимости идут близость к дому и дружелюбный коллектив (по 55%), творческая работа (36%). Не значимыми для данного кластера являлась возможность служебного (карьерного) роста, руководящая должность, наличие мотивационных и обучающих программ в компании.

3 кластер. В данный кластер вошли работники в возрасте от 41 до 50 лет, с незаконченным высшим образованием, которые считают свою работу интересной и удовлетворены уровнем заработка, стаж работы по специальности около 6 лет (из них 11 муниципальных служащих, 3 рабочих и 1 учитель). Представители этого кластера (муниципальные служащие, учителя, рабочие) по степени значимости требований к своей профессии на первое место поставили интерес к профессии; далее - соответствие способностям, наклонностям человека; профессия должна быть хорошо оплачиваемой; востребованность на рынке труда; возможность получения социальных благ; возможность сделать карьеру, престижность профессии. Наиболее значимыми качествами в профессиональной самореализации для них являлись ответственность (67%), далее трудолюбие (60%), исполнительность (47%). Данный кластер самым значимым в работе считает интересную, творческую работу и возможность общаться с большим количеством разных людей (60%), далее - возможность профессионального роста и самореализация, применение имеющегося опыта и знаний (47%), дружелюбный коллектив (40%).

4 кластер. В данный кластер вошли работники в возрасте от 51 до 60 лет, с высшим образованием, считающие свою работу интересной, они удовлетворены уровнем заработка, стаж работы по специальности более 30 лет (из них 10 муниципальных служащих, 7 рабочих, 11 учителей).

Сравнивая кластеры по такой переменной как требования, предъявляемые к своей профессии, работники различных сфер (муниципальные служащие, учителя, рабочие) по степени значимости, в первую очередь, отметили, что профессия должна быть интересной (1 место); хорошо оплачиваемой (2 место); соответствовать способностям, наклонностям человека (3 место); давать возможность получения социальных благ (4 место); быть престижной (5 место); востребованной на рынке труда (6 место); давать возможность карьерного роста (7 место).

При выборе качеств в профессиональной самореализации, которые характерны для данного кластера, на первом месте стояли ответственность (57%), далее - профессионализм (43%), образованность и трудолюбие (по 36%).

Наиболее важными в работе муниципальных служащих, учителей, рабочих являлась стабильность организации, в которой работал человек (75%), а также самореализация, применение имеющегося опыта и знаний (54%), возможность повышения материального благосостояния (высокая заработная плата) и грамотный, профессиональный руководитель (по 39%).

Выделенные кластеры схожи между собой по выбору качеств, присущих им в профессиональной самореализации – ответственность, как субъективная обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия; исполнительность как готовность и способность выполнять поручение, функцию, поставленную задачу.

Далее можно было наблюдать различия между кластерами в требованиях, предъявляемых к своей профессии. Для 1 и 2 кластера более важна хорошо оплачиваемая профессия, для этого требуется желание работать и добиваться всех поставленных целей, тогда все получится. Любая работа помимо материальной стороны должна иметь моральный аспект. Поэтому, также для них важно, чтобы профессия соответствовала способностям - это свойства личности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определённого рода деятельности. Для 3 и 4 кластера важно, чтобы профессия была интересной. Ведь, интересная работа способна увлечь человека настолько, что внутри себя он открывает неограниченный творческий потенциал. Также для них характерно, чтобы работа приносила не только моральное, но и материальное удовлетворение. Главный интерес в любой работе – это уровень заработной платы.

Схожи ответы и по поводу значимости характеристик в работе. На первое место кластеры выдвигали стабильность организации как способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии. Далее ответы различались. Для 1 и 2 кластеров важны были дружелюбный коллектив, а для 3 и 4 кластеров значимым в работе являлось самореализация, применение имеющегося опыта и знаний.

Таким образом, при анализе социологической информации возникает проблема выделения социально значимых, качественно отличных друг от друга, но внутренне однородных социальных процессов или явлений. Например, разбиение респондентов на однородные группы при социологических опросах, сегментация по определенным признакам и т.п. Возникающие трудности позволяют преодолевать кластерный анализ. Это позволяет для выделенных групп вырабатывать соответствующие рекомендации по решению поставленных социальных проблем.

Библиографический список:

1. Михеев В.И. Моделирование и методы теории измерений в педагогике. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 200 с.
2. Мандель И.Д. Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1988. 176 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гареева Э.Р.

Социальная политика – один из важнейших аспектов деятельности государства. Государственные органы поддерживают наиболее уязвимые слои населения для того, чтобы сохранить их устойчивое положение, не допустить нищеты и предоставить возможность полноценного существования. К таким мероприятиям относится социальное обеспечение граждан.

На сегодняшний день в законодательной базе отсутствует четкое определение социального обеспечения граждан. В законодательной базе выделяют несколько групп законов: о здравоохранении, об образовании, семейное законодательство и в том числе законодательство о социальном обеспечении. Группа законов о социальном обеспечении оперирует понятиями «социальное обслуживание» и «социальная услуга». Социальная услуга – действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. Социальное обслуживание – предоставление социальных услуг получателям [1].

Социальное обеспечение относится к следующим категориям граждан: инвалидам, ветеранам, вынужденным переселенцам, получателям трудовой пенсии, родителям многодетных семей, лиц, нуждающихся в реабилитации после террористических актов или находящихся в местах принудительного содержания [1]. Таким образом, данная группа законов, в которую входит 21 Федеральный Закон, регулирует социальную и финансовую поддержку наиболее уязвимых групп общества, отражает сущность социальной политики государства.

Российская Федерация по своей площади и численности населения является крупнейшим государством, поэтому определение социальной политики только на уровне Федеральных Законов привело бы к неэффективному распределению финансовой помощи. Таким образом, Правительство РФ разрабатывает общие положения социальной политики, контроль выполнения которых осуществляется в муниципальных образованиях. Органы управления муниципальных образований в целях осуществления программы социального обеспечения может вводить дополнительные льготы (к примеру, льготы на транспорт), детальную проработку характеристик лиц, претендующих на получение пособий, осуществлять постановку на учет нуждающихся граждан и своевременное обеспечение жильем в порядке очереди, организация бесплатных юридических консультаций и т.д. [3].

Таким образом, Федеральные Законы, регулирующие социальное обеспечение, задают общие требования к проведению социальной политики, однако конечный результат в большой степени зависит от политики муниципальных образований. Муниципальные органы власти могут повысить информированность населения, качество учета нуждающихся, детализировать условия выдачи пособий и предоставления льгот, распределение бюджета на социальное обеспечение граждан.

Соответственно, повышение эффективности социального обеспечения зависит от компетентности и заинтересованности муниципальных органов управления.

Существующая ситуация в РФ характеризуется рядом проблем, в том числе:

- высоким уровнем бедности при высокой дифференциации доходов населения. К концу первого квартала 2016 года по сравнению с концом 2015 года численность граждан, живущих менее, чем на прожиточный минимум, увеличилось с 14,4 млн. до 22,7 млн. человек [2];

- неблагоприятной динамикой рождаемости. В 2015 году родилось 1,94 млн. чел., в 2016 году родилось 1,43 млн. чел. [2];

- выдачей пособий и других форм материальной помощи без учета степени нужды населения.

Сравнительно небольшой фонд социальной поддержки населения, хищения и непродуктивные растраты выделенного бюджета.

Данная ситуация частично обусловлена экономическим кризисом 2014-2015 годов и высоким уровнем инфляции без соответствующей индексации пособий и выплат. Однако социальные проблемы РФ начались еще до современного кризиса после распада СССР, когда социальный аспект деятельности государства утратил свое весомое значение. На сегодняшний день в целях совершенствования социального обеспечения в муниципальных образованиях необходимо установление жесткого контроля над соблюдением выплат бюджета населению, увеличение финансирования населения и индексация пособий и выплат, а так же совершенствование системы учета граждан и постановка в очередь на получение помощи государства с учетом степени нужды получателя социальных услуг.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

3. Кузнецова Е.М. Местное самоуправление и социальная работа. Омск: Издательство ОмГТУ, 2010.

4. Салихова С.Ф., Зайнышева С.Г. Стратегическое управление развитием муниципальных образований в регионе: учебное пособие. Уфа, 2006.

5. Салихова С.Ф., Зайнышева С.Г. Формирование механизма стратегического управления муниципальным развитием // Муниципальная власть. 2005. № 5. С. 87-89.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ В ЗАДАЧАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Гареева Л.Р., Муллагалямов Х.Р.

В экономико-математическом моделировании часто приходится сталкиваться с тем, что приходится принимать решения в условиях неопределённости. Выбор оптимальной стратегии действия изучается, например, в теории игр. Для обоснования выбора оптимальной стратегии разработаны специальные математические методы, которые позволяют найти наилучший способ действия. Мы сейчас рассмотрим, как этот вопрос освещается в теории антагонистических игр.

Основные понятия теории игр содержатся в труде Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [1].

Теорию игр можно рассматривать как математическую теорию конфликтных ситуаций. Подавляющее большинство социально-экономических решений приходится принимать с учетом противоречивых интересов, относящихся либо к различным лицам или организациям, либо к различным аспектам рассматриваемого явления, либо к тому и другому. В таких случаях невозможно применить традиционные методы оптимизации. В обычных экстремальных задачах речь идет о

выборе решения одним лицом, и результат решения зависит от этого выбора, то есть определяется действиями только одного лица.

Мы сейчас рассмотрим один интересный момент, возникающий при изучении конечных игр с нулевой суммой. Как известно, игру двух противников (игрок А имеет m стратегий, игрок В – n стратегий) можно представить в виде прямоугольной матрицы $m \times n$, так называемой «платежной матрицы» $C = \|c_{ij}\|$, где элемент c_{ij} описывает выигрыш игрока А, если он применяет стратегию A_i , а игрок В применяет стратегию B_j (при этом выигрыш игрока В составляет $-c_{ij}$). Для отыскания оптимальных стратегий нужны понятия нижней цены игры α и верхней цены игры β [2].

$\alpha = \max_i \{ \min_j c_{ij} \} = \max_i \{ \alpha_i \}$, где α_i - это минимум по i -ой строке

$\beta = \min_j \{ \max_i c_{ij} \} = \min_j \{ \beta_j \}$, где β_j - это максимум по j -ому столбцу

Та стратегия для А, которая соответствует α , называется *максиминной*, а стратегия для В, которая соответствует β , называется *минимаксной*.

Если матрица игры С имеет седловую точку ($\alpha = \beta$), то оптимальные стратегии игроков А и В (соответственно максиминная и минимаксная) являются чистыми стратегиями. При этом пара оптимальных стратегий будет положением равновесия (то есть игрокам невыгодно отклоняться от своих оптимальных стратегий). В этом случае чистая цена игры $v = \alpha = \beta$. Если же в матрице игры С седловой точки нет ($\alpha < \beta$), то пара минимаксных стратегий будет неустойчивой. То есть при отклонении одного из игроков от своей минимаксной стратегии другому будет выгоднее тоже поменять свою минимаксную стратегию на какую-нибудь другую.

Например, в матрице $C_1 = \begin{pmatrix} 2 & 3 & 7 \\ 5 & 4 & 6 \\ 6 & 2 & 1 \end{pmatrix}$ $\alpha = \beta = 4$; есть седловая точка, и оптимальные стратегии

A_2 и B_2 ; а в матрице $C_2 = \begin{pmatrix} 7 & 3 & 8 \\ 3 & 8 & 2 \\ 8 & 2 & 9 \end{pmatrix}$ $\alpha = 3$; $\beta = 8$; здесь седловой точки нет.

В случае без седловой точки оказывается, что каждому из игроков можно улучшить свою стратегию, используя вместо минимаксной стратегии некоторую другую, которая оказывается так называемой «смешанной стратегией». Так вот, оказывается, что наиболее трудным моментом при изучении курса является представление этой смешанной стратегии.

Рассмотрим для примера матрицу $C_3 = \begin{pmatrix} 3 & 1 \\ 2 & 5 \end{pmatrix}$. Как мы видим, здесь седловой точки нет: $\alpha = 2$; $\beta = 3$.

Представим себе смешанные стратегии как сетку, натянутую между элементами этой матрицы (например, с шагом 0,2). Каждый элемент новой матрицы есть математическое ожидание, составленное из элементов матрицы C_3 .

$c_{ij} = 3 * p_i * q_j + 1 * p_i * (1 - q_j) + 2 * (1 - p_i) * q_j + 5 * (1 - p_i) * (1 - q_j)$, $i, j = 0..5$;

где p_i и q_j меняются от 1 до 0 с шагом 0,2; $p_i = 1 - 0,2 * i$, $q_j = 1 - 0,2 * j$, p_i и q_j – вероятности выбора стратегий A_1 и B_1 соответственно, $(1 - p_i)$ – вероятность выбора стратегии A_2 , а $(1 - q_j)$ – вероятность выбора стратегии B_2 . Мы получим матрицу C_4 .

$$C_4 = \begin{pmatrix} 3 & 2,6 & 2,2 & 1,8 & 1,4 & 1 \\ 2,8 & 2,6 & 2,4 & 2,2 & 2 & 1,8 \\ 2,6 & 2,6 & 2,6 & 2,6 & 2,6 & 2,6 \\ 2,4 & 2,6 & 2,8 & 3 & 3,2 & 3,4 \\ 2,2 & 2,6 & 3 & 3,4 & 3,8 & 4,2 \\ 2 & 2,6 & 3,2 & 3,8 & 4,4 & 5 \end{pmatrix}$$

В этой матрице нулевые и последние строчки и столбцы соответствуют чистым стратегиям одного из игроков, а угловые элементы в точности равны элементам матрицы C_3 (то есть, оба игрока применяют чистые стратегии).

Мы видим, что у нас есть строка, состоящая из констант 2,6 (2-ая строка матрицы, соответствует $p_2 = 0,6$), и, аналогично, столбец, тоже состоящий из 2,6 (1-ый столбец матрицы,

соответствует $q_1 = 0,8$). Это и есть оптимальные стратегии игроков. Доказательство соответствующей теоремы можно найти в книге [2].

Таким образом, мы можем представить себе смешанные стратегии в виде чистых для расширенной матрицы (на самом деле, как бы бесконечную (непрерывную) сетку, натянутую между элементами первоначальной матрицы). Заодно, мы видим в явном виде седловую точку (это пересечение строки и столбца, состоящих из констант).

Библиографический список:

1. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
2. Вентцель Е.С. Исследование операций. М.: Советское Радио, 1973.

МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМИ ГОСТИНИЦАМИ В РОССИИ

Герасимук А.Р.

На сегодняшний день рынок гостиничных услуг представлен не только в виде гостиничных цепей и муниципальных объединений, но и в большом количестве мелких компаний и частных предпринимателей. При этом все больше набирают популярность малые гостиницы, что связано с неспособностью цепей удовлетворить разнообразные требования туристов. Основным преимуществом малых гостиниц становятся уникальность, неповторимость, узкая специализация и направленность на определенный туристский сегмент. Статистические данные показывают, что 60% постояльцев обслуживаются в крупных отелях, на долю малого бизнеса приходятся остальные 40%. Это свидетельствует о весомой роли малых гостиниц для рыночной экономики.

Общепризнанных критериев, которые должны соблюдать малые гостиницы, не существует. Однако в каждой стране есть свои особенности ведения данного бизнеса, в основном определяющие необходимое количество номеров. Так, в Европе оно не должно превышать 50 номеров, в США – 150 номеров. Согласно Постановлению Правительства РФ от 09.10.2015 N 1085 "Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации" под «малой гостиницей» в РФ понимается средство размещения с номерным фондом не более 50 номеров [1]. Располагаться такие отели могут как в отдельных зданиях, так и в жилых домах со специальным этажом для малой гостиницы.

Анализ развития малого бизнеса в России показал, что с каждым годом количество малых предприятий увеличивается на 15-20 % [2]. Согласно статистическим данным, малый и средний бизнес в России обеспечивает только 20% ВВП (\$400 млрд), что свидетельствует о его низкой доле в рыночной экономике страны [2]. В качестве сравнения, американский показатель составляет 50% (около \$8 трлн). Были выделены ряд проблем, препятствующих развитию малого бизнеса: сложности при официальном оформлении гостиницы, а именно перевода помещений гостиницы из жилого фонда в нежилой; сложности с получением разрешительной документации на целевое землепользование; неэффективность системы налогообложения, ее противоречивость; неопределенность внешней среды, что порождает высокий риск; одной из основных внутренних проблем является формирование ошибочной маркетинговой стратегии гостиничного предприятия.

Главной задачей перед российскими гостиничными предприятиями становится построение эффективной системы управления с помощью различных маркетинговых стратегических методов, которые позволили бы укрепить позиции малых гостиниц на рынке услуг.

Маркетинговые стратегии можно определить как направление деятельности предприятия на определенный период времени, разработанное на основании комплексного изучения всего рынка, оценки спроса и потребностей, позволяющее максимизировать доход и прибыль, достичь поставленные основные задачи [3]. Для достижения этих целей осуществляется комплекс мер, специальных для гостиничных предприятий: исследование гостиничного продукта (услуг); анализ объемов реализации услуг; изучение рынка услуг, форм и каналов их продвижения;

конкурентоспособность услуг; исследование мотивов поведения гостиничной клиентуры; рекламная деятельность; разработка эффективных способов продвижения гостиничных услуг.

К основной клиентуре российских малых гостиниц относятся туристы и бизнесмены среднего класса, которые нуждаются в умеренном комфорте, чистоте, безопасности, хорошей еде, что можно найти в малых отелях. К этому добавляются приемлемые цены и особая обстановка уюта, которую трудно создать в гостиничных гигантах. Следовательно, маркетинговая стратегия малых предприятий должна быть направлена на удержание данных клиентов.

В результате проведенного исследования были предложены два метода, для эффективной реализации маркетинговой стратегии в малых гостиницах. Первый предполагает разработку программ поощрения постояльцев [4]. Они включают установление дополнительных скидок на предоставляемые услуги в отеле или включение в цену номера ряда дополнительных услуг, что очень удобно для клиентов. Метод поощрения клиентов повышает лояльность гостей и формирует конкурентное преимущество малых предприятий.

Второй метод является одним из наиболее действенных и экономичных направлений маркетинговой стратегии, представляющий собой электронные коммуникации с потенциальными клиентами с помощью веб-сайта гостиницы. Для получения максимального эффекта должны соблюдаться следующие правила: оригинальный, продуманный и логичный дизайн сайта и контент высокого качества: информативные, достоверные, наглядные статьи на грамотном русском и иностранных языках (при необходимости); удобный функционал и интерфейс сайта, который дает возможность бронировать номера в режиме online.

Таким образом, эффективная маркетинговая стратегия, выступая конкурентным преимуществом малых гостиничных предприятий, позволит занять устойчивую нишу малому бизнесу на рынке российских гостиничных услуг.

Библиографический список:

1. Постановление Правительства РФ от 09.10.2015 № 1085 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации».
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
3. Барышев А.Ф. Маркетинг в туризме и гостеприимстве. М.: Финансы и статистика, 2007. 158 с.
4. Мусакин А.А. Малый отель: с чего начать, как преуспеть. Советы владельцам и управляющим. СПб: Питер, 2007. 320 с.

ФАКТОРЫ САМОУБИЙСТВА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Гизатулина А.А.

Риском жизни определена частота наступления случаев смертельной опасности для человека за некоторый период его жизни. В первой половине 2016 года проведено социологическое исследование рисков жизни дошкольников и школьников Челябинской области (491 респондент; выборка случайная). Эмпирические данные собирались методом анкетирования юношей и девушек в возрасте 16-22 года: респонденты указывали случаи, когда они оказывались «на волосок от смерти» в период их дошкольной и школьной жизни, и причины таких случаев. Доля респондентов, отметивших наличие в их дошкольный и школьный период таких случаев, составила 43,2%. Риски жизни в исследовании представляют «риски самоубийства» и «риски среды». В группу «риски самоубийства» определены риски по причинам «любовная драма», «психическое насилие», «ощущение утраты «смысла жизни»», «конфликт с собой», «риски деятельности (трудовой, учебной)», «риски активного отдыха», «заболевание психическое», «особенности Вашего характера». Они имели место у 14,3 % респондентов. Группу «риски среды» составили риски по причинам «Ваша

неосторожность», «физическое насилие», «стечение обстоятельств», «конфликт с родителями», «конфликт со сверстниками», «заболевание физическое». Они имели место у 28,9 % респондентов.

Группу рисков самоубийства составили: 1) риск суицида (действительного непосредственного общественно неодобряемого самоубийства); и 2) риск поведения (недействительного самоубийства) [1]. Группу «риск суицида» составили причины «любовная драма», «ощущение утраты смысла жизни», «конфликт с собой», «психическое насилие», «заболевание психическое»: такие случаи в общей сложности имели место у 5,7 % респондентов. Группу «риск поведения» (8,6 %) составили причины «риски деятельности (трудовой, учебной)», «риски активного отдыха», «особенности Вашего характера».

Степень и направленность влияния фактора (СНВ) определяется соотношением показателей того или иного условия жизни. Например, СНВ фактора «состояние здоровья – здоров» рассчитывается по формуле:

$$\text{СНВ} = (26,2 + 1,0) \% / (55,9 + 1,0) \% = 0,5, \text{ где:}$$

26,2% – показатель условия «здоров» в группе респондентов с самоубийственным риском поведения;

55,9% – показатель условия «здоров» в группе респондентов с отсутствием риска;

1,0 % – демпфирующая величина для того, чтобы при расчете СНВ уйти от деления на «0» и чрезмерных значений СНВ;

0,5 – полученный показатель СНВ фактора «здоров».

Тогда, например, полученные результаты опроса по вопросу о здоровье респондентов выглядят следующим образом (см. табл.):

Таблица – Ответы респондентов на вопрос о здоровье

Как Ваше здоровье?	Все опрошенные (N=491)*	Категории респондентов по риску жизни		Степень и направленность влияния фактора (СНВ)
		Риск поведения (N=42)*	Нет риска (N=279)*	
Доля в выборочной совокупности	100,0%	8,6%	56,8%	
Здоров(а)	51,3	26,2	55,9	0,5
Иногда болею	48,3	73,8	44,1	1,7
Серьезно болен	0,2	0,0	0,0	
Итого:	100,0	100,0	100,0	

*Поскольку, кроме риска поведения, исследовались суицидальный и другие риски жизни, не представленные в данной статье, N=491 («все опрошенные») больше, чем (N=42) + (N=279).

Значение СНВ = 0,5 означает, что условие «здоров(а)» является значительным фактором снижения самоубийственного риска поведения. И, наоборот, «иногда болею» со значением СНВ = 1,7 означает, что данное условие является фактором, заметно повышающим самоубийственный риск поведения.

Самоубийственный риск поведения в школьном возрасте намного выше у респондентов мужского пола (СНВ 1,5), чем у женского (СНВ 0,8). Данный факт многократно подтверждается многочисленными исследованиями. Так, по данным ВОЗ количество мужских самоубийств в 2-3 раза больше чем женских. Связывают это с тем, что мужчины выбирают для себя наиболее смертоносные методы. Среди причин выделяют: бешеный ритм жизни, стрессы, хроническая усталость, неправильный образ жизни.

В ходе результатов социологического анкетирования наиболее значимыми факторами самоубийственного риска поведения школьников Челябинской области следующие: социализация в семье с плохим питанием, конфликтными отношениями в семье и с родителями - представителями интеллигенции или специалистами предприятия, фирмы; низкие оценки успеваемости в школе; личностные установки «верю в себя» и «не верю ни во что»; психологическая оценка прошедшего

дня «наконец-то он закончился!» и боязнь дня завтрашнего. Наиболее значимыми факторами снижения самоубийственного риска поведения дошкольников и школьников выявлены: хорошее здоровье; социализация в семье без отца, с четырьмя и более детьми, с хорошим питанием, «теплыми» отношениями в семье и с родителями «свободных профессий»; вера в Бога (любого) и в справедливость; меланхолический темперамент; высокие оценки успеваемости в школе.

Библиографический список:

1. Гизатулина А.А. Социальные факторы суицидального риска в военных организациях (на примере военнослужащих: солдат и курсантов): автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург, 2015. 18 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Голубев В.С.

Феномен социального управления является объектом специального научного интереса по меньшей мере с середины 20-го века. В том или ином контексте, его рассматривали такие ученые, как М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Панарин, А.Дугин и др. Сложность для любого современного исследователя представляет тот факт, что в научном мире, с одной стороны, часто происходит смешение понятий «управление» и «менеджмент», а с другой стороны, «со словом «общество» не связано однозначного представления. Даже то, что обычно обозначают как «социальное», не имеет никакой однозначно-объективной референции» [1, с. 17]. Концепт «социальное управление», будучи сложным и многозначным, до сих пор не имеет единого, общепринятого его определения в социальной науке и философии. Мы предлагаем использовать следующее рабочее определение «социального управления»: специфический вид субъект-субъектной (реже субъект-объектной) деятельности, направленный на постановку и достижение определённой цели, путём воздействия на объект управления *и адекватной организации окружающего пространства* (курсив наш – В.Г.) различными способами в необходимую форму социального порядка с использованием властного ресурса, а так же сам процесс осуществления данного вида деятельности. Мы так же предлагаем методы социального управления разделять на прямые (когда объект управления знает, для чего он подчиняется) и не прямые (когда объект управления не знает истинных целей субъекта управления). Следуя отечественной философской традиции, к прямым методам социального управления мы отнесем «принуждение, убеждение и стимулирование» [2, с. 65]. К непрямым методам можно отнести манипулирование, менеджмент образования и организацию (упорядочивание) окружающего пространства. Стоит подчеркнуть вообще особую важность концепта «порядок» в социальной науке и философии, т.к. порядок, можно было бы назвать одной из витальных потребностей любого общества. Как гласит известная римская поговорка: *ordinem servare, conservabunt te, et ordo*. Далее мы остановимся подробнее на последнем методе социального управления.

Сегодня традиционные методы социального управления уступают место новым, либо сами меняются под воздействием технического и гуманитарного прогресса. Не последнюю роль в понимании механизмов работы методов социального управления сыграли социологические и психологические исследования.

Организация окружающего пространства как метод социального управления использовалась с давних времен. В первую очередь она была связана с представлениями древних о порядке и иерархии вообще, которые коренились в их религиозно-мистических и метафизических представлениях и находили отражение в структурировании всякого пространства, как личного, так и общественного, выделение сакрального пространства (красный угол в доме, храмовый комплекс, священная роща) и т.д. В центре городов и поселений под надежной защитой крепостных стен помещались наиболее важные, с точки зрения данного общества, объекты – храм, агора, королевский дворец, монетный

двор. Еще совсем недавно, в советскую эпоху, была распространена практика строительства «градообразующих» предприятий.

Население города структурировалось следующим образом – чем выше в социальной иерархии и/или богаче житель, тем ближе к центру города находится его жилище, что, в известной мере, облегчает управление, т.к. все важные чиновники и необходимые слуги жили, как правило, в непосредственной близости либо в самом административном центре или культовом сооружении. Кроме того, подобное расположение способствовало большей сохранности имущества и ценностей горожан, т.к. в результате восстаний, боевых действий и осад городов в первую очередь страдали дома и постройки беднейших слоев населения, которые жили вне пределов городских стен. Повышенная ценность и цена недвижимости в центре города, несмотря на кажущуюся архаичность, сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно в столичных городах.

Ограниченность городского пространства способствовала в значительной мере выработке норм и правил поведения в обществе, т.к. для того, чтобы только попасть в город, необходимо было преодолеть ворота, а в ряде случаев целую систему ворот. Кроме того, ограниченность населения внутри городских стен позволяла легче поддерживать социальный порядок и контролировать социальные отношения, что, в свою очередь так же определенным образом влияло на их кодирование. Не случайным, в таком контексте, выглядит недавнее предложение градоначальника Рио-де-Жанейро обнести город стеной, чтобы воспрепятствовать потоку оружия и наркотиков в город.

Немаловажный аспект организации окружающего пространства заключен не только в том, где построено (в центре или на периферии), но и в том, что и как построено! Как отмечает Гидденс: «особенности дисциплинарной власти определяются не столько тем, что организация занимает конкретный участок территории, сколько (и главным образом) фактом соответствующего обустройства пространства» [3, с. 220]. В средние века принципиальными точками организации окружающего пространства были монастыри и церкви. Крестьянин, горожанин и даже дворянин рассматривали церковь как воплощение царства Божьего на земле. Храм был символом «другой жизни», и не случайно храмы строились на возвышениях, они должны были быть видны издали. Внутреннее убранство церквей так же было особенным, из серых и унылых будней, тяжелого труда и бедности (средневековые дворянские замки трудно назвать богатыми и роскошными) человек средневековья мог бежать в мир роскоши, золота и богатств, и, главное, спокойствия. В процессе развития цивилизации центр тяжести социального порядка смещался в сторону профессиональных цехов и, позже, мануфактур. Совсем недавно, в советском прошлом, университет и библиотека были символами существующего социального порядка. В современном обществе, в «телоцентричном обществе досуга и потребления», роль точек поддержания и воспроизводства существующего социального порядка играют супермаркеты и ночные клубы, или, особенно популярные сегодня, торгово-развлекательные центры.

Схожие философские принципы формируют сегодня большинство сфер человеческой деятельности. К примеру, в промышленном производстве, планирование расположения корпусов предприятия или завода осуществляется с точки зрения максимально эффективного их использования в производственном процессе, для минимизации временных и иных затрат на транспортировку грузов и материалов в соответствии с принципами прямооточности, непрерывности и др. Человеческий фактор, или принцип гуманности, далеко не всегда принимается во внимание, т.к. частные потребности, как правило, не вписываются в экономически обоснованный процесс производства. Чаще всего он сводится только к обеспечению физической безопасности человека и игнорирует более сложные человеческие проблемы. Лишь на немногих, прежде всего, современных японских предприятиях уделяют серьезное внимание удовлетворению и «душевных» потребностей.

Интересным, в плане поддержания социального порядка, нам представляется опыт Грузии в борьбе с коррупцией в полицейской среде. Если в стародавние времена покой и порядок ассоциировался с крепостными стенами и башнями, как символом постоянства, надежности, то в

современном сознании постепенно укрепляется мысль, что социальный порядок – это, прежде всего, прозрачность, подотчетность, взаимоконтроль. По последним данным уровень доверия населения полиции с 10-12% в начале 2000-х поднялся до 82-84%. Не в последнюю очередь, такой рост доверия объясняется тем, что грузинское министерство внутренних дел не только провозгласило необходимость борьбы с коррупцией, прозрачность и подотчетность действий своих сотрудников, но и обеспечило «прозрачность» в прямом смысле этого слова, построив полицейские участки со стеклянными стенами. Таким образом, любой желающий может видеть, чем заняты полицейские в стенах управления. Повышение доверия граждан к полицейским, как хранителям порядка необходимо ведет к повышению социальной стабильности. Хотя, если вспомнить, что стекло – это «форма организации» песка, то стремление построить стабильное государство на таком фундаменте может быть воспринято несколько иронично.

В качестве подтверждения эффективности метода организации окружающего пространства в социальном управлении мы можем привести известную в западном обществе «Теорию разбитых окон» - криминологическую теорию, сформулированную в 1982 году американскими социологами Уилсоном и Келлингом. Коротко, основное положение этой теории можно сформулировать так: когда человек взаимодействует с неупорядоченным, неорганизованным пространством, оно провоцирует его на совершение противоправных действий. Если человек останавливается на обочине дороги, где все завалено мусором, то вряд ли стоит ожидать от него сильное стремление выкинуть собственный мусор в мусорный бак (который еще надо найти), а не прямо на обочину – и таких примеров мы можем найти большое количество.

Практическое применение этой теории имело место сначала в Нью-Йорке, а затем распространилось и на другие штаты США, и даже на некоторые европейские государства. В результате использования «теории разбитых окон» в городском управлении, в Нью-Йорке удалось сократить годовое количество преступлений практически в 2,5 раза, что, конечно, повысило социальную стабильность в городе. Поскольку не было однозначных доказательств, что использование именно этой «теории», а не какие-либо иные факторы дали положительные результаты, то они некоторое время дискутировались, пока данная теория не была подтверждена серией строгих экспериментов, проведенных учеными из Гронингенского университета (Нидерланды) [4].

В заключение, хотим отметить, что, потенциал метода организации окружающего пространства в социальном управлении еще далеко не исчерпан.

Библиографический список:

1. Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2011. 640 с.
2. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. 608 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
4. Kees Keizer, Siegwart Lindenberg, Linda Steg. The Spreading of Disorder // Science. 2008. V. 322. P. 1981-1685.

МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ)

Горбунов Н.М.

В условиях модернизации социальных институтов и глобализации региональные идентичности являются наиболее динамичными структурами, они тесно связаны с процессами социальной мобильности и миграции [1]. Регион представляет собой «гомогенное пространство, выделенное самими людьми, имеющим физико-географическую, хозяйственную, этнокультурную и

языковую общность, а также общность исторической судьбы» [2]. В связи с этим можно утверждать, что, понятие «региона» имеет довольно широкое содержание, которое формируется в соответствии с исследовательскими задачами. В данном случае региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, при этом нижняя ступенька отдана локальной идентичности. Верхний «этаж» в иерархии территориальных идентичностей занимает национальная идентичность. В другой плоскости находится этническая идентичность, которая также строится иерархично. Результаты исследований показывают, что человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной ситуации он отдаёт приоритет локальной идентичности. Соответственно, он выстраивает иерархию территориальных идентичностей «снизу вверх»: от локальной к национально-государственной.

Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается смысловым разнообразием [3], что предполагает комплексное междисциплинарное исследование данного социального феномена. В современной науке проблемы формирования теоретической модели региональной идентичности не нашли глубокой проработки. Задачи создания комплексного социологического инструментария также не рассматривались достаточно подробно [5].

Проблема региональной идентичности в последние годы приобрела актуальность для Тольятти. Это вызвано ухудшением социально-экономического положения горожан, миграционными процессами, которые приводят к снижению численности населения Тольятти, в особенности молодежи.

Эмпирической базой выступления послужили материалы социологического исследования, проведенного в январе 2016 года в Тольятти. Среди опрошенных 49% юношей и 51% девушек. Основная цель исследования заключалась в изучении стереотипов региональной идентичности выпускников средних школ Тольятти. Среди задач исследования выделялись: 1) выяснение отношения выпускников средних школ Тольятти к своему городу; 2) изучение мнений подростков об оценке различных аспектов городской среды.

Можно утверждать, что около двух третей опрошенных положительно относятся к городу Тольятти. Это свидетельствует о значении стереотипов региональной идентичности в сознании данных подростков. Треть опрошенных отрицательно относится к городу. Для них стереотипы региональной идентичности не представляют ценности.

Важно отметить, что желания учащихся оставаться покинуть Тольятти в большой степени зависят от их успеваемости [4]. Отличники и хорошистов в полтора раза чаще собираются покинуть город, чем учащиеся с низкой успеваемостью. Ученики, у которых преобладают удовлетворительные отметки, чаще собираются остаться.

Мнения отличников, хорошистов и троечников очень расходятся. Большой процент опрошенных «отличников» не желают дальше строить свою жизнь в городе, но также есть и противоположное мнение «троечников» они собираются дальше проживать в этом городе. Можно сказать, что те кто учился на отлично хотят продолжить свое обучение в более престижном вузе и т.д.

Сравнение результатов опросов, полученных в 2014 и в 2016 годах, показывает, что количество учеников, которые собираются покинуть город, увеличилось на 5 %. При этом количество подростков, которым город не нравится, увеличилось на 7 %. Это свидетельствует, о снижении значимости региональной идентичности среди молодых жителей Тольятти.

Респондентам было предложено оценить возможности жизненных перспектив в Тольятти по трехбалльной шкале. Оценка «3» означала высокий уровень удовлетворения потребностей, «2 средний», а «1» – низкий. Перспективы создания семьи оцениваются в 2,2 балла. Перспективы трудоустройства по специальности оценены, а также получение качественного образования подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 2 балла. Подростки, которые хотят уехать из Тольятти оценивают эти условия, соответственно, на 0,7 и на 0,3 балла ниже. Качество жизни, уровень доходов подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 1,8 балла, те, которые хотели бы уехать в 1,3 балл. Возможности создания семьи желающие остаться в Тольятти оценивают

выше, чем те, кто хочет уехать. Как ни парадоксально, но патриоты Тольятти ниже, чем те, кто хочет уехать, оценивают возможности приобретения жилья.

Более существенные различия между подростками, которые хотят остаться в Тольятти, или хотят уехать, прослеживаются по оценке красоты природного ландшафта (различие 0,9 балла), образа города, архитектуры (различие 0,8 балла), а также престижа города (различие 0,5 балла).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современная школа является значимым социальным институтом, решающим проблему формирования у детей и подростков региональной идентичности в процессе как учебной, так и внеурочной деятельности. Именно в школьном сообществе у ребенка может и должно быть сформировано ценностное отношение к родному краю.

Библиографический список:

1. Zhelnina E.V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. electronic data . Moscow: RSS, 2016. 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. 2016. С. 109-115.

2. Герасимов А.С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2003. № 3. С. 57-63.

3. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. С. 48-56.

4. Цветкова И.В. Ценностные ориентации выпускников школ Тольятти по отношению к городу // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 07. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14593.htm>

5. Черникова В.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Издательство Воронежского государственного университета. 2012. № 3. С.81-87.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ – ОБЪЕКТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ*

Горобец Е.В., Буркальцева Д.Д.

Многомерная оценка составляющих воспроизводства населения муниципального образования начинается с изучения изменения численности наличного населения.

Значительные изменения численности населения Крыма обусловлены особыми факторами, связанными, в первую очередь, с событиями 1944 – 1956 гг. когда была проведена массовая депортация крымских татар, греков, армян, немцев, болгар. Так, в течение и после окончания II Мировой войны из Крыма было депортировано 191914 крымских татар (более 47 тыс. семей) (рисунок 1 по данным [1]).

На смену вывезенному населению в сентябре-октябре 1944 года в Крым прибыло более 17 тыс. семей из Украины и России, однако, до апреля 1946 года крымскую землю покинуло 11381 семей. До 1 июня 1948 года выехало 52,5% семей, прибывших с начала 1944 года. Среди прибывших крымских татар горожане составляли 62,1%, однако, поселиться в городах смогли только 26,6% (хотя заявки подавали 53,5%).

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-46-910532 «Теоретико-методологические и прикладные основы формирования эффективной региональной хозяйственной системы: точки устойчивого экономического и инновационного роста Республики Крым»)

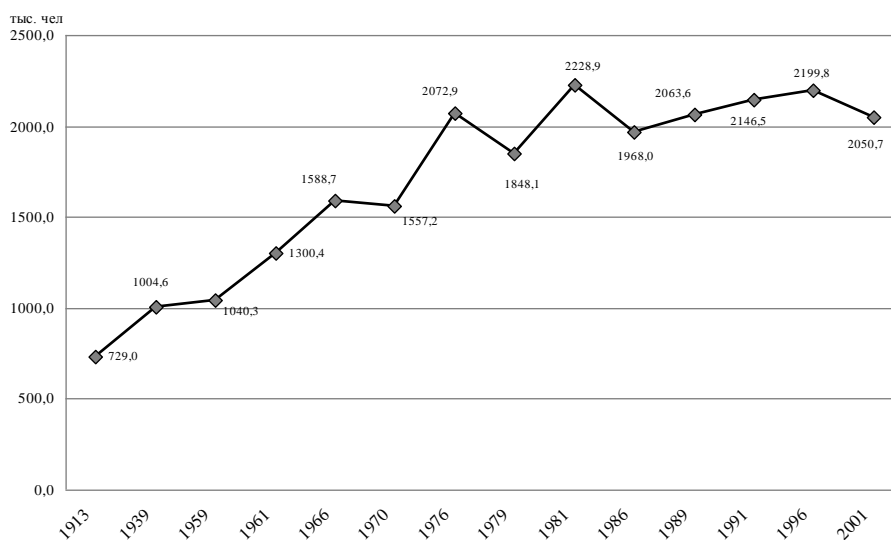


Рисунок 1 – Численность наличного населения Республики Крым в 1913 – 2001 гг.

Источник: [3]

По данным Главного управления МВД Украины в Крыму количество прописанных крымских татар на 10.10.1997 г. составляла 244,1 тыс. чел. По данным городских исполкомов и райгосадминистраций по состоянию на 01.01.1997 г. на территории Крыма проживало 262 тыс. крымских татар. Без прописки и регистрации о постоянном месте проживания по конкретному адресу проживало 17,9 тыс. человек.

В 1990 году была принята концепция государственной программы возвращения крымских татар в Крым, которая давала им право на переселение. С этого момента крымские татары получили официальное право жить на исторической родине и это стало фактором активизации миграционных процессов.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым (Крымстата) за период с 2001 по 2014 года численность наличного населения Крыма уменьшилась на 73,4 тыс. человек (рисунок 2 по данным [1]).

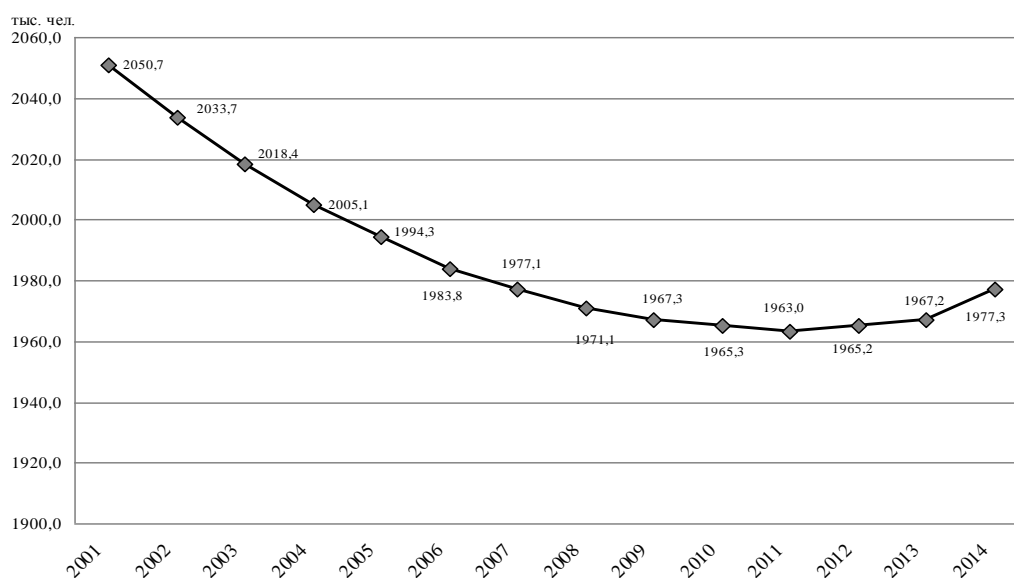


Рисунок 2 – Численность наличного населения Республики Крым в 2001 – 2014 гг.

Источник: [3]

По результатам исследования установлено, что положительный естественный прирост и положительное сальдо миграции наблюдалось в Крыму в период с 1989 – 1991 годы. С 1992 года и в настоящее время Республика Крым имеет отрицательный естественный прирост численности

населения, т.е. смертность превышает рождаемость: в 2013 году естественная убыль населения составляла 1,5‰, в 2014 г. – 2,3‰, а за январь – июль 2015 года – 3,5 человек на 1000 человек населения. Начиная с 2006 года в Крыму установлена тенденция роста темпа естественной убыли населения по сравнению с предыдущими годами.

Уменьшение уровня смертности влияет на увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни при рождаемости. Этот показатель вырос в Крыму, и при этом темпы роста продолжительности жизни мужчин опережают аналогичный показатель у женщин.

Механической составляющей воспроизводства населения является миграция. Начиная с 2004 года в Республике Крым выявлено положительное значение миграции, а именно: в 2011 году механический прирост составил 3,6 тыс. чел., в 2012 г. – 4,4 тыс. чел., в 2013 году прирост мигрантов составил 5,1 тыс. чел. Максимальный миграционный прирост за последние десятилетия установлен в 2014 году – превышение численности прибывших над численностью покинувших Республику Крым составило 16389 человек. За первое полугодие 2015 года механический прирост составляет 9153 человека. Наибольшая миграционная активность наблюдается в Краснопереконском и Красногвардейском муниципальных районах, это можно пояснить значительным показателем безработицы и сезонным характером работы в них, наименьшее значение этого показателя выявлена в Керчи.

Сравнительная оценка демографической ситуации в регионе проводится путем построения обобщающего многомерного показателя на основе отклонений, стандартизированных вариационным размахом, группировкой множества индикаторов, который сформирован из 20 наиболее значимых показателей, характеризующих экономические и социальные аспекты процесса воспроизводства населения [2; с. 30]. Отбор показателей проводился по результатам корреляционного анализа между показателями, влияющими на уровень воспроизводства населения в Республике Крым.

По результатам кластерного анализа по уровню демографической ситуации сформировано 5 групп, которые образуют однородные кластеры (таблица 1) [3].

Таблица 1 – Группировка административных единиц Республики Крым по уровню демографической ситуации в 2010 – 2015 гг.

Группа	Среднее значение интегрального показателя демографической ситуации	Количество единиц наблюдения	Перечень административных единиц
Регионы с оптимальной демографической ситуацией	0,1671	5	Симферополь, Евпатория, Ялта, Керчь, Феодосия
Регионы со стабильной демографической ситуацией	-0,0617	4	Муниципальные районы: Бахчисарайский, Красногвардейский, Сакский, Симферопольский
Регионы с умеренной демографической ситуацией	-0,2282	6	Алушта; муниципальные районы: Белогорский, Кировский, Ленинский, Нижегородский, Джанкойский
Регионы с предкризисной демографической ситуацией	-0,3537	8	Саки, Джанкой, Судак; муниципальные районы: Краснопереконский, Первомайский, Советский, Раздольненский, Черноморский
Регионы в состоянии демографического кризиса	-0,3802	2	Армянск, Краснопереконск

Источник: [3]

Изменение значений интегрального показателя демографической ситуации отражено на рисунке 3.

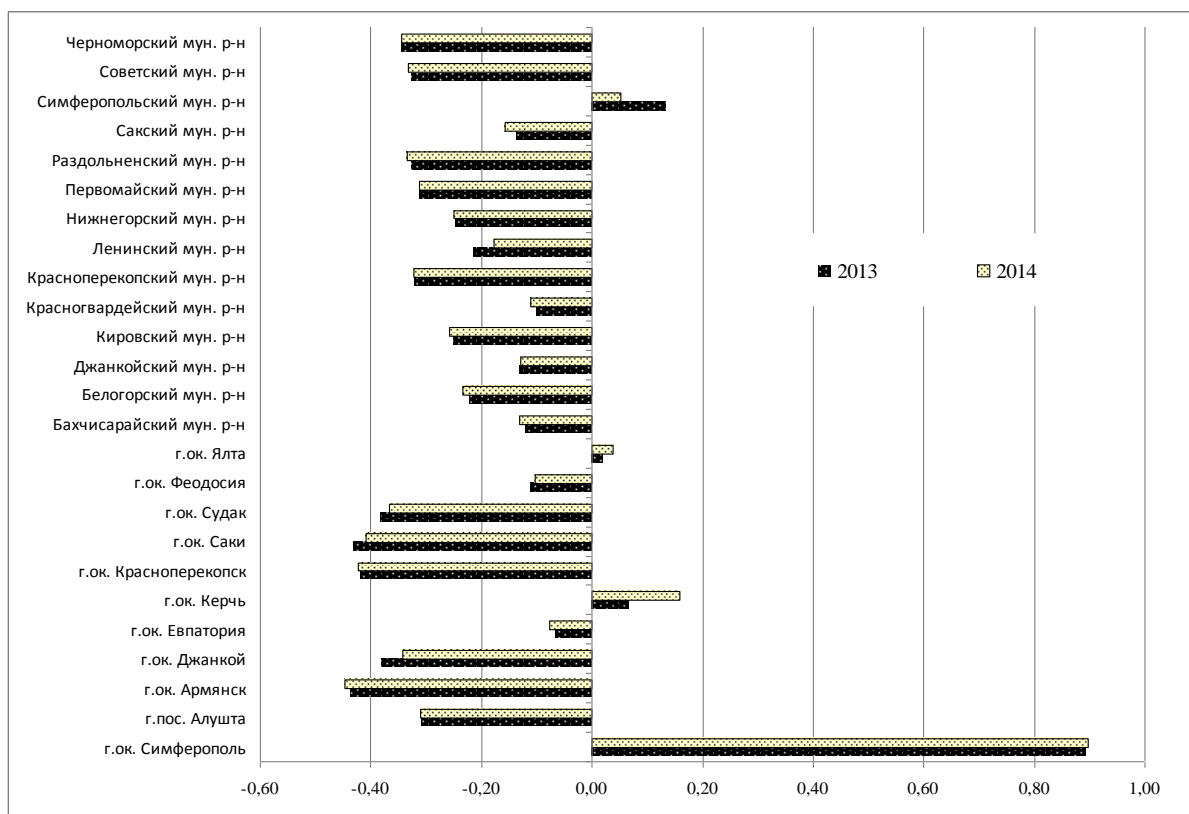


Рисунок 3 – Изменение значений интегрального показателя демографической ситуации по муниципальным единицам

Источник: [3]

Таким образом, региональная дифференциация показателей воспроизводства населения является объектом статистического изучения. Это обуславливает необходимость детализированной оценки особенностей демографического развития регионов. Такое исследование может быть использовано при разработке демографических прогнозов как отдельных регионов, так и государства в целом. Исследование особенностей и закономерностей территориального распределения населения, изучение изменений основных демографических показателей дает основание для анализа дифференциации в развитии регионов и ее влияния на общенациональные демографические тенденции.

Библиографический список:

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым (Крымстата) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gosstat.crimea.ru/ukgdem.php#_nas
2. Єрина А.М. Статистичне моделювання та прогнозування: навч. Посібник / Київський національний економічний ун-т. К.: КНЕУ, 2001. 170 с.
3. Горобец Е.В. Информационное моделирование процесса воспроизводства населения Республики Крым Российской Федерации как фактора финансово-экономической безопасности // В сборнике: Финансово-экономическая безопасность регионов России. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции (7 октября 2016). 2016.

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СТАТИСТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ**

Горячих М.В.

Природа социально-экономических явлений достаточно сложна и противоречива. Это объясняется тем, что размеры и количественные взаимосвязи обуславливаются значительным количеством разнообразных факторов, действующих во времени и пространстве. Поэтому

статистическое изучение общественных явлений должно базироваться на научных принципах, выходящих из знания сути исследуемых явлений, экономических понятий и категорий. Только при соблюдении таких условий можно переходить к изучению экономических показателей.

Социально-экономическое развитие народного хозяйства России требует дальнейшего усовершенствования системы учёта и отчётности, широкого применения статистико-математических методов в экономических разработках и исследованиях.

Значительная роль в решении обозначенных вопросов принадлежит социально-экономической статистике. Перед ней поставлены важные задачи по дальнейшему усовершенствованию системы статистических данных, обеспечение всех уровней управления народным хозяйством исчерпывающей и точной статистической информацией. Чтобы статистические показатели правильно выполняли свои функции, их необходимо рассчитывать в соответствии с научными принципами. Существует два главных критерия научности статистических показателей. Первый из них принадлежит к теоретической обоснованности показателей, второй – к фактической базе, на которой они рассчитаны. Теоретическая обоснованность показателя состоит в создании на его основе глубокого теоретического анализа социальной действительности, то есть философского подхода к анализу. Второй критерий научности статистических показателей состоит в создании их на базе научной информации (полных, сравнимых, точных данных), которые можно получить в органах государственной статистики России.

Однако проблемы правильного и научного применения статистических приёмов анализа требует дальнейшего углублённого изучения с учётом современных украинских и мировых экономических условий.

Рассмотрение возможностей комплексного и научного применения статистических методов для измерения взаимосвязи между социально-экономическими явлениями.

Изучение дисперсионного метода показало, что при многофакторном анализе он выгодно отличается от применяемого в настоящее время корреляционно-регрессионного, ибо позволяет одновременно рассматривать все отобранные факторы, давая возможность выявить существующую в действительности множественность их взаимодействия.

Дисперсия является одним из важнейших параметров распределения случайной величины, характеризующих её рассеяние. Поэтому основой дисперсионного анализа и является сравнение случайных величин в двух или нескольких выборках по характеристикам рассеяния. Часто исследователи сравнивают средние нескольких выборок, объединённых в комплекс. Например, изучая влияние разных видов и доз удобрений на урожайность сельскохозяйственных культур, опыты повторяют в разных вариантах [2]. В этих случаях попарные сравнения становятся громоздкими, а статистический анализ всего комплекса требует применения особенного метода. Такой метод, разработанный математической статистикой, получил название дисперсионного анализа. Впервые его использовал английский статистик Р. Фишер в 1938 г., обрабатывая результаты агрономических опытов. В [1; 3] показана целесообразность использования дисперсионного метода при изучении процессов сельскохозяйственного производства.

Дисперсионный анализ является методом статистической оценки надёжности выявления зависимости результативного признака от одного или нескольких факторов. Суть этого метода заключается в статистическом изучении надёжности влияния одного или нескольких факторов, а также их взаимодействия на результативный признак.

С помощью дисперсионного анализа решаются такие задачи:

1. Дать общую оценку существенности отличий между групповыми средними.
2. Оценить надёжность взаимодействия факторов.
3. Оценить существенность отличий между парами средних.

Решение задач дисперсионного анализа базируется на законе сложения вариации, соответственно которому общую вариацию (колебание) результативного признака разделяют на две:

вариацию, обусловленную действием исследуемого фактора (факторов), и вариацию, обусловленную действием случайных причин, то есть: $\sigma_0^2 = \delta^2 + \bar{\sigma}^2$.

Рассмотрим правило сложения дисперсий на следующем примере. По результатам маркетингового обследования туристических фирм, организующих недельные туры на Южный берег Крыма (ЮБК) в различные курортные города, получены следующие данные о вариации стоимости туров в сентябре 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1 – Группировка туристических фирм по сегментам рынка в Крыму в сентябре 2015 г.

Местоположение курорта	Число туристических фирм n_j	Средняя цена недельного тура, у. е. \bar{x}_j	Дисперсия цен тура в группе σ_j^2
Алушта	7	528,57	2728,04
Ялта	6	588,33	8851,14
Итого	13	556,13	5554,09

Примечание. Цены приведены для гостиниц одного класса.

Вариация цен в обследованной группе туристических фирм, обусловленная различием в местоположении курорта, будет характеризоваться величиной меж групповой дисперсии.

Средняя цена недельного тура по всем фирмам составляет:

$$\bar{x}_0 = \frac{528,57 \cdot 7 + 588,33 \cdot 6}{13} = 556,16 \text{ у.е.}$$

Тогда межгрупповая дисперсия будет равна

$$\delta^2 = \frac{(528,57 - 556,16)^2 + (588,33 - 556,16)^2}{13} = 887,59.$$

Вариация цен под влиянием всех прочих факторов, кроме местоположения курорта, будет характеризоваться величиной средней из внутри групповых дисперсий:

$$\bar{\sigma}^2 = \frac{2728,04 \cdot 7 + 8851,14 \cdot 6}{13} = 5554,09.$$

Вариация цен на недельные туры на ЮБК, обусловленная влиянием всех факторов, формирующих уровень цен в данной группе, состоящей из 13 туристических фирм, определяется величиной общей дисперсии:

$$\sigma_0^2 = 887,59 + 5554,09 = 6441,68.$$

Отсюда можно сделать вывод, что на 13,78% [(887,59/6441,68)*100%] дисперсия цен на недельные туры объясняется различиями в местоположении курорта, а на 86,22% [(5554,09/6441,68)*100%] – влиянием прочих факторов. Таким образом, преобладающее влияние на вариацию цен недельных туров на Южном берегу Крыма оказывают прочие факторы.

Дисперсии двух выборок сравнивают, используя критерий Фишера: F -критерий. Для этого вычисляют отношение большей выборочной дисперсии к меньшей:

$$F_{\text{эксн}} = \frac{\sigma_1^2}{\sigma_2^2}.$$

Если F -критерий равен 1, то это указывает на равенство дисперсий, и вопрос о существенности их расхождений снимается. Если же величина дисперсионного отношения больше 1, то возникает необходимость оценить случайно ли такое расхождение. При этом очевидно, чем больше величина дисперсионного отношения, тем значительнее расхождение между ними.

Для определения границ случайных колебаний отношения дисперсий Фишером разработаны специальные таблицы. В них указываются предельные значения F -критерия для различных

комбинаций числа степеней свободы числителя и знаменателя [1-4]. Рассчитанная по фактическим данным величина дисперсионного отношения сопоставляется с соответствующей данному сочетанию числа степеней свободы числителя и знаменателя и принятому уровню значимости табличной величиной этого соотношения.

Если фактическое дисперсионное отношение будет больше табличного, то лишь с вероятностью 0,05 или 0,01 можно утверждать, что различие между дисперсиями определяется случайными факторами. Если же оно окажется меньше соответствующего табличного, например, при 1%-ном уровне значимости, то с вероятностью 99 % следует считать, что расхождение между дисперсиями несущественно.

Применение дисперсионного метода даёт возможность решать достаточно важные задачи, исходя из современных требований к уровню экономического анализа.

В углублённом экономическом анализе дисперсионный метод может выполнять и дополнительные функции. В этом плане его использование открывает широкие возможности научно обоснованного подхода к применению других статистических методов количественного анализа.

Как и другие статистико-математические методы, дисперсионный анализ представляет собой чисто техническое средство научного познания. Использование его при изучении экономических процессов предусматривает знание, прежде всего, их сути, понимание причинно-следственных связей между изучаемыми явлениями и умение выделить наиболее важные стороны связи взаимообусловленных экономических явлений.

В социально-экономических исследованиях дисперсионный метод ещё не достиг такого широкого применения, как в биологии и технике. А возможности его использования в сфере экономики достаточно широки. Основное назначение дисперсионного анализа – статистически выявить влияние факторов на вариацию изучаемого признака. Особый интерес представляет использование этого метода в тех случаях, когда изменение указанного признака обусловлено одновременным действием факторов, доля влияния которых различна.

Библиографический список:

1. Опря А.Т. Статистика. Киев: Центр учебной литературы, 2005. 472 с.
2. Мармоза А.Т. Практикум по основам статистики. Киев: Эльга, Ника-Центр, 2005. 344 с.
3. Статистика с элементами эконометрики. В 2 ч. Часть 1: учебник для СПО / под. ред. В.В. Ковалева. М.: Издательство Юрайт, 2016. 333 с.
4. Статистика : учебник для прикладного бакалавриата / М.В. Боченина [и др.]; под. ред. И.И. Елисеевой. М.: Издательство Юрайт, 2016. 447 с.

ВНЕДРЕНИЕ «ПРОФИЛЬНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ ПАРТНЕРСТВА ВУЗОВ С РАБОТОДАТЕЛЯМИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА

Грабельных Т.И., Саблина Н.А., Кузьмина Е.С.

Под воздействием глобальных институциональных трансформаций и появлением новых государственных и рыночных технологий и механизмов на разных уровнях формируются новые принципы и стратегии развития регионального рынка труда. При этом изменяется сам способ формирования потребностей и их структуры на рынке труда. Возрастает значение наиболее гибких инструментов и моделей мобильности. Вузы и работодатели являются одними из ведущих субъектов регионального развития. На наш взгляд, внедрение «профильных» технологий партнерства вузов с работодателями выступит достаточно эффективным способом формирования потребностей на региональном рынке труда. Так, сравнительный анализ по 2012 – 2016 гг. в аспекте оценки текущей ситуации на региональном рынке труда в Иркутской области показал, что основным критерием, по которому экспертом, в первую очередь, оценивается образовательный потенциал молодого специалиста в регионе является «практическая подготовка по профилю полученной специальности»

(20,2%), на втором месте – «теоретические знания по профилю полученной специальности» (14,6%) (по данным экспертного опроса ведущих работодателей Иркутской области, проведенного СЛРПИ ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ»).

В свете актуализации вопросов о разработке ФГОС ВО и их интеграции с профессиональными стандартами представляется чрезвычайно важным определить статус и роль «профильных» технологий партнерства вузов с работодателями, внедрение которых на региональном уровне позволит более оперативно и эффективно регулировать процесс формирования потребностей на рынке труда. Это также позволит последовательно развивать традиции и инновации университета как эффективного вуза.

Учитывая динамику спроса и предложения на региональном рынке труда, в качестве примера нами предложено социологическое видение «погружения» студента в профессиональную деятельность через накопление профессионального опыта в рамках производственных практик и практико-ориентированных работ в вузе с учетом его устойчивых партнерских отношений с работодателем. С позиции условий и возможностей для прохождения социологических практик студентами на базе профильных организаций региона, признаем, что живем в сложный период развития своей страны. Повышение требований к экспертно-аналитической работе в разных структурах повысило спрос на студентов-социологов как практикантов-исследователей и практикантов-аналитиков со стороны работодателей. Кроме того, реализация целого ряда профессиональных исследовательских задач внутри вуза и конкретного подразделения также невозможна без участия студентов. В силу этого, с целью профилизации нами был выбран традиционный и в то же самое время уникальный способ вовлеченности студентов в практическую деятельность – помимо предусмотренных учебным планом практик, осуществлять мотивирование на практическую деятельность в рамках практикумов и в свободное от учебы время. Учитывая научные и профессиональные интересы студентов, в рамках заключенных договоров с работодателями, мы предоставляем им на протяжении целого ряда лет на постоянной основе выбор потенциального работодателя с целью углубления профессионализации и накопления профессионального опыта. Инициирование привлечения студентов к реальной работе по профилю обучения осуществляется со стороны работодателя. Таким образом, непрерывное погружение в профессиональную деятельность на «родной» и выездной базах, имеющее разнообразный и многоуровневый характер, позволяет им уже на этапе обучения решать те или иные типы профессиональных задач в соответствии с будущим «должностным» статусом. При подборе молодых специалистов в организацию, по итогам экспертного опроса, работодатель также обращает внимание на уровень профессиональных знаний и компетенций.

КУМУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Грошев И.Л.

Заявленная властью программа противодействия коррупции, многократно озвученная Президентом Российской Федерации Путиным В.В. и имеющая общий тренд, реализуется в эффективных социально-экономических, правовых и политических проектах. Так, например, оформлены законодательно требования к российским чиновникам: «... чиновники, судьи, правоохранители, депутаты всех уровней обязаны представлять декларации о доходах и расходах, о наличии недвижимости и активов, в том числе зарубежных. Теперь раскрытию будет подлежать и информация о контрактах, подрядах, которые государственные и муниципальные служащие планируют заключать с фирмами своих родственников, друзей и близких лиц...» [1].

Используемый подход, в конечном своем выражении, приобретает признаки технократизма в деятельности государственного аппарата, т.е. жесткая регламентация и практическое отсутствие свободы выбора (вольного трактования чиновником своего функционального статуса). Этот аспект важен тем, что фактор ограничения свободы действий усугубляет негативный эффект при реализации несовершенных, недостаточно проработанных законов Российской Федерации, что потребует

регулярного вмешательства Президента РФ в процесс нивелирования допущенных законодателями и правоприменителями ошибок.

Действия властей получили конкретные контуры в виде основных направлений противодействия: выявлять коррупционные схемы на любом уровне, работать целенаправленно, вовремя реагировать, а при необходимости - изолировать от общества таких преступников; необходимо совершенствовать работу структур, которые контролируют расходование бюджетных средств; нужно совершенствовать и такой антикоррупционный механизм, как изъятие и обращение в доход государства имущества, которое приобретено на незаконные или сомнительные деньги; совершенствовать взаимодействие с партнерами за границей; формирование в обществе антикоррупционного правосознания [2]. В целом, акцент сделан на две сферы: правовая (совершенствование законодательства и контрольных функций государственных органов) и общественная (формирование массового неприятия коррупции на бытовом уровне).

Общественный контроль, оформленный в статусе Общероссийского народного фронта (ОНФ) под председательством Путина В.В. выполняет поставленные перед ним задачи (продвижение значимых общественных проектов; экспертиза и выдвижение предложений; поддержка активистов, решающих проблемы своими силами; и информирование Президента о серьезных проблемах [3]) лишь в рамках своих компетенций, которые в некоторой части ограничены фактором доступа к объективной информации.

Тем не менее, в настоящее время имеются впечатляющие результаты, характеризующие с одной стороны подсудность чиновников всех уровней государственного управления, с другой – проникновение коррупции на все этажи управленческой иерархии. Стоит упомянуть таких фигурантов уголовных дела как: Е. Васильева и Н. Сердюков (группа сотрудников минобороны – 2013г. [4]); А. Хорошавин (экс-губернатор Сахалинской области – 2016г.); В. Гайзер (экс-губернатор Коми – 2016г.); Н. Белых (экс-губернатор Кировской области – 2016г.); Д. Захарченко (полковник МВД – 2016г.); А. Улюкаев (экс-министр экономического развития Российской Федерации – 2016г.) и др. Представленные бывшие чиновники не только занимали высокие государственные посты, но и были прекрасно осведомлены о правительственных программах противодействия коррупции, а также обязаны были принимать практическое участие в их реализации в возглавляемых структурах.

Последний факт указывает на системный характер коррупционной деятельности чиновников всех рангов, что повлияло на становление и развитие своеобразной кадровой фильтрации (отбора) сотрудников, патронажа их карьерного роста, вовлечение в противоправную деятельность подчиненные им подразделения и службы. Следовательно, решать проблемы с коррупционной деятельностью необходимо не только и не столько «силовыми-запретительными» мерами, а предоставлением потенциальным коррупционерам альтернативных (вполне законных) путей решения финансово-экономически и бытовых проблем.

Для этого целесообразно сопоставить способы и методы решения проблем в существующей системе ценностей и предлагаемой кумулятивной модели [5] (табл. 1)

Таблица 1 – Модели противодействия коррупции

Направления коррупции [6]	Реализуемые программы противодействия коррупции	Кумулятивная модель противодействия коррупции
1. Отклонение от правовых норм поведения госслужащих (в том числе и служебных, и этических) – сюда относят взяточничество.	Ужесточение критериев отбора на государственную службу [7]; повышение значения этических норм [8]	Существенное снижение роли и значения чиновников в жизни рядовых россиян, способных самостоятельно решать собственные проблемы
2. Связь с социально-экономическими отношениями – представлена как элемент купли-продажи (то есть торг).	Внедрение тотального контроля за процедурой торгов и деятельностью контрагентов	Экономическая автаркия, обеспечивающая достаточный уровень жизни [9] для профессиональной самореализации
3. Экономический и политический захват власти на всех	Диктат закона, привилегированное положение следственных и судебных	Государственная служба на добровольных началах под прессом

уровнях (начиная с криминального теневого бизнеса)	органов	общественного надзора
4. Борьба за право управлять слоями населения (в широком смысле) в корыстных целях с помощью муниципальных властей и их административного аппарата – в данном случае коррупционером будет выступать служащий/чиновник.	Периодическая аттестация государственных служащих [10]; ротация высших государственных чиновников	Теряется смысл поиска каких-либо экономических и социальных выгод от несения государственной службы и полная подотчетность общественному контролю

Главным лейтмотивом кумулятивного подхода выступает принцип поливариантности разрешения насущных проблем для рядового гражданина и бизнес-структуры. В этом случае, возникают те самые условия конкуренции в сфере госуслуг, которые нейтрализуют корыстные мотивы отдельных служащих и трансформируют деятельность чиновников как «слуг народа». Обращаясь к формуле коррупционной деятельности:

два заинтересованных друг в друге субъекта + предмет заинтересованности во взаимодействии + обоюдная выгода = коррупционный акт

автор предлагает воздействовать на все три составляющих элемента уравнения, опираясь на те достижения, которые в современном мире воспринимаются как универсальные стандарты противодействия.

В частности, рассмотрим следующие направления: 1) увеличить дистанцию между субъектами; 2) вывести предмет интереса в область публичного контроля; 3) ущерб от несостоявшейся сделки должен многократно превышать вероятную выгоду. Воздействие целесообразно производить комплексно и синхронно по всем параметрам и во всех сферах жизнедеятельности, обеспечивая логическую последовательность производимого эффекта.

Главной целью кумулятивной стратегии является лишение феномена коррупции платформы для воспроизводства с одной стороны и формирование условий альтернативных вариантов поведенческой мотивации. Апеллируя к врожденной экономической целесообразности, которая не только детерминирует своеобразные модели поведения в сторону упрощения и типизации, но и в сторону сокращения непроизводительных издержек, что в целом характеризует такой инвариант с позиции экономической эффективности.

Последний критерий выражается в стремлении индивида к оптимизации финансовых вложений в систему производственно-экономических отношений и именно в таком статусе неприятие коррупции воспринимается уже не на уровне морально-психологических ограничений и установок, но на рациональном, практическом, бытовом восприятии честных и справедливых отношений во взаимодействии с окружающей средой.

В качестве базисных инновационных подходов следует рассмотреть:

1) предоставление малому бизнесу свободы от налоговых сборов, что несомненно уменьшит поступления налогов в бюджет, но и сократит расходы на социальные проекты по поддержке малоимущих граждан;

2) обеспечение справедливого распределения доходов от реализации природных ресурсов каждому жителю РФ по праву рождения в данном государстве;

3) обеспечение прав собственности на часть территории государства не только в дальневосточном регионе, но и регионах оседлости, что повысит эффективность использования региональных ресурсов.

Данные мероприятия позволяют освободить нереализованный потенциал населения и частично направить его на самообеспечение и самофинансирование в границах семейных кланов.

Библиографический список:

1. Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 3 декабря 2015 года.

- Официальный сайт Кремля/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864/audios>
2. Кира Латухина. Владимир Путин призвал не останавливаться в борьбе с коррупцией. Российская Газета. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/01/26/korrupsia-site.html>
3. Главные задачи Народного фронта. Официальный сайт Общероссийского народного фронта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://onf.ru/2013/09/11/glavny-e-zadachi-onf/>
4. Хищения в Минобороны. Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/sujet/4794/>
5. Грошев И.Л. Кумулятивная стратегия противодействия коррупции (монография). Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 224 с.
6. Коррупция в России: статистика за 2016 год. Официальное издательство. Новости России и СНГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusdni.ru/ekonomika/novosti/korrupciya-v-rossii-statistika-za-2016-god.html>
7. В России ужесточат требования к кандидатам на госслужбу. Официальный сайт АиФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/russia/1439966>
8. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол № 21). Официальный сайт «Гарант+» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171108/>
9. Уровень жизни в ОАЭ. Сайт туристической фирмы Visasam.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visasam.ru/emigration/asia/zhizn-v-oe.html>
10. Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. N 110 "О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) Официальный сайт «Гарант+» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171108/>

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ: ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Грошева И.А.

Появившееся в XVII в. понятие «гражданское общество» обязано, прежде всего, социально-философскому дискурсу, инициированному такими известными мыслителями как: Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, Г. Гегель, К. Маркс и др. Однако, несмотря на имеющуюся солидную теоретическую базу, в XXI веке вновь возникает интерес к переосмыслению роли гражданского общества, актуализируется проблема его идентификации и поиска взаимосвязей между гражданским обществом и гражданским контролем.

С точки зрения Дж. Александера, институциональное и культурное пространство, находящееся между государственной и социальной властью можно назвать «гражданской сферой» («civil sphere») [1, р. 53-192]. Она определяется гарантиями прав индивидов и нормами законов. Также имеют значение солидарность с членами общества, чувства и ценности [2, с. 8]. Гражданское общество – это идеальный конструкт, по сути незавершённый проект демократического общества, в котором предлагается два ресурса: доверие и социальный капитал. Отсюда актуализируется задача по изучению механизмов его формирования, расширению социального и культурного капитала, повышению эффективности неформальных связей и отношений. В настоящее время реализуется в виде комплексного подхода, включающего в себя, с одной стороны, отождествление гражданской сферы с капиталистическим обществом, где механизмами выступают рынок и частная собственность как гаранты частной инициативы и индивидуализма. С другой стороны – практическое согласование этой сферы, выходящей за рамки государства или даже противопоставляемой ему, поскольку наблюдается падение престижа государства, ослабление производства, снижение управляемости в целом с экономическими, политическими и социальными интересами государства.

Рассуждения о наличии или развитости гражданского общества в России вызывали и вызывают до сих пор серьёзные дискуссии с теоретической и практической аргументацией, которые убеждают любого здравомыслящего человека в необходимости согласования двух явлений современной общественной жизни: гражданское общество и гражданский контроль. По мнению руководителя комплексных социальных исследований ИС РАН В.В. Петухова, концепт, согласно которому гражданское общество само по себе формирует демократическую среду, точно такой же миф, сравнимый с мифом о «среднем классе» как оплоте стабильности [3].

В целом теоретический поиск современных исследователей приводит к появлению различных, дополняющих друг друга, либо исключаящих точек зрения, но, несомненно, связывающих данный феномен с общественными потребностями и экономической целесообразностью. В связи с этим необходимо затронуть ряд концептуальных моментов и ответить на следующие вопросы: каковы критерии развитости гражданского общества; какова роль и позиционирование гражданского контроля в процессе развития общественных отношений; каковы наиболее актуальные формы контроля для России.

Исследования, проведённые автором статьи в ноябре-декабре 2012 года (N=970 человек, выборка квотная по полу, возрасту, профессии), апреле-мае 2015 г. (N=840 человек) в г. Тюмени и юге Тюменской области, позволили эмпирически верифицировать предпосылки формирования гражданской активности и представлений респондентов о сущности гражданского контроля. Обращает на себя внимание слабая информированность респондентов об эффективности государственной власти и Общественной палаты, причём пятая часть респондентов дала негативные оценки их деятельности. Около половины респондентов в качестве сдерживающего фактора, определяющего низкую эффективность гражданского контроля в России, отмечают пассивность и апатию людей. Наличие партийных организаций скорее воспринималось как некая декоративность, данность, завоевание демократии, использовать которое на благо народа в настоящее время не представляется возможным. В качестве первоочередного объекта гражданского контроля население определило «деятельность депутатов, как на местном, так и на федеральном уровнях» (82,76%), даже учитывая тот факт, что депутаты прошли многодневные избирательные кампании, и их выдвижение должно было происходить по воле самого населения. Парадоксальность ситуации заключается в том, что выборы воспринимаются как необходимый элемент гражданского общества, но в отрыве от функциональной загрузки данного элемента, т.е. «выбираем достойных людей» и в то же время «не сомневаемся в их нечистоплотности и аморальности действий». Низкую эффективность публичных слушаний отметили примерно треть респондентов (29,12 %), т.к. проводятся они «лишь для галочки», ещё 21,98 % считают их малоэффективными и лишь 15,38 % обозначают высокую степень удовлетворённости результатами. Оставшаяся часть опрошенных не только слабо проинформирована о целях этого мероприятия, но, по всей видимости, вообще не интересуется такой формой гражданского контроля. Готовность включиться в гражданские процессы невелика, отчасти потому, что изначально подвергнута сомнению востребованность (нужность) и адекватность такого рода действий, что опять же указывает на информационную изолированность и декларативность гражданского контроля в целом.

Для уточнения позиций относительно формирования гражданского общества и гражданского контроля к исследованию в качестве экспертов были привлечены представители общественных организаций, органов исполнительной и законодательной власти (N=30 человек в 2012 г., N=20 человек в 2015 г.). В их числе: представители Тюменской автономной некоммерческой организации «Центр гражданских инициатив», Благотворительного Фонда развития г. Тюмени, Ассоциации работников правоохранительных органов Тюменской области, образовательных учреждений (ФГБОУ ТО Тюменский государственный университет, ФГБОУ ТО Тюменский государственный нефтегазовый университет (в настоящее время – Тюменский индустриальный университет) и др. Отбор осуществлялся методом самооценки. Экспертам предлагалось оценить по степени важности (проранжировать) актуальность преобразований в четырёх базовых сферах: экономика, политика,

социальная и духовная сферы. Индексы сфер рассчитывались по методике бальной и весовой оценки. Бальные оценки получены из анализа теоретического и эмпирического материала, как сторонних исследователей, так и авторских изысканий, а также ранжированию подвергались те мероприятия, которые выбирались в каждой сфере в качестве наиболее приемлемых (на основе анализа отечественного и зарубежного опыта производился отбор системообразующих мероприятий). Путём математической обработки полученных данных, автор статьи рассчитал весовое значение каждого мероприятия по представленным ниже формулам.

Удельный вес каждого критерия:

$$q_k = \frac{2 * (k - M_k + 1)}{k * (k + 1)}, \quad (1)$$

где k – число факторов (в нашем случае – 4); M_k – ранг фактора (от 1 до 4). В результате: $q_1=0,4$; $q_2=0,3$; $q_3=0,2$; $q_4=0,1$.

Индекс сферы определялся по формуле:

$$I_{сф} = \sum q_{сф} / k \quad (2)$$

где $q_{сф}$ – индексируемая сфера.

Индекс поля определялся по формуле:

$$I_{п} = I_{сф} \cdot L_k \quad (3)$$

Величина рассчитанного индекса указывает на его приоритетность перед остальными, однако автор концентрирует внимание на комплексном подходе, позволяющем ослабить (нивелировать) негативные эффекты. В результате представилось возможным сконструировать модель формирования гражданского общества (рис. 1).

Самый высокий индекс в формировании гражданского общества оказался у экономической сферы. Одним из доминирующих каналов выделены «наличие собственности в распоряжении людей» и «экономическая самостоятельность». Для дальнейшего анализа соотношения гражданского общества и гражданской активности можно выделить следующие условия:

1) соответствие законодательства принципам демократии, обеспечивающее соблюдение прав всех без исключения и равенство всех перед законом;

2) активная жизненная позиция населения, основывающаяся на наличии собственности, непосредственной экономической заинтересованности в деятельности органов управления государством;

3) психологическая (мотивационная) предрасположенность граждан создавать, участвовать в деятельности различных сообществ, умение выражать своё мнение и отстаивать собственные убеждения;

4) готовность власти быть прозрачной в принимаемых решениях и демонстрировать готовность учитывать мнение всего населения, а не только по признаку большинства.

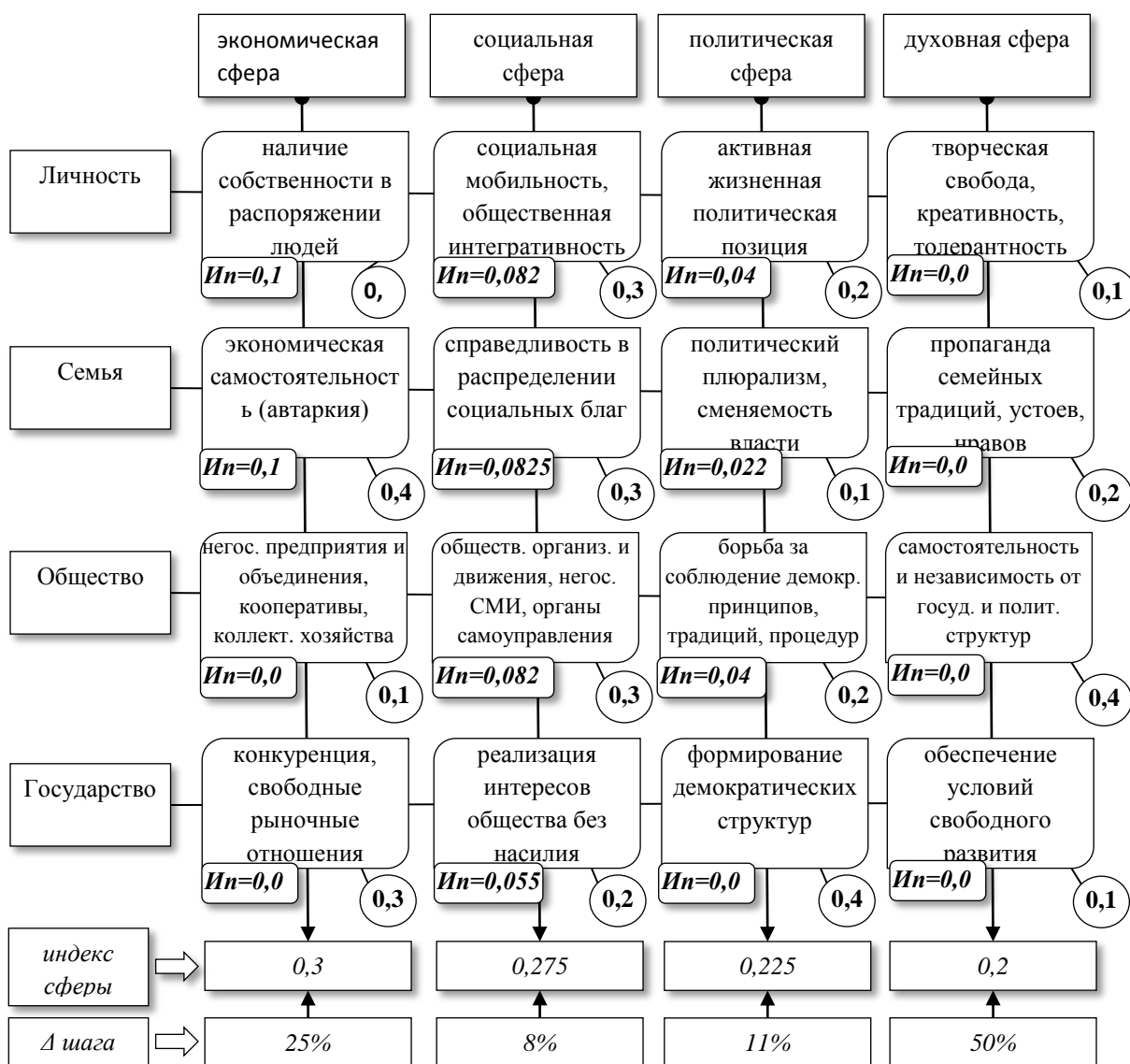


Рисунок 1 – Модель формирования гражданского общества.

Возвращаясь к проблемам строительства гражданского общества, необходимо выделить в качестве индикаторов следующие, наиболее важные для формирования платформы гражданского контроля: демократический характер власти и приоритет права; социальное пространство (негосударственное), в котором люди взаимодействуют друг с другом как независимые субъекты; при многообразии собственности соблюдаются интересы личности; добросовестная конкуренция; социокультурные отношения на основе сложившегося культурного кода; признание и неприкосновенность частной собственности; свободное волеизъявление граждан и плюрализм мнений; многообразная социальная структура; способность граждан к самодеятельности и включённость в институты гражданского общества; способность к самоуправлению и самоорганизации.

Библиографический список:

1. Alexander J.C. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford Un-ty Press. 2006. 816 p.
2. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. №10. С. 3-17.
3. Петухов В.В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? //

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Гудина О.В., Щека В.И.

В современном научном знании термин социальное самочувствие является не однородным и многозначным по своему пониманию, структуре и моделям[1]. Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что социальное самочувствие предопределяет удовлетворённость личности своей жизненной стратегией, окружающей средой и т.д. Сегодня, в условиях экономической и политической нестабильности в стране и мире, возрастает интерес к изучению социального самочувствия населения.

Также актуальным является и разработка теоретической модели социального самочувствия, выделение его основных компонентов. Каждый компонент социального самочувствия несёт в себе различные индикаторы, по которым исследователям удобнее оценивать уровень состояние социального самочувствия [3].

Особый интерес вызывает проблема социального самочувствия студентов в современном обществе. Данное понятие предопределяет у студентов жизненную стратегию, планы на будущее, отношение к своему здоровью и т.д., также влияет на взаимоотношение студентов с одноклассниками, преподавателями, а также на роль в группе (от «постороннего» слушателя до лидера группы).

Анализ литературных источников доказал, что понятие «социальное самочувствие» многогранное и неопределённое. К толкованию этого определения существуют множество подходов отечественных и зарубежных авторов. Социальное самочувствие может выступать как критерием комфортности и удовлетворённости жизнью человека, так и интегральным показателем многоуровневых социальных процессов.

Также анализ литературы позволяет выделять в модели социального самочувствия такие компоненты, как: оценка респондентами своего внутреннего состояния: здоровья (физического, психологического, социального), оценка респондентами достигнутого и перспективного социального положения – уровня образования и его перспективности на рынке труда, общая оценка внешних условий.

Понятие «социальное самочувствие» охватывает широкий круг факторов, которые обуславливают или опосредованно влияют на состояние и направленность личности. Таким образом, анализ литературы показал, что основными факторами социального самочувствия студентов являются: природные условия, экономическая ситуация, политика, духовное самочувствие, семья, образование. Ещё одним главным фактором является оптимистическое и пессимистическое настроение личности.

Чтобы исследовать социальное самочувствие студентов, мы выбрали метод опроса, который применили на студентах Вятского государственного университета.

Целью данного эмпирического исследования является анализ социального самочувствия студентов вузов города Кирова. Предметом исследования является социальное самочувствие студентов как интегральная характеристика степени их благополучия, выражающаяся в оценках субъективных и объективных параметров жизни: оценках своего внутреннего состояния, достигнутого и перспективного социального положения, внешних условий жизнедеятельности. Объект – студенты очного отделения 1-5 курсов Вятского государственного университета.

В данном исследовании под социальном самочувствием будем понимать удовлетворённость отдельными сторонами жизнедеятельности и внутренним состоянием человека.

Эмпирическое исследование носит описательный характер.

Территория реализации выборки – г. Киров, Вятский государственный университет (ВятГУ). Целевая группа исследования – студенты различных факультетов, обоего пола, 1-5 курсов очного обучения.

В ходе исследования было опрошено 651 студент. Среди них 271 юношей (41,6%) и 380 девушек (58,4%). В выборку вошли все 10 факультетов ВятГУ. Опрошены студенты 1-5 курса очного отделения, по 60 человек с каждого факультета. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что в целом студенты ВятГУ удовлетворены образовательным процессом. Трудовая дисциплина преподавателей студентов удовлетворяет. Имеются статистически значимые различия в данном вопросе в зависимости от факультета.

Качество знаний, получаемое в вузе, по мнению большинства студентов, пригодятся в будущем для профессии. Студенты испытывают гордость за свой университет. В целом, трудностей с учебным процессом у студентов не наблюдается. Всё это может говорить о том, что студентам нравится учиться в ВятГУ, обстановка вуза и социальный климат студентов удовлетворяет.

Большая часть студентов не совмещает работу с учебой. Наибольший процент не работающих – это студенты первого курса. Это можно объяснить тем, что студенты полностью ещё не адаптированы к новым условиям учебного процесса, окружению и т.д. Также большинство студентов в будущем планируют работать по своей специальности.

Также важно заметить, что студенты ВятГУ активно занимаются спортом. У юношей и девушке негативное отношение к алкоголю и курению. В целом, обобщив, можно сделать вывод, что молодые люди следят за своим здоровьем.

В целом студенты социально активны. У них активная гражданская позиция, также они интересуются событиями в стране. Можно сказать, что студенты с патриотическим воспитанием.

Также, у молодых людей спокойное и гармоничное настроение. Анализ таблиц позволяет сделать вывод, что у студентов нет конфликтных ситуаций в семье, у них хорошие дружеские отношения с одноклассниками и товарищами. Приоритетным для большинства студентов на ближайшие 5 лет является интересная работа и карьерный рост.

Сравнительный анализ данных социального самочувствия студентов ВятГУ и ВятГГУ г. Кирова на основе полученных результатов исследования, проведенных в университете, позволяет сравнить особенности и тенденции социального самочувствия студентов разных вузов.

Студенты ВятГУ в большей мере испытывают чувства гордости за свой вуз, чем студенты ВятГГУ и в меньшей мере испытывают чувство разочарования. Студенты обоих вузов не в полной мере удовлетворены состоянием своего здоровья. Следует отметить также, что студенты вузов занимаются спортом. Для большинства студентов обоих вузов характерно спокойное и оптимистическое настроение. Тем не менее, студенты ВятГГУ отметили, что у них раздражительное настроение, а у студентов ВятГУ безразличное.

В обоих вузах студенты в равной мере считают себя счастливыми. Также студенты ответили, что приоритетным на ближайшие 5 лет для них является карьера и интересная работа. Сравнительный анализ социального самочувствия двух вузов показал, что студенты удовлетворены своим социальным самочувствием, а также следует отметить, что явных различий между вузами нет.

Обобщив, можно сделать вывод, что студенты удовлетворены социальным самочувствием. Тем, не менее, для более высокого уровня социального самочувствия студентов, может большую роль сыграть вуз. Например, улучшить и модернизировать организацию учебного процесса, ввести новые методы и способы преподавания, кураторам групп следить за межличностными отношениями студентов и психологической атмосферой в группе. Культурные мероприятия, которые проводятся в вузе, заинтересованность студентов в научной и культурной деятельности вуза, также способствуют поднятию уровня социального самочувствия студентов.

Библиографический список:

1. Авксентьев Г.Д., Грищенко Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа //

Социологические исследования. 2008. № 2.

2. Алексеёнок А.А., Каира Ю.В., Бараночников В.А. Социологический анализ влияния материального положения на социальное самочувствие населения и социальную напряженность в регионе // Социология и жизнь. 2011. № 3.

2. Анисимова Т.Г. Социальное самочувствие студенческой молодёжи: гендерный аспект // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. № 5–6. С. 176-180

3. Асланова О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

4. Базарова Т.С. Динамика социального самочувствия студентов в условиях изменяющегося общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2014. № 4.

5. Барейша А.Г. Социальное самочувствие как фактор социальной активности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-2. С. 263-266.

6. Бадонов А.М., Бадараев Д.Д. Социальное самочувствие студенческой молодёжи в период экономического кризиса // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 5. С. 128-132.

7. Барская О.Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Москва, 1989. 34 с.

8. Баталова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. дис... канд. соц. наук: 22.00.04. Тюмень, 2009. 45 с.

9. Беляев В.А., газизова Л.Ш., Карамельский Р.В. Воздействие семьи и семейных ценностей на социальное самочувствие студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 289-292.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Гук О.А.

Последствия экономических преобразований обнаружили недооценку влияния социальных факторов на экономическое развитие, усиление угроз национальной и экономической безопасности. Интеграция социальной и экономической сфер сегодня рассматривается как объективная необходимость существования социума являясь важным фактором достижения безопасности. Признание влияния социальных факторов на экономику в обеспечении стабильного существования становится необходимым, определяя взаимосвязь между социальной и экономической сферами.

Современное общество – это сложная система, которая представляет собой переплетение всех сфер жизнедеятельности человека – экономической, финансовой, социальной, политической, идеологической и других, в центре которой находится конкретный человек.

В нашей стране исторически складывается разделение экономической и социальной сфер, выделяя экономику в самостоятельную область человеческой деятельности, в которой создаются и распределяются материальные блага и услуги. Подобное положение получило развитие, вместе с развитием капитализма, как противоречие между принципами «экономической» и «социальной рациональности» (по Максус Веберу – ценностно-рационального и цели рационального действия) [1, с. 149].

Долгое время, в отечественной науке господствовал «экономический детерминизм», влияние которого до сих пор испытывает российское общество. Где экономическое развитие является главной целью политики государства, а социальная сфера – вторичная, поскольку не является прибыльной, и должна находиться на остаточном принципе финансирования. Здесь в соотношении «производство – потребление» главная роль отводится производству, не учитываются социальные механизмы экономики, в частности мотивация и ценности субъекта экономических отношений.

Преодолеть сложившуюся ситуацию представляется возможным, путем рассмотрения социальной сферы как одной из качественных составляющих социальной безопасности, касающейся вопросов здравоохранения, образования, демографической политики, жилищного и пенсионного обеспечения, социального страхования, оплаты, условий и охраны труда, занятости населения и безработицы, трудовой миграции, социальной защиты и социального обслуживания населения.

Анализ современных исследований социальной безопасности позволяет рассматривать ее на макроуровне как устойчивое состояние и способность общественной системы обеспечить эффективное функционирование государства, социальных институтов общества, обеспечивающих стабильное развитие личности и общества во всех сферах общественной жизни, на основе повышения качества жизни своих граждан, соблюдения их прав и свобод [2, с. 5]. А так же на микроуровне как способность личности преодолевать различные риски, угрозы и опасности обеспечивается условиями, созданными обществом и государства с целью реализации потребностей отдельной личности [3, с. 2]. Условиями, обеспечивающими реализацию потребностей населения и стабильное развитие личности, является проводимая государством социальная политика.

В.В. Колков в своей работе «Социальная безопасность» связывает понятие социальная политика и социальная безопасность следующим образом: «это деятельность по практической организации социальной безопасности людей, стремящихся реализовать свои потребности и интересы в обществе» [4, с. 26-27]. Создавая условия для свободной и равноправной деятельности граждан, государство, с помощью социальной политики, снижает социальную напряженность, поддерживая устойчивое развитие и обеспечение стабильной социальной системы.

Институт социально-политических исследований Российской академии наук в течение более 25 лет, проводит мониторинг по изучению наиболее значимых и острых проблем и угроз. Так по оценкам населения, в начале 90-х наиболее острой проблемой, была нехватка продуктов питания и различных товаров. В последнее время, население, в большей степени, беспокоит два типа угроз: угрозы экономического характера (растущие цены, сокращение рабочих мест, спад производства) и угрозы личной безопасности и имущества [5, с.33-34].

Таким образом, взаимодействие элементов системы безопасности в социальной сфере зависит от направленности осуществляемых экономических преобразований, ориентированных на социально-экономическое развитие, способствует их экономическому и социальному росту в условиях неблагоприятной внешней среды. Эти негативные последствия делают невозможным обеспечение всеобщей доступности и надлежащего потребления услуг в социальной сфере, и выступают ориентирами развития в направлении стабилизации и социальной безопасности общества.

Реализация действенной социальной политики является гарантией укрепления национальной безопасности, и ее элемента – социальной безопасности. В целом, социальная политика государства должна быть направлена сегодня на закрепление наметившихся позитивных тенденций в росте отдельных показателей уровня жизни населения, создание прочной основы для его повышения по мере перехода экономики на более высокий уровень своего развития, сокращение масштабов бедности, повышение человеческого потенциала.

Библиографический список:

1. Дунец О.А. Социальная политика государства как фактор стабилизации украинского общества // Культура Народов Причерноморья. 2007. № 117. С. 148-151.
2. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. М.: Издательство: Академия Естествознания, 2012. 318 с.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
4. Колков В.В. Социальная безопасность. Ч. 1. М.,1998. 326 с.
5. Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М.: ИСПИ РАН, 2014. 306 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Туринцева Е.А.

Высшее образование в российском обществе в начале XXI века и ранее составляло основу вертикальной социальной мобильности, имело статусное значение и, в этой связи, являлось обязательным элементом образа благополучия. В настоящее время ситуация начала меняться, чему способствовали перманентные и бессистемные реформы системы образования в целом, смена ценностных ориентиров молодежи и другие факторы. Трансформация значимости высшего образования как фактора формирования образа благополучия, таким образом, становится сегодня актуальной проблемой экономического (для планирования спроса на услуги высшего образования) и социального характера, а выявление динамики этого процесса – актуальной задачей социологических исследований. При этом особенно важно изучить место и роль высшего образования в том образе благополучия, который формируют для себя молодые люди.

Существуют разные подходы в определении благополучия. Наиболее распространена точка зрения Н. Д. Твороговой, согласно которой социальное благополучие проявляется в широкой (достаточной для данного индивида) динамичной системе социальных связей, с наличием позитивных межличностных отношений в форме дружбы, любви [4]. Л.И. Галиахметова уточняет, что компонентом благополучия является «удовлетворенность жизнью», а отдельные исследователи полагают, что данные термины нужно рассматривать как синонимы [2]. Том Ратер и Джим Хартер [см. 2] выделили следующие сферы формирования благополучия: профессиональная (включает карьеру, профессию или работу, а также призвание), физическая (рассматривается здоровье в категории «крепкое»), социальная (наличие родных и близких людей в ближайшем окружении, а также позитивных социальных взаимоотношений), финансовая (удовлетворенность уровнем жизни и финансовая безопасность) и экологическая (безопасность среды проживания и собственный вклад в развитие общества). Российская молодежь, как показывают исследования, в понятие «благополучие» вкладывает такие факторы как «семья (родительская), образование, профессия, работа, семейное положение», обеспечивающие удовлетворенность социальным и социально-экономическим положением [1]. Таким образом, высшее образование как ступень к профессиональной самореализации, может также рассматриваться в качестве компонента благополучия.

В 2016 году было проведено исследование жизненных стратегий студенческой молодежи университета. В исследовании приняли участие 15 экспертов и 757 студентов Иркутского государственного университета. Одной из целей данного исследования было изучение места образования в системе взглядов на образ благополучия, который складывается при построении жизненных и образовательных траекторий студентов.

Полученные результаты говорят о том, что подавляющему большинству респондентов свойственно строить жизненные планы. Факторы, влияющие на этот шаг, различны. Определяющим событием для начала построения жизненных планов называют окончание школы (32,5%) и поступление в вуз (22,6%). Также к событиям подобного рода молодые люди относят такие самостоятельные шаги как проживание отдельно от родителей (11,2%), создание собственной семьи и получение первой зарплаты (по 7,4% соответственно). Каждый десятый дал свой вариант ответа, большое число которых приходится на долю идентификации и осознания своего места в социальной реальности. Жизненные планы можно рассматривать как проектное решение, касающееся определенного периода времени. Участникам был задан соответствующий вопрос относительно периода, на который строят жизненные планы. Ответы показывают, что почти половина студентов строят планы только на ближайшие 5 лет (44,9%). На более длительный период строят планы каждый пятый студент: 14,7% респондентов строят планы на 10 лет; 8,1% - на 20 лет; не строят планы 9,1%; 7% строят планы на весь жизнеспособный и трудоспособный период (4,1% - до наступления старости; 2,9% - до выхода на пенсию).

Аспектирование исследовательской задачи, основанной на выяснении образовательных планов как части построения жизненной стратегии показало, что половина участников приняли решение о поступлении в вуз в 9 классе (24%) и 7 классе (21,5%). Тех, кто принимает решение о поступлении в выпускном классе, 18,2%. Еще 14% студентов приняли решение после окончания школы. Данное положение продиктовано изменением профстандартов среднего образования, что и отразилось в ответах на вопрос о сроках принятия решения о поступлении в вуз. Это означает, что профориентационная работа может быть расширена в отношении обучающихся 7-8 классов, а не только 10-11 классов, но при этом дифференцирована в соответствии с интересами каждой образовательной когорты.

Как показывают наиболее популярные ответы относительно ожидаемого периода обучения, непрерывное образование не рассматривается молодыми людьми как одна из вероятных стратегий. Наиболее вероятный вариант – обучение в течение 4 лет; каждый третий намерен пройти обучение и в магистратуре; небольшое количество людей настроены на ближайшие 10 лет после окончания школы, каждый седьмой не строит планов, а действует по обстоятельствам.

Как показывают результаты, основные планы большей части респондентов построены на этот обозначенные периоды и связаны с завершением обучения (67,8%), созданием собственной семьи (51,5%). Каждый третий намерен заниматься поисками высокооплачиваемой работы (35,8%), любимым делом (31,3%), еще четверть студентов намерены найти работу по специальности (25,9%). Готовность уехать в другой город или страну высказали каждый пятый опрошенный. Также жизненные планы студентов связаны с намерениями обзавестись жильем (15,2%), созданием собственного бизнеса (13,2%), покупкой машины (8,6%) и поступлением в другой вуз (7,9%).

Основными агентами формирования образовательных планов студенты назвали собственно вузы (24,6%) и своих родителей (24,5%), в то время как роль школьных учителей составляют только 8,7%. Немаловажным является, что влияние на образовательные планы оказывают различные технологии медиа-пространства (ответ СМИ выбрали 10,7%, на модные тенденции сослались 13,7%).

Равное число ответов о роли в формировании образовательных планов получили непосредственное окружение (друзья и сверстники) и общественные объединения, работающие с молодежью (по 8% соответственно). Эти данные являются очень показательными и означают, на наш взгляд, необходимость предоставления возможности для развития студенческих организаций и объединений, что хорошо развивается в ИГУ, так и курирование деятельности этих объединений со стороны вуза, чтобы работа не только касалась продвижения бренда организаций, но и включала интегрированную деятельность по продвижению вуза в социуме путем информирования представителей различных социальных групп в процессе своей деятельности участников педагогических и строительных отрядов, при проведении игр Клуба интеллектуалов и Клуба веселых и находчивых и т.п.

В эпоху расширения спектра образовательного процесса вплоть до непрерывного и расцвета образовательной мобильности стало важным рассмотреть, какие направления работы университета будут привлекательными для продолжения обучения. В первую тройку вошли такие ответы, как «возможность трудоустройства» (57,7%), «образовательная деятельность» (47,3%) и «качественный профессорско-преподавательский состав» (40,3%). Вторую группу мотивов составили «научно-исследовательская деятельность» (30%), «поощрения за активное участие (премии, стипендии, гранты)» (29,1%) и «проведение производственных практик» (20,2%). Также популярны такие мотивы, как «скидки при оплате за обучение» (10,8%) и «культурно-массовая и творческая жизнь» (9,4%). Небольшое число ответов получили такие мотивы продолжения обучения как «работа студенческих организаций, клубов и движений» (4,4%), «воспитательная деятельность» (4,4%) и «спортивная деятельность» (2,4%).

Переход системы высшего профессионального образования на двухуровневую систему принесло значительные изменения в создание образа благополучия. Все изменения, связанные с реформами системы образования, в конечном итоге преобразовали отношение образованию как

инструментальной ценности. В целом, образ благополучия в представлении студентов-бакалавров сформирован из трех составляющих: финансовое, профессиональное и социальное. По итогам опроса студенты удовлетворены наличием и развитием социального благополучия и стремятся к финансовому и профессиональному благополучию.

Оптимизация и модернизация системы высшего профессионального образования, в ходе которой вузы разделили на три категории, затем начали объединять с целью уменьшения их количества и дальнейшего преобразования, например, убрав из наименования понятие «профессиональное», изменило отношение к нему со стороны работодателей. При этом процесс формализации высшего образования происходит на фоне процессов формализации и бюрократизации, что автоматически нивелирует демократизм университетского образования, трансформируя университет в «конвейер бакалавров и магистров». Положительное отношение к системе высшего образования испытывают теперь, чаще всего, только настоящие и будущие студенты и их родители. Такие данные были получены нами в результате проведения неформализованных интервью с жителями Восточной Сибири. Полагаем, что важными для анализа действительного состояния трансформации значимости высшего образования как фактора формирования образа благополучия являются также опросы молодых людей.

Следовательно, для стабилизации общественного интереса к системе образования, возврату образования в компоненты благополучия, а не только в качестве инструмента для трудоустройства, как партнера по процессу непрерывного образования, необходимо консолидировать процесс регионального просвещения, взаимодействия образовательной системы и общества, что, в свою очередь, даст новые возможности для развития и улучшения социокультурного пространства региона и страны, солидаризирует общество и обеспечит взаимосвязь его компонентов.

Библиографический список:

1. Бабаян И.В., Любимова А.Д. Конструирование социального благополучия в биографических сюжетах молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/20076882.pdf>
2. Галиахметова Л.И. Феномен удовлетворенности жизнью на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/38282601.pdf>
3. Гуринович Л.А., Туринцева Е.А. Советское благополучие через четверть века глазами жителей Восточной Сибири // материалы второго Байк. научн. социол. симп. / [под общ. ред. О.А. Кармадонова, В.А. Решетникова, С.А. Инкижиновой]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 207-213.
4. Творогова Н.Д. Клиническая психология / словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/socialnoe-blagopoluchie>

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Гулякова Л.Г., Яйтакова А.В., Говорухина Г.В.

Вопросам моделирования социально-демографических процессов на уровне региона в российском научном сообществе уделяется особое внимание [1; 2; 3; 4]. Это обусловлено усложнением социально-демографических процессов в современном обществе и, соответственно, необходимостью управления ими. В связи с этим модель управления социально-демографическими процессами является основополагающей, поскольку она определяет стратегию самого управленческого процесса.

Анализ существующей модели социального управления демографическими процессами в России показывает, что в целом она характеризуется доминированием количественной направленности. Несмотря на традиционное понимание модели социального управления демографическими процессами, усилившиеся процессы глобализации и технологизации актуализируют такое направление социального управления демографическими процессами как

ориентированность на качественный потенциал населения. В данном случае под качеством населения понимается набор таких социально-психологических свойств человека, которые способствовали бы его полноценному развитию, гармоничному функционированию в обществе. При этом приобретение таких свойств человеком возможно лишь при обеспечении условий его стабильной жизнедеятельности в сферах экономики, здравоохранения, труда, культуры, образования и т.д. Тем самым реализуется гуманистическая модель управления [5, с. 152].

Актуальность новых исследований в сфере социального управления связана, с одной стороны, с тем, что с начала 2000-х гг. общая система российского государственного управления претерпевала определённые трансформации, с другой – с признанием на уровне Правительства Российской Федерации демографической проблемы как кризисной, и, в связи с этим, появлением ряда поручений Президента Российской Федерации руководителям субъектов федерации по улучшению демографической ситуации. Всё это свидетельствует о том, что управление демографическими процессами на уровне региона приобретает особую важность, поскольку человеческий потенциал в условиях современности является одним из важнейших факторов устойчивого развития экономики, социальной сферы, культуры и других секторов общества не только отдельного региона, но и всей страны [6]. В основе формирования новой системы социального управления, в том числе и социально-демографическими процессами, лежит разработка механизмов социального партнерства [7; 8]. Такой подход, несомненно, является основой концептуально-стратегического управления регионом и соответствует новой концепции устойчивого развития страны [9, с. 135].

В настоящее время планы мероприятий (целевые программы) по демографическому развитию регионов России являются системными и объединяют в себе меры, направленные на управление процессами рождаемости, смертности, миграции и т.д. Такое сплетение широкого круга задач, как: необходимость создания условий для роста уровня рождаемости, необходимость укрепления института семьи, необходимость снижения общей смертности, смертности в трудоспособном возрасте, а также других видов смертности, формирование здорового образа жизни и т.д. – создают ситуацию, когда происходит разобщение цели и задач программы, остаются неопределёнными приоритетные направления социального управления. В свою очередь, такая ситуация приводит к деструкции деятельности субъектов управления. В этой связи в целях оптимизации управленческого процесса каждый компонент демографического процесса необходимо рассматривать автономно и на основе этого разрабатывать целевую программу по демографическому развитию, внутри которой соответствующие подпрограммы должны разрабатываться под конкретное направление демографического развития региона. Кроме того, необходимость такого дифференцированного подхода обусловлена тем, что система демографических процессов является комплексной, поликомпонентной системой. В связи с этим решение проблем в рамках демографического развития региона не должны ограничиваться одной программой. В частности, в одной из подпрограмм этой программы одним из значимых компонентов демографических процессов является рождаемость, которая обуславливает естественное движение населения, с точки зрения воспроизводства качественного потенциала населения, посредством обеспечения эффективного взаимодействия человека с обществом и средой. В рамках других подпрограмм доминантным элементом может быть смертность, миграция и другие.

На наш взгляд, такой подход в социальном управлении демографическими процессами является наиболее востребованным, тем более, если учесть существующий положительный опыт в рамках других направлений государственного управления. Например, в здравоохранении существуют десятки целевых федеральных, ведомственных программ, направленных на решение проблем, связанных со здоровьем граждан, предоставлением медицинских услуг населению и др.

Современная управленческая концепция развития региона должна быть направлена на формирование индивидуальной и социальной субъектности человека, что способствует раскрытию потенциала местного сообщества [9, с. 133]. При этом определяющими в системе управления являются духовно-творческие и нравственные начала [10, с. 191]. Между тем подобный подход в

управлении, когда учитываются не только экономические, но и социально-духовные особенности жизненного потенциала региона, наиболее соответствует модели управления социально-демографическими процессами в регионе.

Такая модель отражает стратегический подход государства в решении проблем демографического развития и позволяет в наибольшей степени учесть взаимообусловленность реализации жизненных сил семьи и содержания её жизненного пространства, и, как результат, обеспечить гармоничное развитие, взаимодействие индивидуальной и социальной субъектности человека. Достижению подобного эффекта во многом способствует кумуляция в рамках региональной модели различных направлений социального управления, способствующих обеспечению качественных условий жизнедеятельности населения региона. С позиции социологии управления, в такой модели отражается механизм социального партнерства как одного из условий эффективного управления; учитываются системообразующие компоненты управленческой деятельности (система субъектов управления, система факторов и мер, система принципов и стадий управления, система нормативно-правовой обеспеченности и ожидаемых результатов); в организационном плане отражается структура субъектов управления и их взаимодействие. Эта модель в большей степени отражает управленческое воздействие на объект на микроуровне, что позволяет в наибольшей степени учесть взаимообусловленность реализации жизненных сил семьи и содержания её жизненного пространства, и, как результат, обеспечить гармоничное развитие, взаимодействие индивидуальной и социальной субъектности человека. Системный и региональный подходы к управлению, отражённые в такой модели, позволяют реализовать принцип сопряженности системы организационного обеспечения с системами нормативно-правового и социально-технологического обеспечения социального управления демографическими процессами и обеспечить эффективность его реализации на разных уровнях.

Библиографический список:

1. Глобализация и моделирование социальной динамики / отв. ред. Э.Р. Григорьян. Москва: Ин-т соц. наук, 2001. 237 с.
2. Кирдина С.Г. Моделирование общественных систем в теории институциональных матриц [Электронный ресурс] // Научный эксперт. 2012. № 5. С. 30-42. Режим доступа: http://www.rusrand.ru/text/Jornal5_2012.pdf
3. Никаноров С.П. Метод концептуального проектирования систем организационного управления // Социология: 4М. 1996. № 7. С. 29-52.
4. Управление изменениями в социально-экономических системах региона / под ред. И.Е. Рисина, Ю.И. Трещевского. Воронеж: Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2003. 171 с.
5. Самойлов О.А. Гуманистическая модель теории социальной работы на современном этапе // Социальная работа. Социология: XI Междунар. науч.-практич. конф. «Университетская наука – 2015. Социальная работа. Социология»: сб. статей. Мариуполь: ГВУЗ «ПГТУ», 2015. С. 148-153.
6. Социальная доктрина Российской Федерации: макет-проект: монография / В.И. Якунин [и др.]; под общ. ред. С.С. Сулакшина. Москва: Научный эксперт, 2010. 224 с.
7. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / под ред. В.В. Щербины. Москва: Независимый ин-т граждан. общ-ва, 2004. 520 с.
8. Федченко А.А., Волкова Л.П., Колесникова О.А. Перспективы социального развития региона: потенциал и механизм социального партнерства. Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2007. 323 с.
9. Иванов В.Н. Концепция устойчивого развития – идеология «прорыва» России и мира в ноосферную человекотворческую цивилизацию // Муниципальный мир. 2010. Спецвыпуск. С. 131-149.
10. Основы стратегии формирования жизненных сил общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции / под ред. С.И. Григорьева. Москва: Русаки, 2009. 292 с.

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дергунова Е.А.

Сфера услуг является одной из основных составляющих информационного общества. В результате научно-технической революции и роста доходов населения приоритет перешёл от преимущественного производства товаров к производству услуг. По международным данным статистики свыше 40 % иностранных инвестиций вкладываются в развитие рынка сферы услуг, что подтверждает актуальность и интерес перспективы развития данного сектора экономики [3; 4].

Поскольку мы рассматриваем сферу здравоохранения, относящуюся к сфере услуг, то в рамках ретроспективного социологического анализа изучалось формирование сферы услуг в целом на разных этапах становления общества. Сфера услуг зарождалась постепенно, от зарождения индустриального общества до перехода к постиндустриальному (информационному) обществу и продолжает динамично развиваться вплоть до сегодняшнего дня. Переход от аграрного общества к машинному производству породил широкое распространение промышленного комплекса, в котором наёмный труд постепенно вытеснялся автоматизацией производства. Именно тогда начала зарождаться предпринимательская деятельность, стали доминировать товарно-денежные отношения. Частная собственность способствовала появлению сферы деятельности, ориентированной на работу в сфере услуг. Уже более твёрдо закрепились данная деятельность, когда произошла научно-техническая революция, и общество вышло на новый этап развития – постиндустриальный.

В информационном обществе главным фактором развития является человеческий капитал, профессионализм, наука и знания, именно они становятся главной движущей силой экономики. Производство товаров заменяется производством услуг. Такого же рода была обоснована и концепция профессора Гарвардского университета Дэниела Белла. Он пришёл к выводу о том, что появился новый общественный строй, где большинство населения заняты в сфере услуг. Так, роль развития науки породила современное общество, а промышленность переросла к сферам услугам.

Важную роль играет услуга здравоохранения. Её актуальность характеризуется тем, что ещё с самых древних времён человечество познаёт медицину. С древних времён по настоящее время медицина набирает обороты в своём развитии, происходит регулярная динамика и совершенствование медицинских технологий. Вклад учёных в данную отрасль бесценен и всегда будет оставаться актуальным.

Также стоит отметить, что как однажды М. Фуко [1] предложил и разработал свою археологию медицины [5], так и в наше время разрабатываются всё новые и новые технологии, позволяющие более качественно и успешно проводить операции, речь идёт о хирургии. В современной медицине, например, происходит роботизация хирургических комплексов, что не только помогает врачам в проведении операций, но и ориентирует их на постоянное повышение своей профессиональной квалификации [2].

Таким образом, с древних времён по настоящее время медицина набирает обороты в своём развитии, происходит регулярная динамика и совершенствование медицинских технологий. Вклад учёных в данную отрасль бесценен и всегда будет оставаться актуальным.

Здоровье является одним из важнейших показателей качества жизни населения. Политика государства направлена на поддержание стандартов качества жизни своего населения. Именно здоровье характеризует развитие разных сторон жизнедеятельности человека. Здоровый человек может полноценно выполнять различные социальные функции, участвовать в трудовой, общественной, семейно-бытовой и других формах жизнедеятельности.

Здоровье стоит на первом месте среди индикаторов показателей удовлетворения основных физических потребностей человека, в первую очередь характеризует качество и уровень жизни. Доступность и качество медицинского обслуживания [2] гарантируется государством, как на уровне

страны, так и по субъектам РФ. Охрана здоровья населения составляет одну из основ конституционного строя России. Данное право указано в Главе 2, Статье 41 Конституции РФ.

Проведенный ретроспективный анализ позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, обращаясь к истории развития и становления общества, действительно видно, что рынок сферы услуг прошёл несколько этапов своего развития: от индустриального общества до настоящих дней. Это происходит по достаточно объективной причине, общество не стоит на месте, оно прогрессирует, нуждается в новых услугах, поэтому и происходит регулярное реформирование различных сфер услуг, их преобразования и различные нововведения. Всё это говорит о том, что в современном обществе происходит динамичное развитие рынка сферы услуг.

Во-вторых, здравоохранение выступает важной сферой услуг в жизни общества. Каждый человек нуждается в своевременном оказании медицинской помощи, которая гарантируется государством. Данная сфера услуг может оказывать и рекреационные (восстановительные) услуги: санатории, оздоровительные детские лагеря и др. При помощи государственной поддержки медицинские учреждения в полной мере оснащены специалистами, необходимым оборудованием и лекарствами. Вопрос о качестве всегда стоит на первом месте, будь то покупка какой-либо вещи, автомобиля и много другого, и не всегда оно будет хорошим. Социальная политика государства создаёт все необходимые условия, позволяющие охранять здоровье населения. Медицина совершенствуется: создаются новые технологии, разрабатываются новые лекарственные средства, проводятся проверки разных уровней, также разрабатываются государственные проекты по улучшению качества медицинского обслуживания, проводятся различные исследования.

В-третьих, совершенствование сферы здравоохранения и динамичное развитие сферы услуг в целом определяют благосостояние современного общества.

Библиографический список:

1. Википедия. Свободная энциклопедия. Мишель Поль Фуко родился 15 октября 1926 г. в городе Пуатье, умер 25 июня 1984 г. в Париже. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фуко,_Мишель

2. Желнина Е.В., Борисова А.А. Специфика рынка труда в сфере здравоохранения (на примере г. о. Тольятти) // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 470-471.

3. Развитие сферы услуг в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knowledge.allbest.ru>

4. Факторы размещения сферы услуг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru>

5. Фуко М. Рождение клиники. Психологические технологии. М.: Изд-во Академический проект, 2010. 134 с.

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Деренко Н.В.

Уже более 20-ти лет в ведущих российских университетах в учебные планы подготовки экономистов, менеджеров, социологов включаются курсы, посвященные численному и качественному исследованию динамических систем, а также динамической оптимизации в экономических моделях с непрерывным временем. Ряд популярных у социологов динамических моделей и моделей оптимального управления в макро- и микроэкономике существенно расширяет возможности научного прогнозирования социальных процессов [1-8].

Прагматический интерес к указанной проблематике состоит в том, что в настоящее время от студента-социолога не требуется глубоких знаний математического анализа или теории дифференциальных уравнений для анализа динамических моделей или задач оптимального управления. На помощь прикладным специалистам пришли стандартные математические процессоры Excel и Mathcad, позволяющие решать дифференциальные уравнения и непрерывные задачи оптимального управления путем перехода к соответствующей дискретной модели или через использование встроенных функций.

Рассмотрим для примера качественный анализ динамической модели конкуренции и сотрудничества [7] в программе Mathcad. Модель представляет собой модификацию популярной модели Лотки-Вольтерра «Хищник-жертва» и позволяет изучать взаимодействие двух сообществ, находящихся в разных возможных отношениях, от благополучного симбиоза (оба сообщества гармонично развиваются) до хищничества (одно из сообществ развивается за счет безнаказанного угнетения другого). Речь идет о системе обыкновенных дифференциальных уравнений

$$\begin{cases} \dot{y}_0 = k_x \left(1 - \frac{y_0}{b_x}\right) y_0 + a_x y_0 y_1 - m_x, \\ \dot{y}_1 = k_y \left(1 - \frac{y_1}{b_y}\right) y_1 + a_y y_0 y_1 - m_y, \end{cases}$$

где $k_x, k_y, b_x, b_y, m_x, m_y, a_x, a_y$ – заданные постоянные величины (параметры модели), а $y_0(t), y_1(t)$ – функции, описывающие динамику численности двух взаимодействующих сообществ (фазовые траектории модели). Будем считать, что коэффициенты a_x, a_y не равны нулю одновременно, тогда в зависимости от их знаков можно ввести следующие модели взаимодействия:

$a_x > 0, a_y > 0$ – симбиоз, оба вида благоприятно влияют друг на друга;

$a_x > 0, a_y < 0$ – хищничество, один вид угнетает другой, получая от этого пользу;

$a_x < 0, a_y < 0$ – конкуренция, оба вида соперничают друг с другом;

$a_x > 0, a_y = 0$ – комменсализм, один из видов получает пользу от сотрудничества, не принося другому ни вреда, ни пользы;

$a_x < 0, a_y = 0$ – аменсализм, один вид угнетается другим видом, не принося другому ни вреда, ни пользы;

$a_x = 0, a_y = 0$ – нейтраллизм, ни один вид не влияет на другой.

На рисунке 1 представлен документ программы Mathcad, содержащий несложную программу задания значений параметров модели, правых частей системы дифференциальных уравнений, обращение к встроенной функции интегрирования системы дифференциальных уравнений RKFIXED методом Рунге-Кутты с фиксированным шагом интегрирования и два графика – фазовый портрет системы и траектории численности изучаемых сообществ. Очевидно, что у обычного студента-социолога старших курсов есть достаточные компетенции, чтобы самостоятельно реализовать подобные простейшие программы в популярном математическом пакете Mathcad. В свою очередь, визуализация результатов моделирования при качественном исследовании системы динамических уравнений крайне необходима.

$kx := 1$ $ky := -1$ $bx := 10$ $by := 10$ $ax := -0.2$ $ay := .2$ $mx := 0.2$ $my := 0.1$

$$G(t,y) := \begin{bmatrix} kx \cdot \left(1 - \frac{y_0}{bx}\right) \cdot y_0 + ax \cdot y_0 \cdot y_1 - mx \\ ky \cdot \left(1 - \frac{y_1}{by}\right) \cdot y_1 + ay \cdot y_0 \cdot y_1 - my \end{bmatrix}$$

$$y0 := \begin{pmatrix} 1 \\ 3 \end{pmatrix}$$

$$r3 := rkfixed(y0, 0, 20, 100, G)$$

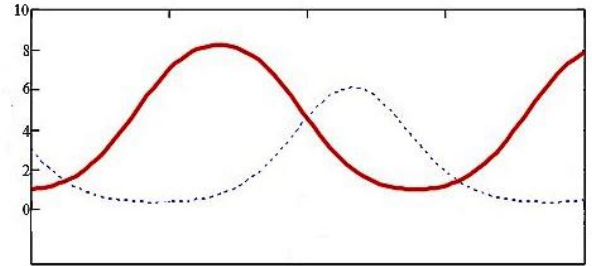
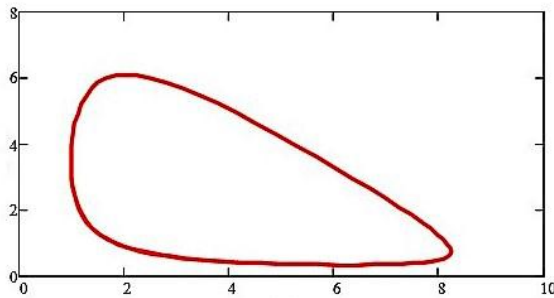


Рисунок 1 – Фазовый портрет и траектории динамической модели конкуренции и сотрудничества, модель взаимодействия «Хищничество» (документ программы Mathcad)

Подобная программа позволяет легко подобрать требуемые параметры модели, если речь идет об управляемой системе, или оценить временные рамки разных этапов взаимодействия сообществ. На рисунке 1 представлена модель взаимодействия «Хищничество», для которой студент-социолог получает ясное представление о динамике численности «сообщества-хищника» в зависимости от состояния «сообщества-жертвы». На левом графике изображен фазовый портрет системы, т.е. график численности одного сообщества в зависимости от численности другого – для анализа взаимодействия достаточно перемещаться по замкнутой кривой фазового портрета против часовой стрелки и считывать соответствующие количественные значения с осей. На правом графике отражены фазовые траектории системы, развивающиеся во времени – наглядная картина взаимодействия.

Следует отметить, что других возможностей столь наглядно моделировать поведение динамических систем у студент-социолога нет, в силу ограниченности математической подготовки в рамках программ бакалавриата.

Библиографический список:

1. Дыхта В.А., Деренко Н.В. Оптимальное управление экономическими системами // Вестник ИИНХ № 3 (ноябрь). Иркутск: Изд-во ИИНХ, 1992. С. 53-58.
2. Деренко Н.В., Тарасенко Н.В., Чупрова О.Г. Программное обеспечение оптимизационного и вычислительного эксперимента в динамических экономических моделях // Доклады Международного симпозиума «Функционирование региональных рынков: поиски, проблемы, решения». Иркутск, 1995. С. 46.
3. Дыхта В.А., Деренко Н.В. О внедрении методов динамической оптимизации в управление социальными процессами города, региона // Доклады Научно-практической конференции «Проблемы социального управления городом в условиях рынка». Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. С. 28.
4. Колмановский В.Б. Задачи оптимального управления // Соросовский Образовательный Журнал. 1997. № 6. С. 121-127.
5. Дыхта В.А. Оптимизация динамических систем с разрывными траекториями и импульсными управлениями // Соросовский Образовательный Журнал. 1999. № 8. С. 110-115.
6. Дыхта В.А., Деренко Н.В. Модели оптимального управления в макро- и микроэкономике: учебное пособие. Иркутск: Иркут. гос. экон. академия, 2002. 180 с.

7. Абзалилов Д.Ф. Математическое моделирование в социологии. Учебно-методическое пособие для социологов. Казань: КФУ, 2012 г. 48 с.

8. Охорзин В.А. Оптимизация экономических систем. Примеры и алгоритмы в среде Mathcad: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2005. 144 с.

БЕЛОРУССКАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ АУДИТОРИЯ: ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (ВТОРИЧНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Дмитриев Е.И.

На протяжении последнего десятилетия (2003-2015) Центр социологических и политических исследований (ЦСПИ) БГУ проводит мониторинговые исследования белорусской аудитории СМИ. В период с 2003 по 2005 годов автор данной публикации был одним из основателей и исполнителей этого исследовательского проекта. Поэтому, вполне правомерным является наше стремление осуществить вторичный социологический анализ, полученных и опубликованных ЦСПИ результатов мониторинга за указанный период [1]. Начнем с анализа приоритетов белорусской аудитории СМИ при выборе каналов и источников информации по профилю проблематики.

Так, в 2003 году при потреблении информации по политическому профилю аудитория дифференцировалась следующим образом: телевидение - 67,0% от числа опрошенных, радио – 11,7%, газеты – 18,5%, Интернет – 0,7%. В 2015 году аналогичное распределение приоритетов аудитории выглядит так: телевидение – 69,9%, радио – 7,7%, газеты – 19,6%, Интернет – 44,9%. Таким образом, аудитория, предпочитающая получать политическую информацию через Интернет, росла в Беларуси последние десять лет взрывообразно, увеличившись в 64 раза!

Вместе с тем, как хорошо видно из приведенных данных, среди остальных трех видов СМИ не произошел сопоставимый уровень падения объемов реальной аудитории. Более того, у телевидения и газет она пусть немного, но увеличилась, а у радио сократилась всего на 4,0 %. Таким образом можно говорить о тренде, суть которого в том, что аудитория использует Интернет как еще один источник массовой информации, а не как заменитель традиционных СМИ. Это позволяет утверждать, что основной рост медиапотребления в Интернете идет за счет снижения затрат времени на другие способы проведения досуга, а не за счет замещения телевидения, радио и газет.

Однако при этом, как показывают данные опроса, проведенного ЦСПИ в 2015 году, прежде всего молодежь переключается с просмотра телевизора на Интернет. Так, в возрастной группе 18-29 лет практически ежедневно смотрят телевизор 36,8% (в кагортах 30-44 лет – 69,0%, 45-59 – 83,2%, 60 лет и старше – 84,4%). С другой стороны, не смотрят телевизор вообще в возрастной группе 18-29 лет – 23,8%, 30-44 – 8,2%, 45-59 – 4,1%, 60 лет и старше – 5,0%. Подобная дифференциация является следствием сложившегося за последнее десятилетие потребительского тренда – телевидение смотрят для отдыха и чтобы быть в курсе событий, радио в большинстве слушают по привычке, в качестве фона, а Интернет используют для самообразования и развлечения. При этом такая практика медиапотребления обусловлена тем фактом, что стремительный рост информационной насыщенности привел к тому, что Беларусь сегодня представляет собой уникальное информационное пространство, которое в единый момент времени сочетает в себе элементы, характерные для различных этапов распространения информационных технологий. В республике практически одновременно появились платное телевидение и доступ в Интернет – в отличие от большинства развитых зарубежных стран, где распространение этих предложений было разделено десятилетиями. Как следствие, разные социальные группы имеют разные приоритеты. Если старшее поколение успешно осваивает многоканальное телевидение, то молодежь тяготеет к Интернету. И в том и в другом случае мы имеем дело с инновационной практикой в области медиапотребления.

Что же касается общественно-политических газет, то на их страницах аудитория ищет разные оценки событий, экспертные мнения, возможные выводы, которые можно сопоставить и сформировать свое собственное отношение к этим событиям. Общественно-политические печатные СМИ нужны аудитории и она от них не откажется до тех пор. Пока они удовлетворяют ее

потребности в экспертной, аналитической подаче событий. Таким образом, газеты и журналы не теряют своей актуальности и привлекательности для аудитории именно потому, что разные СМИ не замещают друг друга, а выполняют различные функции. Это положение крайне важно для понимания того, что происходит с телевизионной аудиторией в Беларуси. Возвратимся к анализу приоритетов белорусской аудитории СМИ при выборе каналов и источников информации по профилю проблематики.

При потреблении информации по экономическому профилю аудиторией СМИ имеют место практически те же тенденции, что и при потреблении информации по профилю «политика»: лавинообразный рост аудитории Интернета (в 1146 раз!) и сохранение объемов аудитории других видов СМИ на протяжении 2003-2015 годов. Примерно также выглядит ситуация с потреблением аудиторией СМИ информации по профилю «культура», основное отличие только в темпах роста по данному профилю аудитории Интернета – она выросла за десятилетия в 34 раза. Совсем по-другому выглядит картина с приоритетами аудитории СМИ при потреблении экологической информации. Так, если в 2006 году в качестве основного источника получения экологической информации 33,3% опрошенных назвали газеты, 13,4% – радио, 77,4% – телевидение, 6,8% – Интернет, то в 2015 аналогичные группы аудитории уже имели следующий объем: 16,7%, 5,8%, 62,2% и 42,2%. Таким образом, аудитория по экологическому профилю сократилась за десятилетие у газет в два раза, радио – в 2,3 раза, телевидения – 1,2 раза и выросла у Интернета в 6,2 раза. Подобный тренд позволяет говорить о снижении интереса аудитории белорусских СМИ к экологической проблематике по сравнению с политической и экономической проблематикой.

Трендом десятилетия является сокращение частоты просмотра телевидения в Беларуси. Согласно полученным данным. В 2003 году практически ежедневно смотрели телевидение 80,3% потенциальной аудитории, несколько раз в неделю – 12,4%, примерно раз в неделю – 3,3%, 2-3 раза в месяц – 0,4%, раз в месяц – 0,3%, не смотрели вообще – 2,4%. В 2015 году показатели по аналогичным параметрам частоты просмотра составили: 68,8%, 14,0%, 4,1%, 1,5%, 1,5%, 10,1%. Таким образом, неаудитория телевидения увеличилась за десятилетие в Беларуси в 4,2 раза. И это, на наш взгляд, самый важный тренд десятилетия, который говорит о том, как уже отмечалось выше, что происходит сокращение абсолютных объемов аудитории, а не замещение одних СМИ другими. В такой ситуации создании новых белорусских телеканалов оказалось неэффективным решением, которое не только не привело к увеличению телеаудитории в стране, но стало основой для ее «размывания» и абсолютного уменьшения. Так, если в 2004 году аудитория «ОНТ» составляла 88,5%, «Беларусь 1» – 67,8%, «Беларусь 2» – 30,8%, то в 2015 году эти показатели, соответственно, 63,9%, 42,5%, 16,6%. При этом, аудитория новых телеканалов в 2015 году имеет параметры на уровне статистических погрешностей медиатрического исследования: «Беларусь 5» – 4,3%, «Беларусь 3» – 3,5%. «МузТВ» – 3,0%, «Беларусь 24» – 0,6%. Следовательно, фактически основным трендом изменений белорусского телевизионного пространства за десятилетие стало увеличение числа каналов и тележурналистов. И уменьшение при этом абсолютных размеров реальной телеаудитории. Образно говоря, хотели как лучше, а получилось как всегда. Единственным исключением из этой тенденции стал телеканал «СТВ», у которого объем телеаудитории увеличился за десятилетие с 12,9% в 2004 году до 21,1% в 2015. Хотя и здесь не все столь однозначно и гладко – в 2006-2009 годах аудитория телеканала «СТВ» превышала 30%. Аналогично, если в 2007 году при ответе на вопрос «Какие телеканалы из тех, что вы обычно смотрите, вам нравятся больше других?» 16,5% опрошенных выбирали телеканал «СТВ», то в 2015 году это уже только 9,2% (для сравнения: аналогичный показатель у «ОНТ» – 38,9%).

Еще одним трендом изменений белорусской телевизионной аудитории за последнее десятилетие является снижение уровня доверия к национальным телеканалам. Доверие аудитории к источнику информации можно считать самым важным фактором восприятия информации. Влияние СМИ строится на том, что аудитория не может уловить разницу между фактом и его интерпретацией, реальной ситуацией и ее отражением в СМИ, она не способна сохранять

«критическую дистанцию» от последних. Если СМИ теряют доверие аудитории, они перестают влиять на нее. Можно сказать, что в целом доверие к СМИ основано на том, что аудитория принимает доминирующую роль СМИ как источника информации, считает ее естественной. В этом смысле существует определенный уровень доверия белорусской аудитории к СМИ Беларуси, который непоколебим, т.е. не изменяется существенно достаточно длительное время.

Согласно полученным данным, распределение ответов на вопрос «Каким телеканалам из тех, что вы обычно смотрите, вы доверяете в наибольшей степени?» в 2004 году выглядело следующим образом: «ОНТ» – 58,2%, «НТВ-Беларусь» – 27,3%, «РТР-Беларусь» – 19,0%, «Беларусь 1» – 26,2%, «СТВ» – 2,5%, «Беларусь 2» – 4,8%, никаким – 4,2%. В 2015 году при ответе на тот же вопрос получено существенно иное распределение ответов опрошенных: «ОНТ» – 41,0%, «НТВ-Беларусь» – 21,4%, «РТР-Беларусь» – 19,0%, «Беларусь 1» – 17,0%, «СТВ» – 8,0%, «Беларусь 2» – 3,0%, никаким – 2,2%. Таким образом, за последние десять лет показатель доверия аудитории к «ОНТ» снизился на 17,2 процентных пунктов, к «НТВ-Беларусь» – на 5,9 процентных пунктов, к «РТР-Беларусь» не изменился, к «Беларусь 1» снизился на 9,2 процентных пунктов, к «СТВ» вырос на 5,5 процентных пунктов, к «Беларусь 2» снизился на 1,8 процентных пунктов.

Как видно из приведенных выше данных, тренд доверия аудитории к белорусским телеканалам имеет отрицательную динамику. Однако, ничего из ряда вон выходящего в этом нет, так как это отражение существующих общемировых тенденций. Например, проведенное «Gallup» в 2012 году медиатрическое исследование показывает, что недоверие американцев к СМИ резко возросло: 60% респондентов не доверяет СМИ, включая телевизионные, как транслятору целостных, непредвзятых, правдивых новостей [2]. Аналогичные данные существуют и по аудитории российских СМИ.

Библиографический список:

1.Посталовский А.В. Телевизионное пространство Беларуси (по материалам социологического мониторинга 2003-2015 г.г.). Социология. 2016. № 1. С.104-116.

2.http://www.gallup.com/poll/157589/distrust-media-hits-new-high.aspx?utm_source=-google&utm_medium=rss&utm_campaign=syndication.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ЦЕЛОЧИСЛЕННЫХ ДАННЫХ НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долженкова А.В.

Особенный интерес к методам анализа и обработки данных возник в связи с развитием средств сбора и хранения данных, позволившим накапливать большие объемы информации. Задача обработки данных, в особенности больших объёмов данных, является актуальной проблемой. Кластеризация данных (кластерный анализ) является одним из прогрессирующих подходов в вышеупомянутой проблеме.

Кластерный анализ по своей сущности является группировкой множества объектов данных, собранных по определённым свойствам или атрибутам в кластеры [1]. Можно провести параллель сходства с классификацией данных, однако эти подходы имеют существенные различия. Классификация работает по известной заранее группировке данных на подмножества, устанавливает закономерность по которой данные группируются именно таким образом. А кластеризация основывается на установлении степени схожести элементов, которые затем группируются в кластеры. Таким образом главное отличие классификации от кластеризации в том, что перечень групп чётко не задан, а определяется в процессе работы алгоритма. Однако стоит отметить, что эти два подхода могут работать вместе в виде связки «кластеризация-классификация», для первичного анализа данных, так как задача кластеризации всегда выполняется первой.

В кластерном анализе существует множество методов и алгоритмов, работающих с выборками данных. Основным их отличием является выбор метрики. Метрика - это математическая

функция расстояния в метрическом пространстве между двумя объектами, описывающая степень сходства или различия между элементами в выборке. Наиболее часто используемыми являются: Евклидово расстояние; расстояние по Чебышеву; расстояние между ближайшими соседями; метод медиан и прочее.

Выбор определенной метрики следует начинать, когда известна хоть какая-либо информация о природе объектов, которые собираемся сравнивать, чего не всегда удаётся достигнуть.

Все существующие методы и алгоритмы в кластерном анализе следует подразделять на иерархические и неиерархические [3]. В иерархических (агломератные и дивизионные алгоритмы) отказываются от определённого числа кластеров, строя полное дерево вложенных кластеров (дендрогамму). Число кластеров определяется, к примеру, по динамике изменения порога декомпозиции либо слияния кластеров [2].

В неиерархических методах (k-means, c-means, сетевые методы) – характер их работы и условие остановки необходимо заранее определять довольно большим числом параметров, что иногда затруднительно. Однако в таких алгоритмах достигается большая гибкость в варьировании кластеризации.

Если посмотреть на недостатки приведенных выше алгоритмов, то можно привести в качестве «общего знаменателя» один главный недостаток: при сложном расположении объектов, и/или при достаточно большом объёме входных данных кластеризация может привести к неинтерпретируемым результатам. Важно понимать, что кластерный анализ всякий раз адаптируется к новой структуре исходных данных. И задача определения характера этой адаптации всегда падает на исследователя. Кроме этого следует учитывать много переменных признаков объекта, что сильно усложняет как выбор подходящего алгоритма, так и сам вычислительный процесс кластеризации. Решением этой проблемы могла бы стать разработка такого подхода к кластеризации данных, который бы учитывал взаимосвязь между данными, не основываясь на каких-либо входных параметрах или особенностях алгоритма. В этом случае можно также применить подход, использующий адаптивный размер кластеров при разбиении.

Важность интерпретируемых результатов, полученных при кластерном анализе крайне важна, особенно в области социологических исследований. При обработке результатов социологических исследований, часто можно наблюдать сотни страниц с численными результатами вычислений или иных распределений данных, что может и впечатляет, но является весьма не информативной информацией, которую сложно анализировать и интерпретировать. Конечно же, всё это объясняется нехваткой опыта у молодого специалиста, а с опытом это явление естественно проходит. Но что же делать неопытному социологу- исследователю в начале своего пути. Использовать более адекватные и простые для понимания «не технического ума» средства и методики. Одним из которых может быть кластерный анализ данных.

Однако главной проблемой использования алгоритмов и методов кластерного анализа в социологии является их полнейшая нехватка. При анализе результатов социологических исследований чаще всего применяют метод Уорда [4], при котором внутри кластеров оптимизируется минимальная дисперсия, в итоге создаются кластеры примерно равных размеров.

Хотя и он имеет один недостаток, связанный с неоднозначностью выбора кластеров. Но существенным недостатком при этом будет являться невозможность проверки адекватности результатов исследования, без применения стороннего алгоритма.

Библиографический список:

1. Котов А.Б., Красильников Н.И. Кластеризация данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aisystem.narod.ru>
2. Уиллиамс У.Т., Ланс Н.Д. Методы иерархической классификации // Статистические методы для ЭВМ / под ред. М.Б. Малютова. М.: Наука, 1986. С. 269-301.

3. Барсегян А.А. Методы и модели анализа данных: OLAP и Data Mining. СПб.: БХВ-Петербург, 2004. 336 с.

4. Кластерный анализ // Свободная Энциклопедия: Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кластерный_анализ

СТАТИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Дышаева Л.Ф., Дышаева А.А.

Мотивация персонала, компетентность управляющего звена и в целом корпоративная культура организации являются важнейшими факторами эффективности ее деятельности. Труды современных исследователей, изучающих корпоративную культуру, позволяют определить ее как совокупность материальных и духовных ценностей, сложившихся моделей и норм поведения в определенной организации, отражающих ее уникальность и проявляющихся во взаимодействии сотрудников, их восприятии себя и окружающей среды [1, 2]. Нередко в научных исследованиях понятие «корпоративная культура» отождествляется с понятием «организационной культуры», однако существует обратная точка зрения. В рамках данной работы мы будем исходить из понимания, что эти два понятия тождественны и определяются через общие термины: миссия организации, ценностные ориентации, нормы и традиции, разделяемые всеми членами организации [2, 3].

Целью нашего исследования является проведение сравнительного анализа существующих методик оценки корпоративной культуры и выявление сильных и слабых сторон различных подходов. Мы также ставили перед собой задачу рассмотрения возможности использования данных методик для диагностики корпоративных культур российских компаний.

В качестве метода, позволяющего наиболее полно и глубоко изучить все аспекты корпоративной культуры, может применяться статистическое моделирование. Данный метод заключается в воспроизводстве на основе сходства с имеющимся явлением определенной модели, что позволяет получить необходимое представление об объекте исследования. Таким образом, благодаря сходству модели с реальным объектом исследования происходит углубление понимания интересующих исследователя процессов, относящихся к феномену корпоративной культуры, определение его основных параметров и качественных характеристик. Кроме того, полученный аналог позволяет выявить факторы влияния внутренней и внешней среды на исследуемый объект, определить возможности развития необходимых процессов и управления ими.

В статистическом моделировании используют следующие типы моделей:

- однофакторные, позволяющие учитывать воздействие лишь одного фактора на исследуемый объект;
- многофакторные, позволяющие одновременно учитывать воздействие нескольких факторов на уровень прогнозируемого показателя;
- эконометрические модели, предназначенные для описания сложных социально-экономических процессов, требующих более глубокого и всестороннего изучения.
- имитационные модели, позволяющие создать модель реальной ситуации и управлять ей при помощи изменения параметров управляемых переменных с целью обоснования развития объекта прогнозирования или планирования [4].

При изучении корпоративной культуры с помощью статистического моделирования применяются количественные методы оценки, которые основаны на получении численной информации об изучаемом объекте и позволяют обнаружить глубинные связи и закономерности в корпоративной культуре.

Применение различных методик исследования корпоративной культуры позволяет получить представление о ценностях, нормах, правилах и ожиданиях, оказывающих влияние на поведение большинства сотрудников организации и ее конечную эффективность. Далее приводится

сравнительный анализ трех наиболее востребованных методик исследования корпоративных культур с целью изучения возможности их применения при статистическом анализе российских компаний.

Таблица 1 – Сравнительный анализ методик исследования корпоративной культуры (составлено по [6 - 8])

Методика	Объект исследования	Краткое описание	Достоинства	Недостатки
Методика Кука и Лафферти (ОСИ)	Корпоративные ценности, нормы и ожидания сотрудников в отношении поведения и взаимодействия членов коллектива	Получение данных для исследования проводится в процессе опроса сотрудников компании, где в структуре анкеты каждому стилю организационной культуры соответствует 10 утверждений. По шкале от 1 до 6 респонденты оценивают степень согласия с приведенными утверждениями. Результаты исследования представляются в виде круговой диаграммы, разделенной сектора в соответствии с 12 стилями организационной культуры.	1. Группировка полученных результатов по выявленным поведенческим ценностям и ожиданиям, которые оказывают влияние на мотивацию к труду, формальные и неформальные связи и удовлетворенность сотрудников. 2. Результаты исследования могут использоваться при дальнейшем статистическом анализе.	1. Данная методика является достаточно объемной и трудозатратной, а интерпретация результатов требует специальных знаний и навыков. 2. Как правило, ОСИ применяется в западных консалтинговых компаниях и отсутствует в открытом доступе.
Методика диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна (OCAI)	Организация в целом, стиль лидерства в организации, управление работниками, связующей сущности организации, стратегических целей и критериев успеха организации.	Данный метод основан на четырехфакторной модели описания организационной культуры, объединяющей 4 типа организационных культур. OCAI также имеет форму вопросника и предполагает вопросы по шести пунктам. Отвечая на вопросы по каждому пункту, респонденты распределяют 100 баллов между четырьмя альтернативными ответами в оптимальном, с их точки зрения, весомом соотношении.	1. Идентификация существующей в организации культуры и выявление ожидания сотрудников относительно того, какой она должна быть. 2. Простота использования и понятность вопросов, за счет чего в исследовании может принимать участие максимальное количество сотрудников организации. 3. Оперативность проведения исследования, а также возможность при необходимости оперативно вносить коррективы.	1. Использование данного опросника предполагает выбор лишь из предложенных вариантов, не допуская возможности независимого ответа.
Модель исследования организационной культуры Дэниэла Дэнисона	Исследование 4 интегральных характеристик организационной культуры: миссии, последовательности, приспособляемости и вовлеченности.	Для получения данных производится анонимный опрос сотрудников компании, состоящий из 60 вопросов, где респонденты оценивают предложенные утверждения по шкале от 1 до 5. После обобщения полученных результатов составляется круговая диаграмма, где организационная культура рассматривается в следующей системе координат: внешний фокус – внутренний фокус; стабильность — гибкость.	1. Позволяет одновременно учитывать особенности внутренней и внешней среды организации. 2. Является наглядной, информативной и компактной. 3. Используется для анализа корпоративных культур компаний, работающих в различных отраслях. 4. Модель Дэнисона переведена более, чем на 20 языков и применяется в странах с различной культурой	1. Сложность понимания вопросов анкеты. 2. Большие временные затраты на ее заполнение и обработку данных. 3. Сложность математической обработки полученных результатов.

Таким образом, рассмотренные методики основываются на получении количественных данных путем интервьюирования, анкетирования и опросов с использованием типовых вопросов и дальнейшим построением профилей культур или обработкой полученных результатов. Такие методы, как модель исследования организационной культуры Д. Дэнисона и методика Кука и Лафферти, позволяют построить графические профили организационной культуры по результатам анкетирования.

Некоторые вопросники, например, OSAI, позволяют за короткий срок выявить убеждения и ожидания сотрудников организации по поводу существующего и предпочтительного типа корпоративной культуры. Известно, что в настоящее время существует большая база построенных профилей организационных культур различных организаций, в частности, российских, что позволяет учитывать их опыт и проводить сравнительный анализ.

Наиболее востребованной и глубокой методикой, выявляющей взаимосвязь между характеристиками корпоративной культуры компании и ее экономической эффективностью, а также позволяющей управляющему звену оценивать степень соответствия состояния организационной культуры обозначенной стратегии и цели компании, является модель Д. Дэнисона. Данная методика может применяться в российских компаниях, однако, как и другие рассмотренные методики не позволяет учитывать особенности менталитета и социального микроклимата различных стран и регионов, а также отраслевые особенности, оказывающие влияние на внутриорганизационные процессы в российских компаниях.

Важно понимать, что ни одна методика не позволяет изучить аспекты корпоративной культуры организации; для получения целостной картины и выявления наличия и типа взаимосвязи между исследуемыми процессами может потребоваться применение комплекса методик и дальнейший анализ полученных данных.

Библиографический список:

1. Спивак В.А. Корпоративная культура. Санкт-Петербург, 2001.
2. Ермолов Ю.А. Предметно-содержательные взаимосвязи дефиниций «Организационная культура» и «Корпоративная культура» // Вестник ТГУ. 2012. № 9. 2012.
3. Капитонов Э.А., Капитонов А.Э. Корпоративная культура. Ростов-на-Дону, 2003.
4. В.И. Борисевич, Г.А. Кандаурова, Н.Н. Кандауров. Прогнозирование и планирование экономики: Учебное пособие // Экоперспектива. 2001.
5. Шуплецов А.Ф., Харитонova П.В. Организационная культура предпринимательской деятельности компании и ее влияние на эффективность результатов хозяйствования // Проблемы теории и практики управления. Известия ИГЭА. №3 (83). 2012.
6. Балашов А.П., Непомнящий А.В. Методические аспекты анализа организационной культуры // Экономика и менеджмент. № 6. 2011. С.119-121.
7. Тху Чанг То. Исследование организационной культуры: методология количественной оценки и анализа // Экономика. 2014. № 2. С.130-133.
8. Макорина Л.А. Анализ подходов к изучению и преобразованию корпоративной культуры // Инновационное образование и экономика. 2013. № 13. С. 24-26.

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕРЕВНИ В ОТЧЁТАХ КОМИТЕТА ПО ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ ПРИ ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Емельянова Т.В., Матвеева Н.В.

Одним из подразделений ГУЗиЗ, ведомства, образованного из Министерства земледелия и государственных имуществ в 1905 г., был Департамент государственных земельных имуществ.

Именно этот департамент и должен был взять на себя тяжесть основной задачи аграрной политики – землеустройства. Эта задача была поставлена перед департаментом после образования ГУЗиЗ [1].

Именно в рамках Департамента государственных земельных имуществ и создавался Комитет по землеустроительным делам (учреждён 4 марта 1906г) [2]. Роль председателя Комитета по должности занимали главноуправляющие ГУЗиЗ. Управление делами Комитета было возложено на директора Департамента государственных земельных имуществ. В 1907 г. из состава этого делопроизводства выделились две специальные части: инспекторская – для заведования делами личного состава и счетная (впоследствии – сметная) – по распоряжению кредитами на землеустроительные надобности [3].

В октябре 1906 г. П.А. Столыпин созывает правительственное совещание около полусотни влиятельных персон, имеющих отношение к скорому началу аграрных реформ. Среди приглашённых был и известный энтузиаст хуторского расселения, пропагандист правительственной реформы А.А. Кофод, который в 1907 г. возглавит инструкторскую часть Комитета. После вышеупомянутого совещания А.А. Кофод был послан в составе специальной группы для руководства на месте деятельностью 4-х губернских землеустроительных комиссий, ставших проводниками правительственной политики на местах, и обследования их деятельности на предмет готовности к реформам. Предметом обследования стали и уездные комиссии, где тоже шла работа по подготовке и проведению реформы (таких групп было создано не менее 12 по 2-3 человека в каждой). В состав группы А.А.Кофода вошли, кроме него, С.А. Куколь-Яснопольский – начальник управления по делам воинской повинности Министерства внутренних дел с 1901г. и Н.Н. Купреянов – неперемный член состоящего при Земском отделе МВД присутствия по крестьянским делам Царства Польского [4].

Результаты командировки с участием А.А. Кофода отражены в Отчёте Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием (тогда эту должность занимал Б.А. Васильчиков) действительного статского советника С.А. Куколь-Яснопольского и статского советника Н.Н. Купреянова от 12 февраля 1907 г. и Приложении к Отчёту, где анализируется личный состав уездных землеустроительных комиссий. [5, с.184-217] Командировка была осуществлена в 1907г. в Псковскую, Витебскую, Могилёвскую и Курскую губернии. В Отчёте указывается: «Задачи командированных правительством особых уполномоченных определялись следующим образом: 1) в уездные землеустроительные комиссии и губернские совещания явиться инструкторами и ознакомиться с личным составом комиссий; 2)выяснить отношение к комиссиям населения; 3) оказать возможное содействие правильной совместной деятельности комиссий и отделений Крестьянского банка 4)возникшие на местах вопросы по землеустройству крестьян частью разрешить, поскольку это представлялось возможным на основании имевшихся указаний и инструкций, частью зарегистрировать для представления их на обсуждение Комитета по делам землеустройства; 5)обращаться к крестьянам непосредственно с проповедью преследуемых правительством целей в аграрном вопросе; 6) собрать и обработать данные об экономическом положении сельского населения и по вопросу о хуторском расселении» [5, с. 184].

Губернские землеустроительные комиссии создавались под председательством губернатора, уездные – под председательством уездного предводителя дворянства. Состав как уездных, так и губернских комиссий позволял правительству привлечь к их деятельности представителей местной земской интеллигенции и дворянства, а также по 3 – из крестьян, владевших местной надельной землёй. Впрочем, как указывается в Приложении к Отчёту, состав комиссий был очень неоднороден и не всегда они оказывались в состоянии выполнить возложенные на них задачи.

Анализируя состав комиссий, правительственные чиновники дают очень меткие характеристики некоторым представителям: «Предводитель дворянства Витебской губернии Дрейбнер – престарелый, недавно ещё страдал спячкою, от которой теперь до известной степени

излечился. Расстроены дела поглощают его внимание гораздо больше, чем задачи землеустроительной комиссии, для которой он нуль» [5, с. 202].

В Режицком уезде этой губернии «уездный предводитель Скворцов относится к деятельности землеустроительной комиссии совершенно безучастно, задач и целей учреждения совершенно не уяснил, с Наказом не ознакомлен, проявил склонность к установлению в комиссии такого формализма и канцелярщины, которые могут погубить всё дело... Вообще, по своим личным свойствам он едва ли может руководить с пользою для дела деятельностью комиссии... Помещики-латыши составляют в комиссии значительную сплочённую группу, относящуюся к деятельности комиссий несочувственно... » Не совсем удачный выбор членов комиссии объясняется как раз деятельностью этой враждебной группы и их противодействием полноценным выборам [5, с. 204-205].

Похожая картина наблюдается и в других комиссиях: председатель Псковской комиссии Карамышев ... «в дела вникать не способен, мало что знает, для комиссии не рабочая сила». Непременный член Крейтер – бывший земский начальник, отличавшийся ленью и нерадивостью по службе; слишком многочисленные досуги свои посвящал тому, что «баб и девок шупал как кур», по выражению крестьян [5, с.199].

В то же время, в Отчёте довольно высоко оцениваются «такие богатые деятелями комиссии как Гомельская, Чериковская, Велижская..., а также комиссии Холмскую, Двинскую, Полоцкую, Горецкую и Быховскую».[5, с.186] В Гомеле предводителем дворянства был выбран некто Ладомирский, «бывший земский начальник, молодой, обходительный старательный...» Уездным земским комитетом избраны трое помещиков, между которыми выделяется «умный, способный, пылкий Куханович – серьёзная сила в комиссии» [5, с. 206].

Одним из способов диагностики настроений крестьянства в ходе реформы, являлись *опросные листы*, неоднократно упоминаемые в Отчёте. Единой формы анкеты, судя по всему, не было, и члены комиссии составляли их на своё усмотрение: так, например, в отчёте упоминается о неперменном члене Оршанской комиссии (Могилёвская губерния) Комарове, который включил в опросный лист пункты, которые, по мнению инспектирующих, могли «возбудить у крестьян надежду на принудительное отчуждение земель» (в частности, неуместными им показались вопросы о том, какие частновладельческие земли расположены вокруг их селения и вели ли они переговоры с местными помещиками о покупке недостающей земли). Комаров пользовался таким опросным листом, несмотря на то, что его проект был забракован губернским совещанием: причину этого авторы отчёта видят в «кадетских тенденциях» Комарова [5, с.207] (кадеты, как известно, выдвинули проект принудительного отчуждения части помещичьих земель на нужды реформы).

Кадетскими настроениями в этой комиссии одно время страдали и представители от крестьянства. Так, некий Шаршун «был затронут противоправительственной агитацией» и агитировал крестьян отказываться от участия в правительственных комиссиях, считая, что крестьянский вопрос должен разрешаться Государственной Думой, куда крестьяне уже послали своих представителей. Правда, съездив в командировку в Лиозненскую волость и убедившись в пользе хуторского хозяйства, «Шаршун успел уже уговорить крестьян одной из деревень перейти на хутора» и «отныне является деятельным и полезным членом комиссии» [5, с. 208].

В Горецкой комиссии (Могилёвская губерния), деятельность которой высоко оценена в Отчёте, также есть распропагандированные крестьяне, например, Григорьев, который «считается социал-демократом», хоть и человеком неглупым и развитым. Несмотря на интерес к хуторскому расселению и сочувствие комиссиям, он высказывает вредные с точки зрения правительства мысли: так, например, он «настойчиво возражал против постановления ст.24 Наказа, согласно коей из числа безземельных могут быть устраиваемы лишь те, кои лично занимаются земледелием на земле и имеют инвентарь; по его мнению, землёй должны быть обеспечены все безземельные», стремился к понижению оценки независимо от стоимости и доходности покупаемых Крестьянским банком земель [5, с. 209].

С тревогой пишут авторы отчёта о положении в Суджанской комиссии Курской губернии, где председатель земской управы Медведев оказался ярким сторонником партии князя Долгорукова (участника «Союза освобождения»). Медведев «на крестьян влиял вредно и делу землеустроительных комиссий не сочувствовал. В присутствии командированных Медведев держал себя сдержанно, но во время перерыва заседания настойчиво проводил перед курским губернатором мысль о необходимости отчуждения в пользу крестьян частновладельческих земель».

Проанализировав настроения крестьянства в обследованных губерниях, авторы Отчёта приходят к следующим выводам:

– «вопрос о земле вызывает напряжённое внимание и захватывающий интерес у крестьянства, к прочим сторонам политической жизни государства в массе своей равнодушного»

– «жалобы таких комиссий как Порховская на равнодушие к ним крестьян объясняются прежде всего тем, что они сами ничего не сделали ко времени посещения их командированными лицами»

– «враждебные нынешнему правительству «левые партии» встретили землеустроительные комиссии недружелюбно», поэтому особую роль приобретает контрпропаганда и вовлечение крестьян в конструктивную деятельность по осуществлению реформы [5].

Библиографический список:

1. РГИА. Ф. 396. Департамент государственных земельных имуществ. Дело фонда. Л. 2-2об.
2. ПСЗ. Т. XXVI. 1906. Отд. I. № 27478.
3. Смета доходов и расходов по ДЗИГИ на 1913 г. С. 117; РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Дело фонда. Л. 5. / Существовавшая при Комитете канцелярия была упразднена постановлением Временного правительства с 16 мая 1917 г. Завершение производившихся в ней дел возлагалось на управление делами Главного земельного комитета.
4. Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. Документы, переписка, мемуары // 50 лет в России. М.: Русский путь, 2003. С. 623-625.
5. РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 32. Л. 159-183. Цит. по «Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод». Документы, переписка, мемуары. С. 184-218.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА РОССИИ

Ерохина Е.А.

В настоящее время остро стоит проблема совершенствования принципов федерализма и поиска новых оснований этнонационального и национально-государственного развития. В этой связи интерес вызывают модельные с точки зрения этнического разнообразия регионы и соответствующие им региональные сообщества, развитие которых как в капле отражает наиболее серьёзные проблемы РФ – ориентацию на сбыт ресурсов, навязанную сырьевую специализацию, низкую степень интегрированности локальных и региональных сообществ в единое социокультурное пространство страны, недостаточное развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры, демографическое сжатие населения азиатской части России при увеличении миграционного притока выходцев с Кавказа и Средней Азии. Одним из таких регионов является Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, этническая структура населения которого сформирована двумя этническими группами старожильческого населения (народами Севера и русскими), двумя группами «старых мигрантов», прибывших осваивать Севера в советский период (славянами – русскими, украинцами, белорусами и народами Поволжья – татарами и башкирами), а также новыми диаспорами, возникшими в постсоветский период (кавказской и среднеазиатской).

Югра представляет собой в настоящее время зону межэтнического сотрудничества представителей разных народов в социальном пространстве России. Можно выделить две актуальные с точки зрения этносоциального развития региона проблемы: 1) проблему сохранения культуры и

образа жизни старожильческого населения, прежде всего коренных народов Севера; 2) проблему адаптации и интеграции в принимающее сообщество иноэтничных мигрантов, выходцев с Кавказа и Средней Азии.

На основе исследования дана экспертная оценка состояния этносоциальной ситуации в округе, проанализированы тенденции развития этносоциальных процессов в региональном межэтническом сообществе Югры, выявлены ценностные ориентации в области межэтнических отношений.

В ходе экспедиции было обследовано два города (Сургут и Ханты-Мансийск) в Ханты-Мансийском автономном округе – субъект РФ, регионе – доноре российского бюджета. Здесь добывается около 60% российской нефти. Сургут является крупнейшим городом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а Ханты-Мансийск – его столицей. Высокий уровень доходов от добычи сырьевых ресурсов привлекает в регион представителей народов Кавказа (азербайджанцев, кумыков, лезгин) и Средней Азии (узбеков и таджиков). Как показывает сравнение результатов переписей 2002 и 2010, в этнической структуре населения Югры существенно возросла численность этих народов при небольшом сокращении количества и сохранении доли представительства русских, некотором численном росте коренных народов Севера (ханты и манси), существенном сокращении славянских народов (украинцев и белорусов), немцев, молдаван, чувашей.

Как отмечают эксперты, среди наиболее заметных изменений этносоциальной ситуации можно выделить увеличение доли мигрантов (84%) и усиление межнациональной напряженности (46%). При этом в Сургуте и других городах округа степень остроты межнациональных отношений и частоты конфликтов на межнациональной почве выше, по мнению экспертов, нежели в самом Ханты-Мансийске. Так, например, эксперты из Сургута выделили эти факторы в числе значимых причин изменения этносоциальной ситуации – 56 и 35% респондентов, эксперты из других населенных пунктов округа – 50 и 31% соответственно, тогда как эксперты из Ханты-Мансийска – всего 31 и 18%. Эти оценки не являются безосновательными. Они подтверждаются текущими изменениями этнической структуры населения округа.

По мнению 61% экспертов межэтнические отношения в округе за последние 2-3 года ухудшились. По данным нашего исследования, наиболее заметно это ухудшение ощутили сургутяне (65%, отметивших ухудшение, против 25% респондентов, не заметивших изменений), наименее – жители Ханты-Мансийска (54 и 33% соответственно). Народы Севера более остро почувствовали это ухудшение, нежели русские (71 против 63%).

Среди значимых тенденций развития межэтнических отношений в региональном межэтническом сообществе Югры наблюдается рост этнической мозаичности при дистанцировании региональной власти от решения проблем, вызванных ею. Общественное мнение стремительно поляризуется. Хотя Сургут и многие другие населенные пункты в Югре имеют давнюю историю, подавляющее большинство жителей округа сами являются мигрантами в первом или втором поколении. Тем не менее, в региональном сообществе зреет убеждение, что в ухудшении ситуации виновны сами мигранты. Так, например, 61% респондентов связывает причину усиления межэтнической напряженности в округе с увеличением доли мигрантов. В то же время региональная власть предпочитает перекладывать бремя решений нестандартных ситуаций на муниципалитеты.

Оценивая уровень конфликтности межэтнических отношений как средний, эксперты высказывают беспокойство по поводу неуважения к национально-культурным особенностям разных народов (55%), разжигания розни различными, в том числе криминальными, группировками (37%), борьбы за престижные и доходные рабочие места (25%).

Одной из самых существенных проблем является, по мнению экспертов, несовершенство национальной политики (48%). Если власть избегает поднимать определенные вопросы в информационном пространстве, такое замалчивание способно усиливать взаимное непонимание. Любой, даже бытовой конфликт, может быть интерпретирован его участниками в этнических терминах. Нежелание увидеть этническую составляющую в спорной ситуации нередко приводит к

таким недоразумениям, которые приходится разрешать уже силовыми средствами. Конфликт развивается по своим законам и умение перевести его в позитивное для развития русло как раз и отличает компетентного управленца от чиновника, действующего согласно букве закона, но не его духу.

По мнению экспертов, в настоящее время эффективной национальной политики в Ханты-Мансийском округе нет (42%), либо о ней ничего определенного нельзя сказать (30%). При этом наиболее категоричны в негативной оценке русские (49%). В числе приоритетных для государства областей регулирования межэтнических отношений эксперты на первые места ставят миграционную политику (74%), правоохранительную (51%) и связанные с ними направления деятельности по интеграции мигрантов в российское принимающее сообщество: улучшение нормативно-правового регулирования (54%), повышения степени занятости населения (49%), эффективности системы образования (46%) и молодежной политики (41%).

Эксперты в своем большинстве оценивают сложившуюся к настоящему времени модель регулирования межэтнических отношений как региональную с сохранением поддержки определенных этнических групп (63%). В ближайшем будущем, по мнению многих, она подвергнется трансформации. Однако единства мнений по поводу вектора трансформации нет. Часть экспертов полагает, что мере развития глобализационных процессов этнические различия будут становиться незначимыми, сама Россия все более и более будет приближаться к мультикультурной модели управления этническим многообразием (39%). Другая часть экспертов убеждена, что наиболее вероятным является усиление общероссийского гражданского патриотизма и ослабление национальных различий (35%).

Эти ответы косвенным образом подтверждают, что эксперты связывают рост межэтнической напряженности с усилением этнического многообразия. Наиболее желательной для части респондентов оказалась гражданская модель с перспективой перехода к административно-территориальному устройству (42%). Для другой части привлекательность сохранила региональная модель (32%). Немалую часть составили и приверженцы глобализационной модели с опорой на мультикультурализм (26%).

Ценностью для населения Югры остается, по мнению экспертов, объединяющая роль русских. С высказыванием «Национальное возрождение народов России невозможно без национального возрождения русского народа» полностью согласились 62%, скорее согласились, нежели нет 25% респондентов.

Из личных наблюдений стало очевидным, что патерналистская модель управления этническим многообразием округа, которая осуществлялась экс-губернатором А.В. Филиппенко, пришла в упадок со сменой власти. В настоящее время региональная власть предпочитает перекладывать существующие в этой сфере проблемы на муниципалитеты, изредка отмечаясь эффектными пиар-акциями, ориентированными на федеральный центр, как, например, в деле с нижевартовским спецназовцем, которого задержали силовики Чечни по подозрению в военных преступлениях в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе в 2000 г. Губернатор Н.В. Комарова лично выезжала в Москву, в администрацию Президента и Правительство, с ходатайством о возвращении югорского силовика домой. Чрезвычайное происшествие с омонцем из Югры – проявление противоборства между силовыми структурами Чечни и соответствующими структурами округа. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что при всем значимости местного самоуправления в регулировании межэтнических отношений данная проблема требует решения на региональном и федеральном уровнях. Этничность остается не только культурной и социальной проблемой, но и политической. Следовательно, она должна решаться и как политическая проблема, т.е. на региональном и центральном уровнях государственной власти.

Самой острой социальной проблемой в сфере межэтнических отношений остается проблема коррупции. Хотя она и не рассматривалась специально в рамках данного исследования, в числе самых острых проблем для будущего регионального межэтнического сообщества эксперты назвали

те стороны жизни, которые связаны с коррупцией: на первом месте по остроте оказалось усиление криминогенной обстановки (51%). На третьем месте эксперты отметили незаконный вывоз прибыли за пределы округа, что, без сомнения, также имеет свою коррупционную составляющую (43%). Наконец, в разрушении традиционной среды обитания виновны не только жители округа, но и нефтедобывающие компании, с нарушениями ведущие свою хозяйственную деятельность. Этот фактор оказался вторым по остроте в экспертных оценках (49%).

Таким образом, данное исследование подтвердило первоначальную исследовательскую гипотезу о Югре как регионе в высокой степени межэтнической напряженности, вызванной миграционным притоком в округ, который развивается в настоящее время как ресурсная кладовая, из которой центральная власть черпает поступления в федеральный бюджет. При этом дискурсивные способы управления этническим многообразием региона все менее востребованы на фоне доминирования административных, а нередко и силовых инструментов.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ*

Желнина Е.В.

Важным требованием современности является расширение объёма использования инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества – создаёт благоприятную почву для возникновения целого ряда противоречий, которые приводят к нестабильности и конфликтам. В связи с этим возникает вопрос о необходимости разработки и использования гибких социальных технологий управления инновационной активностью субъектов, соответствующих постоянно меняющимся условиям их (социальных субъектов инновационной активности – прим. автора) функционирования. Удобно выстраивать данные технологии на основе моделей, показывающих взаимодействие и взаимовлияние факторов, наиболее существенно проявляющихся в инновационных процессах.

Основной задачей рассматриваемого нами метода является на основании сходства с существующим объектом воспроизвести другой (модель), который заменил бы его в целях упрощения дальнейшего изучения и анализа. Модель может быть определена как некий (с определёнными допущениями) аналог оригинала. Особо необходимо сказать об указанных допущениях, касающихся схожести оригинала и модели. Во-первых, модель должна иметь конкретное сходство с оригиналом, но в то же время, не повторять его. В последнем случае сама процедура моделирования непременно потеряет всякий смысл. Во-вторых, совершенно не допустимо моделирование без учёта определённых тенденций, топологических характеристик и свойств объекта, поскольку в данном случае модель не даёт должного представления об оригинале.

Что касается моделирования, то оно представляет собой очень продуктивный, многофакторный метод исследования объекта. Можно утверждать, что моделирование является одним из способов познания, изучения посредством подробного описания и дальнейшего анализа изучаемых объектов: предметов, явлений, социальных процессов, систем. Такой большой спектр перечисленных объектов моделирования говорит о том, что, по существу, сферы применения этого метода познания не ограничены, им могут быть охвачены практически все процессы, которые необходимо исследовать. Но, важно заметить, несмотря на то, что моделирование органично присуще познавательному процессу, его не следует считать единственным и достаточным методом познания.

Моделирование в сфере социальных процессов и отношений может выполнять большой круг различных целей и задач. Наиболее важными и практически полезными являются возможности определения оптимальной структуры социального объекта и предсказания его будущего поведения и развития (например, определение оптимального количества уровней иерархии социальной организации в целях сокращения времени и устранения дублирующих функций или выявление

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-13-63003)

наиболее эффективных направлений социальной коммуникации на предприятии, обеспечивающих транспарабельность (прозрачность) его функционирования).

Применительно к социологии, моделирование представляет собой метод исследования социальных объектов на основе их моделей. Другими словами – это опосредованное изучение, в процессе которого во вспомогательной системе (модели) социальные отображаются объекты. Данная модель замещает в познавательном процессе оригинал и позволяет получать новое знание о предмете исследования. Моделирование как метод познания действительности достаточно широко применяется в исследовании разнообразных социальных процессов, явлений и объектов. Для того, чтобы обеспечить эволюцию, развитие общества, необходимо изучать его, определяя его структуру, анализируя имеющиеся тенденции, выстраивая прогнозные сценарии и отслеживая их. Наличие информационной базы социальной информации об обществе будет способствовать повышению качества эффективности его исследования. Часть наблюдаемых проблем, легко поддающихся количественному исчислению, может быть формализована, выражена в цифровом формате и проанализирована посредством методов математического моделирования. Но, важно отметить, что далеко не все социальные процессы и явления могут быть измерены и проработаны в количественных показателях. Сложность заключается в том, что данный тип моделируемых объектов отличается высокой вариативностью, зависимостью от большого числа разнообразных факторов, которые в различных условиях воздействуют неоднозначно, а также наличием подвижных причинно-следственных связей различной интенсивности. Кроме того, необходимо учитывать, что субъектом социальных процессов является человек, мысли, потребности, чувства и поступки которого также не поддаются числовому отображению. В связи с этим, при изучении социальных объектов незаменимыми становятся методы, позволяющие проводить анализ качественного содержания исследуемого процесса или явления. Поэтому необходимы особые модели, которые позволили бы осуществить более глубокое познание исследуемых объектов и на основе этого выявить основные их характеристики и возможности последующего их развития.

При рассмотрении моделирования как исследовательского процесса необходимо определить его основные цели. Принимая во внимание сложность, тонкость и остроту социальных объектов, на основе анализа многочисленных теоретических источников и отчетов практических работ можно выявить следующие цели их моделирования:

- адекватное отображение существующего состояния социального объекта, описание его основных свойств, ключевых параметров и специальных характеристик;
- выявление основных противоречий, определение возможных проблем в функционировании социального объекта и оценка их последствий;
- выявление факторов, воздействующих на социальный объект проводимого моделирования, определение их направленности (конструктивный или деструктивный), силы влияния на объект, а также их последствий для функционирования и жизнедеятельности социального объекта;
- определение тенденций развития социального субъекта моделирования на основе анализа выявленных условий, проблем и факторов, разработка сценариев будущего развития исследуемого объекта;
- поиск оптимальных путей развития, а также исследование наличия наиболее эффективных и приемлемых способов и методов выполнения социальных задач, поиск альтернатив разрешения социальных противоречий и конфликтов;
- активизация деятельности происходит в результате демонстрации проблемных зон в развитии объекта моделирования и путей выхода из них. Знание возможностей преодоления кризисных ситуаций, как правило, мотивирует исполнителя на активность.

В ходе создания модели инновационной активности промышленного предприятия (во время проведения теоретических и эмпирических исследований, направленных на обоснование концепций, факторов и требований) важное значение имеет оценка эффективности применения полученной модели в возможных реальных условиях функционирования современного промышленного

предприятия. Необходимо отметить, что оценка эффективности является неперенным этапом, присутствующим в общепринятом и универсальном алгоритме процесса моделирования. Важность обеспечения реальности прогнозных вариантов развития и интенсификации инновационной активности с учётом этапов его разработки, адаптации и внедрения обуславливает необходимость прогнозирования возможных изменений не только в функционировании самого предприятия, но и его ближайшего и даже отдалённого окружения (рынок и конкурентная среда, социальная сфера, политическая обстановка и т.д.).

Несмотря на это, традиционно понимание процессов функционирования промышленных предприятий отождествляют с возможностью их точного количественного анализа, результаты которого вполне укладываются в плановые и фактически полученные показатели эффективности хозяйственной деятельности. Подтверждением этого является применение для моделирования таких методов исследований как марковские случайные процессы, метод динамики средних, метод статистических испытаний (метод Монте-Карло) [1; 2; 3; 4], которые широко используют математический аппарат теории вероятностей.

Для реализации целей работы (создание модели инновационной активности промышленного предприятия) могут быть с высокой долей эффективности применимы следующие виды моделирования:

- концептуальное моделирование. В данном случае вся имеющаяся в ведении автора-исследователя информация, совокупность данных и фактов об изучаемом объекте интерпретируется посредством естественного или искусственного языков, а также с помощью специальных знаков, символов, операций над ними;

- физическое моделирование. В результате данного процесса модель и познаваемый объект являются действительными предметами, системами или процессами, обладающими общей или разной физической основой;

- структурно-функциональное моделирование. Модель данного формата представляет собой схемы, блок-схемы, графики, чертежи, диаграммы, таблицы, рисунки, выполненные в соответствии со специальными правилами их объединения, преобразования и анализа;

- имитационное (программное) моделирование. В ходе программного моделирования создаётся алгоритм функционирования изучаемого объекта-оригинала, который реализуется в виде программного комплекса для компьютера, который в дальнейшем в целях проверки и накопления статистики воспроизводит данный алгоритм и выдаёт различные варианты дальнейшего развития событий.

Принципиально важно отметить, что все виды моделирования, перечисленные выше, «не являются взаимоисключающими и могут применяться при исследовании сложных объектов либо отдельно, либо в некоторой комбинации» [5].

Библиографический список:

1. Квейд Э. Анализ сложных систем. М.: Советское радио, 1969. 520 с.
2. Вентцель Е.С. Исследование операций. М.: Советское радио, 1972. 552 с.
3. Чуев Ю.В., Михайлов Ю.Б. Прогнозирование в военном деле. М.: Воениздат, 1975. 279 с.
4. Абчук В.А., Матвейчук Ф.А., Томашевский Л.П. Справочник по исследованию операций. М.: Воениздат, 1979. 368 с.
5. Гуц А.К., Коробицын В.В., Лаптев А.А. Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование. Омск: Омский государственный университет, 2000. 160 с.

ПОМОЧЬ, НАКАЗАТЬ ИЛИ НЕ ЗАМЕТИТЬ? ИНСПЕКТОР ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА ВЫЕЗДНОЙ ПРОВЕРКЕ*

Журавская Т.Н.

Недропользование – один из самых жестко регулируемых видов деятельности. В России контролю подлежат все сферы деятельности недропользователей: жестко регламентируются безопасность объектов, выполнение различных видов работ, соблюдение контуров и иных условий лицензии и др. С инспекцией на участки добычи и производственные объекты приезжают сотрудники Росприроднадзора, Ротехнадзора, Россельхознадзора и пр. Большое количество правил и территориальная удаленность объектов контроля создают возможности для «свободы маневра чиновников», т.е. возможность «действовать по обстоятельствам» [см. об этом: 1]. Сами проверяющие в праве решать, как проводить проверку. Например, ехать или не ехать на участок, уведомить о проверке заранее или организовать рейд, где и как брать пробы и брать ли их вообще, когда подписывать распоряжения и акты о проверках и пр.

Почти все нарушения, за исключением уровня загрязнения среды, можно увидеть невооруженным глазом. Часть нарушений успевают устранить до приезда инспекции. Иногда, ожидая инспекции, останавливают работу на участках, чтобы, например, полить дороги (снижает запыленность) или дать воде отстояться. Но множество нарушений все равно остается.

Однако инспекторы не спешат выписывать штрафы. Это тем более странно, что существует негласная «палочная система» проверок, устанавливающая, какое количество нарушений нужно найти на одну проверку (не менее) или какой должна быть минимальная сумма штрафа [см. об этом аналитические отчеты ИПП ЕУСПб: <http://enforce.spb.ru/>]. Эти показатели в дальнейшем засчитывают при оценке качества работы службы. Как правило, абсолютно «чистой» проверки не бывает^{1**}. Таким образом, главный вопрос исследования – почему в ходе проверок не фиксируются все нарушения недропользователей?

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания» [2, с.104]. Легитимация требуется участникам, прежде всего, в ситуации конфликта или в «критические моменты» в терминологии Л. Болтански и Л. Тавено, и предполагает, кроме всего прочего, осознание некоторой несправедливости или неэквивалентности [3]. Ситуацию проверки и выявление нарушений можно рассматривать как конфликт между государством в лице инспекторов и бизнесом в лице недропользователей. Более того, когда не фиксируются все нарушения проверяемых объектов, инспектора находятся в ситуации внутриличностного конфликта, поскольку закон предписывает им выполнение некоторой роли. Т.е. для того, чтобы не фиксировать нарушения, им требуется моральное оправдание или легитимация своих действий для себя самих или перед начальством, а для того, чтобы нарушения фиксировать, – легитимация своих действий перед проверяемыми.

В данном исследовании рассмотрено то, как инспекторами обосновывается выбор тех или иных нарушений, подлежащих определенным санкциям, т.е. как их действия становятся легитимными. Мы используем схему М. Зухмана, который выделяет прагматическую легитимность (pragmatic legitimacy), которая опирается на личные корыстные интересы, моральную (moral), основанную на представлениях о справедливости, и когнитивную (cognitive), основанную на ощущениях правильности и законности, воспринимаемая как нечто само собой разумеющееся, т.е. культурно укорененное обоснование [4, с.579-582].

Описанные ниже способы легитимации своих действий были выявлены в ходе полевого исследования: включенного наблюдения летом 2012 и 2014 гг., когда автор непосредственно

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-32-00029 «Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ»)

** По словам одного из проверяющих, «если нарушений нет, это значит, что либо проверки не было, либо мы им что-то должны».

присутствовал при проверке 11 золотодобывающих предприятий в северном районе Амурской области. Также использованы материалы интервью с инспекторами федеральной службы, посредниками и представителями предприятий (2011-2013 гг.).

Можно выделить 7 различных способов обоснования при выборе фиксируемых нарушений, ведущих к обретению их решений легитимности.

1. *«Выписываем то, за что заплатят»*. Наложённые санкции становятся активом инспектора и ведомства, но при этом на плечи инспектора ложится и ответственность за их исполнение. Показателями качества работы ведомства и каждого отдельно взятого инспектора являются не только количество выявленных нарушений, но и количество оплаченных штрафов, выполненных предписаний, отмененных дел и пр. Это значит, что нарушения оцениваются по принципу их выполнения в перспективе. Безусловно, это прагматическая легитимность, т.е. фиксирование тех нарушений, которые, с большой вероятностью принесут ожидаемые выгоды. Так, прежде всего проверяется уровень добычи, поскольку такого рода нарушение скрыть никак нельзя и это стопроцентное попадание. Такой способ легитимации используется, прежде всего, перед коллегами и начальством, но работает и с недропользователями.

2. *«Едим туда, куда можно доехать»*. Плохая проходимость дорог или вовсе их отсутствие, неблагоприятные условия переправы через водные объекты существенно осложняют проверку: на многие участки добычи можно добраться только на спецтранспорте. При этом далеко не все транспортные расходы покрывает ведомство, потому доставку на объекты контроля часто берут на себя недропользователи. Безусловно, такие объекты уже заранее готовят к проверке, в нашем случае на одном из участков остановили работу драги под предлогом непредвиденного ремонта. В этом случае достигается негласный компромисс: вы нам показываете то, что хотите показать, т.е. сами выбираете участок для проверки, а потому берете на себя организацию доставки на объект. Проверка остальных участков тогда просто имитируется на бумаге. В этом тоже можно увидеть прагматическую легитимность в действиях инспекторов, поскольку так минимизируются финансовые и физические затраты на проведение проверки.

3. *«У всех так»*. Этот вариант легитимации основан на некотором представлении о «справедливых штрафах». Выбор в пользу фиксации того или иного нарушения осуществляется в зависимости от размера предприятия и характера его деятельности. Далее учитывают средний для таких предприятий размер штрафа или иные обычные санкции. Что и в каком объеме будут фиксировать обсуждают до проверки или после с начальством предприятия, хотя не так происходит не всегда. Предполагается, что и сами недропользователи осведомлены о том, что обычно фиксируют проверяющие.

4. *«Им это не под силу»*. Еще один вид моральной легитимации – фиксирование минимальных нарушений для мелких предприятий или низкодоходных видов деятельности. Так, часто ограничиваются предписаниями и минимальными штрафами для предприятий ЖКХ, поскольку они, во-первых, выполняют важные социальные функции, во-вторых, их доходы гораздо ниже, чем, например, у тех, кто добывает золото. Часто такие «услуги» прикрывают риторикой помощи и поддержки мелких предпринимателей: инспектора расспрашивают о том, местный ли это капитал, обещают «спасти» и оказать иную помощь.

5. *«Они наши друзья»*. С теми, кого проверяют уже не в первый раз те же самые инспектора, устанавливаются дружеские отношения. Инспекторов не просто доставляют на участки, их также кормят и поят, ищут место в гостинице, ведут задушевные застольные беседы. В свою очередь, инспектор делится нюансами законодательства, подсказывает, к кому лучше обратиться за документами, предупреждает о внеплановых проверках. Проверка таких предприятий прикрыта риторикой дружбы, которая, возможно, распространяется лишь на время проверки. Однако, вывод один – друзей не наказывают, друзьям помогают.

6. *«Этих сказали не трогать»*. Для каких-то предприятий нарушения почти совсем не фиксируются, причина тому – прямое указание начальства. При этом будут ли «трогать» или нет

кого-то из недропользователей не зависит от размера предприятия, но просто стараются не трогать тех, у кого нет плановой проверки. На наш взгляд, это можно отнести к когнитивной легитимности, поскольку указание начальства воспринимается как нечто вполне естественное и само собой разумеющееся.

7. «*Это не моя тема*». Как уже отмечалось, множество нарушений можно увидеть невооруженным глазом. Однако каждый инспектор фиксирует только то, что относится к его компетенции (заметим, что редко на участки добычи или иные подконтрольные объекты выезжает вся группа проверяющих). При этом они прекрасно осведомлены о том, какие другие нормы нарушены. Это касается и правил, находящихся в компетенции службы, и тех, которые относят, например, к противопожарной безопасности. Во-первых, инициатива наказуема, во-вторых, не стоит отбирать хлеб у своих коллег. Это воспринимается как обычная и понятная норма, мы относим этот вариант к когнитивной легитимности.

Допускаем, что это далеко не полный набор «оправданий» инспекторов, но уже сейчас кажется парадоксальным один вывод. Если вспомнить о том, для чего созданы контролирующие службы, то удивительным кажется, что в способах обоснования своих действий нет того самого, главного: *фиксирование и пресечение прежде всего тех нарушений, которые наносят наибольший ущерб или являются потенциально опасными*. За весь срок полевого наблюдения автор ни разу не встречал такой постановки вопроса, хотя оно кажется наиболее логичным в описанной ситуации.

Библиографический список:

1. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С.36-47.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.
3. Болтански Л., Тавено Л. Социология критической способности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Том. III. № 3. С.66-83.
4. Suchman M. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20 (3). Pp. 571-610.

СОЦИОЛОГИЯ – КЛЮЧ В ВЫЯВЛЕНИИ ПРОБЛЕМ РЕГИОНОВ

Иванов Д.В.

Социологи являются один из самых эффективных инструментов получения информации, связанных с теми или иными отраслями общества и общественных настроений. Благодаря социологическим методам исследования можно глубоко внедриться в проблематику и на основании полученных данных, вынести проблему на обсуждение коллегиального решения.

Сегодня, в дни нестабильности во всех сферах общества, как политических, так и бытовых, мы должны вспомнить и сохранить целостность социального организма, который необходим для устойчивости общественного строя.

Социология – это ослепительное и захватывающее предприятие, чьим предметом является поведение людей как социальных существ [1].

Востребованность социологов очевидна. Социологи работают в СМИ, избирательных кампаниях, общественных организациях, предприятиях, имеющие прикладные и PR-агентства, государственных учреждениях и и др.

Социология повседневно встречается в нашей жизни: повышается динамика увеличения рабочих мест для преподавателей социологических наук всех уровней. В этом смысле, социология, как наука, имеет место развитию и прогрессированию, поскольку социологи прогнозируют те или иные действия, процессы, изменения во всех сферах деятельности человека. Также это относится и к изучению процессов стран мира и регионов стран. Социальная политика вырабатывается в ходе

социологических исследованиях, которые раскрывают социальные структуры этих районов или регионов – изучение приоритетов направления решений проблем в социальной сфере.

В данном случае, социология охватывает проблемы, касающиеся жизни региона, его потенциала, культуры, политических настроений и перспективы на дальнейшее существование.

Важнейшее значение здесь играет социальный потенциал, значение индивидов и социальных групп в своих взаимодействиях и ориентаций, направленных на достижение определённого благосостояния всего общества.

В Российской Федерации 85 субъектов, каждый из них уникален ко общественному устройству: каждый имеет свою историю, историческую культуру, ресурсный и общественный потенциал. Для необходимой устойчивости всего государства и отдельных регионов необходимы социологические исследования, которые позволяют обнаружить и понять социальные процессы, позволяющие оценить образ жизни, характер поведения общества.

Человеческая общность имеет особо сложную и характеризующиеся соединенностью множеством пространств: политические, культурные, этнические, экономические и множеством других. Различность этих пространств является нормальным социальным явлением. Регионы имеют свою историю, свой быт и ресурсы. Это можно увидеть по результатам выборов в нашей стране, кадровым потенциалам, бюджетам регионов, настроением, развитием и т.д. [2]. Но, в определённых моментах, точки соприкосновения в некоторых сферах имеет стойкость территориального образования как самих регионов (Башкортостан, Татарстан), так и всего государства. Одна из важнейших причин этого явления можно смело отнести императивность. Именно она позволяет с течением времени адаптироваться обществу в это пространстве.

Вспомогательным инструментом для социологов должно являться местное самоуправление. Органы МСУ должны оказывать свободу для деятельности социологов, поскольку они дают информацию о тех или иных настроениях и процессах в обществе, которую необходимо применять в решении определённых вопросах, как на местном уровне, так и на региональном и федеральном. Это означает, что управление за управление региональных структур и общественных движений должны контролировать в первую очередь руководство местного самоуправления. Ответственность за принятие решений требует в наши дни всё больше информации, беспрепятственного доступа к ней, для возможности более профессионального разрешения той или иной ситуации, стоящей перед обществом. Специалисты определённых социальных сфер теперь в значительной прогрессии появляются и на местах, благодаря стимулированию местных властей для подготовки определённой базы для принятия качественного профессионального решения.

Общество вышло на постиндустриальный уровень – теперь оно более информативно и свободно. Информация в источниках СМИ и других теперь является основным источником адаптации к современной реалии, что во многом является эффективным инструментом.

Поэтому роль социологов в выявлении и решении проблем регионов является одной из важнейших, с которой надо считаться органам местного самоуправления и научным центрам, которые, кстати, тоже напрямую в первую очередь, зависят от социологического мнения.

Библиографический список:

1. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
2. Введение в экономическую и социальную географию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.plam.ru/nauchlit/vvedenie_v_yekonomicheskuyu_i_socialnyuyu_geografiyu/p6.php.
3. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Иванова Т.Н., Безденежных П.В.

Современная наука концентрирует внимание на теоретической разработке концепции и структурно-организационных моделей компьютеризации образования, так как на данный момент, ввиду отсутствия стабильных позиций в этом вопросе, реальная компьютеризация учебного процесса на местах фактически отсутствует.

Обоснование безотлагательной необходимости внедрения информационно-компьютерной и микропроцессорной техники в образовательную практику содержит два основных, тесно связанных между собой слагаемых. Во-первых, огромные технико-операционные возможности компьютера несут в себе несравнимый с ранее применявшимися техническими средствами обучения, дидактический материал, который может и должен быть реализован в учебно-воспитательном процессе. Во-вторых, подлинная действенность научно-технического прогресса (а широкое применение компьютеров – одно из ярчайших его проявлений) в решающей степени зависит от подготовки кадров на уровне современных требований.

Наряду с преимуществами таких средств обучения, как например, сохранением времени, возможностью удаленной работы с преподавателем, широким спектром доступной информации и другими, существуют и недостатки, связанные с тотальной индивидуализацией. Индивидуализация сводит к минимуму ограниченное в учебном процессе живое общение преподавателей и студентов, учащихся между собой, предлагая им общение в виде «диалога с компьютером или сотовым телефоном». Это приводит к тому, что речь обучаемого притупляется, становится немногосложной. Студент не получает достаточной практики диалогического общения, формирования и формулирования мысли на профессиональном языке.

Кроме того, работа посредством подобных программ во время обучения, к примеру, лекций или семинарских занятий, зачастую отвлекает внимание как студентов, так и преподавателей. В результате этого первые не могут усвоить должным образом необходимый для них учебный материал, а вторые, сбиваясь с важной мысли, отвлекаются от основного русла изложения учебного материала, тем самым изменяя правильность порядка излагаемой информации.

Также стоит отметить, что использование информационных ресурсов, опубликованных в сети Интернет, часто приводит к отрицательным последствиям. Чаще всего при использовании таких средств срывает свойственный всему живому принцип экономии сил: заимствованные из сети Интернет готовые проекты, рефераты, доклады и решения заданий в университетах стали уже привычным фактом, не способствующим повышению эффективности обучения и воспитания молодого поколения.

Применение информационно-компьютерных технологий может не только помочь в развитии студентов как субъектов познания, практической деятельности, общения, самосознания, но и, наоборот, способствовать формированию шаблонного мышления, формального и безынициативного отношения к деятельности у молодых людей.

И, наконец, нельзя забывать о том, что чрезмерное и не оправданное использование большинства электронных средств обучения негативно отражается на здоровье всех участников образовательного процесса. Длительная работа за компьютером негативно сказывается на многих функциях нашего организма: высшей нервной деятельности, эндокринной, иммунной и репродуктивной системах, на зрении и костно-мышечном аппарате человека.

Все это делает проблему электронных средств обучения актуальной для исследования. Изучение влияния данных технологий на социальное поведение студентов позволяет рассмотреть положительные и отрицательные стороны их воздействия на процесс обучения молодых людей в высшем учебном заведении, а также с помощью эмпирической основы определить значимость использования этих средств в образовании.

Мы предлагаем провести исследование влияния информационно-компьютерных средств на процессы обучения студентов и управления вузом в условиях модернизации высшего образования на примере Тольяттинского государственного университета. В ходе этой работы мы постараемся определить отношение студентов к использованию и распространению различных электронных средств обучения в процессе образования, выявить негативные и позитивные стороны использования информационно-компьютерных технологий в процессе обучения студентов вуза и проанализировать типологию установок акторов образования на перспективы использования информационно-компьютерных технологий и развития информационной культуры в вузе.

Исследование проводится на основе мониторинга за 2012 и 2014 года, в ходе которого был проведен групповой анкетный опрос на месте обучения респондента в присутствии анкетера. Выборка составляла 420 человек (по 100 человек за каждый год соответственно), из них студенты гуманитарного направления и технического представлены в равном соотношении по 50 человек за каждый год. По типу выборка - целевая, где единицами отбора выступают студенты 2 – 3 курсов, очной формы обучения гуманитарного и технического направления Тольяттинского государственного университета, в возрасте от 17 до 22 лет. Программа данного исследования содержит пункт обоснования выборки, где прилагаются данные по генеральной и выборочной совокупностям, необходимые при проведении более точного аналитического исследования. В ходе исследования мы опросили 220 студентов 2-3 курсов за 2012 год, 48% из которых составляют юноши и 52% - девушки, а также 200 учащихся этих же курсов обучения в 2014 году, где представители обоих полов представлены в равном соотношении 50% на 50%.

Для сравнения приведем данные опроса компьютерной грамотности студентов, описанные в работе Л.Н. Макаровой, И.А. Ширшова и Т.К. Гапоновой «Компьютерная культура будущих специалистов в контексте их личностного развития». Согласно этому исследованию, более 85% опрошенных студентов как гуманитарных, так и технических специальностей оценили свой уровень знаний компьютера выше шести баллов (по десятибалльной шкале) [1]. Опыт показывает, что реальная оценка компьютерной грамотности студентов обычно существенно ниже их самооценки. На наш взгляд, это связано с тем, что в подавляющем большинстве ВУЗов отсутствует вступительный экзамен (тест, зачет) по компьютерной грамотности. Так, из 45 ведущих московских вузов экзамен по информатике предусмотрен менее чем в 10. К тому же билеты для экзаменов и тестов по данной дисциплине не содержат ни одного вопроса, связанного с практической работой на компьютере [2].

Как мы считаем, важным фактором, определяющим применение и использование электронных технологий студентами в процессе образования, являются цели, мотивы и заинтересованность молодых людей по отношению к информационным средствам обучения. Поэтому в первую очередь мы заинтересовались, с какой целью чаще всего учащиеся ТГУ применяют электронные технологии, и получили следующую картину. Количество молодых людей, использующих компьютерные технологии для того, чтобы «убить время» за три года резко уменьшилось: в 2012 году это число составляло почти половину опрошенных, а в 2014 году – всего 25%. А вот доля тех, кто применяет их для общения наоборот прилично возросла от 49% до 65%, причем разница ответов среди гуманитариев и студентов технических специальностей за 2014 год более чем заметна: 82% и 48% в пользу первых. Это может говорить, на наш взгляд, о различиях в ценностных ориентирах, основанных на особенностях учебной направленности студентов: у гуманитариев – это поддержание социальных связей по средством социальных сетей, сотового телефона, ICQ и других электронных возможностей, а у студентов технических специальностей в приоритете – изучение компьютерных программ, так ответило 40% данной группы опрашиваемых, в отличие от студентов второй группы, где этот вариант выбрало в половину меньше респондентов.

На наш взгляд, это может быть связано с тем, что из-за немалой нагрузки в университете молодым людям не хватает времени на анализ и обработку печатных изданий, различных учебников и пособий при подготовке к занятиям. Кроме того, в библиотеках нашего города не всегда можно найти нужную книгу, видимо, в особенности по техническим дисциплинам, отсюда возникает

проблема доступа учащихся к необходимой информации. А это в свою очередь подталкивает молодежь к использованию электронных средств обучения, которые в отличие от печатных работ доступны всем студентам независимо от их временного и пространственного положения.

Из этого следует, что наше предположение об использовании многими студентами электронных средств обучения, в частности сотовых телефонов во время проведения учебных занятий, с целью общения с друзьями или развлечения с помощью интернета, игр, различных чатов и т.п. подтвердилось. Стоит отметить, что подобное поведение студентов негативно влияет на качество их обучения, так как применение информационных технологий подобным образом приводит к тому, что учащиеся абстрагируются от преподаваемого учебного материала и, не усваивая его должным образом. Преподаватели в свою очередь так же, обращая внимание на звуки и шум, издаваемые данными электронными средствами, сбиваются с важной мысли, отвлекаются от основного русла изложения учебного материала, тем самым изменяя правильность порядка излагаемой информации. А частое скачивание студентами готовых работ с учебных сайтов приводит к уменьшению эффективности обучения и воспитания молодого поколения.

Образовательные планы студентов строятся на основе выявления их заинтересованности, касающейся электронных технологий. Из полученных данных видно, что большинство студентов как в 2012 году, так и сейчас в использовании компьютерных средств обучения привлекает в первую очередь меньшая затрата времени и сил на поиск нужной информации (обе группы респондентов ответили на данный вопрос почти одинаково, с разницей всего лишь в 6%). Примерно столько же респондентов отметили среди положительных сторон электронных средств обучения возможность редактирования, обработки и распечатки документов, с той лишь разницей, что в нынешнем году этот вариант выбрало на 12% больше, чем три года назад.

По нашему мнению, существенное значение в выборе использования информационных технологий в образовательном процессе имеют такие позиции, как польза, эстетические представления молодых людей о данных технологиях, удобство, доступность, безопасность и др. Именно поэтому мы предложили студентам оценить роль применения электронных средств обучения во время семинарских и практических занятий.

Таким образом, видно, что ни один из представленных проблемных вопросов не остался без внимания участников опроса. Различия же в ответах молодых людей предположительно зависят от особенностей преподавания в учебной направленности студенческих групп.

Как мы и предполагали, большое количество молодежи осознает негативное влияние электронных средств общения на процесс своего обучения, но как было отмечено ранее снижение временных, пространственных и финансовых барьеров благодаря данным технологиям нередко способствует применению их в процессе образования молодого поколения.

Итак, мы видим, что большинство отношение респондентов к использованию и развитию компьютерных технологий в вузе будет положительным по разным причинам, и эта оценка не изменится годами, а наоборот будет распространяться среди студентов вуза, подтвердилась отчасти. Поскольку за короткий период изменений и трансформаций информационно-компьютерных средств обучения респондентами было выделено множество негативных моментов данных технологий, а позитивное отношение было выбрано в основном по причине большой нагрузки в университете, из-за чего молодым людям не хватает времени на анализ и обработку печатных изданий, различных учебников и пособий при подготовке к занятиям, нехватки книг и необходимых изданий в библиотеках нашего города, в особенности по техническим дисциплинам, а это в свою очередь подталкивает молодежь к использованию электронных средств обучения, которые в отличие от печатных работ доступны всем студентам независимо от их временного и пространственного положения.

Библиографический список:

1.Макарова Л.Н., Ширшов И.А., Гапонова Т.К. Компьютерная культура будущих специалистов в контексте их личностного развития // Педагогическая информатика. 2003. №3. С.17.

2.Справочник для поступающих в ВУЗы. – М.: НТЦ «Университетский», 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academiaxxi.ru/Meth_Papers/Paper11.htm

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Иванова Т.Н., Чикишева С.Ю.

Коммуникацию мы рассматриваем как одну из форм социального взаимодействия людей, осуществляющего обмен мыслями и чувствами, мотивами и действиями с помощью знаковых (языковых) средств, в целях взаимопонимания и согласования совместной деятельности.

Коммуникация, как и деятельность, является одной из главных форм активности людей. В связи с этим увеличивается актуальность исследования проблем общения, проблем эффективного обмена информацией между людьми, возможностей достижения взаимопонимания в контактах между ними. Грамотность в сфере общения занимает все большее место в развитости личности человека.[1]

Современная семья всё больше претерпевает изменение в такую социальную общность, в основание которой – брачная связь, выстроенная на любви, взаимном уважении. В свою очередь огромное значение имеет коммуникация между членами семьи.

Коммуникация – это процесс, посредством которого осуществляются и складываются все разнообразные человеческие взаимоотношения, символы и знаки, а также средства для их передачи в пространстве и сохранения во времени. [2]

Коммуникация имеет возможность производиться во всех видах социального сознания – науке, искусстве, религии, политике, праве, семье, но явлением культуры она становится в той степени, в какой в её основании передана и воспроизводится гуманистическое умение человека располагать им же полученным знанием и его источниками.[3]

За последние годы система школьного образования значительно изменилась, родителям приходится в плотную заниматься процессом получения знаний их ребёнка. Школьная программа стала более сложной, часто дети не понимают темы домашнего задания, не могут разобраться в задачах, иногда даже бывают весьма рассеянными (как рассказывает одна мама о своем сыне: «...всегда теряет дневник, учебники, шарфы, даже портфель забывал...») и сталкиваются с недопониманием среди сверстников, учителей. Родители понимают, что внимание, помощь забота как никогда необходимы их школьнику, поэтому всячески стараются помочь разрешить возникшие у него проблемы.

Родители играют первостепенную роль в жизни ребёнка. Они влияют на процесс его социализации, на его успехи, неудачи и вообще на всю его жизнь.

Большая роль отводится родителям в сфере образования. На данный момент родители должны принимать непосредственное участие в образовательном процессе их ребёнка, начиная от покупки линейки и заканчивая сдачей денег в фонд класса.

В качестве первого метода выбрано анкетирование. Было опрошено родители учеников городских и сельских школ.

Обработка полученных данных производилась в компьютерной программе IBM SPSS Statistics.

Итак, перейдем к описанию социально-демографических характеристик респондентов, которые приняли участие в нашем социологическом опросе.

В ходе исследования мы опросили следующую совокупность респондентов: 316 человек. Процесс сбора информации проходил следующим образом: анкеты получали ученики начальной школы, те в свою очередь приносили их домой на заполнение родителям. Важно отметить, что 76%

респондентов оказались женщинами, остальные 24% – мужчины. Что касается демографических характеристик детей, то по данным опроса 49% составляют мальчики, 51% – девочки.

В исследовании активное участие принимали родители, чьи дети учатся в старших классах начальной школы, так как у респондентов уже имеется накопленный «опыт» в сфере школьного образования их детей.

Таким образом, 42% детей, чьи родители принимали участие в опросе, являются учениками четвёртого класса, 28% учатся в третьем классе 21% – во втором, и, наконец, 10% – в первом.

Среди опрошенных большую часть составляют люди с высшим образованием (52%), с большим отрывом по количеству респондентов (34%) оказались с начальным или средним образованием и, наконец, 14% составили респонденты, которые окончили среднюю школу.

В ходе опроса мы получили следующие данные, касающиеся состава семьи. Большая часть учеников, а именно 83%, проживает в полной семье (есть оба родителя), остальные 17% воспитываются в неполной семье (один родитель).

В общем можно отметить, что круг наших респондентов весьма специфичен (родители учеников городских и сельских школ), а так же придерживается весьма разнообразных точек зрения на качество школьного образования. Это позволяет нам проанализировать данную проблему и достигнуть поставленной цели.

Нынешние нововведения в системе школьного образования заставляют задуматься о дальнейшем обучении детей в школе, об их знаниях и умениях и в большей степени этим вопросом озабочены родители. Трансформация института образования накладывает большой отпечаток, как на эмоциональном, так и на материальном благополучии, как родителей, так и их детей.

Большинство родителей особое место в образовательном процессе их ребёнка отдают педагогам, а так же контролю за учебной успеваемостью и выбора школы, в которой должен учиться их ребёнок. Что касается услуг, предоставляемых школой (питание, дополнительные занятия, охрана, кружки, секции, фонд класса и т.д.), то они весьма разнообразны и родителям, естественно, приходится за них платить, но большинство респондентов придерживаются мнения, что образование должно быть бесплатным.

Как обычно мы представляем школьного учителя? Важны не внешние характеристики, а именно его склад ума, его ответственность, готовность провести ребёнка за руку в необычный, наполненный различными событиями, мир.

Среди всех проблем, которые могут возникнуть у ребёнка в процессе обучения в школе, мы выбрали самые основные, такие как освоение учебной программы, взаимоотношение с одноклассниками, взаимоотношения с учителем, поведение на уроках и переменах и представили их в анкетном опросе.

При освоении учебной программы у 61% школьников не возникает особых проблем, а вот 31% респондентов утверждают, что у их детей есть некоторые проблемы при усвоении полученных знаний.

Большинство родителей уверены, что их дети отлично чувствуют себя в коллективе, у них нет конфликтов среди своих сверстников и отношения вполне дружелюбные (64%), но вот 25% респондентов уверены, что в отношениях с одноклассниками у их детей возникают проблемы.

Значительный процент ответивших респондентов о проблемах, которые возникают у ребёнка в школе, утверждают, что в отношениях «учитель – ребёнок» существует взаимопонимание и не возникает весомых проблем (71%), однако, 20% родителей отмечают, что есть некоторые проблемы.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что родители принимают активное участие в помощи ребёнку при выполнении домашнего задания, они следят за временем, которое проводят их дети за учебниками и в курсе тех проблем, с которыми ребёнку приходится сталкиваться.

Чтобы у ребёнка не возникало проблем в процессе обучения, многие родители уверены в том, что необходимо стимулировать учебную деятельность ребёнка. В ходе нашего опроса, мы изучили то, каким образом родители чаще всего стимулируют ребёнка в учёбе. 60% стараются вызвать

интерес к новым знаниям, 56% респондентов отмечают, что необходимо контролировать успеваемость ребёнка в школе, 45% читают книги, 33% ответивших смотрят с детьми образовательные фильмы, передачи. Ставят в пример детей, которые учатся лучше 30% респондентов. Доля родителей, которые играют с ребёнком в интеллектуальные игры – 27%. 20% родителей посещают с детьми выставки, концерты.

Второй метод нашего исследования – интервью с использованием визуализации типичных ситуаций. В процессе подготовки проведения данного метода, нами были отобраны картинки, которые несут в себе типичные ситуации отношения родителей и ребёнка в процессе обучения в школе. Так же мы разработали список вопросов, которые использовали для того, чтобы направить респондента в нужное русло беседы. Все типичные ситуации были распределены по блокам, это помогло структурировано, последовательно и точно получить достоверную информацию.

Первый блок носит название: «Учитель глазами респондента». Здесь мы планировали представить образ идеального учителя. Для всех респондентов учитель их ребёнка обязательно должен быть понимающим, добрым, чтобы умел слушать и слышать каждого ребёнка. Авторитарный стиль обучения ни один родитель не поддержал, по их мнению, к ребёнку нужно найти особый, мягкий подход. Учитель для школьника должен быть примером.

Что касается гендерных характеристик, то здесь мы видим характерную особенность. Восемь из десяти ответивших считают, что «мужчина – учитель» это редкость. Родители уверены, что женщина в полной мере может дать все необходимые знания и умения для их ребёнка. Как отмечает одна мама: «Учитель начальных классов – это мамочка, которая все расскажет, отведёт в столовую и покажет, как нужно правильно жить в школе». Так же можно отметить тот факт, что родители, которые воспитывают мальчиков, положительно относятся к тому, чтобы учитель их ребёнка был мужчиной, так как именно мужчина может достойно и правильно воспитать их чадо.

Из вышесказанного можно сформировать образ идеального учителя. Это мудрая женщина, которая может найти подход к каждому ребёнку, которая умеет решать проблемы не криком, а своим умом. Ребёнок не должен бояться своего учителя, он должен ему доверять и тогда родители будут спокойны за своё чадо.

Подводя итоги данного исследования можно сделать выводы: для большей части подростков общение – развлечение; не малая часть детей на досуге занимаются не тем, чем хотелось бы чтобы они занимались родителям – это может привести к конфликтам, разногласиям; в основном родители всё ещё считают своих детей маленькими, в то время как дети думают, что они взрослые; юношам и девушкам важно, чтобы родители принимали их мнение во внимание; для родителей и подростков общение между собой играет одну из главных ролей.

Череду особенностей положения психологических свойств коммуникации между личностями родитель-ребёнок как «психологическая дистанция общения родителей», «независимость психологического пространства ребёнка» показывает автор следующего исследования: «Межличностные отношения родителей и психическое пространство ребёнка».

Для анализа результатов исследования автор сделал предположение, что своеобразие общения родителей, в частности эмоциональная близость в общении обуславливают перемены в личности ребёнка, в частности его автономности психологического пространства. Так же автор-исследователь предположил огромную немаловажность коммуникации родителя и ребёнка некоторых особенностей дистанции между личностями.

Коммуникативная отдалённость родителей представляет собой число взаимодействий между родителями и детьми, что относится к равнодушию ребёнка, интересу к ребёнку. В работе так же просматривается интерес к поведенческой дистанции, которая проявляется способностью находиться рядом с ребёнком, и делать что-либо вместе. Совокупности этого с близкой или средне близкой межличностной дистанцией имеет хорошее воздействие на становление самостоятельности у ребёнка.

Дистанция в коммуникации, имеющая отношение к выражению эмоций, их числа в сторону ребёнка, заметно не большая у женщин, чем у представителей мужского пола. Возможно, это зависит от врождённого предопределения женщины и от личностных гендерных качеств женщин. В поведенческом отдалении первенствуют мужчины.

Исходя из результатов данного исследования, можно сделать вывод, что между суверенностью психологического пространства детей, коммуникативной дистанцией и поведенческой дистанцией у родителей, межличностная дистанцией и авторитарностью родителя имеет место быть составляющая основу взаимосвязь, и мы имеем возможность заметить, что дистанция общения родителей воздействует на развитие суверенности психологического пространства ребенка. Это доказывает что общение между родителями и детьми очень важно как для одних, так и для других.

Библиографический список:

1. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1989.
2. Бориснёв С.В. Социология коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
3. Конечкая В.П. Социология коммуникации: учебник. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1997.

О ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММАХ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СЕМЬИ

Игбаева Ф.А.

Совершаемый в настоящее время переход экономики страны к рыночным отношениям протекает в условиях обострившейся демографической ситуации: сокращения численности населения в целом, и в трудоспособном возрасте, в частности, дисбаланса квалифицированной рабочей силы по отдельным отраслям народного хозяйства, роста безработицы и т.д. Все это объективно требует повышения научного уровня планирования и прогнозирования процессов воспроизводства населения и трудовых процессов на всех уровнях организации общества.

Население как основная производительная сила общества представляет собой условие экономического и социального развития, а его ресурсный потенциал имеет как количественные, так и качественные характеристики. Нам представляется, что сегодняшняя социальная политика, нацеливает на повышение значимости демографического фактора в развитии города, а это предполагает выход на проблемы качества населения.

Следовательно, задачи, стоящие перед социологией и демографией, еще более усложняются. Необходимо не только детально изучить механизмы взаимосвязи экономического, социального и демографического развития, особенности современной демографической ситуации, ее тенденции и последствия, но и сформулировать систему научно обоснованных рекомендаций по управлению развитием населения, семьи. Реализация этих задач возможна при помощи целевых комплексных программ, в рамках которых должны содержаться долгосрочные прогнозы демографического развития города, республики, страны.

К настоящему времени разработаны десятки программ: региональные, экологические, научные. Вместе с тем одной из главных задач управления социальными процессами в обществе должна стать, по-нашему мнению, разработка специальных социальных программ, направленных на оптимизацию воспроизводства населения и совершенствование брачно-семейных отношений на уровне города. Население города, представляя собой специфическую его подсистему, функционирует и развивается в системе экономических и социальных отношений, характер которых определяется всем социально-экономическим укладом общества.

Следует также учесть, что если демографическая политика в стране направлена главным образом на решение таких задач, как оптимизация процесса естественного воспроизводства, выравнивание уровней социального развития и регулирование межрегиональной миграции, то на уровне города, наряду с этими задачами, могут быть и специфические. К примеру, для одного города – это ликвидация перекосов в демографической структуре населения, для другого – сдерживание или усиление межгородской миграции, снижение детской смертности и т.д. [1, с. 153].

По-нашему мнению, целенаправленное, планомерное воздействие на развитие населения в нужном направлении можно осуществлять двумя путями: через изменение общественных отношений и через изменение условий материальной и социальной среды конкретного городского поселения. Поэтому, если мы поставили в качестве главной цели демографической политики в стране управление развитием населения, то на это должны быть направлены все проекты, программы решения и действия на всех уровнях общества. Безусловно, одним из главных направлений решения демографической политики в нашей стране, является повышение рождаемости и увеличение количества детей в семье. Поэтому, определяя методы и средства стимулирования рождаемости, необходимо позаботиться об адресности мероприятий. Государство обязано создавать все необходимые условия для нормального благополучного функционирования семьи, для полной реализации ее репродуктивного, воспитательного, экономического, производственного и другого потенциала [2, с. 111].

Целевая программа развития населения, семьи представляет собой документ, указывающий комплекс мероприятий, направленных на создание условий для оптимального воспроизводства населения, укрепления семьи и заботы о пожилых людях. Долгосрочная программа развития населения должна быть нацелена на решение узловых проблем, так или иначе касающихся направлений демографической политики. Интегральным блоком в этой программе объединяющего различные процессы развития населения – рождаемость, здоровье, воспитание подрастающего поколения является раздел «Семья». Очевидно, что данная целевая программа должна согласовываться с другими социальными программами и обязательно включать в себя задачи координации этих программ.

Любая программа, как известно, должна содержать определение целей, ресурсов и сроков реализации частных задач. Следовательно, для создания целевых комплексных программ по развитию населения необходимо, с одной стороны, определение общих направлений демографической политики в стране, с другой, – изучение характера конкретных демографических процессов, факторов, определяющих течение этих процессов.

Разработка целевых программ по регулированию воспроизводства населения города и развития семьи, по-нашему мнению, предполагает выделение следующих стадий (этапов):

- проблемно-аналитическая (изучение демографической ситуации в регионе и городе – рождаемость, смертность, брачность, разводимость, миграция, половозрастная структура населения, выявление общих и специфических тенденций воспроизводства населения и развития семьи);
- стратегически-целевая (формирование системы, «дерева» целей, разработка и описание основных задач, мероприятий программы, средств и путей осуществления поставленных задач);
- организационно-поисковая (определение основных исполнителей, координация их работы, сбор и обработка информации, специальные социально-демографические исследования);
- практическая (осуществление программы, контроль за ее выполнением, корректировка, включение в планы-программы более высокого порядка – региональный, республиканский и т.д.) [3, с. 20].

Эффективность программы «Семья» во многом определяется не только материальными возможностями государственных и социальных институтов, но и соблюдением методических принципов, обеспечивающих системность и комплексность этих программ. К числу таких принципов относятся:

- точный выбор и определенность задач, определяющих основу программ;

- дифференцированный выбор главных объектов регулирования: молодежь, не вступившая в брак, молодая семья без детей, многодетная семья, неполная семья, студенческая семья, лица, пожилого возраста и т.д.;

- определение характера регулятивных мер, их реальности и сбалансированности с текущими и долгосрочными планами экономического и социального развития региона, города;

- обеспечение непрерывности принимаемых мер и возможная локализация некоторых мер во времени;

- определение источников и объемов материальных, информационных затрат.

Городская или региональная программа «Семья» преследует главную цель – укрепление и развитие семейно-брачных отношений, создание условий для успешной социализации подрастающего поколения. Эта цель конкретизируется в таких задачах, как снижение доли бездетных и внебрачных семей, увеличение доли двух-трехдетных семей, сокращение детской смертности, смертности мужчин в трудоспособном возрасте, сокращение уровня разводов в молодых семьях, оптимизация миграционных перемещений трудоактивных семей.

В рамках программы «Семья» должны содержаться, на наш взгляд, и мероприятия, направленные на специфические группы, например, на укрепление молодой семьи. Набор этих мероприятий может быть достаточно широк, поэтому укажем лишь на некоторые из них. Данные нашего исследования показывают, что среди многих дестабилизирующих «внутренних» факторов семейной жизни выявляется несоответствие в представлениях молодых о семейной жизни и действительностью (примерно у каждого третьего). По свидетельству некоторых авторов, существует значительное завышение уровня знаний и уровня информированности у подавляющей части молодежи относительно санитарно-гигиенических знаний (психогигиена интимной жизни, сведения о наиболее безвредных и приемлемых средствах и методах контрацепции). Кроме того, обнаруживается необычайно высокое самомнение и невежество относительно этапов психического развития ребенка до 3-лет, и завышение оценки своих навыков по уходу за младенцем. Не случайно, видимо, свыше половины обследованных молодых супругов считают, что они недостаточно или плохо подготовлены к семейной жизни, а на вопрос анкеты: «Считаете ли Вы, что существует необходимость специальной подготовки молодежи к браку?» 58% женихов ответили утвердительно [4, с. 67].

Программа «Семья», в частности, должна опираться на изучение общественного мнения, потребностей различных категорий населения и типов семьи. В целом, государство должно проводить продуманную, эффективную демографическую политику, направленную на оптимизацию воспроизводства населения страны, улучшения качества жизни и социального здоровья семей.

В комплексе мер, направленных на оптимизацию и регулирование воспроизводства населения, развития семьи особое место занимают меры идеологического и социально-психологического характера. Наше исследование семей различного типа показало, что в современных условиях по мере удовлетворения материальных потребностей людей возрастает значение нравственно-психологических факторов в жизни человека и семьи. Формирование установок на число детей в семье, на способы проведения свободного времени, формы общения, супружеские ожидания и притязания все больше перемещаются в сторону духовно-нравственной сферы. В частности, снижение устойчивости, дестабилизация семейных отношений у определенной части населения связаны, видимо, с нарастанием новых видов ценностей, которые если и не препятствуют, то в какой-то мере способны приглушить «брачные ценности». Эти ценности во многом носят и реальный, и мифический характер, однако очевидно, что формируются они не только за счет целенаправленных усилий со стороны общества, государства, но и благодаря массовому обыденному сознанию. Отсюда возникает необходимость выработки специальных мер воздействия на общественное сознание [5, с.131].

Библиографический список:

1. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России в XXI веке. М.: ИД «Грааль», 2002. 247 с.
2. Новосёлова Е.Н. Равенство институтов семьи и государства как необходимое условие преодоления глобального демографического кризиса // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 108-118.
3. Игебаева Ф.А. К вопросу о прогнозировании демографического развития региона в современных условиях // Маркетинговые и социологические исследования: технология использования компьютерных программных средств. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. Пенза, 2010. С. 18-20.
4. Пасовец Ю.М. Демографический потенциал современной России в региональном разрезе // Социологические исследования. 2011. № 12.
5. Игебаева Ф.А. Lifestyle and stability of modern family // Global Science and Innovation. March. 23-24, 2016. Materials of the VII International scientific conference. USA. Chicago. 2016. С. 129-131.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Ильина В.А.

Женское движение – это разновидность социальных движений, организация общественной деятельности женщин, главной целью которой являются активные общественные действия для отстаивания интересов женщин разных социальных слоев, а так же влияние на государственную политику для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни. Под женским движением так же понимается совокупность множества разных женских объединений с фиксированным и нефиксированным членством [1]. Политологи современное женское движение изучают как элемент гражданского общества и как одну из форм женского политического участия. Поэтому по наличию женских организаций можно судить об уровне развития правосознания и гражданского общества в стране.

В XX в. произошло переосмысление роли женщины в обществе и, соответственно, воплотились в реальность многие идеи равноправия, однако проблемы гендерного равенства существуют и поныне. Женское движение по-прежнему активно в настоящее время, так как ставит перед собой не только цель достижения гендерного равноправия, но и, являясь неотъемлемым элементом гражданского общества, пытается решить многие социальные проблемы.

Борьба женщин за равноправие продолжается на протяжении двухсот лет. Принимать активное участие в общественно-политической жизни женщины начали в конце XVIII в. на Западе на волне освободительных либеральных идей эпохи Просвещения и под влиянием Великой Французской революции. Говоря о западном женском движении, его принято подразделять на три волны: 1) середина XIX в. – первая половина XX в.; 2) середина XX в. – 80-е гг. XX в.; 3) 90-е гг. XX века – до настоящего времени [2, с. 528]. Вначале основная цель феминистских организаций заключалась в борьбе за предоставления женщинам избирательных прав и получения равного доступа к высшему образованию, потом постепенно требования расширились и охватили все сферы социально-политической жизни общества [3, с. 44-50].

Женское движение России возникло в середине XIX в и энергично развивалось в дореволюционный период. Пик его активности пришелся на 1905 – 1906 гг., когда было создано множество массовых женских объединений. В Советском Союзе в условиях жесткого контроля все партии и организации были запрещены, и государство взяло на себя обязанность решить женский вопрос, что и было сделано в кратчайшие сроки. Иными словами, государство выполняло патерналистскую роль в обеспечении прав женщин и руководство считало, что равноправие между мужчинами и женщинами в СССР полностью достигнуто. Независимого женского движения в этот период не было.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с переменами в политической жизни страны для российского женского движения начался новый этап. С наступлением гласности и многопартийности появилась возможность для создания женских партий и организаций.

Значимым событием стал Первый независимый женский форум, прошедший с 29 по 31 марта 1991 г в г. Дубна Московской области. Ее участницы в своем итоговом документе пришли к выводу, что в нашей стране существует дискриминация женщин в политической, социально-экономической, а так же в культурной сферах и заявили о необходимости создания независимых женских организаций [4, с. 148-149].

В начале 1990-х гг. наряду с другими неправительственными организациями женские неправительственные объединения сразу стали достаточно активно развиваться с довольно широким спектром интересов. Их разнородность объясняется начальной стадией развития, потому что шел процесс поиска направлений для деятельности [5, с. 11].

Если говорить о периодизации женского движения в России в 1990 гг, то на этот счет существуют разные мнения. Мельникова Т.А. в своей исследовательской работе подразделяет женское движение 1990-х на следующие периоды [6]: 1) 1990 – 1991 гг. – формирование инициативных женских групп; 2) 1991 – 1992 гг. – появление информационных центров, занимающихся изучением положения женщин; 3) 1993 – 1995 гг. – активизация процесса объединения женщин под влиянием военного конфликта в Чечне и первый опыт парламентской деятельности, обусловленный успехом партии «Женщины России» на выборах в Государственную Думу 1993 г.; 4) 1995 – 1996 гг. – деятельность движения «Женщины России» во время избирательной кампании и попытка создания коалиции женских организаций; 5) 1997 г. – активизация женщин во время выборов, увеличение их числа в политических партиях и появление первой женщины-кандидата в Президенты.

Женское движение девяностых столкнулось с определенными проблемами. В первую очередь это были экономические трудности в связи с кризисом 1998 г. Так, известная организация «Движение женщин России», о которой было сказано выше, утратила свое влияние к концу десятилетия из-за ряда причин, связанных не только с экономическими проблемами, но и с внутренними разногласиями, потому что у нее не было привлечения новых сторонников. Поэтому организация проиграла на выборах в Государственную Думу в 1995 г и в 1999 г, а в последующих избирательных кампаниях уже не приняла участия [7].

В первое десятилетие XXI в произошли определенные изменения в характере женского движения нашей страны. Количество женских объединений наряду с другими независимыми организациями сильно сократилось из-за финансовых проблем, неразвитости гражданского общества и ужесточении законодательства.

Среди наиболее влиятельных организаций в последнее десятилетие следует отметить «Женское (гендерное) внутривластное объединение РОДП «Яблоко». Оно было основано 18 мая 2006 г. в ходе Всероссийской учредительной конференции в г. Екатеринбурге. Стоит так же отметить развитие женского православного движения. В декабре 2009 г при поддержке патриарха Кирилла прошел I Форум православных женщин в храме Христа Спасителя в Москве [8, с. 106]. По-прежнему действует «Комитет солдатских матерей»[9]. Комитет занимается регулярной отправкой гуманитарной помощи, принимает участие в миротворческих маршах, ведет розыск пропавших без вести военнослужащих. С 2004 он издает информационный бюллетень для своих региональных отделений.

Особое место в женском движении занимают центры женских гендерных исследований. Стоит отметить работу Тверского центра женской истории и гендерных исследований, основанного в 1999 г кандидатом философских наук, доцентом кафедры политологии Успенской В. И. Центр занимается научно исследовательской деятельностью, разработкой и внедрением учебных программ по гендерным исследованиям в учебные программы Тверского государственного университета, проводит ежегодные гендерные конференции.

Однако у многих возникает вопрос, а существует ли в настоящее время в России женское движение? Одни исследователи считают, что женское движение ныне настолько же неразвито в нашей стране, как и гражданское общество, поэтому вопрос о значимости его деятельности остается спорным. Другие полагают, что хотя сейчас женская гражданская инициатива, безусловно, переживает кризис, но, тем не менее, ее деятельность хоть и в небольшой мере, но проявляется.

В 2000-е гг. количество неправительственных организаций сильно сократилось и движение пошло на спад в связи с рядом проблем, с которыми ему пришлось столкнуться. В первую очередь, это отсутствие развитого гражданского общества в России. Государство не проявляет интерес к проблемам третьего сектора, не оказывает поддержку гражданских инициатив, а деятельность женских организаций вообще замалчивается в СМИ. В 2006 г. и в 2012 г. были приняты федеральные законы о внесении изменений в деятельность некоммерческих организаций, который фактически ограничили их регистрацию. Из-за этого отметились снижение количества неправительственных организаций, в том числе и женских, которые составляют всего 0,5% от числа объединений в нашей стране. Так же существуют внутренние разногласия среди женских организаций по причине отсутствия ярких женских лидеров, консолидирующей идеи и активного взаимного сотрудничества.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что женские организации не только осуществляют защиту прав женщин, но и решают различные социальные проблемы. Так же женское движение необходимо для повышения самосознания женщин, чтобы способствовать росту гражданской активности как самой многочисленной социальной группы. Однако в последние годы для нашей страны характерно негативное восприятие феминизма обществом, потому что отсутствует верное понимание того, что собой представляет женское движение и для чего оно нужно. Поэтому, на наш взгляд, необходимо проводить активную просветительскую работу в данном направлении, организовывать публичные дискуссии, подключать к содействию мужскую аудиторию и начать сотрудничать с другими политическими силами.

Библиографический список:

1. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
2. Латина С.В. Феминизм и гендерные исследования. Запад и Россия // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 528.
3. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 368. С. 44-50.
4. Итоговый документ Первого Независимого Женского Форума // Преображение (Русский феминистский журнал). 1993. № 1. С. 148-149.
5. Абубикирова Н.И. Справочник «Женские неправительственные организации России и СНГ». М.: Эслан, 1998.
6. Мельникова Т.А. Женское движение в политическом процессе современной России / дисс. докт. пол. наук. М., 2001. 498 с.
7. Тимшина Е.Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991-2011). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012.
8. Белова Т.П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 102.
9. Комитет солдатских матерей России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soldiers-mothers-rus.ru/history.html>

МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПЫТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Индербиев А.А.

Современные процессы глобализации, происходящие в настоящее время, оказывают существенное влияние на развитие различных процессов в обществе, наиболее уязвимым перед

влиянием оказывается современная молодежь. В век современных технологий и их стремительного развития перед молодыми людьми встает ряд вопросов, которые требуют незамедлительного решения. Порой эти вопросы касаются собственной безопасности и выбора правильного жизненного пути, который может определить его дальнейшее будущее.

Мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема национального, этнического, религиозного, социального и политического экстремизма стоит особенно остро. Мы каждый день слышим все о новых и новых случаях ксенофобии и национализма, главным участником которых является молодежь, как слой наиболее остро и чутко реагирующий на все изменения общества.

В этой связи актуализируется проблема профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде. Мониторинг ситуации показывает, что процесс вербовки в различные группировки террористического и экстремистского характера среди молодежи идет с активным использованием современных средств коммуникаций, среди которых можно особо выделить Интернет.

При помощи Интернета, идеологи экстремистских и террористических групп воздействуют на сознание, систему ценностей современного российского человека, в том числе молодежи. Зачастую это приводит к широкому распространению идеологии терроризма и экстремизма и несет угрозу безопасности российского общества в целом [1, с. 10-15]

Основная часть населения - это молодежь, и именно за ней будущее нашей великой страны. Связь экстремизма с молодежными движениями точно отражена в возрастной структуре экстремистских группировок, где преобладает молодежь. Основная масса террористов и экстремистов – люди в среднем от 20 до 30 лет. В результате работы межведомственной экспертной группы Чеченской Республики* по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде за последнее десятилетие удалось выявить семь ступеней вовлечения и вербовки молодежи в экстремистскую деятельность на Кавказе (эти ступени являются условными и обобщенными):

Первая ступень – отбор из среды, по группам и направлениям. На этом первичном этапе вербовщики отслеживают социальную среду, выискивая молодых людей недовольных своим социальным положением, обиженных на власть, потерявшие родственников в ходе боевых конфликтов на Северном Кавказе, задающие острые, злободневные вопросы и не получающие должного ответа и т.д. Как правило, они сомневаются в официальных трактовках ситуаций и готовы слушать иное мнение (часто радикальное), в том числе мнение джепроповедников и лжесвященников, которые дают искаженные трактовки тех или иных религиозных постулатов и обрядов.

Вторая ступень – кандидаты в кандидаты. На этой ступени происходит распределение кандидатов по направлениям работы, к которой их будут готовить и которой в дальнейшем они будут заниматься непосредственно. В результате изучения деятельности вербовщиков на данной ступени работы нам удалось выявить несколько основных направлений подготовки молодежи: «религиозники»; «интернетчики»; «мстители»; «современники»; «идейные»; «ничейные». Это можно обозначить как начало работы с обозначенным контингентом молодежи согласно психологической классификации – на сильных и слабых. Чем сильнее личность, тем больше внимания, усилий требуется приложить для втягивания его в преступную среду и последующего контроля и управления. Сильные – к ним особое внимание, вербовщики уделяет много времени для выискивания слабых мест в самой личности. Ведется обработка с использованием специфических методов психологического давления (таких как преподнесение информации в определенном виде, для создания необходимой картины видения мира и конкретных ситуаций). Именно молодым людям, попадающим в категорию «сильных» предстоит участвовать в активной деятельности экстремистской организации. К «слабым» относят тех, кто уже готов принять ту или иную ситуацию нужном ракурсе, не имеют своих твердых взглядов и не способны отстаивать свое мнение.

*В данную экспертную группу входят: Истамулов А.Л., Гайраханов М.С., Сайдаев И., Эльмурзаев Ш.В., Индербиев А.А.

Их роль в данном случае вспомогательная, в качестве помощников «сильных», то есть пособники экстремистов и их незаконных вооруженных формирований.

Третья ступень – начало работы по индивидуальной идеологической обработке, указываются «нужные» сайты, видео и печатные материалы, даются соответствующие оценки происходящим событиям. Определяются способы доставки информации и координаторы данной деятельности, ответственные за ее предоставление и соответствующее восприятие. Этот этап предполагает ответы на вопросы, которые кандидаты задают, но ответы (полученные от органов государственной власти, официальных священнослужителей, семьи) их не удовлетворяют. При таком видении ситуации вербовщики начинают выступать в качестве альтернативы, которая является единственным носителем правды и правильной идеологии. Данная ступень считается одной из самых сложных, поскольку определяет дальнейшую стратегию и тактику работы в отношении каждого кандидата. Идеологическая обработка на данной ступени включает в себя предоставление информации о возможностях и исключительных качествах их движения, в виде демонстрации роликов с вооруженными людьми, силовыми акциями в отношении правоохранительных органов, официальной власти и духовенства, безудержной отваги и примеров жертвенности, торжество своей силы над официальной государственной машиной. Они создают впечатление, иллюзию о том, что они могущественны, везде и всюду, обозначают свое присутствие во всем мире. После обработки на данной ступени кандидат на 50% готов к вступлению в экстремистские организации.

После того, как на третьей ступени, кандидат уже подготовлен к дальнейшему знакомству начинается четвертая ступень – знакомство. Это может происходить через интернет, телефон, или знакомых, которые сами могут быть представителями экстремистских организаций. На первый взгляд происходит обычная беседа, вместе с тем, это уже контакт со ссылкой на ранее предоставленную информацию, намеками на сайты. Затем происходит предоставление конфиденциальной информации, которая вводит кандидата в число избранных людей, которым оказывается особое доверие. Это усиливает впечатление и подтверждает ранее предоставленную информацию. После контакта с представителями экстремистской организации отбираются наиболее смекалистые, обладающие хорошим словарным запасом, ораторскими способностями, коммуникабельные. С этим контингентом проводятся закрытые встречи (семинары) по углубленному изучению идеологии организации, поведению во враждебной для себя среде, проведению агентурной и экстремистской работы без проявления себя. В дальнейшем кандидаты, прошедшие четвертую ступень обработки занимаются исследованием среды для подбора «кандидатов в кандидаты».

Пятая ступень – помощники. Прошедших третью и четвертую ступени, способных на радикальные действия и поступки, подвергают тестированию. То есть создаются различные экстремальные ситуации, оцениваются поведения и действия адептов в сложных ситуациях. Провалившиеся используются для сдачи органам власти, как непригодный материал, при этом проводится идеологическая обработка прошедших испытание с целью демонстрации их «мученичества» на пути борьбы за истину. Прошедшие испытание в свою очередь делятся на две подгруппы: пособники незаконных вооруженных формирований; идейные сторонники экстремистской деятельности,двигающие свои идеологию в массы, то есть лекторы, агитаторы низового уровня.

Переведенный и закреплённый как «свой», кандидат переходит к шестой ступени подготовки. Он уже имеет опыт участия в операциях и диверсиях, в качестве исполнителей вспомогательных акции и мероприятий. На данной стадии кандидатов еще допускают к совершению тяжких преступлений, но вместе с тем кандидат уже взял в руки оружие, как член организации и открыто демонстрирует свою позицию экстремизма. Он проходит обработку в террористических лагерях, находится в официальном розыске, общество его личность воспринимается, как находящая вне закона. При этом, кандидат еще может рассчитывать на благосклонность закона и возврат к нормальной жизни определенном стечении обстоятельств (амнистии и т.д.).

Последняя седьмая ступень подготовки, так называемые «отморозки», крыло управления, либо активного участия в экстремистской и террористической деятельности, носители идей и получатели финансовых средств для осуществления противозаконной и преступной деятельности (убийств, диверсии, террористических актов).

Перечисленные семь ступеней вербовки и вовлечения новых адептов в экстремистскую деятельность показывают, что пройдя весь путь подготовки у молодых людей не остается шанса на возврат к мирной жизни, поскольку за плечами уже имеются тяжкие преступления, они становятся жестокими и беспощадными, даже в отношении своих соратников и поделщиков.

Осуществление террористической деятельности, является лишь одной из форм экстремизма и в большей степени является результатом недостаточной осведомленности о ложности экстремистской идеологии. Борьба с наиболее острой проблемой современности должна быть комплексной и осуществляться по всем направлениям социальной жизни общества [3].

Не смотря на видимые успехи в работе по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде, согласно закону «О противодействии экстремистской деятельности» [2], данная проблема остается актуальной.

Это говорит о том, что угроза вербовки молодежи в ряды экстремистов и террористов остается на высоком уровне не только в России, но и во всем мире. И связано это не только с противоречиями трактовки религиозных канонов, но и с увеличивающимся разрывом социально-экономического положения между богатыми и бедными, безработицей и т.д., что в свою очередь ведет к увеличению количества «недовольных».

Библиографический список

1. Кирченко Е.Г. Правовое регулирование и противодействие экстремизму в сети Интернет // Противодействие процессу вовлечения молодежи в деятельность экстремистских и террористических организаций. Мат. конференции 27 апреля 2016 г. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 10-15.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127578/>

3. Ханбабаев К.М. Сущность и профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе // Экстремизм.ру. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/571->

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ КАК ФАКТОРОМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Испулова С.Н.

Формирование в России социально-ориентированной рыночной экономики логически предполагает функционирование качественно новой системы мотивации труда, учитывающей кардинальное изменение отношений собственности, экономического и социального статуса работников, системы их ценностных ориентаций. Изучением такого явления как экономическая мотивация занимались такие ученые, как А. Смит, Д. Риккардо, Н. Сениор, А. Маршалл, Ф. Тейлор, А. Файоль, Л. Гьюлик, М. Фоллетт, Э. Мейо, Ф. Херцберг, Ф. Дэвис, П. Друкер, А. Слоан, Г. Саймон, Г. Левит и др.

Как известно, мотивационная сфера субъекта, вовлечённого в деятельность, представляет собой систему мотивов, базирующихся на материальных, духовных и социальных потребностях. Они являются фундаментом мотивации профессиональной деятельности каждого человека. В ситуации отлаженных социально-трудовых отношений наиболее действенными оказываются, как правило, социальные потребности. Кроме того, чем выше уровень развития личности, тем системнее его мотивационная сфера, то есть сложнее и неразрывнее переплетение духовных, материальных и социальных потребностей [1].

Для нынешнего периода трансформационных процессов в обществе наиболее характерным типом мотивации является инструментальный, ориентация на материальные потребности. Этому способствует инфляция и невысокий жизненный уровень населения, рост безработицы, трудности индивидуальной интеграции в рыночные отношения. Прежде заработная плата не стимулировала существенной трудовой мотивации в силу своего уравнительного характера. Теперь она антистимулирует трудовую мотивацию в силу потери связи с качеством и количеством труда, а также в силу возникновения обратной связи между ними: чем более профессионален труд, чем больше лет он требует для овладения данной профессией, тем хуже он оплачивается [2].

Таким образом, заработная плата становится антистимулом трудовой мотивации. Но, несмотря на это, руководство предприятий по-прежнему делает ставку на использование традиционных инструментов, скорее, принуждения, чем побуждения работников к труду, на широкое применение различного рода санкций. Недостаточно используются такие мотивационные механизмы, как акцентирование значимости работы и профессии, профессиональный и квалификационный рост, одобрение и поощрение за успехи, удовлетворение социальных запросов работников. А ведь именно в поиске внутренних движущих сил, побуждающих человека к трудовой активности, в создании управленческих механизмов, позволяющих раскрыться этим силам, многие эксперты видят путь прорыва, с одной стороны, к росту производительности и качества труда, с другой, к более полному использованию человеческого потенциала, достижению удовлетворенности своим положением и работой [3].

Одним из исследуемых нами аспектов является мотивация ИТР промышленного предприятия, так как ИТР на предприятии являются субъектом социального управления, наделённым управленческими функциями, способным принимать управленческие решения в соответствии с теми требованиями и нормами, которые ему предписаны. В то же время ИТР является объектом социального управления, входящим в состав общественного производства предприятия, цель деятельности которых заключается в выполнении определённых функций. Для выявления особенностей мотивации ИТР как объекта и субъекта социального управления наиболее приемлемы три типа мотивации, разработанные НИИ труда [4]: первый тип – работники, ориентированные преимущественно на содержательность и общественную значимость труда; второй тип – работники, преимущественно ориентированные на оплату труда и статусные ценности; третий тип – работники, у которых значимость разных ценностей сбалансирована.

Однако для более детального изучения мотивации ИТР необходимо уточнить их отношение: к стилю работы администратора, отношение к карьерному росту, психологический климат с администрацией, мотивируется ли их труд и как стимулируется работа. Данную информацию, как правило, получают из разных источников, включая, в первую очередь, анализ документов предприятия, проведение анкетного опроса, интервьюирование, наблюдение и обобщение данных, полученных от фокус-группы.

В целях оптимизации социального управления мотивацией ИТР к управленческой деятельности необходимо обозначить наиболее значимые подходы социального воздействия на мотивацию ИТР и попытаться разработать практические рекомендации по созданию методики обучения ИТР искусству управления подчиненными. С целью анализа мотивации к управленческой деятельности ИТР и служащих нами в 2009-2015 г.г. была проведена серия исследований на предприятиях Челябинской области среди руководителей разного уровня управления, а также среди работников цехов и отделов (общий объём выборки составил 1100 человек). С учётом значимости для тех промышленных городов, в которых эти предприятия находятся, были отобраны 6 предприятий: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Троицкий электромеханический завод», ОАО «Автомобильный завод «Урал» г. Миасса, ОАО «Усть-Катавский вагоностроительный завод», ОАО «Кусимский медеплавильный завод», ОАО «Кыштымский электролитный завод». Установлен характер отношения работающих к правилам и нормам поведения, а также прослеживаются групповые и индивидуальные интересы в оценках

респондентов по поводу взаимодействия руководителей с подчиненными. На вопрос «Устраивают ли Вас отношения с начальником?» утвердительно ответило 72% опрошенных.

Для выявления мнения у 28% сотрудников на вопрос «Что же не устраивает работников в начальстве?», приоритеты среди ответов на такой вопрос распределились следующим образом: «не учитывает интересы подчиненных» – 19,3%; «нет взаимного понимания» – 14,4%; «нет доверия к подчиненным» – 10,5%; «не умеет слушать» – 10%; «не рассматривает вопросы повышения квалификации» – 7%; а 6,5 % считают, что у начальника «недостаточный уровень квалификации».

Результаты социологического исследования показали, что 51% респондентов оценили стиль управления своего руководителя как демократический; 22% – как директивный; 21% – как либеральный и 6% – как смешанный. При этом определилась характерная закономерность: уровень директивного стиля управления возрастает к высшему звену управления. И он доходит до 54%, а демократичный, наоборот, снижается у высшего звена до 26%. Следовательно, значительная часть ИТР имеет склонность к лидерству. Если этот синдром продолжает развиваться, то ИТР достигает более высокого уровня на административной лестнице. Однако у 21% ИТР получил распространение и либеральный стиль руководства, что не является желательным для предприятия.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее негативно оценивают деятельность руководителя предприятия работники, ориентированные на «уравниловку», а ориентированные на интересную работу к начальству чаще расположены благоприятно. Возможно, это говорит о том, что в управлении мотивационной средой персонала может в определенной мере учитываться взаимно однозначное соответствие, непротиворечивость структуры поведения и типологических признаков работников с разными представлениями о «хорошей работе».

Общеизвестно, что социальная мотивация высокопродуктивного труда сложна и неоднозначна. В ходе проведенных нами исследований установлено, что большинство ИТР имеют мотивационное ядро, которое, как правило, основано на высокой заработной плате. Так, результаты исследования показывают, что труд ИТР на предприятии недостаточно эффективно мотивируется, так как только 14% ИТР дали положительный ответ на вопрос «Эффективно ли мотивируется Ваш труд?». Несмотря на такую диспропорцию в ответах, ИТР удовлетворены содержанием работы и целесообразностью работы на предприятии. На вопрос анкеты «Является ли Ваша работа интересной для Вас?» ответы распределились следующим образом: 74 % ИТР ответили положительно («да, работа интересная»); 16% выбрали вариант «нет, не интересная»; 10% затруднились ответить.

Одним из важных направлений совершенствования управления мотивацией ИТР является ориентация на корпоративную культуру и благоприятный психологический климат коллектива. Для своевременного и целенаправленного влияния на мотивацию ИТР к социальному управлению необходимо установить понятные и действенные средства и методы, влияющие на ИТР в активизации управленческой деятельности. К таким действиям, в первую очередь, необходимо отнести потребность в проведении мониторинга. В ходе его проведения стоит выделять и отслеживать: интерес ИТР к своей работе, перспективы развития организации, морально-психологический климат коллектива, стиль руководства в организации. Корректировка этих вопросов в коллективе требует от администрации значительного времени, а зачастую и средств. На мотивацию ИТР большое значение оказывает знание о перспективах своей карьеры. Данный вопрос не требует материальных и временных затрат, однако, как установлено нами в ходе проводимых исследований, только 11% ИТР ответили положительно на вопрос «Знаете ли Вы перспективы своей карьеры?»; 65% указали, что не знают перспектив своей карьеры; 24% затруднились с ответом.

Результаты нашего исследования подтверждают выдвинутые в экономической социологии идеи о том, что мотивационную среду необходимо формировать у всего административного аппарата в целом, с последующей индивидуальной работой. При назначении на должность ИТР необходимо учитывать образование претендента и предпочтение следует отдавать лицам, имеющим высшее образование. Однако для быстрой адаптации в новой должности этот сотрудник должен пройти курсы повышения квалификации.

Желательно ежегодно проводить аттестацию и мониторинг ИТР по многим вопросам. Это позволит повысить ответственность и заинтересованность ИТР в работе над собой для повышения личной компетентности, в том числе и в области социального управления процессом формирования мотивационной сферы деятельности подчиненных. Конечно, новые мотивы к труду не возникают автоматически. Без необходимой подготовки, адаптации к новым социально-экономическим условиям, социальной направленности рыночной экономики нельзя сформировать действенный механизм активизации трудовой деятельности. Этот механизм предполагает совершенно новые слагаемые, которые в трансформационном периоде либо вообще отсутствуют, либо находятся в состоянии зарождения. Главным элементом механизма активизации трудовой деятельности в настоящее время является формирование такой системы организации труда и его оплаты, при которой оплата труда, во-первых, была бы непосредственно привязана к результатам труда и производства и соответствовала им, а, во-вторых, она должна составлять большую часть денежных доходов населения.

Библиографический список:

1. Черемошкина Л.В. Современные проблемы мотивации труда // Ученые записки РГСУ. 2005. № 2. С.14-24.
2. Социология / под общ. ред. А.Н. Елсукова. Минск: «Тетра-Системс», 2003. 381 с.
3. Башмаков В.И. Проблемы мотивации работников и подбор персонала на муниципальном предприятии // Вестник ГУУ. 2004. № 1(7).
4. Озерников Т.Г. Формирование и развитие системы трудовой мотивации: дисс. ... д-ра экон. наук. Иркутск, 2002. 388 с.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВУЗА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Истомина А.П.

Под влиянием реформ, начавшихся с присоединения России к Болонскому процессу, изменяется не только сама система высшего образования, но и общественное мнение о ней. По данным исследования ФОМ на вопрос «Как Вы считаете, сегодня большая часть российских государственных вузов дают хорошее, качественное или плохое, некачественное образование?» 25% респондентов ответили «плохое» – это в 2012 году, а вот уже в 2014 году процент ответивших «плохо» составил уже 29%. Другие исследования ФОМ также говорят о снижении качества высшего образования, так 25% ответивших считают, что в России оно плохое и 48% считают его удовлетворительным [1]. По данным ВЦИОМ, около трети россиян считают, что отечественное высшее образование ниже мирового уровня [1].

Так же, как и в отношении высшего образования в целом, изменяется и общественное мнение в отношении преподавателей вузов. В 2016 году было проведено исследование образа преподавателя высшей школы в общественном сознании современных россиян с целью выяснения отношения индивидов к профессии выяснения статуса, престижности профессии, а также оценки ее сложности со стороны общественности. В выборочную совокупность исследования вошло 160 респондентов, которые получили высшее образование в разное время. Отбор респондентов проводился на основе квотного типа выборочной совокупности. Основной квотой отбора явился показатель «год получения высшего образования», которая формировалась следующим образом: до 1991 г. – развитие образовательной системы России рассматривалось в контексте единой концепции развития образования в СССР; 1992-2003 гг. – Россия присоединилась к Болонскому процессу, подписав Болонскую декларацию; 2004-2008гг. – стали приниматься государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования второго поколения, ориентированные на получение студентами знаний, умений и навыков; 2009-по настоящее время – было введено два уровня высшего образования: бакалавриат, специалитет; магистратура. Другими квотами выборочной совокупности явились: наличие/отсутствие опыта преподавательской деятельности, наставничества,

обучения; наличие/отсутствие опыта работы по полученной специальности; пол респондента. В опросе приняли участие 52% респондентов женского пола и 48% мужского пола.

Основным методом проведения социологического исследования был выбран анкетный опрос. Первичные эмпирические результаты исследования обработаны с помощью прикладного статистического пакета SPSS 22.0.

Результаты исследования, показали, что только у 21% опрошенных был опыт преподавательской деятельности или опыт наставничества, обучения. У остального такого опыта не было (79%).

В таблице 1 представлены данные о наличии/отсутствии опыта работы по полученной специальности.

Таблица 1 – Работаете / работали ли Вы по полученной специальности?

Когда Вы получили высшее образование?	Работаете/работали ли Вы по полученной специальности?	
	Да	Нет
До 1991 г.	67,5%	32,5%
1992-2003 гг.	42,5%	57,5%
2004-2008 гг.	27,5%	72,5%
2009- по настоящее время	25,5%	74,5%

Как видно из таблицы 1, к сожалению, наблюдается тенденция снижения доли выпускников вузов, хотя бы когда-то работавших по специальности, полученной в вузе. Только четверть современных выпускников имеет опыт профессиональной деятельности, а по сравнению с выпускниками 1991 и более ранних годов, данный показатель снизился на 37,7%. Это может говорить о том, что существует дисфункция института высшего образования – обеспечение страны профессиональными кадрами.

В следующем вопросе респондентам необходимо было выбрать наиболее подходящее определение преподавателя высшей школы из предложенных вариантов. В данном случае мы сравнили ответы респондентов, которые получили высшее образование до 1991 года, в 1992-2003 годах, в 2004-2008 годах и в 2009 – по настоящее время. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Характеристика преподавателя вуза

Преподаватель высшей школы это	Когда Вы получили высшее образование?			
	до 1991 г.	1992-2003 гг.	2004-2008 гг.	2009 – по настоящее время
Профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности	77,5%	27,5%	40%	32%
Специалист, предоставляющий образовательные услуги в сфере высшего образования	2,5%	22,5%	25%	25%
Наставник, дающий знания не только по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни	20%	47,5%	30%	42,5%
Коррупционер, бездельник, угнетатель студентов	0%	2,5%	5%	0%

Как видно из сводной таблицы 2, респонденты, получившие высшее образование до 1991 года, и выпускники 2004-2008гг. считают, что преподаватель высшей школы – это профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности – 77,5% и 40% соответственно. Те, кто получил высшее образование в 1992-2004 годах (47,5%) и в 2009-по настоящее время (42,5%), считают, что преподаватель высшей школы – это наставник, дающий знания не только по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни. Особое внимание привлекает резкое увеличение (на 20%) и последующая стабилизация числа тех, кто считает, что преподаватель вуза предоставляет образовательные услуги, что связано с переходом высшего образования в систему рыночных отношений, с трансформацией ценности высшего образования.

Как уже было сказано выше, в современной высшей школе число профессорско-преподавательского состава сокращается, кроме этого, статистика говорит о том, что наблюдается старение и гендерный дисбаланс в профессии. Но в общественном сознании уход мужчин из преподавательской профессии еще не зафиксирован: на вопрос «Для Вас преподаватель вуза – это» 53,1% респондентов ответили, что это мужчина; 46,9% – женщина. В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

Начиная с 1960–1970-х годов в социологии разрабатываются шкалы профессионального престижа. Теоретически шкалы профессионального престижа основаны на структурном анализе последствий разделения труда в обществе. Разделение труда приводит к существованию профессий, которые требуют разной квалификации и предполагают различный контроль над ресурсами. Профессии по-разному вознаграждаются, как материально, так и символически, и поэтому одни занятия более престижны, нежели другие. Большинство респондентов (41%) считают, что уровень престижности профессии преподавателя высшей школы средний; 26% – выше среднего; 16% – отмечают высокий уровень престижности профессии преподавателя. В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

Уровень сложности профессии преподавателя 46% опрошенных оценили как высокий; 27% – выше среднего и 17% опрошенных считают, что уровень сложности профессии преподавателя средний. В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

Далее респондентам необходимо было оценить свое отношение к профессиональной группе преподавателей вузов по шкале от «0» до «10», где «0» – очень негативно, «10» – очень позитивно. Полученные результаты представлены на рисунке 1.



Рисунок 1 – Оцените Ваше отношение к профессиональной группе преподавателей по шкале от «0» до «10»

Как видно из рисунка, большинство респондентов – 95% – относятся к профессиональной группе преподавателей позитивно (дают оценку от «6» до «10»). Те же, кто давал негативную оценку (от «0» до «5»), комментировали такое решение тем, что мало преподавателей, которые действительно чему-то учат; у преподавателей нет должной подготовки, нет никаких знаний. В

ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Преподаватель высшей школы – это профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности, а также наставник, дающий знания не только по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни.

2. Уровень престижности профессии преподавателя вуза средний, а уровень сложности – высокий.

3. В целом респонденты позитивно относятся к профессиональной группе преподавателей.

4. По мнению респондентов, преподавателем высшей школы должен быть мужчина.

5. Проведенный анализ парных распределений не выявил существенных различий в выявлении образа преподавателя высшей школы и таких переменных как пол, год получения высшего образования и т.д., за исключением вопроса о выборе наиболее подходящего определения, кем является преподаватель высшей школы.

Библиографический список

1. Зачем нужно высшее образование? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596>.

2. Высшее образование в России: качество, ценность, востребованность [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2011/obrazovanie_12.12.11.pdf.

КАУЧСЕРФИНГ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Калашикова С.М., Лагонская В.В.

Каучсерфинг (CouchSurfing) в широком смысле – это всемирная гостевая сеть, посредством которой путешественник может остановиться на ночлег в другой стране или же самостоятельно предоставить кому-либо помощь по организации отдыха и туристического времяпровождения (будь то квартира, еда или экскурсия), причем все это на безвозмездной основе. Из данного определения следует ряд характеристик: пространственно-культурная ориентированность, связь с глобализацией и компьютеризацией, нацеленность на межличностные взаимодействия и взаимовлияния между каучсерфером (couchsurfer – любой участник сообщества, который разделяет идеи путешествия без ограничений, связанных с тратой денег на гостиницы.) и хостом (host, хостер – участник сообщества каучсерфинга, предоставляющий бесплатное жилье серферу), а также глубинный культурный обмен посредством этих двух процессов. Они дают конкретное основание рассматривать явление каучсерфинга, как несомненно популярного[2] и изменяющегося во времени явления, сквозь призму социологии пространства [1] и международного взаимодействия.

Смысл же исследования данного явления заключается в его специфике, выражающейся через повышение вовлеченности людей в каучсерфинг и, в частности, в осведомленности о принципах и целях, а также через функции передачи культурного опыта не только в непосредственном межличностном общении каучсерфера и хоста, но и последующем личностно-групповом и межгрупповом, осуществляемом различными способами (чаще через Интернет – блоги, социальные сети и т.д.) и к тому же детально формирующим облик оппозиционного культурного пространства. Другими словами, в век глобализации и компьютеризации каучсерфинг, даруя возможность глубинного погружения в другую культуру как в другую жизнь за счет проживания каучсерфера не в специализированных местах (гостиницах, отелях, хостелах и т.д.), а непосредственно в доме хоста, мгновенно транслирует полученную таким образом информацию остальным, что в свою очередь стирает либо закрепляет прошлые стереотипы и вообще наделяет правдивыми, живыми характеристиками точки на карте мира.

Необходимо отметить, что Россия как территориальная единица каучсерфинга либо же социальное пространство характеризуется крайней неравномерностью, что в первую очередь объясняется географическими факторами: различными погодными условиями, ландшафтом, плотностью населения, а также специфическими для каучсерфинга популярностью определенных мест, их туристической ценности, неизведанности, красоты природы, уровня знания иностранного языка и распространение компьютеров и Интернета, а также наличие нужного предмета исследования, если причиной каучсерфинга становится научно-исследовательская деятельность либо какой-то проект.

Вышеперечисленные особенности можно рассмотреть конкретнее и проанализировать на предмет наличия проблемных областей или наоборот преимуществ, таким образом дав разностороннюю оценку потенциалу и динамике туристических процессов именно в сфере каучсерфинга, а в перспективе – возможность и степень изменения отношения к России, стирание негативных стереотипов и приобщение к богатой русской культуре.

Во-первых, рассматривая совокупность природных достопримечательностей России, можно отметить, что потенциал данной отрасли достаточно велик, однако есть два негативных момента:

1. Из-за специфики явления каучсерфинга сфера взаимодействия смещена на юго-западную часть России из-за неравномерной заселенности территории, соответственно этот регион «выпадает из поля взаимодействия», что влечет за собой стагнацию в данной сфере.

2. Множество наблюдаемых и прогрессирующих проблем экологического характера [7; 8], а также другие проявления разрушительного воздействия на культурные объекты.

Во-вторых, частичное либо полное отсутствие условий для поддержания специализированных видов каучсерфинга. Например, каучсерфинг, ориентированный только на велотуристов, требует наличие разветвленной и качественно сделанной сети велодорожек, строительство которых является значимой целью для России [4], ведь, кроме крупных городов, это направление на остальной территории неразвито. Также даже состояние автомобильных дорог находится на неудовлетворительном уровне [5].

В-третьих, фактор недостаточности информационного обеспечения на всех уровнях. Структура каучсерфинга включает множество сайтов, обычных и специфических, а также множество сцепленных с ним мероприятий (например, небольшие концерты, различного рода выступления), проектов и исследований. Однако информацию о самом явлении можно получить разве что от самих каучсерферов и из передачи «Орел и решка» украинского производства [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом социальное пространство России, включенное в процесс каучсерфинга и прямо влияющее на него, на сегодняшний день не является целостно развитым и требует множество преобразований в сфере экологии, рекреации, инфраструктуры городов, информационного обеспечения и общегосударственной поддержки. Модернизация этих областей поможет количественному и качественному усовершенствованию явления каучсерфинга, что в дальнейшей перспективе станет основой для распространения информации о русской культуре, искоренения негативных стереотипов и укрепления позиции на международной арене.

Библиографический список:

1. Филиппов А.Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т. 8. 2009. № 3. С. 3.
2. Couchsurfing [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.couchsurfing.com/users/sign_in
3. Warm Showers [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.warmshowers.org/>
4. Логинов Н. В российских городах построят велоинфраструктуру на сотни километров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gudok.ru/infrastructure/?ID=1320163>

5. Автострада. Актуальное состояние автодорог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://autostrada.info/ru/map>
6. Орел и решка (телепередача) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://teenspirit.tv/projects.php?pId=28>
7. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды российской федерации в 2011 году» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/a76/gosdoklad2011.pdf>
8. Environmental Problems. Russia [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://countrystudies.us/russia/25.htm>

РАЗВИТИЕ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНЕ: МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Карякина Л.А.

Проблема оценки эффективности сложных экономических систем исследуется в литературе достаточно давно и комплексно. Многие компании, имеющие сложную структуру сталкиваются с необходимостью создания систем повышения и поддержания эффективности бизнеса. При этом стандартные процедуры увеличения эффективности, связанные с обычным распределением функций, ответственности, полномочий, построение системы контроля над эффективностью, периодическая оценка результатов работы участников кластера – не дают необходимого уровня эффективности. Именно важность и практическая необходимость расчета и оценки эффективности сложных кластерных систем требуют исследования данной проблемы и ее теоретического обоснования.

Основываясь на отечественном и зарубежном опыте, можно выделить следующие подходы к оценке эффективности кластерного образования в регионе:

1. Подход, связанный с обеспечением конкурентных преимуществ.
2. Подход, связанный с теорией трансакционных издержек.
3. Подход, связанный с теорией финансового менеджмента.
4. Подход, связанный с анализом инвестиционных проектов [1, с.46].

Указанные подходы основаны на оценке результатов деятельности до и после вхождения тех или иных предприятий в региональный кластер. В качестве критерия эффективности часто рассматриваются такие показатели как рентабельность, объем производства в стоимостном выражении, себестоимость на единицу произведенной продукции, фондоотдача, размер прибыли за определенный период и изменение стоимости предприятия, т.е. оценивается коммерческая эффективность. Также для оценки эффективности процесса кластеризации можно использовать известный принцип вклада: пока темпы прироста ВРП будут больше темпов вложений в кластеры, система развивается эффективно.

Однако при оценке эффектов создания регионального кластера важно учесть, как отразится его создание не только на хозяйственной деятельности его участников, но и на экономическом развитии региона. Меньшенина М.Г. в своем исследовании [2, с. 17] предлагает оценивать эффективность регионального кластера и определять его влияние на экономику, следуя разработанной методике, которая предполагает:

1. Определение преимуществ формирования региональных кластеров для его участников на основе положений кластерного подхода в региональном экономическом развитии, по методологии конкурентных преимуществ М. Портера.
2. Оценку наиболее предпочтительных для включения в региональный кластер организаций на основе теории графов, позволяющую определить отсутствие или наличие взаимодействия между участниками кластерного объединения.
3. Расчет системы показателей эффективности функционирования регионального кластера.
4. Расчет прироста каждого показателя после создания кластера, либо за определенный период функционирования и предлагается эффект функционирования кластера по j-му показателю измерять согласно формуле:

$$\Delta \mathcal{E}_j = \mathcal{E}_{jkl} - \mathcal{E}_{jind} \quad (1)$$

где $\Delta \mathcal{E}_j$ – прирост j -го показателя эффективности; \mathcal{E}_{jkl} – значение j -го показателя после создания кластера; \mathcal{E}_{jind} – значение j -го показателя до объединения.

5. Оценка влияния функционирования регионального кластера на темп роста ВРП с использованием мультипликатора Дж. Кейнса.

Автор данной статьи во многом солидарен с рассмотренными выше подходами к оценке эффективности деятельности кластеров. Однако все они носят несколько субъективный (гипотетический) характер и не отличаются конкретикой в расчетах. Для определения оценки эффективности функционирования кластеров предлагается использовать методику интегральной оценки уровня развития кластеров в регионе, основанную на методах факторного анализа. К достоинствам этого подхода можно отнести исключение из процесса построения интегральных индикаторов неоднозначных экспертных процедур, которые являются достаточно трудоемкими и дорогостоящими. Под интегральным индикатором здесь понимается специального вида свертка оценок более частных свойств и критериев анализируемой категории.

Для определения подмножества ключевых факторов успеха кластеров целесообразно осуществить многофакторный статистический анализ, где в качестве критериев эффективности функционирования кластеров предлагается использовать следующие показатели: число предприятий кластера на 1000 населения; доля работников в кластере в категории экономически активного населения, %; уровень рентабельности предприятий кластера, %; доля убыточных предприятий кластера, %; инвестиции в основной капитал в расчете на 1 предприятие кластера, млн.р.; производство продукции, в % к ВРП; доля экспорта продукции кластера в общем экспорте продукции, %; величина налоговых платежей в среднем на 1 предприятие кластера, тыс. руб.; среднемесячная заработная плата по кластеру, в % к МРОТ.

На этапе перехода непосредственно к процедуре свертки частных показателей в интегральный индикатор, необходимо их унифицировать, то есть применить к каждому из них такое преобразование, в результате которого область его возможных значений ограничится отрезком $[0;10]$. При этом нулевое значение преобразованного показателя должно соответствовать самому низкому качеству по данному свойству, а 10 – самому высокому. Для этого используется метод линейного масштабирования, который позволяет отслеживать динамику реального роста или снижения каждого частного показателя относительно стабильных максимальных и минимальных нормативных значений – параметров. Конкретный выбор унифицирующего преобразования зависит от того, к какому из трёх типов принадлежит анализируемый показатель.

1) Если частный индикатор $x_{j,t}$ связан с анализируемым интегральным свойством развития кластера монотонно-возрастающей зависимостью (т.е. чем больше значение $x_{j,t}$, тем выше уровень развития), то значение соответствующей унифицированной переменной подсчитывается по формуле:

$$\tilde{x}_{j,t} = \frac{x_{j,t} - x_{j\min}}{x_{j\max} - x_{j\min}} N, \quad (2)$$

где $\tilde{x}_{j,t}$ - унифицированное значение частного индикатора ($j=1, 2, \dots, p; t=2000, 2001, \dots, 2013$); $x_{j\max}$, $x_{j\min}$ – максимальные и минимальные значения частных индикаторов; $N = 10$ – баллы.

2) Если частный индикатор $x_{j,t}$ связан с анализируемым интегральным свойством развития кластера монотонно-убывающей зависимостью (т.е. чем больше значение $x_{j,t}$, тем ниже уровень развития), то значение соответствующей унифицированной переменной $\tilde{x}_{j,t}$ подсчитывается по формуле:

$$\tilde{x}_{j,t} = \frac{x_{j_{\max}} - x_{j,t}}{x_{j_{\max}} - x_{j_{\min}}} N. \quad (3)$$

3) Если частный индикатор $x_{j,t}$ связан с анализируемым интегральным свойством развития кластера немонотонной зависимостью (т.е. между x_{\min} и x_{\max} существует некоторое оптимальное значение x_{opt} , при котором достигается наивысшее качество), то значение соответствующей унифицированной переменной $\tilde{x}_{j,t}$ подсчитывается по формуле:

$$\tilde{x}_{j,t} = \left(1 - \frac{|x_{j,t} - x_{j_{opt}}|}{\max\left\{\left(x_{j_{\max}} - x_{j_{opt}}\right), \left(x_{j_{opt}} - x_{j_{\min}}\right)\right\}}\right) N. \quad (4)$$

Для реализации этих преобразований необходимо определить для каждого анализируемого частного критерия « $x_{j,t}$ » значения « $x_{j_{\min}}$ », « $x_{j_{\max}}$ » и « $x_{j_{opt}}$ ». Поскольку теоретико-нормативный подход в определении этих значений в большинстве случаев сопряжен с большими трудностями (и, в частности, с необходимостью согласования различных точек зрения), то в данной работе предлагается использовать для этих целей экспериментальный подход. В частности, за « $x_{j_{\min}}$ » и « $x_{j_{\max}}$ » предлагается принимать, соответственно, минимальное и максимальное значения среди всех наблюдаемых за определенный период значений этой переменной. Вопрос с определением значений « $x_{j_{opt}}$ » решается в каждом конкретном случае с учетом специфики ситуации.

Ограничиваясь линейным классом сверток и при использовании N-балльной шкалы измерения, можно представить интегральный индикатор уровня развития кластера в регионе в виде:

$$\hat{y}_t = \sum_{j=1}^p w_j \tilde{x}_{j,t}, \quad (5)$$

где $\tilde{x}_{j,t}$ ($j = 1, 2, \dots, p$) – унифицированные частные индикаторы в год t ($t = 2000, 2001, \dots, 2013$); w_j

– некоторые «весовые коэффициенты», удовлетворяющие условиям: $w_j \geq 0$, $\sum_{j=1}^p w_j = 1$.

Таким образом, построение интегральной характеристики уровня развития кластера сводится к определению неизвестного вектора весов $W = (w_1, \dots, w_p)$. Решить поставленную задачу можно с помощью модифицированной первой главной компоненты \hat{y}_t набора унифицированных частных критериев $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{p,t}$. Построение первой модифицированной главной компоненты производится следующим образом: среди всех скалярных переменных, характеризующих уровень развития кластера в регионе ищется такая, по значениям которой можно наиболее точно восстановить (с помощью соответствующих моделей линейной регрессии) значения всех рассматриваемых частных критериев $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{p,t}$. Именно таким свойством обладает первая главная компонента, построенная по унифицированным частным критериям. Практически тем же свойством будет обладать и так называемая модифицированная первая главная компонента, которая определяется соотношением (4), где в качестве весов w_j используются квадраты компоненты собственного вектора корреляционной матрицы переменных $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{p,t}$, соответствующего наибольшему собственному значению λ_1 этой матрицы. Считается, что интегральный индикатор, построенный в виде первой главной компоненты по частным критериям сокращенного набора, должен объяснять не менее 55% общей дисперсии этих критериев. В противном случае, не существует удовлетворительного решения задачи построения

единственного интегрального индикатора в виде первой главной компоненты, аппроксимирующего значения всех частных критериев сокращенного набора.

Значения построенных интегральных индикаторов и их динамика интерпретируются нами как оценка степени эффективности управления административных служб региона, деятельность которых связана с реализацией задач в области развития кластерных образований на определенной территории.

Библиографический список:

1. Печаткин В.В. Методика оценки и анализа потенциала кластеризации экономики регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 28(193). С. 46-47.

2. Меньшенина Ю.Г. Региональные кластеры как форма территориальной организации экономики: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Уральский. гос. эконом.ун-т. Екатеринбург, 2009. 28 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИК КУРСКОГО РЕГИОНА

Килимова Л.В.

Социум на каждом этапе своего развития создает и транслирует ценности, выступающие в качестве нормы, неосуществленной цели, идеала. Подобные взгляды на ценности разделяют О.М. Бакурадзе, И.С. Барский, А.Я. Разин и другие. В результате практической включенности индивида в социальные отношения с микросредой осуществляется трансформация социальных ценностей в личностные посредством принятия последних субъектом деятельности. С одной стороны, социальная микросреда, например, социальная группа, способствует включению личности в коллективную практическую деятельность, усваивая ценности конкретного социума, тем самым обеспечивает социальный контроль и регулирование социального поведения личности в соответствии с ценностями и целями социального окружения (Л.П. Буева, Г.А. Погосян и др.). С другой стороны, личность получает возможность социальной адаптации и социального развития (Э.А. Арутюнян, А.И. Донцов, В.А. Ядов и др.).

Понятие ценностной ориентации личности возникает для объяснения социально-значимого поведения и связано с теорией Т. Парсонса. Выражая определенные качества личности, ценностная ориентация является средством реализации определенных общественных целей. Исследованием данной категории занимались представители нормативно-ценностного подхода: Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер, А. Маршалл, В. Парето, а так же У. Томас, Ф. Знанецкий, Дж. Мид. В большинстве современных исследований ценности предстают как социальное явление, как продукт жизнедеятельности общества и социальных групп. (А.И. Донцов, Д.А. Леонтьев, М. Рокич).

Основные представления о ценностях закладываются В. Дильтеем, который предложил разделение «объяснения» и «понимания», а продолжают свое непосредственное развитие уже у неокантианцев Баденской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. По их мнению ценности могут отделиться от субъективности человеческих желаний и страстей, тем самым получить автономное и самодостаточное значение. Ценности воспринимаются как самоцели, поскольку они не могут выступать в качестве средства для каких-то иных целей. Деятели Баденской школы неокантианства воспринимают ценности как выражение идеального бытия. Под ценностями они подразумевают нормы, не зависящие от субъекта и образующие метаоснову конкретных ценностей и культуры.[1]

В социолого-культурологическом (социокультурном) подходе ценностное содержание культуры рассматривается в качестве феномена духовной жизни. Социокультурный аспект предполагает соотнесение ценностей с общественным субъектом на трех уровнях: личностном, групповом и общесоциальном. При помощи собственного представления об окружающей действительности каждый индивид или же социальная группа формируют собственную призму рассмотрения реального мира. В данном случае ценности проявляются в двух противоположных

ситуациях. С одной стороны, они выступают в качестве условия формирования картины мира, а с другой, становятся конечным результатом данного действия. В связи с этим в рамках социокультурного подхода ценности рассматриваются в двух аспектах. В узком смысле слова в картине мира ценности выражены через ценностные ориентации, ценностные-нормы и ценностные-идеалы. В широком смысле ценности проходят сквозь все уровни (подсознание, сознание и сверхсознание) и сферы индивидуальной картины мира (образы – наглядные представления о мире и месте человека в нем). Они являются ядром картины мира личности (включая мировосприятие, мироощущение и мировоззрение), определяя ее характер и дальнейшее развитие. Ценности предстают в социуме как социально-нормативные регуляторы общественной жизни и поведения людей. Несмотря на существование различных точек зрения о ценностях, в качестве основы анализа может выступать способность субъекта придавать смысл различным аспектам своей деятельности.

Согласно М.Веберу ценности выступают в качестве важнейшего элемента общественного сознания в области культуры. По его мнению, именно в ценностях происходит концентрация смысла культуры. Необходимо отметить, что результатом социальных действий являются социальные сущности. Объяснить социальные сущности – «значит проследить человеческие действия до самых корней, а это, в свою очередь, означает, что объяснить (понять) можно лишь тогда, когда будет выделен (установлен) смысл, психологические мотивы действий, равно как и культурные ценности, нормы и правила, придающие человеческим действиям определенную форму» [2, с. 295].

Механизм личностного освоения групповых ценностей представляет собой процесс становления социальной идентичности личности. В современном обществе, с развитием наукоемких коммуникационных технологий, осуществляется трансформация не только социальных ценностей, но и социальных общностей. Появляются виртуальные сообщества, в том числе сетевые, формирующие и распространяющие свои нормативно-ценностные системы. Личность вовлекается в виртуальное окружение через выполнение различных интернет-практик, дублирующих повседневные практики индивида. Многие отдают предпочтение интернет-практикам в силу быстроты их выполнения и доступности. Сеть Интернет используется практически в любых целях и становится новым средством поддержания целостности современного общества. Интернет выступает новой средой современной повседневной реальности, вовлекающей огромное число пользователей, предлагая те или иные виды интернет-практик и сетевые сообщества, формируя собственные ценности. Ценности и интересы личности могут вступать в противоречия с ценностями сетевых сообществ. В результате субъект интернет-практик, опираясь на собственные цели, вынужден подвергать свою ценностную систему трансформации.

С одной стороны молодое поколение, родившиеся в нынешней информационно-культурной обстановке, к современным условиям жизни приспособлено больше, чем поколение их родителей. Однако, с другой стороны – современная молодежь, чьи культурные ценности еще не до конца сформированы, попадает под угрозу трансформации духовно-моральных представлений, мировоззрения посредством использования Интернет [3, с.120]. Социокультурная среда, социализирующая молодое поколение и формирующая его мировоззрение, имеет весьма неоднозначный характер.

В марте 2007 года в городе появился общедоступный Интернет, связанный с появлением новых провайдеров. Интернет-аудитория г. Курска стремительно развивается. Растет число сетевых СМИ, освещающих жизнь курского региона, открываются крупные сетевые проекты. В городе существует огромное количество кафе, магазинов, торговых центров, которые предоставляют возможность доступа к сети Интернет, посредством WI-FI соединения. Необходимо отметить, что большинство учебных заведений города Курска обеспечены информационными технологиями, при помощи которых учащиеся пользуются сетью Интернет для облегчения поиска информации.

В настоящее время, в г. Курске среди провайдеров домашний Интернет подключают 11 компаний, Интернет в офис - 16, в частный сектор - 5, и, наконец, обеспечивают нас мобильным

Интернетом 3 провайдера. Данные технологии пользуются большим спросом среди населения г.Курска.

В 2016 г. в г.Курске было проведено социологическое исследование (N=500) методом анкетирования с целью выявления ценностных ориентаций субъектов интернет-практик. В ходе исследования, на начальном этапе, выявлен уровень работы с компьютером. Чуть больше половины респондентов (51%) владеют навыками работы с компьютером достаточно уверенно и лишь каждый 25-й респондент (4%) не имеет навыков работы с компьютером. Остальные опрошенные имеют тот или иной опыт работы с компьютером. Среди участвующих в социологическом исследовании абсолютное большинство респондентов являются интернет-пользователями. Каждый день в сеть Интернет выходит большая часть респондентов (72%), при этом чуть больше четверти опрошенных (26%) выходят в сеть несколько раз в неделю и лишь 2% пользователей используют Интернет раз в неделю.

При обращении к Интернет респонденты, в основном, стремятся удовлетворить потребность в информации (85%), потребность в развлечениях (35%), желание утолить интерес и любопытство (26%), потребность в общении (24%). Не смотря на доминирующее положение потребности в информации, Сеть для пользователей, чаще всего (26%) выступает средством неограниченного общения, включающего в себя переписки, голосовое общение, видеосвязь. Следовательно, можно предположить, что данное распределение связано с вкладыванием респондентами в понятие сети Интернет одновременно несколько переменных: средство для общения, получения информации, выполнения деловых практик и развлечения.

Популярными интернет-практиками являются коммуникативные, деловые-рабочие, экономические, познавательные, развлекательные, технические [4, с. 136]. Наиболее востребованы коммуникативная и познавательная интернет-практики.

Относительное большинство опрошенных курян, осуществляющих интернет-практики, среди своих ценностей первостепенное значение отдают здоровью (78%), счастливой семейной жизни (70%), уверенности в себе (69%), активной деятельной жизни (62%), жизненной мудрости (55%), интересной работе (51%), материально обеспеченной жизни (51%). В основном преобладают конкретные ценности, к которым относятся: здоровье, счастливая семейная жизнь, активная деятельная жизнь, интересная работа и материально обеспеченная жизнь, абстрактные – выражаются уверенностью в себе и жизненной мудростью. Среди принципов, играющих важную роль для большей части респондентов, стоит отметить честность (61%), ответственность (61%), воспитанность (59%), самоконтроль (54%), аккуратность (53%). Следовательно, среди ценностных ориентаций опрошенных лидируют этические ценности и ценности общения. Однако стоит отметить нейтральную оценку респондентов непримиримости к недостаткам в себе и других (50%) и высоких запросов (39%). Для некоторых опрошенных данные принципы абсолютно неважны (6% и 2%, соответственно), как и рационализм (3%), независимость (2%) и терпимость (2%).

Таким образом, главными ценностями-целями для курских субъектов интернет-практик являются: здоровье, счастливая семейная жизнь, уверенность в себе, активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, интересная работа, материально обеспеченная жизнь. Для их достижения требуются такие ценности-средства как: честность, ответственность, воспитанность, самоконтроль и аккуратность. На сегодняшний день ценностные ориентации субъектов интернет-практик соответствуют ценностям общества, однако стоит заметить, что среди респондентов не было тех, кто включен в интернет-практики, не поддерживаемые социумом (например, терроризм, экстремизм и другие виды, сопряженные с девиантным поведением личности).

Библиографический список:

1. Риккерт Г. Философия жизни. К.: Ника-Центр, 1998. 512 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

3. Килимова Л.В. Формирование ценностей молодых интернет-пользователей // Личность и творчество в современном мире: науч. альманах. 2013-2014. Вып. 5-6 / под ред. П.Ф. Кравчук, Ю.М. Резника; Юго-Зап. гос. ун-т. М.–Курск, 2014. С. 119-127.

4. Килимова Л.В., Федосова И.А. Интернет-практики личности в условиях информационного общества // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар.участием, Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 135-138.

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩАЯСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кленова М.И.

Социальная защита населения – это «система мер, защищающих любого гражданина от экономической и социальной ущемленности вследствие безработицы, потери или резкого сокращения дохода из-за болезни, рождения ребенка, производственной травмы или профзаболевания, инвалидности, старости, потери кормильца и т.п., а также стала основным атрибутом социальной политики любого цивилизованного государства» [1].

Распад Советского Союза и становление рыночных отношений не только затронули, но и коренным образом повлияли на социальную сферу страны. В первую очередь, это коснулось системы социального обеспечения. Именно социального обеспечения, так как во времена СССР не было системы социальной защиты населения, а существовали организации социального обеспечения, которые представляли собой систему государственных социально-экономических мероприятий по обеспечению граждан в старости (пенсия), нетрудоспособности (больничный лист) и оказанию помощи нуждающимся. Все эти мероприятия осуществлялись за счет общественных фондов потребления.

Эти фонды являлись частью национального дохода общества, социалистического общества. Использовались они для удовлетворения потребностей населения вместе с оплатой по труду. Средства же поступали из государственного бюджета, а также из общественных организаций и различных предприятий.

Основная часть поступала из бюджета государства. Государственные предприятия, организации и колхозы создавали фонды (отчисляли на них средства за счет прибыли) культурных мероприятий, социального обеспечения и материальной помощи. Кроме того, эти средства использовались для создания общественных фондов потребления. Эти общественные фонды помогали государству формировать необходимые структуры доходов и соответственно потребления для создания равных, вернее, относительно равных условий для различных слоев населения, для выравнивания их социально-экономического положения.

Населению средства из общественных фондов поступали в виде денежных выплат (к ним относились: стипендии, пособия и пенсии). И в форме льготного или даже бесплатного обслуживания: лечение, обучение, услуги спортивных и культурно-просветительских организаций (библиотеки), организованный отдых детей (лагеря) и общественное воспитание детей (сады и ясли).

Из фондов общественного потребления оплачивались расходы государства на содержание жилищного фонда.

В бывшем Советском Союзе существовал высокий уровень обеспечения населения. Социальное обеспечение предоставлялось за счет государственных и общественных средств.

Руководили социальным обеспечением высшие органы государственной власти и управления. Законы по вопросам социального обеспечения населения принимались Верховным Советом СССР, а так же утверждались планы социального развития, которые предусматривали мероприятия по социальному обеспечению и выделение средств на эти цели. Региональные Советы народных депутатов (краевые, областные, городские, районные), депутатские комиссии по социальному

обеспечению и здравоохранению не только руководили и управляли социальным обеспечением, но и контролировали его реализацию на своей территории.

И все это не называлось социальной защитой. Считалось, что защиту населения гарантирует Конституция, так как в ней определено было право человека на труд, гарантировалось трудоустройство, отсутствие безработицы, обеспечение в старости, потери трудоспособности и т.д.

В условиях становления рыночной экономики в ходе реформирования и, к тому же, в условиях экономического кризиса сохранить социальные гарантии каждому члену общества не удалось. Этому способствовали замена принципа социальной справедливости принципом равных возможностей, а также, преждевременное свертывание ряда государственных форм удовлетворения потребностей человека в пользу негосударственных. Если говорить о Конституции РФ [2] (1993), то в ней появилась статья о свободном труде и праве каждого свободно распоряжаться своими способностями по труду.

В результате началось снижение уровня жизни, появилась безработица, понизились реальные доходы населения. В обществе произошло расслоение по уровню жизни и доходам.

Сейчас в мировой науке существуют разные модели, разные варианты создания системы социальной защиты населения. Шведская модель предложена Г. Эспинг-Андерсеном [3], вернее, несколько моделей, которые зависят от устройства государства, где будет применен данный вариант системы социальной защиты. Ученым была предложена либеральная модель, где социальная защита отделена от рыночной экономики, а адресная помощь оказывается только нуждающимся. Это очень похоже на решение в свое время Петра I, не бездумно оказывать поддержку нищим, а «проверить нуждаемость» людей, просящих о помощи.

Другой вариант, предложенный ученым из Швеции – консервативный. И еще один – социально-демократический.

Но Россия не имеет условий, в которых существует Швеция, да и другие западные страны. К тому же, у нас другой уровень развития и свои исторические традиции. Жаль, что нельзя вернуть вариант или модель, которая существовала до распада СССР, а новый вариант развития – в стадии формирования.

Нужна четкая стратегия в управлении социальной сферой и создании новой модели социальной защиты. Это могло бы обеспечить решение социальных задач в развитии общества. Нельзя недооценивать роль управления, особенно в нынешних условиях, когда рыночный механизм распределения не учитывает особенностей потребителя и его возможностей. Необходимо государственное вмешательство в сферу распределения дохода и обеспечения защиты населения от инфляции, безработицы и бедности.

Библиографический список:

1. Колос Е.А. К оценке экономических и социальных реформ в странах СНГ // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2 (17/18) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=949>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. 64 с.
3. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990. P. 9-34.

БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ

Ковалева Г.А.

Одним из важных показателей жизнеспособности и развития любого государства является демографическая ситуация. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в РФ [1], за период с января по декабрь 2015 года естественный прирост населения составляет + 32038 человек. По Вологодской области этот показатель отрицателен и равен 1038 человек, то есть

население области уменьшается. В связи с этим остро встает вопрос важности увеличения рождаемости детей. В своём обращении к Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин акцентировал внимание на том, что нормой в России должна стать семья с тремя детьми [2]. Современная многодетная семья преимущественно состоит из родителей и трех или более детей. Можно сказать, что в прошлом веке наша страна утратила естественную многодетность как образ жизни подавляющего большинства населения. К сожалению, падает авторитет многодетной семьи. Процесс воспроизводства населения, в целом по России, очень затруднен. Существует жизненная необходимость в том, чтобы семья была многодетной.

На данный момент материнство, как феномен, и многодетная семья изучаются на межпредметном уровне. Но, к сожалению, сама многодетная мама в науке на сегодняшний день представлена крайне слабо. Нами была в связи с этим предпринята попытка изучить бюджет времени многодетной женщины. Исследования бюджетов времени – оригинальное научно-прикладное направление социолого-статистических исследований. Оно имеет свой предмет, методологию, специфическую методику и технику сбора, обработки и анализа информации, широкую область практического применения.

Бюджет времени можно рассматривать на основе разных моделей. Наиболее подходящей является модель, предложенная Патрушевым В.Д. и дополненная Колесниковым Ю.С.[3; 4], потому что она охватывает основные виды деятельности многодетной матери. Но следует акцентировать внимание на том, что в модель В.Д. Патрушева мы внесли ряд своих дополнений с учётом современности, которые позволили провести наиболее полный анализ бюджета времени многодетной матери.

Для получения данных мы использовали анкету-хронокарту, основное предназначение которой заключается в фиксации респондентом затраченных часов и минут на перечисленные в ней статьи расхода времени. Помимо неё в исследовании была использована социологическая анкета, состоящая из закрытых и полужакрытых вопросов, ответы респондентов на которые позволили нам как дополнить, содержащуюся в анкете-хронокарте информацию, так и более точно её анализировать. На наш взгляд, применение комплексного подхода при изучении временных затрат, сочетание методов исследования бюджетов времени дают возможность более полно и точно охарактеризовать конкретную социальную группу с точки зрения используемых ею основных статей расхода времени.

С 26 апреля по 17 мая 2016 года нами было проведено исследование бюджета времени многодетных матерей города Череповца. Исследование проходило на базе НО БФ «Дорога к дому». В опросе приняли участие 38 человек, из них: 25 многодетные матери и 13 матерей с одним ребенком или двумя детьми. Всего анкеты получили 56 человек. Согласно нашей модели, бюджет времени многодетной матери состоит из 8 основных видов затрат времени: личные естественно-физиологические потребности, хозяйственно-бытовые нужды, естественно-физиологические потребности детей, развитие детей, уход за родственниками, передвижение к месту получения услуг, рабочее время, свободное личное время.

Так как в многодетных семьях детей много, то мы вправе предположить, что существенная доля затрат времени уходит на детей. Это время имеет сложную структуру. В нашем исследовании удельный вес затрат времени на развитие детей составляет 14%. Сюда относятся: чтение книг с детьми, прогулки, развивающие игры, помощь в приготовлении уроков, совместное с детьми посещение медицинских учреждений, совместное посещение кружков, студий, школ. Общество воспринимает многодетную семью как семью, в которой мало времени уделяется на развитие каждого отдельного ребенка. Данные нашего опроса по городу Череповцу не подтверждают сложившееся в обществе мнение. Удельный вес затрат времени на естественно-физиологические потребности детей и на хозяйственно-бытовые нужды составил 9%. Что касается свободного личного времени, то оно составляет 8% (2 часа в сутки), что, на наш взгляд, является очень хорошим показателем того, что у многодетной матери есть возможность выделить время для себя.

Среди всех временных затрат на детей мы выделили два блока: время, затраченное на удовлетворение естественно-физиологических потребностей детей и время, затраченное на развитие детей. Как мы выяснили, в среднем многодетная мама тратит на удовлетворение естественно-физиологических потребностей детей в будний день – 2 часа 14 минут, что составляет 9% от всего времени, в выходной день – 2 часа 35 минут, что составляет 11% от всего времени. На развитие детей многодетные матери, в среднем, тратят больше времени, чем на естественно-физиологические потребности детей. В будний день – 3 часа 12 минут (14% от всего времени), в выходной день – 3 часа 32 минуты (15 % от всего времени). Таким образом, время, затраченное на детей, в среднем на одного обследуемого в сутки, составляет одну четвертую часть от всего времени.

Воспитание и уход за детьми – это сложный и многофункциональный процесс. Две трети опрошенных нами женщин говорили, что в заботе о детях им помогает муж. Из них большая часть отметили, что именно помощь мужа значительно влияет на распределение времени многодетной матери. Почти половина указали, что в заботе о детях им помогают родственники, хотя, по их мнению, она не очень значительна.

Также многодетным матерям предлагалось оценить, является ли для них забота о детях приоритетным аспектом повседневной жизни. В результате подавляющее большинство заботу о детях считают наиболее приоритетной, и лишь 1 респондент сказал, что для нее забота о детях не является главным аспектом повседневной жизни.

Теперь постараемся подробнее рассмотреть, на какие виды деятельности, связанные с детьми, многодетные матери тратят больше времени в среднем в неделю. Самые большие затраты уходят на чтение книг с детьми – 1 час 30 минут (26% от времени, затраченного на детей), 1 час 4 минуты (18%) женщины тратят на кормление детей и 59 минут (17%) на прогулки. В ходе опроса респондентам предоставлялась возможность оценить степень влияния количества детей на распределение времени. Две трети респондентов указали этот фактор как очень значительный и лишь пятая часть – как незначительный. Наиболее важным в жизни является: здоровье, хорошая семья, здоровье и благополучие детей, а также любовь. В заботе о детях ей помогает муж и родственники.

Время, которое мама уделяет своим детям в течение суток, составляет 7 часов 12 минут (30% от всего времени). Сюда входит время, затраченное на удовлетворение естественно-физиологических потребностей детей – 2 часа 30 минут и время, затраченное на развитие детей – 4 часа 42 минуты.

В результате нашего исследования оказалось, что больше всего времени детям уделяет мама 7-х детей. Время, которое матери затрачивают на 3-х и 4-х детей, практически одинаковое. Но, даже несмотря на большое количество детей, матери уделяют время и себе, благодаря тому, что им помогают муж и родственники.

По данным нашего исследования наибольшее количество времени затрачивает на детей многодетная мама, которая отнесла себя к категории «средние» – 28%, далее многодетная мама, которая отнесла себя к категории «между богатыми и средними» (25%). Меньше всего времени на детей тратит мама из категории «между средними и бедными». Факт наличия меньшего времени можно было бы объяснить затратами на рабочее время, вследствие низкого материального положения. Но по результатам исследования время, затраченное на работу, не превышает, а наоборот, является более низким, чем у матерей из других категорий. Зато удельный вес свободного времени у респондента 3 превышает практически в два раза удельный вес на свободное время. Мы пришли к выводу, что материальное положение не является фактором, который значительно влияет на время, затраченное на детей, по крайней мере среди наших опрошенных. Таким образом, в среднем, многодетная мама тратит на удовлетворение естественно-физиологических потребностей детей в будний день – 9% от всего времени, в выходной день – 11% от всего времени. На развитие детей многодетные матери, в среднем, тратят больше времени, чем на естественно-физиологические потребности детей. В будний день – 14% от всего времени, в выходной день – 15 % от всего времени.

В результате опроса выяснилось, что большей половине матерей в заботе о детях помогает муж. Чуть меньше половины респондентов отметили, что именно его помощь значительно влияет на

распределение времени многодетной матери. Столько же отметили, что в заботе о детях им помогают родственники, хотя как очень значительную данную помощь отметили лишь 12% опрошенных женщин. Возможно, это связано с тем, что их помощь всё-таки является второстепенной после помощи мужа и детей. Подавляющее большинство матерей выделили в главный приоритет заботу о детях. В результате анализа нами были сделаны предположения об осознанности и неосознанности многодетного материнства в конкретных случаях.

Правильное рациональное распределение бюджета времени позволяет женщине реализовать себя не только в материнстве, но и как женщине, у которой есть хобби, увлечения, стремление получать образование, найти время для мужа, ведь семья – это не только дети. Грамотное распределение бюджета времени даёт возможность более четко и правильно распределять функции в семье. Любая семья выполняет определённый набор функций. Нельзя, чтобы за женщиной закрепились только хозяйственные функции и функции по уходу за детьми. Это должно быть разделённое время.

Библиографический список:

1. Федеральная служба государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru>
2. Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17118>
3. Патрушев В.Д., Артемов В.А., Новохацкая О.В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 23-35.
4. Патрушев В.Д. Динамика бюджетов времени горожан (1965 по 1997 г.г.) // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 28-35.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ И РЕШЁТКИ «ЧЕТЫРЁХ ДЕЙСТВИЙ» ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОМПАНИИ

Колодезникова И.В.

В условиях значительного усиления конкуренции, которое наблюдается на современных рынках, компании постоянно ищут пути и методы повышения конкурентоспособности. При этом существует целый ряд методов и моделей, которые позволяют проанализировать уровень и характер конкуренции на существующих рынках и облегчают принятие управленческих решений по формированию стратегии рыночного поведения компании. Это, например, такие модели как модель движущих сил конкуренции Майкла Портера, Матрица Ансоффа, матрица BCG, экран бизнеса General Electric. Но поскольку в значительной степени успех бизнеса определяет нестандартность подхода к его формированию, в статье речь пойдет о новых инструментах принятия стратегических решений – модели четырех действий и дополняющей её решетке «упразднить- снизить- повысить- создать».

Модель и решётка были предложена Чаном Кимом и Рене Моборн в книге «Стратегия голубого океана» как инструменты для создания нового бизнеса в рыночной нише- незанятом рыночном пространстве[1]. По мнению авторов, применение этих инструментов позволит бизнесу вырваться за рамки «алого океана» конкуренции и успешно работать в «голубом океане»- созданной бизнесом рыночной нише. При этом потребители получают новую ценность и новые продукты, а в выигрыше будут все участники рынка.

Модель четырех действий предполагает осмысление существующего характера конкуренции в отрасли и основных движущих сил в ней для поиска путей снижения издержек и повышения ценности бизнеса для клиентов. Для анализа существующей бизнес-модели по мнению авторов необходимо ответить на следующие основные вопросы, касающиеся собственного бизнеса:

- какие факторы, из тех, что все конкуренты применяют в отрасли, следует упразднить?

- какие факторы следует значительно снизить по сравнению со стандартами, существующими в отрасли?

- какие факторы следует значительно повысить по сравнению с существующими в отрасли стандартами?

- какие факторы, из тех, что никогда ранее не предлагались, следует создать? [1, с. 47]

При ответе на первый вопрос необходимо задуматься о тех факторах, которые долгое время используются всеми конкурентами в отрасли, значительно увеличивая издержки и не приносят конкурентного преимущества бизнесу и новой ценности потребителям.

При ответе на второй вопрос необходимо выяснить, не предоставляет ли бизнес избыточных продуктов или ценностей клиентам. Это также увеличивает издержки, не давая отдачи.

Ответ на третий вопрос позволяет выявить «слабые звенья» в работе отрасли и те моменты в продуктах или услугах, которые не устраивают потребителей.

Ответ на четвертый вопрос позволяет задуматься о создании новых источников ценности для клиентов, о создании нового спроса. Также он позволяет в будущем расширить клиентскую базу бизнеса путем привлечения новых клиентов к использованию продуктов компании.

Таким образом, ответы на первые два вопроса помогут понять, какие шаги нужно предпринять для снижения издержек. Кроме того, это позволит проанализировать существующую модель бизнеса компании и понять, не слишком ли она усложнена. Ответы на последующие вопросы позволят задуматься о создании нового спроса и повышении ценности бизнеса для потребителей. Все это вместе подводит компанию к созданию новой бизнес-модели, позволяя отказаться от конкуренции в существующем рыночном поле и дают возможность перейти действиям в незанятых рыночных нишах.

Для целей практического использования модель четырех действий дополняется еще одним инструментом- решеткой «упразднить- снизить- повысить- создать». Решетка представляет собой матрицу, каждый квадрант которой ставит перед владельцем бизнеса конкретные вопросы, ответив на которые, можно создать новую кривую ценности [1, с. 89]. Соответственно, использование матрицы помогает создать новую модель бизнеса, следуя при этом логике, присущей данной отрасли. Заполненная матрица является по сути набором конкретных шагов-действий по созданию новой ценности. Преимуществом данного инструмента является большая наглядность и сравнительная простота использования. Это позволяет привлекать менеджеров всех уровней к осмыслению стратегических преобразований, в которых нуждается бизнес и разработке конкретных шагов для осуществления предложенных преобразований. Также заполнение решетки позволяет тщательно осмыслить все факторы конкуренции, под воздействием которых развивается отрасль и предпринять шаги по повышению конкурентоспособности. Выявленные факторы, под воздействием которых отрасль развивается в исследуемый момент времени, составляют стратегическую канву отрасли [1, с. 34]. Стратегическая канва строится в графической форме и позволяет описать отрасль с точки зрения продуктов, основных действий конкурентов, логистики, маркетинга, сбыта. Преимуществом ее использования является наглядность, которая позволяет значительно облегчить процесс диагностики факторов конкурентоспособности в отрасли.

После заполнения решетки, строится новая стратегическая канва для исследуемого бизнеса. Наложение этого графика на первоначальный наглядно показывает отличия новой бизнес-модели от моделей конкурентов. Если кривая ценности компании отличается от кривой ценностей большинства компаний, оперирующих в отрасли, это означает, что компания создала новую ценность для потребителей. Это может также послужить основой для привлечения новых потребителей, которые ранее не были клиентами, а также стать источником конкурентного преимущества для компании.

Подводя итог, отметим, что применение модели и решетки «четырёх действий» позволяет по-новому взглянуть на факторы конкуренции, существующие в отрасли и дает возможность в наглядной форме сформулировать конкретные шаги, которые следует предпринять для повышения конкурентоспособности и изменения бизнес-модели.

Библиографический список:

1. Ким Ч., Моборн Р. Стратегия голубого океана. М.: МИФ, 2014.
2. Стратегия голубого океана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.executive.ru/management/worldtoplist/349782-Chan-Kim-Lyubaya-kompaniya-mozhet%20vnedrit-Strategiyu-golubogo-okeana>
3. Как стартапу найти свой голубой океан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stfalcon.com/ru/blog/post/finding-a-blue-ocean-for-your-startup>
4. Голубые океаны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thebigplans.ru/blue-ocean>

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА: МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СРЕДЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ*

Комбаев А.В.

На данный момент в России на повестке дня остро стоят вопросы изучения межэтнических взаимодействий. Особо актуально исследование молодежи, поскольку это наиболее динамичная, активная часть населения, живо реагирующая на изменения социально-экономической и политической ситуации в стране, часто переводя их в сферу межэтнических отношений. Хотя большинство населения, в том числе и молодежь, не занимается активной политической и общественной деятельностью, исследования показывают, что наиболее активную часть радикальных националистических организаций и групп составляют именно молодые люди.

Учащаяся молодежь представляет собой организованную группу, интегрированную в институты системы образования, но вместе с тем, учащиеся активно ассоциируются и в неформальные группы.

С целью мониторинга межнациональной напряженности в Регионе, нами была предпринята попытка посредством методов социологического анализа проанализировать ситуацию межэтнического взаимодействия и восприятия в среде молодежи.

В качестве основного метода сбора данных применялся анкетный опрос с использованием специально разработанной анкеты. Вспомогательные методы сбора данных включали: метод вторичного анализа данных социологических исследований, метод анализа документов и др.

Размер выборочной совокупности исследования составил 603 человека. Первичные данные были обработаны с использованием ИКТ и программы обработки данных DA-система.

Расчет выборочной совокупности осуществлен методом многоступенчатого квотного отбора.

Расчет выборочной совокупности исследования включал три этапа: 1 этап – отбор районов республики Бурятия (удаленность от г. Улан-Удэ, национальный состав); 2 этап – отбор образовательных учреждений общего и среднего специального образования; 3 этап – отбор респондентов. Сплошной опрос учащихся одного одиннадцатого или десятого класса (для ОУ) и группы (для СПО и ВПО)

Итого было опрошено 212 учащихся общеобразовательных учреждений, 170 студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования, 221 студент четырех государственных вузов, расположенных в г. Улан-Удэ.

В рамках исследования была использована специально разработанная анкета, включавшая девятнадцать вопросов, разбитых на три блока. Первый блок вопросов был направлен на выявление особенностей этнической идентичности респондентов, второй блок включал вопросы, связанные с изучением уровня межэтнической толерантности и конфликтного потенциала учащейся молодежи. Третий блок вопросов включал преимущественно социально-демографические характеристики.

*Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ «Сравнительные исследования социальных эффектов горнорудной промышленности России, Монголии, КНР», проект №3433, срок реализации 2014-2016

На вопрос «Кем Вы ощущаете себя, прежде всего?» ответы учащихся распределились так, что большинство опрошенных считают себя, прежде всего, россиянином, затем жителем Бурятии, затем представителем своей этнической группы, затем сибиряком и, наконец, дети этнически смешанных браков считают себя представителями двух народов. Лишь 2,8% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос.

Таблица 1 – Кем Вы ощущаете себя, прежде всего

Кем Вы ощущаете себя, прежде всего?	Количество
россиянином	39.0%
сибиряком	8.0%
жителем Бурятии	28.2%
представителем своей национальности	17.1%
представителем двух народов, т.к. родился в смешанном браке	5.0%
затрудняюсь ответить	2.8%
Всего	100.0%

В результате опроса было выявлена интересная особенность идентичности учащейся молодежи Республики Бурятия. Налицо идентичности по большим государственно-политическим и социально-территориальным категориям, когда русские учащиеся в большей степени склонны соотносить себя с Россией (я – россиянин), и лишь затем с Бурятией (я – житель Бурятии), в то время как для бурят ответы распределяются в обратном порядке. Кроме того, для русских респондентов из предложенных вариантов наименее значимым оказался вариант «Я ощущаю себя, прежде всего, представителем своей национальности», его выбрало лишь 7,9% от числа опрошенных респондентов. Для бурят и представителей иных этнических групп этот вариант оказался значительно более значимым (25,3% и 24,2% соответственно). Это может свидетельствовать о некотором размывании этнической идентичности русских учащихся, превалировании у них политической идентичности, соотносимой с общероссийским национальным уровнем государства. Примечательно, что 5% опрошенных – это дети этнически смешанных браков, причем они себя соотносят именно с двумя этническими группами, что указывает на отсутствие ситуации острого выбора этнической идентичности, характерной для этнического конфликта, даже в его латентной форме.

В целом, распределение ответов на вопрос о возрасте, в котором респонденты начали ощущать свою национальную принадлежность позволяет сделать вывод о более ранней актуализации этничности в бурятских семьях. Значительно меньшая доля неопределившихся респондентов-бурят также свидетельствует о большей консолидированности общественного мнения у этой группы учащихся, причем наибольшая доля неопределившихся среди представителей иных национальностей 33,9%.

Таблица 2а – В каком возрасте Вы впервые начали ощущать свою национальную принадлежность?

В каком возрасте Вы впервые начали ощущать свою национальную принадлежность?	Количество
до 3-х лет включительно	9.8%
4-10 лет	29.4%
11-14 лет	22.9%
15-17 лет	9.1%
18-21 года	6.3%
затрудняюсь ответить	22.6%
Всего	100.0%

Таблица 2б – В каком возрасте Вы впервые начали ощущать свою национальную принадлежность?

В каком возрасте Вы впервые начали ощущать свою национальную принадлежность?	Ваша национальность			
	русский (-ая)	Бурят (-ка)	другая	Нет данных
до 3-х лет включительно	8.7%	12.3%	4.8%	-
4-10 лет	23.8%	37.2%	19.4%	66.7%
11-14 лет	27.1%	18.4%	24.2%	-
15-17 лет	9.7%	8.8%	8.1%	-
18-21 года	6.1%	5.7%	9.7%	-
затрудняюсь ответить	24.5%	17.6%	33.9%	33.3%
Всего	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%

На вопрос «Где именно вы сталкивались с недоброжелательным отношением к людям по признаку национальной принадлежности?» значительная доля (38,8%) респондентов не ответила, но большинство учащихся указали типичные, по их мнению, этнически конфликтные ситуации и места Бурятии. Так, 24,7% опрошенных отметили, что сталкивались с подобным отношением в учебном заведении Бурятии, а 13,3% – в учебных заведениях вне пределов Бурятии, что составляет 38% от числа опрошенных учащихся. На улицах города в Бурятии и за ее пределами сталкивались с недоброжелательным отношением по признаку этнической принадлежности 40,7% респондентов.

На основе результатов исследования можно сделать ряд выводов. Следует признать, что при воздействии каких-либо катализирующих факторов, таких как ухудшение социально-экономической ситуации, внешне- или внутреннеполитическая нестабильность потенциально возможен латентный или даже открытый конфликт на этнической почве. Немногим менее половины опрошенных учащихся считают вполне возможным такой конфликт в своем населенном пункте. Многие респонденты отмечают, что сталкивались с проявлением недоброжелательного отношения признаку национальной принадлежности, причем в типовых социальных ситуациях повседневного социального взаимодействия. Даже если таковые проявления в действительности встречаются не так часто как считают учащиеся, само наличие схемы интерпретации конфликтных ситуаций как этнически окрашенных свидетельствует, что налицо существование т.н. «бытового национализма» как массового явления, что не может не снижать общего уровня межэтнической толерантности учащихся.

На наш взгляд, необходимо создание координирующей группы в системе органов государственной власти Бурятии, местного самоуправления с целью организации системы мероприятий, направленных на повышение межэтнической толерантности учащихся и профилактику межэтнических конфликтов. Необходимо проведение регулярного этносоциологического мониторинга, направленного на сбор данных состояния межэтнической толерантности учащихся, диагностику и предупреждение этнополитических конфликтов.

МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ТОЛЬЯТТИ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Коркина К.А.

На протяжении долгих лет в мировом сообществе культивировался «светлый образ Америки». Страны свободы, безопасности и с «правом на поиск счастья» [1]. Продвижение «красивой американской жизни» особенно происходило в СССР. Начиная с 60-х годов 20 века через «железный занавес» происходило культурное вторжение идеи «Американской мечты». Уже к 70–90-м годам происходило перенимание американского стиля, музыки и идеологии. Данная идея настолько оказалась удачной, что за 180 лет, в период с 1820 по 1999 г., из разных стран мира на территорию современных Соединенных Штатов прибыло более 65 миллионов иммигрантов [2]. Все это стало фактором успешной саморекламы и влияния на массы через культуру. Однако с развитие

глобализации урбанизации и американской политической деятельности в обществе изменялась и «Американская мечта».

Для того чтобы выявить отношение, существующие стереотипы и каналы их формирования, нами был проведен опрос жителей г. Тольятти. Гипотезы исследования были построены на основе сравнения мнений жителей по двум возрастным группам «18–25лет» и «35–60лет», поэтому выборочная совокупность представлена в пропорции 50/50.

Для начала, нам было важно выяснить, уровень знания английского языка. На основе полученных данных можно прийти к выводу, что уровень знания английского языка выше у представителей молодого поколения. Однако стоит отметить, что большое количество респондентов не обладают высокими знаниями.

Далее нам необходимо узнать, что жители города понимают под выражением «американский образ жизни». Большинство респондентов понимают, как «Образ жизни граждан США» – 66% (по 33% в обеих группах). Наименьшее число респондентов выбрали варианты «Передовой» – 16 % и «Образ жизни изобилия, свободы и равенства» – 14%. На основе полученных данных можно сказать о том, что американский образ жизни трактуют скорее негативно. Преобладание негативных оценок со стороны молодого населения опровергает гипотезу о положительном отношении данной возрастной группы.

При анализе стереотипов нам было важно узнать уровень доверия информации в СМИ. Большинство 54% не доверяют, 29% – затрудняются ответить на данный вопрос. Выразили доверие только 17%.

Далее мы хотели выявить основные источники формирования стереотипов. Большинство респондентов (72%) выбрали «Кино» и «СМИ» (63%). Проанализировав полученные данные можно сказать о том, что популярными источниками информации являются кино и СМИ (подтверждает гипотезу о каналах распространения информации).

В следующем блоке вопросов мы хотели выяснить, положительные и отрицательные стороны американского образа жизни. Наиболее привлекательные черты: «Хорошие дороги и другие условия для жизни» (43%) , «Высокий уровень жизни» (41%), «Правовая защищенность» (32%), «Качественное медицинское обслуживание» (30%) и «Широкие возможности для развития способностей и талантов» (24%). Тройку отрицательных черт составляют: «Феминизм» (5%), «Высокая плата за обучения» (4%) и «Недоброжелательное отношение к иммигрантам» (3%). Основываясь на полученных данных можно сказать, что людей привлекает, прежде всего, комфорт, но отталкивает «жизнь в кредит» и однополые браки.

С помощью следующего вопроса, мы хотели выделить основные черты «типичного американца». Пятерку популярных черт составляют: «Интеллектуальность» и «Самоуверенность» по 38%, «Стремление к независимости» (36%), «Патриотизм» (33%), «Меркантильность» (29%). Наименьшее число выбрали: 3% «Дисциплинированность», 2% «Чистоплотность» и по 1% «Правдивость», «примитивный юмор» и «Жизнерадостность». Таким образом, среди респондентов сформировался противоречивый образ интеллектуального, самоуверенного американца который патриот своей страны, стремящийся к независимости. Гипотеза о противоречивости представлениях подтвердилась.

Следующий блок вопросов был направлен на выявление оценки США в различных жизненных сферах. Отрицательные оценки получили такие сферы, как: *Мировая финансовая система* – 55% (29% в первой группе и 26% во второй); *Политическая стабильность в мире* – 76% (36% – молодое население и 40% старшее); *Распространение западной демократии* недовольство выражают 53%; *Мировая культура* – 40% (21% – первая группа и 19% вторая). Положительное влияние США, по мнению респондентов, связано с такими сферами: *Создание информационных технологий* 84 (по 42% в обеих группах); *Создание передовой техники* 73% (35% молодое население, 38% старшего возраста); *Развитие науки* 72% (по 36% каждая группа). На основе данных можно сказать, что положительное влияние США, по мнению респондентов как правило, связано с

созданием и развитием технологической и научной деятельности. Геополитическую и культурно-экономическую деятельность респонденты оценивают негативно. Гипотеза о неоднозначности оценки сторон американской деятельности в различных областях подтвердилась.

Далее мы хотели узнать оценку отношений наших стран и оказали ли они влияние на представления об американцах. Почти половина респондентов отмечают как «плохие» 49%, «В чем-то хорошие, в чем-то плохие» 37%, затрудняются ответить 13% и считают хорошими только 1% (из старшей группы). Можно утверждать, что мнение практически одинаково в обеих группах

На основе данных, полученных в ходе исследований, можно выделить ряд закономерностей. В обществе преобладают скорее негативные оценки в отношении образа жизни. Прежде всего, это связано с американской деятельностью в мире. Так же существует преобладание отрицательных стереотипов в отношении «типичного американца», подобную особенность выделяли и другие исследователи [3; 4]. Однако желание посетить и отчасти подражать США существует среди представителей обоих поколений. В заключении, важно отметить, что основное распространение и формирование стереотипов происходят через средства массовой культуры[5]. Тем самым, можно сказать, что оценка Америка, «великой державы» с высокой степенью влияния, неоднозначна, так как она содержит в себе большое количество противоречий относительно многих аспектов.

Библиографический список:

1. Шпенглер О. Закат Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml
2. Неймер Ю.Л. Иммиграция в США, русская и иная // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 1. С.121-137.
3. Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.
4. Руткевич Е.Д. Типология социального характера Д. Рисмена // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 118-121.
5. Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт. 2015. № 4. С. 91-95.

БИТКОИН КАК НОВАЯ ФОРМА ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ. БЛОКЧЕЙН КАК НОВАЯ ФОРМА ИНФРАСТРУКТУРЫ. ПЛАТФОРМА КАК НОВАЯ ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ

Костень Д.

В октябре 2008 года в интернете появилась статья, написанная под псевдонимом Сатоши Накамото, которая предлагала техническое решение задаче, известной в экономике как «Дилемма Византийских Генералов».

Данная дилемма гласит о следующем: Византийская армия состоит из независимых военных формирований под руководством независимых генералов. Для того чтобы выиграть сражение – необходимо установить атмосферу полного доверия, Генерал должен быть уверен в том – что сосед не попытается подставить под основной удар Генерала-соседа.

Если в самую суть, то решение дилеммы Византийских Генералов предложило человечеству техническое решение понятия доверия. В обществе отпала необходимость полагаться на человеческий фактор для получения либо подтверждения, либо контролирования исполнения денежно-договорных или других обязательств.

Первым и самым простым применением понятия доверия является децентрализация функции денег. Последующим применением является автоматизация, и более того, децентрализация управления производством и обществом посредством умных контрактов.

Объединение и использование Блокчейн технологий с такими направлениями как Big Data, Интернет вещей, 3Д печатание, и алгоритмы искусственного интеллекта полностью меняют социально экономическую текстуру общества в ближайшие 5-10 лет. Без перехода на новые бизнес

модели, и методы управления, современные производственные мощности морально устареют и рискуют превратиться в экономически и социально невостребованные элементы инфраструктуры.

В своих выступлениях Греф уже говорил о том, что, например, банковский сектор прекратит свое существование, в той форме в которой мы его знаем, уже в течении 2х-3х лет [5]. Причина – на смену придут модели товарно-денежных отношений совсем другого поколения. Данное произойдет как результат изменения механизмов работы денег – это первое и самое простое применение технического протокола технологий Блокчейн. Также, параллельно, последует трансформация экономики – сначала в платформы, а потом в экосистемы. Потребуется модели нового поколения с совсем другими механизмами управления экономикой и обществом. Потребуется принципиально новая система правовых отношений.

До наступления эпохи интернета, в экономике доминировали предприятия закрытого типа. Одна из форм оптимизации таких предприятий являлось устранение транзакционных издержек по цепочке продвижения товара от производителя к конечному потребителю. Т.е. упрощалась логистика, в одну линейку интегрировались каналы поставщиков, доставки и сбыта. Как результат выстраивались жесткие бизнес модели по типу В-to-В и В-to-С.

С появлением интернета, около 15 лет назад на рынке появились компании нового поколения – предлагающие С-to-С бизнес модель. Они же и привели к зарождению предприятий нового поколения – называемой платформой. Главным бизнес активом такой компании является новая производственная модель в совокупности с техническим обеспечением, в форме платформы, которая предоставляет возможность участникам рынка производить обмен товарами и услугами.

Платформа как принципиально новая бизнес модель оказалась в десятки и сотни раз эффективнее в снижении транзакционных издержек - сначала в цикле маркетинга и сбыта, а потом и в других циклах продвижения товара. Предприятия с закрытой интегрированной цепочкой продвижения товаров оказались вынужденными открыться и перевести в платформу сначала циклы маркетинга и сбыта, а потом и другие производственные циклы. Те, кто не успел или не смог перестроиться или адаптироваться просто исчезли.

Около 10 лет назад началась эпоха расцвета платформ первого поколения. На сегодняшний день данные платформы достигли такой критической массы и размеров ВВП, что появился новый термин – платформовая экономика. На 2015 год, в мире насчитывалось 176 крупных платформ, с рыночной капитализацией \$4.3 триллиона долларов, и общим объемом рабочей силы в \$1,3 миллиона [6]. Если сравнить с Российской Федерацией, например, на 2013 год ВВП страны составлял порядка \$2,3 триллионов, и общим объемом рабочей силы порядка 70 миллионов человек [7]. Платформы первого поколения делятся на четыре основные категории.

Транзакционные платформы – основной функцией данной платформы являются предоставление площадки для посреднических услуг между покупателями, продавцами, подписчиками и т.д. Яркими примерами данных платформ являются Алибаба, Амазон, Ебай, и т.д.

Иновационные виды платформ – основной функцией данной платформы является предоставление технической площадки для упрощения инноваций новых продуктов и сервисов. Характеристикой данной платформы является взаимное использование программных блоков построенных другими участниками экосистемы. Ярким примером такой платформы является Apple и Google операционные системы. Как пример, Apple предоставляет свой язык программирования, и набор различного рода программных инструментов, например, SDK, API, и т.д.

Интеграционная платформа – этот тип платформ является гибридом транзакционной и иновационной платформ. Опять же Apple является ярким примером данной платформы. С одной стороны, Apple предоставляет платформу для ускорения инноваций, а с другой стороны экосистема продуктов Apple совместно с Apple Store предоставляет разработчику эффективный способ продвижения своих разработок к потребителю. Как пример, за первые два года существования рынок продаж в Apple Store превысил \$2 миллиарда.

Инвестиционные платформы – представляют собой компании, разработавшие свои собственные стратегии для портфолио различных платформ, в которых они выступают либо в качестве холдинговых предприятий, либо в качестве активных инвесторов, либо в качестве и того и другого.

Переход экономики на платформы первого поколения являлся *критическим, но не революционным* моментом. Причина – платформа не изменила централизованную форму управления производством, экономикой, и обществом.

Несмотря на то что платформы первого поколения трансформировали производственные отношения позволив в разы увеличить производственную эффективность, данные платформы продолжают наследовать все те же недостатки производства закрытого типа.

Во-первых, внутри платформы существует жесткий контроль – не позволяющий формирования неформальных институциональных отношений. Тем самым платформа создает парадокс «управляемого творчества». Концепция «управляемого творчества» вполне приемлема для такого понятия как «ремесленного творчества» т.е. пошагового улучшения продуктов или предоставляемых сервисов. Настоящее же творчество и изобретательность, неординарно в своих решениях, спонтанно по характеру и не может существовать в ограниченных рамках платформы. Поэтому действительная инновация будет происходить вне платформы.

Вторым и не менее важным недостатком платформы первого поколения является распределение материальных и информационных ценностей между участником-производителем и владельцем платформы. В то время как договорные обязательства по материальной ценности производимого продукта более-менее понятны, информационная ценность агрегатного использования класса данных продуктов, или типов сервисов, (т.е. Big Data) остается единоличной собственностью платформы.

Третий недостаток платформы является следствием второго. Ассиметричность в доступе к информации между владельцем платформы и участником-производителем ценностей ведет к постоянному конкурентному превосходству платформы над участником производителем, сначала в форме доступа к информации, а в дальнейшем и в форме базовой компетенции самого участника. В конечном итоге у платформы вообще исчезает необходимость в присутствии участника-производителя. Платформа превращается в такое же предприятие закрытого типа только на базе новых технологий.

Четвертым недостатком платформ первого поколения это отсутствие паритета силы между платформой и участниками-потребителями. Сила платформы – это эффект сети. В первичных фазах роста платформа обслуживает как участника-потребителя, так и участника-производителя, предоставляя все новые и более эффективные формы сервиса. В последующих же фазах, истребив участников-производителей, и обвязав участников-потребителей «липкими услугами» платформу перестает интересовать инновационное обслуживание своих клиентов, т.к. клиент переходит в категорию «сырьевого товара» (отношение к нему как к commodity).

Влияние государственной власти на платформы первого поколения пока еще вполне возможно. Государство является представителем воли избирателей, и претендует на монополию власти. Однако, платформа, достигнув определенных размеров, также начнет являться представителем воли ее участников, и претендовать на свою монополию власти. На первичный момент будут происходить офсетные сделки между платформой и государственной властью, а в дальнейшем, вполне предсказуемо, что платформа, как экономический производитель, сможет поглотить государственность. Патрик Бурн, Генеральный директор компании Overstok.com считает, что элементы такого поглощения уже наблюдаются на Западе. Он описывает этот процесс в своих трудах Deep Capture (Глубокий Захват).

Необходимо отметить важную разницу между Государственной Властью и Властью платформы. Основой Государственной Властью является социальный контракт между обществом и его представителями в Государстве. Также можно сказать, что основной задачей Государственной

Власти является предоставление и обслуживание площадки для социально – экономического созидания общества.

Основой социальной власти платформы также выражается в предоставлении площадки для социально-экономического созидания. Однако экономическая деятельность платформы не обусловлена ограничениями социального контракта между обществом и платформой, и основной задачей платформы является производство прибыли для ее владельцев. То есть, если платформа сливается с Государственной Властью, при современной организации общества, то на выходе получается система в которой основной задачей законо-производства является максимизация прибыли для ее владельцев. Звучит как техно-рабство.

Техно-рабство – это социально-экономический шаг назад. Согласно теории Маслоу, для достижения качественно нового уровня продуктивности, заложенного в потенциале новых технологий, необходим абсолютно новый уровень сотрудничества – коллективное созидание [1]. Для этого участнику в процессе созидания необходимо выработать высокие моральные качества, объективность в оценке, творческий подход, непосредственность, и восприятие фактов как есть. Однако, существующая система централизованного управления ограничивает и сдерживает достижения этого, и поэтому платформы первого поколения являются лишь переходным звеном к платформам второго поколения.



Рисунок 1 – Пирамида Маслоу и фазы социально-экономического развития

Источник: Составлено по [13]

Однако необходимо с акцентировать внимание на том, что правовое отсутствие социального контракта с платформами первого поколения, может привести к экономическому тренду, ведущему в тупиковую ветвь развития человечества, выраженном в техно-рабстве. На данный исторический момент это является самой главной опасностью для человечества.

В заключении о платформах первого поколения можно просуммировать следующее: На данный момент эти платформы являются инновационными бизнес моделями и выполняют важную роль социально-экономического преобразования. Структурно, данные платформы имеют централизованную форму управления, и гармонично сочетающаяся с современной иерархической системой экономического и законодательного управления обществом.

Платформы второго поколения по форме деловой активности отображают платформы первого поколения, однако с точки зрения технической и бизнес архитектуры представляют собой децентрализованную экосистему, сформированную по принципу сети с одноранговыми отношениями. Данные платформы формируются на основе неформальных отношений, с целью выполнения определенной задачи. Групповое решение одной задачи может выступать как вводное данное для выполнения последующей задачи другой неформальной группой. По такому принципу организуются сложные экосистемы деловых взаимоотношений способные полностью эмулировать системные бизнес процессы, используемые для производства услуг или конечных продуктов. На данный момент таких платформ почти нет, но технологии для их производства уже существуют, и десятки проэктв находятся в разных стадиях строительства.

Платформы второго поколения в десятки, а то и в сотни раз превысят эффективность платформ первого поколения. Данная эффективность достигнется за счет извлечения максимальной

масштабируемости, взаимного использования ресурсов и процессов, а также за счет использования технического решения понятия доверие, которое устраняет необходимость в контроле.

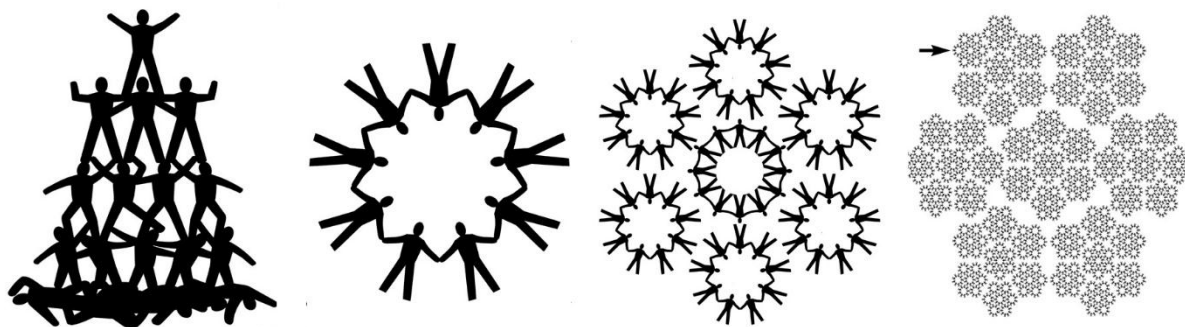


Рисунок 2 – Масштабируемые и не масштабируемые формы организации

Источник: Составлено автором по [13].

Структурно платформы второго поколения не считаются с современной иерархической системой экономического и законодательного управления обществом, так как не имеют централизованной формы управления. Приведем несколько примеров.

Концепция Биткоин (как пример платежной системы и платформы второго поколения) в корне ломает структуру централизованного управления *контрактно-денежными* отношениями. В современной системе контракт и деньги – это два отдельных понятия, управляемых отдельно друг от друга. Концепция Биткоин связывает контракт и деньги в единое целое, и, тем самым, исключает возможность влияния на одно из этих понятий в отдельности. В системе Биткоин нет денег без контракта, так же, как и нет контракта без денег.

Платежная система типа биткоин является примером полностью децентрализованной платформы. Использование децентрализованной системы возможно законодательно запретить, однако невозможно обеспечить соблюдения данного запрета.

В современном мире владельцем материальных ценностей всегда является физическое либо юридическое лицо. Платформы второго поколения позволяют программному обеспечению (т.е. умному контракту) стать владельцем материальных ценностей.

По той же аналогии, умный контракт имеет возможность стать конечным и единственным источником исполнительной власти.

Адаптация новых технологий ставит перед обществом сложную задачу требующую фундаментального пересмотра существующих правовых норм и форм управления социально – экономической деятельностью. Уже в самое ближайшее время обществу потребуется поработать и попробовать сформировать ответ на следующие вопросы.

В какой форме и какую роль будет играть законодательная и судебная власть, когда реальная исполнительная власть перейдет в частные руки посредством умных контрактов, не знающих территориальных и государственных границ?

Как воспринимать такой феномен, когда программное обеспечение (т.е. умный контракт), а не юридическое или физическое лицо является собственником материальных ценностей? Что с этим делать с институциональной точки зрения, и как к этому социально-экономически относиться?

Какие изменения должны произойти в институтах власти, чтобы не потерять социальной востребованности общества в рамках новой экономической действительности? Каким образом Государственная власть может продолжать обеспечивать выполнение социального контракта между обществом и его представителями в эпоху новых реалий и бросаемых вызовов платформами первого и второго поколения?

Библиографический список:

1. Дмитрий Костень. Манифест Биткойна или крипто-социализм как следующая фаза социально-экономического развития. REPEC, Research Division of the Federal Reserve Bank of St. Louis. [Электронный ресурс]. URL:< <https://ideas.repec.org/p/pramprapa/73601.html>
2. Дмитрий Костень. Биткойн – как новая форма товарно-денежных отношений. Блокчейн – как новая форма инфраструктуры. Платформа – как новая форма управления. Выступление на первом международном форуме Крымского Региона на тему «Институциональное экономическое развитие в условиях интеграции и глобализации». 22 сентября 2016 года.
3. Дмитрий Костень. Блокчейн технологии и платформы первого и второго поколения – финансово-экономическая безопасность нации. Выступление на первой международной научно-практической конференции Крымского Региона на тему «Финансово экономическая безопасность регионов России». 7 октября 2016 года
4. Дмитрий Костень. Миссия Биткойн – децентрализация финансовых и законодательных рычагов управления обществом. Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов. Сборник материалов международной практической конференции, 2016. С. 108-117.
5. Что сказал Греф после поездки в кремниевую долину на встрече лидеров 15 Марта 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mg76y7N8Xn0>
6. Global Platform Survey Team: Dr. Peter C. Evans, Annabelle Gawer, Dr. Veiru Chen, et. al. The Rise of the Platform Enterprise, a Global Survey” [Electronic Resource]. URL:< http://www.thecge.net/wp-content/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf>
7. The World Bank Data. [Электронный ресурс]. URL: <<http://data.worldbank.org/country/russian-federation>>
8. Nakamoto Satoshi. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Legitimate Applications of Peer-to-Peer Networks: 1-9. [Electronic resource]. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>
9. Pureswaran Veena, Sanjay Panikkar, Sumabala Nair, and Paul Brody. Empowering the Edge - Practical Insights on a Decentralized Internet of Things. Empowering the Edge - Practical Insights on a Decentralized Internet of Things. IBM Institute for Business Value, 17 Apr. 2015. [Electronic resource]. – URL:<http://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?infotype=PM&subtype=XB&htmlfid=GBE03662USEN#loaded>
10. James Manyika, Michael Chui, Peter Bisson, Jonathan Woetzel, Richard Dobbs, Jaques Bughin, and Dan Ahron. The Internet of Things: Mapping the Value Beyond the Hype. McKinsey Global Institute, June 2015.
11. Victoria Espinel, Derek O’Halloran, Erik Brynjolfsson, Domhnall O’Sullivan, et.al. Survey Report: Deep Shift: Technology Tipping Points and Societal Impact. World Economic Forum, September 2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.weforum.org/reports/deep-shift-technology-tipping-points-and-societal-impact>
12. Пирамида Маслоу. [Электронный ресурс]. URL: <http://constructorus.ru/psixologiya/teoriya-motivacii-abraxama-maslou.html>
13. Phelps J. Pyramids are Tombs. Traditional corporate structure, like the 20th century, is history. [Электронный ресурс]. – URL: http://pyramidsaretombs.com/Company_Organisation/?chapter=116

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Кузина И.Г., Прокофьева А.С.

Сложившаяся на сегодняшний день в России система социальной защиты молодой семьи весьма несовершенна. Необходимость моделирования указанной системы с целью усовершенствования общей структуры и ее отдельных элементов является насущной проблемой. Так, в 2011 году Институтом молодежи было проведено исследование, касающееся устойчивости российской молодой семьи, которое выявило, что более 46% молодых людей главной проблемой для

себя выделяли недостаток средств; около 70% опрошенных - опасались остаться безработными. Однако самой масштабной проблемой для современной молодежи являлась неудовлетворенность состоянием общества, в котором нет порядка, нет гарантированного будущего [1, с. 133]. При этом моделирование представляет собой процесс построения и изучения существующих явлений и конструируемых объектов для определения или улучшения их характеристик, рационализации способов их становления, управления ими и прогнозирования. Для совершенствования системы социальной защиты молодой семьи важно использовать уже имеющиеся ресурсы, и в частности, ее правовые основы.

Правовые основания названной системы тесно переплетаются с положениями государственной семейной политики. Важнейшие направления государственной политики в отношении молодой семьи отражены в ее основных ориентирах, закрепленных Указом Президента Российской Федерации от 14.05.96 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» [2]. Главными принципами государственной семейной политики в отношении молодой семьи выступают: партнерство государства, общества и членов молодой семьи; единство и непротиворечивость политики государства по отношению к молодой семье; целостность социально-экономических, образовательно-воспитательных и правовых составляющих семейной политики; разграниченный подход к различным категориям семей; социальная субъектность семьи; социальная наследственность поколений; гуманизм.

Нормативно-правовые документы, определяющие возможности защиты молодой семьи, включают четыре уровня правовой системы как таковой: международный, федеральный, уровень субъектов Российской Федерации, муниципальный.

Международный уровень регулирования семейной политики представляет собой ряд основополагающих документов. Во-первых, это Всеобщая декларация прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948. Декларация провозглашает главной составляющей признания прав и свобод человека достоинство личности и подчеркивает универсальный характер прав и свобод человека, при этом вводя запрет на какие-либо исключения в их предоставлении [3]. Во-вторых, следует назвать Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года (вступил в силу 3 января 1976 года). Этот документ является соглашением всех присоединившихся стран о создании условий для реализации экономических, социальных и культурных прав человека, наравне с гражданскими и политическими правами своих государств [4].

Важным документом для защиты семьи выступает Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая 18 декабря 1979 года (вступила в силу 3 сентября 1981 года). В соответствии со статьей 27 (1) данной конвенции, провозглашается и принимается принцип равноправия женщин, а права женщин признаются неотъемлемой частью прав человека [5].

Необходимо также указать на значение Декларации прав ребенка ООН, провозглашенной резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 года. Декларация была принята с целью обеспечения счастливого детства, пользования детьми правами и свободами, а также для того, чтобы призвать родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, добровольные организации, местные власти и национальные правительства к признанию и соблюдению этих прав путем законодательных и других мер [6].

Важнейшим правовым актом, защищающим членов семьи, является принятая 20 ноября 1989 года Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция о правах ребенка. Конвенция закрепляет следующие равные права детей и подростков, не достигших возраста 18 лет: право на жизнь и развитие, право на спокойное детство и на защиту от насилия, право быть уважаемым за свой образ мыслей. Согласно конвенции, интересы ребенка всегда должны учитываться в первую очередь [7].

Наконец, назовем среди основных международных документов Всемирную Декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей, принятую на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей в Нью-Йорке 30 сентября 2000 года. Для достижения цели обеспечения

каждому ребенку лучшего будущего, Декларация указывает на необходимость осуществить ряд задач: улучшить питание и здоровье детей; уделить больше внимания и заботы детям-инвалидам и другим детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; укрепить роль женщин в семье и в обществе; предоставить базовое образование всем детям мира; обеспечить безопасное материнство; обеспечить семью всеми возможными видами защиты и помощи [8].

Международный уровень правовой системы субъектов семейных отношений создает прочную основу для нормального функционирования и взаимодействия членов молодой семьи. Однако следует заметить, что данные акты носят в целом рекомендательный характер и не гарантируют создание продуманной семейной политики в России.

Указанную задачу можно выполнить путем принятия необходимых правовых документов на уровне Российской Федерации. Так, основным законодательным актом страны – Конституцией РФ – предусмотрена обязательная государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства.

Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации, Российская Федерация признается социальным государством, политика которого ориентирована на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [9]. В ст. 38, ч.2 указано, что семья находится под защитой государства, воспитание детей и забота о них – равное право и обязанность родителей, а трудоспособные дети, которые достигли совершеннолетнего возраста, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. В ст. 40 гарантируется, что малоимущим и нуждающимся в жилищном обеспечении, бесплатно или за доступную плату из федеральных, муниципальных и других жилищных фондов, в соответствии с установленными законом нормами, предоставляется жилье. Дальнейший анализ статей Конституции РФ показывает, что в ней освещены основные аспекты социальной защиты семьи и ее членов.

Кроме того, на федеральном уровне приняты нормативные акты, которые обеспечивают реализацию принципов социальной защиты молодой семьи. Среди них Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г.; Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г.; Федеральный закон № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г.; Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г.; Федеральный закон N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1995 г.; Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. и др.

Важно отметить, что федеральные законодательные акты также упорядочивают порядок предоставления услуг и средств молодой семье, причем в большей мере это характерно для нормативных правовых актов, принимаемых Государственной Думой РФ.

Принципы защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленные на уровне российского государства, конкретизированы в законотворчестве субъектов РФ, включая не только семейное законодательство, но и акты об охране здоровья, социальном обеспечении, жилищных и трудовых прав и т. д.

В субъектах РФ разрабатываются основы региональной семейной политики с учетом исторических и культурных традиций; устанавливаются региональные социальные стандарты и нормы, требующие неукоснительного выполнения; обеспечивается соблюдение законодательства РФ на всех этапах реализации семейной политики. Так, в Приморском крае приняты такие нормативные документы как Закон Приморского края № 203-КЗ «О материальной поддержке граждан Российской Федерации, проживающих на территории Приморского края, усыновивших (удочеривших) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживающих на территории Приморского края» от 29 апреля 2013 г.; Закон Приморского края № 217-КЗ «О защите прав ребенка в Приморском крае» от 29 декабря 2004 г.; Постановление Губернатора Приморского края от 5 сентября 2007 г. №

156-пг «Об утверждении Порядка регистрации многодетных семей на территории Приморского края и Порядка предоставления отдельных мер социальной поддержки многодетным семьям» и т.д.

Муниципальный уровень правовой защиты семьи конкретизирует методы, способы и механизмы достижения целей, которые определены в рамках федеральной и региональной семейной политики, согласно особенностям конкретных территорий. На основе региональных правовых актов органами местного самоуправления могут подготавливаться правовые документы, а также социальные нормы и нормативы с учетом особенностей конкретного муниципального образования. Так, в настоящее время администрация города Владивостока продолжает свою работу по расширению сети дошкольных образовательных организаций в рамках реализации подпрограммы «Развитие системы дошкольного образования» муниципальной программы «Развитие образования города Владивостока» на 2014 – 2018 годы.

Для улучшения характеристик системы социальной защиты семьи в России необходимо реализовать одно из главных направлений семейной политики, которое рассматривает семью и ее проблемы в свете гражданских прав, а не с точки зрения ее внутрисемейных и социальных трудностей. Нормативно-правовые акты, имеющие юридическую силу и содержащие порядок, условия, регламенты предоставления различных вариантов поддержки и помощи семье, обеспечивают процессу моделирования новой системы беспрепятственность и быстроту образования.

В целом, моделирование системы социальной защиты молодой семьи ведет к достижению важнейшей стратегической цели осуществления семейной политики государства – это создание надлежащих условий для организации, сохранения, развития счастливой и благополучной семьи как главного субъекта социальной структуры российского общества.

Библиографический список:

1. Социальная работа с молодежью [Электронный ресурс]: учебное пособие / Н.Ф. Басов [и др.]. М.: Дашков и К, 2015. 133 с.
2. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 (ред. от 05.10.2002) «Об Основных направлениях государственной семейной политики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.referent.ru/1/8042>
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805>
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540229/>
6. Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=9959&fld=134&dst=1000000001,0&nd=0.10721072461131809>
8. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята в г. Нью-Йорке 30.09.1990) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/2562688/>
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014 №11-ФКЗ). Раздел I. Глава I. Статья 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ*

Кузьмин А.И.

Применение социокультурного подхода наряду с социально-экономическим позволяет сформировать современное теоретико-методологическое направление исследования сложных социально-демографических процессов в их единстве с эффективным социально-экономическим развитием территорий и успешного экономического роста страны в целом. Разработка модели сбалансированного социально-экономического развития территории и человеческих ресурсов актуализирует необходимость изучения демографического потенциала населения, как основополагающего фактора развития любого региона страны.

Предпосылки научных исследований демографического потенциала были заложены в ряде различных научных направлений. Обращение к понятию потенциала в демографии связано с необходимостью выявления скрытых возможностей, заложенных в структуре населения по различным демографическим признакам, что особенно актуально в современных условиях. Анализ работ, посвящённых изучению демографического потенциала, позволил выявить два методологических подхода: с позиции количественных оценок и с позиции потенциала качества населения. Среди исследователей использующих количественные оценки нами было выделено 9 групп авторов, а качественные – 6 групп авторов.

Таблица 1 – Основные подходы к оценке демографического потенциала территории

	<i>Подходы с позиции количественных оценок</i>	<i>Персоналии «количественников»</i>
1.	Демографический потенциал территории как потенциал роста населения (население как ресурс)	У. Петти, А. Маршалл, Дж. Кейнс, Д.И. Валентей, М.А. Игошев
2.	Описательная демография – последовательное описание показателей потенциалов рождаемости, живучести населения, брачности и разводимости, воспроизводства и замещения поколений на основе метода построения демографических таблиц и вероятности демографических событий	В. Лексис, С.А. Новосельский, М.В. Птуха, Р. Пресса, Ю.А. Корчак-Чепурковский, Б.Ц. Урланис, В.И. Медков, А.Г. Волков, А.И. Кузьмин
3.	Потенциал оптимизации семейно-брачной структуры населения	Л.Е. Дарский, А.Г. Волков, Э.К. Васильева
4.	Потенциал жизнеспособности населения (демометрические таблицы ООН)	Э. Фильрозе, Ж. Буржуа-Пиша, Э. Херш и др.
5.	Потенциал живучести населения, индекс жизненности	С.С. Сулакшин, У. Томпсон
6.	Потенциал общей, брачной и внебрачной рождаемости	Э. Коул
7.	Гипотетический минимум естественной рождаемости (ГМЕР)	В.А. Борисов
8.	Потенциал брачности населения	Ж. Бертильон, М.В. Птуха, А.Б. Синельников
9.	Потенциал депопуляции	Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский
	<i>Подходы с позиции потенциала качества населения</i>	<i>Персоналии «качественников»</i>
1.	Концепция демографического оптимума	Т.Р. Мальтус, К. Маркс, А. Ландри, А. Сови, А.Я. Боярский, А.Я. Кваша
2.	Концепция саморегуляции демографических процессов (гомеостаза).	А.Г. Вишневский, С. Захаров, Ж.А. Зайнчковская, Н.Н. Козлова (философия напора жизнеспособности)
3.	Аксиологический – подход с позиции ценностей демографического поведения, нацеленного на ценности воспроизводства здоровых поколений и здорового образа жизни	Л.Е. Дарский, К. Дэвис, В.А. Борисов, А.И. Антонов, А.А. Петраков, В.Н. Архангельский, Т. Комбарова, А.В. Узик, И. Айзенк, J.C. Caldwell, Ron Lesthaghe, J.B ongaarts, Martin Bell

*Работа подготовлена в соответствии с реализацией темы фундаментальных исследований НИОКТР АААА-А16-116031410065-6 «Факторы и механизмы развития и реализации экономического потенциала населения регионов с позиции социокультурного подхода»

4.	«Валеологический подход» или социально-педагогический подход	Е.И. Холостова, И.И. Брехман, Т.С. Еремеева
5.	Гендерный подход - дифференциация качества населения	М. де Бовуар, Л.С. Шилова, И.Е. Калабихина, Л.Ю. Иванова
6.	Население как культурный или человеческий капитал	П. Бурдьё, Т. Шульц, Ф.Тейлор, Дж. Кларк, Э. Мейо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, Г. Беккер, Дж. Минцер, А. Хансен, Б. Вейсброд, А.А. Саградов и др.

Подходы с позиции количественных оценок демографического потенциала

Наиболее популярной трактовкой демографического потенциала является попытка связать действие ряда макроэкономических факторов с накоплением капитала, инвестициями и политикой создания рабочих мест и предполагаемым ростом населения рассматриваемой территории (региона мира или отдельной страны). В этом случае допускается связь факторов теории занятости и избыточности рабочей силы с финансовой политикой и с психологическими регуляторами естественного и механического движения населения посредством концепции, так называемого «ожидаемого» дохода. В основе собственно кейнсианского подхода находится допущение или гипотеза (обычно научно обосновываемая идея) о *социализации инвестиций капитала*. При этом делается своеобразное допущение «о том, что предельная эффективность в течении жизни одного поколения снижается до нуля» [1, с. 368].

Описательная демография способна эффективно отражать проблему демографических потенциалов населения на основе метода построения таблиц рождаемости, таблиц порядка вымирания населения, таблиц брачности и разводимости, воспроизводства и замещения поколений с включением в таковые исчисления вероятности демографических событий. К данным методам относится традиция построения демографических «сеток» («гридов») для условного и реального поколения (Сетки Г. Цейнера, Г. Кнаппа, К. Беккера, В. Лексиса). В XX веке сетки немецких статистиков были модернизированы французским демографом Р. Пресса. [1, с. 418-419]. В своё время в отечественных исследованиях данные методы были развиты и представлены в работах Л.Е Дарского, А.Г. Волкова (отражаются, как правило, *тривиальные (простые и массовые по своей природе) демографические события* – вступление в брак, рождение ребенка, расторжение брака). Разделение когорт в сетках Лексиса ограничивает смертность. В настоящее время, на планиметрической сетке (сегодня в трехмерном (3D) компьютерном пространстве это легко сделать) возможно отобразить для умершего (по данным, например, статистики ЗАГСа) *точку рождения ребенка, затем, состояние (период) жизнеспособности и точку смерти* (прекращения признаков жизни) с учетом привязки к территории события и даже к этносу (не исключена прослеживаемая связь с брачным статусом и возрастом родителей).

Использование *комбинированных демографических таблиц* позволило Л.Е Дарскому, А.Г. Волкову, В.М. Медкову построить матрицы (сложные комбинированные таблицы) вероятностей изменения типов семей в СССР и России в силу ожидаемых изменений в уровне детности домохозяйств, основываясь на данных переписей и микропереписей населения в СССР и России. Представленные расчеты имели огромное значение для *конвертации демографического знания* в конкретные научно-практические программы жилищно-коммунального профиля в регионах России, имевших практику развития движения МЖК (молодёжных жилищных комплексов) на основе социальных нормативных прогнозов по заселению семей различного типа в микрорайонах Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга и т.д. Позднее метод стал неотъемлемой частью архитектурно-градостроительных проектов развития крупных систем расселения России, «городов-миллионников», сверхкрупных и крупных городских агломераций. Комбинированные демографические таблицы позволяют рассчитать силу смертности и даже оценить продолжительность жизни для лиц мужского и женского пола состоящих и не состоящих в браке, находящихся в разводе и т.д., если есть соответствующая статистика на уровне региона, городского округа.

В проводимом исследовании демографического потенциала территории мы используем принципы описательной демографии с элементами потенциальной демографии Э. Фильрозе, Ж. Буржуа-Пиша, Э.Херша и качественного подхода на основе построения индекса человеческого потенциала территории (региона, страны) с учетом элиминирования роли национального дохода (душевого ВВП или ВРП).

Упрощённый вариант оценки демографического потенциала воспроизводства населения предлагает физик С.С. Сулакшин. Его метод приобрел, благодаря социальной рекламе, большое распространение в отечественной демографии и журналистике за счёт его простоты. В дальнейшем В.Н.Архангельский произвел перерасчёт индексов Сулакшина на основе прямой и косвенной стандартизации. Более точный показатель воспроизводства и замещения поколений предложил известный французский демограф Л.Анри [1, с. 401], разработавший методику нетто-коэффициента замещения материнских поколений дочерними (гипотеза стационарного населения).

Важнейшим фактором определения демографического потенциала территории является потенциал рождаемости. В зарубежной практике демографических исследований прочно утвердился метод определения потенциалов общей, брачной и внебрачной рождаемости Э. Коула. Следует признать, что метод Энсли Коула весьма эффективен [2]. Спорной остается верхняя граница потенциальной рождаемости - за основу принята рождаемость в наиболее плодovitых когортах гуттеритов, достигавшая 12 детей на замужнюю женщину за всю ее жизнь в благополучной социальной среде.

В силу неприемлемости данных стандартов потенциальной рождаемости для условий жизни в СССР и России В.А. Борисов предложил свой стандарт (модель) рождаемости сканировавший уровень плодovitости у женщины узбечки в возрасте 20-24 лет. Метод гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) Борисова оказался эффективным для условий СССР, однако, в настоящее время методика ГМЕР несколько устарела из-за своеобразного феномена смещения частоты живорождений в наиболее старшие возраста у женщин с модой на 30-34 года у городского населения. Кроме того следует учесть формальную сторону – демографическая статистика СССР перестала существовать.

Построение потенциала брачности населения методом демографических таблиц весьма редкая практика в современных условиях России. Исследования в этой области сейчас практически прекращены. В такой ситуации методы, предложенные А.Б.Синельниковым и рядом исследователей из школы А.Г. Вишневого, остаются по сути дела уникальными. Однако следует учесть накопленный опыт киевской школы демографов (индексы «притяжения-отталкивания» при заключении брака по национальному признаку (академика Птухи), моделирования силы смертности с учетом брачного состояния по методике А.Г. Волкова и его последователей. Возможен также простой метод сопоставления суммарных коэффициентов брачности и разводимости в регионах России. Но это даст лишь степень реализации потенциала брачности в фактическом числе разводов в условном поколении мужчин или женщин, раскроет не потенциал брачности, а потенциал разводимости. Тем не менее, таких расчетов в последнее время просто не проводилось.

И, наконец, к 9 группе мы бы отнесли авторов, использующих методы стандартизации общих коэффициентов рождаемости, смертности и сальдо миграции для определения реального состояния демографической ситуации в регионах (субъектах) РФ. Данный метод прост при условии использования электронных таблиц. Кроме того, полученные данные позволяют говорить исследователям о своеобразном стандартизированном индексе «депопуляции» в России [3, с. 5, с. 198-216].

Подходы с позиции потенциала качества населения

Усиление социально-экономических требований к характеристике качественных сторон развития народонаселения в связи с формированием новых технологических укладов наряду с географическими и биомедицинскими трактовками воспроизводства, поставило задачу освещения в системе демографических наук возможностей математического моделирования демоситуаций, и

создания интегральных схем оценки качественных и количественных взаимосвязей в структуре народонаселения и вне его на основе компьютерного моделирования и имитационных моделей (Джей Форрестер и Д. Медоуз знаменитый проект «Пределы роста»). Данное влияние побудило демографов к исследованию проблем демографического перехода основных наций, этносов и народов СССР и России, с одной стороны. С другой, тенденция требований комплексного и системного рассмотрения проблем народонаселения и темы населения как фактора общественного воспроизводства поставила на повестку дня вопрос об оптимальной планетарной, континентальной, региональной, страновой «антропогенной нагрузке» или, наоборот - о «дефиците» населения в зонах с экстремальными условиями выживания населения (А. Сови). Среди ряда гипотез в этот период обсуждаемых в Западной Европе и в СССР на первое место вышла дискуссия об оптимуме народонаселения. Основываясь на идеях Альфреда Сови, защиту концепции оптимума населения в СССР и России на себя взял известный демограф из МГУ (г. Москва) А.Я. Кваша. Главной методологической трудностью определения демографического потенциала как некоего «оптимума» народонаселения стала проблема разработки критериев «оптимального равновесия» народонаселения как подсистемы общества.

Сторонники концепции саморегуляции демографических процессов (гомеостаза) поддерживают точку зрения А.Г. Вишневого, который разделяет точку зрения ряда французских демографов о существовании в СССР и России закономерности саморегуляции (гомеостаза) воспроизводства населения на определенном заданном уровне, что является отражением мировой тенденции сбалансированности демографических процессов, как в качественном, так и в количественном отношении. В ряде монографических исследований этот тезис подтверждается с позиций концепции демографической революции и демографического перехода.

Аксиологический подход предполагает противоположный А.Г. Вишневскому взгляд на регуляторы демографических событий в обществе с позиций микросоциологии. Л.Е. Дарский, А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.М. Медков и др. исследователи доказали в принципе, что «верхним пределом» рождаемости, брачности, витальности, потенциальной миграции личности являются такие регуляторы, как: потребности в семье и детях, потребность в браке, потребность в полноценном, здоровом и продолжительном существовании, в смене места работы и проживания (А.И. Кузьмин). В силу этого, определяемые на рациональном уровне и в границах рационального экономического поведения потребности и предпочитаемые (демографический выбор) человеком параметры демографической жизнедеятельности (своеобразного демографического статуса) могут рассматриваться как желаемые пороги его благополучного существования в конкретном обществе. При этом, главными ориентирами выступают, как правило, *базовые* и отчасти - инструментальные жизненные ценности личности (с позиции ценностей линий демографического поведения нацеленного на ориентиры воспроизводства здоровых поколений и здорового образа жизни).

«Валеологический подход» является модификацией аксиологического подхода к проблеме потребностей в сфере демографического поведения учащихся, молодежи в андрогенном и социально-педагогическом аспектах. Мы предпочитаем не углубляться в это направление в силу изобилия литературы и источников по социальной работе и социальной педагогике. Однако данный подход мало использован в направлении изучения самосохранительного поведения личности молодого человека. В основном освещены аспекты здорового образа жизни детей и подростков, противодействия и профилактики суицидов учащихся и курсантов.

Гендерный подход к потенциалу демографических процессов распространен в силу различных причин как на макро-, так и на микроуровне антропологических, социологических, экономических и собственно демографических исследований. Важность применения гендерного аспекта (в аксиологическом отношении) к выделяемым в науке видам демографического поведения не обсуждается и признается повсеместно как за рубежом, так и в регионах России.

Подход к исследованию качественных показателей народонаселения, естественного и механического движения населения широко развит. Одним из направлений качественных

исследований в международной практике является концепция человеческого потенциала, связанная теоретически с категориями культурного капитала и человеческого капитала (П. Бурдьё, Т. Шульц, Ф. Тейлор, Дж. Кларк, Э. Мейо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, Г. Беккер, Дж. Минцер, А. Хансен, Б. Вейсброд, А.А. Саградов и др.). Последнее понятие определено в науке неоднозначно и каждый раз вызывает разночтения в рамках того или иного национального исследования, тем более в современной России. Рассмотрение точек зрения на этот предмет выходит за рамки нашего исследования. Более важным являются отработанные методические подходы на недостатки, которых мы указали уже выше (см. пункт 4 табл.1).

Таким образом, демографический потенциал как синтетическая категория представляет собой не просто численность или массу населения страны или макрорегиона [5], а определённую систему оценки потенциалов его жизнеспособности, брачности, рождаемости, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры и территориальной подвижности населения (включая маятниковую миграцию). Разработка единого интегрального показателя демографических потенциалов страны, региона, территории и является отдельной фундаментальной научной проблемой дальнейшего совершенствования системы знаний о демографии, разработанной Д.И. Валентеем в Центре народонаселения экономического факультета МГУ.

Библиографический список

1. Демографическая энциклопедия. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с.
2. Самый демографический демограф / Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demography.ru/xednay/demography/personalia/coale.html>.
3. Демографическое настоящее и будущее России. М.: Эконом-информ, 2012. 417 с.
4. Игошев М.В. Демографический потенциал Предуралья: социально-демографические аспекты развития физической культуры и спорта: монография. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2011. 260 с.
5. John C. Caldwell. On Net Intergeneration Wealth Flows: An Update / Population and development review, volume 31, number 4, december 2005. P. 721-737.
6. Ron Lesthaeghe The Unfolding Story of the Second Demographic Transition / Population and development review, volume 36, number 2, 2010. P. 211-213.

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ В БИЗНЕС-СООБЩЕСТВЕ ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Куриков В.М., Хакназаров С.Х.

В статье обобщаются результаты социологического исследования по отношению к проблеме коррупции в предпринимательской среде, выполненного в рамках подготовки к проведению семинара Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО) «О роли предпринимательского сообщества в программах противодействия коррупции» в 2016 г.

Коррупция как социально-правовое явление представляет угрозу национальной безопасности, ущемляющую жизненно важные интересы личности, общества, государства в целом. Коррупционными процессами поражены все сферы общественной жизни, в том числе и экономическая сфера [1].

Согласно статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция [2]:

1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Как отмечено в работе «Экономические и правовые методы борьбы с криминальной предпринимательской деятельностью. Частный сектор и коррупция» [3], коррупция представляет собой социальный феномен, не имеющий однозначного понимания и интерпретации в общественном сознании. В обществе нет консенсуса по поводу коррупции. Эмоциональная, нравственная и правовая оценка явлений коррупции предельно многозначны, границы морального – аморального, законного – незаконного, осуждаемого – принимаемого в значительной мере размыты.

Переход России к рыночной экономике существенно изменил отношения собственности, структуру и механизм функционирования хозяйствующих субъектов, формы финансовых связей между ними. Свобода экономической деятельности является основополагающим принципом рыночной экономики. Защита свободы экономической деятельности – задача общегосударственная. Корруптированность экономических отношений становится серьезной угрозой для свободы экономической деятельности: она замедляет развитие производства, лишает федеральный бюджет значительной части доходов, обостряет экономические проблемы, препятствует добросовестной конкуренции [4].

Как отмечено в работе А.А. Ивановой «Коррупция в сфере российского предпринимательства» [5], коррупция в уголовно-правовом значении определяется как наиболее общественно опасное явление, угрожающее национальной безопасности и проявляющееся в соответствующих деяниях, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. Коррупция предстает одним из основных методов и признаков организованной преступности, следовательно, отличается повышенной общественной опасностью ввиду совершения преступлений криминальными группами и сообществами, в том числе в сфере экономики, негативно отражаясь на развитии предпринимательства.

Следует отметить, что коррупция названа одной из главных угроз наряду с экстремизмом, терроризмом и техногенными катастрофами, благодаря тому, что она препятствует социальным преобразованиям и повышению эффективности национальной экономики. Именно по этой причине, коррупция порождает недоверие к государственным структурам. Это остро осознают и на федеральном, и на региональном уровнях. Авторы статьи [6] убеждены, что борьба с ней – это задача не только правоохранительных органов, но и гражданского общества.

Переходя непосредственно к результатам социологических исследований, отметим, что согласно отчёту о проведении исследования «Отношение к проблеме коррупции...» [7], опрос проводился с использованием сети Интернет, анкета заполнялась в электронном виде. Распространение ссылки на страницу осуществлялось сотрудниками Фонда промышленников и предпринимателей Югры по своей партнёрской сети, что обеспечило качество выборки (соответствие целевой аудитории). При обработке анкеты определялись стандартные индикаторы, характеризующие распространение и определяющие факторы коррупции, а также уровень поддержки антикоррупционных мер.

В опросах приняли участие 65 представителей бизнес-сообщества из Сургута, Ханты-Мансийска, Нижневартовска, Нефтеюганска, Нагани, Югорска и Урая. Две трети опрошенных (68%) – женщины, основная масса респондентов (85%) проживает в своем городе более 10 лет. Более чем две трети опрошенных (75%) – не старше 45 лет, три четверти респондентов (75%) считают свой уровень жизни средним.

Говоря об активности взяточдателей, отметим, что 54,0% предприниматели и 35,4% представители ХМАО-бизнеса выразили готовность дать взятку в случае необходимости.

Показатели, характеризующие возможность сотрудничества с правоохранительными органами в выборке «ХМАО-бизнес» также лучше, чем в среднем по всем группам населения. Касаясь вопроса об уровне поддержки антикоррупционных мер, представители бизнеса (как крупного, так и малого) более оптимистично оценивают перспективы противодействия коррупции.

При этом многие представители малого бизнеса (62,57%) заявляют, что бороться с коррупцией не нужно (считая, что это бесполезно, либо в надежде на то, что ситуация улучшится сама собой). Респонденты выборки «ХМАО-бизнес» более последовательны, 74% из них, наоборот, считают, что бороться с коррупцией нужно.

Среди представителей бизнеса ХМАО необычно много принципиальных противников коррупции, практически в два раза больше, чем среди представителей малого бизнеса (27,7% и 13,37% соответственно). Среди представителей бизнеса ХМАО намного больше (17,5%) тех, кто готов к публичным антикоррупционным действиям (подписать обязательство не применять коррупционные схемы, вступить в специализированную общественную организацию и т.п.). Однако, среди них заметно меньше (7,7%) желающих поддержать СМИ, занимающиеся антикоррупционными расследованиями. Среди предпринимателей (в целом) довольно высока доля людей (20,38%), готовых к сотрудничеству с правоохранительными органами в деле противодействия коррупции (в два раза выше, чем в среднем по всем группам населения).

Оценивая эффективность антикоррупционных процедур и практик, отметим, что отвечая на вопрос «Есть ли в организации, где вы работаете, кодекс корпоративной этики?», почти две трети опрошенных (60%) знакомы с содержанием кодекса корпоративной этики, существующим в их организации. Однако, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы, что организация должна нести ответственность за действия своих сотрудников, в случае, если они замешаны в коррупции?», 40% респондентов ответили, что, организация не должна нести ответственность за действия своих сотрудников, уличенных в коррупции, хотя такая ответственность предусмотрена действующим российским законодательством. Ещё большее число опрошенных (54%), отвечая на вопрос «Считаете ли Вы, что организация должна нести ответственность за действия подрядчиков, привлекаемых к выполнению работ, в случае, если они замешаны в коррупции?», не считают, что организация должна нести ответственность за действия своих подрядчиков. При этом следует отметить, что ответственность за действия подрядчиков – распространённая практика, предусмотренная международными соглашениями о противодействии коррупции.

Респонденты, отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к такой ситуации: директор небольшой фирмы рассказал, что только, что заключил контракт, и теперь сможет выплатить задолженность по зарплате своим сотрудникам. При заключении контракта пришлось дать взятку», ответили, что терпимо (имеется в виду, что: 1) за этим директором стоят люди и их семьи, он поступил, как должно; 2) взятка – это способ конкурентной борьбы; и 3) так делают все) относятся к факту коррупции 40%, если видят какие-то «оправдательные» мотивы в действии взяткодателя. А 60% опрошенных, плохо относятся к этому, обосновывая своё мнение тем, что взятка – это коррупция.

Касаясь вопроса оценки ситуаций, связанных с потенциальным конфликтом интересов в организации, при ответе на вопрос «Как вы оцениваете следующую ситуацию: Руководитель среднего звенья из крупной компании в свободное время о работы время подрабатывает в подрядной организации, выполняя работу по основной профессии», лишь 13% опрошенных считают недопустимой подработку руководителя среднего звена в подрядной организации. Респонденты, считающие, что это допустимо: такое часто встречается – 33%, если специалисты такого профиля в дефиците – 30% и если он нуждается в деньгах (стройка, деньги на лечение и т.п.) – 24%.

В заключение отметим, что многие представители малого бизнеса активно участвуют в коррупционных сделках и являются «носителями» коррупционной практики и коррупционной идеологии. Представители крупного бизнеса, наоборот, реже участвуют в коррупционных отношениях и демонстрируют относительно высокий уровень поддержки антикоррупционных мер. Таким образом, есть предпосылки к тому, чтобы крупный (средний) общественно активный бизнес стал «локомотивом» идеологического противодействия коррупции в публичной сфере.

Библиографический список

1. Моисеев С.Д. Коррупция как угроза экономической безопасности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 23. С. 56–60 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95256.htm>

2. Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» (принят Государственной Думой 19 декабря 2008 г. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html>

3. Казанович С.А. Экономические и правовые методы борьбы с криминальной предпринимательской деятельностью. Частный сектор и коррупция. Минск, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diplomba.ru/work/71911>

4. Петрова Ю.А. Коррупция в бизнесе // Управление персоналом. 2007. № 4. С. 16-22.

5. Иванова А.А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3(27). С. 204-211.

6. Куриков, В.М., Хакназаров С.Х. Противодействия в сфере коррупции: о деятельности Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2014 году // Вестник урведования. 2015. №1(20). С. 138-150.

7. Отчет о проведении исследования «Отношение к проблеме коррупции в предпринимательской среде». Москва, 2016. 15 с.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МИРОВЫХ СУДЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГКУ РМ «НЦСЭМ»)

Лимкина Н.А.

Мировые судьи являются органами государственного и общественного порядка на местах. Исторически мировая юстиция появилась как компромисс интересов власти государственной и интересов местных самоуправляющихся территориальных единиц [5, с. 202].

На сегодняшний момент мировые судьи в Российской Федерации обладают специфическим правовым статусом, который регламентируется отчасти федеральным законодательством: статьей 13 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1–ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [8], статьями 6, 11, 21 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [3], Федеральным законом от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [7]; отчасти — законами субъектов Российской Федерации. Например, в Республике Мордовия действует Закон Республики Мордовия от 17 апреля 2000 г. № 17–3 «О порядке назначения и деятельности мировых судей Республики Мордовия» [2].

В соответствии со статьей 99 Конституции Республики Мордовия (принята 21 сентября 1995 г.) мировые судьи, осуществляющие свою деятельность на территории Республики Мордовия, являются судьями общей юрисдикции Республики Мордовия и входят в единую судебную систему Российской Федерации [4].

По общему правилу, мировым судьей может быть гражданин РФ, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен и получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта Российской Федерации [1].

Мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. В частности, в Республике Мордовия назначение на должность производится Государственным Собранием Республики Мордовия по представлению Председателя Верховного Суда Республики Мордовия.

Деятельность мировых судей осуществляется в пределах судебных участков. На основании статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 1999 г. N 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» в Республике Мордовия работают 44 судебных участка из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек [6]. В административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тысяч человек создается один судебный участок.

Компетенция мирового судьи определена статьей 3 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [7]. Мировой судья рассматривает административные, гражданские (при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей) и уголовные (о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы) дела, а также — дела по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении решений, принятых им в первой инстанции и вступивших в силу.

Оценить степень выполнения институтом мировой юстиции своего социального предназначения в обществе позволяют результаты социологических опросов. С помощью социологических опросов также можно выявить недостатки в деятельности мировых судей и наметить пути решения выявленных проблем. Обозначенные задачи успешно решаются в рамках социологического исследования «Отношение жителей Республики Мордовия к мировым судьям», ежегодно проводимого Государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Для проведения анализа использованы данные за 2014–2016 гг.

В Республике Мордовия большая половина опрошенных в той или иной степени доверяет деятельности мировых судей. За период 2014–2016 гг. динамика уровня доверия к данному институту судебной системы является разнонаправленной отрицательной: в 2015 г. по сравнению с 2014 г. зафиксирован рост значения показателя с 54,7 % до 58,7 %, в 2016 г., напротив, наблюдается снижение — до 50,3 %.

Значительная часть респондентов не смогла выразить степень своего доверия мировым судьям. Затруднился с ответом примерно каждый третий респондент в 2014 г. и 2016 г. (37,0 % и 40,6 % соответственно), а также — почти каждый четвертый опрошенный (28,8 %) в 2015 г.

В период с 2014 г. по 2016 г. зафиксирован незначительный рост (с 8,3% до 9,2 %) количества негативных оценок. В настоящее время примерно каждый 11 участник исследования полностью не доверяет мировым судьям.

Негативные оценки, как и сравнительно высокий процент затруднившихся с ответом, обусловлены недостатками в деятельности мировых судей, связанными с недостаточностью социально-правовых регуляторов или неэффективным использованием имеющихся методов деятельности. В первом случае обратившихся граждан не устраивает вынесенное в соответствии с законодательными нормами решение. Стоит отметить также, что мировые судьи применяют меры государственного принуждения к признанию или восстановлению утраченного права, что часто входит в противоречие с интересами участников судопроизводства. Во втором случае факторами, влияющими на степень доверия, являются: организация деятельности на местах; невнимательность, грубость, ненадлежащая компетентность со стороны мирового судьи или его аппарата. Примечательно, что зачастую невозможность оценить степень доверия мировым судьям объясняется элементарным отсутствием необходимой информации.

Организационная деятельность мировых судей включает в себя следующие составляющие: делопроизводство, процедуру рассмотрения дел, подготовку и исполнение судебных решений, изучение и обобщение практики, качественную работу аппарата. По сути, это планомерная работа мирового суда.

Положительно оценил организационную деятельность мирового суда примерно каждый второй участник исследования. В 2014–2016 гг. отмечается разнонаправленная динамика показателя. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля опрошенных, удовлетворенных организационной

деятельностью мировых судей, выросла примерно на 10 % (с 47,4 % до 57,1 %), то в 2016 г. — на столько же снизилась (до 46,2 %).

Достаточно велико число тех, кто не смог оценить организацию деятельности мировых судей. Затруднился с ответом приблизительно каждый второй респондент в 2014 г. и 2016 г. (43,8 % и 44,4 % соответственно), каждый третий (35,6 %) — в 2015 г.

Отмечено увеличение отрицательных отзывов об организации деятельности мировых судей. Так, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. показатель вырос с 7,3 % до 9,4 %. В 2014–2015 гг. фиксировалась обратная тенденция (8,8 % — в 2014 г., 7,3 % — в 2015 г.).

В период 2014–2016 гг. в Республике Мордовия отмечено сокращение количества респондентов, которые не сталкивались с невнимательностью и грубостью со стороны лиц, организующих работу мировых судей. Если в 2014 г. и 2015 г. таких опрошенных было примерно две трети (69,7 % и 72,7 % соответственно), то в 2016 г. — только половина (57,3 %).

Наблюдается рост числа респондентов, которые не смогли выразить свое мнение по данному вопросу: в 2014 г. это примерно каждый четвертый (22,5 %), в 2015 г. — каждый пятый (19,5 %), в 2016 г. — уже каждый третий (32,2 %) участник социологического исследования.

Снижение уровня доверия к мировым судьям во многом обусловлено увеличением доли граждан, столкнувшихся с невнимательностью и грубостью со стороны аппарата мирового судьи. Если в 2014–2015 гг. это был примерно каждый тринадцатый из опрошенных (по 7,8 %), то в 2016 г. пострадал от подобного отношения уже каждый десятый респондент (10,5 %).

Таким образом, следует констатировать, что уровень доверия населения к мировым судьям в Республике Мордовия понижается. Это объясняется как объективными (связанными с применением мер государственного принуждения, недостаточностью имеющихся социально-правовых регуляторов и др.), так и субъективными (связанными с грубостью, недостаточной компетентностью сотрудников; наличием ошибок в судебных решениях; уклонением должников от исполнения объективных и законных судебных решений; недостаточной информированностью о деятельности мировых судей и др.) причинами.

Повышению уровня доверия к деятельности мировых судей в Республике Мордовия и других регионах могут способствовать следующие меры:

- обеспечение объективного, достоверного и своевременного информирования населения о деятельности мировых судов через средства массовой информации;
- наличие возможности обращения к мировому судье через электронный сайт;
- проведение обучающих курсов для мировых судей и сотрудников аппарата мировых судей по вопросам отношения ко всем участникам судебного процесса с учетом норм юридической этики.

Библиографический список:

1. Баранова М.А., Григорьева Е.А., Исаенкова О.В. и др. Научно-практический комментарий к Закону РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (под ред. Исаенковой О. В., Мановой Н. С.). Специально для системы ГАРАНТ, 2013 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Закон Республики Мордовия от 17 апреля 2000 г. № 17-3 «О порядке назначения и деятельности мировых судей Республики Мордовия». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
3. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
4. Конституция Республики Мордовия (принята 21 сентября 1995 г.). [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
5. Лонская С. В. Мировая юстиция в России: монография. Калининград, 2000. 215 с.

6. Федеральный закон от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

7. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЁЖИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Липатова М.Е.

Изменения в современном обществе, формирование новой социальной реальности, предпринимаемые усилия по осуществлению модернизации российской экономики, стремление соединить традиционную российскую и западную культуру привели к формированию неустойчивой социальной среды, в которой должен действовать каждый человек. Трансформационные процессы, протекающие в различных сферах современного российского общества, затрагивают все слои населения, однако особое внимание исследователей привлекает молодёжь. Молодым людям приходится учитывать текущие реалии, свой индивидуальный и социальный ресурсы, социально-экономический статус, преодолевать противоречие между желаемым будущим и реальными потребностями общества.

В ходе перспективного планирования своего будущего каждый человек учитывает разные альтернативы и осуществляет выбор из них при постановке своих целей. Однако сегодня состояние общества таково, что возможность выбора индивидом реализуется как решение своих частных проблем без учёта общественного развития. Как отмечает З. Бауман, «...люди сами определяют свой образ жизни, но в условиях, которые не зависят от их выбора» [1, с. 9]. В основе осуществления выбора дальнейшего своего пути лежат ценностные ориентации, которые являются важным компонентом формирования жизненных стратегий. При конструировании планов и постановке жизненных целей человек руководствуется определённой иерархией ценностей, выбирая те из них, которые наиболее точно и наиболее тесно связаны с его представлением о желаемом будущем и наиболее значимыми потребностями. Ценности выполняют нормативно-регулирующую и ценностно-смысловую функции, обеспечивая последовательное прохождение ступеней жизнедеятельности, а также способствует выбору предпочтений сфер деятельности, вектора развёртывания жизненного пути.

По результатам авторского исследования, проводившегося в 2014-2015 гг. [2], среди значимых жизненных ценностей были названы любовь и дружба (87,5%), семейные (86,3%), здоровье (80,4%), порядочность (80,2%), целеустремлённость (75,5%), самореализация (74,7%), доброта и отзывчивость (73,5%), независимость, свобода (70,4%), профессионализм (70,3%), образование (63,3%), благосостояние, достаток и достижение материального благополучия (62,9%).

Эти ценности находят своё отражение в тех целях, которые хотят достичь молодые люди в своей жизни. Материальное благополучие, интересная работа являются наиболее важными целями в жизни современной молодёжи (63,6% и 62,7% соответственно). Не менее значимым для молодого человека остаются такие традиционные цели, как создание семьи (52,5%), поиски любви (42,4%), сохранение и поддержание дружеских отношений (51,6%), обретение душевного комфорта (29,7%). В качестве «новой» важной жизненной цели следует отметить стремление посмотреть мир (40,6%), что стало возможным с началом преобразований в стране. Среди приоритетов также были выделены обретение самостоятельности и свободы (25,7%), профессиональное развитие и рост (23,6%), самореализация (14,7%), создание собственного бизнеса и достижение успеха в предпринимательской деятельности (15,8%).

Наряду с долгосрочными целями респондентам был задан вопрос о планах на ближайшее будущее (1-3 года). На первом месте среди других ближайших планов было намерение продолжить образование (52,1%), найти работу по специальности в коммерческих структурах (29,6%) и готовность продолжить образование в магистратуре или аспирантуре (25,3%). Готовность молодых людей к получению образования и в целом повышению своего образовательного уровня свидетельствует о понимании роли и места образования в современном мире. Высококвалифицированный специалист обладает более высоким конкурентным преимуществом на рынке труда, имеет более широкий доступ к привлекательным профессиям и рабочим местам. Полученное образование обеспечивает большую экономическую стабильность и снижает риск попадания в группу безработных. Это подтверждается оценкой респондентов достаточности образования. Достаточным для последующего успешного трудоустройства для себя 63,1% респондентов считают получение высшего образования. Только 28,7% полагают, что необходимо продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре.

В планах на ближайшие 1-3 года молодые люди также включают и создание семьи (19,4%), возможность поездки за границу для учёбы или работы (17,4%) и получение второго высшего образования (13,1%). При этом уверенность в достижимости намеченного высказывают 91,6% ответивших. Из них 39,4% рассчитывают в реализации своих жизненных планов исключительно на собственные силы и знания, без помощи родителей и родственников не смогут обойтись 19,8%. На друзей или помощь влиятельных знакомых готовы положиться 11,6% и 8,8% соответственно. Однако, следует отметить и тех, кто считает, что решающим при достижении поставленных целей является случай или везение (13,3%).

Таким образом, следует отметить, что за период реформ, проводившихся в нашей стране с конца XX века, значительно расширилась структура ценностей-целей. Наряду с традиционными ценностями, такими как семья, образование, здоровье и др., большую значимость приобрели такие аспекты, как не просто поиск работы, а интересной и престижной, работа в коммерческих структурах или создание собственного бизнеса. Желание найти интересную работу можно объяснить стремлением молодых людей иметь больше возможностей по реализации своих знаний, полученных в ходе обучения, и способностей. Сегодня молодые люди хотят жить не хуже других, стать обеспеченными, богатыми и постараться попасть в определённый круг людей. В постсоветский период у граждан появилось больше возможностей для выезда из страны. И молодёжь, как наиболее динамичная социальная группа, старается активно этим пользоваться. При этом поездки осуществляются не только с целью отдыха и познания окружающего мира, а с намерением продолжить своё образование, получить опыт работы за рубежом.

Как показывают последние исследования, ценностные системы молодого поколения отличаются от ценностей старшего поколения. Для молодёжи сегодня большую значимость имеют инструментальные ценности, а не терминальные. При конструировании жизненных стратегий, достижении поставленных целей и решении жизненных проблем всё сильнее сказываются ориентации на индивидуализм и прагматизм, происходит снижение значимости коллективизма. В основном молодые люди рассчитывают на собственные силы и знания, однако, наряду с этим, они не готовы полностью отказаться от поддержки родных и друзей.

Библиографический список:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
2. Исследование «Жизненные стратегии молодёжи в современной России». 2014 – 2015 гг. (N=764).

РАБОТА С КАДРАМИ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ

Макаров С.Н.

Динамика развития нашего государства по основным векторам повторяет общемировые тенденции развития. Изменчивость среды, скорость реагирования на изменения, корректировка

направлений деятельности – все эти закономерности, безусловно, становятся отличительной чертой современного российского делового сообщества. Использование «гибких» способов функционирования, способствующих успешной адаптации к изменяющимся условиям, – это одна из сфер реализации принципа конкурентного превосходства. Многие сегменты рынка отличаются высокой плотностью, что предъявляет новые требования к организации бизнеса. В этой ситуации на первый план выдвигается понятие «инновация», выступающее своеобразным катализатором развития современных организационных структур.

Общеприменительным является определение инновации как нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование этих новшеств в различных областях и сферах деятельности [1]. Из определения следует, что инновации охватывают широкий спектр организационного пространства: производственные технологии, финансовые процессы, деятельность в сфере развития человеческих ресурсов организации и т.д. Рассматривая инновации с точки зрения содержательной составляющей, видно, что их источником являются люди, которые, так или иначе, погружены в организационное пространство – либо как персонал, либо как привлеченные эксперты. Также следует отметить, что человеческий капитал организации, от которого во многом зависит организационный потенциал инновационной деятельности, является одним из самых рентабельных вложений.

Таким образом, кадровое обеспечение организационной деятельности, имеющей одной из приоритетных целей инновационное развитие, и является основой для предложения, внедрения и реализации инноваций.

Современные кадровые технологии представляют собой совокупность взаимосвязанных процедур. Подобных процедур в области управления персоналом насчитывается достаточно большое количество. Эти процедуры в обобщенном виде могут быть объединены по направлениям деятельности службы управления персоналом. В нашем исследовании была предпринята попытка соотнести виды работы с персоналом организации и экономическими показателями эффективности работы, учитывая инновационную составляющую последней. Иными словами, какой из видов работы кадровых служб обладает наибольшим инновационным эффектом для деятельности организации. Экспертное интервью с руководителями восьми предприятий Смоленской области и двенадцатью представителями служб управления персоналом организаций, соотнесение данных интервью с экономическими показателями эффективности этих организаций позволили получить следующую информацию.

Репрезентативным значениям по выбранным критериям соответствовали пять видов работы служб управления персоналом: набор, адаптация, аттестация, обучение, регламентация. Операционализация данных видов деятельности приведена ниже.

Набор персонала – вид деятельности, целью которого является привлечение в организацию человеческих ресурсов, наделенных (для инновационной деятельности) ярко выраженными творческими способностями.

Адаптация персонала – система мероприятий, направленная на приспособление работника к организационной среде с целью максимального использования его потенциала.

Аттестация персонала – оценка наличной возможности сотрудников успешно реализовывать организационные цели.

Обучение персонала – система мероприятий, позволяющая инвестировать в содержательную сферу человеческого ресурса организации.

Регламентация деятельности – создание системы мероприятий, моделирующую технологию деятельности организации по функциональному набору должностей.

Графически наглядно представлена зависимость видов работ от эффективности инновационной деятельности в организации (см. рис. 1).

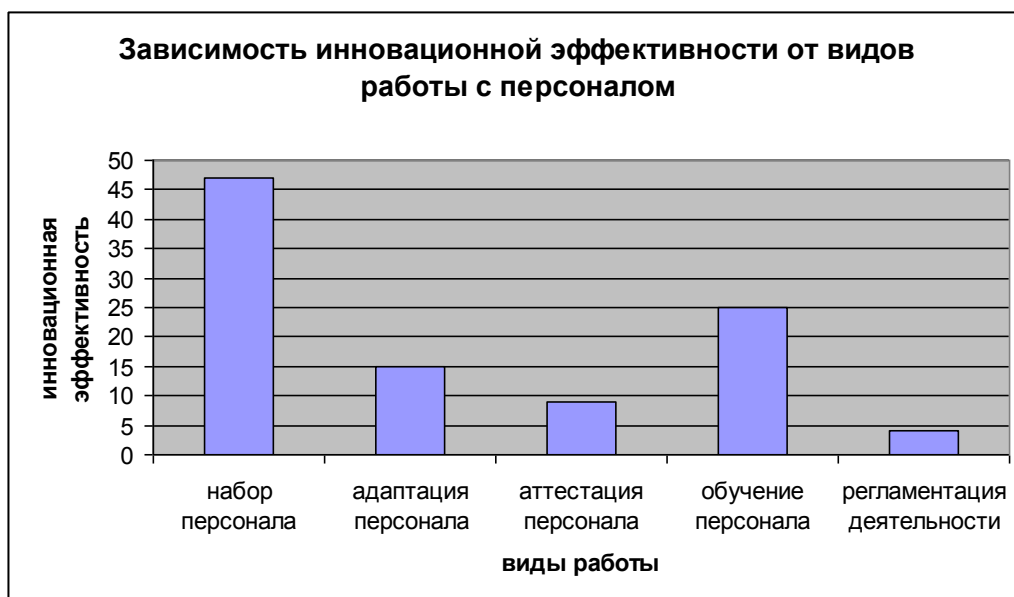


Рисунок 1 – Зависимость инновационной эффективности от видов работы с персоналом

Набор персонала как вид первичной работы с человеческим капиталом организации занимает, по мнению экспертов, ведущие позиции в области создания и использования инноваций в деятельности предприятий. Этот вид работы позволяет целенаправленно изучать профессиональную компетентность будущих сотрудников, выбирая из ряда претендентов именно тех, кто в наибольшей степени отвечает требованиям инновационной политики и обладает для этого необходимым потенциалом. Также следует отметить, что набор персонала как вид деятельности является наиболее удобным с точки зрения экономической и финансовой составляющих, так как, привлекая в качестве сотрудников уже готовых инноваторов, организация экономит средства, необходимые на развитие творческих способностей работников.

Обучение персонала – это второй по значимости вид работы, который позволяет добиваться высоких показателей в сфере организационной инноватики. Действительно, обучение уже действующих сотрудников способствует стабильности кадрового состава, обеспечивает организацию инноваторами, которые знакомы со спецификой деятельности организации. Однако, здесь возможны определенные риски, так как инновационная деятельность связана с применением творческих способностей сотрудников, создания нового продукта в виде знаний и технологий. Как показывает практика, не все сотрудники, проходящие обучение или переподготовку, готовы реализовывать навыки инновационной деятельности.

Следующий по приоритетности вид работы – адаптация персонала. Адаптация персонала как ресурс инновационной деятельности требует серьезной проработки. Адаптация сотрудников с целью их дальнейшей инновационной деятельности нуждается в серьезной методологической проработке программы адаптации. В данном случае уже недостаточно простого «патроната», который используется в большинстве организаций. Программа адаптации сотрудников для инновационной деятельности в реальности должна быть специальным направлением системы адаптационных мероприятий с четко проработанной методологией, имеющей социально-психологический характер и учитывающей реальную обстановку сегмента рынка, который занимает организация.

Аттестационные процедуры, зачастую рассматриваются как некий способ инвентаризации кадрового состава организации. В рамках инновационной деятельности аттестация выходит на несколько иной план, и выступает в роли своеобразного мотивационного компонента инновационной активности сотрудников. Поэтому стандартное наполнение аттестационных программ должно быть дополнено актуализацией стимульных механизмов, охватывающих инновационные предложения сотрудников.

Регламентация деятельности как вид работы кадровых служб, по мнению экспертов, находится на последней позиции. Это связано с тем, что само понятие «регламент» призвано устанавливать некоторые рамки организационного поведения сотрудников. Определяя инновацию как процесс творчества членов коллектива, сложно добиваться этих показателей путем установления рамок. Однако творческий процесс также может быть регламентирован с учетом методологии научного познания. Поэтому, если регламентация деятельности персонала должна побуждать их к творчеству, то целесообразно интегрировать в процесс деятельности отдельных категорий работников модели научного познания, добиваясь при этом инновационной отдачи.

Таким образом, проблематика исследования инноваций, которая до недавнего времени находилась в плоскости экономических исследований, сегодня приобретает выраженную гуманитарную направленность, что подразумевает использование социальных технологий, способных активизировать этот процесс в организации, работающей в условиях конкурентного рынка. Существенным является то, что инновационная деятельность – это деятельность не просто по производству новых знаний, но и деятельность по их коммерциализации, что зависит от инноваторов, то есть тех людей, продуктом деятельности которых являются инновации. В данном случае инноваторы – это не только те, кто знания производят, но и те, кто эти знания доводят до потребителя в виде инновационного продукта или услуги. Важной задачей является сокращение периода времени между появлением новшества и воплощением его в нововведение. Этот процесс в современной науке называется инновационным лагом. Реализация инновационных практик зависит от материальных носителей знаний – персонала. Поэтому работа по кадровому обеспечению этого процесса и ее успешность становятся определяющим компонентом инновационной деятельности.

Библиографический список:

1. Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/Инновации>

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ*

Макимова С.Г., Горбунова А.А.

Актуальность исследования проблемы этнической идентичности обусловлена необходимостью теоретического осмысления новой трансформирующейся социальной реальности и процессами, происходящими в ней. Для современного мира характерно наличие разнонаправленных тенденций. С одной стороны, возрастают интеграционные тенденции, происходит взаимопроникновение национальных культур, с другой стороны, возникает усиление роли локальных этнических особенностей, актуализируется дифференциация культур. На фоне усиления глобализации и интеграции все более востребованными становятся этнические особенности различных народов. При этом возникает проблема толерантности к значительному этническому разнообразию [1, с. 347].

Как считают современные социологи, востребованность исследований этнической идентичности, обусловлена необходимостью гармонизации национальной политики, «чтобы, защищая от угрожающих национальной самобытности и культуре чужеродных веяний, она не превращалась в изолирующий барьер на пути межкультурной коммуникации и взаимообогащения культур» [2, с. 26].

Признаётся, что существенное значение на формирование этнической идентичности оказывает влияние социального контекста. Одни авторы отмечают, что ситуации межэтнического

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» № 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

общения и частые контакты с представителями других национальностей дают больше возможностей для получения знаний об особенностях своей и других этнических групп. Соответственно, свою этническую принадлежность раньше осознает человек, проживающий в полиэтничной среде [3; 4]. Другие, напротив, отмечают, что однородная этническая среда способствует быстрому формированию признаков, влияющих на осознанное отнесение к определённой этнической группе [5, с. 41].

Другим фактором, влияющим на процесс формирования этнической идентичности является гетерогенность социальной среды. Так, этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто проживает в культурной среде, значительно отличающейся от собственной. Ещё одним фактором, повышающим роль этнической идентификации, являются активные миграционные процессы на территории проживания, с этой точки зрения исследования этнической идентичности населения приграничных территорий являются достаточно актуальными и востребованными.

Для изучения особенностей проявления этнической идентичности в условиях полиэтничности приграничных социумов исследуемые регионы (Амурская область, Алтайский край, Еврейская АО, Республика Алтай, Республика Карелия, Оренбургская область, Забайкальский край, Кемеровская область и Омская область) были разделены на группы в зависимости от национального состава территории. В качестве основы для формирования групп учитывались данные Всероссийской переписи населения 2010 года, а именно количество представителей различных национальностей и общая численность населения, указавшим в качестве своей национальности вариант «русские» [6]. Регионами с максимальной долей численности русского населения являются Амурская область (94,33%), Алтайский край (93,92%), Еврейская АО (92,74%). Регионы, в которых численность русского населения значительно ниже – Республика Алтай (56,63%), Республика Карелия (82,19%) и Оренбургская область (75,88%). Промежуточное положение в нашем анализе занимают Забайкальский край (89,9%), Кемеровская область (93,7%) и Омская область (85,83%).

Для выявления особенностей этнической идентичности населения в каждой из данных групп была построена модель бинарной логистической регрессии, позволяющая оценить вероятность возникновения некоторого события по значениям множества признаков, в данном случае – вероятность попадания в группу с невыраженной (0) или выраженной (1) этнической идентичностью. Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности в Оренбургской области, Республике Алтай, Республике Карелия описывает 80,7% общей дисперсии переменных, модель логистической регрессии в Кемеровской области, Забайкальском крае, Омской области – 83,7%, в Алтайском крае, Амурской области, Еврейской АО – 89,7%. С достоверным уровнем значимости $p \leq 0,05$, можно говорить о том, что определённые факторы способствуют актуализации чувства принадлежности к определённой этнической группе.

По результатам регрессионного анализа в регионах с более низкой численностью русского населения актуализированная этническая идентичность тесно связана с ощущением принадлежности к культуре своей этнической группы ($p=0,001$), а также чувством гордости за свой этнос ($p=0,003$). При этом анализ регрессионной модели показывает, что высокая численность в составе населения представителей разных национальностей, в первую очередь, способствует актуализации этнической идентификации русского населения исследуемых регионов. Данные индикатор вошёл в модель со значимостью $p=0,057$.

Также была установлена связь этнической идентификации и показателей состояния межэтнических отношений, деятельности органов государственной власти по реализации национальной политики в регионах. Так, такие негативные факты, как недружелюбные высказывания о людях иной веры ($p=0,031$) и низкая эффективность разрешения конфликтов в сфере межэтнических отношений ($p=0,03$) значительно увеличивают вероятность попадания в группу с акцентированной этнической идентичностью. Одновременно с негативными характеристиками актуализированная этническая идентичность коррелирует с такими показателями, как осуждение

проявлений национализма в местах проживания респондентов ($p=0,23$), стремление органов власти отстаивать интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания ($0,025$).

В регионах, занимающих промежуточное положение по численности русского населения, актуализированная этническая идентичность обусловлена приобщением человека к культуре своей этнической группы, данный показатель вошёл в регрессионную модель со значимостью $p=0,001$. Выраженная этническая идентичность респондентов также является достаточно позитивной и «комфортной», об этом свидетельствует попадание в модель с отрицательными коэффициентами утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» ($p=0,005$) и положительные значения по утверждению «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» ($0,004$).

В результате построения регрессионной модели также была установлена связь выраженной этнической идентичности и типа населенного пункта проживания респондентов ($p=0,006$). Так, вероятность попадания в группу с выраженной этнической идентичностью выше у жителей крупных городов (более 500 тыс. жителей). Таким образом, именно в крупных городах, характеризующихся, как правило, более пёстрым этническим составом, человек отчетливее осознает этнические различия между людьми и свою этническую принадлежность.

В регионах, в которых численность русского населения максимальна, наиболее значимым фактором, увеличивающим вероятность попадания в группу с выраженной этнической идентичностью, является включение человека в этнокультурное пространство своего этноса ($p=0,000$). При этом, выраженная этническая идентичность также коррелирует с положительными оценками утверждений «я разделяю идеи и убеждения своей этнической группы» ($p=0,009$) и «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» ($p=0,011$). А попадание в модель утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» с отрицательными значениями коэффициента регрессии, свидетельствует о том, что выраженная этническая идентичность не связана с какими-либо отрицательными переживаниями.

Обобщая полученные результаты, отметим основные тенденции. Актуализированная этническая идентичность населения всех исследуемых регионов, в первую очередь, связана с включением человека в культурное пространство своей этнической группы. Это позволяет говорить о том, что идентификация с определённым этносом предполагает автоматическое принятие определённых культурных стандартов. Таким образом, национальная культура – важнейший признак по которому происходит отождествление с собственной этнической группой и отделение от других. Этническая идентичность населения исследуемых регионов также во многом является позитивной и бесконфликтной. Об этом свидетельствует тот факт, что оценка собственной этнической принадлежности респондентов связана с переживанием положительных чувств и отрицанием каких-либо неудобств.

Существуют определённые межрегиональные особенности проявления этнической идентичности в регионах с разным национальным составом. Так, этническая идентичность населения наиболее полиэтничных регионов связана с высокими показателями этнической гордости. Можно предположить, что население данных регионов обладает ярко выраженными этническими различиями, в связи с чем, процесс идентификации во многом осуществляется через противопоставление своей этнической группы и представителей других этносов. При этом актуализация этнической принадлежности происходит, в первую очередь, у русского населения данных регионов. В регионах, где русские составляют большинство населения, в свою очередь, более выражены отдельные аспекты этнической идентификации. Этническая идентичность жителей этих территорий, в целом, является более позитивной и предполагает принятие определённых ценностей, норм и моделей поведения своей группы.

Библиографический список:

1. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 347-358.
2. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность: сущность, содержание и тенденции развития (дисс. ... канд. филос. наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия). М., 2011. 190 с.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
4. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
5. Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 40-47.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

**СПОРТИВНЫЕ ТРЕНЕРЫ КАК ОСОБАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА И
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Мамонова А.Д.

Спортивные достижения волнуют человечество с незапамятных времен. Высота человеческого духа и красота и сила его тела обладают для людей притягательностью, которая вызывает такой интерес к состязаниям в физической силе и сноровке. Ни одна другая область человеческой деятельности не требует от человека столь яркого и полного выражения этих качеств.

Анализ истории человеческой цивилизации позволяет обнаружить тот факт, что спорт – это один из тех «камней», на которых люди выстроили хрупкое здание своей цивилизации. Это – то небольшое, что может действительно объединить людей хотя бы на короткий срок.

Спорт необычайно притягателен для людей. Во время крупных спортивных состязаний – Олимпиад, чемпионатов мира по футболу и хоккею – множество людей как бы дышат одним воздухом, единодушно болеют и сопереживают спортсменам, радуются до безумия и расстраиваются до слез.

впервые разработан проект по проведению мониторинга оценки профессиональной подготовки тренерского состава Иркутской области в формате инновационного проекта.

В данном исследовании предполагается опросить 50 жителей Иркутской области. Респонденты будут определяться методом случайной выборки (выборка заинтересованной части населения и пассивной). Возраст респондентов приемлемый для нашего исследования – от 18 лет и старше. Согласно данным Иркутскстата [25], на 2015 год численность населения Иркутской области в возрасте от 18 лет и старше составляет 1866436 человек.

Мы посмотрели, как распределяется ответ на вопрос «Назовите известных тренеров Иркутской области, под руководством которых спортсмены достигли высоких результатов» результаты показали, что известными тренерами Иркутской области, под руководством которых спортсмены достигли высоких результатов, по мнению респондентов, являются: Буянова О.В. (12,2%), Авербух В.И. (8,5%) и Уразова Н.А. (7,9%). Следующими по популярности были ответы: Волков Ю.Н. (6,7%), Шкурбицкий В.Л. (5,5%), Колоедов П.В. (4,3%) и Бражник И.И. (3,7%). Седых В.И., Рыбина Ю.Н., Именохоеву З.В. и Демиденко О.И. отметили равное количество респондентов (по 3,0% соответственно).

Анализ показал, что большинство респондентов (62,0%) оценивают развитие спортивной инфраструктуры в Иркутской области на 3 балла. 20,0% опрошенных оценивают ниже среднего уровня, а 8,0% респондентов – выше среднего. Также 8,0% опрошенных оценивают развитие спортивной инфраструктуры на 4 балла. Один респондент считает, что она высоко развита.

Также, немало важным было узнать у респондентов сформировалась ли на сегодняшний день социально-профессиональная группа спортивных тренеров в мире, в России, в регионе. Анализ показал, что наибольшее количество респондентов, число которых составляет 48,0% считают, что социально – профессиональная группа спортивных тренеров в мире, в России, в регионе сформировалась, 22,0% респондентов ответили, что только идёт её формирование и 12% уверены, что социально – профессиональная группа тренеров не сформировалась. 18,0% опрошенных затрудняются ответить.

Рекомендации спортивным тренерам по совершенствованию методик проведения мониторинга оценки профессиональной подготовки тренерского состава в регионе были предложены такие как: находить современные методики тренировок (3,8%), найти талантливых учеников (1,9%), самосовершенствоваться (1,9%), рост спортивных результатов учеников (1,9%), продолжить работу со специалистами (1,9%), юные спортсмены должны своими примерами привлекать и увлекать своих друзей, одноклассников так же начать занятия спортом (1,9%), привлечения к занятиям спортом детей и подростков (1,9%), повышение профессиональных качеств, с помощью семинаров (1,9%), вести отбор перспективных спортсменов (1,9%), новые подходы (1,9%). Также были предложены больше инициативы и нацеленности на результат (1,9%), «все занимались для детей – это основа нашего государства» (1,9%), возможность роста (1,9%). Всего по данному вопросу было получено 52 ответа, они приняты за 100%.

В настоящее время область располагает 3745 спортивными сооружениями разных форм собственности, в том числе: 1326 спортивных залов, 1913 плоскостных сооружений, 77 плавательных бассейнов.

Физической культурой и спортом в Иркутской области на регулярной основе занимаются 461,1 тыс. человек или 20,5% населения области, что на 7,6 % ниже, чем в Сибирском федеральном округе, и на 8,5 % ниже, чем в Российской Федерации.

В рамках ежегодного мониторинга состояния сферы физической культуры и спорта, отмечена слабая эффективность работы органов местного самоуправления по привлечению населения к регулярным занятиям массовым спортом в следующих муниципальных образованиях Иркутской области: Усть-Илимском – 10,0%; Зиминском районе – 10,1%; Черемховском – 10,3%; Иркутском – 11,4%; Усть-Удинском – 11,8%.

Наибольшего охвата населения систематическими занятиями массовым спортом в 2015 году добились: город Иркутск (153,9 тыс. чел. или 26,9 % от населения города); город Тулун (10,9 тыс.чел. или 27,9 %); Баяндаевский район (2,5 тыс. чел. или 24,9%); Осинский район (5,0 тыс. чел. или 26,5%); Киренский район (6,2 тыс.чел. или 35,5%).

Мониторинг коэффициента фактической загруженности спортивных объектов показал ее слабую загруженность, с точки зрения физкультурно-спортивных занятий с населением. Имеющиеся спортивные объекты используются с коэффициентом фактической загруженности – 49,0% в целом по Иркутской области, в том числе, в разрезе муниципальных образований: в Зиминском районе – на 11,0% от мощности имеющихся объектов, в Черемховском – на 14,0%, Балаганском, Жигаловском районах – на 15,0%, Братском, Баяндаевском районах – на 17,0%.

Иркутская область занимает последнее место среди двенадцати регионов Сибирского федерального округа по доле жителей, систематически занимающихся физкультурой и спортом, и значительно отстаёт от среднероссийских показателей:

- по единовременной пропускной способности спортивных объектов – 12 место из 12 регионов;

- по доле населения систематически занимающегося физической культурой и спортом – 12 место из 12 регионов;

- по уровню обеспеченности спортивными сооружениями – 9 место из 12 регионов.

Итоговое место Иркутской области по СФО – 10-е, по России – 76-е из 83.

Однако плачевная статистика не вполне отражает реальное положение дел. Членами сборных команд Российской Федерации по различным видам спорта (согласно списку Центра спортивной подготовки сборных команд России) являются 72 спортсмена из Иркутской области. Спортсмены Иркутской области принимали участие в девяти последних Олимпийских играх. Данные факты свидетельствуют о высоком потенциале и эффективности тренерских кадров, наличии талантливых спортсменов, в том числе молодежи, а также квалифицированных специалистов в сфере физической культуры и спорта.

Общая ситуация в сфере физической культуры и спорта в Иркутской области с учетом накопившихся проблем характеризуется:

- 1) низким процентом занимающихся физической культурой и спортом, особенно среди социально незащищенных слоев населения;
- 2) недостаточной обеспеченностью объектами спорта;
- 3) высоким уровнем старения тренерских кадров;
- 4) низким материально-техническим обеспечением спортивной подготовки;
- 5) слабым освещением физической культуры и спорта в средствах массовой информации и, как следствие, низким уровнем мотивированности населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом.

Среди людей трудоспособного возраста, которые систематически занимаются физкультурой, в три–пять раз больше тех, кто практически никогда не испытывает чувства апатии, вялости и нежелания что-либо делать, чем среди тех, кто ведёт неспортивный образ жизни. Поэтому гражданин, занимающийся физкультурой, более ценен для общества. Согласно статистике, таких в Приангарье меньше, чем в других регионах. По данным в Иркутской области регулярно занимались спортом 343 106 человека, или 14,2% населения региона, тогда как средний уровень по стране достигал 22,5%, в СФО – 21,7%. По этому показателю область замыкает дюжину регионов федерального округа.

В целях максимальной вовлеченности населения Иркутской области в систематические занятия физической культурой и спортом и развития спорта высших достижений постановлением Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 года № 458-пп утверждена государственная программа Иркутской области «Развитие физической культуры и спорта» на 2014-2018 годы.

Постановлением Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 года № 458 «О государственной программе «Развитие физической культуры и спорта на 2014- 2018 годы».

В заключении можно сказать, что, в современных условиях развитие физической культуры и спорта – предмет пристального внимания государства. Важную роль как в подготовке спортсменов, так и в развитии массового спорта имеет наличие грамотного, качественно подготовленного тренерского состава.

Можно заметить, что эффективность деятельности тренеров, хоть и медленно, но растёт. Хотелось бы, чтобы в стране уделяли больше внимания подготовке, именно, профессиональной деятельности тренеров.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «О физической культуре и спорту в Иркутской области»: Постановление Законодательного собрания Иркутской области от 15 декабря 2008 года № 5/27-ЗС. Официальный сайт Министерства спорта Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkobl.ru/sites/minsport/>
2. Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта на 2014- 2018 годы»: Постановлением Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 года № 458. Официальный сайт Министерства спорта Иркутской области [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://irkobl.ru/sites/minsport/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ХОККЕЯ

Миرونенко А.А.

Тольятти – один из промышленных центров России. Молодой и небольшой город за свое недолгое развитие добился значительного успеха. Строительство Волжского Автомобильного Завода положило начало развитию многим отраслям города, в том числе спорту, где особое внимание уделялось становлению хоккея. В настоящее время хоккей оказывает широкое воздействие на основные сферы жизнедеятельности города.

«Тольятти без хоккея как Москва без Кремля» – популярное высказывание болельщиков хоккейного клуба «Лада». Значимость данного вида спорта в городе невозможно переоценить. Формирование этой исторически неотъемлемой части города началось в 1976 году со времени основания команды «Торпедо» на базе ВАЗа. Иметь сильную хоккейную команду на промышленных предприятиях в ту пору считалось делом чести и государственным долгом. Значительных успехов «Лада» (в 1989 году ХК «Торпедо» сменила свое название на имя самой популярной в России марки автомобиля, выпускаемого владельцем команды – ОАО «АвтоВАЗ») добилась в 90-е годы, став первой немосковской командой, которая выиграла чемпионат страны. Команда оставила свой незабвенный след не только в рамках России, но и добилась огромных высот на международной арене. Завоевав мировые награды, такие как Кубок Европы и Континентальный кубок, ХК "Лада" получила широкое признание во всем мире.

Автоград – хоккейная столица великой державы. Хоккей в Тольятти из категории спорта перерос в социально значимое явление, поскольку имеет колоссальное влияние на формирование, как социальной реальности города, так и личности каждого человека в целом. Он обладает мощной социализирующей силой, сплотившей общество единой идеей, побудив людей стремиться к успеху, к победе. Большое влияние было оказано на стимулирование творчества в новой сфере. Написание стихов, музыки, картин, репортажей, посвященных достижениям и поддержке команды, профессиональная спортивная фотография – все это набирало популярность среди увлечений молодежи.

Развитая инфраструктура и правильно действующее руководство Тольяттинской школы хоккея позволили заполучить статус – «кузницы чемпионов». Подготовка юных хоккеистов ведется на высоком профессиональном уровне. Главная цель - воспитание и развитие моральных качеств личности, проявление мужества, патриотизма, трудолюбия, привитие любви к своему делу. Закладываются гуманистические убеждения, немаловажное значение имеет чувство уважения к сопернику. Происходит гармонизация физического, интеллектуального, нравственного и эстетического развития.

Популяризация и развитие хоккея в Тольятти не прекращается. Проведение и организация традиционных детско-юношеских турниров имени Безукладникова и Сахарова привлекают к спорту молодое поколение. Наличие большого числа открытых ледовых площадок в городе предоставляют возможность заниматься хоккеем всем социальным слоям населения. Ценность хоккея закладывается с ранних лет и пронизывает каждого тольяттинца до глубины сердца.

Продолжая многолетние традиции, вазовская дружина выступает в самой престижной в России Континентальной хоккейной лиге. В новый действующий сезон команда вошла под лозунгом «Возвращение легенды», преодолев долгосрочные финансовые трудности, текучесть игровых кадров, сохранив команду в самое тяжелое время и создав абсолютно новую структуру.

Тольятти и хоккей – это общее целое. Достижение городской команды привлекает население к занятию хоккеем – таким образом, детей с самого юного возраста отправляют в школу Лады, а взрослые принимают участие в любительских лигах.

Тольяттинский хоккей – устоявшееся словосочетание, положившее начало возникновению его как социального феномена в городе. Это важнейший традиционный элемент городской истории и неотъемлемая часть всего населения.

Библиографический список:

1. Курочкин М. Все будет хОкКЕЙ, Геннадий Федорович! [70-летие почетного гражданина Тольятти, заслуженного тренера СССР и РФ, главного тренера «Лады» Г.Цыгурова, трудовая биография тренера] // Волжский автостоитель. 2012. 14 апр.(№ 67). С.1-3.
2. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 272 с.
3. Хоккейный клуб «Лада» / под общ. ред. Сахарова К.Г. Тольятти: ДИСАО «АВТОВАЗ», 2002. 251 с.

АНАЛИЗ МОНИТОРИНГА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Монахов Д.Н.

Для выявления ориентиров совершенствования повышения квалификации педагогических работников Московской области было проведено веб-анкетирование, компьютерное тестирование, интервьюирование, сбор косвенных данных кафедрой информационно-коммуникационных технологий ГБОУ ВО МО «Академия социального управления» в сентябре – декабре 2015 года. Такой мониторинг позволяет:

- учесть потребности педагогических кадров по направлениям развития педагогического мастерства;
- определить перспективы создания наиболее благоприятных условий для профессиональной педагогической деятельности;
- систематизировать работу образовательных учреждений в направлении повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Целью проведения данного исследования являлось выявление профессиональных затруднений и методических проблем у учителей Московской области в условиях новых образовательных и профессиональных стандартов по таким областям как общепедагогическая, научно-теоретическая, методическая, информационно-коммуникационная.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы, что наибольшие профессиональные затруднения вызывают следующие показатели:

- знание новых методов и приёмов обучения, подходов к использованию традиционных методов обучения; умения разнообразить использование различных средств обучения учащихся учебному предмету (методическая область) у 37% респондентов;
- умение организовать исследовательскую, самостоятельную работу учащихся; владения методами обработки результатов эксперимента; умение адаптировать получаемую новую информацию для школьников различного уровня подготовки; умение прогнозировать результаты профессиональной деятельности (общепедагогическая область) у 27% респондентов;
- владение содержанием о современных достижениях науки и практики; умение принимать участие в профессиональных дискуссиях и обсуждениях (научно-практических конференциях), логически аргументируя свою точку зрения; создавать научные, научно-методические тексты по заданной логической структуре (научно-теоретическая область) у 38% респондентов.

Анализ анкет показал, что почти все педагоги информированы о федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), могут сформулировать основные отличия федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ООО) от государственного образовательного стандарта основного общего образования (ГОС ООО) – 78%, способны использовать опыт творческой деятельности других учителей, выбрать методы обучения, средства и формы обучения при реализации ФГОС ООО – 84%. Но испытывают затруднения в составлении рабочих программ (53%), не могут в должной степени осуществлять системно-деятельностный подход в образовательном процессе (59%), недостаточно обеспечены методическим сопровождением (44%), самостоятельно не создают авторские образовательные продукты, хотя считают себя творческими личностями (68%); считают, что педагогам необходимо повысить свой профессиональный уровень для качественной реализации ФГОС ООО (62%).

На необходимость повышать квалификацию в области ИКТ каждые пять лет указали 40% педагогов Московской области, а ведь практически ежегодно и даже ежеквартально совершенствуются версии или появляются новые программные продукты, которые используются в образовании. На наш взгляд, повышать квалификацию в данной области надо минимум два раза в год с помощью системы вебинаров (для ознакомления с новинками) и каждые 2-3 года на кратковременных курсах повышения квалификации.

Информационно-коммуникационные технологии используются не только при организации образовательного процесса, но и в научно-практической деятельности педагогов. Так свое владение текстовым редактором при подготовке доклада, статьи оценили на «3» – 13,3%, «4» – 26,7%, «5» – 60% респондентов, создание презентации для сопровождения выступления оценили на «4» – 46,7%, «5» – 53,3%.

Хотя экспертная оценка выступлений на конференциях и семинарах показывает совершенно другие результаты. Большинство выступающих заменяют понятие «презентация» текстом своей речи (причём с использованием мелкого шрифта), другая часть – неадекватно яркими иллюстрациями и фото. Всё вышесказанное говорит об элементарном незнании правил оформления презентации.

Результаты метода одномерного шкалирования (scale Likert) показали, что респонденты оценили уровень владения MS Word на «4» – 60%, «5» – 40%, MS PowerPoint на «3» – 26,7%, «4» – 46,7%, «5» – 26,7%, MS Excel на «4» – 13,3%, «5» – 6,7%, MyTestX на «4» – 53,3%, «5» – 46,7%.

Интернет становится «важнейшим институтом социализации, образования и просвещения нового поколения, в определенной мере замещая традиционно сложившиеся формы» [2]. Как правило, учителя используют данные сервисы для хранения информации – 66,7%. В своей педагогической деятельности наиболее часто используемыми хранилищами являются российское облако iSpring (86,7%) и американское облако DropBox (93,3%).

По результатам анкетирования следует, что педагогические работники под облачными сервисами понимают только сервисы Google.

На «5» оценили свой уровень владения ИКТ при подготовке к учебному процессу в области поиска, анализа, обработки и визуализации информации 33,3% респондентов.

Для реализации всех возможностей ИКТ на практике необходимы подготовленные педагогические кадры, способные сочетать традиционные методы обучения и современные информационные технологии. Педагог должен не только уметь пользоваться компьютером и современным мультимедийным оборудованием, но и создавать свои образовательные ресурсы, широко использовать их в своей педагогической деятельности [3; 4]. Предполагаемые пути решения выявленных проблем и затруднений для системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров:

- активизировать работу в направлении повышения квалификации, особенно в области ИКТ;
- разработать систему обучающих вебинаров о способах диагностики и экспертизы образовательной среды; об аналитической культуре педагога и видах педагогического анализа; о формах и методах оценивания, об особенностях ОГЭ, ГИА по учебным предметам;
- создать общедоступные площадки онлайн-курсов для обучения;
- расширить применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий образовательными организациями при реализации образовательных программ [5].

Библиографический список:

1. Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mPbAMyJ29uSPhL3p20168GA6hv3CtBxD.pdf>
2. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования от 28 октября 2015 г. №7073п-П8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dopedu.ru/attachments/article/690/доклад%20Правительства%20РФ.pdf>

3. Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Инструментальные возможности Ispring Suite 7 для дистанционного обучения // Дистанционное и виртуальное обучение. 2015. № 2 (92). С. 67-73.
4. Монахова Г.А., Монахов Н.В. Разрабатываемые инструменты дистанционного образования // Ученые записки ИСГЗ. 2013. № 1-1 (11). С. 166-170.
5. Монахов Д.Н. Мобильное обучение в условиях информационного неравенства// Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 157-159.

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

Монахов Д.Н.

Модернизация системы образования в Российской Федерации, подкреплённая нормативно-правовыми регулятивами [1; 2; 3] обусловила актуальность проблемы совершенствования профессиональной компетентности педагогических кадров. Главным посылом является «формирование конкурентоспособного человеческого потенциала» [1].

Учитель – ключевая фигура реформирования образования. «Создание достойной мотивации для учителей, условий для их постоянного самосовершенствования, для повышения квалификации сегодня становятся ключевыми факторами развития всей системы образования» отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин [3].

На основе сетевого анализа и кибернетического подхода нами разработана модель повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов, которая проходила ряд этапов построения.

На первом этапе была разработана концептуальная модель повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов в виде модели «чёрного ящика», которая отражает лишь взаимодействие системы дополнительного образования с окружающей информационно-образовательной средой. Это простейшая модель, которая не углубляется во внутреннее устройство СПО. Система и среда взаимодействуют между собой. Вход – это воздействие на систему со стороны внешней среды (например, влияние нормативно-правовых актов и законов, регулирующих организацию дополнительного профессионального образования), а выход – это воздействие, оказываемое системой на окружающую среду. Модель «чёрного ящика», как и любая другая, строится в соответствии с целью моделирования, учитывая лишь те входы и выходы, которые существенны с точки зрения цели моделирования, назначения создаваемой модели.

Данный этап исследования привел к необходимости учитывать в данной концептуальной модели различные подходы, которые были выработаны в теории и практике высшей школы и отражены в современных нормативно-правовых документах: компетентностный, культурологический, личностно-ориентированный, системный, гуманистический.

Результаты анализа мониторинга учителей позволили выявить педагогические условия функционирования модели: визуальные и дистанционные образовательные технологии; облачные технологии; технологии мобильного обучения; практико-ориентированные проекты [4; 5].

Данные мониторинга с учётом SWOT-анализа и государственных требований (в связи с санкциями в отношении РФ) позволили сделать вывод в необходимости:

- 1) разработать новые курсы очного обучения согласно потребностям практики (робототехника, интерактивная техника, 3D-моделирование с использованием 3D-сканера и 3D-принтера; разработка сайтов и образовательных продуктов, знакомство с новым современным российским ПО);
- 2) расширить существенно линейку курсов ДО с учётом конкурентной способности контента;
- 3) повысить качество преподаваемых курсов (за счёт использования современных педагогических технологий и средств ИКТ);
- 4) осуществить переход к индивидуальному асинхронному обучению с выстраиванием персональных образовательных дорожных карт обучающихся.

Итогом стала концептуальная модель повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов в виде модели состава, которая дает описание входящих в нее элементов (программ ДПО, вебинаров и т.д.) и подсистем (современных и актуальных ориентиров), но не рассматривает связей между ними.

Используя на практике модель состава, можно выявить направления дальнейшего развития курсов повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов.

Феномен глобализации вызвал интеграционные тенденции в сфере образования по формуле «образование через всю жизнь», образование нон-стоп. Нон-стоп образование – это образование без перерыва: без остановки, без пауз. Образование в течение жизни (или нон-стоп) – это целенаправленный процесс развития и воспитания личности путём реализации программ и услуг формального, неформального профессионального и информального образования.

Итогом модернизации методической системы в рамках образования нон-стоп стала концептуальная модель повышения квалификации учителей в виде структурной сетевой модели (структурной схемы). На сетевой схеме отражается состав системы и ее внутренние связи. Структурная схема системы является наиболее подробной и полной моделью на данном этапе нашего познания. При этом всегда остаётся актуальным вопрос об адекватности этой модели, разрешаемый только на практике. В модель структуры (в список отношений) мы включаем только конечное число связей, которые существенны по отношению к рассматриваемой цели. Данная структурная модель позволяет осуществить пространственное (по месту проведения и форме, например, виртуальной), временное распределение и содержательное наполнение по мере возникновения затруднений у учителей с целью максимального охвата нерешённых и/или нераскрытых проблем в курсах ДПП. При этом формы совершенствования профессиональных компетенций учителями становятся более разнообразными (курсы, виртуальные стажировки, семинары, мастер-классы, вебинары, конференции и т.д.).

Последний этап в разработке модели повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов – обобщенная модель – результат интеграции моделей «чёрного ящика», состава, структурной схемы.

Сетевой анализ весьма полезен при проектировании обобщенной модели, поскольку он позволяет определить отношения, существующие между подсистемами. Сеть может быть изображена в виде графика или диаграммы потоков. Для построения обобщённой модели повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов мы используем Microsoft Office Project.

Наглядное представление системы в виде диаграммы Ганта позволяет исчерпывающе описать задачу, которая должна быть выполнена. Данный метод даёт возможность корректировать и выявить случаи дублирования или пересечения, которые уменьшают эффективность работы модели. Кроме того, сетевой анализ помогает постоянно оценивать в соответствии с общими целями модели в целом деятельность подсистем. Изменения, касающиеся структуры модели, могут оказывать влияние на функционирование других частей системы. Это влияние может определяться в единицах времени, аудиторного потенциала, оборудования и других ресурсов. Поскольку модель повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов является динамической, необходим ее постоянный анализ, который должен проводиться с учетом развития системы, так как взаимоотношения между частями системы меняются во времени.

Цели модели могут изменяться, поэтому важным обстоятельством является то, что подсистемы приспособляются к этим изменениям и вся система при этом перестраивается соответственно. Сетевой анализ является весьма ценным методом, поскольку способствует анализу существующей модели и обеспечивает основу для наглядного изображения вновь создаваемой модели повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов.

Современное общество нуждается в постоянном образовании и самообразовании его членов. Дистанционное образование помогает решать задачи обучения и повышения квалификации и

профессиональной переподготовки людей, которые не могут присутствовать на занятиях в учебном заведении. Поэтому инструментальное ядро модели повышения квалификации учителей в условиях новых профессиональных стандартов представлено средой Moodle и российским ПО iSpring, облачными сервисами [5; 6]. Результатом стали интерактивные курсы ДПП с дистанционной поддержкой, разработанные для переподготовки и повышения квалификации учителей. Создано и апробировано учебно-методическое сопровождение курсов, базирующееся на инструментальном ядре модели.

Библиографический список:

1. Концепция развития образования на 2016-2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2016-god.com/koncepciya-razvitiya-obrazovaniya-na-2016-2020-gody/>
2. Профессиональный стандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель). Список изменяющих документов (в ред. Приказа Минтруда России от 05.08.2016 № 422н).
3. Публичная декларация целей и задач на 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/open_ministry/планы-деятельности
4. Монахов Д.Н. Мобильное обучение в условиях информационного неравенства // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 157-159.
5. Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Инструментальные возможности Ispring Suite 7 для дистанционного обучения // Дистанционное и виртуальное обучение. 2015. № 2 (92). С. 67-73.
6. Монахов Н.В., Монахова Г.А. Разрабатываемые инструменты дистанционного образования // Ученые записки ИСГЗ. 2013. № 1-1 (11). С. 166-170.

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ВОПРОСОВ ПО АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СЛУЖБЫ ЗАГС РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Морева А.А.

В системе социальных институтов особое место занимает служба записи актов гражданского состояния. Служба записи актов гражданского состояния – исполнительный орган государственной власти, реализующий полномочия по государственной регистрации актов гражданского состояния и осуществляющий функции по управлению в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния [1]. Согласно Положению о службе записи актов гражданского состояния Иркутской области, служба как институт, призвана осуществлять огромное количество функций, таких как осуществление государственной регистрации актов гражданского состояния, в том числе в торжественной обстановке в установленных законодательством случаях; совершение юридически значимых действий в соответствии с законодательством в пределах своей компетенции; формирование электронного информационного ресурса о государственной регистрации актов гражданского состояния на территории Иркутской области, в том числе, функцию по обеспечению стабильности социально-демографических структур: брачности, разводимости, рождаемости и многие другие функции, что может повлечь за собой коррупционную деятельность государственных гражданских служащих. [1].

Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [2].

Проблема противодействия коррупции является общегосударственной задачей. Каждое государство принимает определенные меры, которые направлены на снижение влияния коррупции на

все сферы жизнедеятельности общества. Необходимость проведения антикоррупционной деятельности служб записей актов гражданского состояния обуславливается тем, что служба ЗАГС является институтом, оказывающим государственные услуги, связанные с выходом на определенные события в жизни человека, как торжественные так и не торжественные, являясь связующим звеном между государством и гражданским обществом, в результате чего подвергается влиянию коррупционной деятельности.

Проанализировав официальные сайты службы записей актов гражданского состояния Иркутской области, Новосибирской области, Хабаровского и Приморского края, приходим к выводу, что антикоррупционная деятельность ведется в различных направлениях, а именно: совершенствование нормативной правовой базы, организационные меры по предупреждению и профилактики коррупции, внедрение механизмов противодействия коррупции в рамках кадровой политики, обеспечение доступа граждан к информации о деятельности службы записи актов гражданского состояния, обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции. Данные направления являются общими для служб записей актов гражданского состояния. Немаловажным фактом является работа телефонной «горячей линии» по вопросам противодействия коррупции, получение консультации по вопросам противодействия коррупции дистанционно, а также отправление в письменной и электронной форме информации о конкретных фактах коррупции, неисполнения служебных обязанностей государственным гражданским служащим, что отмечается также во всех загсах.

На официальных сайтах в специальных разделах приведен перечень федеральных нормативных правовых актов, региональных нормативных правовых актов, правовых актов службы о противодействии коррупции, в том числе об установлении наказания за коррупционные преступления в виде штрафов, об увольнении в связи с утратой доверия, о порядке проверки сведений, представляемых госслужащими. Немаловажно, что в целях осуществления основных профилактических антикоррупционных мер кадровой службой оказывается консультативная помощь по вопросам, связанным с представлением ими сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Одной из основных профилактических антикоррупционных мер является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Независимая экспертиза проводится юридическими лицами и физическими лицами, аккредитованными Министерством юстиции Российской Федерации в качестве экспертов по проведению независимой антикоррупционной экспертизы, в установленном законодательством порядке [1].

Нами, как социологами, было отмечено то, что некоторые отделы записей актов гражданского состояния используют в качестве антикоррупционной меры проведение мониторингов для оценки качества оказания государственной услуги. Данный способ освещен только на сайте Управления по делам ЗАГС Новосибирской области [3]. Данные мониторинги проводят с целью выявления и пресечения коррупционной деятельности в государственных структурах.

В заключении хотелось бы отметить, что анализ официальных сайтов государственных структур, а именно службы записи актов гражданского состояния Иркутской, Новосибирской областей, Хабаровского и Приморского края показал, что методика борьбы с коррупцией в разных регионах очень близка. Основанием для всех государственных структур являются федеральные нормативные правовые акты, которые отражены на официальных сайтах данных структур, такие как федеральные законы, указы Президента, региональные правовые акты, направленные на противодействие коррупции. Коррупция – враг номер один для нашей страны, для демократического общества. Для борьбы с коррупцией необходимы не только соблюдение законов, мер предупреждения, но и желание госслужащих и всего гражданского общества бороться с этой проблемой заодно.

Библиографический список:

1. Служба записи актов гражданского состояния Иркутской области. Официальный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkobl.ru/sites/zags/about/position/>
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/
3. Управление по делам ЗАГС Новосибирской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zags.nso.ru/page/1310>

ЦЕНТРЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТИПОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ*

Мочалина О.С.

Производство в аграрном секторе напрямую зависит от природно-климатических и зональных условий, существующих на определённой территории. В связи с этим будут отличаться условия функционирования, а также потребность в инвестиционных ресурсах.

С целью формирования центров инвестиционной активности, отражающих особенности аграрного производства на различных территориях, используется методика определения потребности в заемных инвестиционных средствах, которая будет учитывать особенности производства в аграрном секторе Республики Крым в зависимости от потребностей отдельного района.

Инвестиционные ресурсы поступают в аграрный сектор Республики Крым из множества источников. Среди наиболее значимых можно выделить инвестиции за счёт собственных средств предприятий, средства из федерального и регионального бюджетов, средства отечественных и иностранных инвесторов и средства, полученные в виде кредита коммерческого банка. В современных условиях развития российской экономики одним из наиболее доступных способов привлечения ресурсов является банковское инвестиционное кредитование, которое предоставляется любым коммерческим банком, работающим на рынке кредитования. Кроме того, для заемщиков, ведущих свою деятельность в аграрном секторе, могут быть предоставлены особые условия (например, выплата процентов и тела кредита в период созревания и реализации урожая, то есть в определенное время года).

С целью выявления центров инвестиционной активности необходимо проанализировать объёмы инвестиций, которые поступают в районы Республики Крым из различных источников. Для этого воспользуемся статистическими данными об объемах инвестиций, поступивших в сельское хозяйство Республики Крым в 2015 году, а также методикой определения индикаторов инвестиционной активности на основе экономических взаимосвязей интеграционных приоритетов инвестиционного процесса.

Методический подход к составлению формулы расчёта потребности в инвестиционных ресурсах основывается на выявлении количественных и качественных характеристик инвестиционного процесса с учётом существующих проблем и ожидаемых явлений. Все элементы предлагаемого показателя соответствуют определённому району Республики Крым. Формализация потребности в инвестиционных ресурсах предлагается в следующем виде:

$$I_{ИА} = \sum C_{ИР} + \left[\sum \Pi_{ИР} * K_a \right] \quad (1)$$

где $I_{ИА}$ – индикатор инвестиционной активности;

$C_{ИР}$ – собственные средства предприятий и организаций, направленные на инвестирование, руб.;

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-36-00105)

$P_{ИР}$ – объем привлеченных инвестиционных ресурсов в аграрный сектор, включая иностранные, отечественные инвестиции, а также финансирование из всех видов бюджетов, руб.;

K_a – коэффициент адаптации потребности.

Коэффициент адаптации потребности рассчитывается следующим образом:

$$K_a = 1 + \frac{I_{\text{ожид}} + V_k}{100} \quad (2)$$

где: $I_{\text{ожид}}$ – ожидаемый (прогнозируемый) уровень инфляции;

V_k – колебания валютного курса национальной валюты (отношение значения курса национальной валюты к доллару США на начало исследуемого года к значению на начало предыдущего года).

Повышение уровня инфляции повышает значение коэффициента и, соответственно, уровень потребности в инвестиционных средствах. Повышение валютного курса национальной валюты также будет повышать значение показателя потребности в инвестиционных средствах, выраженного в рублях. Понижение данных показателей будет оказывать обратное действие.

Данный метод учитывает основные макроэкономические показатели и даст возможность определить необходимый объем заемных инвестиционных ресурсов для отдельного региона, а также с помощью имитационного шкалирования произвести дифференциацию районов в зависимости от существующей потребности. Это, в свою очередь, позволит выделить районы, требующие внимания с позиций поддержки или стимулирования инвестиционной деятельности.

Рассчитаем коэффициент адаптации. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, прогнозируемый уровень инфляции на 2016 год составил 9% [1].

Официальный курс доллара США по отношению к российскому рублю по данным Центрального банка РФ на 1 января 2015 года составил 56,2376 рублей за доллар, на 1 января 2016 года – 72,9299 рубля за доллар США. Таким образом, валютный курс вырос на 29,68% [2]. Следовательно, коэффициент адаптации будет рассчитываться следующим образом:

$$K_a = 1 + ((9 + 29,68) / 100) = 1,3868$$

Далее рассчитаем потребность аграрного сектора Республики Крым в инвестиционных средствах в 2016 г. Для этого будем использовать статистические данные по Республике Крым относительно объёмов и источников инвестиций в регион. Данные, необходимые для произведения расчетов, представлены в таблице.

Таблица 1 – Расчёт индикаторов инвестиционной активности в Республике Крым

№	Район	Собственные средства		Привлеченные средства		Коэффициент адаптации	Индикаторы инвестиционной активности
		Доля в общем объеме инвестиций	Значение, тыс. руб.	Доля в общем объеме инвестиций	Значение, тыс. руб.		
1	Бахчисарайский	82,8	69836,004	17,2	14506,996	1,3868	116966,9
2	Белогорский	42,5	531,25	57,5	718,75	1,3868	1733,5
3	Кировский	27,9	2062,368	72,1	5329,632	1,3868	10251,23
4	Красногвардейский	68,1	66797,928	31,9	31290,072	1,3868	136028,4
5	Краснопереконский	28,9	1010,922	71,1	2487,078	1,3868	4851,026
6	Нижнегорский	13,9	4525,284	86,1	28030,716	1,3868	45148,66
7	Первомайский	14,3	831,116	85,7	4980,884	1,3868	8060,082
8	Раздольненский	79,6	8579,288	20,4	2198,712	1,3868	14946,93

9	Симферополь-ский	32,6	65401,142	67,4	135215,86	1,3868	278215,7
---	------------------	------	-----------	------	-----------	--------	----------

Источник: составлено автором по материалам [3, с. 26-39]

В соответствии с полученными результатами, используя метод графического позиционирования, отобразим центры инвестиционной активности Республики Крым (рис. 1, составлен автором). Отображение индикаторов инвестиционной активности по районам Республики Крым дало возможность выявить центры инвестиционной активности. Под центром инвестиционной активности понимается район республики, который в соответствии со своим территориальным типом отличается наибольшими объемами привлеченных инвестиций. Следовательно, такой район обладает наибольшим объемом ресурсов для реализации инвестиционных проектов.

По результатам анализа, центрами инвестиционной активности Республики Крым на начало 2016 года являются Бахчисарайский, Красногвардейский и Симферопольский районы, при этом наибольшее значение индикатора инвестиционной активности имеет Симферопольский район.

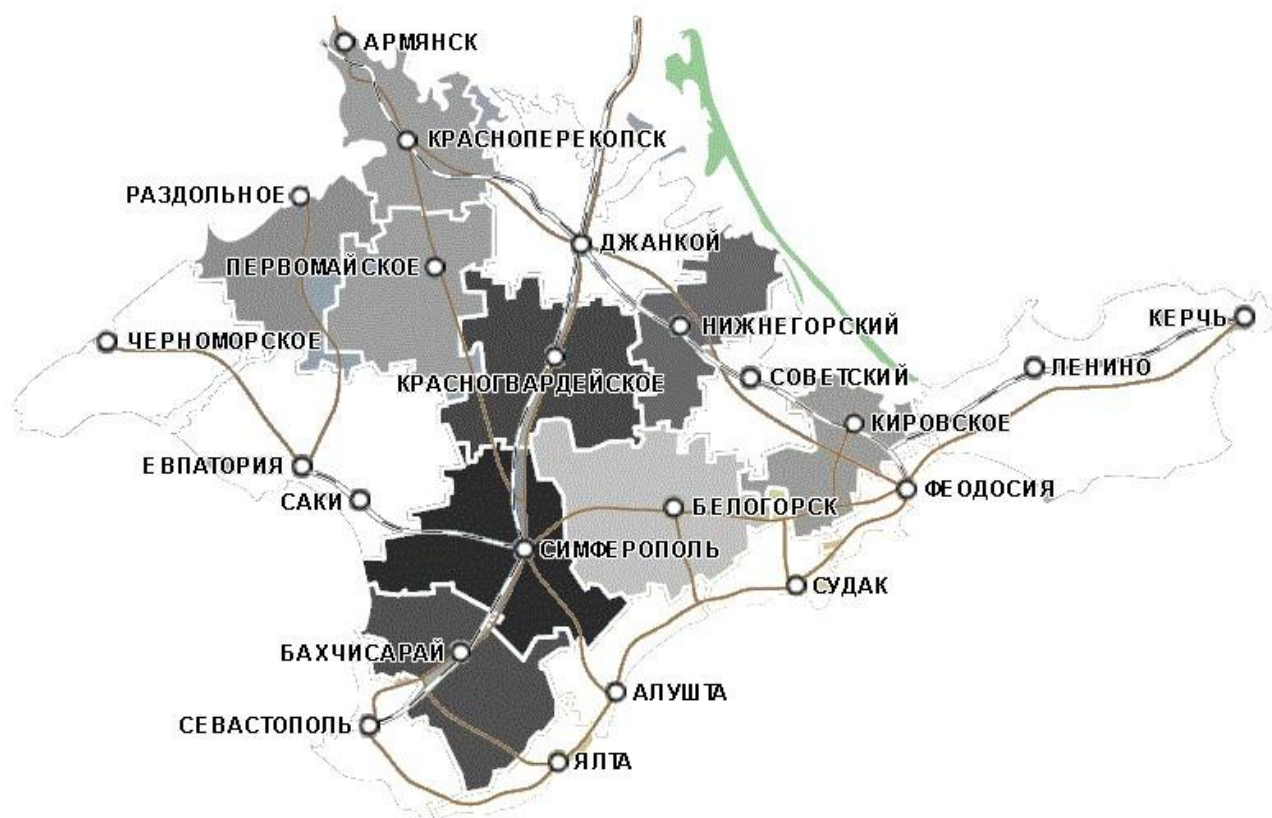


Рис. 1 – Центры инвестиционной активности Республики Крым по различным территориальным типам

Таким образом, центры инвестиционной активности расположились в центре полуострова, что отображает привлекательность данного территориального типа для вложений в аграрный сектор региона.

Отметим, что обозначенные центры инвестиционной активности не являются тождественными территориям с исключительной инвестиционной привлекательностью. Это означает, что те районы, которые не стали центрами инвестиционной активности тоже могут иметь потенциально привлекательные инвестиционные проекты, но инвестиционная политика, которая проводится в различных регионах, должна отличаться. В центрах инвестиционной активности она должна быть направлена на поддержку существующих инициатив и может основываться на имеющемся опыте их реализации. В районах с низкой инвестиционной активностью политика должна основываться на поиске потенциальных инвесторов, на разработке привлекательных

инвестиционных проектов, на предоставлении помощи государственных органов власти в активизации инвестиционной деятельности.

В соответствии с мировым опытом развития аграрного сектора, большое значение для функционирования данной сферы деятельности имеет государственная поддержка инвестиционной деятельности. Данный аспект также может основываться на выявленных центрах инвестиционной активности, так как потребности районов со значительным объемом инвестиционных ресурсов значительно отличаются от потребностей районов с низкой инвестиционной активностью, соответственно, и господдержка должна предоставляться по различным направлениям и в различных объемах.

Библиографический список:

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e>
2. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?date_req=01.01.2016
3. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности // Статистический сборник «Строительная и инвестиционная деятельность в Республике Крым за 2015 год». 2016. С. 26-39.

РОЛЬ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОДУКЦИИ

Муллаянова М.Р.

При организации производства на предприятии необходимо его обеспечить материальными ресурсами, то есть сырьем, материалом, топливом, энергией и т.д. Стоимость материальных ресурсов включается в себестоимость продукции по статье «Материальные затраты» и включает в себя их цены по приобретению. [1, с. 23]

Обеспечить предприятие материальными ресурсами можно двумя путями: экстенсивным и интенсивным. Удовлетворение по экстенсивному пути представляет собой увеличение производства материальных ресурсов, что требует дополнительных расходов. [3, с. 54] Однако, такой рост объема производства при современных технологиях приводит к тому, что истощаются природные ресурсы и загрязняется окружающая среда. Поэтому такое удовлетворение потребности предприятия в материальных ресурсах лучше при экономном использовании этих ресурсов в производстве или должно осуществляться интенсивным путем. [2, с. 51]

Пути улучшения материальными ресурсами предприятия в процессе производства покажем в рисунке 1.



Рисунок 1 – Пути обеспечения материальными ресурсами

Полное и своевременное снабжение предприятия качественным сырьем и материалами необходимого ассортимента является важнейшим условием выполнения плана по производству продукции их рациональное использование способствует снижению себестоимости, росту прибыли и рентабельности продаж. [4, с. 5-8]

Материальные издержки имеют существенную долю всех затрат на создание продукции, работ и услуг. Поэтому производственная программа организации будет выполняться лишь при необходимой обеспеченности их важными ресурсами.

Главными факторами состоятельности организации материальными ресурсами считается верность расчета их необходимости, правильно санкционированное материально-техническое обеспечение и экономное эффективное использование материальных ресурсов в производстве.

Библиографический список

1. Бирман Г., Шмидт С. Экономический анализ инвестиционных проектов / под ред. Л.П. Белых. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 2011
2. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. М.: Финансы и статистика, 2011.
3. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. М.: ИНФРА-М, 2014.
4. Арсланова А.В., Курбанаева Л.Х. Управление оборотными активами предприятия. В сборнике: Современные финансовые инструменты развития экономики регионов сборник статей XII международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. 2014. С. 5-8.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА И УСТОЙЧИВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Напалкова А.А.

В условиях изменения экологических условий жизнедеятельности людей образ жизни, характеризующийся приоритетом экологических ценностей, заботой об окружающей среде, как важнейшего условия человеческого существования и соответствующего поведения людей, становится ключевым понятием экоцентристского подхода к развитию современного общества [1]. Поэтому формирование образа жизни «дружественного» по отношению к природе, ориентированного на экологические ценности и их практическое воплощение в повседневной жизни, является весьма актуальной проблемой, что отражено в трудах Л.Г. Титаренко, О.Н. Яницкого. За последние несколько десятилетий, тема экологических ценностей и экологической устойчивости получила большое внимание со стороны ученых не только в области социологии, но и психологии, маркетинга, среди которых можно выделить работы Т.В. Ивановой, Б.Т. Лихачева, В.Л. Товбиной, Л.Г.

Титаренко, Е.В. Смирновой, А.В. Лукиной, Е. Виноградовой и других. Формирование экологической культуры, на основе приоритета экологических ценностей, перестройки образа жизни, активной защиты окружающей среды, – необходимые условия дальнейшего существования общества [2]. В свою очередь, экологическая культура – это органическая, неотъемлемая часть культуры, охватывающая те стороны мышления и деятельности человека, которые соотносятся с природной средой [3]. Более того, ценностные и экологические императивы определяются как важнейшие интегративные факторы в становлении мировой экологической культуры. В контексте экологических ценностей общества «устойчивое потребление» соотносится со стремлением сократить потребление природных ресурсов, изменением образа жизни и потреблением эко-товаров для удовлетворения текущих потребностей, а также с заботой о будущем поколении [4]. Исследование потребителей, по мнению M. Laroche, J. Bergeron, G.V. Forleo, позволяет выяснить потребительские предпочтения при выборе эко-продукции, восприятие цены и качества (функциональные ценности), заинтересованность в поиске информации (эпистемические ценности), отражение беспокойства, коллегиального мнения (социальные ценности), влияние рекламной деятельности и субсидий (условные ценности), желание проявлять защитную роль по отношению к окружающей среде (экологические ценности) [5]. Такие исследования могут быть использованы для прогнозирования устойчивого потребления.

Таким образом, на основе анализа российских и зарубежных работ мы разработали подход к исследованию влияния ценностей на отношение к эко-товарам. Целью данной работы стало понимание потребительских ценностей, которые отражены в устойчивом потребительском поведении. В основу исследования была положена теория потребительских ценностей Шетта, Ньюмана и Гросса [6], которая подчеркивает важность потребительских ценностей в принятии решений о покупке товаров. Данные ценности в той или иной мере влияют на отношение и выбор эко-товаров потребителями, к ним относят [4]: функциональные ценности (приобретение продуктов из соображения безопасности, а также желание приобрести качественный продукт), социальные ценности (значимость приобретения потребителями данных товаров для общества), условные ценности (выбор потребителями товаров при определённых обстоятельствах), эпистемические ценности (желание получения знаний потребителями), монетарные ценности (желание или готовность потребителей купить эко-товар за более высокую цену, чем его неэкологичный аналог), а также ценности, связанные с заботой об окружающей среде (экологические ценности). В некоторых работах экологические ценности отождествляют с эмоциональными ценностями, в частности, Bei L. и Simpson E. в своем исследовании выявили, что 89,1% респондентов считают, что потребляя продукты вторичной переработки, они сохраняют окружающую среду [7]. Исследовательская гипотеза состояла в том, что если экологические ценности влияют на определенные группы населения, то эти элементы сознания стимулируют внедрение экологического образа жизни, что способствует формированию экологической культуры.

В данном исследовании приняли участие жители Дальнего Востока, включая Приморский край, Хабаровский край, Камчатский край, в качестве метода исследования был выбран личный и онлайн опрос, инструментом которого стала анкета. Для проведения опроса была рассчитана детерминированная квотная выборка, объем которой составил 384 человек, при уровне доверительной вероятности 95% и уровне ошибки $\pm 5\%$. Анализ данных показал, что правильно понимают значение экологически дружественных товаров около 70% всех опрошенных, 16% – неверно понимают значение эко-товаров, а 14% считают, что им сложно судить об этом, что свидетельствует о недостатке знаний относительно экологически дружественного потребления. 10,4% респондентов считают себя покупателями эко-товаров, при этом 11,3% полагают, что в состав экологически дружественных товаров могут входить опасные вещества. Такое мнение могло сложиться вследствие недобросовестного применения некоторыми производителями экомаркировки. В результате опроса также выявлено, что 32,3% респондентов не покупают эко-товары, вследствие недостаточной информированности. Собранные данные были обработаны при помощи факторного анализа с использованием программного продукта IBM SPSS Statistic.19, который выявил пять

факторов. Кумулятивный процент, накопленный к последнему фактору, отражающий факторное решение равен 52,2%, что позволяет не изменять количество выявленных факторов. По результатам расчетов дисперсии начальные собственные значения пяти факторов выше 1, поэтому они отобраны для дальнейшего анализа. Первый фактор объясняет 22% суммарной дисперсии, второй – 10%, третий – 8%, четвертый 6,5%, а пятый 5,6% (таблица 1).

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) $\geq 0,7$ – является удовлетворительной адекватностью (таблица 2), т.к. соблюдено предельное значение статистики, которое должно быть больше значения 0,5, значение статистики «приближенный хи-квадрат» достаточно большое и равно 2537 с 276-ю степенями свободы, критерий сферичности Бартлетта равен 0,00, т.е. ниже 0,05, что является основанием для вывода о статистической достоверности различий. Следовательно, нулевая гипотеза об отсутствии корреляции между переменными отклоняется в соответствии с критерием сферичности Бартлетта и критерием адекватности Кайзера-Мейера-Олкина. Из чего следует, что факторный анализ можно рассматривать как приемлемый метод для анализа и полученные данные подходят для интерпретации.

Таблица 1 – Характеристика факторов, оказывающих влияние на устойчивое потребление

Факторы	Характеристика фактора	Влияние на отношение к эко-товарам и окружающей среде
Первый фактор (21,671 % дисперсии)	Польза для здоровья (функциональные ценности)	Наличие экомаркировки на упаковке и достаточно внимательное изучение состава продукта перед покупкой определяют выбор экопродуктов по причине заботы о здоровье.
Второй фактор (10,422% дисперсии)	Забота об окружающей среде (экологические ценности)	Потребители отдают предпочтение тем товарам, которые не наносят вреда окружающей среде, обеспокоены растратами ресурсов нашей планеты и ее загрязнением. Для этой группы свойственно совершать покупки самостоятельно, не поддаваясь влиянию референтных групп, при выборе эко-товаров ориентируются на известность бренда.
Третий фактор (8,355% дисперсии)	Социальное одобрение (социальные и эпистимические ценности)	Представители группы считают, что покупка эко-товаров улучшит имидж (одобрение) среди коллег / друзей, в кругу общения. Заинтересованы в получении информации о новых товарах, моделях, брендах, так и о влиянии экопродуктов на окружающую среду. При выборе эко-товаров ориентируются на известность бренда.
Четвёртый фактор (6,514% дисперсии)	Ситуационность (условные ценности)	Главной особенностью поведения этой группы является то, что они готовы приобретать эко-товары, но при определённых условиях: при катастрофическом ухудшении экологии, если порекомендуют знакомые, при наличии скидок и акций. Данная группа частично экоориентирована.
Пятый фактор (5,579% дисперсии)	Рациональность (монетарные ценности)	На данную группу оказывает влияние только два фактора – цена и качество, они готовы приобретать экопродукты, изготовленные из вторичного сырья, но по приемлемой цене и при соответствующем качестве продукта.

Таблица 2 – Мера адекватности и критерий Барлетта

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина		0,758
Критерий сферичности Бартлетта	Прибл. хи-квадрат	2537,070
	Число степеней свободы	276
	Значимость	0,000

Таким образом, факторный анализ позволил выделить пять групп респондентов, выбирающих и приобретающих эко-товары под действием различных мотивов и ценностей (таблица 1). Различия между потребителями разных групп могут быть в точности противоположными, например, одна группа потребителей будет приобретать экопродукты, потому что заботится об окружающей среде, а другая в большей степени заботится о собственном здоровье. В результате исследований было выявлено, что модель экологически ориентированного образа жизни населения базируется на фундаменте экологических ценностей, что является основой формирования экологической культуры общества.

При низкой степени информированности об эко-потреблении, общество не в состоянии оценить ущерб собственному здоровью или окружающей среде от вредных товаров и продуктов. Хотя забота о собственном здоровье и здоровье своей семьи – это тоже потребность, которая связана со стремлением повысить знания о потребляемой продукции [8]. В связи с этим наиболее перспективной формой повышения информированности об эко-потреблении в настоящее время является с одной стороны формирование единого информационного ресурса, обеспечивающего коммуникационный процесс между всеми субъектами регионального рынка эко-товаров. С другой стороны руководство предприятий, которые позиционируют себя, как экологически ответственные компании, должны активизировать усилия в доведении информации до потребителя и общества в целом об экологичности своих товаров и услуг, философии бизнеса, наносящего минимальный вред природе при производстве, реализации, потреблении, переработке и дальнейшей утилизации товара. Высокая осведомленность по вопросам эко-потребления может влиять на появление и развитие потребности в заботе об окружающей среде, формируя убеждения о необходимости использования безвредных товаров из-за ухудшения экологической обстановки.

Библиографический список

1. Титаренко Л.Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 107-113.
2. Яницкий О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 3-13.
3. Товбина В.Л. Экологическая культура: понятие и проблемы становления // Ученые записки. 2006. № 2. С.255-265.
4. Gonçalves H. M., Silva G. M., Lourenço T. F. Green buying behavior and the theory of consumption values: A fuzzy-set approach // Journal of Business Research. 2016. Vol. 69 (4). P. 1484-1491.
5. Laroche, M., Bergeron, J., & Forleo, G.B. (2001). Targeting consumers who are willing to pay more for environmentally friendly products // Journal of Consumer Marketing. 2001. Vol. 18(6). P. 503-520.
6. Sheth, J., Newman, B., Gross, B. Why we buy what we buy: a theory of consumption values // Journal of Business Research. 1991. Vol. 22 (2). P. 159 - 170.
7. Bei, L., & Simpson, E. The determinants of consumers purchase decisions for recycled products: An application of acquisition-transaction utility theory // Advances in Consumer Research. 1995. Vol 22(1). P. 257-261.
8. Лукина А.В. Экологический фактор в потребительском восприятии // Маркетинг. 2010. № 3. С. 46-58.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ

Недре В.Ю., Дытченко О.А.

Управленческое решение – это действие, которое направлено на разрешение конкретной ситуации. Главная задача менеджера заключается в принятии этих решений, реализации их через своих подчиненных, а также в контроле соблюдения их выполнения. От правильности и эффективности данного решения зависит эффективность управления, а это означает, что и эффективность самой работы гостиницы [1].

Эффективность решения зависит от формы доведения его до исполнителей. Смысл состоит в том, чтобы создать в сознании технологию, которая будет выполняться работниками гостиницы. Сначала у исполнителя формируется впечатление при получении задания, затем оно уточняется и обогащается путем адаптации к условиям внешней и внутренней среды. Для того, чтобы модель деятельности исполнителя выполнялась, к ней предъявляют ряд требований. Она должна быть развернута настолько, что еще до начала работы исполнитель знал все тонкости. Также необходима точность, динамика предстоящей деятельности, стрессоустойчивость и прочность модели, ее гибкость, а также все решения должны быть согласованы [2].

Управленческое решение в гостиничном бизнесе состоит из восьми стадий. На первой стадии менеджеру необходимо поставить определенную цель. На второй - изучить проблему. После этого, на третьей стадии, менеджер должен выбрать критерии эффективности, а также определить последствия принимаемых им решений. На четвертой стадии необходимо рассмотреть все варианты устранения проблемы. На пятой – происходит окончательное формулирование управленческого решения. Затем, на шестой, происходит, непосредственно, принятие этого решения. Седьмая стадия предназначена для доведения этих решений подчиненным, а восьмая – это контроль выполнения решений.

М.Месконом, М.Альберт и Ф.Хедоури выделили три вида управленческих решений в гостиничном бизнесе: организационные, интуитивные и рациональные.

Цель организационных решений заключается в движении к задачам, которые поставила перед собой гостиница. Их можно разделить на запрограммированные – это решения, в которых число альтернатив ограничено, и незапрограммированные, то есть те, которые принимаются в ранее не применимых ситуациях.

Интуитивные решения принимаются менеджером исходя из его интуиции. К ним склонны менеджеры с большим стажем работы.

Рациональные решения отличаются от предыдущих тем, что не зависят от опыта и от стажа работы менеджера. В основе этих решений лежит анализ всех процессов гостиницы [3,4].

В гостиничном бизнесе управленческие решения классифицируются следующим образом: по степени структурированности: запрограммированные и незапрограммированные; по содержанию: экономические, технические и т.д.; по количеству лиц: индивидуальные и групповые; по уровню управления: низший, средний и высший; по количеству целей: одноцелевые и многоцелевые [5].

В управленческих решениях выделяют три метода решения: неформальные, коллективные и количественные.

Неформальный, или эвристический метод представляет собой совокупность приемов и выбора оптимальных решений, а также сравнение альтернатив. Он базируется на интуиции менеджера, это и является недостатком данного метода, так как интуиция может подвести руководителя.

В коллективном методе главным является выбор участников данной процедуры. Главными критериями при выборе являются: осведомленность, авторитетность, способность решать задачи, общительность. Они могут проходить в разных формах: заседание, совещание и т.д. Наиболее распространенным является метод «мозговой штурм». Сущность данного метода заключается в том, что собирается группа людей, которая предлагает свои пути решения данной проблемы. Все идеи записываются, и затем анализируются специалистами.

Также применяется и метод Дельфи –это процедура анкетирования. Она состоит из трех туров: сначала анкетирование проводится без какой-либо аргументации. Во втором туре, ответ подлежит аргументации и эксперт может изменить свой ответ. На третьем уровне опрос прекращается и принимается решение.

Еще одним ярким представителем является японская система Кингисё. Исходя из данного метода, предлагается проект новшества и предлагается к рассмотрению лицам по списку, который составляет руководитель. Каждый должен его рассмотреть и описать свои замечания. После этого проводится совещание, на котором выбирают окончательный вариант дальнейших действий[6].

В основе количественного метода лежит подход, который предполагает выбор решений путем их обработки с помощью компьютера. Различают следующие модели, в зависимости от типа математических функций: динамическое программирование; линейное моделирование; статистические модели; имитационные модели; теория игр [7].

Управленческое решение нельзя сравнивать с управлением, ведь решения используется в качестве инструмента проектирования деятельности организации по использованию ее потенциала, который обеспечивает оптимальное функционирование. Оно также обеспечивает целостность

организации, регулирует ее поведение во внешней среде и выступает фактором эффективности управления.

К сожалению, управленческие решения редко принимаются в состоянии подобной уверенности. Компании руководствуются предположениями о том, какие условия, известные как «состояния экономики» будут иметь место. Состояние экономики – это условия, в которых принимаются решения, в подобных случаях менеджер принимает решение в условиях риска. Чтобы принять решение в условиях риска менеджеры используют различные концептуальные инструменты.

Эффективность решения определяется его качеством и принятием исполнителями.

Библиографический список:

1. Маллинз Л., Прис Д. Менеджмент и организационное управление. М., 2008. 339 с.
2. Кабушкин Н.И. Менеджмент гостиничного бизнеса. М., 2009. 450 с.
3. Кабушкин Н.И., Бондаренко Г.А. Менеджмент гостиниц и ресторанов. М., 2008. 336 с.
4. Глухов С.Г. Менеджмент предприятия гостеприимства. М., 2008. 650 с.
5. Кабушкин Н. И. Основы менеджмента. М.: Новое знание, 2009. 336 с.
6. Ладанов И. Д. Практический менеджмент. М.: Корпоративные стратегии, 2004. 685 с.
7. Мескон, М., Альберт, М., Хедоури, Ф. Основы менеджмента. М.: Вильямс, 2009. 672 с.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Никитин А.П.

Понятие денежной культуры имеет различные интерпретации, в зависимости от научной области его концептуализации и применения [1]. Одна из традиций, о которой будет идти речь, рассматривает денежную культуру как символическую систему, гипертрофирующую значимость количественного выражения тех или иных свойств в социальном мире. Такой подход берет свое начало с работы Г. Зиммеля «Философия денег» [2]. Денежная культура, с его точки зрения, является культурой общества, в котором непосредственные социальные качества опосредуются в виде количественного символа.

По Г. Зиммелю, денежное обращение – социальное взаимодействие, в котором любое социальное качество (явленное материально либо духовно) имеет свой количественный эквивалент, выраженный в стоимости. Это пример того, как в процессе интеракции первичные социальные единицы создают элементы, которые приобретают независимую от них функциональность и опосредуют отношения между ними. «Деньги принадлежат именно к этой категории овеществленных социальных функций. Функция обмена, как непосредственного взаимодействия между индивидами, сосредоточивается в форме денег как независимой структуры» [2, р. 174]. Являясь всеобъемлющим средством обмена, деньги становятся главной целью для большинства людей, что превращает их в символ, регулирующий всю культуру.

Г. Зиммель показывает, что деньги являются формой объективации ценностей, на которых основывается существование общества. Они служат количественной мерой социального взаимодействия и становятся все более функциональными, устанавливая отношения и связи людей друг с другом опосредованным способом. При этом, объективируя общий элемент, содержащийся в товарах, они нивелируют своеобразие предметов. Вместе с тем, создание денег – это образец того, «как из индивидуальных взаимодействий рождается надындивидуальное образование, как оно противостоит человеку с его индивидуальной смысловой жизнью» [3, с. 64]; деньги, замкнутая на самой себя символическая система, являются элементом объективированной и противостоящей человеку культуры.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00163)

Понятие денежной культуры в этом смысле, таким образом, обозначает культуру социальных отношений, в которой процессы квантификации играют важнейшую роль. Приведем несколько примеров квантификации культуры, обратившись к сфере науки, образования и искусства. С одной стороны, как подметил Г. Зиммель, характерная для новоевропейской науки тяга к подсчетам и измерениям формировалась под косвенным влиянием развития товарно-денежных отношений, а способность свести решение научной проблемы к открытию закона в виде математической формулы стала залогом эффективности работы ученого. С другой стороны, качество и успешность деятельности ученых в современном научном сообществе во многом определяется не сущностью их открытий и эвристической значимостью полученных результатов, а количественными показателями, сопровождающими сам процесс научного исследования и формализующими его итог. Эти исчисляемые параметры хорошо известны: количество публикаций, количество докладов на конференциях, количество полученных грантов и объем финансирования в них, количество объектов интеллектуальной собственности, индекс цитирования и т.п. При этом, пока количественные показатели оцениваются как одно из средств, с помощью которого структурируется социальное пространство науки, качество самих исследований не страдает. Но, как только формальные критерии научной результативности превращаются из средства в цель, наступает период спекулятивных действий, оказывающих деструктивное влияние на качественные состояния самой науки.

Такая же тенденция, в не менее явном виде, обнаруживается в системе образования на всех его уровнях. Проблемы количественной унификации в оценке знаний учащихся хорошо известны и широко обсуждены, – введение тестовой системы вызвало большой общественный резонанс и волну критики со стороны педагогического сообщества. Не касаясь всех нюансов данной критики, отметим следующее: пятибалльная система оценивания знаний учащихся являлась феноменом, в котором число должно было соответствовать качественному состоянию, при прочих равных условиях, связанных с взаимодействием ученика и учителей. Получая оценку «3», ученик всё же понимал, что его знание оценивается как определенность состояния «удовлетворительно». Получая 50 баллов из 100 на едином государственном экзамене, он может предполагать, что знает дисциплину ровно на половину. Получая 75 баллов из 100, он может утверждать, что знает этот предмет на три четверти. Когда учащийся X набирает за тест 80 баллов, а учащийся Y набирает 40, у первого появляются все основания полагать, что он в два раза сообразительнее своего «соратника». Знание предмета, таким образом, оказывается разбитым на знание его единиц, которые не обладают синтетической цельностью.

Если говорить о высшем образовании, то престижность специальностей абитуриенты могут определить, сравнивая стоимость обучения на них. Среди самих университетов ведется явная и скрытая борьба за увеличение различных показателей – количества докторов наук, количества научных публикаций, индекса цитирования, финансирования научных исследований, количества абитуриентов с высокими показателями ЕГЭ, обеспеченности книгофондом, количества различных материальных ресурсов и т.д., и т.п. Большинство рейтингов высших учебных заведений основывается именно на метрических показателях, хотя есть и исключения, когда качество предоставляемых образовательных услуг оценивается с помощью экспертных оценок.

При такой системе образования возникает, соответственно, поворот от знания как такового к единицам, элементам, фрагментам знания. Эти единицы с особым масштабом и интенсивностью начинают продаваться и покупаться, они превращаются в товар и сравниваются, соответственно, по стоимости. Из синтеза образов и представлений знание трансформируется в сумму частей, каждая из которых существует сама по себе (что актуализирует концепцию так называемого «клипового мышления»). Подмена качественных характеристик количественными становится, при этом, фундаментом данной трансформации.

Обратимся к сфере искусства. В 2015 г., как известно, был поставлен новый мировой рекорд по стоимости картины в результате открытых торгов, которую «установил» холст П. Пикассо «Алжирские женщины». До этого самой дорогой картиной считалось полотно А. Модильяни

«Лежащая обнаженная». Обе картины преодолели ценовой рубеж в 170 миллионов долларов. Тот факт, что эта новость облетела весь мир и дошла даже до тех, кто весьма далек от интереса к изобразительному искусству, мы можем интерпретировать как признание свершившегося «переворота». Между тем, с очевидностью можно констатировать, что рядоположение художественных произведений в соответствии с критерием цены на них не просто относительно, но и искажает эстетические приоритеты. Для простого обывателя, наткнувшегося на список самых дорогих картин в мире, становится ясным, какое художественное творение лучше, а на какое следует обратить меньшее внимание. «Дело вкуса» становится делом денежного оценивания.

При этом парадокс заключается в том, что картины А. Модельяни и П. Пикассо покупают люди, имеющие свои собственные пристрастия и представления о красоте, но их субъективизм для окружающих выражен объективно, – в стоимости. Круг замыкается: субъект назначает предмету стоимость, исходя из степени своего желания обладать им, эта стоимость олицетворяет качество приобретаемого предмета и, следовательно, его потребительское значение, данное значение делает предмет более желанным для другого субъекта, готового выложить еще большие деньги за него, либо осознающего невозможность купить его. Субъективизм (желание, потребность) порождает объективный факт (стоимость), стоимость порождает желание другим (новый субъективизм). В результате такого взаимодействия реальные качества отходят на второй план, а главным оказывается символ. Иллюстрацией этого положения оказывается как раз тот факт, что самой ценной картиной признается полотно «Алжирские женщины».

Во всех этих количественных объективациях, перечислять которые можно бесконечно, выражается общая для всей денежной культуры тенденция. Функционирование денег как меры стоимости, с помощью которой осуществляется обмен и платеж, является плодотворным и конструктивным процессом для всех участников экономических взаимодействий. Как только деньги из средства превращаются в цель, начинаются спекулятивные процессы, направленные на их искусственное приращение, что негативно сказывается на всей рыночной системе. Экономисты любят проводить аналогию между денежным обращением и системой кровоснабжения; исходя из этой аналогии, очевидно, что существование крови самой по себе, безотносительно функционального взаимодействия частей тела друг с другом, мало что дает организму и, более того, может оказывать на него отрицательное влияние. Кровь должна снабжать внутренние органы всем необходимым, а не «гулять» по телу бесцельно.

Но в мире постмодерна не хозяйственная деятельность обуславливает направление денежных потоков, а денежное обращение формирует экономические потребности; не качество картины определяет ее цену, а цена картины определяет ее эстетическую ценность; не научные результаты выражаются в публикациях, а количество публикаций свидетельствует о полученных результатах; не знание выражается в количестве набранных баллов на тесте, а количество баллов определяет уровень знания и т.д. Естественно, что этот процесс сдерживается самими социальными системами, иначе мы бы не находили производящих что-то заводов, содержательных научных трудов, образованных школьников и современных шедевров искусства. Речь идет о том, что при всей содержательности социальной жизни в современных условиях в ней активно усиливается трансформация в сторону количественной формализации, что способствует выхолащиванию плодотворной и творческой работы.

Растущий рост потоков виртуальных денег в современном обществе еще больше усиливает значение симулятивных социокультурных практик. Происходит это ввиду того, что абстрагированный денежный «второй мир» приобретает самостоятельное существование по отношению к реальному бытию. Дело в том, что когда мы определяем ценность вещи количественным показателем (ценой), то в этом квантитативном акте все-таки есть какое-то содержание, есть некая субстанциональность, выраженная в числе и нами четко осознаваемая. Виртуальные деньги же не обозначают ничего, кроме самих себя. Источником такой замкнутости можно считать отказ от репрезентативности валюты золотым стандартом. Свободное печатание

банкнот, финансовые манипуляции, биржевые игры, функционирование международных кредитных карт, – все это отражает характерную для современного денежного обмена симуляцию своей функции. Самовоспроизводство денег никак не связано с действительными нуждами хозяйства, оно имеет единственную цель – продолжение финансовой игры без правил до бесконечности. Экстраполируя этот процесс на другие сферы социальной жизни, мы легко можем получить ситуации игры в науку, образование, искусство и т.д. без реального результата.

Библиографический список:

1. Никитин А.П. Понятие денежной культуры в спектре социально-гуманитарного знания // В мире научных открытий. 2013. № 5.2 (41). С. 254-268
2. Simmel G. *Philosophy of Money*. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005. 543 p.
3. Филиппов А.Ф. Аспекты денежной культуры. Новые работы по «Философии денег» Георга Зиммеля // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. С. 63-68

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

Новоселова Е.Н.

На сегодняшний день старение населения является одной из самых актуальных, затрагивающих многочисленные аспекты жизни общества тенденцией. Увеличение численности пожилых в структуре населения охватило практически весь мир. «Мы столкнулись с ситуацией, в которой никогда раньше не жили. У мира пока нет опыта построения общества, где пожилые люди занимают значительную часть населения» [1, с. 4]. В будущем ситуация только усугубится, менее чем через 40 лет люди старше 60 лет будут составлять более 20% общей численности населения планеты.

Для оценки процесса демографического старения населения демографами ООН была разработана следующая классификация обществ по степени старения: молодым называют население, в котором лиц в возрасте 65 лет и старше менее 4%; зрелым - общество, где таких людей от 4% до 7%; если же их доля превышает 7%, то население считается старым [2]. В настоящее время в России 12,9% от общего числа жителей люди старше 65 лет, а в ближайшее время ситуация только ухудшится, старение населения ускорится и к 2025 году доля россиян старше 65 лет может достичь 18%, т.е. старше 65 лет уже будет каждый пятый житель нашей страны [3].

Ситуация внутри страны неоднородна, есть как «молодые», так и «старые» регионы [4]. Перевес людей старшего возраста наблюдается в 62 регионах России наибольший: «в Тульской области и Санкт-Петербурге – в 2 раза, Рязанской и Воронежской областях – в 1,9 раза, Тамбовской, Ленинградской, Ивановской, Пензенской, Псковской, Ярославской областях, Москве – в 1,8 раза» [5].

Столица России – Москва не остается вне демографических процессов, происходящих в стране и в мире. Современная ситуация со столичной демографией неблагоприятна во всех составляющих ее компонентах: низкая рождаемость, высокая (по сравнению с европейскими столицами) смертность, старение населения.

Население Москвы старше населения России в целом. Средний возраст жителя столицы 41,1 год [6]. Доля столичных жителей старше 65 лет постоянно растет, так, если в 2009 году она составляла 14,2%, в 2011 году – 23,5%, то в 2012 г. уже – 24,2%, при этом доля трудоспособного населения Москвы за эти три года сократилось на 1,5% [6].

Движущей силой проблемы демографического старения населения Москвы является низкая рождаемость. В российской столице, как и в большинстве крупнейших агломерациях мира, рождаемость колеблется в средних пределах 10-16 ‰, причем Москва тяготеет по уровню рождаемости к столицам развитых стран, уровень рождаемости здесь на 2014 год составил 11,3‰. Несмотря на некоторый рост рождаемости в столице в последние годы он по-прежнему очень низкий – 1,4 ребенка на одну женщину (2015) – величина, не дотягивающая даже до общероссийского показателя (1,77), не говоря уже о границе простого воспроизводства [7]. Из-за низкой рождаемости в

Москве каждое последующее поколение меньше предыдущего. Лиц старшего возраста почти вдвое больше, чем детей до 14 лет, «одним словом, Москва быстрее стареет, чем омолаживается» [8].

При анализе структуры населения столицы по возрасту следует отметить тот факт, что Москва является одним из крупнейших по численности городов России, во всем постсоветском пространстве и в Европе. По данным на 1 января 2016 г. численность населения Москвы составила 12330126 человек и 10,6 (на 2012 г.) тыс. чел./ км². Московская агломерация насчитывает по разным оценкам от 15 до 17 миллионов человек и сосредотачивает в себе около 12% населения России. С конца XIX века численность населения России выросла втрое, а населения Москвы в 11 раз. Столица продолжала расти даже в те годы, когда население России убывало катастрофическими темпами - так, за двадцать лет - 1990 по 2010 гг. Москва за счет притока мигрантов получила 4,5 млн. человек, т.е. почти 40% современной численности города [9]. Сегодня столица продолжает расти и её население непрерывно увеличиваться.

Численность населения Москвы прибывает за счет необходимых ей трудовых мигрантов, поскольку численность трудоспособного населения города сокращается, а среди прибывающих в Москву мигрантов, преобладают люди трудоспособного возраста (16-49 лет), около половины которых, это мигранты до 30 лет. Такая структура миграционного прироста является на протяжении многих лет постоянной и именно благодаря ней процесс старения населения столицы немного сдерживается [9]. Однако старение населения невозможно предотвратить посредством одной лишь миграции, такая стратегия не может быть приемлемой в долгосрочной перспективе. Мигранты позволят на какой-то промежуток времени замаскировать проблему нехватки собственного трудоспособного населения, но никак не решить её. Маскировка проблемы способна лишь усугубить её, и, возможно, некоторое ограничение потока мигрантов заставило бы государство прилагать более серьезные усилия для реального решения проблемы – повышения рождаемости.

Рост продолжительности жизни, бесспорно, является одним из факторов старения населения, но он становится действительно значимым исключительно при низком уровне рождаемости, причем вклад в старение смертность вносит только в том случае, если в совокупности с тем, что много людей доживает до старших возрастов, увеличивается и продолжительность жизни в этих возрастах. В отличие от других стран с низкой рождаемостью глубокая старость населению России пока точно не грозит. Доля лиц 80-85 лет и старше еще крайне мала. По этому показателю Россия занимает 37 место в списке из 43 европейских стран, США и Японии [10].

На фоне остальной России столица выделяется сравнительно более благополучной тенденцией в динамике смертности, средняя ожидаемая продолжительность жизни в российской столице – 76,7 лет, что на 6 лет выше, чем в целом по России, однако если сравнивать Москву с городами развитых стран показатель ожидаемой продолжительности жизни остается довольно низким, [9] а уровень смертности, соответственно, довольно высоким. Москва находится между городами развитых и развивающихся стран.

Старение населения, это не только «величайший триумф человечества» [Frank W. Notestein], но и серьезный вызов для экономики и общества, оно ставит серьезные социально-экономические, социально-психологические, медико-социальные и этические проблемы. Одно из опасений, связанных со старением населения, это рост нагрузки на бюджет страны и увеличение ложающегося на трудоспособное население бремени «иждивенчества», пожилым людям надо платить пенсию, а возможности экономики в условиях снижения доли лиц трудоспособного возраста неуклонно снижаются. Низкий возраст выхода на пенсию в России дает возможность активно обсуждать вопрос о его повышении, однако наши пенсионеры, особенно мужского пола, живут после выхода на пенсию значительно меньше (5,92 года – разница между продолжительностью жизнью мужчины и возрастом выхода на пенсию в России, 12,77 – в Москве) и серьезных демографических оснований для повышения пенсионного возраста у нас нет. Немаловажная причина сохранения существующего пенсионного возраста в России, это то, что его повышение может косвенным образом спровоцировать снижения рождаемости по причине того, что прародители выпадут из системы

воспитания внуков, потеряют свою «родительскую роль», что также приведет к утрате эмоциональных связей, отчуждению между поколениями, которые негативно скажутся на общем психологическом климате в обществе. Таким образом, направленная на решение проблемы мера может лишь спровоцировать ее углубление.

Среди основных социально-экономических проблем вызванных деформацией возрастной структуры населения можно также выделить следующие: изменение уровня и характера потребления; изменение структуры электората в пользу пожилых; повышение нагрузки на систему здравоохранения, медицинское и социальное обслуживание; изменения взаимоотношений внутри семьи, в образе жизни семьи; снижение материальной обеспеченности пенсионеров, ухудшение качества их жизни и др. Кроме того, старение экономически активного и работающего населения может служить сдерживающим фактором в процессе модернизации, и формировать некоторые барьеры на пути инноваций [13].

Сдвиги в структуре населения, связанные с увеличением удельного веса старших возрастов и одновременным сокращением доли лиц трудоспособного возраста и молодежи, являются, по мнению большинства ученых, объективной, неизбежной реальностью и государству необходимо учитывать данный факт при разработке социально-экономической политики. Старение населения столицы России уже заложено в её нынешнем возрастном составе, однако, свой вклад в омоложение структуры населения может внести рождаемость, повышение которой сделает общество более молодым, а значит более здоровым, энергичным, преуспевающим по экономическому состоянию, в интеллектуальном и в творческом планах. Молодые и пожилые люди в России должны научиться сосуществовать вместе, составлять гармоничный баланс, эффективно взаимодействовать; необходимо уважение, признание авторитета и мудрости старших поколений с одной стороны и осознания ценности «иного» прогрессивного, нового опыта с другой. Государство должно позаботиться об учете потребностей каждого поколения, ведь «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными» [14].

Библиографический список:

1. Особенности и этика работы с волонтерами старшего возраста // Методическое пособие для социально ориентированных некоммерческих организаций и государственных учреждений Санкт-Петербурга. СПб., 2013.
2. Пирожков С.И. Демографическое старение // Демографический энциклопедический словарь / гл.ред. Валентей Д.И. М., 1985.
3. Доля россиян старше 65 лет к 2025 году достигнет 18 процентов // ПРАЙМ-ТАСС, 19.11.2007.
4. Грицюк М. Способ борьбы со старостью. 13 миллионов российских пенсионеров вынуждены работать // Российская газета. 02.10.2013.
5. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Статистический бюллетень 2010 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-demogr.htm
6. Морозова Е.А. Прогнозирование демографической ситуации в городе Москве до 2025 года // Электронный научный журнал «ГосРег». 2014. №1.
7. Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
8. Малева Т., Тындик А. Потенциал рождаемости в Москве // Журнал Новой экономической ассоциации. №1 (17).
9. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Полимасштабный анализ демографического развития Москвы в постсоветский период // SPERO. № 17.

10. Васин С. Россия стареет хуже других стран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema02.php>

11. Русановский В.А., Блинова Т.В., Бурмистрова И.К. Сдвиги в возрастной структуре населения России: оценка межрегиональных и гендерных различий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №3 (52).

12. Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТОКА ДЕСТИНАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Османова Э.У.

Туристская дестинация представляет собой амальгаму разнообразного и эклектичного круга предприятий и людей, которые заинтересованы в процветании своей дестинации [2]. Успех отдельных предприятий туризма и кооперативов, а также дестинаций в целом зависит от конкурентоспособности и востребованности продуктов дестинации [1]. Востребованность туристических дестинаций зависит от соответствия предлагаемых продуктов потребностям потребителей. Для того, чтобы идентифицировать и определить приоритеты развития ключевых сегментов рынка дестинации необходимо комплексное изучение потребностей туристов. Изучение целевой аудитории туристской дестинации позволяет определить ее ценности, потребности, определяющие факторы в выборе туристской дестинации и развивать их. Позиционирование территории и развитие соответствующих ключевых сегментов рынка позволяет не только наиболее полно удовлетворять потребности существующих сегментов потребителей, но и привлечь новых.

Туристическая дестинация Республика Крым – уникальный в своем многообразии туристический продукт, в котором соединён мощный природно-климатический и историко-культурный потенциал, являющийся основой для развития курортно-туристской сферы. Изучение его туристического потока позволит определить целевую аудиторию дестинации и направление ее развития.

Таблица 1 – Численность размещенных лиц по целям поездок и принадлежности к гражданству в Республике Крым в 2014-2015 гг.

	Размещено граждан России		Размещено граждан стран СНГ		Размещено граждан других стран (кроме стран СНГ)	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Всего	412769	860464	65945	41182	10751	9869
в том числе по целям поездок:						
Личные	363113	756443	59688	34618	4112	8392
из них:						
отпуск, досуг и отдых	180849	380939	34792	20840	3361	5146
образование и профессиональная подготовка	989	10068	209	527	–	43
лечебные и оздоровительные процедуры	145935	327103	14990	10578	687	921
религиозные/паломнические	4140	24	464		9	3
Прочие	31200	38309	9233	2673	55	2279
Деловые и профессиональные	49656	104021	6257	6564	6639	1477

Источник: составлено автором по материалам [3].

В течение 2014-2015 годов наблюдалась положительная динамика роста числа размещенных (табл.1): в 2014 году 489465 тыс. человек, в 2015- 911515 тыс. человек. Наибольшую долю размещённых занимают граждане России – в 2015 году они составили 94,4% числа размещенных.

Наименьшую долю размещенных составляют иностранные граждане (кроме стран СНГ), в 2014 годы их доля составила 2,6%, в 2015 – 1,2%, таким образом, наблюдается тенденция снижения числа отдохнувших иностранных граждан. Число размещенных граждан России в дестинации Республики Крым в течение 2014-2015 годов выросло в 2,1 раза. Размещенные граждане России в большинстве своем прибывали по личным целям (87,9% в 2015 году): среди числа размещенных большинство прибывало с целью проведения отпуск досуга и отдыха (44,3% размещенных в 2015 г.) и получения лечебных и оздоровительных процедур (38,0% размещенных в 2015 г.). Также следует отметить снижение числа религиозных и паломнических поездок в Республику Крым во внутреннем туристическом потоке на 99,4% (с 4140 тыс. чел. в 2014 году до 24 тыс.чел. в 2015 году). Динамика размещенных граждан стран СНГ также отрицательна: число размещенных снизилось на 37,6%, а доля сократилась с 13,5% в 2014 году до 4,5% в 2015 году, за счет снижения прибытия по личным целям (в 2015 году с целью проведения отпуска, досуга и отдыха в Республику Крым прибыло на 40,1% меньше граждан стран СНГ, чем в 2014 году). Сократилось также число размещенных граждан других стран (кроме стран СНГ): с 10751 тыс. человек в 2014 году до 9869 тыс. человек в 2015 году, т.е. на 8,2%. В течение анализируемого периода изменилась структура прибытий граждан других стран (кроме стран СНГ) по целям поездок: если в 2014 году 61,8% составляли прибывшие с деловыми и профессиональными целями, то уже в 2015 году 85,0% прибытий составили личные поездки.

Таблица 2 – Структура размещенных лиц в Республике Крым по месту размещения в 2014-2015 гг.

	2014			2015		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		Гостиницы и аналогичные средства размещения	Специализированные средства размещения		Гостиницы и аналогичные средства размещения	Специализированные средства размещения
Численность размещенных лиц, человек	489465	255179	234286	911515	457584	453931
в том числе граждан:						
России	412769	200842	211927	860464	424539	435925
из них: детей	101476	33544	67932	158287	66501	91786
стран СНГ	65945	44482	21463	41182	25882	15300
других стран (кроме стран СНГ)	10751	9855	896	9869	7163	2706
Число ночевок, единиц	5083387	1465014	3618373	7278696	1894862	6238917
Доходы от предоставляемых услуг, млн.рублей	6012,2	2415,9	3596,3	13393,6	3565,9	9827,7

Источник: составлено автором по материалам [3].

Как видно из таблицы 2, в течение 2014-2015 гг. в 1,6 раз увеличилось число размещенных детей, в 1,4 раза число ночевок и в 2,2 раза выросли доходы от предоставляемых услуг. Численность размещенных лиц в гостиницах и аналогичных средствах размещения и в специализированных средствах размещения однородна: 52,1% и 47,9% в 2014 году и 50,2% и 49,8% в 2015 году соответственно. Структура доходов в течение анализируемого периода не изменялась: в 2014 году гостиницы и аналогичные средства размещения получили 40,2% от общего числа доходов коллективных средств размещения, а специализированные средства размещения-59,8%. В 2015 году гостиницы и аналогичные средства размещения получили 26,6% Доходы от предоставляемых услуг

коллективных средств размещения, специализированные средства размещения - 73,4%. Таким образом, доходность специализированных средств размещения выросла в 2,7 раза.

Как видно из рис.1, в течение 2014-2015 гг. средняя продолжительность трети размещённых граждан России на территории Республики Крым составляла 8-14 ночёвок, граждан стран СНГ – 1-3 ночёвок, а большая часть граждан других стран (кроме стран СНГ) останавливались на 1-3 ночёвки. Среди размещённых граждан России преобладали как пребывания длительностью 8-14 дней, так и 1-3 ночёвки (22,9% размещённых граждан России в 2015 году), произошло снижение доли длительного пребывания 15-28 дней (с 30,4% в 2014 году, до 23,6% в 2015 году). Среди размещённых граждан других стран (кроме стран СНГ) отмечается тенденция роста доли размещённых на 15-28 ночёвок (с 5,4% в 2014 году до 22,0% в 2015 году).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Наибольшую долю размещённых занимают граждане России – в 2015 году они составили 94,4% числа размещённых.

2. Основные цели посещения дестинации для граждан России и стран СНГ – проведение отпуска, досуга и отдыха, а также получение лечебных и оздоровительных процедур, для граждан других государств – деловые и профессиональные.

3. Большую часть полученных доходов от предоставляемых услуг коллективных средств размещения получили специализированные средства размещения - 73,4%.

4. Продолжительность пребывания граждан России в гостиницах и аналогичных средствах размещения – 1-7 ночёвок, в специализированных средствах размещения – 15-28 ночёвок. Большая часть прибывших иностранных граждан, размещённых в гостиницах, предпочитают отдых продолжительностью 1-3 дня, в специализированных средствах размещения – 8-28 ночёвок.

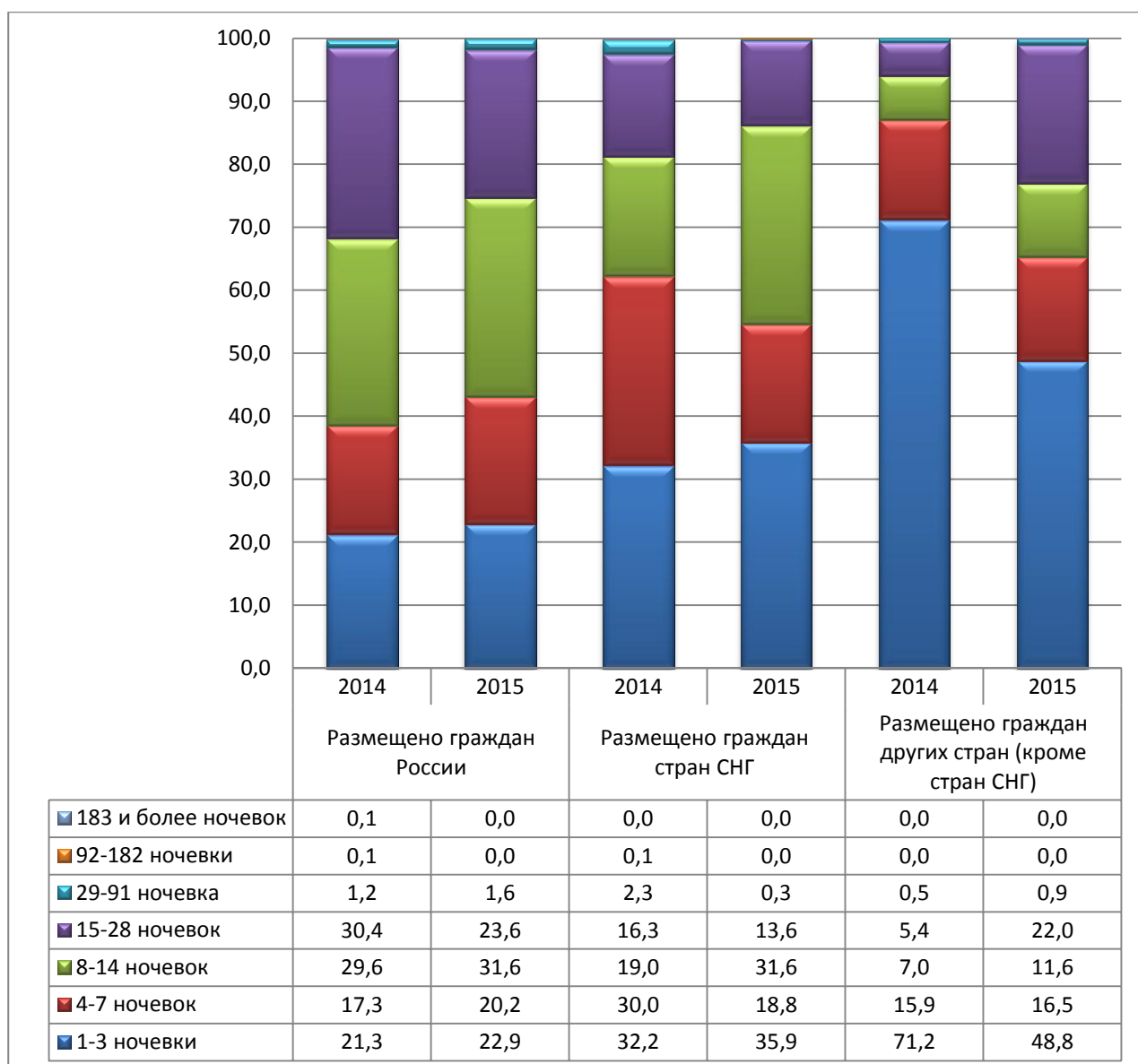


Рисунок 1 – Продолжительность пребывания размещенных лиц в Республике Крым в 2014-2015 гг.

Таким образом, целевой аудиторией дестинации Республики Крым являются граждане Российской Федерации, предпочитающие пляжный или лечебно-оздоровительный отдых, продолжительность которого составляет 8-14 дней.

Библиографический список:

1. Pike S. Destination brand position in gslogans – towards the development of ase to faccountability criteria // Acta Turistica. 2004. 16(2). P. 102-124.
2. Thomas R. Understanding small firms in tourism: A perspective on research trends and challenges / R. Thomas , G. Shaw, S. J. Page // Tourism Management. 2011. 32 (5). P. 963-976
3. Туризм Республики Крым за 2015 год. Бюллетень. Симферополь: Крымстат, 2016. 112 с.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Панфилова А.О., Калина А.Ю.

Формирование современной концепции управления человеческими ресурсами обусловлено научно-техническим прогрессом, глобализацией, развитием компьютерно-информационных систем, которые неизбежно проявляют себя и в российской экономике. Современные быстроменяющиеся условия внешней и внутренней организационной среды наглядно обуславливают необходимость постоянного совершенствования системы управления как тактического управления персоналом, так и управлением человеческими ресурсами как высшим уровнем социально-организационного управления.

Управление человеческими ресурсами – это, на сегодняшний день, высшая ступень развития теории и практики управления, а также важнейший уровень социального управления. Люди создают организации, формируют их цели и задачи, и в то же время являются основным организационным ресурсом. Успешность деятельности организации напрямую зависит от конкретных людей, их знаний, компетентности, квалификации, дисциплинированности, мотивов и мотивации, способности ставить цель и работать на ее достижение.

Управление человеческими ресурсами – это подход к управлению персоналом социальной организации, при котором сотрудники рассматриваются как наиболее ценный ресурс в конкурентной борьбе, который необходимо мотивировать и развивать для достижения стратегических целей [1, с. 121]. Система управления человеческими ресурсами – это неотъемлемая часть системы управления любой организации, от правильного построения которой зависит успешность деятельности в целом. Главная цель системы управления человеческими ресурсами – обеспечение и организация эффективного применения трудовых резервов, их социальное и профессиональное развитие [2, с. 29]. Перевести управление на действительно профессиональный уровень невозможно:

- без всестороннего анализа и формирования управленческих компетенций;
- без определения характера стиля и методов управления, практикуемых руководством организации;
- игнорируя условия и содержание труда персонала;
- не принимая в расчет социально-психологический климат в коллективе;
- не учитывая содержание и особенности организационной культуры.

На основе этих положений, а также принимая во внимание информацию, полученную авторами в ходе исследовательской работы в коммерческих организациях (анкетирование и экспертный опрос), можно предложить рекомендации, которые могут послужить развитию социально-управленческого потенциала организации и ее человеческих ресурсов.

1. Современным организациям имеет смысл разработать долгосрочную программу продвижения по карьерной лестнице сотрудников, включающую не только планирование, но и обязательную реализацию поставленных целей.

2. Целесообразной представляется разработка детальной программы морального стимулирования сотрудников. Сама по себе система психологической мотивации не является стимулирующей и подталкивающей к результативности, так как является в своем большинстве неформальной. В связи с этим, можно рекомендовать ввести практику ежемесячного публичного вручения грамот и благодарностей за достигнутые результаты. Несмотря на кажущуюся незначительность таких событий, они способствуют благоприятному восприятию сотрудниками собственного руководства, показывают внимание последнего ко всему, что происходит внутри организации и т.д.

3. Такая мера, как включение в индивидуальный план развития каждого сотрудника обязательную ежеквартальную разработку некоей, пусть самой минимальной инновации. Это будет способствовать как продуктивности общей деятельности, так и стимулированию творческого

мышления сотрудников. Особенно хорошо это воспринимается в молодом по возрастному критерию коллективе.

4. Практические наблюдения показали, что даже не один месяц работающие в компании сотрудники часто оказываются незнакомыми с ее миссией и провозглашенными в ней ценностями и смыслом ее функционирования. Представляется логичным организация и проведение тематического внутрикорпоративного мультимедийного тренинга, направленного на усвоение основ общественного предназначения организации (организационная цель, миссия, социально-гуманитарный и социально-философский смысл ее существования и работы). Знание и уважение организационных основ всеми сотрудниками способствуют и продвижению благоприятного имиджа в процессе коммуникаций с внешней средой (клиентами, посетителями).

5. Полученная информация позволяет говорить и о целесообразности сбора информации в виде отчета о прошедших и запланированных отпусках в период текущего года, с комментариями относительно удовлетворенности отпускными датами. Таким отчетом можно руководствоваться при последующем согласовании графиков отпускных дней (если это возможно). Авторские данные показали существенную значимость этого фактора среди персонала.

Таким образом, при должном и ответственном отношении руководства к персоналу, предложенные рекомендации могут послужить частью общей системы управления человеческими ресурсами в организации. Кооперация усилий в этой сфере повысит как общее качество управления, так и результативность деятельности. В конечно счете, усилия в значительной мере должны быть направлены на формирование более гибкой, подвижной и открытой организационной структуры, обладающей свойством самоорганизации.

Стратегическая ориентация на непрерывное развитие социально-трудового потенциала сотрудников – задача, реализация которой напрямую сопряжена с успешностью и стабильностью организации во внешней среде.

Библиографический список:

1. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации: учебно-практическое пособие. М.: Интел-Синтез, 2003. 509 с.
2. Козлов В.В. Человеческие ресурсы – источник конкурентного преимущества, наряду с другими ресурсами компании // Управление персоналом. 2008. № 11. С. 27-30.
3. Барнард Ч. Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации. М.: Социум, 2009. 130 с.
4. Календжян С.О. Система эффективного управления. Теория и практика применения делегирования полномочий и ответственности: учебные программы для руководителей и специалистов. М.: Издательский дом «Дело», 2012. 321 с.

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ:
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Петрова О.С.

Вторая половина XIX – начало XX вв. в России – время интенсивного формирования и развития различных корпоративных сообществ: ученые, врачи, «естествоиспытатели», предприниматели объединялись для решения профессиональных и научных задач. Среди этих объединений заметную роль играли «учёные» общества, которые внесли огромный вклад в развитие отечественной науки и культуры. Особой коллегиальной формой деятельности научных обществ были съезды, объединявшие не только профессиональных ученых, но и широкие слои интеллигенции.

Одним из регулярно действовавших во второй половине XIX – начале XX вв. объединений были Археологические съезды, проводившиеся по инициативе Московского Археологического общества. Своё определение съезды получили от названия науки о древностях – археологии. В соответствии с расширительным пониманием в XIX в. содержания археологии она занималась разнообразными конкретно-историческими проблемами прошлого и изучением изобразительных, вещественных и письменных источников. В результате деятельности Археологических съездов отложился значительный объем документации, важной для изучения состояния и развития гуманитарного, в том числе исторического, знания в условиях социально-экономической и социокультурной модернизации российского общества.

Историческая литература об Археологических съездах имеет тематическую специфику. Она заключается в том, что в публикациях рассматривался стабильный круг тем: история становления археологии в современном определении данной области знания [1], выработки ее предмета и метода [2; 3]; развитие специальных исторических дисциплин и смежных областей гуманитарного знания [4; 5]; развитие исторической науки в российской провинции [6], а также биографические сюжеты [7]. Ещё одна особенность этой литературы состоит в том, что документальные источники, возникшие в результате подготовки и проведения Археологических съездов, использовались авторами выборочно как дополнительные и иллюстративные материалы. В исследованиях прежних лет не ставились источниковедческие проблемы изучения документального комплекса Археологических съездов.

Основу документального комплекса съездов составляет делопроизводственная документация, данные которой можно рассматривать как массовые, что позволяет применять к ним формально-количественные методы. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о возможности более полно раскрыть информативный потенциал материалов съездов, но при условии выработки определенных принципов и подходов. Современная историография имеет большой опыт в этом направлении, основа же его была заложена в трудах академика И.Д. Ковальченко, его коллег и учеников [8; 9; 10].

Изучение делопроизводственной документации Археологических съездов, ее содержательный анализ определили перспективы для расширения диапазона методов историка-источниковеда – были созданы две базы данных – «Состав Археологических съездов» и «Основные направления научной деятельности Археологических съездов», аккумулировавшие большой объем информации, предоставляемой делопроизводством всех 16 Археологических съездов (1869-1914). Специфика делопроизводственных материалов определила структуру и содержание обеих баз данных, методику заполнения и анализа информационных полей, наметила перспективы их использования.

Прежде всего, были выявлены и классифицированы документы, составившие документальную основу базы данных «Состав Археологических съездов». Она включает в себя следующие разновидности опубликованных и архивных документов: деловая переписка (уведомления научных обществ о назначении депутатов в Предварительный комитет и на съезд и заявления от частных лиц о желании участвовать в съездах, просьбы прислать приглашения, членские билеты и т.п.); «Открытые листы» (заявления-анкеты для членов съезда); черновые материалы по подготовке списков членов съезда; списки членов и депутатов съезда; протоколы Предварительных комитетов и пленарных заседаний отделений съездов. В настоящее время только две последние группы источников опубликованы. Первые три группы материалов сохранились в архивах.

Работа по созданию базы данных «Состав Археологических съездов» и предложенные методики обработки сведений об участниках съездов выявили особенности структуры научно-исторического сообщества России, её формирования и развития. Анализ внутренних и внешних связей научных обществ позволил решить и ряд других вопросов, среди которых становление института Археологических съездов как новой формы международного сотрудничества.

На основании информации об участии иностранных ученых в съездах, содержащейся в базе данных «Состав Археологических съездов», были получены сведения как о круге научных организаций, вовлеченных в деятельность российских форумов, так и о личном вкладе

представителей западной научной школы. Исследование динамики и содержания их работы позволило убедиться в важности международных и межкультурных контактов, осуществляемых в рамках Археологических съездов на протяжении второй половины XIX – начала XX вв., благодаря которым отечественная наука обогатилась рядом ценных публикаций в области археологии, истории, языкознания, истории культуры, а также в сфере источниковедения и библиографии.

Разработка подходов к конструированию второй базы данных «Основные направления научной деятельности Археологических съездов» важна для расширения источниковедческих возможностей изучения структуры и содержания многоаспектной научной программы съездов. Эта база данных позволила структурировать нарративную информацию о научной проблематике съездов и наметить поиск новых путей и в исследовании такой сложной проблемы, как научный потенциал сообщества, вовлеченного в работу Археологических съездов, а также степень его реализации.

В ходе проработки материала, собранного в данную базу, были определены методики выявления, систематизации и анализа массовых данных особой разновидности делопроизводства Археологических съездов, а именно «Вопросов, предложенных для обсуждения на съезде» и «Запросов, по которым к съезду желательно получить сведения», составлявших ядро научной программы съездов. Изучение отдельных групп сведений, выявленных в рамках данной разновидности источников, позволяет сформулировать общие проблемы историко-археологического знания во второй половине XIX – начале XX вв., рассмотреть процесс выделения из археологии специальных исторических дисциплин.

Таким образом, создание баз данных и выработка методик анализа массовых данных повышает источниковедческую значимость документального комплекса, порожденного возникновением и деятельностью Археологических съездов. Его изучение важно и для расширения общих представлений об особенностях развития отечественной исторической науки на этапе дифференциации научного знания, формирования научных исторических сообществ с середины XIX в. до начала XX в.

Библиографический список:

1. Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 463 с.
2. Арциховский А.В. Введение в археологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1947. 220 с.
3. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии; отв. ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука, 1986. 240 с.
4. Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869-1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 г. / АН СССР, Отд-ние истории АН СССР, Археогр. комис. М.: Наука, 1972. С. 89-105.
5. Абрамова Н.Г., Петрова О.С. Формирование исторической географии как учебной дисциплины. Учебная литература по исторической географии. № 2 (14) / 2013. Москва: NOTA BENE, 2013. С. 137-147.
6. Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. С. 109-135.
7. Полякова М.А., Фролов А.И. Ревнителю московских древностей. Алексей Сергеевич Уваров. 1825 – 1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840–1924 // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 48-64.
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Изд-во «Наука», 1987. 440 с.
9. Бородкин Л.И., Соколов А.К. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов. // История СССР. 1984. № 2. С.84-97.
10. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994. 215 с.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТОЛЬЯТТИ

Подгорная К.С.

Социальное самочувствие выступает одним из главных показателей эффективности социальной политики, проводимой в обществе, а также успешности социального развития территории и качества жизни людей её населяющих. Важным аспектом социологического изучения современных тенденций развития общества, является исследование социального самочувствия людей, как их эмоционально-оценочная реакции на общественные изменения и своё положение в нем в контексте прошлого и ожидаемого будущего [1]. За последние годы в нашей стране произошли существенные изменения. Произшедшие реформы не могли не сказаться на социальных настроениях, ценностных ориентациях людей, их укладе и образе жизни, качестве жизни, а также уровне социального самочувствия.

Проблема социального самочувствия в последние годы приобрела актуальность для города Тольятти, в связи с ухудшением социально-экономического положения населения, снижением материального благосостояния граждан, ростом цен, и общей нестабильной ситуацией на градообразующем предприятии – АВТОВАЗе (массовые сокращения, низкая заработная плата) [2].

На первоначальном этапе исследования мы выяснили отношение жителей к городу Тольятти. Результаты показали, что 42% из числа опрошенных нравится город, и они хотели бы жить в нем в дальнейшем, 23% – трудно оценивают свое отношение к городу, вариант ответа «мне нравится этот город, но я собираюсь уехать» выбрали 15% из числа опрошенных, 10% – не нравится этот город, но жить собираются здесь, и еще 10% горожан собираются покинуть город, так как он им не нравится.

Большинство людей отметили довольно актуальные проблемы, существующие в городе, такие как проблема качества жизни и низкий уровень доходов (74%), далее достойное трудоустройство по специальности (68%), на третьем месте экологическая безопасность в городе (57%). Удовлетворенность вызывают следующие аспекты жизни: отношения в семье (89%), жилищные условия (58%), состояние здоровья (69%). Скорее удовлетворены респонденты условиями труда (47%) и уровнем безопасности в городе (48%).

В связи с этим чуть менее половины опрошенных не видят перспектив развития города в будущем и считают, что в городе не произойдет существенных изменений (45%), а 27% полагают, что положение в городе ухудшится, в том, что город преодолет статус моногорода и будет процветать уверены 11% опрошенных, 17% затруднились ответить на данный вопрос.

Несмотря на различные жизненные трудности, тольяттинцы удовлетворены своей жизнью в целом (8% - полностью удовлетворены и 59% - удовлетворены), лишь 8% ответивших полностью удовлетворяет своя жизнь. Ответы на этот вопрос дают обобщенную характеристику самочувствия населения города. За самооценкой просматривается и оценка условий жизни, предоставляемых обществом, т.е. служит обобщенной субъективной характеристикой социального порядка. Можно сделать вывод о том, что люди довольны той социальной средой, в которой они живут, т.е. практически каждый имеет счастливую семью, уютный дом, работу, которая приносит доход. Население приспособилось к существующим условиям жизни.

Не смотря на существующие проблемы в городе, жители смотрят в будущее с оптимизмом. На вопрос «Как вы относитесь к своему будущему?» 46% респондентов ответили, что надеются на лучшее, не смотря на наличие поводов для беспокойства, лишь 5% ответивших ничего хорошего от жизни не ждут. Выражая своё отношение к будущему, человек неизбежно исходит из личного ощущения настоящего и своего места в этом настоящем. Человек переносит свои настоящие (во временном смысле) чувства на будущий период, тем самым, отражая основные характеристики своего социального самочувствия.

По проведенному исследованию можно сделать несколько выводов. Мы выяснили, что горожан волнуют такие проблемы, как качество жизни и уровень доходов, достойное трудоустройство по специальности, экологическая безопасность города. Удовлетворены респонденты такими показателями социального самочувствия, как отношения в семье, жилищные условия,

состояние здоровья. Среднюю оценку респонденты дают таким показателям, как условия труда и уровень безопасности в городе. Также наблюдается ухудшение материального положения населения по сравнению с прошлым годом. Однако исследование показало, что существуют определенные объективные причины, которые препятствуют повышению благосостояния граждан. К наиболее значимым, причинам относятся, во-первых, постоянное повышение цен на основные товары и услуги, во-вторых, низкий уровень оплаты труда, не позволяющий поддерживать достойный уровень жизни, в-третьих, общая нестабильная ситуация на ОАО «АВТОВАЗ». Свою жизненную ситуацию они рассматривают как сложную, но при этом разрешимую. В их жизни есть поводы для беспокойства, но они надеются на лучшее. Но, несмотря на довольно тяжелое свое материальное положение, жители города смотрят в будущее без лишнего пессимизма.

Исследование показало, что, с одной стороны, социальное самочувствие населения в настоящее время имеет тенденцию к усилению тревожности в связи со снижением жизненного уровня большинства граждан. С другой стороны, сохраняется надежда на то, что власти города смогут в ближайшей перспективе обеспечить желаемый социально-экономический рост. Состояние социально-экономической сферы, а не политической и социокультурной, определяет в первую очередь направленность и содержание самочувствия подавляющего большинства граждан [3].

У основной массы опрошенных, как и следовало ожидать, социальное самочувствие повышается при улучшении материального положения. Следовательно, решения местных органов власти должны быть направлены на формирование позитивного отношения к деятельности администрации, должны быть связаны с социально-экономической политикой, которая ведет как к росту заработной платы населения, так и к снижению цен на товары первой необходимости.

Библиографический список:

1. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143-144.
2. Желнина Е.В., Иванова Т.Н., Цветкова И.В. Социальное самочувствие работников ОАО «АТОВАЗ» в условиях модернизации предприятия // Вектор науки ТГУ. 2014. №3 (29). С. 151-154.
3. Бочканова Е.Н. Социальное самочувствие горожан – ориентир муниципальной социальной политики // Известия УрГУ. Серия 3: Общественные науки. 2007. Т. 3. № 5. С. 29-37.

РАЗРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Полюшкевич М.А.

Последние 30 лет российское общество испытывает серьезное давление и изменение системы социальной безопасности страны. Это выражено в культурной глобализации общества. Воздействие массовой культуры происходит «мягко», через музыку и фильмы, когда люди соучаствуя и играя ситуации совместно с героями переносят на себя их ценности и нормы. И люди старшего поколения зачастую испытывают конфликт между их собственным опытом жизни, который должен быть школой и опытом последующих поколений и новыми стратегиями поведения, предлагаемыми в образах масс-медиа. При этом, у молодежи произошло нивелирование ценности целых профессиональных групп – врачей, учителей, милиционеров (из-за невысоких зарплат, низкого социального статуса и отсутствия уважения к ним в обществе, в отличие от советских времен). В результате этого выросло поколение людей, у которых иное восприятие и понимание жизни, иные ценности – основанные не на опыте поколений, а приобретенные ими извне из придуманных фильмов другой страны. В 90-е – 2000-е было низвергнуто три практически самых важных и ценных для любого государства института – институт семьи, образования и правопорядка. Поэтому и сформировалось безнравственное поколение: не кому научить (нивелированы ценности семьи и статуса учителя), не кому проконтролировать (функции и роль милиции в современном обществе скорее воспринимается саркастически, нежели чем как гаранта безопасности населения) и население было вынуждено для решения сложных экономических вопросов обращаться к преступным группам,

которые взяли на себя функции государства – контроля и регулирования общественной жизни. Государство с этими функциями на тот момент не справлялось.

Разрушение социальной безопасности России вызвано разными явлениями.

Нерешенная и не решаемая ситуация на Кавказе, террористические акты не дают гарантии населению о территориальной безопасности и неприкосновенности. Разобщенность социума, невозможность противостоять преступности на бытовом уровне ведет к социальной незащищенности и внутреннему беспокойству большинства социальных групп. Людей волнует, прежде всего, то, что ближе к ним – а это беспокойство за то, как они сами и их близкие доберутся с работы домой, насколько безопасно им находиться в квартире, насколько безопасно заходить в подъезд или отдохнуть в общественном месте.

Больше половины россиян отметили (56%) испытывают чувство незащищенности от преступников, от посягательств на свою жизнь, здоровье и имущество [5]. Местные власти ничего не делают, чтобы понизить уровень преступности считает 39% россиян, что-то делают, считает 32%, затруднились с ответом 30%.

Закон в советском обществе – был документом определяющим правила жизни всех граждан страны. ФОМ провел опрос россиян на тему коррупции, по мнению 46% респондентов – коррупция у нас в стране растет, 36% указали – что не меняется, но также высока (всего 83% россиян считают ее высокой) [6].

На протяжении последних лет – все политики провозглашают борьбу с коррупцией, при этом разительных перемен не произошло. Все эти годы Р.Г. Нурғалиев был министром внутренних дел (с 2005 года). Ни одного резкого движения против чиновников государство не делает и система работает в том же режиме. Грузия справилась с системной коррупцией за 4 года.

На законном уровне нет механизма наказания чиновников. Чиновники не несут личную ответственность за принятые ими решения, прикрываясь системой и ее законами. В Англии, Франции – наоборот, помимо собственно законов, чиновники отвечают лично, за проделанную работу. Еще одним показательным фактом является рост числа чиновников со времен СССР до сегодняшнего дня (в среднем на 100 000 увеличивается каждый год) [2].

У населения нет уверенности как в личной, так и в общественной безопасности. И как результат нет общественного порядка и надежды на то, что он возникнет все меньше.

Социальная безопасность включает в себя защиту государственного строя. Государственный строй в 90-х годах изменился, но за все последующие годы в массовом сознании не сформировалось однозначной оценки нового строя, так же как и восприятие старого весьма противоречиво. Причем это прослеживается как среди представителей власти, так и среди простого населения. Например, в 2010 году Яшин В.Н., в рамках исследования МИОН о ностальгии по советскому в публичных выступлениях политических лидеров современной России (Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева) показал: «в целом количество упоминаний о советском от Ельцина к Медведеву уменьшается, при этом, если в текстах Ельцина положительная оценка советского практически не представлена, то в речах Путина и Медведева ее частотность значительно выше. Наибольшее количество положительных оценок советского в текстах Путина» [1]. Хотя выступления политиков все же показывают, что большинство объектов советской действительности имеют отрицательную оценку, хотя и наблюдается позитивная оценка некоторых опытов советской власти. Данная двойственность властной элиты весьма показательна.

Это явление становится более понятным при анализе социокультурных процессов в советском и современном российском обществе. Наиболее сильным и единым государством жители нашей страны себя ощущали тогда, когда партия в многонациональном государстве выбрала политику «дружбы народов», где не было различий по принципу нации или веры, все работали над одной великой задачей – строили светлое советское будущее. Сегодня таких задач нет, нет мотива для движения у целого народа. Социокультурная солидарность может выступить основой для формирования социальной безопасности, если применять уже накопленный опыт.

Государство от гаранта безопасности и стабильности перешло к участнику и посреднику во многих операциях, что привело к массовому оттоку денег у населения. На общегосударственном уровне было провозглашено, что у нас формируется свободный рынок и риски делятся между всеми. По сути – это цена учебы граждан новым условиям выживания. Дефолты, девальвации и прочие кардинальные экономические меры, проводимые государством, не формируют у населения доверия к деньгам и власти. И тем самым в обществе растет неудовлетворенность и социальное беспокойство. Состояние российской экономики 41% россиян считает плохим и 46% – удовлетворительным. Количество миллиардеров в России с 2000 по 2011 годы увеличилось в три раза [4]. Средняя заработная плата учителей в российских школах сейчас составляет 17400 рублей, в прошлом году она равнялась 12800 рублей (зачатую эти цифры приводятся для высшего руководства школы, зарплата рядовых учителей в два раза ниже).

Если человек не имеет своего жилья и снимает квартиру, то минимальный прожиточный минимум не всегда может покрыть даже квартплату, не говоря уже о минимальных условиях выживания. Например, в большинстве европейских вузов, минимальная стипендия составляет 1500-2000 евро (50-80 000 руб.) – при одинаковых или даже более дешевых ценах на одежду и еду – это не сравнимые показатели с Россией, где минимальная стипендия студентов составляет 1500-2000 руб., что намного ниже даже прожиточного минимума.

Молодежь сталкивается с проблемой трудоустройства. Потребности в рабочих кадрах и реальные возможности молодежи не совпадают. Большая часть пенсионеров осталась за чертой бедности, когда государство отняло у них все сбережения. Средний класс в России – по европейским меркам средним не является, т.к. заработка его в 2 раза меньше стипендии студентов в Европе (то, что государство платит, а не самостоятельно зарабатывают студенты).

Поэтому, можно говорить, что бытовая преступность формируется не потому что люди хотят этого, а потому что находятся в антисоциальных условиях. Государство не формирует программ направленных на социальную защищенность всех социальных групп. Результатом этого является деградация молодежи, формирование девиантного поведения (наркомании, алкоголизма, воровства, проституции) или переход во внеконтролируемые сферы экономики («серое трудоустройство» – без записи в трудовой книжке, без выплаты в социальные фонды).

44% опрошенных считают, что советское прошлое оказывает положительное влияние на нравственность современных россиян, и 50% утверждают, что оно положительно сказывается на развитии отечественной культуры. Позитивная оценка советского прошлого – и, в частности, сталинизма – глубоко укоренена в российском сознании. Сталинскую эпоху многие по-прежнему воспринимают как «золотой век». Опросы общественного мнения последних лет говорят о том, что Сталин – является героем России №1 [5].

В целом, эти антиномии говорят о том, что в общественном сознании не наступило полное принятие и одобрение государственного строя, нет целостности и единства, глобализационные процессы изменяют далеко не все социальные процессы. Это означает, что и социальная безопасность находится под угрозой.

Оценка общественного строя России также не однозначна. Растет количество безработных, увеличиваются цены на предметы первой необходимости, отсутствуют социальные гарантии и т.д. Состояние российской экономики весьма неоднозначное: 41% россиян оценивает как плохое, и 46% как удовлетворительное. Институтам власти доверяют только 28%, не доверяют 47% россиян. С часто несправедливостью в обществе сталкиваются 54% россиян, редко 26% и только 9% никогда не сталкиваются. Несправедливость проявляется в бедности и низких зарплатах; коррупции и взяточничестве; плохими отношениями между людьми, хамстве; в ощущении что везде обман и несправедливость; не работающие законы; плохое отношение со стороны начальства; росте цен; социальном расслоении; власти; безработице и т.д. [3] Эти данные показывают, что в целом население не довольно как оно живет и какие у него есть перспективы. В связи с этим, социальная безопасность все более и более теряет свои опоры.

Наша страна зависит от экономического и политического положения других стран. Вопросы безопасности и консолидации насущны и сегодня.

Библиографический список:

1. Колесников В.А., Полюшкевич О.А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. 2013. № 2 (32). С. 60-63.
2. Несправедливость в обществе [Электронный ресурс] URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d50nvo10.pdf>
3. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 168с.
4. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 198 с.
5. Сталин – герой России № 1 [Электронный ресурс] URL: <http://charter97.org/ru/news/2008/7/8/8007/>
6. Уровень безопасности личности и деятельности органов внутренних дел в субъектах РФ [Электронный ресурс] URL: http://bd.fom.ru/report/map/pressr_021110

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Проноза А.В., Воронова Е.С.

Проблема формирования патриотических ценностей в сознании современной российской молодежи является исключительно актуальной. Борьба за умы молодого поколения – это борьба за будущее нации. Наиболее острый характер она приобрела в информационном пространстве. Не случайно специалисты отмечают, что сегодня «объектом целенаправленного информационного воздействия является молодежь, в наибольшей степени подверженная информационному воздействию в силу *несформировавшегося мировоззрения*» (выделено мною – авторами) [1, с. 108].

В связи с этим важной задачей социологической науки является изучение степени сформированности ценностных ориентиров студенческой молодежи в сфере национального самосознания, которое рассматривается авторитетными учеными как «источник ценностных и политических мотиваций» [2, с. 7].

Ядром и основой национального самосознания является, по нашему мнению, патриотическое сознание. О важности системной работы в сфере формирования национально-исторической, национально-культурной идентичности наших молодых сограждан, в том числе на основе использования потенциала социальных сетей и блогов, говорят многие социологи: необходимо обращать пристальное внимание на блогосферу, но не с целью ее запрета или нивелирования, а с целью анализа существующих в них позиций по актуальным политическим вопросам [3, с. 126].

В числе серьезных информационно-психологических угроз, способных переформатировать сознание молодежи на чуждые российскому государству ценности, является массированная информационная атака на блок сознания, отвечающий за историческую память. О том, к каким последствиям может это привести, свидетельствует нынешняя ситуация на Украине. На изменение ценностных установок российской молодежи направлена фальсификация событий отечественной истории, которая ведется в настоящее время деструктивными силами как вне, так и внутри нашей страны.

В частности, фальсификаторы ставят своей целью искажение роли нашей страны в победе над фашизмом во Второй мировой войне, пересмотр её итогов, навязывание гражданам России, в том числе молодому поколению, комплекса «национальной вины», лишение нас чувства гордости за свое Отечество.

Именно поэтому внимание социологов привлекает изучение специфики осознания студенчеством этого важнейшего периода жизни нашей страны, ведь «именно данная социально-

демографическая группа становится непосредственным резервом управленческих кадров, будущей духовной элитой общества» [4, с. 174-180].

Нами был проведен мониторинг по теме: «Педагогические основы формирования национально-исторического самосознания молодого поколения».

Актуальность мониторинга была обусловлена необходимостью разработки инновационных подходов к формированию национально-исторического самосознания молодежи как основы гражданско-патриотического воспитания в условиях стремительного роста Интернет-коммуникаций и сетевой субкультуры в молодежной среде.

Целью мониторинга было выявление уровня сформированности гражданско-патриотических ценностей у современной молодежи.

Задачи мониторинга:

- выявление различных сегментов целевой аудитории с разным уровнем сформированности гражданско-патриотических ценностей;
- анализ интересов различных групп молодежи (школьной, студенческой, участников сетевых молодежных сообществ);
- определение степени осведомленности учащихся об Интернет-ресурсах по истории России и наличии опыта их использования в учебной деятельности.

Для решения поставленных задач были использованы следующие диагностики:

- Интернет-тестирование «Формирование национального самосознания»;
- диагностика уровня ценностей по Рокичу [5].

Критериями выбора данных диагностик были следующими:

- степень сформированности ценностных предпочтений современной молодежи по шкале патриотизма;
- уровень заинтересованности обучающихся в изучении истории своей Родины на фоне общей сферы их интересов;
- степень эмпатии молодежи к позитивному восприятию героев прошлых эпох, ветеранов войны и труда, внесших вклад в развитие и укрепление обороноспособностей нашей страны;
- степень понимания обучающимися роли исторического фактора как фундамента национального самосознания.

Наиболее важной для указанной темы явилась диагностика «Формирование национально-исторического самосознания», которая была составлена нами.

Тестирование по методике «Формирование национального самосознания» проходило на сайте Testograf.ru, 15 по 30 сентября 2016 года. Число участвовавших составило более 230 человек.

Тестирование состояло из 13 закрытых вопросов. Полученные результаты были представлены в виде диаграмм.

Анализ результатов показал, что респонденты понимают важность знания истории и культуры своей страны для формирования национально-исторического самосознания.

Так, на вопрос: «Насколько важным, по вашему мнению, для формирования национально-исторического самосознания молодежи является исторический фактор (знание истории своей страны, гордость теми или иными фактами, событиями, историческими личностями)?» – были получены следующие ответы (N=230):

- очень важным – 86,5%;
- данный фактор играет второстепенную роль – 12,24%;
- другое – 1,26%

Вместе с тем результаты диагностики показали, что не всем респондентам привит интерес к истории, что в итоге выражается в незнании событий определенных исторических эпох и неумения работать с историческими источниками.

На основе проведенных психодиагностик мы можем говорить о том, что:

- во-первых, у молодого поколения в целом сформировано понимание значимости истории и культуры народа, уважение к подвигам предков;

- во-вторых, следует проводить более глубокую и системную работу, в том числе и через Интернет, по формированию национально-исторического самосознания молодого поколения.

Анализ результатов данной диагностики показал также необходимость усиления внимания государства и общества к развитию российского сегмента Интернет-пространства, заполнения его качественными патриотически ориентированными интернет-ресурсами, активизации такой новой формы молодежного интернет-волонтерства, как патриотическое блоггерство. На более эффективное и действенное использование инновационных и информационных технологий, в том числе в рамках социологических исследований, нацеливает нас и новая Федеральная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016-2020 гг. [6]

Библиографический список:

1. Казаков А.В. Противодействие негативному информационному воздействию на сознание российской молодежи // Власть. 2015. № 9. С.107-112.

2. Галкин А.А. Национальное самосознание как источник ценностных и политических мотиваций // Полития. 2015. № 1. С. 7-15.

3. Штукина Т.А. Специфика формирования политических ценностей молодежной интернет-аудитории: выступление в рамках круглого стола «Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства» // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5. С.126.

4. Осемян А.К. Великая Отечественная война глазами студентов Оренбургского госуниверситета: результаты социологического опроса // Россия – великая держава: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 2014. С. 174-180.

5. Тест Милтона Рокича «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azps.ru/tests/tests_rokich.html

6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016-2020 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.

ВЛИЯНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ НА ИСХОД ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Прончева О.Г.

Комплекс вопросов, связанных с информационным противоборством, распространением информации в социуме, безопасностью Интернета и его влиянием на общество, привлекает все большее внимание исследователей различных специальностей – как социологов (см., напр., [1-3]), так и математиков. Целью последних, в самых общих чертах, является исследование данных процессов на основе методов математического моделирования [4-7].

За последние несколько лет изучению поляризации общества, и влияние её на различные социальные процессы, уделяется всё больше и больше внимания. Однако, присутствуют аналитические проблемы, которые приводят к поверхностному пониманию и неверной интерпретации этого явления. В основном это происходит из-за того, что в качестве измерения поляризации часто используются величины (социальные характеристики общества), которые вряд ли поддаются измерению. Другая проблема - это слияние изменения распределения индивидуальных предпочтений и изменения связей внутри различных подгрупп.

Есть много работ, посвящённых измерению поляризации в различном его понимании. В статье [8] произведён обзор многих таких работ и проанализировано американское общество на предмет того, изменилась ли его поляризация за последние несколько десятков лет. Авторы выяснили, что американцы не стали сильнее поляризованными в вопросах политики или каких-то

социальных вопросах (отношение к абортам, нацменьшинствам и т.д.). Также в [8] исследовалось влияние географических и религиозных различий на выбор индивидов, поскольку это, несомненно, может повлиять на исход выборов. Оказалось, что в некоторых случаях такое влияние действительно имеет место быть. Наконец, исследовалось влияние поляризации внутри элиты на поляризацию масс. Ряд исследователей [9] считают, что поляризация элиты негативно влияет на поляризацию общества, так как общество не любит политические противостояния, предпочитая более плавные переходы. Те работы, в которых отмечается позитивное влияние поляризации элиты на поляризации масс [10], подвержены критике [8] в связи с тем, что это позитивное влияние связано с другими процессами, и вывод о взаимосвязи был сделан ошибочно.

В настоящей работе мы исследуем влияние поляризации общества на исход информационного противоборства на основе модели [11; 12]. В этой модели предполагается, что в обществе идёт информационная борьба двух источников информации. Индивид, принадлежащий этому обществу, в каждый момент времени стоит перед выбором, информацию от какого источника ему предпочесть. На его выбор влияет пропаганда через СМИ, а также наблюдаемые действия других членов общества.

Модель имеет вид интегро-дифференциального уравнения:

$$\frac{d\psi}{dt} = A\alpha \left[C \left(2 \int_{-\psi(t)}^{\infty} N(\varphi) d\varphi - N_0 \right) + b_1 - b_2 \right] - a\psi, \quad (1)$$

с начальным условием, задаваемым в виде

$$X(0) = \int_{-\psi(0)}^{\infty} N(\varphi) d\varphi. \quad (2)$$

Здесь

- численности $X(t) \geq 0, Y(t) \geq 0$ индивидов, поддерживающих первый и второй

источники соответственно, даются формулами $X(t) = \int_{-\psi(t)}^{\infty} N(\varphi) d\varphi, Y(t) = \int_{-\infty}^{-\psi(t)} N(\varphi) d\varphi;$

- φ имеет смысл внутренней склонности индивида к выбору той или иной реакции (при $\varphi > 0$ индивид в отсутствие внешних стимулов выбирает первый источник информации);

- $N(\varphi)$ – распределение индивидов;

- ψ имеет смысл определяемого социальной средой сдвига стимулов в сторону поддержки первого источника информации, эта величина одинакова для всех членов социума;

- $N_0 > 0$ – численность социума;

- $b_1 \geq 0$ и $b_2 \geq 0$ – параметры, характеризующие интенсивность пропаганды через СМИ от первого и второго источника соответственно; предполагается, что $b_1 > b_2$;

- $\alpha > 0$ – коэффициент пропорциональности между подаваемым стимулом и возбуждением, генерирующемся в элементе;

- $A > 0$ – коэффициент пропорциональности между возбуждением элемента и скоростью роста генерирующегося возбуждения;

- $C > 0$ – коэффициент, характеризующий степень восприимчивости индивида к сигналам, подаваемым обществом.

В настоящей работе рассматривается распределение, имеющее следующий вид:

$$N(\varphi) = \begin{cases} 0, & |\varphi| > d + h; \\ \frac{N_0}{4h}, & d - h \leq |\varphi| \leq d + h; \\ 0, & -d + h < |\varphi| < d. \end{cases} \quad (3)$$

Здесь $d > h > 0$. Содержательный смысл такого вида распределения следующий. Предполагается, что общество состоит из двух групп, каждая из которых имеет склонность к поддержке "своего" источника информации. Параметр d характеризует степень поляризации общества, то есть насколько радикально настроена каждая группа. Параметр h характеризует степень разрозненности каждой группы, то есть насколько одинаково члены этой группы склонны к поддержке выбранного источника информации в отсутствие других факторов.

Введём обозначения $P = A\alpha(b_1 - b_2)/a$, $Q = A\alpha CN_0/a$. В зависимости от значений параметров возможно от 1 до 5 положений равновесия системы (1,2), для которых введём следующие

обозначения: $\psi^1 = P + Q > 0$, $\psi^2 = \frac{Q(-d-h) + 2hP}{2h-Q} > 0$, $\psi^3 = P > 0$,

$\psi^4 = \frac{Q(d-h) + 2hP}{2h-Q} < 0$, $\psi^5 = -Q + P < 0$. Среди этих положений равновесия устойчивыми

являются ψ^1 , ψ^3 и ψ^5 . Достижение при $t \rightarrow \infty$ положения равновесия ψ^1 означает полную победу первого источника (его поддерживают все индивиды). Достижение ψ^3 означает ничью, достижение ψ^5 означает полную победу второго источника.

Кроме того, рассматривается случай медленно поляризующегося социума, когда поляризация общества линейно увеличивается с течением времени. При этом уравнение модели является сингулярно возмущенным, а его решение относится к классу контрастных структур [13]. Построено нулевое приближение этого решения по малому параметру.

В стационарном случае, если h достаточно мало ($h < Q/2 - P$) при достаточно большой поляризации общества преимущество в пропаганде становится несущественным, то есть источник с более сильной пропагандой не сможет одержать победу ни при каком начальном условии. Кроме того, при слабой поляризации есть такие начальные условия, при которых победу одерживает источник с более слабой пропагандой.

В случае большего h ($Q/2 - P/2 \leq h < Q/2$) при достаточно малой степени поляризации возможна победа источника информации с более слабой пропагандой. Кроме того, при определённой поляризации победу гарантированной одерживает источник информации с более сильной пропагандой. И, как и в предыдущем случае, при сильной поляризации общества преимущество в пропаганде несущественно.

Если h достаточно велико ($h > Q/2$), то при сильной поляризации преимущество в пропаганде будет несущественным. Кроме того, в этом случае невозможна победа источника с более слабой пропагандой.

В случае медленно растущей поляризации общества достигается стационарное состояние, соответствующее сильной постоянной поляризации при тех же остальных параметрах.

Библиографический список:

1. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

2. Кораблев М.Н., Лонцов В.В., Прончев Г.Б. Защита конфиденциальной информации в социальных сетях Интернета // Социология. 2010. № 4. С.33-45.
3. Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию // Социология. 2011. № 3. С. 36-56.
4. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. М.: Наука, 2001. 320 с.
5. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование в информационную эпоху // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 9. С. 781-784.
6. Самарский А.А., Михайлов А.П. Методологические основы моделирования социальных процессов: пределы возможного // Математическое моделирование социальных процессов / под ред. В.И. Добренкова, А.А.Самарского. М., 2000.
7. Михайлов А.П., Петров А.П. Поведенческие гипотезы и математическое моделирование в гуманитарных науках // Математическое моделирование. 2011. Т.23. № 6. С. 18-32.
8. Morris P. Fiorina, Samuel J. Abrams. Political Polarization in the American Public // Annual Review of Political Science. Vol. 11: 563-588 (Volume publication date June 2008). DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.053106.153836.
9. Hibbing JR, Theiss-Morse E. Congress as Public Enemy: Public Attitudes Toward American Political Institutions // New York: Cambridge Univ. Press, 1995.
10. Abramowitz AI. Disconnected, or joined at the hip? See Nivola&Brady 2006, pp. 72-85.
11. Петров А.П., Маслов А.И., Цаплин Н.А. Моделирование выбора позиций индивидами при информационном противоборстве в социуме // Математическое моделирование. 2015. Т. 27. № 12. С.137-148.
12. Прончева О.Г. О влиянии степени поляризации общества на исход информационного противоборства // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2016. № 75. С. 1-29.
13. Vasil'eva A. B., Petrov A. P., Plotnikov A. A. On the theory of alternating contrast structures // Computational Mathematics and Mathematical Physics. 1998. Т. 38. №. 9. С. 1471-1480.

СПЕЦИФИКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ОБЗОР СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Родак О.И.

На сегодняшний день в российской молодёжной среде существует проблема – изменение ценностных ориентаций на создание семьи. Из-за высокой степени актуальности данной проблемы проводится множество исследований посвященных семье. В данной статье будет сделан обзор особенно актуальных статистических данных по интересующему нас вопросу с 2008 г. по 2015 г., на основании которых будет определена специфика репродуктивного поведения российской молодёжи.

Обзор следует начать со статьи аспиранта Байкальского государственного университета О.В. Амоновой «Будущее многодетной семьи глазами современной молодежи», в которой автор приводит исследование, проводившееся в 2013 году на тему выявления особенностей российской семьи глазами студенческой молодёжи [1, с. 110]. В данном исследовании участвовали студенты от 17 до 22 лет, количество которых превышало 150 человек. Результаты исследования показали, что большинство девушек обращают внимание на способность будущего мужа обеспечивать семью, т.е. для них важен материальный фактор. Также юноши и девушки ориентируются на сходство интересов и взаимные чувства, что не может радовать в связи со сложившейся проблемой. Также в статье указано, что современная молодёжь планирует в будущем завести 2-3 ребёнка. На основании полученных данных можно сделать вывод, что молодые люди не ориентированы на многодетные семьи, что, бесспорно, негативно скажется на демографической ситуации в нашей стране.

Подтверждение факта занижения репродуктивной установки мы можем наблюдать в монографии Е.В. Гольцовой «Демографическое поведение населения в условиях современной социальной среды». В одной из глав в монографии описываются результаты социологического

исследования, проведенного автором в городе Иркутск в 2008 году, «направленное на выявление современных репродуктивных установок, семейных ценностей и основных социально-экологических факторов, определяющих демографическое поведение лиц, вступающих в брак» [2, с. 38]. Исследование проводилось в форме анонимного анкетного опроса, в ходе которого было опрошено 246 человек. Результаты опроса показали, что репродуктивная установка у молодых семей является вторым мотивом создания семьи с весьма невысоким результатом 13,4%, уступая желанию иметь верного и заботливого друга. Этот результат доказывает тот факт, что «современные молодожёны не спешат обзаводиться детьми в ближайшие 2-3 года после заключения брака» [2, с. 40]. К тому же абсолютное большинство респондентов (85,7%) не планируют заводить больше двух детей.

Еще одну специфику репродуктивного поведения молодёжи можно выделить из кратких итогов выборочного обследования «Семья и рождаемость», которое было проведено Росстатом в сентябре-октябре 2009 года. Опрос проводился в 30 субъектах Российской Федерации, всего было опрошено 1999 человек. Результаты анкетирования показали, что «у мужчин в среднем несколько выше, чем у женщин, как желаемое (2,38 против 2,28), так и ожидаемое (1,90 против 1,72) число детей. Такая гендерная дифференциация в репродуктивных ориентациях имеет место в большинстве исследований репродуктивного поведения, проводившихся в нашей стране» [3].

Хотя данные исследования, описанные в монографии О. Н. Калачиковой «Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения» нам показывают совершенно другие результаты: «Рост предпочитаемых чисел детей был более заметным у женщин, чем у мужчин» [4, с. 51]. В 2011 году показатели имели вид: у женщин желаемое число детей составило 2,10, в то время как у мужчин оно было 2,04; ожидаемое количество детей у женщин составило 1,87, а у мужчин 1,83. А в 2014 году результаты приняли немного иной вид: желаемое число детей у мужчин и женщин сравнялось – 2,02, а вот число планируемых детей у мужчин – 1,83, опережает женское – 1,80. Несоответствие планируемого и желаемого чисел детей чаще наблюдается в сторону сокращения репродуктивных ожиданий. Например, «почти 9% жителей» Вологодской области «планируют меньшую детность, чем хотели бы, обратное соотношение отмечается лишь у 1% населения» [4, с. 54].

Подводя итог, на основании вышерассмотренных статистических данных мы можем выделить особенности репродуктивного поведения российской молодёжи.

Во-первых, для девушек-студенток при выборе будущего мужа важен материальный фактор, но в тоже время юноши и девушки ориентируются на сходство интересов и взаимные чувства между партнёрами.

Во-вторых, происходит занижение репродуктивных установок у молодых людей. Они не ориентированы на многодетные семьи.

В-третьих, репродуктивная установка у молодых семей не является главным мотивом создания семьи.

В-четвёртых, в большинстве случаев у мужчин в среднем несколько выше, чем у женщин, как желаемое, так и ожидаемое число детей.

И в-пятых, происходит сокращение репродуктивных ожиданий: несоответствие планируемого и желаемого чисел детей.

Библиографический список:

1. Амонова О.В. Будущее многодетной семьи глазами современной молодежи // Молодежь глазами молодежи: доклады науч.-практ. конф. Иркутск, 26 нояб. 2013 г. Иркутск: Центр социальных и информационных услуг для молодёжи, 2013. С. 109-111.
2. Гольцова Е.В. Демографическое поведение населения в условиях современной социальной среды: монография. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2013. 131 с.
3. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

4. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

Родионов В.А.

Монголия – страна с парламентской формой правления. Согласно конституции страны, правительство формируется парламентским большинством, состоящим из членов победившей на выборах политической партии [3]. Закон Монголии «О политических партиях» определяет, что премьер-министр должен быть лидером партии, имеющей большинство мест в ВГХ. [8]. Данные нормы делают партии одним из ведущих политических институтов в стране.

По состоянию на 2016 г. в Монголии было зарегистрировано 24 политические партии [7]. Однако реальными претендентами на большинство парламентских мест, как правило, выступают только две партии – Монгольская народная партия (МНП) [1] и Демократическая партия (ДП). Результаты всех парламентских выборов, начиная с 1992 г., свидетельствуют о том, что в современной Монголии сложилась двухпартийная система. Наличие двухпартийной системы объясняется рядом факторов.

Во-первых, только МНП и ДП, имеющие разветвлённую сеть своих представительств и ячеек по всей стране, способны выставлять на выборах в ВГХ и органы местного самоуправления своих кандидатов на всех без исключения округах. Остальные партии в основном концентрируются в столице, а их активность проявляется только в предвыборные периоды. Среди наиболее популярных и узнаваемых политиков Монголии подавляющее большинство составляют члены двух лидирующих партий.

Во-вторых, большое влияние на структуру межпартийной конкуренции в Монголии оказывает характер избирательной системы. 6 из 7 парламентских выборов прошли по мажоритарной системе. Только избирательная кампания 2012 г. имела смешанную систему: 48 депутатов были избраны по одномандатным округам, 28 – по партийным спискам [5]. В целом, именно мажоритарная система была и остается господствующей в постсоциалистической Монголии.

Согласно «Закон Дюверже», мажоритарная система в один тур способствует установлению двухпартийности, пропорциональная система, наоборот, – многопартийности [2, с. 257]. Случай Монголии наглядно подтверждает данный тезис. Результаты парламентских выборов 2012 г., впервые в истории постсоциалистической Монголии прошедших по смешанной системе, продемонстрировали связь между избирательной системой и структурой представительства партий в парламенте. 48 мест в ВГХ заняли депутаты, избранные по одномандатным округам, 28 мест – по партийным спискам [6, с. 20]. В результате, помимо двух лидирующих партий 21% мест в парламенте получили кандидаты от иных партий или независимые кандидаты, чего никогда не случалось прежде. Фактически впервые в национальном парламенте появилась политическая сила, претендовавшая на статус «третьей силы». Однако, возврат к прежней мажоритарной системе накануне выборов 2016 г. вновь привел к формированию двухпартийного ВГХ.

Наличие мажоритарной системы приводит к серьезной проблеме, препятствующей реализации политических прав значительной части населения. Распределение мест в ВГХ по итогам парламентских выборов зачастую не отражает процентное соотношение голосов, отданных за кандидатов от различных партий. Ярким примером несправедливости существующей системы распределения мест в ВГХ стала ситуация, сложившаяся по итогам выборов в 2016 г. МНП, получившая 85% мест в парламенте, была поддержана только 45% голосов избирателей. С другой стороны, проигравшая выборы ДП с 10% парламентских мест, имела 33% проголосовавших. Около 22% голосов получили иные партии и независимые кандидаты, практически не занявшие мест в ВГХ [5]. Кроме того, многие монгольские граждане, постоянно проживающие за рубежом, из-за отсутствия голосования по партийным спискам в принципе лишены права избирать.

В свою очередь, отсутствие реальной возможности для большинства политических партий пройти в парламент приводит к эффекту картелизации, выраженной в периодических сговорах МНП и ДП по тем или иным вопросам. Особенно ярко это проявилось в 2000-е гг., когда окончательно оформилась двухпартийная система. Главной формой подобной картелизации выступает практика создания коалиционных правительств. С 2004 г. в Монголии было сформировано 4 коалиции, в состав которых, несмотря на формальные идеологические разногласия, входили члены обеих ведущих партий. Доминирование в парламенте и правительственных структурах представителей двух партий ведет к учащению случаев единогласных решений по значимым вопросам на фоне отсутствия подобного единства мнений в обществе.

Помимо постепенного отказа от соревнований идей в законотворческом процессе важным следствием картелизации партийной системы является снижение доверия к парламентским выборам и политическим партиям. Результаты социологических опросов показывают, что имеет место низкий уровень общественного доверия к политическим партиям как институтам, способным решить значимые общественные проблемы.

Показателем недоверия масс к парламенту и сформированному им правительству, является следующая закономерность. Успех той или иной партии на выборах представляет собой не столько результат принятия или поддержки населением ее программных установок, сколько голосование «против» прежнего состава ВГХ и правительства. Это позволяет сравнить соперничество МНП и ДП на парламентских выборах с маятником, раскачивающимся из стороны в сторону.

Библиографический список:

1. До ноября 2010 г. партия носила название «Монгольская народно-революционная партия». Согласно решению партийного съезда, с ноября 2010 г. партия именуется «Монгольская народная партия» (МНП).
2. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2005. 538 с.
3. Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.worldconstitutions.ru/?p=33
4. По данным социологических опросов Фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.santmaral.mn/en/publications>
5. Монгол улсын сонгуулийн ерөнхий хороо (Центральный избирательный комитет Монголии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gec.gov.mn>
6. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). Улаанбаатар. 2015.
7. Улс төрийн намын бүртгэл (Зарегистрированные политические партии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.supremecourt.mn/nam>
8. Улс төрийн намын тухай (Закон «О политических партиях») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.legalinfo.mn/law/details/508>

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ОБРАЩЕНИЙ АБИТУРИЕНТОВ

Рябокоть М.В., Черномор М.С.

Абитуриент поступает в университет. Принятие решение о выборе университета, факультета и направления подготовки происходит в ситуации неопределённости и на основании анализа информации, полученной из различных источников. Поиск необходимой информации осуществляется абитуриентом посредством доступных ему каналов коммуникации с университетами. При этом любой информационный канал имеет ограничения, свою «пропускную способность». В этом контексте информационная открытость университета приобретает большое значение как элемент привлечения абитуриентов [1]. Повышение эффективности информирования поступающих

является одним из ключевых направлений деятельности университета по привлечению абитуриентов, профориентации и повышению конкурентоспособности университета на рынке образования.

По данным приёмной комиссии, в Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) за время приёмной кампании 2016 года было подано 24745 заявлений поступающих. Всего в университет без учёта филиалов в 2016 г. было зачислено 6068 абитуриентов. Количество сотрудников секретариата приёмной комиссии университета составляет 134 человека. Значительная часть нагрузки, связанной с приёмом документов и личным консультированием абитуриентов, приходится на период подачи заявлений для поступления на бюджетные места очной формы обучения, что подтверждают данные приёмной комиссии о количестве поданных заявлений за период 2009 – 2016 гг. (рис. 1).

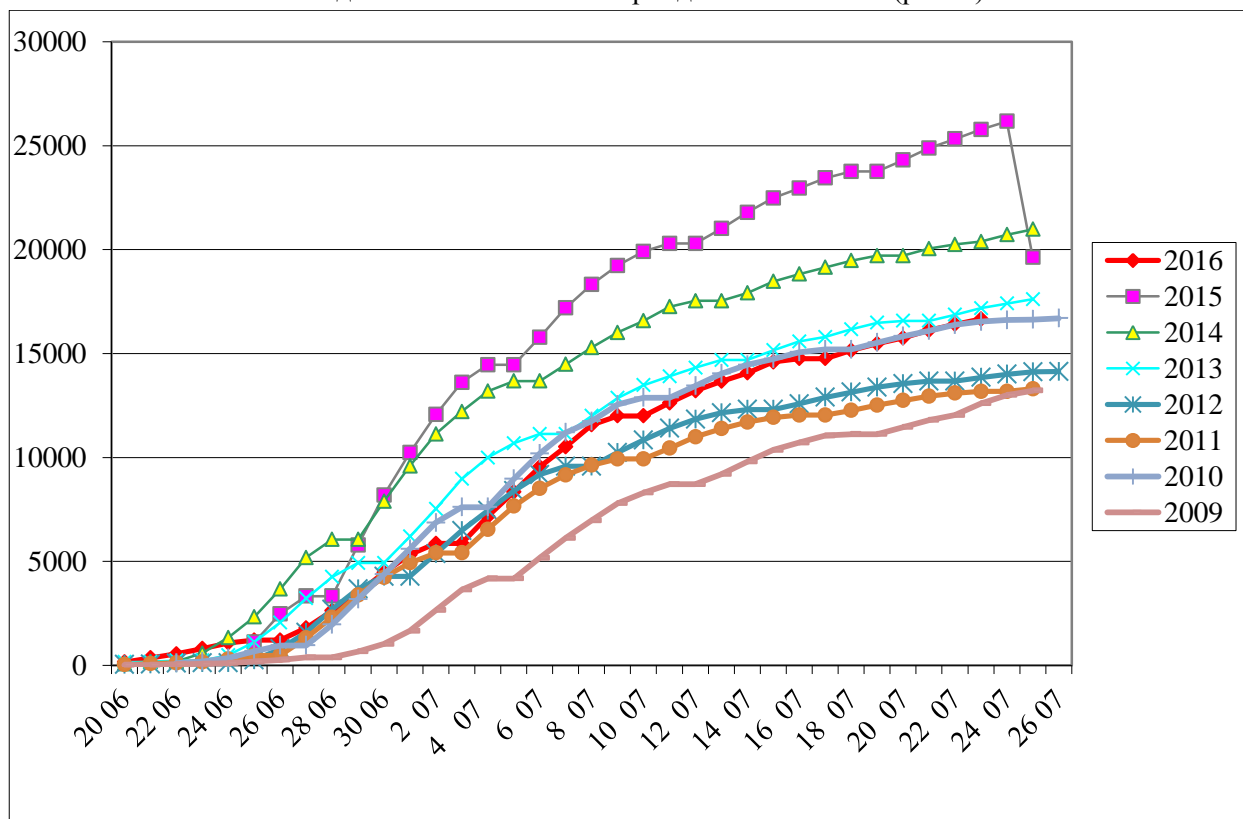


Рисунок 1 – Количество заявлений, поданных в ННГУ

В период проведения приёмной кампании 2016 г. для обеспечения приёма в ННГУ функционировали следующие каналы коммуникации для абитуриентов: телефоны приёмной комиссии, группа для абитуриентов в социальной сети «ВКонтакте», форум ННГУ и интернет-приёмная ректора. Интернет-приёмная ректора представляет собой открытый ресурс, где после простой регистрации, требующей указания только имени и контактных данных (адрес электронной почты, контактный телефон), пользователь может задать любой вопрос ректору университета. Типовые вопросы направляются сотрудникам разных подразделений университета для получения квалифицированного ответа. Вопросы и ответы на них публикуются на странице интернет-приёмной ректора в течение одного-двух рабочих дней.

В ходе приёмной кампании 2016 г. было проведено наблюдение тематики и динамики звонков в приёмную комиссию ННГУ. Всего было проанализировано 960 телефонных звонков абитуриентов. В приёмной комиссии ННГУ работает многоканальный телефон, по которому во время проведения приёмной кампании постоянно проводят консультации 3 сотрудника технического секретариата. Наблюдались звонки, поступающие к одному из трёх консультантов. Звонки анализировались по нескольким параметрам. Фиксировалась тема обращения, отражающая содержание вопроса абитуриента, а также категория обратившегося в зависимости от образовательной программы, на

которую поступает абитуриент (среднее профессиональное образование, бакалавриат и специалитет, магистратура). Кроме того, фиксировались продолжительность телефонного разговора и частота обращений по вопросам схожей тематики.

Было установлено, что 86% вопросов абитуриентов, поступающих в приёмную комиссию по телефонам, можно отнести к типовым. Критериями отнесения вопросов к категории типовых были экспертные оценки консультантов приёмной комиссии и возможность отнесения вопроса к определённой тематической категории.

Данные, полученные в ходе наблюдения, позволили распределить вопросы по степени их актуальности для абитуриентов и создать тематический рубрикатор вопросов абитуриентов. Проведение наблюдения в течение всего периода работы приёмной комиссии позволило отследить также изменение тематики обращений абитуриентов на разных этапах приёмной кампании. Уже в ходе приёмной кампании 2016 г. на основе этих данных производились доработки информационного наполнения раздела «Поступающим» официального сайта ННГУ.

Было выявлено, что на консультантов, отвечающих на обращения абитуриентов по телефону, ложится значительная нагрузка, связанная с выполнением типовых операций. Чаще всего ответ на вопрос абитуриента даётся с использованием общедоступной информации о приёме, размещённой на сайте университета.

Одновременно с мониторингом обращений абитуриентов по телефонам проводился анкетный онлайн-опрос по вопросам оценки качества взаимодействия абитуриентов и приёмной комиссии (n = 989). В выборе представлены абитуриенты всех факультетов и институтов ННГУ, поступающие на образовательные программы всех уровней (среднее профессиональное образование, бакалавриат и специалитет, магистратура). Результаты исследования проиллюстрировали особое значение официального сайта университета как основного источника информации для абитуриентов. 90,5% абитуриентов непосредственно перед подачей документов ищут информацию о приёме на сайте университета. Другие источники информации, даже такие популярные среди старшеклассников, как группы в социальных сетях, используются значительно реже: 25,1% абитуриентов перед посещением приёмной комиссии искали информацию в группе для абитуриентов ННГУ в социальной сети «ВКонтакте», 20% – на форуме университета.

Сайт университета воспринимается абитуриентами как основной, доступный и надёжный источник информации, что подтверждается признанием наиболее полезным информационным ресурсом в период поступления (57,4%). Также абитуриенты отметили особое значение помощи и консультаций, полученных ими в процессе приёма в университет от сотрудников технического секретариата приёмной комиссии (29,2%).

Таким образом, в течение приёмной кампании наблюдается большой поток вопросов от абитуриентов, находящихся в стадии поиска информации о поступлении в университет, поступающих по разным каналам коммуникации (телефон, форум, группы в социальных сетях, интернет-приёмная ректора). Подавляющее большинство вопросов являются типовыми, при этом ответы на них требуют значительных временных затрат, когда в течение одного рабочего дня сотрудник приёмной комиссии неоднократно воспроизводит одни и те же ответы на повторяющиеся вопросы.

Всеобщая ориентация абитуриентов на поиск необходимой информации на сайте университета в сочетании с большим потоком типовых вопросов по всем каналам коммуникации стали основой для предложения мер оптимизации взаимодействия университета с целевыми группами: абитуриентами, студентами, сотрудниками и партнёрами. Было принято решение о разработке единого интернет-ресурса, позволяющего целевым группам пользователей быстро находить необходимую информацию по интересующим их вопросам. Основой создания единого канала коммуникации стала интернет-приёмная ректора университета как наиболее универсальный и открытый ресурс. По имеющемуся инструментарию были проанализированы обращения, поступившие в ННГУ через интернет-приёмную за период проведения приёмной кампании 2016 г. (n

= 301). Было установлено, что тематика обращений во многом повторяется с вопросами, задаваемыми абитуриентами по телефонам приёмной комиссии. Около 70% вопросов, поступающих в интернет-приёмную ректора, связаны с приёмом в университет. Вопросы, поступающие от других групп пользователей, также могут быть шаблонизированы и разделены тематическим рубрикатом. Таким образом было установлено, что именно интернет-приёмная ректора обладает необходимыми характеристиками для разработки на её основе ресурса, оптимально решающего задачи построения эффективных коммуникаций с целевыми группами.

Предложенное решение предполагает возможность для пользователя находить ответ на вопрос не более чем в три шага: выбор своей целевой группы (абитуриент, студент, сотрудник, партнёр, иное); ознакомление с типовыми вопросами и ответами, разбитыми по подразделам; возможность задать вопрос, если вопрос не найден среди предложенных типовых вариантов.

Единый источник информации позволит упростить процессы управления и контроля коммуникаций университета с целевыми группами, а также даст возможность отказаться от неэффективных каналов коммуникации, таких как форум университета и группы в социальных сетях. Ресурс, содержащий подготовленные ответы на наиболее часто встречающиеся вопросы, даёт возможность повысить качество и информативность ответов.

Собранный структурированный справочник вопросов и ответов по вопросам приёма и обучения в университете может использоваться в обучении сотрудников технического секретариата приёмной комиссии, что будет способствовать повышению качества информирования абитуриентов при личном взаимодействии в период проведения приёмной кампании.

Автоматизация процесса информирования абитуриентов приведёт к сокращению времени обработки запросов и снижению нагрузки на сотрудников приёмной комиссии, осуществляющих консультирование абитуриентов.

Комплексный анализ поискового поведения абитуриентов позволяет определить стратегию эффективного взаимодействия университета и поступающих, а также других целевых групп. Возможность эффективного доступа для абитуриента к интересующей информации, находясь в комфортной для него среде, когда интеракция происходит быстро, а источник информации воспринимается как надёжный, но в то же время открытый и доступный, является элементом повышения конкурентоспособности классического университета на рынке образовательных услуг.

Библиографический список:

1. Сухенко Н.В. Информированность об учебном заведении как стратегическая задача вуза для привлечения абитуриентов // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2011. С. 41-44.

КОММУНИКАЦИИ ВУЗОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАРЬЕРНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ МОЛОДЕЖИ

Савинова А.В.

Актуальность темы связана с тем, что в настоящее время социологи отмечают нарушение логики развития рынка труда и утрату роли привычных «социальных лифтов», которые обеспечивали молодежи восходящую мобильность. По мнению российских исследователей, значительная часть выпускников учреждений профессионального образования не имеет четкой перспективы трудоустройства в своем регионе. От квалифицированной рабочей силы на рынке труда их отличает недостаток компетенций, профессиональных знаний, необходимой квалификации, отсутствие трудовых навыков и нехватка предприимчивости в поисках места работы [2, с. 120]. Современная социально-экономическая обстановка способствует повышению внимания исследователей к проблемам разрыва между профессиональными ожиданиями выпускников вузов и возможностью их практической реализации, процесса адаптации молодежи на рынке труда.

Одним из условий эффективной подготовки молодых специалистов к реальным условиям рынка труда является взаимодействие работодателей и вузов региона. Несмотря на большое число форм такого взаимодействия, немногие из них способствуют успешному освоению выпускниками требований рынка труда. Внедрение эффективных форм отношений вузов и организаций является важным условием совершенствования модели молодого специалиста, ее сближения с реалиями рынка труда. Социологи подчеркивают необходимость взаимодействия вузов и работодателей как социального партнерства. «Взаимодействие с работодателями – это социальный ресурс вуза; способ интеграции инновационной и образовательной деятельности участников партнерства; определенный тип взаимоотношений, в котором заинтересованы различные социальные группы и государство в целом; механизм развития социально-инновационных процессов в вузе» [1, с. 15]. В настоящее время активизировался процесс участия высших учебных заведений в трудоустройстве своих выпускников. Существует система мониторинга трудоустройства выпускников разных профилей на региональных рынках труда, разработанная Министерством образования и науки РФ. Вуз считается эффективным, если не менее 75% окончивших его молодых специалистов трудоустраиваются в течение календарного года после выпуска по своему направлению.

Для оптимизации процессов спроса и предложения на рынке необходимы исследования, выявляющие, с одной стороны, комплекс проблем трудоустройства выпускников вузов, с другой – реальные требования работодателей к качеству подготовки молодых специалистов [3, с. 99]. Для конкретизации результатов мы провели социологическое исследование методом анкетного опроса «Взаимодействие вуза и работодателей как условие подготовки конкурентоспособного PR-специалиста», в котором приняли участие преподаватели 22 вузов России, в т.ч. Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Липецка, Казани, Пензы, Красноярска, Кемерово, Ульяновска и др. Получены данные, уточняющие сформулированную проблему. Выборка составила 354 преподавателя с разным научным статусом.

В современных условиях для каждого вуза большее значение приобретает работа по установлению партнерских коммуникаций в научной среде. В вузах разного статуса появились научно-практические проекты по взаимодействию с конкретными научными учреждениями в секторе реальной экономики. Взаимодействие вузов с предприятиями и организациями отличается многообразием и отражает специфику деятельности каждого из вузов. Важно отметить, что у половины (52%) выпускающих кафедр установлено регулярное сотрудничество с конкретными организациями по вопросам, предусмотренным образовательным стандартом (см. табл. 1).

Таблица 1 – Отношения кафедры с организациями и предприятиями региона (в % от числа опрошенных; n=354)

	Всего	Профиль вуза		Тип вуза		
		Клас сич	Технич еск.	Особ. статус	НИУ	Без катег ории
Обращаемся к практикам, когда требует учебный процесс	15	14	16	30	8	13
Установлено регулярное сотрудничество по вопросам, предусмотренным образовательным стандартом	52	57	46	40	27	69
Сотрудничество с организациями по широкому спектру учебных, научных и профессиональных вопросов	33	29	39	30	65	19

По данным исследования, выпускающие кафедры предпочитают такие формы взаимодействия с предприятиями как чтение разовых лекций, мастер-классы, использование предприятия как базы для прохождения практики, включение представителей организаций в состав

комиссий ГЭК и ГАК. Более эффективные формы – совместная организация специальных мероприятий, научные исследования, руководство курсовыми, дипломными работами. Распространенным способом взаимодействия вузов и работодателей является студенческая практика (93%). Использование базы для прохождения практики – форма сотрудничества всех региональных вузов и вузов особого статуса (100%), что является важным условием сближения образовательных и профессиональных требований к выпускникам (см. табл. 2).

Эффективность сотрудничества с практиками преподаватели оценивают неоднозначно. Общий уровень оценки эффективности такого сотрудничества – выше среднего, около 4 баллов из 5-ти. Качество читаемых курсов несколько выше оценивают преподаватели региональных вузов, ниже – исследовательских университетов. Организация учебно-производственной практики получила достаточно высокую оценку – 4,2 баллов в вузах особого статуса; остальные оценили ее более скромно – 3,5 балла. Более позитивно оценивается проведение совместных мероприятий – в исследовательских университетах – до уровня 4,3 (эффективно), в региональных вузах с этим связаны определенные сложности, и оценки скромнее – 2,5 балла.

Таблица 2 – Формы взаимодействия выпускающих кафедр с работодателями (в % от числа опрошенных; n=354)

	Все-го	Должность			Профиль вуза	
		Ст. преподав.	Доцент	Профессор	Классический	Технический
Преподавание учебных курсов практиками	63	42	60	72	61	66
Чтение разовых лекций, мастер-классы	94	84	94	100	96	90
База для прохождения практики	93	100	85	100	98	86
Руководство курсовыми, дипломными работами	33	16	35	39	23	46
Включение в состав комиссий ГЭК и ГАК	88	90	79	100	100	73
Совместные научные исследования	37	47	40	50	38	36
Совместная организация спец. мероприятий	68	79	65	61	77	55

Подобная схема сотрудничества выгодна обеим сторонам. Предприятия, принимающие студентов на практику и знакомые с кафедрами, получают возможность присмотреться к будущим специалистам в реальных трудовых условиях. Студент, в свою очередь, оценивает условия работы и демонстрирует свои способности. По окончании вуза хорошо зарекомендовавший себя выпускник находится в поле зрения потенциального работодателя: его профессиональные и личностные качества оценены, поэтому нередко случается, что сотрудничество между ними продолжается. Связь обучения и профессиональной деятельности усиливает мотивацию студентов к успешному освоению образовательных программ и получению производственного опыта, что способствует дальнейшему трудоустройству.

Существенными факторами успешного трудоустройства выпускников являются личностные компетенции. По результатам опроса, самыми важными компетенциями являются трудолюбие и ответственность (69%), коммуникабельность и культура речи (67%), способность к обучению (53%). Данные качества необходимы для реализации выпускников в профессиональной сфере. Важно отметить, что перечисленные компетенции универсальны для всех типов и профилей вузов. Интересно, что наименее востребованными личностными качествами были названы способность к построению образовательной стратегии (6%) и способность улавливать сигналы, открытость переменам (10%). Для эффективной профессиональной деятельности они пока не являются основополагающими.

Интересны оценки производственных практик самими студентами, выявленные в результате исследования. Одним из главных барьеров эффективного прохождения практики названо формальное

отношение к этому процессу работодателей (74%). В региональных вузах формальное отношение работодателей оценивается в 91%, в университетах технического профиля данный показатель равен 86%. Важными проблемами студенты также считают формальное участие организаций в подведении итогов практики (43%), постоянную смену мест практики по мере обучения студентов (26%), несогласованность программ практики с работодателями (22%). Лишь 7% респондентов отметили, что барьеров для прохождения практик нет.

Таким образом, успех карьерных ориентаций молодежи во многом зависит от эффективности форм взаимоотношений вуза и работодателей. На данный момент наиболее распространенными из них являются участие в организации студенческой практики, разовые лекции, причастность к работе комиссий ГЭК. Однако, по мнению выпускающих кафедр, работодатели к данному процессу подходят формально. Устранение этой проблемы зависит от регулярной совместной работы: необходимо усиливать взаимодействие с практиками через развитие научных школ на кафедрах, интеграции в реализации совместных проектов. Особенно это актуально в инновационных секторах экономики, где работодатели быстрее реагируют на требования к внедрению новых технологий и профессиональным компетенциям сотрудников.

Библиографический список:

1. Балуева Т.В. Взаимодействие вуза с работодателями как фактор успешного трудоустройства выпускников // Устойчивое развитие: наука и практика. 2014. № 1. С. 13-18.
2. Деева Н.Н., Кузьмич Н.А. Социальная адаптация молодежи на рынке труда // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 2. С. 119-125.
3. Понукалина О.В. Социальные технологии оптимизации процессов трудоустройства выпускников российских вузов // Наука и общество. 2013. № 1 (10). С. 96-99.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА

Семенов С.А.

Социология в рамках своей деятельности изучает общество. Изучение общества имеет как теоретическую, так и практическую ценность. Под теоретической ценностью можно понимать создание нового знания об обществе, социальных процессах, явлениях. В практическом смысле социология призвана участвовать в решении социальных проблем.

Значительная часть прикладных социологических исследований так или иначе ориентирована на решение практических задач. Социологические исследования дают информацию, необходимую для принятия управленческих решений. Услугами социологов пользуются представители власти, политические партии, частные компании.

Целью настоящей работы является изучение роли социологии здоровья в решении конкретных социальных проблем региона.

Социальные проблемы, как само явления существовало с древних времен. Неравенство доходов населения, бедность, социальные болезни все это является проблемой для общества. Тем не менее, сам термин «социальные проблемы» появился лишь в западноевропейском обществе начала XIX века и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства [2].

Первым теоретическим подходом к социальным проблемам был подход социальной патологии [4]. Ученые проводили параллель между социальной патологией и органической. Общество представлялось в виде социального организма, а патология его болезнью. Ключевые понятия данного подхода – «болезнь», «здоровье», «патология» были заимствованы из медицины.

Вторым значимым подходом к социальным проблемам был подход социальной дезорганизации. Социальная дезорганизация возникает тогда, когда разрушаются старые связи, отношения и возникают новые. Социальную дезорганизацию можно сравнить с аномией.

Представители функционалистского подхода видели социальные проблемы как порождение отношений социального института и ценностей. Например, социальная проблема алкоголизма, во многом неотделима от социальной функции, выполняемой алкоголем во множестве значимых контекстов коммуникации. Функционалисты, видят социальные проблемы в контексте возникновения условий или видов поведения, которые мешают «правильному» функционированию общества.

Помимо традиционных подходов, перечисленных выше, существуют так же альтернативные направления в социологии социальных проблем.

В целом, все подходы можно разделить на две большие группы – объективистские и субъективистские [9, с. 68]. Отличия первых от вторых, в отношении к объективности проблемы. Сторонники первого подхода видят проблему как объективную, т.е. независимую от мнения общества и требующую немедленного решения. Субъективисты же считают, что социальные проблемы формируются обществом и конкретными социальными группами.

Здоровье населения изучается как медицинскими, так и социальными науками. Предметом социологии здоровья являются закономерности и механизмы формирования и поддержания здоровья [3]. Впрочем, существует множество и других определений предмета данной отрасли социологии. Если мы перейдем к исследованиям в области социологии здоровья, то увидим, что социологи изучают такие явления как здоровье, болезнь, инвалидность, заболеваемость.

Болезнь может рассматриваться как социальная проблема. Более того ряд болезней определяется как социально значимые и как заболевания, представляющих опасность для окружающих. Перечень таких заболеваний определен постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [7]. В число этих заболеваний входят инфекционные, психические заболевания и болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением.

Болезнь возникает под воздействием патогенных факторов нарушения нормальной жизнедеятельности. Факторы могут быть как внутренние (биологические), так и внешние (экологические, социальные, и т.д.). В возникновении инфекций особое значение имеют социальные факторы, которые трудно отрицать. Впрочем, социальные факторы влияют на возникновение и развитие множества заболеваний. Например, многочисленными исследованиями доказана зависимость ожирения от избыточного употребления фастфуда [1].

В России здоровье изучалось такими социологами как В.А. Антонов, М.С. Бедный, В.А. Зотина, Ю. П. Лисицын, В.М. Медкова, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов. Проблемы социального здоровья были рассмотрены в диссертационных исследованиях О.Ф. Волочаевой, С.И. Григорьева, А.С. Москвич, Е.Н. Приступа, Т.Б. Сергеевой, А.И. Субетто, А.Н.Тесленко, И.В. Цветковой, О.А. Кислицыной. Несмотря на большое количество исследований, проведенных российскими учеными, социальное здоровье населения Приморского края и Дальнего Востока слабо изучено.

Другой важной стороной проблемы является практическая значимость социологических исследований и использование их результатов при принятии управленческих решений.

Государственные органы власти, организации периодически делают заказы на проведение социологических исследований сторонним подрядчикам. Профильным ведомством, отвечающим за реализацию государственной политики в области охраны здоровья населения на территории Приморского края, является Департамент здравоохранения Приморского края [6].

Согласно доклада Департамента здравоохранения о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения на территории Приморского края в 2015 году сторонними организациями было проведено 12 социологических исследований [8], среди которых: изучение распространенности табакокурения среди взрослого населения Приморского края (2000 чел.), среди медицинских работников Приморского края (2 исследования, 3600 чел.), среди учащихся средних школ, колледжей по проблемам табакокурения (1 исследование 250 чел.); осведомленность населения

Приморского края о факторах риска онкологических заболеваний (2704 чел.), осведомленность населения г. Владивостока о ЗОЖ, профилактике ССЗ (1000 чел.); отношение к вакцинопрофилактике (1000 чел.), информированность о туберкулезе (2/873 чел.), о ВИЧ-инфекции (623 чел.), об инсульте (600 чел.), сравнительный анализ информированности населения о факторах риска АГ (1529 чел.)

В 2014 году департаментом здравоохранения Приморского края проводились социологические исследования изучения информированности населения о ЗОЖ и факторах риска неинфекционных заболеваний [8].

В 2008-2013 годах по данным официальных докладов Департамента здравоохранения о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения на территории Приморского края периодически проводились социологические исследования в области здравоохранения [8].

Таким образом, мы можем видеть роль социологических исследований при принятии управленческих решений органами государственной власти. Органы власти заинтересованы в проведении социологических исследований, однако неизвестен уровень влияния результатов на принимаемые решения. В целом социология здоровья можешь помочь решить социальные проблемы региона.

Библиографический список:

1. Jeffery Robert. Are fast food restaurants an environmental risk factor for obesity? // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. Retrieved April 7, 2016.
2. Schwartz Н. 'On the Origin of the Phrase "Social Problems"', in Social Problems, Vol. 44, N 2, May 1997. Pp. 276-296
3. Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11.
4. Кику П.Ф., Ярыгина М.В., Гельцер Б.И., Горбуркова Т.В. Социально-гигиенические аспекты популяционного здоровья населения Приморского края // Экология человека. 2014. № 8. С. 38-43.
5. Минина В.Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4. С. 145-149.
6. Москвич А.С. Социальное здоровье молодежи как фактор социально-экономического развития региона: на примере Хабаровского края / диссертация ... кандидата социологических наук. Хабаровск, 2008. 273 с.
7. Постановление Администрации Приморского края от 15 февраля 2007 г. №39-па «Об утверждении положения о Департаменте Здравоохранения Приморского края» // Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/statement.php>
8. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102158143&backlink=1&&nd=102089734>
9. Статистические данные о состоянии и динамике развития здравоохранения Приморского края // Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/statisticheskije-dannye-o-sostoyanii-i-dinamike-razvitiya-zdravookhraneniya-primorskogo-kraya/>
10. Симонова Т.М. Интегративный подход к исследованию социальных проблем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1. С. 66-74.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Сибушева А.Р.

Программа комплексного социально-экономического развития муниципального района является важным рычагом в арсенале местного самоуправления. Она представляет собой взаимосвязанную комплексную систему по социально-экономическому развитию территории и включает в себя широкий спектр производственных, социально-экономических, хозяйственных, финансовых и научно-исследовательских мер.

Программа базируется на следующих принципах[1]:

1. Индивидуальность. Каждый муниципальный район индивидуален, поэтому при разработке программ комплексного социально-экономического развития следует учитывать особенности, нужды и потребности конкретно взятого муниципального района.

2. Комплексность. Все предлагаемые мероприятия нацелены на комплексное развитие территории.

3. Взаимосвязь. Неотъемлемой частью процесса разработки программ комплексного социально-экономического развития является тесное взаимодействие разработчиков со специалистами органов местного самоуправления, работниками предприятий, хозяйств и муниципалитетом, коллективами казенных организаций.

Разрабатываются Программы комплексного социально-экономического развития на определённый срок, обычно это среднесрочный прогноз на 3-5 лет и имеют чёткие цели, задачи, содержание, порядок подготовки и выполнения, регулируемые органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления. Заказчиком программы выступает администрация района – орган местного самоуправления, исполнителем может быть как отдельно взятый гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, так и организация – юридическое лицо.

Начиная с 1991 года, в Республике Мордовия разработкой подобных программ занимался Научно-исследовательский институт регионологии, основанный профессором доктором философских наук А.И. Сухаревым. За более чем два десятилетия, благодаря чёткому руководству, результативности и целеустремленности, которую он заложил в научный коллектив института, были успешно разработаны комплексные программы социально-экономического развития всех муниципальных районов Республики Мордовия с периодичностью выхода в 3-5 лет. Также была разработана и успешно применена Федеральная программа экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996-2000 гг. Накопленный в этой сфере опыт научные сотрудники НИИ регионологии продолжили и после смерти А.И. Сухарева, вплоть до апреля 2015 года, до момента реорганизации.

Программа комплексного социально-экономического развития разрабатывается в три этапа. Первый этап – разработка концепции Программы. На этом этапе описывается проблематика отдельно взятого района, проводится SWOT-анализ, при проведении которого выявляется стратегическая цель и перспективы развития района. Определяются направления работы социально-экономического характера. Второй этап – разработка проектов Программы. На данном этапе, исходя из основной концепции и ключевых точек развития, формируются прикладные проекты социально-экономического развития. Третий этап – экспертиза Программы. Данный завершающий этап предполагает взаимодействие с органами государственной власти в целях контроля над эффективностью реализации Программы [2; 3; 4; 5].

При разработке программ коллектив института отправлялся в командировку в необходимый муниципальный район и вёл тесную взаимосвязь с администрацией, руководителями сельскохозяйственных организаций, промышленных предприятий и другими участниками различных сфер жизнедеятельности муниципального района. В результате работы с непосредственными

участниками социально-экономической деятельности района, выявлялись проблемы и предлагались пути их решения с точки зрения научного подхода с учётом индивидуальных особенностей и потенциала развития того или иного района Республики Мордовия.

Для администрации большинства муниципальных районов Республики Мордовия остро стоит вопрос финансирования разработки программ, цена варьируется от 150 до 500 тыс. руб. поэтому будет целесообразно привлечение спонсорской помощи от заинтересованных предпринимателей и фермерских (крестьянских) хозяйств [2; 3; 4; 5].

Существует практика самостоятельной разработки программ социально-экономического развития муниципальных районов Республики Мордовия. В данном случае разработчиками выступают экономисты администрации. Но при анализе программ и стратегий развития муниципальных образований был зафиксирован ряд негативных моментов, а именно: недостаточно проработанная научно-методическая часть и узкий спектр проектов.

Всё это приводит к отсутствию понимания цели документа, программа слабо реализуется на местном уровне. И что хуже, вообще, не подлежит реализации на практике. Вследствие вышесказанного остаётся высокой потребность в привлечении профессиональных консультантов для правильного, грамотного набора индикаторов и разработки программ социально-экономического развития с позиции системного, регионального, институционального и отраслевых подходов. При научной разработке и реализации программ, а также использовании накопленного научно-технического и кадрового потенциала повышается благосостояние населения, вследствие чего увеличиваются поступления налогов в бюджет республики.

Районные программы служат инструментом управления районной и региональной стратегией социально-экономического, научного и технического развития. Анализируя разработанные программы комплексного социально-экономического развития муниципальных районов Республики Мордовия за последние 5 лет, наблюдается рост экономических показателей и развитие сельскохозяйственной отрасли. НИИ регионологии, занимается данной работой более двадцати лет, собирает и анализирует все проблемы и вопросы развития районов Республики Мордовия. Необходимо не растерять полученный опыт для внесения вклада в развитие районов Республики Мордовия, тем самым положив фундамент в развитие внутренней российской экономики.

Библиографический список:

1. Методика оценки эффективности государственных программ Республики Мордовия.
2. Муниципальная программа комплексного социально-экономического развития Краснослободского муниципального района Республики Мордовия на 2014-2018 гг. 2014/ НИИ регионологии.
3. Муниципальная программа комплексного социально-экономического развития Дубенского муниципального района Республики Мордовия на 2014-2018 гг. 2014/ НИИ регионологии.
4. Муниципальная программа комплексного социально-экономического развития Теньгушевского муниципального района Республики Мордовия до 2016 г. и прогноз до 2021 г. 2013/ НИИ регионологии.
5. Муниципальная программа комплексного социально-экономического развития Zubovo-Полянского муниципального района Республики Мордовия до 2016 г. и прогноз до 2021 г. 2012/ НИИ регионологии.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Симомян А.В.

Исследование религиозных ценностей современной молодежи является, несомненно, актуальным, потому что во многом именно религия способствует формированию мировоззрения молодежи, и как следствие формирует настоящее и будущее духовной культуры нашего общества. Важно сказать, что религия является фактором социализации личности. И для того, чтобы узнать

завтрашнюю картину общественного сознания, необходимо изучить составляющие общественного сознания тех, кто будет составлять основу этого общества, то есть сегодняшней молодежи. Общественное сознание, как индивидуальное, так и общее, отражает аспекты всех сфер общества политической, экономической, правовой и духовной. Но лишь духовная сфера общества устроена так, что сами члены общества определяют ее. Вначале целесообразно охарактеризовать в общих чертах понятия «религиозность» и «религиозные ценности». Религиозность – характеристика сознания и поведения людей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему. Религиозные ценности – это ценности, условленные верой в сверхъестественное и возможностями непосредственного общения с ним, направленные на осуществление высшего смысла жизни человека, не сводимого его биологическому существованию.

Все многообразие религиозных ценностей – в сущности своей есть то, что открыто человеку в качестве исходных посылок для приближения к Богу, следования воле Божьей и исполнения замысла Творца. Богом заповедованы и санкционированы основные нравственные ценности и требования. Соответственно все, что приближает к Богу, возвышает человека. Непосредственная связь человека с Богом проявляется через Библию и другую религиозную литературу, во время чтения молитв, посещения церковных служб. В системе религиозных ценностей также немало важны институты религиозной культуры (церкви, воскресные школы).

Итак, перейдем к рассмотрению религиозных ценностей молодежи (на примере Курской области) в условиях современного общества. По данной тематике был предпринят вторичный анализ социологического исследования «Особенности религиозных представлений молодежи в современной России (на примере курской области)», проведенного А. А. Побережным, кандидатом философских наук, доцентом кафедры философии и социологии Курской ГСХА им. И. Иванова, г. Курск.

Так, на вопрос «Что такое религия в Вашем понимании?» 80 % школьников и 88 % студентов и аспирантов ответили «Вера в Единого Бога», 14 % и 12 % – «вера в любые сверхъестественные силы».

На вопрос «Читаете ли Вы Библию и другую религиозную литературу?». На него утвердительно ответили 24 % школьников, 8 % студентов и 8 % аспирантов, отрицательно – 28 % школьников, 60 % студентов и 17 % аспирантов, ответ «Иногда» дали 48% школьников, 32 % студентов и 75 % аспирантов. При этом более 90 % респондентов заявили, что у них дома есть Библия и религиозная литература.

На вопрос «Почему Вы придерживаетесь этого вероисповедания?» 68 % школьников, 60 % студентов и 75 % аспирантов ответили «Эта религия тесно связана с национальной культурой и историей моей Родины», по 25 % в каждой группе – «Это традиционная религия моей семьи» и лишь 4 человека (7,5 % студентов и 16,5 % аспирантов) дали ответ «Это мой самостоятельный выбор».

Следующим был вопрос «Посещали ли Вы воскресную школу?». На него утвердительно ответили 20 % школьников, 20 % студентов и 17 % аспирантов, отрицательно – 80 % школьников, 80 % студентов и 83 % аспирантов.

Затем ставился вопрос «Как часто Вы посещаете церковные службы?». На него опрашиваемыми были выбраны следующие ответы: «Никогда» – 12 % школьников, 8 % аспирантов, «Очень редко» – 16 % школьников, 56 % студентов и 42 % аспирантов, «Время от времени (по праздникам)» – 72 % школьников, 36 % студентов и 42 % аспирантов, «Часто» – 8 % студентов и 8 % аспирантов.

Важным показателем вовлеченности студентов в религиозную жизнь является индивидуальная молитва. На вопрос «В каких случаях Вы молитесь Богу?» ответы распределились следующим образом: «В беде, опасности» – 20 % школьников, 22,5 % студентов, «На богослужении» – 4 % школьников, 24 % студентов и 17 % аспирантов, «Иногда» – 36 % школьников, 8 % студентов и 17 % аспирантов, «Регулярно, каждый день» – 16 % школьников, 20 % студентов и 50 % аспирантов, «Никогда не молюсь» – 7,5 % школьников, 7,5 % студентов и 16 % аспирантов.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. У современной молодежи в понимании религии первое место занимает такая ценность, как «вера в Бога», она же занимает и в структуре прочих ценностей одну из лидирующих позиций.

2. Религиозная литература не актуальна среди большинства молодежи, но следует отметить, что у многих дома есть Библия.

3. В подавляющем большинстве случаев религиозность не является результатом духовного поиска, она передана детям от родителей и может свидетельствовать о достаточно сильной связи поколений. Обучение основам религиозных знаний не имеет большого влияния.

4. Наличие трёх групп опрашиваемых даёт возможность оценить возрастные тенденции в развитии религиозного сознания. Между старшеклассниками 16-17 лет и студентами 2-го курса 19-20 лет отличия в религиозности очень незначительные. Заметно, что ответы аспирантов 22-23 лет более определены, они ответственнее относятся к религиозности, чаще молятся, больше читают религиозную литературу.

Библиографический список:

1. Сучкова О.В. Психологическая функция религии – обеспечение безопасности для верующей молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 3. С. 84-89.

2. Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2014. 252 с.

3. Ткаченко А.В. Итсизм как основная форма религиозных представлений современной молодежи // Системная психология и социология. 2012. № 6 (II). С. 112-120.

О ФОРМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОТОКОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ УСЛУГ: ЛОГИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Скоробогатова Т.Н.

На современном этапе экономического развития выделилось новое логистическое направление – сервисная логистика. В отличие от традиционной логистики, нацеленной на управление материальными и сопутствующими потоками, в сервисной логистике приоритетными выступают потоки потребителей, а остальные потоки (кадровые, материальные, финансовые, информационные) играют по отношению к ним обслуживающую роль. Если в традиционной логистике причиной образования материальных потоков является разделение труда и необходимость производственного кооперирования, то в сервисной логистике образуются потоки потребителей, передвигающихся к месту продажи продукции, оказания услуг или сосредоточения природных благ (подразумеваются природные ресурсы, не способные к перемещению) и объектов архитектуры. В последнем случае имеет место перемещение туристов, как внутри страны, так и за ее пределы. Не снимая со счетов выход на международный уровень, подчеркнем роль сервисной логистики именно в России, где наличие огромной территории и разнообразных ресурсов обуславливает развитие внутреннего туризма, значимость которого в последнее время усиливается.

Потоки потребителей товаров (продукции и услуг) конкретизируются в виде покупателей, студентов (учащихся), пациентов, зрителей, клиентов, посетителей, туристов и др. и предполагают различные формы регулирования. Регулирование потоков потребителей может быть внутренним и внешним, носить прямой или косвенный характер (табл. 1).

Таблица 1 – Основные инструменты прямого и косвенного регулирования потоков потребителей

Прямое регулирование		Косвенное регулирование	
внешнее	внутреннее	внешнее	внутреннее
Территориальное размещение и время работы сервисного предприятия	Конструктивные элементы здания	Конкурентные преимущества сервисного предприятия	Рациональное расположение сервисных подразделений внутри здания

Косвенное внутреннее регулирование проявляется в акцентировании внимания на том или ином структурном подразделении предприятия сервиса. Прямое внутреннее регулирование определяется конструкцией здания, где оказываются услуги. Причем оно должно учитывать, имеют ли потоки непрерывный или дискретный характер. Дискретными являются потоки людей, прибывающих на мероприятие, ограниченное временем (урок, лекция, концерт, спектакль и др.), то есть их основное регулирование происходит непосредственно перед началом и после окончания мероприятия.

В основе внешнего косвенного регулирования лежит создание условий, обеспечивающих имидж сервисного предприятия и делающих его более привлекательным по сравнению с конкурентами. Внешнее прямое регулирование осуществляется путем логистического инструментария, базирующегося на категориях «пространство» (обеспечение доступности сервисного предприятия с помощью транспортных средств) и «время» (установление наиболее приемлемого для потребителей режима работы сервисного предприятия). Особое внимание следует уделить регулированию потоков в позднее время (зрители выходят из театров и концертных залов, студенты-вечерники – из аудиторий), когда количество транспортных средств ограничено. При массовых мероприятиях на стадионе (футбольный матч, концерт) необходимо обеспечить движение людей (болельщиков, зрителей) к транспортным средствам и рациональному использованию самих средств. Особо регулируются потоки потребителей, прибывающих на крупное мероприятие странового или международного уровня, например, олимпиаду. Здесь уже речь идет не о предприятии, а о городе, принимающем непосредственных участников мероприятия, обслуживающий персонал и туристов. Мероприятия, касающиеся прямого регулирования, в этом случае носят как формальный (например, изменение расписания движения транспорта), так и конструктивный характер, в частности строительство (реконструкция) дорог.

Одной из отличительных особенностей потоков потребителей является необходимость их обслуживания: предварительно-заключительного (при доставке к месту оказания услуг и обратно) и непосредственного (в месте производства услуг). Особое предварительно-заключительное (а именно: транспортное) обслуживание касается туристов. Обычно туристы используют не менее двух видов транспорта. В традиционной логистике такие перевозки выступают в виде смешанных (два вида транспорта) и комбинированных (более двух видов транспорта), а также интермодальных, характеризующейся неизменной грузовой единицей, и мультимодальных. При этом вторая пара отличается от первой наличием оператора. В сервисной логистике возможны полное транспортное обслуживание, когда транспорт отправляется из места постоянного проживания туристов, частичное, когда туристы используют общее транспортное средство, начиная с определенного города, и самостоятельное. Самостоятельное передвижение туристов коррелирует с первой из вышеозначенных групп перевозок, обслуживание, курируемое туроператором, – с интермодальной перевозкой.

Выводы. Важнейшей категорией логистики является поток. Образование потоков объясняется разделением труда и необходимостью передвижения ресурсов или товаров (традиционная логистика), а также отдаленностью потребителей от места продажи продукции (оказания услуг, сосредоточения природных благ) и их соответствующего перемещения (сервисная логистика).

Потоки потребителей как приоритетные потоки в сервисной логистике подлежат внешнему и внутреннему регулированию, которое может носить прямой или косвенный характер. Если косвенное регулирование имеет несколько абстрактный характер, то прямое регулирование «привязано» к категориальным логистическим определениям «пространство» (территория, место) и время. Прямое внешнее регулирование определяется территориальным размещением и временем работы сервисного предприятия, прямое внутреннее – конструктивными элементами здания. Инструментами косвенного внешнего регулирования служат конкурентные преимущества сервисного предприятия, внутреннего – рациональное расположение сервисных подразделений внутри здания.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ РИСКА И ПУБЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Слепова О.М.

Социальная адаптация населения России в последнее десятилетие осложнена рядом непростых условий: затяжным социально-экономическим кризисом, разбалансированностью рынка труда, дифференциацией уровня и качества жизни в разных регионах, отсутствием ясных перспектив социального развития. Наиболее остро проблемы дезадаптации переживают группы риска - та часть населения, которая резко ограничена в денежных, жилищных, медицинских, информационных ресурсах, а также лишена возможности изменить уровень и качество своей жизни.

Данная проблема обусловлена современными российскими реалиями, которые характеризуются существованием глубокого социального неравенства, усиливающегося в современных условиях, о котором часто судят по децильному коэффициенту. Если сравнить эти доходы, то их соотношение по регионам России различается более чем в 40 раз, тогда как в развитых странах мира – в 6-10 раз. По данным мониторинга Высшей школы экономики, в России заметно выросла доля россиян, чей доход ниже прожиточного минимума. Численность этой категории граждан в 2016 г. составила 22,9 млн. человек. Доля россиян, характеризующих материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое (бедных по самооценке материального положения), составила 21%, доля населения, испытывающего затруднения с приобретением одежды (бедных по самооценке потребительских возможностей), — 38% [1, с. 4].

Значительная часть групп риска (72%) считает, что самостоятельно не справится с текущими трудностями. Публичные библиотеки являются тем социальным институтом, который поддерживает разные типы семей. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, публичные библиотеки в России всегда участвовали в решении острых социальных проблем – ликвидации неграмотности, формирования новой российской интеллигенции, приобщение населения к высокой и массовой культуре. Во-вторых, социальный институт публичных библиотек находится в активном взаимодействии с другими институтами – образования, семьи, здравоохранения, физкультуры и спорта.

Публичная библиотека способна не только «удовлетворять потребность в каком-либо виде деятельности, но также формировать сами потребности изменения внутреннего мира посредством осознанной активности в условиях информатизации общества, которая предоставляет возможности населению для познания окружающего мира» [2, с. 51]. В информационном обществе библиотеке как социальному институту отводят особую роль. А. В. Соколов предлагает перейти от приоритета информационной функции к приоритету гуманистической миссии, суть которой в преодолении информационных условий неравенства [3, с. 28]. Изменения происходят в оценке ролевых характеристик библиотек; они позиционируют себя как мультимедиа центры, культурные центры, центры правовой информации, экологического образования и просвещения, семейного чтения, а также центры обучения, общения, предназначенные для разных слоев населения.

Цель нашей статьи – выявление форм взаимодействия публичной библиотеки и социальных групп риска. Для реализации цели было проведено социологическое исследование «Формирование нового имиджа городской библиотеки» (2015 г.); выборка составила 700 жителей областного центра, всех социально-экономических страт и возрастных групп. В 2016 году проведено качественное исследование на основе фокус-групповой дискуссии «Роль городской публичной библиотеки в жизни человека». Состав групп определялся по профилю и уровню образования.

По результатам исследования выяснилось, что библиотека является приоритетным учреждением культуры в регионе: для каждого третьего жителя крупного города. Это больше, по сравнению с другими культурными учреждениями: библиотека как социальный институт не перестает играть важную роль в жизни населения. Результаты опроса показали корреляцию возраста и степени востребованности учреждений культуры: среди молодых респондентов на первом месте

находятся кинотеатры, а библиотеки на последнем. Активными посетителями публичных городских библиотек являются жители от 40 до 60 лет.

Уровень доходов респондентов также влияет на выбор места проведения культурного досуга: бедные и малообеспеченные чаще других бывают в библиотеках. Состоятельные группы населения предпочитают реализовывать свои культурные потребности в таких местах как кинотеатры, театры, концертные залы, а библиотеку посещают реже. Данный факт свидетельствует о зависимости выбора досуговых учреждений от уровня доходов семей.

В ходе дискуссий мы выяснили, что для тех, кто часто посещает библиотеку, она – не просто хранилище книг, а нечто большее - дает им силы, позитивное настроение, друзей: *«Когда я думаю о библиотеки, мне приходит на ум Пушкин, Достоевский, Есенин... Книги-друзья, любимые... Хорошие люди, которые живут интересно, творчески».* (ФГ, интервью №2). *«Библиотека для меня – это и отдых от всех проблем, и самое важное, что еще осталось в жизни»;* (ФГ, интервью №4). *«Библиотека для меня – это встреча с книгой новые знания, самосовершенствование»* (ФГ, интервью №7).

С другой стороны, по мнению молодежи, которая не посещает библиотеку, она является олицетворением старины: *«Тишина, скука, потому что никто не шумит, и отсюда же появляется слово скука»* (ФГ, интервью № 14); *«Библиотека ассоциируется просто с доступом к информации, но не с досугом, развлечением. Потому что там постоянно ограничивают – не шуми, не разговаривай, не делай, не ходи!»* (ФГ, интервью №17). *«Библиотека не для развлечения, она, скорее, для труда»* (ФГ, интервью № 19).

В ходе исследования мы проанализировали отношение разных групп к библиотекам. Большинство малообеспеченных семей считают библиотеку местом сохранения и передачи культурного наследия. Анализ показал, что для семей с детьми дошкольного возраста в библиотеке важно наличие доступа в Интернет, режим работы, оперативность обслуживания, дополнительные сервисные услуги, уровень массовой работы. Чем старше человек, тем он требовательней подходит к выбору места и форм досуга для реализации своих потребностей; потребности становятся более социальными и духовными.

В сегментах с разным экономическим статусом факторы, влияющие на востребованность функций библиотек, оказались различными. Для бедных более важен большой фонд книг и в меньшей степени уровень массовой работы, наличие индивидуального места. Для малообеспеченных граждан важен уровень массовой работы. Респондентам со средним доходом важна комфортная обстановка в библиотеке. Для состоятельных и богатых горожан важны доступ в Интернет, условия для делового общения.

Мы проанализировали информированность граждан о коммуникации библиотек и пришли к выводу: каналы и формы коммуникаций библиотек малоэффективны. До целевых аудиторий не доходит большая часть информации о проводимых мероприятиях и услугах. Мероприятия слабо посещаются, постоянных участников мероприятий, проводимых городскими библиотеками, немного. Распространенными каналами коммуникаций являются радио-реклама, газеты и печатные издания, но две трети жителей областного центра (66%) не замечают рекламу городских библиотек. Для более эффективных коммуникаций необходимо сегментировать аудитории и использовать каналы, которые будут эффективны для конкретных сегментов.

Таким образом, деятельность публичных библиотек в процессе формирования условий социальной адаптации групп риска является значимой. Публичные библиотеки имеют опыт постоянных контактов с различными слоями населения, участвуют в развитии и поддержании традиций региона, становятся инициаторами организации для малоимущих групп населения культурно-творческих мероприятий. Наиболее востребованы у населения следующие функции публичных библиотек: образовательная, кумулятивная и самореализации. По мнению малообеспеченных групп населения, библиотеки не в полной мере реализуют коммуникационную функцию, так как неэффективно используют формы и каналы коммуникаций. Большинство

посетителей публичных библиотек являются выходцами из семей с доходом ниже среднего и малообеспеченными; это повышает актуальность исследования адаптивной работы публичных библиотек.

Библиографический список

1. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Ноябрь 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 42 с.
2. Качанова Е.Ю. Инновации в библиотеках. СПб., 2003. 318 с.
3. Соколов А.В. Информационное общество и библиотеки. Соблазн «разбиблиотечивания». Библиотекосведение. 2011. № 4. С. 28-36.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Смирнова Е.С.

На данный момент во многих странах мира возрастает понимание того, что необходимо принимать активное участие в общественной жизни, что обозначается термином «добровольчество» («волонтерство»). Современное добровольчество – это такой стиль деятельности и жизни, который характеризуется открытостью к окружающим, великодушием, бескорыстным служением обществу и людям. Но это также и организованное сотрудничество, или форма общественного участия граждан, отличающаяся определенной последовательностью и общими программами, на благо конкретных групп и сообществ [1].

В последние годы в обществе произошло большое количество культурных, социальных и экономических изменений. Вследствие этих изменений увеличилось количество социальных проблем и возрос уровень социального неблагополучия в обществе. Поэтому большое значение для населения стали иметь организации, учреждения и службы, целью которых является оказание социальной помощи. Вследствие очень широкого спектра проблем населения волонтерская (добровольческая) деятельность становится всё более и более востребованной [2].

Волонтерство является одним из социально-значимых общественных движений в современном обществе. Молодым людям добровольчество может дать возможность попробовать свои силы в разнообразных видах деятельности, попытаться воплотить свои знания, идеи, приобрести опыт социальных отношений. Вовлечение молодежи в волонтерское движение – это не только один из способов формирования активной гражданской позиции, полезного использования своего свободного времени, но и определенный этап построения своей профессиональной карьеры.

Однако для того, чтобы волонтерская деятельность начала активно развиваться, необходимо вмешательство государства для поощрения и привлечения молодежи к социально ориентированной добровольческой деятельности. В большинстве случаев государственные структуры и ведомства, которые заинтересованы в использовании добровольческого труда, часто недостаточно информированы о том, где востребованы добровольческие усилия и о том, как организовать и скоординировать добровольческую деятельность молодежи [3].

Также для большинства молодых людей характерно отсутствие прямого доступа к информации о добровольческих возможностях (вакансиях), что объясняется неразвитостью информационных сетей. В результате они не знают, где могут приложить свои добровольческие усилия.

На данный момент для добровольческого сектора характерна сильная замкнутость. Общество в целом, государственные структуры, бизнес и СМИ часто недостаточно информированы о деятельности добровольцев, их вкладе в решение общественных проблем. Такая ситуация препятствует взаимодействию общественного некоммерческого сектора с государственными и коммерческими структурами, средствами массовой информации [4].

Проводимое исследование имеет большое практическое значение. Обработанные данные могут быть использованы для того, чтобы сформировать в сознании молодых людей более четкое представление о добровольческой деятельности.

С 14 марта по 10 апреля 2016 года было проведено социологическое исследование на тему «Общественное мнение студенческой молодежи о добровольческой деятельности». Целью данного исследования являлось выявление установок студентов ФУСа на участие в осуществлении добровольческой (волонтерской) деятельности.

В исследовании приняли участие 120 человек, которые являются студентами факультета управления и социологии ТвГУ. Были опрошены студенты ФУСа ТвГУ всех курсов очной формы обучения в возрасте от 17 до 24 лет.

Получив ответы на все заданные вопросы, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство студентов понимают под волонтерами людей, готовых тратить свое собственное время для помощи людям и людей, которые готовы безвозмездно помогать всем тем, кто нуждается в помощи.

2. Чуть больше половины студентов не хотят быть волонтерами, но при этом почти половина студентов или имеют желание стать добровольцами, или являются ими. Чаще всего студенты становятся волонтерами для того, чтобы ответить людям за добро добром.

3. Относительно личного опыта осуществления добровольческой деятельности нельзя дать точный ответ, потому что результаты распределились почти поровну. 48% студентов имеют личный опыт осуществления добровольческой деятельности, а 52% такого опыта не имеют. Главным решающим фактором для того, чтобы стать волонтером является заинтересованность респондентов в данной деятельности. Наиболее значимым препятствием, из-за которого студенты не принимают участия в добровольческой деятельности является нехватка времени.

4. Около трети студентов участвовали во многих волонтерских акциях, среди которых наиболее распространенными являются помощь детям, пожилым людям и инвалидам.

5. Среди необходимых качеств, которыми должен обладать хороший волонтер, являются ответственность, коммуникабельность, стрессоустойчивость, дисциплинированность и доброжелательность.

6. Респонденты считают, что волонтерский труд должен поддерживаться государством, а для того, чтобы он стал наиболее популярным, его надо поощрять (бесплатные билеты в театры, на концерты, путевки в дом отдыха и т.д.)

В целом нельзя сделать однозначного вывода о готовности студентов факультета управления и социологии участвовать в волонтерской деятельности. Это говорит о необходимости просвещения студентов в вопросах добровольческой деятельности, ее значимости и важности для общества. Также нужно сделать так, чтобы студенты могли бы получать как можно больше информации о проведении различных волонтерских акций и мероприятий. Возможно, что именно большая осведомленность в области этих проектов и мероприятий послужит для того, чтобы увеличить число волонтеров среди студентов факультета управления и социологии.

Библиографический список:

1. Городецкая И. Добровольческое движение в США: [добровольческое движение (общественные организации) в США. История и современное состояние] // Мировая экономика и международные отношения. М., 2001.

2. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5.

3. Волонтерство как фактор формирования гуманистической направленности личности студента в современном обществе: сборник материалов международного круглого стола (18 января 2006 г.) / под общей редакцией Ситарова В.А., Сикорской Л.Е., Круг И.М. М., 2006.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Софронов Д.А.

Современные технические средства позволяют осуществлять в сети полноценное социальное взаимодействие, однако особенности Интернет-среды диктуют новые правила и формируют для сетевого взаимодействия иные по сравнению с взаимодействием в действительной реальности принципы. Развитие информационных технологий привело к появлению новых методов коммуникации, способствующих трансформации традиционных форм социальных взаимодействий. Сегодня Интернет перестал быть только средством получения и передачи информации, он превратился в новую социальную реальность, где каждый человек (или группа) ищет и находит формы и способы реализации своей личности, вступая во взаимодействие с другими индивидами.

В текущих условиях складывается такая ситуация, когда традиционные концепции социального взаимодействия уже не в состоянии объяснить сетевые аспекты социального взаимодействия, и его рассматривают через призму теорий «сетевых». Ограничение анализа в рамках сетевых теорий заключается в отсутствии универсальной теории, способной объяснить сетевую интеракцию на всех уровнях социального взаимодействия, что исключает полный отказ от изучения сетевого социального взаимодействия в рамках традиционных теорий.

Взаимодействие как социальный процесс лежит в основе сетевых интернет-коммуникаций, которые исследованы преимущественно на микро- (феноменологический подход, теория обмена, символический интеракционизм) и мезоуровне (теория малых групп и теория референтных групп). На уровне функционирования всего общества данный вопрос изучается преимущественно на уровне институтов (семьи, образования, управления), однако исследование системных эффектов информационно-сетевого взаимодействия требует более длительных по времени наблюдений и разработки соответствующей теоретико-методологической базы. В данной работе мы остановимся на теоретических подходах, которые помогут исследователям в изучении взаимодействия в Интернет-пространстве.

В рамках социально-философской концепции понятие «Интернет» рассматривается как всемирное информационное пространство; сложный многомерный социокультурный феномен; средство массовой коммуникации; информационно-коммуникативная медиасреда и виртуальное пространство [3, с. 26]. Информационно-коммуникативный аспект понятия «интернет» состоит в том, что он является средством общения и взаимодействия людей. Понятие «виртуальная реальность», под которым совсем недавно понимался мир, не имеющий реального воплощения, некая автономная реальность, существующая во временных рамках процессов ее порождающих и поддерживающих, стало частью мира объективного [3, с. 143].

Интернет-коммуникация оказалась реальной как по своему содержанию, так и по последствиям. Сегодня посредством интернет-ресурсов индивид может не только делиться собственным мнением с каким-либо сообществом, конкретным индивидом, но и решать свои утилитарные проблемы (поиск работы, партнеров, заказ необходимых товаров или услуг, приобретение недвижимости и др.). По мнению С.В. Бондаренко нельзя считать виртуальными все интернет-сообщества, осуществляющие социальное взаимодействие через аппаратные и программные артефакты [2]. В этот список можно включить лишь ресурсы, доступ к которым можно получить после идентификации субъекта (т.е. указания фамилии, имени, даты рождения, места жительства, нередко фотографии и т.д.) и подтверждения подлинности указанной информации.

Взаимодействие, как правило, регулируется формальными правилами и носит инструментальный характер. Оно имеет свою цель, часто направлено на конкретную целевую группу, имеет эмоциональную окраску и обладает определенными свойствами. Сетевое общение подчиняется

правилам взаимодействия в сетях, однако по своей продолжительности оно имеет непредсказуемый характер (в одних случаях – это довольно продолжительный процесс, в других – эпизодический, в третьих – единичный), неизбежно в нем формируются эмоциональные связи и отношения, устанавливаются ограничения. Сам феномен «взаимодействие» имеет достаточно длительную историю развития и является по сути одним из центральных понятий в социологии. Интерпретируя данное понятие относительно интернет-сообществ, как правило, рассматривают на какой основе организовано общение, т.е. на первичных или вторичных социальных связях. Именно социальное взаимодействие на микроуровне определяет то многообразие свойств, которыми в дальнейшем будет характеризоваться коммуникация (признаки формальности или неформальности, официальности или приватности, опора на нормативное регулирование или спонтанность и т.п.).

Как правило, в основе общения лежит обмен информацией. Согласно теории обмена, в качестве вознаграждения в результате обмена могут быть не только овеществленные блага, но и нематериальные (внимание, одобрение, подкрепление), и символические (высказывание, поддержка, похвала). Для социального сетевого взаимодействия важен признак референтности (схожести) в каких-либо качествах. Данное требование предъявляется не только к индивидуумам, но и к группам.

Теория социальных сетей позволяет анализировать различные формы взаимодействия между субъектами (индивидами, группами, организациями) с точки зрения топологии связей, их устойчивости и влияния на поведение этих субъектов. В рамках данной теории М. Грановеттер описал эффект, названный «силой слабых связей», согласно которому слабые межличностные связи, обычно игнорируемые большинством исследователей как незначительные, являются мощным механизмом социальной мобильности, они имеют отличие от сильных связей, предоставляющих информацию, которой располагает сам субъект [5, с. 384].

Изучение сетевых моделей современного общества осуществляется посредством сетевого подхода, который ориентирован на рассмотрение современного глобального мира как сетевого общества. М. Кастельс дает следующее определение сетевому обществу: «... это такое общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [3, с. 142]. Здесь, главным образом, речь идет не столько о социальных сетях, так как сетевая форма социальной организации существовала уже давно, а о социальных сетях, которые обрабатывают и управляют информацией, а также используют микроэлектронные устройства» [3, с. 28]. Его интересует и развитие сетевого общества. Главным образом компьютер и информационные потоки, которые он предоставляет, изменили мир и при этом породили ряд проблем. Парадигмой в анализе Кастельса являются информационные технологии, обладающие пятью основными свойствами. Во-первых, это технологии, которые воздействуют на информацию. Во-вторых, поскольку информация выступает составной частью всей человеческой деятельности, эти технологии оказывают повсеместное влияние. В-третьих, все системы, которые используют информационные технологии, определяются «сетевой логикой», которая позволяет им воздействовать на множество процессов и организации. В-четвертых, новые технологии весьма гибки, что позволяет им постоянно изменяться и адаптироваться. В-пятых, отдельные связанные с информацией технологии соединяются в чрезвычайно интегрированную систему [5, с. 326]. Согласно данному подходу, развитие средств мультимедийных технологий все больше разрушают «пространство мест» замещая его «пространством потоков», где господствуют процессы, а не физическое местоположение, тем самым современное общество вступило в эпоху «безвременного времени», в которой, например, информация непосредственно доступна в любом месте земного шара. Как свидетельствуют его исследования, сетевые практики изменяют социальную структуру и приводят к глобальным изменениям самого общества. Кастельс утверждает, что базовыми ячейками общества являются сами сети. С этим утверждением не был согласен Ян ван Дейк, считая индивидов основными единицами общества, несмотря на то, что они все больше объединяются в сообщества. В книге «Сетевое общество» он представил собственную концепцию сетевого общества и дал некоторые прогнозы относительно него [4, с. 28]. Автор сделал вывод, что современное общество

находится в процессе перехода к сетевому, что означает соединение в сети интернет массовой, коллективной и межличностной коммуникации. Ян ван Дейк утверждает, что в будущем роль интернета будет расти, и он вытеснит «бумажные» средства сообщения, такие как газеты и письма.

Сетевая теория постепенно вытесняет теорию системную в виду того, что последняя оказалась неспособной охватить феномены, стирающие границы и разрушающие многомерность мира. Как считает Дж. Ритцер, чрезмерная строгость системной теории не позволяет ей объединить различные сферы (например, искусство и коммерцию, политику и экономику, отдельные науки) [5, с. 392]. Одна из главных тенденций в развитии сетевого анализа – его смещение от рассмотрения социальных групп и социальных категорий к исследованию связей, которые существуют между действующими субъектами, не «в достаточной мере связанных между собой или сплетенных, чтобы именоваться группами» [5, с. 317].

Заслуживает упоминания еще одна теория, которую можно назвать «актор-сеть», созданная Б. Латуром, М. Каллоном, Д. Лоу и др. Она зародилась из эмпирических исследований по социологии науки, но к настоящему времени, как и теория социальных сетей, обрела статус общесоциологической (социальной) теории. Данной теорией компьютерные технологии воспринимаются как синтез человека и машины, что связано с бурным развитием техники в последние десятилетия, что все теснее привязывает технику к человеку. Латур и Каллон преодолели границы между актором и сетью, актором и структурой, актором и культурой, отказавшись отделять акторов от сети, детализировать, уточнять, менять их свойства [4, с. 64].

Однако, несмотря на то, что сетевые идеи и концепции получают все большее распространение, исследователи констатируют их слабую интеграцию в систему социологического знания и отсутствие общей терминологии и методологии для прикладного социологического анализа социального взаимодействия в сетях. Это приводит исследователя к необходимости самому определять – кого и что учитывать в ходе анализа. Тем не менее усиливающийся интерес к сетевой проблематике в целом и сетевому взаимодействию в частности со стороны исследователей свидетельствует об актуальности данной тематики. Вместе с тем, для полноценного сетевого социологического анализа можно надеяться на достаточно скорое преодоление ими терминологических и методологических барьеров.

Библиографический список:

1. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 133-141.
2. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореф. дисс. ... д-ра социол. н. Ростов-на-Дону, 2004. 49 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург, 2004. 328 с.
4. Мальцева Д.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 58-83.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 585 с.

ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНОЙ И СЕМЬЯ: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Судьин С.А.

Одной из возможностей для родителей, попавших в безвыходную ситуацию, связанную с прогрессирующим дефектом их ребенка или другого родственника, становятся психоневрологические интернаты или другие стационарные учреждения социального обслуживания. Являясь конечным звеном медико-социальной реабилитации психиатрических пациентов, психоневрологические интернаты предоставляют услуги по стационарному размещению лиц, страдающих выраженными нарушениями психических функций, социальной адаптации, а также

обладающих наименьшим реабилитационным потенциалом. Одним из основных факторов, мобилизующих остатки потенциала получателей услуг психоневрологических интернатов, является семья, члены которой время от времени или посещают своего больного родственника в условиях стационарного учреждения, или берут его на время в некогда привычный домашний круг (так называемые «лечебные отпуска»). Неизбежно благотворный эффект подобного рода контактов нередко оказывается таковым лишь на первый взгляд. Существуют определенные факторы, влияющие на оценку этих контактов профессионалами и их роль в формировании реабилитационного потенциала получателя социальных услуг.

В период 2014-2016 гг. под руководством и при непосредственном участии автора была проведена серия исследований с целью изучения особенностей взаимного влияния семьи и психически больного родственника, находящегося в условиях стационарного учреждения социального обслуживания. Для определения факторов, влияющих на взаимодействие клиентов учреждения и членов их семей в период пребывания психически больных в лечебном отпуске, было проведено анкетирование 250 родственников лиц, проживающих в ГБУ «Автозаводский психоневрологический интернат». Другое исследование, проведенное методом экспертного опроса, было посвящено изучению влияния типов взаимодействия родственников психически больных с пациентами психоневрологических интернатов на процесс реабилитации в условиях учреждения. В качестве экспертов выступили 4 директора и 10 ключевых сотрудников государственных стационарных учреждений психоневрологического профиля Нижегородской области. Результаты оказались далеко неоднозначными.

С одной стороны, мы можем наблюдать картину того, что родственники, в большинстве случаев, общаясь с больным, показывают выраженное эмоционально-положительное отношение к больному – любовь, заботу, альтруистическое стремление оказывать больному различные виды помощи и поддержки, зачастую пренебрегая личными интересами. Они активно взаимодействуют с лечащим персоналом учреждения, выполняют его рекомендации. Согласно наблюдениям, к первой группе относятся, в большинстве своем, родители психоневрологических больных, которые, как видно из анализа историй болезни клиентов, большую часть жизни провели в заботе о своем ребенке, проживая вместе с ним. Лишь тогда, когда стали появляться проблемы с их собственным здоровьем, они были вынуждены перевести больного в психоневрологический стационар для дальнейшего его жизнеустройства. Зачастую это матери клиентов, реже – бабушки, в 2% случаев – отцы своих детей. В эту группу также входят дети престарелых родителей, страдающих старческой деменцией, которые попали в стационар после наступления 75-тилетнего возраста и старше, в большинстве своем – дочери, в 10 % – сыновья, в 5 % случаев – снохи.

С другой стороны, отдельные члены семьи или вся семья целиком могут оказывать и деструктивное влияние на больного, провоцируя обострения течения заболевания, приводя больного вновь на более интенсивное лечение медикаментозными препаратами и восстановительную терапию. Такие семьи часто характеризует незнание симптомов и течения заболевания, приписывание его проявлений личности или характеру больного и его желанию «портить» жизнь окружающим, отсутствие понимания необходимости лечения и реабилитации. Разумеется, в указанный период от контактов с родственниками такие больные ограждаются, что является для них меньшим злом по сравнению с их негативным влиянием. В большинстве своем к этой группе (около 90% от общего числа обследуемых) относятся сравнительно молодые люди, чьи родители страдают хроническими психическими заболеваниями и находятся на социальном обслуживании в учреждении. Это люди трудоспособного возраста, занятые на работе, часто не имеющие свободного времени на посещение своих родственников. Они подвержены влиянию извне, страдают от того, что имеют душевнобольных родственников, стараются это тщательно скрывать, отчего выплескивают негативное отношение на своих близких. Все это отрицательно влияет на внутрисемейное взаимодействие. Данная категория родственников не является гендерно специфичной, в ней

одинаково присутствуют как дочери, так и сыновья. В 3% случаев это внуки клиентов, около 7 % – родители.

Деструктивный характер влияния на своих родственников, находящихся на стационарном обслуживании в психоневрологическом интернате, проявляется даже в действиях, имеющих внешне положительные мотивы, например, постоянный контакт с близкими по телефону. Контроль каждого события, происходящего с клиентом учреждения без личного участия родственника, приводит к искажению в понимании информации психически больным, навязывание мнения о событиях часто приводят к изменениям в сознании, провоцируют рецидивы болезни.

Еще одним внешне положительным примером общения между родственниками и психически больными, приводящим к деструктивным последствиям, можно считать совместное проведение отпусков. Из добрых побуждений родственники, забирая домой психически больных, часто решают самостоятельно отменить им лечение, тем самым давая, по их мнению, отдохнуть от «ненавистных» таблеток, или заменяют лекарственные препараты на более щадящие. После непродолжительных действий такой терапии случаются срывы заболевания, которые купируются только в лечебном стационаре, иногда приводя к необратимым последствиям. Выделим нейтральный характер влияния родственников на клиентов учреждения и на развитие их реабилитационного потенциала. Его в целом можно даже обозначить как положительный, так как он характеризуется выраженным, скорее нормативным участием родственников в судьбе клиента в соответствии с родственно-сочувственным отношением к больному в рамках традиционных представлений о родственном долге.

Состав данной группы нельзя назвать однородным, в нем присутствуют как дети психически больных клиентов, которых около 40% от общего числа обследуемых, так и родители, число которых чуть менее – 30%, сестры и братья – 18%, другие родственники – около 8%, соседи, знакомые – 4%. По наблюдениям специалистов одного из стационарных учреждений социального обслуживания большинство общений родственников психически больных со своими близкими носит чисто формальный характер, ограничивается временем посещения. Основную задачу во время встреч родственники видят в том, чтобы накормить больного, при этом не всегда рассчитывают объемы порций. Родственники не интересуются делами клиентов, не спрашивают, что произошло у них интересного в период их отсутствия, не рассказывают о происходящем дома, в семье.

Многолетние наблюдения за клиентами учреждения показывают, что наметились три тенденции влияния родственников на реабилитацию больных в стационарных условиях пребывания. Один, как видно из описанного выше, можно назвать конструктивным, второй – деструктивным, третий – нейтральным. Однако и в первой группе взаимоотношений не все процессы положительно влияют на реабилитацию клиента в условиях стационара. Гиперопека, подавление интересов клиента, его желаний, тотальный контроль за личной жизнью может привести к негативным последствиям, спровоцировать рецидив заболевания больного. Поскольку объективированная качественно-количественная оценка преобладающих типов взаимодействия затруднена в силу ряда причин, нами было проведено экспертное интервью руководителей и ключевых сотрудников (N=14) четырех стационарных учреждений социального обслуживания. Целью экспертного опроса стало определение преобладающих в их учреждениях типов взаимодействия членов семьи и их психически больных родственников, находящихся в условиях стационара, и оценка перспективности возможного включения общественных организаций в реабилитационную работу. Респонденты продемонстрировали наличие консолидированной позиции относительно темы, поднятой в опросе, согласились с тем, что процесс взаимодействия клиентов с родственниками, безусловно, влияет на процесс реабилитации и адаптации. По мнению большинства экспертов, в учреждениях преобладает нейтральная модель влияния. «Абсолютное большинство родственников не горят желанием посещать больных часто. Посещения редки, эмоционально родственники отстранены, то есть, эти визиты формальны. Счастливые исключения – это действительно счастливые исключения. Понять их я могу – это не самый простой с психологической точки зрения контингент – кому понравится наблюдать регресс своего родственника?...» (Мужчина, 48 лет, директор ПНИ).

На вопрос о том, какая же модель взаимодействия является наиболее приемлемой с точки зрения специалистов из стационарных учреждений, мнения экспертов вполне мотивированно разделились. Большинство опрошенных экспертов высказали мысль о том, что оптимальной моделью взаимодействия пациентов и их родственников как раз и является нейтральная. По мнению экспертов, она позволяет учреждению самому привлекать родственников в те моменты, когда их содействие максимально целесообразно и способствует избеганию таких рисков и перегибов, как гиперопека в случае с положительным сценарием и откровенное пренебрежение – при отрицательном. «...Даже здоровые члены семьи в большинстве случаев не осведомлены о характере заболевания, что же могут дать те родственники, которые сами имеют психиатрические диагнозы?..» В то же время другой эксперт указал, что «учреждению необходимо изменять деструктивную модель отношений с родственниками на конструктивную и прилагать все усилия сотрудников учреждения для этого... Иногда нейтральная модель взаимодействия более выгодна клиенту, чем конструктивная, нередко переходящая на стадию гиперопеки и тотального контроля». Другими словами, вовлеченность родственников в жизнь больного и обостренное внимание к его судьбе вовсе не гарантируют принятия правильных решений относительно его судьбы даже в части соблюдения медицинских рекомендаций. Логично предположить, что отношение родственников, лежащее в основе формирования модели взаимодействия с больным, также является достаточно сложным по структуре феноменом. Разумеется, мы говорим о тех случаях, когда родственники представляют реальный компонент реабилитационного потенциала. Так, условно-конструктивная или положительная модель становится результатом доверительных и эмоционально близких отношений, разрушенных болезнью; при этом у родственников находится достаточно внутренних сил и мудрости для следования медицинским рекомендациям, создания благоприятного социально-психологического климата в семье хотя бы на время лечебных отпусков. Деструктивная модель может быть следствием деформации внутрисемейных отношений в доинтернатный период, являться формой мести больному не только за обманутые надежды и ожидания, но и за весь пережитый негатив. Нейтральное отношение может быть результатом или длительной адаптации к состоянию больного, или непонимания происходящих с ним процессов, или общим равнодушием. Так или иначе, все это актуализирует потребность в психопросветительской работе с родственниками клиентов стационарных учреждений социального обслуживания, которую могут взять на себя именно общественные организации. Последние две модели представляют особый интерес для дальнейших исследований, поскольку семьи, в которых сформированы подобные способы влияния на реабилитационный потенциал родственника, в наибольшей степени нуждаются в участии общественных организаций социально-психиатрического профиля.

ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тер-Никогосова Н.А.

Социальные представления, взгляды и убеждения граждан страны являются фундаментом для их самоидентификации, проявления чувств гордости и положительного восприятия России на мировой арене. Таким образом, мы подходим к проблеме гражданского самосознания и патриотизма, а также восприятия социальной реальности в современном мире. Данный аспект является одним из наиболее важных как в формировании гражданского общества, так и в интеграции населения, преобладании чувств национального единства и готовности встать на защиту своей Отчизны. Тем самым, мы можем сделать вывод, что проблема несёт в себе важное общественное значение.

В настоящее время ситуацию можно охарактеризовать с положительной стороны, что просматривается в организации различных мероприятий по формированию гражданского самосознания и возрождению чувств патриотизма в сфере разнородных общественных настроений.

Стоит отметить наличие постановления Правительства РФ от 20 августа 2013 г. о федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие

народов России (2014-2020 годы)», которая направлена на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений [1].

Одну из значимых ролей занимает образование, выступающее наиболее действенным средством социализации личности. Среди множества программ и дисциплин образовательных учреждений различных уровней действует профилактика экстремизма и терроризма, культура поведения в конфликтной ситуации, формирование ненасилия, толерантности, а также тематические занятия, посвящённые памятным датам минувших лет и важнейшим событиям в жизни современной России. Например, в рамках ФБГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» среди студентов была проведена лекция под названием «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма». Стоит отметить и организацию кафедрой «Социологии» ВКР по теме «Молодёжный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления».

Таким образом, мы видим тенденцию развития гражданского самосознания и патриотизма в обществе, поддерживаемую во многих сферах жизни российских граждан.

22 июня 2016 г. Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) представил нашему вниманию опрос, в котором осветил уровень патриотизма россиян. Объём выборки составлял 1600 человек, среди населения в возрасте 18-ти лет и старше. Было задействовано 130 населённых пунктов в 46 областях, республиках и краях и 9 федеральных округов РФ. Исходя из полученных данных мы можем увидеть, что 36% чувствуют надежду, 32% уважение и 24% любовь по отношению к нашей стране (в сравнении с 2014 г. – 29%, 27% и 16% соответственно). Стоит обратить внимание, что в России очень велико чувство долга перед Отчизной, ведь 65% поддержали бы своих близких в решении пойти на войну [2].

16 сентября 2016 г. Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) был проведён инициативный опрос, который позволил выявить уровень гордости россиян за события последних лет. Объём выборки насчитывал около 1600 человек, среди населения в возрасте 18-ти лет и старше. В ходе опроса было задействовано 130 населённых пунктов в 46 областях, республиках и краях и 9 федеральных округов РФ. На вопрос «Кто я такой?» большинство опрошенных идентифицировали себя как граждане России. Исходя из полученных данных 90% населения гордится историей своей страны, 88% культурой и искусством, а 82% российской наукой и учёными (в сравнении с 2013 г. – 85%, 75% и 60% соответственно). Отметим, что большинство населения признаёт значимым достижением присоединение Крыма, олимпиаду в Сочи, военную мощь страны, освоение космоса и ведение внешней политики, рост престижа [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в настоящее время эмоциональный фон населения в отношении нашей страны более чем положительный. По сравнению с предыдущими годами граждане России стали увереннее в политике, проводимой государством, в различных сферах жизни. Уровень патриотизма достаточно высок по всей стране. Особое внимание государственных органов к данной проблематике дало в последние годы свои плоды, что отражается во многих социально-политических исследованиях и инициативных опросах. В последующие годы хотелось бы видеть такую же положительную тенденцию формирования гражданского самосознания и патриотизма в нашей стране, для чего необходима дальнейшая заинтересованность в данной проблеме и исчезновение скептических, а также негативных воззрений части населения современной России.

Библиографический список:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 г. № 718 // Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/88389/>
2. Пресс-выпуск № 3136. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход. // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>

3. Пресс-выпуск № 3201. Родина – это звучит гордо! // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115866>

4. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Атясова Н.Ю. Гражданское самосознание и патриотизм современной молодёжи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3-1. С. 18-21.

5. Терешина Е.А. Роль образования в формировании гражданского самосознания личности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-1 (111). С. 38-42.

6. Желнина Е.В. Понимание и границы толерантности в современном российском обществе (социологический анализ русского фольклора) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография / под редакцией Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти, 2013. С. 254-261.

7. Zhelnina E.V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2016. 378 P. 1 CD ROM; 12 sm-system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. 2016. С. 109-115.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ

Тимшина Е.Л.

В истории современной России важное место занимает деятельность общественных объединений, независимых от государственного механизма, групп и добровольных организаций, преследующих экономические, общественные, культурные или откровенно политические цели, такие, как защита гражданских прав, контроль над выборами, организация предвыборных кампаний и т.п. Это свидетельствует о возрастающем стремлении граждан нашей страны брать на себя решение своих и общих проблем. Разнообразные по форме, по составу участников и сферам приложения сил, эти организации несут в себе огромные резервы социального, экономического и культурного развития России.

Одной из форм социальных объединений являются женские общественные организации. Женское движение отражает широкий спектр проблем, не только непосредственно касающихся положения женщин в различных сферах жизни, их роли и места в обществе, утверждения собственных экономических и политических интересов, но и связанных с общими закономерностями социального прогресса, перспективами человечества. Это социально-политическое явление, представленное различными организациями и объединениями, разнообразными по форме и содержанию деятельности, в основе которого лежит поиск идентичности – определение собственных целей и задач, поиск форм взаимодействия со структурами государственной власти и способов влияния на общество.

Анализ литературы, посвященной женскому движению, позволяет еще раз убедиться, что – это не просто сумма женских объединений, в разной степени отстаивающих права женщин, но в том числе это и интеллектуальное течение, внесшее значительный вклад в пересмотр целого ряда взглядов на развитие общества и государства [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Большое значение для исследования женского движения имеет разработка методологических проблем [7; 8; 9]. В первую очередь, речь идёт о системном анализе, в основе которого лежит рассмотрение объекта изучения как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, с целью установления закономерностей изучаемых процессов и явлений. Основными принципами системного анализа являются целостность, позволяющая рассматривать систему как единое целое, иерархичность и структуризация, позволяющие анализировать элементы системы и их взаимосвязи. Поскольку женское движение представляет собой сложное, комплексное

явление, разнообразное по своей структуре и многоплановое по функциям, то использование системного подхода является необходимым условием для его изучения.

Также следует сказать и об эффективности использования формально-количественных методов в исследованиях массовых социально-политических явлений, к которым в полной мере можно отнести женское движение [10]. Применение в исследованиях формально-количественных методов требует постановки и решения проблем сопоставимости, сравнимости массовых данных, возможности их соединения и создания баз данных с последующей математико-статистической обработкой.

Изучение женского движения как массового явления представляется наиболее эффективным на основе созданной базы данных, в которую включены сведения о 777 женских неправительственных организациях и объединениях. База данных содержит 25 информационных полей [11].

Документальная основа базы данных сформирована из сведений, полученных из разных источников: «Единый государственный реестр юридических лиц», реестры общественных объединений, которые ведут Управления Федеральной регистрационной службы субъектов Российской Федерации, муниципальные реестры общественных организаций, формируемые администрациями муниципальных образований, «женские» информационные порталы в сети Internet. При отборе данных из сети мы руководствовались следующими принципами. Во-первых, были проанализированы все ресурсы, занесенные представителями общественных объединений в различные интернет-каталоги. Во-вторых, был осуществлен полнотекстовый поиск в поисковых системах. Выборка по ключевым словам «женск* организаци*», «женск* движени*», «социально-политическ* организаци*», «общественн* организаци*», «объединени* женщин*» и т.п. В-третьих, были проанализированы локальные каталоги общественных организаций, размещенные на различных информационных сайтах.

Для характеристики базы данных о женских объединениях важно отметить ее функциональные особенности. В первую очередь, следует отметить, что по способу отбора информации база данных является фактографической. В ходе работы была создана специальная форма для ввода данных. Вносимая информация в большинство полей жёстко структурирована, что позволяет осуществлять контекстный поиск, выборку и сортировку данных по каждому полю. Схема данных построена на принципе взаимосвязанных таблиц, что, с одной стороны, упрощает ввод данных, а с другой стороны, делает её более гибкой для редактирования и дальнейшего пополнения.

Созданная база данных расширяет исследовательские возможности изучения женского движения, в частности, позволяет провести типологический анализ женского движения в современной России. В основу типологии женского движения были положены важнейшие его институциональные характеристики, в частности, организационно-правовые формы и территориальный масштаб деятельности. Исследование женского движения через призму этих характеристик позволило, с одной стороны, анализировать полученные статистические показатели и их распределение по выделенным типам, а с другой стороны, рассматривать их взаимосвязи, в частности, с региональным распределением женского движения, сопоставлять их с избранными целями и стратегиями деятельности женских объединений.

С точки зрения организационно-правовой формы, отражающей специфический статус, порядок создания, строение, а также цели и задачи деятельности, ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях» предусматривает возможность создания 6 различных форм. В структуре женского движения современной России представлены все организационно-правовые формы, за исключением такой формы, как политическая партия.

Работа с базой данных позволила определить, что более 2/3 всех женских объединений представляют собой общественные организации. Данная организационно-правовая форма даёт возможность женщинам более эффективно защищать свои интересы, позволяет добиваться достижения социально значимых целей.

Другой организационно-правовой формой является общественное движение. В структуре женского движения около 10% объединений имеют данную организационно-правовую форму. Несмотря на сравнительно небольшую долю указанной формы женских объединений в общей структуре женского движения, именно она объединяет наибольшее количество участниц и активисток, отстаивающих свои права, защищающих политические или иные общественно значимые интересы.

Следующая организационно-правовая форма женских объединений – общественный фонд. Данная форма встречается достаточно редко, её «удельный вес» в структуре женского движения – около 6%. Среди таких объединений можно выделить фонды поддержки малого предпринимательства, различные благотворительные социальные фонды, центры поддержки женских инициатив и др. Все они имеют региональный характер и объединяют относительно небольшое количество членов.

Ещё меньшее представительство имеют женские общественные учреждения и органы общественной самодеятельности – 1,8% и 0,8% соответственно. Такое небольшое представительство женских общественных учреждений и органов общественной самодеятельности в структуре женского движения можно объяснить ограниченностью сферы и масштаба деятельности, предусмотренных этими организационно-правовыми формами.

По мере расширения диапазона своих действий женские организации чаще всего вливаются в ассоциации и союзы, что позволяет эффективнее решать актуальные для женского движения вопросы. Такая форма объединения способствует консолидации сил, но в то же время у входящих в ассоциацию отдельных организаций сохраняется самостоятельность в решении своих более «узких» корпоративных вопросов.

Анализ распределения женских организаций по территориальному масштабу приложения сил углубил представление о структуре женского движения в современной России. Территориальный масштаб дифференцирует общественные организации на четыре типа: местная, региональная, межрегиональная и общероссийская.

Подавляющее большинство женских организаций являются региональными общественными объединениями (88,5%). Данный статус подразумевает, что деятельность такого объединения в соответствии с его уставными целями осуществляется в пределах территории одного субъекта. Высокая частотность встречаемости формы региональных организаций в общей совокупности женских объединений, по мнению исследователей, объясняется тем, что они «трансформировались из бывших областных, городских женсоветов», т.е., имели организационную основу и определенный опыт работы, которые были привнесены и развиты в новых социально-политических условиях.

Межрегиональные и общероссийские женские общественные организации занимают по 5% в общей структуре женского движения. Общероссийские и межрегиональные женские объединения имеют фиксированное членство, широкую сеть филиалов и региональных отделений. Именно эти организации стремятся оказывать влияние на власть, используя различные формы и методы воздействия, играют заметную роль в современном общественном движении.

Изучение структуры женского движения не исчерпывается характеристикой организационно-правовых форм и уровнем территориальной деятельности женских организаций. Характеристика женских организаций, как значимых компонентов системы, расширена за счет привлечения, анализа и сопоставления сведений о численном составе женских объединений, источниках финансирования, а также о политических и социальных предпочтениях участниц женского движения.

Применение к данным о женских организациях методов формально-количественного анализа, в частности, методик частотного измерения, помогло глубже изучить специфику данного социально-политического явления в России, в частности, позволило раскрыть некоторые особенности его структуры, в частности дифференциацию женского движения в России с точки зрения организационно-правовых форм, отражающих специфический статус, порядок создания женских объединений, их организационное строение, а также цели и задачи деятельности.

Библиографический список:

1. Силласте Г.Г. Демократия без женщин – не демократия. Социологические очерки. М.: РАУ, 1991. 241 с.
2. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново: Иван. гос.ун-т, 1994. 135 с.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1996. 301 с.
5. Романова Н.П., Коновалова Г. В. Женщина и власть. Чита: ЧитГУ, 2007. 240 с.
6. Мельникова Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации. М.: Мысль, 2000. 182 с.
7. Темкина А.А. Гендер как концепция и методология исследования российской культуры // Женское движение в контексте российской истории: 9-10 дек. 1998 г., Москва: Юбилейн. чтения / [Т. Барыбина и др.]. М.: Эслан, 1999. С. 225–248.
8. Ключко О.И. Методология гендерных исследований: современное состояние и актуальные проблемы. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2008. 207 с.
9. Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.
10. Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие / Н.Б. Селунская, О.С. Петрова, А.В. Карагодин; под ред. Н.Б. Селунская. М: Инфра-М, 2014. 255 с.
11. Тимшина Е.Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991–2011): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ТИПОВ СТУДЕНЧЕСТВА КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА
ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ**

Титаренко Л.Г.

Современная модернизация понимается в России как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [1, с. 6]. Анализ различных моделей модернизации доказал, что условия региона и страны предопределяют выбор модели развития, при этом оптимальной является та, которая адаптирована к специфике страны. Одно из отличий российской концепции модернизации в том, что кризисы и риски, имеющие глобальную природу, оказывают более негативное влияние на постсоветский регион (как экономически менее развитый), что требуется учитывать при реализации любых социально-экономических программ и моделей модернизации.

В числе задач нынешней российской модернизации входит и построение "общества знания" которая должна реализовываться и системой высшего образования. В рамках этой сферы модернизация в частности предполагает фокус не только на передаче молодому поколению знаний и умений, но и активное развитие человеческого потенциала студенчества, формирование нового типа специалиста, адекватного модернизационному этапу российского развития. Так, вместо акцента на исполнительность и дисциплинированность работников от них требуется инициативность и креативность в любом деле, вместо образования, получаемого один раз и навсегда, необходимо "образование всю жизнь", т.е. готовность воспринимать новые идеи и подходы и внедрять их в свою деятельность. Чтобы высшее образование эффективно решало эти задачи, необходимо научное моделирование модернизационного типа студента, которого желательно было бы получить на «выходе» из вуза. Речь идет о том, чтобы целенаправленно смоделировать и затем внедрять в практику тип студента, который в будущем станет в авангарде развития общества. Иначе говоря, надо определить, какие личностные черты и качества, полученные знания и умения студента помогут ему стать в самостоятельной трудовой жизни активным работником, способным успешно решать производственные задачи в процессе модернизации общества.

В основу осуществления моделирования типов студентов социологическими средствами и выделения среди них модернизационного типа должны лечь научные критерии отбора качеств, умений, ценностных ориентаций, характеризующих в современном модернизирующемся обществе активного субъекта действия: личности специалиста, который готов принять глобальный вызов, связанный с высокой скоростью изменений, постоянно реализовывать в обществе новые подходы к решению практически всех задач: экономических, политических, социальных, культурных. Открытость общества к инновациям и готовность к их внедрению в значительной степени определяет сегодня социальный потенциал работников, занятых в общественном производстве. Не случайно теперь утверждается, что человеческий капитал, накапливаемый субъектами социального действия, является одновременно и важным рычагом и необходимым условием проведения успешной модернизации общества. Человеческий капитал, наращиваемый посредством всех форм образования, воплощается в экономических, публичных, культурных ценностях, потребляемых индивидами, группами, обществом, т.е. способствует экономической эффективности и повышению качества жизни населения, росту его интеллектуального уровня, т.е. вносит существенный вклад в продвижение модернизации.

Поскольку для студенчества практическая деятельность рассматривается как отложенная до получения диплома о высшем образовании и начала профессиональной деятельности, а основным видом сегодняшней деятельности является учебная, на наш взгляд, необходимо использование индикаторов для замера модернизационного потенциала студенческой молодежи, связанного с ростом ее человеческого капитала как источника модернизационных ценностей (получение высшего образования, различные виды социальной активности, формирование экологической культуры, соответствующей целям инновационного развития) [2]. Если институт высшего образования выполняет свою роль в подготовке высококвалифицированных кадров, высшее образование служит социальным лифтом для молодежи и продуцирует человеческий капитал, необходимый для развития в обществе инновационной составляющей, без которой невозможна нынешняя волна модернизации. Если в процессе учебы студенческая молодежь получает знания и навыки, способствующие творческому отношению к будущей профессиональной деятельности, развивает свою открытость инновациям, очевидно, эта социальная группа сумеет в будущем воплотить в деятельности свои ценностные ориентации (профессиональные и индивидуальные) и стать активным субъектом модернизационного процесса. Необходимыми ценностями этого типа должны также стать гражданская позиция, общественная активность, мотивация и на учебу и на последующую практическую самореализацию.

Теоретическое конструирование моделей студенчества и последующее их эмпирическое тестирование (выделение типов в результате социологического исследования студенчества) помогает понять существующие тренды развития и определить практические ориентиры для системы высшего образования. Этот метод позволяет выделять как самые эффективные практики организации процесса образования, адекватные эпохе модернизации, так и соответствующие средства современного воспитательного процесса.

Эмпирическое исследование разведывательного типа, направленное на тестирование выделенных нами ранее теоретических типов студенчества, включая модернизационный тип, было проведено в Минске под руководством автора в 2015-2016 гг. Опрошено 420 студентов разных специализаций и вузов, проживавших до учебы в разных регионах республики. Метод моделирования использовался как на подготовительном этапе (конструирование теоретических типов), так и при анализе полученных эмпирических данных. Сбор эмпирической информации включал анкетный опрос. Выделенные эмпирические типы можно рассматривать как платформу для последующей исследовательской работы в указанном направлении при проведении региональных и национальных исследованиях студенчества в регионе СНГ.

В контексте исследования нас более всего интересовало тестирование уровня модернизационного потенциала студенчества, т.е. его мотиваций на получение востребованной

профессии и ориентаций на активное творческое включение в практику в недалеком будущем. В студенческие годы потенциал развивается также через дополнительное образование, развитие собственной профессиональной, экологической и коммуникационной культуры, умений и навыков, которые будут необходимы для творческого подхода к профессии. Все эти установки и знания при наличии в обществе соответствующих социально-экономических условий могут способствовать становлению молодежи в качестве активного агента модернизации, т.е. социальной силы, реализующей инновационные идеи в разных сферах жизни. В аспекте развития человеческого капитала студенчества индикаторами этого потенциала студенческой молодежи были выбраны мотивы поступления в вуз, уровень полученных знаний, оценка их качества, профессиональные планы на будущую работу и понимание своих перспектив, ценностные ориентации на творчество, открытость изменениям, и т.п. Главным критерием стал набор ценностных ориентаций, выделяемых на основе методики Шварца [3]. Мы исходили из гипотезы, что развитый человеческий капитал нынешнего студенчества соответствует его модернизационному типу, который способствует не только личностному развитию будущих профессионалов, но и росту их управленческой и интеллектуальной культуры в самостоятельной трудовой жизни, повышению качества жизни общества и развитию экономики страны. Выделенные нами индикаторы модернизационного типа фиксируют разные аспекты студенческой деятельности по развитию интеллекта людей и повышение качества их жизни и таким образом в обеспечение развития как экономики, так и общества в целом. Условия получения качественного образования и рост качества жизни (в широком смысле слова) могут способствовать инновационному развитию общества во всех других сферах.

Важными индикаторами ориентации студенческой молодежи на модернизационное развитие и показателями развития их человеческого капитала является первоначальная мотивация при выборе профессии, удовлетворенность своим выбором будущей специальности, а также ориентация на будущее трудоустройство по получаемой специальности. В экономической сфере важными критериями определения модернизационного потенциала молодежи являются формирование потенциала предпринимательской активности населения (индивидуальная ответственность, самостоятельность, активная жизненная позиция, склонность к самостоятельности и риску и др.), отсутствие патерналистских ожиданий в отношении государства [4, с. 154].

Эти критерии были проанализированы в нашем исследовании студенчества с точки зрения того, насколько студенческие установки соответствуют либо модернизационной, либо традиционной модели поведения. Первая модель предполагает, что студенты ориентируются на интересную и творческую профессиональную деятельность, в которой они могут проявить самостоятельность и инициативность, открытость новизне и готовность к риску, развить свои другие способности. В рамках этой модели в результате анализа эмпирических данных было выделено два типа: предпринимательский (практико-ориентированный, 42%) и исследовательский (с ориентацией на научную работу, 22%). Во второй модели (традиционный тип, 36%) доминирует ориентация на стабильную работу, не обязательно связанную с получаемой специальностью, но с хорошей зарплатой и не требующей полной отдачи. Был выявлен еще тип неопределившихся студентов, однако ввиду его низкой представленности (менее 5%) он в анализе не учитывался. В случае, когда тип неопределившихся студентов превысит 5%, он требует более подробного рассмотрения [5]. С точки зрения гендерного распределения оказалось, что внутри предпринимательского типа преобладают девушки, тогда как среди исследовательского их было в четыре раза меньше юношей. Среди традиционалистов обе гендерные группы распределены одинаково. Полагаем, что эти пропорции должны учитываться в воспитательной, профориентационной работе с молодежью. Более активное участие студентов в самоуправлении также способствовало бы развитию политического аспекта их модернизационного потенциала. Ввиду массовой предпринимательской ориентации рекомендовано развивать дополнительные курсы для студентов по юридическому и экономическому сопровождению бизнеса.

Исследование показало, что моделирование типов современного студенчества является актуальной задачей образования и воспитания. Сегодня студенческая молодежь отличается высоким уровнем познавательной мотивации, работоспособностью, активным «поиском себя», что делает ее одним из важнейших ресурсов инновационного развития страны. Однако практическое использование этого молодежного потенциала в будущем зависит от социально-экономических условий, имеющих место в обществе в конкретно-исторический момент времени.

Библиографический список:

1. Лапин Н. И. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5-10.
2. Collins, R. The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification. N.Y.: Academic Press, 1979.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.
4. Рожкова Л. Социокультурный потенциал студенческой молодежи в условиях модернизации // Журнал Власть. 2013. № 9. С. 154-157.
5. Титаренко Л.Г. Модернизационные ценности студенческой молодежи как ресурс инновационного развития Беларуси // Журнал философии и социальных наук. 2016. № 3. С.70-75.

ПОТЕНЦИАЛ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА И МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕРБИИ

Толвайшиц Л.

Целью настоящей статьи является выявление методов количественного анализа и моделирования, обладающих потенциалом для применения в изучении актуальных тем социально-экономического развития Сербии.

Внедрение методов моделирования в исследованиях общественно-политических процессов осложняется необходимостью количественного выражения объектов, отличающихся неточностью и субъективностью ввиду неопределённости человеческой природы и общественных отношений. Тем не менее, методы моделирования, зародившиеся в математике, физике и инженерии (в частности, сложные адаптивные системы) [1, с. 2], находят всё более широкое применение в экономике, социологии и управлении.

В изучении постконфликтных обществ региона интерес может представлять моделирование становления социальных групп путём компьютерной симуляции взаимоотношения индивида с группой. В обществах, отличающихся поляризацией по этническому или конфессиональному признаку, агентное моделирование позволяет отслеживать эволюцию взглядов на межгрупповые отношения, прогнозировать их изменения с течением времени при наличии тех или иных предпосылок [2, с. 23]. Так, экспериментально доказано, что под общественным давлением группа может демонстрировать как рост враждебности по отношению к противоположной группе, так и готовность к выстраиванию конструктивных отношений [2, с. 32]. При оценке внутригрупповой поляризации при моделировании важная роль отводится межличностной связности (степени взаимного воздействия на мнения). Стратегии по улучшению межгрупповых взаимоотношений, нацеленные на отдельные сегменты групп, значительно менее действенны при низкой внутригрупповой связности [2, с. 32].

Выявление и анализ сообществ, формирующихся вокруг противоречивых политических тем, может служить средством определения степени поляризации общества. В выявлении тем, служащих источниками поляризации, расклада эмоциональных отношений к ним, сетевой структуры сообществ и лидерских ролей в них, всё большее признание находит систематический компьютеризованный анализ публикаций в социальных сетях интернета [3, с. 206]. Статистическое моделирование расклада позиций и чувств, а также анализ сетевой структуры могут помочь в изучении поляризации общества и обнаружении ранних признаков надвигающихся гражданских конфликтов.

Социологической наукой накоплены наработки по статистическому моделированию на базе сообщений в сети «Twitter» ([4]). Анализ содержания социальных сетей [19] помогает выявлять степень влияния сходства во мнениях на социальные взаимодействия их выразителей, структуры сообществ [5], линии политического водораздела на предстоящих выборах [6], объяснять переходы между противоборствующими лагерями в ходе политических потрясений [4]; посредством отслеживания информационных потоков («перепостов» и «ретвитов») объяснять отношения и роли различных профессиональных категорий участников [7], определять лидеров мнений. Размеры групп и степень интенсивности эмоций служат количественной мерой при оценке политической обстановки. Инструментами выявления тем, отражающих фундаментальные противоречия в обществе, выступают ключевые слова и метки («хэштеги»), на которых строится связность темы и её разбитие на кластеры. Противоположные сообщества, формирующиеся вокруг новых тем, выявляются посредством присвоения количественных показателей эмоциональным составляющим сообщений и степени интенсивности положительных и отрицательных умонастроений. Размер и степень интенсивности эмоций противоположных групп может служить показателем исхода противостояния.

Пространственное агентное моделирование применяется с целью объяснения политического насилия [8]. Исследуется воздействие мнений одних «агентов» на других в процессе их взаимодействия. Непространственные модели применяются в исследованиях динамики общественного мнения и дробления населения на группы [9]. Предполагается, что в рамках каждой из групп индивиды отличаются по степени терпимости. Полюсами количественной шкалы является радикализм (уклонение от контактов с противоположной группой и подстрекательство к насилию) и умеренность (предполагает знак равенства между представителями противоположных групп). Изменение в соотношении радикалов и умеренных оценивается с течением времени, а особое внимание уделяется изменению условий (модельных параметров), влекущих за собой повышение или снижение степени приемлемости взаимодействия с противоположной группой. Давление, исходящее из общества, приводит к поляризации, склоняя индивидов к умеренной позиции либо к радикализму: лиц, придерживающихся усреднённых взглядов, становится всё меньше. Имеются результаты моделирования, свидетельствующие, что интеграционные программы действенны в отсутствие серьёзного ухудшения межгрупповых отношений [2, с. 32]. Однако в условиях сильной вражды такие программы могут усугубить положение, увеличивая отрыв их участников от сообщества. Сообщества, чья связность ослаблена, подвержены поляризации и менее восприимчивы к программам интеграции. Результаты моделирования предлагаются к урегулированию конфликтов, обладающих потенциалом насилия, что представляет интерес для балканских исследований.

Моделирование событий производится также путём изучения употребления метафор в интернете. Метафоры способствуют распространению информации, установлению связей между различными тематическими областями. Не исключается невольное воздействие метафор на поведение людей посредством ассоциаций в рамках мировоззрений [10, с. 217]. Предпринят ряд попыток количественного выражения таких эффектов экспериментальным путём [11]. Модели с ключевыми словами, значимыми для изучаемых событий, закладываются в основу алгоритмов с целью предсказания их вероятности.

В исследованиях нарративного интеллекта структура повествования – сюжет, жанр и образы – тесно связана с сетевой структурой сообщества. Чередование вражды и союзничества – один из наиболее сложных аспектов социального взаимодействия – может быть предметом количественного анализа [12]. В качестве блоков для выстраивания истории при моделировании рассматриваются элементарные истолкования моделируемых ситуаций в духе опасности, угрозы, конфликта, выживания, смерти, победы и поражения. Моделирование такого рода подобно шахматной игре с конечным набором персонажей (фигур), схематическим выражением пространства (доска), времени (очередность ходов) и ограниченным набором возможных действий [12, с. 101].

Исследуется взаимосвязь между переменными в динамике системы, ведущими к масштабным преобразованиям, и изменениями на микроуровне (напр., эффект безработицы в среде молодёжи), производящими социально-политические последствия [13]. Моделирование позволяет исследовать влияние рабочего места и социального окружения на распространение взглядов в подмножестве агентов. Выборка населения основывается на гипотетическом социальном окружении, в котором задаётся сценарий, воспроизводящий повседневную жизнь в стране в период, предшествовавший исследуемым событиям. Каждому агенту присваивается конечный набор правил, отражающих убеждения одного агента в отношении убеждений другого, и задаётся алгоритм движения в пространственной схеме, охватывающей сегменты: дом, храм/мечеть, работа и рынок (с учётом независимой переменной – напр., занятости). С учётом мобильности агента в рамках симулируемого ландшафта делаются выводы относительно влияния агента на окружающих в плане протестной активности и социальной инженерии. Благодаря возможности обработки обширного массива данных и отсутствию ограничений по времени, взаимодействие агентов позволяет измерить точки перехода от стабильности к внезапным потрясениям. Дополняя методы масштабного сбора данных или ситуационного анализа отдельных случаев, агентное моделирование восполняет пробелы в исследовании групповой динамики и воздействия окружения, которые принято считать контекстуальными движущими силами социальных протестов [13, с. 184]. Агентное моделирование используется для отличия структурных условий от движущих событий дестабилизации при большом стечении народа.

Этот метод перспективен для изучения процесса возникновения коллективного действия и колебаний в коллективном поведении, каковые наблюдаются в балканских государствах в вопросах социальной справедливости. Моделирование социально-экономического недовольства может помочь выявить и обозначить как новые идеи и тенденции, намечающиеся в обществе, так и отношения, оказывающие на людей мобилизующее действие.

Библиографический список:

1. Youngman P.A., Hadzikadic M. Complexity & the Human Experience: Modeling Complexity in the Humanities & Social Sciences. Pan Stanford. 2014.
2. Thron C., McCoy R. Modeling and Simulation of Sectarian Tensions in Split Communities // Xu K.S., Reitter D., Lee D., Osgood N. (eds.) Social, Cultural, and Behavioral Modeling. Springer. 2016. P. 23-32.
3. Seo K., Pan R., Panasyuk A. Detecting Communities by Sentiment Analysis of Controversial Topics // Xu K.S., Reitter D., Lee D., Osgood N. (eds.) Social, Cultural, and Behavioral Modeling. Springer. 2016. P. 206-215.
4. Borge-Holthoefler J., Magdy W., Darwish K., Weber I. Content and network dynamics behind Egyptian political polarization on Twitter // CSCW'15 Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing. Vancouver. Association for Computing Machinery. 2015. P. 700-711.
5. Rosvall M., Bergstrom C.T. Maps of random walks on complex networks reveal community structure // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 105, No. 4. 2008. P. 1118-1123.
6. Conover M.D., Goncalves B., Ratkiewicz J., Flammini A., Menczer F. Predicting the political alignment of twitter users // Proceedings of 3rd IEEE Conference on Social Computing. Boston MA. 2011. P. 192-199.
7. Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I. The Arab spring – the revolutions were tweeted: information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // International Journal of Communication. Vol. 5. 2011. P. 1375-1405.
8. Epstein J.M. Modeling civil violence: an agent-based computational approach // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 99. 2002. P. 7243-7250.

9. Lorenz J. Continuous opinion dynamics under bounded confidence: a survey // International Journal of Modern Physics C. Vol. 18, No. 12. 2007. P. 1819-1838.
10. Thibodeau P.H., Boroditsky L. Measuring effects of metaphor in a dynamic opinion landscape // PLoS ONE. Vol. 10, No. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4517745/>
11. Goode B.J. Event Detection from Blogs Using Large Scale Analysis of Metaphorical Usage // Xu K.S. et. al. (eds.) Social, Cultural, and Behavioral Modeling. Springer. 2016. P. 216-225.
12. Sack G.A. Character Networks for Narrative Generation: Structural Balance Theory and the Emergence of Proto-Narratives // Youngman P.A., Hadzikadic M. Complexity and the Human Experience. Boca Raton: Pan Stanford. 2014. P.81-104.
13. Downey D. Convergence versus Emergence of Youth Extremism: An Agent-Based Model of the Arab Spring // Youngman P.A., Hadzikadic M. Complexity and the Human Experience. Boca Raton: Pan Stanford. 2014. P.183-202.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Трофимова В.В., Нехайчук Д.В.

Общественное благосостояние зависит, в основном, от способов взаимодействия системных компонентов: государства и общества. Государство выполняет функции управления, руководства и координации. При этом, задача государственного управления состоит в трансформации потребностей (требований) общества (граждан) в государственные решения. То есть, при содействии государства осуществляется финансовое обеспечение благ.

Понятие экономической сущности общественного благосостояния также зависит от исторического развития общества и от уровней экономических укладов. По уровню развития общества известный западный теоретик и государственный деятель, экономист, социолог, историк Уолт Ростоу делит историю человечества на пять стадий экономического роста:

- 1) традиционное общество (эта стадия продолжалась до конца феодализма);
- 2) период предпосылок или переходное общество (переход к домонополистической фазе развития капитализма);
- 3) период взлета (условно соответствует развитию общества от домонополистической к монополистической фазы капитализма);
- 4) период зрелости (индустриальное общество);
- 5) эра высокого массового потребления (общество современного англо-американского уровня) [1, с. 103].

На каждом из этапов первоочередными и главными выступали свои, отличные от других этапов, приоритеты общественного развития. Соответственно, доминировали различные подходы относительно достижения и улучшения общественного благосостояния. Постоянной остается лишь общемировая тенденция к его росту. Следует отметить, что современные социально-рыночные системы, действующие в мировом экономическом обществе, отличаются достаточным разнообразием; но в основном развиваются либо по американскому, либо по европейскому образцу. В американском варианте приоритеты распределяются с учетом индивидуалистического подхода к решению вопросов благосостояния населения. И, наоборот, в соответствии с европейской моделью основное внимание концентрируется на коллективных формах удовлетворения потребностей населения и в достижении общественного благосостояния. Такие различия, по нашему мнению, связаны, в первую очередь, с особенностями исторического развития, преобладающими национальными ценностями, состоянием развития экономики.

Рост общественного благосостояния может также характеризоваться известным принципом компенсации. В соответствии с этим принципом, переход от одного состояния экономики к другому представляет собой улучшение положения общества, если те его члены, чье благосостояние

увеличилось, могут компенсировать потери, которые понесли другие индивидуумы, и при этом сохранить уровень благосостояния, в крайнем случае равном исходному [2, с. 72].

Однако, отметим, что общественное благосостояние обеспечивается не только с помощью усилий государства, население само стремится повысить свой жизненный уровень.

Всемирно известный социалист – французский философ Шарль Фурье первым главной задачей в создании нового общества считал формирование для него соответствующей материальной основы, которая обеспечит условия для благосостояния всех слоев населения. Но в философском смысле противоположностью материализма является идеализм.

Общественное благосостояние реализуется в контексте общественного бытия. Традиционно выделяют следующие сферы общественной жизни:

- материальная – охватывает процессы общественного производства, распределения, обмена, потребления (это факторы производства и экономические отношения, научно-технический прогресс и техническая революция);

- социально-политическая – включает социальные и политические отношения людей в обществе: групповые, национальные, межгосударственные. Именно в этой сфере функционируют такие социальные институты, как общественные организации, государство;

- духовная – это широкий комплекс идей, взглядов, представлений, то есть весь диапазон производства сознания (как индивидуальной, так и совместной), передача от одной инстанции к другой (средства массового информирования), направление на индивидуальный духовный мир человека;

- культурно-бытовая – это такие явления, как производство культурных ценностей, жизни семьи, бытовые проблемы (организация отдыха, свободного времени), образование, воспитание.

Понятие «благосостояние» в категориальном развитии является многогранным и имеет отношение к философии, психологии, социологии и тому подобное. Вместе с тем понятие «общественного благосостояния» и финансовое, потому что уровень благосостояния может и должен быть определен через систему финансовых показателей, например, производство ВВП на душу населения, средняя заработная плата, средний объем общих финансовых ресурсов, индекс цен и многие другие.

Обобщенно общественное благосостояние можно оценить с помощью определенных финансовых показателей, которые являются количественными характеристиками экономических явлений. Основное значение для определения общественного благосостояния имеет такой фактор как существующее в распоряжении государства национальное богатство – основной и оборотный капитал, запасы потребительских благ в виде собственного имущества населения, а также существующие природные ресурсы страны, их объемы и качественный уровень.

Финансовая оценка общественного благосостояния выражается, в величине валового внутреннего продукта в расчете на душу населения. Практика расчета ВВП в сопоставимой валюте на основе паритета покупательной способности показывает, что в этом стоимостном выражении в денежной форме синтезируются трудно сравнительные, разнообразные социальные услуги, общий объем и удельные расходы, которые являются основными показателями уровня жизни населения. Кроме того, ВВП, рассчитанный на одного человека, также включает в себя демографический фактор.

В целом, обобщенный и основной показатель общественного благосостояния – ВВП, рассчитанный на душу населения, может отражать увеличение или уменьшение благосостояния за конкретный период времени исходя из использования результатов всех субъектов хозяйствования. Этот расчетный показатель адекватно отражает только определенный уровень жизни населения. Но такой измеритель в стоимостном выражении является сегодня наиболее подходящим и простым методом проведения сравнительной характеристики благосостояния населения стран мира, а также анализа его динамики в отдельной стране.

Уровень жизни, уровень потребления благ населением, характеризуется количественными и качественными показателями: объемом реальных доходов на душу населения; уровнем и структурой потребления продовольственных, непродовольственных товаров и услуг; уровнем обеспечения предметами долговременного использования; уровнем и динамикой цен на основные предметы потребления, квартирной платы, платы за транспортные услуги и тому подобное.

Иными словами, уровень жизни, жизненный уровень, жизненный стандарт – экономическая категория, выражающая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, обеспеченности потребительскими благами, которые характеризуются преимущественно количественными показателями (размер оплаты труда, другие доходы, объем потребительских благ и услуг, уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, здравоохранения, культуры и т.д.). Уровень жизни, наряду с бытом и качеством жизни, определяет условия и способы жизнедеятельности людей.

Комплексный подход к оценке финансового и социального эффектов положен в основу теории общественного благосостояния. Но, вышерассмотренные финансовые показатели являются недостаточными для консолидированной оценки уровня социально-экономического развития страны, поэтому в современной методике ООН используется новый индекс социального развития, который построен с учетом трех основных критериев: 1) возможность вести долгую и здоровую жизнь; 2) получить школьное образование и профессиональную подготовку; 3) достичь такой уровень дохода, который позволяет обеспечить минимальные жизненные потребности.

Количественные критерии имеют важное значение в характеристике социальных гарантий. Так, государство берет на себя обязательства по обеспечению всем своим гражданам минимального прожиточного минимума. Удовлетворения потребностей, которые превышают минимальный уровень, осуществляется вне системы социальных гарантий, не на основе бесплатности и всеобщей доступности социальных услуг. Исследование социальных гарантий тесно взаимосвязано с анализом потребностей, интересов и заинтересованностей индивидуума и общества. В современных условиях расширяется состав участников рыночных отношений: в качестве равноправных субъектов в них принимают участие различные социальные группы и общество в целом. При этом сохраняется положение А. Смита о том, что каждый субъект рынка пытается реализовать собственные интересы.

Социальные группы и общество стремятся реализовать свои социальные мотивы, которые включаются непосредственно в рыночную среду. Максимизация денежного дохода становится частным случаем более общего стремления субъектов удовлетворить большинство потребностей. Соответственно, потребности субъектов рыночных отношений необходимо рассматривать дифференцированно, выделяя индивидуальные потребности, потребности этих же индивидуумов, но присущие им как членам общества, потребности различных социальных групп и непосредственно самого общества. При этом, если индивидуальная потребность создается под влиянием статистических законов, путем суммирования потребностей отдельных личностей, усредняя все возможные случайные колебания, то групповая и общественная потребности характерны только совокупности индивидуумов как целого.

Общество намеренно, в соответствии со своими представлениями и правилами, постулирует специфические общественные потребности. В любом обществе генетически существуют потребности, которые направлены на его самосохранение, на обеспечение стабильности структуры и отдельных элементов. Общество обеспечивает стабильность, ликвидируя социальную напряженность, которую могут вызвать граничные элементы: во-первых – это общественное попечение о бедных и социально незащищенные слои граждан, борьба с безработицей, политика социального обеспечения; во-вторых – это связано со стимулированием среднего класса, с развитием культуры, образования, науки, с защитой окружающей среды.

Библиографический список:

1. Трофимова В.В., Нехайчук Д.В., Чигидин О.Д. Подходы к определению сущности финансового потенциала региона // *Ceteris Paribus*. 2016. № 3. С. 37-43.
2. Нехайчук Д.В. Механизм государственного регулирования финансового обеспечения социально-экономического развития страны: теория, методология, практика. Киев: ООО «ДКС Центр», 2015. 406 с.
3. Нехайчук Ю.С., Нехайчук Д.В. Стратегическое планирование как инструмент региональной политики: крымский аспект // *Символ науки*. 2015. № 8. С. 107-119.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Тупик Е.С.

Преступность несовершеннолетних характеризуется высокой степенью динамичности, латентностью большинства проявлений противоправных деяний, что обуславливает недостаточность информации правоохранительных органов об уровне подростковой преступности, а порой и заметно «приукрашенные цифры» государственной статистики. Все эти факторы говорят о необходимости именно социологических исследований проблемы преступности несовершеннолетних, в рамках которых возможен комплексный подход, включающий изучение как микросоциальных условий, способствующих формированию отклоняющегося поведения у данной возрастной группы, так и недостатков функционирования всей социальной структуры, приводящих к возможности получения подростками криминального опыта.

В статье Антонова А.И. и Лебедь О.Л. [1, с. 92] анализируются специфические особенности социальной политики в России 90-х годов, которые повлияли на судьбы детей и подростков, в полной мере предоставив им возможность получения криминального опыта. В рамках движения «Содействие уголовной реформе» в октябре 2000 г. в ряде воспитательных колоний и исправительных учреждений проведен конкурс сочинений на тему собственной жизни. В работе Антонова А.И. и Лебедь О.Л. представлены некоторые итоги статистического и содержательного анализа 240 текстов. Более подробному исследованию подвергнуты сочинения 121 воспитанника Шаховской и Пермской колоний. Авторы подчеркивают тенденции неслучайности противоправных деяний, их высокий уровень общественной опасности. Особую научную значимость статьи представляют сведения о социально – психологических характеристиках семьи несовершеннолетнего правонарушителя, причинах подростковой преступности. Антонов А.И. и Лебедь О.Л. также обращают внимание на необходимость профилактических мероприятий с несовершеннолетними, воспитание их нравственных и моральных качеств, правосознания, а не изоляция от общества и суровое наказание.

К проблеме алкоголизации и наркотизации подростков и молодых людей, потенциальным следствием которых является преступность среди данной возрастной группы, обращается Арефьев А.Л. [2, с. 99]. Статья основана на материалах социологического исследования, проведенного в июне 2001 г. В качестве объекта была выбрана молодежь Москвы, Санкт – Петербурга, областных центров в возрасте 12-22 года. Всего опрошено 2000 человек. Анкетирование проводилось в форме интервью в местах встречи молодежи: в парках, скверах, во дворах, возле (но не внутри) учебных заведений, дискотек, стадионов, кинотеатров, в зонах отдыха. В ходе исследования автором доказаны угрожающие масштабы потребления молодыми людьми табачных изделий, алкогольной продукции и наркотиков; значительное снижение среднего возраста потребления данных веществ. Приобретение никотина, алкоголя и наркотиков требует материальных средств, которые зачастую добываются подростками и молодыми людьми преступным путем.

Статья Климовой С.В. [3, с. 110] демонстрирует результаты социологического исследования подростковой преступности, проведенного в 2004 г. в Саратовской области. На первом этапе исследования посредством формализованного анализа документов – карт социально – психологического сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя анализировались данные опросов правонарушителей, дела которых были переданы в суд, их родителей, родственников,

педагогов. Из 264 несовершеннолетних правонарушителя, выборку составили 106. Автор дает описание социально – экономического положения несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, оценку педагогами их образовательных способностей. По мнению Климовой С.В., основополагающая причина подростковой преступности, а точнее наиболее распространенного вида преступления, хищения – низкий уровень материальной обеспеченности семьи несовершеннолетнего. Для проверки полученных результатов в октябре и ноябре 2004 г. был проведен опрос контрольной группы мальчиков 14-17 лет (501 человек), которые не привлекались к уголовной и административной ответственности. Им предлагалось оценить свое отношение к хищению, совершенному сверстником с учетом предложенных обстоятельств. Как выяснилось, чуть меньше половины опрошенных осуждают поступок в полной мере, другие – рассматривают возраст, низкий экономический статус семьи как факторы, способствующие снисходительному отношению к совершенному противоправному деянию, что подчеркивает недостаточно развитое правосознание данной возрастной группы.

Лелеков В.А. и Кошелева Е.В. [4, с. 88] анализируют динамику преступлений несовершеннолетних в России за 1994 – 2006 гг., приводят сведения о преступном опыте несовершеннолетних по результатам опроса 120 заключенных Бобровской и Новооскольской воспитательных колоний. Выяснилось, что среди них, 53,5% юношей и 48,7% девушек уже имеют две, три и более судимостей. Авторы призывают к необходимости улучшения профилактической работы на всех уровнях социальной структуры.

Макшанцева Н.В. [5, с. 65] в результате анализа социальной характеристики подростков, находящихся для установления вменяемости во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.С. Сербского, доказывает зависимость между потреблением наркотических и токсикоманических средств и совершением противоправных деяний.

Обратили научное внимание на проблему подростковой преступности и рецидивов среди несовершеннолетних сотрудники Сланцевской спецшколы для подростков Миловидов Г.Е. и Михайлов А.С. [6, с. 96]. В спецшколе ежегодно содержатся подростки в возрасте 11 – 16 лет. Исследования проводились авторами посредством методов тестирования, собеседования, игровых методик и др. в период с 1986 по 1990 гг. Всего опрошено 478 человек. В ходе проведения исследования авторам удалось выяснить, что до направления в спецшколу подавляющее большинство подростков (80,1%) курило, более половины употребляли спиртные напитки, а семья, способная пресечь нежелательные формы поведения детей, всячески усугубляла обстановку частыми скандалами. В статье приводится факт, показывающий угрожающий размах преступности несовершеннолетних. 54,1% воспитанников первое правонарушение совершили в возрасте 10 – 12 лет. Миловидов Г.Е. и Михайлов А.С. говорят о значительном количестве рецидивов после окончания спецшколы, причем половина осужденных – те, которые, казалось, ступили на путь исправления во время содержания в спецшколе.

Научная статья Пилипенко В.Е. и Волянской Е.В. [7, с. 7] отражает результаты социологического исследования, проведенного кафедрой социологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Было выделено две группы респондентов: первая – 1274 учащихся харьковских школ и ПТУ в возрасте 12- 17 лет, вторая 360 воспитанников Луганской исправительной колонии Старобельского следственного изолятора 16 – 19 лет. Данные получены методом опроса. Целью научного интереса являлось желание выяснить факторы, приводящие к проявлению агрессии среди подростков. Такими факторами оказались: критические замечания со стороны окружающих людей, ложь, неблагоприятная психологическая атмосфера в семье и фрустрация потребностей. Внешний мир воспринимается подростками как агрессивная среда.

Обращается к проблеме преступности несовершеннолетних Гишинский Я.И. [8, с. 85]. Используя метод анализа документов, в частности данных Всемирной Организации Здравоохранения, Гишинский выделяет факт не только повышенной девиантности подростков, но также высокий уровень незаконных деяний по отношению к данной возрастной группе. Автор приводит данные

уголовной статистики по преступности несовершеннолетних за 1987 – 2009 гг., подвергая их сомнению из-за высокого уровня латентности подростковой преступности.

Еще одним ученым, изучающим проблему преступности несовершеннолетних, является Янченко П.А. [9, с. 307]. Анализируя информацию, поступившую от ГУВД Санкт – Петербурга и Ленинградской области, Янченко говорит о росте рецидивов, преступлений совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также указывает на значительное количество подростков, принадлежащим к неформальным молодежным объединениям, среди несовершеннолетних правонарушителей.

Зигмунт О.А. и Ветцелс П. [10, с. 79] провели социологическое исследование в 2000 году в Волгограде и четырех городах Германии (Гамбург, Ганновер, Мюнхен, Лейпциг). Исследование проводилось посредством метода самоотчетов о девиантном поведении учеников 9-х классов общеобразовательных школ. Преступность несовершеннолетних в Германии более чем в четыре раза превышает уровень российской. Данные опросов виктимного опыта показывают, что в Германии о преступлениях сообщают в три раза чаще. Исследование показало, что в Волгограде более 95% преступлений остались незаявленными. Этот факт подчеркивает важную роль именно социологических исследований в изучении реального отражения преступности в обществе.

Все социологические исследования подростковой преступности, проведенные посредством количественных и качественных методов, являются самодостаточными, но их объединяет стремление найти ответ на вопрос о причинах и факторах, способствующих преступности несовершеннолетних, эффективности превентивных мер. Неоценимый опыт социологических исследований позволяет обнаружить действительную масштабность изучаемого явления, предложить способы недопущения противоправных деяний со стороны подростков, не прикрываясь «сухими цифрами».

Библиографический список:

1. Антонов А.И., Лебедь О.Л. Несовершеннолетние преступники: кто они? (на основе анализа сочинений воспитанников исправительных учреждений) // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 91-94.
2. Арефьев А.Л. Поколение, которое теряет Россия // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 97-105.
3. Климова С.В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 110-113.
4. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 87-95.
5. Макшанцева Н.В. Отклонения в поведении подростков // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 64-66.
6. Миловидов Г.Е., Михайлов А.С. Спецшкола: социально – психологические особенности подростков и рецидивы // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 96-99.
7. Пилипенко В.Е., Волянская Е.В. Подростковая агрессия в контексте современной социокультурной ситуации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 5-23.
8. Гилинский Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. 2010. № 2. С. 84-90.
9. Янченко П.А. Социологический анализ подростковой преступности как одной из форм проявления делинквентного поведения несовершеннолетних: региональный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 307-316.
10. Зигмунт О.А., Ветцелс П. Институциональная теория аномии - эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 78-87.

РОССИЙСКАЯ БЕДНОСТЬ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Усачева К.О.

Анализ развития постсоветской экономики России, переживающей глубокий системный кризис, показал, что наибольшее бремя адаптации к новым условиям всегда несут на себе беднейшие слои общества. Либерализация цен, удешевление местной валюты, уменьшение государственных расходов, сокращение уровня занятости - все это отражается, в первую очередь, на них. В данных условиях особое значение приобретает процесс решения проблемы бедности со стороны социально ориентированного государства. В этой связи интерес вызывает анализ социально-экономического положения бедного населения России и эффективность государственных мер по обеспечению достойного уровня жизни данной категории людей.

В России границей бедности считается прожиточный минимум, установленный законом. Если среднедушевой доход семьи ниже, значит, она попадает в число бедных. На сегодняшний день повышение прожиточного минимума не приводит к изменению ситуации с численностью бедного населения, поскольку минимальный размер оплаты труда до сих пор не дотягивает до прожиточного минимума, а цены на продовольствие и услуги растут опережающими темпами. Таким образом, в России используется абсолютная монетарная концепция определения бедности, устанавливающая стандарт выживания человека, и сегодня это 9 776 руб. при минимальном размере оплаты труда в 6 400 руб. (в середине года она была увеличена до 7 500 руб. [1]). На основе данных о прожиточном минимуме исследователи могут судить об уровне бедности населения, чьи доходы ниже установленной границы.

С начала 90-х годов 20 века по настоящее время наблюдается снижение реальных доходов населения. Произошло массовое обнищание населения. К 1992 году в число бедных попала треть российского населения, и этот показатель до сих пор является максимальным за все постсоветское время [2, с. 15]. Первый скачок уровня бедности был связан с либерализацией цен в 1992 году, второй произошел после дефолта 1998 года. Таким образом, своего пика уровень бедности достиг в 1999 году. В период экономического роста за счет быстро растущих цен на нефть численность бедного населения удалось сократить вдвое [3]. Однако неравенство по-прежнему сохранялось, что означало: относительно высокий уровень бедности будет трудно сократить, и он не будет снижаться. Следующий скачок уровня бедности был вызван экономическим спадом конца 2008 года. Не смотря на высокие цены на нефть, благодаря которым к этому времени Россия располагала третьим по размеру запасом валютных резервов в мире, была не решена главная задача – использование собственных сбережений страны на цели развития. И всё же к 2014 году формально удалось сократить долю бедного населения за счет существенного повышения пенсий, значительного увеличения заработной платы, особенно в бюджетном секторе, низкого уровня безработицы и низких темпов повышения продовольственных цен. В результате ВВП падал, а бедность не росла. Прежде всего, сократилась бедность среди работающего населения и среди пожилых людей. За счет увеличения минимальной заработной платы и опережающего роста оплаты труда в бюджетном секторе значительно подтянулись по доходам нижние слои населения, при этом наблюдалась концентрация высоких доходов в руках очень малочисленной группы населения. Однако достичь существенных изменений в структуре экономики, необходимых для роста доходов и численности среднего класса не удалось. В целом стоит отметить, что с 1999 по 2014 год наблюдался серьезный прогресс в борьбе с бедностью – доля бедного населения сократилась с 28,4 до 11,2% [4]. За последние же два года нынешнего экономического кризиса уровень жизни людей снизился серьезнейшим образом. Реальные располагаемые денежные доходы населения резко упали. В 2016 году численность россиян, находящихся за порогом минимально приемлемого уровня жизни, составила 15,7% [5]. По прогнозам аналитиков ожидается дальнейший рост уровня бедности [6]. При этом по данным масштабного исследования, выполненного в Институте социологии РАН под руководством М.К. Горшкова, уже в 2015 году уровень бедности составил 25% [7].

Рассмотрев социальный состав бедных слоев населения в постсоветской России, стоит отметить, что с 90-х годов XX века основную категорию бедных составляют работающие люди на низкооплачиваемых должностях, в том числе и квалифицированные кадры [8, с. 5]. Они стали бедными не только по отношению к другим категориям в России, но и по сравнению с развитыми странами, где работники в число бедных не попадают. При этом российская бедность молодеет, и в ее составе увеличивается доля населения трудоспособного возраста, особенно до 30 лет, что придает бедности в России специфическую черту. Данный феномен, не встречается в развитых странах, поскольку бедность там, как правило, связывают с безработицей. Уровень официальной безработицы в стране относительно невысокий – практически как в благополучных западных странах. В настоящее время основная часть безработных состоит из образованных предприимчивых людей. Также значительный процент безработных – это молодежь. Еще одна категория бедных это семьи с детьми (молодые, многодетные, неполные). Две трети таких семей сразу попадают в число бедных. Третья категория, это пенсионеры. Однако Росстат не считает большинство пенсионеров бедными, поскольку согласно постановлению правительства тем пенсионерам, у которых пенсия ниже прожиточного минимума, выплачиваются доплаты, чтобы довести их пенсии до прожиточного минимума. В настоящее время доходы пенсионеров превышают прожиточный минимум менее чем на 2,5 тысячи рублей. По мнению автора, этого недостаточно для достойной жизни.

Стоит отметить, что в последнее время в России бедность как явление приобретает особую черту: оно становится постоянно присутствующим, затягивающим в круг нищеты. Это явление можно обозначить как застойная бедность. Это социальная проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями людей.

В данных условиях все меры, направленные на снижение бедности, требуют согласованных действий всего правительства по борьбе с растущей бедностью. При этом бороться нужно не просто с бедностью, помогая бедному населению с едой и одеждой, что способствует только выживанию, а не выходу из зоны бедности. Необходимо искоренять причину – менять социально-экономическую политику страны.

Унаследованная от советского периода система семейных пособий была обширной и сложной. Размеры пособий не были дифференцированы в зависимости от доходов семьи. Местная социальная помощь не носила строго адресного характера. Таким образом, при существующем уровне помощи многие семьи, живущие в бедности, не смогли поднять доходы домохозяйства выше прожиточного минимума. В период же с 2000 по 2007 год сокращение бедности происходило в основном за счет экономического роста. Тогда власти практически игнорировали три основных направления монетарной социальной политики борьбы с бедностью: повышение пенсий, адресных выплат для бедных, минимальной заработной платы. Проигнорировав эти необходимые меры политики в период бурного экономического роста, вернулись к ним во время кризиса 2008 года. При этом количество бедных не увеличилось так, как это происходит сейчас. В настоящее время реальная заработная плата продолжает снижаться, но правительство пока не принимает никаких мер по поддержке бедного населения.

Также приходится констатировать тот факт, что новая российская система социального обеспечения недостаточно ориентирована на целевые группы и в целом весьма неэффективна. Российское государство до сих пор ориентируется на узкое понимание бедности, определяя её по чисто количественным показателям.

Таким образом, за годы постсоветского развития России наблюдаются колебания при решении вопросов борьбы с бедностью. Безусловно, крайние формы ее проявления ликвидированы, но в целом, до сих пор это явление широко распространено. Критично, когда люди привыкают жить в бедности, потому что «раскачать» их на экономический рост становится очень трудно. При этом, чем больше бедных, тем выше социальная напряженность, что тоже требует дополнительного контроля. Очевидно, что игнорировать эту проблему недопустимо, поскольку от этого зависит будущее страны в целом.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 02.06.2016 № 164-ФЗ (действующая редакция, 2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198850/
2. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 35 с.
3. Доклад об экономике России [Электронный ресурс] / Всемирный банк в России. 2009. Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/rer18rus.pdf>
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
5. Число бедных в России выросло до 23 миллионов человек // Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/06/17/poverty/>
6. Всемирный банк ухудшил прогноз по экономике России [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/301625-vsemirnyi-bank-ukhudshil-prognoz-po-ekonomike-rossii>.
7. Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах / проект № 14–28–00218, рук. проекта М.К.Горшков. – М.: ИС РАН, 2015.
8. Рыбаков Р.П., Рыбакова А.И. Бедность как социальный феномен: монография. М.: РУСАЙНС, 2015. 138 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Ушкова Ю.В.

В современной России усиливается социально-статусная дифференциация, затрагивающая интересы всех возрастных и профессиональных групп, но, прежде всего, - молодежи. Это, с одной стороны, способствует появлению новых форм социальной мобильности; с другой, порождает барьеры для социальных перемещений молодых людей из групп риска. На социальную мобильность молодежи воздействует большое количество субъективных и объективных факторов. Значение каждого из них неравноценно, поскольку все они обладают различной степенью и характером влияния. Ранжирование факторов, выявление среди них наиболее значимых для исследуемой социальной группы является важной социологической задачей. *Цель нашей статьи:* выявить подходы к моделированию процесса социальной мобильности российской молодежи.

Питирим Сорокин определил социальную мобильность, как «любой переход индивида или социального объекта, т.е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [4, с. 473]. В качестве основных видов социальной мобильности П. Сорокин предложил горизонтальную и вертикальную мобильность. По нашему мнению, в современных условиях различия между этими видами мобильности перестают быть столь очевидными в силу многомерной структуры общества и трансформации каналов перемещения в социальном пространстве. Согласно П. Сорокину, за исключением периодов анархии и социальных потрясений в любом обществе социальные перемещения осуществляются не хаотично, а носят характер необходимости и строго контролируются разнообразными институтами, которые составляют комплекс механизмов, «социальное сито», контролирующее весь процесс социального тестирования, селекции и распределения индивидов в обществе. Одновременно в зависимости от общественного развития изменяются ведущие факторы, влияющие на социальную мобильность молодого поколения.

Среди детерминант социальной мобильности выделяются факторы макросреды (социально-

экономические, социально-политические, состояние системы высшего образования) и факторы микросреды (личностные характеристики, характеристики родительской семьи, семейный капитал). Усиление социального неравенства в России, с одной стороны, и массовизация высшего образования, с другой, привели, как считает Е.М. Аврамова, к новым явлениям в мобильности: «сам по себе диплом о высшем образовании не достаточен для решения задачи эффективного трудоустройства и социальной мобильности, он должен быть подкреплен определенными социальными связями» [1, с. 108]. Согласно результатам опроса населения, проведенного ВЦИОМ, только 9% населения безразлично, какой уровень образования получит их ребенок. Своих детей и внуков большинство россиян (81%) хотели бы видеть выпускниками вузов с высоким качеством обучения, причем за четверть века эта доля выросла в полтора раза (с 53%). Более половины россиян отмечают, что нет прямой зависимости между уровнем образования и материальным благополучием человека. Высшее образование в новых условиях приобретает черты необходимого атрибута для нормальной жизни в рамках своей социальной группы, но не гарантирующего перемещение в более высокие социальные страты.

В современных условиях определяющее влияние на социальную мобильность молодого человека оказывает родительская семья, которая выполняет роль связующего звена между индивидом и объективными реалиями мезосреды; она является проводником ценностей и традиций, господствующих в социальной системе. Влияние семьи выражается в объеме и характере семейного капитала, которым пользуется новое поколение. Под *семейным капиталом* мы понимаем экономический, человеческий, культурный, социальный потенциал семьи и его роль в формировании интеллектуальных способностей, личностных качеств, ценностных ориентаций, здоровья, круга общения и других ресурсов, влияющих на реализацию алгоритма социальной мобильности.

Чтобы определить особенности участия семьи в формировании социальной мобильности молодежи в регионах России, мы провели собственное социологическое исследование: «Влияние семьи на реализацию планов молодежи» (выборка 720 жителей Ульяновской и Самарской областей в возрасте 18-35 лет, 2015 г.), а также провели вторичный анализ исследований в других регионах.

Исследование М.А. Булановой в регионах Центрального округа РФ подтверждает влияние семейного капитала на социальную мобильность, причем, более сильное – в семьях с высоким статусом: общий коэффициент социальной мобильности снижается с уменьшением дохода в семье молодого человека: 68% в группе обеспеченных против 56% в группе бедных. Восходящие перемещения интенсивнее всего происходят в группе обеспеченных и составляют 54% (в группе бедных – 11%). Это объясняется тем, что имеющиеся ресурсы семьи молодежь может использовать для повышения своего социального статуса. [2, с. 207].

Образовательный статус родителей также входит в состав семейного капитала. Чем выше уровень образования родителей, тем больше он подвержен воспроизводству в последующих поколениях: у 36,2% отцов и 35,6% матерей имеющих высшее образование, воспроизвели его 46,5%. При этом супруга или супругу, молодые люди также выбирают с высшим образованием [3, с. 130]. Включенность детей в жизненные социальные сети родителей может компенсировать недостаточность индивидуальных социальных ресурсов. Однако в современных условиях, как подчеркивает Н.Е. Тихонова, социальный капитал становится фактором усиления позиций более обеспеченных семей [5, с. 24]. Большинство граждан России включены в сети неформальных дружеских контактов (шкала «доверие и помощь») - 89%. А в социальные связи, основанные на специальных знакомствах, чаще включены россияне с высоким социально-профессиональным статусом и уровнем материальных ресурсов: если в целом включенность в шкалу «связи» составляет 16%, то среди представителей верхних страт – 76% [5, с. 31].

Авторское исследование мобильности молодежи поволжских регионов позволило составить рейтинг семейных факторов социальной мобильности: психологическая атмосфера и поддержка в семье, образование и культурный потенциал родителей, материальное положение семьи, статус родителей, профессия родителей, традиции в семье, религиозный статус. Не отрицая значимость

материально-статусных характеристик семьи, молодые люди отдают предпочтение психологическому климату в семье и ее культурному капиталу. Более весомое воздействие на социальную успешность культурно-психологических индикаторов качества жизни родительских семей объясняется их природой: указанные аспекты семейной жизни в комплексе влияют на разные формы семейного капитала – культурный, символический, социальный; создают такие ресурсы, которые постепенно конвертируются в статусные позиции самой молодежи.

Сравнение оценок молодых людей, принадлежащих к разным сегментам по уровню жизни (доходные характеристики) и качеству жизни (культурно-психологические характеристики) способствовало выявлению ведущих факторов мобильности в разных группах молодежи. Выяснилось, что влияние семейных факторов выглядит «размыто» в крайних сегментах: в группах молодых людей из бедных семей и семей с равнодушными отношениями. В остальных сегментах выделяются собственные факторы социальной мобильности молодежи: в малообеспеченных семьях – профессия и образование родителей, психологическая поддержка детей; в среднедоходных семьях – психологическая поддержка, культурный и материальный потенциал семьи; в обеспеченных семьях – статус родителей и семейные традиции. Культурный и символический капитал наиболее значим в дружных семьях, где поддерживаются отношения поддержки и взаимовыручки.

В рамках исследования нами установлена взаимосвязь между выбором профессиональной сферы и уровнем дохода родительской семьи: чем ниже уровень дохода семьи, тем реже молодые люди при выборе специальности основываются на собственных увлечениях, тем чаще основным мотивом выбора профессии становится ее востребованность на рынке труда. Ориентация на данный мотив молодых людей из «низкодоходных» групп является попыткой достичь другого социального статуса посредством получения востребованной профессии – «смогу легко найти работу на рынке труда» (72% от числа молодежи из бедных и малообеспеченных семей).

В целом результаты нашего исследования показали: после окончания учебного заведения около половины молодых людей (46%) планируют работать по полученной специальности. Доля таких респондентов возрастает среди выходцев из бедных семей (64%), что подтверждает более сильное стремление малообеспеченной молодежи к профессиональной мобильности. Выходцы из семей со средним уровнем дохода чаще остальных планируют найти высокооплачиваемую работу (не обязательно по специальности), переехать в другой город, что свидетельствует о приоритетности экономической и горизонтальной социальной мобильности. Молодые люди из состоятельных семей чаще, чем остальные, планируют открыть свое дело; причина такой мобильности связана с наличием экономического капитала в семье.

Итак, экономическое расслоение российского общества, изменение социальной структуры в сторону увеличения доли низших классов привело к разрушению системы мотиваций россиян на перемещения в социальном пространстве за счет легитимных и ранее проверенных моделей достижения более высокого социального статуса. У молодых людей отсутствуют убеждения в том, что только с помощью полученной профессии и образовательного потенциала они смогут совершить социальное перемещение в желаемые статусные группы. К известным факторам социальной мобильности (социально-экономические, социально-политические, состояние системы высшего образования, личностные характеристики) присоединяются компоненты семейного капитала (социальный, экономический, человеческий, культурный) в определенном объеме, не ниже допустимого в данном обществе показателя. В разных статусных группах они действуют по-своему; но существует закономерность, которая работает во всех сегментах: все виды семейного капитала обладают способностью конвертироваться друг в друга, кроме культурного капитала.

Библиографический список:

1. Аврамова Е.М. Направления вертикальной мобильности молодых специалистов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 108-116.
2. Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический

анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 205-212.

3. Посухова О.Ю. Эксклюзивность каналов социальной мобильности в условиях неравенства в российском обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 4. С.127-133.

4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / под общ. ред. А.Ю. Соколова. М., 1992. 543 с.

5. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24-35.

ТАДЖИКИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ (ИТОГИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СМИ)

Фадеев П.В.

С ухудшением экономических показателей среднеазиатских республик после развала СССР, жители Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и других стран региона, начали активно приезжать на территорию Российской Федерации с целью заработка. Потребность в недорогой рабочей силе, занятой в строительстве, торговле, ЖКХ и на транспорте предопределила характер миграции. Рост численности таджикского населения шёл по нарастающей с 1989 года, усилившись после распада СССР. По данным Всероссийских переписей населения, за 8 лет, прошедшие между 2002 и 2010 годом, численность таджиков, живущих в России, выросла практически вдвое (со 120 136 до 200 303 человек) [1].

Регионами изучения стали Санкт-Петербург, Ростовская, Калужская и Белгородская области. Стоит отметить, что в первых двух регионах, согласно последним данным Всероссийской Переписи-2010, численность таджиков существенно превышает таковую в двух последних [2]. Требовалось определить, насколько зависит число и контекст сообщений от официально зарегистрированной численности таджиков. Влияет ли легальная и нелегальная миграция на информационный фон, или таджики «остаются в тени», вытесненные из медиадискурса другими темами?

В качестве инструмента анализа использовалась «Медиалогия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени. Она состоит из базы данных СМИ и автоматизированного аналитического модуля, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам за любой заданный период. В базу данных круглосуточно поступает более 26 000 СМИ: информагентства, газеты, журналы, радио, интернет и 92 млн. источников соцмедиа.

Каким образом отбирались позитивные и негативные медиаповоды? Если представители этнических групп изображались в индифферентном ключе или в качестве потерпевших, то мы заносили их в нейтральные, если они были фигурантами преступлений, описывались в негативных тонах (нелегалы, засилье мигрантов и др.), или против них выступали жители или власти, то в отрицательные, если же они упоминались в качестве участников событий положительной направленности (футбольный матч, открытие кафе, культурного центра и т.д.), то соответственно в позитивные. Исследовался период с мая 2015 по май 2016 года.

Тональность упоминания таджиков по регионам.

Данные по регионам показывают, что численность общины влияет на число сообщений о ней. Большая часть таджиков живёт и работает в крупных городах, где есть потребность в их трудовом потенциале. В нашем исследовании такими городами стали Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону (как региональный центр Ростовской области, город-миллионник). И, если в Калуге в связи с территориальной близостью к Москве и Московской области, существует потребность в мигрантах из Средней Азии, то в Белгороде, она практически полностью покрывается за счёт соседей-украинцев.

Численность таджикской общины Санкт-Петербурга по неофициальным подсчётам, учитывающим устроенных нелегально, может достигать миллиона человек. Неудивительно, что город по числу новостей о таджиках стал лидером среди изучаемых регионов – 342 сообщения. Половина сообщений имеет нейтральную направленность (53%), отрицательные медиаповоды составили треть сообщений (33%), положительных меньше всего (14%) (см. табл. 1).

Таблица 1 – Тональность упоминания таджиков в СМИ, %

Тональность	Позитивные	Нейтральные	Негативные
Санкт-Петербург	14	53	33
Ростовская область	19	45	36
Калужская область	7	41	52
Белгородская область	39	56	5

Тональность сообщений в Ростовской области в целом повторяет ситуацию в Петербурге. Большая часть сообщений имеет нейтральную направленность, лишь пятую часть составили положительные. При этом само число сообщений невелико – 93.

Ещё реже попадают во внимание СМИ таджики Калужской области – 42 упоминания. О калужских таджиках чаще, чем в других исследуемых регионах рассказывается в негативной коннотации (52% против 33-36%).

Белгородская область по численности населения в 1,5 раза больше Калужской (1 547 936 человек против 1 010 486) [3], однако таджиков в ней проживает значительно меньше (0,03% против 0,3 от всего населения) [2]. Такое положение дел влияет на количество сообщений о белгородских таджиках – их всего 18. За последний год в Белгородской области практически не писали плохо о таджиках (всего одно сообщение), а большая часть информации носила нейтральную или положительную окраску.

Упоминания таджиков по категориям

Таджики представлены в самых разных категориях: от «Культуры и искусства» до «Криминала». Наибольший интерес представляют рубрики «Криминал», «Право» и «Силовые структуры», так как попадание в них, как правило, связано с противозаконной деятельностью. Только в Ростовской области, отчасти этим подтвердившей свой криминальный имидж, рубрика «Криминал» вышла на первое место – 56 новостей (см. табл. 2).

Таблица 2 – Распределение сообщений о таджиках по пяти самым популярным категориям (в скобках указано число сообщений без перепечаток)

Санкт-Петербург	Ростовская область	Калужская область	Белгородская область
Прочее (153)	Криминал (56)	Уровень региональный (23)	Общество и социальная сфера (9)
Общество и социальная сфера (147)	Уровень региональный (56)	Право (19)	Прочее (8)
Уровень региональный (119)	Право (29)	Криминал (18)	Спорт (1)
Криминал (74)	Силовые структуры (26)	Силовые структуры (12)	-
Силовые структуры (64)	Общество и социальная сфера (19)	Общество и социальная сфера (10)	-

В Санкт-Петербурге в абсолютных значениях сообщений этой категории больше – 74, но на фоне других категория, она оказалась четвертой: впереди «Прочее», «Общество и социальная сфера», «Уровень региональный». Калужская область по уровню упоминаний криминогенных категорий оказалась в промежуточной позиции: сообщения из них присутствуют, но их не так много, как в Петербурге и Ростовской области. Наиболее благополучная ситуация в Белгородской области. За последний год таджики в экстренных выпусках новостных программ практически не фигурировали, а большинство сообщений относились к двум категориям: «Общество и социальная сфера» и «Прочее».

Выводы:

- количество новостей о таджиках связано с численностью этнической группы в регионе: в Санкт-Петербурге новостей на несколько порядков больше, чем в Белгородской области;
- некоторые СМИ используют тему миграции для повышения рейтинга, охотно распространяя информацию о таджиках-преступниках;
- в средствах массовой информации трёх регионов: Санкт-Петербурга, Ростовской и Калужской областей, таджики в более чем половине случаев ассоциируются с преступлениями и происшествиями: в новостях такого типа они представляются либо преступниками (отрицательные медиаповоды), либо их жертвами (большинство нейтральных медиаповодов). Наиболее благополучная ситуация в Белгородской области, в которой практически не писали плохого о таджиках.

Библиографический список:

1. Таджики в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таджики_в_России
2. Итоги Всероссийской Переписи Населения-2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗДОРОВЬЯ КАК РЕСУРСА АДАПТАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Фадеева Т.В.

Здоровье студенческой молодёжи – это необходимый ресурс для её самореализации. Оно сформировалось под воздействием изменившихся условий жизни, необходимости быстрой адаптации к меняющейся реальности пореформенной России. Здоровье является важнейшим ресурсом в реализации молодыми людьми жизненных стратегий; при этом, парадокс состоит в том, что в современной молодежной среде он часто расходуется неэффективно.

По данным статистики, в РФ с начала 2000-х гг. заболеваемость подростков и юношества растёт более быстрыми темпами, чем в предшествующие периоды. К моменту поступления в профессиональные учебные заведения только треть молодёжи признаётся относительно здоровой. Среди молодёжи 15-17 лет на 1000 человек в 2000г. приходилось 885 выявленных нарушений здоровья, в 2010г. уже 1357, а в 2013 - 1431 [1, с. 143].

В условиях ухудшения здоровья нового поколения россиян и массовизации высшего образования студентами становятся молодые люди с разным интеллектуальным, физическим и психическим потенциалом, что не может ни сказаться на их адаптации в социальном пространстве высших учебных заведений. В этих обстоятельствах важно знать, как студенты оценивают свое здоровье, как оно влияет на выбор разных стратегий адаптационного поведения, направленных на достижение результатов в образовательной и профессиональной деятельности.

Для изучения данной проблемы мы приняли участие в исследовании «Состояние здоровья студентов высших учебных заведений», организованном сектором социальных проблем здоровья Института социологии РАН, под руководством И.В. Журавлевой (2011г., выборка 2500 человек) и провели собственное исследование «Академическая и профессиональная адаптация студенческой молодёжи» (2013г., опрос студентов высших учебных заведений Ульяновской и Пензенской областей; выборка – 800 человек).

Обобщив социологические идеи, мы выделили следующие методологические положения для изучения социальной адаптации студенческой молодёжи: адаптация в вузе является не линейным движением, а комплексом поведенческих практик и состояний, иногда противоречивых; в сложившемся наборе поведенческих стратегий не все траектории успешны, часть из них

дисфункциональна. Главными критериями определения успешности стратегии адаптационного поведения являются: «более эффективное функционирование в условиях меняющегося общества в целом и конкретных сфер; обновление социальных практик при обязательном сохранении приоритета ведущей миссии» [2, с. 38]. Для студентов такой миссией остается овладение профессией на уровне современных стандартов.

Историко-социологический дискурс и анализ современных концепций адаптационных стратегий позволил нам прийти к собственной теоретической интерпретации категориального аппарата исследования. Адаптационное поведение студентов в пространстве высшего учебного заведения – это симбиоз отдельных действий и поведенческих стратегий, реализуемых в контексте культурного, профессионального, личностного становления молодых людей, на фоне широкого спектра социальных факторов и ограниченного перечня ресурсов, результатом которых является приспособление к официальным требованиям компетентности и выбор эффективных практик социальной мобильности.

Состояние здоровья и его рациональное использование являются важнейшими ресурсами адаптации. В качестве основных показателей при исследовании здоровья студенческой молодежи мы выделили: функциональность и сопротивляемость организма, поддержание резервных физических мощностей, умственная работоспособность, эмоциональное равновесие, стрессоустойчивость, позитивная самооценка, уверенность в завтрашнем дне.

Социологический подход к исследованию здоровья студентов ставит в центр внимания социальные условия его изменения: совмещение учебы и работы, характер досуга, материальное положение родительской семьи, качество питания, распространенность среди студентов навыков самосохранения. Самооценка здоровья в дополнение к объективным медицинским показателям отражает комплексное самочувствие молодых людей, их удовлетворенность условиями жизни и успехами в учебе.

Результаты эмпирического исследования показали, что состояние здоровья является важным условием признания личной успешности и мобильности: среди практически здоровых студентов большая часть уверена в своей мобильности (71%); а среди студентов, страдающих частыми заболеваниями – меньше половины (46%).

В ходе всероссийского исследования выявлено, что почти половина всех студентов оценивает состояние своего здоровья как «хорошее» (46%), столько же – «удовлетворительное» (42%); остальные 12% оценили свое состояние как «плохое». Данный расклад означает: меньше половины российских студентов ощущают себя относительно здоровыми, почти столько же – не здоровыми и не больными (пограничное состояние), каждый восьмой студент постоянно находится в состоянии болезни. Соотношение самооценок здоровья среди студентов соответствует среднестатистическим медицинским показателям.

Важным фактором, влияющим на оценку здоровья, является уровень жизни семей студентов. «Хорошим» своё здоровье считают 60% студентов из обеспеченных семей и только 40% в малообеспеченных семьях. Однако на увеличение или сокращение доли «больных» уровень жизни сильно не влияет, что позволяет сделать важный вывод: в бедных и состоятельных семьях есть свои факторы риска для здоровья молодежи. Девушки-студентки чаще заботятся о собственном здоровье (85%), нежели юноши (74%), или внешне хотят казаться такими, выражая заботу о будущем своих детей. Ведущей причиной заботы о здоровье юношей выступает «желание быть сильнее, не отставать от подобных себе» (53%). Девушки чаще начинают заботиться о своем здоровье, когда оно ухудшается (42%). Эта причина является ведущей в оздоровительных стремлениях студентов разных регионов.

По мнению студентов всех профилей, в наибольшей степени на способность адаптироваться к требованиям вуза влияют, прежде всего, усилия самого молодого человека (43%), его воспитание и культурный потенциал (38%), способности и навыки познания (33%). Здоровье, как ресурс адаптации, имеет первостепенное значение для четверти студентов (26%). При этом, студенты,

неуспевающие в учёбе, чаще ставят здоровье на первое место среди ресурсов адаптации (44%), ощущая его нехватку.

Среди качеств, которыми должен обладать адаптированный человек, студенты вузов выделяют коммуникабельность (57%), достаточную эрудицию (41%), эффективный самоконтроль (35%), инициативу (32%), хорошее здоровье (28%), стратегическое мышление (18%). В разных по здоровью сегментах студенческой молодежи представления о базовых качествах успешного поведения различаются. Ядро поведенческих практик «здоровых студентов» состоит из коммуникабельности и высокой эрудиции; студентов, находящихся в «пограничном состоянии», включает коммуникабельность и самоконтроль; «часто болеющие студенты» отмечают важнейшим «хорошее здоровье».

В полной мере успешная адаптированность характерна для каждого четвертого-пятого студента – по совокупной оценке 22%. Наиболее адаптированными можно назвать студентов из среднедоходных семей, родители которых проживают в городской местности; по уровню здоровья среди них в равной мере представлены практически здоровые студенты и имеющие серьезные отклонения. Однако две диаметрально противоположные группы используют разные стратегии адаптационного поведения.

Студенты, обладающие хорошим потенциалом здоровья, чаще реализуют конформистскую стратегию адаптивного поведения в образовании, для которой характерно оправдание своих действий с позиций «социально-когнитивного алиби», продиктованного ведущими образцами культуры или групповым давлением. Это выражается в более высокой успеваемости, активном изучении иностранного языка в вузе и на дополнительных курсах, получении второго высшего образования.

Студенты с невысоким потенциалом здоровья чаще реализуют новаторскую стратегию адаптации в учебе: у них хуже показатели успеваемости; но они чаще находят нестандартные решения в учебных заданиях, занимаются научными исследованиями, учатся на курсах дополнительного образования. Схожие адаптационные стратегии используют студенты из неполных семей, малых городов и среднедоходных слоев, которых, как и студентов со слабым здоровьем, можно отнести к группам риска.

Активные стратегии освоения профессиональной деятельности чаще характерны для так называемых групп риска – студентов с ограниченным потенциалом здоровья; молодежи, приехавшей учиться из сел, поселков и малых городов. Не имея дополнительных ресурсов в форме высокого статуса родителей и финансовых накоплений, они демонстрируют более высокую интеграцию с получаемой профессией.

Итак, в рамках исследования мы пришли к выводу о взаимном влиянии здоровья на адаптацию и адаптивности на здоровье. Студенты, стремящиеся быть успешными, но не обладающие запасом здоровья и другим потенциалом (финансовым, социальным), используют в академической и профессиональной сферах более активные и новаторские адаптационные практики. К моменту окончания вуза эти стратегии формируют адаптированность в профессии, что компенсирует физические и социально-финансовые ограничения.

Однако у большинства студентов не сформировано понимание взаимосвязи социальной успешности и сохранения здоровья, что ведет к его быстрому расходованию и слабому учету в достижении жизненных целей.

Библиографический список:

1. Здравоохранение в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 380 с.
2. Шиняева О.В., Ключева Т.В. Социальная адаптация гуманитарной интеллигенции: теоретико-методологические основы исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2. С. 35-44.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА*

Файзуллин Т.Ф.

Наращивание научно-образовательного потенциала и его реализация являются важными факторами инновационного прорыва общества в целом и его регионов. Однако анализ статистических данных по Республике Башкортостан показывает, что динамика научно-образовательного потенциала этого региона, наблюдаемая в начале XXI века, довольно противоречивая.

В процессуальном отношении имеет место определенное обновление образа науки, формируются новые отрасли науки и осуществляются инновационные научные исследования и разработки. Правда, в этом смысле научно-образовательный потенциал республики имеет относительно слабый рост и его содержание подвергается незначительным изменениям. Вместе с тем, определенное процессуальное обновление и становление характерных республиканской науке черт всё же обнаруживаются. В частности, в регионе наблюдается формирование довольно солидного по своей численности корпуса исследователей по таким областям наук как «химия, фармацевтическая химия, фармакогнозия», «технические науки», биологические науки психологическая физиология», «медицинские науки», «физика, астрономия», «сельскохозяйственные науки» [1, с. 30]. При этом с геометрической прогрессией растут объемы грантов и конкурсного финансирования научных исследований и разработок [1, с. 44], то есть процесс наукообразования протекает как на конкурсной основе, так и на основе грантов. По сравнению с 2000 годом десятикратно выросли затраты на исследование и разработку новых продуктов и методов их производства, новых производственных процессов. Активнее всего осуществляются технологические, маркетинговые и организационные исследования [1, с. 78]. Однако существует целый ряд факторов, препятствующих инновационной деятельности, а, соответственно, сдерживающих процессуальное совершенствование науки и наращивание научно-образовательного потенциала. К наиболее существенным из них относятся: недостаток денежных средств, то есть финансирования; высокая стоимость нововведений; высокий экономический риск; низкий спрос на новую продукцию и новые результаты; низкий инновационный потенциал предприятия / организации [1, с. 51].

Научно-образовательный потенциал любого региона во многом зависит от состояния и уровня развития региональной социально-институциональной системы образования в целом и научного образования в частности [2, с. 4]. В Республике Башкортостан в этом отношении вполне в соответствии с общероссийскими тенденциями происходит существенное ухудшение количественных показателей образовательного потенциала. Так, в Республике Башкортостан по данным переписи населения до 2010 года динамика уровня образования населения по таким направлениям как «среднее профессиональное» и «высшее» было положительным: 170 и 76 человек соответственно в возрасте от 15 лет и более на 1000 человек в 1989 г., 283 и 117 – в 2002 году, 328 и 172 – в 2010 году [3, с. 11]. К сожалению, таких данных на период после 2010 года пока ещё нет. Но, по некоторым иным статистическим данным можно косвенно судить о некоторой отрицательной динамике в регионе, которая имеет место, в последние годы. Так, например, приём в государственные высшие учебные заведения, начиная с 2010 года, в Республике из года в год сокращается [3, с. 65]. Меньше стал прием в аспирантуру [3, с. 18], докторантура в настоящее время по существу ликвидирована. [3, с. 23]. Тем не менее, по числу организаций, ведущих подготовку аспирантов и докторантов, Башкортостан занимает второе место по Приволжскому Федеральному округу. В системе высшего профессионального образования республики численность профессорско-преподавательского персонала с 2000 года по 2010 год возросла, а с 2010 года пошла на убыль: примерно на 200 специалистов ежегодно как из числа кандидатов наук – доцентов, так и докторов

*Работа подготовлена в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности (№ гос. регистрации 01201456661)».

наук – профессоров [4, с. 39]. В то же время следует также отметить, что подготовленные кадры в системе высшего образования используются, мягко говоря, не в полной мере. В частности, каждый пятый безработный сегодня в республике имеет диплом о высшем образовании [3, с.73].

По числу организаций, выполнявших исследования и разработки, Республика Башкортостан вообще занимает по Приволжскому федеральному округу третье место вслед за Республикой Татарстан и Нижегородской областью, а по численности персонала, занятого исследованиями и разработками (8166 чел.) – 5 место после Нижегородской области (40882 чел.), Самарской области (17306 чел.), Республики Татарстан (13730 чел.) и Пермского края (10034 чел.). Следует также отметить, что по всем секторам деятельности в Республике Башкортостан стоимость основных средств исследований и разработок идет на убыль, особенно резко это наблюдается в последние годы в секторе высшего образования [5, с. 32]. Кроме того, крайне медленными темпами идет обновление основных фондов научных исследований и разработок: их износ составил в 2010 году 50%, в 2011г. – 49%, в 2012 г. – 48%. В этой ситуации ежегодное обновление основных фондов не превышает 1% [5, с. 33]. Несмотря на это, по данным Роспатента в Приволжском Федеральном округе, Республика занимает второе место (после Татарстана) по количеству выданных патентов за изобретения и 3-е место (после Татарстана и Самарской области) по числу заявок, поданных на выдачу патентов на изобретение [3, с. 82].

Что же касается заработной платы и профессорско-преподавательского состава по темпам роста существенно отстает от роста средней заработной платы по стране, что становится одним из важных факторов сдерживающих наращивание и реализацию научно-образовательного потенциала страны и регионов.

Как видно из анализа статистических данных, под воздействием разного рода факторов в Республике Башкортостан происходит процесс производства и воспроизводства научно-образовательного потенциала региона. Процесс этот носит противоречивый характер и протекает в форме наукообразования, социально-институционального функционирования, созидания научной продукции и придания ей общественной значимости. В связи с этим следует концентрировать усилия общества по развитию рассматриваемого потенциала по следующим направлениям:

- осуществление структурной реорганизации учебных заведений региона в соответствии с потребностями переходного к рыночной экономике периода;
- совершенствование порядка комплектования и решение вопросов набора контингента обучающихся в этих учебных заведениях;
- удовлетворение возросшего спроса на образование;
- оптимизация процесса интеграции научно-образовательных комплексов, научно-образовательного потенциал; регионов и использовании этого процесса как эффективного фактора развития системы образования и повышения качества образования;
- гарантирование высокого уровня качества образования в условиях повышения интенсивности труда профессорско-преподавательского персонала и неадекватной оплаты этого труда вследствие причин как экономического и финансового, так и политического характера;
- определение приоритетных направлений развития научно-образовательного потенциала региона и совершенствование функционирующей системы образования.

Решение этих задач, несомненно, будет способствовать развитию научно-образовательного потенциала и эффективности его использования.

Библиографический список:

1. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостан, 2013.
2. Файзуллин Ф.С., Шафиков М.Т., Файзуллин Т.Ф., Тимирова Л.Н. Научно-образовательный потенциал региона. Уфа: «Ак Идель пресс», 2014. 156 с.

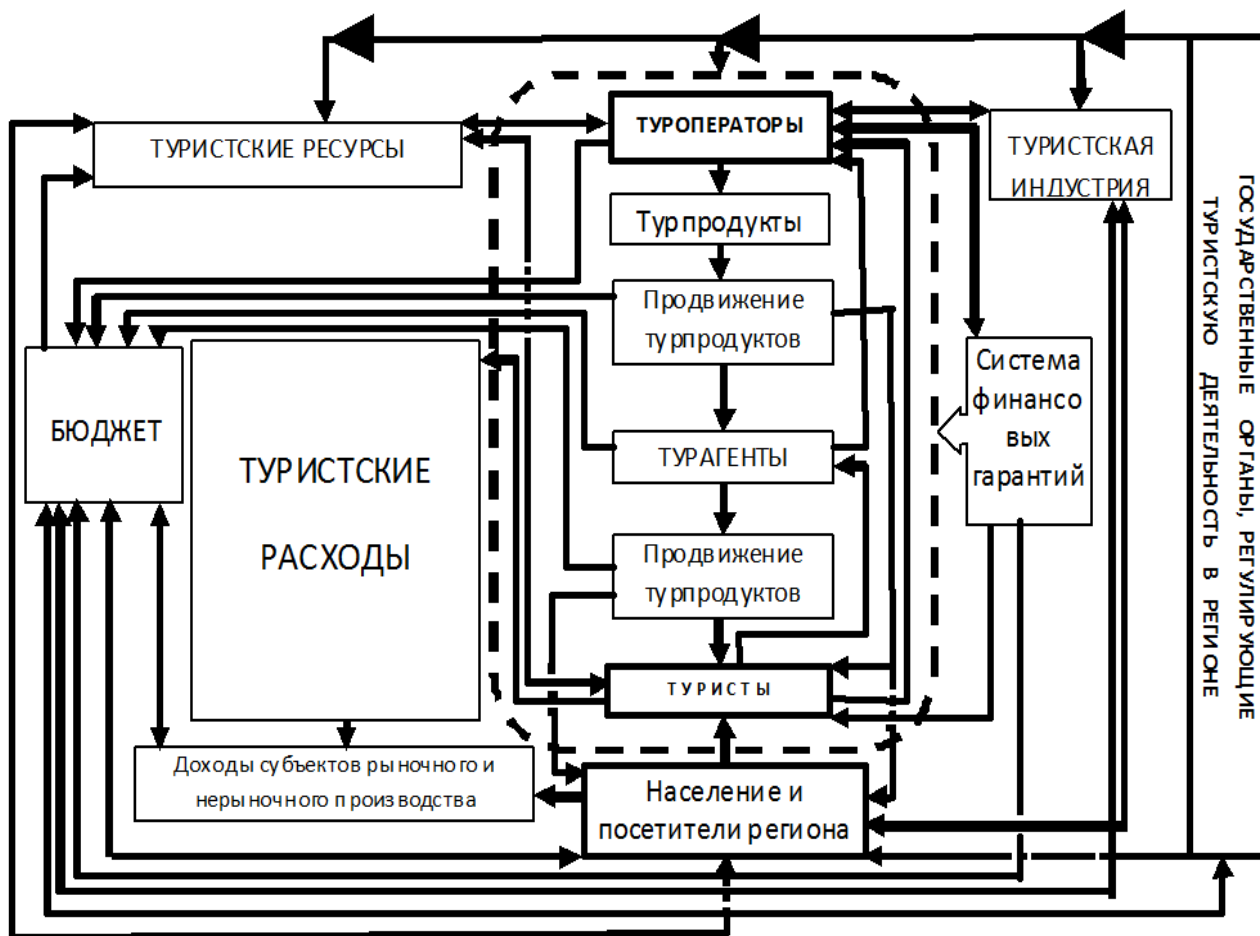
3. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан. Уфа, Башкортостан, 2013.
4. Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник . Уфа: Башкортостан, 2013.
5. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан. Уфа: Башкортостан, 2014.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТУРИЗМА КАК СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОСТИ

Фролова С.Н.

Реализуемая в России концепция долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 года (далее – Концепция) предусматривает создание условий для улучшения качества жизни российских граждан, в том числе за счёт развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечения качества, доступности и конкурентоспособности туристских услуг в России. Роль туризма как одного из значимых факторов общественного развития в РФ закреплена в нормативно-правовых и программных документах. Разработана и реализуется федеральная целевая программ «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)» и 60 региональных программ развития туризма в субъектах РФ. Роль туризма как значимого фактора развития социума не ставится под сомнение в большинстве исследованных научных публикаций [1; 2; 3; 4].

В XXI веке туристская деятельность рассматривается как сложная, многоструктурная, многоуровневая, иерархическая, адаптивная, открытая, управляемая, непрерывно функционирующая, самоорганизующуюся социально-экономическая система, оказывающая значительное влияние на региональную (национальную) среду (рисунок 1).



Источник: [5].

Рисунок 1 – Социально-экономическая модель организации туристской деятельности

Туризм оказывает активное влияние на следующие факторы региональной среды:

- экономику (приток инвестиций и валютных средств, диверсификация экономики, рост налоговых поступлений в бюджет и др.);
- социально-экономическую сферу (создание рабочих мест, повышение жизненного уровня населения, рост предпринимательской активности населения в сфере туризма и др.);
- социальную сферу (удовлетворение объективно существующей в обществе потребности в отдыхе, рекреации, восстановлении физических и духовных сил населения и др.);
- гуманитарную сферу и национальное самосознание (развитие и поддержка объектов культуры, используемых в туристской деятельности, бережное отношение населения к культурно-историческому наследию, возрождение национальных культурных ценностей, обычаев, ритуалов, развитие народного творчества, ремесел, усиление чувства национальной гордости и др.);
- экологию (состояние территории и природно-охранная деятельность, повышение внимания к состоянию экологии, увеличение расходов на природоохранную деятельность, развитие системы особо охраняемых природных территорий и др.);
- политику и международное сотрудничество (укрепление международного сотрудничества в сфере туризма, развитие толерантности, взаимопроникновение культур народов, рост взаимопонимания и добрососедских отношений между народами, особенно приграничных территорий и др.) [2].

В 83% стран мира туризм является одним из наиболее значимых источников формирования национального бюджета, а в 38 % стран – это главный бюджетообразующий фактор. Анализ уровня развития туризма, проводимый Всемирной туристской организацией (UNWTO) и Всемирным советом по туризму (WTTC), базируется на оценке 73 показателей, объединённых в 14 групп (индекс ТТСИ): государственное регулирование, устойчивое развитие окружающей среды, безопасность, здоровье и гигиена, приоритеты туристской индустрии, инфраструктура воздушных перевозок, инфраструктура наземных перевозок, туристская инфраструктура, информационные технологии, ценовая конкурентоспособность в индустрии туризма, человеческий капитал, восприятие обществом значимости туристской индустрии, природные ресурсы, культурные ресурсы. В соответствии с индексом ТТСИ Россия занимает 45-е место в мире по уровню развития туризма, что не соответствует значительному туристскому потенциалу страны, негативно отражается на её туристском имидже и во многом является следствием отсутствия в РФ системного подхода к идентификации туризма как социоэкономического феномена [1; 5; 6; 7]. Методическое обеспечение исследования влияния туризма на социальную сферу на современном этапе не совершенно, что не вполне способствует решению поставленной в Концепции задачи социально ориентированного типа экономического развития страны. По мнению автора, формирование оценки влияния туризма на социально-экономическое развитие страны и её регионов должно строиться на основе системного подхода и предусматривать интегральную оценку туризма как социоэкономического явления феноменального по темпам, масштабам развития и степени влияния на все компоненты региональной среды. Совершенствование научно-методического обеспечения исследования и оценки влияния туризма на региональную среду является необходимым условием повышения эффективности реализации потенциала туризма как фактора социального-экономического развития.

Библиографический список:

1. Варламова А.В. Туризм как социоэкономическое явление // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7. С. 134-137.
2. Гатауллина С.Ю. Въездной туризм как фактор социально-экономического развития Приморского края // В сборнике: Демографическое развитие российского Дальнего Востока Сер. «Демография. Социология. Экономика» Институт социально-политических исследований РАН.

Москва, 2016. С. 160-168.

3. Гатауллина С.Ю. Влияние туристской миграции на развитие геосистем приграничных регионов (на примере Приморского края) // В сборнике: Геосистемы и их компоненты в Северо-Восточной Азии: эволюция и динамика природных, природно-ресурсных и социально-экономических отношений. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 411-414.

4. Якунин В.Н. Виды туризма: историография вопроса // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 78-83.

5. Гатауллина С.Ю. О совершенствовании регионального маркетинга в сфере туризма (на примере Приморского края) / С.Ю. Гатауллина, Л.М. Долгалева // Интернет-журнал Науковедение. 2015.Т. 7. № 3 (28). С. 17.

6. Гатауллина С.Ю. Применение инструментов маркетинга в развитии потенциала рынка туристских услуг Приморского края / С.Ю. Гатауллина, А.А. Напалкова // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3 (59-3). С. 357-363.

7. Якунин В.Н. Роль туризма и рекреации в повышении социально-экономического развития Самарской области / В.Н. Якунин // Симбирский научный вестник. 2011. № 4.С. 150-156.

РАЗРАБОТКА УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГРЫ И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Хакназаров С.Х.

В данной статье мы будем рассматривать взгляды респондентов о промышленных разработках месторождений полезных ископаемых и их результатах на примере Нефтеюганского района Югры. В частности, обобщаются результаты социологических опросов, проведенных в 2007-2008 гг., 2012 и 2015 гг. на территории Нефтеюганского района.

Промышленная разработка углеводородного сырья является одним из видов экономической деятельности, оказывающим существенную нагрузку на окружающую природную среду. Известно, что промышленность очень важна для экономического развития любой страны. Бурный рост и развитие промышленных объектов, появление новых технологий, освоение новых месторождений полезных ископаемых, создание мощного промышленного оборудования представляют собой потенциальный риск промышленных аварий и их отрицательных последствий для здоровья людей и состояния окружающей среды.

При рассмотрении вопроса освоения минерально-сырьевых ресурсов северных территорий Российской Федерации и определении их места в системе государственных приоритетов нужно уделять особое внимание рискам нанесения ущерба окружающей природной среде в результате деятельности хозяйствующих субъектов-недропользователей и обеспечению экологической безопасности. Уникальность экосистем северных территорий определяет их особое место в системе защиты национальных интересов в экологической сфере. Учитывая тот факт, что северные территории являются природной средой обитания коренных малочисленных народов с их традиционной системой природопользования, экологическое значение указанных территорий становится еще более очевидным [1].

Промышленное освоение углеводородного сырья (нефть и газ) на Севере затрагивает интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Это связано с тем, что месторождения полезных ископаемых, удовлетворяющие промышленные нужды, сосредоточены в основном на территориях традиционного природопользования (ТПП) КМНС. К ТПП относятся: родовые, общинные (семейные) и пастбищные угодья. За последние 40-50 лет в округе произошло значительное сокращение ТПП КМНС. Страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности. Вследствие чего происходит ухудшение социально-экономического положения КМНС, требующее в настоящее время особого внимания.

Отметим, что начальным этапом бурного освоения минерально-сырьевых, топливно-энергетических и лесных ресурсов Российского Севера считаются 1930-е и 1940-е гг., когда стала

создаваться транспортная и промышленная инфраструктура, выросли города и рабочие поселки. Так началось освоение природно-сырьевых ресурсов северных регионов страны.

Загрязнение атмосферного воздуха на территории Нефтеюганского района определяется преимущественно местными источниками и, в малой степени, атмосферными переносами из других районов. Основными причинами загрязнения атмосферного воздуха являются: промышленные выбросы от предприятий, сжигание попутного нефтяного газа на факелах, испарение легких фракций углеводородов с поверхности аварийных разливов нефти, шламовых амбаров, резервуаров хранения нефти, а также выхлопные газы автотранспорта.

Согласно докладу об *экологической ситуации*...[2], в 2014 году выбросы загрязняющих веществ (ЗВ) в атмосферу на территории округа составили 1 466,81 тыс. т, в том числе:

- твердых ЗВ – 56,90 тыс. т (на долю которых приходится 3,9%);

- газообразных и жидких ЗВ – 1 409,91 тыс. т (составляющих 96,1% от всего объема). В 2013 году при объеме выбросов 1 866,16 тыс. т, на долю твердых ЗВ пришлось 4,5% (83,102 тыс. т), а газообразных и жидких ЗВ – 95,5% (1 783,058 тыс. т). Из 23 муниципальных образований автономного округа наибольший вклад в загрязнение атмосферного воздуха стабильно приходится на Нижневартовский, Сургутский, Нефтеюганский и Ханты-Мансийский районы. На их долю в 2014 г. пришлось 73,9% от всех выбросов (2013 г. – 74,0%, а в 2012 г. – 78,1%) [1].

В 2007-2008 и 2012 и 2015 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические* исследования на территории Нефтеюганского района Югры.

В исследованиях приняли участие:

- в 2007 г. – 114 респондентов. Из них: мужчин 40,35%, женщин 59,65%. КМНС (ханты, манси): мужчин – 39,42%, женщины – 60,58%. Другие национальности: мужчины – 50,00%, женщины – 50,00%.

- в 2008 г. – 117 респондентов. Из них мужчин 26,50%, женщин 73,50%. КМНС: (ханты, манси): 87,18%, другие национальности – 12,82%.

- в 2012 г. – 54 респондента. Из них мужчин 31,5%, женщин 68,5%. КМНС: (ханты): 96,3%, другие национальности – 3,7%.

- в 2015 г. – 73 респондента. Из них: мужчин – 21,9%, женщин – 78,1%. Среди них: КМНС – 33 (45,2%): ханты – 33 (45,2%), манси – 0 (0%), русские и другие – 40 (54,8%).

В ходе проведенных исследований, нам необходимо было узнать взгляды респондентов о промышленной разработке недр и их результатах на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к разработке полезных ископаемых в нашем регионе?», относительное большинство респондентов Нефтеюганского района отметили, что положительно относятся к процессу разработки месторождений полезных ископаемых на территории округа (41,1%). Отрицательно и равнодушно относятся к промышленным разработкам – 35,6% и 17,8% респондентов соответственно. Затруднились ответить на данный вопрос лишь 5,5% респондентов.

Отметим, что в отличие от 2008 г., в 2015 увеличилась доля лиц, которые отрицательно относятся (с 27,15% в 2008 г. до 35,6% в 2015 г.) к промышленной разработке недр. Как видим, несмотря на то, за последние 40-50 лет в округе произошло значительное сокращение территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера и вследствие чего страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности, большинство респондентов всё-таки положительно относятся к промышленным разработкам недр.

*Руководитель исследований – автор статьи. Эмпирические опросы на местах провели: в 2007-2008 гг. – научный сотрудник отдела этнографии ОУИПИИР В.В. Серасхова, в 2012-2015 гг. – автор статьи. Обработку результатов в программах «Excel» и «Vortex» провели научные сотрудники отдела социально-экономического развития и мониторинга В.Т. Харамзин и Н.В. Ткачук.

Чтобы выяснить причину положительного отношения респондентов к промышленным разработкам, им был задан вопрос «Если положительно, то почему?». Большинство респондентов (35,6%) придерживаются мнения, что разработка полезных ископаемых помогает созданию рабочих мест. Незначительное большинство респондентов (27,4%) считают, что, это выгодно для экономики региона (близлежащих территорий). Значительное меньшинство (16,4%) респондентов поддержали идею о том, что результаты промышленных разработок недр, в некоторой степени, содействует улучшению и обустройству социальной инфраструктуры региона. 24,7% респондентов считают, что это выгодно для экономики страны. Это говорит о том, что для респондентов вопросы экономического характера намного важнее, чем экологического характера в современных условиях.

В контексте рассматриваемой темы немаловажной является оценка респондентами экологического состояния региона. Абсолютное большинство (75,3%) респондентов Нефтеюганского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния их региона (района) проживания. Респонденты на второе место поставили вариант о том, что в результате промышленных разработок происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (34,2%). Лишь 6,8% респондентов района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит улучшение экологического состояния их региона (района) проживания.

В ходе исследования при ответе на вопрос «Как Вы оцениваете экологическое состояние региона в настоящее время?», относительное большинства респондентов отметили неудовлетворительное экологическое состояние региона (39,7%). Считают удовлетворительным – 37,0% и никак – 11,0% респондентов. Также, по результатам опроса, проведенного в 2012 г. большинство респондентов (55,6%) экологическое состояние региона считали как неудовлетворительным [3]. А 33,3% считают экологическое состояние региона удовлетворительным. 7,4% респондентов, никак не могут оценить экологическое состояние региона. Важно отметить, что взгляды респондентов района по данному вопросу практически не изменились, т.е. большинство респондентов считают экологическое состояние региона неудовлетворительным.

Отвечая на вопрос «Какие организации являются главными загрязнителями окружающей природной среды в месте Вашего проживания?», все категории респондентов, в целом, отметили, что главными загрязнителями окружающей природной среды являются: 1) нефтегазовые (59,3%); 2) транспортные (25,9%) и частные предприятия (25,9%); 3) предприятия ЖКХ (14,8%); 4) рыбоперерабатывающие (5,6%). Затруднились ответить на данный вопрос 11,1% респондентов.

В заключении отметим, что жители Нефтеюганского района о последствиях промышленной разработки месторождений полезных ископаемых думают неодинаково. Большинство респондентов района отметили, что положительно относятся к процессу разработки месторождений полезных ископаемых на территории округа, аргументируя это тем, что разработка полезных ископаемых помогает созданию рабочих мест, и это выгодно для экономики региона (района). В тоже время, несмотря на эти аргументы, абсолютное большинство респондентов района отметили, что в результате промышленных разработок недр всё-таки происходит ухудшение экологического состояния их региона (района) проживания и вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры.

Библиографический список

1. Тельхигова М.Ш. Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности недропользования на северных территориях Российской Федерации // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 385-388.
2. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2014 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/doklad-ob-ekologicheskoy-situatsii-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/vlozheniya/373983/>

3. Хакназаров С.Х. Экологические проблемы Нефтеюганского района Югры в разрезе общественного мнения: сравнительный анализ // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1. Социология, природопользование, история и этнология. Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 6-21.

АНАЛИЗ МОЩНОСТИ И ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦПРОСА*

Цыбиков А.С., Дармаев Т.Г., Дагбаев Э.Д., Перелыгина В.А.

На этапе планирования соцопроса, естественно, возникают вопросы о структуре и оптимальном объеме выборки, которая будет с необходимой точностью отражать основные свойства (общественное сознание) генеральной совокупности (молодежь Монголии) и при этом позволит изучить влияние на них социальных факторов (пол, возраст, образование, род деятельности, место жительства). Основным объективным методом решения данных вопросов является применение процедуры «Анализ мощности» – вероятностного математического аппарата для анализа объема выборки, основанной на теории распределения случайных величин.

Цель исследования – определить требуемый минимальный объем и структуру выборки для исследования общественного сознания современной молодежи Монголии, с учетом возможности анализа влияния на него социальных факторов.

Расчет объема выборки. Считается, что выборка является репрезентативной, если она будет отражать (иметь) все свойства генеральной совокупности с минимальным расхождением. Как правило, для вычисления допустимой ошибки расхождения между характеристиками выборочной и генеральной совокупности Δ используют выборочную дисперсию σ_x^2 , число выборочных наблюдений n и t -статистику Стьюдента [1]:

$$\Delta = t \sqrt{\frac{\sigma_x^2}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)},$$

где N – размер генеральной совокупности. В начале нашего социологического опроса мы не можем определить или оценить дисперсию какого-либо признака, так как мы ни каких предварительных опросов не проводили. И любые экспертные оценки здесь оказываются неуместными. Поэтому в данном случае оправдано переход к исследованию понятия доли признака в общей совокупности наблюдений, которую уже можем оценить экспертным путем. Дисперсия доли будет равна: $\sigma_x^2 = p(1-p)$. И после некоторых преобразований получим формулу для расчета объема выборки:

$$n = \frac{1}{\frac{\Delta^2}{p(1-p)t^2} + \frac{1}{N}}$$

Используя данную формулу, рассчитаем требуемый объем выборки по каждому аймаку. Для этого примем следующие допущения относительно параметров выражения.

1. Доля респондентов (молодежи) в выбранном сегменте (аймаки), у которых имеется интересующий признак, равна 0,5, т.к. она считается максимально неопределённой. В качестве интересующего нас признака может быть, например, «считает, что у России (или США, Китай или другие страны) большой социально-экономический потенциал».

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-23-03001 «Общественное сознание современной молодежи Монголии»)

2. Уровень значимости принимается равной 0,05 и статистика $t = 2,00$, данные значения считаются общепринятыми и характеризуют требуемую достоверность результатов социологического исследования.

3. Допустимая предельная ошибка оцениваемой доли принята равной 5%.

Результаты расчетов требуемых объемов выборки с принятыми допущениями для исследования каждого района представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Расчет объема выборки для аймаков и г.Улан-Батора

№	Аймаки	Численность по возрастной категории						Объем выборки	Объем выборки с поправкой на выбросы (+20%)
		16-19	20-24	25-29	30-34	35-39	Общая		
1	Улаанбаатар	74184	116952	150537	124864	108447	574984	384	461
2	Дорнод	4966	7467	7591	6273	5647	31944	380	456
3	Сүхбаатар	4089	5554	5367	4899	4591	24500	378	454
4	Хэнтий	4987	6497	6068	5691	5460	28703	379	455
...
20	Баян-Улгий	6906	8872	8531	7207	6199	37715	380	456
21	Ховд	7156	8167	6875	5772	5679	33649	380	456
22	Увс	5400	6193	6203	5519	5234	28549	379	455
Всего		192966	272827	299856	252865	228873	1247387	384	461

Также можно заметить из формулы, а также из таблицы, что при размере генеральной совокупности более 5 000 ее величина не так существенно влияет на размер выборки, поэтому формула в итоге может принять следующий вид:

$$n = \frac{p(1-p)t^2}{\Delta^2}$$

Таким образом, при размере генеральной совокупности более 5000 достаточно включить в выборку 400 ее представителей. Если учесть вероятность браковки некоторых результатов (как правило поправка составляет 20%), то достаточно сформировать объем выборки равный 480.

Расчет объема выборки с учетом факторов. При полученном выше объеме выборки провести анализ влияния социальных факторов с необходимой объективностью может оказаться невозможным, в силу многозначности некоторых факторов. Дело в том, что каждый уровень (категория) фактора требует определенное количество наблюдений (группа респондентов) для адекватного представления и возможности его сравнить с другими группами. Таким образом, необходимо решить задачу определения искомого минимального объема выборки, позволяющей исследовать влияния факторов [1; 2].

Итак, в данном примере рассматривается влияние следующих 4 социальных факторов.

1. Возраст (лет): 16-19; 20-24; 25-29; 30-34; 35-39.

2. Образование: неполное среднее; среднее; средне-специальное, незаконченное высшее (студент вуза); высшее.

3. Род занятий респондентов: работник сельского хозяйства; наемный рабочий; служащий; обучающийся; творческая и интеллектуальная деятельность; предприниматель; безработный.

4. Пол респондентов: мужской; женский.

Среди данных категориальных факторов наибольшее количество значений (7 вариантов) имеет фактор отражающий род занятий респондентов. И именно этот фактор будет предъявлять

наибольшие требования к объему выборки для определенного аймака (группы аймаков или город). Данные получаемые по всем уровням факторов будут иметь частотный вид. И для сравнения определенной пары групп (совокупностей), например, рабочих с предпринимателями, по интересующим признакам будет применяться z-критерий на основе пропорций. Объем выборки в таком случае будет вычисляться по следующей формуле:

$$n = (A + B)^2 \frac{p_1(1 - p_1) + p_2(1 - p_2)}{(p_1 - p_2)^2},$$

где n – объем выборки для каждой группы; p_1 – первая частота (доля); p_2 – вторая частота; $(p_1 - p_2)$ – оцениваемое различие; A – параметр, зависящий от уровня значимости (статистика Стьюдента, обычно равно 1,96 при 5% уровне значимости); B – параметр, зависящий от мощности критерия (обычно равно 0,84 при мощности 80%).

В результате проведенных расчетов с помощью программы Statistica (модуль «Анализ мощности») получены следующие результаты (табл.2).

Таблица 2 – Результаты расчета объема выборки для двух пропорций

№	Параметры анализа	Значение
1	Пропорция первой совокупности P1	0,7
2	Пропорция второй совокупности P2	0,5
3	Ошибка 1 рода (Alpha)	0,05
4	Требуемая мощность (P)	0,80
5	Объем выборки N1	93
6	Объем выборки N2	93

Таким образом, для анализа влияния данного фактора потребуется 93 наблюдений по каждому уровню фактора (для их сравнения), т.е. потребуется $n = 97 * 7 = 651$ испытуемых для того чтобы выявить разность пропорции между совокупностями 20% ($0,7 - 0,5 = 0,2$) при мощности критерия равным 80% и уровне достоверности 5%. Принятые значения мощности критерия и уровня достоверности считаем достаточным для данного социологического исследования. Если учесть поправку на выбросы 20%, то в итоге мы получим минимальный требуемый объем выборки равный 782. Аналогичные вычисления можно провести и для остальных факторов. При вводе тех же значений параметров для остальных социальных факторов мы получим то же самое значение – 93 респондента для каждого уровня ($93 * 120\% = 112$ с учетом поправки на выбросы).

Структуру выборки при выше описанных условиях можно наглядно представить в виде дерева (рис. 1). Набор респондентов в соцопросе должно быть таким, что все условия каждой вершины дерева выполнялись.

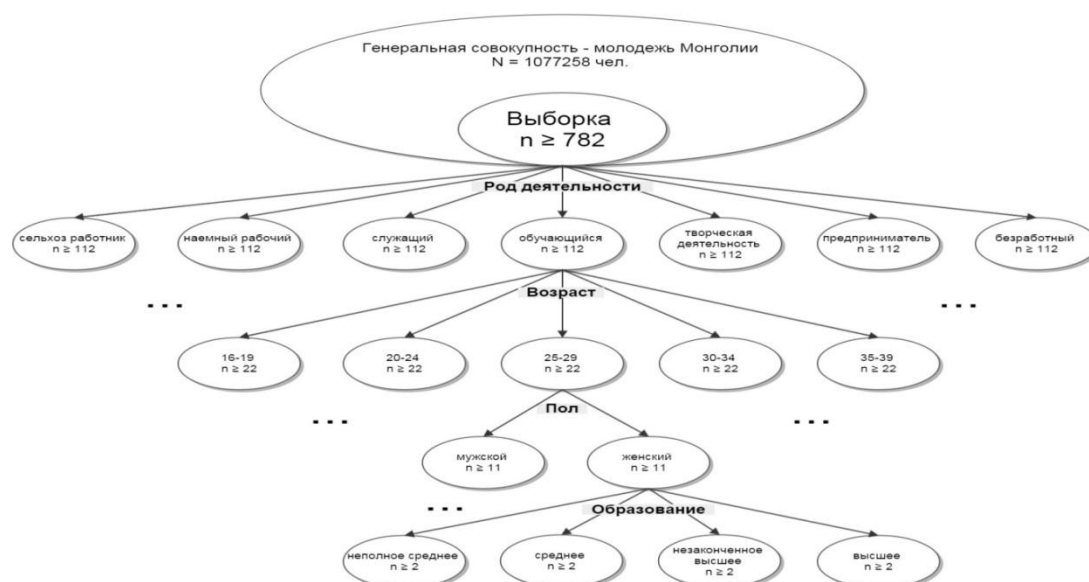


Рисунок 1 – Структура выборки для социологического опроса молодежи Монголии

Таким образом, для объективного изучения общественного сознания молодежи Монголии (одного из районов, г. Улан-Батора) потребуется объем выборки равный 480 респондентов. Если, кроме этого, предполагается изучение влияния социальных факторов, то объем необходимо увеличить до 782 респондентов. И при этом по каждой категории всех четырех социальных факторов должно быть не менее 112 человек с учетом поправок на выбросы.

Библиографический список:

1. John M. Castelleo. Sample Size Computations and Power Analysis with the SAS System / SUGI Proceedings, 2000 – SAS Institute Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pubhealth.spb.ru/SASDIST/SScomp.htm>.
2. Lemeshko B.Yu., Gorbunova A.A. Application and Power of the Nonparametric Kuiper, Watson, and Zhang Tests of Goodness-of-Fit, Meas. Tech., 56:5 (2013), 465-475.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Шахматова Н.В., Ивченков С.Г., Бегина И.А.

Гендерные стереотипы, как упрощённые, устойчивые, эмоционально окрашенные образы поведения и черт характера мужчин и женщин, существуют в любом обществе и выступают важнейшей основой ролевых распределений и дистанций практически во всех социальных институтах общества. Их основная функция состоит в том, чтобы обеспечивать в обществе необходимое единообразие в понимании и оценке базовых ценностей культуры. Наличие в социуме стереотипов способствует осуществлению идентификации на социетальном уровне по таким важным каналам отождествления, как этничность, социальный статус, базовые ценности и т.п. Именно стереотипы во многом доводят наше социальное взаимодействие до автоматизма, их отсутствие порождает проблему недостатка определенности [1].

В 2015 году было проведено социологическое исследование саратовской молодежи, которое позволило выявить степень стереотипности гендерных представлений и практик в молодежной среде. Целевая квотная выборочная совокупность составила 410 человек. Основные критерии отбора – пол (50% - девушек, 50% - юношей), возраст (до 30 лет), место жительства, образование. Ошибка выборки составляет + -5%. Компьютерная обработка и анализ данных осуществлялись на базе компьютерной программы SPSS-19.

Исследование позволило, исходя из мнения молодежи, выявить две модели ценностей – мужскую и женскую. Для женщин самой главной ценностью является семья. 93% молодых саратовцев указали на это (Таблица 1). Второе место в рейтинге «женских» ценностей занимает желание удачно выйти замуж (66%). На 3 месте - стремление подняться по карьерной лестнице (48%), и как следствие - зарабатывание денег (на 4 месте - 47,5%). Только 44,5% молодежи полагают, что для женщин самое главное - жизнь в своё удовольствие.

Таблица 1 – Представления молодежи о главных ценностях в жизни женщины, % по ценностям

Главное в жизни женщины	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	По ситуации	Скорее согласен, чем не согласен	Полностью согласен	Итого
1.Семья	3,0	1,0	3,0	17,5	75,5	100
2.Деньги	6,0	10,0	36,5	31,5	16,0	100
3.Карьера	6,0	14,0	32,0	34,5	13,5	100
4.Удачное замужество	4,0	10,5	19,5	25,0	41,0	100
5.Отдых, жизнь в своё удовольствие	9,0	11,5	35,0	22,5	22,0	100

В мужской модели приоритеты ценностей располагаются иначе (Таблица 2). Здесь, по мнению молодежи, превыше всего - карьера (92%), чуть меньше значимы - деньги, они стоят на втором месте (90%). Семья - на третьем месте (82%), отдых, жизнь в своё удовольствие (62%) и удачная женитьба (56%) - на 4 и 5 местах рейтинга «мужских» ценностей соответственно.

Таблица 2 – Представления молодежи о главных ценностях в жизни мужчины, % по ценностям

Главное в жизни мужчины	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Трудно сказать	Скорее согласен, чем не согласен	Полностью согласен	Итого
1.Семья	1,5	4,5	12,0	23,0	59,0	100
2.Деньги	2,0	0,5	7,0	36,0	54,5	100
3.Карьера	0	0	8,0	24,0	68,0	100
4.Удачная женитьба	12,0	11,0	20,5	27,5	29,0	100
5.Отдых, жизнь в своё удовольствие	7,0	6,0	24,0	29,5	33,5	100

Нередко, говоря о содержании гендерных стереотипов, имеют в виду некую "среднюю женщину", не принимая во внимание какие-либо другие статусные характеристики личности. Человек обладает совокупностью статусных позиций, многие из которых могут корректировать содержание гендерных стереотипов, причем эта вариативность имеет место и у субъектов, и у объектов стереотипизации. Однако, образ идеального человека играет важную роль в формировании ценностно – нормативных ориентаций молодежи, помогая ей в организации собственных представлений и своего поведения. В тоже время эти идеалы – тройственны по своей природе. С одной стороны, они – продукт своего времени, своих традиций, культуры, с другой – отражают общие, универсальные ценности, характерные для всего человечества вне социокультурных различий. С третьей стороны – они являются продуктом внутренней интериоризации личностью социальных ценностей, продуктом ее семейной, первичной социализации и проекцией ее внутренних качеств и жизненных ориентаций. Со временем критерии идеальности могут претерпевать изменения. И нередко идеальный образ оказывается далёкими от реальности. Однако и полностью отвергать существование идеальных моделей «Его» и «Её» нельзя.

Опрос показал, что 24,5% молодежи предпочитают модель идеального мужчины, которая включает романтичность, верность, благородность, честность. 24% посчитали идеальным сильного мужчину как физически, так и морально. 43,5% опрошенных считают, что независимость характеризует современного идеального мужчину. Кроме того, роль добытчика и защитника по-прежнему остаётся

за идеальным мужчиной, так посчитали 62,5% молодежи. 19,5% опрошенных видят идеального мужчину таким, который не пьёт и не курит. 14,5% - полагают, что «Он» - высокий, сильный, добрый, щедрый, умный. 43% - отмечают логичность мышления мужчин. 68% молодежи полагают, что на первом месте у современного мужчины должна стоять карьера. 5,5% опрошенных считают, что, кроме здорового образа жизни, мужчина должен дарить цветы.

Что касается модели идеальной женщины, то 39,5% опрошенных таковой считают любящую, с ухоженной внешностью, уважающую и верную женщину. 27,5% видят идеальную женщину как загадочную особу, с которой интересно и весело и которая все понимает. По мнению 13,5%, идеальная женщина – хозяйственная, умеет вкусно готовить, экономить и зарабатывать деньги. Однако, 27,5% участников опроса всё же уверены, что карьера и личная жизнь для женщины несовместимы. Идеальная женщина никогда не спрашивает супруга, где он был, встречая улыбкой и поцелуем, ибо скромность и покорность являются преимущественно женской чертой характера (так считают 54% молодежи г. Саратова). 4,5% респондентов считают идеальную женщину ту, которая всегда рада приходу его друзей, умеет быть при них незаметной.

Нужно подчеркнуть, что, с возрастом понятие об идеальности меняется. В категории 14 -19 лет 9,2% указали на важность здорового образа жизни, красоты и ума. Однако доля, разделяющих эту точку зрения среди 20-25-летних, снижается до 5%, среди 26-30-летних – до 3,2%. Напротив, осознание важности самостоятельности мужчины с возрастом - увеличивается: среди 14-19 летних – 9,2%, 20-25 лет – 15%, 26-30 лет – 22,2%. Существенно не меняется с возрастом мнение о том, что мужчина должен быть сильным и физически и морально, а также о том, что идеальный мужчина - романтичный, благородный, верный, честный, понимающий.

Модель идеального женского образа также с возрастом трансформируется. На внешнюю красоту женщины больше ориентируется молодёжь в возрасте от 14 до 19 лет (11,6%). Чем старше представители молодежи, тем эта ориентация проявляется меньше (20-25-летние - 10,2%, 25-30-летние - 7,7%). Умение для женщины вкусно готовить, быстро собираться и экономить деньги больше ценится среди 20-25-летних (16,9%), нежели среди 14-19-летних (14,5%) или 26-30-летних (10,8%). Любящую, с ухоженной внешностью, уважающую и верную, не скандальную, с развитым материнским инстинктом женщину считают идеальной вне зависимости от возраста. Таким образом, с годами молодёжь всё реже обращает внимание на внешнюю красоту и всё больше отмечает важность присутствия уверенности и самостоятельности в мужчинах и верности и понимания в женщинах.

Прочная установка гендерных стереотипов в сознании человека способствует их воспроизводству из поколения в поколение. Гендерные стереотипы становятся востребованными в различных сферах жизни общества — политической, экономической, социальной в силу ряда причин: пол легко идентифицируется индивидом; стереотипные представления о мужчинах и женщинах соотносятся с его или ее личным опытом; отношения полов воспринимаются как едва ли не самые очевидные, понятные, а потому легитимные. Индивид в большинстве случаев следует стереотипу, поскольку принимает его как истинное знание, что ограничивает динамику его развития, препятствует инновационной трансформации всех сфер жизнедеятельности общества. Кроме того, поскольку в качестве мужественных или женственных характеризуются не только индивиды, но и другие социальные явления и характеристики, то данный процесс стереотипизации принимает участие в установлении всего спектра социальных, ценностных отношений и в производстве социальных иерархий, поэтому требует постоянного социологического мониторинга.

Библиографический список:

1. Ковалев В.В. Трансформация ценностей в российском обществе: новые вызовы и старые стереотипы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1.

КВАНТИРОВАНИЕ ВЛАСТИ КАК БАЗИС СОЗДАНИЯ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Шевченко О.К.

Власть выступает крайне сложным объектом для серьезного научного исследования. Гораздо легче она поддается исследованию при помощи методов искусства и философии. Однако как только возникает необходимость математизировать ситуацию, набросить на властную реальность сетку строгих категорий, определить ее физическое положение в пространстве начинаются серьезные проблемы. Ключевым барьером для научного изучения феномена является трудность в выявлении кванта власти. Той, если угодно, частички, которая является носителем или строительным кирпичиком власти. При этом большинство отечественных попыток [1] и зарубежных научных проектов [2] имеют выход на лингвистическую форму власти, ее слова, образы и знаки. Именно информация, как представляется, выступает физическим носителем власти. А выявление кванта информации в структуре властных движений является основой научного осмысления ее феномена. Но как то «выпадает» из поля зрения ученых, что феномен власти в дискурсе Франции принципиально отличен от того же дискурса в поле Китая. Разные языки, разные дискурсы, разные кванты информации. В нашем же случае, бездумное копирование западных образцов постижения власти привело к чехарде в понятиях «Власть» и «Управление». Слишком часто эти понятия выступают как синонимы. Слишком часто от экспертов по власти требуют практических советов по управлению, а управленцы считают себя экспертами во власти. И это при том, что информационное поле русского языка буквально принуждает нас видеть различие между реальностью «Управлять» и реальностью «Властвовать». Этот хаос стал общим местом не только в философии и политологии, но и в социологии, когда социальные процессы, связанные с управлением, доминированием, властвованием валяются в одну методологическую кучу. Ниже попробуем расквантировать (то есть при помощи простых операций в области статистики развести ситуацию социального управления и социальной власти) в русском дискурсе проблему власти.

Для базовой обработки информации (а именно в таком виде проблема будет решаться в данной статье) возьмем великолепный лингвистический ресурс, который генерирует в себе 805 тематических словарей общим объемом более 13 Гб [3].

Гипо-гиперонимические отношения:

контроль – *власть* – правительство

Какой бывает власть?

советской, местной, верховной, городской, королевской, исполнительной, новой, реальной, большей, неограниченной, абсолютной, государственной, полной, высшей, судебной, законодательной, огромной, царской, светской, всякой, политической, духовной, военной, нужной, безграничной, императорской, сильной, официальной, центральной, федеральной, гражданской, законной, настоящей, церковной, земной, великой, любой, российской, американской, данной, собственной, твердой, мирной, истинной, никакой, безраздельной, оккупационной, нынешней, имперской, британской, странной, тайной, личной, французской, определенной, народной, муниципальной, магической, московской, вышней, английской, фактической, единственной, большевистской.

Что может власть? Что можно сделать с властью?

перейти, принадлежать, оказаться, находиться, переходить, перемениться, сосредоточиться, передаваться, оставаться, вернуться, кончиться, распространяться, остаться, взять, решить, достичь, дать, подпасть, достаться, давать, смениться, сделать, иметь, казаться, перестать, пойти, продолжать, простираться, обладать, получить, захватить, объявить, держаться, оказываться, заставить, ослабнуть, поменяться, установиться, меняться, уйти, являться, чувствовать, случаться, стремиться, приобрести, усилиться, считать, относиться, ускользнуть, исчезнуть, пытаться, идти, продолжаться, становиться, ударить, проявить, распространиться, начаться, существовать, сосредоточиваться, закрепиться, признать, держать, закончиться.

Ассоциации к слову власть:

страна, мир, рука, город, Россия, жизнь, мужчина, земля, Рим, королевство, Германия, место, империя, время, планета, государство, результат, помощь, женщина, тело, Русь, Москва, область, территория, бог, Англия, дом, отношение, человек, смерть, народ, совет, сила, остров, Украина, власть, Италия, лицо, душ, качество, республика, Египет, просьба, ум, предел, тема, конец, природа, стихия, человечество, польза, темь, демон, цель, избрание, общество, сердце, сторона, судьба, гора, период, галактика, клан, дело.

Синонимы слова власть:

авторитет, верховенство, воля, гегемония, главенство, господство, держава, достоинство, значение, лагерь, льгота, монополия, мощь, начальник, начальство, первенство, правительство, право, превосходство, предводительство, преимущество, преобладание, прерогатива, причина, сила, стан, суть, управление, вес.

Гипероним слова власть

1. Контроль

Гипонимы слова власть (Гипоним (греч. ὑπό — под, внизу + νόμος — имя) — понятие, выражающее частную сущность по отношению к другому, более общему понятию).

2. Правительство, диктатура, владычество, деспотизм, ареопаг, двоевластие»[4]

То есть основой является, все-таки, контроль. И лишь, как частный случай выступает понятия связанные с государствами и правительством. Довольно любопытно, что сфера употребления понятия «Власть» падает в основном на юридическую лексику – 32,3 %; на общую лексику – 29,2%; на дипломатическую сферу – 6,1%; на экономику – 5,6%; на деловой мир – 4,2% [4].

Рассмотрим теперь понятие «Управление».

«Гипо-гиперонимические отношения:

управление пилотаж

Каким бывает управление?

полицейским, главным, ручным, разведывательным, центральным, дистанционным, городским, рулевым, областным, налоговым, местным, народным, государственным, автоматическим, жандармским, федеральным, следственным, оперативным, политическим, духовным, статистическим, национальным, централизованным, внешним, региональным, созданным, первым, церковным, районным, финансовым, военным, окружным, временным, личным, административным, доверительным, транспортным, территориальным, вторым, пятым, бостонским, непосредственным, артиллерийским, полевым, московским, специальным, голосовым, внутренним, новым, расположенным, муниципальным, высшем, касающемся, имперским, прямым, королевским, строительным, хозяйственным, общим, контрольным, епархиальным, эффективным, портовым, инженерным.

Что может управление? Что можно сделать с управлением?

Оказаться, осуществляться, располагаться, находиться, перейти, заниматься, работать, отказать, возникнуть, получить, выйти, сидеть, сосредоточиться, вестись, переходить, иметь, оставаться, предложить, начать, происходить, прислать, обратиться, расширять, превратиться, удался, поступить, оказываться, выделить, требовать, вспыхнуть, собраться, требоваться, размещаться, появиться, идти, представлять, отказать, решить, иметься, установить, исходить, заклинить, приходиться, устроить, дать, казаться, создавать, состоять, счесть, подчиняться, жить, потерять, показаться, сводиться, выглядеть, наложить, охотиться, выпустить, разрешить, сделаться, звучать, царить, видеть.

Ассоциации к слову управление:

борьба, дело, планирование, охрана, рука, контроль, расследование, сторона, кабина, автопилот, президент, надзор, помощь, розыск, авионавтика, качество, Москва, история, связь, вопрос, издание, монтаж, множество,

центр место, Россия, земля, система, сфера, строительство, область, защита,
стол, пульт, город, цель, расстояние, подлокотник, случай, безопасность, заповедник,
работа, руководство, целома, кадр, радио, конец, модуль, Украина, кресло,
обеспечение, телевизор, подножие, условие, рубка, начало, результат,
министерство, стрельба, площадь.

Синонимы слова управление:

верховенство, власть, гегемония, главенство, господство, начальство, первенство,
превосходство, предводительство, преобладание» [5].

Каковы же показатели сфер употребления термина «Управления» в более чем 800 словарях? Техника – 16 %, Военная сфера – 13,8%, Авиация – 7,2 %, Автоматика – 4,3 %, Программирование – 4,1 % [5].

Из всего вышеперечисленного неудивительно, что многие учебники по власти далеки от практических проблем управления, а многие находки теории управления, особенно в кибернетике далеки от философов. Вероятно мы еще слишком плохо понимаем реальность власти и управления, вернее блестяще психологически, интуитивно-мистически схватываем суть вопроса но уже на уровне проговаривания реальности – пасуем. Что делать? Быть может, понять *как* мы говорим о власти и управлении, *как* думаем? Без этого, создание *единой теории власти*, из которой только и может родиться *единая теория принятия управленческих решений* – не мыслима. Путь от практики к теории и от теории к практике сейчас это две идущие навстречу *параллели*. Одним из перпендикуляров является квантирование власти, то есть создание определенных математических или логических последовательностей на основе *цифры*.

Библиографический список:

1. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 384 с.
2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и в коммуникации. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
3. Словарь Ассоциаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reright.ru/>
4. Синонимы и антонимы «Власть» - анализ и ассоциации к слову власть. Морфологический разбор и склонение слов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reright.ru/analysis/285297~власть.html>
5. Синонимы и антонимы «Управление» - анализ и ассоциации к слову власть. Морфологический разбор и склонение слов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reright.ru/analysis/667665~управление.html>

**МЕТОДЫ ФОРМАЛИЗОВАННОГО АНАЛИЗА КОНСЕРВАТИВНО-МОНАРХИЧЕСКИХ
НАСТРОЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX В.
(ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)**

Шимбирёва О.А.

Современный процесс развития отечественной и мировой историографии характеризуется сменой парадигм в историческом познании, поиском новых подходов к изучению исторических явлений и процессов, а также пересмотром приоритетов в проблематике исторических исследований. Первые десятилетия XXI в. отмечены особым вниманием историков к широкому спектру проблем, связанных с исследованием общественных настроений, мировосприятия, коллективных ментальностей на основе социокультурного подхода.

Отмеченные изменения неизбежно приводят к актуализации изучения массовых исторических источников, характеризующих общественные настроения в России начала XX века. Такого типа источником является комплекс делопроизводственных материалов «Письма черносотенцев и других лиц», отложившийся в архивном фонде Союза русского народа.

Фонд Союза русского народа хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 116, ГА РФ). Хронологические рамки документации фонда охватывают период с 1881 по 1917 г. Архивный фонд СРН неоднократно использовался исследователями в своих работах [1-4], однако специального систематического анализа выше обозначенного комплекса документации союза историками не проводилось.

Комплекс переписки «Письма черносотенцев и других лиц» является массовым, неструктурированным источником, богатство содержания которого заставляет искать новые методы и подходы. Данный комплекс переписки сформирован из 5 архивных дел и содержит в общей сложности 335 посланий. Это наиболее представительный комплекс прошений по тем или иным вопросам, сохранившийся в рамках архивного фонда СРН. Хронологические рамки переписки охватывают период с 1906 по 1916 гг., то есть время существования СРН, за исключением крайних годов – 1905 и 1917 гг., что объясняется тем, что Союз начал реально функционировать в самом конце 1905 г., а 1917 г. был годом революционных потрясений и резкого спада монархических настроений среди населения.

Наиболее эффективным способом анализа монархических настроений, отраженных в исследуемом архивном комплексе писем, является метод контент-анализа. Контент-анализ (content - англ.: содержание, содержимое) – научный метод, предполагающий формализованное исследование содержания текстовых массивов в целях выявления и измерения, представленных в них социальных, культурных, ментальных характеристик изучаемых массовых объектов. Суть контент-анализа, как исследовательского метода, состоит в восхождении от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания текста. Логика метода заключается в поиске «легко подсчитываемых признаков, черт и свойств документа, которые отражали бы существенные стороны его содержания» [5, с. 138-141]. При таком подходе историк достигает результата, когда качественное содержание становится измеримым. Это открывает перед исследователем главную возможность – получить скрытую информацию, что позволит повысить информативную отдачу источника.

Опыт применения контент-анализа в исторических исследованиях, накопленный в отечественной историографии [6-9], определяет ряд важных требований, предъявляемых к источнику. Для того, чтобы применение контент-анализа было успешным, при выборе источника нужно определить, в какой мере его содержание соответствует требованиям и условиям его применения. В нашем случае мы имеем дело с неформализованным текстом писем, которые имеют массовый характер и в которых повторяются темы, значимые для исследования, отражающие существенные стороны изучаемого явления – общественных настроений в Российской империи начала XX в. Чтобы измерение было адекватным – данные должны быть однородными. Это требование также выполняется. В изучаемом комплексе переписки содержатся послания, авторы которых активно транслировали через повторяющиеся однотипные высказывания свои социально-политические воззрения. Однако в исследуемых документах обращает внимание тот факт, что есть корреспонденты, которые, рассказывая в письмах о своих жизненных сложностях, неявно обозначали свои настроения и политические представления в оценках и суждениях. Другими словами, взгляды и настроения авторов писем в тексте бытуют, как несистематизированный текстовый массив. Именно отмеченные особенности текстов писем требуют применения контент-анализа, с помощью которого возможно выявить все оценки и суждения авторов, раскрывающие их настроения.

На первом этапе формально-количественного анализа были выделены смысловые единицы, так называемые, первичные понятия. Это и есть «единица информации» – семантический блок, содержание которого отвечает на вопрос: «О чем говорится?». Применительно к данному источнику смысловые единицы содержат оценки, высказывания, утверждения, относящиеся к общественным настроениям авторов по социально-политическим вопросам. Так, например, при проведении анализа текстов посланий были выделены следующие разновидности форм выражения настроений авторов писем: *пожелания* (так, например, пожелание Государю «крепиться в великой борьбе с внутренними и внешними врагами Твоими и всего Русского народа!»); *прошения* (прошение «Его

Императорскому Величеству с Всеподданейшей просьбой об увольнении в отставку немцев-лютеран с высших военных и гражданских должностей»); *жалобы* (жалоба военнослужащего о несправедливом отказе в продвижении по службе «в угоду красной сволочи»); *протесты* (например, выражение недовольства тем, «что пала вера в Бога»); *опасения* (так, опасения за престиж православной веры и церкви); *призывы* (призывы к истреблению евреев); *заявления* (заявление о поддержке самодержавия и Царя со стороны армии); *обвинения* (например, обвинения евреев и немцев в том, что хотят «разрушить Россию и сдать Германии») и другие. В рамках одного послания мог содержаться целый ряд смысловых единиц, отражающих воззрения и оценки корреспондентов по отдельным аспектам жизни российского общества. Каждое высказывание учитывалось отдельно. В итоге в общей сложности было выделено восемьдесят восемь смысловых единиц, отражающих те или иные настроения корреспондентов.

На следующем этапе формально-количественного анализа «Писем черносотенцев и других лиц» была подсчитана частота встречаемости каждой из смысловых единиц в изучаемом комплексе переписки. Подсчет частот встречаемости выявил, что показатели частот колеблются от 1 до 87. К наиболее часто встречаемым относятся высказывания, транслирующие монархические и националистические взгляды авторов. Так, например, «Выражение верноподданнических чувств» (частота встречаемости 87); «Жалобы на революционную пропаганду «против царя и правительственной власти»» (частота встречаемости 44); «Выражение чувств уважения и поддержки А.И. Дубровину» (частота встречаемости 44); «Выражение приверженности православию» (частота встречаемости 24); «Жалобы «на засилье жидов»» (частота встречаемости 20); «Жалобы на материальное притеснение и разорение от евреев и поляков» (частота встречаемости 17); «Обвинение «жидов» в наветах на монархистов» (частота встречаемости 16) и другие. Однако, как уже видно даже из краткого перечисления смысловых единиц, они многообразны по форме, что потребовало для дальнейшего анализа объединить их в более крупные единицы измерения – смысловые категории.

Смысловые категории были сформированы в процессе агрегирования смысловых единиц, схожих по своему содержанию. Так, например, смысловые единицы «Выражение почтения своему Царю и родине», «Высказывания против ограничения самодержавной власти» и «Утверждение о божественности самодержавной власти» были объединены в единую категорию – «Выражение поддержки самодержавию». С целью реконструкции преобладающего типа общественных настроений среди корреспондентов, были выделены те категории, частота встречаемости которых выше тридцати, как наиболее представительные и соответственно актуальные для авторов посланий.

В итоге было выделено шесть смысловых категорий, которые наиболее часто встречались в текстах изучаемого комплекса переписки: «Выражение поддержки самодержавию» (частота встречаемости 120), «Националистические высказывания» (частота встречаемости 128), «Антиреволюционные высказывания» (частота встречаемости 47), «Поддержка и защита православной веры» (частота встречаемости 45), «Критика существующих институтов управления страной» (частота встречаемости 30).

Таким образом, агрегировав все высказывания корреспондентов по вопросам политической и социально-экономической ситуации в стране в смысловые категории, проведя частотный подсчет их встречаемости, удалось выявить те положения, которые авторы наиболее активно транслировали через свои послания. Это, в первую очередь, такие категории, как «Поддержка самодержавия», националистические высказывания, антиреволюционные настроения, «Поддержка и защита православной веры», выражение поддержки СРН и лично А.И. Дубровину. Что характерно, категории в поддержку самодержавия и православной веры, националистические и антиреволюционные высказывания встречаются совместно в большинстве посланий, что позволяет говорить о существовании устойчивого ментального настроения у подавляющего числа корреспондентов. Этот ментальный настрой возможно охарактеризовать как консервативно-монархический, так как авторы со страниц своих посланий демонстрировали явную приверженность идеологии «Самодержавие. Православие. Народность», которая и легла в основу идеологии СРН и

правомонархического движения в Российской империи в целом.

Библиографический список:

1. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России 1911-1917. М., 2001.
2. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914). Киев: МАУП, 2006.
3. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Ин-т обществ. мысли; ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2010.
4. Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905 – 1914). – М., 1992.
5. Бородкин Л.И. Контент-анализ и проблемы изучения исторических источников // Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
6. Блинова О.Н. Опыт изучения экономических программ политических партий России 1990-х гг.: методика применения контент-анализа на примере программ КПРФ // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.
7. Поршнева О.С., Поршнев С.В. К характеристике менталитета народных масс России: Революция 1917 г. в фокусе массового сознания // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М. – Чебоксары, 1999.
8. Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма. М., 1996.
9. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М., 1996.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Шиняева О.В., Тчане А.К.

Научная проблема, которая требует социологического исследования, состоит в определении особенностей поведения иностранных студентов в социальном пространстве центральных и региональных вузов. Новой тенденцией интернационализации российского образования является рост иностранных студентов не только в центральных вузах России, но и в *региональных учебных заведениях*; по данным Министерства образования и науки РФ, треть иностранцев обучается в столичных учебных заведениях, две трети – в различных российских регионах. Еще одна особенность изучаемого явления состоит в том, что в России только десятая часть иностранных студентов учится в магистратуре и аспирантуре, остальные – осваивают первую ступень профессионального образования. А это значит, что иностранцы в российских вузах – молодые люди, которые проходят не только профессиональное, но и культурно-личностное становление.

Региональная дифференциация социального пространства высшей школы усиливает влияние на поведение иностранных студентов факторов *мезо-уровня*: региональной инфраструктуры высшего образования, материально-технической базы конкретных вузов, медицинского и психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. Требуют изучения особенности воздействия на профессиональное становление иностранных студентов субъективных факторов, действующих на микро-уровне: мотивационные механизмы (ценности, интересы, волевые качества), уровень освоения учебно-профессиональных объектов (доступность учебных программ, профессиональные компетенции и практики, творческая активность, лояльность профессии), культурный потенциал (социальное происхождение, социокультурная идентичность, отношение к России и россиянам).

Успешность обучения иностранных студентов в российских вузах, уровень их профессиональной подготовки зависят от многих факторов. Анализ освоения профессии иностранными студентами невозможен без диагностики проблем личностно-профессионального становления, результативности обучения, взаимодействия с окружающим «русским миром» [1, с. 15],

который может осуществляться при помощи социологического исследования. Основы теории профессиональной адаптации были заложены в трудах классиков социологии – М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Р. Парка, Т. Парсонса, П. Сорокина, Г. Спенсера, Г. Тарда и др. Свой вклад в изучение проблемы внесли российские исследователи Л.А. Беляева, Т.И. Заславская, Т.А. Рассадина, М.И. Шабанова и др.

В настоящее время одной из актуальных исследовательских проблем в социологии образования являются вопросы, связанные с «профессиональным становлением молодежи в новых реалиях рынка труда» [2, с. 9]. Иностранные студенты не просто «выбирают профессию», а в значительной степени преодолевают социокультурные барьеры и формируют новый образ жизни [3, с. 128]. *Целью данной статьи* является анализ профессионального становления иностранных студентов в российских вузах, выявление ведущих факторов, влияющих на этот процесс.

Для сбора эмпирической информации нами проведено социологическое исследование «Формирование профессиональной идентичности студентов вузов». Метод исследования – анкетный опрос студентов, обучающихся в вузах Москвы и Ульяновска. Выборка квотная: 300 студентов российского гражданства и 300 – иностранные граждане; последние разделены на территориальные сегменты – студенты московских и ульяновских вузов (соответственно 200 и 100 человек). Репрезентативность выборки обеспечена по нескольким критериям: пол, курс, профиль обучения.

Анализируя данные о ценностях в профессии и профессиональной деятельности, мы выявили, что большинство российских и иностранных студентов ценят свой профессиональный выбор. Самый популярный ответ – это «Да, я получаю современную профессию, которая потребует постоянного обновления знаний» (82% опрошенных), из них самыми уверенными являются студенты гуманитарного и экономического профилей (85%). Больше половины респондентов считают, что получают творческую профессию, которая способствует развитию их личных качеств (56%). Менее значительная доля студентов (41%) считает, что получает востребованную профессию на рынке труда; уверенность в данной характеристике профессионального образования у иностранных студентов ниже, чем у российских (соответственно, 34% и 46%).

Анализируя ожидания от профессиональной деятельности, мы выделили стремление российских студентов к гарантиям материального благополучия (66 %), высокому социальному статусу, профессиональной карьере (40 %) и возможности легко найти работу (28 %). У иностранных студентов на первом месте – высокий социальный статус и профессиональная карьера (65%), на втором – гарантия материального благополучия (52%), а на третье место они ставят развитие интеллектуальных способностей (33%).

Желание работать по получаемой профессии у иностранных студентов выражено ярче, чем у российских: определенно «да» сказали 64% студента-иностранца и в 2 раза меньше студентов из России (32%). Индекс лояльности получаемой профессии среди иностранцев составил 0,64 (при максимальном значении – 1); у российских студентов – 0,53. Среди факторов, оказывающих влияние на овладения профессией, иностранные студенты выделяют следующие: знание иностранных языков, которое является базисом успешного профессионального становления (56 %), знание требований работодателей к специалистам (55%), получение практического опыта по специальности (40%), развитие способностей в культурном творчестве (28%), спорт и укрепление здоровья (13%).

Сравнение успехов в учебе иностранных студентов из центральных и региональных вузов показало, что лидируют среди отличников и хорошистов иностранные студенты, обучающиеся в Москве: 38% и 54%; в вузах Ульяновска – 30% отличников и 37% хорошистов, 33% учатся удовлетворительно. Это говорит о том, что в центральные вузы приезжают студенты с более высокой общей и языковой подготовкой. При этом, и столичные, и региональные студенты-иностранцы испытывают проблемы в овладении профессией.

Для построения классификации проблем иностранных студентов при обучении в российских вузах, мы задали респондентам вопрос «Соответствует ли преподавание в вузе твоим ожиданиям?». Уровень удовлетворенности выше среди студентов-иностранцев ульяновских вузов. Видимо, более

высокая подготовка иностранцев, приезжающих учиться в столичные учебные заведения России, не всегда находит соответствие ожиданиям – в инновационных технологиях обучения, вовлечении в научное творчество, предоставлении возможностей получения практических навыков.

Одним из главных факторов в процессе освоения профессии иностранными студентами является получение поддержки и помощи во время учебно-практической подготовки. Такая поддержка часто исходит от друзей. Опрос показал, что распространенным является замкнутое общение иностранных студентов (только «со своими»); в этом случае друзья тоже находятся в среде соотечественников. Чаще такая ситуация складывается среди иностранцев, обучающихся в Москве.

Замкнутое общение иностранной молодежи ведет к снижению общекультурной толерантности, а также к усилению языковых барьеров в процессе обучения. Студенты отмечают, что навыки работы в команде и коммуникационные навыки освоения профессии лучше формируются среди тех, кто активно общается с российскими молодыми людьми, по сравнению с теми, кто большую часть времени проводит с соотечественниками (соответственно, 45% и 16%). В мегаполисе легче выжить, объединяясь по национально-культурным признакам.

Важную роль в социальной адаптации и налаживании коммуникаций с «русским миром» играют землячества (ассоциации) иностранных студентов. На вопрос «Существуют ли в твоём вузе, регионе объединения (землячества) иностранных студентов?» 85% респондентов ответили положительно, но только 35% из них являются членами таких объединений. Данные объединения выполняют важные задачи: помогают защищать права иностранных студентов (38%); участвуют в решении проблем иностранных студентов (22%); организуют культурные мероприятия (23%); проводят тренинги, мастер-классы, встречи с интересными людьми (21%); оказывают финансовую помощь, помогают в трудоустройстве (12%). Землячества распространены в разных регионах России; они являются эффективной системой помощи иностранным студентам в разных сферах их деятельности, в решении бытовых, социальных и психологических проблем в условиях новой этнической среды.

Несмотря на трудности, возникающие в процессе профессиональной социализации, иностранные студенты понимают значимость получаемой профессии для их жизни: 20% подчеркивают в профессии «обеспечение статуса и престижа»; для половины «профессия интересна сама по себе»; каждый 5-й выделяет в получаемой профессии «интересные контакты с другими людьми». Первая и третья позиции сильнее выражены у студентов столичных вузов.

Итак, управление процессом интеграции российского высшего образования в международное пространство может осуществляться сверху – через целевые программы федеральных органов управления; а также может и должен дополняться регулированием снизу – через управление процессом профессионального становления иностранных студентов в российских вузах. В этом контексте необходимо рассматривать процесс обучения в вузе как управляемый процесс активности студентов-иностранцев в учебной, культурной, коммуникативной сферах, в результате которого они овладевают различными качествами, проявляющимися в профессиональном поведении и социальных связях в России.

Полученные результаты позволили выделить факторы, снижающие эффективность профессиональной и социокультурной социализации иностранных студентов в российских вузах: территориальная дифференцированность, слабая межкультурная коммуникация, незавершенный процесс взросления иностранной молодежи, необходимость освоения сразу нескольких сфер – учебной, профессиональной, культурной. В качестве результирующих показателей включенности иностранных студентов в образовательное и культурное пространство российских вузов мы выделили - лояльность получаемой профессии, уровень социальных контактов и толерантность России.

Библиографический список

1. Филиппова В.П. Социальная поддержка российских и китайских студентов: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. Чита, 2013. 27 с.
2. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2012. С.140-154.
3. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. 198 с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Шишкарёва Н.В., Ухалова Т.С.

Социальные проблемы приобретают особую актуальность в условиях социальных трансформаций, происходящих в настоящее время в России. Для современного российского общества характерно наличие множества различных социальных проблем, которые являются результатом негативных процессов, происходящих в разных сферах жизнедеятельности общества. Представители различных научных направлений заняты поиском ответов на вопросы о том, как возникают социальные проблемы, какова их природа и роль в социальной трансформации. Для решения социальных проблем созданы специальные структуры (государственные и негосударственные), которые используют различные программы и методы решения данных проблем. Вместе с тем, несмотря на повышение интереса к вышеобозначенным проблемам, универсального метода разрешения данных проблем до сих пор не найдено.

Одну из возможных точек зрения на социальные проблемы предлагает сравнительно новая область социологического знания – *социология социальных проблем*, основные подходы которой сформировались в течение прошлого века. В социологии социальных проблем выделяются несколько подходов к исследованию социальных проблем: объективистский, субъективистский и мультипарадигмальный.

Объективистский подход является одним из наиболее ранних подходов и трактует социальную проблему как объективное общественное состояние. В рамках данного подхода социальная проблема отождествляется с так называемой патологией (болезнью) общества по аналогии с медицинской патологией. Источником же такой проблемы считаются врожденные особенности у отдельных индивидов (наркомания, хулиганство, алкоголизм, преступность и т.д.), которые способны разрушить здоровое общество. Основоположителем данного подхода считается Самуэль Смит. Он считал, что в социальной науке патология определенным образом параллельна патологии с медицинской точки зрения. Кроме того, Смит отмечал, что социальное здоровье общества, не может являться крепким, без определенного знания об этой болезни [6].

Возникновение социальных проблем представители данного подхода связывают со сбоями в функционировании социальной системы. Так, Р. Мертон и Р. Нисбет под социальной проблемой понимали такое поведение индивида, которое отклоняется от социальной нормы и препятствует функционированию общества и реализации его целей. Главным достоинством объективистского подхода является использование при анализе социальных проблем системного подхода. Недостатком же является проблематичность определения дисфункционального состояния, т.е. определения критерия патологии общества. В любом обществе существует множество социальных групп, у которых свои, часто не совпадающие понятия о нормах и правилах поведения. Один из критиков объективистского подхода отмечал, что в обществе нет ни реальных, ни воображаемых норм как таковых. Кроме того, эти нормы нельзя установить раз и навсегда, поскольку общество постоянно меняется. «...Каким же образом возможно знание того, что на самом деле является патологией в обществе? Ответ может быть только один: это знание невозможно» [5, с. 44].

В середине XX века возникает второй подход к анализу социальных проблем – субъективистский (конструкционистский). Представителями данного подхода (Р. Миллеро и Р. Майерс) была определена структура социальной проблемы и ее эволюция. Помимо этого, в рамках субъективистского подхода возникла теория, получившая название «наклеивания ярлыков» (Говард

Беккер и Эдвин Лемерт). Данная теория сосредоточила свое внимание на девиантности, которая рассматривается не как свойство акта индивида, а следствие применения другими индивидами правил и санкций к так называемому «нарушителю» (девианту). Так, Г. Беккер отмечает, что «...Девиант – это тот, на кого удалось наклеить этот ярлык; девиантное поведение – это поведение, на которое люди наклеили ярлык девиантного... Девиантность – результат взаимодействия между некоторой социальной группой и тем, кого группа считает нарушителем правила» [1, с. 145–146]. В данной теории социальные проблемы имеют много общего с понятием девиантности и определяются как реакция общества на действия индивидов, которые отклоняются от тех правил или норм, которые определены данным обществом. Таким образом, конструкционистский подход к определению социальных проблем предполагает исследование процесса определения обществом таких ситуаций, которые являются опасными, пагубными, разрушающими само общество.

Помимо объективистского и субъективистского подходов в исследовании социальных проблем существует мультипарадигмальный подход, который является синтезом первых двух подходов, основы которого были заложены Р. Фуллером и Р. Майерсом в их известном тезисе о том, что «каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения». Данный подход предоставляет исследователям возможность всестороннего анализа социальных проблем и поиска путей их решения.

В заключении хотелось бы отметить, что каждый из рассмотренных нами подходов в социологии социальных проблем имеет свою ценность и являются взаимодополняющими друг друга подходами. Выбор исследователем того или другого подхода зависит от целей и задач исследования.

Библиографический список:

1. Беккер Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков»/ Контексты современности – II: хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
2. Симонова Т.М. Интегративный подход к исследованию социальных проблем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1 (46). С. 66-74.
3. Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности – II: хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
4. Ясавеев И.Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. С. 52-63.
5. Rosenquist, C.M. The Moral Premises of Social Pathology // The Study of Social Problems / Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.). N.Y. Oxford, 2003.
6. Smith, S. The Organic Analogy // The Study of Social Problems / Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.). N.Y. Oxford, 2003.

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Шмарова И.В.

Экономический рост страны в целом будет во многом определяться стабильностью процессов развития российских регионов. Одновременно на развитие региона будет оказывать влияние множество факторов, включающих в себя, в том числе, и обеспеченность трудовыми ресурсами, влияющими на производство конкурентоспособной продукции, предоставление качественных услуг. Однако согласно данным, опубликованным на сайте Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации наблюдается негативная динамика изменения численности трудоспособного населения, которая при существующих тенденциях развития сохранится вплоть до 2050 года [1]. Одной из мер, направленных на преодоление дефицита трудовых ресурсов в будущем, а также снижения нагрузки на трудоспособное население, является улучшение демографического

потенциала регионов. Следовательно, возникает необходимость концентрации внимания со стороны государства на вопросах решения демографических проблем.

Вместе с тем, для выработки эффективных управленческих решений, а также для последующей оценки результатов требуется комплексный подход. Для любых социально-экономических явлений и процессов характерно наличие множества взаимосвязанных показателей, которые так же являются взаимообусловленными, что требует применения специальных методов для описания связей между ними, выявления структуры, а также обнаружения закономерностей развития явлений. Вышеперечисленные задачи возможно решить с помощью многомерных статистических методов и процедур, которые будут включать в себя совокупность эвристических методов, среди которых можно выделить регрессионный, факторный и кластерный анализ.

Каждый из вышеперечисленных методов позволяет сконцентрировать внимание на определенном аспекте анализа. Так, например, для выявления трендов и оценки перспектив развития демографических процессов в областях возможно применение метода аналитического выравнивания. Данный метод был применен для исследования тренда в динамике рождаемости в Уральском федеральном округе. Был проанализирован динамический ряд с 1990 по 2014 гг. по показателю общий коэффициент рождаемости, характеризующий число рождений в пересчете на 1000 человек населения и получены уравнения регрессии [3, с. 438]. Анализ полученных уравнений позволил выявить неустойчивость трендов в динамике воспроизводственных процессов в областях УрФО. Позитивные изменения популяционной динамики в областях Уральского федерального округа могут быть обусловлены как специфическими сдвигами в структуре женского населения, так и некоторым повышением уровня рождаемости у женщин фертильного возраста, под воздействием мер, проводимых органами власти Российской Федерации на национальном и региональном уровнях управления. Одновременно анализ показал возможную смену основной тенденции в недалеком будущем при которой восходящий тренд в динамике рождаемости сменится на нисходящий во всех областях УрФО. Полученные результаты коррелируются с данными Федеральной службы государственной статистики, согласно которым в скором времени в России будет наблюдаться естественная убыль населения [4].

Следовательно, возникает необходимость разработки и реализации мер, которые окажут более существенное воздействие на демографические процессы. Однако эффективное решение демографических проблем невозможно при недостаточном понимании факторов, обуславливающих существующие демографические процессы.

Исследование взаимосвязей между переменными – факторами, оказывающими влияние на демографические показатели в регионе возможно с помощью применения факторного анализа. Между тем изучение литературы, связанной с оценкой рождаемости показало, что в большинстве исследований используется сравнительный анализ отдельных показателей рядов динамики, причем в качестве показателей для расчетов и сравнения чаще всего принимают абсолютное число зарегистрированных рождений (в годовом исчислении) [6, с. 245]; общий коэффициент рождаемости; возрастные коэффициенты рождаемости; суммарный коэффициент рождаемости [7 с. 81] и др., которые напрямую можно отнести к демографическим показателям.

На наш взгляд для решения демографических проблем необходимо учитывать специфику российских регионов и разрабатывать меры воздействия на демографические процессы, основанные на региональной дифференциации. Следовательно, необходимо расширить перечень используемых в процессе анализа показателей. Предлагается рассмотреть следующую информационную базу показателей для факторного анализа, полученную в ходе анализа форм и видов статистической отчетности, состоящую из 4 блоков: детородная активность населения; материальные условия существования семьи; ориентация населения на создание и сохранение семьи, уровень образования.

К первому блоку «детородная активность» целесообразно отнести показатели: изменения в структуре женского населения репродуктивного возраста; общий коэффициент рождаемости,

суммарный коэффициент рождаемости; средний возраст матери при рождении ребенка, лет; изменение возрастных коэффициентов рождаемости.

Ко второму блоку «материальные условия существования семьи» относятся: среднедушевые денежные доходы, руб.; расходы домашних хозяйств на конечное потребление, в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, руб.; соотношение среднедушевых доходов с прожиточным минимумом, %; доля домохозяйств с детьми, в общей численности малоимущих домохозяйств, %

Третий блок «ориентация населения на создание и сохранение семьи» представлен следующими показателями: количество частных домохозяйств на 1000 чел. насел.; общий коэффициент брачности, общий коэффициент разводимости, коэффициент устойчивости браков; количество детей, рожденных вне брака на 1000 чел. насел.; желаемое количество детей; семейные ячейки по структуре и числу детей; число детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе переданных не родственникам на 1000 чел. насел.; число прерываний беременности на 1000 чел. насел.

Четвертый блок «уровень образования» будет включать: число родившихся живыми по возрасту и образованию матери на 1000 чел. насел.; желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от уровня образования, чел.

Следует отметить, что данные блоки получены на основе анализа предоставляемой органами Федеральной службы государственной статистики информации и на данном этапе исследования еще не подвергались факторному анализу.

Перспективой дальнейшего исследования на наш взгляд является применение факторного анализа для изучения взаимосвязей между значениями переменных, а также применение кластерного анализа с целью выявления однородных групп областей, для которых возможна разработка эффективных мер демографической политики, основанная на учете региональных особенностей.

Библиографический список

1. Прогноз Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm
2. Шубат О.М., Ильшев А.М. Общая теория статистики: учебное пособие. М.: КноРус, 2013. 425 с.
3. Шубат О.М., Шмарова И.В. Рождаемость в Уральском федеральном округе: моделирование и оценка перспектив динамики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2016. Т. 15. № 3. С. 434-452.
4. Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
5. Акьюлов Р.И. Демографическая безопасность региона как объект государственной политики // Экономика региона. 2008. №3. С. 242-247
6. Молчанова Е.В., Шкиперова Г.Т. Определение приоритетных направлений демографической политики статистическими методами // Народонаселение. 2016. №1. С. 79-91.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ*

Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Лободин П.Н.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на формирование демографической структуры населения территорий, состояние региональных и локальных рынков труда. Для решения многих управленческих задач на уровне регионов и страны в целом необходимо уметь прогнозировать величину и направления миграционных потоков, а также оценивать

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-56-53032)

последствия миграции. Это не представляется возможным без использования современного экономико-математического аппарата и построения адекватных моделей миграции.

Существует значительный опыт отечественных и зарубежных ученых применения эконометрических и других моделей для моделирования миграционных процессов [1; 2; 3].

В настоящее время существует целый ряд работ, посвящённых исследованию миграции в различных странах мира, в которых обосновано, что на миграцию влияют не только различия в межрегиональных рынках труда, не только заработная плата и её покупательская способность, но и социальные условия проживания, климат и географическое положение регионов.

Эти и подобные работы выполнены на агрегированных данных, на уровне регионов и страны в целом. Но мигранты принимают решение о переезде на локальном уровне, проживая на конкретной территории, в конкретных социально-экономических условиях и сообществе. При этом миграционная активность населения проявляется достаточно быстро при возникновении неблагоприятных социально-экономических условий на территории проживания, значительно опережая многие другие демографические процессы. Поэтому при прогнозировании межрегиональных миграционных потоков необходимо учитывать, что решение о переезде на новое место жительства формируется и принимается на микроуровне, на уровне домашних хозяйств.

Для учета этих аспектов в данной работе предлагается использовать клеточные автоматы для моделирования и прогнозирования межрегиональных миграционных потоков. Теория клеточных автоматов имеет сравнительно небольшую, но достаточно продуктивную историю, основные этапы которой детально изложены в работах [4; 5].

При реализации модели клеточного автомата будем использовать прямоугольные сетки клеток для исследуемого региона и каждого Федерального округа России, а также для стран ближнего зарубежья. Каждая прямоугольная сетка содержит количество клеток, соответствующее количеству домашних хозяйств в данном регионе, с учётом предположения, что домашнее хозяйство состоит из трех человек.

Пусть $p_0, p_1 \dots p_9$, где p_0 – вероятность остаться проживать в исследуемом регионе, p_i – вероятность переехать на постоянное место жительства в i - й регион, $i=1\dots 9$. Эти вероятности вычисляем как средние за ряд лет.

Используя датчик случайных чисел, равномерно распределенных на отрезке $[0, 1]$, отмечаем исходное состояние клеток, соответствующих домашним хозяйствам исследуемого региона, числами от 0 до 9. Если состояние клетки 0, то соответствующее домашнее хозяйство остаётся на следующий период жить в исследуемом регионе, если i , то уезжает в i регион, $i=1\dots 9$.

Алгоритм расчетов в модели на каждой итерации состоит из следующих этапов:

1. Определение домашних хозяйств, принявших решение выехать из исследуемого региона.
2. Определение количества домашних хозяйств, принявших решение приехать в исследуемый регион.
3. Уточнение количества клеток сетки, соответствующей исследуемому региону, учитывая процессы миграции, рождаемости и смертности.
4. Пересмотр по исследуемому региону клеток сетки и определение их состояний.

На первом этапе выполняем один шаг по сетке, соответствующей исследуемому региону.

Перебираем для каждой клетки 4 соседние клетки и четыре выбранные случайным образом в регионе. В этих клетках рассматриваем их состояния:

- если можно отметить состояние среди соседних и выбранных клеток, которое отлично от нуля и таких клеток больше, чем клеток в любом другом ненулевом состоянии среди этих клеток, то при переезде данное домашнее хозяйство выезжать будет в регион, который соответствует отмеченному состоянию по этим клеткам;

- если такого состояния нет, то по m клеткам с ненулевым состоянием, по вероятностям выезда в соответствующие регионы $p_{i_1}, p_{i_2}, \dots p_{i_m}$ вычисляем $p = \sum_j^m p_{i_j}$. Разбиваем отрезок $[0,$

1] на интервалы длины $\frac{p_{ij}}{p}, j = 1, m$. Генерируем случайное число из отрезка [0, 1] и выбираем регион выбытия в соответствии с тем, в какой интервал попадает число.

Учитывая состояние всех клеток соседей – окружения (8 клеток) и используя функцию Лапласа, строим функцию перехода $P(n)$.

$$W(n) = P\left(-3\sigma \leq x \leq -3\sigma + \frac{3}{4}\sigma n\right) = \Phi\left(-3 + \frac{3}{4}n\right) + \Phi(3), \quad (1)$$

$$P(n) = \frac{W(n)}{k}, k = \frac{0,9973}{\sum_{i=1}^9 p_i}, \quad (2)$$

где n – число клеток из окрестности текущей клетки в состоянии ненулевом; σ – среднее квадратичное отклонение; $\Phi(x)$ – функция Лапласа.

Вычисляем случайное число x , если $x < P(n)$, то домашнее хозяйство принимает решение уехать в выбранный регион. В противном случае, состояние клетки 0 и семья остается проживать в регионе.

На этапе 2 аналогичным образом по сеткам, соответствующим Федеральным округам и странам ближнего зарубежья, определяем домашние хозяйства, принявшие решение выехать в исследуемый регион.

На этапе 3 вычисляется сальдо миграции за итерацию: разность количества домашних хозяйств, принявших решение выехать и приехать в исследуемый регион.

Рассчитывается естественный прирост (убыль) населения исследуемого региона. Если выполняется настройка автомата, то естественный прирост (убыль) населения вычисляется за соответствующий год по статистическим данным. При выполнении прогнозных расчетов естественный прирост (убыль) населения вычисляется за год по эконометрическим моделям смертности и рождаемости в исследуемом регионе. При этом выполняется следующая последовательность расчетов:

1) выделение из исходного перечня показателей основных факторов, влияющих на анализируемый демографический процесс, используя факторный анализ;

2) построение регрессионного уравнения зависимости количественных показателей анализируемого демографического процесса от выделенных основных факторов;

3) прогнозирование значений выделенных основных факторов на следующие периоды времени, используя стандартные методы прогнозирования временных рядов;

4) вычисление прогнозных значений количественных показателей анализируемого демографического процесса по построенному регрессионному уравнению и прогнозным значениям выделенных основных факторов;

5) расчет прогнозируемых значений естественного прироста (убыли) населения исследуемого региона по годам на прогнозируемый период времени.

Учитывая вычисленные значения сальдо миграции и естественного прироста (убыли) населения, определяется численность населения исследуемого региона в конце итерации или за анализируемый период (отчетный или прогнозный год) и количество клеток соответствующей сетки.

На этапе 4 распределяются случайным образом прибывшие в исследуемый регион домашние хозяйства по клеткам сетки, соответствующим выехавшим из исследуемого региона домашним хозяйствам, изменяется количество клеток при необходимости. Значение состояния, которые получают такие клетки, определяются в соответствии с вектором вероятности отъезда на текущий год из исследуемого региона. Выполняется переход на этап 1 или завершается процедура расчетов.

Разработанный клеточный автомат был апробирован на статистических данных по Приморскому краю. Для моделирования миграционных потоков клеточным автоматом разработана кроссплатформенная программа на языке Go. Вычисления производились на компьютере с 4-х ядерным процессором Intel Core i7 с тактовой частотой 2.5 ГГц и 16 ГБ оперативной памяти. В

данном исследовании проводился среднесрочный прогноз межрегиональных миграционных потоков из Приморского края на три года. Результаты прогноза представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Прогнозные значения миграционного потока из Приморского края (чел., зарегистрированных по месту жительства)

№	Регион	2015	2016	2017
	Центральный ФО	2669	2648	2840
	Северо-Западный ФО	1723	1753	1621
	Южный и Северо-Кавказский ФО	1605	1761	1557
	Приволжский ФО	996	987	996
	Уральский ФО	489	435	408
	Сибирский ФО	1764	1689	1809
	Дальневосточный ФО (без ПК)	3135	3303	3156
	Дальнее зарубежье	165	154	184
	Ближнее зарубежье	215	314	293
	Выехавшие мигранты	12 903	13 044	12 864
	Прибывшие мигранты	8 520	8 210	8 680
	Численность населения ПК, на начало года	1 931 676	1 924 456	1 916 467
	Численность населения ПК, на конец года	1 924 456	1 916 467	1 908 629

Проведенное исследование показывает возможность и целесообразность моделирования межрегиональных миграционных потоков клеточными автоматами.

Библиографический список:

1. Gerber T. Regional economic performance and net migration rates in Russia, 1993–2002 // International Migration Review. 2006. Vol. 40(3). Pp. 661–697.
2. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации // Прикладная эконометрика. 2010. № 1(21). С. 35-55 .
3. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2001. 317 с.
4. Тоффоли Т., Марголюс Н. Машины клеточных автоматов. М.: «Мир». 1991. 280 с.
5. Лобанов А.И. Модели клеточных автоматов // Компьютерные исследования и моделирование. 2010. Т. 2. № 3. С. 273-293.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ЗАНЯТОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА ТРУДА

Шойдорова Е.Ю.

Переход Российской Федерации к рыночной экономике трансформировал многие социальные и экономические аспекты трудовых отношений. Безработица в одних сферах экономической деятельности и нехватка рабочей силы в других стали реалиями жизни.

В условиях активно идущих процессов старения и депопуляции населения человеческий ресурс становится самым дефицитным ресурсом. В связи с этим, наиболее перспективными являются социальные технологии управления качеством жизни населения – технологии государственного регулирования и технологии социального партнерства [1].

В рамках проводимой в России реформы государственной службы формируются и осваиваются новые принципы взаимоотношений государственных учреждений и потребителей, граждан и работодателей. При таком подходе граждане начинают выступать в новом качестве: как потребители социального заказа на государственные услуги. Меняются принципы взаимодействия с работодателями. Работодатели, как и любые иные потребители, имеют право на получение качественных, своевременных услуг. Сотрудничество работодателей со службой занятости населения привлекательно и взаимовыгодно только тогда, когда оно сопровождается снижением затрат их времени, удобством каналов и способов получения услуг, что непосредственно отражается на уровне конкурентоспособности субъектов этих социально-трудовых отношений.

Передача от федерального центра в регионы ключевых функций по реализации программ активной политики занятости обуславливает переход к модели развития региональной службы занятости. Государственная служба занятости как государственное учреждение, оказывая социальные услуги населению, не является учреждением социального обеспечения. Она относится к объектам государственной инфраструктуры рынка труда с выраженными регулируемыми функциями. В условиях расширения полномочий регионов эти цели требуют от государственной службы занятости изменения в её поведении на рынке труда, а именно: увеличения спектра услуг, расширения целевой аудитории, совершенствования технологии работы с ней. Активные программы, реализуемые государственной службой занятости регионов, должны быть сфокусированы на повышении эффективности соединения работников, а не только зарегистрированных безработных граждан, и рабочих мест на рынке труда. Деятельность государственной службы занятости должна ориентироваться, в основном, на превентивные меры в условиях как колебаний, так и повышения уровня безработицы.

Основные принципы деятельности государственной службы занятости в России закреплены в соответствующих законодательных и нормативных актах и, прежде всего, в законе «О занятости населения в Российской Федерации»[2].

Представим основные этапы формирования и развития государственной службы занятости. Первый этап (1991 – середина 1995 гг.) – это период создания государственной службы занятости. Формирование этих институтов рынка труда было обусловлено повышением внимания правительственных структур к сложившимся обстоятельствам: реальной перспективе массовой безработицы и отсутствию специализированной государственной структуры по регулированию рынка труда. Из конкретных действий можно отметить: принятие Закона о занятости населения, учреждение внебюджетного Государственного фонда занятости, выстраивание вертикали федеральной службы, регулирующей процессы в сфере занятости в масштабах страны, а также ее региональных и районных органов. Из существующих источников финансирования основными были ресурсы в образованном Государственном Фонде занятости и полученные кредиты международных финансовых институтов (прежде всего, Всемирного банка). В те годы, государственная служба занятости была единственной социальной службой, использовавшей в своей работе прогрессивные технологии. Указанный период характеризовался быстрым накоплением потенциала (как технического, так и ресурсного) Федеральной службы занятости России. Именно она стала главным

идеологом и генератором новых идей, которые распространялись по всей вертикали, координатором и проводником программ, успешно реализуемых в регионах.

Второй этап (середина 1995 – 2001 гг.) характеризуется как самый противоречивый в развитии государственной службы занятости. Развитие службы постепенно начало приостанавливаться, а накопленный ею потенциал – обесцениваться; специалистами отмечалась такая тенденция, как сочетание высокой интенсивности деятельности государственной службы занятости и жесткие финансовые ограничения вследствие глубокого кризиса Государственного Фонда Занятости; прекращение помощи от международных финансовых институтов, сокращение поступлений из региональных бюджетов. Данный период характеризовался увеличением продолжительности безработицы, формированием очагов высокой безработицы.

В указанный период, несмотря на рост безработицы в стране, проводилось сокращение численности сотрудников государственной службы занятости и, как следствие, происходило увеличение нагрузки на персонал, что вело к снижению качества предоставляемых услуг. Кроме того специалисты отмечали проблемы транспарентности информации, предоставляемой работодателями, и определения доли безработных, регистрируемых в органах ГСЗ, поэтому оценка функции посредничества в трудоустройстве носила приблизительный характер.

Третий этап (2001 – 2004 гг.) характеризуется кардинальным изменением финансирования как самой ГСЗ, так и всей системы защиты от безработицы. С введением в действие второй части Налогового кодекса РФ и ликвидацией Государственного Фонда Занятости финансирование всех мер по трудоустройству населения стало осуществляться из средств федерального бюджета. Необходимо отметить, что реформирование затронуло лишь финансовую составляющую системы ГСЗ, но не коснулось содержания и качества работы её институтов, что, очевидно, могло ограничивать эффективность деятельности ГСЗ. В связи с переходом на бюджетное финансирование реализация активной политики на рынке труда территориальными органами Минтруда проводилась на основе заключения государственных контрактов с организациями-исполнителями мероприятий (профобучения и профориентации, организации ярмарок вакансий, информирование работодателей) на условиях конкурса[3].

В этот период деятельность государственной службы занятости осуществлялась в соответствии с Федеральной целевой программой содействия занятости населения РФ на соответствующий период и региональными программами содействия занятости населения. Заметим, что в 2003 г. впервые была принята столь масштабная «Концепция действий на рынке труда РФ на 2003-2005 годы» [4]. Далее эта организационная форма регулирования политики занятости стала устойчивым элементом в социально-экономической политике.

Четвертый этап в развитии государственной службы занятости (2004 – 2012 гг.) Функция регулирования рынка труда и политики занятости в 2004 г. перешла Федеральной службе по труду и занятости вместо упраздненного Министерства труда и социального развития [5]. Роль Федеральной службы по труду и занятости была четко прописана в трудовом законодательстве РФ. В частности, указывалось, что она является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере труда, занятости и альтернативной гражданской службы, по оказанию государственных услуг в сфере содействия занятости населения и защиты от безработицы, трудовой миграции и урегулирования коллективных трудовых споров.

Вместе с тем с преобразованием Минтруда в Минздравсоцразвития начался процесс изменения статуса государственной службы занятости и её административное преобразование. Для понимания происходящих изменений принципиальное значение имели два решения, принятые в 2007 г. Во-первых, внедрение в российскую правовую систему принципа передачи полномочий, финансов, ответственности на нижестоящие уровни. Во-вторых, предоставление органам власти субъектов РФ «...права на установление за счет средств собственных бюджетов дополнительных социальных гарантий и расширения перечня государственных услуг по содействию в трудоустройстве

безработных граждан и социальной адресной поддержке отдельных категорий граждан независимо от наличия указанного права в федеральных законах» [6].

Таким образом, в период с 2007 по 2012 гг. происходил постепенный процесс преобразования важнейшего института рынка труда – государственной службы занятости. Объективным социально-экономическим фоном и условием реализации его основной миссии – активизации посредничества на рынке труда в области содействия занятости – стал процесс децентрализации, т.е. делегирования ответственности в этой сфере на региональные уровни.

С 2012 г. начался пятый этап в деятельности государственной службы занятости. На этом этапе Минздравсоцразвития РФ было ликвидировано и на его основе созданы две структуры: Министерство труда и социальной защиты и Министерство здравоохранения. Территориальные органы по вопросам занятости населения были преобразованы в органы государственной власти субъектов РФ, а Управления Федеральной службы по труду и занятости субъектов РФ – в Агентства труда и занятости населения администрации субъектов РФ.

Делегирование полномочий приводит к углублению регионализации государственной службы занятости, усилению влияния степени развитости регионов на активность и выбор приоритетов в направлении деятельности государственной службы занятости, повышение значимости государственной службы занятости в рамках региона, необходимость ее встраивания в концепцию и механизмы регулирования социально-экономического развития [7].

В качестве перспективы в развитии организации государственной службы занятости необходимо предусмотреть реализацию ряда системных решений, которые, на наш взгляд, взаимосвязаны между собой и содержательно, и институционально: адаптация бизнес-технологий к деятельности государственной службы занятости; использование института государственно-частного партнерства при оказании услуг; полный переход к управлению по результатам и др.

Библиографический список:

1. Дагбаева С.Д.-Н. Социальные технологии в управлении качеством жизни // Вестник ВСГТУ. №3 (34). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. С.119-122.
2. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 09.03.2016, с изм. от 11.10.2016) «О занятости населения в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
3. Федеральный Закон от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2003 г. № 568-р
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 324 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости»
6. Маслова И.С. Институты российского рынка труда в механизме регулирования процессов занятости // Вестник Института экономики РАН.. 2013. № 5. С. 49-52.
7. Базыленко Т.Ю. Становление и развитие государственной службы занятости в России как института рынка труда // Социальная политика и социальное партнерство. 2013. № 2.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Шубат О.М., Караева А.П.

Увеличение степени многообразия и форм проявления общественной жизни, усиление взаимообусловленности социально-экономических явлений, характерные для современного этапа развития общества, актуализируют поиск релевантных инструментов и техник изучения наблюдаемых процессов. Именно поэтому методы многомерного анализа получают все большее распространение на современном этапе развития статистической науки и практики. Эти методы

решают задачи описания связей между большим числом объектов или признаков, выявления структуры данных, обнаружения объективно существующих, но непосредственно не наблюдаемых закономерностей. Одним из таких методов является кластерный анализ, который используется для классификации объектов или событий по однородным группам (сегментам, кластерам).

Целью настоящего исследования является изучение практики применения статистического инструментария кластерного анализа для анализа неоднородных социально-экономических совокупностей. Мы также ставили задачу описания ограничений и недостатков методики кластеризации. В качестве исходной информации мы использовали публикации российских ученых-исследователей, размещенных на ресурсе Elibrary.

Применение кластерного анализа

Методы кластеризации используются в качестве статистического инструментария в самых разнообразных научных направлениях. К примеру, многомерная классификация данных находит широкое применение в медицинских исследованиях и психологии. Так, В.А. Альбахели в исследовании [1] проводит кластерный анализ работы медицинской техники с целью повышения качества диагностики заболеваний с помощью МРТ. В работе В.П. Пономарева и И.Ю. Белоглазовой исследование показателей крови больных проведено на основе кластерного и факторного видов анализа [2]. Применение кластерного анализа для обработки данных психологических исследования показано в работе [3]. Автор рассматривает теоретико-методические, а также прикладные вопросы применения этого вида анализа, предлагает варианты развития методики классификации и пути совершенствования алгоритмов анализа данных, реализуемых в современных пакетах прикладных программ.

В социально-экономических исследованиях сфера применения многомерной классификации данных также широка. Так, кластерный анализ часто применяется в маркетинговых исследованиях. С его помощью чаще всего проводят сегментацию рынка. Однако есть авторы, которые применяют этот вид анализа в других направлениях маркетинговой деятельности. К примеру, О.Н. Ломидзе в работе [4] показывает возможности кластеризации для выбора наиболее эффективного способа управления персоналом. В работе [5] показаны особенности восприятия населением концепта «красота» в рекламной продукции.

Чаще всего кластерный анализ применяется для сегментации территориальных образований по набору социально-экономических индикаторов. К примеру, в исследовании [6] проводится сегментация районов Оренбургской области на основе показателей, характеризующих уровень социального развития сельских территорий. Авторы И.Л. Фрумина и Е.В. Цветкова методом кластерного анализа исследуют проблемы аграрной экономики [7] и проводят типологизацию муниципальных районов Челябинской области. В исследовании [8] авторы применяют кластерный анализ для оценки динамики численности населения Краснодарского края, выделяя группы районов со схожими характеристиками протекания демографических процессов. В работе [9] кластерный анализ применяется для сегментации регионов России по уровню научной и инновационной активности.

Вместе с тем, необходимо отметить, что объектами кластеризации все чаще становятся не только территориальные образования. Так, А.В. Кашеева показывает возможности применения кластерного анализа к письменным текстам (творческим эссе) [10]. В работе [11] ее автор А.В. Орлов проводит кластеризацию отраслей промышленности и секторов экономики по уровню энергопотребления и энергоемкости. В исследовании [12] авторы применяют кластерный анализ для составления профилей пользователей интернета.

Недостатки метода кластерного анализа

Как практически любой статистический инструментарий, кластерный анализ имеет свои ограничения и недостатки. На наш взгляд, можно выделить четыре наиболее значимых.

1. Особенностью методов кластеризации является тот факт, что не существует однозначно определенных и строгих критериев выявления числа возможных однородных сегментов (за

исключением некоторых формализованных техник, помогающих исследователю в выборе числа кластеров). Каждый раз исследователь самостоятельно принимает решение относительно числа кластеров, ориентируясь на теоретические и практические соображения. Именно поэтому определение числа кластеров – всегда сложный вопрос для исследователя. Иногда можно априорно (до проведения кластерного анализа) определить это число, имея представление о сути изучаемого явления. Однако в большинстве случаев число кластеров определяется только в процессе анализа. Здесь также следует отметить, что поскольку количество кластеров задается исследователем самостоятельно, это допускает использование субъективных критериев во время проведения анализа.

В качестве иллюстрации этого недостатка кластерного анализа можно привести графическую модель процесса сегментации, представленную в работе [13], где показаны варианты разбиения одной и той же совокупности, в зависимости от заданного числа кластеров (рис.1)

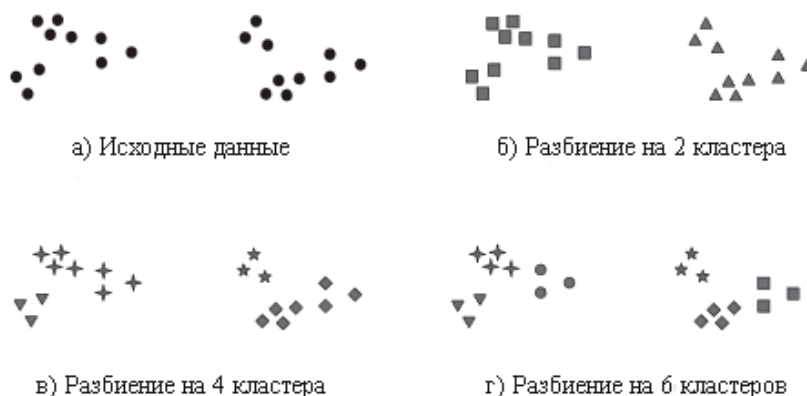


Рисунок 1 – Различные способы кластеризации одного массива данных [13, с. 491]

2. Выбор метрик и методов кластеризации может давать разные результаты разбиения совокупности единиц наблюдения на однородные группы. Поскольку состав кластеров напрямую зависит от выбранных критериев, при изменении применяемой метрики могут получиться кардинально разные результаты. Таким образом, выбор меры расстояния и метода связи является важным методологическим вопросом в кластерном анализе.

3. Серьезной проблемой в кластерном анализе может оказаться существование перекрывающихся групп объектов. Такого рода объекты классифицируют как спорные в том смысле, что по мере сходства они могут быть отнесены к нескольким кластерам. В этом случае при помощи математических процедур невозможно принять однозначное решение, и исследователь относит объект к кластеру на основании собственных логических заключений.

4. Так как метод кластерного анализа позволяет из огромного массива информации перейти к более компактному, то неизбежна потеря части информации и индивидуальных черт изучаемых объектов.

Однако следует отметить, что несмотря на ряд ограничений и недостатков кластерного анализа, он достаточно широко применяется в исследовательской практике. На наш взгляд, этот инструментарий обладает существенным когнитивным потенциалом – способностью создавать и аккумулировать знание. Безусловно, к оценке надежности и достоверности полученных с его помощью результатов необходим взвешенный подход, в основе которого будет объективный учет присущих данному инструментарию методических недостатков.

Библиографический список:

1. Альбахели В.А., Сегментация магнитно-резонансных изображений на основе кластерного анализа // Тенденции науки и образования в современном мире. 2015. № 5 (5). С. 18-20.

2. Пономарев В.П., Белоглазова И.Ю. Применение факторного и кластерного статистического анализа в медицине // Перспективные информационные технологии: международная научно-техническая конференция. Самара, 26-28 апреля 2016 г. С. 589-592.
3. Савченко Т.Н. Применение методов кластерного анализа для обработки данных психологических исследований // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 2. С. 67-86.
4. Ломидзе О.Н. Кластерный анализ в социологических исследованиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 9 (97). Ч. 1. С. 38-42.
5. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Восприятие концепта «красота» различными группами участников рекламной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 46-54.
6. Дегтярева Т.Д., Чулкова Е.А. и Торбина Е.С., Исследование дифференциации социального развития сельских территорий // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 212-216.
7. Фрумина И.Л. и Цветкова Е.В. Исследование некоторых проблем аграрной экономики методом кластерного анализа // Известия Челябинского научного центра УРО РАН. 2007. № 4. С. 93-97.
8. Богорсукова Н.Я., Халафян А.А., Ракачев В.Н. Применение кластерного анализа при изучении динамики численности населения районов Краснодарского края // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. №2 (41). С. 142-146.
9. Моденова А.А., Якимов И.М. Кластерный анализ регионов России по научной и инновационной активности // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 2. № 2 (3). С. 69-72.
10. Кашеева А.В. Кластерный метод в анализе учебных письменных текстов // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 12. С. 295-301.
11. Орлов А.В. Использование кластерного анализа при определении энергоемкости отраслей промышленности и секторов экономики // Вестник Поволжского Государственного технического университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 1. С. 66-71.
12. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Профили пользователей интернета и национальный менталитет в России и Швеции: результаты сравнительного кластерного анализа // Фундаментальные исследования. 2014. №11-3. С. 661-664.
13. Pang-Ning Tan, Michael Steinbach and Vipin Kumar. Introduction to data mining. Addison-Wesley Longman Publishing Co., Inc. Boston, MA, USA. 2005.

МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Шубат О.М., Киселева О.И.

Прогнозирование динамики численности населения является актуальным вопросом в рамках развития статистической методологии. Официальные демографические прогнозы в нашей стране на регулярной основе реализуются и публикуются с 1993 года. Однако их реалистичность и степень определенности вызывают дискуссии в научных кругах. В современных условиях необходимость развития методики прогнозирования усиливается неоднозначностью демографических трендов последних лет – даже в сравнительно недолгосрочной перспективе волатильность показателей естественного движения населения России была высока (рис. 1).

Целью настоящего исследования является анализ существующих методов и приемов статистического прогнозирования численности населения. В процессе исследования был проведен контент-анализ публикаций с применением различных методов демографического прогнозирования.

Все многообразие методов прогнозирования численности населения можно разделить на два основных направления – формализованное и экспертное. Экспертный подход основывается на прогнозировании процессов, которые невозможно описать с помощью математического аппарата по причине характера информации или отсутствия информационной базы. Формализованное

направление, позиционируемое как обладающее высокой точностью и надежностью, представлено широким спектром статистических методов.

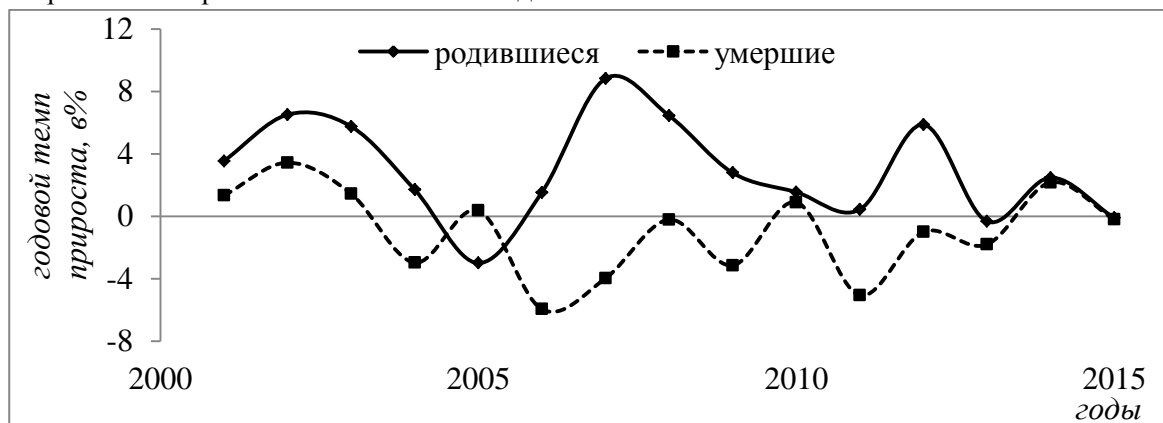


Рисунок 1 – Динамика основных индикаторов естественного движения населения России, % (рассчитано по [1])

В зависимости от информационной базы, можно выделить три группы статистических методов прогнозирования динамики численности населения: прогнозы на основе ретроспективного анализа численности населения, прогнозы на основе показателей естественного и механического движения населения и прогнозы на основе моделирования ряда динамики. Рассмотрим подробнее каждую из групп.

Прогнозы на основе ретроспективного анализа численности населения

Прогнозные значения численности населения можно определить с помощью среднего абсолютного прироста и среднего коэффициента роста. Прогнозирование по формуле среднего абсолютного прироста используется в том случае, если принимается допущение, что с каждым годом численность населения изменяется на одно и то же значение. При этом прогноз рассчитывается по формуле:

$$S_t = S_0 + t \cdot \bar{\Delta}, \quad (1)$$

где S_0 – численность населения на начало периода; t – период прогноза.

Прогнозирование с помощью среднего коэффициента роста осуществляется тогда, когда предполагается, что численность населения с каждым годом изменяется в одно и то же число раз. В этом случае прогнозное значение рассчитывается по формуле:

$$S_t = S_0 \cdot \bar{K}_p^t, \quad (2)$$

где S_0 – численность населения на начало периода; t – период прогноза.

Прогнозы на основе показателей естественного и механического движения населения

Данный подход основывается на гипотезе, что сложившиеся тенденции в движении населения в прошлом сохраняются в будущем на период прогнозирования. Прогнозная численность населения может быть рассчитана на основе коэффициента общего прироста населения по формуле:

$$S_t = S_0 \cdot \left(1 + \frac{K_{\text{ОБЩ}}}{1000}\right)^t, \quad (3)$$

где S_0 – численность населения на начало периода; t – период прогноза.

Метод передвижки возрастов прогнозирует численность населения возрасте $x+1$ на основе анализа таблиц смертности по формуле:

$$S_{x+1} = S_x \cdot P_x, \quad (4)$$

где S_x - численность населения в возрасте x лет, P_x - коэффициент дожития.

Перспективная численность населения может быть определена через экспоненциальную кривую коэффициента естественного прироста (экспоненциальный закон роста) по формуле:

$$S_t = S_0 \cdot e^{k \cdot t}, \quad (5)$$

где S_0 – численность населения на начало периода; e – основание натурального логарифма; k – коэффициент естественного прироста в долях единицы; t – период прогноза.

Прогнозы на основе моделирования ряда динамики

Прогнозирование с помощью регрессионных моделей, которые отражают зависимость численности населения от выбранного предиктора(-ов) позволяют включать в прогноз любые факторы, характеризующиеся корреляционной взаимосвязью. Она может быть представлена в виде линейной и нелинейной функции с одним или несколькими предикторами. Отметим, что в практике прогнозирования динамики численности населения наиболее часто встречаются нелинейные модели. Анализ публикаций с применением методов демографического прогнозирования показал, что в научно-исследовательской практике применяются преимущественно формализованные подходы к прогнозированию численности населения. К примеру, в работе О.Б. Матвеевой и Е.П. Гусевой [2] на основе ретроспективного анализа прогнозируется емкость Оренбургского рынка труда. А.А. Еремин [3] определяет перспективную численность населения на основе показателей естественного и механического движения населения, пользуясь формулой экспоненциальной кривой. Метод передвижки возрастов подробно рассмотрен в работе Л.Р. Сафиуллина и др. [4], где прогнозируется численность населения в республике Татарстан. Этот же метод представлен в работах по демографическому старению Ю.Р. Юзаевой [5], А.В. Ивлева и И.О. Михеева, прогнозирующих численность населения РФ без учета мигрантов [6]. А.Н. Александров и Ю.Р. Архипов в своей работе моделируют численность молодого населения с помощью экспоненциального уравнения регрессии и прогнозируют численность миграционного прироста (убыли) с помощью полиномиальной модели, а также используют метод передвижки возрастов для построения прогноза половозрастной структуры численности населения [7]. Регрессионный анализ, как метод прогнозирования численности населения на макро-уровне, представлен в работе Э.А. Пиля [8]. В работе О.В. Тарасовой на основе полинома второй степени выполнен прогноз численности населения Тюменской области [9].

Таким образом, статистические методы прогнозирования активно используются в исследовании динамики численности населения. Наиболее популярными среди данных методов можно выделить регрессионное моделирование и метод передвижки возрастов. Данные методы обладают широким спектром применимости и сравнительно высокой степенью достоверности прогнозов. Вместе с тем, следует отметить, что каждый из перечисленных методов имеет те или иные ограничения. В частности, сфера применения метода экстраполяции ограничена методическим требованием постоянства среднегодовых абсолютных приростов или темпов роста (прироста) на протяжении всего периода прогнозирования. Но как было показано выше, последние годы в российской популяционной динамике это условие не выполняется. Недостатки статистического моделирования связаны, прежде всего, с довольно существенными статистическими допущениями и ограничениями, характерными для регрессионного анализа.

Отметим, что неустойчивость трендов – не единственная причина снижения достоверности демографических прогнозов. Еще одним негативным моментом является недостаточность собираемой информации. К примеру, на сегодняшний день Росстат не ведет системный подсчет очередности рождений. Однако в условиях низких репродуктивных установок и ожидаемых негативных структурных изменений в составе населения подъем рождаемости возможен именно за счет роста рождений более высоких порядков. Отсутствие информации об очередности рождений практически не дает возможности выявлять детерминанты рождаемости и строить прогнозы ее динамики (а, следовательно, и достоверные прогнозы численности населения). Единственным источником необходимой информации в этих условиях может быть специально организованные выборочные обследования населения. К примеру, в работе [10] нами была реализована методика прогнозирования рождаемости на основе комбинирования статистических данных и материалов социологического опроса. На наш взгляд, применение социологических методов исследования в прогнозных оценках позволяет включить в число анализируемых переменных субъективные характеристики – оценки, установки, ориентации населения, влияющие на репродуктивное

поведение. Учет таких субъективных характеристик позволит повысить степень достоверности демографических прогнозов.

Библиографический список:

1. Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Матвеева О.Б., Гусева Е.П. Прогнозирование социально-трудовых показателей жизни населения (на примере Оренбургской области) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014 № 1. С. 191-194.
3. Еремин А.А. Прогнозирование численности населения городов и районов Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 3. С. 39-44.
4. Сафиуллин Л.Р., Шакирова Л.Р., Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О. Метод передвижки возрастов в прогнозировании численности населения (на примере республики Татарстан) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014 № 11 (121). С. 135-140.
5. Юзаева Ю.Р. Прогноз численности населения Оренбургской области в разрезе городской и сельской местности методом «передвижки возрастов» // Статистика и экономика. 2014. № 5. С. 155-160.
6. Ивлева А.В., Михеева И.О. Прогнозирование численности населения Российской Федерации без учета миграции // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 3. С. 169-172.
7. Александров А.Н., Архипов Ю.Р. Территориальный анализ и прогнозирование численности экономически активного населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 282-285.
8. Пиль Э.А. Прогнозирование численности населения для стран G7 // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 142-144.
9. Тарасова О.В. К вопросу о применении математических методов изучения демографических процессов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 186-188.
10. Шубат О.М., Багирова А.П. Прогнозирование вторых рождений у российских женщин: социолого-статистический подход // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3. С. 131-140.

СИСТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В УПРАВЛЕНИИ

Юрасова М.В.

В практиках современного управления становятся востребованы многосторонние и многофакторные исследования, позволяющих изучать и обрабатывать данные по различным источникам информации, а также использовать различные стратегии, методы и технологии исследований. Поэтому ставится вопрос об объединении всех видов прикладных исследований управления для получения надежного результата.

Любую проблему или ситуацию можно измерить, главное – правильно выбрать критерий, по которому осуществлять измерение и определить начальную точку измерения или основание. Правильно измеренная проблема в управлении влечет за собой создание адекватной программы изменений.

В этой связи встает вопрос о качестве информационной и аналитической основы, на которой принимается важное решение. Социологическая наука и практики позволяют изучить, систематизировать и выявить упорядоченность, закономерности в многообразии факторов и условий управления. Непрерывно идет наращивание потенциала исследовательских методов и технологий, в том числе за счет междисциплинарных подходов.

Измерение – это способ изучения социальных явлений, процессов, систем, их свойств и отношений с помощью количественных оценок. Само количественное изучение социальных явлений способствует осознанию вероятностного характера ряда социальных закономерностей, более полному применению статистических методов. Измерение позволяет разобраться в ситуациях и

определить подходящие направления действий для достижения поставленной цели. В то же время нередко измерение само по себе приносит очень мало пользы, а то и вовсе оказывается бесполезным [1;2; 3].

Как правило, такая информация может быть получена только путем правильно проведенных измерений. Следовательно, современное развитие естественных наук, научные достижения, технические новинки сегодня также немыслимы без измерений. Степень надежности измерений бывает не всегда одинакова для всех направлений деятельности.

В связи с необходимостью сравнения (определения эффективности) все процессы пытаются измерить. Этому в немалой степени способствовал процесс менеджизации. Если в производственных процессах все выстроено по принципам менеджмента – это условия выживания в рыночной конкурентной среде, то под менеджериализацией в социальной сфере понимается внедрение в данную сферу принципов менеджмента, а также стремление к повышению управленческой эффективности ее подсистем (социальное обеспечение, образование, здравоохранение, культура). В качестве примера можно рассмотреть научную сферу, для которой сиюминутный эффект бывает губительным, в то же время вкладываться в долгосрочные исследования и испытания с неясным или отрицательным результатом мало кто хочет.

В принятии управленческих решений обычно опираются на количественные (измеряемые) данные. Однако, важны не только количественные данные, позволяющие все выразить в цифрах, формулах, графиках. Качественные методы для изучения управления бывают даже более значимы. Так, например, определяя степень мотивированности персонала организации, нельзя не учесть понимания того, из чего складывается система лояльности персонала, какие направления системы мотивации поддерживать, а от каких стоит избавляться в связи с невостребованностью (или сверхвысокими затратами). Подобное объединение способно осуществить посредством построения системы исследований.

Система исследований призвана объединить разрозненные прикладные исследования, касающиеся одного объекта – системы управления или организации. Эти выводы были получены на основе многолетней работы автора в качестве Эксперта Премии Правительства Российской Федерации в области качества управления и Конкурса СНГ в области качества товаров и услуг.

Подобно решению сложных математических задач через построение системы уравнений с переменными функциями рассматривается решение текущих и стратегических задач управления через построение системы исследований. В системе исследований, по аналогии с системой уравнений в математике, решение согласуется со всеми условиями выдвигаемыми подсистемами системы управления, то есть достигается максимально согласованный проект решения.

Идеи подобного подхода продиктованы современными требованиями к структурам управления, касающихся качества исходной информации для принятия сложных управленческих решений, а также наиболее полного прогнозирования их последствий.

Управленческая наука в своем развитии впитывала в себя отдельные интересные и важные идеи, порожденные практиками управления (например, развитие мотивации, маркетинг, социальную ответственность и многое другое). Постепенно они интегрировались в единый управленческий процесс. Параллельно формировался исследовательский инструментарий, позволяющий изучать практику управления и формировать рекомендации по оптимальному использованию данных в управленческом процессе.

Огромная доля исследований строится на проектной основе. В большинстве случаев они проводятся однократно и рассматривают одну какую-либо сторону деятельности (например, маркетинговые исследования или исследование удовлетворенности персонала). По некоторым параметрам строятся мониторинговые исследования (многократные) или проводят комплексные исследования, которые включают в себя ограниченный задачами набор исследований, выстроенный по различным методическим стратегиям.

Однако, задачная компоновка решения управленческих вопросов, влечет за собой искажение, непроработанность (недоработанность) результата. Разрозненные исследования остаются фрагментами, связанными с отдельными направлениями многогранного и сложного процесса управления. Подобная фрагментарность информации, полученной по результатам социологических (социальных) исследований (обследований), приводят к серьезным ошибкам и просчетам при принятии управленческих решений.

Качество управления (управленческих решений), до недавнего времени, в основном рассматривалось только с позиции технологических процессов: как качество товаров или услуг. Повышающиеся требования к качеству расширяют значение качества от качества конкретного изделия (товара, услуги, процесса) к качеству работы системы управления. Системы качества управления (управления качеством) предъявляют требования к наличию результатов исследований по всем направлениям деятельности организации: социологическим, маркетинговым, репутационным и др.), несмотря на то, что разрозненные (проектные) исследования проводятся сравнительно регулярно, тем не менее, они дают фрагментарные сведения, не позволяющие оценить работу организации в целом.

Формирование системы исследований направлено на взаимоувязку всех проводимых исследований в единую концепцию, согласование инструментария и временных границ проведения исследований. Это позволит создать единый исследовательский центр управления, который будет нести ответственность за все происходящие исследовательские процессы и качество представляемой информации. Особой необходимости выделять для этих целей отдельную структурную единицу, как показывает опыт, нет, поскольку в составе «штаба» должны быть представлены все направления деятельности организации, потенциально нуждающиеся в эмпирических данных (маркетинг, PR, управление персоналом и других, заинтересованных в получаемых результатах).

Под системой исследований – будем понимать взаимосвязанную, взаимозависимую, взаимосвязанную совокупность исследований одного объекта – системы управления, охватывающих всевозможные сферы деятельности, которые проводятся в системе управления и взаимно дополняют друг друга. Система исследований позволяет выстраивать адекватную имеющимся условиям развития информационную основу системы управления для принятия решений на основе получаемых результатов.

Сферы деятельности, потенциально охватываемые исследованиями и являющиеся элементами системы управления: позиционирование структуры, лидирующая роль руководства, процессы, партнерство, ресурсы (экономические, человеческие, инфраструктурные, финансовые и др.), потребителей, маркетинговые, коммуникационные, бенчмаркинговые, краудсорсинговые и др.)

Любое исследование представляет собой командную работу с солидарной ответственностью каждого члена исследовательского коллектива (разработчиков, исполнителей, кодировщиков, модераторов, рекрутеров и многих других). Выстраивание системы мотивации внутри этой команды существенно влияет на качество работ в целом. Так, например, если интервьюеры неверно интерпретируют вопрос, введут в базу данных ошибочный код или «изменяют» пол или возраст респондента (подгоняя под заданные квоты), то на каждом последующем этапе качество работ будет снижаться, иногда даже эта работа может стать бесполезной (нельзя сделать качественный продукт из некачественных составляющих).

Система исследований позволит снизить риски получения низкого качества информации и/или недостаточного ее объема, повысить в целом качество информационного обеспечения управления за счет взаимодополнения, пересечения и обеспечения взаимной валидности исследований. При этом, ошибки, возможные при проведении единичных исследований минимизируются, а в ряде случаев вообще исключаются при проведении системы исследований.

Библиографический список:

1. Юрасова М.В. Проблемы измерения современного менеджмента // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 1. С. 139-155.

2. Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований качества (качество исследований и исследование качества) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1.
3. Юрасова М.В. Современные подходы к управлению качеством // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 1.

РАЗДЕЛ 2. АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ В ТРАНСГРАНИЧНОМ ВОДОСБОРНОМ БАССЕЙНЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ангаева Д.Б.

С проблемами экологической безопасности, сохранении и рациональном использовании природных ресурсов сталкиваются Россия и Монголия в трансграничном пространстве водосборного бассейна озера Байкал. Это связано с тем, что река Селенга, протекающая по территории этих двух стран, приносит основную долю водосбора озера. Озеро Байкал, территория его водосборного бассейна и его экосоциосистема является уникальным объектом по своей многомерности и характеризующимся множеством системных измерений. Признание масштабности и актуальности байкальской проблемы отразилось в принятии Россией соответствующего федерального закона, в отнесении мировым сообществом Байкала к участкам мирового наследия. На рубеже веков стало сомнительным доминирующее положение экономических и материальных факторов, стало очевидным, что экономический рост сам по себе не способен решить экологические, культурные и социальные вопросы [1, с. 77].

Объектом данного исследования является взаимодействие экосистемы и общества бассейна реки Селенга, который является трансграничной территорией между Российской Федерацией и Монголией.

Сотрудничество Российской Федерации и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод, которое представляет собой модель межгосударственного сотрудничества, должна быть основана на взаимном уважении прав сторон, понимании значимости и ответственности сторон за сохранение экосистемы озера Байкал – всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Такой статус особого природопользования, имеющий экологические ограничения, устанавливается в тех регионах, где, с одной стороны, богатые природные ресурсы невозможно не использовать для эффективного социально-экономического развития и обеспечения достойного уровня жизни населения, а с другой стороны необходимо сохранить уникальный природный объект или их совокупность, представляющую, как правило, общегосударственную или даже мировую ценность [2, с. 192].

В соблюдении режима Всемирного наследия наблюдаются определенные трудности. Дело в том, что водосборная часть бассейна оз. Байкал, расположенная на территории Монголии, являющаяся бассейном реки Селенга, в настоящее время не входит в Байкальскую природную территорию (БПТ), что нарушает территориальную целостность водосборного бассейна и снижает эффективность природоохранных мер и возможность контроля и регулирования антропогенного воздействия на экосистему. Масштабность проблемы взаимодействия экосистемы и общества на данной территории требует системного, комплексного подхода к изучению специфики вопроса и поиску приемлемых решений, с учетом экономического развития, характера природопользования и международному сотрудничеству двух стран на разных уровнях. Предполагается, что сотрудничество должно осуществляться как в правовой сфере, так и в производственной, потребительской, образовательной, просветительской, рекреационной и других. Значимую роль в решении защиты природных ресурсов несут исторически сложившиеся экологические традиции местных сообществ, которые созвучны с теорией коэволюции общества и природы, с концепцией устойчивого развития, основные аспекты которой отражены в документах Комиссии ООН по окружающей среде и развитию. В этом плане трансграничный бассейн реки Селенги рассматривается как сложный конструкт, характеризующийся взаимодействием экономических, экологических, политических и социальных факторов. Культурно-нравственные качества социума, выступающие в качестве фактора развития экосистемы бассейна реки Селенги, определяют траекторию развития духовной сферы Байкальского социума. Автором осуществлена классификация взаимодействий экосистемы

трансграничной территории бассейна реки Селенга и общества, по основным четырем дихотомическим признакам: материальные и духовно-культурные общественные процессы; природно-хозяйственные и культурные качества-факторы экосистемы, детерминируемые отношениями с обществом; взаимодействия экосистемы и общества; позитивные и негативные результаты взаимодействия.

Особый тип трансграничных географических структур представляют международные трансграничные особо охраняемые природные территории – заповедники, заказники, национальные парки, размещенные в приграничных районах соседних стран и выполняющие общие, скоординированные природоохранные функции. Изучены особенности, характерные условия приграничных территорий, которые необходимо учитывать в перспективе развития трансграничного сотрудничества: специфическая инфраструктура: наличие транспортных переходов на государственной границе, энергетических переходов, инфраструктуры пограничного и таможенного контроля, связи, объектов сервиса и др.; транзитный потенциал; возможность широкого использования ресурсов и потенциала приграничья соседней страны, в том числе различных природных ресурсов – земельных, лесных, водных, рекреационных и др.; возможность привлечения к различным формам сотрудничества населения из приграничья одной страны в приграничье другой и наоборот; возможность вовлечения в различные формы международного сотрудничества, в том числе, во внешнеэкономическую деятельность значительной части населения приграничья (до 50 % и более); широкое использование рынков двух стран в пределах территорий, прилегающих к границе; возможность развития в приграничье сочетания разных видов деятельности на основе взаимовыгодного международного сотрудничества: в сфере торговли, экспортно-ориентированных производств, в том числе небольших и малых предприятий, компаний, производств, в том числе небольших и малых предприятий, компаний, производств по переработке импортного сырья, полуфабрикатов (т.е. основанных на импорте); туристических компаний и объектов международного туризма; развитие культурно-образовательных видов деятельности и др.

Российско-монгольские отношения в области рационального природопользования и охраны реки Селенги регулируются двухсторонним соглашением об охране и использовании трансграничных вод России и Монголии (1995 г.), в котором выделены основные направления по сохранению экосистем трансграничного бассейна, экологически безопасном использовании водных ресурсов, предупреждение загрязнения и снижения водности. Оно продолжает линию преемственности двустороннего сотрудничества, заложенную в Соглашении между правительствами СССР и МНР о рациональном использовании и охране вод бассейна р. Селенги (1974 г.) и в Соглашении о сотрудничестве в области водного хозяйства на пограничных водах (1988 г.)

Современное сотрудничество между Россией и Монголией осуществляется по трем основным направлениям: рациональное использование и охрана от загрязнения и истощения водных объектов; прогнозирование состояния трансграничных водных объектов; изучение и оценка качества вод; на национальном уровне реализуется разнообразная общественно-просветительская и образовательная деятельность и обучающие программы.

С 2014 г. общественность России и Монголии, в том числе научная, достаточно живо обсуждает перспективы реализации проекта строительства в Монголии «Шурэнской ГЭС» на реке Селенга – крупнейшем притоке озера Байкал и проблему обмеления озера Байкал. Анализ публикаций по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что российская сторона выражает опасения, что монгольская сторона «должным образом не проработает» угрозы и риски, которые несет строительство ГЭС на реке Селенга. Российский координатор международной экологической коалиции «Реки без границ» Александр Колотов убежден: «Строительство в Монголии крупной гидроэлектростанции мощностью 245 МВт неизбежно окажет своё воздействие как на российскую часть реки Селенга, так и на озеро Байкал в целом. «С неизбежным уменьшением стока Селенги мы столкнёмся во время заполнения водохранилища. Значит, уровень воды в Байкале упадет ещё ниже. Конечно, потом средний многолетний сток возвратится в норму, но произойдет перераспределение

стока между месяцами, что нанесет удар по экосистеме Байкала. Кроме этого, нужно учитывать высокую сейсмичность того района, где предполагается строительство ГЭС. И, наконец, «Шурэнская ГЭС» призвана стать лишь первой из каскада гидроэлектростанций на реке Селенга. А значит, нужно просчитывать кумулятивный эффект, который окажет запуск каскада на озеро Байкал» [3].

Сохранение природных ресурсов не обозначает консервацию их, запрещения любой деятельности человека. Необходимо осуществлять равновесный подход. За многие тысячелетия экологические традиции духовной жизни местного населения рассматриваемого региона превратились в своеобразную мировоззренческую концепцию, сформированную на основе синтеза полезного и рационального в регулировании взаимоотношений человека с определенной природно-ландшафтной средой, находящейся в зоне влияния Байкала и прилегающих к нему земель. Эта мировоззренческая концепция оказала влияние на весь образ жизни и характер отношения к природе и природным стихиям, среди которых наиболее почитаемыми являются небо и земля, небесные светила, вода и огонь. Процесс формирования и развития экологических традиций коренных народов есть, по существу, история развития отношения человека к природе. В своем развитии экологические традиции, естественно, прошли целый ряд этапов и не раз менялись в зависимости от потребностей общества и возможностей их удовлетворения. При современном подходе к проблемам природопользования желательно опираться на традиционные ценности, проверенные веками, тем более, что в российско-монгольском трансграничном пространстве проживают родственные народы. В то же время, как предупреждает Ц.Б. Будаева, «те кардинальные общественно-политические и социально-экономические изменения, которые произошли в Байкальском регионе за годы доминирования курса техногенной цивилизации и общественного производства, привели к тому, что экологические традиции перестали быть ведущими регуляторами во взаимоотношении природы и общества» [4, с. 100].

В качестве заключения можно привести пророческое высказывание Ф. Энгельса: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают последствия первых» [5, с. 495-496]. Отношения с природой должны быть уважительными, осмысленными, научно обоснованными.

Библиографический список:

1. Дагбаева С.Д.-Н., Ангаев Б.Д., Дагданова С.Ж. Окружающая среда и управление качеством жизни // Вестник ВСГУТУ. 2016. № 3. С.77-84.
2. Викулов В.Е. Режим особого природопользования на примере оз. Байкал. Новосибирск: Наука, 1982. 192 с.
3. Монгольская ГЭС грозит Байкалу обмелением [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/siberia/2016/06/mongolskaya-ges-grozit-bajkalu-obmeleniem/>
4. Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999. 100 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 20. С. 495-496.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И СОЦИОРЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ*

Бадарев Д.Д.

Социально-экономическая нестабильность и кризисные явления, начавшиеся в конце нулевых годов актуализируют изучение социального самочувствия, религиозной идентичности и ценностных установок населения регионов как основных факторов адаптивности и устойчивости регионального населения новым вызовам современных российских реалий. В рамках данной работы предпринята

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-23-03002 «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии»)

попытка анализа указанных характеристик и процессов на примере Республики Бурятия как субъекта Российской Федерации.

На территории республики расположены 21 муниципальный район, 2 городских округа, 273 городских и сельских поселений [3]. Численность постоянного населения республики на 1 января 2015 года составила 978,5 тысяч человек. Общая численность городского населения составила 576,4 тысяч человек, а сельского – 402,1 тысяч [4].

Социологическое исследование, проведенное в сентябре – ноябре 2015 года в Республике Бурятия [2], раскрывает некоторые гипотетические суждения, которые отражают вопросы, связанные с ценностными установками, уровнем религиозности населения, перспективами и ближайшими планами на будущее, самоидентификацией, кругом общения граждан и т.д. Указанные категории являются частью комплекса критериев, отражающих процессы социальной интеграции-дезинтеграции в регионе, а также демонстрируют установки жителей республики и характеризуют их современное положение.

При оценке степени влияния проводимых в России преобразований (реформ) на респондентов и их семьи выяснилось, что большинство опрошенных считают, что они и их семьи не выиграли, но и не проиграли в результате реформ (44,3%) либо затрудняются с ответом (35,3%). Вариант «да, я и моя семья только выиграла от проводимых в стране реформ» выбрали лишь 6,7% опрошенных, а тех, кто «считает, что я и моя семья только проиграла в результате преобразований» оказалось 11%. Ранжирование ответов на данный вопрос показывает на отсутствие значимых совокупных результатов от проводимых в стране реформ либо произошло компенсирование негативных и позитивных сторон реформ, или же их незавершенность обрела перманентный характер.

При анализе ответов респондентов на открытый вопрос «Что для вас означает понятие «хорошая» жизнь?» можно определить основные ценностно-жизненные ориентиры жителей республики. Ранжирование данных показывает, что на первом месте находится финансовая независимость, достаток (49,7%), на втором - здоровье (33,7%), на третьем – семья, дети (23,3%). Следовательно, современные реалии демонстрируют, что материальные запросы опрошенных превалируют над другими потребностями граждан.

При самоидентификации себя с предложенными в перечне анкеты характеристиками, жители Бурятии чаще всего обращают внимание на следующие позиции: Я - «гражданин России» (71,67%), «отец / мать» (58%), «мужчина / женщина» (53%), «общительный» (52%), «молодой» (40,33%). Отмеченные характеристики демонстрируют основные позиции причастности граждан к стране, семье и возрасту, что фактически определяет первостепенную субъективную интегрированность респондентов в рамках этих отмеченных показателей.

По поводу ближайших планов граждан Бурятии, данные исследования дают основания полагать, что в основном люди заинтересованы в разрешении вопросов материально-бытового, профессионально-квалификационного характера, трудоустройства, а также обеспокоены будущим своих детей и внуков и т.д.

При изучении вопросов включенности граждан в социальные сети и отношения важное значение имеет коммуникабельность людей. Опрос показал, что опрошенные намного чаще общаются с членами семьи, близкими людьми и с друзьями, чем с коллегами, ровесниками и соседями, намного реже - с госслужащими и чиновниками. Продолжение вопроса выявило, что доверие и открытость без каких-либо опасений во взаимодействии с окружающими людьми готовы продемонстрировать лишь 1/4 респондентов, что является признаком закрытости и опасения остальных участников исследования (3/4) за себя и за своих близких.

Следующий блок вопросов ориентирован на выявление религиозной идентичности респондентов. Ответы проведенного опроса показали, что более 90% опрошенных являются верующими (см. табл. 1), что демонстрирует высокий уровень религиозности жителей Бурятии.

Таблица 1 – Какой веры Вы придерживаетесь?

Значения	% объектов
1. Христианство (православие)	42.67
2. Буддийской	46.67
3. Шаманской	2.33
4. Нет ответа	8.33
Всего	100.00

Данный факт связан с подъемом религиозного самосознания многих респондентов в связи с активной деятельностью православных, буддийских и шаманских организаций начиная с 1990-х гг. Появились новые культовые объекты для поклонения, возводятся церковные часовни, буддийские дуганы, ступы и субурганы, возрождаются древние шаманские места.

Большинство религиозных объектов Бурятии относится к православию и буддизму. Кроме города Улан-Удэ, пространство которого представлено религиозными объектами различных конфессий, на остальной территории республики, за исключением старообрядческого храма в Тарбагатайском районе, нет храмовых сооружений других конфессий. Наиболее важные объекты Русской Православной Церкви – православные монастыри – расположены в Кабанском (Посольский монастырь) и Прибайкальском районе (Сретенский женский и Свято-Троицкий монастыри). Отдельно стоит отметить показатели буддийского направления - количество буддийских объединений в Бурятии лишь немного уступает количеству православных (72 организации РПЦ, 60 буддийских). Символично и то, что почти половина всех буддийских объединений сосредоточена в столице республики. Учитывая при этом количество и значимость объектов, расположенных непосредственно в городской черте, важнейший для региона Иволгинский дацан, находящийся в непосредственной близости от Улан-Удэ, – все это не без основания позволяет характеризовать город как «буддийскую столицу» [5, с. 323]. Иволгинский дацан Бурятии официально является центром буддизма в России, откуда берет начало распространение учения в стране. Особое внимание мировой общественности привлекает нетленное тело XII Пандидо хамбо-ламы Дашидоржо Итигэлова.

Шаманизм в Бурятии как религиозная практика местного населения, живущая в привычках, традициях, стереотипах, является широко распространенным на территории республики. Официально зарегистрировано только 7 организаций, связанных с этим направлением. В Улан-Удэ начато строительство первого в России шаманского комплекса «Тэнгэри».

Можно предположить, что развитие туризма в регионе становится одним из значимых факторов повышенного интереса граждан и приезжих к возрождению и развитию этнической самобытности и религиозности в регионе.

Кроме того, политическая пассивность многих жителей республики сопровождается поиском поддержки в других источниках, в том числе и в религиозных верованиях. Варианты ответов следующего вопроса показывают «к кому предпочитают обращаться респонденты в случае возникновения затруднительной ситуации». Больше всего жители региона надеются на родных и близких (74,67%), на друзей и знакомых (36%) и полагаются на лам (буддийских священнослужителей) (20,67%). Каждый десятый респондент ни к кому не обращается и разрешает проблему самостоятельно (см. табл. 2).

Анализ результатов проведенного в Республике Бурятия социологического исследования позволяет сделать некоторые обобщения. Выводы, полученные в результате исследования, позволяют подтвердить ранее выдвинутые предположения, согласно которым на региональном рынке труда сложилась напряженная обстановка, отмечается низкий уровень жизни более половины населения при официальном показателе уровня бедности в 17,9% [1].

Таблица 2 – К кому Вы обращаетесь в случае затруднительной ситуации?

Значения	% объектов
1. Родным, родственникам	74.67
2. Другим, знакомым	36.00
3. Ни к кому	10.33
4. Ламам	20.67
5. Шаманам	7.33
6. Астрологам (зурхайчи)	2.67
7. Гадалкам	2.00
8. Церковь	1.00
9. Нет ответа	0.33

При оценке проводимых реформ в стране, люди склонны выбирать нейтральные оценки. Низкие доходы населения выдвигают на первый план работу как основной источник средств к существованию, а основные пожелания и ближайшие планы жителей региона в основном связаны с обеспечением финансовой независимости и достатка, тогда как ценности, связанные с духовным миром, семьей и здоровьем, уступают первому. Идентифицируют себя жители республики в первую очередь, как граждане России, затем выдвигаются семейно-ролевые и гендерные статусы.

Для населения Бурятии характерна высокая степень религиозности, что связано с этнокультурными и религиозными традициями и обычаями народов, заселяющих регион, а также с процессами возрождения и развития религиозных институтов, появления новых культовых объектов для поклонения. Достаточно часто одни и те же люди, в зависимости от жизненной ситуации, могут обратиться за помощью и поддержкой как к представителям православной, так и буддийской и шаманской религий.

Таким образом, несмотря на существующие неблагоприятные социально-экономические и политические условия и наличие дезинтеграционных процессов, население республики применяет различные адаптивные механизмы на основе этнорегиональных ценностных и социорелигиозных установок.

Библиографический список:

1. В Бурятии растет уровень бедности и с ним число преступлений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.region03.ru/42620-v-buryatii-rastet-uroven-bednosti-i-s-nim-chislo-prestuplenij.html>
2. Исследование проведено в г. Улан-Удэ, Еравнинском и Селенгинском районах Республики Бурятия с выборочной совокупностью 300 человек, определенной по полу, возрасту, национальности.
3. Краткие сведения о Бурятии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.egov-buryatia.ru/index.php?id=321>
4. Численность населения Бурятии выросла до 978 тысяч человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baikal-daily.ru/news/15/122896/>
5. Шитиков Ф.В., Иванова О.А. Особенности социокультурной дифференциации территории Республики Бурятия // Вестник Алтайской науки. 2015. № 22. С. 318-326.
6. Экономический барометр. Информация о социально-экономическом положении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.burnet.ru/2015/napravleniya-deyatelnosti/makroprognozirovanie/sepologenie.php>

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ)

Базарова А.В.

Семья – важнейшая среда формирования личности и главный институт воспитания, нравственное воздействие которого человек испытывает на протяжении всей своей жизни. Функция первичной социализации ребенка является одной из важнейших функций молодой семьи. Семейное воспитание отличается эмоциональным, интимным характером, основанным на родственных чувствах и любви к детям. То, что ребенок приобретает в семье, он сохраняет и воспроизводит в течение всей последующей жизни. Важность семьи как субъекта воспитания обусловлена длительностью и силой своего воздействия на личность, и в этом плане ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. Именно в молодой семье начинают закладываться основы личности ребенка.

По статистике, приблизительно 3/4 общего числа детей нашей страны воспитываются у родителей, которые младше 35 лет и не отличаются богатым жизненным опытом и навыками воспитательной деятельности. И в этом заключаются основные проблемы семейного воспитания, поскольку не всегда молодая семья выступает в качестве положительного примера воспитательной среды. Проблемы в воспитании детей в семье или воспитательной несостоятельности вызваны факторами, которые в основном определяются статусом и положением этого института в российском обществе. Среди таких катализаторов можно выделить: недостаточный уровень материальной обеспеченности молодой семьи, повышенные финансовые потребности молодой семьи, нестабильность отношений и сложный психологический климат в молодой семье и др. В этой связи следует отметить, что в молодой семье как системе каждый элемент взаимосвязан с другим, катализирует, усугубляет или наоборот ослабляет действие другого. Например, как отмечают психологи, у тревожных матерей часто вырастают тревожные дети; честолюбивые родители нередко так подавляют своих детей, что приводит к инфантильности, комплексам, несамостоятельности; агрессивные – формируют подобный же тип поведения у своих детей. Еще пример: малообеспеченные семьи, озабоченные поиском средств к существованию, пренебрегают воспитанием детей частично или полностью. То есть субъективные, а чаще объективные обстоятельства не дают молодым родителям выполнять воспитательную функцию, что, безусловно, чревато для всех серьезными последствиями.

Воспитание ребенка – это самая продолжительная стадия семейного цикла. В жизни молодой семьи она охватывает период с момента рождения ребенка до поступления его в школу. В педагогике и психологии период дошкольного возраста единодушно считается наиболее чувствительным к воспитательным воздействиям, следовательно, предъявляет к родителям повышенные требования. Основными задачами этого периода являются:

1. Адаптация супругов к новой ролевой структуре в семье. С рождением ребенка начинается практическое освоение супругами родительской роли. В молодой семье изменяется характер проведения свободного времени, появляются новые особенности. Не во всех семьях это происходит благополучно. Ломка отношений мужа и жены, появление новых отношений, связанных с уходом за ребенком, кардинально перестраивают и весь уклад жизни в молодой семье.
2. Формирование системы семейного воспитания. Это основная задача третьей стадии семейного цикла, эффективность решения которой сказывается не только на стабильности молодой семьи, но и выходит за ее рамки, приобретая общегосударственное значение.

Для оценки воспитательного потенциала современных молодых родителей в г. Улан-Удэ Республики Бурятия в 2014 году было проведено социологическое исследование. В анкете респондентам были предложены вопросы о целях, формах, средствах воспитания, факторах («барьерах»), роли отдельных членов семьи в этом процессе и др. Рассмотрим основные результаты исследования по указанным вопросам.

По вопросу о целях семейного воспитания было получено следующее распределение вариантов ответов: примерно четверть всех опрошенных молодых родителей в воспитательном процессе ориентируются на повышение интеллектуального потенциала и формирование нравственных качеств. Роль 17,8% и 10,5% из них заключается в обучении детей элементарным знаниям и навыкам, формировании необходимых способностей, которые пригодятся им в жизни. Незначительное количество молодых родителей (2%) отметило, что вообще не преследуют конкретных воспитательных целей во взаимодействии со своими детьми или же затруднились с ответом. Данный результат свидетельствует о том, что молодые родители недостаточно объективно оценивают цели воспитания, ориентируясь на общепринятый стереотип формирования «гармонично развитой личности» и социальные настроения. Хотя первое понимается супругами поверхностно, на уровне обыденного сознания.

Следующий вопрос анкеты выявляет степень участия отдельных членов семьи в воспитании детей (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Степень участия отдельных членов семьи в воспитании детей

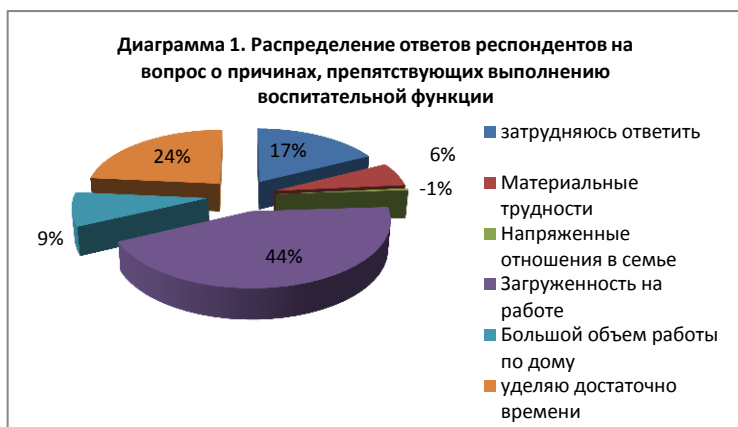
	муж	жена	бабушки	дедушки	другие члены семьи
практически не участвует в воспитании детей	17,5	15	21,5 (III)	35,5 (II)	65,5 (I)
очень редко	4,5	2	14 (III)	21 (I)	17,5 (II)
время от времени	29,5 (III)	7,5	41,5 (I)	33,5 (II)	14,5
принимает участие в воспитании в полной мере	48,5 (II)	75,5 (I)	23 (III)	10	2,5
Итого:	100	100	100	100	100

Традиционно выполнение воспитательной функции полностью лежит на плечах 75,5% женщин. Однако не может не радовать тот факт, что около половины отцов разделяют эту обязанность с супругой в полной мере, а треть из них участвуют в этом процессе время от времени. Таким образом, налицо тенденция увеличения роли молодых отцов в воспитательном процессе.

Почти каждой четвертой молодой семье воспитывать детей помогают старшие члены семьи, а именно бабушки. Дедушки по оценкам своих детей очень редко подключаются к воспитанию внуков, а каждый третий в этом практически не принимает участия.

Налицо уменьшение роли старшего поколения в воспитании детей, которым отводится функция присмотра и ухода за детьми (44%), как агенты социализации они рассматриваются молодыми родителями в меньшей степени.

Другой общей тенденцией является уменьшение роли и значения семейного воспитания, сокращение времени, уделяемого этому процессу. Так, в ходе исследования было обнаружено, что большинство (64%) молодых родителей уделяют воспитанию ребенка не более 1 часа в день. Такая ситуация обусловлена объективными и субъективными причинами, среди которых респонденты назвали загруженность на работе (44%), большой объем обязанностей по дому, недостаток педагогических знаний, материальные трудности, напряженные отношения в семье (см. диаграмму 1). Из диаграммы видим, что почти каждый четвертый респондент ответил, что уделяет достаточное количество времени своим детям, не уточняя при этом конкретный его объем. Очевидно, что параметр достаточности времени - субъективен и не может браться в учет при определении воспитательного потенциала родителей и качества воспитания.



Несомненным является тот факт, что упущения родителей в воспитании детей, отсутствие педагогических усилий с их стороны не могут компенсировать какие-либо другие институты общества.

Следующие два вопроса направлены на изучение стиля воспитания, реализуемого молодыми родителями, и организации воспитательного процесса в семье.

Большинство респондентов (66,5%) ответили, что для них характерен партнерский стиль воспитания, который отличается стремлением родителей установить теплые отношения с ребенком, привлечением его к решению проблем, поощрением инициативы и самостоятельности. Жестким, попустительским, безразличным, гиперопекающим называют свой стиль воспитания примерно 5-7 % участников опроса. Около 16% опрошенных не дали ответа на данный вопрос или затруднились в оценке своего стиля воспитания. Возможно, это связано с тем, что у родителей не критичная оценка своего стиля воспитания, который обусловлен стремлением следовать образу успешного человека и благополучной семьи.

Анализ данных на вопрос о формах семейного воспитания показал следующее: воспитательный процесс в каждой третьей семье организуется в форме бесед, дискуссий или в рамках проведения досуга (34,1 и 33,3 соответственно), у 16,8 и 15,8% - в игровой деятельности и обучающих мероприятиях.

Важнейшим каналом воспитания и социализации детей являются семейные традиции, значение которых переоценить сложно. Они аккумулируют родовой опыт, способствуют его трансляции, обеспечивают устойчивость отношений, упорядочивают их, содействуют росту взаимопонимания между членами семьи, особенно между родителями и детьми, и в целом направлены на обогащение и совершенствование процесса домашнего воспитания. Семейные традиции многофункциональны, специфичны, эмоционально насыщены, поэтому на их фоне социальное развитие ребенка идет более успешно.

Учитывая вышесказанное, в нашем исследовании был предусмотрен вопрос о традициях, которые сложились в молодых семьях. Практически все опрошенные подтвердили факт наличия семейных традиций и обрядов. При этом 2/3 из них в числе таковых назвали традицию отмечать семейные даты и календарные праздники, пятая часть (20,5%) – национальные праздники. Бытовые традиции, например, такие как воскресная уборка дома, совместные обеды и ужины, поддерживает 12,5% респондентов. Религиозные ритуалы и обряды лежат в основе семейных традиций только у 3% опрошенных.

Большинство представителей этнических групп, принявших участие в исследовании (русские – 55% и буряты – 62%), в качестве основной семейной традиции имеют традицию отмечать семейные даты и календарные праздники. Для каждой третьей бурятской семьи большое значение представляют национальные праздники и традиции, тогда как среди респондентов русской национальности таковых было только 11%. Для 17% русских более значимыми являются бытовые традиции. Традиции, связанные с религиозной принадлежностью респондентов, оказались на последнем месте по значимости как у бурят, так и у представителей титульной нации.

В завершение исследования респонденты оценили собственный воспитательный потенциал по 5-балльной системе, где 1 – минимальный, а 5 – максимальный балл. Любопытно отметить, что каждый третий молодой родитель оценивает личный воспитательный потенциал на 4 и 5, 21,5% - на 3 балла. Следует учитывать субъективность оценки воспитательного потенциала по той же причине, которая была указана выше.

Таким образом, субъективные оценки воспитательного потенциала молодой семьи достаточно высокие, хотя по объективным данным они являются завышенными: не имеют четких целей воспитания, сам процесс слабо организован, воспитательный потенциал родительской семьи недостаточно используется молодыми супругами.

ПРОГРАММА «ЖИЛЬЁ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ»: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Бальчунас О.С.

Высокая социальная значимость жизнеобеспечивающих функций жилищной сферы обуславливает необходимость государственного вмешательства в сферу обеспечения доступности комфортного жилья. В целом качество жилищных условий оказывает большое влияние на оценку человеком своего качества жизни, сравнимое с влиянием денежных доходов на уровень благосостояния [1]. В последнее время бурно развивается нормативно-правовая база решения жилищной проблемы, за последние два года принято 18 федеральных нормативных правовых документов, регулирующих основные условия реализации Программы «Жильё для российской семьи» (далее – Программа). Программа реализуется в 70 субъектах Российской Федерации с середины 2015 года на основании принятых региональных нормативных правовых актов.

В Республике Бурятия для участия в Программе отобрано 8 застройщиков, из них 7 проектов многоквартирной жилищной застройки в г. Улан-Удэ, 1 – индивидуальной жилищной застройки в Иволгинском районе.

Существующие жилищные программы недостаточно эффективно решают жилищные проблемы. Так, по данным Росстата за 2015 г., только 5% семей в целом по России из числа состоящих в качестве нуждающихся в жилых помещениях, улучшили свои условия. В Республике Бурятия данный показатель составил 4% [2; 3].

По состоянию на 30.09.2016 г. в сводный реестр граждан, имеющих право на приобретение жилья экономического класса в рамках Программы, реализуемой на территории Республики Бурятия, включены 346 граждан, из них 313 – по г. Улан-Удэ. Однако право на участие в Программе с заключением договора участия в долевом строительстве на приобретённое жильё реализовано только 30 гражданами, что составляет менее 10 % от общего числа участников Программы [4].

Основной проблемой реализации Программы является низкая платёжеспособность населения. Одним из факторов, определяющих платёжеспособность потенциальных потребителей, являются их доходы. Официальная статистика динамики денежных доходов и расходов населения показывает уменьшение денежных доходов, превышение денежных расходов над доходами в целом по Российской Федерации и, в частности, по Республике Бурятия. По оперативным данным Бурятстата, в январе-июле 2016 года по сравнению с соответствующим периодом 2015 года реальные располагаемые доходы уменьшились на 7,9 % [4].

Одним из факторов, формирующим потенциальный спрос на рынке жилья, может считаться самооценка населением материального положения и перспективные прогнозы его изменения. Группой исследователей БИП СО РАН в 2013 г. проведено комплексное социологическое исследование по оценке уровня социально-экономического развития и качества жизни Республики Бурятия. Структура ответов на вопрос «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» свидетельствует о том, что у 5,8% респондентов денег не хватает даже на еду; у 19,6% – хватает только на еду; у 33,2% – хватает только на еду и одежду; для 30,2% проблемой становится покупка товаров длительного пользования. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, как изменится материальное положение Вашей семьи в ближайшие 5 лет?» распределились следующим образом: 40,6% респондентов ожидают, что материальное положение улучшится; 22,9% – не изменится; 6,3% – ухудшится, треть респондентов затруднились ответить [5, с. 84]. Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии у большей части населения реальной возможности приобретения жилья за счёт собственных средств и нестабильности материального положения населения.

Доступность финансирования также является одним из факторов, определяющим спрос на рынке жилья. Возможность приобрести жилое помещение за счёт собственных средств имеется у 27% населения, а в реальных сделках участвует менее 25% от этого числа. Также источником финансирования является ипотечное кредитование. За последние годы доля сделок, связанных с приобретением жилья за счёт ипотечного кредита составила 3,5% ВВП и выросла до 25%. Но это всё равно намного меньше, чем в развитых странах.

В рамках Программы кредитными организациями предлагается сниженная процентная ставка по ипотечным кредитам на приобретение жилья – от 10,3% в зависимости от размера первоначального взноса, срока кредитования и других дополнительных условий, устанавливаемых кредитными организациями. Участниками Программы являются 6 кредитных организаций, включая АО «Ипотечная корпорация Республики Бурятия».

Ипотечное кредитование можно рассматривать, в том числе, и как инвестиции в жилищную сферу. Таким образом, кроме содействия обеспечению населения жильём, оно является фактором, положительно влияющим на экономику за счёт увеличения занятости населения, развития строительной, ресурсоснабжающей, жилищно-коммунальных отраслей.

Негативным фактором, влияющим на активность участия населения в Программе, является высокая стоимость 1 кв. м жилья экономического класса – 35 тыс. руб. в сравнении со средней ценой жилья на рынке Республики Бурятия. Согласно данным Бурятстата, средняя цена 1 кв. м на первичном рынке составляет 38,81 тыс. руб. [7]. Мониторинг средней цены на первичном рынке жилья показал, что фактическая стоимость жилых помещений с учётом отдаленности проектов жилищных застроек Программы от центра города составляет от 28 до 32 тыс. руб. за 1 кв. м в черновом варианте, без отделки жилого помещения. Следует отметить, что отдалённость проектов жилищных застроек, и, соответственно, неразвитая социальная инфраструктура, участвующих в Программе, также влияет на принятие гражданами решения об участии в Программе.

Таким образом, нами определены следующие проблемы реализации Программы в Республике Бурятия: низкая платежеспособность населения; высокая стоимость 1 кв. м жилья экономического класса в сравнении со средней ценой жилья на рынке недвижимости Республики Бурятия; отдалённость проектов жилищных застроек, отобранных для участия в Программе. Очевидно, что реализация Программы осуществляется с проблемами, основным показателем низкой результативности которой является количество граждан, заключивших договоры участия в долевом строительстве – 1 % от числа граждан, состоящих в сводном реестре и изъявивших желание принять участие в Программе.

Для успешной реализации Программы в Республике Бурятия, по мнению автора, требуется принять следующие меры на государственном уровне:

- возможность предоставления социальной выплаты в рамках Программы льготным категориям граждан: ветераны боевых действий; инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов; многодетные семьи, имеющие трех и более несовершеннолетних детей; граждане, переселившиеся из-за рубежа и получившие гражданство РФ; граждане, состоящие на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Государственная поддержка граждан, которых можно отнести к социально незащищенным категориям, при этом не являющихся малоимущими гражданами, позволит дать им реальную возможность участия в Программе;

- дифференциация стоимости 1 кв. м жилого помещения в зависимости от места расположения жилищной застройки, соответственно, снижение стоимости 1 кв. м жилых помещений в многоквартирных домах и домах индивидуальной жилищной застройки в отдаленных микрорайонах. Указанная мера позволит гражданам с разным уровнем доходов принять участие в Программе;

- государственная поддержка рынка ипотечного кредитования: снижение реальной процентной ставки по ипотеке, снижение первоначального взноса заёмщика, государственная поддержка банков, предоставляющих ипотечный кредит.

Библиографический список:

1. Дагбаева С.Д.-Н. Качество жизни населения: технологии анализа и управления. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 280 с.
2. Число семей, состоящих на учете на получение жилья, число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing
3. Сводный реестр граждан, имеющих право на приобретение жилья экономического класса в рамках программы, реализуемой на территории Республики Бурятия. Официальный сайт Правительства Республики Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/>
4. Денежные доходы и расходы населения в Республике Бурятия. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/standards_of_life/
5. Дагбаева С.Д.-Н., Хандажапова Л.М., Лубсанова Н.Б. Социальное измерение экономической политики // Научное обозрение. 2016. № 5. С. 83-86.
6. Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2010 № 1201-р «Об утверждении стратегии развития ипотечного жилищного кредитования в РФ до 2030 г.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
7. Средние цены и индексы цен на рынке жилья по Республике Бурятия в III квартале 2016 года. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/a85663804e912647831ef30d534aab22/16-06-12%D0%B0.htm

ПРИМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Баикуева Е.Ю.

Здоровье населения является основной составляющей человеческого капитала и стратегическим ресурсом, оказывающим значительное влияние на социально-экономическое положение любой территории. Наряду с этим, состояние здравоохранения, которое является одним из ключевых факторов, обуславливающих состояние здоровья населения, характеризуется наличием фундаментальных проблем, требующих системного научного анализа.

В настоящее время в значительной степени актуальны проблемы модернизации российского здравоохранения, совершенствования системы его управления, повышения доступности и качества медицинского обслуживания населения. Кризис отечественной системы здравоохранения как важнейшей социально-экономической отрасли обусловлен сразу несколькими факторами: неэффективной работой органов управления, нерациональным использованием финансовых, материальных и кадровых ресурсов в условиях их хронического дефицита. В связи с этим необходим комплексный анализ системы здравоохранения как на федеральном (макро), так и на региональном (мезо) уровнях. Российские ученые различных специальностей уделяют достаточное внимание проблемам модернизации систем здравоохранения различных уровней [1; 2; 3], однако эта работа ведется не во всех субъектах РФ. Назрела необходимость, используя современные научные методы, выполнить комплексный анализ состояния и проблем системы здравоохранения Республики Бурятия – региона, имеющего много специфических черт, которые должны быть учтены при разработке и внедрении системы развития здравоохранения.

Следует отметить, что при анализе проблем здоровья и здравоохранения медики активно используют количественные и качественные социологические методы (анкетирование, экспертные

интервью, фокус-группы и т.д.), позволяющие выявлять и учитывать общественное мнение при осуществлении модернизационных мероприятий в области организации здравоохранения.

Сегодня в России формируется и такое важное научное направление как социология здоровья, здравоохранения и медицины. Одним из ведущих центров нового научного направления является научно-исследовательский институт социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования при ГБОУ ВПО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации», которым руководит акад. РАН д-р мед. н., д-р соц. н. А.В. Решетников, основоположник российской школы «Социология медицины», автор многих фундаментальных научных трудов по данному направлению, в которых описана методология исследований, в том числе на основе использования количественных и качественных методов [4].

В 2012 г. была издана коллективная монография В.А. Медик и А.М. Осипова «Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ», в которой представлен широкий спектр методологических и научно-практических вопросов медико-социологического изучения общественного здоровья и здравоохранения. Книга содержит анализ результатов медико-социологического мониторинга здоровья населения и здравоохранения, проведенного на основе методологии, утвержденной Минздравсоцразвития России и РАМН [5].

Активно используют количественные и качественные социологические методы в своей работе такие признанные ученые в области социологии здоровья, здравоохранения и медицины, как И.В. Журавлева, И.Б. Назарова, Н.М. Римашевская, Н.Е. Русанова [6; 7; 8].

В Республике Бурятия крупномасштабная модернизация системы здравоохранения началась с 2007 г., отправной точкой чего стала реализация федерального приоритетного национального проекта «Здоровье». В соответствии с Постановлением Правительства Республики Бурятия от 14.08.2007 г. № 258 «с 1 января 2008 года в республике началась реализация мероприятий по модернизации системы здравоохранения, направленных на повышение качества услуг в сфере здравоохранения», а также на реорганизацию первичного звена [9]. Модернизация системы здравоохранения реализовывалась по двум направлениям: перевод учреждений здравоохранения на преимущественно одноканальное финансирование через систему обязательного медицинского страхования и внедрение элементов частичного аккумулирования средств на уровне амбулаторно-поликлинического учреждения (частичное фондодержание) путем финансирования по подушевому нормативу с созданием системы межучрежденческих взаиморасчетов.

С 2013 г. в Отделе региональных экономических исследований ФГБУН «Бурятский научный центр СО РАН» проводится комплексное исследование модернизации здравоохранения Республики Бурятия, которое базируется на синтезе качественных и количественных социологических методов, включая экспертные опросы и интервью, анкетирование. За 4 года научной работы была проведена комплексная оценка качества функционирования системы здравоохранения Бурятии, в том числе ряд экспедиционных обследований учреждений здравоохранения Баргузинского, Прибайкальского, Заиграевского районов Республики Бурятия. Сформирована эмпирическая база исследования, в которую вошли материалы экспертного опроса «Состояние здоровья и медицинского обслуживания сельской молодежи Республики Бурятия» (N=12), полуформализованных интервью на тему «Проблемы модернизации сельского здравоохранения Республики Бурятия» (N=50), данные анкетирования населения (N=600) по вопросам состояния здоровья и удовлетворенности качеством медицинской помощи.

Главными критериями отбора экспертов для проведения интервью являлись их компетентность и авторитетность. Экспертами выступили руководители и специалисты учреждений здравоохранения Республики Бурятия, включая сотрудников Министерства здравоохранения Республики Бурятия, руководителей и сотрудников ГБУЗ «Городской центр медицинской профилактики», главных врачей центральных районных больниц, заведующих врачебными амбулаториями и фельдшерско-акушерскими пунктами.

При проведении экспертных интервью мы столкнулись со следующими проблемами: 1) эксперт, ссылаясь на занятость с отчетной документацией, выделяет мало времени на проведение интервью, в связи с чем удаётся задать не все вопросы, входящие в опросный лист; 2) эксперт открыто испытывает страх выразить свое субъективное мнение по ряду вопросов, касающихся деятельности вышестоящих органов управления (министерства здравоохранения Республики Бурятия, руководства центральной районной больницы, надзорных организаций и т.п.) либо просит не разглашать сведения, полученные в ходе интервью, а также негативно реагирует на осуществление аудиозаписи интервью; 3) при наличии необходимой квалификации и занимая должность категории «специалист», эксперт недостаточно компетентен в вопросах модернизации здравоохранения, а по ряду задаваемых вопросов затрудняется дать ответ либо просит время на подготовку. По результатам проведенных экспертных интервью были выявлены проблемные вопросы в организации медицинской помощи сельскому населению и учащейся молодежи Республики Бурятия.

Одной из задач проведённого анкетирования было изучение удовлетворённости граждан качеством оказанной медицинской помощи в медицинских учреждениях Баргузинского, Прибайкальского, Заиграевского районов, работающих в системе обязательного медицинского страхования, поэтому в анкету был включен блок вопросов по данной тематике. Удовлетворённость населения качеством медицинской помощи выявлялась по четырём градациям: «удовлетворён полностью», «скорее удовлетворён», «скорее не удовлетворён», «не удовлетворён». Изучались и оценивались удовлетворенности следующими показателями: 1) медицинского характера: квалификация участкового врача (фельдшера), медицинских сестер; отношение участкового врача (фельдшера), медицинских сестер; доступность объяснений врача (фельдшера) по поводу заболевания, соблюдение врачебной тайны; 2) организационного характера: график работы участкового врача (фельдшера), медицинских сестер, оснащённость медицинским оборудованием, санитарное состояние ФАП. На основе данных анкетирования был рассчитан коэффициент удовлетворенности населения качеством медицинской помощи (по сумме положительных ответов минус сумма отрицательных ответов) (табл.1).

Таблица 1 – Распределение респондентов по степени удовлетворенности качеством медицинской помощи, %

№ п/п	Район	Варианты ответов				Коэффициент удовлетворенности
		Полностью	Скорее удовлетворены	Скорее не удовлетворены	Не удовлетворены	
1.	Баргузинский	21	41	20	16	26
2.	Заиграевский	23	40	21	15	27
3.	Прибайкальский	13,2	39,0	13,2	23,9	15,1

В целом коэффициенты удовлетворённости населения обследованных районов качеством медицинской помощи имеют низкие значения. Это убедительно доказывает, что система здравоохранения Республики Бурятия находится в кризисном состоянии и необходима реализация целого комплекса мероприятий, направленных на улучшение доступности и повышение качества медицинской помощи.

На основе проведённой работы были подготовлены аналитические записки, направленные в министерство здравоохранения Республики Бурятия, подготовлен ряд статей в ведущих научных журналах, в том числе входящих в перечень ВАК и базу данных РИНЦ, представлены доклады на научно-практических конференциях различного уровня [10; 11] .

Таким образом, исследование модернизации здравоохранения лежит в проблемном поле и социологической науки, а использование количественных и качественных социологических методов позволяет выявить многие уязвимые зоны реформирования отрасли. От правильности выбора пути модернизации системы охраны здоровья граждан во многом будет зависеть судьба всей Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на повышение качества жизни населения и качества человеческого капитала.

Библиографический список:

1. Шабунова А.А. Здоровье населения России: состояние и динамика. Вологда: Издательство: ИСЭРТ РАН. Вологда, 2010. 408 с.
2. Гареева И.А. Региональная модель организации медицинской помощи в современной системе здравоохранения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 136-140.
3. Овечкина Т.Д. Стратегические подходы к управлению здравоохранением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в современных социально-экономических условиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ugrariu.ru/upload/files/infocenter/izdat/files/32.pdf>
4. Решетников А.В. Социология здравоохранения: руководство. М.: ГЭОТА-Медиа, 2010. 864 с.
5. Медик В.А., Осипов А.М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М.: Риор; Инфра-М, 2012. 358 с.
6. Журавлёва И.В. Здоровье студентов: реальность и перспективы // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса, 2012. С. 4311–4316. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part27.pdf>
7. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М.: Макс Пресс, 2007. 526 с.
8. Римашевская Н.М., Русанова Н.Е. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации // Народонаселение. 2015. № 4(70). С. 33-42.
9. Кожевников В.В. Основные направления оказания медицинской помощи сельскому населению [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minzdravrb.ru/files/doklad_selsk.doc
10. Башкуева Е.Ю. Региональные проблемы системы здравоохранения в условиях модернизации (по материалам Республики Бурятия) // Ойкумена. 2015. – № 1(32). С. 100-112.
11. Башкуева Е.Ю. Анализ состояния сельского здравоохранения Республики Бурятия (по материалам Баргузинского района) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3(12). С. 63-67.

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН АТР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ*

Бедрина Е.Б.

Под миграционным потенциалом мы будем подразумевать часть населения страны или стран, которая при определенных сложившихся условиях способна и имеет желание переехать в другую страну на постоянное место жительства, учебу или с целью временного трудоустройства. Численность данной части населения определяется демографическими показателями и зависит от конкретных социально-экономических условий, формирующих миграционные установки.

Реализация миграционного потенциала может оказать существенное влияние на развитие принимающей территории, привести к качественным изменениям в демографии и социальном устройстве через формирование новой этнической структуры (или подструктуры) общества. Важность учета миграционного потенциала при моделировании социальных процессов усиливается в условиях глобализации, активизирующей межстрановую мобильность населения.

*Работа подготовлена в соответствии с разработкой темы фундаментальных исследований НИОКР № ГР АААА-А16-116031410065-6 «Факторы и механизмы развития и реализации экономического потенциала населения регионов с позиции социокультурного подхода»

Термин «миграционный потенциал» начал активно использоваться применительно к внешней миграции в 90-е гг. XX века в работах исследователей, изучающих миграционные процессы на постсоветском пространстве. Применительно к России, как к стране – реципиенте, первоначально, пока миграция носила преимущественно этнический характер (первая волна), его толковали очень узко, подразумевая только русское население (А. Тенги) [1] или совокупность населения, в основе формирования которой лежит либо этнический признак в чистом виде, либо в комбинации с языковым, либо геополитический в сочетании с этническим (Л.Л. Рыбаковский) [2]. Позже стали отходить от этнического наполнения, заменив его установкой к миграции («тяготеющий к России» – В.И. Мукомель) [3]. О.Д. Воробьева и А.В. Топилина предлагают более широкое толкование данного понятия, определив миграционный потенциал через совокупность населения, которое имеет возможность выехать из страны проживания под воздействием факторов выталкивания и притяжения [4]. С точки зрения А.Г. Гришановой и Н.И. Кожевниковой, теоретически его (миграционный потенциал) можно применить ко всему населению стран нового зарубежья [5].

Привязка «миграционного потенциала» к принимающей территории придает большую определенность данной абстрактной категории. Так, Л.Л. Рыбаковский отмечает, что состояние миграционного потенциала «зависит не только от возможностей стран - доноров, но и от необходимых масштабов и предпочтительной структуры мигрантов для страны - реципиента, а также допустимых условий их приема» [6, с. 24]. Как справедливо замечено В.И. Мукомелем, «миграционный потенциал, как некая возможность миграционной активности населения, и его реализация в миграционном поведении населения могут разительно отличаться: между стремлением выехать из страны и возможностью его реализации огромная дистанция» [7].

Миграционный потенциал является одной из существенных характеристик миграционной системы, формирующейся вокруг страны – реципиента с учетом географического положения, исторического опыта и экономического взаимодействия, и характеризующейся наличием устойчивых миграционных потоков. Данная концепция предложена в 1990-х гг. XX в. М. Критцем, Л. Лимом, Х. Злотником [8]. В роли цементирующего звена миграционных систем выступают иммигрантские сети, особенно быстро складывающиеся среди выходцев из стран с традиционным укладом и служащие важнейшим условием реализации миграционного потенциала.

И.В. Ивахнюк выделяет Евразийскую миграционную систему, сформировавшуюся на постсоветском пространстве вокруг России и Казахстана под действием географических, исторических, экономических, политических, демографических, социально-психологических и социально-этнических факторов [9]. По мнению Казыкиной Н.В., Россия также является включенной и в Азиатско-Тихоокеанскую миграционную систему в качестве подсистемы с центром в Байкальском регионе Дальнего Востока [10]. Наряду с Россией Центрами Азиатско-Тихоокеанской миграционной системы выступают: Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг.

С нашей точки зрения, в Евразийскую миграционную систему (рис. 1), сформировавшуюся на постсоветском пространстве вокруг России, необходимо включить Китай и КНДР, в качестве стран – основных доноров трудовых ресурсов из Восточной Азии, и Вьетнам, в качестве поставщика трудовых ресурсов из Юго-Восточной Азии.

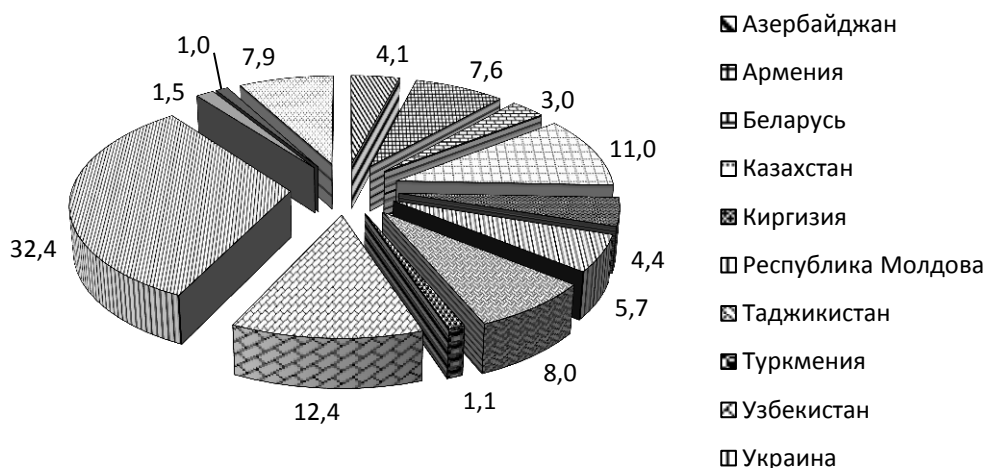


Рисунок 1 – Распределение прибывших в Российскую Федерацию по странам исхода в 2015 г., в % [11].

И хотя в настоящее время в общих миграционных потоках в Российскую Федерацию доля стран АТР не столь существенна, как стран Восточной Европы, Центральной и Передней Азии, данные страны имеют значительный миграционный потенциал. Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция к росту их доли в миграционных потоках (табл. 1).

Таблица 1 – Миграция из Китая, КНДР и Вьетнама в Российскую Федерацию в период 1997 – 2015 гг., тыс. чел. [11]

Страны	1997	2000	2005	2010	2015	Темп роста с 1997 по 2015 гг., в %
Китай	2861	1121	432	1380	9043	316
КНДР	295	32	5	95	6079	2061
Вьетнам	385	33	24	32	3008	781
Доля Китая, КНДР и Вьетнама в общем миграционном потоке	0,6	0,3	0,6	0,8	3,0	

В частности, данные страны характеризуются растущей численностью населения, которая в 2015 г. составила в Китае – 1371 млн. чел., во Вьетнаме – 91,7 млн. чел., в КНДР – 24,8 млн. чел., а также его высокой плотностью: 143,7, 273 и 198,3 чел. на км² соответственно [12].

Ориентация миграционных потоков из этих стран на Россию связана с их географическим положением, наличием национальных диаспор, исторически налаженными связями и политическими факторами. В частности, китайская миграция в Россию имеет глубокие исторические корни. Считается, что первые миграции маньчжуро-китайцев на территорию Приморской и Амурской областей имели место еще в XVII в. во времена нахождения данных территорий в Цинской империи [13, с. 234]. А формирование корейской диаспоры в Сибири и на Дальнем Востоке началось с 1860 г., после подписания Пекинского трактата о демаркации границы и присоединения Приморья к Российской империи, что создало благоприятные условия для добровольного переселения жителей корейского полуострова на российскую территорию [14, с. 5].

В результате исторического взаимодействия населения стран АТР в России сформировались национальные диаспоры. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории России проживало более 153 тыс. корейцев, около 29 тыс. китайцев и 14 тыс. вьетнамцев [15].

В настоящее время правительство Китая, реализуя стратегию «Идти вовне», поощряет эмиграцию своих граждан, выход китайских предприятий на внешний рынок, создание китайскими компаниями филиалов за рубежом, освоение природных ресурсов других стран.

Важную роль в развитии миграционных процессов между Россией и странами АТР играют правительственные соглашения. К примеру, в 2000 г. Россия и Китай заключили соглашение «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» [16], а также о сотрудничестве по совместному освоению лесных ресурсов. Вследствие этого, в 2002 г. на лесозаготовки в Амурскую область прибыли китайские рабочие [17, с. 62-63]. В июне 2007 г. было подписано соглашение между администрацией Амурской области и народным правительством провинции Хэйлунцзян об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. В нем особое место было уделено сотрудничеству в сфере использования природного и лесного потенциала, а также использованию рабочей силы из Китая в сферах, где имеется недостаток трудовых ресурсов [17, с. 69]. 25 мая 2015 г. было подписано соглашение между странами ЕАЭС и Вьетнамом о создании зоны свободной торговли, которое должно усилить интеграционные процессы между странами.

Таким образом, с учетом значительного миграционного потенциала стран АТР можно говорить о расширенной трактовке Евразийской миграционной системы, центром которой выступает Россия, включив в него такие страны, как Китай, КНДР и Вьетнам. По мере роста экономического взаимодействия между Россией и странами АТР миграционные потоки усилятся и приобретут, в большей мере, двухсторонний характер.

Библиографический список:

1. Tigui A. De. Refugies en Russi, Reflet d'un monde en desarroi / Hommes et migrations. P.,1996.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 29-36.
3. Мукомель В.И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнопанорама. 2001. № 3. С. 47-59. Режим доступа: <http://www.indem.ru/PUBLICATII/mukomel/Potenmig.htm>
4. Миграция населения: теория и практика / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012.
5. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Миграционный потенциал: теоретические аспекты // Народонаселение. 2016. Т. 1. № 1 (71-1). С. 42-51.
6. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 23-34.
7. Мукомель В.И. Кто придет в Россию из ближнего зарубежья? // Демоскоп Weekly. 2001. № 37-38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/037/tema02.php>
8. Kritz M., Lim L., Zlotnik H. International Migration Systems: A Global Approach. Oxford, 1992. P. 205-220.
9. Ивахнюк И.В. Факторы формирования миграционной системы в постсоветской Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2008. № 3. С. 5-13.
10. Козыкина Н.В. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 10. С. 81-86.
11. Международная миграция по странам. Демографический ежегодник России, 2015 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru/bgd/regl/B15-16/Main.htm
12. Всемирный банк // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>
13. Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.
14. Ким Е.В. Корейцы Сибири: этносоциальные, этнополитические процессы XX–XXI вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2014 .

15. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. Приложение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации // Сборник российско-китайских документов, 1999-2007 / под ред. А.П. Лосюков. М., 2007.

17. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкротова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009.

РОЛЬ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА ЗАБАЙКАЛЬЯ С КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ*

Буров В.Ю., Ортыков А.У.

Сложившиеся на сегодняшний день новые внешнеэкономические условия определяют возрастающий научный и практический интерес к перспективам развития сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР), которые связаны давними экономическими отношениями. Причиной укрепления взаимоотношений являются международные санкции, введенные США и ЕС, что послужило стимулом для более активного взаимодействия России со странами АТР.

Необходимость развития тесного экономического сотрудничества России и стран Востока становится всё более актуальной в условиях гармонизации и поиска новых форм сотрудничества в рамках глобальной экономики [1, с. 270].

В настоящее время торгово-экономическое сотрудничество России со странами АТР относительно общего объема внешнеторгового сотрудничества невелико, однако имеет значительный потенциал для дальнейшего роста. За последние два года доля стран данного региона в торговом обороте нашей страны увеличилась на 3,5% и в январе-августе 2015 года составила 29,3% внешнеторгового оборота России [2].

В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопросов международного взаимодействия Забайкалья (Республики Бурятия и Забайкальского края) с Китаем и Монголией, что обусловлено:

- особым стратегическим значением, в том числе в аспекте обеспечения экономической безопасности региона и российского присутствия в Восточной Азии;
- удаленностью Забайкалья от более развитой европейской части страны, а также перспективностью рынков сбыта Китая и Монголии.

Важным инструментом активизации сотрудничества с Китаем и Монголией должно стать малое предпринимательство (далее – МП), что обосновывается следующими факторами. Во-первых, привязка деятельности субъектов МП к локальным ресурсам, к локальным рынкам, к ограниченной территории хозяйственной деятельности. Во-вторых, возможностью расширения деятельности субъектов МП через выход на международные рынки. В-третьих, малые предприятия в своей деятельности используют инновационные подходы, что направлено на преодоление факторов, препятствующих эффективному развитию своего дела и по своей сущности они более ориентированы на риск

Особо необходимо выделить один важный момент – повышение роли МП напрямую связано с реальной децентрализацией государственной политики по развитию сектора МП и «... с акцентом на условия и стимулы к тому, чтобы сектор МП эффективно «впитывал» и при этом одновременно умножал стратегический потенциал социально-экономического развития регионов» [3, с.83].

*Работа выполнена в рамках НИР «Разработка предложений по комплексному социально-экономическому развитию Республики Бурятия в рамках Байкальского региона» № 03/12-016-6016

Успешность развития сектора малого предпринимательства предполагает определение тех направлений деятельности, которые бы соответствовали, прежде всего, внутренним потребностям региона (табл. 1).

Таблица 1 – Перспективные направления развития сотрудничества Забайкалья с Китаем и Монголией для субъектов малого предпринимательства

Сферы сотрудничества	Основные направления сотрудничества	Примечание
Транспорт	<ul style="list-style-type: none"> - модернизация железнодорожной инфраструктуры и магистрали между станциями «Эрлянъ – Замын-Уд» (КНР – Монголия) и «Заудинск-ВСЖД» (Республика Бурятия); - создание международного железнодорожного транспортного коридора через территорию Монголии (Замын-Уд – Сухэ-Батор) между крупнейшим в Юго-Восточной Азии китайским портом в г. Тяньцзинь и станцией Улан-Удэ Восточно-Сибирской железной дороги; - реконструкция аэропортов в г. Улан-Удэ на авиарейсах из Маньчжурии, Хайлара, Харбина, Цицикара и других городов Китайской Народной Республики, реконструкция рулевых дорожек, мест стоянок в целях усиления их несущей способности; - создание транспортно-логистических узлов в Кяхтинском районе и г. Улан-Удэ Республики Бурятия; - создание транспортно-логистического комплекса в Республике Бурятия 	Обслуживание крупных предприятий. Использование созданной инфраструктуры для своей хозяйственной деятельности
Инвестиции	<ul style="list-style-type: none"> - совместное освоение урановых месторождений в Дорнодском и Восточно-Гобийском аймаках Монголии; - включение СУЭК, имеющей свои подразделения в Республике Бурятия, в конкуренцию за право разработки и эксплуатации богатых угольных месторождений Монголии (не только крупнейшего Таван-Толгоя на юге страны, но и на сопредельных с Забайкальем территориях) 	
Сельское хозяйство	<ul style="list-style-type: none"> - вовлечение Монголии и Внутренней Монголии КНР в программу «Мясной пояс Байкальского региона»; - создание прецедента интегрированной программы развития животноводства (преимущественно номадного) в пространстве Внутренней Азии с участием регионов трех стран; - экспорт саженцев засухоустойчивых деревьев и кустарников из Байкальского региона в Монголию для создания защитных лесополос в целях локализации диффузии пустыни Гоби на северные территории; - импорт живого скота; мяса на промышленную переработку, в основном для мясных консервов; - адаптация в республике монгольского опыта развития молочного коневодства и производства кумыса 	Малые предприятия являются основными субъектами хозяйственной деятельности в условиях данной специализации
Международный туризм	<ul style="list-style-type: none"> - выработка эксклюзивных маршрутов; - создание специфических туристских продуктов; - развитие «зеленого» туризма 	

Таким образом, для усиления международного взаимодействия необходимо проведение целенаправленной государственной политики, предусматривающей [4]:

1. Налаживание кооперации с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в конкурентоспособных на мировом рынке производствах, имеющих высокий научно-технический потенциал (лесопереработка и лесовосстановление, энергетика и энергосбережение, реализация инфраструктурных проектов, обмен технологиями и научно-техническими разработками, участие зарубежных инвесторов в региональных строительных проектах и др.).

2. Формирование положительного имиджа региона, в том числе проведение знаковых

мероприятий в Российской Федерации и за рубежом.

3. Содействие развитию прогрессивных и внедрение новых форм внешнеэкономического сотрудничества (включая инвестиции, научно-техническую и производственную кооперацию, обмен услугами, франчайзинговую деятельность).

4. Содействие развитию экспорта услуг, оказываемых в таких сферах деятельности, как транспорт, туризм, связь, банковское и страховое дело, информационное, консультационное обслуживание, образование, здравоохранение и др.

5. Развитие культурных, спортивных, образовательных, научных, религиозных, общественных связей на основе обмена делегациями по программам изучения иностранных языков, проведение конференций по обмену опытом в различных областях.

6. Мониторинг международных рейтингов регионов по туризму, экономике, культуре, человеческому потенциалу, изучение механизмов оценки рейтинга и реализация мероприятий по улучшению показателей.

7. Развитие инфраструктуры для транзитного, комплексного туризма, развитие въездного и выездного делового, техногенного, культурного, природного, экологического, этнографического, исторического, молодежного, образовательного, научного и других видов туризма.

Библиографический список:

1. Потапнина К.В. Развитие торгово-экономических отношений России со странами Востока в контексте современных тенденций глобализации // Проблемы моделирования социальных процессов: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Владивосток, 11-13 ноября 2015 г.). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 270-272.

2. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru>

3. Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Децентрализация в государственной политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 81-96.

4. Буров В.Ю., Атанов Н.И. Новые подходы к управлению социально-экономическим развитием региона в условиях экономического кризиса (на примере Республики Бурятия) // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: новые вызовы для менеджмента компаний: материалы всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 19 марта 2015 года) / под науч. ред. С.В. Чупрова. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015.

СТУДЕНТЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕРАВЕНСТВЕ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Костина Е.Ю.

В условиях развития российского социума в контексте социальной трансформации можно выделить несколько основных характеристик, имеющих негативную окраску. В первую очередь это неблагоприятные изменения в уровне и качестве жизни населения, сочетающиеся с продолжающимся ухудшением состояния социальной инфраструктуры. Немаловажным в данном ключе является обострение проблем занятости и повсеместное распространение дополнительной (вторичной) занятости как формы адаптации населения к обвальному снижению уровня материального благосостояния. Имеет место усиление дифференциации населения и, как следствие, более резкое расслоение, ведущее к неблагоприятным изменениям в социальной структуре общества. Следовательно, те характеристики, которые мы наблюдаем в настоящее время в социальном пространстве российского общества, состоят в изменении соотношения групп и слоев, их иерархии и ролевых функций, в углублении социального неравенства между ними. И не все формы неравенства можно отнести к категории «справедливых», поэтому главная задача государства и общества

заключается в том, чтобы эти формы не превышали некие «нормальные» пределы. «Норма» в данном случае «выступает как оценка неравенства, которое соответствует условиям, когда практически всё экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальная часть населения будет обеспечена приемлемым уровнем жизни» [1, с. 279]. Нормальное неравенство создаёт стимулы для продуктивной конкуренции и эффективного использования ресурсов для социально-экономического развития.

К этому следует добавить, что наблюдаемые социальные трансформации, процессы социального неравенства, отношения социальной справедливости в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит комплексная проблема жизненного самоопределения. Это имеет особое значение в отношении студенчества, чей профессиональный и личностный потенциал формируется во многом институтом образования. Студенческая молодёжь, демонстрируя высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности, рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа их достижения. В то же время тенденции трансформации общества – социальная поляризация, высокий уровень аномии, процессы теневиизации, противоречия в реформировании социального института образования – создают ограничения в использовании потенциала студенческой молодёжи. В этой связи изучение мнений и суждений студентов относительно понимания и интерпретации ими проблем в сфере социальной справедливости и неравенства в контексте происходящих в России изменений приобретает особую актуальность.

В данном контексте нами было предпринято разведывательное исследование, объектом которого выступили студенты, обучающиеся на 2-4 курсах Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) всех уровней подготовки – бакалавриат, магистратура, аспирантура. По итогам исследования 2016 г. (исследование проведено в апреле-мае 2016 г. методом анкетного опроса, объём выборочной совокупности составил 215 студентов) мы имеем результаты пилотного характера.

В частности, в ходе анкетирования нами были выявлены мнения и суждения студентов относительно их планов выбора места жительства, сопутствующих условиях и факторах. При ответе на вопрос «После получения образования Вы планируете работать в России или постараетесь уехать на работу за рубеж?» ответы распределились следующим образом: в любом случае в России – 33,95 %; всё зависит от того, где предложат хорошую работу – 42,79 %; в любом случае за рубежом – 7,44 %; затруднились с ответом – 15,81 %. Полученные нами данные подтвердили, что миграционная составляющая является важнейшим элементом жизненных планов дальневосточного студенчества. В группе потенциальных мигрантов 25,12 % планируют уехать за границу на постоянное место жительства. Но многие респонденты (в основном это те, кто выбрал вариант «всё зависит от того, где предложат хорошую работу») намерены там только работать по контракту или временному соглашению, а затем вернуться в Россию. Для них основными центрами притяжения выступают страны АТР, в первую очередь Китай и Южная Корея.

Кроме того, мы отмечаем широкое распространение в студенческой среде ориентаций на высокий жизненный уровень, которые включают высокооплачиваемую работу, материальное благополучие, успешную карьеру, свободу и независимость. По результатам исследований, проведённых нами ранее, было выявлено, что достижение успеха в жизни приморские студенты ассоциируют с гарантированным будущим, наличием интересной и любимой работы, солидным положением и богатством [2].

Примечательно то, что в описываемом нами исследовании «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» при достижении богатства одним из наиболее значимых факторов опрошенные студенты считают наличие хорошего образования (средний балл по 5-балльной шкале – 2,81; это третья позиция в рейтинге после таких вариантов, как «трудолюбие» – 2,86 и «полезные связи» – 3,41). При этом хорошее образование студенты связывают не только с уровнем преподавания, полученными компетенциями и пр., но и со справедливостью оценивания их

знаний. Подавляющее большинство респондентов (61,86 %) отмечают, что в школе практически всегда их учёба оценивалась справедливо. Это коррелирует с ответами на вопрос об итоговых оценках в школьном аттестате: 65,58 % опрошенных указали, что учились на «4» и «5». Такое же положение дел, по мнению наших респондентов, сохраняется и при оценке их знаний в вузе: 61,4 % выбрали вариант «в большинстве случаев моя учёба оценивается справедливо».

Анализируя данные по определению причин бедности и богатства, можно заключить, что, чаще всего, по мнению студентов, причиной бедности является пьянство, наркомания, лень и отсутствие желания работать, плохие условия воспитания и взросления. Иначе говоря, индивидуальные особенности поведения людей и специфика их социализации. А богатыми, с точки зрения респондентов, становятся вовсе не ведущие здоровый образ жизни трудолюбивые из хороших семей; к богатству приводят, как уже было отмечено выше, полезные связи, трудолюбие и хорошее образование. Это во многом объясняется тем, что перед глазами современных студентов опыт их родителей, которые добивались социального благополучия / оказывались в ситуации социального неблагополучия в период 1990-х – 2000-х гг., когда дифференциация доходов и образа жизни достигала значительного уровня. И те, кто «вертелся», имел большие заработки и достойное социальное положение; а те, кто не сумел приспособиться, демонстрировали девиантные формы поведения и образа жизни. Однако следует отметить, что особое место среди причин и богатства, и бедности отведено труду. Такой вариант ответа, как «отсутствие желания работать» занимает вторую позицию в рейтинге оценок причин бедности. Также как и «трудолюбие» занимает соответствующую (вторую) позицию в рейтинге оценок причин богатства. Таким образом, труд и его активность являются одними из важных показателей достижения высокого личного и социального статуса, устранения барьеров социального неравенства.

Особый интерес вызывает реакция на национально-этнический компонент. Студентам был предложен вопрос следующего содержания: «Выяснилось, что пострадавшие – это люди разных национальностей: русский, дагестанец и еврей. С Вашей точки зрения, повлиял ли этот факт на решение врачей?». Результаты ответов на данный вопрос показали: 71,16 % опрошенных считают, что данный факт не повлиял бы на решение врачей; 28,84 % полагают, что национальность имеет в данном случае принципиальное значение. Процентное соотношение в целом соотносится с общероссийскими показателями. Однако следует отметить, что большая часть студентов российских вузов обучается в поликультурной и многонациональной среде, где достаточно развиты позитивные образы межнациональных отношений. При этом необходимо учитывать и тот факт, что жители Приморского края в последнее время высказывают некоторые опасения в отношении трудовых мигрантов по национальному признаку, о чём свидетельствуют результаты исследований, проведённых нами ранее [3].

Какой же должна быть жизнь в справедливом обществе? При ответе на данный вопрос респондентам было предложено несколько утверждений. Большинство студентов полностью согласны с утверждением о том, что «в справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения». Так считают 47,44 % опрошенных. Также в целом соглашаются студенты и с утверждением, что «в справедливом обществе специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией» (43,26 %). Наибольшее количество отрицательных ответов получило утверждение о том, что «в справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами». Абсолютное несогласие с этим утверждением выразили 28,84 % респондентов.

Современное российское общество в суждениях и оценках приморских студентов – это общество «средней справедливости», где по-прежнему пенсионеры получают меньше, чем заслуживают; а крупные чиновники, обладая большим количеством связей и возможностей, получают незаслуженный приоритет во всех отношениях, даже в получении права на первоочередное спасение в чрезвычайной ситуации. Формированию такого мнения, на наш взгляд, способствует сложившаяся за последние годы негативная ситуация вокруг крупных чиновников и их деятельности

(громкие уголовные дела в связи с превышением служебных полномочий, отставка с формулировкой «в связи с утратой доверия» и пр.).

В целом предварительные результаты исследования мнений студентов, обучающихся в вузах Приморского края, в отношении состояния и динамики социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе показали, что справедливое общество – это общество, которое позволяет работать и зарабатывать; социум, где созданы равные возможности для всех, но достигает больше тот, кто больше учится, работает и больше приносит пользы обществу. Анализ оценок причин богатства и бедности позволяет сделать вывод о том, что одним из главных компонентов преодоления социальной несправедливости является профессиональная активность. Это благоприятная тенденция, которая демонстрирует достаточно высокий потенциал современного студенчества в сфере труда и занятости, активную жизненную позицию молодых людей.

Библиографический список:

1. Гладышева А.С., Стоянов И.А. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 2. С. 273-279.
2. Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 49-53.
3. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 43-55.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Вовженяк И.С.

Вопрос изучения влияния различных экологических проблем стал актуальным в 1970-1980-е гг. в связи с установлением различными учеными (географами, экологами, биологами, экономистами, социологами и др.) первых фаз глобального экологического кризиса. Для предотвращения более серьезных последствий данного кризиса научным сообществом предпринята попытка создания и внедрения концепции устойчивого развития. Не везде эта попытка была удачной. К настоящему времени прослеживаются всевозможные последствия экологических угроз (загрязнения окружающей среды, деградации экосистем, ландшафтов и т.д.) жизнедеятельности человека в целом. Разными авторами установлено, что загрязнение окружающей среды (атмосферы, почв, вод) влияет на формирование негативных условий качества жизни [6], повышение смертности [5], развитие экологически-обусловленных болезней [5], а также социальных патологий общества [2]. Социальные патологии представлены основными формами девиантного поведения общества: преступностью, наркоманией, алкоголизмом, проституцией и суицидом [2]. Также многие социальные угрозы представляют опасность для здоровья населения [3].

Цель настоящей работы: определить пространственные (географические) закономерности влияния экологического состояния на социальную напряженность в муниципальных образованиях Приморского края.

В основу работы положена методика многопризнаковой типологии. Для оценки экологического состояния территорий Приморского края выбран показатель загрязнения атмосферы (рассчитан в количестве всех выбросов в атмосферу на 1 жителя). Для оценки социальной напряженности в районах и городах края выбраны показатели безработицы и преступности, которые, по мнению автора, наиболее удачно характеризуют основные социальные проблемы населения. Степень социальной напряженности отдельных территорий рассчитывалась путем суммирования уравненных между собой показателей безработицы и преступности (то есть 50 на 50%). Все данные приведены на 2015 г. и основываются на статистических материалах Приморскстата [1].

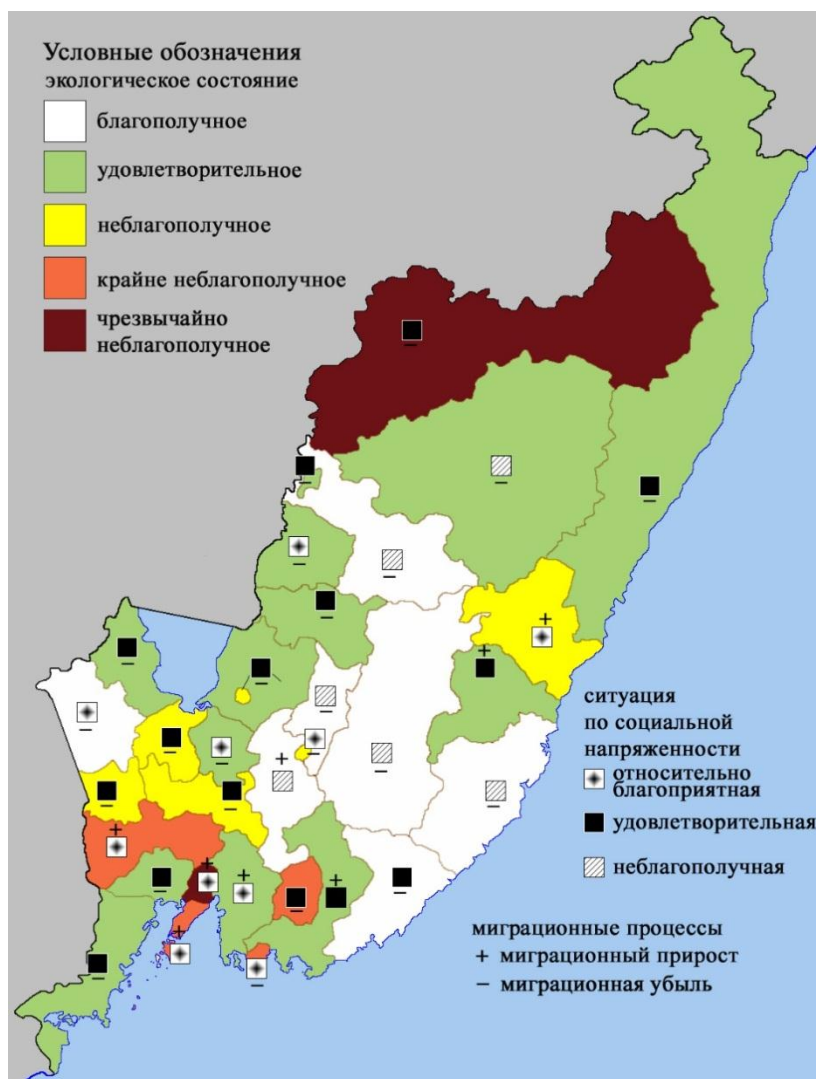


Рисунок 1 – Экологическое состояние и ситуация по социальной напряженности в разрезе муниципальных образований Приморского края (2015 г.)

В результате расчетов все муниципальные образования Приморского края были проранжированы на 3 группы по ситуации социальной напряженности (относительно благополучная, удовлетворительная и неблагоприятная) и 5 групп по экологическому состоянию (благополучное, удовлетворительное, неблагоприятное, крайне неблагоприятное и чрезвычайно неблагоприятное). Данная информация получила картографическое отображение (рис. 1), что позволило выявить пространственную неоднородность территорий Приморского края по распространению исследуемых явлений.

Наихудшая экологическая ситуация зафиксирована в Пожарском районе и г. Артеме. При этом в Пожарском районе зафиксированы максимальные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, что обусловлено наличием здесь разработок и предприятий по добыче угля, развитой теплоэнергетической сети. Крайне неблагоприятная ситуация наблюдается во Владивостоке, Уссурийске, Находке, Партизанском районе. Наиболее напряженная ситуация в основном отмечается в крупных городах и промышленно-развитых районах Приморья. Благополучное же экологическое состояние характерно для сельских районов края (Чугуевский, Анучинский, Ольгинский и другие районы).

Достаточно интересно распределена ситуация по социальной напряженности. Неблагополучная ситуация наблюдается в Ольгинском, Дальнереченском, Анучинском, Яковлевском и Красноармейском районах, которые во многом являются депрессивными (в социально-экономическом плане) сельскими территориями. Относительно благополучная ситуация получила

распространение в крупных городах (Владивосток, Артем, Находка, Уссурийск, Арсеньев, Дальнегорск, Лесозаводск) и некоторых районах края (Черниговский, Пограничный, Шкотовский), что обусловлено большим распространением здесь правоохранительных мер и широкими возможностями рынка труда для местного населения. Дополнительно на представленной карте отражены качественные значения миграционных процессов (миграционный прирост и убыль), которые раскрывают особенности социальной обстановки в районах. Видно, что миграционный прирост характерен для экологически-неблагополучных городов и районов (за некоторыми исключениями), где больше возможностей пришлому населению трудоустроиться и повысить собственный уровень качества жизни (например, во Владивостоке, Артеме).

Полученные результаты, несмотря на определенную наглядность «картины» (рис. 1), не говорят о том, что загрязнение атмосферы (напряженность экологического состояния территории) формирует благополучную ситуацию по социальной напряженности. Это предопределено выбором безработицы и преступности, как критериев оценки социальной напряженности. Если же показатель социальной напряженности расширить дополнительными критериями, например, самоубийствами, некоторыми социально-значимыми патологиями (алкоголизм, наркомания, психические расстройства и расстройства поведения), то будут получены результаты реального влияния загрязнения атмосферы на социальную напряженность среди населения (в т. ч. подтвержденные статистическим анализом). Этому свидетельствуют соответствующие публикации [2]. К тому же, в данной работе не получено отдельных статистически значимых корреляционных взаимосвязей между загрязнением атмосферы и преступностью ($r=0,22$), но с безработицей обнаружена умеренная связь, хоть и близкая к слабой ($r=0,31$).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) пространственная неоднородность Приморского края по экологическому состоянию (с некоторыми оговорками) отражается в концентрации благополучных районов в центральной зоне региона, удовлетворительных в северной зоне (за исключением Пожарского района), неблагополучных районов в южной зоне; 2) пространственная неоднородность Приморского края по социальной напряженности в том, что благополучная ситуация типична преимущественно для городских территорий, неблагополучная для центральных сельских районов, а удовлетворительная для большинства районов края; 3) определенных связей между увеличением загрязнения атмосферы и показателями преступности с безработицей не обнаружено. Настоящая работа требует дальнейших более детальных исследований, которые должны охватить больший перечень критериев не только для оценки социальной напряженности, но и построения экологической оценки территорий.

Библиографический список:

1. Итоги деятельности городских округов и муниципальных районов Приморского края за 2015 г.: Бюллетень. Владивосток: Приморскстат, 2016. 67 с.
2. Лозовская С.А., Изергина Е.В., Косолапов А.Б., Гиладури Т.Н. Окружающая среда и социальная патология населения Дальневосточного федерального округа // Успехи современного естествознания. 2016. №11. С. 141-145.
3. Погорелов А.Р. Оценка потенциальных угроз здоровью населения Приморского края // Сборник докладов 63-й Международной молодежной научно-технической конференции «Молодежь. Наука. Инновации». Т. 2. Владивосток: МГУ им. Г.И. Невельского, 2015. С. 105-108.
4. Ревич Б.А. Место факторов окружающей среды среди внешних причин смерти населения России // Гигиена и санитария. 2007. №1. С. 25-31.
5. Ревич Б.А., Авалиани С.Л., Тихонова Г.И. Экологическая эпидемиология. М.: Академия, 2004. 384 с.
6. Сапунов В.Б. Эколого-социальные факторы, определяющие продолжительность жизни (на примере г. Санкт-Петербурга) // Экологическая химия. 2008. №2. С. 114-126.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В Г. ИРКУТСКЕ: МНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Гаврилова Н.И., Севастьянова Н.В.

Барьеры развития малого предпринимательства в современной России носят довольно устойчивый характер и корнями уходят в 1990-е гг. Анализ проблем малого предпринимательства в современной России выступает предметом исследования таких авторов, как М.Ю. Сухова [4], А.Ю. Чепуренко [5], М.В. Коган [3] и др. Особое внимание исследованию барьеров уделил Л.П. Веревкин [1], проанализировавший точку зрения самих предпринимателей по данному вопросу. Применительно к г. Иркутску, исследованием барьеров малого и среднего предпринимательства занималась С.Л. Галанова [2].

В 2015 г. в рамках написания данной статьи нами было проведено исследование, направленное на выявление проблем развития малого предпринимательства в г. Иркутске с точки зрения предпринимателей.

Методическая стратегия исследования заключалась в применении полуструктурированного интервью. Формирование выборочной совокупности происходило с помощью метода снежного кома на основе статистических данных о процентном соотношении представленных в городе сфер малого бизнеса. С помощью метода «снежный ком» было отобрано 10 представителей различных областей предпринимательства в возрасте от 23 до 57 лет. Среди них – 5 женщин и 5 мужчин. В частности, в сфере торговли опрошено 4 респондента, в области транспорта и связи – 2, в сфере строительства и отделочных работ – 1, в сфере обслуживания – 2, в области ремонта бытовых изделий – 1 респондент.

В ходе проведенных интервью с предпринимателями выяснился факт о том, что отношение самих предпринимателей к государственным структурам характеризуется недоверием. Так, иркутским предпринимателям предлагали ответить на вопрос: *«Знаете ли Вы о наличии региональных программ по поддержке малого бизнеса и пользовались ли Вы какими-либо из них?»*. Опрошенные респонденты либо не нуждаются в помощи и поэтому никогда не пользовались программами (в т. ч. используют личные сети как фактор создания и поддержки собственного дела): *«Честно, что-то слышал, но не пользовался. Да мне и не нужно, я у себя на квартире ремонтирую»* (Олег, 27 лет, ремонт мелкой бытовой техники).

Либо респонденты знают о существовании программ, но не воспользовались ими в силу незнания их содержания: *«Честно, я что-то слышала, но названия вспомнить не могу. Да и не пользовалась»* (Полина, 30 лет, предприниматель в сфере торговли). Стоит отметить, что респондентов, давших подобные ответы, оказалось 6 из 10 опрошенных.

Третья причина заключается в том, что отрасль бизнеса респондентов не входит в число тех сфер предпринимательства, на которые распространяются программы поддержки: *«Знаю, только наш бизнес не попадает под эту программу, и так далее, и так далее. Мы ими даже не сможем пользоваться, потому что туда попадают только те, которые способствуют развитию региона, а оптовая торговля, к сожалению, не подразумевает развитие региона, по их мнению»* (Лариса, 43 года, оптовая торговля).

Примечательным является факт присутствия необоснованных негативных оценок эффективности государственных и региональных программ поддержки бизнеса при низком уровне информированности. Типичным для опрошенных предпринимателей является ответ: *«...конечно, существуют там разные программы поддержки малого бизнеса, но это все для галочки...»*.

Таким образом, ответы респондентов создают картину дистанцирования малых предпринимателей г. Иркутска от использования существующих способов государственной и региональной поддержки малому бизнесу, в частности, от использования предложенных программ финансовой и имущественной помощи. Возможной причиной этому может служить информационно-коммуникационный барьер малого предпринимательства. Практически аналогичные результаты были получены С.Л. Галановой в 2011 г. [2, с. 95].

Среди других имеющихся государственно-правовых барьеров предприниматели в ходе интервью выделили политику государства в отношении малого предпринимательства и общую сложившуюся за последние несколько лет сложную политическую обстановку: *«На малые предприятия влияет политика и очень сильно. Там вообще большая логическая цепочка – разорвали связи с одним государством – получите высокие налоги и цены на сырье, материалы и оборудование, или вообще ничего не получите!»* (Татьяна, 35 лет, предприниматель в сфере рекламы).

В отношении законодательства как фактора развития малого предпринимательства были высказаны крайне противоположные точки зрения: большинство респондентов настаивало на юридической незащищенности предпринимателя и несовершенстве системы. На вопрос «Способствует ли нынешнее законодательство развитию малого бизнеса?» предприниматели отвечали следующим образом: *«Наверно, тоже нет. Я что-то не слышала о законе, например, о защите прав предпринимателей – потребитель может пожаловаться, а мы – нет, да и много там еще разных несправедливостей...»* (Кристина, 23 года, предприниматель в сфере торговли). Другой респондент выразил свое мнение так: *«Не могу точно утверждать, но мое предположение, что не совсем способствует»* (Алексей, 24 года, сфера услуг).

Из полученных мнений респондентов можно заключить, что предприниматели не знают правовых основ собственной деятельности и правовой культуры в целом, что накладывает определенный отпечаток на ведение бизнеса и отношение к государству.

Помимо государственно-правовых барьеров рассматривались барьеры экономические. В частности, респондентам предлагали ответить на вопрос о том, какие экономические факторы, по их мнению, отрицательно влияют на малые предприятия. По этому поводу они высказывались практически однозначно: *«Да все почти отрицательно влияет: высокие налоги на перевозки товара, громадные проценты по кредиту, еще, могу сказать, что аренда склада обходится недешево. Конкуренция тоже давит, но работаем в основном уже на устоявшейся клиентской базе, а начинали с отделочных работ у знакомых, да и некоторые скидки, по сравнению с другими фирмами, предоставляем. В целом на плаву пока еще (снова смеется)»* (Алексей, 42 года, предприниматель в области строительства и отделочных работ). Другой респондент отмечает: *«Да, думаю, что, во-первых, нестабильность в экономике, налоговые обременения, и, наверное, неготовность в нашем регионе потребителей получать новые продукты»* (Александр, 46 лет, бизнес в сфере услуг). Другие респонденты также упоминают «плавающий курс доллара», «нестабильную ситуацию на рынке», «высокие налоги на перевозки товара, громадные проценты по кредиту».

К третьей группе барьеров малого предпринимательства относятся социокультурные барьеры. По данным исследования, основным социокультурным барьером малого предпринимательства в г. Иркутске стала проблема подбора квалифицированных кадров на фоне родственных тенденций в найме: *«Кадры найти действительно тяжело. У меня работают проверенные люди, которым я полностью доверяю. Это не просто работники по объявлению, это родственники, которым необходима была работа»* (Полина, 30 лет, бизнес в сфере торговли). Поддерживают данную позицию и представители иных сфер предпринимательской деятельности: *«Найти сложно, гастарбайтеры народ совсем не надежный, стараюсь найти ребят, которые получили среднее техническое, а перебои как раз потому, что работают у меня молодые ребята либо еще студенты, либо те, кто закончил, и они не всегда могут выходить на полный день. Обучение целенаправленно не произвожу, конечно, просто, приезжая на объект, объясняю и показываю, что делать»* (Алексей, 42 года, строительство и отделочные работы).

Таким образом, малому предпринимательству в г. Иркутске присуща высокая роль личных связей при приеме на работу, что создает определенные трудности для соискателей среди населения.

Кроме того, встает проблема поиска квалифицированных кадров и их переподготовки для работы на малых предприятиях. По этому вопросу респонденты высказались следующим образом: *«С кадрами как раз проблема, потому что на такую работу сейчас идут люди из низших слоёв населения. Сложно с трудовой дисциплиной, с моральными качествами работников.»*

Профессиональное обучение я не осуществляю» (Полина, 30 лет, бизнес в сфере торговли). О проблеме «кадрового голода» на малых предприятиях в 2011 г. в Иркутске также упоминала и С.Л. Галанова [2, с. 95].

Подводя итог, следует отметить, что именно внутренние факторы – экономические и государственно-правовые – с точки зрения предпринимателей г. Иркутска являются наиболее острыми, по сравнению с остальными. На основе всех проведенных интервью было установлено, что важнейшими среди них являются высокий уровень налогообложения, высокая арендная плата за помещение, высокий процент коммерческого кредита. Важнейшими государственно-правовыми барьерами, с точки зрения самих предпринимателей, стали несовершенство нормативно-правовой базы в отношении малого предпринимательства, а также узость и неэффективность существующих программ поддержки малого бизнеса.

Вопрос использования или неиспользования предоставляемых предпринимателям возможностей поддержки собственного бизнеса уходит корнями именно в проблему доверия предпринимательства к государственным структурам, отмеченную многими авторами и зафиксированную в 2011 г. также в г. Иркутске.

Решением проблемы во многом может стать повышение в стране правовой культуры, которая поможет предпринимателям четко осознать свои права и обязанности по отношению к обществу и культуры ведения бизнеса. Таким образом, проведенное в 2015 г. исследование позволило наметить новый ряд вопросов, требующих организации дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Веревкин Л.П. Что мешает развитию малого бизнеса: мнение предпринимателей // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5. С. 30-35.
2. Галанова С.Л. Выявление проблем, препятствующих развитию малого и среднего предпринимательства в городе Иркутске. Иркутск, 2011. 185 с.
3. Коган М.В. Формирование благоприятной внешней среды развития малого предпринимательства в регионе // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 7-9.
4. Сухова М.Ю. Проблемы развития малого бизнеса // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 4. С. 338-342.
6. Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. № 4. С. 130-161.

ВИДЫ И РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ИНДИКАТОРЫ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В XXI ВЕКЕ

Галкина А.В.

В настоящее время Россия находится в глубоком экономическом кризисе, который охватывает всё большие сферы повседневной жизни людей. В связи с ростом преступности криминогенная ситуация вновь, как в 1990-е и начале 2000-х годов, станет значимым фактором оценки социально-экономической обстановки в регионах. Особенно данная проблема коснулась регионов Сибири и Дальнего Востока. Так, по данным ежегодного отчета МВД России, в этих регионах зафиксирован рост преступности на 1,5% (по сравнению с 2015 годом), что является одним из самых высоких показателей по стране. По отдельным областям в конкретных видах преступлений наблюдается рост показателей до 50%.

В связи с этим россияне зачастую вынуждены отказываться себе в тех или иных услугах, товарах, так как элементарно на некоторые блага, даже на необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности, у среднестатистического жителя нашей страны не хватает денежных ресурсов. По данным Росстата, на июль 2016 года реальные располагаемые доходы россиян, то есть

«свободные» деньги, которые человек может потратить на собственные нужды или отложить после того, как сделает все обязательные платежи, упали по сравнению с июлем предыдущего года сразу на 7% [4]. Помимо этого, глава Счётной палаты Татьяна Голикова заявила, что число людей, находящихся за чертой бедности, растёт [2]. Наряду с этим усугубляется сложившаяся ситуация ещё одним показателем – ростом неравенства доходов населения, который был впервые зафиксирован с начала кризиса в стране.

В связи с этим падает и общее настроение граждан, обостряется ситуация относительно богатых и бедных, также ухудшается и уровень жизни. Всё это является причиной обострения одного из негативных явлений нашего общества – преступности, так как уровень зарплат снижается, а по причине безработицы часть людей вообще остаются без источника постоянного дохода. Как всем известно, уровень криминализации общества является признанным индикатором состояния общества и социального благополучия населения. В Сибирском федеральном округе обусловлена такая ситуация также и напряженной демографической ситуацией, маргинализацией населения отдаленных районов.

В ходе вторичного анализа данных, предоставляемых ежегодно Управлением МВД России, было выяснено, что в целом по России роста преступности не наблюдается. Так, в 43 регионах страны наоборот, можем наблюдать небольшой спад этого явления, но тут же в 42 регионах имеет место быть рост числа преступлений [4]. Дальневосточный округ и СФО входят в число регионов с самыми высокими показателями роста преступности за указанный период. При этом мы можем увидеть, что почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж, грабежей и разбоев. Один из самых больших показателей роста за период с января по июль 2016 года показывает такое правонарушение как мошенничество, где увеличение числа деяний фиксируется на отметке 19,1% (в сравнении с аналогичным периодом 2015 года), ухудшает обстановку и тот факт, что правоохранительные органы всё реже могут предотвратить данное явление. Обусловлена такая ситуация также тем, что отрасль преступности всесторонне развивается, появляются новые способы и методы нарушения законов, иногда о которых даже и не приходится думать. Всё чаще мы слышим от СМИ о тех или иных правонарушениях, которые относятся к категории «резонансные», причём совершаются они в разных сферах, начиная от домашнего насилия и краж, заканчивая масштабными экономическими и политическими преступлениями, которые приносят вред всему государству.

Обратной стороной этого является и изменение в системе наказаний. Так, была возобновлена система домашнего ареста, запрещенная в нашей стране с 1960 года. Стоит напомнить, что до 1960 года эта мера наказания была очень популярной, суд мог применить это наказание только в тех случаях, когда никто не пострадал, в основном в домашнем заточении в СССР сидели сплетники и клеветники [1]. Однако сейчас мы наблюдаем, что часто данную меру наказания применяют в отношении влиятельных слоёв общества, не смотря на тяжесть совершенного ими преступления, так, сюда входят и взяточничество в особо крупном размере, и мошенничество, и дорожно-транспортные происшествия со смертельными исходами.

Анализируя представленную статистику, складывается негативное отношение к происходящему, но наше Правительство не оставляет эту ситуацию и активно разрабатывает новые законопроекты по предотвращению преступности в стране [1, с. 7]. Так, совсем недавно, 22 сентября 2016 года, вступил в силу закон о профилактике правонарушений [5]. Под профилактикой здесь подразумевается оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения преступлений или антиобщественного поведения. В законе отмечается, что антиобщественное поведение – это действия лица, не влекущие административную или уголовную ответственность, но нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц. Осуществлять такую программу будут федеральные органы исполнительной власти, прокуратура, органы Следственного комитета РФ, а также региональные и местные органы. При этом помощь могут оказывать и все неравнодушные граждане РФ. Помимо этого на данный момент реализуется

государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», в рамках которой также ожидается повышение эффективности работы правоохранительных органов, что должно привести к усилению уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов [1, с. 10]. Также был разработан план деятельности МВД до 2018 года, действие которого начинается с 2014 года. Так, начиная с 2015 года мы можем наблюдать повышение числа раскрытых преступлений, что говорит о результативности данного плана.

Принимаются меры по противодействию преступности не только на федеральном, но также и на региональном уровне. Уже на протяжении нескольких лет реализуется программа по созданию наиболее благоприятной безопасной обстановки в Иркутской области, при этом каждый год вносятся самые актуальные поправки и изменения, некоторые программы убирают из плана в связи с их низкой продуктивностью, а какие-то добавляют вновь. Подпрограмма «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Иркутской области» на 2016-2018 годы является частью государственной программы региона «Обеспечение комплексных мер противодействия чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, построение и развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на 2014-2018 годы» [2]. Основным упором данной отрасли является защита граждан от преступных посягательств. Приоритетным направлением здесь становится обеспечение взаимодействия исполнительных органов государственной власти с общественностью в сфере профилактики преступлений и иных правонарушений.

Одним из способов улучшения потенциала регионов Сибири и Дальнего Востока, а также повышения уровня жизни населения является в первую очередь эффективное развитие региональной экономики. В рамках данного направления развития необходимо развитие таких направлений как стимулирование создания экономически эффективных рабочих мест, а также создание системы высококвалифицированной подготовки кадров по имеющимся профессиям в регионе. Также важным направлением является укрепление научного потенциала и развития экспертного сообщества.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что ситуация в России и в регионах с уровнем преступности и криминализации населения является напряженной, что обусловлено падением уровня жизни населения страны. Однако немаловажным является тот факт, что правительство страны активно занимается данной проблемой и направляет множество усилий на стабилизацию криминальной обстановки в стране. В данной проблеме следует отметить необходимость создания экспертного сообщества, в состав которого необходимо включить представителей общественных наук, в частности, социологии, что обеспечивает максимальную объективность, всестороннее изучение и решение существующих социальных недугов, а также их предупреждение и профилактику. Данные меры позволят максимально возможно урегулировать криминальную обстановку в СФО.

Библиографический список:

1. Воронин Ю.А., Майоров А.В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 1. С. 7-14.
2. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.
3. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Астрель, 2006. 624 с.
4. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>
5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

ТУРИЗМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гатауллина С.Ю.

Действие глобальных вызовов современности оказало негативное влияние на темпы экономического развития России и предпринимательскую активность, привело к снижению уровня платёжеспособного спроса и социальной поддержки населения, понижению уровня оптимизма и устойчивости морально-психологической ситуации в обществе. Особенно сильно это проявляется на состоянии социумов приграничных регионов, население которых имеет возможность непосредственного сравнения социально-экономической ситуации в России и сопредельных государствах. Регионы Дальнего Востока России (ДФО) в силу значительной территориальной отдаленности от европейской части страны исторически тяготеют к развитию коммуникаций и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включающими три наиболее динамично развивающиеся экономики мира – США, Китай, Японию. Государства, с которыми граничат и тесно сотрудничают субъекты ДФО, отличаются высоким уровнем социально-экономического развития, иным менталитетом, применением более агрессивных технологий маркетинговых и иных коммуникативных каналов для продвижения во внешней среде собственных товаров, услуг, идеологии, что оказывает значительное влияние на обеспечение национальной безопасности, демографические факторы, культурно-историческую самоидентификацию населения приграничья. В этой связи чрезвычайно важно развитие и диверсификация социологических исследований, направленных на оценку состояния и изменений, происходящих в социумах приграничных регионов и выявление факторов, оказывающих наиболее сильное воздействие на региональную среду. Одним из таких факторов является туризм.

Современный туризм – это глобальное социально-экономическое явление, оказывающее активное влияние на значимые сферы жизнедеятельности общества, определяющие уровень качества жизни населения: экономику, социально-гуманистическую среду, экологию, национальное самосознание [1; 2]. Несовершенство научно-методического обеспечения туристской деятельности в России не формирует возможности эффективной реализации его потенциала как фактора социально-экономического развития общества. За почти вековую историю туризм трансформировался от формы элитарного проведения досуга до глобального фактора миграции населения [3]. Туристская миграция по объему сопоставима с численностью населения Земли, туристские прибытия оказывают значительное влияние на местные сообщества: их экономический уклад, культурно-историческую самоидентификацию, состояние экологии, межнациональную и религиозную толерантность. В 60 регионах РФ разработаны и действуют программы развития туризма, с успешной реализацией которых связывается решение важнейших социально-экономических задач. Однако до сих пор в России не совершенна организация статистических исследований сферы туризма и туристского маркетинга [4; 5]; требуют уточнения дефиниции основных категорий туризма, формулировки целевых функций и задач его развития; не сформирована система показателей оценки влияния туризма на региональную среду, особенно это касается развития межрегионального и приграничного туризма [6]. Результативность научных исследований в рамках проблемного поля социологической рефлексии туризма в России не успевает за интенсивностью перемен в этой сфере [7], а потенциал туризма не достаточно эффективно реализуется как фактор регионального развития.

Одним из регионов России, где туризм рассматривается в качестве возможной «точки» роста регионального развития, является Приморский край. Развитие туризма в Приморском крае входит в 18 приоритетных направлений стратегии социально-экономического развития. Разработана и реализуется государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013-2020 годы (Программа), индикативные показатели Программы свидетельствуют о значимости туризма как фактора регионального развития. Роль туризма в развитии Владивостока как форпоста экономического и культурного сотрудничества России со странами АТР и фактора повышения эффективности интеграции России в рынок АТР отмечали в своих выступлениях Президент России В. Путин на Саммите АТЭС-2012 и губернатор Приморского края В.

Миклушевский на Восточном экономическом форуме. Приморский край является лидером по развитию туризма в ДФО. Объём туристской миграции Приморского края динамично растёт и с 2013 года превышает показатель численности населения (см. табл. 1).

Таблица 1 – Объём туристской миграции и численность населения Приморского края

Показатели	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Международный въездной турпоток, тыс. чел.	52,9	71,6	94,4	95,4	103,9	108,5	171,3
Международный выездной турпоток, тыс. чел.	386,1	490,3	651,4	591,1	552,4	352,9	224,3
Внутренний турпоток, тыс. чел.	457,2	523,7	620,0	813,9	1390,5	1598,0	1800,0
Всего турпоток, тыс. чел.	896,2	1085,6	1365,8	1500,4	2046,8	2059,4	2195,6
Численность постоянного населения, тыс. чел.	1969,6	1956,5	1953,5	1950,5	1947,3	1938,5	1929,0

Источник: [4].

Представленная на рисунке 1 диаграмма международного турпотока Приморского края позволяет сделать выводы о значительных колебаниях объёма международного выездного и недостаточно динамичном развитии международного въездного турпотоков.

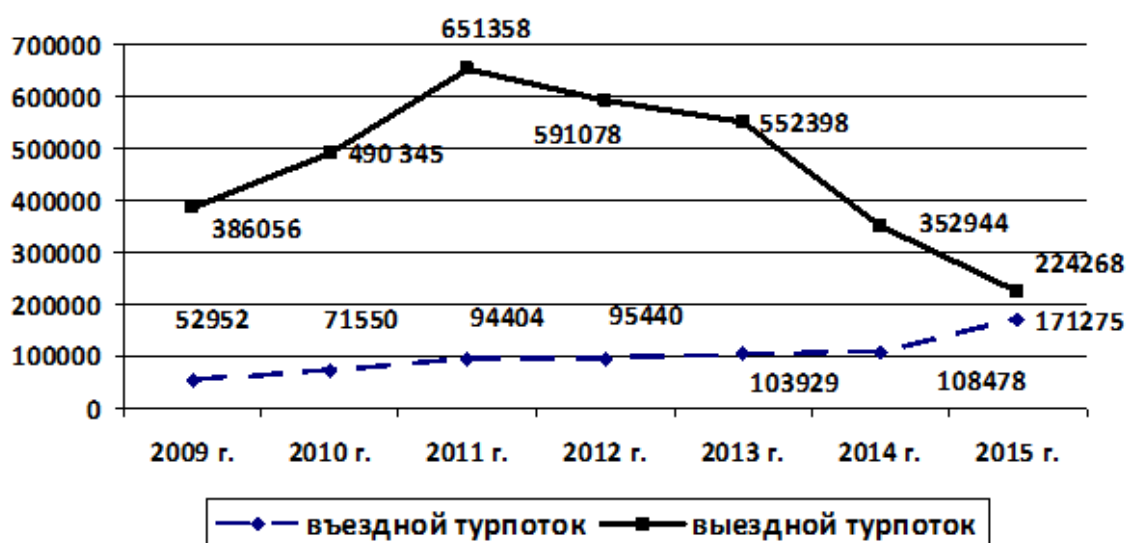


Рисунок 1 – Объёмы международного въездного и выездного турпотоков Приморского края, чел.

Анализ развития международного туризма в Приморском крае позволяет сделать следующие выводы: объём выездного турпотока превышает въездной, что способствует оттоку финансов из региона; значительные колебания объёмов турпотока в течение года приводят к неустойчивой работе предприятий туристской индустрии; низкая продолжительность въездных туров не формирует возможности наиболее полной реализации культурно–исторического и природно–рекреационного потенциала региона; туристский ресурс региона используется не более чем на 10 %, что значительно снижает мультипликативный эффект туризма в диверсификации экономики и росте трудовой занятости населения. Всё это снижает роль туризма как фактора регионального развития;

недостаточное развитие туристского маркетинга не позволяет выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на причины неустойчивого развития международного туризма; отсутствие социологических исследований влияния туризма на развитие приграничных территорий края не позволяет глубоко проанализировать происходящие там деформации геосистем.

Проводимые автором исследования позволяют сделать вывод, что одной из главных причин недостаточно эффективного развития туризма в регионах РФ является низкий уровень его государственного менеджмента, подмена научного подхода метафорическим и символическим подходами [7], а организации туристского маркетинга - на рефлекторное реагирование на внешние изменения рыночной среды [8]. В этой связи особую актуальность приобретает развитие социологии туризма как направления социологического знания и необходимого условия повышения эффективности реализации потенциала туризма как фактора регионального развития и полноценной интеграции регионов России в рынок АТР.

Библиографический список:

1. Гатауллина С.Ю. О совершенствовании методики оценки туризма как фактора регионального развития (на примере Приморского края) // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 18. С. 140-144.
2. Якунин В.Н. Роль туризма и рекреации в повышении социально-экономического развития Самарской области // Симбирский научный вестник. 2011. № 4. С. 150-156.
3. Якунин В.Н. Виды туризма: историография вопроса // Карельский научный журнал. 2014. № 2. С. 78-83.
4. Гатауллина С.Ю. Въездной туризм как фактор социально-экономического развития Приморского края // Демографическое развитие российского Дальнего Востока. Сер. «Демография. Социология. Экономика». М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2016. С. 160-168.
5. Гатауллина С.Ю. Влияние туристской миграции на развитие геосистем приграничных регионов (на примере Приморского края) // Геосистемы и их компоненты в Северо-Восточной Азии: эволюция и динамика природных, природно-ресурсных и социально-экономических отношений. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 411-414.
6. Гатауллина С.Ю., Долгалева Л.М. О совершенствовании регионального маркетинга в сфере туризма (на примере Приморского края) // Науковедение. 2015. Т. 7. № 3 (28). С. 17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24321400>.
7. Лысикова О.В. Социология туризма как актуальное направление социологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7. С. 209-213.
8. Гатауллина С.Ю., Напалкова А.А. Применение инструментов маркетинга в развитии потенциала рынка туристских услуг Приморского края // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3 (59-3). С. 357-363. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25640965>.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ*

Гольцова Е.В.

Данное исследование посвящено актуальной в последние годы проблеме регулирования миграционного поведения молодёжи, как наиболее мобильной демографической группы населения. Статья подготовлена в рамках проекта № 15-06-08543 «Социально-средовые факторы детерминации демографического поведения молодёжи», выполняемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-08543)

В последние десятилетия во многих территориях Сибири и Дальнего Востока произошла заметная деградация поселенческой среды: разрушились экономическая и социальная инфраструктура, исчезли целые населенные пункты. Поселенческая среда Иркутской области не является исключением и испытывает аналогичные тенденции. Происходит существенная активизация миграционного поведения населения. При этом, молодежь, как самый мобильный класс, стремится уезжать из сел в города, а и из городов области в столичные города и другие регионы страны, что, в итоге, отражается на динамике её численности [8] (таблица 1).

Иркутская область отличается от других регионов Сибири тем, что из неё наблюдается самый существенный отток населения в направлении крупных мегаполисов, западных регионов страны, а также в зарубежные страны. На территории области, которая занимает 767, 9 тыс. кв. км, или 4,6% территории России, проживает 2,4 миллиона человек, что составляет всего 1,6% от населения страны. В области насчитывается 33 района, 14 городов областного подчинения, 8 городов районного подчинения, 54 поселков городского типа, 365 сельских администраций, 1489 сельских населенных пунктов [1, с. 69]. Большие размеры территории и малая численность населения обусловили неравномерное распределение населения. Деструктивные процессы, происходящие в регионе с начала 1990-х годов, связанные с неослабевающей миграцией населения в западные и центральные регионы страны, еще больше усугубили демографическую ситуацию. При этом более половины населения, уезжающего из Иркутской области, составляет молодежь, что не может не вызывать беспокойство региональных властей.

Классификация средовых детерминант миграционного поведения молодежи Иркутской области, составленная на основании результатов предыдущих исследований, включает все основные факторы, воздействующие на миграционные установки. Наибольшее влияние на формирование миграционной мотивации оказывают компоненты микро- и мезо- уровней социальной среды, которые относятся, прежде всего, к поселенческой среде. Высокий уровень урбанизации поселенческой среды Иркутской области привёл к тому, что в поселках городского типа проживает 79,4% населения региона. На сельские населенные пункты приходится всего 20,6% населения. Современное состояние поселенческой среды Иркутской области способствует усилению миграционных тенденций, в результате которых Иркутская область ежегодно отдаёт другим регионам 5-6 тысяч жителей [1, с. 109-110].

Анализ данных миграционной статистики за 2015 год, показал, что большую часть молодых мигрантов из Иркутской области составили лица 20-24 лет, уехавшие по семейным причинам, либо на работу. На втором месте - 25-29-летние мигранты, уехавшие по этой же причине.

На третьем и четвертом местах - 18-19-летние и 16-17-летние образовательные мигранты соответственно. Трудовой фактор, так же как и брачно-семейный сместился в сторону 25-29-летних мигрантов. Молодые граждане, покидающие область, воспринимают её как регион, в котором жить не очень хорошо, т. е. как среду, не обеспечивающую выполнение их насущных потребностей.

Таблица 1 - Молодежная миграция Иркутской области по возрастным группам и причинам в 2015 году

Возраст	Всего	В связи с учебой	В связи с работой	Возвращение к прежнему месту жительства	Из-за обострения международных отношений	Причины личного, семейного характера
14-15	751	272	-	15	1	463
16-17	2237	1738	1	23	1	474
18-19	4109	3294	95	47	1	672
20-24	8821	3905	1729	185	4	2998
25-29	8272	315	2767	341	10	4839

С помощью анкетного опроса с выборкой в 500 человек были выявлены миграционные установки и мотивации к миграции. Молодежи предложили оценить степень влияния различных групп потребностей на мотивацию к миграции по 5-бальной шкале (5 - очень сильно влияет, 4 – сильно влияет, 3- слабо влияет, 2 - очень слабо влияет, 1 - никак не влияет). Для оценки были выбраны основные группы потребностей: биологические, психологические, этнические, социальные, трудовые, экономические. По всем составляющим подсчитана средняя оценка и установлено, что наиболее высоко респонденты оценивают влияние на миграционное поведение экономических (4,39 балла) и трудовых (4,26 баллов) потребностей, а также социальных (3,89 баллов). Из рисунка 1 видно, что гораздо выше остальных оценено значение экономических потребностей (см. рис. 1).

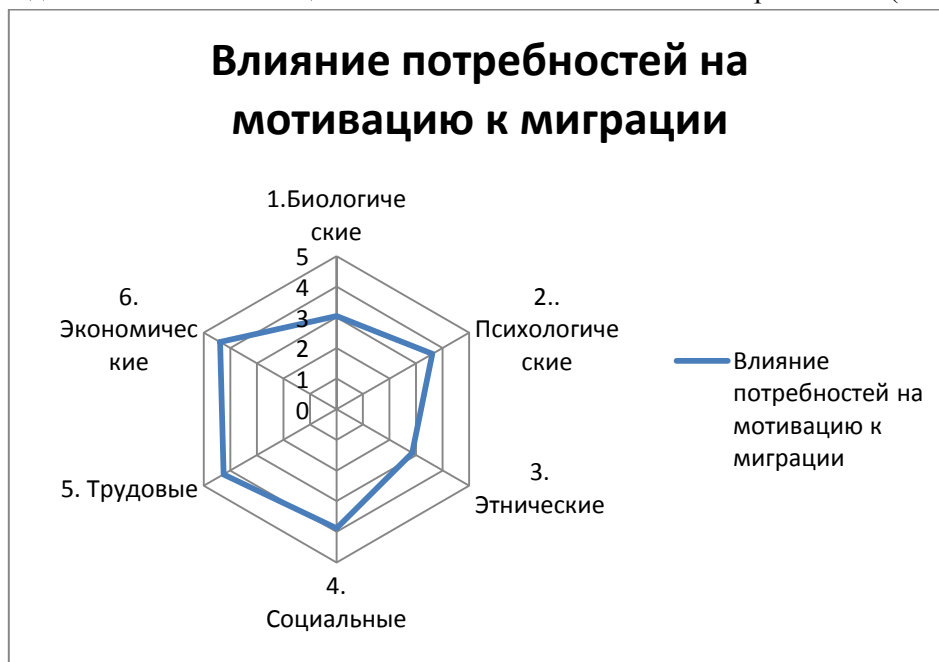


Рисунок 1 - Влияние потребностей на мотивацию к миграции

Для исследования факторов социальной среды, детерминирующих миграционное поведение, респондентам предлагалось оценить качество составляющих компонентов социальной среды по месту их проживания по 5-бальной шкале, в которую были включены основные компоненты: жилищная, экономическая, трудовая, образовательная, правовая, информационная, пространственная, культурно-нравственная, политическая и рекреационная. Результаты анкетирования показали, что соответствующие компоненты социальной среды были оценены респондентами достаточно низко, а это значит, что существуют противоречия между состоянием социальной среды и потребностями молодых жителей Иркутской области: среда региона является недостаточно развитой, неспособной полноценно восполнять все необходимые потребности, вследствие чего увеличивается потенциальный миграционный отток.

Анализ оценок отдельных составляющих социальной среды показал, что социальная среда исследуемой территории недостаточно соответствует потребностям молодежи, проживающей на ней. Наиболее высоко респонденты оценивают образовательную (3,86), информационную (3,93) и культурно-нравственную (3,84) среды. Низкие оценки получили экономическая (3,33), трудовая (3,32) и политическая (3,07) среды. Основные компоненты социальной среды, такие как экономическая и трудовая, оцениваются респондентами достаточно негативно, и желание уехать может быть обусловлено стремлением найти более высоко оплачиваемую работу. Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что индивидуальные модели миграции молодежи формируются под воздействием факторов социальной среды и связаны с насущными потребностями человека.

В целом потенциальными мигрантами, намеревающимися переехать на другое место жительства в течение ближайшего года, оказались более трети опрошенных. Данная тенденция,

вероятно, обусловлена тем, что для жителей Сибири климат Санкт-Петербурга является вполне комфортным, а сам город менее крупным, чем Москва, но при этом обладающий сравнительно большими образовательными и карьерными ресурсами в сочетании с менее высокими ценами. Среди сибирских городов центрами притяжения мигрантов являются Новосибирск (17%) и Красноярск (6,7%). Набирает популярность Краснодар, за который высказались 4,4% молодых людей, желающих переехать по России. Остальные города и территории имеют долю ниже статистической погрешности.

Таким образом, выявлены механизмы мотивации миграционного поведения молодёжи. Следующим этапом исследования будет разработка модели мотивации миграционного поведения, интегрирующей социально-средовые факторы и насущные потребности молодежи с целью регулирования её миграционного поведения.

Библиографический список:

1. Гольцова Е.В. Поселенческая среда Иркутской области и её влияние на демографическое поведение населения // Вестник Бурятского государственного университета, 2012. №6. С. 108-112.
2. Гольцова Е.В. Демографическое поведение населения в условиях современной социальной среды: Монография. Иркутск: ИГУ, 2013. 129с.
3. Гольцова Е.В. Факторы социальной среды как детерминанты миграционного поведения молодежи Иркутской области // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14(1). С. 50-55.
4. Сайт:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-10.pdf
5. Гольцова Е.В. Социально-средовая мотивация миграционного поведения молодежи в условиях глобализации: региональный аспект // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: материалы VII Всерос. науч. Интернет-конференции. 2015. С. 197-202.
6. Гольцова Е.В. Экологический подход в исследовании демографического поведения населения // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 146-149.
7. Константинова А.Г. Статистический анализ основных параметров миграционного движения населения в Иркутской области // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 69–72.

ВОВЛЕЧЁННОСТЬ СТУДЕНТОВ ДВФУ В МЕЖДУНАРОДНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В АТР (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Гончарова С.В., Налунина Д.Е.

Дальневосточный федеральный университет является ведущим центром международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе; постоянно действующей площадкой для проведения масштабных мероприятий самого высокого уровня. Регулярно в нём проходят международные конференции и выставки, встречи и семинары, симпозиумы и конкурсы. Одно из приоритетных направлений деятельности для ДВФУ – это интеграция в образовательную, научную и инновационную среду Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Главная цель – обеспечение интернационализации образовательного процесса и создание конкурентоспособных образовательных программ, привлекательных для иностранных студентов.

Представляется интересным исследовать насколько студенты вовлечены и как они относятся к международной деятельности ДВФУ в АТР.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что большинство студентов участвуют в той или иной степени в международной деятельности ДВФУ и считают, что деятельность ДВФУ является инструментом «мягкой силы» во внешней политике России в АТР.

В фокус-групповых исследованиях приняли участие студенты 4-х курсов Школы гуманитарных наук (направление «Конфликтология»), Школы искусства, культуры и спорта (направление «Физическая культура»), Школы региональных и международных исследований (направление «Политология»). В среднем количество участников в каждой фокус-группе составило

8-10 человек, продолжительность дискуссии 40 минут, всё записывалось на диктофон. Работа фокус-группы была разделена на три этапа, соответственно исследовались тематические блоки. Модератором фокус-группы выступал сам исследователь, что позволило контролировать работу участников и задавать им уточняющие вопросы. План дискуссии состоял из следующих компонентов:

1. «Я и ДВФУ». Студентам необходимо было рассказать, почему они поступили именно в данный университет, кто или что повлияло на их выбор.

2. Работа с раздаточным материалом. Студентам необходимо было проанализировать цитату: «Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире – и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский...» В.В. Путин [1].

3. «Международная деятельность университета». Студентам предлагалось рассказать о международной деятельности университета в АТР.

Так как единицы концептуализации при построении типологий отслеживаются с помощью анализа лексических форм у изучаемых людей, единицами анализа на первом этапе были выбраны основные причины поступления в ДВФУ, указанные респондентами.

Большинство участников отметили, что на выбор ДВФУ для обучения повлияли такие причины, как: реклама ДВФУ с иностранными профессорами; строительство кампуса; возможность изучать иностранные языки; проведение различных международных форумов и проектов; проведение Саммита АТЭС 2012; наличие определенных направлений подготовки только в ДВФУ; самый лучший и крупный ВУЗ во Владивостоке; престижность вуза; наличие привлекательных программ подготовки.

Одна из исследовательских задач заключалась в том, чтобы определить формы вовлечения студентов в международную деятельность ДВФУ. Исходя из полученных данных, следует отметить, что еще до поступления в университет студенты обращали внимание на мероприятия международного уровня, проводимые в ДВФУ. Это влияло на выбор студентами вуза.

Указанные причины связаны, на наш взгляд, с тем, что студенты 4 курсов поступали в ДВФУ в 2012 году. В рамках подготовки к саммиту было запланировано строительство ДВФУ, объекты которого использовались для проведения саммита. 21 октября 2009 года был подписан Указ Президента РФ о создании Дальневосточного федерального университета, который объединил силы сразу четырех крупнейших дальневосточных вузов: Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ), Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ) и Уссурийский государственный педагогический институт (УГПИ).

Поэтому респонденты упоминают в своих ответах ДВГУ как привлекательный вуз. Авторитет старейших вузов в г. Владивостоке, вошедших в состав ДВФУ, повлиял на выбор студентами места учебы. Масштабы ДВФУ привлекали респондентов при поступлении. У большинства респондентов сложилось впечатление, что ДВФУ станет площадкой, предоставляющей возможность изучения восточных языков.

Студенты, обучающиеся на направлении «Физическая культура», указали такие причины, как высокий уровень развития спорта в ДВФУ, совет тренера, наличие целевых мест.

В ходе дискуссии студенты, заканчивая рассказ о том, что повлияло на их выбор вуза, отмечали, что их ожидания в целом оправдались. Участники фокус-группы, обучающиеся на направлении «Физическая культура», не удовлетворены условиями для занятий спортом, а 44% из них – «...в целом нравится учиться в ДВФУ». Можно сделать вывод, что помимо занятий спортом студенты заинтересованы процессом обучения в вузе.

Большинство участников фокус-группы студентов, обучающихся на направлении «Конфликтология», удовлетворены обучением в ДВФУ. 40% студентов отметили, что «...при поступлении они не знали, что у них будет небольшое количество часов, отведенных на изучение иностранных языков».

Студенты, обучающиеся на направлении «Политология», отметили, что обучение в ДВФУ их устраивает, но 75% из них «ожидали, что жизнь на кампусе будет как в Америке, а оказалось не так».

Полученные данные говорят о том, что студентам нравится процесс обучения в университете, некоторым из них университет «дает возможность для самореализации», но при этом некоторые сферы функционирования университета не устраивают студентов: 1) условия проживания и инфраструктура кампуса; 2) условия для занятия спортом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе дискуссий в фокус- группах студенты отметили не только причины, оказавшие влияние на их выбор вуза, но оценили насколько оправдались их ожидания при поступлении в ДВФУ.

Второй этап фокус-группы подразумевал обсуждение цитаты В.В. Путина. Подавляющее большинство (91,7%) участников фокус-групп всех направлений подготовки отметили актуальность высказывания В.В. Путина. Большинство студентов согласились со словами президента. А также респонденты отметили, что «это только на словах» (25,9 %), «сказано хорошо, но это чистый популизм» (11,1 %), «слова разнятся с действиями» (11,1 %), «очень громко сказано» (11,1 %). Все студенты, обучающиеся на направлении «Политология», отметили, что это – «типичная мягкая сила во внешней политике России».

В ходе дискуссии большая часть студентов, обучающихся по направлениям «Конфликтология» и «Политология», активно обсуждали следующую фразу из цитаты «Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире...».

Студенты, обучающиеся по направлению «Конфликтология», оценили данную фразу таким образом: «мы копируем европейские стандарты образования» (45,4%); «культурного продвижения нет» (45,45%); «это подобие «потемкинских деревень» (36,36%); «все делается «для галочки» (27,27%); «прежде чем усилить свое культурное присутствие в мире, нужно сначала усилить его в своей стране» (36,36%). При этом большая часть респондентов отметили, что «образовательное и культурное продвижение в АТР» в ДВФУ реализуется удачнее, чем в стране в целом. Студенты считают, что «ДВФУ – это ворота в Азию» и университет проводит достаточно много различных международных мероприятий в АТР. Растет количество иностранных студентов из стран АТР.

Участники фокус-групп, обучающиеся по направлению «Политология», оценили данную фразу таким образом: «мы уступаем США» (57,14%); «культурный диалог налаживается» (71,42%); «50% вклада в научно-техническое развитие мира вносят страны Европы, США и Япония» (42,85%).

Большинство студентов, обучающихся по направлению «Физическая культура», отметили, что «главная цель ДВФУ – привлечение иностранных студентов». Респонденты отметили, что в ДВФУ активно ведется работа по налаживанию межкультурных коммуникаций. В кампусе проживает много представителей разных стран, что способствует знакомству российских студентов с разными культурами.

Студенты информированы о проведении мероприятий международного уровня в ДВФУ, но при этом не принимали в них участия. Респонденты считают, что международная деятельность ДВФУ в АТР является инструментом «мягкой силы» во внешней политике России в АТР. Все респонденты считают, что участие студентов ДВФУ в мероприятиях международного уровня способствует формированию условий для межкультурной коммуникации. Большинство студентов в качестве предпочтительных форм участия в международных проектах ДВФУ отметили: академические обменные программы, реже международные научные конференции. Все респонденты считают, что ДВФУ стратегически важно сотрудничать с образовательными организациями из Японии, КНР, КНДР. Студенты мало информированы о проведении совместных научных исследований, конференций и летних школ с образовательными организациями стран АТР. И,

соответственно, не участвуют в данных мероприятиях. Все респонденты считают, что ДВФУ является важной площадкой для международного сотрудничества России в АТР.

Таким образом, в ходе фокус-групповых исследований нам удалось выяснить, что при поступлении в ДВФУ респонденты не обращали внимания на место университета в международных рейтингах. Студенты в целом удовлетворены процессом обучения. Респонденты позитивно относятся к культурному и образовательному продвижению страны в мире и считают, что ДВФУ активно действует в АТР, реализуя эту задачу, используя различные инструменты. Большая часть студентов слышали о масштабных международных мероприятиях, проводимых в вузе. Большинство респондентов пока не принимали участия в мероприятиях международного уровня. Таким образом, студенты знают о проведении мероприятий международного уровня на базе ДВФУ, но недостаточно активно участвуют в них.

Библиографический список:

1. Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]: Официальный сайт В.В. Путина. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738>

СОЦИОЛОГИЯ КИТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ

Грачиков Е.Н.

Столкновение с Западом в 1840 г. в ходе первой «опиумной» войны и осознание своей слабости заставило Китай обратить внимание на современные науки, которые ранее не только никогда не изучались, но даже не имели китайских названий. Такие понятия, как философия, политология, логика, социология и многие другие были переведены на китайский и вошли в научный оборот только в самом начале XX века. Первый период некритического заимствования западных социально-политических знаний, который в своем саморазвитии прошел два больших этапа, наступил только в 1898 г. и длился по конец 20-х годов XX века. Тогда были переведены на китайский язык работы Г. Спенсера, Ф. Гиддингса, Э. Дюркгейма, К. Маркса. Вторая волна «заимствования» приходится на 90-е годы XX века и «нулевые» XXI. В научный оборот вводятся труды современных западных классиков.

Как признает заместитель директора Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу, методологическое самосознание 方法论自觉 китайских ученых пришло слишком поздно, только на рубеже XXI века, когда в повестку дня китайского дискурса вошли темы методологии и нормативного написания, дифференциация наборов инструментария различных наук и их использование, разграничение и соперничество научных школ, разделение и слияние сциентизма и гуманизма [1, с. 17].

Все классические произведения китайских мыслителей древности фактически описывают человека, общество (социальное) и государство (политическое). Самый древний опыт осмысления и обобщения знаний о действительности привел к появлению в Китае своей автохтонной метафизики, логики, философии и методологии. Лю Чжилу показал особенность китайской метафизики, которая фундаментально отлична от западной и является основой диаметрально противоположного мировоззрения [2, с. 154-157].

Еще в 1925 г. Фэн Юлань обратил внимание на формирование трех направлений или трех школ в изучении истории Китая: «истинная» - xingu 信古 (zheng 正), «отвергающая» - yigu 疑古 (fan 反) и «объясняющая» - shigu 释古 (he 合). Первая школа принимала все, написанное в древности, как истинное; вторая – сомневалась в истинности всего древнего и отвергала веру в него; третья – проясняла и объясняла, т. е. соединяла и примиряла обе школы [3, с. 123-125]. Фактически Фэн Юлань показал тогда зарождение трех концептуальных моделей китайской саморефлексии.

В дальнейшем в 30-х – 40-х годах китайские историки выработали и применяли два метода исследований и подготовки монографий – *описательно-повествовательный* (xushi 叙事) и *критически-дискуссионный* (yulun 议论). В первой части «Общей истории Китая Люя», изданной в 1940 г. в качестве учебника Министерства образования Китайской республики, известный в стране историк Люй Сымянь (1884-1957) *«системно описывает»* такие социально-культурные феномены, как брак, родовой строй, целостность, классы, собственность, административная система, выборы, налогообложение, система вооруженных сил, уголовное право, производственная и коммерческая деятельность, деньги, одежда и пища, жилище и транспорт, образование, язык и литература, наука, религия – всего 18 видов жизнедеятельности китайского общества. Во второй части этой книги, под собственным названием «Политическая история Китая», изданной в 1944 г., Люй Сымянь *«стройно описывает»* изменения внутренней политики на протяжении всей истории Китая [4, с. 2].

Особое место в китайской традиционной мысли занимает *метод интерпретация* (zhushi 注释), который на протяжении столетий доминировал в китайской историографии и политической мысли. Известный китайский социолог Фэй Сяотун в сборнике эссе «Земной Китай» подробно объяснил, почему на протяжении многих веков китайские мыслители используют этот метод. Он пишет: «Давайте еще раз посмотрим на китайское сельское общество – общество, управляемое патерналистской властью старейшин. В этом типе общества оппозиция тому, что говорят старейшины, принимает форму «интерпретации». Такие интерпретации внешне поддерживают форму патерналистской власти, но изменяют ее содержание. Кроме периода «Воюющих царств» (480-221 до н.э.), когда общество прошло через великую социальную трансформацию, китайская интеллектуальная история следовала за конфуцианством в качестве первоосновы власти. Люди были вынуждены оправдывать социальные изменения, реинтерпретируя старую власть. Такие реинтерпретации привели к расширению различий между названиями явлений и их реальным содержанием. При патерналистской власти люди не могут противостоять традиционным формам. Чем больше они внешне отдавали дань формам, тем больше они могли реинтерпретировать и, тем самым, изменять ее содержание» [5, с. 100].

Фэй Сяотун говорит о том, что западное общество строится, как «организационная модель ассоциаций» (tuanti geju 团体格局). Люди там встроены в различные группы, которые имеют четкие границы. Требования к членству в этих группах однозначно прописаны. Все знают, кто может быть членом группы, а кто нет. Права и обязанности также четко определены. В противоположность этому, в Китае общество воспроизводится по логике «различных типов ассоциаций» *chaxu geju* 差序格局, которое состоит не из разрозненных организаций, а из переплетающихся людских «сетей», связанных вместе социальными отношениями различных категорий.

Эти «сети» бесчисленны и не связаны в какую-то единую систему. Центр сети всегда индивидуален и для каждого человека имеет различные составляющие, так как сам он находится в центре собственной сети. Поэтому Фэй Сяотун называет *китайское общество эгоцентричным* и показывает его фундаментальное отличие от индивидуалистского западного общества. Западная модель ассоциаций предусматривает *независимость* индивидуумов, а китайская – предполагает его *включенность* во множественные социальные связи и их категоризацию [5, с. 95-98].

В этом контексте заслуживает внимания продолжающиеся усилия китайских ученых по разработке своего традиционного методологического инструментария. Цинь Яцин, например, концепции своих китайских коллег рассматривает через призму трех основных «международных способов мышления». Все они, по его мнению, пытаются вернуться к китайской традиции, культуре, философии и практике в качестве своей теоретической «пищи», т. е. признают важность культуры и стремятся имплементировать национальные культурные и философские идеи в современную мировую (западную) теорию. Тем не менее, даже при том, что их идейная «подпитка» происходит от китайской культуры, пути их теоретической реконструкции очень разные. Здесь весьма актуальной,

по мнению Цинь Яцина, является концепция «гэ и» («geyi» 格义) или «интерпретация по аналогии», что означает использование определенной концептуальной схемы для объяснения и интерпретации реальности. Цинь выделяет три подхода в интерпретации по аналогии: лицевая, обратная и интерактивная. Лицевое толкование по аналогии *zhengxiang geyi* 正向格义 относится к интерпретации реальности с помощью утвердившейся традиционной китайской концептуальной системы; обратное толкование по аналогии *fanxiang geyi* 反向格义, наоборот, использует иностранную систему понятий для интерпретации реальности, в том числе, например, интерпретация китайских элементов с помощью иностранного теоретического формата; интерактивная интерпретация *jiaohu geyi* 交互格义, предложенная Цинь Яцином, строит межкультурный диалог в рефлексивном и критическом ключе, взаимно использует «коренные» и «чужеродные» концептуальные основы, например, анализ социальной реальности с применением как китайского понятийного аппарата, например, конфуцианского понятия отношений *guanxi* 关系, так и западную концептуальную систему, такую как рационализм [6, с. 67-89].

Современный политический философ Чжао Тинян настаивает, что метод определяет интерпретацию. Отмечая наличие трех методов – априорного 先天方法, эмпирического 经验方法 и трансцендентального 先验方法, он предлагает новую «концепцию методологии знаний» 知识方法论概念 и назвал ее «синтезированный текст» - «syntext» 综合文本, которая шире по смыслу, чем методология философии. Метод позволяет путем анализа всего массива информации в отношении предмета «взаимно переписывать» (“reciprocal rewrite” 互惠的改写) разные системы знаний (например, западную и китайскую) и достигать следующие цели: в этих различных системах знаний создавать конструктивные изменения и переформулировать проблемы; совместно производить новые знания и ставить новые креативные проблемы. Таким образом, считает ученый, переформулируя проблемы и концепции, мы изменяем мир [7, с. 2].

Чжао Тинян (в серии статей 1992-1993 гг. под названием «Теория возможно жива») также предложил метод исследования «без позиции» - «у личан» 无立场, главной идеей которого он назвал борьбу с собственной односторонностью [7: 2-4]. Ученый считает, что, только когда человек перестает свои утверждения воспринимать как доказательства, он может объективно смотреть на другого человека: слушать, изучать и воспринимать его взгляды. Этот философский принцип он назвал «смотреть глазами другого» 从他人去看 (from the others) или «смотреть с позиции самой вещи» 以事物本身去看 (from the things). Если анализировать в соответствии с формулой «рассматривать X с позиции X», т. е. с позиции «другого», то можно сформулировать новое знание, если анализировать вещи со своей односторонней позиции, то можно получить только «критику». Метод «без (собственной) позиции» он заимствует у Лао Цзы: «на человека смотреть с позиции человека, на семью смотреть с позиции семьи, на деревню смотреть с позиции деревни, на государство с позиции государства, на Поднебесную с позиции Поднебесной». Чжао Тинян поясняет, что на все исследуемые проблемы он «пытается» смотреть беспристрастно, т. е. без учета собственной позиции. В западной политической литературе такие статьи и исследования представляются как “from the Chinese perspective”, в российской - «китайский взгляд» или «китайский угол зрения» на рассматриваемую проблему.

Чжао Тинян вводит в научный оборот новый термин – «методологический Китай». Он считает, что объяснение китайского пути зависит от необходимой интерпретации смысла, что является китайским. Люди могут иметь различные и даже противоположные точки зрения, но понимание «китайскости» (Chineseness) основывается на их различном опыте Китая. Меняющееся лицо Китая очень точно показывает саму природу Китая - Китай как методология или методологический Китай. Методологическое восприятие относится больше к сущности Китая, чем к его ценностям, другими словами, как это работает объясняет больше, чем то, что оно есть на самом

деле. Поэтому, китайская методология говорит о сущности Китая больше, чем китайские ценности. Чжао Гинян использует это понятие, как основной ключ к пониманию Китая [8, с. 135].

Чжао считает, что люди могут знать много о китайских ценностях, но даже тогда ценности часто неправильно интерпретируются и поэтому неправильно понимаются. Конфуцианство приблизительно определяет традиционные китайские ценности, большинство из которых основаны на идеализированных семейных отношениях, таких как постоянное взаимное благородство между «другими» и «собой». С другой стороны, «Ицзин» («Книга перемен») и даосизм объясняют общую китайскую методологию рационального мышления и поступков, включая гибкий путь изменений вместе с изменениями, осторожный подход, если дело идет о вызовах и рисках, и активных стратегиях для различных ситуаций и обстоятельств, а также естественный подход для понимания и принятия будущего непредсказуемых возможностей. Это хорошо описано у Лао-цзы в метафоре о воде, поэтому Чжао называет ее *методологией воды*. Этот весьма гибкий способ создания альтернатив может объяснить «методологический Китай» таким гибким, что он никогда не связан ни с одной из существующих концепций, доктрин, верований или идеологий. Другими словами, методологический Китай отвергает любой аспект фундаментализма. Поэтому любая концепция или принцип может быть переинтерпретирована или переформулирована для того, чтобы соответствовать определенным условиям, и, в соответствии с этими дефинициями, никогда они не рассматриваются как нечто не подлежащее изменению. Напротив, всё понимается в контексте постоянно меняющейся ситуации и коррелируется исходя из значимых событий. В соответствии с этой методологией гибкости, все должно быть изменено, что бы быть хорошим и для того, что быть во имя хорошего. Как говорится в «Ицзине», единственным онтологическим смыслом бытия является бытие для чего-то хорошего, поэтому самой великой онтологической мудростью является «разрешение бытию быть» (shengsheng) [8, с. 136].

Таким образом, не удивительно, что все концепции, доктрины или «измы», не важно из западных или китайских традиций, такие как: демократия, революция, свобода, бог, марксизм, либерализм, конфуцианство или буддизм, все было гибко реинтерпретировано. В результате, вы можете видеть «китайский марксизм», «социализм с китайской спецификой», «рыночную экономику китайского социализма» или «демократию по-китайски». В каком-то смысле «методологический Китай» предпочитает ревизионизм и добивается успеха путем ревизионизма.

Библиографический список

1. Ван Ичжоу (2005). Предисловие / Исследования международных отношений (1995-2005). Под ред. Ван Ичжоу. Пекин: Изд. Пекинского университета (王逸舟：绪论，载“国际关系研究(1995-2005)”) / 王逸舟 主编。—北京：北京大学出版社).
2. Liu JeeLoo (2011). Reconstructing Chinese Metaphysics (Part III. Fundamental Differences between Western Metaphysics and Chinese Metaphysics) // Journal of East-West Thought. Inaugural Issue, December.
3. Фэн Юлань (2014). Новые тенденции последних лет в исследованиях истории Китая / Фэн Юлань. История философии Китая. Пекин: Изд. «Чжунхуа» (冯友兰：“中国近年研究史学之新趋势”载中国哲学史补 / 冯友兰著。 - 北京：中华书局).
4. Чжан Гэнхуа (2014). Введение / Люй Сымянь. История политики Китая: Общая история Китая. Часть вторая. Сямень: Изд. «Луцзян» (张耕华：导读，载“中国政治史：吕著中国通史。下部” / 吕思勉 著。—厦门：鹭江出版社，2014).
5. Фэй Сяотун (2012). Земной Китай (1947). Пекин: Народное издательство (乡土中国 / 费孝通著。 - 北京：人民出版社2012年).
6. Qin Yaqing. Culture and global thought: Chinese international theory in the making // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2012. No.100, pp. 67-89.

7. Чжао Тинян (2005). Мир без мирового взгляда: сборник эссе по политической и культурной философии. Пекин: Изд. Народного университета Китая (没有世界观的世界：政治哲学和文化哲学文集／赵汀阳 著。—北京：中国人民大学出版社，2005年)。

8. Zhao Tingyang (2014). The “China Dream” in Question // “Economic and Political Studies”. Vol. 2. No.1.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ СО СТРАНАМИ АТР

Грицких Н.В.

Иркутская область, как регион, связывающий воедино Сибирь и Дальний Восток, сталкивается с современными вызовами, которые в совокупности могут угрожать социальной, политической и экономической стабильности Сибирского Федерального округа. Необходимо отметить, что многие из них являются комплексными, что вызвано смещением внутренних и внешних угроз в результате долговременного структурного кризиса. Так, Иркутская область граничит с Азиатско-Тихоокеанским регионом, для стран которого характерны быстрый экономический рост, агрессивный захват внешних рынков, интенсивный рост потребления энергоресурсов и промышленного сырья, следствием которого становится нарастающий сырьевой кризис и энергодефицит. Актуальность проблематики подчёркивается тем, что ключевые социально-производственные и социальные структуры городов области, большая часть из которых относится к монопрофильным, морально и физически устарели, их производственный и человеческий капитал сформировался в основном в советскую эпоху, многие предприятия и населённые пункты не могут успешно развиваться, поскольку даже в случае привлечения дополнительных ресурсов останутся неконкурентоспособными. Во многих районах перспективного освоения отсутствует социокультурная и производственные инфраструктуры. Вместе с тем эту ситуацию можно воспринимать не только как препятствие, но и как преимущество (возможность создания новой современной инфраструктуры без модернизации устаревшей). Для привлечения и закрепления кадров необходимо активное развитие среды проживания, эффективное обеспечение сферы социально-бытовых услуг, рекреации и т.п.

Наряду с вышеперечисленными проблемами, Иркутская область сталкивается с вызовами, характерными для всех регионов Сибири и Дальнего Востока. Ключевым из них является депопуляция, которая включает в себя как общий демографический спад, так и отток населения, причём, в первую очередь квалифицированных кадров, что снижает конкурентоспособность региона. Сокращение численности детей и подростков приводит к возникновению проблем трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал области. Уменьшение численности населения рабочих возрастов создает угрозу сокращения экономического потенциала страны. В условиях постепенно проявляющегося экономического роста, сокращение экономически активного населения вызывает дефицит рабочей силы. Ответная реакция на этот процесс проявляется в усилении притока мигрантов из стран Средней Азии, КНР, Вьетнама, КНДР, при этом основной характеристикой данных трудовых ресурсов является их низкая квалификация.

Транспортно-логистическая система региона не ориентирована на обеспечение мобильности человеческого ресурса и доступности территорий потенциального роста. Таким образом, существующая структура производственного капитала на территории Иркутской области не позволяет обеспечить интенсивное развитие в силу своего низкого качества, проявляются долгосрочные риски, экономическая деградация и депопуляция, а также (в долгосрочной перспективе) – геополитическая угроза утраты контроля Россией над частью территории. Формируемая и в целом негативная для Иркутской области ситуация отчасти демпфируется за счёт некоторых действий по формированию инновационных трендов, осуществляемых руководством области, но предпринимаемые усилия до последнего времени носили лишь поверхностный характер.

Доминирующая в Иркутской области внутренняя производственно-территориальная организация большинства районов, преимущественно ориентированная на добычу сырья, не обеспечивает их конкурентоспособность в глобальном рынке. В результате советской политики размещения производительных сил, которая во многом была ориентирована на решение устаревших геополитических задач, на территории области в настоящее время не существует практически ни одного конкурентоспособного территориального кластера, динамичной и внутренне конкурентной сети близко локализованных предприятий, производящих одну и ту же или смежную продукции и совместно обеспечивающих благоприятные рыночные позиции для страны, отрасли и самих предприятий. Так, до 1991 г. предприятия Иркутской области играли значительную роль в экономике страны и региона, а монопромышленные города выступали центрами производственного и регионального развития. Обеспеченное государственным заказом производство носило плановый характер, было стабильным. Отсутствие конкурентной борьбы для градообразующих предприятий вызвало болезненный переход к рыночному типу хозяйствования, а появившаяся рыночная конкуренция между предприятиями сильно ослабила экономику моногородов. Таким образом, именно монофункциональные города стали наиболее уязвимы при резком изменении экономических условий.

В настоящее время монопромышленные города области испытывают существенные трудности, которые характеризуются общей стагнацией производства в России, отсутствием налаженного рынка сбыта, кадровым дефицитом, а также низким спросом на выпускаемую продукцию в рамках развития выбранной территории. До настоящего времени не разработано ни одного нормативно-правового акта, регулирующего статус монопромышленных городов России. Также до сих пор не принят закон «О градообразующих предприятиях», который бы поставил проблемы государственного финансирования в правовое поле. Все это повлекло за собой резкий перекос в их социально-экономическом развитии, который выражается в том, что большинство населения занимается выработкой однородного труда, специалисты иных профессий не востребованы. Крайне низка инвестиционная привлекательность таких городов, ведь до сих пор основным источником дохода бюджета Иркутской области выступают не конкурентоспособные в мировом масштабе территориально-производственные сети, а крупные вертикально интегрированные корпорации. В случае сокращения производства растет социальная напряженность, которая влечет за собой общую нестабильность системы, и, соответственно, угрозу национальной безопасности. В силу отсутствия государственных заказов на продукцию градообразующих предприятий единственным фактором конкурентоспособности в условиях рынка является переход на полипрофильное производство продукции с более высокой долей добавочной стоимости, трансформация однородного рынка моногородов в открытый рынок.

Безусловно, что неразвитые монопрофильные города с комплексом сопутствующих проблем (безработица и, как следствие, депрофессионализация населения, снижение производственных мощностей, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, высокий уровень смертности, нарастающая криминализация общественных отношений, коррупция) создают определенный вызов национальной безопасности России.

Вопросы развития моногородов и, как следствие, обеспечение региональной национальной безопасности Российской Федерации, тесно взаимосвязаны и не должны остаться без должного внимания со стороны федеральных органов власти, администраций субъектов РФ и органов местного самоуправления. В этой связи выработана концепция укрепления монопромышленных территорий посредством их объединения, с применением подхода «новой индустриализации». Важным условием реализации положений этой концепции является сохранение системообразующей роли государства. Несмотря на необходимость продолжения либерализации экономики, требуется совершить рывок в развитии моногородов, который в настоящее время невозможно сделать только силами «свободного рынка» и недооформленной рыночной системы России.

В условиях экономического кризиса градообразующие предприятия могут устоять лишь в укрепленной трудовыми, финансовыми и административными ресурсами территории. В Иркутской области на сегодняшний день наблюдается самый высокий уровень инфляции среди регионов Сибирского федерального округа. По информации Росстата, в 2015 году потребительские цены в регионе увеличились на 14,9%, в том числе на продовольственные товары - на 18,6%, непродовольственные товары - на 10,3%, платные услуги населению - на 18%. В антикризисной программе необходимо уделить особое внимание мероприятиям по поддержке и развитию градообразующих предприятий Иркутской области как основного источника занятости и дохода населения [1].

В современных экономических условиях основным приоритетом, с которым связаны перспективы градообразующих предприятий, является развитие социально-производственной структуры путем внедрения инновационных проектов. Общий объем инвестиций стран АТР в экономику Приангарья до 2016 года оценивается в 450 млрд рублей. Эта сумма сопоставима с объемом капитальных вложений периода индустриального освоения региона. Если Иркутской области удастся реализовать ряд крупных проектов, способных радикально изменить социально-производственную структуру ее градообразующих предприятий, она сможет превратиться в мощный форпост развития на востоке России.

Библиографический список:

1. Потребительские цены. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гусельникова Т.О.

Тема трудоустройства занимает важное место в обществе и жизни каждого гражданина. Ещё со школьной скамьи школьник начинает задумываться: «Какую профессию выбрать, чтобы потом трудоустроиться?». Наиболее же остро данный вопрос встает в момент завершения обучения в вузе.

На современном этапе развития общества мы можем наблюдать непосредственное взаимодействие рынка труда и системы образования. Современный этап развития информационного общества требует от системы образования обновления своих функций и компетенций, а также обновление образовательных программ в соответствии с потребностями рынка кадров. Данное взаимодействие контролирует государство, а именно создавая государственные программы по поддержке специалистов, разработке законопроектов в сфере защиты труда и др., а также при распределении бюджетных мест в вузы, что помогает подчеркнуть востребованность отдельных профессий.

В настоящее время для индивида на первый план выходит его социальная и экономическая конкурентоспособность на рынке труда.

Данная тема находит свое освещение ещё во времена Платона и Аристотеля, которые размышляли о разделении труда и об устройстве общества. Уже в Древней Греции можно найти зачатки современного устройства. Так, разделение труда Платон считал неизбежным явлением в обществе, а вот к торговле он относился отрицательно и считал, что ею должны заниматься рабы и иностранцы. Со временем данная гипотеза претерпевала изменения, и на современном этапе отношение к бизнесу со стороны государства изменилось, но некоторые элементы остались еще с древности.

Аристотель поддерживает ту мысль, что каждый должен заниматься своим делом, а вот рабам он отводит самое низшее положение, которое он не вправе изменить, и он обречён заниматься только физическим трудом.

В Новой истории на роль труда в жизни общества обратили внимание такие выдающиеся мыслители Западной Европы, как Ш. Фурье, А. Сен-Симон, О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель. Данный период отмечается ростом социальных конфликтов. Примечательно, что в данный период появляется сама социологическая практика, и наравне с мыслителями работники и владельцы предприятий также изучают процесс трудоустройства и функционирования внутри организации.

В России же изучение данной темы ассоциируется с такими выдающимися именами, как В. Берви-Флеровский, Е. Дементьев, С. Прокопович, П. Тимофеев, С. Булгаков.

В современном обществе далеко не все организации заинтересованы проблемами подбора качественных специалистов. Этому могут служить разные причины, начиная от теневых способов трудоустройства, заканчивая погоней исключительно за прибылью. Для выявления данных тенденций необходимо рассмотреть региональный и российский рынки труда. Прежде, чем рассматривать региональный рынок труда, необходимо рассмотреть состояние российского рынка. Первое что необходимо отметить это несоответствие спроса и предложения на рынке труда. Например, отрасль промышленности нуждается в молодых кадрах, которые в свою очередь считают данную область не престижной и выбирают ее по остаточному принципу. В данной отрасли происходит «застой кадров»: возраст людей, занятых на производстве, варьируется в диапазоне 40-60 лет. Данные тенденции сказываются негативно на производстве и невозможности внедрения новых технологий, и, как следствие, отсутствие развития экономики региона и страны. А вот в сфере государственного управления, торговли переизбыток кадров. На региональном рынке труда тенденции не отличаются от российских. Спрос зависит напрямую от сформированности тех или иных кластеров в регионе, что касается Иркутской области, то это: машиностроительный, в который входит 40 резидентов, фармацевтический, объединяющий около 60 компаний и полимерный, который включает в себя около 10 предприятий. Также предполагается создание четвертого кластера, а вот именно какого на данный момент обсуждается в Центре кластерного развития, на его место претендует сельскохозяйственная, туристическая отрасль, а также IT сектор [1]. В зависимости от наличия тех или иных кластеров в регионе зависит спрос как на специалистов с высшим образованием: учителя и преподаватели - 10,0 тысяч человек, врачи различных специальностей – 8,9 тысяч человек, инженеры разного профиля – 5,1 тысяча человек и другие, так и на специалистов со средним профессиональным образованием: машинисты широкого профиля - 16,8 тысяч человек, строительные профессии – 13,4 тысячи человек, водители разных категорий – 11,5 тысяч человек и другие [2].

Избыток юридических и экономических кадров не уменьшается. По данным обследования Иркутскстата на 31 октября 2012 года, организациям региона требовалось лишь 24 специалиста в области права или 1,8 % их списочной численности, а это лишь малая часть тех выпускников, которые выходят из стен вуза [3]. Переизбыток кадров в отдельных отраслях приводит к тому, что государство таким образом неэффективно расходует бюджетные средства. Сначала затрачивая ресурсы на обучение, а в последующем - на выплаты по безработице и переобучение.

Только треть учащихся общеобразовательных организаций ориентировались при выборе будущей профессии на критерий реального спроса на региональном рынке труда. Около 80% выпускников 11-х классов выбирают высшее образование. Вместе с тем на рынке труда существует спрос в основном на специальности среднего профессионального образования [3]. В результате наблюдается нарушение связей между получением образования и дальнейшим трудоустройством по специальности.

Данные проблемы на рынке труда пытаются разрешить посредством увеличения количества бюджетных мест по приоритетным программам подготовки, но необходимо ведь еще и продемонстрировать престижность данной профессии для специалиста путем социальной пропаганды, увеличения заработной платы, через СМИ. Ведь у большинства выпускников школ заложен стереотип о том, что юристы и экономисты – это самые престижные и высокооплачиваемые профессии, а пропагандируется это все с экранов телевизора, из интернета и газет, где мы видим

успешных адвокатов, которые знамениты и богаты. А как показан образ машиниста или бульдозериста? Он либо вовсе отсутствует, или освещается сторона материального недостатка. В связи с тем, что мы находимся в информационном обществе, то необходимо взаимодействовать со СМИ для отражения спроса на рынке труда и формирования положительного образа у выпускников школ разных профессий и уровней.

Проблема безработицы и отсутствие профессионального самоопределения молодежи является достаточно острой проблемой. Основное противоречие, характерное для современного молодежного рынка труда, – увеличивающийся разрыв между трудовыми притязаниями молодых и возможностями их удовлетворения. Поскольку молодежь, как правило, не имеет практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточный), ее высокие требования к оплате труда делают проблематичным поиск подходящей работы. Поэтому в структуре безработных по возрасту преобладает количество молодых людей в возрасте 15-29 лет.

Библиографический список:

1. Создание четвертого кластера в Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cluster.hse.ru/news/2013/>
2. Структура потребности в кадрах по уровням образования в Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkzan.ru>
3. Концепция развития кадрового потенциала Иркутской области до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkzan.ru>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ МОНГОЛИИ*

Дагбаев Э.Д., Актамов И.Г.

Современные межгосударственные отношения между странами во многом определяются традиционными связями и историческими событиями, которые определяют предпосылки развития отношений в ближайшей и отдаленной перспективе. Подобный подход характерен и для российско-монгольских отношений.

Наиболее тесные связи между нашими странами были установлены в XX веке, в период, когда обе страны фактически жили в одном социалистическом лагере. Это был период теплых дружественных отношений на всех уровнях – от государственного до общественно-бытового. В народе широкую популярность получила фраза «Курица – не птица, Монголия – не заграница», являвшаяся отражением характера отношений советского гражданина к соседней стране. Подобное же отношение было и со стороны монгольских граждан, которые воспринимали советских граждан, в первую очередь специалистов различных отраслей хозяйства, военнослужащих, преподавателей, как старших братьев (монг. – *орос ах*), которые приехали в гости.

Ситуация начала меняться вместе с процессами, начавшимися в конце 1980-х – начале 1990-х годов. И Россия (Советский Союз), и Монголия в процессе ломки социальных устоев, идеологических рамок все же пришли к осознанию мирного перехода к новому этапу своего развития. В обеих странах основными акторами социально-политических преобразований явились молодые люди, молодое поколение в целом, что было воспринято старшими как ненормативное явление. Особенно остро это было воспринято в Монголии, которая характеризуется традиционным почитанием традиций, жизненного уклада.

В принципе, межпоколенческие разногласия были решены, но сам по себе процесс протекал под влиянием серьезного психологического напряжения как со стороны старшего, так и молодого поколения. Характерной особенностью данного периода в обеих странах было то, что речь шла не

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-23-03002 «Общественное сознание современной молодежи Монголии»)

просто об изменении политического курса, политическом кризисе, а об обострении цивилизационных противоречий между поколениями. Требовалась не эволюционная «перестройка», а революционная трансформация общественно-экономических отношений, что, по сути, являлось ломкой феодально-сословных распределительных отношений, замена этих отношений более мобильной, индивидуализированной формой распределения по результатам труда [1, с. 23].

Пережив период «дикого капитализма», когда успеха добивались наиболее энергичные, активные, а во многих случаях физически крепкие молодые люди, к концу 1990-х годов российское и монгольское общество постепенно пришло к пониманию, что нужны стабильные правила ведения бизнеса, выстраивания системы взаимодействия на разных уровнях, поскольку глобальный рынок диктовал свои условия, а без учета этих норм невозможно было выйти на новый уровень развития. Важную роль в этом сыграло государство, которое стало регулировать занятость населения путем его вовлечения в процесс профессионального образования. К примеру, в Монголии ежегодно в вузы страны поступает более 20% всех выпускников общеобразовательных учреждений [2].

В рамках исследовательского проекта РГНФ – Министерства образования и науки Монголии «Общественное сознание современной молодёжи Монголии» исследовательский интерес представляло то, как современная молодёжь Монголии, как наиболее мобильная часть общества, оценивает своё положение в обществе, события, которые происходят в стране и мире, отношение к своей истории и перспективам развития государства в условиях глобализации. Для этого нами был разработан опросник, который был, в том числе направлен на определение общественного сознания современной монгольской молодёжи. Под *общественным сознанием* мы понимаем систему социальных знаний, ценностей и убеждений, на основе которых формируются устойчивое отношение людей к вопросам общественной жизнедеятельности и определенные модели социального поведения. В структуре общественного сознания, как известно, выделяются различные его формы: политическое, правовое, нравственное, религиозное, художественное сознание, а также мировоззрение (философия).

Одной из важных категорий, входящих в структуру общественного сознания, является категория социальное самочувствие. Одним из социологических подходов к изучению социального самочувствия является концепция Ж.Т. Тощенко и С. Харченко о социальном настроении. Социальное самочувствие вписывается в данную концепцию в качестве базового элемента, первого уровня социального настроения и включает в себя актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение [3]. В данной концепции социальное самочувствие выступает в качестве некой основы, исходного структурного элемента для формирования социального настроения личности, её направленности. В нашем исследовании мы рассматриваем понятие социальное самочувствие как один из элементов общественного сознания. Вместе с тем понятие общественное сознание шире, чем категория социальное настроение, поскольку оно включает в себя, кроме памяти, эмоций, мнения, еще и модель поведения.

Специфика социального самочувствия заключается в характере восприятия и степени адаптации населения к общественно-политическим, экономическим, культурным изменениям. Следует отметить, что современная Монголия находится в серьезном поиске глобальной и региональной политической идентичности. Политическими ценностями молодёжи Монголии являются господствующие в обществе, группах индивидов убеждения относительно того, как следует относиться и вести себя в той или иной политической ситуации, которые основываются на знаниях индивида о политике, политической системе и измеряются по шкале «хорошо – плохо», «приемлемо – неприемлемо». В то же время политические ценности являются элементом политической культуры, определяющим мировоззрение индивида, влияющим на политическое поведение.

С точки зрения структуры политического сознания можно предположить, что в Монголии, как и во всякой постсоветской стране, сосуществуют несколько систем ценностных ориентаций, к которым принадлежат как молодое, так и старшее поколение. Одна из них приближена к индивидуалистической модели ценностей либерального толка (иначе говоря, носители прозападного

типа, коих может быть особенно много среди жителей столицы). Другая система ценностных ориентаций представлена носителями традиционного монгольского сознания, тяготеющей к патриархально-коллективистской культуре, равенству и этатизму. Разумеется, в реальной общественной жизни чаще можно встретить ещё один тип – смешанный. Его следует рассматривать как неопределённый тип ценностного сознания, симпатизирующий как некоторым ценностным ориентациям западного типа, так и традиционным. В рамках нашего исследования мы провели социологический опрос, результаты которого позволили нам сделать ряд предварительных выводов. В целом в пилотном исследовании приняли участие 400 представителей молодёжи, в равной степени представляющих все возрастные группы, территориальную структуру и структуру занятости, гендерные характеристики.

Одной из основных задач нашего исследования было выявление уровня вовлеченности монгольской молодежи в политический процесс, потенциала их политического участия на современном этапе как одного из показателей социального самочувствия.

Опираясь на результаты проведённых социологических опросов и анализ вторичных данных, нами делается вывод о достаточно высоком потенциале политического участия монгольской молодёжи. Во-первых, 57% указали вариант «да» при ответе на вопрос «Пришли бы Вы на избирательный участок, если выборы были бы завтра?». И, правда, тоже немало тех, кто ответил отрицательно – 36%. Столько же готовы принимать участие в выборах, если потребуется, 17% считают, что это вполне возможно. 17% получали поощрение за политическую деятельность, что свидетельствует о вовлечении молодёжи в эти действия со стороны старших товарищей.

76% респондентов считают, что они влияют своими действиями на принятие политических решений. Большинство (56%) убеждено, что политика – необходимая вещь в их жизни. 39% из числа молодёжи убеждены в том, что их общественные предложения дойдут до государственных органов и будут рассмотрены ими, что, в общем, является неплохим показателем.

Вместе с тем, респонденты не очень-то охотно выражают готовность вступать в политические партии (20%), что подтверждается и ответом на другой вопрос, где партии получили очень низкую оценку доверия. Кроме этого, очень важно, что кандидатов на выборные должности молодёжь в большинстве своем оценивает (39%) по деловым и нравственным качествам. Возможно, на выбор ответов повлияла предвыборная ситуация в Монголии и деятельность политических партий.

В целом результаты опросов показали достаточно высокий уровень включенности монгольской молодёжи в политический процесс. Большинство из них позитивно относятся к основным политическим институтам. В личных беседах некоторые респонденты отмечают, что в современной Монголии для достижения успехов в карьере одним из главных условий является участие в политическом движении и вступление в ряды одной из влиятельных партий. Вместе с тем, как уже было указано ранее, весьма высок процент молодых людей, которые не хотят вступать в политические партии (20%).

Таким образом, в настоящее время политические аспекты социального самочувствия монгольской молодёжи характеризуются высокой степенью адаптивности к изменяющимся социально-политическим условиям, и в то же время стремлением к сохранению традиций и обычаев своего народа. В итоге, вопрос о политических предпочтениях монгольской молодёжи – это вопрос о том, чьи и какие маркеры будут доминирующими в процессе выстраивания Монголией своей национальной и региональной идентичности. Текущее многообразие этих маркеров будет определяться сочетанием социально-политических и экономических интересов основных акторов Монголии, борьбой за право использования природных ресурсов, вокруг которых развернулась серьезная борьба, в том числе и с участием транснациональных корпораций. Такая многообразность порождает целый набор вероятных сценариев трансформации политического сознания монгольской молодёжи.

Библиографический список:

1. Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. 424 с.
2. Энхбаяр Дэмбэрэл. Эволюция системы образования в Монголии (начало XX-XXI в.) / дисс. на соиск. уч. ст. канд. исторических наук. Улан-Удэ, 2011. 180 с.
3. Тощенко Ж.Т., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996. 195 с.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АСЕАН И ВОЗМОЖНОСТИ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Демина Ю.А.

В последнее время стремительно растет роль Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) в мирохозяйственных процессах. В формирующейся региональной архитектуре АТР одно из центральных мест заняла интеграционная группа – Ассоциация стран юго-восточной Азии (далее – АСЕАН), включающая десять государств (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины). Новый современный облик АСЕАН – динамично развивающейся и демонстрирующей значительные успехи экономической интеграции, стал причиной усиления конкуренции мировых держав за расширение присутствия на этом перспективном региональном рынке. Россия, как страна не только европейская, но и азиатская, не может оставаться в стороне от процессов, происходящих в АТР. В этой связи Президент РФ В. Путин на саммите Россия – АСЕАН, проходившем 19-20 мая 2016 г. в г. Сочи, отметил: «Для нашей страны партнерство со странами Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) создаст новые возможности для наращивания поставок в АТР продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки» [1].

Развитие отношений с АСЕАН является важной составной частью российской политики в АТР, направленной на обеспечение благоприятных условий для проведения экономических и социальных преобразований, особенно ускоренного развития Дальнего Востока России путем установления взаимовыгодных, партнерских отношений со всеми странами региона и обеспечения безопасности, стабильности и благополучия на дальневосточных границах страны. АСЕАН и Россию объединяют общая позиция по многим глобальным вопросам.

Со времени установления связей в 1991 г. отношения между Россией и АСЕАН значительно расширились. И сегодня их связывает уже намного больше, чем несколько десятилетий назад. Многолетнее сотрудничество по трем основополагающим направлениям – в политике и безопасности, экономике и социально-культурной сфере – способствовало укреплению российско-асеановского партнерства.

На регулярной основе проходят саммиты Россия – АСЕАН. По итогам проведенного в Сочи 2016 г. юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН участники саммита приняли Декларацию «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» и утвердили Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и АСЕАН на период 2016-2020 гг. [2]. Кроме этого, на прошедшем 19-20 ноября 2016 г. саммите АТЭС в Перу лидеры стран России и Вьетнама обсудили Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС) и Вьетнамом, которое уже официально вступило в силу 5 октября 2016 г. Документ предполагает обнуление пошлин в течение 10 лет почти на 90% товаров, что позволит увеличить товарооборот более чем в два раза, а также положит начало последующей интеграции со странами АСЕАН [3].

Улучшение инвестиционного климата стран-членов АСЕАН вследствие всё более углубляющейся их интеграции способствовало тому, что российские компании активизировали своё присутствие в регионе ЮВА. Об этом свидетельствует целый ряд перспективных проектов.

1. Проект АО «Российские железные дороги» в Индонезии охватывает несколько направлений: строительство инфраструктуры и морского угольного терминала, железной дороги для перевозки добываемого в провинции Восточный Калимантан угля, а также поставку грузовых железнодорожных вагонов и тепловозов. В планах компании привлечение индонезийских инвесторов, а также международных банков. В качестве потенциальных субподрядчиков рассматриваются компании всего региона ЮВА. Завершение строительства железной дороги запланировано на 2019 г. [4]. Помимо того, что проект оценивается как экономически выгодный (по прогнозам Минпромторга России он должен окупиться за 6 лет), немаловажен и тот факт, что введение его в эксплуатацию будет способствовать социально-экономическому развитию Индонезии. В стране впервые будет запущена программа по внедрению экологически чистого способа перевозки угля вне зависимости от погодных условий, что станет первым подобным проектом для этого азиатского государства. Для непосредственного обслуживания проекта будет создано около 300 тысяч рабочих мест, а также 10 тыс. мест в смежных отраслях. Индонезия получит российские технологии и помощь в подготовке кадров в железнодорожных вузах России. Примечательно, что Индонезия планирует расширение железнодорожного строительства, поэтому в случае успешной практики стороны смогут нарастить сотрудничество в данной сфере [5].

2. Одно из наиболее стратегически важных направлений деятельности российских компаний в юго-восточной Азии - сотрудничество в сфере атомной энергетики. Среди проектов, реализуемых Россией в странах АСЕАН, особое место занимает строительство атомной электростанции «Ниньтхуан-1», которая станет первой АЭС во Вьетнаме (провинция Ниньтхуан, г. Фуокдин) и будет построена с применением новейших технологий. В ноябре 2011 г. было подписано Межправительственное соглашение, согласно которому российская сторона выделила кредит в размере 8 млрд руб. для реализации данного проекта. Договоренности предусматривают создание вьетнамского центра ядерной науки и техники, а также подготовку соответствующих специалистов в российских вузах [6].

3. Еще одно перспективное направление продвижения стратегических интересов России в ЮВА – это сотрудничество между Россией и Вьетнамом в разработке шельфа в Южно-Китайском море. В 2006 г. между ПАО «Газпром» и Вьетнамской государственной компанией PetroVietnam было подписано первое соглашение в областях геологоразведки, добычи, транспортировки, продажи и переработки углеводородов, технического обслуживания оборудования и инфраструктуры, а также совместного участия в разработке нефтегазовых месторождений в других странах. В 2008 г. стороны подписали Соглашение о дальнейшем сотрудничестве и создали Совместную операционную компанию «Вьетгазпром», на которую возложены функции контроля над реализацией проектов. Подобным образом была сформирована компания СП «Газпромвьет», целью которой стала совместная разработка углеводородов в третьих странах [7].

4. Другая российская компания, успешно реализующая проекты на шельфе Южно-Китайского моря, – АО «НК Роснефть». На сегодняшний день «Роснефть» осуществляет свою деятельность в рамках двух проектов на континентальном шельфе Вьетнама. В целом потенциал российских нефтегазовых компаний в ЮВА оценивается как достаточно высокий [8].

5. Российская компания «Петрос» реализует в Индонезии проекты по внедрению отечественных технологий, способствующих повышению нефтеотдачи из скважин. Несмотря на благоприятные условия, создаваемые Индонезией, продвижение российских компаний на индонезийский рынок осложнен тем обстоятельством, что доминирующее положение в нефтегазовой отрасли страны занимают американские компании, в частности, Chevron. Вместе с тем компания «Петрос» постепенно расширяет свое присутствие в Индонезии. Разработан проект по повышению нефтеотдачи для месторождения на о. Суматра, основанного на экологичной технологии воздействия водяного пара на пласт. Компания «Петрос» участвует в различных мероприятиях, повышающих осведомленность индонезийских нефтяников о российских разработках в данной сфере [9].

6. Набирает темпы сотрудничество России со странами АСЕАН в сфере IT-технологий. Один из флагманов российской IT-индустрии - «Лаборатория Касперского», имеет офисы в Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Таиланде и на Филиппинах. Перспективные рынки для «Лаборатории Касперского» - Малайзия и Сингапур. Продвижению российской IT-продукции на рынки стран АСЕАН также будет способствовать запуск специализированного сайта, что позволит местным пользователям получать информацию о продуктах компании и региональных маркетинговых мероприятиях в наиболее удобном для них формате [10]. Другие российские IT-компании, работающие в ЮВА: «Infowatch», «SPB TV», «CDNVideo», «Parallels», «GS Group», «FreshOffice», «LifePay», «Ruvento», «BaseRide Technologies»[11].

Несмотря на существование различных проектов сотрудничества России со странами АСЕАН, на сегодняшний день Россия всё ещё отстаёт от таких государств, как Китай, Япония, Республика Корея США и некоторых стран ЕС, которые уже заняли прочную позицию на экономических рынках ЮВА. Серьёзным препятствием для решительного прорыва в сотрудничестве России и АСЕАН является географическая удаленность, плохое состояние транспортной инфраструктуры, отсутствие развитой системы связей и контактов на разных уровнях, и, как следствие, отсутствие в бизнес сообществах России и АСЕАН своевременной и достоверной информации друг о друге.

Для укрепления сотрудничества необходимо создавать возможности для взаимодействия деловых сообществ России и АСЕАН, в том числе через проведение деловых саммитов, диалогов и инвестиционных симпозиумов, организовывать на регулярной основе взаимные поездки делегаций предпринимателей России и государств-членов АСЕАН с целью установления прямых деловых контактов и обмена информацией о торговых и инвестиционных возможностях. Кроме этого, полагаем, что для расширения присутствия России на рынках стран ЮВА следует направить усилия на развитие межинтеграционного взаимодействия по линии ЕАЭС – АСЕАН. Это позволит использовать экономический потенциал стран-членов данных интеграционных групп в большем объеме, за счёт эффекта масштаба.

Библиографический список:

1. Химшиашвили П. Зачем России АСЕАН // Газета РБК. 17 мая 2016. № 084 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/05/18/573b213f9a7947560a5e8666>
2. Участники саммита Россия – АСЕАН приняли Сочинскую декларацию. Саммит Россия – АСЕАН Сочи 19-20 мая 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/news/20160520/179633.html>
3. Зона свободной торговли ЕАЭС и Вьетнама: возможности, риски и планы // РИА Новости. 29 мая 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20150529/1067199933.html>
4. Russia to finish building Indonesian railway in 2019 // RT. 11 Jan. 2016 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.rt.com/business/328524-russia-indonesia-railway-construction>
5. РЖД построит железную дорогу в Индонезии // РБК. 6 марта 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/06/03/2014/570418e29a794761c0ce78a0>
6. Le Doan Phac. Vietnam's Nuclear Power Development Plan: Challenges and Preparation Work for the First Nuclear Power Projects // INPRO SMR Forum. Oct 2011 [Electronic resource]. Mode of access: <http://news.gov.vn/Home/Council-for-atomic-energy-development-set-up/20135/17804.vgp>
7. Gazprom and PetroVietnam sign contract for four new blocks offshore Republic of Vietnam // Gazprom release. 27 Oct. 2008 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.gazprom.com/press/news/2008/october/article64366/>
8. «Роснефть» начала поисково-разведочное бурение на шельфе Вьетнама в качестве оператора проекта // Новости Роснефть. 14 марта 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/today/item/180677/>

9. Новые проекты Петрос в Индонезии. Группа компаний Петрос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://petros.ru/rus/news/?action=show&id=149>
10. Russia and ASEAN. Key Cooperation Projects // Russian International Affairs Council. 18 May 2016 [Electronic resource]. Mode of access: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=7691
11. АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/asean-russia>

ВКЛЮЧЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Ерохин А.К., Ерохина Л.Д.

Существование этнического предпринимательства является неотъемлемой характеристикой современного глобализирующегося общества. В процессе глобализации стираются национальные границы, население мира начинает в массовом порядке мигрировать, в первую очередь в поисках работы или более комфортных условий существования. Естественно, что целями миграционных потоков становятся более развитые в экономическом отношении или более либеральные в политическом и культурном отношении страны. Российская Федерация, безусловно, является наиболее благоприятной целью для мигрантов из всех других государств, возникших на постсоветском пространстве.

Среди субъектов Российской Федерации Дальневосточный федеральный округ, занимая более 1/3 территории России, занимает одно из первых мест по динамике миграционной убыли постоянного населения. В то же время сохраняется положительный миграционный баланс международной миграции, в первую очередь со странами СНГ. Периферийное положение Дальневосточного федерального округа (ДФО) определяет специфику развития экономики. Слабо развитая транспортная, рыночная инфраструктура сдерживает темпы развития данного региона. Одним из возможных путей повышения уровня жизни в регионе является развитие предпринимательского сектора, в том числе за счет этнического предпринимательства мигрантов. По демографическому составу около 90% из них – это мужчины. По большей части это поколение граждан, выросших уже после распада Советского Союза, не имеющих с Россией общего прошлого, не говорящие на русском языке, имеющие низкий уровень образования или вовсе неграмотные, не имеющие профессии. Помимо заработка они не стремятся ни к какой интеграции и адаптации. Такие мигранты, как правило, заняты в строительстве, оптовой и розничной торговле, рыночной инфраструктуре, сельском хозяйстве, системе ЖКХ, т. е. там, где высока доля неквалифицированного ручного труда. Более 80% иностранных мигрантов привлекаются к работе во Владивостоке, Уссурийске, Находке, где отмечается самый низкий уровень безработицы в крае (Владивосток – 0,3%, Уссурийск – 0,7%, Находка – 0,7%).

При этом мигранты из СНГ и КНР вытесняют китайских мигрантов. Так, за последние 5 лет число граждан КНР, привлекаемых на работу в различные отрасли хозяйства, здесь сократилось более чем в 2 раза (с 24,3 тыс. чел. в 2011 году до 10,8 тыс. чел в 2015 г.). Доля китайских трудовых мигрантов в общем количестве привлекаемых на работу в Приморский край иностранных граждан также устойчиво снижается и составила в 2015 году лишь 48,7%, что есть на 20% ниже уровня 2011 года [1].

Пока нет никаких оснований считать, что мигранты из стран СНГ будут задействованы на высокотехнологичном производстве или в науке, в то время как китайская миграция отличается положительно динамикой вхождения в социальную и экономическую структуру Приморского края студентов из КНР и специалистов, занятых в различных отраслях хозяйства. Именно из них и составляются предпринимательские структуры, занятые в основном в сельском хозяйстве и торговле.

В Приморский край по программе переселения соотечественников из республик бывшего СССР и дальнего зарубежья с 2007 по 2015 год приехало 9 тыс. квалифицированных специалистов, которые задействованы на высокотехнологичных производствах. Среди них более 70 % – бывшие

граждане Украины. Кроме украинцев, в списке участников программы также семьи из Узбекистана, Армении, Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Беларуси, Туркменистана. Однако в общей массе мигрантов эта иммиграционная группа составляет всего лишь 1 %.

Устойчивая трудовая миграция в Дальневосточный регион за несколько последних десятилетий привела к относительно новому экономическому явлению, связанному с сегментацией рынка труда и выделением видов работ, которыми преимущественно заняты мигранты и в которых они создают свои устойчивые предпринимательские структуры. Складывается своеобразная сегрегация работников по национальному признаку. Граждане из КНДР и Южной Кореи работают в основном по строительным специальностям и в бизнесе.

Важную организующую роль в миграции корейцев, в том числе и нелегальной играют религиозные миссионерские организации. Они становятся каналами пополнения корейских общин новыми членами, центрами финансовой взаимопомощи и трудоустройства мигрантов. Эти организации контролируют значительную часть мелкого бизнеса и активно пытаются вовлечь в сферу своей деятельности миграционные потоки корейцев из других стран, прежде всего из среднеазиатских республик. Наибольшее недовольство корейских мигрантов вызывают поборы милиции, проблемы, связанные с таможенной «зачисткой» грузов, и взяточничество в органах власти. Вторая группа проблем – это трудности с поиском надежных российских партнеров и плохое исполнение ими своих обязательств. И, наконец, третья по значимости проблема для корейских предпринимателей в России – сложная и часто меняющаяся законодательная база.

Мигранты из Вьетнама заняты продажей товаров народного потребления вьетнамского производства и перепродажей китайского товара, активно занимаются скупкой-продажей иностранной валюты.

Китайские граждане в основном задействованы в торговле, бытовом обслуживании, общественном питании, гостиничном бизнесе, а также в пищевом производстве, игорном, туристическом бизнесе, деревообработке, сельском хозяйстве, строительстве, оптовой торговле и судоремонте. Работают они и в швейном производстве на предприятиях с южнокорейским капиталом. По некоторым официальным оценкам, их численность в России составляет всего около 400 тыс. человек [2, с. 310]. Однако нелегальная миграция делает их численность гораздо выше.

Рабочие из Центрально-Азиатских республик пополняют вторичный рынок мало- и неквалифицированного труда, обычно полуплеганального, с тяжелыми условиями труда и низкой оплатой (мусорщики, ремонтники квартир и автомобилей на частных автозаправках и предприятиях автосервиса, мебельщики на полуплеганальных частных предприятиях, рабочие заводов железобетонных конструкций, пекари маленьких частных пекарен и т.д.). Значительная их часть охватывает работу на рынках. Многие возят товары из своих стран (например, узбеки – фрукты, недорогие ткани, изделия из дешевого трикотажа).

Сферы деятельности отдельных групп пересекаются. Например, в строительстве и ремонте жилья, строительстве коммуникаций и ремонте дорог работает много мигрантов из Китая и Таджикистана, азербайджанцы и грузины торгуют на рынке, в сельском хозяйстве заняты китайцы, узбеки и таджики.

Общая картина трудовой миграции по сферам занятости представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение иностранных предпринимателей по сферам занятости

Строительство	Мигранты КНДР
Рыночная торговля и скупка-продажа иностранной валюты	Мигранты из Вьетнама
Торговля, бытовое обслуживание, общественное питание, сельское хозяйство, гостиничный бизнес, пищевое производство, деревообработка, строительство, оптовая торговля и судоремонт,	Мигранты КНР

игорный, туристический бизнес	
Рыночная торговля, строительство, судоремонт	Мигранты из СНГ (8,6% от общего числа иностранцев)

Составлено: авторами

Сосредоточены этнические предприниматели Приморского края в основном во Владивостоке, Находке, Уссурийске, Артёме, Октябрьском районе.

На Сахалине трудоустройство иностранных граждан связано, помимо уже указанных отраслей, с нефтегазодобывающей индустрией острова, которая сегодня оказалась в руках транснациональных корпораций. Руководители службы занятости населения по Сахалинской области отмечает, что иностранцы в этот регион в основном прибывают на работу по программам добычи нефти и газа на шельфе острова, где общее число занятых уже выросло до 11 тыс. человек. При этом работодатели, прежде всего, используют в отрасли специалистов из США и Турции, а при строительстве места плотников, электриков, слесарей, строителей и разнорабочих без учета трудоустройства местных жителей отдаются гражданам, прибывающим по конкурсному отбору с материка.

Таким образом, потребность экономики региона в трудовых ресурсах вызывает необходимость регулируемого притока предпринимателей-иммигрантов в первую очередь из стран СНГ. Воспитание толерантности к людям различных национальностей в целях скорейшего осознания российским обществом его гражданского единства становится одной из главных задач государства.

Библиографический список:

1. Латкин А.П., Кузьмина С.В. Трудовая миграция из КНР в российское Приморье: основные предпосылки и новые подходы к регулированию // Управление экономическими системами. Электронный журнал. 2014. № 72. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-72-722014/item/3259-2014-12-24->
2. Гельбрас В. Проблемы незаконной миграции в России. М.: Гендальф, 2004. 304 с.

ПРИОРИТЕТЫ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КИТАЯ

Жариков Е.П.

Взаимодействие российского Дальнего Востока (РДВ) с приграничными Северо-Восточными провинциями Китая (Хэйлунцзян, Цилинь (Гирин) и Ляонин) получило новый импульс развития по мере восстановления отношений и реализации курса на эффективное приграничное сотрудничество. В настоящее время регионы характеризуются следующими показателями [1]:

- население Северо-Восточных провинций Китая (СВПК) - 110 млн человек, южных районов РДВ (Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области) - 4,1 млн человек;
- средний валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения - в СВПК - 6,7 тыс. долл. (максимальный в провинции Ляонин - 9,1 тыс. долл.), в южных районах РДВ - 9,4 тыс. долл. (максимальный в Хабаровском крае - 10,3 тыс. долл.);
- доля промышленности в ВРП СВПК - 46,3 %, сельского хозяйства - 12,4 %, в южных районах РДВ, соответственно, - 27,3 % и 7,6 %.

Сравнение показателей развития СВПК и южных районов РДВ явно не в пользу регионов РДВ, учитывая в том числе, что удельный вес вторичного сектора РДВ в ВРП уступает аналогичному показателю СВПК почти вдвое (небольшое исключение – Амурская область).

Продуктовая структура товарооборота СВПК и южных районов РДВ представлена в табл. 1. Наиболее тесная связь во внешнеторговой деятельности осуществляется между провинцией Хэйлунцзян и Приморским краем - 78,7 % всего товарооборота. Аналогичные тенденции между этими регионами и по другим направлениям сотрудничества – в туризме, обмене студентами и т.п.

Таблица 1 – Продуктовая структура товарооборота СВПК Китая и южных районов РДВ [2, 3]

Регионы	Провинции	Статьи экспорта в Россию	Статьи импорта из России
Северо-Восточные провинции Китая	Хэйлуцзян	Текстиль, одежда, обувь, машинотехническая и сельскохозяйственная продукция.	Нефтепродукты, железная руда, древесина, химические удобрения, рыба и морепродукты, мёд.
	Цзилинь	Текстиль, электромеханическая продукция, продукты питания (качество продукции невысокое).	Продукты первичной переработки и сырьё. Ведутся согласования об импорте больших объемов угля.
	Ляонин	Сталь, электромеханическая продукция, огнеупорные материалы, одежда.	Сырая нефть, железная руда, уголь, морепродукты.
Регионы	Провинции	Статьи экспорта в Китай	Статьи импорта из Китая
Южные районы российского Дальнего Востока	Приморский край	Нефть и нефтепродукты, рыбная мука, рыба мороженая, древесина (лесоматериалы обработанные, необработанные).	Машины, оборудование и транспортные средства, электрогенераторные установки, обувь, металлы и изделия из них.
	Хабаровский край	Необработанные лесоматериалы, нефтепродукты, каменный уголь, пиломатериалы, рудные концентраты, рыба и морепродукты.	Бульдозеры, экскаваторы, продукция химической промышленности и другая промышленная продукция.
	Амурская область	Электроэнергия, руды и концентраты железные, лесоматериалы необработанные.	Бульдозеры, экскаваторы, грузовые автомобили, прокат из углеродистой стали и т.д.

Хорошее транспортное сообщение, в том числе наличие скоростной железнодорожной магистрали Харбин – Далянь, способствует активному внешнеэкономическому участию и других Северо-Восточных провинций с районами российского Дальнего Востока с дальнейшим выходом в районы Восточной и Западной Сибири.

СВПК достаточно технически развиты. Начиная с 2000-х годов провинции Цзилинь и Хэйлуцзян, активно используя промышленный и интеллектуальный потенциал провинции Ляонин, осуществили мощный рывок по развитию производительных сил своих территорий [4].

На фоне прогрессирующего развития идёт и трансформация целевых установок. Китай остро нуждается в продовольствии (КНР имеет 20 % населения планеты и только 8 % пахотных земель). СВПК нужен выход к Японскому морю и морским портам. Самые выгодные из них – порты Приморского края. Выход провинций через порт Далянь, несмотря на построенную скоростную магистраль, более затратный по времени. И, наконец, в провинции Хэйлуцзян наблюдается мощный избыток трудовых ресурсов.

Регионы РДВ характеризует технологически слабая современная структура производства; отсутствие рабочих мест для специалистов высокой квалификации; слабость взаимного взаимодействия и т. д. Поэтому возведение, например, в Приморском крае инфраструктуры (мостов, зрелищных заведений и т.п.) не дало ожидаемого эффекта в решении задачи закрепления населения. Край с 1993 г. ежегодно имеет отрицательный миграционный баланс.

Тем не менее основа возрождения региона – радикальное изменение социально-экономических условий развития. И такие меры в рамках программных проектов уже осуществляются в регионах РДВ. В Приморье ряд территорий получили статус территорий опережающего развития (ТОР), установлен режим порто-франко, распространяющийся на территории 15 муниципальных образований края, включая их морские акватории с портами. Меры государственной поддержки гарантированы в равной степени как российским, так и иностранным

инвесторам. Привлекательность Приморья подтверждается наличием в крае таких крупных российских и иностранных инвесторов, как Роснефть, Газпром, Соллерс, Hyundai, Mazda и других.

В изменяющихся условиях трансформируется и политика взаимодействия приграничных регионов, которая должна быть прагматичной и сбалансированной. Китайская сторона воплощает её, преследуя свои интересы.

В области сельского хозяйства Китай решает проблему продовольственной безопасности. Метод решения в регионах России: аренда земли, рабочая сила Китая, урожай в Китай и частично на экспорт. Выгоды принимающей стороны: продукция сомнительного качества, плохая экология с возможным разрывом арендных отношений, небольшие доходы бюджета в связи с льготными условиями аренды и слабым контролем.

Лесное хозяйство: аренда лесных участков, рабочая сила Китая, древесина в Китай на переработку, экспорт готовой продукции из древесины, в том числе и в Россию. Выгоды принимающей стороны минимальны. Попытки переломить ситуацию встречают сопротивление как китайской стороны, так и российского прокитайского лобби. Китай готов к новым поставкам древесины, мотивируя тем, что в СВПК уже созданы высокотехнологичные предприятия для её переработки. Позиция департамента лесного хозяйства Приморья – привлечение инвестиции из Китая на модернизацию мощностей по переработке леса в регионе. Но, насколько данная позиция устойчива и будет реализовываться, учитывая соседние лесные регионы, включая Восточную и Западную Сибирь, которые имеют сходные экономические трудности, это вопрос.

Аналогичные взгляды Китая и на участие его провинций в зоне свободного порта Владивосток. Китай формально готов на уровне заявлений инвестировать в свободный порт Владивосток и ТОР в Приморье. Однако реализация намерений на уровне провинции Хэйлуцзян более прагматична. Один из вариантов участия в рамках проекта «Свободный порт Владивосток» - открытие логистического хаба, на котором «будет осуществляться обработка, переупаковка и адресация товаров российских клиентов, приобретенных в Китае» [5].

Отсюда следует, что, в частности, Приморский край как равноправный партнер интересует Китай в малой степени, уж слишком большой разрыв в потенциалах, за исключением природных ресурсов, включая земельные, и выхода к незамерзающим морским портам Приморья. Поэтому СВПК не заинтересованы в инвестировании экономики региона. Пока продолжается отток населения из РДВ, трудно надеяться на изменение такой политики даже в условиях реализации проектов ТОР и «Свободный порт Владивосток». Китаю невыгодно изменять такую тенденцию с его избытком рабочей силы и огромной потребностью в сырьевых ресурсах. С прекращением оттока населения из региона следует ожидать и изменение в инвестиционной политике Китая по отношению к РДВ. Но тогда могут появиться риски, обусловленные:

- отрицательным сальдо инвестиционного баланса, так российские инвестиции в Китай составляют около 1,6 % от китайских инвестиций в экономику России;
- ростом крупных прямых инвестиций и их направленностью в сырьевые отрасли, что чревато потерей контроля над базовыми природными ресурсами.

Отсюда насущный вопрос «Как развивать производительные силы РДВ, где взять ресурсы для его решения?». Стратегия понятна: прекращение оттока населения – использование имеющихся преимуществ – инновационная экономика – интеграция в экономику АТР. Однако быстрая её реализация вызывает сомнение и переводит решение этой задачи в разряд долгосрочных.

Анализ показывает, что в существующих условиях более реальный способ поднять экономику региона - опора на сельское хозяйство. Такой стратегии сопутствуют и введенные санкции против России. Так, до реформ в Приморском крае объем продукции растениеводства в стоимостном выражении составлял 36,7 %, а продукции животноводства - 63,3 %. В настоящее время мы имеем зеркальное отражение - объем продукции растениеводства 62,5 %, продукции животноводства 37,5% [6]. То есть имеются значительные резервы развития животноводства, достаточно обеспеченное собственной кормовой базой.

Животноводство - важнейшая база органических удобрений, так востребованных растениеводством, которые не могут быть эффективно заменены всем спектром имеющихся в настоящее время неорганических удобрений, биотехнологий и т. д. Основная доля пахотных земель РДВ имеет низкое плодородие. При повышении за счет новых технологий урожайности зерновых, картофеля, узким местом остается урожайность кукурузы и кормовых культур, требующих большого количества органических удобрений. Даже если у китайцев, арендующих земли в Амурской области и применяющих экологически опасные технологии, урожайность по техническим культурам в два раза выше российских производителей, то по кормовым - в 1,5 раза.

Многолетний опыт развития сельского хозяйства в регионе обуславливает необходимость развития животноводства. Здесь все преимущества на стороне российских производителей. В первую очередь из-за наличия территорий, которые можно использовать для развития животноводства и кормовой базы для него. Соседние провинции Китая не имеют таких возможностей, и в этом залог конкурентного успеха агрокомплекса российского Дальнего Востока.

Библиографический список:

1. Жариков Е.П., Денисов В.В. Развитие внешнеэкономических связей Северо-Восточных провинций Китая с южными районами Российского Дальнего Востока //Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 37-52.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm.

3. Провинции [Электронный ресурс]. Режим доступа: [rcsy.org>Provincii.html](http://rcsy.org/Provincii.html).

4. Жариков Е.П. Проблемы развития промышленности окраинного региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. № 1. С. 55–62.

5. Китай планирует открыть логистический центр во Владивостоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.swissinfo.ch/rus/41620080.

6. Приморский край: социально-экономические показатели. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2014. 362 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МНЕНИЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ КОНФЛИКТНОСТИ В СЕМЬЕ

Зяц О.В., Лю Шуанфэн, Моргун С.Э.

При сравнении семейного быта разных стран становится очевидно, что общество и культура влияют на семью, ее психологический климат, структуру и динамику. Семейные конфликты, как неотъемлемая составляющая любой семьи, возникают под влиянием определённых внешних и внутренних факторов. С улучшением китайско-российских международных отношений наблюдается тенденция увеличения межнациональных браков и, как следствие, представляется актуальным изучение мнения представителей китайский и русских семей относительно социально-экономических факторов формирования конфликтности в семьях. Цель исследования заключалась в выявлении основных социально-экономических факторов конфликтности в семье на основании мнения китайских и российских студентов ДВФУ. Объектом данного исследования явились китайские и российские студенты ДВФУ, а предметом – мнение студентов о социально-экономических факторах конфликтности в семье.

Всего в опросе в феврале и сентябре 2016 г. принимали участие студенты ДВФУ: 97 чел. из Китая и 102 чел. из России. Модель выборки строилась с использованием принципа случайного отбора.

Анализ ответов на первый вопрос «Вас устраивает доход Вашей семьи?» показал, что доля китайских студентов, которых устраивает доход семьи («безусловно, да»), ниже, чем у российских. Так считают только 26,8% китайских респондентов, среди российских студентов таковых 40,2%. Выявлено, что доход семьи «не совсем устраивает» 50,5% китайских студентов и 46,1% российских

студентов. Определенную долю респондентов из России и Китая доход семьи не устраивает (13,7% и 22,7% соответственно). Среди китайских студентов старших курсов наибольшее число тех, кого доход семьи не устраивает (33,3%), в то время как представителей младших курсов, имеющих подобное мнение, меньше в два раза (14,5%). Отличие мнений по данной позиции также наблюдается и у российских студентов. Так, 21,6% старшекурсников указали, что их не устраивает доход семьи, в отличие от 6% младшего курса. Можно предположить, что полученный результат, скорее всего, связан с тем фактом, что старшекурсники предпринимают попытки отделиться от родительской семьи в финансовом плане и обеспечивать себя самостоятельно. Однако китайские студенты, приезжающие в Россию в качестве иностранного студента, не только не могут оторваться от финансовой поддержки со стороны родителей, но и нуждаются в большей финансовой поддержке, чем их сверстники, оставшиеся в Китае, вследствие чего, полагаем, они с пониманием относятся к финансовому положению своей семьи.

Результаты анализа позиций респондентов при ответе на вопрос «Насколько Вас устраивают жилищные условия?» показали, что 32% китайских респондентов они полностью устраивают, 57,7% – устраивают, но не совсем, и только 10,3% не устраивают. Ситуация с отношением к жилищному вопросу российских студентов несколько отличается. В отличие от мнения китайских студентов, жилищные условия полностью устраивают большинство (50,9%) российских респондентов. В меньшей степени (42,2%), по сравнению с китайскими студентами, студентов из России жилищные условия устраивают, но не совсем (42,2%) и совсем не устраивают - 6,9%. В то же время первокурсников, граждан России и КНР, жилищные условия в большей степени полностью устраивают по сравнению со старшекурсниками. Превышение показателя ответов на данный вопрос у российских первокурсников составляет 31,2%, а у китайских - 14,4%. Можно предположить, что первокурсники в особенности проживающие в общежитии, довольны фактом проживания отдельно от родителей и наличия относительной самостоятельности.

Полученные ответы на вопрос «Как Вы оцениваете психологическую обстановку в Вашей семье на данный момент?» показали, что 46,4% опрашиваемых китайских респондентов расценивают психологическую обстановку в семье как «благоприятную» и только 10,3% считают ее дискомфортной, что ниже показателя мнения русских студентов на 15,4% и 5,4% соответственно.

Авторы пришли к выводу, что российские студенты основной причиной возникновения конфликтов считают недостаток финансовых средств и невысокий уровень заработной платы (26,47%). На второе место студенты поставили отсутствие общих интересов и разницу в образовании – 17,65%, на третье – жилищный вопрос и бытовую неустроенность – 16,67%. Китайские студенты в качестве основной причины конфликтов в семье назвали проблемы во взаимоотношениях с родителями одного из супругов (14,7%). Далее с небольшим отрывом идет недостаток финансовых средств, невысокая заработная плата (13,8%) и на третьем месте – проблемы с трудоустройством (12,9%). Интересным представляется тот факт, что китайские студенты отдали среди прочих причин конфликтов предпочтение проблемам во взаимоотношениях с родителями одного из супругов, а жилищному вопросу и бытовой неустроенности – последнее, двенадцатое место. В то время как российские студенты данные причины поставили на восьмое и третье места соответственно. При этом проблемы во взаимоотношениях с родителями одного из супругов волнуют китайских и российских студентов примерно в одинаковой степени (14,7% и 10,78% соответственно), а жилищный вопрос волнует китайских студентов в 3,8 раза меньше, чем российских. Данная ситуация связана с тем, что жилищный вопрос молодой китайской семейной пары решается в большей степени за счет средств родителей либо молодая пара проживает вместе с родителями, именно поэтому молодые люди не испытывают особых трудностей и переживаний по поводу жилья.

При анализе ответа «в нашей семье нет конфликтов» на вопрос «Каковы основные причины конфликтов в Вашей семье?» нами было выявлено, что так считает более 40% китайских студентов, что превышает полученный результат опроса русских студентов на 14,3%. В том числе при анализе ответов китайских студентов таким образом свое отношение продемонстрировали 37,3% женщин,

что на 17,2% больше, чем мужчин. Данную ситуацию можно объяснить особенностями функционирования китайской семьи. Китайские родители в редких случаях сообщают своим детям-студентам, обучающимся за рубежом, о проблемах семьи, поскольку негативная информация может повлиять на их обучение. Именно поэтому большинство китайских студентов имеют не полное представление о том, что происходит в их семьях, и, как следствие, им не всегда становится известно о конфликтах в семье.

Были обнаружены статистически значимые различия при анализе ответов русских и китайских студентов на вопрос «Что чаще всего, по Вашему мнению, приводит к созданию конфликтных ситуаций в Вашей семье в последнее время?». Наибольшая доля респондентов – китайских студентов – склоняется к тому, что именно ценностные (27,8%) и психологические факторы (17,5%) приводят к созданию конфликтных ситуаций в их семье. В свою очередь выбор русских студентов в пользу социально-экономических (42,9%) факторов конфликтности в семье следует объяснить нестабильной социальной и экономической ситуацией в России на данный момент.

Подтверждает вышеизложенный тезис результат анализа ответов на вопрос «Как Вы считаете, стабильное социально-экономическое положение в стране ведет к снижению конфликтности в семье?». Так, 47,2% китайских студентов и 22,6% русских студентов считают, что стабильное социально-экономическое положение в стране, безусловно, ведет к снижению конфликтности в семье. В то же время 23,6% китайских и 43,1% русских студентов считают, что снижаться будут именно конфликты социально-экономического характера. Следовательно, 70,8% китайских респондентов и 65,7% российских студентов признают тот факт, что стабильное социально-экономическое положение в стране ведет к снижению уровня конфликтности в семье.

Рассмотрение позиций, выраженных в ответах на вопрос «Какие, по Вашему мнению, социально-экономические факторы конфликтности в семье являются внешними, а какие внутренними?», позволило нам сгруппировать социально-экономические факторы следующим образом. К внешним факторам, по мнению русских и китайских студентов (примерно в равных долях) в большей степени относятся недостаточно эффективная социально-экономическая политика государства, экономический кризис, банкротство предприятий, рост цен. Анализ результатов также показал, что такие категории, как низкий уровень оплаты труда, безработица, проблемы с устройством детей в детский сад были отнесены российскими студентами к внешним факторам, в то время как китайские студенты отнесли данные категории к внутренним факторам конфликтности. К группе внутренних факторов и китайские, и русские респонденты отнесли следующие категории: разные взгляды супругов на ведение домашнего хозяйства, зависть или недовольство служебным положением супруга, вредные привычки членов семьи, беспокойство за финансовое будущее семьи, расточительность одного или нескольких членов семьи, ощущение депривации в отношении распределения семейного бюджета, материальная неудовлетворенность, отсутствие собственного жилья.

Анализ ответов на вопрос «Какие из предложенных факторов в большей степени влияют на конфликтность в Вашей семье на данный момент?» показал, что наших респондентов волнует (по степени убывания) материальная неудовлетворенность, экономический кризис, разные взгляды на ведение домашнего хозяйства, беспокойство и тревожность за финансовое будущее семьи, низкий уровень оплаты труда, вредные привычки членов семьи, расточительность одного из членов семьи, ощущение депривации в отношении распределения семейного бюджета и рост цен. Кроме этих факторов, китайские студенты в большей степени отметили такие категории, как «зависть или недовольство служебным положением супруга» (38,9%) и «потеря работы» (37,9%). В отличие от отношения китайских коллег, российские студенты в большей степени назвали такие категории, как рост цен, материальная неудовлетворенность, беспокойство за финансовое будущее семьи. Стоит также отметить, что отсутствие собственного жилья в большей степени волнует наших сограждан, чем представителей КНР.

Таким образом, нами выявлены различия и сходство во мнениях китайских и российских студентов ДВФУ в определении основных социально-экономических факторов конфликтности в семье.

Полагаем, что полученная информация может представлять интерес как для студентов и других граждан при планировании межнациональных браков и проживании в межнациональных семьях в целях профилактики и разрешения семейных конфликтов, так и для исследователей, изучающих семейные конфликты.

Библиографический список:

1. Заяц О.В., Моргун С.Э. Изучение мнения студентов ДВФУ о социально-экономических факторах конфликтности в российских семьях // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dom-hors.ru/vipusk-8-2016-obshchestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/>

2. Качанова О.И. Семейные кризисы и пути их преодоления // Молодой ученый. 2011. №10. Т.2. С. 141-145.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ АТР

Калашикова С.М., Кудрявцева М.В.

Защита прав ребёнка в современной России относится к числу актуальных проблем, вызванных очевидным неблагополучием в отношении несовершеннолетних детей как в обществе, так и в семье. Широко распространено и такое явление, как социальное сиротство. Социальное сиротство – это ситуация, при которой дети остаются без родительского попечения при живых биологических родителях. На сегодняшний день детей, оставшихся без родительского попечения по разным причинам, насчитывается около 800 тысяч.

Усыновление – важнейший институт современного общества, в котором существуют определенные проблемы, противоречия, но который все же необходим в современном мире. Этот институт выполняет ряд функций и задач, связанных с охраной прав детей для поддержания необходимой стабильности общества.

Актуальность изучения проблем усыновления обуславливается не только обсуждением на бытовом уровне, но и рядом проводимых социологических исследований и научных дискуссий [1, с. 29-53].

К сожалению, несмотря на проводимые Правительством РФ реформы, направленные на уменьшение количества детей, проживающих в детских домах, избавиться от института детских домов не удастся.

В сфере международного усыновления также существует ряд проблем, связанных с незаконной деятельностью иностранных организаций по усыновлению детей, с отсутствием контроля и возможности отслеживать дальнейшую судьбу усыновленных детей [2]. Это касается и стран АТР. Разумеется, институт международного усыновления выполняет ряд позитивных функций, помогает детям обрести дом, увеличивает их шансы найти семью. Однако с таким усыновлением существует ряд проблем, в том числе и проблема отслеживания жизни детей за рубежом, их здоровья и безопасности.

На международном и национальном уровне усыновление признано приоритетной формой устройства детей, по разным причинам попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Этот институт призван обеспечить нормальную семейную жизнь и воспитание для детей, лишившихся родительского попечения. К сожалению, на сегодняшний день этот институт недостаточно развит в России. Это касается и нормативно-правового, и духовно-нравственного аспекта жизнедеятельности.

В современной России остро стоит демографическая проблема: снижается уровень рождаемости, повышается уровень смертности населения. Кроме того, с каждым годом растет число усыновлений российских детей иностранцами. Большое количество детей усыновляется гражданами стран, входящих в азиатско-тихоокеанский регион. Всё это требует срочного принятия комплекса мер, направленных на стимулирование усыновления детей именно российскими гражданами.

Несмотря на важность института усыновления, российские граждане не стремятся усыновлять или удочерять детей. Это связано как с материальными, так и с моральными сторонами жизни в российском обществе. Разумеется, необходимо стимулировать российских граждан к усыновлению, но стоит обратить пристальное внимание и на правовую базу, и проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами.

Существует ряд проблем усыновления детей в России, с которыми сталкиваются будущие родители и которые необходимо решить государству. Одной из таких проблем является недостаток социальных возможностей для усыновления. Правовые проблемы законодательства в усыновлении также существуют. В нашей стране институт усыновления не так развит в законном плане, как в других странах, и на этой почве возникает ряд противоречий и трудностей, с которыми сталкиваются усыновители. И хотя у нас существует множество федеральных законов и других нормативных актов об усыновлении, они, по сути, дублируют сами себя, давая волю недобросовестным чиновникам.

Также если усыновители смогли преодолеть все трудности и бумажную волокиту и всё же завершили процесс усыновления, возможна отмена усыновления с «подачи» органов опеки и попечительства в судебном порядке. Если родители не справляются со своими новыми обязанностями, то суд вправе отменить усыновление и вернуть ребенка в социальное учреждение [3].

При усыновлении ребенка, являющегося гражданином другой страны, предусмотрен другой порядок, нежели при усыновлении российского ребенка. Кроме смены имени и фамилии, ребенку предстоит сменить гражданство.

Проблемы адаптации детей в новой семье также существуют всегда. К сожалению, наше государство не может обеспечить такие семьи постоянной психологической помощью. По мнению усыновителей, психолог должен оказывать ребёнку (а иногда и родителям) помощь в первый год после усыновления, однако со стороны государства никакой психологической помощи не предоставляется. Проблемы обостряются, если усыновители – иностранцы.

Как показывает практика, усыновление занимает порядка 9-12 месяцев с первого обращения в органы опеки и попечительства. Это связано с юридической стороной вопроса, подготовкой и сбором необходимых документов, проверки усыновителей и многим другим. На сегодняшний день в связи с этим возникает много споров по этому поводу. Общественность делится на два лагеря. Одни считают необходимостью тщательную проверку граждан, выразивших желание усыновить ребенка. Это связано с тем, что внимательность при проверке всех данных усыновителей поможет избежать ряда проблем, которые могут возникнуть впоследствии. Другие категорически против бумажной волокиты и бюрократизации, отмечая при этом нежелание и отрицательное отношение к усыновлению в связи с длительностью всего процесса.

В любом случае усыновление детей иностранными гражданами требует дополнительных мер контроля как со стороны государства, так и со стороны общества, а также тщательно проработанной нормативно-правовой базы и государственной политики в области усыновления.

Библиографический список:

1. Аристова Н.Г. Усыновление/удочерение: ad disputandum // Актуальные проблемы семей в России / ред. Т.А. Гурко М.: Институт социологии РАН, 2006.
2. РИА Новости – Справки – Усыновление российских детей иностранными гражданами [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rian.ru/spravka/20070511/65327962.html
3. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: учебное пособие / под ред. П.Д. Павленка. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2006. – 595с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РАЗВИТИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИМ РЕГИОНОМ И РОССИЕЙ

Калашикова С.М., Мельникова Д.О.

В период активной трансформации современного общества, размывания грани между реальностью и вымыслом возникает особо острая необходимость в изменении его идеологической составляющей, а именно ценностных ориентиров. В социологии под ценностными ориентациями понимаются «идеологические, политические, моральные, эстетические и др. основания оценок субъектом действительности и ориентации в ней, а также способ дифференциации объектов по их значимости» [1, с. 259]. Ценностные ориентации служат опорой в принятии важных решений, определяют основную направленность мотивов поведения. Особенности изменений ценностных ориентаций показывают динамику изменения общества и то, в каком направлении оно развивается. Кроме того, благодаря имеющимся исследованиям возможно прогнозировать действия на будущее.

Современная политическая обстановка отличается обострением противоречий между странами, высоким уровнем существования конфликтов и стремлением стран к укреплению внешнеэкономических и политических связей. Что касается России, то наиболее важными остаются экономические отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Насколько плодотворно осуществляется данная взаимосвязь не только в политико-экономическом аспекте, но и, что более для нас интересно, в социокультурном и осуществляется ли вообще, можно оценить, рассмотрев ценностные направленности и тех, и других.

Россия – одна из крупнейших стран мира по наличию территории, численности населения, а также богатству природных ресурсов и полезных ископаемых. Она многонациональна и включает в себя широкий ассортимент культурных ценностей. Однако в современном «нанотехнологическом обществе» ценностные ориентации отличаются высокой изменчивостью в связи с процессами постоянного модернизирования.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – один из крупнейших политико-экономических регионов, включающий в себя более пятидесяти стран, объединенных экономическими и торговыми отношениями. В состав АТР входят многочисленные промышленные и индустриальные страны. Регион занимает ведущую позицию в мировой торговле и в сотрудничестве с региональными организациями. Несмотря на то, что сотрудничество стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет совершенно разную культуру, ценности и ценностные ориентиры носят общие черты. Во-первых, замена индивидуального «я» на коллективное и общественное «мы» в результате необходимости мирного урегулирования вопросов. Во-вторых, опора на экономическую составляющую общества. И, в-третьих, влияние восточной культуры и традиций. Это заключается, прежде всего, в скромности, групповой лояльности и в стремлении сгладить или избежать конфликтов. Таким образом, в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняется относительная стабильность и неконфликтность на мировой политической арене. Эти черты в совокупности образуют зону благоприятного воздействия, некоего комфортного состояния общества.

Интеграцию ценностных ориентаций между АТР и Россией обуславливает наличие общечеловеческих ценностей и ценностных ориентаций, принимаемых обществом независимо от культуры или конкретного исторического периода, например, таких как жизнь, гуманизм, справедливость и др. И синонимичные им, высшие ценности: «...самая высокая и абсолютная ценность – это сам человек. Человек – это самоценность, абсолютная ценность» [2, с. 16]. Однако формы поведения АТР и России во многом обусловлены различной направленностью ценностных ориентаций. В результате все это в совокупности образует процессы ассимиляции и аккультурации, возникшие в обществе с развитием глобализации. И с точки зрения развития взаимоотношений между АТР и Россией важным является то, насколько распространено каждое из явлений. Ассимиляция культур, когда отличительные признаки одной части социума утрачиваются и заимствуются другой частью, не есть результат положительного взаимодействия, так как каждый из его участников теряет часть своей индивидуальности. Что же касается аккультурации,

проявляющейся в «одновременном процессе и результате взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой» [3, с. 17], то данное явление отражает результат некоего социального единства, проникновение в культурное пространство другого общества.

Россия – полноправный участник структуры АТР. А отношения между АТР и Россией несут в себе положительную направленность, проявляющуюся не только в экономической, но и в культурной составляющей общества.

Таким образом, благодаря лояльной составляющей ценностных ориентаций стран АТР и заинтересованности России в управленческом участии, сотрудничество между ними может иметь долгий и продуктивный характер. Однако то, каким способом будет происходить развитие отношений между ними, какими темпами и каков будет окончательный результат – вопрос времени и обстоятельств.

Библиографический список:

1. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 2006. 720 с.
2. Выжлецов Г.П. Духовные ценности и судьба России // Социально-политический журнал. 1994. № 3. С. 16-21.
3. Кравченко А.И. Культурология: словарь. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО

Карпец О.В., Юрченко Е.С.

Экономические санкции, преследующие формальной целью принуждение страны к выполнению каких-либо договоренностей, на деле, как правило вводятся с намерением причинить объекту как можно больший ущерб. В соответствующей литературе выделяются следующие теории: «инструментальная» [1] подразумевает введение санкций с целью изменения целевой страной экономической политики под угрозой причинения ущерба; «экспрессивная», где предполагается получение морального удовлетворения от противодействия некоторому нежелательному поведению [2; 3].

В ситуации с Россией можно отметить два важных события: вступление страны в ВТО в 2012 г., призванное стимулировать международные отношения, и введение экономических санкций в 2014 г. Одной из ответных мер стала большая чем раньше ориентация на Азию, где Китай является одним из ключевых партнеров. Эти события активизировали научные дискуссии как с точки зрения их влияния на экономику России в целом, так и на различные аспекты российско-китайских отношений. Анализ российской научной литературы показал, что популярными являются оценки влияния обоих событий по отдельности, при этом оценки влияния и дальнейших перспектив для российско-китайских отношений варьируются от очень оптимистичных, до весьма сдержанных [4; 5; 6]. Обзор литературы на китайском и английском языках позволяет сделать вывод, что тема влияния вступления России в ВТО на двустороннее сотрудничество получила гораздо больший резонанс, чем аналогичное влияние санкций [7; 8; 9; 10]. Однако в данных источниках не содержится одновременной детальной оценки последствий двух разнонаправленных политик.

Поэтому у нас возникло два основных исследовательских вопроса: как введение санкций повлияло на развитие российско-китайских отношений, и каким может быть совместное влияние вступления страны в ВТО и введения санкций против нее.

В качестве отправной гипотезы мы выдвинули следующую: влияние санкций на разные сферы экономики России будет различаться, для одних введение санкций будет блокировать эффект от вступления в ВТО, для других – усиливать его.

Для проведения исследования мы отобрали сферы экономики по двум критериям: попадание отраслей из них в список санкционных и высокий оборот (в ценовом выражении).

По хронологии событий можно выделить 3 этапа:

I Точечные санкции в отношении отдельных крупных компаний (нефтегазовый и банковский сектора, ВПК).

II Введение ограничений на торговлю и технологии.

III Углубление санкций в финансовой сфере.

Информационной базой исследования стали статистические данные из отчетов Центробанка РФ, Росстата, Федеральной таможенной службы. Так как после каждого из оцениваемых событий прошло не более двух лет, то были проанализированы поквартальные данные по торговле и инвестициям, а также полугодовые данные по туризму. Масштаб исследования был намеренно ограничен по субъектам – рассматриваются взаимоотношения России только с КНР.

Рассмотрим последствия для каждой из выделенных сфер.

На рисунке 1 представлен товарооборот России-КНР за период с 2012 по второй квартал 2016 гг.

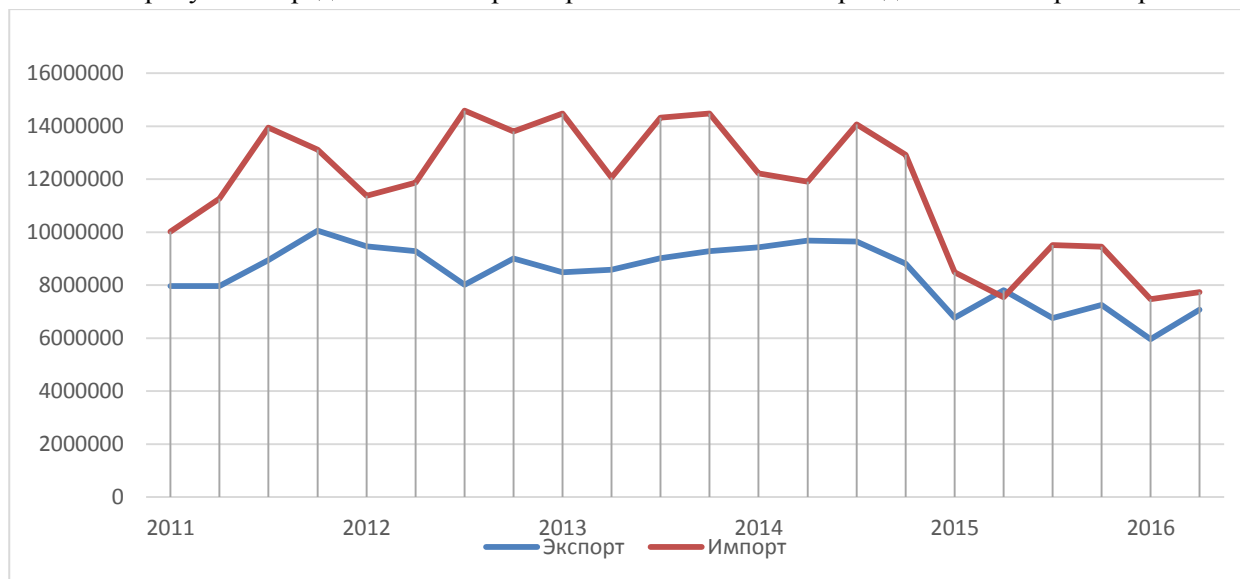


Рисунок 1 – Товарооборот России и КНР (тыс. долл.) Составлено по: [11].

Из рисунка видно, что в товарообороте между странами по-прежнему преобладает импорт из КНР, что отражает стабильность политических отношений между ними. Что касается тенденций, то импорт показал рост, начиная с 2012 г (Россия вступила в ВТО), российский экспорт в КНР держится примерно на одном уровне, а в 2015 г. оба показателя продемонстрировали снижение: экспорт снизился не очень сильно (связано с замедлением экономического роста в КНР), а импорт упал значительно, что объясняется наиболее сильным уровнем девальвации рубля в этот период.

Инвестиционные потоки между двумя странами показали более резкую волатильность (см. табл.1), чем показатели товарооборота.

Таблица 1 – Показатели инвестиционных и туристических потоков между Россией и КНР за период 2012-2016 гг.

Инвестиции (млн долл.)											
Год	2011		2012		2013		2014		2015		2016
Полугодие	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I
Из России	13	7	21	42	7	7	45	10	9	2	9
В Россию	51	75	282	168	181	416	1 193	78	284	362	117
Турпотоки (чел.)											

Год	2011		2012		2013		2014		2015		2016
Полугодие	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I
Из России	1 063 042	1 369 573	1 013 032	1 299 167	946 263	1 111 547	896 791	1 026 682	491 000	793 000	712000
В Россию	392 696	452 892	436 925	542 063	478 055	593 460	502 608	622 490	422 000	700 000	458000

Составлено по: [12;13; 14]

У России за рассмотренный период наблюдалось 2 пика инвестиционной активности. Первый произошел в конце 2012 г. и его можно связать с последствиями от вступления страны в ВТО. Второй период оживления инвестиционной активности начинается с середины 2013 года и длится до начала 2014 г., когда начинается обострение политической ситуации вокруг России.

По Китаю с середины 2013 г. наблюдается аналогичная тенденция (сначала серьезный рост инвестиций, потом резкое падение), что также можно связать с напряженной политической ситуацией и проявлением осторожности со стороны китайских инвесторов.

Численность китайских туристов за анализируемый период почти не менялась. По предварительным данным (информационных агентств) в 2016 г., данный поток в целом вырос на 60%, а по некоторым направлениям (в Приморский край) на 85% по сравнению с предыдущим годом [15; 16].

Что касается российских граждан, то после вступления России в ВТО наблюдается постепенное снижение численности, что может быть связано с диверсификацией направлений туристических потоков. Со второго полугодия 2014 года отмечается сокращение туристического потока в КНР (впрочем, как и в другие страны), что обусловлено девальвацией рубля из-за падения цен на нефть и постепенного введения санкций.

Собранные нами данные позволяют выявить отдельные тренды, но оценить влияние какой политики преобладает не представляется возможным.

В результате проведенного короткого исследования мы не выявили стойких выраженных эффектов (положительных или отрицательных) по выбранным сферам. Для товарооборота России-КНР гораздо большее влияние, особенно на импорт из КНР, произвело падение цены на нефть и курса российского рубля, несмотря на то, что изначально можно было предположить положительный эффект от санкций за счет переориентации на азиатские страны.

Наибольшее влияние санкции оказывают на сферу инвестиций в Россию, так как инвестиционная активность должна учитывать политические риски и чутко реагирует на любое усиление напряженности.

Анализ туристических потоков показал, что вступление России в ВТО не послужило сильным дополнительным стимулом для активизации взаимных поездок. Явное отрицательное влияние на численность российских туристов, направляющихся в КНР, оказала девальвация рубля.

Библиографический список:

1. Kaempfer William H., Lowenberg Anton D. The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach// The American Economic Review, Vol. 78, № 4 (Sep., 1988), pp. 786-793. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1811175>
2. Galtung J. Pacifism from a Sociological Point of View // Journal of Conflict Resolution, March 1959, 3, 67-84.
3. Lundborg, Per, The Economics of Export Embargoes: The Case of the U.S.-Soviet Grain Suspension, London: Croom Helm, 1987.

4. Барабанов С.С., Сергиевская, Е.А. Китайские инвестиции как ключевой фактор поддержки и развития российской экономики в условиях санкций Запада // Инновационная наука. 2016. № 1-1(13). С. 169-172.
4. Горбунова М.Л. и др. Потенциал развития российско-китайских политических и экономических отношений на современном этапе // Власть. 2015. № 11. С. 21-28.
5. Ареева М.В. Прочность российско-китайских отношений в режиме антироссийских санкций // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 161-165.
6. Mau V., Ulyukaev A. Global crisis and challenges for Russian economic development // Russian Journal of Economics. 2015. vol. 1. pp. 4-29
7. 蒋培元. 俄罗斯加入WTO对中俄贸易关系的影响及对策分析 (Цзян Пэйюань. Влияние вступления России в ВТО на российско-китайские торговые отношения и анализ возможных ответных мер) // 国际经贸. 2014. 第14期. 页. 48
8. 穆丹萍. 入世后的俄罗斯经济及中俄合作前景 (Му Даньпин. Российская экономика после вступления в ВТО и перспективы российско-китайского сотрудничества) // 国际经济合作. 2013. 第6期. 页65-68
9. 刘志中. 美欧俄制裁战对中国经济的影响及对策 (Лю Чжичжун. Влияние санкций США и Европы против России на китайскую экономику и ответные меры) // Theory Journal. 2015. No 2. pp. 49-55
10. Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:8199392753597012::NO::>
11. Статистика внешнего сектора [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>
12. Официальная статистика [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/
13. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по туризму. Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/>
14. Ежегодно турпоток в Харбин увеличивается на 10% за счет притока гостей из РФ [Электронный ресурс] / ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/ural-news/3453889>
15. Число туристов из Китая в Приморье за полгода выросло на 85% [Электронный ресурс] / ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/3444198>

КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Коваленко С.В., Меньшиков М.Ю.

В статье представлены результаты социологического опроса уровня удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в Приморском крае, проведенного в 2016 г. Рассматриваются вопросы, связанные с востребованностью государственных и муниципальных услуг у населения, оценкой качества их предоставления, отношением респондентов к использованию возможностей многофункционального центра, а также проблемы в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг.

В Российской Федерации реализуется административная реформа, которая нацелена на повышение качества исполнения государством своих обязанностей перед гражданами и бизнесом [1]. На федеральном уровне обозначены новые приоритеты, одним из которых является повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг. Практика реализации данной политики на региональном уровне сталкивается с проблемой оценки качества государственных услуг, оказываемых органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Данная проблема

требует методологического обоснования и разработки технологии оценки.

Проведение исследования в области оценки качества государственных и муниципальных услуг нашли отражение в работах следующих российских авторов: С.И. Неделько, А.В. Осташкова, С.В. Матюкина, В.Н. Ретинской, И.А. Мурзиной И.Г. Кревского, В.В. Маркина [3], Ю.А. Алексеевой, А.В. Клименко, Филиппова, В.А. Шестакова, В.Н. Южакова [5] и др.

Качество государственной услуги может быть представлено: «1) качеством содержания её конечного результата; 2) качеством получения услуги, связанного с комфортностью и доступностью» [3, с. 99]. Доступность государственной услуги «заключается в оценке простоты и рациональности процесса предоставления услуги, ясности и качества информации, объясняющей порядок и процедуры оказания услуг» [3, с. 106].

В последние годы в Российской Федерации проводился ряд исследований качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг, оказываемых гражданам и бизнесу, среди которых ежегодный мониторинг Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [2].

На наш взгляд, потребности представителей разных социально-демографических групп в государственных и муниципальных услугах неодинаковы и обусловлены определенными жизненными ситуациями. Так, для молодого поколения (до 30 лет) свойственна потребность в услугах, связанных с активной жизненной позицией. Это регистрация брака, рождения ребенка, получение заграничного паспорта, получение водительского удостоверения. Представители старшего поколения (50 лет и старше) чаще обращаются за услугами социального характера: оформлением (перерасчетом) пенсии, получением субсидий (льгот) на оплату жилья и услуг ЖКХ [6].

В данном исследовании представлены результаты социологического опроса по качеству предоставления государственных и муниципальных услуг, целью которого являлось выявление уровня удовлетворенности качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг среди участников «Высшей народной школы ДВФУ» в г. Владивостоке. Было проанкетировано 100 человек в возрасте от 26 лет и старше. Респондентам предлагалось ответить «удовлетворен», «не удовлетворен» или «затрудняюсь ответить» качеством предоставляемых услуг (рис. 1).

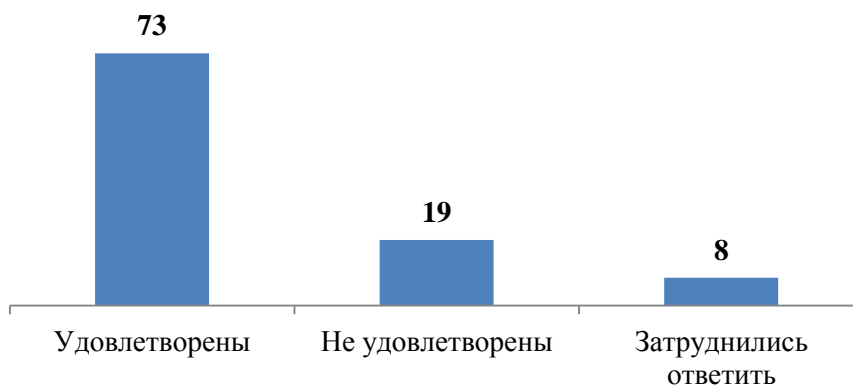


Рисунок 1 - Общая удовлетворенность населения г. Владивостока качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в 2016 году, %

Безусловно, высокая удовлетворенность населения связана с обширной работой по совершенствованию системы оказания услуг органами власти всех уровней. Реализуются проекты по разработке и внедрению административных регламентов и стандартов услуг, расширению сети учреждений, централизованно предоставляющих государственные и муниципальные услуги (МФЦ), а также по внедрению в процесс оказания услуг новых технологий, таких как организация Единого портала государственных услуг.

Данные нововведения направлены на упрощение процедуры предоставления услуг, снижение временных, организационных и финансовых издержек заявителей. Для граждан особенно важно, чтобы процесс получения любой услуги был понятен и организован, чтобы их материальные и

временные затраты были минимизированы, а нахождение в учреждении, предоставляющем услугу, было комфортным.

Однако любая услуга неотделима от источника ее предоставления – конкретного органа власти, его представителей, контактирующих с заявителями, условий, созданных для посетителей, нормативных параметров услуг, предоставляемых данным органом власти, и их реализации. Поэтому целесообразно измерять удовлетворенность качеством предоставления услуг, основываясь на совокупности обстоятельств осуществляемого процесса. Среди таких обстоятельств: срок предоставления услуги, время ожидания в очереди, вежливость и профессионализм сотрудников, условия приема заявителей и др. (рис. 2).

Согласно приведенным данным, по всем представленным параметрам качества предоставления государственных и муниципальных услуг преобладают позитивные оценки. Однако сопоставление полученных данных показывает, что граждане значительно лучше оценивают вежливость и профессионализм сотрудников учреждений, оказывающих услуги, чем другие обстоятельства предоставления услуг, выражая, в частности, большую неудовлетворенность временем ожидания в очереди, сроком и стоимостью предоставления услуги.



Рисунок 2 - Удовлетворенность населения основными обстоятельствами предоставления государственных и муниципальных услуг, %

Аналогичные результаты получены при оценке респондентами проблем, с которыми они сталкиваются при обращении за государственными и муниципальными услугами в органы власти и местного самоуправления (рис. 2).

В первую очередь это проблемы, связанные с организацией работы учреждения, предоставляющего услуги, а именно: большие очереди и неудобный для граждан режим работы органа власти, что в процентном соотношении близко к середине или превышает ее (от 54% и до 61%).

Во-вторых, это трудности содержательно-нормативного характера: это и завышенная стоимость услуги, сложные по заполнению формы, а также критичны условия приема заявителей, срок предоставления услуг и доступность получаемой информации (от 66% до 77%).

Введение инновационных способов организации обслуживания населения в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг заслуживает определенного внимания со стороны заявителей.

Из полученных данных проведенного анкетирования можно прийти к такому заключению, что в связи с ежегодным увеличением числа граждан, которые информируются о существующих возможностях получения услуг в многофункциональных центрах, а также с помощью Единого портала государственных услуг необходимо учитывать следующее:

- 1) упрощение процедур предоставления услуг, а также снижение временных,

финансовых и организационных издержек;

2) понятный и хорошо слаженный процесс получения необходимой информации или услуги, для того чтобы снизить материальные и временные затраты для граждан, которые воспользовались услугами многофункционального центра или прибегли к помощи Единого портала государственных услуг.

Приоритетными линиями дальнейшей работы в сфере роста качества и доступности государственных и муниципальных услуг являются сокращение количества повторных обращений и времени ожидания граждан в очередях.

Библиографический список:

1. Административная реформа в России (государственное управление) [Электронный ресурс] // Портал совершенствования государственного управления. Режим доступа: http://ar.gov.ru/%20o_reforme/index.html

2. Исследование общей удовлетворенности граждан качеством деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в части предоставления государственных и муниципальных услуг и осуществления контрольно-надзорных функций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vashkontrol.ru/system/attaches/41/original/>

3. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / под ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. М.: Экскилибрис Пресс, 2008. С. 99-106.

4. Мониторинг качества и доступности государственных услуг – 2015. Центр анализа деятельности органов исполнительной власти ИГМУ ГУ–ВШЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/>

5. Южаков В.Н. Качество государственных и муниципальных услуг: усилия и результаты административной реформы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 52-69.

6. Южаков В.Н. Государственные и муниципальные услуги: характер и качество предоставления // Власть. 2014. № 6. С. 129.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СМИ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН АТР): ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ковтун Г.С., Маслов М.А.

На протяжении всей истории взаимоотношения между различными странами (международные отношения) имели большое значение как для этих стран, так и для мирового сообщества в целом. Международные отношения представляют собой сложный и многогранный социальный феномен, изучением которого занималось и занимается по сей день большое число отечественных и зарубежных ученых – представителей различных наук. Среди российских исследователей выделяются имена: А.В. Пшеворский, А. Баженов, С.А. Ланцов, Г.Ю. Семигин и другие.

Хорошо известно, что на характер международных отношений оказывают влияние различные внутригосударственные факторы. Одним из таких факторов является гражданская активность. Гражданская активность – одна из отличительных черт практически любого демократического общества. Она является своего рода отражением текущих политических и социальных процессов, происходящих в обществе.

В современном информационном обществе СМИ выступают доминирующим средством для двусторонней связи политики и общества. Значимость средств массовой информации проявляется в различных масштабах как на местном и федеральном уровнях, так и на международной арене. С развитием каналов и средств передачи информации гражданская активность проявляется все ярче.

Посредством этих каналов населением планируются разнообразные акции как в поддержку, так и в знак протеста различных общественных, политических явлений и процессов. Иными словами в настоящее время средства массовой информации являются одним из мощнейших инструментов формирования социального пространства.

Гражданская активность основана на принципах полной добровольности и свободы участия. Как правило, она проявляется в контексте гражданской ответственности за последствия своих инициатив перед законом и нравственной — перед окружающими людьми.

Для анализа влияния гражданской активности в СМИ на международные отношения стран АТР нами был использован один из методов качественной социологии: метод опроса экспертов. Исходя из того, что данное исследование носило разведывательный характер, было необходимо иметь компетентные мнения, которые позволили бы, с одной стороны, конкретизировать проблемную сферу, с другой – расширить предметную область для выбора вектора дальнейшего изучения данной проблемы.

Исследование было реализовано в городе Владивостоке в июне 2016 года. Отбор экспертов осуществлялся методом «снежного кома». Всего было опрошено десять экспертов – специалистов в области СМИ и международных отношений. Экспертам было предложено самостоятельно оценить свою компетентность относительно данной проблемы, и высказать свою точку зрения по тем вопросам, которые были направлены на решение задач исследования. К ним относятся:

1. Определение того, что является гражданской активностью.
2. Выявление форм проявления гражданской активности.
3. Определение существующих каналов СМИ для проявления гражданской активности.
4. Выявление доминирующих каналов СМИ для проявления гражданской активности.
5. Определение стран АТР, представители которых наиболее ярко проявляют гражданскую активность в СМИ на международной арене.
6. Выявление того, как отражается гражданская активность в СМИ на международных отношениях.
7. Установление того, какое влияние гражданская активность в СМИ оказывает на международные отношения.

К поставленным задачам, был сформулирован ряд гипотез:

1. Предположим, что гражданская активность – это одна из основных форм проявления отношения общества к текущим социальным и политическим процессам.
2. Предположим, что к основным формам проявления гражданской активности относятся митинги.
3. Предположим, что каналами СМИ для проявления гражданской активности являются: Интернет, телевидение и печатные издания.
4. Предположим, что доминирующим каналом СМИ для проявления гражданской активности является Интернет.
5. Предположим, что гражданская активность в СМИ способствует возникновению интереса к проблемам международных отношений.
6. Предположим, что гражданская активность в СМИ благоприятно влияет на международные отношения.

Интерпретируя полученные в ходе исследования данные, можно сделать вывод о том, что большинство экспертов определяют гражданскую активность как участие граждан в жизни страны, форму проявления отношения общества к текущим политическим и социальным процессам. При этом эксперты отметили, что главным компонентом гражданской активности выступает желание индивидов выразить свое мнение по поводу происходящих политических и социальных процессов в обществе. Кроме этого, эксперты отметили, что такие компоненты, как четкая осознанность своей гражданской позиции, интерес к текущим процессам в обществе, желание решить определенные социальные проблемы также имеют большое значение.

По результатам опроса экспертов можно сделать вывод и о том, что доминирующим каналом СМИ для проявления гражданской активности в настоящее время является Интернет. Кроме этого, гражданская активность может проявляться через телевидение, печать и радио.

Большинство экспертов отмечают, что гражданская активность проявляется не только через СМИ, но и через партии, различные митинги и протестные движения. Это свидетельствует о том, что индивиды имеют возможность выражать свое мнение, используя различные формы и средства и формы.

Большинство экспертов считают, что гражданская активность отражает интересы и взгляды общества, а не интересы государства, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что чаще всего именно государству приходится прислушиваться к мнению общества, а не наоборот.

Эксперты отмечают, что из стран АТР наиболее ярко проявляют гражданскую активность в СМИ жители России и США. Они объясняют это тем, что Россия и США относятся к наиболее влиятельным странам мира, постоянно соперничающим между собой в различных сферах, в том числе и в сфере информации. Наименее активной страной по данному показателю является Китай. На взгляд экспертов, это связано с тем, что в данной стране запрещены такие социальные сети, как Facebook, Twitter, YouTube, Instagram и многие другие сервисы, посредством которых население практически всего мира может как получать информацию относительно различных политических и социальных процессов, так и высказывать свое мнение по той или иной проблеме.

Также большинство экспертов считают, что гражданская активность в СМИ положительно отражается на международных отношениях, так как объективность информации, получаемой из официальных новостных источников можно проверить, проведя анализ высказываний представителей той или иной страны.

Подводя итог, можно отметить, что гражданская активность в СМИ – это выражение мнений общества, которое чаще всего проявляется посредством Интернет-ресурсов. Данное явление благоприятно отражается на международных отношениях, так как способствует наиболее «прозрачной» деятельности лидеров той или иной страны. Однако гражданская активность довольно сложное и противоречивое явление, которое развивается вместе с изменением ситуации в отдельных странах и в мире в целом, с развитием каналов СМИ. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования в данной сфере.

Библиографический список:

1. Баженов А.М. Социология международных отношений: учеб. пособие. М.: ЦСПиМ 2013. 300 с.
2. Засурский Я.Н. Средства массовой информации России: учеб. пособие для ВУЗов. М.: Аспект Пресс, 2002. 167 с.
3. Политология. Словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/104/>
4. Прохоров Е.П. Свобода СМИ в журналистской деятельности // CREDO. 2000. № 20. С. 2-8.
5. Прохоров Е.П. Свобода СМИ в журналистской деятельности: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс 2001. 214 с.
6. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: ИНИОН, 2007. 320 с.

РОЛЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30- 90-Е ГГ. XX ВЕКА *

Колесниченко К.Ю.

Одной из важнейших особенностей развития Дальнего Востока СССР и России в 30-е – 90-е гг. XX века было постоянное присутствие здесь мощной военной группировки, масштабное оборонительное и прочее военное строительство.

Обострение борьбы ведущих мировых держав за господство в Китае в первой половине 30-х гг. XX века стимулировало активное наращивание оборонного потенциала на Дальнем Востоке СССР, включая увеличение численности военнослужащих. Если в 1930 г. при общей численности населения Дальнего Востока в 1,7 млн человек численность Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) составляла немногим более 40 тыс. военнослужащих (около 2,5% к общей численности населения), то к началу 1939 г. в Хабаровском крае проживало 1 млн 310 тыс. человек, а в Приморском – 906,8 человек [9, с.232-233], а к началу 1939 г. - 479 тыс. военнослужащих или более 21% к общей численности населения Дальнего Востока [2, с.155]. При этом военнослужащие в общей численности населения не учитывались, но всегда рассматривались советским руководством в качестве демографического ресурса для данного региона.

Советское политическое руководство предпринимает ряд мер по закреплению военнослужащих, проходивших службу на Дальнем Востоке, на постоянное место жительства в данном регионе. В 1929-30 гг. началась реализация программы расселения красноармейцев, демобилизованных из ОКДВА и других военных округов, а также членов их семей в красноармейских колхозах, создававшихся в приграничных районах Дальневосточного края. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г. предполагалось обеспечить переселение и устройство в красноармейских колхозах ДВК не менее 40 тыс. демобилизованных красноармейцев [7, Л.5]. Однако в силу ряда существенных недостатков эффективность программы красноармейского переселения была невысокой: к концу 1932 г. из прибывших в 1930-1932 гг. 8 134 красноармейцев в колхозах ДВК осталось лишь 1 476 человек [3, Л.7].

С целью повышения эффективности программы красноармейского переселения первый заместитель наркома обороны, начальник Политуправления РККА, председатель комиссии ЦК ВКП (б) и СНК СССР по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока Я.Б. Гамарник и командующий ОКДВА В.К. Блюхер выдвинули идею о создании Особого Колхозного корпуса численностью до 60 тыс. человек [5, с. 234, 255].

Обширные пространства Дальнего Востока наряду со слабо развитой промышленностью и транспортной инфраструктурой привели к возникновению специфических форм участия военных в хозяйственно - экономическом освоении региона: в 30-е гг. на Дальнем Востоке помимо вышеупомянутого Особого Колхозного корпуса функционировали Отдельный корпус военно-строительных частей, Особый корпус железнодорожных войск и т. д. Ни одна из сфер региональной экономики не обходилась без участия военных, причем помимо обеспечения потребностей военной группировки и оборонно-промышленного комплекса, военные решали задачи в интересах экономического развития Дальнего Востока (строительство транспортной инфраструктуры и различных промышленных объектов, помощь сельскому хозяйству).

Согласно результатам всесоюзной переписи населения, проведенной осенью 1939 г., численность военнослужащих 1-й Отдельной Краснознаменной армии, дислоцированной в Приморье, составляла 324, 3 тыс. человек, 218,5 тыс. человек имелось в составе 2-й Отдельной Краснознаменной армии, части которой размещались в Хабаровском крае, численность Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии достигла 85,9 тыс. человек [1, Л.136-138]. В общей сложности в 1939 г. на Дальнем Востоке проживало около 2,6 млн. человек [1, Л.136-138], включая пенитенциарное население региона численностью более 540 тыс. человек [10, с.151].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-11174 «Метакультурный потенциал сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии как ресурс её национальной безопасности»)

Количество военнослужащих составляло более 650 тыс. человек (с учетом пограничных и внутренних войск НКВД), итого около 3 200 тыс. человек, из которых примерно 20% составляли военнослужащие, более 18% заключенные.

К июню 1941 г. численность военнослужащих Дальневосточного фронта составляла 431 600 человек, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии -127 тыс. человек, пограничных войск НКВД – около 30 тыс. человек [9, с.150-151]. Численность гражданского населения составляла 1 589 500 человек в Хабаровском крае и чуть более 1 млн человек в Приморье [9, с.232-233].

В годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. численность гражданского населения Дальнего Востока неуклонно сокращалась, а количество военнослужащих постепенно возрастало. Наиболее ярко сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать на примере Приморского края: в 1941-1942 гг. здесь проживало около 1 млн чел., а в 1943- 1945 гг. - около 900 тыс. чел, при этом общая численность военнослужащих в Приморье в середине 1944 г. составляла более 500 тыс. чел., а к середине 1945 г. достигла 650 тыс. чел. [9, с.233]. К середине 1945 г. общая численность военнослужащих на Дальнем Востоке достигла 1 млн человек или около 25% всего населения региона [10, с.124].

В послевоенные годы приграничное положение региона, а также напряженная международная обстановка по-прежнему заставляли держать здесь мощную военную группировку, хотя ее численность и была сокращена почти в три раза по сравнению с периодом военного времени. Как отмечают авторы многотомной «Истории Дальнего Востока России» со ссылкой на работу американского историка Д. Стефана, в конце 40-х-начале 50-х гг. прошлого века в регионе дислоцировалось около 400 тыс. военнослужащих в сухопутных войсках, около 40 тыс. в ВМФ и 50 тыс. в войсках НКВД, что составляло почти 12% населения Дальнего Востока [10, с.353-354]. При этом численность населения Дальнего Востока составляла 3 млн 378 тыс. человек [11, с.208].

Дальнейшее увеличение численности военной группировки было обусловлено приграничным положением региона, близостью вероятных противников (Республики Корея, Японии, военных баз США в зоне Тихого океана). Обострение советско-китайских отношений во второй половине 60-х гг. XX в. в очередной раз потребовало экстренных мер по наращиванию оборонного потенциала региона.

С учетом всех вышеупомянутых тенденций численность военнослужащих на Дальнем Востоке в 60-е-80-е гг. оставалась стабильно высокой: численность Тихоокеанского флота в конце 80-х гг. составляла около 135 000 военнослужащих и 60 000 гражданских служащих [12, с.151]. По данным «Белой книги по вопросам обороны Японии», изданной в 1992 г., по состоянию на 1 января 1992 г. российские сухопутные войска на Дальнем Востоке имели в своем составе 320 000 чел. [4, с.78].

Таким образом, на протяжении XX века военнослужащие составляли значительную часть населения Дальнего Востока России, оказывая существенное влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы в данном регионе.

Библиографический список:

1. Головин С.А. Основные тенденции миграционной политики государства на Дальнем Востоке России в 1920-е -1930-е гг. Преподаватель XXI век. 2008. № 2.
2. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. С.155.
2. Государственный архив Хабаровского края, Ф.П-2.Оп.1. Д. 420. Л.7.
4. Дятлов В.В. Дальневосточный военный округ в условиях военной реформы (1986-2003 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.02, Комсомольск-на-Амуре, 2006.
5. Дубинина Н.А. Дальний Восток Яна Гамарника. Документально - историческое повествование. Хабаровск: 2011.С.234-255.
6. Вологодина Е.С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х гг. XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10. История. Вып. 39.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф.17. Оп.3. Д.790. Л.5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/>
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф.17. Оп.3. Д.877. Л.18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/>
9. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Хабаровск, ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. С. 47; 232-233.
10. История Дальнего Востока России. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945-1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2009.
11. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / под общей ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭДВО РАН, 2014.
12. Москалев Н.Г. Страницы истории Тихоокеанского флота России: научно- популярный очерк (издание 2-е, исправленное и дополненное). М.: Морской простор, 2008.

СИСТЕМА УЧЁТА ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ В КИТАЕ

Кондратенко Г.В.

Исследования внутренней миграции в КНР стали научно легитимными и открытыми только в конце 1980-х гг. Исследователи совпадают в оценках качественных показателей внутренней миграции в КНР и приходят к схожим выводам, но оценки количественных показателей расходятся, и нередко разброс цифр по общему количеству мигрирующего населения в стране достигает десятков миллионов человек. Разные источники приводят разные данные по количеству мигрантов в КНР [1; 2].

Система учёта мигрантов в течение трёх десятилетий трансформировалась под воздействием эволюции политики в отношении этой группы населения, изменения статуса этих людей, а также по мере повышения их роли в развитии китайской экономики.

Самым интересным периодом формирования системы учёта мигрантов является конец 1980-середина 1990-х гг. Основными официальными источниками статистической информации по мигрантам в этот период являются «Обследование городской миграции от 1986 г.», «Обследование 1% населения от 1987 г.», «Обследование рождаемости от 1988 г.», Перепись 1990 г., «Обследование 1% населения от 1995 г.» и статистика миграционной активности по системе прописки (хукоу).

Кроме того, учёные, проводившие полевые исследования, а также имевшие возможность работать в Китае на протяжении нескольких десятилетий, тестировали авторские методики подсчёта количества мигрантов, и их данные значительно расходятся с официальными данными. В то же время небольшие обследования могут быть полезны в выявлении механизма процесса миграции и освещении специфического развития в некоторых регионах, но они не очень полезны для построения национальной матрицы [3].

С момента введения в КНР системы прописки в 1958 г. и до середины 1980-х гг. единственным источником статистики по мигрантам была статистика миграционной активности по системе прописки (хукоу). С началом экономических реформ в 1978 г., изменением структуры экономики и ростом урбанизации миграционная активность в Китае резко возросла и прописка стала сдерживающим фактором социально-экономического развития страны. С ростом миграционной мобильности эволюционировала и система учёта мигрантов. Целью данной работы является рассмотрение трёх главных вопросов, с которыми работает исследователь, анализирующий миграционные процессы в Китае и сталкивающийся с большим объёмом противоречивой статистики: 1) различающиеся показатели миграции; 2) учёт движения людей внутри города статистикой хукоу; 3) пространственные структуры миграции.

Естественно, что объём миграции колеблется во времени и пространстве, так как меняются социально-экономические условия. Но разные источники могут использовать различные средства

измерения. Основные национальные данные на самом деле дают широко расходящиеся показатели миграции. Годовые темпы въездной миграции, рассчитываемые по статистике хукоу в середине 80-х гг. дают соотношение 17/18 к 1000, в то время как годовые темпы миграции со сменой хукоу и без смены хукоу, взятые в Обследовании 1987 г. и переписи 1990 г., дают только 6/7 на 1000. Некоторые исследователи склоняются к тому, что в первом случае статистика по системе хукоу учитывает перемещение внутри города [4]. Расхождения и большая несогласованность данных подталкивают исследователя к тому, что систематическое сравнение основных наборов данных должно стать предварительным этапом работ.

Ответ на второй вопрос более очевиден: документы свидетельствуют о том, что хукоу статистика не включает движение внутри города. В предисловии к статистике населения и миграции Министерство общественной безопасности (МОБ) объясняет, что «выезжающими и въезжающими мигрантами являются те, кто движется в/из городов (исключая округа под городским управлением), городков или посёлков» [5, р. 101]. Те, кто меняет адрес места жительства внутри города, городка или посёлка, не учитываются во въездной и выездной статистике. Такие изменения позволяют рассматривать движение населения внутри городов, городков или посёлков и не учитывать в показателях миграции. Одним из способов решения вопроса является сравнение цифр миграции, которые опубликованы в статистике хукоу, с цифрами, приведёнными в обследованиях и переписях. Последние не должны включать данные о передвижении внутри городов при условии, что они являются верными. Если первые значительно выше последних, это поддерживает тот факт, что движение внутри города входит в статистику хукоу.

Изучение пространственных структур является очень важной темой в исследованиях миграции. Исследователей интересуют миграционные потоки в разных географических границах, миграция из села в город и её вклад в рост городов. Мы также можем включить миграционные потоки между территориями и по всей городской иерархии (разделив её на два периода — до 1993 г. и после «переклассификации» городов в стране). Все обследования и Перепись 1990 г. имеют информацию по географическому распределению, хотя и в разной степени. Статистика хукоу на национальном и городском уровнях, зарегистрированных в Обследовании миграции, не включает, например, данные о местах выхода мигрантов. В то же время существует много исследований географического распределения миграции на провинциальном уровне, но нет исследований внутрипровинциального уровня. Это может быть объяснено приоритетом межпровинциальной миграции с точки зрения перераспределения населения и регионального развития или просто отсутствием данных. Информация о миграции по городской иерархии широко доступна, и она является одним из наиболее часто исследуемых аспектов китайской миграции. Неосновные наборы данных, за исключением статистики хукоу, содержат вопросы, касающиеся происхождения городской миграции. Однако сравнение различных наборов является очень сложным из-за несовпадения терминологии, городской реклассификации, роста городов, разницы пространственного охвата, ошибок в формировании выборки и т. д.

Несмотря на то, что все вышеперечисленные основные источники статистики миграции имеют самостоятельную ценность и позволяют делать адекватные выводы о масштабах миграционных процессов в КНР, использование в исследованиях комбинации источников позволяет не только сравнить данные и уточнить пробелы, но и избежать многих скрытых ловушек, неочевидных при обобщении одного набора данных, а также изучить различные перспективы, из которых можно увидеть общую картину китайской миграции.

Библиографический список:

1. Banister J. Provincial Population Size and Interprovincial Migration // China's Changing Population. Stanford 1986. Pp. 301-312.
2. Chan Kam Wing, Li Zhang. The Hukou System and Rural-Urban Migration: Processes and Changes // The China Quarterly. 1990. № 160. Pp. 818-855.

3. Mallee H. In Defense of Migration: Recent Chinese Studies on Rural population Mobility // China Information. 1996. № 1. Pp. 108-140.
4. Zhang Li. Dui hukou qianyi shuiju de renshi (Показатели миграции по статистике хукоу) // Zhongguo renkou kesue. 1999. № 70. С. 42-47.
5. Ta Liu and Kam Wing Chan. National statistics on internal migration in China: comparability problems // China Information 2001. № 15. Pp. 75-113.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

Коньков А.Т.

За период с 1991 по 2015 гг. население Дальневосточного региона сократилось с 8064 тысяч человек до 6195 тыс. человек. Уменьшение численности населения составило 1,869 млн человек или 23,2% [1; 2]. Среди тех, кто покидает российский Дальний Восток, большинство составляют представители славянских национальностей Российской Федерации. Встречный поток мигрантов, прибывающих на Дальний Восток России, представлен преимущественно мигрантами из стран Ближнего зарубежья. В Сахалинской области миграционная ситуация также характеризуется преобладанием мигрантов из стран СНГ, в первую очередь из Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана. Поток мигрантов из КНР в последние два года резко снизился. В составе прибывающих мигрантов представлены следующие группы:

1. Граждане стран СНГ, среди которых лидируют выходцы из трех среднеазиатских республик: Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана. Менее значительную группу мигрантов составляют граждане стран Закавказья.
2. Граждане соседних для российского Дальнего Востока государств: Китая и КНДР, а также граждане Вьетнама.
3. Граждане других стран дальнего зарубежья: Турции, Индии, Афганистана и др.
4. Трудовые мигранты и переселенцы из других регионов России.

Этнические мигранты далеко не всегда способны интегрироваться в принимающее общество. В общем виде интеграция этнических мигрантов не тождественна их обязательному превращению в постоянных жителей принимающего региона. По нашему мнению, адаптация мигрантов в принимающем обществе предполагает выполнение следующих фундаментальных условий:

1. Легальный статус мигранта в стране пребывания. Это условие обеспечивается наличием у мигранта права на работу, вида на жительство или законное безвизовое пребывание в стране. Большое значение имеет наличие разрешения на работу (приглашение на работу или патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью).
2. Культурная интеграция мигрантов (владение ими языком принимающего общества в объеме, позволяющем реализовывать себя в трудовой сфере, повседневном взаимодействии с институтами общества и местным населением; знание и соблюдение общепринятых в российском обществе норм поведения).
3. Вовлеченность мигрантов в социальное пространство принимающего общества (включенность в систему социальных сетей местного населения как внутри миграционного сообщества, так и за его пределами; связи, знакомства, формирующие необходимый социальный капитал мигрантов).
4. Толерантные взаимоотношения между мигрантами и гражданами принимающего общества. Внешним проявлением такой ситуации является сравнительно низкий уровень преступности с участием мигрантов и в отношении мигрантов.

Отметим, что далеко не все мигранты, приезжающие в Сахалинскую область, намерены закрепиться в регионе на постоянное жительство. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, выполненного кафедрой социологии Сахалинского государственного университета среди этнических мигрантов из стран СНГ (Киргизия, Узбекистан,

Таджикистан, Азербайджан, Армения). Объем выборки исследования, проводившегося в августе – сентябре 2016 года, составил 450 человек. Тип выборки – стратифицированная направленная выборка с равным количеством респондентов (90 человек) от каждой из пяти указанных стран. Более половины опрошенных (59,5%) заявили, что они не планируют оставаться на постоянное жительство в Сахалинской области. Около 22% респондентов заявили, что они хотели бы остаться в Сахалинской области, а 18,5% затруднились ответить. С учетом указанных обстоятельств можно констатировать, что проблема интеграции этнических мигрантов в условиях Сахалинской области связана главным образом с поиском адекватных мер реагирования в отношении мигрантов из республик Центральной Азии и Закавказья, желающих закрепиться на Сахалине.

Современное положение этнических мигрантов на Сахалине характеризуется тем, что по одним аспектам интеграция мигрантов происходит успешно, в то время как по другим аспектам интеграция мигрантов практически не происходит.

С точки зрения правового статуса большинство этнических мигрантов законно въезжают в Сахалинскую область в рамках безвизового соглашения или по официальным приглашениям компаний-работодателей. Основной проблемой является нарушение сроков пребывания граждан СНГ в Российской Федерации. Данное обстоятельство предопределяет двойственное правовое положение таких мигрантов: законно въехав на территорию России, многие из них впоследствии становятся нарушителями миграционного законодательства, превышая установленные сроки пребывания на территории России и пополняя нелегальный рынок труда.

На легальном сегменте рынка труда у иностранных мигрантов есть возможность приобрести законный статус через получение патента на занятие трудовой деятельностью в Российской Федерации. Часто сферами занятости этой группы мигрантов становятся: общественный транспорт, сфера бытовых услуг, общественное питание, сельское хозяйство.

В социально-культурном отношении степень интегрированности в российское общество у мигрантов из разных стран неодинакова. Одним из показателей социальной адаптации мигрантов является наличие у них устойчивых социальных связей за пределами собственного этнического сообщества. По данным упомянутого выше выборочного опроса, имели друзей среди местного населения не из числа представителей собственной этнической группы 46% респондентов, в том числе 92% опрошенных армян, 88% азербайджанцев, 55% киргизов, 40% таджиков, 34% узбеков. Степень включенности мигрантов в социальные связи за пределами собственного этнического сообщества позитивно связана с двумя факторами: знанием русского языка и длительностью проживания на Сахалине.

Азербайджанская и армянская диаспоры на Сахалине являются относительно «старыми», сформировавшимися еще в советское время. Сегодня они пополняются главным образом за счет мигрантов, имеющих хороший уровень владения русским языком. Миграция на Сахалин граждан государств Центральной Азии является сравнительно новым явлением, приобретшим массовый характер в начале XXI века. Как правило, мигранты из этих государств являются выходцами из сельской местности, они имеют низкий уровень образования, плохо владеют русским языком. Все эти обстоятельства делают интеграцию граждан государств Центральной Азии на Сахалине более проблематичной.

По мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области, создаются предпосылки для формирования в поселенческой структуре Сахалинской области этнических кластеров, сформированных по национальному и территориальному принципу. Подобные этнические кластеры формируются в экономической сфере, где возникают очаги «анклавной экономики» этнических меньшинств [3, с. 650-651].

О степени толерантности принимающего общества в отношении мигрантов в условиях Сахалинской области можно судить по отсутствию выраженной межэтнической конфронтации, отсутствию у местного населения опыта насильственных межэтнических конфликтов. В целом население Сахалинской области отличается низкой степенью актуализации этнических

предрасудков и национальной нетерпимости. Согласно результатам выборочного социологического исследования, чаще других о таких фактах сообщали мигранты из Киргизии (12%), Таджикистана (8%), Узбекистана (6%). Среди выходцев из Армении с подобными проявлениями сталкивались лишь 2% опрошенных, а среди выходцев из Азербайджана – 4% респондентов.

Выполненное нами исследование позволило выделить основные сферы межэтнической напряженности между мигрантами и принимающим обществом в условиях современного российского общества. К ним относятся:

1. Рынок труда в той его части, которая определяется нами как неофициальный рынок труда. Здесь сосредоточены этнические мигранты, утратившие или никогда не имевшие легального статуса для пребывания и трудовой деятельности в Российской Федерации. Субъектами межэтнической напряженности выступают трудовые мигранты и их работодатели, представляющие местное население, а также посредники, представленные легальными мигрантами и местным населением.

2. Розничная торговля, строительство, общественный транспорт. Сегодня эти секторы экономики Сахалинской области в значительной мере трансформировались в анклав этнического предпринимательства. Субъектами межэтнической напряженности здесь выступают этнические мигранты с одной стороны, представители мелкого бизнеса и соискатели рабочих мест из числа представителей этнического большинства, с другой стороны. Полем напряженности выступает конкуренция за контроль мест розничной торговли, демпинг цен и заработной платы, недобросовестная конкуренция.

3. Рынок жилья, в особенности сегмент съемного низкокачественного и ведомственного жилья (общежития), сдаваемого в наём этническим мигрантам. Субъектами межэтнической напряженности выступают местные жители и разные группы этнических мигрантов в данном сегменте рынка жилья.

4. Культурно-бытовая и образовательная сфера. Здесь проявляются различия в бытовом укладе этнических мигрантов и местного населения, недостаточный уровень владения мигрантами русским языком, недостаточное знание и соблюдение ими социальных и культурных норм принимающего общества. Субъектами межэтнической напряженности выступают этнические мигранты и широкие группы населения из числа этнического большинства.

5. Сфера религиозной практики. Субъектами межэтнической напряженности являются этнические мигранты, стремящиеся сохранить традиционные для них религиозные практики, и широкие слои местного населения, не готового к принятию некоторых форм выражения религиозности и соответствующих социальных практик (например, у большей части населения Сахалинской области нет опыта проживания с соседями-мусульманами).

Для предотвращения серьезных межэтнических конфликтов большое значение имеет первичная адаптация этнических мигрантов в рамках полиэтнической культурной среды с возможностью интеграции тех из них, которые находятся в регионе на законных основаниях. В настоящее время интенсивность этнической миграции в Сахалинскую область остается на уровне, не препятствующем аккультурации мигрантов. На наш взгляд, регулирование миграционных процессов в условиях региона, испытывающего отток населения и дефицит трудовых ресурсов, должно опираться на ясное понимание того, сколько и каких мигрантов может принять регион и на каких условиях.

Библиографический список:

1. Портал Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis-2010.ru>
2. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения. (Обновлено 13.09.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

3. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / ed. by Neil J. Smelser and Richard Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 647-671.

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Кориненко С.А.

В условиях безвизового въезда для значительной части иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию, неподготовленности большинства из них к работе и жизни в нашей стране содействие адаптации и интеграции мигрантов является актуальной задачей миграционной политики Российской Федерации.

После вступления нашей страны в августе 2012 года во Всемирную торговую организацию и объединения государств в рамках Единого экономического пространства и Таможенного союза, задача ФМС России по содействию в создании условий для адаптации и интеграции мигрантов, защите их прав, свобод, обеспечению социальной защищенности становится еще более актуальной. Ежегодно в Российскую Федерацию из стран СНГ прибывает большое количество мигрантов.

Безусловно, историческая близость с народами этих государств является благоприятным социокультурным фактором, однако влияние этого фактора снижается. Уже выросло целое поколение молодых людей, которые не учились в советских школах и не знают русского языка.

Важнейшим условием эффективной социальной адаптации и последующей интеграции в общество значительного количества иностранных граждан является знание языка принимающего государства, основ государственно-правового устройства, ценностей, истории, культурных традиций, норм поведения. Обеспечение этого условия не только укрепляет единство общества, препятствует обособлению и сегрегации этнических групп мигрантов, способствует вхождению всех членов общества в единое правовое поле, обеспечению законных интересов, прав и свобод как российских, так и самих иностранных граждан, а также способствует укреплению межнационального мира в российском обществе.

Миграционное законодательство Российской Федерации ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит достаточных мер, способствующих адаптации и интеграции трудовых мигрантов в социально-культурное пространство основного населения страны.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» предусмотрено введение обязательного экзамена по русскому языку, истории России и основ законодательства Российской Федерации для трудящихся-мигрантов, за исключением высококвалифицированных специалистов. В связи с этим с 01 декабря 2012 года вступил в законную силу Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в статью 13.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 27.2 Закона Российской Федерации «Об образовании».

Данный Федеральный закон стал первым этапом введения упомянутого требования и установил норму о владении русским языком мигрантами, прибывшими в Российскую Федерацию в безвизовом порядке и намеревающимися осуществлять трудовую деятельность в сферах жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли и бытового обслуживания. Указанный Федеральный закон впервые ввел в законодательство Российской Федерации норму, направленную на создание условий для адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

В целях реализации задач в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию взаимной толерантности между мигрантами и местным населением, которые были поставлены Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 8 июня 2012 года, УФМС России по Приморскому краю налажено взаимодействие с общественными организациями. Для создания инфраструктуры, обеспечивающей содействие интеграции и адаптации, включая центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры

Российской Федерации в настоящее время УФМС России по Приморскому краю взаимодействует с 15 организациями (объединениями) из них: 9 мононациональных объединений и 6 полинациональных объединений. Наиболее многочисленными являются общественные организации узбеков и киргизов.

В целях содействия адаптации и интеграции мигрантов в российское общество УФМС России по Приморскому краю в текущем году проведены 49 встреч с руководителями (представителями) национальных объединений.

В ходе проведенных встреч обсуждались вопросы:

- агитационных мероприятий, направленных на привлечение мигрантов на адаптационные курсы для иностранных граждан, созданных на базе Дальневосточного федерального университета (далее – ДВФУ) в целях содействия интеграции и развития толерантности в отношениях между местным населением и выходцами из других стран для предотвращения этно-конфессиональных конфликтов и экстремистских выступлений;

- оказания своевременной помощи в легализации иностранных граждан, прибывших из Украины;

- соблюдения трудовыми мигрантами законодательства Российской Федерации.

Вручены для последующего распространения среди соотечественников представителям Узбекского, Кыргызского, Азербайджанского и Таджикского национальных объединений разработанные УФМС России по Приморскому краю памятки иностранному гражданину:

- о порядке получения сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства и требованиях при сдаче комплексного экзамена;

- о порядке оформления патента с 01.01.2015 года иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

В результате совместной деятельности УФМС России по Приморскому краю и ДВФУ на постоянной основе организованы курсы русского языка для трудовых мигрантов на базе Центра русского языка и культуры Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Цель обучения – владение русским языком на уровне не ниже базового.

В 2014 году прошли обучение русскому языку 21 иностранный гражданин.

После подписания 28 февраля 2013 года 5-стороннего Соглашения о сотрудничестве между Школой региональных и международных исследований ДВФУ, Школой гуманитарных наук ДВФУ, УФМС России по Приморскому краю, Общественно-консультативного совета при УФМС России по Приморскому краю и Владивостокской епархией Русской Православной Церкви, направленного на принятие мер по адаптации, интеграции и информационной поддержке иностранным гражданам и лицам без гражданства, организовано проведение двухмесячных адаптационных курсов для мигрантов. Занятия проводят преподаватели и студенты ДВФУ, сотрудники УФМС России по Приморскому краю и УМВД России по Приморскому краю, представители епархии. В программу курса включены занятия по русскому языку, культуре, религии, о традициях и обычаях русского народа, толерантности, основах миграционного, административного и уголовного законодательства Российской Федерации. Группа адаптационных курсов для мигрантов в марте-апреле состояла из 17 иностранных граждан, прибывших из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана [1].

В Приморском крае сделано немало для того, чтобы выстроить эффективную государственную политику в сфере миграции населения. В рамках концепции государственной миграционной политики РФ уже осуществляются мероприятия для улучшения состояния этой самой политики. Приняты законы и поправки, ведется работа по адаптации мигрантов, реализуются государственные программы.

Библиографический список:

1. ДРОНД УФМС России по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fmsp.ru/docs/drond.pdf>

МОТИВАЦИЯ И УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВОМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УЛАН-УДЭ)

Котоманова О.В.

Современные женщины все больше стремятся стать независимыми и самостоятельными, способными принимать сложные решения как в обществе, так и в семье. Они активно участвуют в распределении ролей в стереотипно представляемых мужских видах деятельности, таких как политика (политические партии и движения), экономика (крупный и средний бизнес), государственное и муниципальное управление (на всех уровнях управления). В нашем обществе на протяжении последних нескольких лет образ деловой женщины представлен как умная, сильная и целеустремленная леди, постоянно расширяющая сферу своей профессиональной деятельности.

Еще 10 лет назад президент общероссийской общественной организации «Российская академия бизнеса и предпринимательства» Ирина Горбулина отмечала в интервью: «В настоящее время каждая третья работающая россиянка занимается бизнесом, а у 25% женщин уровень доходов выше, чем у их коллег-мужчин. Малые предприятия в России оказались сегодня «с женским лицом». Что касается будущего, то, по оценкам экспертов, к 2020 году около 40% россиянок возглавят частные корпорации. Наиболее ярко женщины представлены на государственной службе, что составляет почти 70%» [1]. При этом именно женщины ежедневно решают многочисленные практические вопросы жизни и быта миллионов россиян. На этом уровне активно реализуется тактика «малых дел и микро-проектов», свойственная женскому стилю управления на муниципальном уровне.

Так, в структуре государственного аппарата количество мужчин на руководящих должностях высшего и среднего звена уменьшилось почти в два раза за пятнадцать лет. Аппарат исполнительной власти, напротив, все больше феминизируется. На федеральном уровне и в субъектах Федерации женщины в исполнительных органах власти составляют 70%, в органах местного самоуправления 75%. В органах законодательной власти женщин 55%, в органах судебной власти и прокуратуры по 68%. На уровне субъектов РФ судебная власть и прокуратура на 83% - «женская» [2].

Значительные перемены, происходящие как в экономической, так и социально-культурной жизни нашего общества требуют глубокого осмысления и поиска эффективных путей преодоления различных гендерных проблем. Важнейший и до сих пор неостребованный резерв социально-экономического развития нашего региона составляют именно женщины с их энергией умов, идей, опыта и профессионализма. В сочетании с высокой социальной ответственностью женщин за принимаемые ими решения эти качества могли бы дать мощный импульс позитивному развитию страны во всех сферах деятельности. Однако этот ресурс часто используется как резервный, дополнительный к основному вкладу мужчин в инновационное развитие общества.

В постиндустриальном обществе до сих пор господствует точка зрения «мужчина - генератор, а женщина – стабилизатор всех изменений в обществе и семье», когда первую и главную роль отдают мужчине, а женщине по-прежнему отводится второстепенная роль. При этом к женщинам предъявляются высокие требования участия в жизнедеятельности общества, их профессиональному поведению, социальному статусу, праву управления в организации, семейным обязанностям. Однако возможности женщин часто ограничиваются стереотипами, которые так распространены в нашем обществе. Если женщина полностью посвящает себя работе, то в представлении как мужчин, так и самих женщин она карьеристка, у которой нет семьи и детей. «Мужчины отрицают или не допускают возможность хорошего женского руководства. Женщина должна заниматься домом и детьми, а если этого занятия нет, то пусть приложит все усилия и создаст семью» [3, с.131].

С целью выявления мотивации и участия женщин в управлении обществом было проведено пилотное социологическое исследование в г. Улан-Удэ в 2015-2016 гг., в котором приняло участие 600 человек, из них 360 женщины (60%) и 240 мужчин (40%) (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение участников исследования по полу и возрасту

возраст пол	от 25-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	старше 56 лет
мужчины	20%	35%	30%	15%
женщины	25%	25%	30%	20%

В итоге среди опрошенных респондентов равное количество мужчин и женщин представлено в возрасте от 46-55 лет, что является ярким отражением демографической ситуации в нашем городе и подтверждает факт наличия основной рабочей группы в сфере производственных отношений. Кроме того, в исследовании приняли участие в основном лица трудоспособного возраста (см. табл. 2).

Таблица 2 - Распределение участников исследования по социальному статусу

статус пол	служащий	рабочий	менеджер среднего звена	Предприниматель	ведет домашнее хозяйство
мужчины	30%	20%	20%	30%	-
женщины	30%	12,5%	27,5%	25%	5%

Таким образом, в социальном положении равномерно представлены среди женщин и мужчин служащие, рабочих и предпринимателей больше среди мужчин, а женщин-менеджеров больше в сфере среднего звена, и, конечно, домохозяйек. Достигнутый социальный статус мужчин никак не связан с ведением домашнего хозяйства, что обусловлено и предписанным социальным статусом мужчины в обществе.

В исследовании мы рассматривали мотивацию как процесс, который обеспечивает регулярное выполнение женщинами и мужчинами желаемых действий для повышения качества работы на предприятии и в управлении организацией (фирмой, подразделением). При этом основными критериями мотивации выступили: условия работы и ресурсы, признание, взаимоотношения и ответственность.

Гендерный выбор участников исследования показал следующие предпочтения: у мужчин на первом месте стоят ресурсы кадрового потенциала работников и ответственность при выполнении задания, так ответили 40% респондентов, на третьем месте условия работы - 35% и далее ранжированы были признание и взаимоотношения с коллегами - 25% респондентов. Женщины, напротив, на первое место поставили условия работы - 40%, на втором месте признание и взаимоотношения с коллегами – 30%, далее ответственность – 20%, а вот ресурсам отдали предпочтение только 10% участников. Мотивация женщин, как видно по результатам исследования, основана на условиях работы, где женщины уделяют внимание доступности, режиму работы, наличию свободного времени и перерывов в работе. Признание и взаимоотношения с коллегами являются нематериальной мотивацией, но при этом заслуживают особого внимания, так как для женщин наиболее важны: коммуникабельность, поддержка и отношения коллег.

В исследовании мы выяснили, что в настоящее время 35% женщин не чувствуют себя социально защищенными. Это объясняется тем, что переживаемый российским обществом кризисный этап реализации экономических реформ затронул такие важные сферы жизнедеятельности, как воспроизводство и здоровье людей, уровень и качество жизни, занятость и психологическое состояние населения. В первую очередь от этого пострадала женская часть населения, так как она оказалась меньше социально защищена со стороны государства.

Результаты опроса показали, что на степень согласия – несогласия респондентов влияют такие факторы, как пол, образование, род деятельности. Так, среди опрошенных женщин почти в 2 раза больше, чем среди мужчин, не согласных с «естественным», традиционным взглядом на предназначение женщины. Наиболее традиционно воспринимают идеальную роль женщины

мужчины – рабочие и служащие. Среди опрошенных женщин наименее традиционно рассматривают женскую роль респонденты, занятые в сфере бизнеса (30%), на что оказывает влияние характер их работы.

Большинство женщин–респондентов (50%) ответили, что их сфера деятельности определяется социальным достижением, 30% - интеллектом, творческими способностями, креативными подходами к работе и 20% - природным предназначением. У мужчин несколько иная точка зрения: 40% высказались за социальные достижения, 30% посчитали природное предназначение, 20% - интеллектом, творческими способностями, нестандартными решениям и 10% сфера занятости женщин зависит от занятости в обществе мужчин.

Карьерный рост женщин в системе управления подчеркивает сложившуюся дискриминацию, пол является препятствием для женщин, так ответили 40% женщин. С тезисом «Роль женщин в принятии решений, значительно ниже, чем роль мужчин» согласны 40% респондентов-мужчин и 50% женщин, которые считают, что низкой доле женщин в принятии решений способствуют сложившиеся в обществе гендерные стереотипы относительно деловых качеств женщины. «Признак пола» поставили как аргумент 30% мужчин и 25% женщин. Далее 20% мужчин и лишь 5% женщин (в основном домохозяйки) считают, что заниженная самооценка самих женщин ведет к их низкому участию в принятии решений; административные методы (где главную роль в принятии решений отдают мужчинам, а не женщинам) назвали 10% мужчин и 20% женщин-респондентов.

Сравнив полученные результаты, видно, что обе группы респондентов объясняют низкую роль женщины в принятии решений сложившимися стереотипами в оценке деловых качеств женщины. Необходимо отметить тот факт, что доля опрошенных мужчин считающих, что заниженная самооценка женщин способствует их низкому участию в процессе принятия решений значительно выше, чем у самих женщин. Женщины по-прежнему мало представлены на всех уровнях процесса принятия решений и их достижения слишком часто остаются незаметными и непризнанными, а их голос не услышанным. Предстоит еще многое сделать не только для включения женщин в состав управленческих структур, но и для усиления их влияния на процесс принятия решений.

Изменение гендерных стереотипов процесс длительный и сложный. Тем не менее, происходит постепенная трансформация взглядов относительно социального статуса женщины и равенства в принятии решений. Такие факторы, как пол, возраст и образование оказывают наиболее существенное влияние на изменение гендерных представлений и установок.

Библиографический список:

1. Андроникашвили К. Российский бизнес с женским лицом <http://www.ex.ru/content/>
2. Почти половина руководителей российских компаний – женщины. Социологические исследования. Grant Thornton. http://www.gtrus.com/main_ru
3. Котоманова О.В. О равных правах и возможностях руководителей (мужчин и женщин) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия. Психология. Социальная работа. 2014. Вып. 5. С.130-134.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И СТРАН АТР: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ*

Кочева Е.В.

В настоящее время достаточно актуальным при оценке экономического развития страны является анализ межотраслевых связей. Одним из основных инструментов для анализа

*Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № 26.1478.2014/К «Структурные преобразования экономики России посредством интеграционного встраивания в отраслевые рынки АТР»

межотраслевых связей является построение межотраслевого баланса страны, в котором отражены процессы формирования и использования валового выпуска в отраслевом разрезе, иными словами, сопоставление производственных возможностей с потребностями национальной экономики. Теория «Межотраслевого баланса» была разработана в США В.В. Леонтьевым как действенный инструмент при анализе и прогнозировании структурных взаимосвязей в экономике и получила широкое распространение во многих странах мира [1]. Однако при построении межотраслевых балансов имеются определенные методологические сложности, обусловленные неполнотой статистической информации в особенности международной номенклатуры видов экономической деятельности, и подробно описанных в работах Э.Ф. Баранова, И.А. Кима, Д.И. Пионтковского, Е.А. Старицыной, И.Д. Масаковой [2; 3]. В числе проблем также можно выделить определённые затруднения в методологии расчета ряда показателей по отраслям и видам экономической деятельности, поскольку данные публикуются со значительным опозданием в два-три года, что не позволяет в современных условиях детализировать информацию.

Нами были составлены межотраслевые балансы России и стран АТР с учетом потоков товаров и капиталов между странами с использованием данных текущей национальной статистики, в том числе таблицы ресурсов и использования товаров и услуг, систем национальных счетов (SNA), международных баз статистических данных и др. На основании построенных межотраслевых балансов нами была разработана методика оценки эффективности использования всех видов имеющихся ресурсов в различных сферах экономики России и ее крупнейших партнеров в АТР: Китая, США, Японии и Южной Кореи по 34 видам экономической деятельности.

В основе методики лежит расчет следующих показателей:

– *доля импортной продукции всех видов экономической деятельности, потребляемой предприятиями и организациями в конкретном виде экономической деятельности (1):*

$$Q_j = \frac{\sum_{i=1}^n C_{IMij}}{\sum_{i=1}^n IC_{ij}} \cdot 100\% \quad (1)$$

где Q_j – доля потребления импортной продукции в j -ом виде экономической деятельности в общем объеме промежуточного потребления отрасли j ; C_{IMij} – объемы потребления импортной продукции, необходимой для производства товаров и услуг в j -ом виде экономической деятельности; IC_{ij} – общее промежуточное потребление отрасли j .

– *доля импортной продукции конкретного вида экономической деятельности, необходимой для производства товаров и услуг по всем видам экономической деятельности (2):*

$$S_i = \frac{\sum_{j=1}^n R_{IMij}}{\sum_{j=1}^n R_{IMij} + \sum_{j=1}^n DR_{ij}} \cdot 100\% \quad (2)$$

где S_i – доля импортной продукции i -го вида экономической деятельности, необходимой для производства товаров и услуг по всем видам экономической деятельности; R_{IMij} – объемы импортной продукции i -го вида экономической деятельности, необходимые для производства товаров и услуг всех видов экономической деятельности; DR_{ij} – объемы собственной продукции i -го вида экономической деятельности (собственные произведенные ресурсы), необходимые для производства товаров и услуг всех видов экономической деятельности.

– *доля конечного потребления импортной продукции в общем объеме конечного потребления (3):*

$$K_i = \frac{\sum_{j=1}^n FC_{IMij}}{\sum_{j=1}^n FC_{IMij} + \sum_{j=1}^n DFC_{ij}} \cdot 100\% \quad (3)$$

где K_i – доля конечного потребления импортной продукции по i -му виду экономической деятельности в общем объеме конечного потребления; FC_{IMij} – объемы конечного потребления импортной продукции по i -му виду экономической деятельности; DFC_{ij} – объемы конечного потребления собственной произведенной продукции по i -му виду экономической деятельности.

– *доля потребляемой импортной продукции в общем объеме экспорта (4):*

$$Z_i = \frac{\sum_{j=1}^n R_{IMij} + \sum_{j=1}^n FC_{IMij}}{Ex_i} \quad (4)$$

где Z_i – доля потребляемой импортной продукции i -го вида экономической деятельности в общем объеме экспорта i -го вида экономической деятельности; Ex_i – объемы экспорта i -го вида экономической деятельности.

Таким образом, согласно проведенным расчетам показателей эффективности использования собственных и привлеченных ресурсов в экономическую деятельность исследуемых стран, можно сделать следующие выводы.

В *России* достаточно эффективно в производственном процессе национальной экономики используются собственные ресурсы преимущественно в добывающей отрасли, при производстве электроэнергии и газа, а также нефти и нефтепродуктов. Данные виды экономической деятельности в российской экономике по-прежнему остаются экспортоориентированными. Больше всего импортной продукции в общем объеме промежуточного потребления использовалось при производстве транспортных средств и оборудования (32,12%), текстиля и текстильных изделий (28,84%), машин и оборудования (15,74%), резиновых и пластмассовых изделий (15,06%), кожи и изделий из нее (14,70%), продукции сельского хозяйства (13,39%), электрического и оптического оборудования (12,88%), а также при производстве мебели (10,89%). Со стороны конечного потребителя востребована импортная продукция по таким видам экономической деятельности, как «Текстиль и текстильные изделия» (94,65%), «Производство кожи, изделия из кожи и производство обуви» (94,24%), а также «Химия и химические продукты (75,89%), «Строительство» (56,98%), «Транспортные средства и оборудование» (52,20%) и «Производство машин и оборудования» (49,84%).

В *Китае* достаточно эффективно в производственном процессе используются собственные ресурсы, однако они в связи с ростом промышленного производства не покрывают спрос производителей, поэтому национальная экономика активно привлекает иностранные ресурсы. Китай более всего импортоориентирован на продукцию, производимую по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»: превышение объемов потребляемой импортной продукции отрасли к экспорту составило 34,11 раз, при этом всего 2,24% импортной продукции данной отрасли приходится на конечное потребление. Также в части производства активными потребителями иностранных ресурсов являются такие виды экономической деятельности, как «Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них, печать и издательство», «Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов», «Химия и химические продукты» и «Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды».

В *США*, по данным межотраслевого баланса, 20 из 34 видов экономической деятельности являются импортозависимыми. Преимущественно активно использует импортную продукцию сфера производства. Наибольшую долю импортной продукции потребляют предприятия и организации по производству кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (54,96%), а также по производству, передаче и распределению электроэнергии, газа, пара и горячей воды (39,54%). В общем объеме конечного потребления наибольшую долю импортной продукции используют по видам экономической деятельности «Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви» – 94,18%, «Текстиль и текстильные изделия» – 88,08% и «Производство мебели и прочей продукции, обработка вторичного сырья» – 70,74%. Наиболее эффективно собственные ресурсы США используются в сельскохозяйственном производстве, продукция которого обеспечивает большую часть потребностей страны в продовольствии, а также идет на экспорт.

Япония, согласно нашим расчетам, является в целом импортозависимой страной, поскольку в 20 из 34 видов экономической деятельности отношения объемов потребляемой импортной продукции отрасли к экспорту превышает 1. Отчетливая импортная зависимость Японии наблюдалась в производственной сфере. Наибольшая доля импортной продукции потребляется в сфере добычи полезных ископаемых (50,63%), а также в данной продукции нуждаются и другие виды

экономической деятельности на 83,61%. Экспортоориентированными являются высокотехнологические отрасли, которые полностью удовлетворяют спрос отечественных производителей в различных видах экономической деятельности, а также иностранных производителей и конечного потребителя.

В Южной Корее практически все отрасли экономики широко используют импортные ресурсы по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», также высока доля конечного потребления. Импортные ресурсы по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» активно потребляются в результате производства электроэнергии, газа и воды – для производства и распределения электроэнергии используется 81% импортных ресурсов по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых». Наибольшая доля потребления импортной продукции в общем объеме промежуточного потребления наблюдалась в производстве кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов и составила 86,84%, причем из них 85% импортных ресурсов привлекались по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Результаты по виду деятельности «Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов» широко используются в различных производствах, причем на 30,37% используется импортная продукция. Несмотря на достаточно высокий уровень привлечения импорта в данную отрасль, результаты производства активно потребляются на внутреннем рынке и экспортируются. Экспортный потенциал Южной Кореи представлен продукцией нефтехимической промышленности, металлургии, высокотехнологических производств, а также услугами в области деятельности водного и воздушного транспорта, гостиниц и ресторанов.

Таким образом, на основании анализа межотраслевых связей мы выявили насколько эффективно анализируемые страны АТР используют собственные и иностранные ресурсы, удовлетворяющие спрос отечественного производителя продукции в различных видах экономической деятельности и конечного потребителя. Проведенное исследование является предварительным этапом при определении основных направлений интеграционного сотрудничества России и стран АТР.

Библиографический список:

1. V. Leontief. Some Basic Problems of Empirical Input-Output Analysis. Princeton University Press in NBER Book Series Studies in Income and Wealth. PP. 9-52.
2. Баранов Э.Ф. и др. Вопросы построения таблиц «затраты-выпуск» России в международных классификаторах // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 1. С. 7-42.
3. Масакова И.Д. Нашей экономике нужно посмотреть на себя в зеркало // ЭКО. 2011. № 5. С. 16-29.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

Кришкевич Е.Д., Захарченко А.В.

Миграция населения, являясь одной из важнейших демографических проблем, рассматривается не только в качестве простого механического передвижения людей, но и как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни. В частности, проблема миграции раскрывается на общетеоретическом уровне в трудах следующих классиков зарубежной мысли: Э. Равенштейна, У.Ф. Занецки и Томаса, представителей Чикагской школы (Э. Берджеса, Р. Парка, Р. Маккензи), В. Зомбарта и других. Исследование миграций в отечественной науке берет свое начало с конца XIX – начала XX вв. и находит отражение в трудах известных ученых и государственных деятелей (среди них С.Ю. Витте, И.А. Гурвич, А.А. Кауфман, П.А. Столыпин, С.Л. Чудновский и др.) [1].

Как отмечает В.В. Зубков [2], стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока РФ определяет его главными условиями сохранение и восполнение трудовых ресурсов посредством их эффективного внутреннего перераспределения, привлечения и закрепления кадров из

других субъектов Российской Федерации, повышения качества рабочей силы. Однако макрорегион, в который входит Хабаровский край, продолжает терять население.

В настоящий период в г. Комсомольске-на-Амуре наблюдается тенденция миграции молодого поколения, жители города продолжают уезжать. С каждым годом отток населения все увеличивается, а количество приезжих не возрастает, а уменьшается. За 2015 год в Комсомольск прибыло 5021 новых жителей, в то время как число уехавших из города больше, чем прибывших: в 2015-м году из Комсомольска уехали 6524 человека [3].

При сохраняющихся социально-экономических условиях в Хабаровском крае можно ожидать, что миграционная активность молодежи будет только увеличиваться, сокращая производственные, интеллектуальные и трудовые ресурсы развития. По данным исследований [1, с. 7], динамика миграционных намерений студенческой молодежи за последние 7 лет существенно выросла: если в 2005 г. студентов, желающих уехать с территории Хабаровского края, было 23,2%, то в 2012 г. – 47,1%.

В связи с этим цель нашего исследования состояла в изучении миграционных установок молодежи, основных проблем и причин миграции в представлениях молодого населения г. Комсомольска-на-Амуре. Под миграционной установкой нами понимается ценностное отношение к изменению места жительства, психологически выражающееся в готовности к положительной или отрицательной реакции на это изменение.

Выборка исследования состояла из 216 респондентов, 136 девушек и 80 юношей в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в г. Комсомольске-на-Амуре. В нашем исследовании использовался метод незаконченных предложений. Он включал в себя три предложения: «настоящая проблема для молодёжи в нашем городе...»; «я не уезжаю из города потому, что...»; «я мечтаю уехать из города потому, что...». Требовалось сразу записывать первое пришедшее в голову окончание незаконченного предложения и при этом стараться работать быстро.

Для контент-анализа по каждому незаконченному предложению была составлена категориальная сетка. При анализе первого предложения были выделены категории, которые отражают проблемы города в представлениях молодежи: отсутствие возможностей профессионального развития, отсутствие хороших дорог, недостаток или отсутствие мест проведения досуга, вредные привычки жителей города (алкоголь, сигареты, наркотики), низкий уровень зарплаты, но при этом высокие цены, отсутствие возможности профессионального обучения и возможностей для самореализации. Анализируя второе предложение, выделены категории, отражающие причины, по которым молодежь не уезжает из города: наличие семейных связей или близких людей; обучение; привычка; любовь к городу; отсутствие выбора, возможности уехать, денег на переезд; удовлетворенность природой, работой; нежелание переезжать и т.д. При анализе последнего предложения выделены категории, которые отражают причины, из-за которых молодые люди мечтают уехать из города: отсутствие возможности для самореализации в учебе, профессии, близкого круга общения, работы; отрицательное эмоционально-ценностное отношение к городу; наличие города, который нравится больше; недостаточный уровень зарплаты, не удовлетворенность климатическими условиями, плохая экология; жажда новых впечатлений, желание жить отдельно и т.д.

По результатам исследования мы выяснили проблемы города глазами молодежи г. Комсомольска-на-Амуре, факторы, побуждающие их к отъезду, а также представления испытуемых, лежащие в основе их нежелания покидать город.

При анализе ответов к высказыванию «настоящая проблема для молодежи в нашем городе...», обнаружено, что наиболее важной проблемой для молодежи является отсутствие возможностей удовлетворить свои потребности в профессиональной самореализации и самоопределении. Эта категория высказываний составила значительную часть от общего числа выборки (42,1%). Это говорит о том, что молодые люди не видят перспектив для своего развития в

этом городе, что связано с недостаточным уровнем заработной платы, проблемами с трудоустройством, а так же отсутствием возможностей карьерного роста.

В процессе обработки было выявлено, что молодежь не удовлетворена количеством мест для проведения своего досуга и самореализации вне работы, числом мест для отдыха и развлечений. Данная категория ответов составила 23,4%.

К следующей из проблем, выделяемых молодежью, относится наличие вредных привычек у населения и низкий культурный уровень жителей (16,2% респондентов). Жители города отмечают в своих ответах употребление спиртного и сигарет, интернет зависимость, сексуальную распушенность населения.

К проблемам города молодежь относит и такие, как наличие плохих дорог (2,3%), неудовлетворенность своей зарплатой и наличие высоких цен (0,9%), трудности в приобретении жилья (1,8%).

Есть небольшое количество испытуемых (2,7%), которые не знают или не видят проблемы, связанные с городом.

При анализе ответов испытуемых на незаконченное предложение «я не уезжаю из города потому, что...» выяснились основные причины, по которым молодежь не хочет или не может покинуть город. К одним из основных причин относятся такие: наличие семейных связей (15,3%), обучение в городе (24,1%) и отсутствие денег на переезд (17,1%), что составляет значительную часть ответов от общего числа.

Другой причиной является наличие положительных эмоций по отношению к городу, чувства любви и симпатии к месту, где они живут (9,3%).

Часть респондентов утверждает, что не имеет возможностей для переезда (10,2%). Это может быть связано со страхом перед трудностями или отсутствием денег, а так же удовлетворением как отдельными компонентами своей жизни, так и жизнью в целом.

Наиболее редкими причинами, из-за которых у молодежи отсутствует желание покидать город, являются: наличие привычки (2,8%), работы (2,3%), близких людей (1,8%); удовлетворенность работой (0,5%); нравится природа и окружающая среда (0,9%); отсутствует желание уехать (1,8%), отсутствие выбора (0,9%) или места, в которое испытуемые могли бы уехать (3,2%).

Анализируя ответы испытуемых к высказыванию «я мечтаю уехать из города потому что...» выяснились причины, по которым респонденты мечтают покинуть г. Комсомольск-на-Амуре. Наиболее значимыми причинами являются отсутствие возможностей для самореализации молодежи в городе как в общем смысле (16,7%), так и, в частности, учебе и профессии (5,1%). Данный контингент испытуемых утверждает, что в других городах имеется больше возможностей для саморазвития как в обучении, так и в профессиональном плане. Молодые люди считают, что в другом городе образование лучше, а в Комсомольске-на-Амуре негде учиться, недостаточно вузов с нужными им направлениями.

Часть опрошенных молодых людей мечтают уехать из города, так как имеют отрицательно-ценностное отношение к этому городу (12,5%). С точки зрения молодежи, город маленький и не развивается, очень скучный и серый.

Другая категория жителей мечтает уехать из-за отсутствия работы (2,3%) или неудовлетворительной заработной платы (2,3%). Испытуемые говорят о низкой зарплате и высоких ценах, небольшом количестве хорошей работы, которая бы их устраивала.

Менее важными причинами, по которым молодежь мечтает уехать, являются неудовлетворенность климатическими условиями (2,8%), плохая экология (2,8%) и наличие города, который нравится больше (1,4%). Заканчивая предложение, респонденты упоминали о слишком холодном климате зимой и слишком душном - летом.

Реже всего указывались следующие группы причин: жажда новых впечатлений (2,8%), отсутствие близкого круга общения (0,5%) и желание жить отдельно. Также встретились ответы, в

которых не указывается причина, а указывается конкретное утверждение «не хочу здесь жить» (1,4%). Часть молодежи ещё не определилась, хочет ли она уезжать или нет (0,5%).

Есть и другая группа ответов испытуемых. Их составили жители, которые не мечтают уехать (3,7%) либо вовсе и не хотят уезжать (9,3%). Возможно, эти люди удовлетворены своим положением, что и является причиной отсутствия желания покинуть город.

Таким образом, самыми значимыми для молодого поколения являются проблемы, связанные с развитием. Так, в качестве наиболее острых проблем респонденты отмечают отсутствие возможностей профессионального развития и нехватка мест для досуга. Они не видят дальнейших перспектив и возможностей построения карьеры, испытывают проблемы с трудоустройством, выбором места работы, соответствующего их желаниям.

В связи с этим основными обстоятельствами, способствующими миграционной мотивации молодого населения города, являются отсутствие возможности для самореализации и отрицательное эмоционально-ценностное отношение к городу.

Рассмотрение причин, из-за которых молодежь не покидает город, показало, что самыми значимыми из них являются наличие семейных связей, а также отсутствие денежных средств на переезд и обучение.

Исходя из полученных результатов, следует сделать вывод, что при сохраняющихся социально-экономических условиях потенциал миграционной активности молодежи останется прежним или только увеличится.

Библиографический список:

1. Шарова Е.Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 89.
2. Зубков В.В. Детерминанты миграционных представлений студенческой молодежи региона // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 198-206.
3. Миграционный отток из Комсомольска-на-Амуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komcity.ru/forum/news/?id=53970>

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Крупенёва К.А.

Проблема межрегиональной миграции населения России, в том числе и такой социально-возрастной группы как молодёжь, является актуальной и давно исследуемой. Молодёжь занимает довольно важное место в экономической и политической жизни общества. Как государство, так и само общество заинтересовано в молодёжи, как в активной группе населения, которая с энтузиазмом и творчеством подходит к работе. Отсюда можно сделать вывод, что молодёжь является «интеллектуальным потенциалом народа», что оказывает существенное влияние на развитие общества в целом. Для этого необходимо государству задуматься о положении молодежи в регионах и проводить особую политику в отношении молодого поколения. А также необходимо выявить те социально-средовые факторы, которые влияют на миграционный отток молодежи из региона. Подход к молодому поколению постоянно считался актуальным для государства и общества. Например, в основе работы с молодёжью в социалистических республиках лежали ценности патриотизма, интернационализма и высокой нравственности. «Советская власть выступала как работающая система, в которой активная роль принадлежала и самой молодежи: ее представительство через комсомол перед властью на всех уровнях социальной организации действительно работало» [4].

Молодое поколение не считается саморазвивающейся системой. На жизнь молодёжи в большей степени оказывают свое влияние социально-экономические и политические процессы, в ходе которых молодому поколению необходимо определить свой дальнейший путь.

Для Иркутского региона, по данным ежегодного доклада о молодёжи Иркутской области, характерным является внутрорегиональный и межрегиональный миграционный отток. Ежегодно в среднем 40 тысяч человек совершают перемещения (переезд на постоянное место жительства) по её территории. По данным Иркутскстата, интенсивность внутриобластной миграции за последние годы остается примерно на одном уровне: 2011 г. – 36 945 человек, 2012 год – 39 607 человек, в 2013 – 44 319 человек в год [5]. Данный вид миграции влияет на изменение числа жителей административно-территориальных единиц и не отражается на численности населения Иркутской области в целом.

Основными причинами внешней для региона миграции молодого поколения являются высокий уровень безработицы, недостаточное количество бюджетных и целевых мест в вузах, низкий уровень зарплат, отсутствие перспектив карьерного роста, трудности в приобретении собственного жилья.

Изучение средовых факторов формирования миграционного поведения молодежи проводилось в Институте социальных наук ИГУ в рамках гранта РФФИ №15-06-08543. Методом глубинного интервью было опрошено 10 молодых людей, имеющих миграционный опыт или миграционные намерения. Эксперты отвечали на вопрос: «Какие именно составляющие социальной среды имеют большую значимость для принятия решения о миграции?». При этом на первое место они поставили трудовую составляющую социальной среды, на втором месте экономическая составляющая, на третьем – образовательная, на четвертом - рекреационная, обеспечивающая возможность отдыха, проведения выходных и т. д. [2, с. 199-200].

Также в процессе исследования затронуты основные потребности, наиболее мотивирующие молодежь к миграции. Экспертами были выбраны экономические и трудовые, а также социальные потребности: гражданские свободы, гарантии, степень уверенности в завтрашнем дне, чувство нужности обществу.

Что касается жестких административных мер по уменьшению миграционного оттока, то абсолютное большинство экспертов считает, что подобная практика не целесообразна и невозможна. Экспертами, в частности, отрицательно была оценена перспектива возвращения планового распределения молодых специалистов [2, с. 201].

Молодёжь, как особая социально-возрастная группа, обладающая высоким трудовым, интеллектуальным и профессиональным потенциалом, должна рассматриваться в качестве главного социально-экономического ресурса государства. Поэтому в своих выступлениях президент РФ В.В. Путин уделяет внимание проблемам молодежи, от которых не отделимы проблемы науки, образования, демографической ситуации: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики. Это продолжение нашей стратегической линии на инвестиции в человеческий капитал. Об этом мы заявили в Концепции долгосрочного развития страны до 2020 года. Молодёжь наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. Молодёжь может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надежных социальных гарантий» [1].

Возрастающий миграционный отток молодежи из региона может повлечь за собой тяжелые последствия, включая снижение численности и ухудшение структуры трудовых ресурсов, снижение престижности Иркутского региона, ухудшение демографической ситуации, а также возрастание проблем в экономической и социальной сферах.

Основные мероприятия государственной молодежной политики осуществляются в соответствии со «Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р» [6]. Основной задачей данной стратегии является информированность молодежи о ее правах и возможностях в основных сферах жизнедеятельности.

В рамках государственной программы Иркутской области «Молодёжная политика» на 2014-2018 годы разработаны и действуют мероприятия, направленные на содействие реализации

молодёжью своих профессиональных возможностей, а также на воспитание личности, способной к самоорганизации и самореализации. Задачами данной государственной программы являются качественное развитие потенциала и восприятие молодежи, обеспечение защиты прав и свобод граждан, внедрение в социальную практику установок толерантного сознания, повышение эффективности реализации государственной молодежной политики, а также совершенствование системы патриотического и гражданско-патриотического воспитания. Ожидаемыми конечными результатами реализации поставленных задач государственной программы являются: миграционный отток молодежи уменьшится, в общей численности молодежи – 0,25%, а численность молодежи, вовлеченной в реализацию мероприятий государственной молодежной политики, составит 280000 чел. [3].

Таким образом, молодежный фактор в Иркутском регионе важен практически во всех сферах жизни общества. Миграционное поведение в условиях современной России обуславливается потребностями в качественной среде жизнедеятельности, которая обеспечивает в свою очередь развитие потенциала личности. Для формирования научно обоснованной и экономически перспективной миграционной политики следует применить социологический и политический инструментарий для постоянного контроля миграционного поведения, в частности, молодого поколения. В обязательном порядке необходимо проанализировать миграционную ситуацию и своевременно принять меры о внесении корректив в законодательные акты и программы федерального и регионального уровня.

Регулирование миграционных процессов позволит создать условия для решения задачи по обеспечению национальной безопасности, способствовать устойчивому развитию экономики страны, соблюдению прав человека и повышению качества жизни населения страны в целом.

Библиографический список:

1. В.В. Путин о молодежной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pokolenie2025.com/v-v-putin-omolodezhnoy-politike>
2. Гольцова Е.В. Социально-средовая мотивация миграционного поведения молодежи в условиях глобализации: региональный аспект // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы VII Всероссийской научной Интернет-конференции. Иркутск, 2015. С. 197-202.
3. Государственная программа Иркутской области «Молодежная политика» на 2014-2018 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.entd.ru/document/460206938>
4. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика. Уроки недавнего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/gosmolpol.php>
5. Миграция населения Иркутской области за 2014: статистический бюллетень. Иркутск: Иркутскстат, 2014. 88 с.
6. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/118228?14>

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Кузина И.Г., Стекольников А.А.

Социальный сирота – это ребенок, имеющий биологических родителей, но оставшийся без их воспитания, вследствие признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими, лишения их родительских прав и т.д. В этом случае заботу о детях берет на себя общество и государство [2]. Проблема социального сиротства на сегодняшний день является одной из самых острых в России и ее регионах.

В Приморском крае по статистическим данным, в 2016 году имеется 42 организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них 25 - это центры содействия

семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На сегодняшний день в них проживает 1173 ребенка, среди них социальные сироты составляют 96,5 %; 3,5 % - это дети, у которых действительно нет родителей [3].

Профилактика социального сиротства – часть необходимой деятельности по защите прав детей. В ее рамках предотвращается нарушение прав ребенка, выражающееся в действиях насильственного характера, а также в пренебрежении родителями нуждами ребенка, их уклонение от исполнения родительских обязанностей.

Главными акторами процесса профилактики должны выступать такие организации и учреждения как детские дома, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, отделы опеки и попечительства, общественные благотворительные фонды, некоммерческие организации.

Для изучения данной проблемы в период апреля – мая 2016 года было проведено социологическое исследование, которое осуществлялось путем использования метода фокусированного интервью экспертов.

Основной целью исследования выступил анализ проблемы социального сиротства и возможностей его профилактики в Приморском крае, а также выработка рекомендаций по совершенствованию организации деятельности учреждений, осуществляющих профилактику социального сиротства.

Была разработана программа исследования и вопросы для экспертов; интервью проводилось с помощью анкеты в индивидуальной форме. Анкета состояла из 17 открытых вопросов, респондентами выступили 5 экспертов, работающих в сфере профилактики социального сиротства: директор детского дома; педагог - психолог социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних; директор СРЦН; начальник территориального отдела опеки и попечительства; руководитель Благотворительного фонда.

Стратификация осуществлялась на основе следующих критериев: статус, стаж работы, пол. Стаж работы экспертов варьировался от 4 до 26 лет (в среднем – 9 лет). Из пяти экспертов лишь один был мужского пола.

На вопросы анкеты получены следующие ответы.

Эксперты были единодушны в том, что распад института семьи - главная угроза современного общества, именно это явление ведет к социальному сиротству.

Основными причинами, по которым дети становятся социальными сиротами, эксперты считают семейное неблагополучие, пьянство, наркоманию, преступность, финансовые и жилищные проблемы, а также ВИЧ-инфицирование, отсутствие чувства материнства и отцовства у некоторых родителей.

Основные пути преодоления социального сиротства в России эксперты видят в помощи семье на ранних стадиях ее кризиса, трудоустройстве членов семьи, если они в этом нуждаются, а также в экономической поддержке семьи. Важным моментом этой работы, по мнению экспертов, является сотрудничество государственных учреждений и негосударственных организаций. Именно такая политика может привести к созданию эффективной системы социальной профилактики.

Конкретные профилактические меры, предпринимаемые учреждениями, в которых трудятся опрошенные эксперты, состоят в проведении бесед с неблагополучными семьями; консультировании родителей; оказании стационарной помощи детям, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; выездных профилактических мероприятиях – деятельности мобильных бригад и социального патруля; проведении мероприятий, направленных на содействие реализации ребенка как личности.

При проведении профилактики социального сиротства эксперты сталкиваются с такими проблемами как асоциальное поведение родителей, поиск отсутствующих родителей, отсутствие у родителей стремления к изменениям.

На вопрос о том, какие рекомендации для снижения уровня социального сиротства эксперты могут предложить органам власти, и, в частности, администрации города Владивостока, было

предложено открывать социальные приюты для семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; увеличивать пособия на детей; ужесточать контроль над семьями группы риска; вводить ставки специалистов-психологов для работы с молодыми семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации или опасном социальном положении; развивать социальную рекламу профилактики социального сиротства, в том числе и на телевидении, распространяя положительный опыт решения данной проблемы; проводить акции и марафоны, которые направлены на решение проблемы социального сиротства и пр.

Исследование выявило, что существующая в Приморском крае система учреждений профилактики социального сиротства выполняет в первую очередь методическую и обучающую функции. Методическая функция выражается в сопровождении деятельности организаций, входящих в систему профилактики социального сиротства, а обучающая – в работе с родителями категорий риска и самими детьми.

Приоритетными направлениями в деятельности этих учреждений являются: профилактика безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних; оказание помощи детям и подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении; предоставление комплекса социально - правовых, психологических, педагогических и медицинских услуг несовершеннолетним и членам их семей.

В то же время на практике работа по профилактике социального сиротства не полностью совпадает с ее идеальной моделью и осложняется проблемами взаимодействия с семьей, финансирования деятельности учреждений, недостатком заинтересованных акторов и пр.

Профилактика социального сиротства должна включать целый комплекс мероприятий, осуществляемых на разных уровнях ее системы. Для совершенствования существующих социальных практик профилактики необходимо, прежде всего, расширить роль в ее системе различных негосударственных фондов и организаций, которые будут участвовать в разработке и внедрении региональных и муниципальных моделей профилактики социального сиротства, профилактических услуг для семьи и детей; а также реализовывать образовательные программы, оказывать экспертные и консультационные услуги. В целом это позволит более успешно осуществлять проекты, направленные на профилактику социального сиротства в России.

Библиографический список:

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189618>
2. Сиротство в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189618>
3. Владивосток. онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80adbhunc2aa3al.xn--80asehdb/news/70-primorcy-uznayut-kak-v-krae-pomogayut-sirotam.html>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И АТР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кузнецова Н.В.

На современном этапе исследователи оценивают Азиатско-Тихоокеанский регион, как один из наиболее перспективных регионов будущей интеграции. Однако перспективы экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона не однозначны. Тот факт, что интеграция в АТР приведёт к увеличению потенциальной выгоды для страны из-за экономии на масштабе за счет расширения экспортных отраслей [1; 2], снижению транзакционных издержек между договаривающимися сторонами и уменьшению важности политических переговоров [3] является предметом многих экономических дискуссий. Отдельные авторы пишут о том, что восточно-азиатское сообщество

действует не в интересах создания общей восточно-азиатской идентичности, а преследует цели отдельно взятых государств [4]. В разные периоды авторы отмечают низкий уровень экономической интеграции в АТР. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) отмечается наиболее успешным среди различных региональных группировок [5]. Для многих наблюдателей АТР является воплощением азиатского регионализма, где интеграция является неэффективной. Отмечается возможность замены формальных процессов институционализации региональной экономической интеграции [6] как внутри, так и за пределами региона [7].

Неоднозначность толкования интеграционных процессов в АТР стала толчком к осознанию необходимости оценить потенциал и фактическое состояние интеграционных процессов в этом регионе. Вышеприведённые исследования в большей степени охватывают вопросы оценки производственного потенциала рынка, а вопросы комплексной оценки потенциала и определения направлений встраивания рынков остаются малоизученными в особенности такой совокупности рынков, как АТР.

Часто декларируемый тезис о том, что Россия уже присутствует в АТР определило наш научный интерес проверить данное утверждение. В результате проведенного нами исследования возможностей интеграционного встраивания России в отраслевые рынки АТР мы выявили, что наблюдается крайне низкий торговый обмен среди стран АТР. Расчёты показывают, что Россия характеризуется как страна с открытым рынком экспорта, но рынок импорта является закрытым.

Различия или сходства в отраслевой структуре ВВП не оказывают влияния на увеличение объема взаимной торговли между странами-партнерами. Эмпирический анализ стран АТР подтвердил, что в данном случае образование торговых блоков не влечёт за собой увеличение объема взаимных торговых потоков. Это доказывает, что многие торговые блоки являются политическим решением, а не объективным экономическим процессом. Анализ показал, что заявленные цели ни одной из организаций не были достигнуты в полной мере. Более того, если социальные, политические и культурные сферы были задействованы в значительной мере, то в экономической сфере наблюдается наименьшее сотрудничество. Статистика и построение гравитационных моделей подтверждает тезис о том, что никакой торговой значимости большинство стран АТР ни друг для друга, ни для других субрегионов АТР не имеют. Реально говорить о некоторых тенденциях экономической интенсивности можно применительно только к двум подрегионам: СВА и зоне АСЕАН, не забывая и США, которые в силу своей глобальности являются важнейшим экономическим фактором на всех участках земного шара.

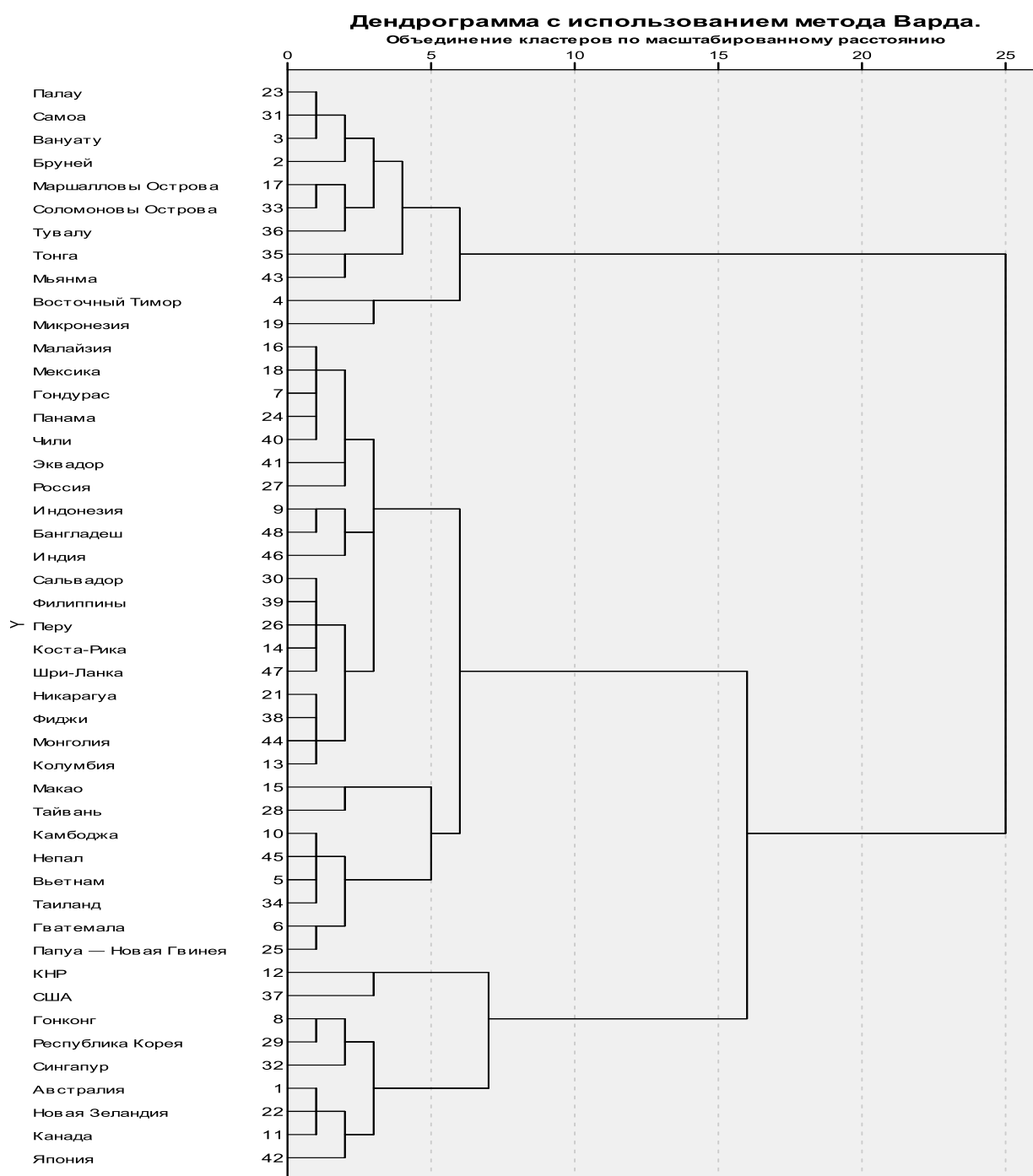


Рисунок 1 – Дендрограмма распределения стран Азиатско-Тихоокеанского региона в однородные группы

Оценка современного состояния интеграционных процессов в АТР в страновом и отраслевом аспектах показала, что наблюдаются различия в уровнях экономического потенциала, обеспеченности природными ресурсами и пр.

Для понимания «близости» экономик стран АТР был проведен кластерный анализ за 2013 г. Кластерный анализ стран АТР показал, что АТР ни как целостного региона или экономического комплекса не существует.

Нами была произведена классификация отраслевых рынков АТР и РФ по уровню их потенциала к интеграции. На основании оценки сбалансированности экономического развития по странам Азиатско-Тихоокеанского региона, по авторской методике, были выявлены четыре группы стран. С абсолютно-сбалансированным экономическим развитием (в которую как в 2008 г., так и в 2012 г. не вошла ни одна страна); со сбалансированным экономическим развитием (в 2012 г. в

данную группу вошли 13 стран). За период 2008-2012 гг. Российская Федерация стабильно находилась в группе стран со сбалансированным развитием. С умеренно-сбалансированным экономическим развитием в 2012 г. было выявлено 21 страна, с низко-сбалансированным экономическим развитием – 9 стран.

В результате анализа были созданы систематизированные таблицы сопряженности, в которых проведена группировка стран АТР по восьми показателям экономического и социального блоков, оценивающих степень сбалансированности развития страны, по степени приоритетности (см. табл. 1). Результаты исследования показывают сохраняющуюся дифференциацию в развитии государств.

Таблица 1 – Фрагмент таблицы сопряженности

Инвестиционный климат		
Улучшается	Зона поддержания развития Бруней, Вануату, Гватемала, Китай, КНДР, Колумбия, Малайзия, Микронезия, Монголия, Никарагуа, Сингапур, Чили	Зона наращивания темпов роста Австралия, Гондурас, Канада, Макао, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Тимор-Лешти, Южная Корея
Ухудшается	Зона необходимости повышения рейтинга Индонезия, Камбоджа, Науру, Панама, Перу, Таиланд, Тувалу, Филиппины	Кризисная зона Вьетнам, Гонконг, Коста-Рика, Маршалловы острова, Мексика, Новая Зеландия, Россия, Сальвадор, Самоа, США, Соломоновы острова, Тонга, Фиджи, Эквадор, Япония
Инновационная активность		
Улучшается	Зона поддержания развития Австралия, Бруней, Вануату, Гондурас, Китай, КНДР, Макао, Малайзия, Микронезия, Монголия, Никарагуа, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Тимор-Лешти, Чили, Южная Корея	Зона наращивания темпов роста Гватемала, Канада, Колумбия, Сингапур
Ухудшается	Зона необходимости повышения рейтинга Гонконг, Коста-Рика, Маршалловы острова, Мексика, Науру, Новая Зеландия, Перу, Россия, Сальвадор, Соломоновы острова, Япония	Кризисная зона Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Панама, Самоа, США, Таиланд, Тонга, Тувалу, Фиджи, Филиппины, Эквадор
Ресурсно-сырьевой потенциал		
Улучшается	Зона поддержания развития Бруней, Вануату, Гондурас, Китай, КНДР, Колумбия, Малайзия, Микронезия, Монголия, Никарагуа, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Сингапур, Тимор-Лешти, Южная Корея	Зона наращивания темпов роста Австралия, Гватемала, Канада, Макао, Чили
Ухудшается	Зона необходимости повышения рейтинга Гонконг, Камбоджа, Маршалловы острова, Науру, Россия, Соломоновы острова, Филиппины	Кризисная зона Вьетнам, Индонезия, Коста-Рика, Мексика, Новая Зеландия, Панама, Перу, Сальвадор, Самоа, США, Таиланд, Тонга, Тувалу, Фиджи, Эквадор, Япония
Производственный потенциал		
Улучшается	Зона поддержания развития Гватемала, Гондурас, КНДР, Макао, Микронезия, Никарагуа, Палау, Сингапур, Южная Корея	Зона наращивания темпов роста Австралия, Бруней, Вануату, Канада, Китай, Колумбия, Малайзия, Монголия, Папуа – Новая Гвинея, Тимор-Лешти, Чили
Ухудшается	Зона необходимости повышения рейтинга Гонконг, Камбоджа, Маршалловы острова, Мексика, Науру, США, Тувалу, Фиджи	Кризисная зона Вьетнам, Индонезия, Коста-Рика, Новая Зеландия, Панама, Перу, Россия, Сальвадор, Самоа, Соломоновы острова, Таиланд, Тонга, Филиппины, Эквадор, Япония
Финансовый потенциал		
Улучшается	Зона поддержания развития Канада, Китай, КНДР, Колумбия, Малайзия, Микронезия, Монголия, Никарагуа, Палау, Сингапур, Тимор-Лешти, Чили, Южная Корея	Зона наращивания темпов роста Австралия, Бруней, Вануату, Гватемала, Гондурас, Макао, Папуа – Новая Гвинея
Ухудшается	Зона необходимости повышения рейтинга Индонезия, Камбоджа, Мексика, Науру, Перу, Сальвадор, Соломоновы острова, Таиланд, Тувалу, Фиджи, Филиппины, Эквадор	Кризисная зона Вьетнам, Гонконг, Коста-Рика, Маршалловы острова, Новая Зеландия, Панама, Россия, Самоа, США, Тонга, Япония

Прогнозирование тенденций и выявление приоритетных направлений развития стран с целью обеспечения их сбалансированного экономического развития показало, что Россия по степени сбалансированности экономического развития в прогнозируемом периоде останется в группе стран со сбалансированным развитием, однако стоит отметить, что темпы роста значений исследуемого показателя будут невысокими.

Библиографический список:

1. Chase K. A. Economic interests and regional trading arrangements: the case of NAFTA / K. A. Chase // *International Organization*. 2003. Vol. 57. 1. P.137–174.
2. Aggarwal, V. K. Undermining the WTO: The Case against Open Sectoralism / V. K. Aggarwal, J. Ravenhill // *Asia-Pacific Issues*. 2001. № 50. URL: <http://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/api050.pdf> (Accessed: 13.12.2013)
3. Pempel, T.J. Restructuring Regional Ties / T.J. Pempel // *Crisis as Catalyst: Asia's Dynamic Political Economy*/A. Macintyre, T. J. Pempel, J. Ravenhill. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
4. Jones, D.M. Making process, not progress: ASEAN and the evolving East Asian regional order / D.M. Jones, M. L.R. Smith // *International Security*. 2007. Vol. 32. № 1. P.148-184.
5. Aggarwal, V.K. APEC as an International Institution / V. K. Aggarwal // *APEC: Its Challenges and Tasks in the 21st Century* / I. Yamazawa. New York: Routledge, 2000. P. 298–324.
6. Encarnation, D.J. Asia and the Global Operations of Multinational Corporations / D.J. Encarnation // *Japanese Multinationals in Asia: Regional Operations in Comparative Perspective* / D. J. Encarnation. New York: Oxford University Press, 1999. P. 3–13.
7. Dent, C. Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia–Pacific Bilateral Free Trade Agreements / C. Dent // *The Pacific Review*. 2003. Vol. 16, № 1. P.1–28.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В РЕГИОНЕ

Кухлевский А.Л.

Процессы воспроизводства населения являются сложными динамическими явлениями и находятся под воздействием многих социально-экономических факторов, имеющих стохастический и вероятностный характер. Поэтому в протекании демографических процессов огромное значение имеют случайность и неопределённость, вытекающие из невозможности учесть все факторы, воздействующие на процесс и силу их влияния. Одним из основных методов исследования воспроизводственных процессов является метод моделирования, т. е. способ теоретического и практического действия, направленного на разработку и использование моделей.

Эконометрические модели успешно используются при моделировании процессов рождаемости и смертности [1; 2; 3].

Для исследования демографических процессов в Приморском крае, использовались следующие показатели, вычисленные по статистическим данным за период с 1999 по 2014 годы: X_1 – ВРП на душу населения, в ценах 1999 г, тыс. руб.; X_2 – численность безработных, в % к активному населению; X_3 – среднегодовая численность занятых в экономике, в % к численности населения края; X_4 – выбросы вредных веществ в атмосферу, на 10 тыс. человек, тонн; X_5 – сброс загрязненных сточных вод, на 100 тыс. человек, млн. куб. м.; X_6 – численность населения края, тыс. чел.; X_7 – среднемесячная заработная плата работающего, к величине прожиточного минимума, %; X_8 – количество личных автомобилей, на 1000 человек населения края; X_9 – затраты на покупку товаров и оплату услуг, в % от доходов; X_{10} – количество коек в больничных учреждениях, на 10 тыс. населения региона; X_{11} – общая заболеваемость жителей, на 1000 человек населения, ед.; X_{12} – число детей в дошкольных учреждениях, на 10 тыс. человек населения региона; X_{13} – численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах к общей численности населения; X_{14} – доля лиц, совершивших преступления, в процентах к населению региона; X_{15} – жилищный фонд всего, кв. м/чел.; X_{16} – цены на вторичном рынке жилья, в ценах 1999 г., тыс.

руб./кв. м; X_{17} – количество женщин в регионе в возрасте 15-34 лет, тыс. чел.; X_{18} – количество пожилых людей в регионе, тыс. чел.

При исследовании исходных показателей в модели прогнозирования количества родившихся в регионе были выделены с помощью критерия «каменистой осыпи» (scree plot) и критерия Kaiser два наиболее значимых фактора, описывающие 89,9% дисперсии. Для получения более интерпретируемых объяснений этих факторов было произведено варимакс-вращение. Результаты вычислений представлены в таблице 1.

Первый фактор имеет высокую корреляцию с показателями ВРП на душу населения (X_1), среднемесячной заработной платой работающего (X_7), обеспеченностью населения личными автомобилями (X_8), числом детей в дошкольных учреждениях (X_{12}), показателем жилищного фонда (X_{15}), ценами на вторичном рынке жилья (X_{16}) и высокую отрицательную корреляцию с количеством женщин в возрасте 15-34 лет (X_{17}). Данный фактор может быть интерпретирован как «уровень жизни населения в условиях дефицита женщин фертильного возраста».

Таблица 1 – Факторные нагрузки в модели рождаемости

Используемые показатели	Факторные нагрузки (factor loadings)	
	Фактор 1	Фактор 2
X_1	0,8297	0,5245
X_2	-0,1346	-0,9309
X_3	0,4680	0,7779
X_7	0,8430	0,4992
X_8	0,9444	0,2570
X_9	-0,4020	-0,6367
X_{12}	0,8899	0,4373
X_{15}	0,7607	0,6252
X_{16}	0,8019	0,5543
X_{17}	-0,9530	-0,1635
Процент описательной дисперсии	56,11	33,83
Накопленный процент	56,11	89,94

Второй фактор имеет высокую отрицательную корреляцию с численностью безработных (X_2) и покупкой товаров и оплатой услуг, в процентах от доходов (X_9), и положительную корреляцию с численностью занятых в экономике (X_3) показателем жилищного фонда (X_{15}). Этот фактор можно интерпретировать как «уровень занятости и сбережений населения».

Поскольку процесс рождения имеет временной шаг запаздывания около одного года, вводим временной лаг при построении регрессионного уравнения. Реализовав вычислительные процедуры множественной регрессии, получим:

$$R_t = 13,4745 - 0,1258 \times FR1_{t-1} + 0,2663 \times FR2_{t-1}$$

(10,3077) (-2,6110) (3,6828)

где R_t – число родившихся в год t ; $FR1_t$ – уровень жизни населения в условиях дефицита женщин фертильного возраста в год t ; $FR2_t$ – уровень занятости и сбережений населения в год t , значения в скобках – величина t -статистики рассчитанных коэффициентов. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,89$. F -критерий Фишера равен 48,58. Таким образом, уравнение регрессии статистически значимо при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Для прогнозирования значений факторов $FR1_t$ и $FR2_t$ использовался полиномиальный тренд.

Аналогично был проведен факторный анализ показателей, характеризующих смертность населения Приморского края.

Уравнение множественной регрессии для определения количества умерших D_t в году t имеет следующий вид:

$$D_t = 32,9474 + 0,0115 \times FD1_t - 0,0246 \times FD2_t$$

(8,8710) (4,2459) (-2,7328)

где $FD1_t$ – уровень жизни и экологии в регионе в год t ; $FD2_t$ – уровень экономической и криминогенной безопасности жизни в регионе в год t , значения в скобках – величина t -статистики рассчитанных коэффициентов. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,731$. F -критерий Фишера равен 17,648.

Таким образом, уравнение регрессии статистически значимо при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Расчетные значения рождаемости и смертности в Приморском крае представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Фактические и расчетные значения рождаемости и смертности в Приморском крае, тыс. чел.

Год	Рождаемость			Смертность		
	Расчетное значение	Фактическое значение	Ошибка, %	Расчетное значение	Фактическое значение	Ошибка, %
1999	-	17,525	-	28,131	28,007	0,44
2000	18,964	18,393	3,11	29,874	29,513	1,22
2001	19,631	19,656	0,12	31,748	29,714	6,85
2002	20,455	20,816	1,73	31,406	30,858	1,78
2003	20,582	21,531	4,41	31,229	32,023	2,48
2004	21,101	21,598	2,30	30,378	32,112	5,40
2005	21,421	21,174	1,17	30,078	32,812	8,33
2006	21,764	20,935	3,96	29,892	30,052	0,53
2007	22,502	22,455	0,21	29,405	29,12	0,98
2008	23,207	22,602	2,68	29,183	28,944	0,44
2009	23,299	23,469	3,11	28,840	27,458	5,03
2010	23,281	23,164	0,50	28,294	27,974	1,15
2011	23,646	23,377	1,15	27,974	27,522	1,64
2012	24,505	24,627	0,50	26,616	26,743	0,48
2013	24,052	24,614	2,28	26,041	26,222	0,69
2014	23,027	24,693	6,75	25,938	25,953	0,06
2015	23,078	-	-	25,913	-	-
2016	23,076	-	-	26,001	-	-

Проведённые расчёты на примере Приморского края показывают возможность использования разработанных эконометрических моделей для среднесрочного прогноза рождаемости и смертности населения региона.

Библиографический список:

1. Миронов Е.С. Опыт разработки блока «труд, занятость и демография» в квартальной макроэкономической модели Российской Федерации // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2008.Т. 6. С.605-622.
2. Прогнозирование спроса и предложения на региональном рынке труда / под ред. Ю.Д. Шмидта. Владивосток: ДВФУ, 2012. 320 с.
3. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2001. 317 с.

АТР В СВЕТЕ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Лесниковская Е.В.

Азиатско-Тихоокеанский регион является пространством реализации важнейших экономических отношений, стратегических соглашений и деятельности значимых международных союзов и организаций. Несмотря на то, что в последнее время находящиеся на повестке дня социальные и политические события разворачивают вектор общественного внимания в сторону взаимодействия России и Европы, очагов напряженности на Ближнем Востоке, АТР остается одним из важнейших факторов, определяющих расстановку геэкономических сил на мировой арене. Избрание Д. Трампа президентом США, одной из ключевых для АТР стран, с высокой долей вероятности может изменить архитектуру экономических и интеграционных взаимодействий в регионе. На примере таких недавних событий, как выход Великобритании из Евросоюза, можно предположить, что тенденция к реконструированию, перестраиванию, изменению состава международных объединений и группировок по прагматическим причинам, вероятно, будет усиливаться. В этой ситуации российским социологам, экономистам, регионоведам крайне важно отслеживать и анализировать процессы и колебания, наблюдаемые в пространстве региона. АТР и происходящие в нем процессы тщательно изучаются не только экономистами-международниками, но и специалистами более широкого профиля, и, в частности, регионоведами (востоковедами, американистами), которые в силу своей специализации владеют широким объемом информации о разных аспектах региона и привносят свое аналитическое видение ситуации.

В то же время в последние десятилетия регионоведение как область знания подвергается концептуальному пересмотру. Регионоведение, с одной стороны, испытывает давление универсальных (не привязанных к региону) социологических теорий, таких, как теория рационального выбора [1]. Универсальная применимость этих теорий снижает значимость знания менталитета, социальных институтов определенной нации, региона. Другой проблемой регионоведения остается фрагментированность научного знания вследствие привязки к конкретным регионам. С другой стороны, именно эта область знаний способна задать новое направление социальным наукам, придать им региональное измерение. Так, в 2015 г. в Берлине состоялась конференция, посвященная проблемам регионоведения. Основная идея конференции отражена в ее названии – «Децентрализация социальных наук». Действительно, значительную методологическую пользу может принести переосмысление социальных наук с позиций регионов; регионализация таких концептов, как, например, идентичность и гендер; анализ процессов социально-экономического развития не только на национальном уровне, но и в контексте пространства региона.

Проблемы концептуализации регионоведения как области знания в XXI веке, несомненно, актуальны и для регионоведения АТР. Вопросы фрагментированности знания о регионе в данном случае стоят еще более остро в силу значительного размера региона, его слабой интегрированности и политической и экономической «слабости» центра региона (островные тихоокеанские государства) [1]. Указанные факторы затрудняют подход к АТР как классическому региону. Согласно принятому в регионоведении определению, регион предстает целостной общностью, имеющей набор определенных характеристик – географических, историко-культурных, социально-экономических и пр. Общность – один из основополагающих критериев выделения территории как региона. АТР в этом смысле представляет собой уникальный случай – в то время как его общность определяется географией (нахождение в Тихом океане и по его периметру), сам регион трудно назвать однородным – он объединяет страны не только со значительно различающимися социально-экономическими и политическими характеристиками, но и разными цивилизациями.

Специфической проблемой для регионоведения АТР является то, что формирование знания о регионе исходит в основном не от наций региона – основанное на западной традиции евроатлантизма, знание формируется западными учеными. Процессы, происходящие в регионе, объединяющем совершенно разные культуры, оцениваются с точки зрения западного менталитета, не говоря уже о том, что само регионоведение является западным академическим концептом.

Эта проблема четко отражена именно на примере АТР. В системе знаний о регионе присутствует дихотомия «внешнего» (западного, евроатлантического) и «внутреннего» (народов АТР, включая островное население) знания о регионе [2].

Наконец, актуальной остается проблема универсальной применимости знания о конкретном регионе. Получает распространение мнение о том, что регионоведение как знание о конкретном регионе способно стать площадкой для продуцирования универсального социального знания. По мнению Д. Луддена, регионоведение может стать универсальным знанием, имеет потенциал развития социальных наук, стоит только выйти за рамки «регионоведения ради регионоведения» [1].

С этой точки зрения, развитие знания о АТР, всесторонний анализ происходящих в регионе процессов может значительно повлиять на наши представления о таких важных структурах и процессах, как глобализационные, интеграционные процессы, миграция, трансфер инноваций, потоки капитала и рабочей силы, межкультурные взаимодействия.

Таким образом, переосмысление регионоведения как области знаний, понимание особенностей этой сферы в качестве перспектив развития социального знания выявляет значимость изучения АТР не только с прикладной (экономической, политической) точек зрения, но и с точки зрения внесения вклада в понимание универсальных (не привязанных к региону) современных социальных структур и процессов.

Библиографический список:

1. Ludden D. Area studies in the age of globalization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm>
2. Dirlik A. Asia Pacific studies in an age of global modernity [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.english.hku.hk/courses/WorldingPacificHKU2011/DirlikAsiaPacific2005.pdf>

АНАЛИЗ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИИ И СТРАН АТР: МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПОДХОД*

Мамёв Н.А.

Современная стратегия развития России базируется на принципах обеспечения национальных интересов в долгосрочной перспективе. В этой связи проблема нового качества экономического развития российской экономики, с точки зрения достижения стратегических целей развития и сокращения разрыва с развитыми странами, обсуждается уже много лет. Что касается возможностей и способов достижения этой цели, то очевидна необходимость кардинальной перестройки системы управления и нахождение новых механизмов формирования конкурентоспособности страны через эффективное сотрудничество со странами АТР.

На основании анализа межотраслевых связей и предложенных показателей эффективности функционирования экономик стран Азиатско-Тихоокеанского региона для целей определения наиболее предпочтительных структурных объединений России со странами региона необходимо оценить деловую активность участников рынка, в том числе и в ближайшей перспективе. В связи с этим актуальным представляется вопрос о выборе данного показателя и методике его расчета.

Методология расчета индексов, характеризующих деловую активность страны, как правило, основывается на балансе оценок показателей, обобщающих субъективное мнение респондентов по сравнению с нормальным или предыдущим значением. В мировой практике мониторинга уровня и тенденций деловой активности чаще всего применяются индексы *PMI* [2] и японский аналог индекса *PMI TANKAN* [3].

*Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № 26.1478.2014/К «Структурные преобразования экономики России посредством интеграционного встраивания в отраслевые рынки АТР»

Анализ существующих подходов к оценке деловой активности показывает, что в настоящее время на практике отсутствуют и, что более важно оперативные индикаторы, которые непрерывно характеризуют состояние отрасли и экономики в целом [1].

Показатель деловой активности страны, в нашем понимании, это индикатор, позволяющий проанализировать состояние отрасли и экономики в целом посредством оценки внешнеторговой деятельности, производственного потенциала, промежуточного спроса и промежуточного потребления. Данный показатель позволяет сделать вывод о внутриотраслевой и межотраслевой эффективности экономики. Достаточно эффективным способом оценки деловой активности является использование факторных моделей, в основе которых предполагается использование отдельных мультипликаторов.

Анализ теоретического материала показал, что наиболее информативным с точки зрения оценки результативности производства отдельных отраслей и секторов экономики является показатель удельного веса валовой добавленной стоимости (ВДС) в валовом выпуске. Стоит особо отметить, что предлагаемый в настоящем исследовании подход базируется на информации из межотраслевых балансов стран АТР за период 2000-2011 гг., которые были составлены в ходе работы.

Таким образом полученные данные позволили представить мультипликативную модель оценки деловой активности отрасли в следующем виде (1):

$$MBA_i = \omega_i \cdot \frac{VA_i}{IC_i} \cdot \frac{IC_i}{ID_i} \cdot \frac{ID_i}{Ex_i} \cdot \frac{Ex_i}{Im_i} \cdot \frac{Im_i}{TO_i} \quad (1)$$

где MBA_i – мультипликатор деловой активности i -ой отрасли экономики (отношение ВДС к валовому выпуску отрасли);

ω_i – доля валового выпуска i -ой отрасли в общем объеме валового выпуска страны;

VA_i – ВДС товаров и услуг i -ой отрасли экономики;

IC_i – промежуточное потребление i -ой отрасли экономики;

ID_i – объемы товаров и услуг отрасли i , используемые всеми отраслями экономики для собственного производства, конечного потребления и валового накопления;

Ex_i – объем экспорта i -ой отрасли экономики;

Im_i – объем импорта по i -ой отрасли экономики;

TO_i – объем валового выпуска товаров и услуг по i -ой отрасли экономики.

Из представленной модели видно, что мультипликатор деловой активности отрасли зависит, во-первых, от экономического вклада отрасли в общий объем выпуска по стране, во-вторых, от следующего набора факторов:

1. *Мультипликатор экономической эффективности затрат.* Отношение ВДС к промежуточному потреблению (CE) характеризует уровень экономической эффективности затрат и определяет объем конечного результата производства, приходящегося на каждую единицу затрат, другими словами, отдачу, эффективность производства.

2. *Мультипликатор эффективности использования ресурсов.* Отношение объемов промежуточного потребления к объемам товаров и услуг отрасли, используемых всеми отраслями экономики для собственного производства, конечного потребления и валового накопления (RU). Данный мультипликатор характеризует экономическую эффективность затрат производства с учетом востребованности товаров и услуг отрасли на отечественном рынке, в том числе и для целей конечного использования.

3. *Мультипликатор спроса на товары и услуги отрасли.* Отношение объемов товаров и услуг отрасли, используемых всеми отраслями экономики для собственного производства, конечного потребления и валового накопления товаров и услуг к объемам экспорта данной отрасли (DE). Мультипликатор отображает востребованность товаров и услуг данной отрасли на отечественном и зарубежном рынках.

4. *Мультипликатор состояния торгового баланса.* Отношение объемов экспорта отрасли к объемам импорта по данной отрасли (TB).

5. *Мультипликатор потребности в иностранных ресурсах.* Отношение объемов импорта по данной отрасли к ее валовому выпуску (DR). Мультипликатор характеризует зависимость отрасли от привлеченных иностранных ресурсов.

Таким образом, модель (1) может быть представлена в следующем виде (2):

$$MBA_i = \omega_i \cdot CE_i \cdot RU_i \cdot DE_i \cdot TB_i \cdot DR_i \quad (2)$$

Стоит отметить, что сумма мультипликаторов деловой активности отраслей экономики MBA_i представляет собой аналогичный показатель в целом по рассматриваемой стране. В свою очередь изменение мультипликатора деловой активности отрасли в динамике имеет вид (3):

$$\Delta MBA_i = MBA_i^1 - MBA_i^0 \quad (3)$$

где MBA_i^1 и MBA_i^0 – значение показателя деловой активности в отчетном и базисном периодах соответственно.

Тогда с помощью метода цепных подстановок представляется возможным оценить данное изменение от изменений значений мультипликаторов (4):

$$\Delta MBA_i = \Delta MBA_i^{CE} + \Delta MBA_i^{RU} + \Delta MBA_i^{DE} + \Delta MBA_i^{TB} + \Delta MBA_i^{DR} \quad (4)$$

Основываясь на предложенной методике и составленных матрицах межотраслевых балансов были рассчитаны значения мультипликатора деловой активности и его составляющих на примере России и ее крупнейших стран-партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2000-2011 гг. (таблица 1).

Таблица 1 – Факторный анализ изменения мультипликатора деловой активности России и стран АТР за 2000-2011 гг.

Страна	ΔMBA	ΔMBA^{CE}	ΔMBA^{DE}	ΔMBA^{TB}	ΔMBA^{DR}
Россия	-0,0297	-0,0658	0,2755	-0,2311	-0,0083
Китай	-0,0556	-0,0559	-0,0144	-0,0069	0,0217
Индия	-0,0021	-0,0079	-0,0926	-0,0458	0,1441
США	0,0169	0,0156	-0,1193	0,0123	0,1083
Ю. Корея	-0,0608	-0,0613	-0,0661	-0,0101	0,0768
Япония	-0,0160	-0,0220	-0,1251	-0,0812	0,2122

Источник: рассчитано автором

Результаты расчетов, представленные в таблице 1, показывают, что в России за рассматриваемый период мультипликатор деловой активности снизился на 2,97%. Преимущественно это обусловлено снижением значения мультипликаторов торгового баланса на 23,11% и экономической эффективности затрат на 6,58%. В свою очередь благоприятная тенденция увеличения значения мультипликатора спроса на товары и услуги на 27,55% оказалась недостаточной для демонстрации положительного прироста деловой активности страны.

Отрицательный прирост показателя деловой активности Китая на 5,56% спровоцирован в большей степени снижением мультипликатора экономической эффективности затрат на 5,59%, т. е. увеличением затрат на производство.

В Индии снижение значения мультипликатора деловой активности на 0,21% произошло за счет изменения мультипликатора спроса на товары и услуги на -9,26% и изменения мультипликатора торгового баланса на -4,58%. Это свидетельствует о том, что индийские предприятия и организации за 2000-2011 гг. в определенных отраслях экономики стали активнее привлекать иностранные ресурсы для собственного производства.

Положительное изменение мультипликатора деловой активности США на 1,69% обусловлено увеличением темпов прироста экспорта по сравнению с темпами прироста импорта: значение состояния мультипликатора торгового баланса увеличилось на 1,23%. Также на общую

положительную динамику деловой активности страны оказал рост показателя экономической эффективности затрат на 1,56%.

Отрицательная динамика доли ВДС в валовом выпуске наблюдалась в Ю. Корее: значение *MVA* сократилось на 6,08%. Наибольший вклад в изменение внесли мультипликаторы экономической эффективности затрат (-6,13%) и эффективности использования ресурсов (-6,61%).

Согласно нашим расчетам на изменение мультипликатора деловой активности Японии наибольшее влияние оказал мультипликатор спроса на товары и услуги (-12,51%) за счет снижения темпов прироста объемов товаров и услуг, используемых отраслями экономики для собственного производства, конечного потребления и валового накопления. Стоит особо отметить положительное влияние импорта на состояние экономики страны. Так, на конец рассматриваемого периода увеличение импортных поставок товаров и услуг привело к тому, что значение ВДС в общем объеме валового выпуска под действием этого фактора возросло на 21,22%.

Таким образом, анализ деловой активности России и крупнейших стран Азиатско-Тихоокеанского региона показал, что, несмотря на стремительный экономический рост ряда стран АТР (США, Китай, Ю. Корея, Япония и Индия) результативность производства по определенным видам экономической деятельности в динамике снижается. В большинстве стран региона наблюдается рост деловой активности в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, динамика мультипликатора которого по видам экономической деятельности описана выше. При этом стоит отдельно отметить роль России в АТР. Присутствие России в регионе рассматривается рядом стран как важной составляющей в ресурсно-сырьевом аспекте, а в действительности же внешняя обстановка характеризуется достаточно слабым экономическим и финансовым влиянием.

Библиографический список:

1. Фатхуллина А.А. Деловая активность как многоуровневая категория // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 166-172
2. ISM Glossary of Key Supply Management Terms. Официальный сайт Института управления поставками [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instituteforsupplymanagement.org/glossary/Glossary.cfm>
3. Revision of the Sample Design of the Tankan Using the Economic Census of Japan. Официальный сайт Банка Японии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.boj.or.jp/en/research/brp/ron_2016/data/ron160923a.pdf

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

Меркушова Н.И.

Предпринимательство является драйвером современной экономики. Хотя данные по составу предпринимателей для разных стран варьируются, повсюду мужчин среди них значительно больше, чем женщин. В то же время наблюдается тенденция к увеличению количества бизнесов, создаваемых женщинами [1]. Участие женщин в предпринимательстве расширяет диапазон женских социальных ролей и ценностные ориентиры, расширяет границы социального пространства для выбора стратегии поведения и свободы маневра женского социума, противодействует феминизации бедности. Несмотря на развитие в современном обществе идей равенства полов, представления о предпринимательстве имеют явную гендерную окраску: достаточно распространен стереотип, при котором женщина-предприниматель оценивается по мужским качествам, к которым относятся агрессия и избыточная уверенность в себе.

Вопросам женского предпринимательства в последнее время уделяется повышенное внимание, так как именно развитие этой составляющей предпринимательской экосистемы может привести к существенному улучшению экономических показателей в регионе АТР и снизить последствия экономических кризисов. Так, лидеры АТЭС (2016 год) признали вклад женщин в

социально-экономическое развитие и приняли декларацию, в которой, в частности, провозглашается следующее: «Мы признаем, что вклад женщин в социально-экономическое развитие критически важен, и обязуемся проводить на всех участках работы АТЭС генеральную линию на обеспечение гендерного равенства и усилении роли женщин в жизнедеятельности наших экономик, обеспечение равного доступа женщин к качественному образованию и экономическим ресурсам».

Исследования, посвященные теоретическим и практическим аспектам развития женского предпринимательства в мире, можно структурировать следующим образом:

- развитие женского предпринимательства в отдельных странах в историческом контексте;
- особенности женского предпринимательского поведения, в том числе и в части причин обращения к предпринимательской деятельности;
- исследование баланса бизнес-семья при реализации женщиной предпринимательской функции;
- значение предпринимательства для женщин, в частности, ряд исследований отмечает, что для женщин создание своего бизнеса означает пробить «стеклянный потолок», который часто существует для них в крупных корпорациях при определении уровня заработной платы и продвижении по карьерной лестнице по сравнению с мужчинами;
- особенности развития женского бизнеса в развитых и развивающихся странах, в последних женское предпринимательство характеризуется низким уровнем образования, отсутствием опыта, размер бизнеса – от микро до малого предприятия, сам бизнес часто связан с семьей, существенное влияние культурных и религиозных норм на деловую активность бизнеса. Основным вектор женского предпринимательства в развивающихся странах – борьба с нищетой. В развивающихся странах для женского предпринимательства в большей степени характерна социальная ответственность бизнеса и лучшее понимание потребностей потребителей [2-7].

Женское предпринимательство в России имеет значительный потенциал роста. Так, по данным, представленным Торгово-промышленной палатой РФ (2015 год) только 4 % россиянок ответили, что имеют собственный бизнес, 25% отметили, что видят предпринимательский потенциал в себе (в мире эта цифра составляет 42%).

Развитию женского предпринимательства во многом способствуют общественные и некоммерческие организации (в России это, например, Общероссийская общественная организация «Женщины бизнеса», Ассоциация женщин-предпринимателей России, которая отметила в этом году 25 лет своего существования, в Китае – Всекитайская федерация женщин, действующая с 1949 года), финансовые фонды (например, IFC - международная финансовая корпорация из группы Всемирного банка. 50 летний опыт работы IFC по всему миру доказал: женщины в бизнесе – драйверы развития, фирмы работают лучше и их прибыли больше, когда женщины участвуют в бизнесе наравне с мужчинами. Корпорация способствует вовлечению женщин в предпринимательство, стараясь сократить гендерное неравенство по всему миру).

Развитие женского предпринимательства в Китае характеризуется высокой степенью вовлеченности: порядка четверти от общего количества предпринимателей составляют женщины, а интернет-стартапы, возглавляемые женщинами, составляют 55%. Правительство Китая приступило к реализации плана действий по развитию предпринимательства и инноваций среди женщин, поощряя женщин к поиску работы в новых отраслях, об этом было заявлено на посвященной 20-летию четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин, проходившей в Пекине [8].

Восточный вектор развития, обозначенный Президентом России В.В. Путиным, требует развития сотрудничества России со странами АТР по многим вопросам, одним из главных среди которых является развитие предпринимательства. В этой связи особенно важно продолжать исследования по широкому спектру предпринимательских проблем, включая женское предпринимательство и возможность обогащения опыта обеих сторон в данной области исследований.

Библиографический список:

1. Minniti, Maria; Naudé, Wim Introduction: What Do We Know About The Patterns and Determinants of Female Entrepreneurship Across Countries? // European Journal of Development Research. 2010. Jul. Vol. 22 Issue 3. P. 277-293.
2. Ghosh, Devleena 'Women' in 'Asia': an interrogation // Journal of Multidisciplinary International Studies. 2006. Jul. Vol. 3 Issue 2. P. 1-12.
3. Chen, Minglu The way to entrepreneurship: female entrepreneurs' education and work experience in Jiaocheng County, Shanxi Province, the People's Republic of China. // Journal of Multidisciplinary International Studies. 2006. Jul. Vol. 3 Issue 2. P. 1-17.
4. Appelstrand, Marie; Lidestav, Gun Women entrepreneurship – a shortcut to a more competitive and equal forestry sector? // Scandinavian Journal of Forest Research. 2015. Apr. Vol. 30 Issue 3. P.226-234.
5. Khan, B. Zorina Invisible Women: Entrepreneurship, Innovation, and Family Firms in Nineteenth-Century France // Journal of Economic History. Mar2016, Vol. 76 Issue 1, p163-195.
6. Karakire Guma, Prince Business in the urban informal economy: barriers to women's entrepreneurship in Uganda // Journal of African Business. 2015. Sep-Dec. Vol. 16. Issue 3. P. 305-321.
7. Cesaroni, Francesca Maria; Sentuti, Annalisa Women and family businesses. When women are left only minor roles // By: History of the Family. 2014. Sep. Vol. 19. Issue 3. P. 358-379.
8. Female entrepreneurs account for one quarter in China: white paper [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-09/22/content_21947630.htm
9. Women Entrepreneurship in China: Past, Present, and Future [Электронный ресурс].Режим доступа: http://www.faiobserver.com/region/central_south_asia/women-entrepreneurship-china-past-present-and-future/

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Миргалеев Т.Р.

Развитие экспортной деятельности в Российской Федерации играет исключительную роль в современных условиях, поскольку внешняя торговля является важным показателем эффективного развития экономики.

С позиций современных реалий взаимодействие отечественного производства с внешним миром в значительной степени определяется ресурсными конкурентными преимуществами. Высокая обеспеченность России дефицитными ресурсами обуславливает соответствующие экспортные возможности страны и в определенной мере повышает национальную конкурентоспособность, создавая условия сырьевой и энергетической безопасности [1, с. 17].

Россия экспортирует в основном углеводородное сырьё (нефть и нефтепродукты, газ, уголь), металлургическую и химическую продукцию, машины и оборудование, вооружения, продовольствие [2].

В 2015 году объем экспорта Российской Федерации составил 341,5 млрд долларов, сократившись на 31,4 % (497,7 млрд долларов в 2014 году) [3].

Товарную структуру российского экспорта в 2015 году составили:

- 1) топливно-энергетические товары 39,5%, против 43,6% в 2014 году;
- 2) машины и оборудование 16,4% (в 2014 году – 16,3%);
- 3) продукция химической промышленности 13,4% (в 2014 году – 11,2%);
- 4) металлы и изделий из них 10,7% (в 2014 году – 10,3%);
- 5) продовольственные товары и сырье для их производства 9,4% (в 2014 году – 8,0%);
- 6) лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия 3,8% (в 2014 году – 4,1%);
- 7) прочие товары – 6,8% (6,5 % в 2014 году).

Ниже представлен рисунок, иллюстрирующий товарную структуру российского экспорта за 2015 г.

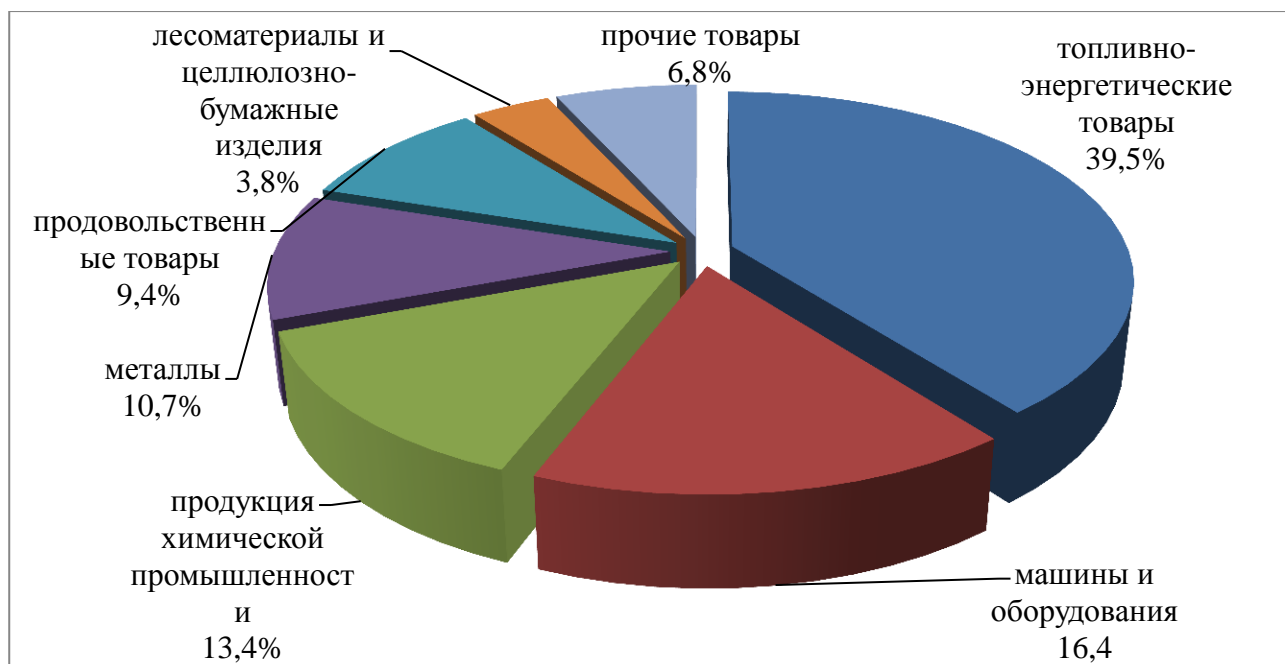


Рисунок 1 – Товарная структура российского экспорта в 2015 году, в % [4].

Проанализировав рисунок 1, можно отметить, что основную часть экспорта РФ составляют топливно-энергетические товары, а также машины и оборудование, на их долю приходится 55,9 % общего объема экспорта. Самую меньшую долю составляют лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия – 3,8 %.

К сожалению, объем экспорта в 2015 году относительно 2014 года уменьшился на 31,4 %. Основной причиной данного сокращения могли послужить: введение санкций со стороны США и ряда европейских стран, падение цен на нефть, девальвация рубля. Однако в настоящее время влияние данных факторов на объем экспорта уменьшается, так как Россия находит новые страны-партнеры, которые готовы сотрудничать для развития товарных отношений.

В настоящее время можно выделить следующие основные проблемы товарной структуры России:

1. Россия до сих пор остается одним из крупнейших поставщиков сырья: нефти, газа, химической промышленности и т.д.

2. Наблюдается усиление борьбы за доступ к природным ресурсам.

3. Недостаточно быстрые темпы научно-технического прогресса.

4. Недостаточно активная инвестиционная политика.

5. Значительное и растущее отставание России в развитии экспорта готовой продукции.

6. Негативное воздействие на экологию посредством развития добывающих отраслей.

На наш взгляд, для решения данных проблем можно использовать следующие способы:

1) развивать научные институты, которые будут заниматься созданием инновационных процессов и продуктов;

2) использовать методы государственного регулирования внешнеторговой деятельности [5];

3) государству необходимо использовать грамотную политику в области поддержки экспорта;

4) вкладывать больше усилий в развитие не добывающих отраслей экономики, тем самым повышая их конкурентоспособность как внутри страны, так и на мировом рынке;

5) создавать привлекательные условия для привлечения инвесторов;

6) расширять кооперационные связи с другими странами;

7) создавать свои линейки высокотехнологичных продуктов;

8) частично использовать опыт зарубежных стран и др.

Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития. Наличие обширных земельных территорий, природных и энергетических запасов, трудовых ресурсов и развитых технологий может позволить нам развить существующие отрасли экономики и, тем самым, увеличить объем экспортируемых продуктов.

Несмотря на то, что политическая и экономическая ситуации в мире оставляют желать лучшего, Россия благодаря грамотным и взвешенным решениям сможет стабильно развиваться и конкурировать со странами-лидерами в области экспортных отношений.

Библиографический список:

1. Гельвановский М.И. и др. Национальная конкурентоспособность: понятие, факторы, показатели // Вопросы статистики. 1999. № 12. С. 15-21.
2. Ибрагимов З.Ф., Япарова-Абдулхаликова Г.И. Экономическое диагностирование как способ оценки конкурентоспособности региона // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 6 (101). С. 201-207.
3. Единый архив социологических и экономических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:1998402624990348::NO>
4. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:1998402624990348::NO>
5. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 № 164-ФЗ (с изменениями на 13.07.2015).

ПОЯС РАЗВИТИЯ ОТ ТИХОГО ОКЕАНА ДО ПРИБАЛТИКИ

Мусеев И.Е.

Концепция «Нового шелкового пути» была четко сформулирована Китаем в 2013 г. К настоящему времени наметились основные тенденции ее реализации на краткосрочный и среднесрочный периоды.

Одновременно прорабатывается несколько маршрутов, морской, несколько комбинированных и сухопутных. Задача ставится не только в рамках транспортно-логистических решений, но и более основательно, с планированием «поясов» и узлов промышленного и научно-технического развития, вернее сотрудничества, вдоль транзитных коридоров.

Следует отметить, что среди всех вариантов будущей транспортной и производственной трансконтинентальной сети (сухопутный или смешанный вариант) наиболее коротким является диагональный маршрут с юго-востока на северо-запад (КНР – переход Достык на границе с Казахстаном – Россия - Беларусь). Данное направление обладает и рядом других преимуществ. Следует подчеркнуть подготовленность собственно транспортной инфраструктуры, характер рельефа по маршруту (преимущественно равнинный), минимальное количество пунктов перевалки, таможенных переходов и границ, отсутствие военно-политических рисков. Схожими параметрами обладает и Транссибирский маршрут [1].

Показательно, что только эти направления к настоящему времени вошли в полноценный рабочий режим. В конце 2014 г. странами Таможенного союза была создана Объединенная транспортно-логистическая компания (ОТЛК), куда соучредителями вошли Белорусская железная дорога, ОАО «Российские железные дороги» и АО «Национальная компания «Казахстан темір жолы», а уже в феврале 2015 г. по маршруту Китай – Германия пошли поезда. Интенсивность движения была доведена до 20 составов в неделю и по результатам 2016 г. ожидается удвоение показателей (по отношению к 2015 г.) [2].

В сентябре 2016 г. ОТЛК договорилась с Латвийской железной дорогой (LDz) о едином тарифе для перевозки грузов, что позволяет подключить к проекту порты Латвии. А уже в конце

октября 2016 г. из китайского города Иу в Ригу выехал тестовый контейнерный поезд. Провожавший состав министр сообщения Латвии У. Аугулис назвал это событие историческим для Латвии [3].

В тоже время предпринятая в начале 2015 года попытка обкатать маршрут из Китая в обход России через Кавказ и Украину с выходом на порты стран Балтии успеха не имела (получается дольше, дороже, инфраструктура не готова, много погранпереходов, необходимо несколько раз менять виды транспорта или проводить перегрузку и др.) [4].

Пока почти весь транзит грузов проходит через мощности «сухого порта» – Бреста, чья инфраструктура позволяет увеличить объем оказываемых услуг по контейнерам в десять раз [5].

Китайскую сторону интересует не только чисто сухопутный маршрут через Брест, активно прорабатывается направление на порты стран Балтии. Так, в начале июля 2015 года в Клайпеде прошел форум «Экономический пояс и Шелковый путь», в ходе которого между Клайпедским портом и портом Шэньчжень подписан договор о сотрудничестве (подобное мероприятие в 2014 году проводила и Латвия). Корпорация «СМГ» подписала протокол о намерениях с дирекцией Клайпедского порта и предприятием услуг логистики «VPA Logistics» о развитии сотрудничества. В мае 2015 г. протокол о намерениях был подписан с Литовскими железными дорогами, Клайпедским государственным морским портом и Каунасской СЭЗ. При этом китайскую сторону интересовали прежде всего возможности доставки грузов между Клайпедой и Минском как планируемых к производству в индустриальном парке «Великий камень», так и следующих из Китая, что сохраняет транзит через территорию Беларуси в любом случае [6].

В 2015 году начались встречные работы по электрификации участка железной дороги от Молодечно в Беларуси (Минское направление) до Новой Вильни в Литве с перспективой продолжения проекта до Клайпеды, что позволит снизить транспортные издержки на этом участке на треть, повысив привлекательность направления [7].

Впрочем, латвийское направление тоже не сбрасывают со счетов. Руководство Белорусской железной дороги в мае 2015 года сообщило о готовности рассмотреть со своими российскими и латвийскими коллегами вопрос электрификации участка Смоленск – Витебск – Даугавпилс – Рига, а в ходе Белорусской транспортной недели в начале октября 2015 г. подтвердило намерение электрифицировать железнодорожный путь на Латвию через Даугавпилс [5]. Правительство Латвии со своей стороны прорабатывает возможность привлечения фондов Евросоюза для проведения встречных работ на своей территории [8].

Однако это более отдаленная перспектива, как и планы создать логистический узел с участием китайского капитала в районе Орши (город стоит на пересечении и примерно в центральной части как II-го, так и IX-го транспортных еврокоридоров), откуда открывается удобный выход на Латвию. Пока белорусская сторона приступила к строительству самостоятельно [9].

Есть все основания предположить, что ключевым узлом (хабом) западной оконечности нового Шелкового пути на ближайшую перспективу станет площадка Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень». Крупнейший из операторов государственных портов Китая – корпорация «China Merchants Group» («СМГ») намерена до весны 2017 г. запустить на территории парка торгово-логистический центр. Затем ожидается вступление в строй экспортноориентированных производств других резидентов парка [10].

Объективным фактором, который в любом случае будет влиять на развитие ситуации, является также строительство на южном побережье Финского залива многофункционального перегрузочного комплекса «Бронка». Пропускная способность первой очереди порта позволит обрабатывать более одного миллиона TEUs контейнерных грузов [11]. Во всяком случае, контейнеры из Китая будут приходить в регион по российским железным дорогам.

Однако в конечном счете положение дел в трансконтинентальном транзите будет определяться в рамках взаимоотношений между созданной Россией, Казахстаном и Беларусью «Объединенной транспортно-логистической компанией», грузоотправителем (Китай) и грузополучателем (прежде всего Германия).

Для России реализация концепции «Нового шелкового пути» (с подключением Северного морского пути) может стать наиболее крупным проектом по комплексному взаимодействию со странами АТР, с одной стороны, и Евросоюзом, с другой, вернув ей роль географической оси истории.

Библиографический список:

1. Князев С. Триумф геополитики: дракон в Российских транспортных коридорах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news-front.info/2016/09/09/triumf-geopolitiki-dragon-v-rossijskix-koridorax-svyatoslav-knyazev/>.
2. Железные дороги России, Белоруссии, Казахстана наращивают китайский транзит [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/ecjnjmy/2183234.html>.
3. Из Китая в Ригу выехал первый тестовый контейнерный поезд транзит [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.baltic-course.com/rus/good_for_business/&doc=124902.
4. Сутырин В. Украина и Литва подключат Белоруссию к Шелковому пути? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/articlt/ekonomika-i-biznes/06022016-shelkovyj-put/>
5. Белорусская транспортная неделя: Вектор Шелкового пути [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baif.by/stati/beloruskaya-transportnaya-nedelya-vektor-shelkovogo-puti/>.
6. Клайпедский порт и VPA Logistics подписали протокол намерений с китайцами [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.baltic-course.com/rus/good_for_business/?=111399.
7. Электрификация железной дороги от Литвы до Беларуси закончится в марте 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.Baltic-course.com/rus/good_for_business.
8. Правительство решит об электрификации латвийской железной дороги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baltic-course.com/rus/transport/&doc=123424>.
9. Первая очередь промышленно-логистического комплекса под Оршей будет введена в начале 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ww.belta.by/printv/economics/view/pervaja-ochered-promyshlenno-logisticheskogo-kompleksa-pod-orshej-budet-wedena-v-nachale-2018-goda-220393-2016/>.
10. Беларусь улучшит инвестиционный климат парка «Великий камень» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/belarus-uluchshit-investitsionnyj-klimat-parka-velikij-kamen-173753-2015/>.
11. Порты: разговоры об импортозамещении и конкретные белорусские грузы в Литве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/1985469.html>.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Москвин А.Н., Пургина М.М.

Для Российской Федерации современная внешнеполитическая ситуация, характеризующаяся санкционной политикой стран Запада, диктует необходимость поиска новых возможностей для реализации интересов в Азии. Традиционно и исторически для России основным регионом для сотрудничества являлась Европа, что становится очевидным, исходя из торгово-экономических показателей. Однако в условиях санкционной политики стран ЕС в отношении РФ индикаторы, отражающие состояние экономического сотрудничества между странами, приобретают тенденцию к снижению [2, с. 152], но тем не менее Европейский союз остается основным крупнейшим инвестором в экономику России [4]. Несмотря на это, существующий негативный курс развития отношений создает стимул для поиска новых партнерств, которые как минимум компенсировали бы причиненный ущерб.

В связи с этим со стороны России исходит инициатива активизации альтернативных линий взаимодействия, и, как отмечают многие исследователи, наибольшим потенциалом обладает сотрудничество России и Китая в силу особенностей геополитического развития стран и схожих представлений о необходимости трансформации существующей модели мироустройства [1, с. 18].

Именно в условиях создаваемой изолированности России странами ЕС и США российско-китайские отношения представляют особый интерес для исследования.

Целью статьи является систематизация знаний о российско-китайских взаимоотношениях в условиях санкционной политики стран Запада в отношении РФ, представленных в отечественной научной литературе. Таким образом, на рассмотрение берется явление, которое имеет существенное значение не только в рамках взаимодействия двух государств, но и в масштабах мировой политической арены в целом. В статье мы попытаемся изложить основные представления отечественных исследователей относительно сотрудничества двух стран в контексте современности и разобраться, где находятся точки соприкосновения интересов стран и кто в итоге займет более выигрышную позицию от такого сотрудничества.

Быстрый темп развития глобализации наделил российско-китайское сотрудничество общей целью, которая состоит в стремлении обеих стран к модернизации и динамизму в развитии путем использования собственных достижений в области научно-технического прогресса и заимствований результатов развитых стран. Однако Китай и Россия вошли в мировую экономику на разных этапах развития общества и с разным собственным экономическим развитием. Россия до сих пор занимает позицию крупного сырьевого поставщика, имея серьезные проблемы в инвестиционном климате, развитии бизнеса, научно-техническом прогрессе и коммерциализации его достижений. Китай же, по мнению политологов, уже сейчас находится в центре Азиатско-Тихоокеанской геополитики, вокруг которого происходит интеграция других стран, в том числе и России [6, с. 106]. Китай является мощной мировой державой и пытается занять доминирующее положение в АТР. Естественно, сотрудничество с такого рода страной благотворно повлияет на развитие России.

Уже сейчас наблюдается активное участие Китая в предпринимательской и инвестиционной политике РФ, правда, пока что оно ограничивается сугубо интересами китайского государства. Стоит ли говорить о том, что партнерские отношения с Китаем для России имеют большое значение, однако имеют ли такое же значение эти отношения для Китая. Безусловно, РФ выступает крупным поставщиком сырья для китайского производства.

Пока экономики Китая и России практически не конкурируют на мировом рынке, хотя политологи не исключают, что могут возникнуть экономические сложности, и задаются вопросом, как это повлияет на политические отношения двух государств. Поэтому выстраивание крепкого, небезосновательного сотрудничества между двумя сильными мировыми державами дает перспективы экономического и политического благополучия в дальнейшем [6, с. 104-114].

Особенностью политики Китая и России является то, что обе страны стремятся к сохранению национальной идентичности и уходу от влияния стран Запада. Российско-китайские отношения никогда не были однозначными, но в современных условиях нарастания влияния стран ЕС и США необходимость установления тесного сотрудничества все больше возрастает. Тут стоит упомянуть и о стремлении стран к построению биполярного мира.

Союз Китая, активно претендующего на лидерские позиции в мировой экономике, и России, которая является мощной военно-политической силой, способен как раз взять на себя роль сдерживания американской гегемонии и выступить вторым центром тяжести в мировой политике. Именно здесь позиции РФ и Китая находят общее поле для активного взаимодействия. Во-первых, Россия обеспечивает себя партнерами в условиях санкционной политики стран Запада и в целом за счет активизации сотрудничества с Китаем пытается минимизировать убытки. Во-вторых, РФ активно развивает экономические отношения с Китаем: тут можно говорить о китайском инвестировании в развитии российского бизнеса, экспорте, реализации нефтегазовых проектов и т.д. Для России Китай выступает в роли экономической и политической альтернативы Западу, что в перспективе выводит наши с ним отношения на новый уровень равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия [3, с. 10].

Для Китая такое сотрудничество также имеет ряд преимуществ. Во-первых, Россия – страна с богатейшими запасами ресурсов в значительной степени могла бы обеспечить Китай необходимым

экспортом. Во-вторых, Россия, обладая значительным военно-промышленным потенциалом, в перспективе, способствовала бы становлению Китая не только в качестве мощной экономической, но и политической державы.

Однако сотрудничество по ряду вопросов еще не означает отсутствие конфликта интересов и разных подходов к регулированию актуальных и важных вопросов глобального и регионального развития. Разногласия между странами происходят как на уровне межгосударственных переговоров при подписании экономических контрактов, так и при решении глобальных политических вопросов, где сферы интересов государств не пересекаются. Так, к концу 2015 г. между странами в ряде экономических проектов начали возникать проблемы. В декабре 2015 г. российские СМИ сообщили о срывах в переговорах по продаже доли в проекте «Ямал-СПГ» китайскому Фонду «Шёлкового пути», который выдвинул новые требования по цене сделки [1, с.25]. Что касается участия стран в мировой политике, то отмечается пассивность поддержки китайской стороной российской позиции по вопросам Украинского кризиса, Сирии, ядерной программы КНДР, противостоянию ИГИЛ. Китай в первую очередь озабочен своими собственными проблемами в Восточной и Юго-Восточной Азии, где возрастает активность США.

Таким образом, сегодня вектор отношений между Китаем и Россией приобретает характер тесного сотрудничества на фоне общих представлений о формировании многополярной модели мира, о чем неоднократно заявляли первые лица государств. Отечественные политологи и эксперты, отмечая наличие общих целей и стратегий в развитии сотрудничества, указывают на его неоднозначность и сложность. Российско-китайские отношения исторически имеют волнообразный характер: в разные периоды истории они складывались по-разному. Несмотря на значительную результативность данного сотрудничества сегодня, эксперты высказывают мнение о преимуществах в первую очередь для китайской стороны от сотрудничества с Россией. В российско-китайских взаимоотношениях Китай занимает более выигрышную позицию, так как именно за счет российского вооружения и сырья он может занять доминирующую позицию в регионе. Сейчас можно наблюдать открытый, прямой диалог между Китаем и Россией, но неизвестно, каким он будет в дальнейшем, будут ли совпадать интересы стран в будущем. Необходимо понимать, что это выгодное в экономическом и политическом плане сотрудничество полезно и для России, и для Китая до тех пор, пока удовлетворяются интересы каждого из государств. Любое расхождение в интересах встанет барьером для развития плодотворных отношений между странами, и преодолеть его будет не так просто. Тем не менее развитие российско-китайских отношений представляется принципиально важным. Китай - ключевой игрок в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии. В силу геополитического положения РФ следует искать в лице Китая, прежде всего, партнера и союзника. Доверительные отношения между странами станут не только залогом выгодных экономических проектов, но и фактором стабильности в регионе.

Библиографический список:

1. Волынчук А.Б., Волынчук Я.А. Российско-китайское сотрудничество – синдром отложенного партнёрства // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 17-26.
2. Мамаева В.Е., Мамаев А.Е. Россия в период санкций США и ЕС // Актуальные проблемы экономики современной России. 2016. № 3. С. 151-156.
3. Портяков В.Я. Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. Том 18. С. 7-17.
4. Представительство Европейского Союза в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/trade_relation/index_ru.htm
5. Репникова В. Последствия санкций ЕС для экономики РФ // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. № 36. С. 13-16.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИИ И СТРАН АТР В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Овчаренко Н.П., Галенко Е.В.

Интернационализация бизнеса и экономики при всех преимуществах, тем не менее превратилась в глобальную проблему. Предприятия всё в большей мере приобретают международный характер, и всё чаще подчеркивается требование интернационализировать взгляды менеджеров. Это означает необходимость более широкого учета различий национальных культур.

Питер Ф. Друкер объясняет это явление так, что по мере глобализации экономики происходит «рост национальной и локальной обособленности, которая обусловлена экономически, но прежде всего политически». Иными словами, рост национально-культурной обособленности является защитной ответной реакцией на новые глобальные экономические реалии [1].

Термин «межкультурная коммуникация» впервые употребил американский антрополог и культуролог Эдуард Холл в 1954 году в совместной работе с американским лингвистом Джорджем Трагером. Он определил межкультурную коммуникацию (МКК) как предмет научных исследований.

В своих работах Э. Холл связал понятия «культура» и «коммуникация» [6 с. 10]. Именно работы Э. Холла создали предпосылки практического применения классических теорий культурной антропологии при изучении взаимодействия представителей различных наций и определили главной целью МКК организацию эффективного межличностного общения носителей разнообразных культур.

Под МКК понимается общение и взаимодействие представителей различных культур. Владение МКК компетенцией означает функциональные умения понимать мнения и взгляды представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей и норм поведения.

МКК присутствуют в различных отраслях экономики. Сфера туризма и гостеприимства не является исключением. Межкультурные связи в туризме имеют ярко выраженный характер, взаимодействие представителей разных культур происходит повсеместно, это может быть и аэропорт, средство размещения, предприятия питания, а также другие объекты индустрии гостеприимства.

Потоки иностранных туристов во Владивосток возрастают, и интерес к Приморскому краю среди зарубежных гостей значительно увеличивается, больше всего в Приморье туристов из стран АТР, лидерами по прибытиям являются китайцы. Следовательно, вопросы МКК взаимодействия являются актуальными в нашем регионе.

Несмотря на органичную вовлеченность туризма в международные отношения, это явление еще мало изучено с позиции гуманитарного знания, что свидетельствует о недостаточной научной разработанности [5].

Помимо теоретического аспекта рассматриваемой темы, для туристской деятельности она имеет практическое значение, а именно управление МКК на предприятиях индустрии гостеприимства.

В исследуемой проблеме выделим два аспекта:

1. Обслуживание иностранных гостей на предприятиях индустрии гостеприимства.
2. Влияние МКК на деятельность организации.

Обращаясь к первому вопросу необходимо понимать и знать менталитет клиентов, которых необходимо обслуживать в гостиницах, ресторанах, на экскурсиях. Менеджерам организаций, функционирующим на основе пересечения различных национальных культур, необходимо уметь быстро ориентироваться в ситуации и адаптироваться к ценностям, традициям и менталитету

клиентов. Все очевиднее становится тот факт, что для этого требуется не только интенсивное изучение иностранных языков, но и понимание чужих обычаев и культур.

Проведенное исследование среди работников индустрии о знании особенностей национального характера, показало, что ответы респондентов в этой области не отличались большим разнообразием (таблица 1).

Таблица 1 – Особенности национального характера глазами респондентов

Китайцы	Корейцы	Японцы
Наиболее распространённые ответы (расположены в порядке убывания)		
Нечистоплотные Трудолюбивые Хитрые Много и громко говорят Часто опаздывают Дружелюбные Навязчивые (приставучие) Эмоциональные Гостеприимные Приветливые	Трудолюбивые Добрые Спокойные Красивые Альтруисты Вежливые к иностранцам Хорошие	Сдержанные Пунктуальные Вежливые Скромные Пунктуальные Воспитанные Дисциплинированные Спокойные Рассудительные Чистоплотные Добрые Воинственные Замкнутые Аккуратные Ценят свои традиции Готовность служить своей стране Любят рыбу и морепродукты

Источник информации: исследование авторов

При этом около 85% опрошенных главной чертой китайцев назвали нечистоплотность. В оценках преобладает негативный фон в оценках китайцев русскими респондентами. Около 15% участвующих в опросе, не смогли назвать ни одной особенности национального характера, свойственной китайцам. На вопрос о чертах характера корейцев смогли ответить всего 27% респондентов и, как видно из приведённых ответов, воспринимаются корейцы более положительно, нежели китайцы. Назвать черты характера японцев смогли 82% опрошенных и именно здесь наблюдается наибольшее разнообразие оценок. Оценки эти в большинстве своём также положительные.

Построение эффективных МКК может служить катализатором для успешных бизнес-процессов в компании. МКК технологии являются компетентностью компании, содействуют поступлению знаний, ценностей, опыта из различных культурных источников внутри и вовне организации и преобразуют их в поведение и услуги [8].

В настоящее время одним из немногих критериев для сопоставления различных культур является показатель "индивидуализм - коллективизм". Иными словами, в одной культуре человек будет принимать решения, ориентируясь на потенциальную реакцию соответствующей социальной группы (Япония), в другой - на собственную, личную оценку (США).

Однако существуют и другие критерии, одним из которых является способ такого объективного измерения реальности, как время. По этому критерию несколько сотен национальных и региональных культур мира могут быть поделены на три группы:

- моноактивные - культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент (task - oriented) (американцы, англичане, немцы, северные европейцы);

- полиактивные - подвижные, общительные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного мероприятия в данный момент (people - oriented) (латиноамериканцы, южные европейцы, россияне);
- реактивные - культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны (respect - oriented listeners) (японцы, китайцы, финны, корейцы, турки) [4].

При совместной работе персонал, принадлежащий к моноактивной культуре, испытывает раздражение по поводу отношения ко времени, к деятельности у людей, относящихся к полиактивной культуре. До тех пор, пока одна из сторон не приспособится к другой, будут возникать постоянные конфликты. Также возникают различные трения при общении персонала моноактивного и полиактивного типов с персоналом реактивных культур. Моноактивным людям реактивная тактика кажется очень сложной для понимания, поскольку она не вписывается в линейную систему («вопрос – ответ», «причина – следствие»). Полиактивные люди, привыкшие к экстравертному поведению, считают их непроницаемыми, слабо или вообще не реагирующими на ситуацию [4].

Таким образом, значение МКК огромно в современном мире, позволяет управлять культурным разнообразием, не допускать межкультурных конфликтов, эффективно управлять бизнесом на стыке и при взаимодействии культур, управлять поликультурными бизнес коллективами.

Библиографический список:

1. Бунина В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: ГУУ, 2009. 128 с.
2. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке: хрестоматия. Из-во: Вильямс, 2010. 127 с.
3. Жукова М.А. Менеджмент в туристском бизнесе. М.: Кнорус, 2009. 192 с.
4. Рогачева В.И. Туризм как феномен кросс-культурной коммуникации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/turizm-kak-fenomen-kross-kulturnoy-kommunikatsii#ixzz4QLAVEI2v>.
4. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 271 с.
5. Eagleton T. The idea of culture. Blackwell Publishing, 2012. 156 p.
6. Denny S. Culture and its influence on management: a critique and an empirical test // In: International management: theories and practices. Ed. Tayeb M. Pearson Education, 2009. 79 p.
7. Holden N. J. Cross-Cultural Management: A Knowledge Management Perspective. Financial Times Management, 2009. 288 p.

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Онищенко К.С.

Российская Федерация поддерживает отношения почти со всеми странами мира и активно действует на международной арене, стремясь наладить еще более тесное сотрудничество с каждой из них. Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из тех, с кем Россия развивает хорошие взаимоотношения на протяжении десятилетий. Российская Федерация стремится расширить свое присутствие в тех районах, где «набирают силу интеграционные процессы, где не смешивают политику и экономику, а наоборот снимают барьеры для торговли, для обмена технологиями и инвестициями, для свободного перемещения людей» [1]. Республика Корея является одной из ведущих экономик региона и занимает одну из ключевых позиций среди стран АТР, поэтому она является одним из важных азиатских партнеров для России.

Дипломатические отношения между странами были установлены 30 сентября 1990 года. Развитие двусторонних отношений обусловлено взаимной заинтересованностью в расширении

делового сотрудничества государств. Также укрепление связей между ними входит в число приоритетных задач для России на азиатском направлении [2, с. 14]. Между Россией и Кореей развиваются экономические, социальные, информационные, культурные отношения и туризм.

Туризм является особым направлением в политике обеих стран. Такая ориентация во взаимоотношениях государств получила свое стремительное развитие после введения с 1 января 2014 года безвизового режима [3]. По этому соглашению корейцы и россияне могут находиться на территории другой страны в течении 60 дней, а суммарный срок пребывания не должен превышать 90 дней в течение полугода. Однако безвизовый режим касается только туристических поездок. Еще одним немаловажным фактом является то, что Республика Корея одной из первых среди стран АТР установила с Россией безвизовый режим. Это говорит о стремлении улучшить и еще более упрочить российско-корейские отношения.

Для любой страны важной задачей является привлечение дополнительного турпотока, поэтому страны проявляют к этому немалый интерес. Проведение взаимных годов туризма и отмена виз способствуют увеличению туристических поездок. Безвизовый режим заметно упрощает перелет в другую страну, что еще больше побуждает заинтересованность в странах, с которыми заключены подобные соглашения.

По данным бывшего генерального консула Республики Корея во Владивостоке Ли Ян Гу, с начала 2014 года число российских гостей страны выросло на 30% по сравнению с аналогичными показателями 2013 года [4]. В 2015 году Россию посетило 136 тысяч корейских туристов, что на 65% больше показателей за 2014 год [5].

Для того чтобы заинтересовать корейцев в активных туристических поездках в Россию и, наоборот, 2014 и 2015 годы стали «Годами взаимных визитов» [6]. Были проведены три российско-корейских форума по сотрудничеству в сфере туризма, а последний из них состоялся в июне 2015 года в Сеуле.

Одним из приоритетных направлений для поездок русских в Корею является медицинский туризм. Как отмечает мэр Сеула Пак Вон Сун, «В Южную Корею каждый год прибывает 300 тысяч «медицинских туристов. Среди них около 20 тысяч составляют россияне, и их число на протяжении последних трех лет каждый год росло в среднем на 49%» [7]. Медицинские туристы ездят для того, чтобы воспользоваться относительно дешевыми медицинскими услугами высокого качества. Также важную роль играет культурный аспект. В последнее время повышается интерес как со стороны российских, так и корейских граждан к культуре и истории друг друга, развиваются гуманитарные контакты. Россияне ежегодно ездят по образовательным программам в Корею, а корейские граждане - в Россию. Молодежь в России и по всему миру становится поклонниками корейской музыкальной культуры, поэтому молодое поколение стремится посетить то государство, чьи знаменитостей видит на телеэкранах и слышит в музыкальной индустрии.

В Корею востребованы многие направления поездок в Россию. Одним из самых доступных является Приморский край. Также популярными направлениями являются Сибирь и Центральная Россия, особенно такие города, как Москва и Санкт-Петербург. Корейцы едут в Российскую Федерацию, чтобы насладиться ее красивой природой, культурой и искусством.

Однако несмотря на развитие туристических отношений между странами, здесь также существуют свои проблемы. Многие российские граждане думают, что безвизовый режим предполагает не только поездки с целью отдыха, но и открывает шанс устроиться на работу, при этом не получая трудовую визу. Учитывая экономический кризис, который затронул Россию, и низкий курс рубля, мысль о том, что в Корею можно неплохо заработать, подталкивает россиян к нелегальной трудовой деятельности. Особенно это касается людей, живущих в Приморье и Хабаровском крае.

Из-за участившихся случаев выявления нелегальных мигрантов в 2016 году корейские власти ужесточили контроль при въезде в страну: таможенники проверяют наличие денег, на которые люди могут прожить в Корею как туристы, а также бронь в хостеле или отеле. Если же есть возможность остановиться у корейских друзей, то необходимо предоставить данные человека, у которого турист

собирается проживать. Также крайне желательно иметь обратный билет. Всю эту информацию тщательно проверяют, однако если возникают подозрения, что человек не является туристом, то его могут без объяснений отправить обратно, продержав предварительно около двух дней в миграционной тюрьме аэропорта.

По словам неудачливых туристов, таможенные власти не всегда могут выявить нелегалов из числа добропорядочных граждан и часто запрещают въезд не тем. Такие обстоятельства могут породить страх в сердцах потенциальных путешественников, и это может обернуться снижением турпотока в Страну Утренней Свежести. Однако, по словам бывшего заведующего консульским отделом Посольства России в Республике Корея Владислава Мошкучело, Иммиграционная служба Кореи утверждает, что «эти инциденты происходят не с туристами, а с лицами, пытающимися въехать в Корею с целью незаконной трудовой деятельности» [8]. Также не стоит забывать, что в Соглашении о безвизовом режиме не прописывалось требование к корейским властям мотивировать причину отказа во въезде.

Несмотря на некоторые трудности, туристические отношения между Россией и Кореей имеют хорошие перспективы. Одним из факторов взаимной дружбы являются взаимно сложившиеся положительные образы о странах. Для россиян Корея ассоциируется с промышленным и технологическим развитием [9]. У корейцев Россия вызывает представления как о бывшей социалистической стране с холодным климатом и столицей в Москве, но в последнее время к этому образу прибавился В.В. Путин, которого часто показывают по корейскому телевидению.

Продвижение сотрудничества не наталкивается на политическую подоплеку, так как стороны относятся друг к другу с миром и в принципе политически нейтральны. Они не относятся друг к другу враждебно и не видят друг в друге конкурентов, а, скорее, воспринимаются как партнеры.

Чтобы увеличить турпоток между странами, следует проводить как можно больше мероприятий для популяризации положительного образа стран. Безвизовый режим и последующие за ним годы взаимных визитов, проведение проекта «Успешная Россия», в рамках которого были проведены презентация тура Russian Tourism Road Show, Российско-Корейские Форумы по сотрудничеству в сфере туризма и разнообразные фестивали – все это было направлено на формирование у граждан положительного образа стран, помогло создать привлекательный имидж и увеличило турпоток. Однако этого мало, следует как можно чаще приобщать людей к подобным событиям.

Корея – это высокоразвитая страна, с хорошей инфраструктурой, где перекликаются современность с традиционализмом. Если говорить о России, то она имеет богатую культуру, и самыми популярными ее проявлениями являются русская классическая литература и балет. Также Россия может заинтересовать иностранных туристов своей красивой природой. Поэтому страны в целом взаимно заинтересованы в поездках друг к другу, и этот интерес со временем только увеличивается.

Библиографический список:

1. Внешняя политика России и российско-корейские отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/9369/>
2. Суслина С.С. Самсонова В.Г. Южная Корея в новой архитектуре политико-экономических связей в АТР // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 14.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.medservicekorea.com/bezvizovyi-regym>
4. Южная Корея сохранит безвизовый режим с Россией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.travel.ru/news/2014/03/24/229136.html>

5. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств. Официальный сайт Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv>

6. Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по туризму (Российская Федерация) и Министерством культуры, спорта и туризма Республики Корея по организации Годов взаимных визитов Российская Федерация – Республика Корея в 2014-2015 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902019370>

7. Пак Вон Сун: Южная Корея готова поделиться с РФ высокими технологиями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/3810157>

8. Русские туристы страдают в Южной Корее от русских же гастарбайтеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/31.10.2016/537091/russkie-turisti-stradayut-v-yuzhnoy-koree-ot-russkih-zhe-gastarbayerov.html>

9. Совместное исследование ВЦИОМ, Ханкук и IBM: Корея и Россия – партнеры или друзья? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115842>

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТАМИ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

Осмачко Н.В., Батодоржиева О.Б., Статкевич В.В.

Непостоянство и динамизм современного мира, возрастание степени неопределенности, риска и вариативности социального бытия актуализируют необходимость развития проектного мышления субъектов. Проектный подход к собственной жизни «мотивируется ценностью саморазвития и устремленностью в будущее», которое «не сложится стихийно, само собой, по воле обстоятельств», а конструируется человеком «здесь и сейчас» [1, с. 33-34]. «Проектно» мыслящий субъект корректирует свои действия, постоянно отслеживая (интуитивно и рефлексивно) изменения ситуации.

Проектная культура приобретает особое значение на этапе профессионального обучения: будущему специалисту необходимо овладеть компетенциями в сфере выбранной профессиональной деятельности, а также научиться ориентироваться на рынке труда, осознавать свое профессиональное будущее и проявлять активность. Это позволит субъекту реализовывать свое профессиональное призвание, обогащать личный опыт, обеспечивать развитие профессиональных способностей и достигать намеченных целей, то есть осуществлять профессиональную карьеру [2, с. 10].

Конечно, проектирование профессиональной карьеры зависит в значительной степени от ресурсов среды, в первую очередь от рынка труда, в рамках которого формируется совокупный спрос и предложение на рабочую силу. Спрос на выпускников по направлению «социология» (как бакалавров, так и магистров) на рынке труда ДФО практически отсутствует. Так, в Хабаровском крае выявлено только 0,02% рабочих мест с обязательным требованием специального социологического образования, практически отсутствует территориальное профессиональное сообщество [3, с. 325]. Более того, стратегические ориентиры в развитии рынка труда на Дальнем Востоке, представленные в «Навигаторе профессий, актуальных на Дальнем Востоке в 2016-2021 гг.», не содержат сведений о существующих и планируемых рабочих местах, связанных с профессией социолога [4].

Принципиально важным субъектом проектирования карьеры является образовательное учреждение, в котором студенты проходят профессиональную подготовку. В настоящее время обучение социологов в Дальневосточном федеральном округе осуществляется в 10 вузах, из них – в 3 вузах г. Владивостока Приморского края [5]. Одной из ведущих образовательных организаций в регионе является Дальневосточный федеральный университет, миссия которого заключается в подготовке кадров для комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [6], в частности, для Дальнего Востока. В ДВФУ по направлению бакалавриата «Социология» обучается 101 студент. Ресурсы вуза – его образовательная инфраструктура,

программы, методы приобретения профессиональных знаний, система взаимодействия с работодателями и др. – влияют на проектирование профессиональной карьеры студентами.

Как следствие, возникает исследовательский вопрос: как в ситуации ограниченного спроса на социологов в регионе проектируют свою профессиональную карьеру обучающиеся по этому направлению?

Ответ на него был получен в рамках разведывательного социологического исследования. Объем выборочной совокупности составил 45 студентов, обучающихся на 2, 3 и 4 курсах. Студенты первого курса не были включены в генеральную совокупность, так как программа обучения («Бакалавриат.2.0») у них принципиально иная. Единицы наблюдения отбирались методом основного массива.

Сначала определялось, какой смысл студенты вкладывают в понятие профессионального успеха. 75% опрошенных ответили, что это значит «быть специалистом в своем деле», 40% – «занимать солидную должность».

Основными условиями, влияющими на успех в профессиональной карьере, по мнению респондентов, являются «знание своего дела» (89%), образование (58%), наличие опыта работы (53%) и лидерские качества (49%).

На проектирование профессиональной карьеры студентами в значительной степени влияют мотивы выбора направления подготовки. Было установлено, что только 13% опрошенных хотели получить профессию социолога. Остальные были движимы иными мотивами: «получить диплом о высшем образовании» (38%), 31% «получить высшее гуманитарное образование», а 16% респондентов ответили, что случайно оказались на данном направлении, так как по результатам ЕГЭ не смогли пройти на другое направление подготовки. При этом осознанный выбор университета сделали 42% студентов: они проанализировали качество образования в различных вузах и предпочли именно Дальневосточный федеральный университет. Каждый третий респондент ответил, что совершенно случайно оказался в ДВФУ, 9% опрошенных поступили в вуз по совету родителей, а 7% выбрали ДВФУ из-за его престижа. Заметим, что приведенные результаты подтверждают вывод исследователей о том, что для современного молодого человека профессиональное образование является инструментом реализации социальных, а не специально-профессиональных запросов. Основной чертой личности выпускников вуза является стремление найти место в жизни, а уже затем стать специалистом в определенной сфере деятельности.

Доминирование в выборе студентами направления подготовки мотивов, не связанных с будущей профессией, позволило предположить, что ответы на последующие вопросы (об удовлетворенности выбором, дальнейших профессиональных планах) в основном не будут связаны с социологией.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы выбором направления?» 40% респондентов ответили «да», 18% отметили позицию «нет», а 42% опрошенных затруднились с ответом.

Студентам также было предложено оценить качество образования, получаемого в вузе. В результате 24% опрошенных поставили «удовлетворительно», 53% – «хорошо», а 18% – оценку «отлично».

При этом молодые люди не владеют информацией о наличии в вузе структур, занимающихся консультированием по вопросам развития карьеры, конкурсными программами, взаимодействием с потенциальными работодателями. 82% студентов не посещают мероприятия, проводимые специалистами в ДВФУ. Можно предположить, что такой высокий процент не участвующих и неинформированных студентов обусловлен совокупностью факторов: слабой мотивацией в профессиональном обучении, их пассивной позицией, отсутствием в вузе системы контроля над процессом вовлечения студентов в действующие программы и проекты.

Профессиональные планы в сфере деятельности социолога репрезентируют только четверо (9%) опрошенных. Однако, по мнению студентов, профессиональные компетенции социолога могут пригодиться не только (и не сколько) в социологических центрах, но также в иных сферах

деятельности. Например, в менеджменте, маркетинге и связях с общественностью, системе государственного и муниципального управления, политике, образовательных учреждениях.

Обобщая результаты исследования, следует отметить, что студенты направления «социология» проектируют свои карьерные планы в различных областях деятельности. Они считают, что получают в вузе «хорошее» образование и профессиональные компетенции социолога могут быть использованы в трудоустройстве «не по специальности». Такие характеристики индивидуального проектирования профессиональной карьеры студентами обусловлены, с одной стороны, низкой востребованностью выпускников-социологов на рынке труда Дальнего Востока, но, с другой стороны, слабой активностью обучающихся по направлению «социология».

Библиографический список:

1. Гречко П.К. Человек. К вопросу о проектировании себя // Вопросы социальной теории. 2016. Том VIII. Вып. 1-2. С. 25-34.
2. Жуковская О.В. Проектирование профессиональной карьеры российской молодежи в системе высшего образования: управленческий аспект: автореф. дис. ... канд. социол.наук. Хабаровск, 2010. 25 с.
3. Кривоносова Л.А. Социологическое образование и оценка конкурентоспособности образовательных программ // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 325-327.
4. Навигатор профессий актуальных для Дальнего Востока 2016-2021 гг. Разработано Минвостокразвития России и АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hcfe.ru/news1/navigator>
5. Статистическая информация о количестве вузов в России, 2016 г. // Российское образование. Федеральный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <http://www.edu.ru/vuz/>
6. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон: [принят 01.09.2013 г.]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/>

**СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ
В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
(НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)**

Осмачко Н.В., Чистик К.В.

Занятость для всех людей является главным источником существования; от нее зависит благополучие общества, его полноценная жизнедеятельность. Отношения, складывающиеся в сфере занятости, на рынке труда в целом имеют социально-экономический характер, и затрагивают насущные потребности большинства населения страны. Через механизм рынка труда устанавливаются уровни занятости населения, заработной платы, реализуются и сталкиваются интересы трудоспособных людей и работодателей.

В социологии занятость определяется как участие населения в трудовой деятельности, включая учебу, службу в армии, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми [1, с. 401]. *В свою очередь, сфера занятости населения представляет собой сложную социально-экономическую систему, включающую трудоустройство граждан, рабочие места и их создание, получение образования, профессионально-квалификационную подготовку и переподготовку безработных и наемных работников, уровень и качество жизни населения, демографические процессы и другие аспекты.* С одной стороны, состояние сферы занятости населения определяется функционированием экономики и рынка труда, и, с другой стороны, от тенденций, складывающихся в сфере занятости, зависят и развитие экономики, и благосостояние всего общества [2, с. 1063].

Анализ сферы занятости населения может осуществляться на различных уровнях: макро-, мезо- и локальном. Региональный (мезо-) уровень исследования позволяет соблюсти баланс между

определением общих тенденций в функционировании сферы занятости населения страны и их конкретной оценкой в субъектах Российской Федерации, с учетом особенностей последних.

Приморский край является крупнейшим по численности населения и экономическому потенциалу в Дальневосточном Федеральном округе. В настоящее время Приморский край приобрел статус стратегического региона, что предполагает солидные инвестиции в его экономику. Занятость населения в Приморском крае характеризуется как общими для всей сферы занятости российского общества чертами (например, спрос на высококвалифицированных специалистов, увеличение тенденции работы не по специальности и др.), так и специфическими. Рассмотрим основные показатели рынка труда, так как именно они репрезентируют ситуацию в сфере занятости региона.

По итогам статистического обследования, в октябре 2016 года численность экономически активного населения (ЭАН) составила 1045,3 тыс. чел. (заметим, с 2014 г. численность ЭАН снизилась на 17700 чел.). В их числе 982,7 тыс. (94%) были заняты, а 62,6 тыс. – безработными. В учреждениях службы занятости населения на конец октября текущего года было зарегистрировано 13,4 тыс. безработных. Общий уровень безработицы в крае составил 6%, а уровень зарегистрированной безработицы – 1,3% [3].

Статистические данные свидетельствуют о том, что в Приморском крае наблюдается тенденция уменьшения занятости граждан, а также уменьшение числа безработных граждан.

Наряду с этим следует выделить проблемы, которое препятствуют эффективному функционированию сферы занятости региона.

Прежде всего, рынок труда Приморского края отличается низкой потенциальностью и крайней нестабильностью. По прогнозу Приморскстата, к началу 2017 года население сократится до 1 миллиона 917 тысяч человек. Численность лиц трудоспособного возраста уменьшится на 40 тысяч человек. Численность пенсионеров возрастет на 110 тысяч. В настоящее время дефицит высококвалифицированных кадров составляет 25 тысяч человек [4].

Наблюдается географическое несовпадение районов, в которых сконцентрированы работники с определенными профессиональными компетенциями и места с наиболее высоким спросом на них. В такой ситуации многие специалисты не находят применения своим навыкам и либо вынуждены уходить в более примитивные сферы деятельности, либо работают вахтовым методом в других районах, или же вынуждены уезжать на постоянное место жительства за пределы края. Так, по данным Приморскстата о межрегиональной миграции, в 2016 году в Приморье прибыло 17607 чел., а выбыло – 21251, т.е., 3644 человек уехало в другие регионы [5].

Следует отметить, что в исходящем потоке миграции преобладают квалифицированные кадры, во входящем – высока доля неквалифицированных работников, прибывающих в основном из государств СНГ (Узбекистана, Киргизии и Таджикистана). Трудовые мигранты заполняют малооплачиваемые рабочие места в сфере строительства, ЖКХ и обслуживания [6].

Противоречивое воздействие на сферу занятости Приморского края оказывает реализуемая государством стратегия развития Дальнего Востока России. Так, подготовка Саммита АТЭС, прошедшего в 2012 г., включала разработку и внедрение масштабных проектов в столице края, г. Владивостоке. Их модернизационный эффект затронул и другие города. Например, в г. Спасске-Дальнем прошел полную реконструкцию «Спаский механический завод», ставший частью «Тихоокеанской мостостроительной компании», занятой на строительстве моста через бухту Золотой рог. В итоге этот завод стал крупнейшим налогоплательщиком города. Но после завершения проекта он резко снизил объемы производства, соответственно, сократилось количество занятых. Будущее завода зависит, прежде всего, от государственных заказов [7].

Однако некоторые проекты, запущенные в Приморском крае, улучшают ситуацию в сфере занятости. Например, в с. Новая Сила Партизанского района с помощью южнокорейских и российских инвестиций создано ООО «Агро-Амур» – высокотехнологичная свиноферма, рассчитанная на 10 тыс. голов.

Особо остро в сфере занятости нашего региона стоят вопросы трудоустройства молодежи, в частности, выпускников вузов и сузов. В крае фиксируется рассогласование потребностей рынка труда и работодателей как его субъектов (спрос) и специальностями, квалификацией выпускников вузов (предложение).

Так, в I полугодии 2016 года в службу занятости Приморского края в целях поиска работы обратился 241 выпускник, из них: с высшим образованием – 54 (22,4%); со средним профессиональным образованием – 187 человек (77,6%). Статус безработного получили 199 выпускников (из них 47 человек, или 23,6%, выпускники вузов; 152 человека, или 76,4%, – выпускники сузов). С помощью службы занятости было трудоустроено 48 выпускников, что составило 19,9% от числа обратившихся.

Мониторинг рынка труда выпускников показал, что он насыщен экономистами. В это же время остается высокой потребность в инженерах (на 281 специалиста, состоящих на учете в службе занятости населения Приморского края, летом 2016 г. приходилось 629 вакансий); врачах (на 14 специалистов – 619 вакансий).

Наибольшее количество вакансий приходится на специалистов строительной отрасли: маляр, штукатур (73 специалиста – 1823 вакансии), плотник (108 специалистов – 832 вакансии), каменщик (8 специалистов – 1328 вакансий), сварщик (189 специалистов – 529 вакансии) [8].

При этом молодые специалисты реже предпочитают работу в районах Приморского края, их не устраивает уровень заработной платы, отсутствие жилья. Например, в одной из больниц Тернейского района есть рабочие места, но нет врачей.

Администрации края можно рекомендовать заимствовать опыт Сахалинской области. Там молодым специалистам дают подъемные и жилье, которое в течение 5 лет переходит в их собственность.

Весьма распространенной проблемой в сфере занятости населения края выступает дискриминация женщин. Работодатели часто отказывают в приеме на работу молодым женщинам, женщинам, имеющим детей. Например, с начала 2016 г. центры занятости Приморского края направили 1320 безработных женщин, имеющих несовершеннолетних детей, на профессиональную переподготовку. Еще 293 жительницы Приморья получили дополнительное образование, находясь в декретном отпуске [9].

Таким образом, состояние сферы занятости населения в Приморском крае носит противоречивый характер: с одной стороны, статистические данные отражают положительные тенденции – уменьшение числа безработных граждан, стабильное число занятых граждан, а с другой – сохраняются проблемы, препятствующие не только развитию сферы занятости, но и экономики региона, а также росту благополучия и удовлетворенности его населения.

Библиографический список:

1. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 464 с.

2. Романюк Е.В. Инфраструктурное обеспечение государственного регулирования занятости населения: сущность и элементы // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 7. С. 1061-1068 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bgscience.ru/lib/9180/>

3. Занятость и безработица. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/b9a36d804625844a971fff843e8e3539/.htm

4. Авдеев Ю.А. Демографическую ситуацию в крае надо менять. Официальный сайт Дальневосточного отделения Российской академии наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.febras.ru/2-uncategorised/1707-13-03-2015-demograficheskuyu-situatsiyu-v-primorskom-krae-nuzhno-menyat-podrobnee.html>

5. Основные демографические показатели. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/6ee4a48048e13710b1c8f1f7eaa5adf2/10.2016.htm

6. Огневский А. В Приморье продолжает убывать население. Приморский репортер. Информационно-аналитическое издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primrep.ru/2016/08/v-primore-prodolzhaet-ubyyvat-naselenie-ili-vymiraet-ili-uezzhaet/>

7. Приморский край: потенциал модернизации региона. Аналитический отчет ДВО РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwic0OTO2>

8. Информация о трудоустройстве выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования за I полугодие 2016 года. Информационно-образовательный портал Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edupk.ru/novosti/11561/>

9. Профессиональная подготовка безработных женщин. Интерактивный портал Департамента труда и социального развития Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zanprim.regiontrud.ru/News/Detail/?id=42fe2bd4-ac09-4436-9134-469ba116cceb>

БРЕНДИРОВАНИЕ ГОРОДОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ В АТР

Паначёва А.С.

Важными стратегическими задачами сегодняшней России являются: всестороннее развитие дальневосточных регионов страны, активная интеграция в политико-экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона и укрепление сотрудничества со странами региона.

Одним из стимулирующих рычагов, способствующих укреплению межкультурного взаимодействия между странами АТР, является туристическое сотрудничество, которое способствует улучшению взаимопонимания, является важным средством стимулирования процессов обмена товарами, услугами, знаниями, формирует атмосферу взаимопонимания и отчасти предотвращения конфликтов и розни. А также стимулирует развитие экономики и культуры обеих стран.

В связи с этим одна из приоритетных задач для России и Китая - разрабатывать и искать новые формы и направления межкультурного взаимодействия, в том числе развития туристического сотрудничества.

Благодаря существующим формам сотрудничества, усилилось взаимное политическое доверие, была сформирована идеология взаимодействия, сформирован образ межправительственного взаимопонимания и дружбы, укрепилась социальная основа китайско-российских отношений и создана платформа делового сотрудничества [4, с.21].

Несмотря на кризис, который привел к удешевлению рубля, россияне продолжают интересоваться туристическими поездками в Китай, их привлекают древняя история, богатая культура, многочисленные природные достопримечательности, туристические, курортные и медицинские центры с современным оборудованием [8, с. 24].

Рассматривая туристические потоки из России в Китай, можно выделить три направления основных направлений: 1) Пекин и крупные города; 2) города Северо-Востока Китая с целью шоппинга, лечения и ознакомления с достопримечательностями [1, с.105]; 3) остров Хайнань, хотя в последнее время китайские специалисты отмечают спад активности и по данному направлению тоже: туристы из России предпочитают поездки в Таиланд или в курортные города КНР, расположенные ближе к России [6, с. 25].

Направление туристических потоков из Китая в Россию носит похожий характер. Согласно данным одного из крупнейших китайских туристических агентств China Travel Service Group (中国

港中旅集团公司), если речь идёт о путешествии в Россию, то китайские туристы выбирают известные города, такие как Москва и Санкт-Петербург.

Это связано с жизненным укладом и особенностями мышления современных китайцев. В Китае нет оплачиваемого отпуска и времени, когда среднестатистический китаец может позволить себе отправиться в путешествие не так много, поэтому спросом пользуются туры, предполагающие посещение нескольких городов, и желательно чтобы среди них были города с высоким уровнем популярности, такие как Москва и Санкт-Петербург [2, с. 155].

Жители Северо-Востока Китая в силу географических причин также активнее, чем жители других регионов, выезжают путешествовать в Россию. Кроме того, в ходе девальвации рубля соотношение рубля к юаню стало очень выгодным для китайских туристов, и поездки в Россию, в частности, на Дальний Восток участились и стали иметь характер шопинговых туров [9, с. 25].

К сожалению, огромный сегмент российско-китайского туристического рынка так и остаётся не задействованным. Во многом этому мешают проблемы стереотипного восприятия, существующие между нашими странами, что приводит к ограниченности представлений друг о друге. Подавляющее большинство китайских туристов воспринимает Россию через Москву и Санкт-Петербург, поэтому и предпочитают выбирать соответствующие туристические маршруты, равно как и русские туристы ограничиваются представлением о Китае через поездки в Шанхай, Пекин или, если тому способствуют географическое положение региона, приграничные или ближайшие города.

Учитывая сложившиеся обстоятельства и установленные приоритеты, рассмотрим перспективы развития нового российско-китайского туристического направления «Владивосток – Циндао», не являющимися приоритетными направлениями друг для друга, и изучим существующие проблемы и целесообразность туристического сотрудничества Владивостока и Циндао.

В туристическом плане важность Владивостока для Китая обуславливается следующими факторами: это один из ближайших к Китаю крупных российских городов, благодаря этому транспортные расходы достаточно умеренные; во Владивостоке есть интересующие целевую аудиторию достопримечательности. Во Владивостоке можно насладиться русской культурой, попробовать национальную кухню, увидеть русскую архитектуру [3, с. 4].

Все выше перечисленное будет актуально и интересно и для жителей города Циндао. Кроме того, в 2015 году около Владивостока открылась игорная зона, которая уже пользуется большой популярностью у китайских туристов.

Владивостокский кинофестиваль «Меридианы Тихого» — единственный в России кинофестиваль, ориентированный исключительно на страны Тихоокеанского побережья [2, с. 154]. В Циндао находится Медиа колледж современного искусства Пекинской киноакадемии, на базе которого часто осуществляются съемки фильмов и проводятся различные мероприятия [5, с. 44]. Таким образом, фестиваль «Меридианы Тихого» может быть интересен не только простым жителям города Циндао, но и специалистам, профессионально занимающимся киноискусством.

Владивосток получил статус свободного порта, Циндао также является одним из крупнейших портов Китая. Данные обстоятельства способствуют укреплению торгово-экономического сотрудничества между городами, а также развитию делового туризма.

Выбор Циндао в качестве туристического партнёра для Владивостока также обоснован рядом объективных причин. Циндао – это приморский город, обладающий богатыми туристическими ресурсами: природные памятники, песчаные пляжи, музеи, уникальная архитектура города, сочетающая в себе европейский и восточный стили, замечательные условия для экологического и летнего туризма [7, с. 148]. Это отвечает потребностям российских туристов, которые предпочитают недорогие соседние страны, где имеется возможность сезонного отдыха на солнечных пляжах.

Кроме того, в Китае значительно ухудшилась экологическая ситуация, особенно в крупных промышленных центрах, а Циндао благодаря географическому положению продолжает оставаться одним из городов Китая с благоприятной экологической обстановкой [6, с. 24].

Циндао также отличает необычная для китайского города архитектура. В конце XIX века в составе колониальных территорий город был передан под ведомство Германии и более 20 лет находился под немецким влиянием, что сильно отразилось на его внешнем облике. Немецкое правительство провело планировку улиц и создало городской план, существующий и сейчас. Было построено большое количество зданий европейского стиля, а также пивоваренный завод. Европейские особняки с красными черепичными крышами, готические замки, узкие улочки и их смешение с буддийскими пагодами сформировали необычный вид города: азиатские туристы приезжают сюда, чтобы посмотреть необычную архитектуру, а туристы из Европы и Америки – насладиться колоритным смешением западной и восточной культур [5, с. 45].

Туристическое сотрудничество между этими городами имеет большой потенциал и будет способствовать созданию рабочих мест, повышению уровня знаний туристов о культуре и истории городов, укреплению торгово-экономических, культурных и дружественных связей между городами и странами в целом.

Согласно данным анкетирования жителей Владивостока и Циндао (*опрошено по 300 жителей*) и опросов, проведённых в крупных туристических агентствах этих городов, к сожалению, данное направление пока не пользуется популярностью.

70% владивостокцев, принявших участие в анкетировании, никогда не слышали про город Циндао, а на вопрос «В какой город Китая хотели бы поехать?» выбирали такие направления, как Пекин («потому что столица»), Шанхай, Хайнань и Тибет. Была также категория участников (10% от общего числа), которые слышали про пиво «Циндао», но не знали, что есть такой город. 20% опрошенных ответили, что знают и слышали про Циндао, выражали желание посетить город (профессиональная деятельность большинства из них связана с логистикой, морским делом или туризмом, и они сталкивались с Циндао в силу выполнения профессиональных обязанностей). 12% участников анкетирования были в Циндао: 7 % с целью туризма, а 5 % с целью обучения или по работе.

Владивостокские турфирмы отмечают, что всплеск интереса к Циндао был на волне Олимпиады 2008 года, когда в городе проходили соревнования по парусному спорту. Также некоторые турфирмы Владивостока организуют туры на фестиваль пива, который ежегодно проходит в Циндао. В среднем турфирмам Владивостока получается отправить в Циндао 1-2 группы в год общим количеством 15-20 человек (информация предоставлена следующими турфирмами города Владивостока: «Фрегат-Аэро», «Диалог народов», «Дальинтурист», «Пегас туристик»). У большинства туристических компаний Владивостока на сайтах есть информация о Циндао. Незначительный турпоток по данному направлению менеджеры турфирм объясняют невысокой осведомлённостью жителей Владивостока о Циндао.

Что касается знаний жителей Циндао о Владивостоке, то наблюдается похожая картина. Из опрошенных только 28% слышали о Владивостоке. Из них большинство – представители старшего поколения, которым 40-50 лет. Молодёжь (студенты 17-25 лет) практически не знают о нём, за исключением студентов факультета туризма и истории. На вопрос «В какой город России Вы бы хотели поехать?» преимущественно выбирают Москву («потому что столица, там находится Кремль и Красная площадь») и Санкт-Петербург (хотят увидеть дворцы и музеи), других городов практически не знают.

Четыре самые крупные турфирмы Циндао (U-TOUR International Travel service (众信国际旅行社), Wanda Tourism(万达旅业), SDJI Cultural Travel Service(山东嘉华文化国际旅行社), China Travel Service Group (中国港中旅集团公司)) предоставляют туры во Владивосток, но в год набирается всего 2-3 группы. Учитывая плотность населения Циндао, это очень мало.

В целом менеджеры турфирм отмечают, что сейчас наблюдается повышенный интерес к путешествиям в Россию, но предпочитаемыми направлениями по-прежнему остаются Москва и Санкт-Петербург.

Ситуация в сфере туризма между Циндао и Владивостоком вполне ясна: недостаток знаний очень сильно сказывается на туристических предпочтениях жителей. Но проекты по распространению информации о туристических брендах данных городов может существенно улучшить сложившуюся ситуацию, которая положительно скажется и на развитии российско-китайского сотрудничества в сфере туризма, и на укреплении политических, культурных, межнациональных и торгово-экономических связей между странами, улучшению взаимопонимания между народами.

Библиографический список:

1. Даниленко Н.Н., Рубцова Н.В. Туризм в Китае и России после вступления в ВТО: проблемы и перспективы развития // Развитие сотрудничества приграничных регионов России и Китая. 2014. №3. С. 101-112.
2. Мартышенко Н.С. Конкурентное позиционирование предложения территориального туристического продукта Приморского края в Северо-Восточной Азии // Экономика и предпринимательство. 2011. № 5(22). сентябрь-октябрь. С.153-163.
3. Мартышенко Н.С. Новые возможности развития туристического кластера в Приморском крае // Концепт. 2013. №3 (март). С. 1-18.
4. Цзоу Лихуэй Анализ внешней политики России в китайском направлении в начале XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8 №1/1. С.18-25.
5. Chen Zhengtao. The view of city brand and tourism specialties of Qingdao //The Boarder Economy and Culture. 2013. № 3. P. 44-46.
6. Chu Zhiwei. Acceleration of Russian-Chinese tourism cooperation, strategies and suggestion. 2012. №16. P.23-26.
7. Liu Yinghua. Analysis of Qingdao city brand // Tourism Economy. 2013№6. P. 148-149.
8. Sun Xiaoqian. The Vast range of Prospects for the development of Russian-Chinese tourism cooperation // Siberian studies. 2013. № 3. P 22-25.
9. Zhang Jinfeng. The exploitation of Russian Far East tourism resources and suggestions for development of Russian-Chinese tourism cooperation // External economics.2015. №5. P.48-50.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СУБЪЕКТОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА С МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Петрова Е.В.

Актуальность проведения исследования в трех субъектах Байкальского региона была обусловлена новыми геополитическими и социально-экономическими условиями развития России. Символический «разворот на Восток» представляет собой стратегию, которая является отражением значимости восточноазиатского и центрально-азиатского регионов. «Восточная стратегия» становится национальной государственной стратегией и потому обязательно должна опираться на широкую общественную поддержку, прежде всего населения приграничных и трансграничных регионов, которая может быть обеспечена в случае если это население будет заинтересовано в сотрудничестве не только с позиций будущего страны, но и очень хорошо просматривая свои личные перспективы.

Большую роль в решении различных социальных проблем населения Байкальского региона может сыграть активное включение его в процессы «разворота России на Восток», через которые будет продолжаться более интенсивное взаимовыгодное сотрудничество, обмен товарами и услугами с Монголией и Китаем и при этом решаться конкретные социальные проблемы жителей Байкальского региона. Созданию такой ситуации способствует и политическая воля высшего руководства страны.

Выбор Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края для проведения социологического исследования определялся тем, что эти регионы находятся в одной географической зоне – Сибири, в одном политико-административном округе – Сибирском Федеральном, имеют разный статус территориально-административного деления – республика, область, край, являются приграничными с Монголией и Китаем регионами (Республика Бурятия, Забайкальский край). Республика Бурятия непосредственно граничит с Монголией, а Забайкальский край – с Монголией и Китаем. Протяженность границы Бурятии и Монголии равна 1275 км, Забайкальского края и Монголии – 800 км, Забайкальского края и Китая – 850 км. В Бурятии и Забайкальском крае функционирует множество таможенных мостов и переходов. Три субъекта находятся на территории водосборного бассейна Байкала, поэтому их объединяют общие экологические проблемы сохранения уникального озера. Минерально-сырьевые ресурсы, промышленное производство и трансграничное положение Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края создают возможности для социально-экономического сотрудничества с соседними Монголией и Китаем. Безвизовый режим Бурятии с Монголией, открытый в 2014 году, активизировал это сотрудничество.

Для того чтобы выяснить уровень готовности и личной заинтересованности населения Байкальского региона к активному сотрудничеству с Китаем и Монголией, позитивных и негативных последствий этого сотрудничества, а также социальных проблем местного сообщества, которые возможно решить в рамках этого сотрудничества, было проведено социологическое исследование в трех субъектах Байкальского региона (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край)* – опрос экспертов.

Всего опрошено 630 экспертов (30 с помощью глубинного интервью и 600 методом индивидуального анкетирования) и проведено 9 фокус-групповых дискуссий (68 экспертов). То есть в целом в исследовании приняли участие 698 экспертов из трех регионов. В каждом субъекте было организовано по 3 фокус-группы (по 7-8 человек каждая), с помощью индивидуального анкетирования опрошено по 200 респондентов, взято по 10 глубинных интервью.

Эксперты имели возможность оценить положение Байкальского региона в новых геополитических и социально-экономических условиях «разворота России на Восток». Как оказалось, они по-разному относятся к сотрудничеству субъектов Байкальского региона с Монголией и Китаем. Практически все отмечали положительные моменты сотрудничества: развитие туризма и экономики региона, инвестиции, строительство инфраструктуры и логистических центров и т.д. В то же время некоторые высказывали сомнения в успешности взаимодействия и привлекательности Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края для Монголии и Китая, а также указывали на зависимость субъектов от федерального центра.

Результаты анкетного опроса показали, что в целом респонденты настроены оптимистично: 64,8% опрошенных в трех субъектах надеются на успешное продолжение политики сотрудничества России с Монголией и Китаем и только 15,5% выразили определенные опасения. Большинство проявило заинтересованность в развитии сотрудничества РФ с Монголией и Китаем, определив в качестве основных направлений социально-экономические (экономика, торговля, образование, культура, экология, сельское хозяйство).

«Восточная политика станет успешной только в том случае, если мы будем себя позиционировать и по существу будем сильным государством. Если мы будем выступать в роли реципиента, которому что-то предоставляют и которому что-то уступают, то мы буквально через очень малый промежуток времени будем опять уже не придатком Запада, а придатком Востока. То есть в любом случае нужно наращивать собственный потенциал, чтобы взаимодействовать с Востоком на равных...» (глубинное интервью, Чита, Забайкальский край).

* Исследование было проведено в феврале-июне 2016 г. в рамках проекта, выполненного при поддержке Некоммерческого фонда – Института социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ) (руководитель исследования – автор статьи)

«Разворот России на Восток – это желательное направление для дальнейшей деятельности государства, но это требует взвешиваемой политики, хорошо отработанной, хорошо структурированной, связанной с потенциалом регионов, который, к сожалению, очень сильно недооценен и не используется, в основном. Те политики, которые Москва пытается делать, они, в основном, направлены на какие-то другие вещи, но никак не на развитие территорий» (глубинное интервью, Чита, Забайкальский край).

Большинство экспертов (87,2%), опрошенных методом анкетирования, считает, что современное развитие Монголии не представляет угрозу для интересов России, в то время как динамичное развитие КНР частью респондентов рассматривалось как угроза (экономическая, военная, территориальная) для интересов России.

Некоторые эксперты выражали опасения, что Монголия больше ориентируется на западные страны и США в своей внешней политике, поэтому России необходимо предпринимать определенные усилия, чтобы больше заинтересовывать Монголию в сотрудничестве, используя в том числе методы «мягкой силы» – культурный обмен, обучение студентов в России, изучение русского языка в Монголии и т. д. У экспертов большую обеспокоенность вызывала возможность и большая вероятность строительства ГЭС на притоке Селенги (Селенга впадает в Байкал и от этого может резко снизить и без того низкий уровень озера, тогда экологическая катастрофа неминуема), несмотря на предпринимаемые со стороны России усилия по переговорам с Монголией и международными организациями.

Почти каждый второй опрошенный считает, что жители Байкальского региона скорее готовы к активному сотрудничеству с Китаем и Монголией (40,3 %), почти каждый третий – что не готовы (27,4%). Но только каждый седьмой может лично развивать гостевой, сельский, экологический туризм для туристов из Китая и Монголии, в то время как больше половины опрошенных вообще об этом не задумывались (53,5%). Некоторые эксперты указывали на неготовность местного населения к сотрудничеству, мотивируя это тем, что не созданы соответствующие льготные условия для развития предпринимательства и бизнеса в приграничных районах и жители не очень заинтересованы трудиться в туристической индустрии на низкооплачиваемых должностях.

«Экономический и культурный мост надо налаживать... Причем это взаимодействие должно быть взаимовыгодным. Та политика, которая идет у нас, когда мы необработанное сырье направляем в Китай в виде древесины, кругляка и получаем, покупаем взамен мебель сами же, я считаю, это не совсем правильно. Необходимо проанализировать внимательно, как эта политика должна проводиться экономическая, и чтобы это было выгодно и для нашей страны в том числе... Безвизовый режим с Монголией, конечно, очень позитивно сказался. Я считаю, это очень положительное решение со стороны властей, со стороны Монголии» (глубинное интервью, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия).

Открытие безвизового режима Бурятии с Монголией положительно оценило 40,3% опрошенных в трех регионах (в Бурятии таких оказалось – 55%), негативно – 11%. По мнению респондентов, основные преимущества безвизового режима – это увеличение оборота торговли, развитие туризма, развитие сферы услуг, пополнение республиканского бюджета за счет налогов, создание новых рабочих мест и сохранение имеющихся, расширение российского влияния за счет механизмов мягкой силы: образовательные и культурные программы, общение родственников. В то же время только треть (32,7%) экспертов высказалась за безвизовый режим России с Китаем, а 49,3% – против него, высказывая разного рода опасения.

«Я не думаю, что с Китаем у нас когда-либо безвизовый режим вообще наступит, потому что это, прежде всего, нам невыгодно будет. Насколько я знаю, Китай не имеет отношений в плане безвизового режима ни с одной страной мира, в силу особенностей Китая, его населения, количества населения» (глубинное интервью, Улан-Удэ, Республика Бурятия)

Для трех субъектов Байкальского региона актуальны проблемы разработки и реализации законодательных инициатив для **приграничных территорий** с целью создания более благоприятных

условий сотрудничества с Монголией и Китаем. По мнению респондентов, главное, чтобы сотрудничество, в том числе приграничное проходило в рамках законодательно-правовой базы, а не на уровне стихийного или нелегального. И в качестве одного из основных сдерживающих факторов сотрудничества был назван государственный. По мнению экспертов трех регионов, государство не уделяет необходимого внимания, прежде всего, финансового, для развития российских приграничных территорий с Монголией и Китаем районов, как, например, это делает КНР. Эксперты выражали надежду, что федеральные власти будут содействовать развитию приграничных территорий, выделяя для этого соответствующее финансирование не только в целях повышения социально-экономического уровня местного населения и сохранения социально-политической стабильности в Байкальском регионе, но и для решения вопросов национальной безопасности в приграничных с МНР и КНР районах.

Вместе с тем выражали определенные опасения, которые связывали с негативными последствиями такого сотрудничества и рекомендовали при заключении договоров со странами или иностранными гражданами учитывать интересы местного населения, то есть делать акцент на социальной составляющей этих соглашений (развитие инфраструктуры, создание рабочих мест, привлечение местных жителей для работы, соблюдение экологических норм в лесном и сельском хозяйстве и др.).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПРИМОРЬЯ: ЗАЧЕМ В КРАЙ ЕДУТ ГОСТИ ИЗ СТРАН АТР

Попиль В.А.

В процессе конкуренции за привлечение ресурсов позиционирование территорий практически не отличается от продвижения товаров или услуг и проходит те же этапы алгоритма. Вместе с тем потенциально привлекательный регион должен иметь собственную миссию, то есть обладать характеристиками крупной компании или корпорации, производящей отдельные товары и предлагающей ряд услуг: экономических, социальных, экологических, туристических и т. д. [1, с. 57-69].

Согласно Стратегии социально-экономического развития до 2025 года, миссия Приморского края заключается в обеспечении взаимодействия Российской Федерации с АТР за счёт наиболее продуктивного включения Российской Федерации в азиатские рынки товаров, финансов, рабочей силы, технологий и информации, а одной из задач является развитие туристического кластера с формированием современного туристического продукта Приморского края и обеспечением его конкурентоспособности на рынках АТР и Российской Федерации [2].

Эта миссия активно поддерживается и обсуждается на мероприятиях внутригосударственного и мирового масштаба. Так, в ходе Второго экономического форума, прошедшего в текущем году, Эрик Ландхир, директор по корпоративным финансам и стратегии компании «Джи 1 Интертейнмент», открывшей первое казино в Приморье, рассказал о потенциале Приморского края в сфере туризма. «Приморье – замечательное место с точки зрения привлечения въездного туризма. Его основные преимущества – географическое расположение, доступность, современная инфраструктура, высокий уровень гостеприимства, поддержка федерального центра. Охота, рыбалка, опера, балет – эти и другие объекты доступны для туристов», - отметил иностранный инвестор [3]. В рамках нашего исследования мы поставили цель ответить на вопрос: представители каких стран являются частыми гостями Приморья и что их в действительности привлекает.

Согласно статистике, ежегодно объемы въездного туризма в Приморье увеличиваются более чем на 9%. При этом количество китайских туристов, приезжающих в край в рамках безвизового соглашения между Россией и КНР, за прошлый год выросло в два раза [3]. По данным краевой администрации, из 2,2 миллионов человек, посетивших Приморье 2015 году, иностранцев 465 тысяч. А за первое полугодие 2016 в Приморский край въехало более 300 тысяч иностранных граждан. На втором месте по количеству посетивших Приморский край - граждане

Республики Корея. Количество туристов из этой страны повысилось по сравнению с 2015 годом на 66% и только в первом полугодии составило более 20 тысяч человек. Также в Приморье едут туристы из Гонконга и Японии [4]. Еще одним подтверждением популярности Приморья является положение, которое занял Владивосток в рейтинге Global Destinations Cities Index (GDCI), который ежегодно представляет международная платежная система MasterCard: 131 место и попадание в пятерку самых посещаемых туристами российских городов после Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Екатеринбурга [5].

Конкретными атрибутами, потенциально привлекательными для туристов (которые часто называют «магнитами» территории) [6], администрация края считает Приморскую сцену Мариинского театра (это отметил и Эрик Ландхир), международный кинофестиваль стран АТР «Меридианы Тихого», международный проект «Биеннале визуальных искусств», международную программу «Летняя творческая школа для талантливых детей Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», историко-культурный рекреационно-туристический комплекс на базе памятника федерального (общероссийского) значения «Владивостокская крепость», одно из любимых мест Владимира Миклушевского, и, конечно, первый комплекс интегрированного развлекательного курорта «Приморье» – Tigre de Cristal, который ежедневно принимает до 500-600 человек.

Вместе с тем в пресс-службе приморской сцены Мариинского театра сообщают, что оперу и балет китайские туристы посещают крайне редко, а в игорную зону едут целенаправленно, проводя все время только в казино. Маршрут большинства азиатских гостей достаточно однообразный: железнодорожный вокзал, памятник Ленину, центральная площадь, подводная лодка С-56, Орлиное гнездо [7]. Не стоит забывать о том, что в этом маршруте одними из наиболее желанных для посещения становятся торговые центры Владивостока, поскольку туристы из Китая в первую очередь являются «челноками».

Проведённое нами исследование, в ходе которого было опрошено 30 студентов кафедры рекламы и связей с общественностью и столько же студентов подготовительных курсов Центра русского языка и культуры ДВФУ, показало, что, по мнению студентов ДВФУ направления «Реклама и связи с общественностью», для азиатских туристов наиболее привлекательными являются мосты (Золотой и Русский) – это отметили 11 респондентов; магазины ювелирных изделий – 10; шоколад «Приморского кондитера» – 7; казино, о. Русский и кампус ДВФУ, корабельная набережная – по 6 респондентов. Что касается предпочтений азиатских учащихся ДВФУ из Китая и Республики Корея, то больше всего они любят во Владивостоке (это единственный город Приморского края, который они знают) море – 10 респондентов; людей (выделяют доброту и отзывчивость) – 6; русские сувениры, кухню, кампус ДВФУ, Владивостокский шоколад и океанариум – по 4 респондента.

Разница в атрибутах аттрактивности, выделенных российскими и азиатскими студентами, объясняется тем, что будущие рекламщики ДВФУ в качестве целевой аудитории представляли платежеспособных туристов, отсюда ответы «ювелирные изделия» и «казино». Тем не менее определились объекты Приморского края, привлекательные с точки зрения обеих групп респондентов: это шоколад «Приморского кондитера» и кампус ДВФУ. Одним из ответов представителей стран АТР на вопрос о том, что больше всего нравится в Приморском крае, является «люди». Из этого можно сделать вывод о том, что в целях привлечения туристов молодого и среднего возраста из Азии целесообразно проводить больше культурных и творческих мероприятий, сближающих нации. Для большего эффекта эти мероприятия нужно проводить в кампусе ДВФУ, где будут оборудованы точки с продажей шоколада.

Но это лишь одна из целевых аудиторий туристического бренда Приморского края. Для групп с большим доходом программа должна выглядеть иначе.

Портал «Примамедиа» выделяет три вида китайских туристов:

- эконом-туристы, которые хотят заработать на курсовой разнице и интересуются лишь шопингом;

- средний класс, у которого просто появилась возможность путешествовать;
- «новые китайцы» – дети богатых жителей Поднебесной с европейским образованием и luxury-запросам [7].

Первый вид – нынешний контингент Владивостока и Приморского края в общем, второй и третий – как раз те категории, которые можно назвать потенциальными и целевыми. Это те люди, которые с большей вероятностью оценят природные и инфраструктурные красоты Приморья, а также захотят приблизиться к нашей культуре. Согласно плану развития туризма до 2020 года, опубликованному Государственным советом КНР, общая сумма потребительских расходов в сфере туризма в КНР должна достигнуть 5,5 трлн юаней, а каждый житель КНР должен совершить не менее двух туристических поездок в год [8]. Задача нашего региона – привлечь средний и высший класс китайских и корейских туристов, спланировав эффективную информационную кампанию и туристические маршруты, демонстрирующие все точки превосходства Приморского края.

Библиографический список:

1. Паначева А.С., Попиль В.А. Стратегии социально-экономического развития регионов РФ: формирование территориального бренда // Наука Красноярья. 2015. №6 (23). С.57-69.
2. Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года. Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/pk-25.php>
3. Иностраный инвестор в Приморье: Владивосток – экзотика для азиатского туриста. Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/news/117287/>
4. В Приморье приезжает всё больше китайских туристов, а выездной турпоток падает. Сайт Владивостока: Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsvl.ru/vlad/2016/09/27/152045/#ixzz4QQvQUuoT>
5. Global Destinations Cities Index. Mastercard Worldwide [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newsroom.mastercard.com/wp-content/uploads/2016/09/FINAL-Global-Destination-Cities-Index-Report.pdf>
6. Пекар В., Клишина М. Всякому городу маркетинг и туризм // Гостиничный и ресторанный бизнес. 2011. №3. С. 32-36.
7. Дешевый рубль манит китайцев в Приморье, компенсируя неразвитость инфраструктуры. Сетевое издание «Информационное агентство PrimaMedia» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/27.05.2016/506408/desheviy-rubl-manit-kitaytsev-v-primore-kompensiruya-nerazvitost-infrastrukturi.html>
8. Китайских туристов в России интересуется Москва, Приморский край и Байкал. ARD: портал деловой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/12301/>

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

Попова Т.Н., Грудина М.В.

В последние годы российско-китайские отношения развиваются по широкому спектру областей сотрудничества.

Взаимодействие в политической сфере отличается стабильностью и совпадением позиций Москвы и Пекина по основным вопросам международной повестки дня. Официальные оценки китайского руководства характеризуют двусторонние связи в настоящее время как «зрелые и устойчивые», прочную основу которых составляет «взаимное доверие и поддержка», отношения носят «долгосрочный и стратегический характер», «могут выдержать любые испытания» и «не будут меняться из-за каких-либо временных факторов».

Китай – потенциально крупнейший рынок российской продукции глубокой переработки и технологий. Важнейшее направление инновационного развития экономики России – развитие

научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР), реализация их на территории страны, поставки на экспорт высокотехнологичной продукции. Проекты программы, реализуемые на территории России, в очень незначительном количестве можно отнести к приоритетным областям научно-производственного сотрудничества, тогда как большинство проектов на территории Китая принадлежит именно к данным приоритетным областям.

Китайский инновационный сектор интересен, прежде всего, успехами в биотехнологиях, информационных технологиях, в медицине и фармацевтической продукции. Ведутся переговоры по различным проектам в сфере атомных технологий и по внедрению в России китайской платежной системы China Union Pay (CUP).

Россия и Китай сотрудничают также и в строительстве. Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Москву Россия и Китай подписали меморандум о строительстве высокоскоростного транспортного коридора, который напрямую соединит Пекин и Москву. Скорость движения поездов по данной железной дороге достигнет 350 км в час. Проект строительства высокоскоростной железной дороги «Москва – Пекин» планируется завершить к началу чемпионата мира по футболу, который пройдет в 2018 году в России. Высокоскоростная железная дорога «Москва – Пекин» является не просто инвестиционным проектом, но и важной частью китайской стратегии, которая в дальнейшем позволит наладить железнодорожное сообщение с европейскими странами. В строительстве данной магистрали заинтересована и Россия, но до этого у нее не было необходимых технологий и опыта в данной области [1].

Китай является основным торговым партнером России. Товарооборот с которым в январе – августе 2016 года составил 40,2 млрд долларов США (96,9% к январю-августу 2015 года) [4]. Однако потенциал торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества РФ и КНР по-прежнему высок. Посол КНР в России Ли Хуэй оптимистично оценивает перспективы развития двусторонних торгово-экономических связей. Он считает снижение показателей товарооборота РФ и КНР временным явлением, которое произошло в основном из-за резкого снижения цен на нефть и газ. При этом, подчеркивает дипломат, товарный объем двусторонней торговли не изменился, а в некоторых сферах был даже отмечен рост (импорт в Китай российского электромеханического оборудования, продукции сельского хозяйства, экспорт в Россию китайских товаров повседневного спроса). По словам Ли Хуэя, оба государства обладают крупными экономиками и большими рынками, а главное – уверенным стремлением к двустороннему сотрудничеству и уже отлаженными механизмами взаимодействия.

Инвестиционно-финансовое сотрудничество, по мнению китайских экспертов, является в настоящее время самой сложной сферой экономического взаимодействия РФ и КНР. Большой потенциал инвестиционного сотрудничества у приграничных регионов двух стран – Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая. Так, инвестиции граничащей с РФ провинции Хэйлуцзян в Россию увеличились с 510 млн долл. в 2013 году до 4,17 млрд долл. в 2015 г. По мнению губернатора провинции Хэйлуцзян Лу Хао, с точки зрения возможностей регионального передвижения ресурсов, капиталов и технологий ситуация «очень хорошая» [5].

В академических кругах Китая важным достижением в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран в 2015 г. называют начало практической состыковки стратегий развития РФ и КНР, а именно подписание документа о сопряжении китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Проект ЭПШП представляется перспективным и выгодным для России в том случае, если его реализация будет отвечать прежде всего национальным интересам РФ и стран Центральной Азии. Китай путем реализации столь масштабной инициативы преследует цель ускорения экономического развития своих западных районов в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также продвижения своих товаров в Европу сухопутным путем. В связи с этим многие китайские эксперты, говоря сегодня о формировании ЭПШП на евразийском пространстве, рассматривают идею образования нескольких зон свободной торговли (ЗСТ) на маршруте Шелкового пути, что, по их

мнению, будет способствовать процветанию всех государств, расположенных вдоль его маршрута [5].

Перспективным представляется активизация сотрудничества с Китаем в сфере логистических и инфраструктурных проектов (включая строительство высокоскоростных магистралей), области экологии, продовольственной безопасности, развития малого и среднего бизнеса, совместного развития производственных мощностей, в том числе на территории РФ [5].

В последние годы значительное внимание уделяется развитию международного туризма в российско-китайских отношениях, о чем свидетельствует заключение целого ряда межгосударственных соглашений.

Следует отметить два события, которые позитивно повлияли на развитие международных обменов между Россией и Китаем в сфере туризма. Первое – заключение Соглашения КНР и РФ о предоставлении России статуса «официального туристского направления» (ОТН). Второе событие – подписание 28 марта 2007 г. Меморандума о сотрудничестве, между некоммерческим партнерством «Объединение международной интеграции в туризме «Мир без границ» и Китайской ассоциацией туристских компаний. Эти события, а также утверждение «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009 – 2018 гг.)» [3], в которой отдельный раздел посвящен развитию сотрудничества в сфере туризма, дали новый импульс для развития туризма между странами.

В приграничных районах развитие туристических связей между Россией и Китаем осуществляется посредством содействия развитию туристской инфраструктуры, созданию и развитию новых туров, реализации маршрутов российско-китайской дружбы по центральным городам на Дальнем Востоке России и Китая, имеющим прямое (транзитное) транспортное сообщение, реализации семейного туризма между жителями муниципальных образований, на территории которых располагаются пункты пропуска российско-китайской границы [2].

Развитию туристических связей способствуют международные туристические выставки на территории двух стран, проведение международных туристских форумов в пограничных городах двух стран, проведение годов туризма. Наличие взаимной заинтересованности в развитии туризма между странами, создание конкретных перспективных межгосударственных маршрутов, поддерживаемых руководством стран, будут в дальнейшем определять развитие взаимного туризма между странами.

Оценивая перспективы двустороннего энергетического сотрудничества, следует отметить, что в целом они позитивные. Повышению эффективности энергетического сотрудничества может способствовать увеличение числа участников за счет представителей бизнеса обеих стран, в том числе в рамках ЭнергодIALOGA, в котором должны принимать широкое участие не только государственные, но и частные российские корпорации. В этой связи определенную роль может сыграть организация постоянно действующего российско-китайского энергетического форума при поддержке и участии правительственных институтов, ведущих компаний и экспертного сообщества обеих стран. Большое значение может иметь также взаимопроникновение финансово-экономических групп обеих стран, в том числе в сфере отраслей ТЭК.

Создание и развитие между Китаем и Россией отношений всестороннего, долгосрочного, стабильного и взаимовыгодного стратегического партнерства в области энергетики весьма важны как с точки зрения стимулирования социально-экономического развития в обеих странах, так и в плане наполнения двустороннего практического сотрудничества новым содержанием и повышения уровня китайско-российского.

Таким образом, экономический потенциал российско-китайских отношений значительно выше уровня нынешнего их состояния, а политические отношения между Россией и Китаем намного опережают экономические. Российско-китайские отношения строятся на развитой правовой основе,

заключено множество соглашений, достигнуты договоренности практически во всех сферах соприкосновения России и Китая.

Библиографический список:

1. Ишмеева А.С., Давлетшина А.Ф. Шанхайская организация содружества и БРИКС: влияние на мировую экономику // К саммиту ШОС. Россия и Казахстан: проблемы и перспективы межгосударственного сотрудничества в образовательном пространстве: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 18-20 февраля 2015 г. Уфа: Информреклама, 2015. С. 173-175.
2. Ильницкая К.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в сфере туризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pglu.ru/upload/iblock/c3d/uch_2014_v_17.pdf.
3. План российско-китайского инвестиционного сотрудничества и Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Восточными регионами КНР на 2009-2018 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
4. Официальный сайт Федеральной таможенной службы РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.customs.ru>
5. Тенденции развития отношений РФ и КНР на современном этапе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/30884/>
6. Тимофеев О.А. «Мягкие» методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы КНР // Вестник ТОГУ. 2009. № 4.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Руденко Л.Л., Барашок И.В.

Интернационализация образования обусловлена рядом факторов, среди которых особенно важны динамично развивающийся Болонский процесс, новые глобальные структуры транснационального образования и новые коммуникационные технологии с их неограниченными возможностями. Немаловажным фактором, повышающим значимость академической мобильности участников образовательного процесса, является рейтингование образовательных учреждений. Как известно, рейтинг – это инструмент для формирования репутации университета, средство отражения его авторитетности и привлекательности в глазах преподавательского и студенческого сообщества. Наиболее влиятельные глобальные рейтинговые системы в число индикаторов включают, в том или ином виде, показатель международной активности университета.

В такой ситуации все более актуальной становится проблема межкультурного взаимодействия иностранных студентов, обучающихся в российских вузах и их социальной адаптации. Перед принимающей стороной всегда стоит задача оптимизации жизни и учебы иностранных студентов, которые проходят через сложный процесс адаптации к новым условиям их жизнедеятельности.

Тема статьи особенно актуальна в последние годы, так как наблюдается постоянный рост иностранных студентов в вузах. При этом уровень организации адаптационных систем имеет ряд существенных недостатков.

Объектом исследования был выбран один из вузов города - ВГУЭС, где обучается около пятисот иностранных студентов, предметом исследования – проблемы адаптации иностранных студентов в вузе.

Теоретической основой настоящих исследований послужили труды таких авторов, как Н.Л. Шамне, С.Г. Тер-Минасовой, А.Д. Гладуш, Г.Н. Трофимова, В.М. Филиппова, Г.У. Солдатовой, Д.Е. Иванова, Л.Д. Егоровой, Е.Д. Максимчук, Т.Г. Стефаненко, А.Л. Арефьева, Е. Бойчук и др.

Информационной базой исследования послужили результаты опроса иностранных студентов вуза, их кураторов и руководителей подразделений, обслуживающих эту категорию студентов, а также внутренние документы, материалы по ВГУЭС.

В нашем исследовании мы руководствовались определением социально-культурной адаптации как приспособление иностранных студентов к условиям новой социально-культурной и образовательной среды, а, значит, к новым ориентациям, ценностям, традициям, нормам поведения для успешного проживания и обучения в новом окружении.

Проблемы адаптации учащихся-мигрантов возникают во всех странах мира, и это обусловлено в первую очередь различием в культурах. Ниже мы приводим примеры основных трудностей, которые возникают у российских студентов в вузах КНР, как наиболее перспективно развивающейся стране, в направлении образовательных услуг и студенты которой составляют большой процент обучающихся в вузах Приморского края.

Согласно сборнику «Краткая статистика по иностранным гражданам, обучающимся в Китае» за 2009 год, а также исследованиям А.Л. Арефьева [1] было выявлено, что российские студенты в основном сталкивались с 8 группами трудностей в процессе адаптации к китайскому вузу (рисунок 1).

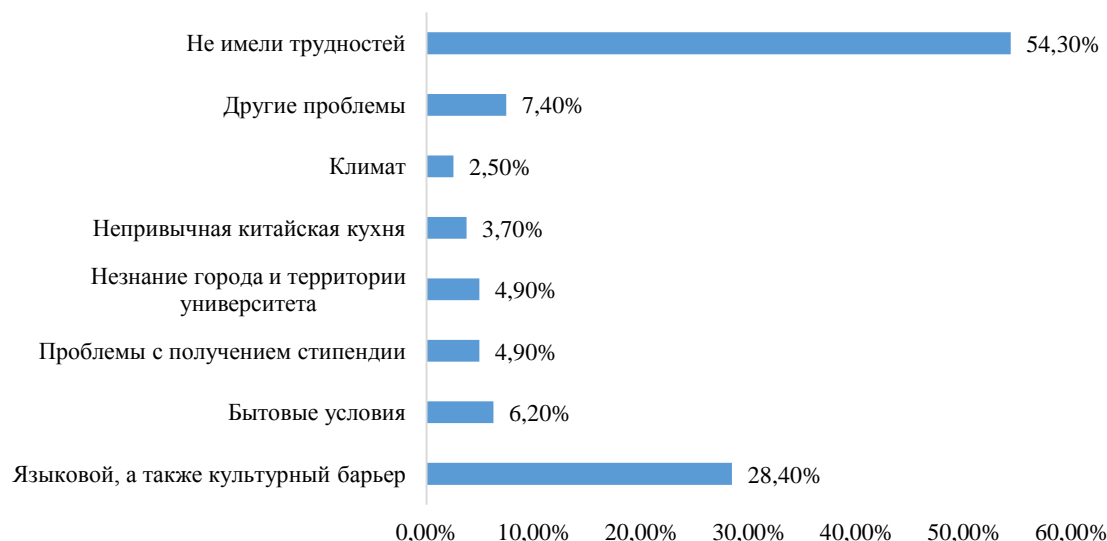


Рисунок 1 – Основные трудности, с которыми столкнулись российские студенты в первые дни учебы в Китае [1]

Из рисунка 1 видно, что среди студентов самой главной проблемой был языковой и культурный барьеры. Это вполне понятно, учитывая специфику китайской культуры, сложности языка. Однако кроме этого возникали также и бытовые, финансовые трудности, сложности в привыкании к кухне и т. п. Решением указанных проблем занимаются непосредственно в вузах специально организованные службы.

Одной из главных задач зарубежных образовательных учреждений является адаптация иностранных студентов к новой среде. При этом вузами оказывается не только психологическая помощь, но и материальное спонсирование, проводятся специальные встречи и семинары для адаптирующихся студентов, оказывается помощь в самореализации, формируется открытая и дружелюбная атмосфера [2, с. 114]. В вузах развитых стран к проблеме адаптации иностранных студентов подходят очень серьезно. Для студентов-мигрантов формируют полноценную систему облегчения вхождения в новую культуру и помогают решать все возникающие вопросы.

В последние годы в вузы г. Владивостока увеличился приток иностранных студентов. Наибольшее количество иностранных студентов принимают ДВФУ и ВГУЭС (рисунок 2).

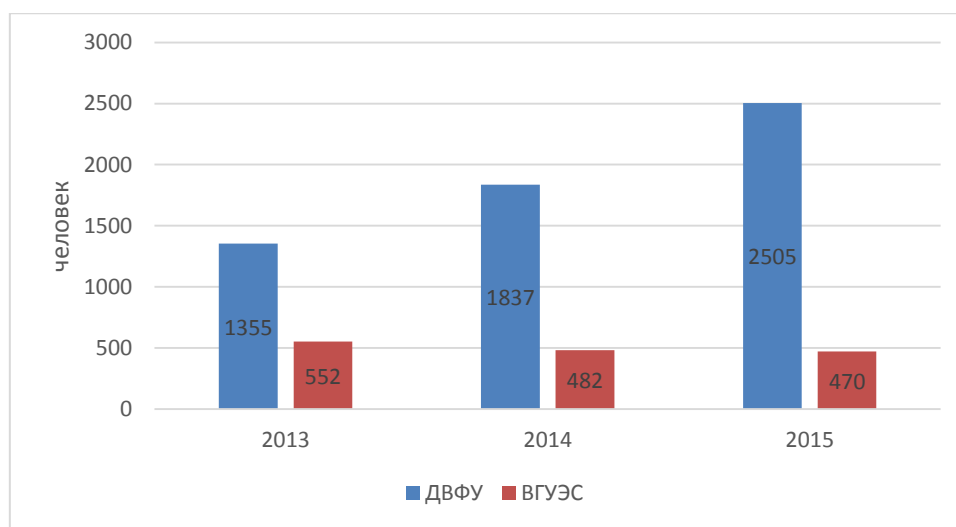


Рисунок 2 – Количество иностранных студентов в динамике, чел. [3, с. 61]

ВГУЭС имеет более 150 договоров с зарубежными вузами, организациями и фондами из 15 стран мира. В университете реализована целая серия международных проектов, которые позволяют подготовить специалистов по различным направлениям образования.

Большинство иностранных студентов, обучающихся во ВГУЭС, являются представителями Китайской Народной Республики. Это вполне объясняется современными тенденциями на мировом рынке, тесными торгово-экономическими отношениями России и Китая, что в свою очередь требует знаний от современных специалистов с обеих сторон, как китайской специфики, так и российской - в области торговли, и экономики. Именно этим и определяется популярность среди китайских студентов вузов Дальнего Востока.

Всеми вопросами иностранных студентов в вузе занимается Департамент международной и культурной деятельности, Отдел международных образовательных программ и Отдел протокола, виз и регистрации. Опрос студентов в 2015 г. показал, что в системе адаптации вуза имелись недостатки, среди которых в первую очередь была названа разобщенность подразделений и как следствие, несогласованность действий различных отделов, что отражалось на адаптации иностранных студентов и приводило к тому, что система работала не качественно. Студентами было отмечено, что иногда возникают проблемы с посещением мероприятий досуга (6%), организуемых службами ВГУЭС, которые зачастую проводились в то время, когда у студентов были учебные занятия или другие мероприятия.

С целью выявления проблем социальной адаптации была проведена диагностика [4] иностранных студентов (100 человек). В результате проведенного опроса было выявлено, что 48% опрошенных студентов считают уровень адаптации во ВГУЭС достаточно успешным. Однако 31% иностранных студентов высказали мнение о неуспешной адаптации и 21% никак не смогли сориентироваться в задаваемом вопросе.

Дополнительный опрос в форме анкетирования позволил установить, что у большинства студентов уровень языковой компетентности недостаточен для нормальной учебной деятельности (22% студентам трудно работать с учебной литературой, 40% сложно воспринимать лекции, а еще 28% сложно устно отвечать). Кроме того, языковой барьер затрудняет включение в студенческое сообщество. В ходе исследования был выявлен ряд бытовых проблем.

Последними вопросами в анкете стали вопросы о предложениях иностранными студентами возможности улучшить их жизнь во ВГУЭС. Иностранные студенты предлагают:

- предоставлять им больше возможностей находиться в русской языковой среде, к примеру, размещать их в общежитиях вместе с русскими студентами или выделять большее количество учебных часов на языковую подготовку;

- организовывать дополнительные курсы русского языка, в том числе за плату;
- осуществлять более основательную довузовскую подготовку по истории и культуре России, математике, физике, химии, биологии, иностранным языкам, информатике;
- больше внимания уделять особенностям проживания во Владивостоке.

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать, что Россия является участником глобального рынка образования. Российское высшее образование имеет ряд конкурентных преимуществ, а именно: опыт создания лучшего в мире образования; опыт обучения иностранных студентов; фундаментальность образования; невысокую стоимость образовательных услуг.

При этом существуют факторы, сдерживающие экспорт российских образовательных услуг, в связи с чем необходимо обратить внимание на повышение уровня языковой подготовки иностранных студентов и на особенности их адаптации.

Библиографический список

1. Арефьев А.Л. Российские студенты в китайских вузах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit03.php#_FNR_1
2. Бойчук Е. Психологическая помощь студентам в связи с их социальной адаптацией: анализ европейского опыта // Научно-культурологический журнал. 2013. №9 (265). С. 112-115.
3. Отчет о результатах самообследования ФГБОУ ВО ВГУЭС за 2013, 2014, 2015 гг. Раздел: Международная деятельность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vvsu.ru/about/duty/results_self/
4. Евсенкова А.А. Педагогические условия развития познавательной активности иностранных студентов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vuzirossii.ru/publ/pedagogicheskie_usloviya_razvitiya_poznavatelnoj_aktivnosti_inostrannykh_studentov/15-1-0-4349

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ПРЕВОСХОДСТВА В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Русейшвили Е.Г., Меркушова Н.И.

Сфера высшего образования ввиду мировых тенденций (расширение сфер деятельности стран на международных рынках, глобализация, стирание границ между сообществами, преобладание таких понятий, как культурное разнообразие, инновационное лидерство, поколение у и z, информационное общество, и т.д.) претерпевает глубокие структурные изменения. Основы и парадигмы высшего образования трансформируются, подстраиваясь под потребности современного общества и «воспитывая» работников, менеджеров и лидеров нового типа. Ввиду выше сказанного, различные учебные учреждения уже более века разрабатывают эффективные стратегии развития, которые позволили бы не только отвечать ключевым потребностям страны, но и повысить уровень конкурентоспособности сферы образования в мировом сообществе, вывести страну на новый уровень экономического и социального развития.

Ответом стран на вызовы экономики знаний стала стратегия под названием «Инициатива академического превосходства», которая подразумевает выделение государством дополнительных денежных средств «избранным» вузам страны, и которая в рамках формирования экономики знаний нацелена на создание сотрудничества между международными престижными учебными заведениями и сообществами, и национальными вузами посредством организации совместной научно-исследовательской деятельности и эффективной инфраструктуры, которая бы обеспечила обмен студентами, исследователями, наиболее успешными научными практиками через высшее образование для поддержания процесса развития инноваций, которые охватывали бы все отрасли, а также улучшения позиции страны в глобальном контексте [2].

Россия после Китая и многих других развивает «инициативу превосходства», под названием Проект 5-100, который направлен на максимизацию конкурентоспособности группы ведущих

российских университетов в международном сообществе и на образовательном рынке. Ожидаемый результат проекта состоит в том, что к 2020 году в России образуется группа университетов - лидеров с эффективным управляющим органом и международной академической репутацией, которые позволят отвечать на глобальные вызовы и адаптироваться к любым изменениям [2]. Также «инициатива» должна обеспечить вхождение не менее пяти национальных университетов в первую сотню глобальных образовательных рейтингов, процент иностранных специалистов и студентов должен составить не менее 15% и 10% соответственно [3].

Из 36 допущенных к отборочному этапу участников в России лишь 15 университетов, включая ДВФУ, стали претендентами на выигрыш, именно они ближайшие года будут разрабатывать и реализовывать программы повышения конкурентоспособности. Для успешного взаимодействия вузов-участников и координации их деятельности была создана ассоциация «Глобальные университеты» [3]. Хотя участники автономны в своих решениях, в рамках проекта была создана программа «дорожных карт» развития, так или иначе, формирующая путь, по которому должен пройти каждый из вузов для планомерной реализации стратегии «5-100». Более того, за ходом стратегии будет следить специально сформированный для этих целей наблюдательный совет, так как, по мнению многих специалистов, главной проблемой российских вузов является низкоэффективная система управления и принятия решений [3].

В течение трех лет программа набирала обороты, но, как и любой проект, «5-100» имеет свои проблемы и недостатки. Так, очевиден тот факт, что для достижения глобальных целей проекта необходима эффективная инфраструктура, которая обеспечила бы взаимодействие с ведущими специалистами зарубежных вузов, а именно, их участие в реализации российского проекта с помощью непосредственного участия в образовательных программах и научно-исследовательской деятельности вузов. Но такая практика частично ограничена аспектом материального характера, культурным разбросом, а также нормами российского и зарубежного законодательства.

К сожалению, многие специалисты сомневаются в реальном успехе «5-100». Научная продуктивность российских вузов все еще находится на низком уровне, поэтому, например, цель – занять нишу в Шанхайском рейтинге, где оценивается количество нобелевских лауреатов среди студентов - выглядит непреодолимой. Кроме того, все то время, что существует проект, его сопровождают финансовые проблемы, а именно недофинансирование «дорожных карт». В отличие от китайской «инициативы», в рамках которой правительство обеспечило участников единовременным финансированием, что позволило вузам сразу же начать вливаться в глобальное пространство, российские университеты испытывают многомиллиардный дефицит [3]. Такая ситуация говорит о низком уровне организации проекта, цели и задачи которого были установлены, но условия для их достижения отсутствуют.

В отличие от России, которая только начала путь по внедрению «инициативы» в систему образования, Китай осуществляет данную стратегию более 20 лет. Стремление правительства повысить уровень качества исследовательской деятельности национальных университетов привело к тому, что уже на рубеже XX-XXI вв. в стране происходит слияние мелких вузов, закрытие узкоспециализированных профессиональных учреждений, что позволило прийти к более эффективному использованию материальных и интеллектуальных ресурсов, научного потенциала, а также увеличить производительность управленческого аппарата [1]. Данные действия были направлены на реорганизацию учебного процесса на базовом уровне, который затрагивает содержание и состав программ, структуру обучения, методическое и кадровое обеспечение, а также технологии, сопровождающие весь учебный процесс. Большая часть учебного времени отведена самостоятельной работе, которая была организована через выполнение групповых проектов, что способствовало развитию базовых знаний в области проектного менеджмента.

С 1995 г. в Китае реализуется «Проект 211», который направлен на укрепление конкурентоспособности около 100 высших учебных заведений и ключевых дисциплинарных областей [1]. В первую очередь направленный на обучение высококвалифицированных

профессиональных кадров для реализации национальной стратегии, проект имеет большое значение в повышении уровня высшего образования, ускорения национального экономического прогресса, так как дает толчок исследованиям в области науки, техники и культуры [5]. «Проект 211» – это стратегия повышения общего потенциала Китая и его международной конкурентоспособности, а также основа подготовки профессиональных ресурсов, главным образом в национальных учебных заведениях. В конечном счете реализация проекта позволила увеличить площадь учебных корпусов и лабораторий на 3 млн кв. м [4]. Инвестиции в оборудование, развитие библиотек и научные исследования в вузах составили соответственно 54,31 и 72% от общих капиталовложений всех вузов страны [4].

Для увеличения инвестиционного вливания со стороны государства был запущен «Проект 985». В отличие от проекта 211, «985» отражает стратегию сознательного концентрирования ресурсов лишь в нескольких учреждениях, обладающих наибольшим потенциалом для достижения успеха на международном академическом рынке [1]. Некоторые исследователи полагают, что введение «985» проекта говорит о том, что китайское правительство не в состоянии создать 100 университетов мирового класса, как планировало изначально, так как инвестирование было безрезультативно «распылено». Первая фаза проекта предполагала финансирование лишь 10 университетов, во второй фазе, которая началась в 2004 году, это число было увеличено до 39 [1].

«Проект 985» предполагает полную автономию участников в вопросах, которые касаются улучшения уровня их конкурентоспособности на национальном и международном рынках, а также уменьшения степени несоответствия с другими ведущими университетами мира в области академических достижений, результатов научно-исследовательской и инновационной деятельности [5]. Для планомерного достижения генеральных целей проекта было осуществлено реформирование всех уровней управления. Посредством концентрирования усилий университета в определенной научной области, качественно улучшена система преподавания и научно-исследовательской деятельности, ведь каждый человеческий ресурс теперь направлен на развитие потенциала университета до мирового уровня. Для повышения результативности исследований проект также предполагает предоставление в распоряжение исследователей лучших национальных лабораторий и исследовательских баз, которые упрощают процессы изучения и анализа материала в социальных и гуманитарных областях.

В конечном счете реализация китайского и российского проектов оказывают существенное влияние на развитие сферы образования и социально экономическое развитие стран в целом. Стратегия «инициатив» стимулирует формирование культуры высококлассного образования, которое способно отвечать на вызовы международной конкуренции. Университеты стали активными участниками в политике страны, так называемой мягкой силой воздействия, которая формирует современную повестку дня. Однако каждая из стратегий сопровождается рядом проблем, ведь для формирования университетов мирового класса требуются не только обильные денежные инвестиции со стороны государства. Инициатива не может существовать без взаимовыгодных научных, образовательных и культурных связей. В настоящее время отношения между Китаем и Россией находятся на благоприятном историческом этапе, что формирует почву для формирования взаимовыгодного сотрудничества не только в контексте экономического развития, но и в рамках сферы образования, что позволит объединить усилия для совместного поиска путей решения проблем, связанных с реализацией инициатив.

Библиографический список:

1. Альтбаха Дж., Салми Ф. Дорога к академическому совершенству: становление исследовательских университетов. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. 382 с.
2. О проекте 5-100 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://5stop100.ru/about/more-about/>
3. Тулина Е. 5/100: программа повышения рейтинга российских вузов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newtonew.com/analytics/5-100-programma-povysheniya-rejtinga-rossijskih-vuzov>

4. Ying, C. A Reflection on the Effects of the 985 Project // Chinese Education & Society. December 2014. Vol. 44. № 5. P. 19-30

5. World Education News & Reviews (WENR). International Rankings and Chinese Higher Education Reform [Online]. October 2006. Retrieved from <http://wenr.wes.org/2006/10/wenr-october-2006-international-rankings-and-chinese-higher-education-reform>

ВОСПРИЯТИЕ ФАКТОРОВ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Свердликова Е.А.

В современном мире логистика и логистический менеджмент являются важнейшими атрибутами развития такого направления хозяйствования, как экономика знаний, где конкурируют между собой не только и не сколько отдельные компании, а – цепи поставок. Цепь поставок – это сеть организаций, которые можно представить в виде дорог, по которым движутся товары и услуги к потребителю, обрастая издержками и увеличивая свою себестоимость. Управление подобными цепями – сложный и уникальный процесс, охватывающий множество компаний и зависящий от целого ряда факторов. Многие компании решают или планируют решать в ближайшее время задачу внедрения различных систем управления цепями поставок. Поэтому обобщение опыта отдельных компаний представляется чрезвычайно интересным. Осознавая актуальность данной управленческой проблемы, на занятиях по курсу логистики, на социологическом факультете МГУ проведено социологическое исследование, с использованием качественно-количественного метода сбора первичной информации – контент-анализа. Цель нашего исследования – восприятие российской бизнес-периодикой основных факторов, влияющих на процесс управления цепями поставок. В своём исследовании мы опирались на ряд концептуальных положений по проблемам управления цепями поставок, изложенных в исследовании И. Пустохиной [1, с. 35-37] и несколько дополненных нами.

Как показал опыт знакомства с периодикой, в российской логистике сегодня много проблем, среди которых, чаще всего указываются такие, как конфликты интересов, безопасность грузов, несвоевременность поставок, колебания спроса, неточность прогнозов, недостаток или недоиспользование различных ресурсов, неэффективность ценообразования. Однако, на наш взгляд, интересным является не только констатация проблем, но и анализ основных факторов, порождающих эти проблемы. Источниками проблем, как правило, называются различные элементы основных и обеспечивающих функциональных подсистем логистики: материальных потоков (грузы, запасы, готовая продукция), транспортных, информационных, финансовых, других сопутствующих потоков, а также - человеческих отношений, возникающих в процессе управления цепочками поставок. В соответствии с этим, были разработаны методологические основания исследования. Так, ключевая категория контент-анализа - «факторы управления цепочкой поставок», а содержательные признаки исходной категории – материальный поток, сопутствующие потоки, человеческие отношения и их оценки. Гипотеза исследования – возможность группировки ключевых факторов управления цепочкой поставок, по трём основаниям: факторы движения материальных потоков, факторы движения сопутствующих потоков, факторы человеческих отношений. По итогам исследовательской работы получены следующие данные.

1. Проанализировав выбранную массовую текстовую совокупность, которая была сформирована на основе публикаций российской прессы, в период 2010-2015гг., можно говорить о том, что интерес коммуникатора к проблеме управления цепочкой поставок медленно, но уверенно возрастает. Количество статей по теме увеличивается: 2010-2014 – 52 статьи, 2015 – 61 статья. В ходе исследования проанализированы статьи из журналов «Логистика», «Директор», «КоммерсантЪ – Деньги», «РБК», «Sputnik», газет: «КоммерсантЪ», «Труд», «Известия», «Российская газета» и др. Общий объём изученной информации - 7500 строк. Удельный вес полезной информации об основных факторах управления цепочками поставок составляет больше половины: 57,4 % от общего массива бизнес-информации.

2. На основе анализа текстовой реальности можно построить иерархию внимания коммуникатора к факторам управления цепочками поставок. Наибольший интерес проявляется к анализу функционирования транспортных, информационных и других сопутствующих потоков: (2047 строки – 48,1%), второе место – анализ движения материальных потоков (1620 – 37,7%), третье место – проблема человеческих отношений (628 – 12,6%).

3. Коммуникатор оценивает проблемы управления цепочкой поставок, в большей степени, нейтрально. Так, количество нейтральных оценок превышает отрицательные и положительные: 583/334/163. В целом, иерархия внимания СМИ к оценкам факторов управления цепочкой поставок выглядит следующим образом: среди нейтральных оценок лидирует тема материального потока – 299(оценок), на II месте – тема информационного потока (236), на III – проблема человеческих отношений (48). Среди негативных оценок лидирует тема сопутствующих потоков (153оценки), на II месте – тема материального потока(115), на III месте – проблема человеческих отношений (66). Среди позитивных оценок, на I месте, также, тема сопутствующих потоков (87 оценок), на II – тема материального потока (49), на III – тема человеческих отношений(27). В изученном массиве информации большинство статей были созданы журналистами (83). Причем, отдельные статьи написаны сразу несколькими авторами-журналистами. В частности, это относится к тем публикациям, которые появились в прессе в конце 2015 года и связаны с внедрением системы «Платон». Вероятно поэтому, внимание коммуникатора, в основном, сосредоточено было на анализе транспортных и информационных потоков, в процессе формирования и управления цепочкой поставок. Специалисты и менеджеры в меньшей степени освещают указанную тему.

В заключение обзора данных исследования, можно утверждать, что выдвинутое предположение о возможности систематизации основных факторов управления цепями поставок, в соответствии с основными и обеспечивающими подсистемами логистики подтвердилось. Однако, главным фактором, определяющим приоритетную группу проблем в логистическом менеджменте, являются, согласно нашим данным, различные аспекты функционирования вспомогательных потоков, которые обеспечивают движение основных –материальных потоков.

Подводя итоги контент-аналитического исследования факторов управления цепочкой поставок, можно утверждать, что 2015 год был годом больших испытаний для экономического, политического и социального развития России, что безусловно отразилось и на логистическом менеджменте. Закрытие границ с Украиной, санкции, объявленные Евросоюзом и США, война в Сирии, раскол отношений с Турцией и Египтом, уход с нашего рынка многих крупных компаний и др., существенно повлияли на тематику статей в российской бизнес-периодике. Статьи в данном сегменте СМИ отражали, в основном, последствия, указанных выше проблем, на развитие отечественного бизнеса. Интерес к теме управления цепочками поставок усилился в конце года, когда на протяжении нескольких месяцев вся пресса и общественное мнение обсуждали издержки внедрения системы «Платон», связанной с новыми правилами взимания платы за проезд по региональным и муниципальным дорогам. Видимо, именно это событие и повлияло на основные выводы нашего исследования. В восприятии отечественных СМИ, основными факторами, влияющими на эффективность управления цепями поставок являются различные аспекты развития транспортных и информационных потоков, далее, по степени интереса коммуникатора следует тема движения материальных потоков и, связанных с ними проблем снабжения, производства и распределения грузов, готовой и незавершённой продукции и запасов. И на последнем месте – интерес к проблеме человеческих отношений.

Чем интересны результаты данного исследования, в контексте развития сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона? Для повышения результативности управления цепями поставок и получения более высокого синергетического эффекта, необходима интеграция усилий и координация деятельности всех участников логистических цепей. А в связи с изменением общеполитической и экономической ситуации в мире, постоянным стремлением США и Евросоюза ограничить интересы и инициативы России в мире, приоритетом управления цепями поставок могло бы стать и, в определённой мере, стало наращивание хозяйственных связей со странами АТР. Россия имеет общие

границы со многими странами Юго-Восточной Азии, поэтому нельзя не учитывать тенденции, связанные с формированием и развитием региональных экономических комплексов, основанных, в частности, на совместном использовании таких факторов, как единые источники энергии, сырьевые ресурсы, единая транспортная система и дорожная инфраструктура, единые телекоммуникации, отсутствие таможенных и торговых барьеров. Создание подобных зон позволит убрать излишние административные преграды, с которыми сталкиваются компании этих стран при выходе на российский рынок, а также – использовать возможности подобных форм регионального сотрудничества в решении основных проблем российского логистического менеджмента.

Библиографический список:

1. Бауэрсокс Д., Клосс Д. Логистика. Интегрированная цепь поставок. М.: ОЛИМП-БИЗНЕС, 2010.
2. Пустохина И. Управление цепями поставок: проблемы, источники, причины и пути решения // Логистика. 2013. № 10. С.35-37.
3. Сергеев В.И. Управление цепями поставок в России – миф или реальность? // Логистика и управление цепями поставок. 2004. № 1.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Селезнева Ю.М.

В условиях современных вызовов необходимо создать в России современный высокоэффективный и конкурентоспособный туристический комплекс, который обеспечит огромные возможности для удовлетворения потребностей не только российских, но и иностранных граждан в сфере туризма. Соответственно, необходимо провести работы по созданию инновационной, современной системы подготовки кадров для туристической сферы, предпринять комплекс необходимых мер по содействию модернизации материальной базы туристической отрасли, активизировать строительство новых объектов, развернуть эффективную рекламную компанию, которая будет продвигать отечественный туристический продукт на мировой арене туристических услуг.

Органы государственной власти в сфере туризма федерального, регионального уровней являются органами исполнительной власти, осуществляющими функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом, а также правоприменительные функции в сфере туризма. Такими органами являются Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) и Агентство по туризму Иркутской области.

Основными задачами Ростуризма являются следующие: «реализация приоритетных направлений государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации, осуществление формирования и ведения единого федерального реестра туроператоров; информирование в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов об угрозе безопасности туристов в стране (месте) временного пребывания». Также Федеральное агентство по туризму «осуществляет продвижение туристического продукта на внутреннем и мировом туристических рынках». В установленном законодательством Российской Федерации порядке Ростуризм «размещает заказы и заключает государственные контракты, а также иные гражданско-правовые договоры на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд в установленной сфере деятельности, а также для обеспечения нужд Агентства» [1]. Следует отметить, что осуществление экономического анализа деятельности подведомственных государственных унитарных предприятий и утверждение экономических показателей их деятельности, проведение в подведомственных организациях проверки финансово-хозяйственной деятельности и использования имущественного комплекса также входит в обязанности Федерального агентства по туризму.

В рамках госпрограммы «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 годы планируется решить следующие поставленные «задачи»:

- сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, реализация творческого потенциала нации;
- повышение качества и доступности услуг в сфере внутреннего и международного туризма;
- создание благоприятных условий устойчивого развития сферы культуры и туризма» [2].

Государственная программа состоит из трех этапов: первый этап рассчитан на 2013-2014 годы, второй этап реализуется в 2015-2018 годы, третий этап – 2019-2020 годы.

«Общий объём финансового обеспечения государственной программы из средств федерального бюджета составляет 847 455 436,3 тыс. рублей, в том числе по годам реализации» [2]:

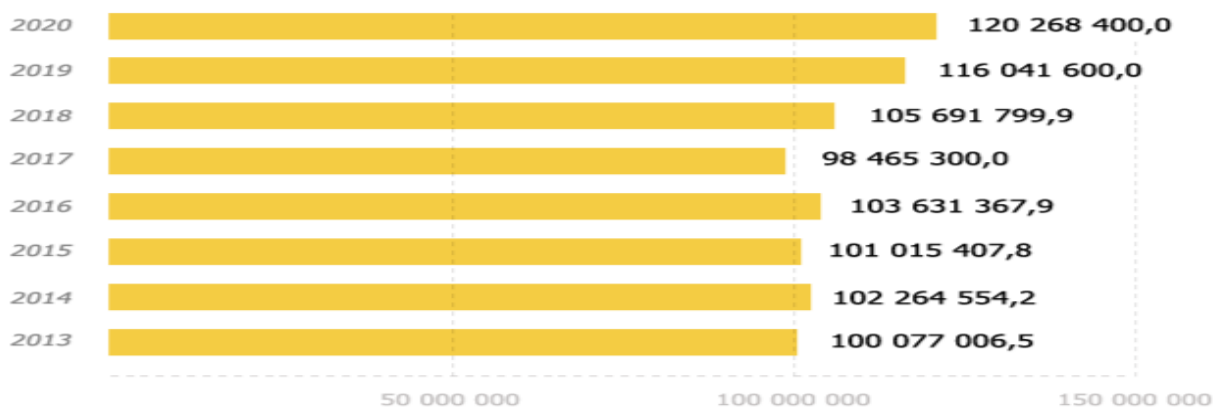


Рисунок 1 – Финансовое обеспечение государственной программы «Развитие туризма» на 2013-2020 годы

Государственная программа включает в себя федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», целью которой является повышение конкурентоспособности туристского рынка Российской Федерации, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах.

Результаты онлайн-опроса нам говорят о следующем: жители Иркутской области знают о так называемой «Стратегии 2020» (Государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013 - 2020 годы) и о ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)» - 28,4% и 27,2% опрошенных соответственно.

В рамках экспертного интервьюирования представители агентства по туризму Иркутской области отмечают, что госпрограмма является эффективной, но затрудняются согласиться с утверждением, что программно-целевой метод обеспечивает комплексный подход к решению первоочередных задач в сфере развития туризма.

Следует отметить, что в ходе онлайн-опроса населения было выявлено следующее: большинство респондентов – 46,6% из 100% опрошенных, на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что программно-целевой метод обеспечивает комплексный подход к решению первоочередных задач в сфере развития туризма?» затрудняются ответить. Но следует отметить, что 42,8% опрошенных респондентов согласны с этим утверждением.

Если же рассматривать инициативно-целевые технологии развития туризма, то необходимо акцентировать внимание на бизнес-секторе. Экспертное интервьюирование показало, что представители бизнеса оценивают уровень включенности властных структур в развитие туризма ниже среднего уровня. Это может говорить нам о незнании полномочий агентства по туризму Иркутской области или нежелании работать с органами власти.

Представители Агентства по туризму Иркутской области отказались отвечать на аналогичный вопрос, ссылаясь на то, что туристические агентства заблуждаются в функциях и полномочиях этого органа исполнительной власти.

Цель ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» – повышение конкурентоспособности туристского рынка Российской Федерации, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах. Как показывает анализ веб-сайтов туристических агентств, предоставляющих услуги отдыха на Байкале, цель ФЦП соответствует и их целям. Все стремятся к созданию положительного мнения о регионе, каждому гостю стараются дарить уникальные впечатления от экологичного, комфортного и действительно интересного отдыха на Байкале.

Анализ результатов онлайн-опроса населения показал, что большинство опрошенных респондентов (57,2%) считают, что уровень развития сферы туризма в Иркутской области на данном этапе времени находится на среднем уровне. Жители Иркутской области считают, что наш регион имеет огромный потенциал для развития внутреннего и въездного туризма, но необходимо отметить, что полноценное развитие туристического потенциала региона возможно, по мнению большинства опрошенных респондентов, только при консолидированном участии государства, муниципалитетов, бизнеса и самих граждан.

По мнению жителей региона, неподдельный интерес туристов к побережью озера Байкала связан со следующими факторами: священностью и уникальностью озера Байкал (20%) и байкальской водой: пресной, чистой, прозрачной и насыщенной кислородом (20%). В ходе анализа результатов экспертного интервьюирования большинство экспертов (24,2%) отметили все перечисленные критерии, а именно: разнообразие флоры и фауны; байкальская вода: пресная, чистая, прозрачная и насыщенная кислородом; уникальная экосистема; свобода от городской цивилизации; разнообразие местной культуры; священность и уникальность озера Байкал; озеро Байкал - объект всемирного наследия ЮНЕСКО.

Исходя из мнения жителей региона, Иркутская область имеет огромный потенциал развития туризма, поэтому число туристов, прибывающих на Байкал, может быть увеличено при условии развития туристской инфраструктуры, информационной поддержки и правильно организованной рекламы, включая возможности Интернет, а также популяризации экологического туризма на побережье Байкала.

Для привлечения туристов и, как следствие, прибыли нужно соотнести качество предоставляемых услуг и их стоимость. Так как на данном этапе отмечается не высокий уровень качества предоставляемых услуг в сфере туризма и инфраструктура еще не развита на должном уровне, необходимо либо на какое-то время снизить стоимость на туристический продукт, либо в ускоренном режиме повышать качество предоставляемых услуг.

Уникальность рекреационного потенциала России и географическая специфика определяют различия в развитии туристского хозяйства, что ведет к необходимости реализации эффективной государственной политики в этой сфере как на национальном, так и региональном уровнях.

Библиографический список:

1. Положение о Федеральном агентстве по туризму (Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 901).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 годы // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiatourism.ru/content/2/section/26/detail/27/>

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Скульмовская Л.Г., Никифорова А.А.

Туризм называют «экономическим феноменом столетия», поскольку он представляет собой не только один из популярных видов отдыха, но и быстро развивающуюся мировую индустрию. Сущность туризма как активного отдыха заключается в постоянной смене среды проживания, что

связано не только с удовлетворением людей во всевозможных путешествиях, но и с приобщением их к другим культурам и цивилизациям. В экономике многих стран туризму придается важное значение в связи с его влиянием на формирование внутреннего валового продукта (ВВП), созданием дополнительных рабочих мест и обеспечением трудозанятости местного населения.

Как социально-экономическое явление туризм получил стремительное развитие и в экономически развитых, и в развивающихся странах. Только за последние десятилетия число туристов во всем мире увеличилось в несколько раз, а доход от туризма – более чем в 25 раз. Исследование ВЦИОМ подтверждает, что внутренний туризм всегда пользовался большим спросом, чем выездной. Об этом свидетельствуют следующие данные: больше 80% россиян за последние пять лет путешествовали только по стране. Что же касается динамики, то за последние два года наблюдается снижение выездного турпотока, а во внутреннем туризме виден существенный прирост – плюс 10 - 15% каждый год. Это является важным фактором, хотя в абсолютном выражении в стране всегда отдыхало больше граждан, чем выезжало за рубеж [1].

Тем не менее ЮВНТО (Всемирная туристская организация) сообщает о росте международного туризма в январе-апреле 2016 г. По данным организации, международные туристские прибытия выросли за этот период на 5,3%: направления по всему миру получили 348 млн иностранных туристов, что на 18 млн больше, чем было год назад. В ЮВНТО обращают внимание и на такой устойчивый тренд, как увеличение количества международных прибытий после кризиса 2009 г. В 2015 г. этот показатель составил 4,6%. По мнению экспертов, в 2016 г. вновь может быть достигнут показатель выше средних значений за последние семь лет.

По информации ЮВНТО, результаты были устойчивыми почти во всех субрегионах, и самая высокая динамика по международным прибытиям отмечена у Азиатско-Тихоокеанского региона (+9%). По мнению генерального секретаря ЮВНТО Т. Рифаи, направления извлекают стабильные преимущества из уверенного спроса во всех регионах мира, несмотря на продолжающиеся проблемы. Это означает, что туризм является динамичным и устойчивым сектором экономики, хотя безопасность по-прежнему остается серьезной проблемой для всех [2].

Безусловно, Азиатско-Тихоокеанский регион имеет для всего мира стратегическое значение, поскольку в нем представлено значительное разнообразие экономик и ресурсов. Экономика этих стран, не случайно называемых азиатскими «тиграми» или «драконами», развивается быстрыми темпами и выходит по экономическим показателям на лидирующие позиции в мире. Страны данного региона представляют наиболее важный рынок будущего для бизнеса и привлекательное направление для туризма. Многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может переместиться в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Как утверждает аналитическая служба АТОР, в первом полугодии 2016 г. в популярные страны Юго-Восточной Азии отправилось на 16,7% больше российских туристов, чем в прошлом году. Наиболее массовые направления региона – Таиланд и Вьетнам. Аналитики отмечают, что, несмотря на увеличение количества туристов за год, тем не менее поток в регион составил на 34,5% меньше, чем в первом полугодии 2014 г. Безусловными лидерами по популярности на российском рынке среди стран Юго-Восточной Азии являются Таиланд и Вьетнам. Таиланд стал самым популярным зимним направлением, по итогам шести месяцев 2016 г. на тайские курорты отправилось 551 200 туристов, что на 18,2% больше, чем годом ранее.

Необходимо отметить, что отличную динамику роста продемонстрировал Вьетнам. Согласно данным Министерства культуры, спорта и туризма Вьетнама, страну за первое полугодие посетило 204 364 туриста, что на 21% больше, чем в аналогичный период 2015 г. Остальные страны следуют с большим отрывом, так, например, на курорты Индонезии отправилось, по данным Министерства культуры и туризма Республики Индонезии, 37 172 туриста, что на 18,5% больше, чем годом ранее, а вот Сингапур посетило практически столько же туристов, что и в аналогичном периоде 2015 г. – 35 437 (0,67% к январю-июню 2015 г.).

Число выездов в Камбоджу снизилось, по данным Министерства туризма Камбоджи, на 13,5%, в итоге за первые шесть месяцев 2016 г. страну посетило всего 27 210 туристов [3]. Тем не менее уже в октябре турами в страны Азии российские пользователи интересовались на 36,2% чаще, чем годом ранее, а доля этих стран в поисковых запросах выросла на 62%. Основными трендами месяца стало увеличение продолжительности туров, увеличение числа запросов на бюджетное размещение в отелях и сокращение числа желающих отдохнуть с детьми.

Интерес к отечественным курортам проявили 3,9% пользователей поисковой системы, что на 23,5% реже, чем в сентябре, чуть меньше – по 2,1% от всех запросов было по турам на Шри Ланку. Наилучшую динамику роста по отношению к прошлому году продемонстрировали такие популярные направления, как Иордания, Тунис, Китай [4]. Япония в 2016 г. идет на очередной туристический рекорд: страну за десять месяцев уже посетили более 20 млн иностранных туристов. Российский турпоток на этом фоне смотрится весьма скромно, но в JNTO верят в российский рынок и планируют усилить продвижение на нем. До весны 2017 г. в Москве откроется российское представительство Японской национальной туристической организации, и бюджет на продвижение японского турпродукта на российском рынке, как ожидается, будет увеличен.

Одним из важных факторов позиционирования японского турпродукта на российском рынке является то, что Япония перестала быть экзотическим направлением. По последним данным, уже в сентябре 2016 г. был отмечен рост турпотока на 6,7%, эту динамику связывают с сезоном «красных листьев». Туроператоры сообщали о росте интереса туристов к турам в Японию именно в этот период. По итогам года российский турпоток в Японию, скорее всего, сохранится на уровне прошлого года (в 2015 г. Японию посетили 54 тыс. 365 россиян). Самым успешным для российского туррынка пока остается 2008 г., когда в страну приехали 66 тыс. 280 граждан России. По данным JNTO, в 2015 г. 65% россиян посещали Японию с целью туризма, 21% – с целью бизнеса. Чаще всего наши соотечественники едут в Страну Восходящего солнца весной и осенью, в два пиковых сезона – цветения сакуры и красных кленов [5].

По мнению экспертов, Шри-Ланка так же идет на рекорд по итогам въездного туризма. Как сообщил глава туристического офиса Шри-Ланки, по итогам года страна готова принять рекордное число туристов (2,2 млн) и получить небывалую прежде прибыль от туристической отрасли в размере 3,5 млрд долл. Одним из важных факторов роста отрасли для Шри-Ланки стала нестабильность в других традиционно популярных у туристов странах. Кроме того, появилось и несколько местных крупных игроков на рынке гостиничного бизнеса. В настоящее время именно эта отрасль вносит вклад в ВВП данного государства [6].

С конца октября 2016 г. российские авиакомпании перешли на зимнее расписание и включили в маршрутную сеть популярные в этот период направления. Среди стран, которые будут пользоваться спросом, называют Юго-Восточную Азию, а Шри-Ланку – потенциально самым популярным направлением зимы. Главные пляжные направления на зиму – Таиланд, ОАЭ, Вьетнам и Индия. Кроме того, туристов интересуют Турция, Гоа, Карибы, Таиланд, Вьетнам. Завершают цепочку Сейшелы, Мальдивы, Маврикий, Индонезия и Мексика [7].

В настоящее время Ростуризм разрабатывает стратегию продвижения туристического потенциала России на китайском туристском рынке на 2017 г. Подведены итоги российско-китайского сотрудничества в туристической сфере, определены основные тенденции туристического обмена между двумя странами, а также актуальные вызовы и задачи. Стратегия предполагает широкое использование возможностей социальных сетей, что позволит донести информацию о туристических возможностях России до более чем 600 млн граждан Китая. Обе стороны обозначили общую цель — увеличение взаимного турпотока между Китаем и Россией до 2 млн человек до конца 2016 г. [8].

Известно, что Россия вошла в топ-10 самых популярных направлений для китайских туристов в рамках «золотой недели», одного из самых значимых туристических периодов в КНР, когда жители Поднебесной массово путешествуют внутри страны и за рубеж. В 2016 г., как отмечается в

сообщении Китайской национальной туристической администрации (CNTA), Россия стала настоящей «темной лошадкой», показав рост в 103,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Наряду с Россией, в рамках «золотой недели» китайцы традиционно ехали в Южную Корею, Японию, Таиланд, Тайвань, Австралию, Вьетнам, Малайзию, Францию и Сингапур. По данным CNTA, в общей сложности в период «золотой недели» (с 1 по 7 октября) в путешествие отправились 750 млн китайских туристов, из них за границу поехали 140 млн (+11,9% к 2015 г.) [9].

Как уже говорилось, Вьетнам в этом году уже обновил свой туристический рекорд: страна за 10 месяцев приняла более 8 млн иностранных туристов: почти столько же их было за весь 2015 г., а по итогам 2016 г. Вьетнам готовится зафиксировать исторический для себя зарубежный трафик: от 9,5 до 10 млн зарубежных визитеров. Рекордным будет и российский турпоток, который может превысить 350 тыс. человек. Количество российских туристов на вьетнамских курортах за 10 месяцев составило почти 331 тыс. человек, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. на 27,1%. Предыдущий российский максимум был отмечен в 2014 г. – 277 тыс. туристов. В прошлом году во Вьетнаме побывало порядка 263 тыс. россиян.

Анализируя предварительные результаты этого года, участники туристического рынка отмечают, если еще год назад Вьетнам был экзотикой для российского туриста, то сейчас он стремится по популярности к Таиланду. По оценке туроператоров, на данном этапе перспективы Вьетнама на предстоящий зимний сезон выглядят весьма оптимистично - по итогам года предполагается, что он может привлечь около 400-420 тыс. российских туристов. Страна сегодня больше ориентирована на рынки Китая, Южной Кореи и Японии — именно оттуда во Вьетнам приезжает более 50% всех иностранных туристов. На российских граждан, несмотря на заявленный рост на 25%, приходится только 4% от всего въездного потока. Такой скромный вклад российского рынка не позволяет властям Вьетнама рассматривать его как приоритетный, что сказывается на маркетинговом продвижении направления. Как считают участники рынка, для дальнейшего развития властным структурам страны необходимо создать ситуацию, чтобы массовый туристический поток из России рос не только благодаря удачному стечению обстоятельств, но и в условиях полноценной конкуренции с другими направлениями [10].

Все вышесказанное позволяет прогнозировать, что к 2025 г. Россия может оказаться одной из первых стран в мире (после Китая) как по расходам на путешествия внутри страны, так и по расходам на выездной туризм. А одним из приоритетных направлений вполне может стать Азиатско-Тихоокеанский регион, поскольку страны данного региона представляют наиболее важный рынок будущего для бизнеса и привлекательное направление для туризма.

Библиографический список:

- 1 ВЦИОМ и АТОР рассказали о перспективах летнего сезона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru>
2. Несмотря на проблемы безопасности, путешествий стало больше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/main/news/press-centre/new/36274.html>
3. Растет спрос на отдых в странах Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.atorus.ru
4. Октябрь под знаком Азии и Ближнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.atorus.ru/main/ratings/analitic_mrch/new/37507.html
5. Туристический офис Японии в Москве откроется до марта 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trn-news.ru/digest/46952>
6. Шри-Ланка идет на рекорд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/NEWS/press-centre/new/37282.html>
7. Зима под знаком Израиля и Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/37320.html>

8. Путешествия по России будут рекламировать через китайские соцсети [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/535225>
9. Россия стала «темной лошадкой» китайского туризма в праздничную неделю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/press-centre/new/37123.html>
10. Вьетнаму пророчат битву за российских туристов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/ru/press-centre/new/36900.html>

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ СТРАН АТР И РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Соколова А.М.

Период обучения в вузе является важной составляющей процесса профессионализации, будущий специалист получает необходимые знания, умения, навыки, оценивает свое Я – реальное и Я – идеальное в будущей профессиональной деятельности, стремится стать настоящим профессионалом. Но как показывает практика на стадии профессионального образования, многие учащиеся и студенты разочаровываются в выбранной профессии. Снижается интерес к учебе, отдельным предметам, появляются сомнения в правильности своего выбора. В процессе формирования образа профессии индивид начинает представлять кем и как он будет работать, возникает некий иерархический процесс, последовательность операций, план реализации профессионального образа.

Из этого следует, что роль ценностных ориентаций весьма значительна и имеет не только психологическое, но и социальное, и экономической значение. Ее решение влияет на временную перспективу молодого специалиста, определяет выбор необходимой информации и адекватных форм обучения при его профессиональной подготовке. Нереалистичность складывающихся в период обучения в вузе представлений о себе и сфере профессиональной деятельности, не может обеспечить быструю и качественную адаптацию, что удлиняет и делает экономически более затратным процесс формирования специалистов. Отсюда выступает актуальной проблема ценностных ориентаций у студентов разных курсов.

Цель работы – изучить ценностные ориентации иностранных студентов на разных этапах профессионального самоопределения.

«Ценности – это обобщенные представления о благах и приемлемых способах их получения, на базе которых человек осуществляет сознательный выбор целей и средств деятельности» [2, с. 481-483]. Ценности личности выступают в качестве основы для формирования жизненной стратегии, во многом определяют линию профессионального развития. Следовательно, в роли ценностных ориентаций выступает отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Они формируются на социальном опыте, который проявляется впоследствии в идеалах, целях, убеждениях, интересах и других элементах, реализующихся в поведении личности. Ценностные ориентации – достаточно сложный комплекс, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, поведенческий и эмотивный. Когнитивный есть составная часть знания, поведенческий – подразумевает под собой реализацию ценностных ориентаций в поведении личности, эмотивный – эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки.

По мнению Виктора Франкла, ценности являются «проводниками» смысла. Он выдвинул «триаду ценностей», в которую включил: ценности творчества, ценности отношения, ценности переживания. Под первыми он понимал ценности, реализуемые посредством труда. Ценности отношения определяются обстоятельствами, которые человек не в силах изменить. И наконец, ценности переживания представляют собой внутреннее восприятие мира человеком [4, с. 158-159, с. 210-215].

Милтон Роквич делит ценности на «терминальные» и «инструментальные». Терминальные ценности определяют для человека смысл его жизни, указывая при этом на то, что для него наиболее

значимо и важно. Инструментальные ценности – убеждения человека о том, что определенный образ действий и свойство личности являются предпочтительными в любой ситуации.

В рамках работы было проведено анкетирование и тестирование в октябре-ноябре 2016 года, в котором приняло участие 30 студентов первого и третьего курсов разных направлений подготовки Восточного Института - Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Основными методами, для получения необходимой информации, выступили: наблюдение, анализ литературных источников, беседа, методика М. Рокича «Ценностные ориентации» (на английском языке).

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Таблица 1 – Средние ранги ценностей цели и ценностей средства

№	Терминальные (ценности цели)	1 курс	3 курс
1	Активная деятельная жизнь	3	1
2	Жизненная мудрость	11	3
3	Здоровье	5	2
4	Интересная работа	12	11
5	Красота природы и искусства	16	15
6	Любовь	2	10
7	Материально обеспеченная жизнь	14	13
8	Наличие хороших и верных друзей	4	6,5
9	Общественное признание	15	16
10	Познание	6	8
11	Продуктивная жизнь	9	6,5
12	Развитие	1	5
13	Развлечения	17	17
14	Свобода	13	12
15	Счастливая семейная жизнь	7	4
16	Счастье других	18	18
17	Творчество	10	14
18	Уверенность в себе	8	9
№	Инструментальные (ценности средства)	1 курс	3 курс
1	Аккуратность	12	5
2	Воспитанность	5,5	2
3	Высокие запросы	18	18
4	Жизнерадостность	2	4
5	Исполнительность	17	16
6	Независимость	11	11
7	Непримиримость к недостаткам в себе и других	16	17
8	Образованность	3	3
9	Ответственность	7	8
10	Рационализм	14	1
11	Самоконтроль	9	13
12	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	15	10
13	Твердая воля	10	14
14	Терпимость	1	15
15	Широта взглядов	5,5	9
16	Честность	8	7

17	Эффективность в делах	13	6
18	Чуткость	4	12

К ярко выраженным ценностям у иностранных студентов стран АТР можно отнести «любовь» среди терминальных ценностей, стоявшую на втором месте у 1 курса и смещённую на 10 позицию у иностранных студентов стран АТР 3 курса. В то время как «жизненная мудрость» с 11 ранга поднимается на 3 позицию. Среди инструментальных ценностей «терпимость» занимающая первое место в ранжировании у иностранных студентов первого курса оказывается уже на 15 месте у третьего курса. «Чуткость» стоявшая на четвертом месте среди иностранных студентов 1 курса падает на 12 место у третьего курса. А вот «рационализм» наоборот, с 14 позиции среди первого курса поднимается на первое место у студентов 3 курса. Также можно заметить интересную тенденцию сохранения ранговой позиции ценностей вне зависимости от курса. К таким ценностям относятся: по терминальным ценностям – развлечения (17 ранг), счастье других (18 ранг). Они рассматриваются как «приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей»; и «благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом». Это может свидетельствовать о несильной значимости данных ценностей цели среди иностранных студентов. По инструментальным ценностям: образованность (3 ранг), независимость (11 ранг), высокие запросы (18 ранг).

Это в свою очередь говорит о том, что «образованность» как ценность средства играет большую роль независимо от стадии профессионального самоопределения. «Независимость» располагается примерно в середине данных ценностей, а вот «высокие запросы» располагаются на последнем месте в ранжировании обеих групп испытуемых.

Благодаря методу ранговой корреляции Спирмена было установлено, что различия в уровне иерархии ценностных ориентаций иностранных студентов 1 и 3 курсов достоверно отличаются от нуля. На основе чего можно предположить, что иерархия ценностных ориентаций человека меняется в процессе прохождения обучения в вузе и на остальных этапах профессионального самоопределения.

Исходя из описания результатов проделанной работы, можно сделать вывод о том, что такие ценности как «чуткость», «терпимость» и «любовь» имеют достаточно высокую степень значимости для иностранных студентов 1 курса. В то время как «жизненная мудрость» и «рационализм» обретают намного более выраженную значимость на более поздних этапах профессионального самоопределения.

Библиографический список:

1. Ленглэ А. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М: Генезис, 2009. 159 с.
2. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. В 3 кн. Кн. 3. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 640 с.
3. Столяренко Л.Д. Основы психологии: практикум. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 704 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М: Прогресс, 1990. 368 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Соколова М.М.

Исследования, посвященные усвоению культуры иной страны и адаптации к переменам, и по сей день остаются одними из самых востребованных и применимых на практике. В настоящее время развитие академической мобильности студентов является одним из ведущих факторов в налаживании межвузовского сотрудничества стран АТР и России. Академическая (студенческая) мобильность представляет собой возможность обучения студента в течение длительного срока – от семестра до

полного учебного года – как в своей стране, так и за её пределами [2, с. 278]. Она традиционно носит многосторонний характер – университет не только направляет своих студентов на обучение за рубежом, но и принимает у себя иностранных студентов из других университетов мира. Именно поэтому подобную программу принято называть еще и студенческим обменом.

В большинстве случаев процесс адаптации приобретает активность в переломных для человека периодах жизни. Учитывая этот факт, следует сказать о том, что в деле огромное внимание должно уделяться проблеме адаптации студентов к образовательной среде и учебному процессу. Так как именно та среда, в которой студент находится на протяжении обучения, является центральным звеном успешности его адаптации.

Адаптация к учебному процессу связана с приспособлением обучающихся к новой системе обучения, усвоению общих и профессиональных знаний, умений и навыков. Она является наиболее проблемным видом адаптации для первокурсников.

Причина сложности учебной адаптации обусловлена существенными количественными и качественными различиями между деятельностью учащихся в условиях вуза. В вузе выше интенсивность умственной работы, больше объем усваиваемых знаний, имеется, как правило, резко выраженная неравномерность нагрузки, крайне возрастающей в период сессий. Качественные различия характеризуются резким изменением круга изучаемых предметов, появлением профилирующих предметов, с которыми учащийся связывает свою личную перспективу, изменением содержания учебного процесса изменением в формах контроля и оценки учебной деятельности; изменением характера взаимоотношений преподавателя и учащегося (преподаватель видит в студенте самостоятельного человека и предпочитает быть с ним «на равных»). Кроме того, студенту-первокурснику при поступлении в вуз приходится приспосабливаться одновременно и к новым требованиям, предъявляемым высшей школой, и к новым условиям обучения. Другими словами, адаптация к учебной деятельности предполагает одновременное воздействие целого ряда влияний, включающего в себя комплекс как субъективных (зависящих главным образом от самих студентов), так и объективных (в большей степени зависящих от внешних обстоятельств) факторов, к числу которых можно отнести содержание и организацию самой учебной деятельности в вузе.

В свою очередь под этнокультурной адаптацией подразумевается приспособление людей к новой культуре, к традициям, ценностям, интересам, взглядам другой страны. Сюда также можно отнести поведение людей и их образ жизни. И на основании всего вышесказанного, собственно, и происходит согласование, привыкание к нормам и требованиям в ходе межэтнической коммуникации, взаимодействия, помощи. Данное понятие также рассматривалось следующими авторами: И.А. Шолоховым, Н.М. Лебедевой, В.Г. Крысько, Т.Л. Смолиной и другими.

Основное содержание возникших трудностей при адаптации иностранных студентов в социуме «чужой» страны заключается в процессе принятия иной культуры, её традиций и ценностей, а также в способности отличить её от собственной, выявить намерения людей, и при этом суметь сохранить этническое своеобразие и личной индивидуальности.

На основании всего вышесказанного, индивид становится способным эффективнее добиваться целей межкультурного взаимодействия, полнее удовлетворять свои культурные потребности и предвосхищать перспективы общения с представителями других культур.

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, демонстрирующие уровень адаптации студентов корейцев к новой социокультурной среде, показатель этноцентризма и уровень коммуникативной толерантности в образовательном процессе.

Для получения необходимой информации была проведена диагностика с сентября по ноябрь 2016 года, в которой приняло участие 30 студентов корейцев первого курса разных специальностей Восточного института – Школы международных и региональных исследований (ВИ – ШРМИ) ДВФУ.

Предмет исследования – уровень адаптации вузовским образовательным пространством корейских студентов, показатель этноцентризма и уровень коммуникативной толерантности.

В соответствии с целью исследования был использован следующий блок методик, переведенных и адаптированных для использования на корейских респондентах: «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского (в модификации Т.Г. Стефаненко и М.С. Пановым), методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко), методика измерения этноцентризма М.Г. Стадникова.

Согласно результатам, полученным в ходе проведения исследования, по «Опроснику адаптации личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского (в модификации Т.Г. Стефаненко и М.С. Пановым) [1], получаем следующее: 6 корейских респондентов имеют высокий уровень адаптации, 10 корейских – средний уровень, и 14 корейских опрошенных студентов находятся на низком уровне адаптации к условиям новой социокультурной среды.

Методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко) предназначена для выявления толерантных и интолерантных установок личности студента, проявляющихся в процессе взаимодействия и общения. Полученные данные по методике указывают на то, что студенты корейцы имеют низкую и среднюю степень толерантности к окружающим, что говорит о возможности возникновения конфликтов между представителями разных этносов. Многие из опрошенных студентов признали тот факт, что они не научились еще должным образом воспринимать и принимать индивидуальные особенности окружающих их людей. К данным особенностям они относят стиль одежды, привычки, манеру выражения эмоционального настроения и т.д. Также отмечается неумение признавать ошибок партнера по общению, что выражается в частых обидах на собеседника. Еще одним из признаков низкого уровня толерантности к окружающим является непримиримость к частым дискомфортными состояниями собеседника (усталость, заболевания, частые смены настроения).

Методика измерения этноцентризма М.Г. Стадникова определяет уровень этноцентризма личности студента. Было выявлено, что 10 студентов имеют пониженный уровень этноцентризма, результаты по шкале равны 21% - 40%. Средний показатель имеют 19 студентов, результаты по шкале равны 41% - 60%. Один студент имеет низкий показатель по шкале этноцентризма – данные находятся в промежутке 0% - 20%.

Таким образом, на основе полученных результатов, можно сделать вывод о том, что 1/3 иностранных студентов имеют неудовлетворенность к условиям новой для них культуры, это выражается в отрицательном отношении к окружающим, чувстве ненужности данному обществу, неуверенности в отношениях с другими людьми, низком уровне активности и другое. Большая часть корейских студентов имеют низкие уровни этноцентризма и коммуникативной толерантности.

Дальнейшие исследования в данной области предполагают расширение выборки по разной этнической принадлежности и по времени пребывания студентов стран АТР в образовательном пространстве вуза.

Библиографический список:

1. Садохин А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры. 2008. № 2. С.26-32.
2. Соколова М.М. Академическая мобильность студентов стран АТР: проблемы и перспективы развития // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием (Владивосток, 11-13 ноября 2015 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 278-279.
2. Соколова М.М. Межкультурная адаптация студентов стран АТР в полиэтническом образовательном пространстве (на примере студентов-китайцев Дальневосточного федерального университета) // Общество и этнополитика: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 24-26 сентября 2015 г.). В 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр.; под науч. ред. Л.В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2015. Ч. 3. С. 257-260.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Москва: ИП РАН, Академический проект, 2000. 320 с.

4. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 77 с.
5. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology, 7, 177-82, 1960.

АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сорокина П.А., Костина Е.Ю.

Корейская Народно-Демократическая Республика (далее – КНДР) – это страна, которая значительное время проводит политику самоизоляции. С одной стороны, «закрытость» Северной Кореи делает ее изгоем на международной арене, с другой стороны вызывает интерес к себе. Россия (далее – РФ) является одной из немногих стран, граничащих с КНДР. Ежедневно меняющаяся ситуация в международном сообществе вынуждает страны по-новому взглянуть на сложившиеся между ними отношения.

Уникальным инструментом, посредством которого можно установить добрососедские отношения между государствами, является приграничное сотрудничество. Однако научной литературы, которая всецело или только отчасти рассматривала бы вопрос приграничного сотрудничества между Россией и КНДР, на данный момент не выявлено. В связи с этим в 2015 году П.А. Сорокиной было проведено разведывательное социологическое исследование по теме «Состояние российско-северокорейской системы приграничного сотрудничества в современных условиях» (сбор информации осуществлялся при помощи экспертного опроса). Результаты социологического исследования говорят о том, что сотрудничество между странами имеет место [1], что дало основания для продолжения работы над темой приграничного сотрудничества между РФ и КНДР. И в результате чего возникла необходимость анализа официальных документов, которые содержат в себе информацию об определенных фактах, доказывающих наличие сотрудничества, и к тому же обладают юридической силой. Преимущество официальных документов в том, что они являются объективными и предполагают выполнение тех договоренностей, которые в них прописаны.

В связи с этим летом 2016 году было проведено разведывательное исследование на тему: «Анализ документов как метод исследования приграничного сотрудничества» (методом исследования был выбран традиционный анализ документов). В исследовании была поставлена методическая цель: необходимо понять, пригоден ли традиционный анализ документов для изучения приграничного сотрудничества между РФ и КНДР. Таким образом, в рамках данного исследования необходимо было решить следующие задачи:

- найти официальные документы, отвечающие запросам исследования;
- проверить авторство документа; проверить подлинность документа;
- проверить достоверность данных, прописанных в документе;
- изучить обстоятельства возникновения документа;
- определить цель создания документа; проверить общественное действие документа; определить ситуацию, в которой был составлен документ;
- изучить контекст документа; изучить фактическое и оценочное содержание документа;
- выявить информацию, относящуюся к российско-северокорейскому приграничному сотрудничеству.

Для достижения поставленной цели в данном исследовании достаточно всего одного документа, который был получен посредством метода доступных случаев. Для анализа был выбран Протокол 3-его заседания Подкомиссии по межрегиональному сотрудничеству (далее – Подкомиссия) Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР (далее – Протокол).

Авторство документа установить не удалось, так как в документе не обнаружено информации о составителях. Документ является подлинным, а информация в нем – достоверной, потому как протокол имеет подписи высокопоставленных лиц и опубликован на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации.

Возникновение документа обусловлено тем, что 4 июня 2014 года в г. Владивостоке состоялось 3-е заседание Подкомиссии. Итогом встречи является составление Протокола заседания – это и есть цель создания данного документа. Факт того, что данное событие действительно состоялось, подтверждают новости по обозначенному событию, опубликованные медиа-холдингом «PrimaMedia» [2], информационно-аналитическим порталом «Единая Корея» [3], Федеральной базой инвестиционных площадок [4] и другими источниками информации. Данные новости не комментируются пользователями сети Интернет, да и в целом информации, свидетельствующей о том, что договор вызвал общественное действие, не выявлено.

Ситуация, в которой возник документ, не способствовала искажению фактов. Это обусловлено тем, что характер документа предполагает объективную фиксацию хода заседания, которое проходило в деловой атмосфере и духе добрососедства. Содержание документа является фактическим, так как текст документа полностью состоит из представления фактов.

Информация, представляющая интерес для данного исследования была обнаружена в первой и второй части документа. В части об итогах реализации договоренностей указывается, что «22 сентября 2013 г. состоялась церемония ввода в эксплуатацию реконструированного участка железной дороги от станции Хасан (Российская Федерация) до порта Раджин, и в марте 2014 г. были завершены работы по созданию универсального перегрузочного терминала в порту Раджин» [5]. Станция Хасан располагается рядом с северокорейской границей, а порт Раджин находится в городе Расон в 54 километрах от границы с Россией [6]. Эта информация имеет непосредственное отношение к приграничному сотрудничеству РФ и КНДР и свидетельствует о наличии приграничного сотрудничества в сфере перевозок и перспективе сотрудничества в сфере торговли.

В части о направлениях дальнейшего развития сотрудничества была найдена информация о том, что корейская сторона предлагает российской стороне оказать помощь в поиске инвесторов для развития Расонской торгово-экономической зоны. У данной экономической зоны очень выгодное местоположение, так как рядом, помимо России, находится еще и Китай. Наличие железнодорожных путей и незамерзающего порта, а также тот факт, что Расон – это свободная экономическая зона (СЭО) свидетельствует о ее экономической перспективности. Так или иначе, это гарантирует развитие, как минимум, таких сфер приграничного сотрудничества между РФ и КНДР, как: торговля, перевозки, привлечение инвестиций, упрощение взаимного общения заинтересованных лиц.

В документе найдены факты, относящиеся к приграничному сотрудничеству РФ и КНДР, а именно – к сферам сотрудничества. Количества и качества данных фактов достаточно для того, чтобы констатировать, что основная гипотеза, основанная на том, что метод традиционного анализа документов применим к анализу приграничного сотрудничества между Россией и КНДР, подтверждается. Таким образом, цель исследования выполнена.

Стоит отметить, что делать выводы о приграничном сотрудничестве, которое представляет собой сложную систему, по изучению одного только документа было бы ошибкой. Именно поэтому для анализа рекомендуется использовать несколько однородных источников, что позволит изучать исторический контекст, а также даст возможность сравнивать планируемые действия и реализованные. Необходимо также обращать внимание на характер документа и отдавать предпочтение достоверным источникам.

Библиографический список:

1. Сорокина П.А. Российско-северокорейская система приграничного сотрудничества в современных условиях / Россия и мир: опыт взаимодействия национальных культур. Сборник

материалов научной конференции студентов и аспирантов [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. (1,6 Мб). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 32-34.

2. Договоры России и КНДР: расчеты в рублях и облегченный визовый режим [Электронный ресурс] // PrimaMedia. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/362889/>

3. В Приморье состоялось третье заседание Подкомиссии по межрегиональному сотрудничеству между Россией и КНДР [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Единая Корея». 2014. Режим доступа: <http://onekorea.ru/2014/06/04/v-primore-sostoyalos-trete-zasedanie-podkomissii-po-mezhregionalnomu-sotrudnichestvu-mezhdu-rossiej-i-kndr/>

4. Россия займется привлечением инвесторов в ряд инвестиционных проектов КНДР [Электронный ресурс] // Федеральная база инвестиционных площадок. 2014. Режим доступа: <http://fbip.ru/articles/newsdetails/id/2440>

5. Протокол 3-го заседания Подкомиссии по межрегиональному сотрудничеству Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Российской Федерацией и КНДР [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2015. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/mrps/2015201006>

6. СП «РАСОНКОНТРАНС» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rasoncontrans.ru/>

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

Сыроед Н.С., Нестерова А.А.

Изучение проблем семьи во все времена являлось важной задачей социальных наук. Семья представляет собой не только один из основных институтов общества, но и его проекцией, переживающей все трансформации совместно с ним. В области социологии множество специалистов посвящает свои исследования проблемам семьи, таких как В.А. Сысенко, А.И. Антонов, А.М. Яковлев, А.Г. Волков и другие.

Исследуя конфликты, в том числе и семейные, необходимо рассматривать их как сложно организованные системы, состоящие из соподчиненных связанных подсистем и входящие в свою очередь в качестве подсистем в систему более высокого уровня. Важно выявить все многообразие элементов, входящих в структуру конфликта, связи между ними, а также взаимоотношения изучаемого конфликта с внешними по отношению к нему явлениями.

Современные исследования конфликтов в обществе широко используют методы и методики, разработанные во многих отраслях знаний.

Социология играет важную роль в исследовании конфликтов и других проблем семьи. Анализ социальных конфликтов в отечественной социологии пока в основном имеет характер прикладных исследований, на базе которых предпринимаются попытки обобщения проблем и формирования концепций. Основной задачей социологии конфликта на данном этапе развития является осмысление конфликта, как социального феномена, его развития, а также выработка методов решения социальных противоречий [1, с. 65].

Одним из видов социальных конфликтов является конфликт, происходящий в семье. Его особенность состоит в том, что он происходит в закрытой для общества системе - семье.

В процессе исследования проблем, связанных с семейными конфликтами, специалистам приходится сталкиваться с множеством проблем. Изучение отношений как в российских, так и в китайских семьях, осложнено многими факторами:

1. Сложностью семьи как социальной системы. В семье заключено множество отношений и внутренних связей, при формировании которых учитываются личностные особенности членов данной системы, также социальное окружение, традиционные уклады, экономические и бытовые условия.

2. Отсутствием единого подхода к изучению проблем семьи и к пониманию ее сущности и структуры. На данный момент не выработана общая теория, которая могла бы послужить основой, ее заменяет большое количество научных течений, направлений, школ.

3. Предметом семействедения является та область социальной жизни, которая подвержена формированию социальных стереотипов, основанных на обыденном опыте, который человек получает из средств массовой информации, социального окружения, опыта своих родителей.

4. Скрытостью или интимностью семейных отношений затрудняется изучение внутренних процессов, происходящих внутри этой ячейки общества. В результате исследователю трудно наблюдать за изменениями и формированиями новых границ конфликтов [6, с. 25].

Говоря о непосредственных проблемах внутри семьи, можно отметить, что основной блок конфликтов происходит по общим для китайских и российских семей вопросам.

Анализируя причины конфликтов в семьях, нужно учитывать два блока факторов: это факторы микросреды и макросреды. К первой группе относят нестабильное материальное положение, постоянную занятость мужа или жены на работе/учебе, отсутствие нормальных жилищных условий, проблемы с трудоустройством, неготовность к семейной жизни, вредные привычки или склонность к девиантному поведению одного из супругов [4, с.36].

К группе макросреды относят влияние социально-экономической ситуации в стране, что воздействует на снижение или повышение уровня конфликтности внутри семьи.

Исследование современной китайской семьи осложняется тем, что она, как и все китайское общество, находится на этапе трансформации, множество конфликтов связано именно с этими процессами. Китайская семья переходит от традиционной модели семьи к посттрадиционной, меняется размер семьи, семьи становятся главным образом нуклеарными.

Еще 30 лет назад изучение конфликтов оставалось практически невозможным, так как ситуация проявления конфликтов считалась ненормальной, поэтому супружеские споры всячески скрывались и умалчивались. Такого рода конфликты строго порицались и всячески сдерживались на уровне общественного мнения, экономических факторов и государственных мер.

Сейчас условия изменились. Социология конфликта постепенно набирает обороты, но на уровне менталитета все еще остается довольно много факторов, препятствующих развитию социальных наук в целом и социологии конфликта, в частности.

Рассматривая опыт китайских ученых социологов важно отметить, что им приходится сталкиваться и с определенными трудностями, связанными со спецификой своей страны. В последние годы современная китайская социология находится на этапе становления, так как общество нуждается в эмпирических исследованиях, однако сбор данных осложняется отсутствием собственных теорий.

Согласно исследованиям российских дальневосточных ученых, различия во взглядах на семейную жизнь, на характер взаимоотношений между супругами и на распределение семейных обязанностей являются основными конфликтогенами в китайских семьях. В ходе изучения семей, проживающих в Харбине, были получены следующие результаты относительно причин семейных конфликтов:

- значительная доля (55%) ссорится по пустякам;
- недовольство проведением свободного времени (32%);
- недостаточный семейный бюджет (31%);
- отсутствие гармонии в семейных отношениях (17 %);
- ревность (8%);
- плохие взаимоотношения с родителями (4%);
- разногласия по поводу воспитания детей (6%);
- пьянство мужа (1%) [2, с. 61].

Этот список необходимо дополнить такими серьезными факторами, провоцирующими конфликт, как различия в ценностях и неготовность к родительству или даже нежелание партнера иметь детей.

Что касается основных причин возникновения конфликтов в российских семьях, то они имеют принципиальное сходство с причинами конфликтов в китайских семьях. Отечественные ученые - семейведы называют относительно сходные с китайскими основания для семейных ссор. Например, А.И. Кочетов выделяет семь основных причин семейных конфликтов:

- нарушение этики супружеских отношений (измена, ревность);
- биологическая несовместимость;
- неправильные взаимоотношения супругов (одного из них) с окружающими их людьми - родственниками, знакомыми, сослуживцами и т. д.;
- несовместимость интересов и потребностей;
- различие педагогических позиций по отношению к ребенку;
- наличие личностных недостатков или отрицательных качеств у одного, а подчас и у обоих супругов;
- отсутствие взаимопонимания между родителями и детьми [4, с.51].

По мнению социологов, китайские семейные конфликты осложняются такими факторами, как, например, вспыльчивость – одна из главных причин ссор. Ее уровень повышается летом. Из-за невыносимой жары все члены семьи чаще бывают дома, больше видятся и получают много поводов злиться друг на друга.

Следующий фактор, способствующий распространению семейных конфликтов и в российских, и в китайских семьях – гендерное неравенство. В китайских семьях статус женщин довольно низок. Конечно, в современном Китае женщине отводится куда более почетное место, нежели еще несколько десятков лет назад. Однако в семьях традиционного типа все еще сохраняется угнетение женщин. В таких семьях нередки случаи, когда бытовой конфликт заканчивается применением психологического и физического насилия [3].

Современное китайское общество осмысливает необходимость поиска ответов на проблемные вопросы и научного обоснования путей социального развития страны. На сегодняшний день вектор развития социологии задан, она обладает большим потенциалом и направлена на выработку собственных методов теоретических и прикладных исследований. Однако все еще наблюдается некоторая «закрытость» китайской социологии, поэтому международные, в частности, российско-китайские исследования пока затруднены.

Таким образом, и российское, и китайское общество осознает важность социологических исследований проблем семьи и семейных конфликтов, так как семьи - хрупкие социальные системы, нуждающиеся в защите. Благополучие и целостность семьи оказывают огромное влияние на социум. Несмотря на этнонациональные и иные различия, совместные российско-китайские исследования проблем семьи и семейных конфликтов могли бы обогатить не только семейведение, но и социологию как науку об обществе и процессах, происходящих в нем.

Библиографический список

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
2. Белая Е.Г. Современная китайская семья (по данным полевого исследования 2005-2007 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 55-63.
3. Ерёмкина Т.А. Современные тенденции функционирования современной китайской семьи / Педагогика и психология. Теория и методика обучения, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/17\(43\)2/eremkina_17_43_2_89_92.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/17(43)2/eremkina_17_43_2_89_92.pdf)
4. Кочетов А.И. Начало семейной жизни. Мужчина и женщина, отношение полов. Мн.: Польша, 2013. 121 с.
5. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М., 1993. 280с.
6. Харчев А.Г. Современная семья и ее проблемы. М.: Мысль, 1997. 368 с.

ДИЗАЙН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН АТР

Томилов В.А.

Представление о дизайне образовательного пространства связано, говоря словами А.М. Долгорукова, с коммуникацией в образовательной среде, точнее – оно относится к «...новому пониманию морфогенеза социальных структур – кристаллизации новых (более гибких и вероятно менее долговечных структур)» [1, с. 39]. Слово «дизайн» рассматривается в контексте акторно-сетевой теории (Б. Латур) как «сборка» [2] пространства АТР – знание об образовательной базе АТР, которым должен владеть школьный учитель как «учитель-дизайнер» по аналогии с социальным дизайнером-участником формирования гражданского общества [3].

Цель статьи – дать общую характеристику факторов, которые должны быть включены в практику подготовки «учителя-дизайнера» в вузе, и её формы.

Сам термин «образовательное пространство» начинает использоваться в гуманитарных исследованиях с 90-х годов прошлого века. При этом ведется анализ элемента, фактора или процесса в образовательных пространствах разных уровней (индивидуальном, групповом, уровне образовательного пространства учебного заведения, единого образовательного пространства России, мирового образовательного пространства) [4, с. 35]. Но общепринятого представления об образовательном пространстве и элементах, входящих в его состав, ещё нет. Как нет и анализа функции учителя-дизайнера, включенного на институциональном уровне в систему профессиональной подготовки учащихся через создание в школе условий для профессиональной ориентации и профессионального отбора.

Таким образом, представление о дизайне образовательного пространства АТР имеет в виду его проектирование, или «сборку» (Б. Латур), то есть процесс, элементом которого является «рассеянное» (Ф. Хайек) знание, опосредованное жизненным опытом молодого человека и его влиянием на выбор профессии. В свою очередь анализ практического опыта учащегося в форме его «рассеянного» знания, включенного в процесс конструирования («сборка») образовательного пространства, не требуя от исследователя математики, позволяет раскрывать все тенденции изменения [5] образовательного пространства. С целью обоснования данной гипотезы обращается внимание на три условия, участвующие в «сборке» образовательного пространства современного общества:

1. Решение институтом образования важных для общества задач имеет влияние тот факт, что в наши дни благодаря вертикальному и горизонтальному разделению труда действия человека *опосредованы* действиями других людей. И в связи с этим в сознании каждого участника совместной деятельности возникает представление о незначительном вкладе индивида в общее дело: собственный вклад в общее дело меркнет, оказывается незначительным и перестает считаться *нравственной* проблемой [6, с. 141-142]. Но при этом остается без внимания то, что человеческое *действие* связано с целью (потребность, мотив), тогда как оно в совместной (групповой) деятельности трансформируется в *операцию*, которая определяется уже способом осуществления действия; кроме того, операции и зависят от ситуации (среда), и осуществляются в автодинамическом режиме [7, с. 107, 109], не требуя рационального контроля (управление) человеком.

2. Внимание к анализу проблем труда и его мотивов в XX веке не было на первом плане. Развитие научно-технического прогресса необходимо вызвало смещению проблемы с производства на распределение: исследование проблемы распределения «перевесило» анализ проблемы производства [8]. Вместе с тем, когда возникает зависимость производительности труда от применения техники, цена на которую увеличивается, актуализируется роль инвестиции, а в случае их внешнего характера возрастает политическое давление на экономику страны. В силах ли общество воспроизводить себя за счет «внутренних» инвестиций, или ресурсов, как это происходит в природе?

3. У стран мира есть проблема включения первичного профессионального образования в общую систему образования. Встают вопросы: с одной стороны, кто будет платить за обучение – учащиеся, работодатели, государство; с другой – каково соотношение общих и специальных знаний в

программе обучения; и, с третьей – кто будет оценивать профессиональные компетенции, каковы системы аттестации? Да, в экономике возросло значение профессионально образованной рабочей силы. Но, получив образование «бесплатно», работник затем переходит к конкуренту. Согласно теории человеческого капитала, фирмы не возражают против того, что «бесплатно» обучать работника только *специфическим* знаниям и навыкам [9, с. 6-7]. Также различны и уровни экономического развития стран, что вызывает проблему «утечки мозгов» и необходимость поиска ее решения. С проблемой связана и такая причина, как ориентация работника на *темп* жизни: если одни живут и процветают благодаря быстрому темпу деятельности, другие – делаю все, что «избавиться этой свистопляски» [10, с. 31-32].

К «сборке» образовательного пространства имеет отношение и тот факт, что в наши дни элементом организации труда является профессиональный отбор.

Профессиональный отбор ориентирован на свойства индивида, которые даны каждому «от природы» (генотип). Они не изменяются при жизни людей средствами внешнего влияния. Профессиональный отбор должен предшествовать профессиональному обучению. Он имеет место в фирме при обучении работника *специфическим умениям и навыкам*, в учебном заведении – *общее* образование, но речь идет о процессе, понимаемо в «узком» смысле слова. Здесь есть субъект отбора (*кто* отбирает), объект (*кого* отбирают) и цель (*ради чего*). Однако без внимания остается профессиональный отбор, понимаемый в «широком» смысле слова – уровень общества в целом. В этом случае не может быть субъекта отбора, а сам профессиональный отбор уступает место выбору профессии, который, как и профессиональный отбор, может осуществлять *удачно* или *неудачно*.

Исследования результатов профессионального отбора позволяют сделать вывод, что при *удачном* профессиональном отборе производительность труда повышается на 20-40%, не считая высокие качественные показатели [11, с. 62]. В контексте профессионального отбора организация труда людей принимает форму « $t(p \pm c) = \uparrow 20-40\%$ », где « t » – это труд (профессия), « p » – работник, « $\pm c$ » – способности к труду от «природы», или генотип, а « $\uparrow 20-40\%$ » – колебание (флуктуация) уровня производительности в зависимости от результатов фактора «удачного» / «неудачного» отбора или выбора профессии. Производительность, в свою очередь, очень напоминает *скорость* действий: в одном случае говорят о единице расстояния в единицу времени, в другом – о единице результативности в единицу времени; производительность – *результат*, деленный на *количество времени*, в течение которого он был получен [12, с. 49]. То есть в совместной работе неодинаковая *скорость* действий всех участников трансформируется в *общий* для всех участников *темп* (от лат. *tempus* время) их совместной (группа) деятельности. *Неодинаковая скорость* действий не только разделяет людей: она, проявляясь во взаимодействии, трансформируется в *одинаковый* для всех *темп*, а его становление вызывает *рост/спад* производительности труда в экономике.

Итак, при выборе профессии на условиях «удачного» профессионального отбора, или « $t(p+c)$ », *повышается* производительность труда на « $\uparrow 20-40\%$ », а в случае выбора «неудачного» возникает ее понижение – « $\downarrow 20-40\%$ ». Отсюда само *различие* в уровне индивидуальной производительности выступает как причина для становления ренты (*сверхприбыль*): она не связана с чертами личности работника, например, с творчеством и добросовестностью. Это – *рента* в форме «внутренней» инвестиции или *ресурс* развитие экономики, поскольку является результатом «сборки» *темпа* совместной (групповой) работы; а механизмом ее «производства» будет «переход», или трансформация, *скорости* действий всех индивидов в *общий темп* коллективного *эрготемпорального работника* (от гр. *ergon* работа +лат. *tempus* время). То есть с участием человека, но без его влияния (управление) на результат, а в автодинамическом режиме и в силу закона, о котором писал еще А.А. Богданов: «...прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихоходным кораблем» [13, с. 353].

Факт *колебания* производительности труда в зависимости от организации, или « $t(p \pm c) = \uparrow 20-40\%$ », указывает на то, что организацию труда необходимо как «удерживать» в форме « $t(p+c) = \uparrow 20-40\%$ », так и придавать ей *всеобщий* характер, а это и входит в задачу школьного образования.

Субъектом решения являются типы учителей – «учитель-дизайнер», который связан с региональным аспектом (страны АТР) образовательного пространства; а также «учитель-тьютор», если он в состоянии помогать ученику формировать профессиональную траекторию в мире, который является неустойчивым (турбулентным.) И если принимать во внимание подготовку ученика к будущей профессиональной деятельности, то и «учитель-тьютор», проявляющий себя в школе как «учитель-футуролог». Иными словами, задача «учителя-дизайнера» – «удержание» *гибких* (автодинамическая флуктуация) и *недолговечных* структур в турбулентном (неустойчивом) мире или современном обществе в *устойчивом* (долгосрочном) состоянии. Для решения этой задачи в подготовку учителя включается *предметная подготовка* (учитель-предметник), необходимо обогащающаяся дизайнерскими умениями и навыками по формированию образовательного пространства различного уровня, включая выбор участвующих в его «сборке» факторов (аналогично – «Образование 2.0»).

Библиографический список:

1. Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2. С. 32-43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istina.msu.ru/media/publications/article/9be/32e/9612291/2015_126_4_Dolgorukov.pdf
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://profilib.com/kniga/28921/bruno-latur-peresborka-sotsialnogo-vvedenie-v-aktorno-setevuyu-teoriyu.php>.
3. Куликов М.А. Социальный дизайн как метод формирования гражданского общества в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 84-93. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-dizayn-kak-metod-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii#ixzz4QVsIPfzz>.
4. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 100 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istina.msu.ru/media/publications/book/dcd/679/8746495/Ponomarev_Obrazovatelnoe.
5. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2009. 202 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/book/ekonomicheskij-tsikl-analiz-avstrijskoj-shkoly-pod-red-av-kuryaeva>.
6. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
8. Тарароев Я.В., Иваненко Н.А. Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 47-57. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=444&Itemid=52.
9. Вишневская Н.Т. Модели первичной профессиональной подготовки в современных экономиках // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 5-29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/19/1267422744/Vishnevskaya.pdf>
10. Гоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
11. Мялкин А.В. Способности и потребности личности: диалектика формирования. М.: Мысль, 1983. 260 с.
12. Архангельский Г.А. Организация времени. СПб.: Питер, 2005. 448 с.
13. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1994. 479 с.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ РЫБНОЙ ПРОДУКЦИИ В Г. ВЛАДИВОСТОК (НА ПРИМЕРЕ МАГАЗИНА «ТРЕПАНГ»)

Трифонов Г.А.

Наибольший удельный вес по вылову и выпуску рыбной продукции приходится на рыбопромышленный комплекс Дальнего Востока, центром которого традиционно является Приморский край.

В 1993 г. по взаимному решению правительств Японии и России, и в порядке оказания помощи Российской Федерации, в организации предприятий малого и среднего бизнеса в Дальневосточном государственном рыбохозяйственном университете - «Дальрыбвтузе» был создан Учебно-производственный технологический Центр (УПТЦ), в котором японская сторона осуществила поставку, смонтировала и сдала под «ключ» комплекс рыбоперерабатывающего оборудования. Японские специалисты сопроводили оборудование технологической документацией и оказали помощь по внедрению в производство современных рыбоперерабатывающих технологий, используемых в Японии.

В российско-японском учебном центре выпускают сушеную, копченую, вяленую продукцию, консервы и рыбные фарши. Сегодня УПТЦ – это учебное сертифицированное рыбоперерабатывающее предприятие законченного цикла, где проходят учебно-производственную и преддипломную практику студенты, технологи, механики, экономисты и маркетологи. Важным аспектом в работе УПТЦ является разработка и внедрение в производство новых видов качественной и полезной рыбной продукции. Выпуск новых видов рыбной продукции, которая во многом является деликатесной, предполагает проведение научных изысканий, разработку технологических схем и соответствующего им технологического оборудования, проведение маркетинговых и социологических исследований, а также организацию мероприятий по позиционированию новых видов продукции на выставках и выставочных комплексах торговых сетей г. Владивосток [1].

За истекший период, были внедрены более 30 технологических схем, из которых наиболее востребованными являются следующие: кальмар - копченый, вяленый, пикантный, с сыром; сушеный лосось, сушено-вяленый терпуг, копченые осьминоги, сушеные формованные изделия.

Продукция УПТЦ отмечена четырьмя поощрительными грамотами губернатора Приморского края (четыре грамоты), двумя грамотами Федерального агентства, ценными подарками [2].

19 декабря 2013 г. Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет открыл во Владивостоке два магазина собственной продукции - «Трепанг» и «Кальмар». Они расположены в зданиях вуза, на ул. Светланской, 27, и на ул. Луговой, 52-а. Основное направление магазинов «Дальрыбвтуза» - продукция из дальневосточного трепанга, кальмара и приморского гребешка. Товарных трепанга и гребешка поставляет университетский центр марикультуры, в котором в течение 10 лет успешно разрабатывались и внедрялись методики выращивания гидробионтов. Магазины пользуются популярностью не только у жителей, но и у гостей города Владивосток, в том числе китайских и японских туристов. Привлекает широкий ассортимент, высокое качество и оригинальность продукции.

Потребительское поведение - это процесс формирования спроса покупателей, который зависит не только от ценовой политики предприятия, но и от личного бюджета, влияния вкусов и предпочтений других потребителей структуры питания, возраста и других факторов.

Для выявления предпочтений жителей Владивостока при покупке рыбной продукции был проведен анкетированный опрос потребителей магазина «Трепанг». В процессе исследования было опрошено 100 человек. Все они являются жителями города Владивосток.

Основная масса опрошенных в возрасте 18 - 35 лет (52%) и 36 – 45 лет (35%), наименьшая доля приходится на людей старше 45 лет.

Чаще всего, из имеющихся изделий потребители приобретают мороженую, маринованную, слабосоленую рыбу, пресервы в маринаде и других заливках, кальмар сушеный и копченый, кулинарные изделия из рыб (салаты, котлеты, колбасы, купаты) и объектов нерыбного промысла (из морской капусты). Уникальной продукцией магазина является дальневосточный трепанг, который предлагается покупателям в мороженом и варено-мороженом виде, а также на меду, который используется как биологическая добавка.

Главными критериями при выборе рыбной продукции, исходя из данных социологического опроса, для покупателей являются качество, вкусовые особенности и цена.

Вкусовое качество представленной в магазине продукции оценили довольно высоко почти все респонденты. Было также отмечено, что такой мягкий и вкусный вяленый осьминог производят именно в УПТЦ «Дальрыбвтуза». Большинство респондентов приезжают из разных концов города за своими любимыми деликатесами именно в магазин «Трепанг».

Из всех видов упаковок, в которых продается продукция магазина, вакуумная пользуется большим спросом – 87% опрошенных выбирают именно ее. Пластиковые ведра (8%) и контейнера (5%) пользуются популярностью меньше. Респонденты объясняют это тем, что в вакуумной упаковке значительно увеличивается срок хранения продукта, она не допускает протекания товара и обеспечивает гигиеничность и удобства хранения. В пластиковых ведрах и контейнерах люди покупают продукцию, потому что в другой упаковке она не продается.

Только 15% респондентов обращают внимание на дизайн упаковки, отмечая, что упаковка должна поднимать аппетит, вызывать позитивные эмоции у покупателя, должна быть в меру яркой, чтобы ее заметили, захотели взять в руки, ознакомиться с тем, что находится внутри.

Покупателей не всегда устраивает объем фасованной продукции. 73% анкетированных предпочитают фасованную продукцию объемом от 300 до 500 граммов. 18% человек приобретает продукцию объемом свыше 500 граммов. Оставшиеся 9% опрошенных предпочли бы расфасованный товар объемом до 300 грамм.

При изучении мнения опрашиваемых об ассортименте магазина - 88% участников ответили, что ассортимент продукции их полностью устраивает, а 12% считают, что его нужно расширять, вернуть некоторую продукцию, которая продавалась раньше, но ее убрали. Это, например, камабоко – блюдо японской кухни в виде батончика, которое готовится из сурими («пюре» из белого мяса рыбы).

О качестве обслуживания покупателей 85% опрошенных считают, что обслуживание очень качественное, 15% - скорее качественно. Отрицательных отзывов о сервисе не было. Все очень положительно отзывались о продавцах магазина. Говорили, что они очень внимательны, отзывчивы и добры во время общения с клиентами, владеют информацией о полезных свойствах и вкусовых качествах продукции.

На вопрос, касающийся ценовой политики магазина 87% респондентов считают, что цены на продукцию устраивают их в полной мере. Никогда не задумывались по поводу цены на продукцию 10% опрошенных, главное для них - наличие любимой продукции.

Во время социологического опроса жители Владивостока предложили свои рекомендации по поводу рыбной продукции и магазина «Трепанг» в целом.

Что нужно расширять и углублять ассортимент рыбной продукции в магазине, добавляя другие виды рыбы, которых нет на данный момент в продаже считают 32% анкетированных. Например, салаты с кальмаром производить не только в заливке из майонеза, но и в других заправке, салат из водорослей выпускать не только с кальмаром, но, к примеру, с мидиями.

Предлагают применять в магазине не только наличный расчет, но еще и безналичный, который более удобен для некоторых покупателей -18% участников опроса. Сделать фасованную продукцию меньшим объемом предлагают 8% опрошенных. 22% из 100 респондентов считают, что нужно изменить изнутри оформление магазина: поставить аквариум с живыми рыбами как часть декора.

По мнению 13% участников опроса магазину необходимо создать свой сайт, на котором можно будет ознакомиться с ассортиментом, с технологиями производства, узнать побольше информации о заводе, на котором производится продукция.

Респонденты, а это 7% , предложили периодически проводить в магазине акции и дегустацию продукции.

Таким образом, на покупательские предпочтения рыбной продукции жителей г. Владивосток первостепенное значение оказывают качество, вкусовые особенности, репутация и ценовая политика производителя.

Библиографический список:

1. Официальный сайт Дальрыбвтуза. Историческая справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dalrybvtuz.ru/uni/history/>
2. Дальрыбвтуз – центр образования, науки и инноваций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/dalribvtuz-tcentr-obrazovaniya-nauki/5394731/>

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСХОДОВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РОССИИ И СТРАНАХ АТР

Тупикина Е.Н., Анепкина А.А.

Здравоохранение относится к отраслям социальной сферы. Исследование эффективности системы здравоохранения является актуальной проблемой, так как с одной стороны она зависит от экономической эффективности страны, а с другой – оказывает на нее непосредственное влияние.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является крупнейшим геополитическим звеном в архитектуре современного мира. К этому региону сейчас принято относить страны, расположенные по периметру Тихого океана, в том числе Америки. Это страны с разными политическими системами и экономиками: Россия, Китай, Япония, Северная и Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Индонезия, Филиппины, Австралия, США, Канада и другие.

Сегодня на долю АТР в его широком понимании приходится до 23 % земной суши, 40 % населения земного шара, около 60 % мирового ВВП, а также примерно половина совокупного объема мировой торговли и мировых зарубежных инвестиций [2].

Интенсивная интеграция России в мировую экономику и вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию 22 августа 2012 года обуславливают необходимость тщательного изучения мировых рынков, включая рынок здравоохранения. Учитывая вклад стран Азиатско-Тихоокеанского региона в развитие здравоохранения, вызывают интерес тенденции медицинских затрат России по сравнению с другими странами АТР. В данной статье мы изучим показатели затрат на здравоохранение стран АТР, относящихся к «Азиатской душе» и вносящих наибольший вклад в развитие медицины, а также отметим место России в полученной структуре.

На протяжении последних десятилетий мировой рынок здравоохранения и все развитые страны мира ежегодно увеличивают затраты на медицину, в том числе в расчете на одного жителя. Изучив медицинские расходы стран АТР за прошедшие пятнадцать лет, в таблице 1 можно увидеть, что общие расходы на здравоохранение в Китае выросли почти в 10 раз. Несмотря на то, что второе место по величине медицинских затрат занимает Япония, стоит отметить, что их объем за прошедшие 15 лет увеличился только на 30%. Что нельзя сказать о России, чьи расходы в 2014 году составили 128081 млн. дол. США и увеличились по сравнению с 2000 годом в 8 раз, однако, по сравнению с 2012 годом затраты на здравоохранение снизились на 7%. В Филиппинах, Таиланде и Сингапуре расходы по отношению к 2000 году увеличились более чем в 4 раза, в Монголии более чем в 9 раз. Отметим, что в некоторых исследуемых странах к 2014 году прослеживается тенденция снижения темпа прироста расходов на здравоохранение (по отношению к 2012 году), среди них Япония, Россия, Индонезия.

Таблица 1 – Общие расходы на здравоохранение в России и странах АТР, млн. дол. США

	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2014	Темп прироста 2014/2000 гг.	Темп прироста 2014/2012 гг.
Китай	55404	105682	209190	256783	295120	376786	445461	574799	937,47%	29,03%
Япония	356415	374050	416985	479041	526375	594806	605558	470672	32,06%	-22,27%

Российская Федерация	14082	39771	102859	90455	104129	125968	138055	128061	809,39%	-7,24%
Республика Корея	23735	47857	61717	60034	74364	82159	85750	103989	338,13%	21,27%
Индонезия	3265	7975	14317	15246	20695	24228	26599	25295	674,73%	-4,90%
Таиланд	4654	8191	15430	15283	17251	20444	22538	24407	424,43%	8,29%
Вьетнам	1645	3099	5480	6403	7374	8406	10851	13159	699,94%	21,27%
Сингапур	2593	4770	7519	8222	9353	10828	12244	15156	484,50%	23,78%
Малайзия	2848	4725	8012	8039	9878	11248	12233	13630	378,58%	11,42%
Филиппины	2600	4034	7051	7424	8730	9616	11156	13404	415,54%	20,15%
Камбоджа	215	368	575	661	669	724	877	939	336,74%	7,07%
Монголия	56	128	314	242	338	464	519	568	914,29%	9,44%
Бруней	183	250	321	306	338	375	390	400	118,58%	2,56%
Тимор-Лешти	14	19	33	34	39	43	56	66	371,43%	17,86%

Источник: составлено авторами с использованием [1]

Заметим также, что затраты на здравоохранение во многих странах опережают темпы их экономического роста. За последние пятнадцать лет доля расходов на здравоохранение от ВВП в Южной Корее, Таиланде и Сингапуре выросла почти в 2 раза, в Филиппинах, Малайзии, Индонезии и Вьетнаме темп прироста составил практически 50%. В Японии по итогам 2014 года показатель достиг наивысшего уровня и составил 10,2%, в Республике Корея удельный вес расходов в ВВП страны за тот же период достиг 7,4%. В России исследуемый показатель также оказался достаточно высоким и составил 7,1% от ВВП, положительные темпы прироста говорят о позитивных тенденциях в экономике страны. При сравнении России с Южной Кореей сохраняется паритет ВВП. При сравнении с другими развитыми странами, расходы на здравоохранение растут в большей степени чем ВВП.

По общим расходам на здравоохранение на душу населения Россия уступает Японии, Сингапuru, Республике Корея, Брунею и находится выше уровня ряда стран, среди которых: Малайзия, Китай, Таиланд (Таблица 2).

Таблица 2 - Общие расходы на здравоохранение на душу населения в России и странах АТР, долл. США

	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2014	Темп прироста 2014/2000 гг.	Темп прироста 2014/2012 гг.
Япония	2839	2928	3256	3742	4110	4654	4749	3703	30,43%	-22,03%
Сингапур	662	1061	1551	1656	1842	2086	2310	2752	315,71%	19,13%
Республика Корея	505	994	1261	1221	1505	1650	1715	2060	307,92%	20,12%
Бруней	554	691	843	790	860	938	962	958	72,92%	-0,42%
Российская Федерация	96	277	719	632	727	880	963	893	830,21%	-7,27%
Малайзия	122	183	295	291	351	394	422	456	273,77%	8,06%
Китай	44	81	158	193	220	279	329	420	854,55%	27,66%
Таиланд	74	124	232	230	259	306	336	360	386,49%	7,14%
Монголия	23	51	119	91	124	168	185	195	747,83%	5,41%
Вьетнам	20	37	63	73	83	94	120	142	610,00%	18,33%
Филиппины	33	47	78	81	94	102	116	135	309,09%	16,38%

Индонезия	15	35	61	64	86	99	107	99	560,00%	-7,48%
Камбоджа	18	28	41	47	47	50	59	61	238,89%	3,39%
Тимор-Лешти	17	19	32	32	37	40	51	57	235,29%	11,76%

Источник: составлено авторами с использованием [1]

Данный показатель по Японии превышает российский в 4 раза. Заметим, что, несмотря на то, что расходы на здравоохранения на душу населения в России в 2014 году относительно 2000 года увеличились в 9 раз, этот показатель является слишком низким по сравнению с мировыми значениями.

Также важно, если разделить общие расходы на здравоохранение на душу населения на ВВП на душу населения, то у России доля расходов снизится в два раза и составит 3,3% (893/26688), что говорит о критически низком значении данного показателя.

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на изменение расходов на здравоохранение является старение населения. Около четверти ежегодного прироста совокупных расходов на здравоохранение обеспечено именно возрастным фактором. Увеличение доли пожилого населения напрямую влияет на расходы на медицину, обеспечивая постоянный спрос на дорогостоящее лечение хронических заболеваний. Ученые отмечают, что к 2050 году в целом по всему миру количество людей старше 60 лет увеличится до 22%, в то время как в 2010 году он составлял 12%.

В основе количественного анализа лежит построение глобального тренда и прогнозирование показателей. В качестве исследуемого показателя выбран объём расходов государства на здравоохранение на душу населения в Российской Федерации. В результате точечного анализа удалось построить модель, по которой можно спрогнозировать выбранный показатель (рисунок 1).

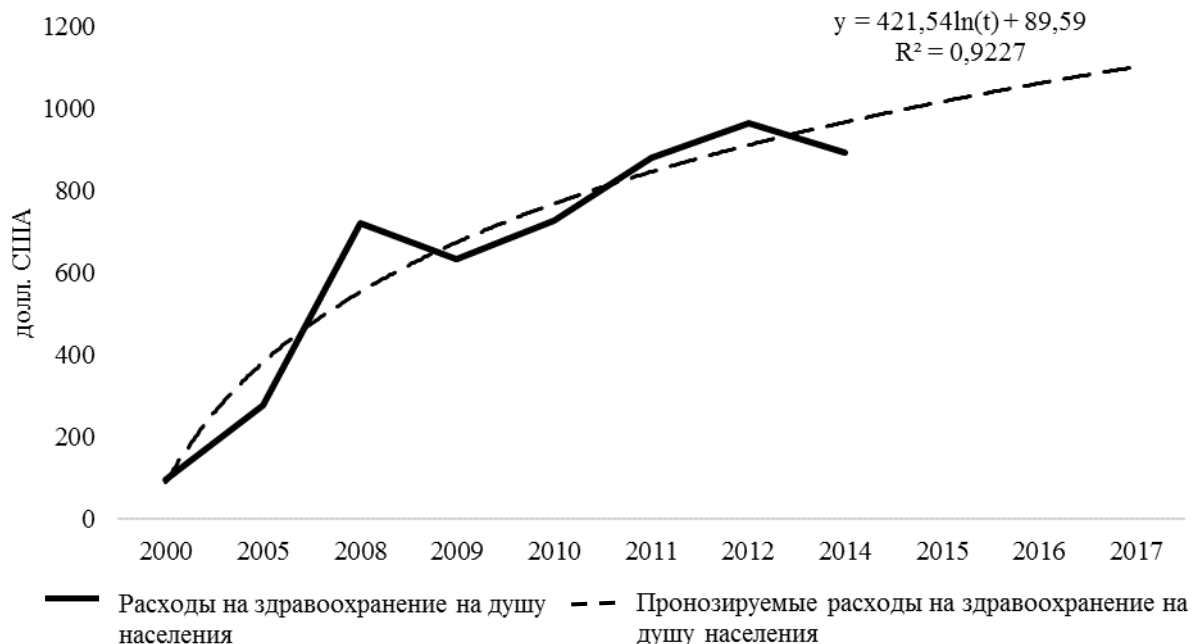


Рисунок 1 – Общие расходы на здравоохранение на душу населения в Российской Федерации в 2000-2017 гг.

На рисунке 1 видно, что расходы на здравоохранение на одного жителя изменялись неравномерно на протяжении всего исследуемого периода. Согласно прогнозу, в течение 2015-2017 гг. расходы имеют тенденцию роста.

Итак, изучив динамику расходов на здравоохранение стран АТР в сравнении с Россией можно сделать вывод, что усиление роли государства в здравоохранении наблюдается во всех изученных странах. Государство становится регулятором, контролером и финансистом функционирования системы здравоохранения. Главная цель модернизации российского здравоохранения - повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения на основе повышения эффективности использования ресурсов и возрождения профилактической направленности в здравоохранении.

Библиографический список:

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gks.ru>
2. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. М.: Восток – Запад, 2010. 320 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1920-1930-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Федирко О.П.

После окончания Гражданской войны и разгрома внешних врагов религиозный вопрос в России, а затем в СССР встал очень остро. Стремление большевиков к внутривластной диктатуре требовало борьбы с внутренней оппозицией, под определение которой попали и религиозные объединения. Партия еще не была готова начать открытую конфронтацию с верующими. В качестве метода борьбы был избран метод антирелигиозной пропаганды.

Разработка методов этой борьбы была заложена на X съезд РКП(б). Был определен орган ответственный за организацию этой работы – Главполитпросвет. В качестве источников организации антирелигиозной пропаганды предписывалось использовать достижения естествознания и исторической науки. Для более эффективной антирелигиозной пропаганды рекомендовалось провести социологические исследования религиозной ситуации в стране.

В 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) принимает постановление «По вопросу о нарушениях пункта 13 Программы и о постановке антирелигиозной пропаганды». В нем констатируется низкая организация и слабое содержание проводимой работы среди верующих, даются директивы к ее совершенствованию. Появляется установка на использование средств и процедур социологического характера для получения более точной информации о религиозной ситуации в стране. Пунктом 11 предписывалось: «Внимательно изучить все изменения, какие происходят в широких крестьянских и рабочих массах в их отношении к религии, изучить в каждой отдельной местности преобладающий классовый состав отдельных сектантских групп, изучить их идеологию; знакомиться с содержанием религиозной проповеди, которая ведется различными религиозными группами среди крестьянских и рабочих масс» [1, с. 28-59].

В 1922 г. Директивы ЦК РКП(б) Советским и партийным органам по вопросу об отношении к сектам и политике в отношении религиозных групп вообще» требовали: «Там, где деятельность таких групп не носит враждебного Советской власти характера, всячески воздерживаться от какого бы то ни было стеснения их хозяйственной деятельности в рамках существующих законоположений». Вновь предлагалось «внимательно изучить существующие в настоящее время группировки сектантских и всякого рода религиозных организаций, как со стороны их социального состава, так и со стороны их деятельности» [1, с. 60].

Главным занятием в сложившихся условиях становятся «замеры» уровня религиозности населения и степени влияния религиозных традиций на образ жизни разных слоев общества, что требовалось для проведения более эффективной практической деятельности по развитию массового атеизма. Такая задача ставилась основными потребителями социологической информации - руководящими политическими кругами советского государства.

Ответить на поставленный запрос были призваны организации прямо или косвенно имевшие дело с религиозной стороной жизни советских людей. Прежде всего, это были партийные комитеты всех уровней. Их сообщения о динамике религиозного состава населения в условиях происходивших преобразований и идеологического воздействия, начиная с 1924 г., централизованно сосредоточивались в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б), где осуществлялся документальный и статистический анализ состояния религиозности по регионам страны [2, с. 9]. Позднее, решением ЦК ВКП(б) в парткомах создаются секторы и отделы партийной информации, в круг обязанностей которых входит регулярный сбор данных о религиозной ситуации (добытых собственными силами аппарата, полученных от активистов и пр.).

Другой структурой, поставлявшей, как правило, закрытые сведения о положении религии в СССР, были органы внутренних дел и государственной безопасности. Они вели свой учет, включали оперативные донесения о настроениях и высказываниях по поводу ситуации с религией в обобщающие, разных степеней секретности, обзоры политического положения в стране. Более доступной была информация, собираемая Центральным статистическим управлением СССР, статистическими отделами при наркоматах и ведомствах: о количестве храмов, их религиозном или ином использовании, о числе служителей культа и т.п.

На Дальнем Востоке СССР сведения об уровне религиозности и о числе религиозных объединений поставляли так же учреждения Агитпропа и Союзов безбожников. Так, в феврале 1923 г. на заседании амурского Агитпропа было принято решение об открытии учительских курсов. Одной из задач, ставящихся перед курсантами, стал сбор сведений о религиозности населения [3, л. 14]. Приморский Агитпроп в том же году акцентировал свое внимание слушателей подобных курсов на изучении уровня религиозности среди нацменьшинств, поскольку эти группы могли быть использованы в качестве попутчиков революционного рабочего движения [4, л. 10].

В 1926 г. в ходе подготовки к крупному партийному совещанию по антирелигиозной пропаганде опрос о степени влияния религии среди различных социальных групп населения проводился в ряде губерний. С этой целью был разработан «Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах», опубликованный затем в журнале «Антирелигиозник» (1927 г., № 6).

Эта всеохватывающая практика давала, в лучшем случае, лишь приблизительные статистические показатели. Необходимость объективного знания религиозной ситуации соперничала у партийно-государственного аппарата с побуждением подгонять реальность под идеологические установки и декларировать постоянные успехи. Такое могло происходить и по доктринерским, и по карьерным соображениям, и просто от некомпетентности. Качественный анализ в обзорах и справках трудно назвать адекватным. Над составителями постоянно тяготела доминанта «преодоления религии». Потребность в достоверной информации периодически возникала, особенно когда становилась очевидной неэффективность проводимой политики. Тогда вновь заходила речь о более грамотном подходе к вопросам религии, использовании научных средств и методов ее изучения.

В конце 1920-х годов научно-исследовательский отдел Центрального совета СВБ СССР, совместно с рядом академических и вузовских организаций, провел несколько экспедиций в разные районы страны (Магнитогорск, Днепрострой, Центральная черноземная область), чтобы выяснить «состояние религиозного и антирелигиозного движений». До начала 1930-х годов было осуществлено более 100 социологических и этнографических обследований влияния религии на население [5, с. 159]. Работы по составлению религиозно-бытовой карты СССР шли сначала в Комиссии по изучению племенного состава населения СССР АН СССР (КИПС), преобразованной в 1930 г. в Институт по изучению народов СССР АН СССР (ИПИИ), а с начала 1930-х и в Музее истории религии АН СССР [6, с. 301].

Полученный опыт исследовательской работы был рассмотрен на Всесоюзных антирелигиозных совещаниях в декабре 1930 и в июне 1934 г. В резолюции первого из них отмечалось, что «только на основе фактического конкретного материала можно будет разрешить вопрос об источниках веры и религии в СССР» [7, с. 177].

В 1932 г. Союзом воинствующих безбожников была начата «безбожная пятилетка». Ими планировалось в 1936 году закрыть последнюю церковь, а к 1937 г. покончить с религией совсем [8, с. 138].

В условиях становления и развития тоталитарного режима от исследователей религии требовались подтверждения громким заявлением об отходе трудящихся масс от «религиозного дурмана» под действием антирелигиозной пропаганды и развития материалистической школы. В проводимых исследованиях данные об уровне религиозности населения искажались в сторону увеличения численности неверующих. Те исследования, которые вскрывали рост числа последователей различных культов, переводились в категорию особо секретных.

В 1936 г. хабаровская ячейка Союза воинствующих безбожников провела анкетирование молодежи, по результатам которой выявилось увеличение числа последователей баптизма среди данной возрастной группы. Этим обстоятельством заинтересовались партийные и советские органы, проводившие в свою очередь собственные расследования. Выяснилось значительное увеличение хабаровской общины баптистов и активизация ее деятельности. В связи с этим результаты опроса и расследования были засекречены [9, л. 3].

В 1937 г. в СССР была проведена перепись населения. По указанию Сталина в переписной лист были включены вопросы, касающиеся религиозных убеждений. По ее результатам не менее 50% граждан заявили о своей религиозности. На Дальнем Востоке этот процент был несколько выше, но это объяснялось принудительными миграциями, которые были организованы в регион репрессивными органами.

Библиографический список:

1. О религии и церкви: Сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981.
2. Кобецкий В.Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
3. Государственный архив Амурской области Ф П-9. Оп.2. Д. 228.
4. Государственный архив Приморского края Ф. П-61. Оп. 1. Д. 305.
5. Барменков А.И. Свобода совести в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1986.
6. Чумакова Т.В. Подготовка к всесоюзной переписи 1937 г. создание карты религий СССР // Диалог со временем. 2012. Вып. 41.
7. Всесоюзное совещание антирелигиозных отделений научно-исследовательских учреждений СССР 14-15 декабря 1930 г. // Воинствующий атеизм. 1931. №1.
8. Федирко О.П. Дальневосточный «Союз безбожников»: история создания и основные этапы деятельности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5.
9. Государственный архив Хабаровского края Ф. П- 399. Оп. 1. Д. 326.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОЗЕРА БАЙКАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Хышиктуев О.В., Бадмацыренова Е.Л.

Проблема водопользования в мире становится важным фактором, влияющим на экономику, социальную сферу, а также на обеспечение глобальной, региональной и национальной безопасности. Особое значение приобретают международно-правовое регулирование и международные отношения в сфере трансграничных рек и озер. Согласно данным Организации Объединенных наций около 40% населения земного шара проживает в бассейнах трансграничных рек и озер, и около 90% в странах, разделяющих эти бассейны [1].

Цель данной статьи состоит в изучении особенностей международно-правового статуса озера Байкал и специфики международно-правового влияния на развитие российского национального законодательства о Байкале.

В своей экологической политике Российская Федерация исходит из необходимости развития международного сотрудничества и безопасности. В настоящее время Россией приняты обязательства по выполнению основополагающих международных рекомендаций в сфере правового регулирования природоохранной деятельности. Россия принимает активное участие в деятельности международных экологических организаций, наиболее авторитетной из которых является ООН.

Организация Объединенных наций уделяет проблемам водной политики и права особое внимание, так, в целях обеспечения согласованности и взаимодополняемости политики и оперативной деятельности в интересах государств-членов был создан особый координационный механизм «ООН – водные ресурсы». В течение 2005-2015 годов Организацией Объединенных наций проводилось Международное десятилетие действий «Вода для жизни» в рамках которого был разработан целый ряд международных документов.

В 1997 году была принята Конвенция ООН «О праве несудоходных видов использования международных водотоков» и, хотя она не вступила в силу, в ней изложены принципы, широко применяемые в международном водном праве. Большое значение имеет Конвенция Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, которая была принята в 1992 г. и вступила в силу для России 6 октября 1996 г. [2].

В 1996 году решением сессии Комитета по Всемирному наследию ЮНЕСКО озеро Байкал было признано Участком всемирного наследия. Из всех российских объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО озеро Байкал является единственной природной территорией, отвечающей всем критериям включения в Список всемирного природного наследия, согласно которым

объект-кандидат должен:

1) представлять собой выдающиеся примеры отражения основных этапов истории Земли, включая следы древней жизни, значимые геологические процессы, которые продолжают происходить в развитии форм земной поверхности, существенные геоморфологические или физико-географические особенности рельефа;

2) представлять собой выдающиеся примеры важных, протекающих и в настоящее время экологических и биологических процессов, происходящих в эволюции и развитии наземных, пресноводных, прибрежных и морских экосистем и сообществ растений и животных;

3) представлять собой природный феномен или территорию исключительной эстетической значимости;

4) включать природные ареалы большой важности для сохранения в них биологического разнообразия, в том числе ареалы исчезающих видов, представляющих выдающееся мировое достояние с точки зрения науки или сохранения природы [2].

Включение Байкала в состав объектов, утвержденных Конвенцией ЮНЕСКО, повлекло за собой принятие новых и важных нормативных правовых актов. При принятии решения Комитетом по всемирному наследию Российской Федерации были даны следующие рекомендации: а) обеспечить принятие федерального закона «Об охране озера Байкал»; б) осуществить перепрофилирование Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, чтобы он перестал быть источником загрязнения озера; в) снизить сброс загрязняющих веществ в реку Селенга; г) выделить дополнительные средства для заповедников и национальных парков вокруг Байкала; д) усилить поддержку научных исследований и мониторинга на озере Байкал [3].

Для выполнения данных обязательств в 1999 году был принят Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал». Данный закон установил, что правовое регулирование в области охраны озера Байкал осуществляется указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила чем те, которые предусмотрены федеральными законами, применяются правила международного договора.

Однако на сегодняшний день экологическая безопасность Байкала не может обеспечиваться исключительно в рамках российского законодательства. Так, строительство в Монголии двух больших ГЭС Шурэн, Эгийнская ГЭС на реке Селенге, являющейся основным притоком озера Байкал, влечет за собой возникновение разногласий и споров между двумя странами.

Бассейн реки Селенги для всей экосистемы озера Байкал представляет особую значимость. Из общего объема стока воды реки Селенги 40-45 % формируется на территории Монголии. Остальная часть объема воды приходится на территорию Бурятии (Россия). Река Селенга представляет собой самую крупную и наиболее важную реку Монголии. На территории Монголии в Селенгу впадают 35 рек, из которых две – Эгийн-гол и Орхон – средние, 18 – малые реки, а 16 представлены временными водотоками. Основными притоками реки Селенги на территории Республики Бурятия являются реки Джида, Темник, Чикой, Хилок, Уда и др. На территории монгольской части Байкальского бассейна формируется водный сток, составляющий около 45-50% объема суммарного стока Селенги, поступающего в Байкал.

Полноценная охрана байкальской экосистемы невозможна вне контекста российско-монгольского сотрудничества в области охраны и использования трансграничных вод, направленного на обеспечение безопасности экосистемы Байкала и его основного притока. В этой связи для России как гаранта безопасности объекта всемирного природного наследия ЮНЕСКО – озера Байкал - взаимодействие с Монголией в области охраны окружающей среды представляет важнейшую задачу.

При этом к трансграничным относятся любые поверхностные или подземные воды, которые обозначают, пересекают границы между двумя и более государствами или расположены на таких границах. В тех случаях, когда трансграничные воды впадают непосредственно в море, их пределы ограничиваются прямой, пересекающей их устье между точками, расположенными на линии малой воды на их устье [4]. Трансграничные воды рек принадлежат территориям приграничных государств и составляют часть этих территорий.

В настоящее время следует констатировать низкий уровень правового регулирования в сфере трансграничного сотрудничества между Монголией и Россией по обеспечению экологической безопасности реки Селенга. Заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод, которое было подписано в г. Улан-Баторе 11 февраля 1995 г. Конкретный режим охраны качественного состояния вод реки Селенги, как трансграничного объекта он не устанавливает. Конвенция Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г (вступила в силу для России 6 октября 1996 г.) выступила базой для заключения двусторонних и многосторонних соглашений [1].

Озеро Байкал во многом уникально не только в силу своих природных характеристик. Особенности его международно-правового статуса связаны с целым рядом аспектов. Оно обладает статусом объекта всемирного природного наследия, и вследствие этого Российская Федерация берет на себя обязательства по его защите и сохранению. Кроме того, ряд международных договоров, включая Конвенцию ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г., имеют прямое воздействие на национальное законодательство. Третьим аспектом выступает сопряженность вопросов защиты озера с проблемой трансграничных рек. Река Селенга, основной приток озера, берет свое начало в Монголии, где разрабатываются планы по ее хозяйственному использованию, включая постройку ГЭС на ее притоках. В настоящее время довольно остро стоит вопрос о выработке двусторонних российско-монгольских договоров, устанавливающих общие требования к государственным и негосударственным субъектам обеих стран в части экологического контроля использования природных ресурсов в целях устойчивого развития. Еще одной проблемой является потребность в международно-правовом регулировании вопросов использования, мониторинга и защиты трансграничных водных горизонтов, находящихся под угрозой истощения и загрязнения.

Библиографический список:

1. Transboundary Waters: Sharing Benefits, Sharing Responsibilities. the UN-Water Thematic Paper [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unwater.org/downloads/UNW_TRANSBOUNDARY.pdf
2. Руководство по выполнению Конвенции по охране всемирного наследия [Электронный ресурс]. Режим доступа: mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2013/26_11_2013_4.pdf
3. Хамнаев И.В. Организационно-правовой механизм охраны экосистемы озера Байкал: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2008.
4. Конвенция Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml

АНАЛИЗ СООТВЕТСТВИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ МОНГОЛИИ*

Цыбиков А.С., Дармаев Т.Г., Дагбаев Э.Д., Раднаев Б.А.

Как известно, в области интеллектуального анализа данных разработаны множество разведывательных параметрических и непараметрических методов, позволяющие выявлять латентные закономерности в данных, практически любой природы. Что касается социологических данных с большим числом категориальных переменных (вопросов) и наблюдений (респондентов), то здесь одним из мощных современных непараметрических инструментов является корреспондентский анализ (в некоторых источниках – «анализ соответствий») [1; 2]. В данной работе демонстрируется его применение на конкретных эмпирических данных соцопроса.

Математическое описание метода. Процедура анализа соответствий предполагает применение описательных и разведочных методов анализа многомерных таблиц сопряженности. Непараметрические методы анализ многовходовых таблиц сопряженности позволяют определить (выявить) структуру взаимосвязи и обнаружить связи между категориальными переменными, образующих исходную таблицу данных. Назначение анализа соответствий – отображение таблицы относительных частот в форме расстояний между категориальными уровнями независимых переменных, т.е. отдельными строками и (или) столбцами таблицы сопряженности в пространстве относительно более низкой размерности. Стандартный корреспондентский анализ требует предварительной стандартизации относительных частот таблицы таким образом, чтобы сумма наблюдений равнялась единице во всех ячейках. Главным критерием качества отображения многовходовой таблицы в пространстве низкой размерности выступает значение статистики χ^2 .

Итак, для реализации алгоритма необходимо вычислить следующие матрицы:

- матрица P – представляет исходную матрицу относительных частот, в которой каждый элемент вычисляется как абсолютная частота, деленная на сумму всех элементов таблицы (n_{ij} / n);
- матрица r – представляет собой вектор составленный из сумм элементов строк матрицы P ;
- матрица c – представляет вектор составленный из сумм элементов столбцов матрицы P ;
- матрица D_r – представляет собой диагональную матрицу, соответствующие элементы главной диагонали D_r являются поэлементными суммам строк матрицы P ;
- матрица D_c – представляет диагональную матрицу, соответствующие элементы главной диагонали D_c являются поэлементными суммам столбцов матрицы P .

Технология расчета координат точек-строк и точек-столбцов в пространстве низкой (меньшей) размерности основывается на обобщенном сингулярном разложении матрицы P .

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-23-03001 «Общественное сознание современной молодежи Монголии»)

Матричное представление разложения, в данном случае, будет иметь следующий вид $P = AD_u B$, так что

$$AD_r^{-1}A = BD_c^{-1}B = I,$$

где A — матрица левосторонних обобщенных сингулярных векторов, B — матрица правосторонних обобщенных сингулярных векторов, D_u — диагональная матрица, диагональные элементы которой равны обобщенным сингулярным числам, I — единичная матрица.

Процедура расчета координат строк и столбцов зависит от применяемого способа стандартизации таблицы относительных частот. Расположение точек-строк и точек-столбцов относительно друг друга не зависит от выбора способа стандартизации. При канонической стандартизации координаты строк вычисляются по формуле

$$F = D_r^{-1}AD_u^s,$$

а координаты столбцов по формуле

$$G = D_c^{-1}BD_u^s.$$

Применение метода. Вышеизложенный метод применен для поиска закономерностей в данных социологического опроса «Общественное сознание современной молодежи Монголии» с целью получения новых научных знаний. Анкета опроса состоит из 75 общих, политических и социально-психологических вопросов [3]. В результате массового опроса имеем таблицу данных из 75 переменных категориального типа и 367 наблюдений (опрошенных респондентов) [4; 5].

С помощью методики корреспондентского анализа исследована структура взаимосвязи рода деятельности молодежи Монголии с их гражданскими и политическими взглядами. В ходе анализа получены следующие результаты.

1. При анализе двумерной карты взаимосвязей вида деятельности респондентов с предпочтениями основных выпускаемых газет Монголии выявлено, что учащиеся дают предпочтение газете «Оноодор», рабочие отдают предпочтение газете «Одрийн сонин», безработные – «Онэн» (рис. 1). Два измерения дают 92,22% и 7,76% инерции соответственно, в сумме 99,92%. Это говорит о высокой точности воспроизведения относительных частот в метрике хи-квадрат и тем самым дает возможность по двумерному графику обоснованно интерпретировать полученный результат. Статистическая взаимосвязь между данными переменными отражает номинативная корреляция по χ^2 -Пирсону: $\phi=0,46$; $p<0,05$.

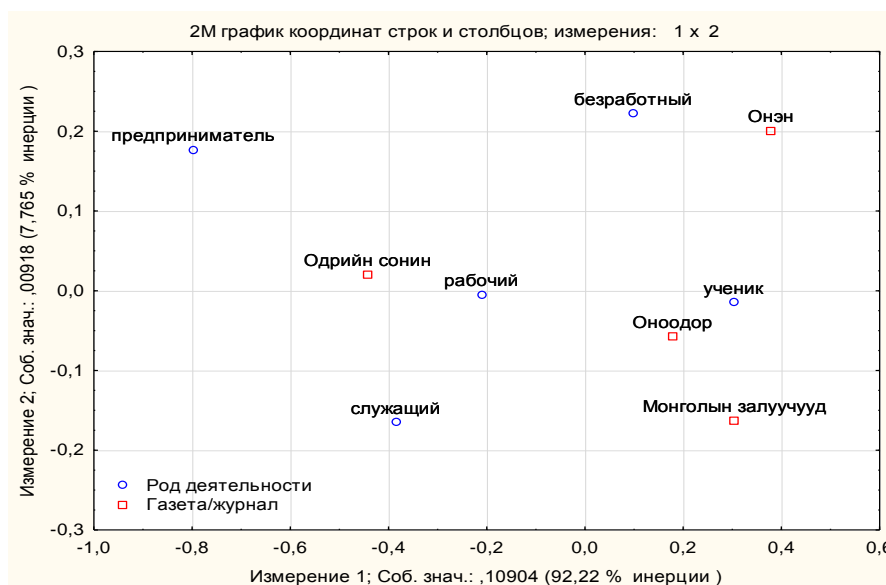


Рисунок 1 – Вид деятельности и выбор газеты

2. Подобным образом выявлена связь рода деятельности с предпочтениями фильмов, разбитых по странам производителя ($\phi=0,45$; $p<0,05$). Учащиеся в явном большинстве предпочитают

фильмы американского производства, рабочий класс склонен к выбору монгольских фильмов, служащие – российские (в соответствии с правилами интерпретации, угол образованный между двумя точками в начале координат - острый). Инерция равны соответственно 98,88% и 1,12%, кумулятивная - 100%.

3. Рабочие придерживаются мнения, что мораль, культура и нравственность находятся в кризисе. Однако, учащиеся с этим не согласны. У безработных затрудняются ответить. Кумулятивная инерция – 100%. Статистическая взаимосвязь показателя о морали и нравственности и видом деятельности достоверна ($p < 0,05$) и равна $\phi = 0,34$.

4. Безработные, служащие и предприниматели имеют самую высокую вероятность посещения выборов. Учащиеся (в данной выборке только студенты) не желают участвовать в выборах. Возможно, это объясняется тем, что они считают итоги выборов фальсифицируются, либо их голос ничего не значит. Статистическая взаимосвязь: $\phi = 0,32$; $p < 0,05$.

5. Готовность участия в политических акциях, митингах и манифестах тесно связано с критериями отбора кандидатов на выборные должности ($\phi = 0,65$; $p < 0,01$). Так, например, респонденты-молодежь, готовые прийти на избирательный участок, основным критерием отбора кандидатов считают образование. Молодёжь, ответившая отрицательно на вопрос об участии в политических акциях, чаще всего выбирала вариант ответа «коммуникабельность» и «деловые и нравственные качества».

6. Значение слова «самостоятельность» монголы разного рода деятельности понимают по-разному ($\phi = 0,45$; $p < 0,05$). Рабочие и безработные склонны считать, что самостоятельность - это быть хозяином самому себе. Для учащихся синонимом данного слова является готовность к любым изменениям или свобода. Для служащего – независимость.

7. Определена достоверная связь вида деятельности молодежи с взглядом на основные проблемы в Улан-Баторе ($\phi = 0,44$; $p < 0,05$). Рабочие считают, что основная проблема - смог, учащиеся (студенты) – низкий уровень проживания. Общая инерция – 99,82%.

Таким образом, с помощью математического аппарата «анализ соответствий» и программного пакета Statistica получены знания, позволяющие глубже понять общественно-политическое сознание молодежи Монголии. Если полученные результаты обобщить, то можно увидеть кардинальные расхождения сознания студентов и рабочих (рис. 2).

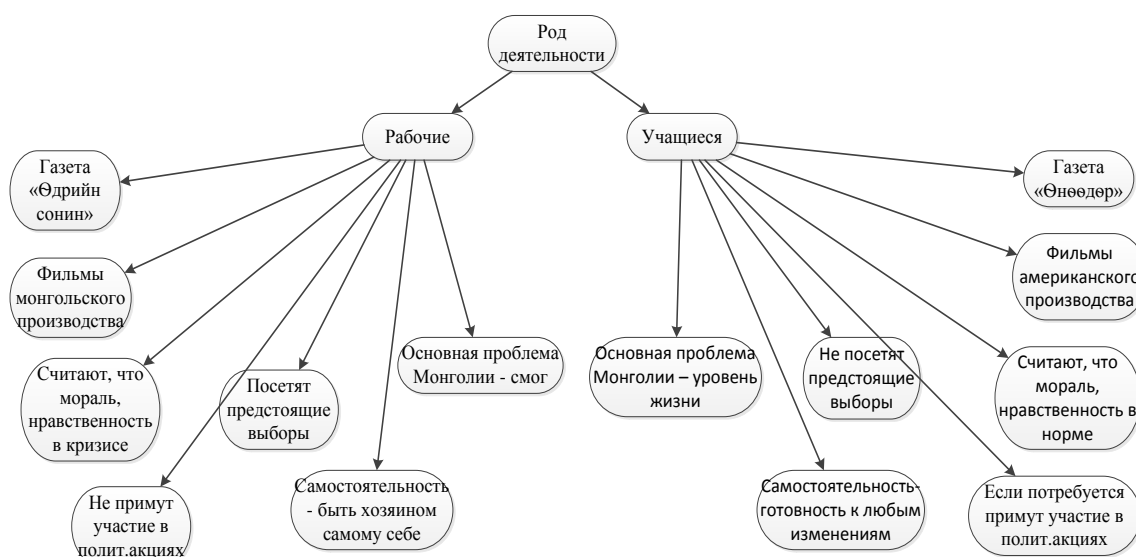


Рисунок 2 – Общественное сознание учащихся и рабочих Монголии

Библиографический список:

1. StatSoft, Inc. (2012). Электронный учебник по статистике. Москва, StatSoft. WEB: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>.
2. Blasius J. Correspondence Analysis in Social Science Research / Correspondence Analysis in the Social Sciences (pp.23-52). San Diego, CA: Academic Press. 1994.
3. Батжаргал Нямхуу. Методологические вопросы изучения общественного сознания современной монгольской молодежи / Нямхуу Б., И.Г. Актамов, А.В. Халбашкеев, Э.Д. Дагбаев, Д.Г. Дармаев // Вестник Бурятского государственного университета, Изд-во Бурятского государственного университета, Улан-Удэ. 2015. № 14. С.79-83.
4. Дагбаев Э.Д. Анализ объема и структуры выборки социологического опроса молодежи Монголии / А.С. Цыбиков, Батжаргал Нямхуу, Э.Д. Дагбаев, Д.Г. Дармаев // Вестник бурятского государственного университета: Изд-во БГУ, Улан-Удэ. 2015. № 1. С. 25-32.
5. Батжаргал Нямхуу. Информационные технологии в социологических исследованиях / Батжаргал Нямхуу, Б.В. Хабитуев, Д.Т. Дармаев // Вестник Бурятского государственного университета: Математика, информатика, Изд-во Бурятского госуниверситета, Улан-Удэ. 2015. № 3. С.33-38.

РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

Шаршембиева Т.С.

С распадом великой державы СССР были образованы новые суверенные государства, и в них образовался идеологический вакуум, который и по сей день не наполнен новым содержанием. Если раньше говорили «Мы», то сегодня говорят «Я», в обществе всё больше и больше на первый план выходят индивидуальные интересы, в полную мощь стала работать модель культурного развития «из крайности в крайность» [4, с. 238], которая не всегда благоприятно влияет на полноценное развитие общества.

Люди, руководствуясь принципами рыночной экономики, забыли о некоторых понятиях таких, как «гражданственность», «патриотизм», которые когда-то являлись стержнем устойчивого функционирования страны, общества в целом. И сегодняшнее полное переосмысление людьми ранее общепринятых норм и общечеловеческих ценностей привели к дезадаптации системы социокультурного воспроизводства, нарастает аморфность патриотического сознания масс. В условиях пока несостоявшейся демократии эгоизм и индивидуализм всё больше поглощают альтруизм, гражданственность, патриотические устремления. Патриотизм стал у части населения ассоциироваться с пережитками старого, но в то же время взамен ничего предложено не было. Этим и объясняется актуальность темы данной статьи.

Слово «патриотизм» имеет разные толкования и ему можно дать более обобщенную следующую характеристику: патриотизм – это социально обусловленное отношение между личностью, обществом и государством. Данное отношение между этим треугольником включает в себя нравственно-эмоциональную связь с конкретной совокупностью географических, этнических, культурно-исторических и других представлений о родине и рядом символических форм, характеризующих эти представления. Патриотизмом можно также называть сознательно и добровольно принимаемую позицию граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества. Очень часто патриотизм рассматривается как социально-психологическая составляющая социальной идентичности и социальный консолидирующий фактор [2, с. 156.].

Но всегда надо помнить, что патриотизм – это не движение против чего-либо, а движение за те ценности, которыми располагает общество и человек. Это, прежде всего, состояние духа, души. Как известно, проявления патриотизма могут быть самыми разными, а результатом может стать социальная активность личности, но в определённых условиях он может превратиться в депрессивную пассивность, появиться страх за будущее государства, за родных, и за себя.

Что сегодня означают понятия «патриотизм», «патриот»? На эти и другие вопросы можно ответить на основе полученных результатов социологического исследования, проведённого на территории Кыргызстана при поддержке Кыргызско-Турецкого Университета «Манас», посвященного проблемам общегражданской идентичности населения Кыргызской Республики. Общий объём выборочной совокупности составил 2000 человек.

Респондентам был задан вопрос «Что, в первую очередь, означает для Вас быть патриотом Кыргызстана?». 68,7% респондентов отметили, чтобы быть патриотом надо любить Родину, из них в основном были люди в возрасте 29-39 лет (27,2%), По мнению опрошенных с высшим образованием (21%) – необходимо знать историю кыргызского народа, а по мнению некоторых респондентов (49,3%), чтобы стать патриотом необходимо «внести свой вклад в развитие своей страны». Такого же мнения были 60,2% русских, 48,6% кыргызских и 47,6% узбекских респондентов.

Респондентам был задан уточняющий вопрос «Гордитесь ли Вы тем, что являетесь гражданином Кыргызстана?» Ответы были неоднозначными. Например, больше половины респондентов гордятся, что они являются гражданами Кыргызстана. И они свой выбор объяснили следующим образом:

Кыргызстан имеет очень красивую природу (50%), располагает богатыми природными ресурсами, ископаемыми, причиной гордости также может быть, то, что кыргызский народ имеет многовековую историю (21%), а около 20% опрошенных выбрали независимость Кыргызстана.

22,6% русских и 13,2% представители других национальностей (казахи, дунгане, украинцы и др.) дали отрицательный ответ: «Мне трудно сказать, что я горжусь». Данную трактовку можно охарактеризовать следующим образом, после приобретения независимости Кыргызстан как самостоятельное государство пережил 2 революции, бесконечные митинги, беспредел во всех сферах общества, развитие коррупции. Возможно, пессимистически настроенные респонденты хотят скорейшего развития Кыргызстана, стабильного и экономически расцветающего государства. Другим ответом может быть, то, что в последнее время этнический вопрос стало часто подниматься, и, соответственно, представители других национальностей обеспокоены тем, что если данная тенденция будет актуализироваться, то это может отразиться на их спокойной жизни в данной стране.

Некоторые респонденты кыргызской национальности отметили, что они не могут гордиться Кыргызстаном и объяснили причину такого выбора следующим образом. Людей больше всего волнует жадность современной политической элиты Кыргызстана (30%), и то, что до сих пор не могут решить проблемы определения государственных границ (31%). Если в целом взять, участники опроса обеспокоены экономическим положением страны. Это объясняется тем, что верхний слой общества за счет обмана, коррупции прочно встали на ноги, но в тоже время особо не торопится что-либо сделать для страны.

Но в каких случаях у респондентов больше всего проявляется чувство патриотизма? У 43,7% респондентов чувство патриотизма больше всего проявляется тогда, когда спортсмены из Кыргызстана побеждают на международных соревнованиях. У 38,3% опрошенных чувство патриотизма больше всего просыпается, когда они слышат имена выдающихся личностей Кыргызстана (деятелей культуры, искусства, политики, науки, спортсменов и др.). По мнению 28,8% респондентов чувство патриотизма больше всего проявляется тогда, когда появляется угроза безопасности Кыргызской Республики. Некоторые респонденты (22,9%) считают, что у них чувство патриотизма больше всего проявляется, когда они выезжают в зарубежные страны.

Чувства патриотизма, помимо вышеперечисленных, могут вызвать ещё и государственная символика: герб, гимн, флаг. Сегодня без них невозможно представить ни одну независимую страну. В связи с этим, для измерения степени чувства патриотизма, респондентам было предложено ответить на вопрос «Какие чувства вызывает государственная символика Кыргызстана?» Большинство респондентов, увидев герб, флаг, услышав гимн Республики, гордятся своей страной. Среди респондентов есть такие люди, которым безразлична символика государства, они составляют 10-13%.

Учитывая сегодняшнее положение, сложившееся в стране, трудно сказать, что символикой государства довольны все подряд и чувствуют её. К сожалению, несмотря на то, что прошло уже более двадцати лет независимости, в обществе не утихает дискуссия на счёт неправильности символики и о её замене.

Итак, для становления любого социально справедливого, экономически развитого государства необходим стержень, который будет способствовать удержанию прямого курса. Этим стержнем является патриотизм, через который идёт адаптация национального сообщества, того или иного народа, населения к формируемой общественной среде.

Таким образом, можно отметить следующее: Кыргызстану сегодня нужна такая ценность как патриотизм, которая может консолидировать кыргызстанцев, и которая сможет привести к духовно-нравственному, политическому и экономическому возрождению республики.

Патриотизм может выражаться в красиво оформленных речах, лозунгах, но, к сожалению, они не всегда способны стимулировать человека к общественно полезной деятельности, которая может служить во благо Родины. Результаты патриотизма можно увидеть только в конкретных действиях общества. Для того, чтобы быть патриотом, обычным гражданином своей страны нет необходимости обязательно пожертвовать собой, быть героем, иногда будет достаточным просто любить свою страну, принять такой какая она есть.

Библиографический список:

1. Философия культуры. Становление и развитие. СПб: Лань, 1998.
2. Ключенко А.Н Психолого-педагогические парадигмы категорий «гражданственность» и «патриотизм» // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 9. С. 156-157.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ*

Шахаева А.А., Гармаева Т.И.

Восточный вектор развития политики нашей страны обусловил большой интерес научного сообщества к экономическим, социальным, демографическим, культурным, и другими процессам, происходящим в трансграничных регионах Дальнего Востока и Забайкалья – на Дальневосточном трансграничье [1; 2] и в Забайкальском трансграничье [3; 4].

Республика Бурятия в рамках анализа комплексного потенциала Байкальского трансграничья (куда входят Республика Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край) [5] и с точки зрения потенциала Евразийского фронта Байкальского региона в расширении межкультурных контактов России с азиатскими странами [6] также справедливо рассматривается как трансграничный регион. Анализ научных исследований позволяет сделать вывод о том, что Республика Бурятия рассматривается только с позиций природно-ресурсного и экономического потенциала, а также как сфера культурного взаимодействия. Однако в связи с активными контактами нашей страны с восточными соседями, вопросом первостепенной важности становится вопрос о национальной безопасности трансграничных регионов. Как справедливо отмечает Н.С. Розов: «сведение взаимодействий в трансграничье только к экономическим и культурным обменам – благонамеренное, но неоправданное простодушие. Поскольку речь идет о территориях, значимых для обмена и уже поэтому ценных, всегда на первом месте стояли вопросы контроля над этими территориями» [3].

Республика Бурятия не имеет границы с КНР, но вместе с Монголией и Автономным районом Внутренней Монголии КНР, входит в состав историко-культурного региона – Внутренняя Азия.

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01299 «Социокультурное пространство столиц Внутренней Азии (на примере г. Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ), г. Улан-Батор (Монголия), г. Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия КНР))»)

Указанные регионы объединены общим степным культурным наследием и на сегодняшний день активно сотрудничают в разных сферах. В последние годы в связи с концепцией развития АРВМ «8337» [7], а также концепциями «Один пояс, один путь» и «Великий чайный путь» север Китая получил большой импульс к развитию трансграничного взаимодействия: многочисленные ярмарки, форумы, встречи на различных уровнях являются яркими примерами торгово-экономического общения регионов.

Наряду с развитием торгово-экономических отношений, важное место в указанных концепциях занимает сохранение и продвижение национальной культуры, в частности, степного культурного наследия, которому в последние годы в Китае уделяется большое внимание. Так, по инициативе китайской стороны в столице Бурятии г. Улан-Удэ прошли «Дни экономики и культуры г. Маньчжурии» (2015 г.), был встречен первый специализированный туристический поезд «Великий чайный путь» (2016 г.) и т. д. Помимо экономической и культурной сфер, регион Внутренняя Монголия КНР обозначает свое присутствие и в образовательном пространстве Республики Бурятия: это активное привлечение абитуриентов в филиалы ведущих университетов АРВМ (г. Эрлянь), предоставление стипендиальных программ на обучение в Университете Внутренней Монголии и Педагогическом университете Внутренней Монголии г. Хух-Хото (КНР) студентам, аспирантам и сотрудникам ведущего системообразующего вуза Республики Бурятии – Бурятского государственного университета [8].

Вузы Внутренней Монголии активно развивают международное сотрудничество в трансграничном векторе, выступая организаторами международных мероприятий, в основе которых лежит степная кочевая культура и монголоязычная общность. Так, например студенты Бурятского госуниверситета вместе со студентами Калмыцкого госуниверситета принимали участие в летнем студенческом российско-китайском лагере, организованном Университетом Внутренней Монголии (КНР), посещая города автономии Хух-Хото, Баотоу, Эрдос (4-12.08.14); в 2015 году творческие студенческие коллективы БГУ приняли участие в международном фестивале монголоязычных народов Китая, Монголии и России, который проводился Педагогическим университетом Внутренней Монголии (КНР) и Монгольским государственным университетом образования (Монголия) в городах Улан-Батор, Эрлянь, Хух-Хото.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена важностью осмысления перемен, происходящих в XX в. в образовательной системе, и ее влияния на современные мировые процессы; необходимостью анализа и выявления причин трансформационных процессов, происходящих в системе образования [9]. Культура и образование – это элементы «мягкой силы», т. е. «заражением» культурой и долгосрочным воздействием во время образовательного процесса можно достичь важных геополитических целей. В связи с этим, на наш взгляд, одной из главных составляющих обеспечения национальной безопасности трансграничного региона является, наряду с остальными, его образовательное пространство (под образовательным пространством, вслед за И.К. Шалаевым, понимается пространство, в котором осуществляются образовательные услуги [10]), а исследование социокультурных аспектов образовательного пространства трансграничных регионов может позволить скорректировать выстраивание межкультурного диалога между трансграничными регионами.

Библиографический список:

1. Бляхер Л. Трансграничье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2016/7/transgraniche.html>
2. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск: «Отгиск», 2013. 624 с.
3. Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы междунар. науч.-практ. конф. 16-20 окт. 2006 г. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2006. С. 109-113.

4. Трубицын Д.В. Трансграничье как объект культурологического исследования: методологический обзор // Гуманитарный вектор. 2011. №2 (26). С. 130-137.
5. Раднаев Б.Л., Михеева А.С. Географическая концепция социально-экономического развития Байкальского трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Естественные науки. № 1 (42) / 2012. С. 136-150.
6. Болдонова И. С. Евразийский фронтир в байкальском регионе в контексте междисциплинарных исследований трансграничья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://research-journal.org/philosophy/evrazijskij-frontir-v-bajkalskom-regione-v-kontekste-mezhdisciplinarnyx-issledovanij-transgranichya/>
7. Выступление председателя палаты Лю Тиншань на рабочем совещании ССРПТ во всем районе в 2015-ом году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccpitnmg.org/ru/maocuyaowenCont-13.html>
8. Актамов И.Г. Гуманитарная география трансграничья: ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1-1. С. 5-10.
9. Гармаева Т.И. Некоторые аспекты трансформационных процессов в образовательной политике Китая (на примере Автономного района Внутренняя Монголия) // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: мат-лы межвуз. науч.-метод. семинара (Улан-Удэ, 24 апреля 2015 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. С. 35-42.
10. Шалаев И.К., Веряев А.А. От образовательных сред к образовательному пространству: понятие, формирование, свойства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.altspu.ru/Res/Journal/pedagog/pedagog_4/articl_1.html

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В АТР: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Шевцова А.Л.

Применительно к государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в официальном политическом и академическом дискурсе Беларуси часто используется понятие «страны дальней дуги» [1, 2, 3]. Представляется, что если в первом случае употребление этого понятия как означающего географически отдаленные от Беларуси страны в разных регионах мира может быть оправдано, хоть и с определенными оговорками, то во втором случае содержательная неопределенность данного понятия порождает разночтения концептуального и фактического материала и отражается на корректности выводов и рекомендаций исследователей. Так, в Национальной программе поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016– 2020 годы к странам «дальней дуги» отнесены «страны Азии и Океании, Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки» [2, с. 10]. Определение весьма широкое. Также невозможно увидеть ни региональную, ни страновую конкретизацию в информации премьер-министра о том, что «объем экспорта «на дальней дуге» за прошлый год вырос на 12%» [3].

На неопределенность и противоречивость концепции «дальней дуги» указывают аналитики и эксперты (например, [4]), но понятие оказалось достаточно «живучим» и весьма активно употребляется на разных уровнях и в разных аудиториях.

Конечно, нужно учитывать, что разделение мира на регионы также не является общепризнанным, в разных странах есть различия в локализации, например, Центральной Азии (Афганистан относится к Центральной или Южной Азии?) и др. Но в таких случаях необходимо апеллировать к источнику, наиболее авторитетному в научной среде, либо пояснять свою позицию приверженностью сложившимся традициям национальной научной школы. Во всяком случае конвенциональность понятий здесь будет работать. В случае же с «дальней дугой» – нет.

Но если пренебречь строгостью определений и обратиться к *идее* «дальней дуги», которая, может быть, не очень четко формализована, но положена в основу деятельности белорусской

дипломатии, в том числе и в регионе АТР, то эта идея проста и логична, и заключается в выборе ключевых в плане экономического сотрудничества стран, которые в дальнейшем превратятся в плацдармы освоения белорусской экономикой соответствующих регионов. Как правило, такими плацдармами становятся страны – региональные лидеры. В Юго-Восточной Азии – это Вьетнам, Южной Азии – Индия, Восточной Азии – Китай, Латинской Америке – Венесуэла, Северной Африке – Египет и т.д.

Специалисты отмечают, что особенностью внешнеполитической деятельности Беларуси в АТР в 1990-х годах являлось то, что политические, научно-технические и гуманитарные связи развивались более динамично, нежели торгово-экономические. Важной составляющей указанного сотрудничества являлись военно-технические связи сторон. В качестве основной причины опережающих темпов развития указанного сотрудничества над торгово-экономическим была «взаимная заинтересованность сторон, а также мощный научно-технический, военно-технический, образовательный и культурный потенциал Беларуси, который республика не только не растеряла после распада СССР, но смогла его умножить к концу 90-х годов» [5]. В этом отношении примером являлись российско-китайские отношения в сфере науки и технологий, когда в конце 1990-х – начале 2000-х годов были созданы первые совместные китайско-российские технопарки и центры научно-технического сотрудничества.

В то же время продвижение экспортных и кредитно-инвестиционных интересов Беларуси не имело четкого стратегического планирования и происходило скорее по принципу *ad hoc*. Как отмечает Генеральный консул Республики Беларусь в г. Шанхае В.М. Мацель: «В проекте концепции внешнеполитической деятельности Республики Беларусь, подготовленном МИД Беларуси в конце 1992 г. и предварительно обсужденном в начале 1993 г. на заседании Президиума Верховного Совета Республики Беларусь, крупнейшие государства Азии Китай и Индия в перечне стран, с которыми Беларусь намеревалась в первую очередь развивать двусторонние отношения, заняли соответственно только 9 и 10-е места, уступив таким странам, как Израиль и Швеция. При этом Республика Корея оказалась в третьем десятке стран указанного перечня, а Япония совсем не была упомянута» [6]. Это объясняется неверной оценкой международно-политической обстановки в тот период и определенными внешнеполитическими иллюзиями относительно стран Запада. Уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг. с учетом высоких темпов экономического развития государств Азии и увеличения их веса в мировой политике и экономике перед белорусской дипломатией была поставлена задача обеспечить высокую динамику сотрудничества с традиционными и новыми партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Был осуществлен целый ряд визитов белорусского руководства на высшем и высоком уровне, закрепившие договоренности по реализации конкретных экономических проектов с некоторыми странами. Прежде всего – с Китаем.

Сейчас экономическая дипломатия является главным инструментом внешней политики Беларуси в АТР. Между многими странами региона существуют непростые политические отношения, Беларуси же в своем стремлении сотрудничать со всеми странами важно избежать вовлечения в этот сложный комплекс исторических и территориальных противоречий. В первую очередь Беларусь ищет новые рынки сбыта для своей промышленной продукции, во вторую – для сельскохозяйственной продукции. Не менее важная задача – привлечение иностранных инвестиций или кредитов в экономику Беларуси. Инвестиционно-кредитное сотрудничество Беларуси с государствами региона находится на невысоком уровне (за исключением Китая). С подобными задачами в АТР приходят многие государства, в том числе сильные и амбициозные. Республика Беларусь пока занимает довольно незначительное место во внешнеполитических приоритетах государств АТР не только по причине географической удаленности, но и по причине отсутствия у Беларуси комплексной стратегии и последовательности в расширении своего присутствия на рынках АТР.

Библиографический список:

1. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/.

2. Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2010–2016 гг. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.by/upload/docs/fileaff83a3fc04eb9c0.PDF>.

3. Зенкевич Е. Кобяков: с Таможенным кодексом ЕАЭС мы топчемся на месте // Белорусская деловая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bdg.by/news/authors/kobyakov-s-tamozhennym-kodeksom-eaes-my-topchemsya-na-meste>.

4. Прейгерман Е. «Дальняя дуга» белорусской внешней политики: дипломатическое очковитательство // Либеральный клуб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://liberalclub.biz/%C2%AB%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8F%D1%8F-%D0%B4%D1%83%D0%B3%D0%B0C2%BB-%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9-%D0%BF/>.

5. Мацель В.М. Политика Республики Беларусь на Востоке и Юге Азии // Человек и наука [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politika-respubliki-belarus-na-vostoke-i-yuge-azii>.

6. Мацель В.М. Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1182261885&archive=&start_from=&ucat=&.

МАЛАЗИЙСКИЙ ОПЫТ ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Шуст А.С., Абухович Ю.К.

Понятие «позитивная дискриминация» произрастает из идеи предотвращения дискриминации как таковой («негативной дискриминации»), компенсации и выравнивания прав. Неоднозначность определений данного явления, разные подходы, политика государств, обусловленная национальным опытом разрешения проблем меньшинств – все это порождает дискуссии как в ученой среде, так и среди политиков, государственных деятелей, борьбу подходов, программ, стратегических направлений в развитии государств, затрагивая в итоге глобальную проблему сосуществования огромного количества культур, наций, народов, этносов [1].

Относительно хорошо изучена практика применения стратегии позитивной дискриминации в США, где она как политика государства начала развиваться с 1960-х годов для защиты расового меньшинства. В Европу идеи позитивной дискриминации в контексте национальных меньшинств пришли позже и, прежде всего, получили свое распространение преференции по признаку пола, защита равенства женщин в правах с мужчинами, недопущение ущемления во всех сферах. И в американской, и в европейской практике стратегия позитивной дискриминации предполагает, что права доминирующего большинства соблюдены естественным образом, поскольку культура данного большинства является официальной, развивается на государственном уровне, а права меньшинств также естественным образом ущемлены. Малазийский опыт в данной сфере отличается своеобразием, в силу неоднозначности отнесения затронутых позитивной дискриминацией категорий населения, соответственно, к большинству и меньшинству.

Политическая практика позитивной дискриминации существует в Малайзии почти сорок лет. На момент обретения независимости в конце 1950-х годов малайцы, так же как другие группы коренного населения страны, составляя численное большинство, в экономическом отношении сильно отставали от китайского меньшинства. Малайцам принадлежали лишь 10% предприятий и 1,5% вложенного капитала (примерно 30% капитала принадлежало малайцам китайского происхождения, более 60% – иностранным инвесторам). Конституция 1957 года предоставила

гражданство проживавшим в стране китайцам и индийцам и в то же время наделила малайцев особыми правами на владение землей, образование, занятость в сфере государственной службы.

Таким образом, произошло закрепление политической власти за малайцами, а экономической – за китайцами. Сохранение разрыва в экономических возможностях коренного населения Малайзии и переселившихся сюда с XIX китайцев и индийцев привело к существенному росту межэтнической и межрасовой напряженности.

После межэтнических столкновений в мае 1969 года малайзийское государство приняло рассчитанную на 20 лет Новую экономическую политику с целью «искоренения бедности среди всего населения и реструктуризации малазийского общества, с тем чтобы сократить, а в конечном итоге исключить любое отождествление расы с экономической деятельностью или географическим размещением посредством быстрого развития экономики» [2]. Правительство установило для малайцев и коренных борнейцев квоты в сфере коммерческого лицензирования и владения капиталом, предоставило им помощь в форме кредитов, обучения и производственных помещений. Оно также обеспечило их акциями частных предприятий, с тем чтобы достичь их 30% представительства среди акционеров. Распространена практика получения малайзийцами государственных заказов, и передача их в порядке субподряда реальным исполнителям – китайцам или индийцам, – так называемая практика «Али-Баба», от «Али» – малайцы (мусульмане), а «Баба» – потомки китайского населения британского Стрейтс Сетлментс [3, с. 191].

Результатом такой политики должно было стать повышение доли национальной экономики, находящейся под контролем этнического большинства до, как минимум, 30% и, тем самым, сокращение имущественного разрыва между основными этническими группами населения Малайзии, а, следовательно, рост общественно-политической стабильности в стране.

Основная проблема политической системы современной Малайзии состоит в коммуналистской структуре малазийского общества. В стране не сложилась единая нация. Каждая национальная община сохраняет собственную идентичность, при этом в стране отсутствует этнос, который составлял бы абсолютное большинство: малайцы составляют 50,5% населения страны, китайцы – 24,5%, индийцы – 7%. Все остальные этнические компоненты малазийского населения составляют примерно 11% его численности. К ним относятся коренные народности Северного Калимантана и автохтонные жители Малаккского полуострова.

Чтобы укрепить позиции титульной нации, в 1971 году малайцы, коренные борнейцы и автохтонные этносы Малаккского полуострова были объединены в единую группу «коренных жителей» под названием «бумипутра» (дословно: «сыновья земли»), которая на сегодняшний день составляет 61,4% населения Малайзии.

При интерпретации понятия «бумипутра» следует иметь в виду, что в тексте Федеральной Конституции Малайзии, на статье 153 которой основана эта политико-правовая концепция, легальное определение данного термина отсутствует. В тексте употребляются такие синонимические термины как «малаец» (статья 160(2)), «абориген» (статья 160(2)) и «местный житель» (статья 161А(6)(b)).

Определение «бумипутра» появляется в законодательных актах более низкого уровня. Так, в «Руководстве для поступления в Государственные высшие учебные заведения» изданном Министерством высшего образования Малайзии, приводится следующее определение термина «бумипутра»:

1. Малаккский полуостров. Лицо считается бумипутра, если один из его родителей является мусульманином-малайцем или оранг асли, как это прописано в тексте статьи 160 (2) Федеральной Конституции Малайзии.

2. Штат Сабах. Лицо считается бумипутра, если один из его родителей является мусульманином-малайцем или местным жителем Сабаха, как это прописано в тексте статьи 161А (6) (a) Федеральной Конституции Малайзии.

3. Штат Саравак. Лицо считается бумипутра, если оба его родителя являются местными жителями Сабаха, как это прописано в тексте статьи 161A (6)(b) Федеральной Конституции Малайзии [4, p. 17].

По прошествии четырех пятилеток реализации Новой экономической политики доля капитала, принадлежащего бумипутра увеличилась несколько меньше, чем ожидалось – до 20,5%, при этом доля других малайзийцев в национальном капитале выросла с 32% до 46% [5, с. 249.] Этот серьезный результат смягчил межэтническую напряженность в стране. Вместе с тем легитимация особых прав одного этноса не компенсируется тем, что в реальности другой этнос по-прежнему сохраняет экономические преимущества. Раскол в обществе не преодолен, сохраняется взаимное недоверие и подозрительность.

Происходит своего рода конвертация политической власти бумипутра еще и в экономическую. При этом возможность встречного движения от экономического влияния к политическому для не-бумипутра невозможна в силу специфики конституционного строя Малайзии.

Страна представляет собой федерацию 13 штатов и 3 федеральных территорий. Девять штатов являются княжествами (султанатами), которые возглавляют пожизненные правители – этнические малайцы; власть султанов носит наследственный характер. Пост главного министра штата утверждается султаном, и этот пост обычно занимает малаец. Четыре штата управляются губернаторами, назначаемыми федеральными властями; здесь представитель любого этноса может возглавить правительство штата. Избирать верховного правителя (короля) и быть избранным на этот пост имеют право только правители девяти малайских княжеств. Губернаторы отстранены от участия в этой процедуре. Такая система полностью исключает возможность для представителей немалайского этноса (более того: в том числе причисленных к категории бумипутра) занять посты глав княжеств и главы государства – верховного правителя. Сохранение феодальных пережитков в государственной системе рассматривается немалайскими этническими общинами как ущемление демократических прав и расовая дискриминация [6].

С другой стороны, бумипутра бедны и менее образованы. Доминирование китайцев и индийцев в прибыльных областях экономики вызывает недовольство малайцев. Сегодня бумипутра владеют 11,6% всех коммерческих зданий (китайцы – 71%) и составляют лишь 31% от общего числа квалифицированных работников. В списке пятидесяти богатейших людей страны числится лишь шесть малайцев (высшее место – девятое) [7].

Таким образом, своеобразие малайзийской ситуации состоит в том, что для обеспечения реальной социально-экономической и политической демократии, равных стартовых возможностей для бумипутра, государству приходится идти на такие недемократические шаги, как сохранение привилегий бумипутра, ограничение политических, экономических, образовательных и культурных (учитывая привилегированный статус ислама в стране) прав более образованных и зажиточных китайцев и индийцев.

Отказ от проведения политики позитивной дискриминации чреват нарушением баланса в ущерб титульной нации, что может привести к непредсказуемым последствиям для Малайзии и ее населения. Сохраняющиеся в стране высокие темпы экономического роста, урбанизация (в основном за счет малайцев) создают условия для нивелирования экономического разрыва между общинами и переходу к другим стратегиям управления развитием страны.

Библиографический список:

1. Каменкова Л., Мурашко Л. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция [Электронный ресурс] // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1005/176/>
2. Hunan Development Report 2004 [Electronic resource] / United Nations Development Program. New York, 2004. Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/265/hdr_2004_complete.pdf.

3. Ванхаген Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.: Кучково поле, 2014. 288 с.
4. Buku Panduan Lulusan SPM : Sesi Akademik 2008/2009 / Student Entry Management under Management Department of Higher Education Institution, Malaysian Higher Education Ministry. Kuala Lumpur, 2008. 41 p.
5. Иорданский В. Два круга солидарности. Этнический и национальный факторы в современном мире. М.: Алгоритм, 2012. 432 с.
6. Ефимова Л. Желтые майки протеста: в чем проблема политической системы Малайзии? [Электронный ресурс // Портал МГИМО. Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document277676.phtml>.
7. Malaysia's 50 Richest [Electronic resource] // Forbes. Mode of access: <http://www.forbes.com/malaysia-billionaires/list/>.

РАЗДЕЛ 3. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИИ*

Абрамова М.А.

Одним из методов обнаружения неотрефлексированной информации являются проективные методики. Термин «проекция» был введен З. Фрейдом в 1894 г. в статье «Невроз страха» [1; 2]. Широчайшее использование этот термин получил в области клинической психологии в связи с так называемыми проективными техниками: в их числе – тест Роршаха, «Тест тематической апперцепции» (ТАТ), тест Сонди, тест «Завершение предложений».

Преимущество рисуночных методов исследования в качестве проективного в условиях поликультурного общества, когда для респондентов родным языком является отнюдь не тот, на котором составлен инструментарий диагностики, трудно не оценить. Использование же рисуночных методик, основанных на механизме проекции, не требует никаких специальных приспособлений и инструкций, они не имеют возрастных ограничений. И, что самое важное, выполняют основное требование к использованию проекции как метода – не ограничивают респондента в выборе собственных интерпретаций исследуемого явления, а также не фиксируют его внимание на определенных контекстах.

Для изучения этнических стереотипов методика проективного рисунка в России впервые была создана и апробирована Т. Ивановой. Модификация данной методики была предложена аспиранткой кафедры психологии человека РГПУ им. Герцена Т.Л. Смолиной (научный руководитель – З.В. Сикевич). Задание методики было связано с изображением типичного представителя какого-либо народа, материалы обрабатывались на основе контент-анализа. В результате исследователям удалось вычлнить группы изображений: такие, как пища и напитки, национально-бытовые символы, элементы рекламы, техника, ассоциирующиеся у респондентов с этнически обусловленными деталями рисунка. Особую группу составляли «негативные символы».

Анализ литературы по использованию рисунка в качестве диагностического инструментария показал, что, к сожалению, выявление внутренней связи между создаваемым визуальным образом и архетипом подразумевается, но не является предметом специального изучения. Трудности использования такого оценивания, так же, как и любых других прямых вербальных методик, состоят в его адресации к защищаемому слою семантических суждений. Интерпретация рисунка так или иначе опирается на ту или иную трактовку общепсихологических положений, на субъективный опыт интерпретатора. Объективных же способов интерпретации мало. В то же время доказано, что люди достаточно устойчиво и весьма дифференцированно приписывают графическим формам определенные оценочные, динамические свойства. Графическая форма хорошо передаёт отношение к объектам, индифферентным для человека, тем более можно ожидать успешной трансляции отношений к таким пристрастно воспринимаемым объектам, как сам человек, окружающие его люди, ценности, этнос и культура в целом. Если вербальные методы исследования позволяют нам изучать групповое или массовое сознание, то использование невербальных методик ориентировано на выявление «социального» бессознательного, которое заметно обуславливает ценностные установки и поведенческие реакции людей.

Учитывая актуальность и недостаточную изученность вопроса применения рисуночных методов в процессе исследования этничности, для нас представляется наиболее интересным изучение этнообусловленной дифференциации значений и смыслов, зафиксированных в сознании современного человека и отображенных в его рисунках.

Опыт использования проективной методики показал, что невербальные этнические стереотипы, отражающие неосознаваемые механизмы оценивания, во многом отличаются от

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00194 а)

словесных стереотипов, в большей мере фиксирующих социальную рефлексию и неинституциональную норму.

Так, для получения информации о количестве предполагаемых детей в семье в ходе исследования были поставлены перед респондентами задача нарисовать на листе бумаги семью в том виде, как они её представляют. Репрезентация образа семьи позволила собрать информацию для проведения дальнейшего анализа характеристик семьи в целом, ее составе, разнообразии и т.п. [3]. Благодаря этому оказалось возможным создать палитру образов семьи, существующих в массовом сознании учащейся молодежи. Проблема классификации рисунков, изображающих семью, представляет собой очень трудную задачу. Мы использовали только смысловое содержание, которое смогли классифицировать по 10 группам, наиболее полно отображающих, на наш взгляд, отношение к основным семейным ценностям (см. табл. 1).

Таблица 1 – Образ семьи в графических изображениях молодежи Республики Саха (Якутия), %

№	Тип рисунка изображения семьи	%
1	Изображение семьи (людей)	64,1
2	Изображение дома	13
3	Изображение и дома и людей (в нем или около него)	6,4
4	Изображение взаимоотношений двух человек (сердце, двое)	1,0
5	Изображение только детей (младенец, коляска)	3,2
6	Изображение семьи (детей, родителей и домашних животных)	0,6
7	Изображение неполной семьи (один из родителей)	1,8
8	Изображение огромной семьи (семейное фото, генетическая схема, подсолнух)	2,0
9	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (позитивные: круг, обручальные кольца, коляска, дерево, камин, печка, кролик, воздушные шары, руки и солнце, две руки, руки и алмаз, юрта и руки с солнцем, цветы, чайная пара)	7,6
10	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (негативные: узел, телевизор, мебель без людей, сердце и доллар, девочка у фотографии родителей, "Я", схема сокращения численности населения 4-2-1)	0,5

Наибольшее число рисунков было сделано в традиции реализма, т.е. были изображены конкретные участники семьи: родители и дети (64,1%). Для 13% респондентов семья – это прежде всего дом. Но имеют ли мысли о доме материальный аспект или это проекция абстрактного мышления респондента, можно пока только предполагать. Вполне вероятно, что данное изображение можно было бы отнести к группе позитивных абстрактных рисунков, доля которых составляет 7,6 % от общей численности. Однако сложность содержательной интерпретации данного рисунка пока не позволила сделать этот вывод. Интересна группа рисунков, которую мы условно назвали «негативные абстрактные фигуры», поскольку появление таких ассоциаций на тему семьи, как узел, доллары и сердце, «Я», изображение телевизора или предметов мебели вместо семьи, является отражением определенной негативной эмоции респондента (ситуативной или постоянной).

Также вызывает интерес появление рисунков, изображающих неполную семью (изображение одного из родителей) и семью без родителей (изображение только детей). По всей вероятности, эти бессознательно воспроизводимые ассоциации могут также свидетельствовать об определенном восприятии трансформации семейно-брачных отношений в настоящее время.

Несмотря на экспансию образов, транслируемую СМИ, в рамках исследования типов семьи по гранту РГНФ №15-03-00194 а мы обнаружили этнокультурную специфику и в рисунках респондентов, посвященных семье (см. табл. 2).

Таблица 2 – Распределение количества детей в изображениях семьи учащейся молодежи Республики Саха (Якутия), %

Этнические группы	Количество детей в изображениях семьи							Среднее количество детей в семье
	1	2	3	4	5	6	7	
Саха	49,7	28,2	13,6	5,9	2,2	0,2	0,2	1,92
Русские	56,3	37,1	1,6	1,6	2,3	0	1,1	1,54

Так, большинство (49,7% саха и 56,3% русских) изобразили семью, где есть только один ребенок. Два ребенка для семьи более свойственны русским (37,1%). А изображение 3 и более детей в семье характерно для саха – народа, сохраняющего связь с традиционной культурой в большей степени, по сравнению с другими народами Республики Саха (Якутия).

Использование проективной методики позволило выявить, что среднее количество предполагаемых детей в семье саха составило 1,92, в русской семье – 1,54, что недостаточно даже для простого воспроизводства и того, и другого этноса. Для коренных малочисленных народов Севера эти цифры ещё более низкие.

Исходя из представлений молодёжи об образе семье, графически изображенной в виде рисунков, можно предположить, что существующая тенденция сокращения численности населения в Республике Саха (Якутия) в ближайшее время вряд ли изменится.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании определённой тенденции к трансформации традиционной модели семейно-брачных отношений у всех этносов Республики Саха (Якутия), что в большей степени проявляется у женщин. Отметим, что аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Сибири.

В рамках исследования использование проективных методик позволило также получить более точную информацию о типах самоидентификации респондентов, а также вскрыть существующие внутриличностные конфликты, формирующиеся у ребенка, рожденного в этнически-смешанном браке [4].

Библиографический список:

1. Ueber die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als “Angstneurose” abzutrennen // Neurologisches Zentralblatt. 1895. 14. № 2. С. 50-66.
2. Беллак Л. О проблемах концепции проекции // Проективная психология. М.: Эксмо-Пресс, Апрель Пресс, 2002.
3. Абрамова М.А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями. Новосибирск: Параллель, 2016. 220 с.
4. Абрамова М.А. Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера. Новосибирск, 2008. 150 с.

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Акимова М.А.

Если, вслед за Абрахамом Маслоу, к базовым потребностям человека отнести «желание знать и понимать» и, при этом, согласится с тем, что «желание знать преобладает над желанием понять» [3], то представляется вполне логичным восприятие основных средств массовой коммуникации не просто существенной частью повседневной жизнедеятельности, но и элементом базовых человеческих потребностей.

Не будет большим преувеличением сказать, что в эпоху массовых коммуникаций жизненный опыт (в том числе индивидуальные стереотипизированные модели повседневной адаптивной деятельности) и мировоззрение среднестатистического гражданина РФ во многом формируется под

влиянием средств массовой информации (СМИ), в частности телевидения [4, с.71-72]. Телевидение во многом конструирует и конституирует особую качественно новую «медийную» культурную, социальную и политическую реальность – «медиареальность». Говоря о культурных доминантах российского общества в значении главного фактора, детерминирующего процессы социально-культурной интеграции народонаселения РФ либо жизнеориентирующего начала, определяющего сознательную деятельность отдельно взятого индивида, представляется неприемлемым обходить вниманием всё возрастающую роль «медиареальности».

В отношении федеральных (национальных) телеканалов самоочевидным является тот факт, что наряду с контентом чисто развлекательной направленности, информационно-новостные программы выполняют ведущую роль в конструировании «медиареальности», отвечая за такие её аспекты, как актуальность и связь с реальной действительностью. В свою очередь, значительную часть новостного контента составляют сюжеты о внешнеполитических событиях, что вполне объяснимо. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [2], в перечень приоритетов Российской Федерации в решении глобальных проблем входит «формирование нового мироустройства». Это значит, что «Система международных отношений переживает переходный период, связанный с объективным процессом формирования нового полицентричного мироустройства. На наших глазах возникает принципиально иная картина мира. Усиливается конкуренция во всех сферах, включая модели социально-экономического развития и ценностные ориентиры» [1].

В данной связи можно говорить о том, что информационно-новостные программы, как элемент медиакультуры вообще, в числе прочего, отражая некие общецивилизационные процессы трансформации, попросту не могут не оказывать влияния на содержание и темпы внутригосударственных культурных, социальных и политических преобразований. При этом необходимо отметить, что влияние информации о геополитической обстановке в мире проявляется не только на макроуровне (различные общегосударственные институты), но и на микроуровне анализа (индивидуальное сознание/самосознание граждан). Современному человеку для реализации способности к целенаправленному осознанному поведению, как таковому, жизненно необходим постоянный рефлексивный анализ как внутренних факторов (психического состояния как основы неких личных способностей), так и внешних (текущей ситуации в окружающем мире как предпосылки определённых возможностей).

Таким образом, следует зафиксировать очевидный, как представляется, факт зависимости жизни и деятельности подавляющей части народонаселения РФ от информации (новостной в особенности), транслирующейся СМИ. А так же, не менее очевидный факт того, что на сегодняшний день основная часть новостной информации, так или иначе, обусловлена внешними по отношению к территории Российской Федерации событиями.

Из сопоставления вышесказанного с текущим положением дел в социально-политической, социально-экономической и социально-культурной сфере жизнедеятельности российского социума, помимо всего прочего, следует, что ни российское правительство, ни российское народонаселение не определяет собственную повестку, а именно совокупность вопросов, проблем и задач, подлежащих первоочередному обсуждению и разрешению. В частности, в функционировании существующей системы государственного управления практически отсутствует деятельность, основанная на собственных внутрисистемных предпосылках. Управленческая деятельность, в отсутствие каких-либо проактивных составляющих (например, предвидения, упреждения, собственной инициативы), приобрела полностью реактивный характер и, зачастую, сводится исключительно к обеспечению готовности адекватного ответа на внешние вызовы. В качестве иллюстрации к сказанному, можно упомянуть о развитии, так называемого, «допингового скандала», в рамках которого, по результатам расследования Всемирного антидопингового агентства, Всероссийскую федерацию легкой атлетики исключили из состава IAAF (Международная ассоциация легкоатлетических федераций), а

Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) было вынуждено приостановить свою деятельность. Если не вдаваться в сущность вопроса допинга, как такового, можно заключить, что в данном конкретном случае эти проблемы инициированы внешними, по отношению к российской спортивной системе, силами. Российские государственные структуры, в обязанности которых входит недопущение подобных ситуаций, по словам Президента РФ В.В. Путина: «проявили непонимание актуальности этих вопросов» [5]. Кроме того, В. В. Путин, обращаясь, в ходе совещания с членами Правительства (16 марта 2016 года, 16:10, Москва, Кремль), к руководителю Федерального медико-биологического агентства В. В. Уйбе и Министру спорта В.Л. Мутко, отметил, что: «не нужно ничего политизировать, не нужно продвигать какую-то теорию заговора – нужно системно и своевременно реагировать на принимаемые решения, в том числе на уровне международных организаций» [там же].

Исходя из допущения, что любая сознательная деятельность имеет свою внутреннюю логику, а так же явные и скрытые смыслы, можно утверждать, что для своевременного и адекватного реагирования на те или иные действия, как минимум, необходимо иметь ключ к пониманию изначальных мотивов и конечных целей этих действий. С точки зрения социокультурного анализа, речь в данном случае о некоем культурном коде, владение которым позволило бы мыслить категориями субъекта деятельности.

Основная проблема видится в том, что насущная необходимость для широких слоёв населения постоянно реагировать на внешние, по отношению к собственной культуре, воздействия (в том числе, различного рода информационные раздражители) предполагает определённое «погружение», включённость в сферу изначально чуждых знаков, смыслов, значений, стереотипов. Разумеется, перманентная фиксация соответствующих психических процессов на проявлениях иной культуры, непосредственно либо опосредованно, вносит существенные коррективы во все аспекты жизни и деятельности российского социума. Достаточно вспомнить о феномене «вестернизации».

Для полноты общей картины, уместно добавить, что в настоящий момент в стране нет и не может быть государственной или обязательной идеологии (в соответствии с пунктом 2 статьи 13 действующей Конституции Российской Федерации), которая, в данных обстоятельствах, могла бы исполнять роль демаркации (разграничения) «своего» и «иного». С позиций парадигмы, преобладающей на сегодня в отношении концепта «идентичности» человека, напрашивается вывод о наличии процесса размывания основ, формирующих российскую национальную идентичность. В лучшем случае, данный процесс ведёт к закладке объективных механизмов формирования некоей общечеловеческой идентичности.

Итак, исходя из анализа текущей российской социально-культурной действительности, с определённостью можно утверждать:

- культурный код, как некая матрица, призванная служить основой самоорганизации и саморегуляции российского общества, вынесен во вне, относительно самобытных, исторически обусловленных, устоев (привычного образа жизни, традиционной системы ценностей и т.д.);
- отсутствие государственной идеологии или, так называемой, «национальной идеи» обуславливает неспособность мотивировать (а при необходимости оправдать) собственную деятельность, в особенности ту, что имеет выраженную ценностную ориентацию.

Библиографический список:

1. Внешняя политика России. Текст на официальном сайте Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianmission.eu/ru/vneshnyaya-politika-rossii>
2. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2013. 352 с.

4. Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов. Аналитический доклад. Институт социологии РАН, Москва, 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/doclad_povsednevnost.html

5. Текст стенограммы совещания В. В. Путина с членами Правительства (16.03.2016 года, Москва, Кремль) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51521>

СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ БРАТЬЕВ И СЕСТРЫ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В БАЛЛАДНЫХ ТЕКСТАХ

Акулова А.П.

Баллады – это эпические песни с семейно-бытовой тематикой, в основе которых лежат трагические конфликты, поэтому в центре их внимания – индивидуальные судьбы людей, в силу исторических или социальных условий попавших в безысходные ситуации.

При известной внешней пестроте формы, при том, что баллады органически связаны в фольклоре каждого народа с национальными традициями и несут на себе отпечаток национальной специфики, они очень схожи. Эта схожесть проявляется в единстве тематики, конкретного художественного содержания, особенностей конфликтов и их разрешения, в близости или даже совпадении в песнях разных народов типовых ситуаций, основных и второстепенных эпизодов, в повторяемости некоторых мотивов, в наличии общих сюжетов. Примером этого могут служить баллады об отношениях брата и сестры.

Лирико-эпические и эпические песни описывают любовь брата к сестре, заботу его о сохранности ее чести, которая является честью всей семьи и всего рода. Брат не только оберегает старые устои семьи, он пользуется правом старшего иногда деспотически распоряжаться судьбой сестры. Он никому не дает сестру в обиду. В чешской песне «Убитая девушка» [1, с. 418] братья едут выручать сестру, в польской песне «Муж бьет жену» [1, с. 404] брат наказывает жестокого зятя, избивающего его сестру, хотя отец и мать не только не защищают своей дочери, а одобряют жестокость зятя. Другие баллады с явным сочувствием рисуют любовь сестры к брату. В словацкой балладе «За зеленым за лесочком...» [1, с. 452] жена разбойника, убившего её родного брата, мстит за брата и выдаёт мужа. Третьи же демонстрируют противоречия в отношениях брата и сестры, приводящие к смерти кого-то из них, например, в ряде баллад братья опекают сестру и сурово карают её за нарушение нравственности («Федор Кольщатой» [2], «Алёша и сестра двух братьев» [2], «Иван Дудорович и Софья Волховична» [2]). Последним следует уделить особое внимание.

Очень популярен сюжетный тип, в котором всё завершается убийством сестры (чаще всего в связи с потерей чести). Наиболее популярный сюжет этого типа такой: братья хвастают своей сестрой, какая она хорошая, пригожая и честная. Один из молодцев говорит, что честь-то девушка и не сохранила. Братья идут домой и убивают сестру. Таких текстов немало: русские баллады «Алёша и сестра двух братьев» [3, с. 75], «Алёша Попович и сестра Петровичей» [3, с. 76], «Братья и нескромная сестра» [4, с. 9] и т.д. Если судьба сестры в этом типе баллад предрешена, то судьба молодца иногда опускается, и мы не знаем, отпустили его братья или нет, а иногда молодец и девушка погибают вместе, как это в балладе «Иван Дудорович и Софья Волховична» [2]. Также есть тексты, построенные по этому принципу, но убит здесь всё же молодец, тогда как девушка, узнав об этом, кончает жизнь самоубийством. Важно отметить, что в данном случае братья жалеют о содеянном:

Еще в те поры два брата прослезилась:

«Уж не знали мы, сестрица, над тобой это случится,

То совокупили бы мы голубя с голубицею».

Федор Кольщатой [2]

Вернёмся к теме убийства сестры. Разновидностью предыдущего сюжетного типа можно считать убийство за прижитого ребенка. Он не столь частотен, но его нельзя не отметить [1, с. 400].

Наконец, брат может убить сестру за то, что она хотела его погубить, как это было в балладе «Сестра брата извести хочет» [3, с. 100].

Гораздо чаще же девушка, стремящаяся погубить брата, мешающего встречаться с любовником, достигает цели. Здесь важно отметить, что народная мысль не позволяет построить на убийстве человека счастье: молодец в таких текстах отказывается быть с девушкой. В балладе «Брат, сестра и любовник» [3, с. 108] молодец говорит девушке:

*Коль умела ты братца известь,
Изведешь и меня, молодца.
Оставайся ж ты теперь одна!*

Но не всегда такое убийство в балладных текстах преднамеренное – целью девушки может быть на самом деле другой человек, как это в балладе «Девушка по ошибке отравила брата» [3, с. 107]:

*Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга,
Невзначай извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.*

Как мы видим, наиболее популярный способ убийства брата в славянских песнях – отравление, именно этим способом девушка пытается избавиться от мешающих ее счастью. Но в корпусе балладных текстов известен также текст, в котором сестра убивает брата мечом – «Сура-река» («Сестра мечом сняла буйну голову брата») [3, с. 110].

Очень продуктивен на русской почве (и в целом на славянской) сюжет «брат продал сестру» (обычно турку или немцу). Есть несколько вариантов развития сюжета этого типа.

Первый тип предполагает, что дальнейшая судьба девушки неизвестна, певец не заостряет на ней свое внимание. Примером такого открытого финала можно считать украинскую балладу «Трава шумить, трава шумить» [5, с. 100]. Сюжет баллады таков: во время сенокоса к Роману приходят турок с татаринцом и требуют, чтобы он продал им свою сестру Олену. Роман соглашается, но придя домой, сожалеет о содеянном. Олена хочет покончить жизнь самоубийством, но идет топиться – ручей мелок, идет повеситься – деревья малы. В результате она возвращается домой и вышивает сорочку к венцу. Когда приезжают турки, она прощается с родными и уезжает. Как видим из этого пересказа, намек на дальнейшую судьбу девушки баллада не содержит.

Второй тип – девушка совершает самоубийство. В следующей украинской балладе девушка не соглашается уехать с турками, поэтому решает зарубить себя. Она просит ключ от каморки под предлогом того, что ей нужно нарубить платков, чтобы одарить «бояр», но на самом деле ключ ей нужен не для этого:

*Вона хусты не рубала,
Лиш сама ся зарізала.
«Та я влію в землі гнити,
Ніж я маю с турком жити!»
Ходить Роман по риночку [5, с. 103]*

Третий тип – мифологический способ разрешения ситуации. На наш взгляд, наиболее интересная концовка у баллады «Дівка-бранка» [6, с. 477]. Ее сюжет таков: на базаре в Царьграде брат продавал сестру за «гроші, не лічаси, сребро-злато, не важачи. сребро-злато не важачи, китаэчку не мірячи». Покупает ее татарин, которому брат советует не позволять девушке плакать, помянуть отца и мать и смотреть в сторону своей земли. Татарин пренебрег этим советом, в результате:

*Дівка-бранка не втерпіла,
В свою землю поглянула,
В свою землю поглянула,
Отця й неньку спомянула.
<...>
Десь узялась на морі хвиля,*

*Всі кораблики побила,
Всі кораблики побила,
Татарина затопила,
Татарина затопила,
Невольничку зоставила.
Невольничку заставила,
В свою землю викинула.
Отця-неньку спосянула,
В свою землю жить попала.*

Как видно из приведённой цитаты, в данной балладе судьбы людей зависят не только от их собственных поступков – в их жизнь вмешался рок, неведомая сила, спасающая девушку.

Наконец, тип «Девушка просит укрыть её от молодца». Самый популярный сюжет таков: девушка сидит в тереме у окошка и видит шатры, огни и коней. Она просит брата укрыть её. Он пытается её спрятать: садит Аннушку на белый камешек в каменных палатах, ставит три-девять караульщиков. Но когда наехал крымский царь, караульщики разбежались, замки разомкнулись, двери раскрылись, палаты развалились, и осталась Аннушка на белом камешке, ударилась о сырой белый камень и превратилась в различные природные объекты. Он типичен для баллад не только данного сюжетного типа. Мы его встречаем в украинском и польском варианте баллады «Сестра двух братьев-косарей утопилась от обиды», где бросившаяся в море девушка наказала не рвать цветы у калины, не щипать на горе терн, не сшибать росу с поля, потому что калина – это её лицо, терн – её глаза, роса – её коса. Этот же мотив в русской балладе «Девушка спасается от татар», в болгарской – «Мать проклинает свою дочь», в словацкой «Молодец погубил девушку при переправе через море», а также «Где капала кровь милого, там выростала белая роза и лилия». Последняя является наиболее интересной, так как в отличие от предыдущих, здесь в лес, воду и т.д. превращаются части тела молодца, а не девушки.

Мы попытались некоторым образом классифицировать балладные тексты по сюжетным типам. Естественно, предлагаемая здесь выборка текстов, иллюстрирующая сюжетные типы, не предельна. Но даже представленных здесь славянских и европейских песен достаточно для того, чтобы убедиться в их разнообразии.

В балладах славянских и западноевропейских наблюдается тяготение к определенным сюжетным типам. Во-первых, жертвой в европейских текстах является мужчина – в нашем случае брат, славянские тексты в этом плане более разнообразны – быть убитым может и брат, и девушка. Убийцами в славянских балладах также могут быть и девушки, примеров чего на европейском материале в нашей выборке не нашлось. Кроме того, популярна тема инцеста, которая также редко встречается на европейском материале.

Наконец, славянские баллады наполнены мифологическими мотивами. Одним из ярких примеров этого можно считать превращения тела после смерти в различные объекты природной и духовной культуры (не только в леса, моря и т.д., но и в церкви).

Библиографический список:

1. Эпос славянских народов: хрестоматия: пособие для вузов / сост. П.Г. Богатырев и др., под общ. ред. П.Г. Богатырева. М.: Учпедгиз, 1959.
2. Былины. Исторические песни. Баллады / сост., предисл. и примеч. А.В. Кулагиной, В.А. Ковпика. М., 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://coollib.com/b/94745>
3. *Народные баллады* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова, под общ. ред. А.М. Астаховой. М.; Л., 1963.
4. Русская баллада / предисл, ред. и примеч. В.И. Чернышева; вступ. ст. Н.П. Андреева. Л., 1936.
5. Буковинські народні пісні / упоряд. Л. Яценко. Киев, 1963.

6. Колесса Філарет. Українська усна словесність: загальний огляд. Львів: Накладом фонду «Учітеся, брати мої», 1938.

«РУССКИЙ МИР» КАК МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Алейникова С.М.

«Русский мир» (далее – РМ) – российская геополитическая стратегия, основной задачей которой провозглашено «собираение земель»: объединение на основе общих культурно-цивилизационных ценностей России, Украины, Беларуси, а также ряда других стран в глобальное транснациональное образование. РМ предстает в качестве модели международной интеграции – консолидации разрозненного русскоязычного сообщества в транснациональную сетевую структуру с целью создания на мировой политической арене альтернативного Западу глобального политического игрока.

В то же время возможная реализация данной модели связана с рядом проблем. В первую очередь, это вопрос критериев отнесения к РМ. В данном контексте на первый план выходит понятие диаспоры, все чаще вытесняемое такими категориями, как «соотечественники за рубежом» и «русскоязычное зарубежье». Принадлежность к упомянутым категориям, по мнению большинства российских авторов, определяется:

- а) по языковому принципу (степени популярности русского языка);
- б) по признаку принадлежности к «общей исторической родине» (Российской Империи, СССР);
- в) по степени лояльности к России как «материнскому государству», её внешней и внутренней политике.

Вторая проблема – проблема территориальных границ, которая может быть решена образованием сетевой структуры, где Россия выступит как национальная корпорация. Соответственно политическое воплощение РМ видится в форме над- или пост- национального государства, транснациональной сети или образования, трансгосударственного и трансконтинентального сообщества, федерации постсоветских стран и т.п. форм. Различия относятся, главным образом, к структуре политического взаимодействия «центр – периферия».

Транснациональное образование функционирует на основе сети горизонтальных межсубъектных связей, однако основным принципом сетевой структуры является главенство интересов политической нации над интересами национальными или диаспоральными. При этом предполагается, что все участники подобных структур в равной степени заинтересованы в обеспечении реального суверенитета путем реинтеграции «региональных центров развития и силы», созданных на собственной цивилизационной и культурно-исторической основе [1, с. 6].

В этой связи необходимо дифференцировать понятия наднационального и транснационального, которые часто приводятся в качестве синонимичных. Под наднациональным понимается форма взаимодействия, при которой государствами-участниками интеграционных процессов осуществляется делегирование части полномочий, в том числе распорядительных и нормотворческих, наднациональным органам и структурам без ограничения или потери государственного суверенитета. Примером наднационального характера правовых норм и политических структур может служить деятельность Европейского Союза. Транснациональное предполагает сетевой характер взаимосвязей и неформализованную, в отличие от наднациональных объединений, систему взаимодействия на паритетной основе.

При всём существующем среди российских ученых разнообразии мнений относительно предпочтительной политической формы реализации РМ, большинство россиян отдают приоритет интересам России с выстраиванием соответствующей иерархии взаимосвязей и отношений. Иерархичность отношений и делегирование властных полномочий специальным надгосударственным органам предполагает наднациональный уровень управления и, следовательно, в большей степени наднациональный характер РМ.

Соотношение сетевого (транснационального) характера РМ и иерархичности структуры взаимосвязей (наднационального уровня управления) позволяет говорить уже о геополитическом образовании – сообществе связанных с Россией государств, характеризующимся системой управления «Центр-периферия», функционирующим только на наднациональном уровне. Наиболее точно подобное образование было обозначено А.Н. Кольевым как «имперский регионализм» [2, с. 319]. Это дает основание говорить об еще одной возможной форме воплощения РМ, в наибольшей степени соответствующей политическому традиционализму российской и пророссийской части населения постсоветского пространства – империи.

Учитывая неоднозначные и зачастую негативные коннотации, присутствующие в научном и общественно-политическом дискурсе постсоветского и европейского пространства относительно соответствующего терминологического ряда («империи», «имперскости» и т.п.), часть российских авторов предпочли уйти от подобного терминологического ряда, предложив другие обозначения содержания имперскости: «корпорации-государства», «транснациональные корпорации»; «страна-система» и т.п.

Так, в философском плане империя представляется в качестве универсума – «государства-мира», в политическом – государства-корпорации: интеграционной модели, объединяющей общей политической задачей разрозненные социальные группы, общности и народы. Отличительной чертой корпорации-государства выступает главенство общего интереса над субъективными интересами отдельных социальных групп, т.е. преобладание геополитического начала над национальным. Соответственно право на власть «исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых» [3, с. 40].

В качестве основного признака империи в международной политике становится не только критерий территориальных притязаний, но и степень централизации власти и субординации, т.е. иерархии отношений внутри границ империи. Следует учитывать и такую специфическую черту РМ, как зависимость центра от периферии, поскольку РМ будет отвечать столь желаемому статусу корпорации-государства (соборной империи, цивилизационного центра и т.п.) лишь при условии самого наличия и лояльности «периферии» (в первую очередь, Украины и Беларуси).

Таким образом, территориальную модель РМ образует ряд элементов и факторов. Ядром и одновременно источником РМ выступает «историческая Родина» – единое ранее государство во главе с Россией. В границы РМ включены ближнее и дальнее зарубежье. Отличительной чертой структуры РМ также является то, что в территориальном измерении при наличии «ядра» (России) в ней не всегда присутствует понятие периферии, поскольку субъектами РМ, по мнению российской стороны, выступает все русскоязычное население независимо от его национальной и гражданской принадлежности (диаспора), все чаще именуемые «соотечественниками за рубежом».

Главным различием между диаспорой и «соотечественниками за рубежом» становится степень их институционализации, определяющей тип межсубъектного взаимодействия и соответственно интеграции. Соответственно наиболее ожидаемыми формами политического воплощения РМ выступают сетевая политическая структура и империя, разница между которыми заключается в иерархичности выстраивания связей и характере политического взаимодействия «центр–периферия».

Библиографический список:

1. Романов О.А. Восточнославянская цивилизация как субъект современных глобальных социальных трансформаций: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11 /ГНУ Ин-т философии НАН Беларуси. Минск, 2015. 45 с.
2. Кольев А.В. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. 800 с.
3. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007. С. 36-82.

УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ ГОРОЖАН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Амбарова П.А., Бердышева А.С.

Темпоральная организация жизнедеятельности горожан, особенно жителей российских мегаполисов, переходит из статуса исследовательской проблемы в статус насущной проблемы городского управления. Обращение к этой теме обусловлено необходимостью совершенствования теории и практики городского управления, а также управления поведением городских общностей.

Давно назрела потребность в анализе целей, механизмов, ресурсов управления временем различных групп городского населения (именно на групповом, общностном уровне) в контексте формирования государственной политики развития городов и повышения качества жизни городского населения. Социологическая интерпретация закономерностей, тенденций, противоречий функционирования и развития городских общностей, с одной стороны, обеспечивает понимание новых требований к содержанию и качеству городского управления, с другой – открывает возможности преодоления «управленческого кризиса» за счет актуализации различных видов капитала социальной общности горожан.

К числу таковых относится социальное время. Объективируясь в темпоральных стратегиях поведения горожан, оно создает своеобразную «лабораторию» для совершенствования теории и практики социального управления. Углубление знания о социальном времени городских общностей, темпоральных стратегиях их поведения позволяет более глубоко раскрыть связь темпоральных факторов социальной жизни и различных процессов, характеризующих особенности развития российского мегаполиса. Оно будет служить основой поиска новых ресурсов для развития города и новых, более эффективных, механизмов управления им.

Городская среда, представленная совокупностью антропогенных и неантропогенных условий жизнедеятельности горожан, во многом определяет ее темпоральную организацию, эффективность использования времени различных групп населения и их удовлетворенность этим обстоятельством. Масштабы территории («разбросанность» или компактность города), особенности ландшафта (наличие больших рек, возвышенностей и т.д.) – это только естественный фон, на который накладываются социальные условия городской среды.

Среди них особо значимы для темпоральности города следующие факторы. Во-первых, это уровень развития и качество транспортной инфраструктуры, в том числе развитие условий для альтернативных способов передвижения в городе (велодорожки и пешеходный трансфер). Отсутствие скоростных видов транспорта, низкая пропускная способность городских дорог, неправильная организация ремонтно-строительных работ, наличие препятствий для движения общественного транспорта – все это создает ситуацию ежедневного темпорального коллапса для крупных городов и мегаполисов, «съедающую» огромные ресурсы времени горожан. В связи с этим одной из целей управления на муниципальном уровне является управление качеством и развитием транспортной инфраструктуры в соответствии с задачами государственной политики развития российских городов и повышения качества жизни в них.

Вторым фактором управления временем горожан, сопряженным с фактором транспортной инфраструктуры, становится развитие новых форм трудовой занятости, распространение гибкого трудового графика, отчасти «снимающих» транспортную проблему для определенных групп экономически активных горожан. К организационно-экономическим условиям городской среды можно отнести и пространственно-временную организацию деятельности различных организаций (официальных учреждений, организаций образования, культуры и досуга, торговых предприятий).

В современных городах наряду с традиционными организациями, жестко регламентирующими рабочее время сотрудников, появились новые – с гибким графиком, предлагающие удаленную занятость (без временных затрат на передвижение к месту работы). Флексибилизация (гибкость) экономики достигается за счет появления совершенно новых форм трудовой деятельности. Одна из них – фрилансерство, предполагающее совершенно иной тип темпоральной организации всей жизни, включая выполнение профессиональных функций.

Происходит отказ (полный или частичный) от темпоральных структур, предназначенных для коллективных социальных агентов, а значит, от власти их времени, рамочного, ограничивающего свободу в распоряжении ресурсами времени как на индивидуальном, так и общественном уровне. При этом заметим, что природа экономических структур и организаций изменяется не стихийно, во многом она зависит от целенаправленной деятельности органов городского самоуправления.

Третья группа факторов, определяющих темпоральную организацию жизнедеятельности горожан, связана с культурой. Эта связь ложится в основу социокультурного механизма управления временем горожан. На наш взгляд, наиболее ярким воплощением этого механизма выступает календарь городской жизни, темпорально регулирующий жизнедеятельности различных городских социальных общностей.

Помимо общемирового и общенационального календаря, существуют модификации календарей, отражающих время конкретной социальной общности, которые могут иметь традиционный печатный вид, а могут существовать в виде устойчивых, повторяющихся из года в год элементов планирования жизнедеятельности. Например, есть церковный календарь, календарь культурных событий города, календарь мероприятий конкретного учреждения, женский календарь.

У городского социума существует свой календарь – политических, культурных, экономических, научных, спортивных событий. Он формируется как результат деятельности и взаимодействия органов власти, представителей бизнес-сообщества, политических, культурных, общественных организаций по планированию каждого направления жизни города. Такой календарь имеет как стратегические событийные «точки» (например, события и мероприятия, связанные с подготовкой международных, национальных или региональных выставок, форумов, саммитов и пр.), так и традиционные праздники, фестивали, выборы. Анализ контента нескольких городских сайтов г. Екатеринбурга показывает, что ключевые события года представлены на главных страницах и отражают специфику этой темпоральной структуры уральского мегаполиса. Многократное дублирование информации о событиях на страницах печатных и электронных СМИ, растяжках, рекламных щитах служит способом их закрепления в сознании и памяти горожан.

Приведем лишь один пример разработки управленческого проекта по регулированию межконфессиональных отношений на основе единого календаря праздничных религиозных дат и событий, происходящих в жизни верующих ряда конфессий. В 2011 и 2012 гг. одним из департаментов Администрации г. Екатеринбурга был разработан мультиконфессиональный календарь, в котором были отражены важнейшие события и праздники православных, иудеев и мусульман, а также общегражданские праздники. В этом проекте четко была обозначена цель – совершенствование планирования, организации, координации деятельности органов местной власти, некоммерческих, религиозных, правоохранительных структур и СМИ на основе принципа темпоральной синхронизации.

Темпоральные структуры города многообразны, разноуровневые, переплетаются, взаимонакладываются, имеют различный «возраст» и происхождение, культурную основу. Не случайно Жиль Делез когда-то писал: «Внутри всякого города есть другой город» [1, с. 230]. Город политемпорален, т.е. имеет «время, собранное из многих складок» [2, с. 22], которые «разворачиваются» и «сворачиваются», осознаются или скрываются от сознания тех или иных субъектов городской жизни. «Складчатое» время города как целостность воспринимается в виде абстракции, формирующейся в сознании исследователя. В повседневной, обыденной жизни воспринимаются, как правило, лишь переходы от одного темпорального порядка-«складки» к иному. Так, горожанин вдруг открывает для себя особые темпоральности представителей других этнических групп (например, трудовых мигрантов из Средней Азии), молодежных субкультур (создающих не только свои специфические временные режимы, но специфическое отношение к течению времени, к таким экзистенциальным сущностям, как рождение и смерть), мобильное время бизнес-сообщества и т.д. Такое «открытие» (встреча) иного времени порой весьма болезненно переживается,

вызывая (по аналогии с культурным шоком) *темпоральный шок*, обусловленный различиями, а порой и несовместимостью темпоральных порядков [3, с. 173–174].

Многослойность времени города связана с его сложной пространственной структурой, которая формируется объектами, имеющими различную темпоральность: это деловые центры и спальные районы, различающиеся скоростью разворачивающихся в них процессов; это жилые кварталы, «засыпающие» ночью, и торгово-развлекательные центры, в которых день и ночь не различимы и не имеют видимых границ (кроме тех, на которые указывают часы); это просматриваемая темпоральность заводов, школ и офисов, образованная потоками входящих и выходящих из них в определенное время людей, и невидимая темпоральность фрилансеров и интернет-магазинов, охарактеризованная термином «текучести» [см. 5]. Таким образом, «складчатое» время коррелирует с другими видами «складок» города. Как отмечает Е.Н. Заборова, «современный крупный город – это не столько пространство мест, территорий, материально оформленных и функционально ориентированных, сколько совокупность разнообразных потоков – людских, информационных, логистических и многих других» [5, с. 91]. Именно эти потоки и образуют «складчатую» структуру современного мегаполиса.

«Складчатая» темпоральность города создается образом жизни тех социальных общностей, представители которых могут позволить себе поспать до обеда в выходные дни и иметь двухнедельные новогодние каникулы, и образом жизни тех, у которых в сутках не 24, а 25–26 и более часов (это представители бизнеса, предприниматели). В мегаполисе, с одной стороны, есть «складки», образованные временем, которое не принадлежит людям: их время «продано» работодателям, закрепошено ими, отчуждено от его субъекта. С другой стороны, есть такие темпоральные структуры, которые формируются «свободными художниками» (фрилансерами), распоряжающимися не только своими талантами и возможностями, но и таким ценным ресурсом, как время.

Темпоральные «складки» – это своеобразные «дебри» мегаполиса, сквозь которые приходится идти горожанину ежедневно, синхронизируя их, иногда приспособливаясь к ним, отчасти преодолевая их, «стесывая» по возможности неудобные моменты. Взаимодействие в условиях складчатой темпоральности всегда чревато конфликтами. И главной причиной таких конфликтов становится противоречие между быстрым темпом жизни, сложными нелинейными переходами во времени одних социальных общностей и «медленной», «неспешной» линейной темпоральностью других, «медленным» окружением, образованным различными организациями, структурами, институтами.

Обозначенные выше особенности социального времени горожан и проблемы темпоральной организации их жизнедеятельности становятся важнейшим объектом городского управления. Время является важнейшим ресурсом развития города и горожан как социальной общности, а значит, требует пристального внимания всех субъектов и структур городского управления. Развитие темпорального мышления и видения у представителей управления позволит разработать новые подходы к реализации ими задач государственной политики по развитию российских городов.

Библиографический список:

1. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
2. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 520 с.
3. Амбарова П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 252 с.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012. 336 с.
5. Заборова Е.Н. Человек в пространстве крупного города // Дискуссия. 2012. № 4. С. 89-95.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ В СОЦИОЛОГИИ

Андрианова В.А.

На протяжении второй половины XX столетия наметился последовательный рост значения глобальных городов в социально-политической системе общества, непосредственно связанный с развитием процессов глобализации.

Развитие городов на международном уровне носит волнообразный характер. Возможность участия в очередной волне зависит от крупных геополитических событий, состояния ключевых отраслей экономики, новых технологий и других факторов. По мнению многих авторов, появление городов, участвующих в новом цикле глобализации, который начался после кризиса 2008–2009 годов, велико как никогда [1, с. 29]. Сейчас можно наблюдать фазу их циклического подъема в глобальном мире: становление происходит постепенно, но они пытаются системно решать вопросы качества жизни и другие. По многочисленным данным, экономический потенциал глобальных городов является огромным: первая десятка глобальных городов дает свыше одной десятой части всего ВВП мира. По подсчету ученых, 15% мирового ВВП приходится на 25 самых богатых городов мира, на следующие 75 городов – уже 10% ВВП [1, с. 19].

Города всё больше распространяют своё влияние и всё больше взаимодействуют с партнерами в поиске и использовании ресурсов для своего развития и сотрудничества далеко за пределы национальной территории, выходя на глобальный уровень. В целом, происходит постоянное увеличение объёма международных взаимодействий. Глобализация воздействует на эти потоки в различных сферах, поэтому потоки взаимодействий всё легче пересекают национальные границы. Происходит расширение числа субъектов (акторов) международных отношений и глобальные города занимают место среди них.

Остановимся на классификации трудов, посвященных глобальным городам. Все изданные труды по тематике глобальных городов, можно классифицировать по нескольким группам. Например, по мнению И.Г. Чубарова, первая группа работ по изучению глобальных городов в России, как правило, связана с рассмотрением их лишь в одной из функциональных проекций, например, демографической, географической, финансовой или туристической. Такие научные труды, в первую очередь, направлены на уточнение параметров выделения глобальных городов, выявление новейших тенденций в определенных сферах, тесно связанных с процессом глобализации.

Ко второй группе можно отнести работы, посвященные комплексному исследованию отдельных глобальных городов, таких, как Лондон, Франкфурт-на-Майне, Шанхай, Гонконг, Токио, Нью-Йорк [2, с. 17-18]. Здесь особую важность, безусловно, представляют работы, посвященные российским глобальным городам, в частности, Москве и Санкт-Петербургу.

Город – это своеобразная композиция общественных мест, которая одновременно является местом обитания и способом иметь свое место. Это способствует затруднению понимания города с объективной точки зрения и объясняется почти полным отсутствием взгляда «со стороны». Так что, с этой стороны, нужно понимать, как связаны современный город и постмодерность, капитализм и глобализация, т. е. искать соединения между масштабными социальными процессами и городскими трансформациями [3, с. 9]. Методологической сложностью является исследование глубинного среза структуры города и включенных в него процессов: отношения между различными социальными классами, группами и отдельными индивидами, т.е. можно сказать, что изучаются все городские процессы и структуры, которые поддаются количественной и качественной обработке.

Главное отличие, по С. Сассен, глобальных городов от других – это стремление к высокому уровню специализации в обслуживании глобального рынка. Это говорит о том, что глобальные города наделяются особым местом в глобальном международном разделении труда. Впервые социологически исследовал разделение труда Э. Дюркгейм. Под ним он понимал разделение функций, которые ранее были общими. Разделение труда – это всегда признак развитого общества. В таком обществе существует необходимость обмениваться результатами деятельности и выполнять взаимодополняющие функции. «Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от

общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована» [4, с. 127].

Раньше города были ключевыми производственными площадками, но не центрами управления, которые принимают множество решений. Ключевыми факторами, способствующими динамичному развитию глобального города, являются определенные комбинации растущей специализации и агломерации экономики, проявляющиеся в многочисленных услугах производителя [5, с. 88]. Новые формы централизации влекут за собой создание локуса контроля и управления. Соответственно, мы видим все большее значение таких городов, как Нью-Йорк, Лондон, Токио или Париж и Франкфурт, которые числятся в качестве центров финансирования, глобального обслуживания и управления. В них производится широкий спектр инноваций в сфере услуг и финансов, который занимает центральное место в трансформации экономической деятельности.

Глобальные города по всему миру – это пространство, где многосложный процесс глобализации приобретает конкретные, локализованные формы [6]. Эти локализованные формы в значительной степени и есть то, что мы называем глобализацией. Глобальная интеграция создала новую стратегическую роль для истории городов как центров международной торговли. Города сейчас функционируют в новых направлениях: как высоко командные пункты в организации мировой экономики, места для финансирования и для специализированных фирм обслуживания инноваций [7]. Для того чтобы понять, почему крупные города с разной историей и культурой прошли параллельные экономические и социальные изменения, мы должны изучить их вхождение в мировую экономику [5, с. 4]. Именно поэтому социолог С. Сассен сосредоточивается на городах стран развитого капитализма. Главным центром ее внимания становятся Нью-Йорк, Лондон и Токио как места, в которых происходят самые важные социальные процессы.

По мнению автора, глобальный город представляет собой стратегическое пространство, в котором глобальные процессы происходят на территории государства, а глобальная динамика преодолевает государственные институциональные меры [8, с. 2]. В этом смысле модель отвергает представление о том, что глобальная экономика и национальная экономика являются взаимоисключающими.

Крупные города всё чаще становятся самостоятельными акторами на мировой арене, выполняя те функции, которые раньше принадлежали государствам. Города превратились в ключевые места для производства и изобретения нововведений [5, с. 127]. Такие города, как Москва, оказались магнитом, притягивающим власть и капитал: они реально лишили части полномочий государства в области политики и открыли грандиозные перспективы для глобальной экономической элиты. «Главная опасность для современных глобальных городов – это потеря связи со своим национальным государством и утрата национальной идентичности» [9, с. 41]. Например, Лондон, Париж, Москва, Токио и Сеул являются глобальными городами и столицами. Чаще всего глобальный город несет на себе и функции столицы, но все же, есть и исключения, например, Нью-Йорк. Это говорит о том, что глобальный город является примером отказа от старой политической и административной логики.

Но существует ряд других проблем в глобальном городе. Например, к числу важнейших проблем, стоящих перед Москвой как глобальным городом, относятся: проблема взаимоотношения глобального города с регионами и государством в целом, дисбаланс экономических возможностей и качества среды и жизни, проблема преступности и терроризма в глобальном городе, неконтролируемая миграция, проблема межэтнических взаимодействий, экономически обусловленное географическое расширение города, в том числе, и транспортная проблема, а также высокая дифференциация по качеству и уровню жизни горожан.

Все перечисленные проблемы тесно связаны между собой и характерны для всех глобальных городов. Решение социальных проблем города обычно происходит благодаря программам социально-экономического развития города, которые должны иметь комплексный и всеохватывающий характер. Москва в этом плане не исключение. Степень решения данных проблем зависит от уровня социально-

экономического, исторического и культурного развития, места страны в международном пространстве, особенностей природно-географического положения и человеческого потенциала.

Проблемными сферами для Москвы названы, прежде всего, внутренняя стабильность, соблюдение законодательства и социальное неравенство. Нельзя упускать из виду и тот факт, что сейчас Россия недостаточно интегрирована в мировую экономическую систему. Москве труднее развивать международные связи по сравнению с другими глобальными городами. Особенно, если говорить о событиях последних двух лет, когда страна оказалась отстраненной от мировых процессов в связи с условиями экономических санкций.

Таким образом, необходимо сказать, что глобальные города сводят функции воедино: они и финансовые центры, и политические столицы, и экономические центры, а также центры, задающие тон развития для своего региона. Глобальный город по-новому формулирует вопрос о власти и неравенстве. В таких городах наиболее явна поляризация между высокообеспеченными и обделенными слоями населения, а также городскими территориями. Современные глобальные города представляют собой сложный экономический и общественный механизм привлечения человеческого капитала, инвесторов, предпринимателей [1, с. 29]. Отличительными чертами нового цикла развития глобальных городов являются широкая конкуренция, новые тенденции в промышленности, понимание и учет стратегической обстановки, а также противоречия между «победителями» и «проигравшими» в ходе глобализации. В связи с этим, российской социологической науке предстоит понять каково место Москвы в системе современных глобальных городов.

Библиографический список:

1. Urban Agenda / отв. ред. А.Н. Острогорский. М., 2015.
2. Чубаров И.Г. Исследование глобальных городов в России и за рубежом // Региональные исследования. 2013. № 3(41). С. 13-22.
3. Трубина Е.Г. Современная урбанистика. Екатеринбург, 2008.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
5. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University press, 2001.
6. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 9-27.
7. Глобализация и глобальный город: исследования Саскии Сассен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kgau.ru/distance/resources/sociology/bib/2006_1-6/SassenS.doc
8. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 4. С. 1-11.
9. Сухарева Е.А. Проблемы взаимоотношения глобального города и национального государства // Обозреватель – OBSERVER. 2011. № 12. С. 36-42.

РЕСУРСЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СИСТЕМНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ*

Анжиганова Л.В.

Уже не вызывает сомнения факт, что в условиях глобализации этносы и этнические группы ускоренными темпами теряют уникальность и целостность во времени и пространстве. Вследствие этого западная наука, как правило, даже считает их «воображаемыми сообществами», создаваемыми акторами – конструкторами. Норвежский учёный Ф. Барт указывал, что этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [1, с.17-41]. С этим нельзя не согласиться, поскольку мы вынуждены констатировать, что этносов в классическом виде

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00146 «Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов»)

сохранилось не так уж и много, разве что в труднодоступных горах Тибета или Памира. Они живут на своих исторических землях, говорят на своем языке, ведут традиционный образ жизни и хозяйствования, составляя коллективную целостность во времени и пространстве. Большинство же этнических общностей, существующих объективно, тем не менее, не представляют этой целостности. Они, как правило, конструируют себя как таковую, основываясь на тех или иных маркерах.

Современные этносы и этнические группы, к сожалению, утрачивая свою целостность, теряют способность к перспективному развитию. С другой стороны, мы являемся свидетелями поиска этническими акторами ресурсов сохранения и развития собственных народов. С. В. Лурье подчеркивает: «Для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакции на ситуацию, которая угрожает ему гибелью...» [2, с. 85].

Этносы имеют различный *объективно существующий набор и объем ресурсов сохранения и развития, совокупность которых составляет этнический капитал*, способствующий формированию и развитию субъектности этноса. Последняя понимается нами как способность этноса как коллективной единицы к *самопознанию, самоопределению и саморазвитию*. Проиллюстрируем уровень субъектности на примере хакасского народа.

Этносы отличаются друг от друга по ряду объективных параметров. Проиллюстрируем их на примере хакасского народа.

1. *Национально-государственный статус*. Ресурсы народа в решающей степени зависят от уровня самоопределения народа. Республика Хакасия (РХ), образованная в 1991 г., стала полноценным субъектом Российской Федерации. В сравнении с предыдущим статусом (автономная область в составе Красноярского края) - это существенный шаг вперед. В том числе, за счет таких, большей частью, символических ресурсов, как Конституция Республики Хакасия, республиканское законодательство, органы государственной власти и пр. Символичность их определяется тем, что они не в полной мере способствуют реальному решению многих проблем хакасского народа. Согласно материалам практически всех 13 съездов хакасского народа (1990-2016 гг.), представители этноса слабо представлены в органах законодательной и исполнительной власти. Законодательная база решения проблем хакасского народа также не усовершенствована, например, так и не принят закон о сохранении культовых мест, защиты нематериального культурного наследия и пр.

2. *Географический и геополитический факторы* (включенность или изолированность от различных культурно-цивилизационных центров и их интересов). Например, хакасы живут рядом с родственными, исторически и культурно, народами (шорцами, алтайцами, тувинцами). Обмен опытом в решении проблем этнического развития оказывается эффективным и плодотворным.

3. *Состояние и качество природной среды обитания*. Среди проблем последних лет можно назвать бесконтрольное и хищническое расхищение природных богатств Хакасии (тайги, водных ресурсов, животного мира, строительство опасных предприятий и пр.). Для этноса утрата родной земли является фактором, ведущим к его гибели.

4. *Демографические процессы, в т.ч. доля в общем населении региона*. Хакасы как этнос, давший имя республике, составляют всего 12% в населении региона. Поэтому их этнический потенциал существенно меньше, чем символический статус.

5. *Особенности самоуправления этноса* (вовлеченность во власть или отчуждение от нее; в т.ч. формирование собственно этнических форм самоуправления). Хакасы, начиная с конца 1980-х годов, сформировали две формы самоуправления: съезд хакасского народа (исполнительный орган Чон чоби) и родовое движение (Совет старейшин хакасского народа). Последний, скорее, является формированием фамильной солидарности, но не родовым в его строгом смысле слова. Это явление может считаться неотрадиционалистским феноменом, т.к. в Совет старейшин хакасского народа сегодня входят женщины и молодые люди, что противоречит традиции.

6. *Структура экономики и экономическая активность этнофоров*. Мнение, что они должны заниматься только традиционными формами хозяйствования, можно считать устаревшим. Хакасы

ныне заняты во всех отраслях экономики, что определяется традиционно высоким уровнем образования. Это явление было отмечено и в советский период.

7. *Качество социальных программ.* Многие вопросы, в том числе, социального плана, в республике решаются программно-целевыми методами. В Комплексной программе социально-экономического развития РХ на 2010–2020 гг. названо, помимо прочих задач, содействие развитию «человеческого капитала», которое предусматривает повышение качества и доступности предоставляемых гражданам социальных услуг (образование, здравоохранения, культура). Вместе с тем, нужно отметить, что в республике в течение ряда лет особое внимание уделяется т.н. «малым селам», в которых проживает и коренное население.

8. *Баланс социальных сил, в том числе, в гендерном аспекте.* Известно, что в традиционном обществе гендерное распределение функций было строго определено и неукоснительно соблюдалось. Однако сегодня многие мужские роли утрачиваются (обеспечение безопасности и достатка семьи за счет, например, охоты и скотоводства и пр.). Женские же роли приросли в силу активной вовлеченности женщин во все сферы общества. Гендерный дисбаланс привел к уменьшению роли мужчин и утрате их авторитета на всех уровнях бытия этноса. Это стало существенным деструктивным для этноса фактором.

9. *Состояние этнической культуры, в первую очередь, языка.* В целом, можно отметить, что хакасская культура стала бесспорным неотрадиционалистским феноменом: культура стала ресурсом развития этноса, в том числе, и коммерческим. Вместе с тем, незнание большинством хакасов, особенно молодежи, родного языка, в определенной степени обесценивает это явление. Резкое сужение сфер применения родного языка как фундамента национальной культуры имеет тенденцию ее превращения лишь в декоративный компонент общекультурного пространства региона.

10. *Состояние религиозного сознания, отношений и институтов.* Поиск духовных оснований собственной идентичности привел национальную интеллигенцию к принятию в качестве такового тенгрианства.

Включенное наблюдение показывает, что в течение последних почти тридцати лет ответственность за свой народ у хакасов характеризовалась различными интенциями. В конце 1980-х годов – это политическая консолидация, которая привела к проведению I –го съезда хакасского народа и образованию Республики Хакасия, в середине 1990-х – начале 2000-х – развитие культуры, в последнее десятилетие – поиск религиозных оснований этничности, которые часть национальной интеллигенции находит, как мы уже отмечали, в тенгрианстве.

Еще большее сужение социальных функций хакасского языка, сложности при трудоустройстве молодежи и отсутствие перспектив развития, асоциальное поведение (алкоголизм, наркомания и пр.) вновь зафиксированы на последнем съезде хакасского народа (2016 г.). Реакция хакасского народа в целом на все эти проблемы может быть охарактеризована как пассивная, этническая солидарность невысокая, а значит, уровень духовности оставляет желать большего. Вместе с тем, осторожный оптимизм внушает деятельность отдельных этнофоров, продолжающих самореализацию в сфере культуры.

Библиографический список:

1. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. статей / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.
2. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕСТВА И ЕГО КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ

Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Солонько И.В., Величко М.В.

Во второй половине XX века в исследовательской литературе появились и закрепились такие термины как «кибернетика» (Норберт Виннер) и «синергетика» (Герман Хакен, Илья Пригожин).

Последний стал обозначением междисциплинарного направления научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем. Синергетика – наука, занимающаяся изучением процессов возникновения, самоорганизации, поддержания устойчивости и распада структур самой различной природы. Таково понимание синергетики в её изначальном значении как науки в первую очередь в области естествознания. Однако постепенно синергетическая методология начинает проникать в обществознание, становится методологией общенаучной (академик Стёпин). С мировоззренческой точки зрения синергетику чаще всего позиционируют как «глобальный эволюционизм» или «универсальную теорию эволюции», дающую единую основу для описания механизмов возникновения любых новаций, как природного, так и социокультурного характера.

Содержательная сторона синергетики – понимание структуры как состояния, возникающего в результате многовариантного и неоднозначного поведения таких многоэлементных структур или многофакторных сред, которые развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления особых режимов с обострением и наличием более одного устойчивого состояния. Поэтому в синергетическом подходе используются такие понятия как энтропия, неупорядоченность, хаос, но и самоорганизация, саморазвитие, самоуправление. Существует несколько школ, в рамках которых развивается синергетический подход. В рамках школы академика Александра Самарского и члена-корреспондента РАН Сергея Курдюмова разработана теория самоорганизации на базе математических моделей и вычислительного эксперимента. Концепт самоуправления достаточно основательно разрабатывается в таком методологическом ракурсе как достаточно общая теория управления.

Синергетика в последнее время становится одним из оснований социальных технологий. Социальные технологии – это совокупность методов и приёмов, позволяющих добиваться результатов в задачах взаимодействия между людьми и социумами. Более широко социальную технологию можно определить как последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которых каждый субъект-участник реализует собственную управленческую стратегию. Можно также определить социальную технологию как структуру коммуникативных воздействий, которые изменяют социальные ситуации и социальные системы. Основные виды социальных технологий используются в экономической, политической, социальной, управленческой и духовной культурах.

Достаточно общая теория управления [3] – по нашему представлению может быть рассмотрена как одна из конкретных форм применения синергетической методологии. Структура постановки и решения управленческих задач в рамках достаточно общей теории управления позволяет интерпретировать процессы управления (или самоуправления) любых естественно-природных и социокультурных процессов. Этот подход создаёт предпосылки для преодоления «кризиса фрагментации» (См.: п. 2 паспорта ВАК специальности 09.00.11 «Социальная философия») обществознания.

Мировоззрение личности (включая и нравственно-этическую составляющую) практически неразрывно переплетается с методологией научного познания. И потому представление, согласно которому методология это – «чистый» инструмент познания и деятельности, не зависящий от ценностных ориентиров – объективно ошибочно. Если развивать эту тему далее, то мы приходим к необходимости рассмотрения морально-этических приоритетов в методологии общей теории управления. Версиями общей теории управления, якобы свободной от морально-этических ценностей, являются уже упоминавшаяся «кибернетика» Н. Винера [2], «Всеобщая организационная наука» А. А. Богданова [1], а также современный западный «менеджмент». Достаточно общая теория управления пытается соединить универсальную управленческую методологию с нравственно-этическими представлениями.

Одна из объективных закономерностей управления, представляемая достаточно общей теорией управления, состоит в том, что управление невозможно, если поведение объекта управления непредсказуемо для субъекта-управленца. В связи с этим вводится понятие «устойчивость объекта

управления в смысле предсказуемости его поведения в определённой мере под воздействием внешней среды, внутренних изменений в объекте и субъекте управления». Таким образом, оказываются неразрывно связанными и объективная реальность (объект, среда), и субъект как часть объективной реальности с его устремлениями и пристрастиями. Решение задачи об устойчивости объекта в смысле предсказуемости поведения – ключ к организации процесса управления или вхождению в него.

В целом, эффективный методологический инструментарий содержит достаточно общая теория управления, поскольку входящие в неё принципы самоорганизации, самоуправления и концептуальной определённости управления позволяют выявить долгосрочные цели социально-политического развития страны и концепции их реализации. Достаточно общая теория управления выступает как фрагмент общественно-политического проблемного поля синергетики.

Библиографический список:

1. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М.: Экономика, 1989.
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983.
3. Достаточно общая теория управления. Постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики – процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета (1997–2003 гг.). Новосибирск, 2007.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Арпентьева М.Р.

В современной науке и практике управления и совершенствования управления регионами и страной ведущими моментами являются моменты, связанные с достижением устойчивого, стабильного развития. При этом основной вопрос государственного и регионального управления – вопрос оптимизации его технологий. Цель исследования – анализ перспектив и трудностей внедрения интересубъективных технологий в современной России.

Кризис регионов и государств современного мира демонстрирует, что классические и постклассические модели управления устарели. Современная модель управления государством и сообществами разрабатывается в эвергетике – науке об интересубъективном управлении, качественно отличном от управления бюрократического, моносубъективного (моносубъектного) [1; 2], к которому явно стремится глобализация и мондиализация (слияние стран во всеобщее государство с единым управлением, исключение «общественного мнения» из управления государством) и, менее явно, толпократия (разбиение управления внутри каждой страны и во всем мире в рамках «власти толп», передача управления «общественному мнению»).

Эвергетика, в отличие от классической и неклассической теорий управления, ориентирами которых служат мондиализация и толпократия, предполагает ряд изменений, обращающих внимание на важность сотрудничества и лоурархии – власти, основанной на учёте мнений всех заинтересованных в том или ином решении людей: необходима подвижная кластеризация сообществ и систем, которыми традиционно управляет «системный монолит» (бюрократия), восстановление связей «по горизонтали», нужно сотрудничество разных по уровню и функциям структур и организаций как взаимодействие и взаимопомощь людей в рамках разных структур при решении конкретных (групп) проблем, укрепление местного самоуправления (низовой уровень); необходимо организовать сотрудничество профессионалов и непрофессионалов, государственных, общественных и бизнес-структур – неоднородных акторов, имеющих различные точки зрения и ценностные ориентации; важно внимание к процессам саморазвития и взаимного развития экономических и иных систем: общество, государство и сам человек – сложные, гетерогенные, развивающиеся системы, каждый компонент которых осмысляет себя в диалоге с другими в «калейдоскопе ситуаций», более или менее значимых для них, представительная власть определяет исполнительную.

Современные технологии управления странами включают три варианта: бюрократия, иерархия, создающая моноакторные / «монолитные» системы управления используются повсеместно, демонстрируя невозможность решать задачи, связанные с управлением такими сложными системами, как человек, общество, государство; лоурархия, создающая мультиакторные системы управления могут быть использованы для решения проблем, которые сложно или невозможно решить с помощью одного актора /«монолитной системы»; толпократия, поддерживающая квазимultiакторные системы, имитирующие intersубъективность принятия и исполнения решений, используются бюрократией как попытка «измениться, ничего не меняя»[3; 4; 5].

При этом технологии мультиакторного / intersубъективного управления коренным образом отличаются от крауд-технологий (см. таблицу 1). Эвергетика опирается не на «искусственный» порядок, поддерживаемый моноакторными системами управления, но естественный порядок: при традиционном управлении речь идет о детерминированных системах: поддерживается искусственный порядок, опора руководителей на правовые нормы и деструкция правовых норм (коррупция, бюрократизация), формальная иерархия, несвободный, монологический обмен информацией и единолично решающий проблемы лидер. Люди – однородное «стадо» или «быдло», потребительство как «идеология гангстера» стимулирует отношения по типу рабовладения (инволюции человечества), а «универсальные рецепты» рассмотрения жизненных ситуаций на все случаи приводят систему к коллапсу, сокращению энергии и информации; эвергетика предполагает управление саморазвивающимися системами: руководитель не мешает естественному порядку: неструктурированные группы со свободным, внешне хаотичным, диалогическим обменом информацией и коллективным принятием решений.

Таблица – Технологии intersубъективного и крауд-управления

крауд-технологии	технологии intersубъективного управления
профессионалы как члены «умной толпы», могут участвовать в вычленении и решении проблем самого разного уровня, самоорганизовываясь в зависимости от необходимости и степени включенности и компетентности в обсуждаемом вопросе, главный вопрос – обработки результатов обсуждений проблем толпой (технологий переработки информации)	профессионалы и непрофессионалы как (неоднородные) акторы участвуют в вычленении решении непосредственно касающихся их проблем, главный вопрос – вовлеченность акторов в процесс обсуждения и реализации решений (их личная ответственность)
решение принимает руководитель (квазимultiакторные технологии, имитации мультиакторности / intersубъективности); использование механизмов тотальной гласности – контроля, вовлечение граждан в отношения, в которых они являются не субъектами (актерами), а объектами наблюдения	решение принимают и реализуют акторы (multiакторные, intersубъективные технологии); вовлечение граждан в отношения, связанные признанием субъектности и субъективности, способности к самоорганизации
власть отгораживается от граждан системой агентов для «переработки данных общественного мнения» и иных средств, позволяющих развивать отношения контроля, все активнее разрушая границы личности и организации, а также мешающие ей нравственные и правовые императивы - культуру	власть устанавливает гражданами реальные отношения сотрудничества, она прозрачна, но не требует прозрачности от личности и организации, уважая их границы (в пределах, обозначенных нравственными и правовыми императивами – культурой)

Люди и ситуации различны, взаимопомощь как отношения социального служения позволяет человечеству эволюционировать, нет единых рецептов на все случаи, полилог по поводу каждой конкретной ситуации приводит к росту энергии и информации.

Основные процессы изменений, таким образом, предполагают прирост информации и энергии (эффект полилога), восстановление и развитие культуры как системы нравственных и правовых

норм; кластеризацию и самоорганизацию общества (акторов и ситуаций); «устойчивое развитие» человека, общества, государства, антикризисные эффекты (сглаживание и снятие кризисов); общую активизацию человека, общества, государства, гармония включенности и ответственности, прозрачности и уважения. Жизнь экономических и иных систем – изменяющийся процесс, в котором руководителю необходимо внимание не только к «сильным», но и к «слабым сигналам», включая мнение и жизнь «маленьких» людей. Поэтому вместо того, чтобы добиваться идеальной «исполнительности» как «выученной беспомощности», важно и нужно поддерживать готовность дарить / жертвовать, уважение людьми и государством достоинства друг друга. Эвергетика предполагает, что реформа управления и модернизация его структуры включает ряд моментов: переосмысление роли значимости человеческого и социального капитала в развитии государства, общества и управления ими; формирование и применение технологий управления, учитывающих «человеческий фактор»; понимание значимости отношений социального партнерства и сотрудничества «центра» и периферии, предпринимателей и потребителей, профессионалов и непрофессионалов; формирование и применение технологий сотрудничества / партнерства, их активизации; осмысление перспектив отношений социального служения и взаимопомощи, духовно-нравственных опор развития; формирование и применение технологий, ориентированных на развитие культурного капитала сообществ и организаций; делиберализация отношений государства, общества и бизнеса к нарушению нравственных норм, преодоление социальной аномии и социального каннибализма; решение проблем социального отчуждения и безответственности: проблем роста социального неравенства, безработицы и прекаризации профессионального труда; решение проблем «устойчивого развития»: кризисов индивидуального и организационного развития (от профессиональных деформаций и дауншифтинга до организационных коллапсов); деформализацию и десимуляцию поддержки государством своих граждан и бизнеса, борьба с коррупцией «на местах», периферии (нравственная и правовая); создание механизмов поддержки социально ответственного бизнеса и поощрения участия отдельных граждан и их групп в управлении (нравственная и правовая); внедрение альтернативных форм разрешения конфликтов/принятия решений (посредничество/медиация) в здравоохранении, образовании, правоохранении и других сферах [1; 4; 5]. Основные принципы реформ таковы: 1) идеология «нравственно то, что выгодно», игнорирование проблем и противостояние как подавление бунтов ведут общество и страну к коллапсу; 2) жизнь – изменяющийся процесс, необходимо внимание не только к «сильным», но и к «слабым сигналам», включая мнение и жизнь «маленьких» людей; 3) вместо «выученной беспомощности», необходимо поддерживать и развивать у людей готовность дарить / жертвовать, уважение людьми и государством достоинства друг друга. Необходим настрой на идеалы социального служения: 1) задачи восстановления, оптимизации и развития человеческих сообществ и нравственных основ их функционирования, ориентация на стратегические «выгоды»; 2) необходимы акты милосердия и благотворительности, а также акты совместной деятельности разных организаций и людей, поиска нравственных форм управления и жизни человека, организации, государства; 3) восстановление и развитие культуры (нравственных и правовых регуляторов отношений людей и сообществ).

Современное управление, однако, чаще всего, предполагает ряд абсолютно противоположных развивающему, модернизационному, феноменов: 1) игнорирование несогласных, невнимание к социальному и человеческому капиталу, рождающие депрофессионализацию, дауншифтинг специалистов и руководителей, а также общую текучесть кадров, организационный коллапс; 2) производство одноразовых и / или заведомо вредных для человека, его душевного и физического здоровья товаров и услуг, вытеснение с рынка добросовестных производителей и эксплуатация низменных инстинктов «толпы»; 3) общество идет по пути идеологии потребления, усиливаются консюмеризм, все четче вычленяется неорабовладельческий характер взаимоотношений, в том числе в экономике, отказ от инноваций или их провал. Поэтому движение к новой системе отношений сопровождается многоуровневым кризисом, лоурархия как управление «снизу вверх», социальное служение и взаимодействие на основе принципов дарообмена, дополняющих рыночные и

распределительные отношения, с трудом «восстанавливают» свои позиции в экономике и обществе; развивается понимание того, что экономика в целом и производство в частности не сводится к «бизнесу», инновации и смена технологических укладов ставит в центр производства и иных форм отношений людей самих людей, социальный и человеческий капитал. При этом важно понимать, что антикризисные мероприятия – мероприятия развивающие: поэтому восстановление культуры, в том числе нравственных основ отношений – главное условие успеха.

Подводя итог, отметим, что результаты исследований в области интерсубъективных технологий управления должны и могут быть использованы в оптимизации социально-политических и экономических отношений в России, в процессе перехода от репрессивно-контролирующих к сотворческим и паритетным формам взаимоотношений.

Библиографический список:

1. Арпентьева М.Р. Интерсубъективные технологии управления: между толпократией и социальным служением // Проблемы управления и моделирования в сложных системах. Труды XVIII Международной конференции. 20-25 сентября 2016 г., Самара / под ред. Е.А. Федосова, Н.А. Кузнецова, В.А. Виттиха. Самара: СОО «ОФОРТ», СНЦ РАН, 2016. С. 39-52.
2. Виттих В.А., Моисеева Т.В., Скобелев П.О. Принятие решений на основе консенсуса с применением мультиагентных технологий // Онтология проектирования. 2013. №2(8). С.20-25.
3. Арпентьева М.Р. Энергетические стратегии и управление развитием сообществ // Материалы XVII Международной конференции «Проблемы управления и моделирования в сложных системах» 22-25 июня 2015 г., Самара. Самара: ИПУСС РАН, 2015. С.174-180.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
5. Виттих В.А. Введение в теорию интерсубъективного управления. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. 64 с.

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Бадонов А.М.

В современном обществе проблема домашнего насилия становится все более актуальной. Общество открыто обсуждает эту проблему и пытается найти пути ее решения, в том числе через средства массовой информации (газеты, телевидение и др.). Постоянно публикуются материалы о фактах домашнего насилия, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Несмотря на все усилия общества, домашнее насилие представляет собой латентное явление, которое скрыто от общества.

Как мы знаем, домашнее насилие является сложным социальным явлением, которое присуще человеческому обществу с древних времен. Домашнее насилие определяется как поведение, осуществляемое с намерением причинить боль или вред члену семьи, имеющее характерную особенность – регулярный характер, иногда непрерывный, на протяжении длительных периодов времени. Легкие формы насилия в семье редко придают огласке и реже становятся предметом исследования, однако, именно это первый шаг к более изощренным формам.

Домашнее насилие всегда осуществляется с умыслом, для получения определенного эффекта. Стремясь оправдать совершенные действия, домашние обидчики декларируют свои положительные намерения, но настоящие их намерения совсем другие – власть и контроль над членами своей семьи. Как правило, домашнее насилие применяется с целью контроля, запугивания и внушения чувства страха остальным членам семьи и проявляется в семьях с различным социальным статусом, а не только в неблагополучных семьях.

В настоящее время насилие в семье проявляется очень латентно, скрыто от общества. Пострадавшие стараются не распространяться о фактах насилия в силу различных причин:

запугивание со стороны обидчиков, нежелание «выносить сор из избы», традиционное воспитание и др. Только единичные случаи предаются огласке и общественному порицанию. Найдется немного людей, кто может открыто говорить, что в его семье присутствует это явление. Насилие в семье тщательно скрывается членами семьи. В обществе до сих пор действует запрет на информацию о насилии в семье.

Выявление жестокого обращения в семье имеет большие затруднения, так как человек не всегда расположен раскрывать негативные случаи из своей жизни. В обществе до сих пор действует табу на информацию о насилии в семье. Даже при анонимных социологических опросах не всякий респондент согласится раскрыть информацию о том, что он или другие члены семьи подвергались и подвергаются насилию со стороны близких людей. Проблема заключается также в том, что респонденты не всегда четко определяют границы насильственных действий по отношению к членам семьи. В основном используется понятие физического насилия, однако следует учитывать, что существуют и другие виды насилия в семье.

Насилие в семье имеет высокую степень латентности. Члены семьи стараются не распространяться об этом явлении окружающим. Согласно исследованиям, проводимым автором в 2011-2015 гг., большинство респондентов скрывают факт насилия в собственной семье, в окружающих семьях респонденты отмечают более высокий уровень насилия.

По результатам исследований, большинство респондентов (92,6%) отмечают отсутствие насилия в семье, все же при конкретизации видов насилия было отмечено, что практически до 29,3% респондентов испытывают тот или иной вид насилия в своей семье. Это подтверждает, тот факт, что на прямой вопрос о присутствии насилия в семье респонденты отвечают отрицательно, а при рассмотрении отдельных видов насилия респонденты признают факт насильственных действий со стороны родственников.

При этом необходимо отметить, что при вопросе о других семьях респонденты отвечают на вопросы более открыто. Так, на вопрос «Известны ли Вам случаи насилия в других семьях?» респонденты ответили следующим образом: да – 51,4%, нет – 47,9%, затруднились с ответом – 0,5%. Факт насилия в других семьях признают больше половины респондентов, так как это ни в коей мере не затрагивает интересов их семей.

При ответе на вопрос «Приходилось ли Вам общаться с другими семьями, в которых присутствует насилие одного над другими?» ответы респондентов расположились так: да – 37,8%, нет – 61,7%, затруднились с ответом – 0,3%. Эти данные свидетельствуют о том, что большинство тех семей, в которых, по мнению респондентов, присутствует насилие, является ближайшим окружением отвечавших. Это могут быть семьи родственников, соседей, друзей, коллег и т.д., то есть эти семьи хорошо известны респондентам. В принципе факты проявления насилия в этих семьях можно экстраполировать и на семьи самих респондентов, т.к. в большинстве своем они ничем не отличаются от своего окружения. Здесь присутствует тот факт, что респонденты стараются обелить свои семьи, исключая возможность насилия в них, что вызывает затруднения при анализе домашнего насилия [1].

Результаты социологических исследований показывают высокую степень латентности домашнего насилия в современном российском обществе. Респонденты стараются скрыть негативную информацию о себе, своих семьях.

Кроме того, общеизвестно, что в современной России нет официальной статистики по домашнему насилию. Статистика о потерпевших характеризует весь массив потерпевших от всех видов преступлений, не выделяя при этом количество жертв от насильственных преступлений вообще и от насильственных преступлений, совершаемых в семье. Официальная статистика складывается из совокупности данных, получаемых и обрабатываемых Информационным центром МВД. Информация поступает в виде статистических карточек, которые включают данные о преступлении и преступнике, а также дополнительную информацию криминалистического, криминалистического и процессуального характера. Существенным пробелом этой системы учета

является недостаточное количество сведений о пострадавших. Например, если указание на то, что потерпевшей является женщина, в учетной карточке есть, то о ее родственных связях с лицом, совершившим преступление, не говорится вообще.

Если сейчас не представляется возможным ввести отдельную статистическую карточку на потерпевшего, то необходимо расширить перечень сведений в имеющихся карточках учета. Такая усовершенствованная статистика по преступлениям, связанным с насилием в семье, позволит более точно определить динамику и тенденции развития данного явления.

Специалисты отмечают, что статистика случаев домашнего насилия не отражает реальную ситуацию, так как правоохранительные органы не выделяют их в отдельную группу.

По словам члена рабочей группы по разработке проекта федерального закона при Координационном совете Минтруда РФ по гендерным проблемам Мари Давтян [2], статистика по случаям домашнего насилия не репрезентативна, полиция не ведет учет таких инцидентов, ограничиваясь лишь терминологией «бытовое насилие», куда входят и драки между соседями, и другие подобные правонарушения, совершенные не в семье.

Давтян сообщила, что, согласно законопроекту, целый ряд государственных органов должен будет заниматься профилактикой семейного насилия. Она добавила, что подобные специальные законы приняты уже во многих странах СНГ (Казахстан, Киргизия и др.) [2].

Таким образом, следует отметить, что в России отсутствует единая система сбора информации о случаях насилия в семье, официальной статистики не существует. Домашнее насилие обладает высокими латентными свойствами. При этом следует отметить, что выявление домашнего насилия в полном масштабе позволит определить динамику и тенденции развития этого явления. Это, в свою очередь, приведет к более полному анализу домашнего насилия и определению более эффективных путей его профилактики.

Библиографический список:

1. Бадонов А.М. Проблемы выявления жестокого обращения в условиях семьи // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 5. 2012. С. 196-200.
2. СПЧ: в РФ до 40% насильственных действий осуществляется в семье // ТАСС. Информационное агентство России. 8 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1303901>

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНА

Бальжанова А.Б.

В настоящее время одной из актуальных проблем как для Российской Федерации в целом, так и для Республики Бурятия в частности выступает рост числа людей пожилого возраста в составе населения.

Исследование пожилых людей проводилось весной 2015-2016гг. студентами социально-психологического факультета под руководством научного руководителя З.А. Бутуевой [1]. Основным методом сбора информации в исследовании стало интервью. В ходе исследования был задан ряд вопросов, которые касались оценки своего положения, удовлетворённости своей жизнью в целом и уверенности в будущем.

Выход на пенсию – это один из наиболее важных этапов в жизни человека, который в литературе называют «шоком». С другой стороны, период выхода на пенсию – это острый и быстродействующий стресс, помогающий пожилому человеку постепенно реабилитироваться, используя механизмы социальной адаптации (инкорпоризация), компенсации (на основе «присвоения» положительных характеристик себе), негативной социальной идентичности самооценки за счёт её ретроспективного анализа, сближение идеальной и реальной самооценок и ориентацию на жизнь детей и внуков.

Для того чтобы узнать какие изменения произошли после выхода на пенсию, пожилым людям был задан следующий вопрос «Какие изменения произошли после выхода на пенсию?». На этот вопрос более 75% пожилых людей ответили, что больших изменений не произошло, 25% людей отмечают отрицательные моменты после выхода на пенсию.

Это подтверждает высказывание людей пожилого возраста в интервью: *«Ну, таких масштабных изменений не произошло, я считаю это вполне закономерным явлением и вполне адекватно на неё реагирую» (из интервью с А.А., 66 лет, бурят, высшее образование, г.Улан-Удэ). «Больше времени стало для себя и для жены, внука» (из интервью Д.Б., 70 лет, бурят, среднее образование, с. Кижинга). «После выхода на пенсию, да, вышла на пенсию, особых изменений нет, сижу на пенсии (из интервью Б.Д., 64 года, бурятка, с. Торы, Тункинский район, среднее профессиональное образование). «Конечно же, стало очень много свободного времени. Стараюсь постоянно себя чем-то занять, любимыми делами (из интервью А.Д., 59 лет, бурятка, с. Элысун, Курумканский район, высшее профессиональное образование).*

На вопрос «Чем вы занимаетесь теперь?» пожилые люди отмечают, что они большее время стали уделять семье (62%), 10% занимаются домашним хозяйством и 18% продолжают работать.

Следует отметить, что значительная часть опрошенных ответили, что в свободное время просто отдыхают, при этом процент пожилых людей, которые предпочитают «просто отдыхать» значительно увеличивается с возрастом и после 75 лет они составляют подавляющее большинство (69,6%). Пожилые люди, имеющие более высокий образовательный уровень, значительно чаще находят себе подходящие занятия и меньше «просто отдыхают». Активными видами отдыха (занятие любимым делом, воспитание внуков, занятие физкультурой, посещение культурных учреждений) пожилые люди в целом отводят меньше времени. При этом интересен такой факт, если занятие любимым делом практически не зависит от образовательного уровня, то в возрастной категории 65-74 года отмечается наибольший процент опрошенных, которые посвящают своё свободное время любимому делу. Очевидно, это связано с тем, что пожилые люди этой возрастной группы в большинстве своём отходят от активной трудовой деятельности и стремятся компенсировать ее недостаток другими интересными занятиями. С другой стороны, эта возрастная группа ещё обладает некоторым запасом здоровья и энергетическим резервом, которые позволяют проявлять активный интерес к своему любимому делу и заниматься им. Так, пожилые люди в своих интервью отмечают: *«Больше времени провожу с внуками, занимаюсь своими делами, читаю, подрабатываю. (Из интервью А.А., мужчина, 66 лет, бурят, высшее образование, г.Улан-Удэ). «Продолжаю работать (из интервью с В.В., 53 лет, бурятка, среднее медицинское образование, с. Гэгэтуй, Джидинский район). «Помогаю, чем могу семье» (из интервью с Д.В., 68 лет, русская, ст. Хоронхой, Кяхтинский район). «Сижу дома» (из интервью с Б.Д., 64 года, бурятка, с. Торы, Тункинский район, среднее профессиональное образование).*

В ходе исследования было выявлено что, благополучие пожилых людей и их социальная активность во многом зависят от того, насколько они ощущают свою востребованность обществом, друзьями, семьёй, соседями.

Плохое настроение сочетается с утратой интереса к увлечениям и к привычным занятиям. Обычные домашние дела человек делает с трудом. Приготовить обед, выполнить домашний ремонт, убраться, купить продукты – все эти простые обязанности превращаются в невыполнимую задачу. Часто пожилые люди, отказываются выходить на улицу, особенно в холодное время года, поскольку им трудно собраться, выбрать нужную одежду. Пропадает интерес и к любимым делам. Просмотр телевизора, чтение книг, прогулки, беседы с друзьями, встречи, работа в саду – это всё со временем становится скучным, бессмысленным, неинтересным. Пожилой человек начинает ругать себя, упрекать в лени, безуспешно старается заставить себя выполнять дела «усилием воли».

Старение – это неизбежный процесс, который в своём развитии затрагивает все стороны человеческого существования. Физическое состояние, здоровье, круг общения, интересы, черты характера и взгляды на жизнь – всё постепенно начинает претерпевать изменения, стоит человеку

вступить в новую пору своей жизни, именуемую пожилым возрастом. Но, пожалуй, нигде кроме разве что физического угасания, эти изменения не проявляются так заметно, как в характере пожилого человека.

Выход на пенсию, уход от активной трудовой деятельности с тяжестью воспринимают люди, чья трудовая деятельность в прошлом ценилась высоко. Как показывает практика, разрыв с трудовой деятельностью плохо влияет в ряде случаев на здоровье, психику, жизненный тонус пожилого человека. Как правило, к пенсии человек обеспечивает себя всем необходимым, имеет квартиру, определённый статус, сбережения и престиж. Пожилые родители зачастую оказывают своим детям материальную и моральную поддержку. В большинстве своём, пожилые люди порицают зависимость и ценят уверенность в собственных силах и самостоятельность.

Как показывает исследование, на вопрос «Хотели бы вы участвовать в общественной жизни? Каким образом?» в своих интервью они отвечают: *«Да, безусловно. Активно»* (из интервью с Е.Г., 67 лет, бурятка, высшее образование, г.Улан-Удэ). *«Нет, не хотел бы. Потому что мне и своих дел хватает. (смеётся)»* (Из интервью с А.А., мужчина, 66 лет, бурят, высшее образование, г.Улан-Удэ). *«Да (смеётся), хотела бы песни петь в ансамбле каком-нибудь, только не старушечьем (смеётся), только не зовет никто(шутит)»* (из интервью с А.Ф., 62 года, русская, образование 8 классов, с. Сосново-Озёрск Еравнинского района). *«Не-ет в общественной жизни не хочу участвовать...дел хватает! Хотелось бы единственное чему научиться, так это владеть компьютером! Младший брат из Ростовской области всё мне говорит...купи компьютер! По скайпу с тобой разговаривали бы...»* (из интервью с Г.В., 63 года, русская, среднее специальное образование, г. Улан-Удэ). Результаты показывают, что наибольшую активность в работе общественных организаций проявляют пожилые респонденты в возрасте 55-64 лет (51,2%), а наименьшую – респонденты в возрасте 64-74 года (36,5%). В то же время доля респондентов в возрасте 75 лет и старше, проявляющих интерес к общественной активности, составляет 45%.

Общение в поздней взрослости по сравнению с другими возрастными периодами приобретает особую значимость. Наличие у человека выраженного социального интереса и включенность его в широкие социальные связи связана не только с замедленными темпами старения, но и с физическим здоровьем. В общении проявляет себя выраженная потребность сознавать свою значимость. Она может быть удовлетворена ощущениями того, что ты нужен семье, детям, внукам, возможностью служения другим людям своим профессиональным и жизненным опытом, а также сохранившимися способностями. Эта потребность в своём самом благородном варианте приобретает характер творческой потребности, потребности в самореализации.

Полноту жизни, пожилой человек чувствует через взаимодействие с другими людьми, когда убеждается в своей необходимости, полезности. Полнота жизни, ощущение её ценности, полезности – неотъемлемое условие хорошего социального самочувствия для людей данной категории. Так на вопрос «С кем Вы постоянно общаетесь?», пожилые люди отвечают: *«Родственники, друзья»* (из интервью с Е.Г., 67 лет, бурятка, высшее образование, г. Улан-Удэ). *«С братьями, с детьми, внуками и соседями».* (Из интервью с А.А., мужчина, 66 лет, бурят, высшее образование, г.Улан-Удэ). *«Общаюсь я с друзьями и родственниками, не со всеми, конечно, но с большинством, наверное, точно. Общаемся в основном по телефону»* (из интервью с А.Б., 64 года, бурятка, среднее профессиональное образование, с. Хурамуша Иволгинского района). *«Общаюсь всё время с коллегами по работе, с клиентами, с детьми, родственниками, близкой подругой, соседями»* (из интервью с Т.А, 58 лет, русская, среднее профессиональное образование, с. Байкало-Кудара, Кабанский район).

Таким образом, на основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что люди данного возраста по-разному адаптируются, переживают и принимают этот период жизни. Одни пытаются оставаться активными, если не физически, то через общение с окружающими, через познание, творческие планы. Другие же пытаются смириться с трудностями, и у них в большинстве образ жизни пассивный. Третьи пребывают в унынии и грустно или агрессивно воспринимают современный мир и своё место в нём. Главное, что важно для людей этого возраста, независимо от

изношенности организма, индивидуальных характерологических качеств личности и протекания в прошлом профессиональной деятельности, – специфика окружения, общения с близкими на данный момент времени и поддержание творческого, социального и интеллектуального потенциала.

Библиографический список

1. Бутуева З.А. Социальное самочувствие пожилых людей как показатель оценки деятельности социальной защиты: опыт социологического исследования в Республике Бурятия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 74-79.

ФУНКЦИО-СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ НАБОР ПЕРЕСЕЛЕНЦА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КОЛОНИЗАЦИЕЙ (НА ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

Барбенко Я.А.

Данная работа посвящена попытке освещения элементов институционального подхода в проблемном поле исследования управления переселением. Институциональный подход позволяет эффективно операционализовать используемые понятия, обладает развитым терминологическим аппаратом. Он предполагает подробный анализ функций, ролей и статусов переселенцев, градацию их, а затем поиск их взаимной связи; это достигается путём использования понятий институции, организации, института и органа (подробный анализ этих явлений см. в работах О.В. Иншакова [1; 2]).

Под управлением колонизацией будем понимать деятельность органов центральной и местной власти по организации переселения на Дальний Восток и закрепления здесь населения, в частности, – регулирование наборов прав и обязанностей, присущих каждой роли в рамках процесса колонизации, а значит и регулирование специфическими функциями, закрепляемых за ролями. К функциям управления колонизацией следует отнести а) формулирование/переформулирование наборов прав и обязанностей, б) наделение/лишение акторов наборов прав и обязанностей, в) наблюдение за правильностью использования акторами положенных им наборов прав и обязанностей.

В соответствии со взглядами О. В. Иншакова, «институции – социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия» [1, с. 44]. Исходя из этого, логическая модель исследуемой реальности выглядит следующим образом: типизированные функции социального актора → институция → роли и статусы социального актора. Таким образом, субъект управления переселением посредством институции назначает акторам роли и статусы в соответствии с выполняемыми ими функциями. Существующие роли и статусы при поддержке соответствующей им институции структурируются в организацию, то есть в «социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства» [1, с. 44]. Организация, по-видимому путём выстраивания взаимных связей ролей и статусов, ранжирует их.

Исходя из вышесказанного, значимым элементом исследования является реконструкция функций акторов, задействованных в переселенческом деле. Функции акторов переселения являются ответом на задачи, стоящие, например, перед русской колонизацией Приамурья. Акторы переселения есть материал для решения колонизационных задач, их функции – средство решения. Институции, организация, институты, органы переселения – инструменты и методы решения задач колонизации.

Функции переселенцев. Исходной точкой рассуждений являются функции переселенцев, то есть реализация их свойств. Избранный критерий позволяет выделить три вида функций переселенцев:

а) *обязанность*, подразумевающая отсутствие у переселенцев прав изменения своих занятий в результате переселения. В качестве примера можно привести служащих, гражданских и военных. Это наиболее стабильный и предсказуемый элемент переселения, но одновременно и маргинальный в силу низкой переселенческой мотивированности: большинство служащих не стремились закрепиться

на местах службы и в пределах к переселенцам отнесены быть не могут. Помимо служащих *обязанность* реализуют заключённые и ссыльные, отбывающие срок наказания на приамурских территориях; степень маргинальности этой разновидности обязанных переселенцев ещё более высока [3, с. 144];

б) *целевой характер*, подразумевающий сохранение мигрантами своих занятий в результате переселения и водворения [4]. Эта функция описывает тех, кто не нарушает (хотя бы и условный) контракт переселения. Целевые переселенцы – это стабильный, предсказуемый элемент, в силу этих качеств являющийся опорой власти на осваиваемых территориях;

в) *нецелевой характер*, подразумевающий свободу смены занятий переселенцев в результате переселения и водворения. Эта функция описывает тех, кто постоянно меняет свои занятия в период пребывания в положении переселенца. Нечелевые переселенцы – нестабильный, непредсказуемый и трудноуправляемый элемент переселения [5, с. 133-134].

Критерий выделения разновидностей функций переселенцев – это субъективная стабильность в их отношении к перспективам пребывания на местах вселения (и значит – степень управляемости переселенцев со стороны), а также планы субъекта управления переселением. Помимо представленных, общих функций переселения, в рамках исследования конкретной реальности следует определить и частные функции переселенцев, возможно в чём-то перекликающиеся с их ролями. Особенно это возможно для вольного переселения, то есть неконцептуализованного – в отличие от государственного.

Институты переселения. Субстанция институции – норма, стихийно складывающаяся или концептуально разрабатываемая и находящая своё выражение в тексте закона или подзаконного акта – не важно. Неформальные институты могут быть выявлены путём реконструкции, то есть анализа конкретных практик переселенцев, ориентированных на некое правило, сформулированное или нет – не важно. Формальные институты отражены в нормах – законах о переселении, инструкциях переселенческим организациям и др. Можно выделить три основания классификации, что позволяет учесть специфику времени, места, особенности государственной политики в отношении данной территории. **Основание А** – отношение к государству, или источник институции: государство или общество, первая пара – А1 официальная/А2 неофициальная. **Основание Б** – место происхождения институции, была ли она завезена из центра или возникла или изменилась на месте, в колонизируемом районе, вторая пара – Б1 традиционная/Б2 новационная. **Основание В** – формализованность, прописанность структуры институции в официальных нормах или существование в качестве обычая, третья пара – В1 формализованная/В2 неформализованная. Всякая институция имеет свою характеристику по каждому основанию, будучи, например, неофициальной неформальной и новационной, что означает её «народное» и местное происхождение, а также её неоформленность (стихийность). Такой подход позволяет оценить управляемость институции, её административный потенциал. Самый большой административный потенциал у официальных традиционных формальных институций. Данный способ классификации институций может быть использован для первичного отбора материала.

Статусы акторов переселения. Статусы переселенцев «защиты» в институции, являющиеся, по сути, нормами. Таким образом, норма является статусообразующим элементом; если учесть, что предварительно наблюдаемыми могут быть только нормы формализованные, то и точкой отсчёта и поиска статусов переселенцев будут законы. Статус переселенца определяется через отношение к закону и государству на данной территории. Учитывая покровительственную позицию государства к большинству переселенцев в Приамурье, которая есть следствие жёсткой необходимости к наполнению пустующих территорий жителями, можно сказать, что признаваемый государством переселенец имеет право притязать на заботу со стороны государства [4, с. 10]. Иначе говоря, *статус переселенца – это возможность актора переселения претендовать на часть социальных благ, положенных «переселенцам»*. Описать подобную ситуацию можно, используя два показателя – легальности и легитимности переселенца. Легальность подразумевает статус переселенца как

таковой. Легитимность – это наличие льгот, пособий и других имущественных поощрений для данной категории переселенцев. Учитывая, что доступ к поощрениям даёт легальность, возможность легитимности при отсутствии легальности исключена. Таким образом, по отношению к государству и закону можно выявить три класса формальных статусов (см. табл. 1).

Таблица 1 – Способ классификации формальных статусов переселенцев

класс статуса	I	II	III
основание классификации			
Легальность	1	1	0
Легитимность	1	0	0

Роли акторов в рамках переселения. Роли акторов переселения являются результатом институализации их функций, но главное – они есть средство политики государства на данной территории. Частные функции переселенцев могут быть институализованы и традицией, и государством, из чего следует, что одни и те же роли (или очень близкие по своему содержанию) могут присутствовать в деятельности носителей и формальных, и неформальных статусов. Определение конкретных ролей в связи с функциями представлено в табл. 2.

Таблица 2 – Соотношения функций и ролей переселенцев (на материале XIX в.)

категория	значение		
	обязанные	целевые	нецелевые
роли	административный служащий; военнослужащий; ссылный и заключённый	«контрактник» – наёмный работник; казак; крестьянин-переселенец за казённый счёт; русскоподданный кореец	вольный переселенец; военный запасник; бывший ссыльнопоселенец

Очевидно, что все представленные роли имеют формальный статус. Роли, относящиеся к неформальным, там, где они есть, должны быть установлены по возможности. Функциональная группировка ролей имеет своим продолжением наличие своеобразной программы дальнейших действий актора – его частные функции, как носителя данной роли, заранее определены в нормативных актах. Частные функции нецелевых переселенцев обозначены не так жёстко, возможно даже – могут не быть обозначены вовсе.

Устанавливая связи в последовательности «функция-статус-роль», мы формулируем инструмент исследования, а в реальности это есть один из объектов управленческой манипуляции. Для установления такой связи ещё раз обратимся к смыслу указанных понятий как модели объекта управления, стремясь упаковать их как можно плотнее.

Функция может быть определена как степень управляемости переселенца. Статус как отношение к закону может интерпретироваться как степень видимости актора для власти – неформальные переселенцы могут оказаться вообще вне сферы видимости власти [6, с. 126-127]. Роль, будучи образцом поведения, может быть упакована как степень предсказуемости. Получается, что с точки зрения управления отдельный переселенец может определяться как: а) высоко/низко управляемый объект, б) существующий/несуществующий для разных структур управления (администрация, полиция, казна), в) описывающийся условной формулой – образом его действий. Таким образом, *манипулирование «функцио-статусно-ролевыми наборами» переселенцев, – это один из аспектов управления колонизацией.*

Немаловажной составляющей исследования является изучение неформальных самоорганизующихся колонизационных структур. Следует помнить о том, что обе линии –

организованная и стихийная – колонизации тесно соседствуют и пересекаются в отдельно взятых людях и практиках.

Библиографический список

1. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42-51.
2. Homo institutus – Человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.
3. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
4. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 годах. СПб.: б. и., 1896.
5. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 200 с.
6. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. / дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Батьянова Л.Н.

Ключевым моментом в столь неоднозначной оценке социальной безопасности выступает социокультурная солидарность. Социокультурная солидарность – это форма проявления внутреннего единства, принадлежности к единым базовым условиям формирования народа. Эти условия проявляются неосознанно в поведении, в ментальных установках, определяют образ мысли и стратегии адаптации к социальным переменам. Если ставится вопрос о воссоздании социальной безопасности, то без знания и понимания социокультурных особенностей не обойтись.

Социокультурная солидарность базируется на экономике, религии и культуре – каркасе развития любой социальной системы [2, с. 65]. Это своеобразная социокультурная матрица развития общества. Поэтому, для возрождения социальной безопасности общества необходимо опираться на эти три стержня. Они тесно переплетаются между собой и взаимодополняются. Именно благодаря этим сферам формируется целостный мир мотивов и ценностей, представлений и идентичности, стереотипов и шаблонов мышления и поведения, как отдельного человека, так и целых народов.

Глобализация – это расширение сфер взаимодействия социума в разных областях культуры, экономики, политики, образования и т.д. Глобализация несет новые формы и условия существования человека в мире. Это отражается в том, что мир становится маленьким – не имеет значения, в какой географической точке ты находишься, на каком языке говоришь, к какой социальной группе принадлежишь – работать, развлекаться, обучаться ты можешь вне каких бы то ни было рамок и границ. Но, при этом, имеет значение, какие социокультурные условия тебя окружают, что является основой и базисом развития.

Социокультурная динамика в советском обществе была очень сильной. Сталин за 30 лет сделал то, на что во всем мире уходило 300 лет. На огромном пространстве проводилась локальная социокультурная революция, когда под эгидой национальных строек формировалась нация – жителей советского союза, у которых не было ни национальных особенностей, ни религиозных отличий, были лишь сплывающие основания – цель и задачи коммунистической партии. Объединение Европы в конце XX века иллюстрирует схожую схему, которую в нашей стране уже реализовали [3, с. 117].

Данная политика плодотворно влияла на формирование уникальной русской культуры, но в то же время тормозила процессы коммуникации с другими культурами, народами, государствами.

Нынешние процессы глобализации ускоряют социокультурную динамику российского общества, все более и более интенсивно включая его в общемировые процессы трансформаций, на всех уровнях – от экономики и политики, до культуры и личной жизни. Но сложность вхождения в эти процессы заключается в том, что в российском обществе нет единого социокультурного потенциала. Наше общество раздроблено на множество разнонаправленных сфер (в силу внутреннего соединения разных культур, народов и этносов). Многие из этих сфер автономны и не подчиняются общим принципам, поэтому российское общество нельзя в полной мере отнести ни к традиционному, ни к модерному, ни тем более – постмодерному. Пенсионеры как социальный слой выключены из социальной динамики. С другой стороны молодежь включена в социальную динамику, но не имеет социальных и моральных ориентиров (примером этого явилась Манежная площадь 2010) [1]. Государство без силовых способов не смогло справиться с этой проблемой (против подростков поставили войска – это говорит об идеологической некомпетентности государства). Также произошло сильное внутриклассовое различие управляющего персонала и работников (экономическое состояние и в связи с этим качество жизни, досуг, интересы стали настолько разными, что они не могут вне работы взаимодействовать).

Процессы социокультурной солидарности сопровождаются латентными изменениями, а затем возникают видимые признаки изменений, которые отражаются в социально-политических трансформациях и социальной безопасности страны и затрагивают все социальные группы. Кардинальные перемены в общественном строе России наступили с распадом Советского Союза после 90-х годов. До этого момента, советская идеология определяла все сферы жизни жителей нашей страны. Но эти трансформации не были спонтанными, процессы распада формировались постепенно, накапливая массу и объем.

В современной России принципиально изменились общественные отношения, которые хотя до конца еще не осмыслены, но они в значительной мере влияют на безопасность в обществе. Также, система управления «всем и вся», характерная для СССР, в нашей стране полностью не распалась, а новая система госуправления, включающая общественность и общественное управление, безопасность общества и граждан, еще не сложилась.

Основы социокультурной солидарности России строятся на следующих направлениях: 1) на потребности безопасности человека, формируемой в обществе; 2) на потребности в экономической безопасности и стабильности; 3) на отстаивании национальных интересов; 4) на сочетании разнообразных ресурсов (природных, человеческих, интеллектуальных, информационных и т.д.) в осознанной, управляемой национальной политике и развитии страны.

Глобализационные процессы в первую очередь задействуют экономические процессы. Остальные в относительно стабильном состоянии. В нашем обществе не произошли кардинальные изменения в религиозной сфере, сфера культуры сохранила базовые категории, хотя, конечно, многое трансформировалось, но все же некий каркас, выраженный в базовых ценностях и установках остался на уровне коллективной памяти, опыта народа, они закреплены на ментальном уровне. И поэтому, полагаю, что есть перспективы для социокультурной солидарности. Надо качественно изменять экономическую ситуацию (поддержка малого бизнеса ни к чему не привела – стало быть, нынешняя программа не работает) и воссоздавать систему взаимосвязи между социальными институтами.

Основным способом реализации данных направлений выступает интеллектуальный потенциал общества – перспективы его развития, а также внедрение инновационных методов управления, базирующихся на социокультурных особенностях. Основное место в этом процессе должны занимать ценности безопасности в общественном сознании. Для этого необходимо формировать соответствующие установки в элите и народе через продуманную государственную политику и соответствующую пропаганду в СМИ.

Библиографический список:

1. Колесников В.А., Полюшкевич О.А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. 2013. № 2 (32). С. 60-63.
2. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 198 с.
3. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 168 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗОНЫ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г.МИЧУРИНСКА)

Белинская Д.В., Говердовская М.А.

Изучение города было и будет одним из приоритетных направлений для социологического исследования. Город можно рассматривать с точки зрения разнообразных аспектов: проблемы взаимоотношений (как они развиваются, насколько тесные связи между людьми), проблемы городской инфраструктуры (развитие транспорта, благоустройство улиц, парков, домов), проблемы социальной занятости населения и трудовой мобильности и так далее. Каждую из них социолог стремится разобрать, выявить главное и второстепенное, сильные и слабые стороны, найти пути решения. Но всё же исследование проблем города порой недостаточно для того, чтобы понять его, сформировать «образ», который видят как каждый житель, проживающий на территории определенное время, так и люди, находящиеся в нем проездом.

Чтобы сформировать определённый образ города и выделить характерные особенности используется понятие «социальные зоны». Дословно термин обозначает расстояние, на котором происходит взаимодействие индивидов. Но так как этот термин применяется для изучения города, будет правильнее отметить, что социальные зоны города – это области в городском пространстве, в которых происходят непосредственные социальные процессы в различных объектах жизнедеятельности.

В своей работе мы будем опираться на работы социологов, сделавших акцент на изучение разнообразных зон города, в которых проживают разрозненные социальные группы (Э. Берджесс, Р. Парк, Л. Вирт) [1; 2; 3]. По Р. Парку, городское развитие можно представить как связь трёх основополагающих принципов: рост населения и соответствующая миграция на одной территории, что влечёт за собой конкурентную борьбу, а, следовательно, это выливается в разделение труда по специальностям и формирует определённые социальные институты. Организация города формируется непосредственно из взаимодействующих индивидов, которые и осуществляют данные принципы. Э. Берджесс, изучая размещение социальных групп, отличающихся друг от друга, выделил модель пространственного расположения в форме концентрических окружностей. Позже эта модель стала известна под названием «концентрических зон». Л. Вирт рассматривает следующие зоны города: деловой район, запущенный ареал («зона перехода»), пояс рабочих домов, ареал многоквартирных домов, городской ареал, похожий на деревню и пригородный пояс.

Вслед за Л. Виртом согласимся, что город представляет собой новую форму человеческой ассоциации, и социологической точки зрения его можно рассматривать как относительно крупную, плотно сконцентрированную агрегацию гетерогенных индивидов, живущих в условиях анонимности, безличных отношений и косвенного контроля [3, с. 120].

В фокусе нашего внимания оказывается город Мичуринск. Известный в большинстве по развитию сельского хозяйства и промышленного производства, по работам ученого-селекционера И.В. Мичурина, в честь которого и был назван город, как центр сосредоточения транспортных узлов (Юго-Восточной железной дороги и автомагистрали «Каспий»), как город-наукоград.

Так как в центре внимания находится именно русский провинциальный город, средний по своим размерам можно будет выделить следующие зоны: научно-исследовательскую, спортивную, культурно-развлекательную; транспортную, периферийную.

Признак, на основании которого произошло разделение, связан со сферами деятельности, по которым город можно отличить от других, и которые могут стать основами для формирования образа города.

Научно-исследовательская зона. Как известно, в каждом городе есть общеобразовательные учреждения: школы, гимназии, лицеи. Но город Мичуринск известен именно по одноимённому названию аграрного университета, который является центральным как в городе, так и в области.

Важно отметить тот факт, что на базе аграрного университета и создан был ВНИИС – Всероссийский научно-исследовательский институт садоводства. Безусловно, выпуск специалистов в аграрной сфере представляется актуальным заданием в научно-исследовательском пространстве города.

Каждый город стремится оставить след в истории России, а, следовательно, и в сознании горожан. И если же периоды прошлых веков можно просмотреть в книгах по краеведению, то сейчас историю города наглядно можно наблюдать и в визуальном формате интернет пространства. Путешествие по музеям и библиотекам городов становится интереснее, но отличие именно провинциального города, в том, что его культурная среда гораздо интереснее и разнообразнее для изучения.

Начнем с украшений города, которые приобретают социальную значимость с течением времени (см. рисунок 1).



Граффити на ограждении вокруг завода «Прогресс»



Дом из бутылок на перекрестке Январской и Украинской

Рисунок 1 – Элементы украшения города

На рисунке представлено граффити посвященное памяти Великой Победы. Граффити украшает ограждение завода «Прогресс», именно с задней части, так как там менее живописно и люди, видят лишь серые цвета. Кроме того, рисунок носит патриотичный характер, подчеркивая важность победы в войне.

Другой особенностью является своеобразное строение, находящееся недалеко от центра города, на перекрестке улицы Украинской и Январской, дом из бутылок. Своеобразное произведение искусства, но и оно наделено социальным смыслом.

То, что люди могут создавать подобное, говорит об их мастерстве и о наличии идей, сначала кажущихся необычными, может быть даже девиантными, а потом немного восхищающими. Все-таки создать такое, может терпеливый, волевой человек, что является отличительной особенностью для жителей провинциальных городов.

Культурно-развлекательная среда в городе также выражается в наличии известных Парков культуры и отдыха и Площади Славы. Ведётся их постоянная реконструкция, усовершенствование, так как оба они служат местом отдыха горожан. Прогулки молодых мам с детьми, игры на свежем воздухе, и так далее – все это отражено именно здесь. Следует сказать, что границы культурной зоны города Мичуринска вполне четко обозначены улицами Советская и Интернациональная. Культурная зона включает в себя большое количество памятников архитектуры и находится под особым контролем городской администрации.

Спортивная зона. Спорт во все времена был и будет одним из главных видов деятельности. В первую очередь отметим, что в Мичуринске особой популярностью пользуются два вида спорта: хоккей и футбол. Так как на настоящее время имеем два отреставрированных места для спортивных игр – стадион «Локомотив» и ледовая арена «Темп».

Реконструкция спортивных сооружений наполнение их новыми функциями, сделала эти места центром притяжения людей разных возрастных групп, посещений стало намного больше, кроме того, регулярными стали хоккейные и футбольные матчи не только между местными командами, но и межрегиональные соревнования.

Транспортная и периферийная зоны чем-то похожи. Ведь под периферийной зоной мы понимаем улицы и площади, все, что позволяет одной социальной зоне взаимодействовать с другими. Отметим, что в центре города существует несколько улиц с соответствующими названиями, и они пересекаются одной главной. Объясним, почему это важно. Начинается город с улицы Красной, затем следуют улицы Полтавская, Украинская, Гоголевская, Коммунистическая, Революционная и главная пересекающаяся улица Советская. По мере восхождения к центру города можно проследить историю советского периода. Улицы несут именно этот смысл. Кроме того, это очень бросается в глаза гостям города.

Следующее, что заслуживает внимание – это площадь Мичурина. Она особняком находится на улице Советской. В будничные дни это обычное место передвижения различных групп лиц, но с наступлением праздников это место оживает. Со всем концов города люди приезжают ради торжеств, происходит смешение городских жителей и сельских. Отметим, праздник как нечто особенное больше воспринимают именно сельские жители – для них один из поводов приехать в город.

Что касается транспортной зоны, то Мичуринск – один из крупнейших транспортных узлов железнодорожной Юго-Восточной магистрали, которые позволяют наблюдать различные миграционные процессы. Ежедневно несколько сотен или даже тысяч человек перемещаются сквозь городские пространства нашего города.

Каждая по отдельности зона подтверждает тот факт, что пространство города неоднородно. Но и рассматривать по отдельности, без связи пяти зон не возможно, так как городское пространство это целостная структура.

Исходя из описания каждой социально-значимой зоны, можно сделать вывод о городском пространстве. Оно достаточно разнообразно и, естественно, существенно отличается от других городов, как историей города, так и постройками. Кроме того, сразу можно найти отличительные особенности Мичуринска как провинциального города в неспешном ритме города.

Библиографический список:

1. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1-2.
2. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
3. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005.

УСЛОВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО ДАННЫМ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Богатова О.А.

К числу актуальных социальных проблем современного российского общества, для изучения которых представляет методологические инструменты качественная социология, относится проблема формирования общероссийской национально-гражданской идентичности, которое является одной из официально декларированных целей российской политической элиты. Эта проблема снова стала предметом общественной дискуссии в конце 2016 г., в связи с озвученной на заседании

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00145 а «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия»)

президентского Совета по межнациональным отношениям инициативе по разработке федерального закона «О российской нации и управлении межэтническими отношениями». Принимая во внимание практический, а не аналитический характер концепта «нации», реализация которого всегда опосредовано его «воображением» в массовом сознании, целесообразно обратиться при оценке её уже имеющихся и возможных результатов к качественным методам социологического исследования в дополнение к количественным социологическим данным, демонстрирующим динамику роста лояльности по отношению к этому проекту населения различных регионов России, включая республики в её составе.

Современный российский этнополитический дискурс характеризуется двойственной и компромиссной интерпретацией российской национальной идентичности, которая характеризуется В. А. Михайловым, В. А. Тишковым и другими идеологами российской этнической политики как двухуровневая и включающая, наряду с национально-гражданской, иерархически подчинённую ей этнонациональную идентичность: по выражению В. А. Тишкова, «российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций. Таким образом, Россия – это нация наций» [1, с. 74].

Эта идентификационная матрица основана на компромиссных формулировках Конституции РФ, провозглашающей верховным источником государственной власти на всей территории страны «её многонациональный народ» (ст. 3) и называющей республики в её составе «государствами» (ст. 5), декларирующей равноправие всех субъектов Федерации одновременно с «равноправием и самоопределением народов» (ст. 5), и аналогична «матрешечной», по терминологии П. Ратленда, позднесоветской модели гражданской идентичности, «в которой несколько уровней идентичности вкладывались один в другой. Самый верхний уровень «советский народ», выходящий за пределы этничности, черпал силы из общих достижений, таких как освоение космоса и победа в Великой Отечественной войне» [2, с. 174].

Трансформация содержания понятия «гражданской нации» в России в направлении этноцентристского «стратегического эссенциализма» — от нации как сообщества граждан к сообществу народов и регионов – состоялась во второй половине 2000-х гг. Такое понимание, помимо вторичной политизации этничности, также включает по крайней мере частичный возврат к советской политике её территориализации, очевидно, рассчитанной в первую очередь на политические элиты титульных этносов республик в составе РФ, которые могут рассматривать их в качестве формы своего политического самоопределения (хотя непосредственно из Конституции РФ этого не следует). Популяризируя эту точку зрения, Р. Г. Абдулатипов и В. А. Михайлов утверждают, что «исторически сложилось так, что одни этносы (наиболее крупные) обрели самоопределение в Российской Федерации в форме республик, другие в форме автономий, национальные меньшинства могут объединяться в экстерриториальные национально-культурные автономии» [3, с. 254].

С целью прояснить и конкретизировать представления о российской национальной идентичности и факторах её формирования наряду с наиболее значимыми факторами конструирования и поддержания региональной социальной идентичности, в июле 2016 г. нами в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» было проведено качественное социологическое исследование, включавшее три фокус-группы на тему «Народ России: что нас объединяет?» среди жителей Республики Мордовия: горожан с высшим образованием (ФГ-1), сельских жителей с различным уровнем образования (ФГ-2), горожан со средним образованием (ФГ-3) с участием представителей наиболее многочисленных этнических групп населения республики — русских (составляющих 56% населения республики, согласно Всероссийской микропереписи населения 2015 г.), мордвы (39%, по данным микропереписи) и татар – в каждой группе.

В ответах участников фокус-групп на вопрос: *«Являются ли все граждане России, будучи представителями разных национальностей, религий и культур, единым российским народом (по*

аналогии с американским, французским и др.)?» доминировало мнение о российском народе как о единой общности: *«Изначально я родился в мусульманской семье, в которой прививалась не то что вражда, а уникальность мусульманского народа. Вырос, я учился в школе, у меня было огромное количество друзей, которые были различных национальностей и, прожив еще в других городах, уверен, что народ России – это единый народ, и можно сказать, что он разный в тех же случаях, как разные люди живут в соседнем районе города. Потому что, будучи на различных мероприятиях, фестивалях, съезжались люди с различными, не то что мировоззрением, а с идеями, я видел, что в основном объединяет большие идея, нежели мы друг от друга отличаемся. Даже те же самые южные ребята, у них условия заработка другие, и поэтому они так себя ведут, а если они с простыми ребятами разговаривают, они такие же, они такие же люди со своими такими же проблемами. То есть я уверен, что народ России – это единый народ»* (ФГ-3, 31 год, татарин, предприниматель).

К числу объединяющих российский народ факторов участники фокус-групп относили информационно-коммуникационные механизмы, включая общий язык, образование, а также унаследованную от советского периода культурную гомогенность, постулируя связанную с ней относительно слабую социально-экономическую дифференциацию между самыми многочисленными слоями населения: *«У нас нет такого размежевания, чтобы, извините, в пяти милях друг от друга район миддл класс, район лоу класс и район хай класс. У нас этого пока ещё нет. Здесь ещё вот это сочетание «из грязи в князи», и когда социокультурный код для всех одинаков... вот эти шутки действующего президента, которые понятны всем на всей территории, и не только России, а всего бывшего СССР, показывают, что пока есть единый культурный код, то есть нация»* (ФГ-1, 42 года, русский, учитель).

Проблематизация особенностей Мордовии как полиэтнического и поликультурного региона в ходе дискуссии позволила выявить, наряду с официальным дискурсом многонациональности как бренда региона (*«многонациональность нашей республики – это уже визитная карточка наша. Если даже вспоминать те же билборды, которые встречают приезжающих – там обязательно и мордовочка, и татарочка, и русская. Это отличает нас от других, и это хорошо»*) (ФГ-2, 25 лет, русская, безработная), также точку зрения, согласно которой республика является не более этнически специфичным регионом, чем соседние области: *«Вы неправильно говорите, что у нас исключительно многонациональный регион. У нас русифицированные мордва, которые не знают ни своей культуры, ни своего языка в основном, в основном русифицированные татары, которые тоже в основном культуры не знают, так называемые мишари, поволжские татары, и единственный, кто особняком держится, это белозерские татары, и вот с ними сразу возникают проблемы. Поэтому если бы у нас был какой-нибудь другой регион, Нижегородская область, где много кавказцев, то там это минус, что там налицо противоречия между разными национальностями. А у нас в основном русифицированные, потому нельзя говорить, что у нас многонациональный регион, и поэтому это плюс. ... Я разговариваю с человеком, и нигде не написано, что он мордвин. У нас и в паспортах не написано, и он мне лично не скажет. По мне тоже не скажешь, что я татарин, хотя я разговариваю на татарском языке»* (ФГ-1, 27 лет, татарин, государственный служащий); *«Я вообще не вижу нас как многонациональную территорию. Я не могу никого назвать мордвином, ну, если в глухую деревню я приеду, я могу там найти... Но сейчас, по-моему, настолько республика, главенство искусственно поддерживает вот эту национальную специфику, но она постепенно умирает сама по себе. Смогут они восстановить это или не смогут? Но я не могу определить ни татарина, никого, пока он сам не сказал»* (ФГ-3, 25 лет, русский, рабочий).

В отличие от экспертов, участники фокус-групп были склонны рассматривать хабиитуализированное состояние межэтнической интеграции на основе доминирующей русской культуры «естественным» и нормальным, а этнизацию публичной сферы – как «искусственный» и навязанный сверху процесс: *«Считаю, что препятствия какой-нибудь национальности у нас нет. Как уже замечалось, иногда даже наоборот, какие-то искусственные, поддельные способы, чтобы*

вот так выделить какую-нибудь национальность, которой абсолютно не нужно, те же места в университете национальные – это есть некоторые мордвины, а некоторые просто записываются мордвинами, вот вспомнили. Он мордовский не знает, но из семьи мордвинов. Как бы вот это ненужные меры дополнительные. Когда собственно препятствий у меня нет, когда вот армяне живут, есть только языковые препятствия. И вот это изучение сейчас в школах мордовского языка – это тоже по желанию надо делать, а не искусственно навязывать, чтобы все знали (ФГ-3, 26 лет, русский, рабочий); «Когда мы проводим большое мероприятие «Шумбрат, Мордовия!», заключительный концерт, в котором 60 номеров, наш район выступает и почему-то татарских номеров – всего один – два номера. ... В меня с партийных времен вдолбили, что нужно все строить по процентному соотношению – больше никак мы не сможем ответить, почему вы этой национальности номеров больше поставили, а этой меньше. Но вот на уровне республики почему-то мы мордовских много номеров вставляем. Пусть мордва на меня не обижается – здесь есть представители. Я считаю, что на уровне республики этот баланс не соблюдается. И это очень плохо, потому что народ, который там сидит (я же с ними общаюсь и вижу их настроение) – они недовольны. Вот даже это тоже надо просчитывать» (ФГ-2, 64 года, русский, муниципальный служащий).

Таким образом, представления респондентов о формировании российской национально-гражданской идентичности в основном соответствуют модели экспансии «большой культурной традиции» Э. Геллнера и формирования идентификации с ней в процессе социализации индивида, российская нация рассматривается ими в большей степени как сообщество граждан, чем этнических групп, а этнокультурное многообразие – как продукт институциональной среды а той же степени, как и единообразие, а придание региональной культурной политике этнонационального характера – как в большей степени конфликтогенный фактор, чем способствующий укреплению единства гражданской нации.

Библиографический список:

1. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. 84 с.
2. Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // Политические исследования. 2011. № 2. С. 172-189.
3. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 102 с.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УЛАН-УДЭ)

Бреславский А.С.

В этих тезисах будут представлены основные результаты проведенного автором исследования геокультурных образов современного Улан-Удэ [1] – многонациональной столицы Республики Бурятия, одного из крупных городов Восточной Сибири, история которого обладает той многослойностью, которая характерна для городов дореволюционной застройки, кардинально изменившихся в советский период. Цель этой работы заключалась в том, чтобы представить постсоветский Улан-Удэ, городскую историю и культуру через связанные с ними образы городского пространства. Методологически исследование опиралась на ландшафтно-образный подход к изучению культурного пространства города [2;3] и, в частности, на визуальный (ландшафтный) и документальный (неландшафтный) анализ городского текста.

В результате мы пришли к выводу, что Улан-Удэ, характеризующийся общими для многих российских городов качествами, одновременно обладает целым рядом историко-культурных особенностей, формирующих отличительный метатекст городской культуры. Развитие культурного

пространства Улан-Удэ в постсоветский период его истории было связано с потребностями самоопределения города, переосмысления городской идентичности в новых политико-экономических и социокультурных условиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. Существенную роль в этом процессе сыграли развернувшиеся в Республике Бурятия со времени перестройки процессы этнокультурного и, в частности, религиозного возрождения у бурят и русских. В связи с развитием Байкальской туристической зоны, начиная с 2000-х гг., на формирование и утверждение пространственных представлений об Улан-Удэ, составляющих его культурное пространство, существенное влияние оказал туристический вектор развития города и республики. Это выразилось во множественных эффектах фольклоризации и экзотизации культурного ландшафта города, манифестации его исключительности.

В исследовании в ходе анализа исторических особенностей города, нарративов административного, академического, туристического, художественного дискурсов о постсоветском Улан-Удэ, а также материалов дискурса СМИ нами были сформированы предпосылки для определения и легитимации современных образов города. Учитывая исторический контекст, мы определили семь наиболее мощных контекстов (групп признаков), характерных для постсоветского Улан-Удэ. Они получили названия: «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о «Старом городе», «Улан-Удэ и память о «советском», «город-деревня», «город окраин» и, наконец, «город культур».

Графически эти контексты и составляющие их образы представлены на рис. 1.

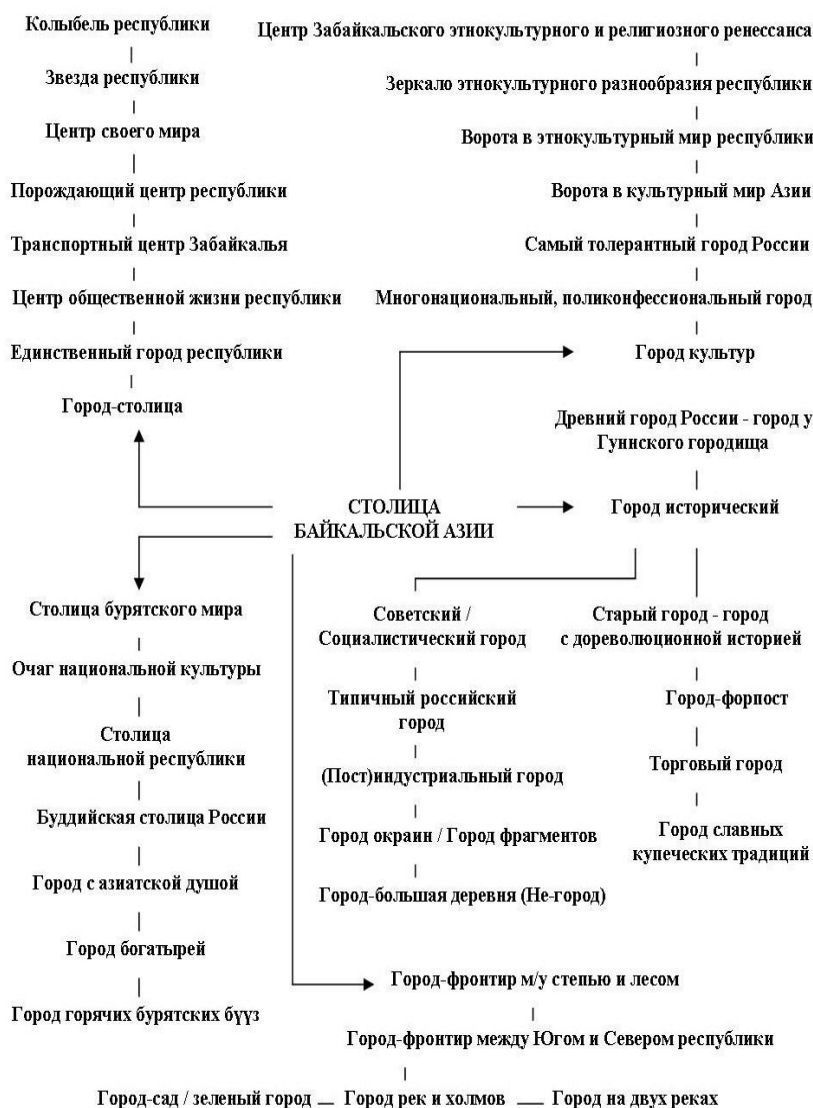


Рисунок 1 – Карта геокультурных образов Улан-Удэ

Это и есть образная карта Улан-Удэ, которая может быть использована как основа для моделирования геокультурных образов территории, важных как минимум с точки зрения туристического брендинга.

В работе было показано, как каждый из выявленных культурных контекстов связан с дореволюционными и советскими историко-культурными реалиями города. В ходе анализа эмпирических данных мы выяснили, что восприятие Улан-Удэ в качестве «города-столицы» опирается на представление о нем как о «единственном городе республики», «общереспубликанском центре», «центре общественной жизни республики», «городе, устремленном в будущее», «транспортном узле Забайкалья», «порождающем центре республики», «центре своего мира», «звезде республики», «колыбели республики». Культурный контекст «город с азиатской душой» выстраивается на основе таких образов, как: «столица бурятского мира», «очаг национальной культуры», «столица Байкальской Азии», «буддийская столица России», «ворота в культурный мир Азии». Воспроизводство культурного контекста «Верхнеудинск в Улан-Удэ» связано с артикуляцией его дореволюционного прошлого и образов «города-форпоста», «старого города», «города исторического», «торгового города», «города славных купеческих традиций». «Советское в постсоветском Улан-Удэ» обнаруживается в ходе его интерпретации в роли «советского», «социалистического», «(пост)индустриального города», «типично российского города», «советской столицы национальной республики». Контекст «город-деревня» включает такие пространственные представления, как «маленький город», «большая деревня», «не-город». В качестве признаков «города окраин» нами обозначены следующие образы постсоветского Улан-Удэ: «город фрагментов», «город-мозаика». Наконец, заключительный контекст, представляющий постсоветский Улан-Удэ как «город культур», был описан нами исходя из представлений о нём как о «многонациональном», «многоконфессиональном» городе, «самом толерантном городе России», «воротах в этнокультурный мир республики», «зеркале этнокультурного разнообразия республики», «центре Забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса».

Важно отметить, что изначально мы рассматривали каждый из культурных контекстов как отдельный фрагмент культурной реальности города, самостоятельную, автономную структуру, способную в определённых условиях «закрыть» собой остальные. В заключительной части мы проанализировали выявленные контексты в их совокупности, представив модель культурного пространства постсоветского Улан-Удэ. Данное пространство было представлено и интерпретировано нами как совокупность сосуществующих контекстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту (главный признак) и организуется вокруг существующих в ландшафте знаковых мест (модель места как палимпсеста) [4, с. 21]. Это позволило не только соотнести содержащиеся в контекстах признаки города и соответствующие им знаковые места, но и прояснить характер корреляционных и иерархических связей между контекстами.

Рассмотренные в таком ракурсе контексты, как показало исследование, представляют культурное пространство постсоветского Улан-Удэ в качестве системы, воспроизводящейся на основе сосуществования трёх исторических реальностей (дореволюционной, советской и формирующейся постсоветской). Органичное переплетение этих реальностей в современной ситуации обеспечивается во многом за счёт представления о городе как о (неизменном) историческом центре, столице региона, республики. В архитектурно-средовом смысле эту интегрирующую роль играют знаковые сегменты городского ландшафта, отчетливо сигнализирующие о том, продуктом каких исторических эпох является город.

Второй значимой составляющей культурного пространства постсоветского Улан-Удэ являются реалии сосуществования и взаимодействия различных культур и, в частности, религий и верований (главные из которых в городе сегодня – буддизм, православие и шаманизм). При этом в системе пространственных представлений о современном Улан-Удэ, как показало исследование, доминирующее положение приобретает идея «города с азиатской душой», «города-столицы Байкальской Азии». В целом, мы можем говорить о двух доминантных контекстах культурного

пространства современного Улан-Удэ – контекстах, представляющих его в качестве «исторической столицы» и «города с азиатской душой».

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что в дискурсном «столкновении», связанном с утверждением образов города, наибольшую поддержку имеют четыре контекста – «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о «Старом городе», «город культур». Именно они сегодня и задают рамку культурного восприятия города. Оставшиеся три контекста («Улан-Удэ и память о «советском», «город-деревня», «город окраин»), весьма значимые с точки зрения наличной реальности города, в целом выпадают из его официальной (публичной) презентации, оставаясь значимыми на уровне повседневности (повседневного дискурса).

Среди образов пространства постсоветского Улан-Удэ, формирующих отличительный метатекст городской культуры, можно выделить основные: «город-столица», «столица Азии Байкальской», «столица бурятского мира», «город исторический», «торговый город», «город славных купеческих традиций».

Исследование структуры и содержания культурного пространства постсоветского Улан-Удэ позволило выявить многообразные связи между современными пространственными интерпретациями города и его дореволюционной, а также советской историей. Это дало возможность говорить о том, что культурное и историческое восприятие города сегодня особенно тесно связаны. Перечисленные выше пространственные представления о постсоветском Улан-Удэ отражают его глубокую политекстуальность, которая оказалось значимой на современном этапе развития города. Вместе с тем, артикуляция того или иного представления об Улан-Удэ зависит от задач его (вос)производства, формулируемых и реализуемых разного рода общественными акторами. Показательно доминирование образов «столицы Байкальской Азии» и активное развитие образа «древнего города» до 2013 г., связанного с Гуннским городищем, ставших значимыми с точки зрения публичной (внешней) репрезентации. Интрига современной ситуации заключается, пожалуй, лишь в том, что все происходящие события – это лишь начало будущих изменений, участниками которых горожанам ещё предстоит стать.

Библиографический список:

1. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 156 с.
2. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 448 с.
3. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
4. Митин И.И. Место как палимпсест // 60-я параллель. 2008. № 4(31). С. 20-25.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Вершинина И.А.

Города существуют несколько тысячелетий, однако, наиболее интенсивная стадия урбанизации приходится на вторую половину XX – начало XXI вв. Сегодня рост численности мирового населения и рост городов – это две составляющие одного и того же процесса. В 1900 году 86% населения земли проживали в сельской местности, в 2000 году – уже 52%, в 2008 году впервые в истории человечества большинством на планете оказались горожане [1, с. 3-5; 2, с. 1]. По прогнозам ООН, к концу 2016 года доля городского населения в мире составит 54,5%, а к 2030 году 60% людей будут жить в городах [3, с. 2]. Стремительное увеличение доли городского населения приводит к кардинальному изменению повседневной жизни значительной части мирового населения. Меняются образ жизни и модели поведения. Городская среда порой начинает восприниматься как естественная среда обитания человека, хотя не является таковой.

Идеалы эпохи Просвещения, рассматривавшей природу как мастерскую, способствовали распространению представлений о том, что человек стоит над своей естественной средой обитания. Способность создавать искусственную среду – города – лишь добавила самоуверенности. Город традиционно описывали как обиталище цивилизованного человека, поскольку именно в городе человек создал философию и науку: «Это, стало быть, означает, что именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей» [4, с. 3]. Города становятся огромными лабораториями для экспериментов в самых разных сферах. В городах культура «обретает пространство», то есть способствует физической и концептуальной локализации социальных отношений и практик [5, с. 167]. По словам представителя Чикагской школы социологии Р. Парка, город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями [4, с. 4]. В социологии город традиционно рассматривается как мир, сотворенный человеком, к которому необходимо приспособляться, и одновременно как лаборатория для изучения социальных проблем.

Научные исследования говорят о том, что, несмотря на то, что среднестатистический горожанин не ориентируется в природной среде, не владеет ее грамматикой и лексикой, в нас по-прежнему живут отголоски некой глубинной, первородной связи с нашей естественной средой обитания [6, с. 33]. Оказалось, например, что пациенты медицинских учреждений, которые видят за окнами деревья и траву, выздоравливают быстрее и меньше нуждаются в обезболивающих препаратах, чем те, кто наблюдает лишь бетон и асфальт. Признание того факта, что город не является для нас естественной средой, должно способствовать распространению попыток сохранения природы и ее воссоздания в отдельных районах города. В искусственной среде должны быть очаги среды естественной. Зеленые зоны становятся все более востребованными местами отдыха в современных городах, так как позволяют сменить урбанистический пейзаж на что-то более близкое нам. В районах, где представлена естественная среда обитания с зелеными насаждениями, люди чувствуют себя более счастливыми, уровень сплоченности и готовности помочь друг другу выше, а агрессии и, соответственно, преступности ниже [7].

Городское пространство представляет собой сложное образование, которое невозможно анализировать, используя концептуальный и методологический аппарат лишь одной из наук. Британский географ Д. Харви с 1970-х годов пытается осуществить синтез социологии и географии. На основе идей К. Маркса и географической теории он анализирует взаимосвязь между пространством, политикой, капитализмом и социальными проблемами [8, с. 17]. Д. Харви считает, что проблемы городских исследований связаны с академической и профессиональной специализацией, предполагающей изучение отдельных аспектов городских процессов представителями разных наук: «Социологи, экономисты, географы, архитекторы, градостроители, и так далее, все возделывают свои одинокие поля и живут в своих собственных ограниченных концептуальных мирах» [8, с. 22]. Город, по его мнению, может быть рассмотрен только на основе междисциплинарного подхода. Д. Харви же констатирует тот факт, что каждая дисциплина использует город как лабораторию, в которой проверяет свои утверждения и теории, но при этом дисциплины и теории о самом городе нет.

Наиболее продуктивным Д. Харви считает возможный союз географии с социологией. Он полагает, что география не может не замечать городскую нищету и социальную несправедливость. Город не может рассматриваться исключительно как пространственное образование, географы, по его мнению, обязаны анализировать социальные аспекты функционирования разных населенных пунктов. Чтобы понять происходящее в городах, необходимо знать основные проблемы городского планирования, жилищного вопроса, занятости, концентрации бедности и так далее. Хотя центральным вопросом городских исследований, по мнению Д. Харви, должна стать взаимосвязь

между социальной справедливостью и пространством. Разный уровень социального и экономического развития препятствует устойчивому развитию и решению городских проблем.

Попытки объединить подходы разных наук к изучению городов предпринимались и раньше. Уже упоминавшийся представитель Чикагской социологической школы Р. Парк также говорил, что анализ городского пространства требует объединения усилий географии, экологии и экономики [9, с. 2], но надеялся, что обеспечить этот синтез сможет именно социология. Р. Парка довольно часто называют основателем социальной экологии, которая особенно актуальной и востребованной стала в последние десятилетия. Глобальный характер экологических проблем приводит к изменению климата, а, следовательно, и пространства, тем самым ставя под угрозу существование множества биологических видов. Международные организации уже несколько десятилетий призывают человечество к бережному отношению к окружающей среде для сохранения климатической системы и биоразнообразия в интересах нынешнего и будущих поколений. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун регулярно напоминает о стремительной урбанизации в мире и призывает к новым подходам к устойчивому развитию населенных пунктов [10]. Решение проблем стремительной урбанизации стало одним из пунктов Повестки дня Организации Объединенных Наций (ООН) в области устойчивого развития на период до 2030 года. Грамотное планирование содействует обеспечению равного доступа к услугам, рабочим местам и возможностям, поэтому строительство экологически устойчивых, интегрированных в социальном плане и процветающих населенных пунктов становится одной из главных задач. Однако для эффективного ее решения недостаточно усилий только социологов, географов или экономистов. Городское пространство может стать комфортным и удобным для своих жителей только лишь при условии междисциплинарного подхода к его изучению и формированию. Современная урбанистика требует объединения усилий социологов, географов, архитекторов, экологов, психологов, экономистов и представителей многих других наук. География, которая традиционно рассматривалась как основа урбанистики, лежит в основе событий человеческой истории, но является для нее, прежде всего, фоном [11, с. 52]. Понять городское пространство во всем его многообразии может помочь лишь комплексный подход к его изучению. Сложность урбанизации породила корпус текстов, посвященных этому процессу во множестве его форм, и этот корпус текстов, по словам В.Л. Глазычева, образует урбанистику [12, с. 22]. Насколько можно говорить об урбанистике как о сложившейся науке, вопрос спорный, но то, что мы имеем дело с уже зрелым знанием, по его мнению, сомнению не подлежит.

Библиографический список:

1. Palen J.J. The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008.
2. Мартин Дж. Доклад Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения «Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизация» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2007.pdf>.
3. The World's Cities in 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf.
4. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 3-12.
5. Лоу С.М. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016.
6. Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблшер, 2016.
7. Kuo F.E., Sullivan W.C. Environment and crime in the inner city. Does Vegetation Reduce Crime? // Environment and Behavior. Vol. 33. No. 3. May 2001. P. 343-367.
8. Harvey D. Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009.
9. Park R., Burgess E. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

10. Пан Ги Мун призвал строить экологически устойчивые и благополучные города [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24820#.Vp3ivE_oRVc.

11. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.

12. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Издательство «Европа», 2008.

РОДИТЕЛЬСТВО И РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД В КРУПНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Ворошилова А.И., Мосеева П.С.

В связи со сложной демографической ситуацией в современной России [1; 4; 5] особенно актуальными являются вопросы изучения семьи, родительства и родительского труда [2]. В то же время, с развитием технологий и Интернета появляются новые возможности для проведения социологических исследований. Было бы неправильно не учитывать преимущества сбора информации о родительстве, отношении к семье и образе родительского труда в массовом сознании через Интернет и социальные сети.

В 2016 году в Уральском регионе было проведено исследование крупнейших сообществ наиболее популярной на территории России и стран СНГ социальной сети «ВКонтакте» на предмет образа родительства и родительского труда. Единицей анализа являлся «пост» (от итал. *posto*, прич. прош. от *porre* «помещать», ср.: народнолат. *positum* «помещённый») - обособленная информационная единица сообщения в новостной ленте сообщества, содержащая законченную мысль.

Количество участников сообщества, посвященного семье и родительству, на момент сбора информации составляло 2 063 619 человек. Генератором случайных чисел были выбраны 5 недель (10% от 52 недель года), размер постов, вошедших в выборочную совокупность за эти недели, оказался равным 1473 записям.

По итогам проведенного контент-анализа крупнейшего виртуального сообщества были выявлены особенности тиражируемого образа родительства и родительского труда в социальных сетях [3]. Дальнейшее сопоставление полученных данных с результатами контент-анализа других крупнейших сообществ (порядка миллиона подписчиков и более) подтвердили выделенные тенденции и характерные черты образа родительства и родительского труда. Это позволяет сделать вывод о некоторой типичности представленных в сети характеристик образа родительства и родительского труда.

К основным выявленным нами чертам современного образа родительского труда можно отнести следующие характеристики:

1. Ключевой фигурой современного образа родительства с точки зрения субъекта родительского труда является мать (о ней говорится в 79 % всех записей). Отец в родительстве представлен скорее второстепенной фигурой (упоминания о нем содержат 8 % записей), чаще вместе с матерью (9 %). Бабушки и дедушки как субъекты родительства представлены очень мало (около 4 % всех постов).

2. С точки зрения количества детей в семье также можно выделить значительную асимметричность представленного в сети образа: абсолютное большинство постов представляют собой образ однодетной семьи (чаще всего – матери с младенцем). В постах образ одного ребенка упоминается в десять раз чаще, чем образ двухдетной семьи, не говоря уже о многодетной семье.

3. Ключевое внимание подписчиков виртуальных сообществ по семье и родительству сосредоточено вокруг младенческой стадии родительского труда. Во многом это может быть обусловлено возрастом подписчиков (аудитория «ВКонтакте» в среднем моложе 35 лет), однако также говорит и о большом информационном голоде на данной стадии родительского труда.

4. Было отмечено, что объем внимания, посвященный бытовому физическому уходу, значительно меньше, чем объем внимания, посвященный эмоциональному взаимодействию (26 и

38 % соответственно). То есть акцент родительского труда смещен к формированию морально-нравственного, духовного капитала ребенка, что позволяет некоторым образом оценить приоритеты современного стиля родительства и прогнозировать будущие характеристики человеческого капитала.

5. «Латентная» проблемность образа родительства выражена в том, что несмотря на в целом позитивный образ родительства (встречающийся в 58 % постов, в то время как нейтральных постов обнаружено 35 %, а негативных – 7 %), мы выявлены определенные острые проблемные зоны, привлекающие наибольшее число обсуждений и объема внимания подписчиков. Анализ этого проблемного поля показал, что вопросы от подписчиков (которые составляют 7 % от представленного информационного потока) распределены следующим образом:



Рисунок 1 – Распределение вопросов подписчиков по тематике

1. Вопросы о физическом уходе и здоровье:

- вопросы по уходу за ребенком, организации питания, гигиены и проч. (43% от общего числа вопросов).

- вопросы по группам заболеваний: кожные заболевания (5 % от общего числа вопросов), врожденные патологии (4 % от общего числа вопросов), заболевания дыхательной системы (3 % от общего числа вопросов), кишечные заболевания (3% от общего числа вопросов), глазные заболевания (1 % от общего числа вопросов), заболевания сердечно-сосудистой системы (1 % от общего числа вопросов).

- вопросы по здоровью матери: кормление (8 % от общего числа вопросов), беременность (7 % от общего числа вопросов), состояние здоровья женщины после родов (4 % от общего числа вопросов).

2. Вопросы организации досуга

- матери (2 % от общего числа вопросов);

- ребенка (6% от общего числа вопросов).

3. Вопросы воспитания и обучения (10 % от общего числа вопросов):

4. Вопросы социализации ребенка (2 % от общего числа вопросов)

5. Иные организационные вопросы: выбор детского сада, места для отпуска (1 % от общего числа вопросов).

Таким образом, на основе контент-анализа образа родительства и родительского труда в виртуальных сообществах по семье и родительству в социальной сети «ВКонтакте» можно сделать несколько выводов.

В целом, при позитивном образе родительского труда и родительства, тиражируемом в сети, в его формировании существует несколько тревожных тенденций. Так, первое, что бросается в глаза – это очевидная асимметричность образа родительства в сторону ведущей роли женщины. Во многом это обусловлено сложившимися традициями и биологическим распределением репродуктивных функций между полами, однако с социально-культурной точки зрения следует отметить отсутствие преобладающего образа полной семьи. Такая же асимметрия прослеживается в формировании образа с семьи с точки зрения детности – в социальной сети устойчиво тиражируется образ семьи с одним ребенком (в редких случаях – с двумя).

Проблемное поле информационного контента сосредоточено на круге определенных тем. В первую очередь, «проблемные» посты сосредоточены вокруг младенческой стадии родительского труда (что во многом может быть обусловлено возрастом пользователей социальных сетей). Основная часть проблемных вопросов посвящена физическим и бытовым аспектам формирования человеческого капитала ребенка, что указывает на недостаток информационной, организационной и материальной поддержки семей по перечисленным аспектам. В то же время, отмечается повышенное внимание к эмоциональному взаимодействию с ребенком, формированию духовной компоненты человеческого капитала.

Представляется, что результаты проведенного исследования могут быть востребованы на практике – в частности, для совершенствования информационной политики в сфере семьи и родительства и прогнозирования тенденций формирования человеческого капитала страны.

Библиографический список:

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351.
2. Багирова А.П., Ворошилова А.И. Родительский труд: уровни и подходы к социологическому изучению // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 150-159.
3. Ворошилова А.И. Тематические сообщества по семье и родительству в социальной сети: особенности контент-анализа // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографический форум с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А. И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 26-32.
4. Ильшев А.М., Багирова А.П. Демографическая ситуация в России до 2025 года: вызовы времени и альтернативность развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 6. С. 7-19.
5. Электронный журнал «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema02.php>

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО СОЦИОПРОСТРАНСТВ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМА)

Габриелян О.А., Гаспарян М.В.

Одной из значимых характеристик современного общества является расширение технологических возможностей и сферы влияния средств массовой информации (коммуникации). Особенно ярко данная тенденция проявляется в виртуальном пространстве, которое, в отличие от печатного или эфирного, практически не имеет границ. Здесь может быть размещено сколько угодно информации, объем которой не будет ограничен рамками эфирного времени передачи или количеством печатных знаков. Поэтому, коммуникация, осуществляемая в Интернет-пространстве,

постепенно «теснит» традиционные СМИ в процессах формирования массового сознания, информирования общества о текущих событиях, деятельности публичной власти и ее институтов, отражения реакции общества на решения и действия власти, распространения политических, социально-экономических, правовых и культурных идей и знаний.

Складывающаяся «новая реальность» социальных взаимоотношений, характеризующаяся все большей виртуализацией, инициирует серьезные изменения универсального порядка. Виртуальная коммуникация способна смягчать или даже упразднить некоторые «традиционные» формы социальных взаимоотношений: подключаться к виртуальным коммуникациям могут богатые и бедные, мужчины и женщины, представители различных наций и рас, политические лидеры и простые граждане, адепты разных вероисповеданий и разного религиозного статуса, наконец, люди с разным уровнем образования [1]. Эти изменения оказывают существенное воздействие на осуществление социальных практик, открывая доступ к достаточно подвижной границе контактов, взаимодействий и взаимовлияний.

«Новая реальность» искусно презентует свои преимущества и умело скрывает свои недостатки. Среди последних особо следует отметить: неопределенность и неразвитость социальных норм (в том числе - правовых и нравственных), что, в значительной мере, усиливает деструктивные тенденции в процессе коммуникации. Возникающие виртуальные зоны социальных коммуникаций, не имеющие социальной проекции в реальность, несут в себе, в частности, элементы нестабильности.

Появление виртуальных социальных образований породило множество споров по поводу приемлемости использования традиционных социологических концепций для описания отношений, разворачивающихся в виртуальном пространстве. По мнению сторонников традиционного подхода, неадекватность научной рефлексии обусловлена, в первую очередь, отсутствием объективных оснований для существования новых форм социальных образований – их виртуальной и технологической природой, интерпретация которой не укладывается в рамки традиционной теории сообществ [2]. Выделение критериев новой стратификации социальных групп внутри виртуального социопространства на основе концепций социальной стратификации П. Сорокина, структурного функционализма Т. Парсонса, теории социальных полей П. Бурдьё позволит понять и оценить конструктивные и деструктивные аспекты социального структурирования и коммуникации, потенциал нестабильности и флуктуаций. В динамично меняющемся мире потребность в такой методике крайне высока, так как затрагивает вопросы безопасности и стабильности общества.

Создание методики определения зон нестабильности во взаимодействии реального и виртуального социопространств, позволит локализовать и структурировать эти зоны нестабильности, понять их природу и, как следствие, открыть возможности влияния на них.

Для выявления зон нестабильности необходимо:

- построить топологическую модель реального крымского общества, где будут выявлены основные социальные группы Крыма и характер их взаимодействия;
- построить топологическую модель виртуального общества Крыма, что предполагает изучение новых неинституционализованных практик социальной коммуникации в крымском сегменте интернет;
- разработать критерии сравнительного анализа топологических моделей реального и виртуального социопространств, которые будут представлены в виде сравнительной матрицы;
- локализовать зоны нестабильности во взаимодействии реального и виртуального социопространств.

Сравнительный анализ топологических моделей социального и виртуального социопространств, выявит «белые пятна» в топологии реального социума и их виртуальное дополнение. Уже такое сравнение первого уровня даст возможность выявить зоны дополнительности, взаимодействия и воздействия на индивидуальном уровне. К тому же, создание методики эмпирического исследования топологических моделей реального и виртуального социопространств Крыма позволит анализировать конструктивные и деструктивные аспекты социального

структурирования и коммуникации внутри этих социопространств, а так же выявлять механизмы их взаимодействия с набором качественных критериев и количественных показателей.

Такая методика, в силу закладываемой в ее основу универсальности, может быть применима как для изучения социопространств других регионов России, так и в масштабах всей страны.

Библиографический список:

1. Рыков Ю.Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2013/09/26/1277559874/Рыков%20Ю.Г.%20статья.pdf>.

2. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества / автореф... дис. канд. филос. наук. Москва: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана Москва, 2004. 19 с.

ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 4.0: ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Гавриленко О.В., Маркеева А.В.

Кардинальная перестройка современного промышленного порядка приводит к радикальным изменениям социального порядка, серьезной трансформации общественного устройства. На наших глазах разворачивается промышленно-технологическая революция 4.0. Почему революция 4.0? Первая промышленная революция связана с использованием энергии парового двигателя (19 век), вторая революция – это переход к массовому производству, появление конвейера, тейлоризм и т.д. (20 век), третья революция связана с развитием IT- индустрии, автоматизацией производства (80-е годы 20 века). Это всё большая роботизация производства и, как следствие, радикальное изменение специфики производственных организаций. Что мы наблюдаем в итоге – «безлюдные» фабрики, управляемые несколькими операторами. Автоматизация многих процессов на производстве и в бизнесе уже приводит к сокращению миллионов рабочих мест. Таким образом, революция 4.0 (термин, вошедший в оборот на Ганноверской ярмарке в Германии) усиливает данную тенденцию. Революция 4.0 приводит ко все большей децентрализации, появлению самоуправляемых организационных структур (переход от классической пирамиды к гибким, холмообразным структурам), размыванию границ современных организаций и рынков. Мы видим конвергенцию промышленности и IT, появление 3D принтеров, позволяющих производить товары мелкими сериями (для себя), что приводит к удешевлению производства (и радикальному преобразованию самого производственного процесса). Характерной чертой современной экономики становится перенос акцентов с производства на проектирование, где, собственно, и производится добавленная стоимость. Сегодня больше ресурсов тратится не на то, чтобы произвести продукт, а на то, чтобы его придумать и разработать. Ценность материального объекта не в сырье и материалах, затраченных на его производство, а в его «идее», дизайне, удобстве эксплуатации, впечатлениях человека от процесса его потребления. В основе большинства изменений сегодняшнего дня лежат новые информационные технологии, которые радикально меняют не только производство, но производят переворот в нашей «повседневности».

Активное внедрение новых технологий в деятельность современных компаний уже значительно модернизируют структуру организаций, изменяет характер и форму организации труда, но и, что наиболее важно, выдвигает принципиально новые требования к знаниям и умениям сотрудников. Опыт передовых предприятий, построенных на технологиях 4-й промышленной революции, убедительно доказывает, что внедрение новых технологий способствует не только появлению новых инструментов и методов управления, но приводит к кардинальной перестройке функций управления.

«Фордовская» революция была связана с массовым использованием дешевой рабочей силы. Фактически, расширяя производство, Форд способствовал «смягчению» проблемы безработицы.

Люди были заняты на производстве, пусть это были неквалифицированные кадры, но они получали средства к существованию (снижение вероятности социального взрыва), они выполняли простейшие функции за «маленькие деньги». А что же происходит сейчас? Автоматизированные и экспертные системы, продвинутое программное обеспечение, роботы на производстве и т.д. – все это ведет к радикальной трансформации не только управленческих схем, организации производства, но, прежде всего, к изменению управления человеческими ресурсами, к переосмыслению роли и позиции сотрудников в процессе производства. Начинается процесс резкого сокращения рабочих мест. Фактически для новой экономики нам нужны грамотные управленческие кадры, уникальные высокообразованные специалисты, программирующие тех же роботов. Это не значит, что отпадет надобность в дешевой рабочей силе: она останется, только рекрутировать ее организации будут посредством новых информационных платформ (например, краудсорсинговых платформ) на глобальном рынке труда. Ключевой вопрос, касается «среднего звена», «офисного планктона». Что делать с ним?

Долгое время доминировала точка зрения, что автоматизация и роботизация грозит только неквалифицированным или малоквалифицированным рабочим. Сегодня же мы видим, что любые, потенциально рутинизированные, виды деятельности могут быть заменены машиной. Биоподные алгоритмы, заложенные в информационные сети 3.0., достаточно быстро осваивают новые навыки, получая доступ ко все большему объему информации. По словам М. Форда, «информационные технологии становятся по-настоящему универсальными, и их влияние будет ощущаться одинаково сильно во всех сферах. Велика вероятность того, что по мере внедрения новых технологий в бизнес-модели, практически во всех существующих отраслях будет наблюдаться снижение потребности в труде человека и снижаться она будет очень быстро» [1, с. 16]. Таким образом, в будущем с проблемами поиска работы могут столкнуться «белые воротнички», причем, даже те из них, которые занимаются «креативной» деятельностью, творчеством. Многие компании, работающие в IT-сфере, увеличивают капитализацию, используя труд достаточно ограниченного числа работников. Все более актуальным становится вопрос о востребованности специалистов с высшим образованием, о перспективных и неперспективных профессиях, и более глобально, о трансформации экономики и рынка занятости.

В этой связи интересным представляются результаты исследований, демонстрирующих эффект влияния новых информационных технологий на изменения требований работодателей к знаниям, навыкам и умениям специалистов по 25 отраслям [2], выводы форсайт-сессий АИС по динамике отдельных профессиональных групп в РФ до 2030 года [3]. Данные свидетельствуют о коренных сдвигах в запросах работодателей: уже к 2020 году компании различных секторов будут отбирать сотрудников с развитыми социальными навыками (social skills) и навыками комплексного решения проблем (complex solving problem skills), в отличие от предыдущих десятилетий, где ключевые компетенции были напрямую увязаны с особенностями выполняемой работы (hard skills).

Кроме того, анализ изменений форм занятости под влиянием технологической революции 4.0 позволяет утверждать, массовое замещение труда, значительное сокращение и даже исчезновение отдельных профессиональных групп, сопровождается ростом социального неравенства и повсеместного снижения трудовых гарантий работников [4].

Всё это радикально меняет привычный нам социальный мир, в частности, возникают вопросы по дальнейшему развитию системы образования: кого нам надо готовить? Кто будет востребован экономикой будущего? Нужны ли нам вообще, так называемые гуманитарии, может быть достаточно «технарей», программирующих роботов? Можно поставить и философский вопрос: что будет с человеком и смысловыми и социальными режимами его существования? Что будет значить быть человеком, когда его базовые функции (интеллект, язык, труд, любовь) все больше отчуждается сложными техносистемами?

Возьмем для примера достаточно консервативную сферу – образование. Разработчики «Атласа новых профессий», основанного на «Форсайте Компетенций 2030», указывают на

следующие тенденции развития образования: применение новых инструментов обучения, основанных на информационных технологиях (онлайн-курсы, тренажеры, игры и т.д.); подстраивание процесса обучения под индивидуальные особенности обучающегося; внедрение игровых форм обучения; практико-ориентированность и непрерывность образования. В качестве новых, востребованных в ближайшей перспективе профессий в сфере образования предлагаются такие как модератор (организатор групповых дискуссий), разработчик образовательных траекторий, тьютор, организатор проектного обучения, координатор образовательной онлайн-платформы, ментор стартапов, игропедагог, а также такие, весьма экзотичные, как тренер по майнд-фитнесу и разработчик инструментов обучения состояниям сознания [3].

Согласно Форсайту будущих профессий, многим профессиям уготовано печальное будущее. В качестве «отмирающих» к 2030 году профессий называют такие как бухгалтер, журналист, нотариус, юрисконсульт, переводчик и др. (всего около 60 профессий). Прогнозируется появление около 190 новых профессий, некоторые из которых вызывают в среде потенциальных работодателей недоумение: тренер творческих состояний, медиаполицейский, эко-проповедник, эксперт «по образу будущего» ребенка и т.п. Однако не учет данных форсайтов может быть губительным для компаний. Следуя стандартным схемам мышления, логике предыдущей технологической революции, они могут потерять конкурентоспособность, оказаться «за бортом» ломающих шаблоны новых рынков.

Microsoft совместно с фирмой Future Laboratory предложили свое видение профессий будущего, которые станут возможны уже к 2025 году: космический гид, дизайнер виртуальной реальности, юрист в области робо-этики, Digital-комментатор в области культуры, биохакер-фрилансер, аналитик данных в Интернете-вещей, инженер тела, специалист по восстановлению природы, оптимизатор объема мозга. Данные Microsoft подтверждаются и результатами анализа потребности в человеческих ресурсах для реализации дорожной карты развития индустрий на основе НейроНета (следующего этапа развития Интернета – Web 4.0), когда взаимодействия людей и машин будут строиться на основе использования нейрокомпьютерных интерфейсов, а сами компьютеры станут нейроморфными (аналогичными мозгу человека). По подсчетам специалистов, для обеспечения позиции в 2,5 % общемирового рынка нейротехнологий России к 2035 необходимо создать свыше 50 тыс. рабочих мест в данной области. В то время как специалистов, подготовленных по направлению «Нейротехнологии», в настоящий момент – 150 человек на всю страну [5, с. 4].

Одним из важных выводов из форсайт-исследований для современных организаций является то, что в отличие от предыдущих периодов влияние технологических и социально-экономических трендов на существующие бизнес-модели, на требования к работникам и к работе будет реализовываться быстрее и затрагивать даже те индустрии и сферы занятости, которые испытывали их наименьшее влияние в прошлом. Эксперты сходятся во мнении, что переход от жестких требований и квалификаций к гибким, практико-ориентированным навыкам и компетенциям будет проявляться для стран с разным уровнем экономического развития, для большинства индустрий и существующих профессиональных групп.

Конечно, возможно представленный выше сценарий не до конца будет реализован. Но однозначно, компьютеризация приведет к необходимости для многих переучиваться, получать новые знания и более высокую квалификацию. Вообще, не зря экономику будущего называют экономикой, основанной на знаниях (knowledge-based). Для России эта проблема является крайне актуальной. Особенно, в условиях перехода от сырьевой экономики к новой модели развития. Учет и использования экспертных методов моделирования социальных процессов поможет снизить негативные последствия технологической революции, будет способствовать более «мягкий» переход, адаптацию к лавинообразным и необратимым изменениям всех сторон социальной жизни, которые она несет.

Библиографический список:

1. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
2. The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce strategy for The Fourth Industrial Revolution (report). World Economic Forum. January 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf
3. Атлас профессий. Вторая редакция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atlas100.ru/>
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
5. Иващенко А.А. Аннотация к плану мероприятий («дорожной карте») по развитию рынка Нейронет Национальной технологической инициативы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusneuro.net/cambiodocs/media/files/neuronet-rm.pdf>

СОЗДАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ КАК ПЕРСПЕКТИВА ПРИМЕНЕНИЯ ИКТ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Герасимов А.В.

Важнейшим событием в жизни крымского полуострова является вхождение в состав Российской Федерации. А одной из главных задач крымского образования всех уровней является воспитание молодых граждан в рамках принятой национальной доктрины. Важно воспитать в детях дух патриотизма, любви к родине, сохранить историческую преемственность поколений, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России. Дать детям право на осознанный самостоятельный выбор и сформировать в подрастающем поколении активную социальную позицию, чтить права и свободы личности, проявлять национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов нашей страны [1],[2].

К сожалению, в настоящее время есть мощный вторичный фактор, оказывающий сильное влияние на формирование личности ребенка – интернет. По интенсивности воздействия на ребенка он лишь немного уступает семейному и школьному воспитанию. В каждой современной семье есть персональные компьютеры, планшеты и смартфоны, а время, проведенное в интернете ребенком измеряется несколькими часами.

Популяризация, западной популярной культуры, быстрое, а главное массовое распространение «Новых героев» интернета, приводит к подмене ценностей у детей в России и Крыму. Так вместо Суворова, Галицина или Гаспринского, современные дети готовы назвать Бетмена, персонажа из комедии шоу или даже покемона в качестве своих кумиров. Современный интернет в той неконтролируемой форме которая доступна детям выполняет сразу две деструктивных задачи: меняет морально-этические ценности молодежи и заставляет забывать историческое наследие поколений [4].

Однако оценивать интернет и информационные технологии с негативной точки зрения, а особенно отказываться от них в образовательном процессе не только не правильно, а бесперспективно. Электронные обучающие курсы в интернете, дистанционное обучение и образовательные диски, все это с успехом применяется в детском обучении и давно доказало свою эффективность. Применение облачных технологий позволяет давать детям обширный объем материалов и формировать библиотеки данных по предметам с бесплатным свободным доступом. Образовательные сайты позволяют выполнять домашние задания он-лайн, а родителям следить за успеваемостью учеников. Персональные страницы педагогов и сайты учебных заведений помогают родителям узнавать о жизни школы, и всегда быть в курсе событий.

Важной задачей является сформировать такой подход к информации, получаемой детьми в процессе обучения и домашней среде, чтобы положительные факторы доминировали, и вред был сведен к минимуму. В реализации такого подхода родителям и сотрудникам сферы образования стоит обратить внимание на ряд основных особенностей.

Пассивным элементом обеспечения безопасного доступа детей до информации в школе и дома является применение грамотно подобранного пакета антивирусных программ. К ним стоит отнести несколько видов «родительского контроля» от компаний ESET, Dr.Web, Kaspersky Lab, а также программа «Интернет-цензор» активно внедряемая в школах полуострова. Такие программные продукты позволяют ограничивать посещение нежелательных сайтов, игровой, развлекательной, нецензурной и эротической направленности. Применение такого ПО родителями в домашних условиях обеспечит полный технический контроль посещения сайтов интернета подрастающим поколением [9].

Следующим элементом информационных технологий применяемых для популяризации правильных моральных ценностей в системе образования стоит выделить интерактивные презентации. Демонстрация документальных обучающих видео и познавательных роликов с жизнеописанием великих ученых нашей страны позволяет сформировать интерес к предмету, а также мотивирует ребенка узнавать больше, интересоваться, читать. Показ педагогами презентаций позволяет на уровне доступном ученику в наглядной интересной форме дать данные о великих открытиях, достижениях и вехах истории России. В электронных лабораторных работах с использованием мультимедиа проектора и интерактивной доски можно с максимальной наглядностью продемонстрировать физические и химические реакции. Это приводит к высокому интересу учеников к сложным естественным дисциплинам [3].

Регистрация на образовательных сайтах в интернете позволяет получить доступ к широкому перечню российских бесплатных электронных библиотек, сборников учебников и вспомогательной обучающей литературы. Сайты таких проектов ЯКласс, Дневник.ру, позволяют обеспечивать контроль успеваемости учащихся, выполнять домашние задания и повышать успеваемость. А ресурсы Интернет-урок.ру и виртуальная академия дают богатый выбор видеоуроков по всем дисциплинам и классам школьного обучения.

Звуковое оборудование и цифровые плееры и медиacentры незаменимы при использовании в экскурсионных поездках и помогают расширять уровень кругозора и впитывать больше информации о человеке, месте или событии.

Правильное, профессиональное и своевременное применение информационных технологий позволяет повысить уровень познавательного интереса учащихся, улучшить качество образования и выйти на высокие конечные результаты в обучении [7].

Однако такой подход к применению информационных технологий свойственен любому региону Российской Федерации, и с успехом может применяться без учета географического положения. В многонациональном Крыму с богатой на события многовековой историей, важным аспектом успешного образования является применение регионального компонента.

Не так давно, не более 20 лет назад на территории крымского полуострова начал развиваться событийный туризм. Фестиваль «Боспорские Агоны» г. Керчь, «Генуэзский Шлем» г. Судак, «Скифские Мистерии» г. Симферополь, «Крым-Фест» и «Альминское дело» г. Севастополь, проводятся ежегодно и охватили географию всего Крымского полуострова. Живая история Крыма, воссоздание важных исторических и социальных событий, играет важную роль в формировании патриотизма и любви к родному краю, его традициям у жителей Крыма. Посещение учащимися таких мероприятий в рамках экскурсий, а также использование фото или видеоматериалов или практических наглядностей, в учебных курсах позволяют сформировать устойчивый интерес к предмету и желание учеников углублять полученные знания [10].

Важным аспектом развития патриотического мышления, любви к родине и родному краю, уважению народов Крыма, их культурных и исторических традиций является наглядная подача материалов, исторических, географических, краеведческих экскурсий. Живые музеи, аниматоры и красочные мероприятия помогают реализовать концепцию наглядного туризма. Однако не стоит забывать, что молодое поколение посещает интересные места не так часто и большую часть времени проводит за компьютером в интернете.

Решить эту проблему и вызвать рост познавательной активности учащихся может организация виртуальных музейных экспозиций. В Крыму с его богатой событиями и национальностями историей, каждый город, каждый населенный пункт, памятник или крепость может рассказать свою интересную легенду. Привлечь интерес детей, более сложная задача чем кажется. Если относиться к ней с формальной точки зрения, выполнять только стандартную или обязательную программу то важного социального эффекта будет не достичь. В борьбе за внимание ребенка, для победы над информационным конкурентом, нужно использовать его же оружие. Необходимо умело объединять достижения компьютерных технологий и живую историю Крыма для достижения максимального результата. К счастью в информационном поле крымского полуострова после перехода в состав Российской Федерации начали появляться виртуальные экспозиции.

Можно выделить виртуальный музей «Патриот» который рассказывает о истории Армянска с древнейших времен до наших дней. Страницу-музей Максимилиана Волошина, часть интернет проекта «Виртуальный Тур по Крыму». Интернет музей старейшего в Крыму военно-исторического портала «Military-Крым» посвященный 51-му пехотному литовскому полку. Сайт крымского исторического музея «Ларишес» гостеприимно раскроет перед вами свои двери. На встречу с прошлым, в виртуальный музей истории города, приглашает интернет-альманах "Старая Ялта". Виртуальный литературно-мемориальный музей А. С. Грина соберет романтиков на своих виртуальных страницах. Уникальную историю подводного музейного комплекса Балаклавы раскроет богатый панорамами и фотографиями сайт.

Украшением виртуальных музеев Крыма стали несколько экспозиций, которые позволяют почувствовать себя причастным к объекту культурно-исторического наследия, даже находясь от него за многие километры. Таким сайтами стали замечательный «Ливадийский дворец музей. Виртуальный Тур», «Ханский Дворец. Бахчисарай», интернет музей «Виртуальный Херсонес». Особо выделяется и стоит особняком электронная выставка «Моя история. Романовы» приуроченная к 400-летию дома воцарения династии на российский трон. Она с огромным успехом прошла в Москве и Санкт-Петербурге и торжественно открыта в Ливадийском дворце на постоянной основе.

Посетить виртуальную выставку или музей, заинтересоваться, начать читать и находить дополнительную информацию в интернете, изучать литературу, читать книги, смотреть видеоматериалы и фильмы, посетить живой музей эту модель поведения учащихся нам необходимо развивать и применять для достижения поставленных воспитательных задач. Именно такой подход способен сформировать в человеке целостное мышление, уважение к людям и своей родине. Только сочетание виртуального пространства, учебного предмета и таланта педагога даст результат так необходимый сейчас для правильного воспитания молодого поколения Крыма.

Библиографический список:

1. Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: учебник / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. М.: Гардарики, 2013.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: минобрнауки.рф/документы/2974
3. Бордовская Н.В. Психология и педагогика. Стандарт третьего поколения. Учебник для ВУЗов. СПб: Питер, 2014.
4. Алферов А.Д. Психология развития школьников: учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону, 2010.
5. Познавательные процессы и способности в обучении / под ред. В.Д. Шадрикова. М., 1990.
6. Формирование личности старшеклассника / под ред. И.В. Дубровиной. М., 2004.
7. Василькова Ю.В., Социальная педагогика: курс лекций: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2008.
8. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2009.

9. Лодкина Т.В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2009.
10. Галагузов А.Н. Социально-педагогические задачи: учеб. пос. для вузов. М.: Владос, 2008.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Голубев С.В.

Образование есть производное культуры, во всей её целостности и способ её сохранения, распространения и развития. Оно, поэтому, требует усвоения не только системы знаний, но и системы ценностей, и, соответственно, некоторых «метафизических» предпосылок, а тем самым, конечно, и верований в широком смысле этого слова. Образование индивида – это построение определенной «картины мира» в его сознании, способ его подключения к традиции и включения в культуру. Оно своего рода «матрица» социального, необходимое средство не только познавательной, но и общественно-политической инициации, социализации человека и гражданина.

Различные культуры, точнее говоря, различные идеологические и/или религиозные учения представляют различные «картины мира» и по-разному отвечают на вопрос, в чем сущность и предназначение человека? Каков должен быть его образ, идеал на который должен ориентироваться реальный человек в своем образовании? Этот идеальный образ есть духовно-нравственный ориентир личности, задающий направление её духовной деятельности, работы по самосовершенствованию, в процессе которой и происходит собственно её образование. Если такие ориентиры отсутствуют, то и образование становится невозможным.

В этой связи, следует проанализировать процесс нарастания кризисных явлений в системе образования современного общества, имеющий место, как на постсоветском пространстве, так и в западном мире. Мы не будем приводить здесь свидетельствующие о кризисе «конкретные факты», отметим лишь тенденцию. В последнее время вопиющее невежество всё чаще встречается не только среди выпускников школ, но и среди обладателей университетских дипломов. Причём это невежество – «нового типа». Оно отличается от «неграмотности» в традиционном обществе. Современное невежество «не стесняется себя», более того, оно заявляет своё право быть тем, что оно есть. Оно не просто не собирается меняться, оно уже почти с презрением и, во всяком случае, с раздражением, относится к образованности, как к чему-то ненужному, *бесполезному*, а то и мешающему «спокойно жить». И это, похоже, оказывается одним из специфических существенных проявлений духовной ситуации формирующейся цивилизации Постмодерна. Как верно замечено современным наблюдателем: «Исключительность нашего времени – в *открытом* презрении к истине» [1, с. 4].

Для анализа значения и роли образования как института социализации важно, вполне, отдавать отчёт в том, что история человечества не знает образования «вообще». Такого никогда не было, нигде нет и, в принципе, быть не может. Было и есть религиозное образование: католическое, протестантское, православное, мусульманское и т.д. Была советская школа и это точное, отражающее существо дела определение, ибо она была построена советской властью на базе марксистско-ленинской идеологии, в определенных формах и с определенными целями.

Специфичный для современной цивилизации тип образования называют светским, чтобы подчеркнуть его нерелигиозный характер. Для общественного сознания, сегодня, понятия «светский» и «нерелигиозный», по существу, являются синонимами. Но, согласно правилам логики, отрицательное определение – не определение. Поэтому, квалификация «нерелигиозное» практически оказывается бессодержательной, не отвечающей на ключевой вопрос, – какое? Что значит, например, «нерелигиозное» государство? Оно может быть демократическим, тоталитарным, монархическим, социалистическим и т.п. То же касается и нерелигиозной школы, «светского» образования. Такая характеристика, вообще говоря, не дает внятного ответа на вопрос, что

предлагается взамен «отделенной» религии. На каких ценностях и идеалах, ради каких целей будут воспитываться и обучаться дети в «светской» школе.

Теоретико-социологическое обоснование роли ценностей в «социальных системах» и «социальных действиях», в общественной жизни в целом, составляет одно из самых значительных достижений социологической науки XX века. Прежде всего, таких её корифеев как М. Вебер и Т. Парсонс. В этом отношении показательны слова американского социолога о том, что: «Главный удар веберовской концепции был направлен на марксистский исторический материализм... Вебер противопоставил ему теорию о роли ценностных элементов в форме комбинации религиозных интересов, например, ценностных установок в их связи с системами метафизических идей» [2, с. 252].

В силу необходимости «ценностных установок в их связи с системой метафизических идей» для любых «систем действия» всякая система образования в качестве принципа своей организации необходимо имеет некие, если не религиозные, то «неверифицируемые», «метафизические» предпосылки. Соответственно уйти от сколько-нибудь определенного ответа на вышеназванные вопросы не может никакая школа. И современная, конечно, не исключение. Как и всякая другая, она имеет определенную идейную основу и соответствующую систему ценностей. Составляет эту основу идеология либерализма. Поэтому современная школа не вообще «светская», а конкретно, - либерально-демократическая. В ней религия в качестве одухотворяющего начала и источника идеальных образов и целей для системы образования заменена идеологией, причем, идеологией без *идеального*, а, по большому счету, и без *образного*. Идеологией, которая дискредитирует авторитет, – этот фундамент обучения как такового и которая, по существу, делает излишней работу над собой. Ведь «человек – это звучит гордо», и ни один не хуже другого. И «презрение к истине» при таких предпосылках, конечно, не должно удивлять».

То, что современная школа не «просто даёт образование» и «передовые знания», а носит идеологический характер, отмечал один из крупнейших современных социологов П. Бурдьё: «Система школьного образования, особенно через преподавание истории и, в частности, истории литературы, вбивает в головы учеников основы настоящей «светской религии» [3, с. 142]. Такое «вбивание», по Бурдьё, не может не осуществляться государством ибо, таким образом, оно создает «символический капитал» своей власти. Последняя, согласно французскому социологу, в значительной степени, состоит в возможности и опирается на способность формировать в сознании граждан определенную картину мира и (категориальную) структуру мышления. Поэтому он говорит также «об одном из важнейших видов власти государства – власти производить и навязывать (в частности, через школу), категории мышления, которые мы спонтанно применяем по всему, что есть в мире, а также к самому государству» [там же, с. 127].

В силу этого, всякое государство проводит определенную *политику* в сфере образования. В традиционном, «официально» основывающемся на определенной религии, государстве проведение таковой считалось, как правило, прерогативой соответствующих религиозных организаций. Достаточно вспомнить автономию европейских университетов или мусульманские медресе и буддийские монастыри-школы. Современное же «светское» государство берет эту прерогативу в свое непосредственное ведение, с тенденцией к ее *монополизации*.

В этом контексте, особую значимость приобретает веберовское определение государственной власти как *монополии на легитимное насилие*. Если считать его верным, то из этого прямо следует, что государство, по природе своей, должно обладать *монополией* не только на применение «насилия», но и на толкование того, что есть «легитимность». На это второе обстоятельство в современной социальной науке обращают, к сожалению, куда меньше внимания чем на первое, хотя анализ его следствий не менее важен как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Поскольку государственная власть «по определению» должна быть легитимной, она должна быть также и *концептуальной*, и в действительности, во всяком случае, в официальном публичном

дискурсе, она всегда и является таковой. Иными словами, именно государственная власть определяет конкретное (применительно к данному общественно-политическому устройству) содержание основополагающих понятий: Справедливость, Истина, Добро, Зло, Родина и т.п., и *тем самым* обеспечивает собственную легитимность. Попросту говоря, именно власть решает, что такое хорошо и, что такое плохо, и учит этому в школе. Поэтому совершенно закономерно, что образование в современном государстве объявлено *всеобщим и обязательным*, то есть, собственно говоря, *принудительным*. Эта фактическая принудительность практически подтверждает существенную взаимосвязь политической власти, идеологии и образования в современном обществе. Как верно пишет, отмечая «зависимость образовательного процесса от идеологических установок правящих элит», известный российский исследователь А.Г. Дугин: «Образование создает *нормативный образ* гражданина. От того, в рамках какого государства и какого общества проходят образовательные процессы, зависит и то, *какой образ транслируется*. Этот «образ» представляет собой *эталон общественного субъекта*, призванного быть носителем конкретного «мировоззренческого кода»[4, с. 522].

В этой связи, надо заметить, что разговоры о «деидеологизации» образования есть либо следствие непонимания его природы, либо скрытая форма *идеологической борьбы*. Поэтому представляется важным четкое осознание того, что «отделение» «светской» школы от религии – это не «истина практического разума», а идеологический, по сути своей, принцип. Действительный синоним понятия «светский», – понятие «мирской». И обычной, пока ещё, практикой всех цивилизованных светских государств является широкое участие религиозных организаций в общественной, «мирской» жизни, в том числе, и даже, прежде всего, в воспитании подрастающего поколения. И это соответствует *природе вещей*, ведь очевидно, что ответы на вопросы: в чём предназначение человека, каким должен быть его идеальный образ, по самой своей природе могут быть даны только верой и есть её собственное дело. Ибо нельзя *доказать* человеку, для чего и «с кого» он должен «делать жизнь». Поэтому система образования и в современном обществе, закономерным образом нуждается в обращении к трансцендентным ценностям. Если, конечно, не считать *презрение к истине* нормальным состоянием человеческого духа.

Библиографический список:

1. Карпов А.О. Социальная и экзистенциальная онтологизация образования. Вопросы философии. 2015. № 1. С. 3-13.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
3. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. СПб.: Алетейя, 1999. 349 с.
4. Дугин А.Г. Обществоведение. М.: Евразийское Движение, 2007. 784 с.

ВИРТУАЛЬНЫЕ СРЕДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАСШИРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО ЗРЕНИЮ*

Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г.

Понятие пространства, как в гуманитарных, так и в точных науках сводятся к выделению первоначальных величин, операций и аксиом, с помощью которых выстраивается дальнейшая структура. Например, в математике, в теории конечномерных векторных пространств, вводится унифицированное понятие пространства для математических объектов равной природы (векторов, матриц, многочленов) через определение вектора и двух операций: сложения векторов и умножения на скаляр, подчиняющихся восьми аксиомам. Пространство в социальной жизни начал изучать Г. Зиммель, определив его как «бездейственная форма, существующая лишь благодаря энергии

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 15-03-00435-а) и РФФИ (проект 16-01-00306-а)

деятельности субъектов» [1]. Далее теорию пространства в социологии развивали П.А. Сорокин, Т. Парсонс, П. Бурдьё, П. Штомпка и др. [2]. Обобщая работы социологов, можно говорить о пространстве как о социальной структуре, состоящей из множества подпространств, объединяющих различные сферы деятельности: социальную, политическую, экономическую, духовную, которые находят свое отражение в социальных процессах и практиках, имеющих исходное положение и дальнейший вектор развития, благодаря различным инструментам [2].

В Статье 1 Федерального закона Российской Федерации № 181-ФЗ от 24 ноября 1995 года «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» дается следующее определение понятия «инвалид»: «Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Ограничение жизнедеятельности – полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью» [3]. Таким образом, инвалид – это человек, социальные возможности которого существенно ограничены по причинам, внутренним по отношению к нему (ограничения жизнедеятельности – следствия нарушения здоровья, а не действий других людей, препятствующих деятельности рассматриваемой личности), но не зависящим от его воли (последствия заболеваний и травм не могут быть преодолены силой одного лишь желания) [4; 5]. В 2010 году к инвалидам относилась почти десятая часть населения России: «В любом современном обществе численность инвалидов такова, что их можно считать особой статистически значимой социальной группой. Российское общество – не исключение ... в настоящее время насчитывается 13,2 млн. инвалидов (около 9% населения страны)» [6]. Ограниченность социальных возможностей инвалидов остро ставит вопрос о встраивании инвалидов в жизнь гражданского общества, которое, «по умолчанию», представляет собой «общество здоровых» [4].

Современное развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет людям с ограниченными возможностями по зрению в значительной мере интегрироваться в гражданское общество [7; 8], при этом виртуальные среды можно рассматривать как инструмент для расширения замкнутого социального подпространства людей данной категории граждан.

К характерным особенностям таких подпространств можно отнести: организацию социальных сообществ – т.к. потребность коммуникации приводит к объединению пользователей виртуального подпространства в саморегулирующиеся сообщества, подчиняющиеся социальным правилам и нормам поведения и стратификация участников среды. Доступность вхождения и перехода из одного виртуального социального сообщества в другое создают механизмы взаимодействия и решения социальных задач широкого спектра для людей с ограниченными возможностями по зрению.

Проблемам физической доступности виртуальных социальных сред для людей с ограниченными возможностями по зрению посвящено достаточное количество работ и включает в себя как решение проблем технической оснащенности персонального компьютера: клавиатура на основе шрифта Брайля, программное обеспечение, синтезатор речи и т.д. [7], проблем подготовки персонала для обучения инвалидов [8; 9], так нормативно-правовое регулирование возникающих проблем [10].

Популяризация виртуальных социальных сетей способствует росту числа сообществ для инвалидов по зрению и количества зарегистрированных участников. Изменение числа зарегистрированных участников сообществ по запросу «инвалиды по зрению» в 2016 году (по данным на 20 ноября 2016 года) к 2014 году [7] и представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Изменение числа зарегистрированных участников сообществ по запросу «инвалиды по зрению» в 2016 году (по данным на 20 ноября 2016 года) к 2014 году

Название сообщества (социальная сеть)	2014 год	2016 год
Молодежное движение инвалидов (Вконтакте)	265	687

Центр реабилитации инвалидов по зрению «Камерата» (Вконтакте)	243	561
Библиотеки для слепых и слабовидящих (Facebook)	110	166
PROзрение (Facebook)	195	210

Для более подробного изучения активности людей с ограниченными возможностями по зрению была выбрана социальная сеть Вконтакте (386 420 800 зарегистрированных пользователей, 15.09.2016) как наибольшая по числу зарегистрированных пользователей на территории России. Исследования проводились в сентябре 2016 года. При запросе в поисковой строке по слову «слабовидящие» найдено 71 Интернет-сообщество, «инвалиды по зрению» – 20 сообществ, «слепые» – 1762 сообщества, из которых 98 соответствуют проблематике людей с ограниченными возможностями по зрению, «тифлоцентр» – 2, «незрячие» – 116, «люди с ограниченными возможностями по зрению» – нет результатов. С учётом того, что Вконтакте зарегистрировано 316628 (09.2016) сообществ, доля найденных сообществ составляет – 0,13%.

Абсолютное и относительное количество подписчиков исследуемых Интернет-сообществ составляет: «Инвалиды по зрению» (1232 / 0,0003%), «Слабовидящие» (5547 / 0,0014%), «Слепые» (13537 / 0,0035%), «Тифлоцентр» (552 / 0,0001%), «Незрячие» (6406 / 0,002%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что доля всех участников сообществ слабовидящих составляет менее одного процента. При этом необходимо уточнить, что среди подписчиков есть как люди с ограниченными возможностями по зрению, так и здоровые.

Абсолютное и относительное содержание контента составляет: «Общественные организации» (62 / 20,3%), «Государственные службы» (52 / 16,9%), «Коммерческие структуры» (53 / 17,2%), «Пользовательский контент» (140 / 45, 6%).

Общественные и государственные организации представлены публичными библиотеками, фондами поддержки незрячих и слабовидящих, школами-интернатами и другими образовательными структурами. Наиболее значимые «Молодёжное движение инвалидов по зрению» – 655 участников (2,4%), «Библиотека для слепых и слабовидящих, СПб» – 1767 участников (6,5%), Тифлоцентр «Камерата» – 545 участников (2%). Всероссийское общество слепых в различных городах включает 20 сообществ (6,5%) с общим числом подписчиков – 741 (2,7%).

Коммерческие структуры размещают на страницах своих сообществ информацию о компьютерном оборудовании и программном обеспечении для слабовидящих. Например, сообщество «RIW-приложение для незрячих и слабовидящих» – 273 участника (1%), «Oriense-устройство для незрячих и слабовидящих» – 263 участника (0,96%), «Смартфоны для незрячих» – 25 участников (0,09%). Выделяются сообщества незрячих массажистов – «Ассоциация незрячих массажистов» (25 участников (0,09%)), «Коллегия незрячих массажистов» (35 участников (0,13%)), «Мануальная терапия СПб незрячий массажист (217 участников(0,8%)), «Незрячие массажисты» (69 участников (0,25%)).

Пользовательский контент, созданный самими пользователями социальной сети, наиболее значимый по объёму и тематике представленных сообществ: новости, досуг, образование, культурно-просветительская деятельность, здравоохранение, трудоустройство, спорт, благотворительность.

Среди подписчиков наиболее популярные группы: «Экскурсии с незрячим гидом – Осязаемый Петербург» – 1225 участников (4,5%), «Проблемы незрячих пользователей сайта vk» – 781 участник (2,9%), «Слепые и слабовидящие! Обмен информацией» – 174 участника (0,6%), «Группа для слепых и слабовидящих. Я все могу» – 370 участников (1,36%), «Незрячие люди» – 600 участников (2,2%), «Спорт незрячих» – 64 участника (0,2%), «Танго для незрячих» – 98 участников (0,35%).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что процесс вовлечения людей с ограниченными возможностями по зрению в виртуальные социальные среды, существенно расширяющие жизненное пространство данной категории граждан активно развивается в нашей

стране. Социальные сети могут являться инструментом, способствующим социальной адаптации и интеграции инвалидов по зрению в гражданское общество.

Библиографический список:

1. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin: Duncker & Humblot, 1908.
2. Филиппов А.Ф. Социология пространства // Логос. 2000. № 2 (23). С. 113-151.
3. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» / Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>
4. Муравьев В.И., Прончев Г.Б. Кризис русскоязычных Интернет-сообществ инвалидов с синдромом ДЦП (на примере сервиса livejournal.com) // Психологическая помощь социально незащищённым лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 27- 28 февраля 2013 г. / под ред. Б.Б. Айсмонтаса, В.Ю. Меновщикова. М.: МГППУ, 2013. С. 22-28.
5. Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013. № 12(52). С. 77-85.
6. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 50-58.
7. Гончарова И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды для людей с нарушением зрения // Политика и общество. 2015. № 5. С. 586-590. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.5.15324
8. Гончарова И.В., Прончев Г.Б. О поддержке людей с ограниченными возможностями по зрению в современном российском обществе // Политика и Общество. 2016. № 11. С. 1479-1485. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.11.20920
9. Прончев Г.Б., Гончарова И.В. Об обучении инвалидов по зрению работе с современными информационно-коммуникационными технологиями // Право и образование. 2016. № 5. С. 58-64.
10. Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Кричевер Е.И. Нормативно-правовое обеспечение доступности виртуальных социальных сред для инвалидов по зрению // Современное право. 2016. № 4. С. 62-67.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Горбачева Н.Б.

На сегодняшний день проблема «отцов и детей» остается актуальной, особенно под воздействием постоянных изменений в экономической, политической, социальной сферах. В.А. Мансуров утверждает, что семья в современном российском обществе утрачивает главные функции – воспроизводство населения и социализация. Нескрываемая информация в СМИ, телевидении и радио о росте жестокости и насилия в семье по отношению к детям обескураживает [1, с. 137-139].

Проблему взаимодействия родителей и детей обостряет и тот факт, «что кризисное состояние семьи осложняет процесс взаимодействия образовательных учреждений с родителями, которое в большинстве не имеет достаточной психолого-педагогической подготовки и не могут полноценно влиять на социализацию детей» [1, с. 137]. А ведь именно институты педагогики, психологии, социальной работы, представленные государством правовой социальной организацией, занимают первое место в устранении семейных противоречий.

Все признают, что дети – другие и иначе не может быть. И чем быстрее развивается общество, тем существеннее сдвиги, изменения в следующих поколениях. Но эмоционально, психологически

смириться с этим трудно, потому что, будь они «такими же», как мы, легче возникали бы та душевная близость и взаимопонимание, к которым всегда стремятся родители и учителя.

Между поколениями существуют разные, отличные друг от друга, взгляды, мнения, суждения, ценности, потребности, которые перерастают в вечный конфликт «отцов и детей».

Остается нерешенным вопрос о том, как реально объединяются эти миры разных поколений, создавая единый мир взаимопонимания и обмена неповторимым опытом каждого из поколений. Большую роль играют особенности людей, их стремление и умение понять друг друга. Но не менее важное значение имеют и объективные условия жизни, тот факт, что мы живем в одном обществе, участвуем в одних и тех же социальных процессах, решаем общие задачи и стремимся к общей цели [2, с. 8].

Социальное воспитание, то есть формирование личности средствами социальной педагогики, во все времена считалось одной из самых трудных человеческих проблем. На «современную молодежь» жаловались во все века, поскольку каждое время ставит задачи воспитания по-новому, выдвигает свои особые требования. Сегодня семья превратилась в сферу отчуждения личности, примерами которого служит массовая установка на однодетность, разрыв между молодым и старшим поколениями, утрата фундаментальных ценностей семейной жизни. Серьезный вред это нанесло воспитательной функции семьи, которая не сумела в тех условиях реализовать свою главную задачу – быть незаменимым и уникальным инструментом социализации детей.

Особенности социальных условий, в которых происходит формирование современного человека, связаны, прежде всего, с ростом благосостояния и культурного уровня нашего общества. Однако повышение уровня и качества жизни не столько облегчает процесс воспитания, сколько делает его более сложным и трудоемким.

Рост образования и культуры неравномерно распределяется между поколениями, дети становятся все более информированными и легко усваивают новое. Молодое поколение во все времена отличалось пылкостью ума. Многообразие гаджетов, компьютерных технологий и их доступность создают все условия для меньшего участия родителей в воспитании своих детей. Освобождается время, которое можно посвятить работе или же своим интересам, что довольно соблазнительно сейчас, когда нехватка временного ресурса остра. Вышеперечисленные моменты вкуче создают ситуацию, когда внутрисемейное общение рискует потерять позиции, отходя на задний план. Что плохо отразится на развитии личности. Молодым людям зачастую начинает казаться, что они «умнее» родителей. Родители теряют ту уверенность в незаменимом преимуществе большого жизненного опыта, без которой воспитание практически невозможно [2, с. 9-10].

Наблюдается разрушение единой системы приобщения подрастающего поколения к культуре социума. Строительство социума в неразрывной цепочке, руководствующееся веками семьей, общиной, церковью, учреждениями образования, культурой, государством схожими представлениями о том, что нужно воспитывать у детей с раннего возраста. В советский период цели, задачи и методы воспитания были заложены в идеологии государства, однако сегодня мы наблюдаем отсутствие каких-либо требований к личности. Существовавшая единая система взаимоподдержки и согласованности действий и функций всех субъектов данного процесса из-за быстрых темпов социальных преобразований и государственных реформ во второй половине прошлого столетия стала медленного, но заметно рушиться. Прежние выработанные тысячелетней историей человечества ориентиры не смогли прижиться к новым в следствии реформ, а новые не смогли создать социальные институты.

Когда человек является ребенком, в этот период жизни, когда закладываются основы, разумеется, важно прививать новые знания и ценности, соответствующие духу времени. Но прививая, важно не потерять то великое, что наши предки собирали веками [3].

Бесконфликтность отношений между людьми довольно редка.

Конфликт – это действительность в любых взаимоотношениях. Психологи утверждают, что открытый семейный конфликт здоровее для ребенка, чем это думают большинство родителей.

Ребенок имеет возможность научиться обращаться с конфликтом и быть более подготовленным к дальнейшим встречам с конфликтами в процессе жизни. Благоприятным для ребенка является конструктивное решение конфликтов в семье, что является подготовкой к встрече с конфликтами вне дома.

Большинство родителей рассматривают всю проблему разрешения конфликта в воспитании детей как вопрос о своей роли или своем стиле поведения. Чаще всего родители рассматривают свои отношения с детьми как борьбу за власть.

Однако родители должны понять скрытую систему смыслов, лежащую за резкими выходками своих детей. Подростковый протест, конфликт чаще всего указывает на самовыражение, достижение своих прав.

Сегодня родительская семья, как и прежде, остается важнейшим институтом социализации подростков. Но она уже не обладает той безоговорочной ролью, какую играла в ранние периоды. Теперь нет абсолютного родительского авторитета. Вместо запретов и принуждения в воспитании используется убеждение. Моральный авторитет гораздо труднее поддерживать, нежели авторитет, держащийся на подавляющей силе. Социализация в семье играет великую роль и оказывается ключевым моментом в жизни каждого человека.

Рассматриваемые проблемы развития личности ребенка в семье, некоторые стороны взаимоотношения подростка с родителями, а именно конфликтные ситуации и их влияние на психологическое состояние подростка остаются и являются актуальными не только для семьи, но и государства. Семейное воздействие на подростка осуществляется постоянно, одновременно охватывает все стороны формирования личности, основано на устойчивости связей и эмоциональных отношениях между поколениями. Даже в подростковом возрасте ребенок нуждается в своей безопасности и защищенности и ему необходимо делиться своими переживаниями, получать помощь в любой момент. Необходимо учитывать, что эмоциональный тон семейных взаимоотношений и преобладающий тон контроля и дисциплины являются важными факторами при формировании соответствующих черт характера личности.

Таким образом, как родители, так и государство должны брать на себя задачу передавать знания, ценности и навыки своим членам общества.

Библиографический список:

1. Мансуров В.А. Проблема комплексного изучения семьи // Социологические исследования. 2000. № 4. С.137-139.
2. Наумова Н.Ф., Роговина В.З. Культура разумного поведения. М., 1987.
3. Иванова Т.Н., Чикишева С.Ю. Роль родителей в обучении детей в условиях этой трансформации: (эмпирический опыт) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56886.htm>.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К НАУЧНОЙ РАБОТЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ СТЕФЕНСОНА

Горбункова Д.Н.

В настоящее время научно-исследовательская деятельность студентов является наиболее важной составляющей подготовки будущих специалистов, позволяющая развивать творческие способности, побуждающая к поиску и углублению знаний, способствующая формированию необходимых профессиональных и личностных качеств [1; 2]. В последние годы подготовка студентов в области научно-исследовательской деятельности признается неудовлетворительной, что значительно сказывается на их профессиональном становлении. В связи с этим проблематика вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность на сегодняшний день имеет очень высокую актуальность [3].

В рамках научной работы студент сначала приобретает первые навыки исследовательской работы, затем начинает воплощать приобретенные теоретические знания в исследованиях, так или иначе связанных с практикой, а в конце этого длительного процесса возможно участие в научных конференциях и симпозиумах разного уровня, вплоть до международных [4].

Многие теоретики и практики педагогической работы в вузах утверждают, что НИРС является значимым фактором формирования, становления молодого специалиста [5; 6]. В процессе научно-исследовательской работы студент приобретает навыки теоретического осмысления своей профессиональной деятельности, самостоятельность суждений, умение концентрироваться, постоянно обогащать собственный запас знаний, обладать многосторонним взглядом на возникающие проблемы [4].

Для изучения ценностного аспекта студентов, занимающихся научной работой, использовался метод Стефенсона. Респонденты распределились по специализации обучения: студенты технических и гуманитарных профессий в равном соотношении. Из 25 представленных утверждений, относящихся к рассматриваемой проблеме, респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с ними, используя шкалу от -2 до +2.

Анализируя утверждения, касающиеся значения научно-исследовательской деятельности, мы выяснили, что студенты не представляют возможным отсутствие научно-исследовательской работы в университете. Вероятно, это связано с тем, что на сегодняшний день НИРС активно пропагандируется среди студентов и поощряется (морально и материально). Научно-исследовательская деятельность, по мнению студентов, формирует творческий подход к работе. Развитие критического, творческого мышления, умения действовать в стандартных и нестандартных ситуациях – формированию этих и других навыков способствует научная работа в вузе.

В ходе исследования было установлено, что для многих студентов научно-исследовательская работа – это, прежде всего, написание курсовой (выпускной) работы. Интересно, что у студентов технического профиля обучения согласие с утверждением более выражено, чем у студентов гуманитарного профиля обучения. Возможно, это связано с тем, что, согласно многим исследованиям, студенты гуманитарного профиля обучения более склонны к участию в НИРС, чем технического.

Респонденты отметили, что участие в научной работе позволяет получить более глубокие знания. Важной целью обучения является развитие эвристического мышления различными способами организации познавательной деятельности. НИРС выступает одним из этих способов, который направлен на поиск новых рациональных решений проблемы.

В отношении утверждения «Мое участие в НИРС предопределено поступлением в магистратуру» студенты высказались неоднозначно. Скорее всего, многие студенты на сегодняшний день просто не задумываются о дальнейших планах в контексте образования. Причем, у студентов гуманитарного профиля обучения более выражено согласие с данным высказыванием, а у студентов технического профиля – несогласие. Относительно контроля студентов в научной деятельности со стороны руководителя проявляется неоднозначное, неопределенное отношение. При этом большинство студентов отмечают, что проявляют личную активность в научно-исследовательской деятельности. Преимущественно студенты отмечают, что занимаются разработкой интересующей их проблемой.

В отношении утверждения «Темы курсовых (выпускных) работ, как правило, предлагаются преподавателями» мнение студентов разделилось согласно специализации: студенты-гуманитарии, в основном, выражают несогласие с данным утверждением, а студенты технического профиля обучения, преимущественно, согласны с высказыванием. Возможно, это связано с тем, что гуманитарные науки предоставляют студентам более обширную область проблем для изучения, нежели технические специальности.

Анализируя результаты исследования относительно утверждений, связанных со стимулированием студентов к участию в НИРС, мы установили, что респонденты имеют полную

информацию о поощрениях за участие в научной деятельности. Высказывание «Студенты, которые участвуют в научных мероприятиях, являются лидерами» не нашло подтверждения среди респондентов. Вероятно, это связано с тем, что студент, занимающийся НИРС, в глазах других приобретает имидж так называемого «хорошего» студента, что не всегда ассоциируется с понятием лидера.

Большинство студентов имеют различные грамоты, дипломы и сертификаты за участие в научно-исследовательской деятельности. А также участие в НИРС дает возможность студентам публикации в различных научных сборниках.

В ходе исследования мы попытались установить, с какими проблемами сталкивается студент в ходе научно-исследовательской деятельности.

Относительно высказывания «Мне не хочется тратить больше усилий и времени для подготовки научных работ» студенты выражают полное несогласие. Научно-исследовательская работа важна для студентов, интересна и подталкивает их к более глубокому, осмысленному изучению проблемы. Респонденты отмечают, что не стараются воспользоваться готовыми работами в Интернете, а стремятся к написанию собственных качественных работ. Материально-техническая база университета большинством студентов признается удовлетворительной, однако, студенты технического профиля не проявляют единой позиции в данном вопросе.

Согласно мнению студентов, занимающихся НИРС, информированность о проведении научных мероприятий, а также моральная практика поощрения за участие в НИРС в университете находится на высоком уровне.

Однако многие студенты указывают на существование такой проблемы, как невозможность практической реализации результатов исследования. Причем, студенты технической специализации чаще отмечают существование данной проблемы.

Подводя итог, важно отметить, что использование метода Стефенсона позволило выявить ценностный аспект студентов Тольяттинского государственного университета, занимающихся научной работой. Утверждения, представленные для оценки, охватывали несколько сфер научно-исследовательской деятельности студента, что позволило сделать выводы относительно значимости этого вида работ для студентов.

Свое согласие с утверждениями в наибольшей степени респонденты выразили в блоке, касающемся стимулирования студентов к участию в научно-исследовательской деятельности. Для развития научной деятельности студентов в вузе необходимо распространять положительный образ студента, занимающегося НИРС, а также активно освещать различные научные события и поощрять участников научных мероприятий.

В блоке, связанном с проблемами научно-исследовательской деятельности, респонденты выразили несогласие с предложенными утверждениями. Студенты не согласны с приведенными утверждениями относительно существования в вузе ряда проблем в сфере научной деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что организация НИРС в университете, по мнению студентов, удовлетворяет современным требованиям.

Библиографический список:

1. Желнина Е.В. Наука и образование как факторы инновационной активности современных промышленных предприятий // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2(11). С. 138-143.
2. Zhelnina E.V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. – electronic data- Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm – system requirements: Windows XP/Vista/7/10 – Title from disk label. 2016. С. 109-115.

3. Цветкова, И.В., Иванова, Т.Н., Желнина, Е.В., Филиогло Л.Д. Социально-трудовой потенциал современной молодёжи как основа инновационной активности и модернизации российского общества (на примере г. о. Тольятти) // Регионоведение. 2013. № 3. С. 97-103.

4. Научно-исследовательская работа студентов: учебно-методическое пособие / Ю.В. Андреева, Р.П. Баканов, П.В. Баутина и др.; под ред. Д.В. Туманова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. 140 с.

5. Иванова Т.Н., Желнина Е.В. Профессиональный стандарт педагога. Социологическое изучение оценки нового профстандарта работниками образовательных учреждений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 1 (5). С. 5-15.

6. Желнина Е.В. Условия эффективности новой образовательной технологии // Многоконцептуальность в науке: материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию профессора Б.В. Личмана / под ред. проф. В.В. Запария. Екатеринбург: Изд-во УМЦ – УПИ, 2011. С. 328-335.

РАЗВИТИЕ СЕТЕВЫХ ТЕОРИЙ В СОЦИОЛОГИИ*

Гримов О.А.

С начала XX в. понятие социальной сети было одной из главнейших интуиций западной социологии. В истории социологии можно выделить два фундаментальных направления, по-своему определявших первооснову социального бытия, а, следовательно, и предмет социологии. В фокусе рассмотрения исследователя оказывалось то индивидуальное, то социальное. Так, в центре внимания Макса Вебера оказывается социальное действие, определяемое им как «действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или к терпеливому принятию), которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него» [1, с. 602-603]. Немецким социологом Георгом Зиммелем была заложена традиция считать предметом социологии общественные отношения. Именно Зиммель нередко признаётся предшественником современных сетевых теорий. В качестве предтечи сетевого подхода к анализу общественных отношений можно рассматривать также идею Э. Дюркгейма о «социальной морфологии», которая означает анализ таких «сетевых» понятий, как порядок, связь, взаимодействие. Сам термин «социальная сеть» был введён в 1954г. Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе» [2].

Однако сетевые методы анализа социума начинали применяться в исследованиях антропологов, психологов, социологов, экономистов, ещё начиная с 30-х гг. XX в. Потребность в выработке методов эмпирического исследования замкнутых традиционных (как правило, малочисленных по составу) сообществ способствовала развитию методологии сетевого анализа в антропологии. Так, А.Р. Редклифф-Браун, один из основоположников структурно-функционального анализа, рассматривал социальную структуру как сеть общественных отношений [3]. В рамках антропологических исследований упор делался на изучение социальных структур через конфигурацию интерактивных взаимоотношений между акторами, а не просто статистическое распределение акторов на ту или иную роль [4, с. 40]. Дальнейшим направлением концептуализации сетевого анализа стало изучение особенностей построения социальных групп, отношений между членами группы (акторами), а также описание структурных свойств и групповых эффектов. Данное направление – социометрия – представлено Якобом Морено. Им было установлено, что место субъекта в социальной сети зависит от силы и качества его связи с другими субъектами [5].

В психологии анализ социальных сетей разрабатывался Ф. Хайдером – одним из основателей гештальт-психологии. На основе анализа межличностных отношений в рамках элементарной

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-03161 «Проблема объективации, легитимации и воспроизводства знания в социальных сетях: онтологический, технологический и социокультурный аспекты»)

социальной сети Хайдер доказал, что минимальной формой социальной сети является триада, то есть структура, состоящая из трёх элементов. Также им было введено важнейшее понятие баланса, отражающее идею изучения социальных сетей как самоорганизующейся среды [6]. С. Найдел в своей работе «Теория социальной структуры» чётко разделил понятия «структура» и «функция», чем предвосхитил основные принципы современного сетевого анализа [7].

Е.И. Князева определяет разницу между сетевыми и другими социологическими теориями: «Большинство социологических теорий объясняют социальное поведение через атрибутивные характеристики индивидов и социальных объединений, а также через общепринятые нормы и ценности. В контексте сетевой теории атрибутивные характеристики, нормы, ценности – вторичны, а отношения – первичны, вследствие чего основной гносеологической проблемой данного направления является проблема распознавания структурных особенностей социальных отношений. Опираясь на базисные принципы сетевой теории, ее представители исследуют образцы связей и отношений между отдельными субъектами для того, чтобы выявить, какие социальные структуры возникают на основе этих взаимодействий и как они влияют на социальное поведение субъектов» [8, с.83].

Джордж Ритцер в книге «Современные социологические теории» [9] отводит сетевым теориям целый раздел и определяет время их возникновения – 1970-е гг., то есть до возникновения сети Интернет, что позволяет нам заключить: понятие сети не сопрягалось изначально с новейшими информационно-коммуникативными технологиями; оно описывало вырисовывавшиеся уже тогда изменения в социальной структуре общества, выведенные позднее М. Кастельсом [10]. Хотя распространение Интернета и упрочило сетевую теорию как одну из ведущих парадигм как в социологии, так и в ряде общественных наук, именно, начиная с 1970-х гг., на наш взгляд, применение сетевых методов изучения социума начинает приобретать по-настоящему концептуальные очертания. Если раньше сеть понималась как умозрительная модель для объяснения социального взаимодействия или применялась как инструмент математического анализа, то, начиная с указанного периода, формируется целостная сетевая концепция, представленная различными теориями. Представители данной концепции занимаются как теоретическими разработками, так и прикладными исследованиями, объединёнными общими методологическими установками. Значительны достижения социологов-сетевиков в экономической социологии, социологии науки, изучении родственных и иных связей. Наиболее значительный вклад в развитие сетевой теории, на наш взгляд, внесли представители экономической социологии в 70-90-х гг. XX в. Так, Барри Уэллман изучал партнерские сети и сети родственных связей, их зависимость от возраста, пола, образования, места проживания и т.д. [11]. Марком Грановеттером были выделены следующие типы связи в рамках социальной структуры: сильные, слабые, «отсутствующие». Различение связей по классам основано на различии межличностных отношений по критериям частоты и длительности контактов [12].

В целом, можно заключить, что рассмотренные нами сетевые теории и концепции оказали значимое влияние на развитие современной социологии и нашли широкое применение при решении практико-ориентированных задач.

Библиографический список

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish, Human Relations, 7: P.39-58.
3. Radcliffe-Brown, A.R. 1952. Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses... Book by A. R. Radcliffe-Brown; Cohen & West.
4. Назарчук А.В. О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39-51.
5. Moreno J.L. Sociometry, experimental method and science of society. N.Y.: Beacon House, 1951.
6. Heider F. Attitudes and cognitive organization // Journal of Psychology. 1946. Vol. 21. P. 107-112.

7. Nadel S.F. The study of social structure. L.: Cohen & West, 1957.
8. Князева Е.И. Сетевая теория в современной социологии. Социология. 2006. № 2. С. 82-88.
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
11. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6.
12. Granovetter M.S. Getting a Job: A Study of Contacts and Careers, 2nd Edition. University of Chicago Press, 1995.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БГУ

Гринкевич О.В.

Изучение образов будущего в представлении студенческой молодежи имеет особую теоретическую и практическую значимость. С одной стороны, сами образы являются комплексным показателем состояния общества – в них находят свое отражение ценности и ценностные ориентации индивидов, их ожидания, настроения и др., с другой – молодежь представляет собой актуальный объект исследования ввиду особенности своего положения в социальной структуре общества, в частности современного (например, проблемы деклассизации [1]), а также по причине приписываемых ей творческой и преобразующей сил общественных изменений. Кроме того, на особую важность исследования образов будущего указывает датский ученый Ф. Полак. Он утверждает, что отсутствие образов будущего у социальных субъектов ведет к стагнации социальной общности и её скорому вырождению [2].

Тем не менее, исследование образов будущего осложняется тем фактом, что не существует единого подхода к их пониманию и изучению. В связи с этим, автором статьи была предпринята попытка определить структуру образов будущего, исходя из их естественной упорядоченности, а не путем априорного сведения настоящих образов к феноменам, которые включены в их формирование либо сопряжены с ними. Для достижения данной цели образы будущего были проанализированы с помощью метода обоснованной теории и путем открытого кодирования.

Таким образом, было проведено разведывательное исследование образов будущего среди студенческой молодежи Белорусского государственного университета. Методом доступной выборки были обследованы студенты 5 курса радиофизического факультета (ноябрь 2015) и 3 курса биологического факультета (март 2016). Письменный опрос выступил методом сбора эмпирической информации. Так, молодым людям было предложено заочно написать эссе на тему «Мой образ будущего». При этом оговаривалось, что никаких ограничений по объему и содержанию нет, а самое главное – чтобы студенты изложили возникающие у них мысли в связи с указанной темой, охарактеризовали то, что интересно и важно именно им [3].

По результатам анализа студенческих работ (173 эссе) были определены специфические характеристики образа будущего и выявлены его элементы.

Специфичность образу будущего придает его направленность на постижение событий, наступление которых, так или иначе, ожидается или желается. При этом значимость приобретает особенность интерпретации самого будущего – активный или пассивный подход (по П. Штомпке) [4], которые также могут быть определены как волюнтаризм и фатализм. Для выстраивания образов будущего, кроме того, прибегают к феноменам предвиденья и воображения, что отличает их от образов прошлого, базирующихся на памяти, и настоящего, непосредственно отражающихся в сознании. В связи с тем, что в формирование образа включается воображение, возникает потребность в дифференциации образов будущего по содержанию – их разделение на реальные и идеальные (утопические). В целом, для представлений о будущем в качестве типичных оказываются такие характеристики как фрагментарность, субъективизм и незавершенность (по И.Д. Тузовскому) [5]. Надо отметить, что фрагментарность является качеством образа будущего как полноценного,

целостного социального феномена, и она выражается в том, что индивиды в своих данных образах могут фокусироваться на рассмотрении какой-либо одной проблематики, их нескольких блоков или представлять их в синтезированном виде. Фрагментарность не значит, что в мозаике представлений отсутствуют некоторые детали, просто образ не имеет привычный строгий логичный вид [6]. Данный образ выступает как целостный для конкретного случая, для конкретного индивидуального сознания, наилучшим способом отвечающий, например, волнующим проблемам некоторого субъекта, тогда как для внешнего судьи он становится обрывочным и недостаточным. Из этого проистекает и субъективизм образа будущего. Незавершенность связана с тем, что образ может детализироваться, а также трансформироваться со временем ввиду различных причин.

Исходя из того, какие представления составляют базу формирования отношения индивидов к окружающей действительности, складываются различные типы образов будущего – религиозные, этические, философские, социально-политические (по И.В. Желтиковой) [2], научно-технологические и бытовые. Кроме того, выкристаллизовывается ряд стратегий их выстраивания: утопический, социально-философский, рационалистический, феноменологический, синергетический (по С.В. Пирогову) [7], художественный и докладной формы.

Что касается элементов образа будущего, то среди них были выявлены следующие:

1) направленность времени («для меня существует только единственный образ конца нашего существования», «эти колебания могут продолжаться вечно..», «в мои 50 лет..»), которая включает следующие пункты:

- детерминированность – определенность и неопределенность будущих состояний,
- форма или вид – циклическое, линейное или спиралевидное, что дает представление о возможности новых будущих состояний (по П.Штомпке) [4],

- вектор – прогресс, регресс или status quo – изменение относительно наличных условий (актуальным становится определение критерия),

- глубина охвата: предполагает использование астрономического, исторического и социального времени для обозначения временных границ в рамках глобальной, или масштабов вселенной, и локальной (земной и человеческой) перспективы. Логика деления на периоды обуславливается уровнем общности образа будущего. На индивидуальном уровне краткосрочные периоды могут быть представлены промежутком до 5 лет, среднесрочные – на 10-15 лет, и долгосрочные – более 15 лет, на надиндивидуальном уровне (социальной общности) – соответственно до 10 лет, 10-30 лет и более 30 лет.

- финал – по наличию завершающей стадии развития – бесконечность или завершенность;

2) эмоциональное восприятие («многие сочтут меня пессимистом, но я совершенно не уверен в радужном будущем», «с надеждой я делаю шаг в будущее», «страшно и больно смотреть на то, что в мире происходит») : *будущее в целом* (по наполненности соответствующей лексикой) – оптимизм, пессимизм, нейтральное (отсутствие ярко выраженных эмоциональных понятий) и критическое отношение, и выражаемые *чувства к его деталям*, которые, в том числе, дополняются восприятием событий настоящего и прошлого;

3) знания («Написано много литературы на эту тему, картин, сложено немало рассказов, но все они более фантастические, чем реальные. Итак, в 1985 году был снят фильм...», «Я вижу трагическое будущее планеты: сначала она приобретет образ как в фильме «Матрица», затем и вовсе исчезнет») – использование различного рода информации:

- обладающей научным и образовательным статусом,
- полученную опытным путем в обыденной жизни,
- религиозного, этического или философского характера,
- базирующуюся на приобщении к художественным произведениям,
- интуитивную;

4) идеалы и ценности (в том числе и антиценности), ценностные ориентации («человеческая жизнь есть абсолютная ценность», «общество не забудет смысла слов «любовь», «доброта», «семья»,

«дружба», «становиться жертвами материальных ценностей»). Последние могут быть классифицированы следующим образом:

- смысложизненные, универсальные и партикулярные,
- терминальные и инструментальные,
- материалистические и постматериалистические,
- производства и воспроизводства наличной социальной структуры и др. [4; 8];

5) интенции – желания, фантазия, мечта (по С.В. Пирогову) [7], цели и намерения («мне всегда хотелось прожить жизнь с любимым человеком», «я стану тем самым «большим и толстым программистом»);

6) ожидаемые достижения и изменения («протезы, которые не отличаются от реальных конечностей», «каждое новое изобретение будет доступно не всем, возрастет влияние корпораций»);

7) опасения и предполагаемые проблемы («на смену обычного терроризма придет кибертерроризм», «кризис, как экономический, так и моральных принципов, может привести к самому страшному – войне»);

8) обеспокоенность скоростью протеканием времени (по П. Штомпке) [4], в частности индивидуальном и надиндивидуальном уровне («сейчас мир очень быстро меняется, и время, как мне кажется, начало быстрее двигаться»).

9) факторы и условия, способствующие и препятствующие воплощению определенного образа будущего («пока какой-нибудь космический объект не превратит в пыль все живое на Земле», «человек должен отходить от стадных инстинктов, образованность поколения и наличие собственного взгляда – обязательно»).

Надо отметить, что также были раскрыты различные уровни общности образов будущего (индивидуальные, или образы микроуровня, и надиндивидуальные, или мезо – страны, и макроуровневые (в т.ч. цивилизации)) и стороны (экономическая, политическая, культурная и др.).

Таким образом, образ будущего является полноценным социальным явлением, имеющим свои специфические черты и структуру, которые четко обнаружили себя в представлениях студентов БГУ. Результаты настоящего анализа могут быть использованы при выявлении специфики образов будущего в различных социально-демографических группах, например, мужчин и женщин, или девиантных группах, для определения господствующих образов будущего в общественном сознании и их разнообразия, осмысления перспектив конструирования национальных образов будущего.

Библиографический список:

1. Chauvel L. Les nouvelles générations devant la panne prolongée de l'ascenseur social // Presses de Sciences Po, Revue de l'OFCE. 2006. № 1(96). P. 44-49.
2. Желтикова И.В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака / Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. 2013. № 3(23). Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/download/3201311/pdf_163.
3. Моисеева В.В. Школьное сочинение как источник социальных представлений о наркотиках // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 128-149.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
5. Тузовский И.Д. Образ будущего в современных социокультурных концепциях (на материале анализа футурологии и антиутопий): автореф. дис. ...канд. культурологи. Челябинск, 2009. 27 с.
6. Яржембовский С. Логика appetitов // Звезда. 2010. №12. С. 209-216.
7. Пирогов С.В. Социальное прогнозирование и проектирование. Учебное пособие. М.: ПРОСПЕКТ, 2015.
8. Данилов А.Н. Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды. Минск, 1999.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕНТ-АНАЛИЗА В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Данилова С.В.

Высокий уровень развития методологии социальных наук, способствует широкому распространению качественных методов исследования, отодвигая на задний план количественные методы. Качественные методы в социально-психологических исследованиях предназначены, прежде всего, для глубинного анализа, с их помощью мы можем получить информацию о скрытых мотивах, неосознанных целях или установках личности.

Следует отметить, что часто исследователи придерживаются какой-то одной стратегии, либо количественной, либо качественной. Однако в последнее время, можно наблюдать тенденцию использования комплексного подхода, где количественные и качественные методы являются взаимодополняющими.

Одним из распространенных методов исследования личности творческого человека, является анализ продуктов его деятельности. Такому анализу могут подвергаться его произведения искусства, письма, автобиографии, статьи, интервью и т.д. В последнее время одной из областей исследования стали коммуникативные намерения человека, а наиболее продуктивным инструментом этого исследования является метод интент-анализа.

Интенциональное содержание речи человека служит его важной психологической характеристикой. Доброжелателен ли данный субъект или злобен, выражает ли он терпимость или обнаруживает негативное отношение к собеседнику, направлен ли он эгоистически на себя или его интересуют другие люди? Какой предмет занимает его мысли, какого он характера? Насколько широк круг явлений, которые его занимают? Эти и многие другие феномены проявляются в том, что человек говорит. Именно поэтому интенциональная направленность говорящего составляет важную часть психологического содержания речи [1].

Для изучения таких интенций Т.Н. Ушаковой и др. разработан операциональный метод, названный интент-анализом. Сферой действия интент-анализа является ментальное состояние человека, которое определяется его мотивами, интересами, оценками, намерениями и целями, то есть интенциями. Такому анализу подвергаются газетные статьи, политические выступления, диалоги в телепередачах, интервью с различными личностями.

Выделяют в речи человека интенции двух уровней:

- интенции первого уровня первичны по происхождению в онтогенезе и непосредственно связаны с особенностями функционирования нервной системы человека. Первичная интенциональность определяется как побудительная тенденция к говорению и обнаружению своих мыслей. Это общее свойство говорящих индивидов;

- интенции второго уровня (вторичные) связаны с обращением к внешнему миру – прежде всего миру, людей. Их можно квалифицировать как коммуникативные интенции. Для них характерна двусоставная структура: выражение каждой интенции предполагает обозначение её объекта и отношения к нему говорящего субъекта.

Интент-анализу можно подвергать, например интервью с любой знаменитой личностью, так например, основой нашего психологического анализа является личность А.А. Зиновьева (учёный-логик, социолог и социальный философ; специалист по методологии научных исследований; писатель, критик глобального капитализма) и его последнее интервью, которое он дал В. Большакову [2]. При исследовании данного интервью с помощью метода интент-анализа, мы анализировали намерения А.А. Зиновьева, не только явные, но и скрытые.

Интенциональная организация данного дискурса характеризуются следующими направленностями:

1. «мы», или направленностью на себя (обсуждение автором себя и своих сторонников);
2. «они», или направленность на другого/противника (интенции, относящиеся к оппонентам);

3. «ситуация», или направленность на окружающую действительность (обсуждение происходящих событий);

4. направленность на третью сторону (интенции, адресованные к аудитории, читателю, студентам и т.д.).

Абсолютный показатель количества интенций переводится в относительный: вычислялось отношение количества подсчитанных определенного вида интенций к сумме всех интенций статьи [3].

Так при обсуждении себя и своих сторонников (интенционная категория «Мы») чаще всего проявляется интенция: «неявная самопрезентация». *Направленность на себя* проявляется в том, что А.А. Зиновьев презентует себя как мудрого, все понимающего ученого, пытается представить себя в выигрышном свете с помощью позитивов, которые он стремится поставить себе в заслугу. Для этого он рассказывает о важности книги, которую он пишет в данный момент, приводится данность, что уже сделано, и что еще надо сделать. А.А. Зиновьев не отрицает, что существуют проблемы. Он противопоставляет себя современному миру и большинству. С горечью и осуждением говорит о деградации людей. Его настроение в рассуждениях о себе и других скорее грустные, но чувствуется, что он надеется, что его услышат. Используется *стратегия сближения с адресатом*: (*Мы с вами столько наших бесед опубликовали, наговорили много*) [2, с. 231]. Этим приемом А.А. Зиновьев старается все же указать, что он не одинок, что у него есть единомышленники и к ним стоит прислушаться.

Обсуждение другой стороны (интенционная категория «Они») связано с подчеркнутым проявлением интенции – «критика». Критикуется правительство Й. Сталина и коммунистический строй, интеллектуальные способности современников и жителей запада (как профессуры, так и студентов), образование, старая и новая власть. *Направленность на оппонентов (противников)* характеризуется дискредитацией большинства современных людей. А.А. Зиновьев стремится возбудить негативное отношение к «недумающим».

Для обсуждения *ситуации* характерна интенция «оценивания». А.А. Зиновьев стремится привести точные данные для объективного анализа событий. Установлено, что в данной статье преобладает негативная аналитическая позиция (отрицательное отношение к действующим лицам и событиям).

В последнем интервью А.А. Зиновьева важную роль играет интенциональная *направленность на действительность*. Представление фактов и событий окружающей жизни нацелено на фокусирование злободневных проблем, изменение или стабилизацию существующего положения. Ученый анализирует, оценивает, прогнозирует ситуацию, обнаруживает эмоциональную включенность в происходящее. Он с горечью отмечает низкий уровень образования, грамотности и узкий кругозор современников. Предсказывает, что глобализация приведет человечество к катастрофе. Говоря об этом, речь ученого становится более эмоциональной, каждая фраза как будто наполнена горечью и попыткой убедить слушателей и читателей в своей правоте, попыткой привлечь как можно больше внимания и «разбудить» как можно больше людей.

Третьей стороной», на которую оказывается воздействие, является адресат. В данном интервью речь интервьюируемого направлена не столько на собеседника, сколько на читателей – студентов, людей заинтересованных в образовательных реформах. В нашем случае четко доминирует интенция «предупреждение». В словах А.А. Зиновьева прослеживается желание «взбудоражить» читателя, разбудить и заставить действовать, но в то же время чувствуется усталость и некоторое разочарование от того, что ему в который раз приходится повторять одно и то же, однако он чувствует, что его не слышат в той степени, на которую он рассчитывает.

А.А. Зиновьев стремится показать, что он и адресат относятся к одной нации, имеют общие цели и задачи. В лексическом плане это выражается в том, что он использует местоимение «мы». На фоне указанных общих тенденций обнаруживаются индивидуальные особенности интенциональных установок интервьюера рассмотренных текстов. Анализ показал, что у А.А. Зиновьева преобладают

интенции «неявная самопрезентация», «противостояние» и «критика», «оценивание» и «отрицательный анализ», «предупреждение».

В соответствии с классификацией интенциональных характеристик мы распределили идентифицированные интенции по объектам направленности (см. рис. 1).

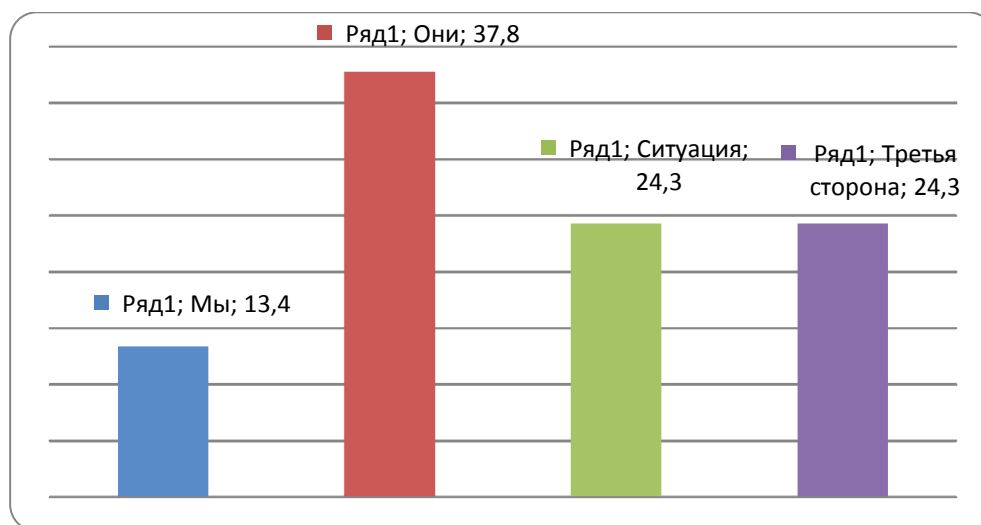


Рисунок 1 – Процентная представленность речевых интенций по объектам направленности в интервью с А.А. Зиновьевым

Анализируя полученную гистограмму, мы можем сказать, что у А.А. Зиновьева, больше всего выражена направленность на других (37,8 %); меньше всего он говорит о себе (13,4%).

Это скорее связано со стремлением противостояния себя и других, он обвиняет и критикует нынешнее власть и современников. Неярко выражена направленность на «себя», возможно, А.А. Зиновьев старается оградить себя от причастности к происходящим событиям и не стремиться к самооправданию и отводу критики. Для нас в своем последнем интервью А.А. Зиновьев рисуется мудрым, умеющим заглянуть в будущее ученым, уставшим от недопонимания. Он уверен в своей позиции, уверен в своих словах, но противопоставляет себя большинству, с горечью констатируя, что большая часть человечества не просто деградирует, а становится управляемым «стадом». Тем не менее, даже устав от своих попыток донести до людей свои мысли, он уверен, что его услышат.

Таким образом, метод интен-анализа раскрывает нам особенности интенциональности речи, которая связана с внутренним эмоциональным переживанием ситуации. Под интенциональностью понимается качество, внутренне присущее порождению текста (устного или письменного). Характер коммуникативной цели обусловлен некоторым психологическим состоянием говорящего человека.

Можно наблюдать в настоящее время рост социально-психологических исследований с применением качественных методов, как основных. Именно качественные методы опираются на активности личности, учитывая при этом роль неосознанных факторов, которые активно влияют на цели, мотивы и установки человека.

Библиографический список:

1. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития: учебное пособие. Москва: Пер Сэ, 2004. 256 с.
2. Я мечтаю о новом человеке /сост. О.М. Зиновьева. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.
3. Ушакова Т.Н., Ненцев В.А., Алексеев К.И. Интен-анализ политических текстов // Психологический журнал. Том 19. №4. 1998. С. 61-83.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВА В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Данильченко М.

Качество жизни представляет собой крайне многогранное и неоднозначное явление для количественной оценки. Создание теоретической модели качества жизни и разработка на её основе конкретной методики – это уже очень трудоёмкая задача. Однако она еще больше усложняется, когда дело доходит до определения объекта исследования – конкретного общества, отдельной страны, региона или мира в целом.

Большинство индексов, разработанных для оценки качества жизни, стремятся к охвату максимального количества стран для последующего составления рейтингов. Некоторые из них стремятся просто оценить ситуацию в разных странах на данный момент и заставить правительства обратить внимание на результаты. Другие же исследования преследуют вполне конкретные цели, достигнув которых они отвечают на поставленный вопрос и дают практические рекомендации.

Тем не менее, существует определенная методологическая трудность оценки качества жизни в мировом масштабе, несмотря на которую многие агентства продолжают старательно заниматься этими исследованиями. Большинство индексов разрабатываются западными организациями, базирующимися, как правило, в США и Великобритании. Эти страны могут позволить себе проводить столь масштабные и затратные исследования, доказательством чему является множество существующих методик оценки качества жизни. Однако вопрос об объективности подобных исследований остается дискуссионным.

Проблеме ценностей уделялась большая доля внимания на протяжении всего развития человеческой мысли. Вопросы о том, почему общества так не похожи друг на друга и почему порой возникают трудности межкультурного взаимодействия, до сих пор волнуют умы многих обществоведов. Ценности – это та соединительная ткань, которая сплачивает членов той или иной социальной общности и формирует их идентичность. По мнению выдающегося русско-американского социолога П.А. Сорокина, «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры», поэтому каждая культура имеет своё уникальное аксиологическое ядро [1].

В европейской культуре это аксиологическое ядро закреплено в принятой Советом Европы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В статье 2 Договора о Евросоюзе мысль о ценностных ориентациях европейского общества сформулирована следующим образом: «Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами» [2].

Ценности США имеют свой особенный социальный оттенок, связанный с особенностями исторического развития этой страны и формированием её менталитета. Широко известная «американская мечта» – вот аксиологическое ядро этого общества, его национальный этос, который предполагает ряд идеалов: демократия, права, свобода, возможности и равенство [3].

Вместе европейские и американские ценности формируют так называемую евроатлантическую систему ценностей, которую объединяют такие понятия, как выгода, гедонизм и успех [4].

Разрабатывая методологию исследований качества жизни в своем социокультурном контексте, европейские и американские организации пытаются оценить ситуацию в других странах через призму своей системы ценностей. В итоге получается картина качества жизни в разных странах с точки зрения западных идеалов, среди которых обычно выделяют высокий уровень здравоохранения и образования, безопасность, гарантии личных прав и свобод.

Таким образом, для адекватной оценки качества жизни в той или иной части мира, предпочтительнее будет учитывать соответствующие им системы ценностей и мировосприятия. Понятно, что они разные в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, в радикально настроенных

исламских государствах, в процветающих странах африканского континента, у нецивилизованных племен, которых на нашей планете ещё немало количество. Более того, они могут отличаться и в пределах одного государства, когда в нём, как, например, в России множество отличий в религиозных ценностях, климатических и географических условиях и т.д., накладывающих отпечаток на структуру и иерархию ценностей.

Рассмотрим, например, такой показатель, как безопасность, который высоко ценится в западном обществе. Небезызвестен тот факт, что в странах Латинской Америки очень высок уровень преступности. В то же время в рейтинге самых счастливых стран по всемирному опросу Gallup все верхние строчки принадлежат как раз этому региону [5].

Гондурас выходит на первое место в мире по уровню преднамеренных убийств [6] и на пятое место по положительным эмоциям. Разумно предположить, что высокий уровень преступности должен являться препятствием для хорошего самочувствия и настроения граждан. Тем не менее, статистика опровергает этот тезис, который очень хорошо характеризует особенности западного восприятия мира.

Ту же ситуацию можно проследить и в ряде других стран Латинской Америки. Получается, что жители этих стран настолько привыкли к ситуации социальной нестабильности, что уже перестали видеть в ней фактор, негативно влияющий на их самочувствие и качество жизни. Объективные западные исследования априори не могут высоко оценить качество жизни в этих странах хотя бы в свете повышенной преступности, и происходит это ввиду отсутствия индивидуального социокультурного подхода к этому региону.

Отдельного внимания заслуживает такой показатель, играющий не последнюю роль в современном западном обществе, как толерантность по отношению к сексуальным меньшинствам. Последнее время идеология терпимости к гомосексуалистам набирает силу в США и странах Европы. Очень многие страны одобрили однополые браки на законодательном уровне. Тем не менее, существует ряд стран, относящихся к данному явлению крайне негативно. И здесь снова возникает вопрос правомерности оценки качества жизни по этому критерию в стране, имеющей иные моральные устои.

Основополагающее воздействие на формирование системы ценностей в том или ином обществе оказывает религия. Ярким примером тому служит исламская культура. Все особенности мировоззрения жителей исламских государств, их моделей поведения и социальных практик обуславливаются, прежде всего, их религиозной принадлежностью, т.к. именно в этом обществе удельный вес религиозных ценностей крайне высок. Вера находится во главе иерархии ценностей ислама [7]. Это единственная в мире религия, которой удалось добиться полного подчинения себе личности [8]. Поэтому, если рассматривать такие западные критерии высокого качества жизни в стране, как свобода выбора религии и веротерпимость, то в мусульманском обществе их роль сведена к нулю. Более того, некоторые понятия Корана со временем начали интерпретироваться по-иному, что также оказало влияние на современное мировоззрение приверженцев этой религии. Примером может послужить понятие «джихад» или священная война. Изначально под этим термином понималось усилие, необходимое для укрепления своей веры и её распространения. На военной и кровопролитной стороне вопроса акцент делался только в исключительных случаях. Сегодня же идею о джихаде трактуют дословно, культивируя в мусульманах идею религиозной уникальности и агрессию по отношению к немусульманам.

Еще одной особенностью социокультурного уклада данного общества является роль женщины и соотношение её прав с правами мужчины. Если опять-таки обращаться к ценностям западного общества, которое является идейным источником формирования индексов качества жизни, то основной ценностью в отношениях между полами является равноправие. В мусульманских же странах четко разграничены статусы и роли мужчин и женщин, и о гендерном равноправии речи не может быть. Эта социокультурная особенность мусульманского мира никак не может считаться фактором, негативно влияющим на общее состояние качества жизни в этом регионе.

Другим ярким примером, показывающим зависимость системы ценностей того или иного общества от религиозных учений, является буддийская система ценностей. Для жителей буддийских стран материальное благополучие и удовлетворение всех своих потребностей и амбиций не являются показателями качества жизни, т.к. буддизм учит тому, что любые человеческие желания – путь к страданию. В американской же системе ценностей вышеуказанным аспектам жизни человека придается высокое значение. Снова выявляется противоречие в ценностях обществ, которые методики глобального уровня пытаются оценивать по одной и той же схеме.

Библиографический список:

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 429 с.
2. Treaty of Lisbon. Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C 306/01)
3. American Dream [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/American_Dream
4. Пальцев А.И. Системообразующие ценности евразийской (русской) цивилизации // Власть. 2011. № 2.
5. The Happiest Countries in the World [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livescience.com/50206-happiest-countries-2014-list.html>
6. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) / The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) / Рейтинг стран мира по уровню преднамеренных убийств – 2013 год.
7. Зиннатуллина Г.Ф. Культура повседневности: основные ценности мусульман // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2015. № 2.
8. Оришев А.Б. Социальная сущность ислама // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 4-1.

САМООТНОШЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ САМОСОЗНАНИЯ

Дарижапова М.Н.

Проблема изучения отношения к себе (самоотношения) в психологии является наиболее актуальной, т.к. самоотношение является одной из важнейших внутренних детерминант саморазвития и самоосуществления человека.

Как компонент самосознания самоотношение обеспечивает оценку своих характеристик, как способствующих или препятствующих самоопределению и самореализации и одновременно эмоционально-ценностное принятие себя.

Отношение человека к себе самому, как указывает В.Н. Мясищев, связано с его отношениями к другим людям и их отношением к нему [7, с. 234]. Н.И. Сарджвеладзе показал, что самоотношение личности включено в качестве определенной подструктурной единицы в общую систему отношений человека, а с содержательной и функциональной точек зрения самоотношение теснейшим образом связано с особенностями отношения субъекта к внешне-предметному и социальному миру [10, с. 81]. Самоотношение, как и другие компоненты системы отношений, обеспечивает процесс самоопределения и самореализации, а с другой стороны выступает как их результат.

Так, О.С. Анисимов описывает процесс самоопределения как «соотнесение двух типов образов «Я», один из которых сохраняет динамику устремлений изнутри, а другой – выступает результатом выявления содержания внешнего требования («требующее Я»). Самоопределение завершается выбором значимости и преобладания того или иного «Я», к которому приспособливается, подстраивается образ другого «Я» [1, с. 64]. Самореализация – в самом общем виде процесс реализации себя, осуществление самого себя в жизни и повседневной деятельности, поиск и утверждение своего особого пути в этом мире, своих ценностей и смысла своего существования в каждый данный момент времени.

С точки зрения акмеологии интересно также предложение В.Н. Маркина рассматривать самоотношение как интенцию последовательных процессов самоактуализации (пробуждения и развития потребности в саморазвитии) – самосовершенствования – самореализации (предъявления миру своего *Я* через творчество [1, с. 64].

В нашем исследовании мы рассмотрим самоотношение как *компонент самосознания или Я-концепции*. Самосознание – это развернутый во времени процесс опосредствованного познания себя, связанный с движением от единичных ситуативных образов *Я* через интеграцию подобных многочисленных образов к целостному образованию – понятию своего собственного *Я* как субъекта, отличного от других субъектов (в том числе и в плане саморазвития).

Необходимо подчеркнуть, что в психологическом словаре самосознание определяется как осознанное отношение человека к своим потребностям, способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям [9, с. 343]. Самосознание выражается также и в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, выступающей в качестве основания целесообразных действий и поступков [9].

Благодаря самосознанию мы можем осознавать разные стороны своей личности, их соответствие или несоответствие социально-нравственным требованиям деятельности. Самосознание является регулятором человеческого поведения и деятельности. Благодаря самосознанию мы можем проектировать собственную личность. Основными функциями самосознания являются развитие и совершенствование своей личности в соответствии с социально-нравственными требованиями общества и сознательное использование психических закономерностей своей личности для наиболее успешного преобразования природы и общества. Развитое самосознание обеспечивает эмоционально-ценностное отношение к себе, дифференцированность и адекватность всех осознанных поведенческих реакций, поступков, вербальных проявлений [12, с. 147].

В структуре самосознания выделяют самопознание как начальное звено самосознания, получение и развитие знаний о себе; самооценку как оценку своих поступков и себя в целом, соотнесение знаний о себе с социальными требованиями и нормами; самоотношение как эмоционально-ценностное отношение к себе.

По мере развития самосознания увеличивается когнитивная сложность, возрастает дифференцированность, цельность, устойчивость и обобщенность образа *Я*. По мере развития личность все более глубоко осознает свое индивидуальное своеобразие. Процесс постоянно усложняющегося самосознания является показателем непрерывного развития личности, так как именно самосознание является регулятором деятельности и поведения человека.

Разработка проблемы самоотношения в научной литературе освящена ещё в недостаточной мере. Самоотношение изучалось у представителей разных профессиональных общностей, находящихся на разных этапах профессионального развития: адепта, адаптации, интернала, мастерства и наставничества. Исследование аффективного компонента самосознания посредством методики МИС С.Р. Панталева проведено Т.Л. Мироновой в 2004 году на выборке студентов-психологов Бурятского госуниверситета, обучающихся на разных курсах [6, с. 71].

Благодаря осознанию себя как субъекта саморазвития (формированию акмеологического самосознания) человек становится способен успешно продвигаться к акме и самоосуществлению.

При исследовании самосознания выделяется проблема действующего и рефлексивного *Я*. Это различие было введено в психологию У. Джемсом. (1902), который выделил в личностном *Я* два элемента – *Я*-сознающее, то есть *Я* как субъект активности, и *Я* как объект. Такое различие является условным: в реальной психической жизни эти две стороны самосознания слиты и образуют единое нерасторжимое целое. *Я* как объект существует лишь в процессах осознания себя и является содержанием этих процессов постольку, поскольку субъект может осознавать самого себя [2, с. 319]. Разделять результат и процесс осознания себя можно только условно. Человек как носитель самосознания является активным деятелем, реализующим свои планы, изменяющим мир и самого себя. Для достижения своих целей, замыслов он должен отражать не только внешний мир, но и

самого себя как регулятора своего поведения и деятельности. В процессе отражения человеком самого себя (самоотражения) формируется образ *Я*. Наряду с *Я* как субъектом, активным, действующим и субъективным, подчеркивает И.С. Кон (1981), необходимо выделять *Я* как объект восприятия, мышления, то есть *Я*-концепцию.

В структуре *Я*-концепции выделяют образ *Я*, самооценку и самоотношение.

В онтологии самооценка, самоотношение и образ *Я* как подструктуры *Я*-концепции слиты, особенно на стадии взрослости. Однако в абстракции, в анализе, их необходимо разделять, чтобы уяснить природу и сущность каждой подструктуры.

Некоторые исследователи не разделяют самоотношение и самооценку. Так, В.Н. Маркин считает, что самоотношение как эмоционально оценочный акт выступает в качестве самооценки, одновременно являясь самопознавательной (субъективно-личностной) активностью и кристаллизованным результатом этой активности – личностным новообразованием: устойчивым отношением к себе (собственно самоотношением) [5, с. 55]. Однако Л.В. Бороздина показала, что следует различать в структуре самосознания образ *Я*, самоотношение и самооценку [3, с. 45].

Образ *Я* фиксирует знание субъекта о себе, это комплекс сведений данного человека о нем самом, отвечающий на вопрос: «Что *Я* имею, чем обладаю?». Самооценка – это наличие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он обладает, то есть не констатация имеющегося потенциала, а его оценка с точки зрения определенной системы ценностей. Поэтому самооценка отвечает на вопрос: не что *Я* имею, а «чего это стоит, что это значит, означает?». По итогам самооценки формируется то или иное отношение к себе, позитивное или негативное, с чертами отрицания, неприятия. Таким образом, знание о себе является материалом для самооценки, которая, в свою очередь задает модус самоотношения. Самоотношение отвечает на вопрос «ценно ли это для меня и насколько ценно?» [3, с. 45]. Исследования, в которых фиксируются несовпадения уровней самооценки и самоотношения, подтверждают, что самооценка и самоотношение, наряду с образом *Я* – это разные подструктуры *Я*-концепции. Подобные факты имеются как в зарубежной, так и в отечественной экспериментальной психологии. По данным Л.В. Бороздиной, при изучении самооценки в период взрослости и особенно старости часто регистрируется расхождение высотных параметров самооценки (по методике Дембо-Рубинштейн) и самоотношения (по тесту Розенберга) [3, с. 45].

С.Р. Пантилеев, рассматривая понятие «самоотношение», во многом опирается на представления В.В. Столина о самосознании как о «конфликтном личностном смысле». Самоотношение, по мнению С.Р. Пантилеева, не является ни следствием знания о себе, ни реакцией на определенные аспекты образа *Я*, наоборот, знание о себе и самоотношение есть следствие одних и тех же общих причин, лежащих вне субъекта, в его деятельности, – и лишь вторично, в феноменологически превращенных формах, отдельные самооценки могут восприниматься самим субъектом как способные порождать его истинное отношение к себе [8, с. 79].

Следует обратить внимание на позицию Н.И.Сарджвеладзе, который считает, что не самоотношение является компонентом самосознания, а, напротив, феномен самоотношения в качестве своих отдельных сторон включает самосознание, самопознание, самооценку, эмоциональное отношение к себе, самоконтроль, саморегуляцию, а понятие самоотношения является родовым относительно понятий самопознания, самооценки и других подобных понятий, имеющих приставку «само» и отражающих широкий спектр феноменов внутренней жизни личности [11, с. 81].

Автор рассматривает самосознание, самопознание, самооценку, эмоциональное отношение к себе, самоконтроль, саморегуляцию как феномены одного порядка, хотя в действительности самосознание включает в себя самопознание, самооценку, эмоциональное к себе отношение, а саморегуляция выступает как механизм самоорганизации и самопреобразований человека. Трудно согласиться и с мнением автора о том, что понятие самоотношения является родовым относительно понятий самопознания, самооценки и других подобных понятий. Это неверно с точки зрения формальной логики. Если же автор имел в виду, что самоотношение предшествует самопознанию и

самооценке, то и это неверно, во всяком случае, по отношению к самопознанию: оно в любом случае либо предшествует самоотношению, либо идет параллельно ему.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ исследований самоотношения показал, что самоотношение как мотивационно-смысловое образование определяет область «значимого» в сфере Я, выступает как непосредственная представленность в сознании личностного смысла Я и задает ориентиры взаимосвязанных процессов самоактуализации.

Библиографический список:

1. Анисимов О.С. Методологический словарь. М.: РАГС, 2001. 168 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
3. Бороздина Л.В. Теоретико-экспериментальное исследование самооценки (место в структуре самосознания, возрастная динамика, соотношение с уровнем притязаний, влияние на продуктивность деятельности): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 45 с.
4. Дарижапова М.Н. Акмеологические особенности самоотношения государственных служащих: дис. ... канд. псих. наук. М., 2008. 165 с.
5. Маркин В.Н. Акмеологические условия продуктивного формирования отношений личности обучаемого к себе (самоотношение) // Акмеология. 2003. № 4. С. 55-58.
6. Миронова Т.Л. Самосознание, профессиональное самосознание и его эмоционально-оценочный аспект // Актуальные проблемы современной психологии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. С. 39-71.
7. Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
8. Пантлеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991. 108 с.
9. Психологический словарь. М.: Феникс, 1990. 343 с.
10. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 204 с.
11. Сарджвеладзе Н.И. Позиция личности и установка: опыт построения структурно-динамической концепции личности // Изв. АН ГССР. Сер. Философия и психология. 1985. № 2. С. 81- 93.
12. Чеснокова И.Н. Проблемы самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 256 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Джелилов А.А.

Если мировоззрение определяет метод познания, то картина мира – это его результат. Та часть языковых картин мира, которая демонстрирует внешнее подобие, т.е. представляется симметричной, является, в самом деле, неэквивалентной.

Эта неэквивалентность отражает оппозицию общего и частного в когнитивной деятельности человека, разных уровней абстракции. Она обусловлена тем, что каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях культуры во всех ее четырех сферах – материальной, духовной, организационной и поведенческой [2].

Речь здесь идет не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, т.е. по-разному сопоставляться с культурным опытом народа. Например, средневековая ментальность может и должна восприниматься как такой же определенный тип культуры, что и «высокая» культура.

Менталитет можно определить как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные константы социокультурной жизни. Игнорируется это часто потому, что различные

общества в своем взаимодействии предпочитают иметь дело с культурами, созревшими окончательно, а не находящимися в стадии созревания.

Высокая культура есть результат многовекового развития ментальной культуры. Исследователи долго изучали лишь готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали их в рамках иных систем.

Этническое самосознание развивает свою стратегию выживания на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Итогом этого процесса является строительство культуры как «дома», надстройки, которая решает определенную социально-политическую задачу и, пройдя свою судьбу до конца, уходит или отмирает.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации.

Менталитет конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности.

Модель мира у крымских татар, как и у других народов, представляется трёхмерной: *Kök – Heaven – 天堂 [Tiāntáng]* ‘небо’ – верхний мир; *Yer – Earth – 土 [Tǔ]* ‘земля’ – средний мир, *Yerasti Dünyası – Underworld – 地下 [Dìxià]* ‘подземелье’ – нижний мир [1; 2].

Верхний мир – это *Kök, Hava – Sky, Heaven – 天空 [Tiānkōng], 天堂 [Tiāntáng]* ‘небо’; *Küneş – Sun – 太陽 [Tàiyáng]* ‘солнце’, *Ay – Moon – 月亮 [Yuèliàng]* ‘луна’; *Yıldızlar – Stars – 星星 [Xīngxīng]* ‘звёзды’; *Allah, Hoday, Tanrı – God – the Lord – Almighty – 神 [Shén]* — *我們的主 [dà néng]* — *大能 [wǒmen de zhǔ]* ‘Бог, Всевышний’.

Средний мир – это *Yer – Earth – 土 [Tǔ]* ‘земля’, *Suv – Water – 水 [Shuǐ]* ‘вода’, т.е. место, где живут люди, животные и растения.

Нижний мир загадочен и таинственен. Это мир мёртвых, место захоронения животных, место обитания злых духов. В то же время в нём сосредоточены подземные богатства и т.д.

Язык полностью определяет мировоззрение его носителей – мировоззрение, восприятие и осмысление мира зависит от языка, на котором говорят люди.

В концепции лингвистической относительности Вильгельма фон Гумбольдта, Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа, язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление.

Согласно О.А. Корнилову, наличие всеобщего мыслительного кода, делает принципиально возможным понимание друг друга людьми, принадлежащими к разным культурам и разным языковым коллективам. Однако мышление людей схоже лишь в своей основе. Все, что выходит за рамки универсально-предметного кода носит национальную обусловленность и специфичность [2, с. 12-16].

Отдельно стоит сделать акцент на первичности и вторичности национального языка и особенностях национального менталитета.

Мышление этноса определяется его базовым компонентом (совокупностью ментальных универсалий, общих для всех народов) и национально-специфическим компонентом.

Национально-специфический компонент сознания формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе своего существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми.

Впоследствии при изменении или исчезновении тех или иных внешних факторов национальное мышление не перестает ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, «помнящего» действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа.

Во фразеологизмах и других устойчивых единицах языка раскрываются представления народа о небе, солнце, луне, звездах, мире, земле, подземелье и т. д. Неисчерпаемым источником устойчивых единиц – результата когнитивной деятельности и опыта народа, является фольклор, пословицы, поговорки, народные приметы, диалекты, наречия, этнолекты и др. [1-7].

К примеру, фразеология и паремиология крымскотатарского языка, в отличие от английского и китайского, редко становилась объектом отдельных монографических исследований в трудах отечественных и зарубежных ученых. Собирали крымскотатарскую фразеологию занимался У. Куркчи, паремиологии – доктор филологических наук, профессор Рефик Музафаров. Научной систематизации фразеологии посвящены работы профессора А.М. Эмировой [3-6].

Однако некоторые раритетные издания, посвященные устойчивым сочетаниям крымскотатарского языка, все еще нуждаются в серьезной научной обработке. Таким является сборник пословиц и поговорок крымскотатарского языка, под редакцией А.Н. Самойловича и П.А. Фалева, изданный в 1912 г., является уникальным раритетным изданием в своем роде [3].

В данной форме были зафиксированы вербальные конструкты – результаты когниции целого народа. Всего в сборник вошла 521 единица. В основу издания положены еще две работы – Сборник пословиц, составленный Османом Мурасовым, насчитывающий 305 пословиц и сборник пословиц, составленный г. Мартино, состоящий из 54 пословиц.

Устойчивые словосочетания в сборнике можно поделить на следующие тематические группы: 1) верования – обряды – духовенство; 2) нравственные воззрения и житейская мудрость; 3) человек, его свойства и отношения к другим людям; 4) семья и родня; 5) человек, его деятельность, его оружие и результаты; 6) этнографические и исторические пословицы; 7) топографические пословицы; 8) медицинские пословицы; 9) пословицы о животных; 10) растения и неорганическая природа; 11) общие пословицы; 12) приметы: о человеке; о временах года; 13) Выражения и прибаутки.

Urf-adetlerlerimiz – Ulema / Customs – Traditions – Clergy /

Верования – Обряды – Духовенство / 信仰 - 禮記 - 神職人員

Allah bir kapuı kaparsa, biñ qapuı açar – Allah could close one door and open thousands – 如果上帝關上一扇門，他打開一千元 – Если Бог закроет одну дверь, откроет тысячу.

Allah verecek ise kimin oğlın, kimin kızısın demez – If Allah wants to give something, he will not ask whose son or daughter you are – 如果上帝想要的東西給，也不會問你的兒子或女兒誰是你 – Если Бог захочет что-либо дать, то он не спросит: чей ты сын или чья ты дочь.

Allahın vergisine karar olmay – One can't measure God's gifts – 確定的禮物上帝是不可能的 – Определить Божьи дары – невозможно.

Allahın kaznesi boldır – Allah's treasury is full – 神豐富的寶庫 – Божья казна обильна.

Allah er kesniñ gönlüne kore verir – Allah gives to everyone according to the heart – 上帝根據心給予每個人 – Бог дает всякому по его сердцу.

Сопоставительное исследование фразеологии разноструктурных языков позволяет выявить культурно-обусловленный компонент языковых значений и рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов этносов. Устойчивые словосочетания являются константными элементами менталитета народа, хранящего в себе разнообразный опыт поколений и житейскую мудрость. Они представляют собой практическую философию, которая служит для отображения сложности и противоречивости различных аспектов жизни определенного этноса.

Таким образом, фразеологизм является социокультурной константой менталитета нации. Национальный менталитет формируется в повседневной жизни в процессе включения человека в общество и усвоения им обычаев и ценностных ориентаций.

Библиографический список:

1. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 509 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные г.г. Боданинским, Мартино, и Мурасовым. Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева. С предисловием П.А. Фалева // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. Типография Тавр. Губ. Земства, 1915. С. 1-67.
4. Куркчи У. Къырымтатарджа-русча фразеологик уйгундашлар лугъаты / Ильмий муаррир Эмирова А. Симферополь: КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир нешриятъ», 2011. 296 с.
5. Куркчи У. Къырымтатар тилининъ фразеологизмлери лугъаты. Т. 1. Симферополь: Серия «Бильги Чокърагъы», 2015. С. 4-12.
6. Пословицы и поговорки крымских татар / под ред. Музафарова Р. Симферополь, 2007. 182 с.
7. Richard Spears. NTC's American English Idioms Dictionary. Third Edition. New York: NTC Publishing Group, 2000. 626 p.
8. The Oxford Dictionary of Idioms / Judith Siefring. New York: Oxford University Press, Inc., 2004. 340 p.

МОДЕЛИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

Докучаев И.И.

Модели и моделирование – ключевой способ организации бытия человека, представляющий собой конструирование реальности в форме ее удвоения (рефлексии). Помимо моделирования реальность может конструироваться и иначе – в ходе трансформации, или преобразования. Помимо моделирования реальность может рефлексироваться и иначе – в форме концептуализации, причем и концептуализация, и моделирование представляют собой когнитивную практику. Моделирование же может осуществляться не только в когнитивной, но и в иных социально-культурных практиках – ценностно-ориентационной (прежде всего, в религиозной и политической формах) и художественной.

Художественная модель – такое удвоение реальности, которое претендует на целостное ее воспроизведение, причем эта целостность гарантируется исключительно внутренней художественной логикой, которая коррелятивна логике реальности, но не повторяет ее. Эта корреляция представляет собой аналогию, которая придает реальности неопределенный характер; ставит под сомнение результаты ее познания и оценки; провоцирует конфликт интерпретаций, ни одна из которых не может быть признана окончательной, но не может быть также и элиминирована в качестве ложной (за исключением только таких, какие полностью игнорируют буквальные схемы произведения искусства, провоцирующие интерпретации и ставящие границы для них). Подлинное произведение искусства всегда сложно и его смысл не может быть сведен к какой-то простой и непротиворечивой концепции.

Ценностная модель – такое удвоение реальности, которое также претендует на целостное воспроизведение. Однако эта целостность гарантируется уже не особой логикой модели с ее неопределенностью и конфликтом интерпретаций, а субъективностью, то есть исторически сложившимся содержанием идеала приемлемого и требуемого мира, который стремятся выстроить (или хотя бы оценить) те или иные общества и индивиды. Ценностная модель, таким образом, есть субъективный идеал, на основе которого оценивается и преобразовывается мир. Этот субъективный идеал может резко отличаться от объективных потребностей пользы, вплоть до ее полного отрицания. В архаических и классических традиционных обществах такой идеал чаще всего выражался религиозными мифами и воспроизводящими их ритуалами, а в средневековом традиционном обществе – еще и специальными рациональными концептуализациями (теологией и т.п.).

Ценностная модель похожа на художественную тем, что и та и другая целостны, но различаются тем, что ценности обладают строгой определённой, а художественное произведение провоцирует конфликт интерпретаций и неопределённость их итогов. Еще одно сходство ценностных и художественных моделей – в их субъективном характере. Эти модели не столько повторяют в своём удвоении реальный мир, сколько создают специфические, принципиально отличные от реальности ее аналоги – перформативные версии реальности. Это отличие есть отличие между субъективными идеалами, субъективными образами и объективными копиями и концептами реального мира. Однако таким своим свойством, как определённая, ценностная модель сходна с когнитивными моделями, ибо содержание последних также претендует на отчётливость и ясность его истолкования.

Когнитивная модель реальности есть такое ее удвоение, которое претендует на объективное воспроизведение и даже воссоздание свойств реального мира. Она имеет определенное содержание, которое можно уточнять и проверять. Вопрос о том, является ли моделирование единственной формой когнитивной практики, или оно отличается от концептуализации – дискуссионный. Есть основания полагать, что модель и концепция – одно и то же. В самом деле, и то, и другое представляют собой рефлексии реальности, ее удвоение в форме точных содержательных композиций. Однако есть основания полагать, что модель и концепция – не одно и то же. Их различие заключается в том, что модель всегда включает в состав своего содержания материальные компоненты, причем это могут быть как чувственно воспринимаемые характеристики модели, так и умственно постигаемые (в терминологии Аристотеля). Концептуализация же никогда не включает в состав своих результатов материальных характеристик. Их содержание раз и навсегда определено и завершено. Всякая же модель обладает потенциальным ростом содержания, несмотря на его определенность. Этот рост есть следствие особенностей материи, которая благодаря своей индивидуализирующей способности создает бесконечность свойств и характеристик всего сущего, аспектом бытия которого выступает. Вместе с тем, когнитивный потенциал материи – еще одна проблема, ставящая под сомнение само понятие моделирования.

Классическая точка зрения на проблему материи такова, что индивидуальные характеристики непознаваемы. Они непознаваемы потому, что их невозможно концептуализировать, они уникальны, и, следовательно, их не с чем сравнивать; тогда как любое определение включает ближайший род и видовое отличие определяемого объекта (то есть сферу сравнения и сферу спецификации). Всякий концепт есть результат сравнения и обобщения, он есть свойство ряда объектов, благодаря которому этот ряд отличается от других. Поэтому материя не может быть концептуализирована. Так думали Платон и Аристотель. Однако уже в школе Сократа были другие точки зрения на эту проблему. Так, основатель кирической философии Антисфен полагал, что познание не есть только поиск определений, а скорее – систематизация объектов, поиск необходимых и достаточных для их бытия элементов и установление отношений (функций) между ними. Аргументы Платона против системного подхода очень основательны: действительно, существуют такие объекты, систематизация которых не позволяет объяснить их сущности. Иными словами, у таких объектов имеются эмерджентные свойства, эпифеноменальные по отношению к свойствам составляющих эти объекты элементов. Это создает проблемы для системного метода, который в целом хорошо зарекомендовал себя в когнитивных практиках. Одна из таких проблем – психофизиологическая проблема. Некоторые ученые (например, Д. Чалмерс) полагают, что сознание невозможно редуцировать к физиологическим процессам организма, и оно есть как раз такое эмерджентное и эпифеноменальное свойство.

Однако в целом системный подход является одним из ключевых принципов любого моделирования. Многие объекты хорошо редуцируются к их систематизациям, а следовательно – хорошо моделируются. Однако многие объекты очень сложно поддаются систематизации. Системный подход – единственное средство упорядочить социально-гуманитарную практику в большинстве случаев. В социальных и гуманитарных науках концептуализации и моделирование

сводятся к конструированию когнитивных артефактов, которые представляют собой идеальные типы (в терминологии Макса Вебера). Это конструирование опирается на два ключевых логических принципа, один из которых – редукция, а другой – выступающий фактически стороной первого – идеализация. Эта идеализация оказывается обоснованной в той мере, в какой она выдерживает требования системного подхода. Найти критерии, по которым объект может быть описан как совокупность необходимых и достаточных для его бытия элементов и функций этих элементов, связывающих их друг с другом, а также весь объект с окружающей его средой – вот основная задача моделирования реальности. Все, что невозможно систематизировать, редуцируется. Любая система социологических конструкций, вроде концепции социально-экономических формаций Карла Маркса или теории социального действия Толкота Парсонса – типичные примеры подобных систематизаций, то есть идеализаций и редукций.

Однако в естественных науках не требуется подобной логической работы. Классификации химических элементов в периодической системе Д. И. Менделеева или таксономические классификации биологов невозможно систематически обосновать. Они представляют собой своего рода естественные модели – то, что можно назвать законами природы, или (поскольку редукции все равно совершаются ради того, чтобы доказать эти законы) – фундаментальные природные симметрии. Эти симметрии не являются абстрактными когнитивными артефактами, конструирующими реальность. Они выступают, прежде всего, свойствами реальности, конструирующий потенциал которых, конечно, не упраздняется вовсе, но сводится к минимуму. Среди этих концептуализаций можно выделить натуральные модели, математические модели и чистые концептуализации. Натуральные модели воссоздают объект в каком-то ином, чем он сам, материале (например, глобус или пластиковая модель скелета человека). Такие модели лишены ряда свойств объекта, но зато остальные, наиболее важные для такого рода моделирования, представляются выразительнее и последовательнее, чем самим объектом. Изучение этих свойств в материальном контексте модели способно выявить дополнительные характеристики, которые в ходе наблюдения за самим объектом могут оказаться скрытыми. Математические модели представляют собой логические композиции свойств объекта, формализованных до количественных переменных и отношений между ними. Гипотетико-дедуктивный потенциал подобного рода моделей, выражающийся, например, в топологических схемах или системах уравнений, также позволяет получать новую информацию об объекте, не обращаясь к нему самому, причём более точно и систематично, чем в случае такого рода обращений.

Среди моделей, построенных в рамках естественно-математического и социально-гуманитарного знания, можно обнаружить и такие, которые не сводятся ни к естественным, ни к идеальным. Их можно назвать порождающими. К числу примеров подобного рода моделей относятся ДНК, языковые парадигмы и т.п. Их особенность заключается в том, что, с одной стороны, они не являются свойствами моделируемого мира (каковы все естественные модели), но они не являются также идеальными абстракциями моделируемого мира (каковы все социально-гуманитарные модели). Они так же конкретны, как и сама реальность, но отличаются от нее, представляя собой минимум конструирования. Язык порождает речь, а не является результатом абстрактного сопоставления речевых актов в форме текстов или устных дискурсов, в результате которого формируются обобщения. Да, о языке можно узнать в ходе этих обобщений, но открываемое обобщение предстает перед нами в своеобразной функции – функции порождающей модели, ориентируясь на которую, акторы выстраивают коммуникативный акт. Социальные и гуманитарные науки XX века характеризуются поиском такого рода моделей в различных практиках; этот поиск получил названия структурно-функционального метода, однако он дал очень плохие результаты, если не считать попыток выявить ценностные модели культуры в качестве более или менее убедительных аналогов порождающих моделей языкового характера.

Завершая этот обзор когнитивных, художественных и ценностных моделей, укажем еще на один вид моделирования – праксеологический. Праксеологические модели есть рефлексии

реальности, включающие правила ее трансформации с целью создания объективно приемлемого (полезного) для всякого человека мира. Они могут опираться на когнитивные модели, могут опираться на ценностные модели, и в зависимости от этого приобретать те или иные свойства соответствующих моделей. Можно обнаружить различные синтетические артефакты, включающие свойства аксиологического и когнитивного моделирования. Особой формой праксеологических моделей выступают деонтологические артефакты, опирающиеся на социальные нормы (например, юридические законы). Большинство из них по своему происхождению имеют либо аксиологический (это бывшие субъективные ценности, ставшие безразличными нормами), либо праксеологический (то есть объективный, основанный на когнитивном отношении к реальности) статус.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНОСОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Долгаева Е.И.

Важнейшими целями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. являются «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России»; «обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств» [1]. Их реализация предполагает проведение соответствующего политического курса на уровне субъектов федерации, что в национальных республиках сопряжено с наибольшими трудностями: наличие титульного этноса объективно создает разные условия для функционирования народов, культур, языков.

Республика Мордовия – полиэтничный регион, где, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [2, с. 5], большинство жителей составляют русские (53,2%), на втором месте по численности – мордва (мокша и эрзя) (39,9%), на третьем – татары (5,2%). Количественные социологические опросы показывают стабильно высокий уровень межэтнического согласия в Мордовии: в 2010 г. более 80% респондентов назвали межнациональные отношения в регионе стабильными, добрососедскими [3, с. 277]. В 2016 г. заместитель полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе Олег Мельниченко отметил, что «Мордовия занимает первое место в России по стабильности межнациональных отношений» и «является одним из самых бесконфликтных регионов»[4].

В связи с этим особенно ценной является возможность при помощи качественного исследования оценить глубинные процессы, происходящие в полиэтничном социуме Мордовии, выявить конструктивные и деструктивные тенденции развития межнациональных отношений в республике. В июле 2016 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-03-00145/а «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия») проведено фокус-групповое исследование на тему «Народ России: что нас объединяет». Состоялось три фокус-группы, в каждой из которых участвовали представители трех самых многочисленных этносов региона (русские, мордва, татары), проживающие в городской и сельской местности. В ходе дискуссий собравшимся предлагалось оценить условия, создаваемые в республике для развития разных народов, их культуры и языка.

Эта тема вызвала у информантов заметные затруднения, так как большинство ею специально не интересовались, в связи с чем, логика некоторых ответов сводилась к следующему тезису: если в республике все спокойно, нет острых проблем и межнациональных конфликтов – значит, власть делает все необходимое в этой области. *«Лично я никаких отрицательных моментов не ощущаю – значит, условия созданы, все живут дружно» [Альберт, 20 лет, татарин]. «Если в глаза не бросаются плохие стороны – наверное, аппарат работает, все хорошо» [Анастасия, 27 лет, русская]. «Нет проблем, которые тормозят развитие той или иной культуры» [Оксана, 34 года, мордовка].*

Более содержательные мнения, как правило, подкреплялись конкретными примерами. В

качестве аргументов, подтверждающих гармоничное развитие этносов Мордовии, приводились: наличие в регионе как храмов («*есть даже протестантский*»), так и мечетей; национальные праздники разных народов и религий; этническое разнообразие студенчества; стабильное материальное обеспечение культурных мероприятий (выставок, фестивалей, шествий); развитие доступной всем этносам спортивной инфраструктуры. Наконец, весомым аргументом был признан сам факт наличия специального органа государственной власти, занимающегося вопросами межнациональных отношений – Министерства по национальной политике Республики Мордовия.

Все участники фокус-групп вовлечены в процесс повседневного межэтнического взаимодействия: общаются с представителями разных национальностей, как на работе, так и в кругу друзей. Поэтому в ходе дискуссии некоторые опирались на информацию о своих знакомых: *«Насколько я знаю по своим друзьям, ни у кого не возникало никаких трудностей из-за того, что он другой национальности»* [Николай, 53 года, русский]. Примером типичного ответа на поставленный вопрос является следующее мнение: *«В республике нет препятствий для развития культуры народов. Если какие-то национальности хотят что-то провести – им не мешают. Я сразу вспомнил день города, когда армянская диаспора свои фирменные блюда предлагала»* [Рустам, 31 год, татарин].

Вместе с тем, во всех фокус-группах дискуссия постепенно перешла к анализу проблем, существующих в обсуждаемой сфере.

Первой является диспропорциональность внимания, уделяемого органами государственной власти республики каждому этносу. Чаще всего речь шла о приоритетности развития мордовского народа по сравнению с русским и татарским. В отличие от других, у мордвы *«съезды проходят», «есть национальная пресса и телерадиовещание», «больше проводится культурных мероприятий и праздников»,* правительство *«старается, чтобы мордва сохраняла свою самобытную культуру», «выделяются специальные места для этой национальности в университете».* Тональность высказываний была спокойной и доброжелательной: никто не оспаривал особое место титульного этноса в республике, подчеркивая сравнительную недостаточность мер поддержки других *«коренных»* народов региона.

Одним из примеров такой диспропорции является распределение количества национальных номеров на ежегодном республиканском фестивале *«Шумбрат, Мордовия!»*. *«Когда наш район выступает на заключительном концерте, в котором 60 номеров, почему-то татарских – всего 1-2. А татар в республике – пять процентов, а в нашем районе – гораздо больше. Нельзя так делать! Люди, которые там живут (я с ними общаюсь и чувствую их настроение) – недовольны»* [Владимир, 64 года, русский].

Другое проявление неравенства государственного внимания к этносам республики – приоритетность изучения и распространения мордовских языков. Некоторые участники дискуссии отмечают негативное влияние этого факта на развитие других народов (например, татарского): *«Если у нас республика национальная, то все приоритеты отдают мордовскому языку, а более малочисленные группы населения размываются, теряются на этом фоне»* [Юрий, 42 года, русский]. *«Татарскому языку вообще внимания не уделяют, хотя татары – это 5% населения»* [Егор, 27 лет, татарин].

Важной стороной той же проблемы является обязательное изучение мордовских языков в вузах и школах региона. Мнения здесь разделились: одни согласны со сложившейся практикой, другие выступают за отмену принудительного освоения мордовских языков. *«Всех заставляют изучать мордовские языки. Родители открыто говорят: зачем они нужны, лучше ввести дополнительный курс английского. С ними сложно не согласиться: разве мы говорим на мордовских языках?»* [Егор, 27 лет, татарин]. *«Детям и родителям надо давать возможность выбора и сделать этот предмет факультативным»* [Света, 25 лет, русская].

Кроме того, участники фокус-групп считают несправедливой помощь, оказываемую лицам мордовской национальности при поступлении в республиканские вузы. *«Иногда несправедливые*

способы используются, чтобы выделить какую-нибудь национальность. Те же места в университете национальные... Некоторые просто записываются в «мордвины», а мордовские языки не знают» [Федор, 26 лет, русский].

Вторая проблема – целесообразность искусственной поддержки мордовской и других культур, подверженных ассимиляционным процессам.

Сторонники государственных мер содействия подчеркивали значимость сохранения самобытности народов в условиях глобализации, рассматривая этническое многообразие как элемент сопротивления общемировым интеграционным процессам. *«Правительство инвестирует огромные средства в развитие и поддержание межнациональной культуры Мордовии, но я не считаю, что это плохо. Хорошо, что в школах и университетах изучаются мордовские языки. Если этого не будет – рано или поздно весь мир превратится в одну национальность, а самобытность каждого народа исчезнет. Здорово, что мы поддерживаем национальные культуры, что проводятся праздники. Благодаря этому, хотя бы иногда мы можем увидеть людей в национальных костюмах и услышать их языки»* [Ирина, 20 лет, русская].

Противники оказания государственной помощи исчезающим этносам подчеркивали необратимость ассимиляционных процессов и бессмысленность бюджетных затрат. При этом одни были дипломатичны в своих оценках, а другие применяли достаточно резкие выражения. *«Очень жаль терять какие-то особенные культуры, но с этим ничего не поделаешь. Языки какие-то пропадают, одни национальности вливаются в другие, более крупные. Поддержка правительства бессмысленна, потому что уже ничего не поможет»* [Сергей, 24 года, русский]. *«У нас искусственно сохраняется культура, которая постепенно умирает. Спасаем нашего «утопленника», который практически мертв. Я мордовскую речь слышал один раз, хотя всю жизнь прожил в Мордовии»* [Петр, 25 лет, русский].

Обсуждая целесообразность поддержки русской культуры, информанты практически единогласно решили, что в этом нет необходимости. *«Русская культура сама себя поддерживает, не нуждается в государственной поддержке»* [Света, 25 лет, русская].

По мнению информантов, русская культура вбирает в себя все окружающие самобытные культуры. Некоторые смирились с процессом ассимиляции. *«У меня двое детей и я не стал их учить татарскому языку, как бы это не было грустно и обидно. Я понял, что языки других народов, к сожалению, вымрут, останется только русский* [Рустам, 31 год, татарин]. Часть информантов, напротив, считает необходимым более активное участие самих носителей национальных культур в развитии своего этноса. *«Условия создаются, но и самим людям надо как-то активнее себя проявлять в этой сфере»* [Лидия, 35 лет, мордовка]. *«Если кто-то обижен – значит, недостаточно было сделано для развития своей культуры и своей нации»* [Оксана, 34 года, мордовка].

В целом исследование подтвердило конструктивный характер межэтнических отношений и отсутствие острых противоречий в этнокультурном развитии Республики Мордовия. Вместе с тем региональная национальная политика имеет некоторый конфликтный потенциал, связанный с неравенством государственной поддержки культуры титульного и других этносов региона. Дискуссионной является интерпретация информантами необходимости и возможности сохранения мордовской культуры и языков в условиях глобализации.

Библиографический список:

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/#friends#ixzz4RHdswmbL>
2. Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). Стат. сборник / Мордовиястат. Саранск, 2013. 99 с.
3. Богатова О.А., Карьгин А.И. Мониторинг межэтнических отношений в регионе //

4. Мордовия занимает 1 место в России по стабильности межнациональных отношений // Известия Мордовии. 28 окт. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvmor.ru/news/view/2497866>

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СХЕМЫ-МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ ГРАФОВ

Загутин Д.С., Маяцкая И.А.

Интересы государства, направленные на завоевание лидирующих позиций на мировом рынке на всех уровнях, требуют наличия в стране квалифицированных кадров, прежде всего имеющих техническое образование и обладающих сформированной культурой технической творческой деятельности, поскольку понимание всегда «задано традицией, в рамках которой можно жить и мыслить» [1].

В связи с этим возникает необходимость создания социально-философской модели формирования культуры технической творческой деятельности личности.

Основной целью моделирования (метод научного познания, основанный на конструировании модели исходного объекта на базе предварительного изучения и выделения его существенных характеристик, экспериментального и (или) теоретического анализа модели), является создание некоего прообраза, достижение которого выступает как конечный результат, которому подчинены задачи, достигаемые в процессе ее реализации.

При создании данной модели мы руководствовались принципом инверсии, а в качестве основы взяли круги цивилизационного развития Тойнби и Шпенглера [2]. При этом круги цивилизационного развития в модели формирования культуры технической творческой деятельности личности представляют собой горизонтальные связи, благодаря которым реализуется идея формирования культуры производства через элементы непрерывного технического образования, выступающие в данном контексте в качестве проводников. Также, социально-философская модель формирования культуры технической творческой деятельности личности строится по алгоритму модели развития общественного строя, предложенной Карлом Марксом, и представляющей процесс получения личностью знаний, умений, навыков (образования) в виде трансферентного восхождения, которая в нашей модели переключается с основными этапами социализации личности [3].

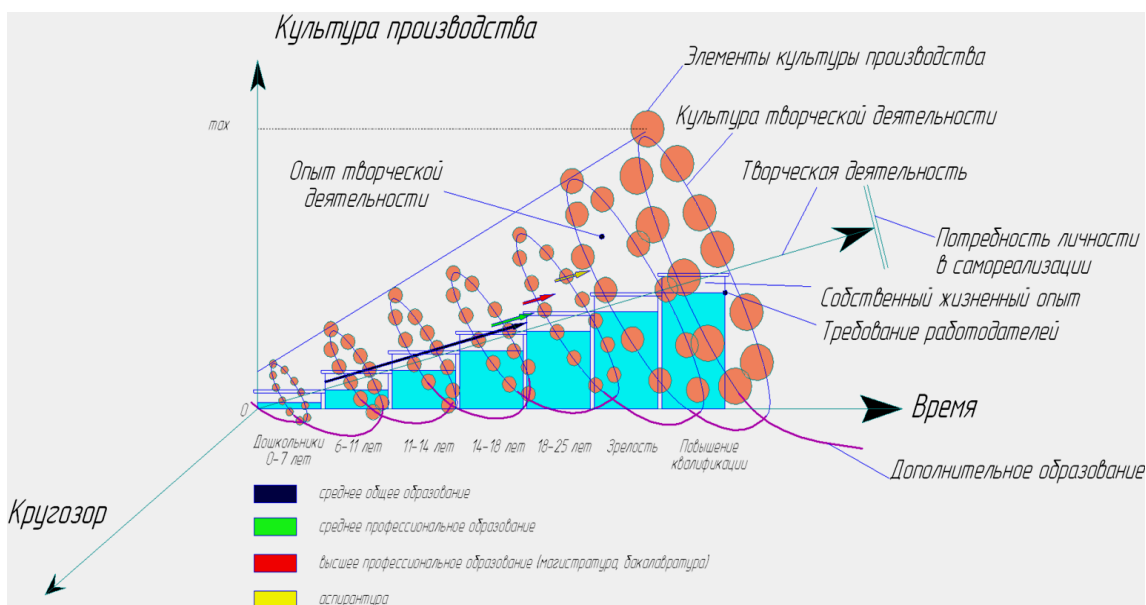


Рисунок 1 – Социально-философская модель формирования культуры технической творческой деятельности личности

Логическая сущность схемы-модели не позволяет произвести её количественный анализ. Поэтому необходима её математическая интерпретация и решение в балльной системе оценки уровней и направлений. При этом, при повышении уровня творческой деятельности личности, баллы уровней обязательно увеличиваются, а баллы направлений определяются субъективно в зависимости от значимости направлений. Так, для семи уровней (1...7) баллы можно задавать, соответственно, от 1 до 7, а баллы направлений по их значимости – 1-е направление, например, 10 баллов, а 11-ое направление, например, 1 балл, 9-ое, например, 6 баллов и т.д. Математическая интерпретация схемы-модели будет осуществлена в форме построения её графов [4] – [8].

Исходя из понятий графов и логической схемы-модели (см. рис. 1), представляется возможность разработать схему-модель в графовой форме (рис. 2), состоящей из схемы уровней становления культуры творческой деятельности личности и одиннадцати направлений этого развития.

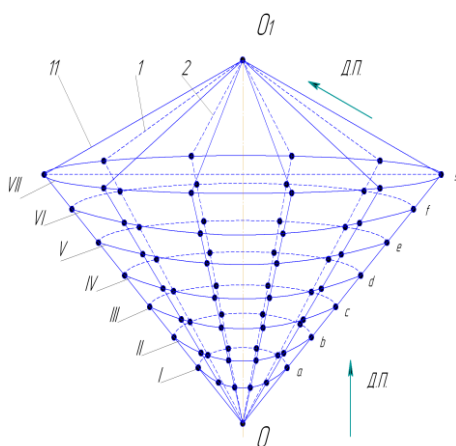


Рисунок 2 – Граф схемы-модели становления культуры творческой деятельности личности

Граф ориентирован, направленный, замкнут, с обратной связью, цикличен, полностью заданный, обладает Гамильтоновым циклом, то есть циклом для простых графов.

Покажем вертикальную проекцию графа (см. рис. 2) и дадим его характеристику с точки зрения маршрута повышения культуры творческой деятельности личности (рис. 3).

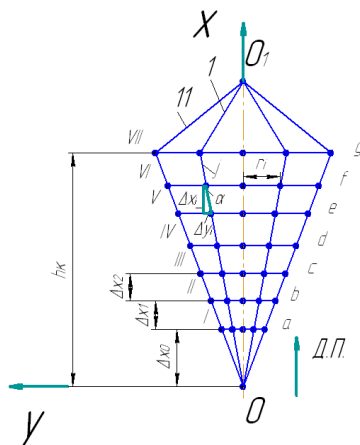


Рисунок 3 – Проекция графа на вертикальную плоскость.

Граф линейный, симметричный, замкнутый, имеющий на маршруте от 0 до O_1 – 79 вершин, включая вершины 0 и O_1 (формула графа – $m \cdot n + 2 = 7 \times 11 + 2 = 79$, где m – количество уровней развития; n – количество направлений развития).

Исходя из линейности графа, выделим на произвольном его направлении «j» элементы приращений Δx_j и Δy_j .

Тогда, $\frac{\Delta x_i}{\Delta y_i} = \operatorname{tg} \alpha$ - темп развития творческой деятельности личности; Δx_i – приращение «i-го» уровня творческой деятельности личности; Δy_i – приращение творческой деятельности личности на «i-ом» уровне (приращение базы знаний на i-ом уровне); Δx_i – с каждым уровнем решаемые задачи усложняются; Δy_i – повышение творческой активности (повышение базы знаний) в решении усложняющихся задач на конкретном уровне знаний.

В результате получаем $\lim_{\Delta x_i \rightarrow 0} \frac{\Delta y_i}{\Delta x_i} = \frac{dy}{dx} = \operatorname{tg} \alpha = \operatorname{const}$ для решаемого графа $\int_0^{r_k} dy = \operatorname{tg} \alpha \int_0^{r_k / \operatorname{tg} \alpha} dx$;

$$r_k = \frac{r_k}{\operatorname{tg} \alpha} \operatorname{tg} \alpha.$$

Последнее выражение указывает на то, что повышение культуры творческой деятельности личности должно соответствовать (быть пропорциональным) уровню решаемых (усложнённых) задач. Вместе с этим, площадь поля творческой деятельности личности, равная: $S_{\text{м.д.}} = \pi r_i^2$, также увеличивается в квадратичной зависимости от интеллекта личности, получаемого этой личностью при её переходе от одного уровня творческой деятельности к другому при движении познания от 0-го до VII-го уровня, включая и его [9].

Таким образом, в результате математической обработки, социально-философская модель формирования культуры технической творческой деятельности личности получила всестороннее обоснование. Данное обоснование было предпринято с целью предоставить дополнительные аргументы в праве на объективное существование созданного социально-философского построения, хотя социальная философия, по сути, давно не нуждается в подобных аргументах, выступая фундаментальным и прямым фактором социальной жизни общества на всех его уровнях развития: социально-экономическом, политическом, культурном, личностном. Однако именно это, с другой стороны, и позволило поместить модель формирования культуры технической творческой деятельности личности в фундаментальные координаты социальной философии процесса научно-технического развития и представив этот процесс как фундаментальный общественный процесс.

Библиографический список:

1. Загутин Д.С. Математическое описание модели развития и измерения культуры технического творчества // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 6. С. 175-179.
2. Загутин Д.С. Опыт-экспериментальная проверка эффективности модели становления культуры технического творчества в системе профессионального образования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 7. С. 198-204.
3. Загутин Д.С. Организационно-педагогические меры по созданию индивидуализированной развивающей среды, направленной на формирование творческого мышления // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 3. С. 175-180.
4. Загутин Д.С. Особенности учебно-воспитательной работы, направленной на развитие культуры творческой деятельности студентов, в технических вузах. Среднее профессиональное образование. 2007. № 11. С. 17-18.
5. Дистель Р. Теория графов. Новосибирск: Издательство института математики, 2002. 336 с.
6. Касьянов В.Н., Евстигнеев В.А. Графы в программировании: обработка, визуализация и применение. СПб.: БХВ –Петербург, 2003. 1104 с.
7. Маяцкая И.А. Применение теории графов при моделировании процесса измельчения растительных материалов // Вестник Донского государственного технического университета. 2005. Том 5 №5(27) С.706-711.

8. Маяцкая И.А., Краснобаев И.А. Моделирование дистостебельных материалов с помощью теории графов // Инженерный вестник Дона. 2012. Том 23. №4-2(23) С.158.
9. Маяцкая И.А., Демченко Б.М. Применение теории графов при распознавании растительных объектов // Науковедение. 2013. №3(16) С. 108.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ

Зяц О.В., Анкудинов И.И.

Причины семейных конфликтов различные, начиная от банальной несовместимости и заканчивая низким финансовым положением, а последствия конфликтов могут представлять значительную угрозу как для самой семьи, так и для общества [1]. Традиционно в зависимости от субъектов взаимодействия конфликт в семье подразделяется на супружеский, детско-родительский, межпоколенный. Семейные конфликты изучают представители различных наук, однако глубокое их изучение и эффективное регулирование требует использования междисциплинарного подхода. В свою очередь последний невозможно представить без теоретических знаний и знаний результатов эмпирических исследований в таких областях науки, как социология, психология, правоведение, экономика и других.

Главная проблема, с которой сталкиваются исследователи – это слабая взаимосвязь наук. Чтобы проводить качественное междисциплинарное исследование, необходимо чтобы знания из каждой науки были доступны и освещены для исследователя. Междисциплинарный подход может привести в изучение семейных конфликтов ряд новых методов, эмпирический опыт и понимание того, что исследовательское поле семейного конфликта намного шире, чем кажется на первый взгляд.

Не успев еще оформиться в качестве самостоятельной науки, в конфликтологии начали определяться самостоятельные направления: социология конфликта, психология конфликта, педагогическая конфликтология и другие. Это свидетельствует о сложности, специфичности данной науки и отражает ее многофункциональную структуру и многообразие форм, процессов разворачивания и протекания конфликтов в разных сферах человеческой деятельности. Семейный конфликт, как все прочее, является сложным явлением, которое необходимо изучать в комплексе с другими отраслями знаний [2].

Для того, чтобы конфликтологическое исследование семейных конфликтов являло собой в итоге объективный и корректный результат, исследователю необходимо дистанцироваться от объекта исследования. Конфликтология, как самостоятельная наука, должна содержать в своём научном аппарате как минимум восемь следующих элементов: эмпирические факты; средства выражения методики; онтологические схемы; модели; теории; проблемы, которые исследуются данной научной дисциплиной; задачи научного исследования. Данные элементы находятся во взаимосвязи и рефлексии друг друга [3].

Крайние работы по конфликтологии показывают, что практически нет междисциплинарных исследований как таковых. Так, в 1997 г. только около 1% изыскателей знали о проблемах конфликта в других отраслях научных работ и всего лишь около 10% - об исследованиях в науке, которую они сами изучают [4]. Однако исходя из того, что все основные труды по конфликтологии были написаны до 2002 года, сегодня нельзя говорить о кардинальных изменениях.

Междисциплинарная парадигма являет собой практически не тронутую область знания, которая должна развиваться. Для этого, в первую очередь, необходимо наладить контакт между учёными данной сферы науки и сопоставить все актуальные исследования на момент согласования. На данном этапе в России мы можем лишь наблюдать и работать в проекте конфликтологии как науки, а не сложившейся самостоятельной науки.

Так, Л.Н. Цой предлагает рассматривать практические, технологические, теоретические и методологические аспекты знания, являющиеся разными уровнями в научном исследовании. Данная структура универсальна для всех видов исследования и наглядно иллюстрирует возможность

составления гипотез, общих связей, задач и т.д. На этих уровнях раскрывается информация о закономерностях развития тех или иных ситуаций, о границах конфликта и его масштабности [2].

На методологическом уровне идёт поиск основополагающих компонентов, способных рассмотреть конфликты в конкретных социально-исторических условиях. На этом уровне не обойтись без рационального умственного вмешательства самого исследователя. Уровень теории предполагает все научные знания, имеющиеся в наличии на время проведения исследования. Из года в год увеличивается потребность в междисциплинарных научных изысканиях. К сожалению, успех не зависит от одного только желания и стараний. Зачастую, результаты тех или иных исследований в одной дисциплине, никак не согласуются между собой. Примером, иллюстрирующим подобное, является ситуация, когда психология рассматривает человеческие поступки как иррациональные, в то время как экономика сосредоточена на рациональной стороне общества. Конфликтология работает на основании нескольких технологических программ: биопрограммы – выживание индивида, психопрограммы – эмоциональное состояние, социопрограммы – социализация. Наше общество обязует индивидов жить по этим программам, включаясь в процесс и исходя из характеристик выбранной программы, занимать соответствующую роль в системе социальных координат [2].

Социопрограммы включают все знания о стратегиях поведения в конфликте, профилактике, управлении и разрешении конфликтов, техники различных манипуляций. Человек владеющий этими технологиями может представлять для общества самые разные последствия. Люди, которые не знают об этих технологиях, в большей степени подвержены манипуляциям со стороны осведомлённых личностей. Специалист, оснащённый этим знанием, возлагает на себя морально-этическую и профессиональную ответственность в ситуациях, когда какая-либо социо-технология применяется ним. И наконец, практический уровень, на котором и происходит сама конфликтная ситуация, включающая динамику, этапы и стадии конфликта. Это что ни на есть реальный конфликт, требующий особого внимания [2].

Одними из первых начали изучать семейный конфликт и преуспели в этом социологи и психологи. Социологов в первую очередь интересовала общественная динамика конфликта и как он влияет на общество и, в частности, институт семьи. В психологии первой возникла психология конфликтной личности, которая была во многом обусловлена трактовкой З. Фрейдом внутренней структуры личности. Позднее, психология стала рассматривать и социальный аспект конфликта.

В настоящее время исследованию конфликтов, в том числе и семейных, как отмечает Л.Н. Цой, уделяют внимание представители одиннадцати научных областей. Однако ей противоречит А.Я. Анцупов, выделяя 16 отраслей научных знаний, исследующих конфликты.

Например, термин «конфликт» появился в искусствоведении в начале 1930-х гг. и понимался как художественный конфликт. В дальнейшем этот термин стал использоваться в театре, кино, искусстве для характеристики отдельных проявлений, событий, теорий, творческих продуктов и т. п. В центре театральной драмы практически всегда стоит антагонизм. Также, существует истинный конфликт между писателями разного художественного стиля произведений. Мы, в свою очередь, рассматриваем конфликт как эстетическую категорию, выступающую защитным клапаном для семейных конфликтов. А.Г. Здравомыслов выделял функцию «выпуска пара» относительно юмора и близкого элемента к категории искусства [4].

После введения в повседневный обиход выражения «военный конфликт», война стала пониматься как многоуровневое явление. Нас интересует лишь влияние военных конфликтов на разные аспекты жизнедеятельности, в частности, семью. Так, Вторая мировая война унесла жизни тысячи мужчин, от чего пострадала демография, большое количество здоровых мужчин пали в битве, не успев оставить после себя здоровое наследство; и воспитание детей войны без своих отцов повлияло на полноценное взросление целого поколения. Вопросами войны и, в частности, общественного договора занимались такие представители научного мира, как Т. Гобс, Ж. Руссо, Дж. Локк, Э. Кант.

В математике изучение проблемы конфликта началось с работ русского ученого Г.Ф. Гаузе, который применил математический подход в изучении и описании конфликтного взаимодействия живых систем. Работа может вестись по следующим направлениям математического анализа конфликта: разработка универсальных математических моделей разрешения конфликтных ситуаций; функционирование сложных систем в конфликтных ситуациях; оптимизация поведения человека в конфликт. Отметим популярную в конфликтологии теорию игр Джона Нэша [4].

Юридическая конфликтология изучает конфликт с точки зрения права. Теоретическая значимость этого подхода состоит в том, что конфликт рассматривается не как абстрактное явление, а в тесной связи с существующими семейным и государственным институтами и, следовательно, с существующими правовыми инструментами и структурами. Сущность юриспруденции заключается в нахождении определённых ситуаций, в которых бы право, стало регулирующим фактором, оказывающим влияние на динамику семейного конфликта. Наиболее близкое понятие, связующее юриспруденцию и конфликтологию – медиация. Многолетняя зарубежная практика проведения медиативных процессов показала эффективность разрешения семейных конфликтов досудебного порядка.

Психологами предложены понятийная схема психологического анализа конфликта, подходы к его изучению (организационный, деятельностный, личностный). Социологи в области семейных конфликтов изучают, в основном, роль конфликта в семейно-брачных отношениях. Стоит отметить, что и сегодня лидирующее положение в изучении семейных конфликтов занимают эти науки.

Следует отметить, что современная конфликтология содержит в себе лишь эмпирический опыт о многообразиях и формах проявления семейных конфликтов. Всё прочее, это заслуга других научных дисциплин. Таким образом, по факту необходимо признать, что конфликтология не является самостоятельной наукой. У неё нет ни своего предмета исследования, ни своего описательного языка, ни особых средств выражения. Тем не менее, конфликтология имеет огромный потенциал к развитию, а может и к эволюции. Современные знания привычно накапливаются продвигаемой наукой через вспомогательные дисциплины и в результате, как отмечалось выше, появились такие разделы, как педагогическая, экономическая, юридическая, этнополитическая и практическая конфликтология и другие. Не каждая отрасль научных знаний находится под таким пристальным вниманием учёных, как конфликтология.

Таким образом, мы выяснили, что только посредством использования знаний и методов ряда наук, и, в первую очередь, социологии, психологии, права, которые стали неотъемлемой частью современной конфликтологии, семейные конфликты будут под силу исследователям для их глубокого изучения и эффективного регулирования.

Библиографический список:

1. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
2. Лобан Н.А. Конфликтология. Минск.: Изд-во МИУ, 2008. 236 с.
3. Цой Л.Н. Практическая конфликтология. М.: «Глобус», ООО ИЦП, 2001. 233 с.
4. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 85 с.
5. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Конфликтология: междисциплинарный подход / Обзор диссертационных исследований. М.: Изд-во «Дом Советов», 1997. 19 с.

СУБКУЛЬТУРА ГЕЙМЕРОВ

Змиевский П.В.

В последнее время в исследовательской литературе по социологии и культурологии заметен рост интереса к теории субкультур. Особое внимание уделяется культурологическому анализу относительно нового феномена – субкультуры геймеров. Действительно, данная тема актуальна в век цифровых технологий, когда проблематика еще не до конца разработана. Значимость данной проблемы заключается в определении места и роли субкультуры геймеров в контексте

информатизации и виртуализации общества, взаимосвязи с доминирующей культурой в обществе, тем самым исследованием духовной жизни социума.

Структура духовной жизни общества весьма сложна. Основными ее элементами принято считать: духовные потребности; духовную деятельность и производство; духовные ценности; духовное потребление; духовные отношения; проявление межличностного духовного общения [1, с. 372]. Все эти компоненты, так или иначе, проявляются в практиках и жизнедеятельности геймеров, а, следовательно, связаны с их субкультурой.

Что мы имеем в виду, когда говорим о «субкультуре»? Большинство людей думают о странных тенденциях в моде или музыке, вспоминая панков, косплееров. Иногда подоплекой проходит тема бунта против системы, девиантности или преступности. Исследование субкультур – одно из приоритетных направлений в культурологии и социологии, у него есть свои школы и направления. Термин субкультура был введен в научный оборот впервые Т. Роззаком в 30-е годы XX века. Под субкультурой он понимал определенную культурную «сетку координат», разносторонне характеризующую эти сообщества [2, с. 236]. Согласно современным традициям социологии и культурологии субкультуры, как правило, понимаются, как способ адаптироваться к условиям жизни в определенном социальном классе, заявить о себе в каком-то контексте. Для начала обозначим, как этот термин может использоваться по отношению к геймерам. На наш взгляд, понимание термина «субкультура» важно для осмысления культуры геймеров в целом – ведь существует целый ряд субкультур в рамках игровой культуры.

Несмотря на растущее признание видеоигр в качестве социальной среды, такие термины как «геймер» все еще иногда применяются для обозначения инсайдерского статуса. Для некоторых «геймер» по-прежнему описывает узко направленного человека, а не всех, кто занимает свой досуг видеоиграми. Бытует мнение, что игровая индустрия – это индустрия субкультур [3]. По нашему мнению, это подходящее описание, т.к. люди по-прежнему склонны связывать определенный тип человека с понятием «геймер» и многие активные геймеры занимают антагонистическую позицию по отношению к непостоянным игрокам. Это подобно тому, как представители музыкальных субкультур не принимают коммерческий мейнстрим.

Можно утверждать, что в последнее время происходит рост казуальных игр, где разработчики больше не создают продукт полностью для себя в качестве игроков. Однако, негативные стереотипы геймеров как мятежных аутсайдеров создают ощущение эксклюзивной принадлежности к этой субкультуре и усиливают общественное восприятие девиантности этой группы в глазах более консервативного окружения.

Социологи В.К. Гослинг и Дж. Кроуфорд утверждают, что пока игровой культуре присущи некоторые черты субкультуры (собственный язык, правила поведения), термин «субкультура» использовать неуместно, так как, строго говоря, он описывает статические социальные группы, которые «четко отличаются от общества в целом, и [...] определяются по классовым границам» [4, с. 140]. Мы не считаем отказ от термина «субкультура» в пользу «явления» (для описания геймеров) хорошей идеей, так как социальный класс создает множество субкультур в рамках более широкой геймерской культуры, что заметно лишь на местном уровне. Либо различные игровые особенности могут быть внедрены в другие субкультуры (как связанные с играми, так и любые иные).

В то время как анализ культуры геймеров на основе классов является достаточно редким, социально-экономический статус действительно играет важную роль в понимании кто и во что играет. Крупные исследования в Норвегии и Франции показали четкие связи между социальным классом и игровыми предпочтениями – мужчины из низших слоев в целом отдают свое предпочтение реалистической эстетике, традиционно мужскими темам и персонажам, коллективным играм и ограниченному спектру спортивных жанров [4, с. 160].

Поэтому с В.К. Гослингом и Дж. Кроуфордом можно не согласиться относительно того, что субкультура не зависит от социального класса. Он играет важную роль, именно им определяется, будет человек более глубоко вовлечен в игровую культуру или же игры будут являться редкой

составляющей его досуга. Например, в исследованиях норвежских студентов было обнаружено, что так называемые «гики» (те, которые постоянно играют вразнообразные игры, уходящие корнями в научно-фантастические миры), скорее всего, будут представителями среднего класса со значительной долей игроков женского пола [4, с. 162].

Следовательно, субкультура остается важной социологической проблемой, показывающей нам, каким образом особенности молодых людей оправданы их социальным происхождением, а не только являются результатом их личного выбора. У молодежи, как особой социальной общности, система ценностных ориентаций находится в стадии активного становления, что характеризуется влиянием на нее различных внешних факторов. К таким факторам можно отнести молодежные субкультурные течения, специфику получаемого образования, круг общения, Интернет-коммуникации, получившие в последнее время особую популярность у молодежи [5, с.87].

Кроме того, представители субкультуры геймеров, как носители особого субкультурного сознания, имеют ряд специфических особенностей. Через пристрастие к определенному жанру игр можно выявить не только классовую принадлежность игрока, но и психологические, и даже национальные особенности геймера.

Таким образом, «геймеры» – слишком разнообразная и неоднородная группа, которая является носителем одной субкультуры. Одержимый компьютерными новинками геймер, RPG игрок-толкиенист и западный Отаку – все они – служат примером людей, ориентированных на игровую культуру. И, несмотря на то, что «геймер» является всеобъемлющим термином, он по-прежнему имеет тенденцию вызывать в воображении предполагаемой аудитории для большинства игровых сайтов, блогов и т.д. культурное всеядное, которое играет неприлично много и без особых предпочтений [6, с. 85].

В целом представляется, что субкультура геймеров - сложный феномен современного информационного общества, требующий своего дальнейшего изучения.

Библиографический список:

1. Килимова Л.В. Взаимосвязь качества жизни, ценностей и интеллектуального потенциала населения // Интеллектуальный и инновационный потенциал поколений в развитии местных территориальных сообществ: сборник докладов научно-практической интернет-конференции (с международным участием). Губкин, 2011. С. 371-375.
2. Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998.
3. Бурцева О.А. Компьютерные игры, как социокультурный феномен. «За» и «против» // Герценовские чтения-2004.
4. Gosling, V.K. and Crawford G. (2011) 'Game Scenes: Theorizing Digital Game Audiences' in Games and Culture. Vol. 6. No. 2. P. 135-154.
5. Килимова Л.В., Некрасова Н.А. Ценностные ориентации молодого поколения в процессе интеграции в международную информационную среду // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 6. С. 86-91.
6. Болескина Е.Л. Потребители игровой компьютерной культуры // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛЬМОВ

Иванов Р.В.

Ключевое место в мировоззрении граждан России как прежде и в Российской империи занимает образ героя, генетически связанный с образами славянской и русской культуры: богатырей-порубежников, полководцев и чудо-богатырей Александра Суворова. Современная государственная идеология, учитывая важность этого элемента в управлении сознанием граждан, последние два десятилетия на смену советским образам стахановцев, челюскинцев, героев-панфиловцев,

метростроителей, целителей и так далее, – создает адекватные современности образы. Функция таких образов связана с возможностью управлять обществом, как в целом, так и отдельными группами, в зависимости от количества действенных образов, привязанных к определенным социальным или возрастным слоям.

Главные признаки героя – это победа над собой и как вторичный фактор – победа над другими. Без внутренней невозможно осуществить внешнюю победы. Общество развивается благодаря героям, их подвигам, их жизненным ценностям и том символическом наследстве, что они оставляют после себя. Культ героя был во всех древних обществах. Он сохранился и в последующие века, трансформируясь благодаря внешнему влиянию. «Чтобы сохранить национальную идентичность, в стране нужно культивировать чувство патриотизма, которое, по убеждению главы государства, является абсолютно естественным» [3]. «Если мы хотим сохранить свою идентичность в целом, то мы, конечно, должны культивировать чувство патриотизма. Без этого страна не будет существовать, она просто изнутри развалится» (там же). Вестернизация общества с культом гуманизма, денег и наслаждения наложила свой отпечаток и на образ героя. Современный герой должен «получить от жизни все» и «наслаждаться» [3]. Удобство и комфорт – цели современного общества. В результате – мы получили образ антигероя, занявшего место героя.

В фильмах прослеживается та же тенденция, что и в песнях – нивелируются отдельные личности, их дела и поступки, герой все больше начинает обладать антагонистическими чертами, порой отталкивающими, а порой и пугающими. Эту форму можно назвать российской особенностью, сформировавшейся на российской истории «лишних людей». Основные представители этой группы героев – это простые люди. Примером может служить (Служкин из «Географ глобус пропил» (2013), Любовь из «Юрьев день», 2008, Толик из «Марафона», 2013 и т.д.). Вторая тенденция обозначает героев как людей, обладающих уникальными способностями, не доступными для простых людей. Эта тенденция имеет четкие вестернизированные корни, где существует и культивируется культ суперлюдей (человек-паук, Бэтмен, Капитан Америка и т.д.). В нашем киноискусстве это персонажи сериала «Пятая стража» 2013, «Ангел или демон», 2013. Третья – это представители определенной группы – власти (чиновник, губернатор, депутат, полицейский, бандит), бизнеса, религиозной организации и т.д. Эти герои более соответствуют представлениям об «успешных людях» (известных в определенных кругах), богатых (с наличием соответствующих символов богатства), обладающих реальной властью (в силу профессионального, личного, социального или духовного статуса). Примером могут служить Петр Сергеевич из фильма «Два дня», 2011, «Жила-была одна баба», 2011, «Елена», 2011, «Сибирь Монамур», 2011. Четвертая – герои в контексте «профессионалы», имеющие некие личные особенности (проблемы). Как правило, это детективы, врачи, эксперты в разных областях (от медицины до эзотерики). Примером могут служить такие фильмы как «Метод Лавровой», 2011, «Метод Фрейда», 2013.

Современные герои фильмов – это не чем-то выделившиеся личности, это не люди совершившие подвиг. Современные герои – это простые люди, их жизнь преподносится как история достойная обсуждения. В этом и парадоксальность ситуации в отечественном кино – есть герои, но нет Героев. В каждом из персонажей любой зритель может увидеть свои черты, но ни в одном нет Героического, того, к чему стоит стремиться, что стоит преодолевать. Фильмы массовой культуры, нивелировали ценность истинных героев, людей создающих будущее. Их места заняли клоуны, «герои были далеко в прошлом (все указывают фигуры прошлого или далекого прошлого), о настоящем вспоминают только тогда, когда говорят об антигероях» [2, с. 11]. В нулевые годы в России произошел перекосяк в сторону плюрализма отношений, плюрализма в зарабатывании денег, в отношениях, ценностях и установках. Поэтому в нулевые годы появился новый тип «быдло». Феномен «Быдла», все чаще мелькающего на экранах – это символ новой социальной структуры общества. Быдло – это тупое, как мычание скота, презрительное, как плевок, повсеместное, как грязь [1]. Быдло – это своего рода состояние общества, ярлык, который приклеивается на все то, что чуждо человеку или группе. В рамках исследования образов героев проведено анкетирование среди 100

студентов 1-4 курсов Вузов города Иркутска (Иркутский государственный университет, Иркутский национальный исследовательский технический университет) возрастной группы от 18 до 25 лет в марте-апреле 2016 года:

1. На вопрос: о героях современного кинематографа получены следующие ответы в процентах: образ военного, силового сотрудника – 22%; образ бизнесмена – 9%; образ специалиста, профессионала – 50%; образ гангстера, вора – 4%; нет образа – 15%.

2. В качестве характерных черт образов при анкетировании выявлены следующие результаты: образ военного, силового сотрудника – 22% - сильный, смелый, мужественный; образ бизнесмена – 9% - умный, успешный, богатый; образ специалиста, профессионала – 50% - честный, добрый, справедливый; образ гангстера, вора – 4% - ворует, хитрый, обманывает.

3. При выявлении роли сериалов или фильмов в создании устойчивых ассоциаций с образами героев времени результаты следующие: - сериалы – 46%; фильмы – 53%; нет ассоциаций – 1%.

4. На вопрос о том, в чьих интересах создаются и конструируются образы героев нашего времени, ответы составили: представители власти – 16%; народ – 50,5%; продюсеры – 25,5%; другое – 3%; нет ответа – 5%.

Одним из оформившихся образов героя нашего времени является сотрудник и руководитель подразделений МВД и ВВС, утраченный в 90-е годы XX века авторитет сотрудников силовых органов заново создавался и вживлялся в сознание граждан. Культурно-массовые технологии посредством сериалов и кинопроектов создают и постоянно подпитывают образ ответственного, неподкупного сотрудника-руководителя силового подразделения, способного решать любые задачи не только в рамках служебной деятельности, но также во всех непредвиденных и экстремальных ситуациях. Представители власти формируют силовую основу в регионах страны для поддержки непопулярных политических и экономических решений. На практике воплощением указанного образа силовика-героя стали известные вежливые люди, использованные при решении проблем с присоединением Крыма к Российской Федерации весной 2014 года.

Другим ярким образом героя современности, характеризующим экономическую сторону современных притязаний членов общества, является бизнесмен – самодостаточный, не уклоняющийся от государственных налогов, с устойчивой системой ценностей. Практической частью образа бизнесмена являются успешность, финансовая обеспеченность и стабильность. Функционально образ привлекателен для активной части общества как образ и эталон без учета негативных факторов современной рыночной системы. Между первым и вторым образами существует система связей в рамках пользы для государства, прежде всего это связано с функцией, которую выполняет каждый из них. Если силовик является опорой власти, то бизнесмен приносит пользу, развивая новую промышленную и торговую (в будущем в случае национализации потенциально федеральную) инфраструктуру, пополняя бюджет налогами. В целом, каждый образ является объектом для подражания и устремления. Система связей между двумя образами прослеживается также через формирование одного образа за счет другого. Когда сотрудник-руководитель силового ведомства выходит после 12 лет службы на пенсию, в его активе находится система связей в федеральных и правовых органах государства. Основные пути, для реализации бывшие сотрудники силовых ведомств находят не только в охранных агентствах, а также открывая свое дело в сфере бизнеса. По популярности в обществе, не смотря на мощную государственную масс-медиа компанию в отношении сотрудников силовых ведомств, значимое место занимает образ успешного бизнесмена. Принципы идеологии западного либерализма (защита частной собственности, первенство прав личности в обществе, эффективное потребление и стремление к обогащению) в процессе развития рыночной системы в России стали постоянными спутниками успешного бизнеса. Крупные компании и холдинги в своей деятельности используют собственные разработки не только программного и ресурсного, а также и идеологического характера в рамках создания образа успешного сотрудника, менеджера и руководителя.

На стадии формирования находится образ государственного гражданского служащего и руководителя, действующего с позиции верности долгу, по уставу государственной службы и в соответствии с законом. Перспективы укрепления и развития такого образа могут быть связаны с формированием стабильного, управляемого, контролируемого гражданского общества. С учетом современной политической и социальной обстановки, образы силовика и бизнесмена можно рассматривать как героев переходного времени, эпохи перемен после распада СССР. В XX веке советские образы создавались на идеологической основе с учетом всех функциональных элементов и реакции общества, современная государственная система не признает единой идеологии для России. Новые образы создаются без идеологической составляющей и контроль государства над ними не является столь явным как в СССР. В рамках гипотезы следует также отметить, что если в советской России образы героев создавались идеологически, то современные образы могут стать основой для создания идеологии.

Библиографический список:

1. Новиков В.: «Надеюсь, что слово «быдло» уйдет из языка навсегда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/3378-lingvist-vladimir-novikov-nadeyus-cto-slovo-bydlo-uydet-iz-yazyka-navsegda>
2. Полюшкевич О.А., Степаненко А.С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. № 9. С. 4-13.
3. России обязательно нужны свои герои, уверен Путин / Официальный сайт Единой России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://er.ru/news/108999/>

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Калашикова С.М., Ледовская Д.С.

Практически каждый член нашего общества знает, что такое творчество, и хотя бы раз в жизни занимался им или использовал какие-то творческие навыки для решения каких-либо проблем и задач. Еще с детства человек знакомится с данным уникальным социальным явлением, когда учится рисовать, петь, решать различные математические задачи. Феномен творчества, становление творческой личности, роль творчества в жизни человека – это, несомненно, значимые явления, особенно на сегодняшний день. Человек, обладающий творческими навыками, может нестандартно подходить к решению различных проблем, развивать себя с разных сторон, мыслить, опираясь на собственные взгляды на жизнь и на мир. Творчество влияет на успешность человека в будущем, поскольку важны не только четкие следования различным инструкциям, но и развитие нестандартного мышления, что способствует успешности не только в карьере, но и в обыденной деятельности.

В современном стремительно меняющемся мире, где знания и технологии постоянно обновляются, очень важно обладать творческими навыками, поскольку человек, владеющий ментально-творческой продуктивностью, успешно адаптируется в жизни и в обществе. Однако стоит заметить, что творческая деятельность является важным пунктом не только для практической деятельности, но и для научной: и изобретатель, и рационализатор, и ученый должен развить также и способности к организаторскому творчеству для успешного проведения исследований в своей области. Именно поэтому творчество оказывает влияние на все аспекты жизнедеятельности индивидов и требует тщательного изучения со стороны различных специалистов, в том числе и социологов. В России изучению творчества уделяется достаточно внимания со стороны исследователей, однако реализация проектов по развитию творческих способностей личности еще с детства не проявляется в полной мере либо отсутствует. Именно социологи способны тщательно проанализировать данную проблему и выявить необходимость творческого развития индивидов в современной России.

Целью данной работы является необходимость доказательства разработки социологами подхода к изучению творческой деятельности личности и реализации творческих способностей индивидов в современной России.

Для дальнейшего рассмотрения проблемы необходимо обратиться к понятию творческой деятельности. Согласно документу «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (в ред. от 28.11.2015), «творческая деятельность – создание культурных ценностей и их интерпретация» [1, ст. 3]. Творчество – это всегда сложный процесс создания качественно новых материальных и духовных ценностей. Для социологов творчество, как создание нечто нового, важно тем, как оно влияет на общество в целом.

Чтобы осмыслить необходимость анализа творческих навыков индивидов, необходимо выяснить, какие функции несет творческая деятельность и какую роль она играет в современном российском обществе.

Для каждого вида творчества характерны свои собственные функции: например, для художественного творчества главной целью является создание новых эмоций – произведений (искусства); для научного – создание новых знаний – теорий, открытий, изобретений; для технического творчества – создание новых средств труда – процессов, механизмов; для спортивного творчества – создание (достижение) новых результатов – силы, скорости, выносливости.

Для всех видов творчества можно выделить в целом три функции:

1. Познавательная функция – характеризуется тем, что творческий человек отражает объективный мир через свой субъективный.

2. Художественно-образная функция – творческий человек должен представить ситуацию при условии сохранения жизненной реальности, показать то, что он видит и знает так, чтобы донести это до других.

3. Функция выражения и коммуникации эмоций – творческий человек своими работами должен стимулировать общество к действию [2].

Исходя из вышеперечисленных функций, можно сделать вывод о том, какую роль играет творчество в современном российском обществе и как оно влияет на развитие социума в целом.

Творческая деятельность способствует духовному развитию индивида, его преобразованию, раскрытию духовного потенциала. Человек проходит стадии самореализации, познает себя сквозь процесс создания творческого продукта. Это, несомненно, позитивно влияет и на его жизненный цикл, и на внутреннее постижение им своего «Я» как с психологической точки зрения, так и с точки зрения социологии. Общество как система в полной мере реализует себя лишь в том случае, когда все его элементы взаимосвязаны и функционируют гармонично, а слаженная реализация индивидом самого себя обеспечивает рациональность его действий и мотивов поведения.

Творческая деятельность индивида способна создать продукт, необходимый для дальнейшего прогрессивного развития российского общества. Нестандартное мышление в контексте новейших разработок ведет к трансформации социума к высшим формам.

Осознание творчества как созидательной и полезной деятельности может содействовать разработке способов предотвращения развития антисоциального поведения на основе востребованности творческих навыков личностей.

В современном российском обществе также присутствует тенденция повышения величины агрессивности методами воздействия массовой культуры, СМИ, где нередко показывается враждебность людей по отношению друг к другу, бескультурье. Развитие творческого мышления способствует обособлению от негативной информации и от общепринятых стереотипов и позволяет человеку самостоятельно анализировать свои действия и действия других людей [3, с. 92].

Основной задачей социологов является доказательство всех положительных функций творчества с точки зрения влияния творческого потенциала личностей на социум в современной России. Для этого необходима разработка и реализация программ, предполагающих воздействие на государственные структуры, которые, в свою очередь, будут обеспечивать развитие творческого

потенциала индивидов еще с детства путем изменения образовательных учреждений, дополнительных программ в школах и университетах для формирования творческого мировоззрения школьников и студентов и других способов внедрения креативного мышления в массы.

Таким образом, проанализировав вышесказанное, можно сделать логический вывод: творческая реализация необходима не только для единичной социализации личности, чтобы обеспечить комфортное сосуществование человека и в социуме, и с самим собой, но и для общественного развития. Именно социологи обладают необходимыми знаниями для рассмотрения данной проблемы, и именно они способны повлиять на ход изменения усвоения индивидами творческих навыков.

Библиографический список:

1. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.11.2015 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/
2. Мотивы, цели, функции, результаты творчества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studme.org/42505/zhurnalistika/motivy_tseli_funktsii_rezultaty_tvorchestva
3. Кашина О.П. Роль творчества в процессе формирования духовной зрелости личности в современном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. Ч. 2. С. 91-93.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АТТРАКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Касаткина Е.Д.

Социальные науки включают в себя группу академических дисциплин, изучающих бытие человека с точки зрения его общественной деятельности: антропологию, психологию, социологию, филологию, лингвистику, экономику, риторику, политику и т.д. Многие аспекты человеческой деятельности, ранее считавшиеся объектом изучения одной специальной науки, теперь представляют собой междисциплинарные исследовательские области. Именно такая ситуация складывалась в отношении коммуникативных стратегий аттракции.

Активное изучение коммуникативных стратегий началось в 1980-е гг. в лингвистике, что было связано с коммуникативным переходом, произошедшим в данной области знания, признанием прагматической ценности общения, его направленности на достижение определенного эффекта, что воплотилось в соответствующую трактовку как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [1, с. 3]. Ценность коммуникативных стратегий как объектов изучения первыми признали социология и политология, включившиеся в их исследования.

Принято выделять несколько подходов к пониманию коммуникативных стратегий в ряде социальных наук:

1. При текстологическом подходе коммуникативная стратегия представляет собой «сложный языковой знак», «текст в тексте». В данном случае основное внимание сконцентрировано на текстуальных характеристиках данного явления: на его вербальном и невербальном аспектах.

2. Риторический подход подразумевает понимание стратегии как некоей творческой реализации определенного плана речевого поведения в ситуации общения. Главная особенность данного подхода заключается в том, что для его представителей наиболее важно наличие плана в коммуникации, реализующегося в процессе высказывания, который и отражает стратегичность общения.

3. В рамках когнитивного подхода понятие «коммуникативная стратегия» имеет несколько толкований. А.Н. Баранов определяет ее как «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения» [2, с. 139-149], М.Л. Макаров понимает под коммуникативной стратегией «осмысленит ситуации общения с помощью интерпретативных схем, способствующих выработке

альтернативных способов осуществления действий» [3, с. 138]. Собственное определение есть и у Д. Леви: «когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым содержанием» [4, с. 29-41]. Приведённые выше дефиниции четко указывают на то, что когнитивный подход уделяет особое внимание мыслительным операциям, необходимым для стратегического планирования и успешной коммуникации.

4. Психологический подход определяет коммуникативную стратегию как осознание ситуации общения, разработку ее развития и организацию соответствующего воздействия. Здесь учитывается психологическая основа коммуникации и оказание эффекта на собеседника посредством языковых средств.

5. В рамках прагмалингвистического подхода коммуникативная стратегия представляет собой некую цепочку решений говорящего, ведущих к достижению коммуникативной цели. Сюда включается планирование процесса речевой деятельности, выбор адекватных речевых и коммуникативных средств с учетом условий общения и особенностей собеседников.

Необходимо подчеркнуть, что вне зависимости от того, какой подход тот или иной ученый выбирает для рассмотрения коммуникативных стратегий, можно сказать, что стратегия – это некая последовательность речевых действий, организованных говорящим в зависимости от того, какую цель он преследует, вступая в коммуникацию. В ситуации реального общения коммуникант обычно преследует несколько целей, а его поведение обусловлено несколькими мотивами. Соответственно, судить об эффективности выбранной речевой стратегии можно, оценивая, какое количество целей было достигнуто, или, рассматривая их иерархически: были ли достигнуты наиболее привлекательные для говорящего цели.

Говоря о коммуникативных стратегиях как объекте изучения социальных наук, нельзя не разграничить понятия коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Речевая тактика представляет собой одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии, она позволяет корректировать стратегию с тем, чтобы добиться максимально эффективного влияния на слушающего.

Что касается коммуникативных стратегий аттракции, то их можно определить как комплекс речевых действий, направленных на привлечение и удержание внимания адресата. Среди всех социальных наук наибольший интерес коммуникативные стратегии аттракции представляют для лингвистики, политологии и социологии. Если лингвистический аспект, мы рассмотрели выше, то актуальность данного явления для политических наук объясняется тем, что его можно эффективно использовать для построения имиджа политического деятеля, создания общественного резонанса вокруг той или иной фигуры, события. Социологическое исследование коммуникативных стратегий аттракции также имеет смысл, поскольку его изучение позволяет сконцентрироваться на воздействии данного явления на отдельных людей, социальные группы и общество в целом, вызывая в их сознании образ или имидж, сконструированный при помощи определенных коммуникативных средств. Анализ коммуникативных стратегий аттракции с точки зрения социологии даёт возможность сделать акцент не на языковых и политических аспектах, а на социальном значении этого явления.

Библиографический список:

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Баранов А.Н., Паршин П.Б. К построению словаря терминов когнитивной науки // Когнитивные исследования за рубежом: метода искусственного интеллекта. М., 1990. С.139-149.
3. Макаров М.Л. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.
4. Шейгал Е.И., Иванова Ю.М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // *Respectus Philologicus*. 2003. № 5(10). С. 29-41.

АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ГРАФФИТИ-РАЙТИНГА)

Кишкин М.И.

Стремительное развитие процессов глобализации с особой остротой ставит проблему и социального здоровья, и социальных эпидемий, возникновение которых социологи связывают как с нарастающими темпами промышленного развития [4], так и с расширением и ускорением межкультурных контактов [8].

Исследователи приходят к выводу, что глобальные практики, стирая локальную специфику в одних сферах взаимодействий [14], лишь усиливают их – в других аспектах [12]. Отечественные социологи-международники оформляют данное диалектическое представление в понятии «глобо-локальной цивилизации» [5].

Актуальность исследования межкультурных взаимодействий, с точки зрения их позитивных и негативных социальных эффектов, с особой остротой предстает в пору быстрого распространения коммуникационных технологий.

Социологическая наука активно погружена в анализ особенностей глобо-локального социума, ищет адекватные методы изучения специфики взаимодействующих культур – методы, позволяющие сопоставлять культурные практики без введения упрощенной шкалы масштабирования: «менее цивилизованные – более цивилизованные» народы.

Одним из таких методов является метод анализа визуальных источников. Основное преимущество данного метода заключается в том, что он во многом позволяет преодолеть межъязыковые барьеры. Визуальные источники передают информацию на своего рода «универсальном языке» – языке визуальных образов, цветовых контрастов, графических структур.

Метод анализа визуальных источников во французской социологической традиции широко использовался Клодом Леви-Стросом [13]. Исследование графических структур: орнаментов в татуировках на теле, в оформлении жилищ и предметов обихода, линиях упорядочивания поселений и т.п. – позволило французскому ученому стать одним из пионеров «глобальной социологии» - социологии, работающей в формате мультикультурального подхода [6].

Одним из фундаментальных выводов социологии, избегающей прогрессистских упрощений, является следующий: социальная жизнь «дикаря» устроена во-многом сложнее социальной жизни человека из «экономически развитых» обществ и предлагает более успешные решения фундаментальным проблемам человеческого существования [9]. Одним из таких фундаментальных вопросов является вопрос социального здоровья, здоровья сообщества, обуславливающего здоровье индивида как его неотъемлемой части [1].

Другим существенным методологическим вкладом французской социологии является понятие «социальной среды». Так, Дюркгейм говорит о воздействии социальной среды на особь подобно тому, как воздействие физической среды обуславливает функционирование и развитие живого организма [4].

Вместе с тем, Дюркгейм отмечает существенное отличие социальной среды человека от социальной среды животного. Социальная среда животного статична, замечает ученый, поэтому механизмы регулирования поведения особи, которые позднее будут названы «гештальтами», а до того момента именуются идеальными образцами поведения [7], могут быть записаны в тканях.

Социальная среда человека динамична, поэтому человек находится в постоянном поиске динамичных способов регулирования взаимодействий с социальной средой.

Принцип динамизма социальной среды лишь усиливается в эпоху стремительного развития коммуникационных технологий, позволяющих миллионам участников включаться в коммуникативные сети одновременно.

Вместе с тем, «ускорение» динамизма социальной среды как открывает новые возможности, так и создает новые социальные проблемы и трудности.

Пик социального динамизма приходится на городскую среду [15]. Городская среда становится средоточием «социальных лифтов» и одновременно источником серьезных социальных аномий, разрушительных воздействий [2].

Термин «турбулентная среда» совмещает в себе оба указанных признака. Изучение зон социальной турбулентности требует особой методологии [10]. Законы статики не работают в турбулентной среде.

Аналогичным образом не соответствуют нуждам турбулентной среды принципы нормативной коммуникации, жестко выстроенные «нормальные» социальные иерархии, установившиеся системы знаков и значений.

Там, где слово еще не успело оформиться – работает язык цвета, жестов, ритмов, линий.

Исследование подобной «до-словесной», невербальной коммуникации составляет поле актуальных социологических исследований – исследований турбулентной социальной среды и принципов социального здоровья в ней (X Международный социологический конгресс).

Существенной социально-экономической проблемой, остро проявляющейся в турбулентной городской среде, является проблема «относительного перенаселения» или безработицы [3]. Отсутствие рабочих мест, которые та или иная социально-профессиональная группа готова занять, становится источником «маргинализации» представителей данной социальной группы.

Интенсивность определенного рода невербальных практик представляет удельный вес маргинализированных групп, т.е. может служить «качественным показателем» относительного перенаселения.

Изучение проблемы относительного перенаселения особенно важно в ситуации демографического кризиса, поскольку относительное перенаселение, т.е. безработица, оборачивается абсолютным недонаселением – демографическим кризисом [3].

Исследование такой маргинальной социальной практики, как граффити, дает социологу богатый материал для изучения актуальных социальных проблем современного города и условий социального благополучия или неблагополучия в нем.

Граффити как социальная практика является специфическим продуктом нового типа социальной среды человека – социальной среды мегаполиса.

Анализ данного визуального источника позволяет изучить жизнь современного городского «дикаря»: социолог, изучающий граффити в мегаполисах XXI века, продолжает леви-стросовскую традицию социальных исследований. Подобно тому, как Леви-Строс отмечал активность и насыщенность социальной жизни «дикаря», во многом превосходящую по сложности и интенсивности социальную жизнь «цивилизованного» человека, - можно говорить о сложном устройстве социальной жизни современного «городского дикаря» - представителя рассматриваемой субкультуры.

Антикультура «граффити» дает богатый визуальный материал для социологического кросскультурного исследования социальной среды мегаполиса, поскольку представляет собой характерное для всех современных мегаполисов явление.

Граффити возникает на стыке «цивилизованных», нормативных социальных практик – и проявлений антикультуры. С одной стороны, это достаточно новая социальная практика, с другой – архаичная, по сути. К данной практике подходят многие определения, данные Д.С. Лихачевым древнерусским смеховым культурам: «Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всяких церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, - разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся» [11, с. 17].

Граффити – глобальная практика, распространенная в большинстве стран мира, во всех мегаполисах планеты. Представители данной субкультуры ведут сложную социальную жизнь, в которой существует особая система неписаных правил. Если «нормальный» межкультурный диалог,

межкультурный обмен строится на понятии «границы», предполагает коммерциализацию отношений, то субкультура граффити не знает межгосударственных границ, ограничений собственности, соображений торговой выгоды.

Перефразируя высказывания Д.С. Лихачева о смехе, можно сказать, что граффити «заклучают в себе разрушительное и созидательное начала одновременно», «нарушают существующие в жизни связи и значения», «показывают бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, отношений, осмысляющих существующие явления, условностей человеческого поведения и жизни общества». Антикультура граффити «как бы возвращает миру его изначальную хаотичность», «отвергает неравенство социальных отношений и отвергает социальные законы, ведущие к этому неравенству, показывает их несправедливость и случайность».

Тем не менее, конкретные граффити необходимо несут на себе отпечаток локального своеобразия: «мир антикультуры противостоит не всякой культуре, а только данной – осмеиваемой. Тем самым он готовит фундамент для новой культуры – более справедливой. В этом великое созидательное начало смехового мира» [11, с. 3].

Анализ социальной практики граффити выявляет ее тесную связь с проблемой социального здоровья. Граффити-райтинг, подобно другим формам антиповедения, служит социальным «клапаном выпуска пара» и строится на негласном саморегулирующемся балансе активности в городской среде. Неформальные коллективные практики дают выход невостребованной социумом энергии и таким образом косвенно способствуют установлению динамического равновесия в турбулентной социальной среде мегаполиса.

Библиографический список:

1. Бадью А. Век. М., 2011.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Глазунов М.Н. Безработица и занятость. М.: Проспект, 2015.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
5. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007.
6. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем. М., 2004.
7. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа. М., Гнозис, 2009.
8. Латур Б. Пастер: война и мир микробов с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
9. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.
10. Титова М.А. Антиповедение. М.: Издательство МГУ, 2014.
11. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
12. Badiou A. Le siècle. Paris, Seuil, 2005.
13. Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, Plon, 1958.
14. Dufresne J. Aspects culturels de la santé et de la maladie. Québec, 1985.
15. Dumézil G. Heur et malheur du guerrier : Aspects mythiques de la fonction guerrière chez les Indo-Européens. – Paris, Presses Universitaires de France, 1969.

ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ИНТЕРНЕТЕ

Ковтун Г.С., Котков Д.А.

Число преступлений экстремистской направленности в последние годы стремительно растёт. Если в 2013 году в Российской Федерации было зарегистрировано 896 преступлений экстремистской направленности, то в 2014 году – 1024 (+14,3%), а за 2015 год было зарегистрировано 1329 таких преступлений (+27,7%) [1, с. 3]. Усиление профилактики экстремизма в Интернете, ориентированной

именно на студенческую молодежь, необходимо, прежде всего, потому, что экстремизм имеет особый статус в иерархии социальных проблем, а студенческая молодежь является наиболее уязвимой социальной группой. В нашей стране экстремизм студенческой молодежи в Интернете уже приобрёл массовый характер. Подтверждением этому служит факт существования на сегодняшний день в России более 150 молодежных экстремистских организаций, имеющих свои каналы влияния на студенческую молодежь, и, прежде всего, таким каналом является Интернет. Таким образом, актуальность темы, вынесенной в название статьи, определяется не только широкой распространённостью экстремизма, серьёзностью его последствий, но и недостаточной эффективностью сугубо криминологического подхода к профилактике экстремизма, необходимостью поиска альтернативных подходов, моделей профилактики экстремизма в среде студенческой молодежи современной России и стран АТР на основе формирования толерантности, культурного релятивизма.

Целью статьи является обоснование девиантологической модели профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете. Предлагаемая нами модель — это концептуальная модель — система понятий (концептов), описывающих и объясняющих профилактику экстремизма студенческой молодежи в Интернете. Мы называем ее девиантологической потому, что она создана на основе систематизации знаний, представленных в современной социологии девиантности и социального контроля.

В основе предлагаемой модели профилактики лежит понимание экстремизма как одной из форм проявления девиантности. Девиантность — это совокупность индивидуальных или коллективных форм поведения, которые в определённом социальном контексте рассматриваются как нарушение нормы (социальной, групповой, культурной или субкультурной) и активизируют социальный контроль [2, с. 18]. Экстремизм как форма проявления девиантности — это приверженность к крайним взглядам и действиям (в идеологии, политике, культуре, религии и т. д.). Какие из этих взглядов и действий, когда, при каких условиях и с какими последствиями будут рассматриваться как правонарушение или преступление решает общество в лице его законодателей. Именно в этом, согласно современной девиантологии, проявляется социальная природа экстремизма.

В соответствии с российским законодательством к проявлениям экстремизма в Интернете относятся: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), поскольку использование Интернета является квалифицирующим признаком их составов. В примечании к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации отмечается, что преступления экстремистской направленности совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [3, с. 162]. Социальная опасность экстремистской деятельности состоит не только в совершении конкретного экстремистского действия, но и в увеличении числа сторонников идеологии экстремизма.

В студенческой среде экстремизм может проявиться в увлеченности националистическими, неофашистскими идеологиями, или иными религиозными доктринами, призывающими к свержению конституционного строя, а также в распространении связанных с ними материалов среди своих знакомых, в том числе и с помощью социальных сетей в Интернете. Помимо этого, экстремизм проявляется и в непосредственном участии в деятельности радикальных движений и групп, совершении противоправных, а иногда и преступных действий в связи со своими убеждениями. Преступлениям экстремистской направленности присущи демонстрация и распространение ненависти и вражды в обществе, поэтому при их совершении типичным становится использование сети «Интернет», привлекающей экстремистов анонимностью, а также лёгкостью размещения и продолжительностью хранения информации, постоянно находящейся в свободном

доступе для студенческой молодёжи. Также Интернет помогает экстремистам в расширении круга лиц, разделяющих экстремистские взгляды, убеждения и установки. Несмотря на активный социальный контроль, выраженный в блокировании информации экстремистского содержания, она снова появляется. В этой связи огромное значение приобретает профилактика экстремизма в Интернете.

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) экстремизма как одной из форм девиантности в данной статье понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на девиантогенные факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению его структуры и к не совершению потенциальных экстремистских действий. В современной мировой девиантологии различают три уровня превенции: первичную (primary prevention) – близкую по смыслу отечественной «общесоциальной профилактике», т. е. воздействию на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения в целях их улучшения, гармонизации; вторичную (secondary prevention) – аналог отечественной «специальной профилактики», рассчитанной на обеспечение мер безопасности, воздействие на «группы риска», устранение обстоятельств, способствующих девиантным проявлениям, и третичную (tertiary prevention) или «индивидуальную профилактику» в отечественной науке [4, с. 223-224].

Предлагаемая в данной статье девиантологическая модель профилактики ориентируется на вторичную профилактику: работу с «группами риска» экстремистского поведения в Интернете. В этом плане особый интерес представляет исследование делинквентного поведения подростков, проведенное американским социологом Р. Кейвен, выделившей «контркультуру недоконформизма» и «контркультуру сверхконформизма». Под «недоконформизмом» она понимает отклонение от принятых норм, которое настолько ярко выражено, что совокупность новых норм образует девиантную культуру, находящуюся в оппозиции к господствующей культуре, - «контркультуру недоконформизма».

Соответственно, под «сверхконформизмом» понимается абсолютное согласие с социальными нормами, которое настолько ярко выражено, что совокупность новых норм образует девиантную культуру, находящуюся в оппозиции к господствующей культуре, - «контркультуру сверхконформизма». Рут Кейвен убедительно доказала, что сверхконформность является формой проявления девиантного поведения, «твёрдое ядро» этой контркультуры достаточно часто примыкает к взрослым экстремистским контркультурам (например, к фундаменталистским сектам, требующим абсолютной моральности). Очевидно, что объектом социального контроля должен стать не только «недоконформизм», но и «сверхконформизм» [5, р. 243 - 258]. Экстраполяция идей Р. Кейвен на область профилактики экстремизма студенческой молодёжи в Интернете, позволяет сделать вывод о том, что экстремистские взгляды могут быть присущи не только противникам существующего общественного порядка, но и его сторонникам.

При определении «групп риска» экстремистского поведения в Интернете, на наш взгляд, следует учитывать и взгляды представителей перспективы контроля в социологии девиантного поведения. В основе всех этих теорий лежит принципиальное утверждение, согласно которому девиантность является следствием отсутствия социального контроля или сдерживания [2, с. 110]. Именно поэтому к «группе риска» экстремистского поведения в Интернете должна быть отнесена вся студенческая молодёжь, а поэтому и профилактическая работа должна быть ориентирована на студенческую молодёжь в целом.

Содержательно девиантологическая модель профилактики экстремизма студенческой молодёжи в Интернете должна быть сосредоточена на просвещении – распространении знаний и культуры, благодаря которым студенческая активность в Интернете будет осуществляться в рамках правового поля, сформируется культура поведения, отвергающая радикальные ценности, характеризующаяся толерантностью, так необходимой при взаимодействии представителей различных стран, этносов и религий.

Субъектами профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете должны стать не только государственные органы, но и институты гражданского общества (семья, политические партии, общественные объединения, СМИ), а также отдельные граждане. В число полноправных субъектов профилактической деятельности в данной сфере должны быть включены и вузы. Для повышения эффективности профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете следует чаще проводить совместные совещания, круглые столы и конференции, внедрить единую программу повышения квалификации сотрудников вузов, правоохранительных органов и других субъектов, обеспечивающих комплекс профилактических мероприятий.

К конкретным мерам, способствующим более эффективной профилактике экстремизма студенческой молодежи в Интернете можно отнести создание на сайтах вузов специального раздела, посвященного профилактике экстремизма, а также транслирование профилактической информации в официальных студенческих группах в социальных сетях и по всем возможным информационным каналам университетов. Более тщательный мониторинг студенческих активностей в социальных сетях, форумах, блогах, осуществляемый путем внедрения специального комплекса компьютерных программ, позволит вовремя проанализировать и выявить попытки вербовки студентов в экстремистские организации, распространение экстремистских материалов самими студентами. Помимо этих мероприятий необходимы курсы профилактических лекций и обучающих семинаров и вебинаров, специальный курс для студентов по правовому поведению в Интернете с применением новых образовательных технологий, а также социальных акций, направленных на выработку порицания экстремизма. Важно чтобы комплекс профилактических мероприятий проводился в вузах на постоянной основе.

Таким образом, предлагаемая в статье девиантологическая модель профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете основана, во-первых, на понимании экстремизма как одной из форм девиантности, во-вторых, на представлениях о вторичной профилактике на работу с «группами риска»; в-третьих, на признании просвещения основным направлением профилактической деятельности; в-четвертых, на убеждении, что субъектами профилактики должны стать не только государственные органы и их представители, но и институты гражданского общества, отдельные граждане, в том числе и пользователи сети Интернет.

Библиографический список:

1. Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key%5B%5D=100003786
2. Ковтун Г.С. Социология девиантного поведения. В 2 ч. Ч.1. Классические теории девиантности: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. 142 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201181&fld=134&dst=101847,0&rnd=0.18101771141803236#0>.
4. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.
5. Cavan R. The Concept of Tolerance and Conterculture as Applied to Delinquency // The Sociological Quarterly. 1961. Vpl. 2. P. 243-258.

КОММУНИКАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ВРАЖДЫ

Козырев Г.И.

Международные отношения можно представить в виде коммуникативной системы, функционирование которой обусловлено постоянным обменом информацией и другими ресурсами

между различного уровня акторами – субъектами международных отношений. При этом между взаимодействующими субъектами не только происходит обмен информацией, но и определяется позиция каждого из них по отношению друг к другу.

Если взять в качестве методологической основы концепцию П. Бурдьё о политическом поле, то можно предположить, что положение актора (агента поля по Бурдьё) на информационном и политическом поле будет зависеть от того, каким совокупным капиталом располагает каждый конкретный актор, и каковы его политические практики. Понятие «габитус» (по Бурдьё) дает нам представление о приобретенных актором в результате прошлого опыта предрасположенностях [1].

Используя транзактный анализ, разработанный Э. Берном, можно определить позицию и роль каждого из взаимодействующих акторов в совместной коммуникации [2]. При этом выбранная добровольно или кем-то предписанная роль-позиция в структуре транзакции, способствует формированию определенного сценария развития отношений между взаимодействующими акторами. Кроме того, необходимо учитывать и то, что каждый политический актор также занимает определенную позицию в структуре международных отношений.

Для того чтобы выявить, насколько конкретный актор самостоятелен в своих действиях и поступках, исследователи также предлагают использовать субъектный анализ, который позволяет определить уровень субъектности актора в политических практиках [3].

В публичной политике межсубъектная транзакция приобретает характер массовой коммуникации, так как в своих действиях каждый субъект взаимодействия рассчитывает на определенную реакцию мировой общественности. Кроме того, именно мировая общественность в лице наиболее влиятельных стран и международных институтов своими оценками и действиями способна поддержать (утвердить) или отвергнуть ту или иную позицию, на которую претендуют акторы. Например, путем наложения каких-либо санкций на какую-то страну, Совет Безопасности ООН, по сути, закрепляет за этой страной положение провинившегося «ребенка», которого следует наказать.

В международных коммуникациях США всегда стремятся выступать с позиции покровителя, с теми, кто проявляет им свою лояльность, и с позиции судьи и/или карателя с теми, кто пытается отстаивать свой суверенитет. Для этих целей они (США) всегда имеют в своем арсенале явные или неявные «причины» и «предлоги» для обвинения своего оппонента (противника, врага) в каких-то грехах. Например, во времена холодной войны США очень были «озабочены» нарушением прав человека в СССР. В настоящее время такую «озабоченность» у США и их союзников периодически вызывают «проблемы демократии» в России, нарушения прав сексуальных меньшинств, «агрессивная» внешняя политика и другие реальные и вымышленные проблемы. И эта «озабоченность» вдруг актуализируется в ситуации, когда для решения каких-то реальных проблем необходимо оказать на Россию (и не только) определенное давление.

«Озабоченность» чужими проблемами – это своего рода «компромат», который можно использовать в нужный момент, чтобы создать из вчерашнего партнера «противника» или «врага». При этом даже ни на чем не основанные ложные обвинения хотя бы на короткий период времени ставят обвиняемую сторону в невыгодное положение. Ей приходится оправдываться и отвергать обвинения, в то время как обвиняемая сторона ищет предлоги и поводы для новых обвинений. Ложные обвинения со временем могут быть опровергнуты фактами, но из-за постоянно выдвигаемых новых обвинений и санкций у окружающих формируется стереотип о том, что обвиняемая сторона всегда что-то нарушает, кому-то угрожает, и ее проще отнести к категории «враг». Кроме того, из-за подпорченного имиджа страна, как правило, несет значительные экономические и др. издержки [4].

Целенаправленно сконструированный образ врага может приносить стороне его создающей немалую выгоду. Так, например, в сентябре-октябре 2012 года Китай, воспользовавшись обострением конфронтации с Японией по поводу спорных островов, стал активно актуализировать свойственные китайскому народу стереотипы о Японии, как о враге. Одновременно была развернута широкомасштабная кампания против японских товаров и фирм. В результате за эти два месяца

прибыль автомобильного концерна «Нисан» в КНР упала на 20%, «Мазды» - на 40%, «Хонды» - на 60% и т.д. Таким образом, рынок был освобожден для аналогичных китайских товаров, а экономический конкурент (Япония) понес колоссальные убытки. Когда цель была достигнута, акция по актуализации образа врага стихла [4].

Но такая «враждебность» является прерогативой тех международных акторов, которые обладают значительным совокупным капиталом (например, США, Китай), или тех, кто находится под покровительством доминирующих акторов (например, Литва, Латвия, Эстония, Польша) и извлекают дивиденды из своей «конъюнктурной враждебности».

Существуют различные модели коммуникативного взаимодействия акторов. Можно выделить три симметричные модели: 1) «сотрудничество – сотрудничество»; 2) «соперничество – соперничество»; 3) «вражда – вражда». И три ассиметричные модели взаимодействия: 4) «сотрудничество – соперничество»; 5) «соперничество – вражда»; 6) «вражда - сотрудничество».

Модель «сотрудничество – сотрудничество» предполагает существование доверительных отношений между взаимодействующими акторами. Человеку, которому доверяешь, можно одолжить денег или оказать безвозмездную услугу, в надежде, на то, что и он не останется в долгу. Такое доверие основывается, как правило, на опыте предыдущих отношений, анализе прошлых политических практик, свойственных данному актору, его политической стратегии, степени его субъектности и других характеристиках.

Одной из причин многочисленных просчетов, имевших место в истории взаимодействия нашей страны с другими странами, является то, что Россия нередко выстраивала доверительные отношения с теми, кто в последующем ее предавал. Это отношения типа «доминирующий альтруизм», когда сильная и богатая ресурсами страна оказывает всестороннюю помощь «младшему брату». Но в сложных для России ситуациях, этот «брат» вдруг оказывается не братом, а скорее недругом или врагом.

Список таких неверных друзей достаточно обширный. Например, Болгария, которая стала одним из главных препятствий в реализации нашего газопровода «Южный поток». Можно также вспомнить множество африканских, азиатских и латиноамериканских стран, которым мы «дружески» покровительствовали, а потом вынуждены были прощать им их много миллиардные долги.

Несбывшиеся в коммуникативном взаимодействии надежды, как правило, способствуют возникновению чувства обиды, недовольства на того, кто поступил не так, как от него ожидали. Переходя от психологического индивидуального уровня на групповой и общественный уровень, обида становится социальной и политической проблемой, оказывающей влияние на массовое сознание «обиженных». При этом глубина разочарования, по мнению Ричарда Лазаруса, будет тем больше, чем больше мы доверяли предавшему нас «другу» [5]. На уровне коммуникаций обида является одним из факторов формирования образа врага из вчерашнего «друга» или партнера.

Поэтому, чтобы не быть обиженным, надо выстраивать свои коммуникации исходя не из эмоций или идеологических оценок, а основываясь на аналитических конструктах, имеющих теоретическое обоснование и практические перспективы. А для этого необходим компетентный анализ коммуникативного потенциал актора, с которым предполагается транзакция, и выбор адекватной модели взаимодействия.

В современных рыночных условиях, если отсутствует должное доверие, то наиболее приемлемой является модель коммуникации «соперничество – соперничество». Это коммуникация конкуренции, которая позволяет получать дивиденды от экономической и иной эффективности производства. Но реализация такой модели для России в полной мере невозможна из-за ее преимущественно сырьевой экономики. Поэтому, в угоду сиюминутным выгодам отдельных корпораций или отдельных чиновников, Россия, нередко выстраивает заведомо ненадежные ассиметричные коммуникации типа «сотрудничество – соперничество» или даже «сотрудничество – вражда», по сути, играя в поддавки с теми, кто играет с нами в шашки.

Проблема осложняется еще и тем, что США и их союзники занимают доминирующие позиции в системе международных правовых институтов. Это дает им возможность требовать от других неукоснительного выполнения принятых ими же международных норм, и игнорировать или изменять эти нормы, когда им это выгодно. Так, например, чтобы спасти Украину от экономического краха, который неминуемо наступал, в случае если она до 20 декабря 2015 года не вернет России 3 млрд. долларов государственного долга, по инициативе США на очередном заседании правления МВФ было принято решение об изменении Устава Фонда. Эти изменения позволяют кредитовать страны даже после объявления им дефолта [6].

Чтобы кардинально изменить ситуацию на международном правовом поле, России и ее союзникам необходимо инициировать создание новых правовых и экономических международных институтов. В создании таких институтов могли бы принять участие страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и ШОС (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) и другие страны, недовольные существующим положением дел.

Но для того, чтобы уже сейчас более эффективно использовать имеющиеся у нас возможности, необходимо всесторонне анализировать коммуникативный потенциал наших потенциальных партнеров по взаимодействию. И принимать всесторонне обоснованные решения [7].

Библиографический список:

1. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Эерн Б. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Лениздат, 1992. 400 с.
3. Першуткин С.Н. Субъект и субъектность в контексте политических коммуникаций // Коммуникология: Международный научный журнал. Т. 5. № 3, май-июнь 2014 г. С. 79-91.
4. Козырев Г.И. Коммуникация вражды: конфликтологический анализ / Коммуникология: Международный научный журнал. Т. 5. № 3, май-июнь 2014 г. С. 164-171.
5. Lazarus R.S., & Smith C.A. (1989). Knowledge and appraisal in the cognition-emotion relationship. *Cognition and Emotion*.
6. Изменение правил МВФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vg-news.ru/n/118341>
7. Козырев Г.И. Социология общественного мнения: образ врага в истории, теории и общественном сознании. Учебное пособие. М.: ИД – «ФОРУМ» – ИНФРА-М, 2017. С. 167-175.

СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Колесникова Г.И.

Трансформационные процессы в жизни пореформенной России актуализировали проблему поиска новых методов управления обществом. Одним из активно используемых мощных методов социального управления стал метод мифологизации массового сознания. Проблемы мифа и мифологизации общественного сознания находились в центре внимания многих зарубежных и отечественных философов, например, Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, А.Ф. Лосева, М. Элиаде, К.Г. Юнга. Однако после глобальных преобразований в жизни российского общества в конце XX столетия интерес к мифологизации массового сознания как инструменту управления массами, в частности, при конструировании национальной идеологии, активизировался и у отечественных исследователей (труды Л. Гудкова, А.А. Зиновьева, С.Г. Кара-Мурзы). И это вполне закономерно, поскольку в данном контексте миф из сферы бессознательной игры воображения переносится в сферу сознательного конструирования «в соответствии с планом. Новые политические мифы ... представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». (...).... Методы подавления и принуждения всегда использовались в политической жизни. Но в большинстве случаев эти методы ориентировались на «материальные» результаты. Даже наиболее суровые

деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей» [1, с. 65].

В постсоветской России в результате сложившейся социально-экономической и политической ситуации возникла потребность в мифах, обосновывающих важность и необходимость рыночных и демократических преобразованиях, а также отказ от идеи советского патернализма в пользу национального самоопределения российского государства. Работу по изменению массового сознания в новых условиях стали вести одновременно в двух направлениях: 1) *дискредитация старого режима*; 2) *пропаганда нового* и «за годы перестройки и реформ с помощью печати, телевидения и радио были «справедливо» разоблачены многие пропагандистские мифы советского времени. ... Сегодня их место заняли постсоветские мифы» [2]. Среди приёмов (техник), способствующих практической реализации поставленной цели, можно выделить мифы дискредитирующие и мифы пропагандирующие.

К дискредитирующим мифам относится «миф о демонизации социалистической модели». В сознании многих россиян укрепилось мнение, что социалистическая модель экономического развития неизбежно означает тотальный диктат государства во всех сферах экономики, подавление частной предпринимательской инициативы, дефицит товаров массового потребления, отсутствие свободного экономического обмена с другими государствами. При этом не принималось во внимание очевидное противоречие данного мифа реальности, которая демонстрировала рост экономической мощи и политического влияния в мире не отказавшихся от социалистического пути Китайской Народной Республики, Вьетнама и ряда других государств. Однако информация о социалистических странах подавалась проправительственными СМИ (а другие СМИ в Российской Федерации имеют достаточно ограниченный диапазон влияния) или в негативном ключе, или посредством убеждения аудитории в переходе их на капиталистическую модель развития. Таким образом, в сознании населения утверждалась убежденность в верности выбранного руководством страны пути политического и экономического развития, развеивались возможные критические сомнения. С другой стороны, активно содействуя мифологизации рыночной экономики и политической демократии, эталонизации Запада, российская власть культивировала и националистические мифы, позволяющие с большей уверенностью управлять сознанием масс через апеллирование к «великому прошлому» российской государственности, одержанным военным, научным и культурным победам. Эта парадоксальность идеологии, сочетающей либеральные и националистические лозунги, стала ключевой стратегией в управлении общественным сознанием.

Также в этой категории можно выделить мифы о криминализованности отдельных этнических групп. В постсоветской России, как и во многих других государствах бывшего СССР и Восточной Европы, широкое распространение получила националистическая мифология, внедряемая в сознание широких масс населения, опять же, не столько радикальными организациями националистического толка, сколько средствами массовой информации, акцентирующими внимание на проблематике межнациональных отношений и формирующими соответствующую точку зрения населения страны на причины и характер межнациональных противоречий. Заметную роль в структуре националистических мифов играют мифы о криминализованности тех или иных этнических групп, повышенной опасности мигрантов. При этом особое внимание акцентируется на однозначно осуждаемых моралью преступлениях – торговле наркотиками, преступлениях с сексуальной подоплекой. Дело в том, что государству и обществу гораздо выгоднее перенести ответственность за данные преступления на «иностранцев», осуществляющих преступления не только с корыстными целями, но и в целях «освобождения» среды обитания от коренных жителей.

Далее, «миф о враге». Рассматривая конструирование идентичности с помощью внедрения мифа о «враге», Лев Гудков пишет: «Для традиционного общества категория «враг» имеет довольно устойчивое, конкретное или предметное значение, с трудом отделяемое от семантики «чужого» или «потустороннего», запредельного, персонификации хтонических сил. Не случайно только в христианстве «враг» получает психологическую и социально-моральную «генерализацию»,

становится универсальным символом зла — «врагом рода человеческого» [3]. То есть, как тонко заметил Карло Шмитт, выдвижение концепта обезличенного врага конструирует политическую целостность общества, гарантируя его единство в противопоставлении «чужому» [4]. Кстати, как ни парадоксально, но единство советского общества на протяжении всей истории СССР также опиралось, в том числе, и на миф о «враге» который трансформировался и наполнялся новым содержанием в зависимости от политической ситуации. Первоначально роль врага играли контрреволюционеры и белогвардейцы, затем – троцкисты и диссиденты, позднее - отдельные национальные и социальные меньшинства и группы и всегда – Запад. Несмотря на крушение советского государства, данный миф сохранил свое влияние в массовом сознании, лишь поменяв для каждого постсоветского государства, этнической или социальной группы образ врага. Миф о «враге» также потребовался власти для придания легитимности своим действиям, получения поддержки со стороны народных масс.

А если говорить о пропагандирующих мифах, то здесь можно обозначить «миф свободного рынка». Он относится к новым мифам, сложившимся в капиталистическом мире и оправдывавших существующую на Западе политико-экономическую систему как единственно истинную, достойную воспроизведения в других государствах, причем даже без адаптации к местным реалиям. Однако миф свободного рынка как наиболее эффективной экономической системы был успешно воспринят массовым сознанием, так как преподносился на фоне трудностей, с которыми столкнулась советская экономика к концу 1980-х гг. и умалчивания сведений о многочисленных экономических кризисах в США и других государств Запада в результате которых руководство этих стран были вынуждены скорректировать экономическую политику в сторону большего контроля государства над экономической составляющей жизнедеятельности общества. Таким образом, миф об универсальности и истинности политической демократии и рыночной экономики стал одним из основополагающих в структуре массового сознания значительной части россиян в первое постсоветское десятилетие. Дополнительным эффектом распространения данного мифа, в попытке уравнивать Россию и Запад, стала девальвации традиционных для России ценностей.

К пропагандирующим мифам относится и «миф об особом российском пути достижения демократии». Массовое разочарование россиян в 2000-е годы в идеалах демократии и рынка, возрождение антизападных настроений, которые лишь на короткий промежуток времени с конца 1980-х гг. по середину 1990-х гг. были практически вытеснены из массового сознания граждан, заставили власть искать новые мифы, оправдывающие существующий политический и экономический курс. Так, миф о либеральной демократии был заменен мифом о необходимости особого российского пути демократии, который стал трактоваться в выгодном для российской власти аспекте. Равным образом, и миф свободного рынка под ударами реалий экономической жизни страны двух пореформенных десятилетий утратил популярность в обществе, что привело к использованию государственнической фразеологии в средствах массовой информации при освещении отечественной экономики. Однако, прикрываясь мифами о возрождении государственного влияния в экономической сфере, власть фактически продолжает прежнюю политику в направлении дальнейшей приватизации промышленности, коммерциализации образования и здравоохранения. Тем не менее, для широких масс населения, не имеющих доступа к альтернативным средствам информации, не обладающих должным политическим и экономическим знанием, создается иллюзия возрождения патерналистской политики государства, укрепления его позиций в экономической сфере, в том числе и на международном уровне.

Ещё один миф – это «миф о культе личности национального лидера как основе национальной идеи». В процессе поиска национальной идеи властью был опробован и традиционный для российского государства механизм создания культа личности национального лидера. Однако конструирование национальной идеи посредством ее замыкания на фигуре национального лидера выглядит достаточно опрометчиво, поскольку ставит всю политическую систему современной России в непосредственную зависимость от конкретной личности. Кроме того, происходящая

посредством данного мифа архаизация общественного сознания, что не было свойственно ни традиционным обществам где сакральное значение имел сам статус властителя вне зависимости от конкретной персоны им обладающей, ни, тем более, современным демократиям, для которых политический руководитель, по сути, лишь эффективный менеджер, осуществляющий непосредственное управление страной в результате волеизъявления населения, отнюдь не способствует упрочению собственно национальной идеи.

Таким образом, мы можем подчеркнуть, что демократические реформы в постсоветской России не только не способствовали демифологизации сознания россиян, но и в еще большей степени поставили его в зависимость от внушаемых мифов. Вестернизация культурного пространства привела к внедрению в массовое сознание целого ряда мифов, характерных для современного массового общества на Западе и адаптированных под российские реалии для достижения целей политико-экономической элиты современной России. Каждый из перечисленных мифов выполняет свою строго определенную функцию в перераспределении энергии масс в нужное русло и\или поддержании существующей системы власти и вступает в действие в конкретных обстоятельствах, в зависимости от того, реализацию какой задачи власть ставит перед собой. Возможно ли в конечном итоге эффективное конструирование новой наднациональной идентичности, укрепление социального порядка и достижение действительной, а не мифической, поддержки власти населением? Ответ на данный вопрос представляется одним из наиболее актуальных в контексте решения вопроса о роли и месте применения мифологизации массового сознания как управленческого метода в современном российском обществе.

Библиографический список:

1. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. М., 1997. 65 с.
2. Кащук А.А. Телевизионные мифы – один из способов манипуляции сознанием аудитории // Вестник электронных и печатных СМИ. Выпуск 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jarki.ru/wpress/2009/07/05/765/>
3. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. Авторский сборник / «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
4. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35-67.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СИСТЕМА

Комарова А.Н.

На сегодняшний день вопрос актуальности проблематики исследования социального здоровья человека остро стоит в социально-гуманитарных науках, таких как психология или социология. В ходе анализа понятия здоровья и болезни, а также социального здоровья человека и населения в целом, было выделено три направления изучения данных категорий: философское, психологическое и социологическое, которые по-своему трактуют социальное здоровье.

Так, например, философское направление делает основной акцент на то, что человек существо биосоциальное, и здоровье определяется в неразрывной связи биологических и социальных условий, отклонение от которых порождает начало болезни. Это отражено в работах таких авторов как Целье, Гален, К. Маркс, Ф. Энгельс и других [1].

В психологическом направлении выделяется метасистемный подход А. П. Петровского, в котором под социальным здоровьем понимается «оптимальное сочетание гармоний – гармонии личностных смыслов, деятельности, общения и гармонии человека с социумом, способствующее позитивному развитию личности и общества». Также немаловажен подход, отражающий многоуровневую систему социального здоровья, который разрабатывали Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев, Н.И. Боечко. Социальное здоровье здесь рассматривается в контексте социализации личности [2].

В социологическом направлении выделяется два подхода: социально-культурный и социально-экономический. В рамках данного направления работали такие ученые как Р. Арона, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, П. Дракера, Ж. Фурастье, Т. Адорнз, Г. Маркузе, Э. Мишан, Л. Мэмфорд, Ф. Розак, Б. Скиннер, Ю. Хабермас, члены Римского клуба, Э. Фромм. Данные исследований социального направления сводятся к тому, что социальное здоровье существует только в условиях удовлетворенности качеством и уровнем жизни, которая формируется в процессе жизнедеятельности под влиянием социальных и экономических факторов [3].

Таким образом, в результате анализа различных направлений и подходов, мы предлагаем уточнить определение категории социального здоровья и понимать его как совокупность характеристик, которые определяют соответствие социального взаимодействия членов общества, их удовлетворенности жизнью, уровня их нравственности, социальной активности, адекватности восприятия себя и окружения, а также высокого уровня адаптации к изменяющимся условиям окружающей действительности.

Связь социального здоровья, его формирования тесно связана с социальными условиями и факторами, а именно с ценностными ориентациями, как отношением личности к социальным ценностям. Они раскрываются через оценки, которые личность дает себе, обстоятельствам и окружающим условиям; задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном; механизмы отбора по критериям значимости и решимость к реализации собственного «проекта» жизнедеятельности [4].

Для более полного понимания, что же такое социальное здоровье, необходимо не только уточнить определение, аккумулируя различные направления и подходы к изучению данного феномена, но и выделить основные компоненты социального здоровья и процесс его формирования.

Опираясь на данное определение, компонентами социального здоровья можно считать:

1. Нравственность индивида.
2. Следование и принятие традиций, норм и ценностей общества, в котором находится человек.
3. Ощущение себя частью общества, которое окружает человека.
4. Продуктивная адаптация к меняющимся условиям окружающей социальной среды.
5. Успешный процесс социализации.
6. Самооценка.

Нравственное здоровье отражается в нравственно-духовных качествах человека, например, таких как осознавать свободу воли или свободу выбора, осознавать уверенность и определенность в настоящем и будущем, способность к самооценке, способность к прогнозированию событий и оценок, способность к творчеству (музыкально-поэтическому, научному, техническому, педагогическому, организаторскому) [5].

Помимо нравственного здоровья основанием для социального здоровья человека являются его психическое и психологическое здоровье. Возрастные особенности вносят свои нюансы в показатели социального здоровья. Эти особенности обусловлены процессами социализации: адаптацией, интеграцией и индивидуализацией.

Процесс адаптации к новой обстановке ускоряется, если человек предварительно ознакомлен с предстоящей деятельностью. Для успешной адаптации необходимо учиться управлять своим поведением в новых социальных условиях. Основные проявления социальной адаптации – взаимодействие человека с окружающими людьми и его социальная активность и стремление к ней [6].

Так, становится понятным, что процесс адаптации человека к постоянно меняющимся условиям окружающей его социальной действительности напрямую связан с успешностью процесса социализации.

Социализация (лат. *socialis* – общественный) – это процесс и результат становления личности, усвоения человеком ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу (группе, семье). Социализация является непрерывным процессом, она сопутствует человеку на всех его возрастных этапах. Она может идти как целенаправленно, т.е. в процессе воспитания и самовоспитания, так и стихийно – под воздействием факторов общественного бытия. Успешность данного процесса обеспечивает высокий уровень адаптивных способностей человека, что в свою очередь позволяет быстрее и продуктивнее адаптироваться к меняющимся условиям в обществе и проявлять социальную активность [7].

При оценке социального здоровья и становления самосознания очень важным является процесс получения представлений о своих идеалах, ценностях, мотивах поведения, достоинствах и недостатках, то есть процесс самопознания, самооценка личности и результатов своей деятельности. Самооценка – важный регулятор поведения, влияет на развитие личности и на эффективность ее деятельности в обществе [8].

Кроме того, одним из важнейших показателей социального здоровья является то, как человек воспринимает в обществе самого себя. Принятие себя как части общества, будь то часть малой группы или большой, повышает тот самый уровень удовлетворенности собственной жизнью. Помимо восприятия себя как части малой или большой группы, человеку важно принимать себя в контексте норм, традиций и устоев актуального для него общества (территориально или временного). Данный показатель влияет на самооценку человека как члена данного общества и формируется в процессе социализации, оказывая существенное влияние на уровень адаптивных способностей.

Таким образом, рассматривая компоненты социального здоровья человека, можно сказать, что явление это сложное и многогранное и находится на стыке психологии и социологии. С социологической точки зрения социальное здоровье возможно наблюдать в позитивных социальных условиях, у основания которых стоит успешная социализация, а в последующем и продуктивная адаптация человека как в больших так и малых социальных группах, а так же следование общественным и собственным идеалам и волевая регуляция собственного поведения относительно себя и общества.

Библиографический список:

1. Жилиева А.Н. Социальное здоровье. Теоретико-методологический подход // Достижения и перспективы развития науки: сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 348-354.
2. Жилиева А.Н. Феноменология социального здоровья. Теоретический анализ. // Научный альманах центрального черноземья. 2016. № 1. С. 77-80.
3. Комарова А.Н. Теоретико-методологический анализ понятия «Социальное здоровье» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. Т. 7. С. 106-110.
4. Килимова Л.В. Ценности как конструктивная основа социокультурных практик личности в условиях модернизации социума // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5-2 (44). С. 256-261.
5. Брехман И.И. Введение в валеологию – науку о здоровье. Л.: Наука, 1987. 125 с.
6. Осянин А.Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности: (теоретический аспект) // Вестн. ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социал. науки. 2006. № 1. С. 335-341.
7. Мудрик А.В. Основы социальной педагогики : учеб. для сред. спец. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 208 с.
8. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Комплектова А.В., Ардальянова А.Ю.

Персонал является неотъемлемой частью организации, сотрудники какой-либо компании нацелены на достижение общих целей и задач, которые ставятся перед компанией. Основу персонала составляют рабочие, специалисты, физические лица, состоящие с фирмой в отношениях, регулируемых договором найма.

Основные цели применения социологических методов в управлении персоналом заключаются в оценке, формировании и дальнейшем развитии трудового потенциала коллектива организации, в анализе поведения отдельных сотрудников, а также совершенствовании организации труда в рабочем коллективе организации.

Данные полученные в результате социологических исследований играют важную роль в формировании эффективных коммуникаций и разрешении конфликтных ситуаций в коллективе, а также помогают выявить потенциальных лидеров и удержать их на этой позиции [1].

Социологические методы представляют собой научный инструментарий в работе с персоналом, они позволяют правильно оценивать и принимать кадровые решения. Рассмотрим ряд количественных и качественных социологических методов.

Одним из наиболее распространенных количественным методом в управлении персоналом является анкетирование, которое помогает собирать определенную информацию, путем заполнения анкет. Анкетирование позволяет оценить уровень удовлетворенности персонала условиями труда, выявить проблемные зоны корпоративной культуры, оценить эффективность реализуемых в организации нововведений и улучшений. Главным недостатком метода анкетирования можно назвать субъективную оценку полученных данных, так как объективная оценка анализируемых данных часто сопоставима со статистическими данными [2].

К количественным социологическим методам можно также отнести количественный контент-анализ, который можно проводить по персональным документам сотрудников, служебной переписке, распорядительной документации. Объектом количественного контент-анализа могут являться такие категории как уровень квалификации, половозрастной состав организации, брачность и другие формальные категории, которые отражаются в документах и могут быть проанализированы специалистом по управлению персоналом. При этом данный метод может быть применен как основной метод систематизации данных, которая в свою очередь необходима как для решения практических, так и исследовательских задач.

Наиболее распространенным качественным методом социологического исследования в управлении персоналом является интервью. При сравнении метода анкетирования и интервью, можно отметить, что метод интервью является более информативным и широко используемым в настоящее время в крупных российских компаниях, так как в процессе интервью информацию получает не только интервьюер, но и опрашиваемый сотрудник. Интервью проводится согласно заранее подготовленной технической схеме, которая служит инструментарием. В данной схеме указываются ключевые вопросы, которые необходимо обсудить в ходе беседы. Существует несколько типов интервью, среди которых стандартизированное, полустандартизированное и свободное. При проведении стандартизированного интервью задаются четко определенные и сформулированные вопросы, и их последовательность определяется логической цепочкой. При использовании полустандартизированного интервью, как правило, нет четкой схемы, обсуждаются лишь ключевые вопросы. Ну и наконец, в свободном интервью вопросы задаются в произвольном порядке и в ходе беседы можно углубить или расширить конкретный вопрос [3].

Данные методы ориентированы на моральное воздействие на людей и исходят из мотивации сотрудников. Специфика этих методов заключается в применении ряда неформальных факторов, интересов сотрудников и коллектива организации в целом.

Благодаря использованию качественных методов можно более точно определить проблемные зоны или наоборот благополучные участки отношений внутри коллектива, также разработать план действий по устранению негативных явлений и укомплектовать рабочие и проектные группы. Глубокое погружение в специфику отношений сотрудников организации, выявление их индивидуальных особенностей позволяет грамотно построить план социального развития, основной задачей которого является обеспечение гармоничных отношений в коллективе, а также повышение качества условий трудовой деятельности.

В плане социального развития организации можно выделить следующие направления:

1. Улучшение условий труда и быта сотрудников
2. Совершенствование социальной структуры коллектива
3. Социальные факторы развития компетентностных качеств сотрудников [4].

Таким образом, применение качественных и количественных социологических методов в управлении персоналом организации позволит не только использовать полученные знания при решении определенных управленческих задач, но и поможет сформировать исследовательскую стратегию. Социологическое исследование, объектом которого является персонал организации – это целая система мероприятий, включающих в себя целый комплекс качественных и количественных методов. Значимость теоретического изучения и практического использования различных социологических методов в управлении персоналом определяется необходимостью обеспечения точности и адекватности получаемых результатов. Использование социологических методов в управлении персоналом поможет совершенствовать систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников различных сфер деятельности.

Библиографический список:

1. Абрамова С. В. Мотивация и стимулирование труда персонала // Проблемы современной экономики: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 149-153.
2. Соломанидина Т.О., Соломанидин В.Г. Мотивация трудовой деятельности персонала. – М.: Издательство «Управление персоналом», 2015.
3. Минасян С.С. Мотивация персонала // Молодой ученый. 2014. №1. С. 401-403.
4. Грачёв А.А., Бавина П.А., Ильин Е.П. и др. Технологии мотивирования персонала в организации: Учебно-методический комплекс. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 139 с.

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИИ КАК РАЗДЕЛУ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Коноплева А.А.

Культурантропология – один из немногих разделов философского знания, изучение которого не только сконцентрировано на теоретическом осмыслении, но и невозможно без применения прикладных методов исследования. Об этом свидетельствуют наработки Ф. Боаса, Р. Бенедикт, М. Мид, Б. Малиновского, К. Леви-Стросса и других выдающихся антропологов, освещавших проблемы формирования и развития человека в разрезе его включенности в определенную культурную систему. Объяснение этому – тот факт, что культурантропология – пограничная дисциплина, развивающаяся при взаимопроникновении антропологии, психологии, этнографии, философии культуры, и концентрирующая внимание на внешних и внутренних факторах, которые поспособствовали становлению человека.

Если воспринимать культуру преимущественно с позиции духовной наполненности, то методы социологии не могут абсолютизироваться в силу субъективности, эмоциональности человека и индивидуальности культурных черт. Однако если опираться на идеи К. Маркса в понимании культуры, и учитывать тот факт, что стимулом формирования культуры стала как раз материальная

составляющая, а духовная же развивалась как следствие становления первой, то можно говорить о логичности и закономерности применения различных методов социологических исследований для изучения проблем современной культурной антропологии.

Ввиду родства культурной антропологии и философии культуры в современных исследованиях вполне логичным становится спор относительно разграничения этих разделов культурно-философского знания. Примечательно то, что практически все известные культурные антропологи одинаково ценно воспринимаются представителями культурологической науки (Б. Малиновский, Дж. Мёрдок, К. Гирц и др.). Этот факт дополнительно размывает грани рассматриваемых нами систем знаний. Безусловно, нельзя определить мыслителя исключительно к одной сфере знания, однако объекты их изучения, а главное – используемые ими методы позволяют все же несколько дистанцировать их.

Основатель культурологии Л. Уайт выделил из комплекса общественных наук культурологию как самостоятельную дисциплину и «предложил использовать в культурологических исследованиях эволюционный, исторический структурно-функциональный подходы как отражающие культурные процессы разных типов формальный, временной, формально-временной» [1, с. 112]. Будучи родоначальником культурологии, вполне очевидно, что применяемые Л. Уайтом методы еще не обрели свою самобытность и скорее рождают культурологию и антропологические исследования, проводимые им, с философией культуры. Современная же культурная антропология, затрагивающая антропологические вопросы, больше склоняется к применению количественных методов и тяготеет к прикладному характеру. Он рассматривал культуру в связи с конкретным человеком, что выразилось в его согласии с известным выражением Р. Линда о том, что «культура «не работает», не «движется», не «изменяется», но все это делают с ней люди», «не культура, а люди красят ногти» [2, с.39]. Поэтому, хотя Л. Уайт и говорил о символичности и абстрактности культуры, факт ее ассоциации с конкретным человеком говорит все же о необходимости применения количественных методов.

Таким образом, обособление культурной антропологии от культурно-философской антропологии, по нашему мнению, возможно, исходя из специфики применяемых методов. Безусловно, родство и взаимозависимость качественного и количественного методов неоспоримы. В разрезе проблем культурной антропологии, приближенной к культурологии, больше оснований для применения количественного метода, а для проведения исследований в области философии культуры следует основываться преимущественно на методах качественного анализа. Качественный метод позволяет изучить социокультурную информацию, полученную на основе философского рассмотрения проблем. И здесь речь уже пойдет о смысловой наполненности культуры, значимости универсалий, систематизации выявленных черт и тенденций.

В качестве примера можно привести рассмотрение межкультурных взаимодействий с точки зрения количественного и качественного методов. Кросс-культурные исследования, одним из основоположников которых является Дж. Мердок [3], во многом положили основу развития культурной антропологии. Однако культурология больше призвана, используя количественный метод, проследивать частоту проявления общих и различных культурных черт у субъектов кросс-культурных интеракций, выявлять ареал распространения культурных традиций, а также их этнографические особенности. В свою очередь, философия культуры апеллирует к общим тенденциям в развитии культур, изучая мировоззренческие позиции культур в синхроническом и диахроническом аспектах, проводит анализ приемлемости или чуждости тех или иных традиций и ценностей для конкретной культуры; изучает тенденции и систематизирует все процессы, происходящие в ходе межкультурных контактов с целью реализации прогностической функции [4].

Подводя итог, следует отметить, что культурантропология как раздел философского знания занимает пограничное положение, относясь одновременно к культурологии и философии культуры, при этом рассматривая схожий спектр проблем. Попытка разграничения может быть предпринята посредством анализа используемых методов. В отличие от количественных методов, которые используются для анализа культурологических граней, качественные методы как раз позволяют

рассмотреть культурантропологию, прибегая к анализу, прежде всего, духовной составляющей, количественное изучение которой не всегда способно дать объективную оценку и глубоко оценить феномены и явления процесса антропогенеза.

Библиографический список

1. Калантарян Л.А. Фундаментальные проблемы современной культурной антропологии. Культура как объект философского осмысления // Образование и культура. 2012. № 2(5).
2. Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб: Университетская книга, 1997. С.17-49.
3. Мёрдок Дж. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С.49-57.
4. Коноплева А.А. Влияние особенностей субъектов межкультурных взаимодействий на процесс кросс-культурной коммуникации // Філософські дослідження: Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. Випуск № 14. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. С. 11-21.
5. Коноплева А.А. Глобализация в контексте культурно-философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 110-112.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Копрянцева М.В.

В период глобализации и роста международной миграции вопрос о «размывании» культурных различий стоит крайне остро. Риск потери своих уникальных культурных особенностей поведения и образа жизни возникает, в основном, у представителей малых культур, мигрирующих по тем или иным причинам в развитые страны.

Под культурной идентичностью следует понимать совокупность устойчивых социокультурных, национальных и индивидуальных параметров, которые позволяют человеку осознавать свою принадлежность к определённой группе, с помощью которой он может свободно ориентироваться в окружающем мире и иметь представление о своем месте в социокультурном пространстве [1; 2]. Другими словами, культурная идентичность – это совокупность тех особенностей поведения и образа мышления, которые человек приобретает под влиянием своего социального круга. Это понятие тесно связано с понятием этнической идентичности, которое обозначает совокупность этносоциальных представлений определённой этнической группы об её общей истории, культуре, традициях и государственности [3].

Большинство учёных сходится во мнении, что основной причиной потери культурной идентичности является глобализация. Британский учёный Э. Г. Равенштейн считал экономические причины миграции одними из главных [4].

Психологи утверждают, что люди, которые мигрируют, склонны испытывать напряжение, влияющее на их психическое состояние, включая утрату культурных норм и изменение их идентичности [5]. Это происходит в результате приспособления индивида к доминирующей культуре и адаптации к новому образу жизни. Потеря культурной самобытности иммигрантов выражается в изменении таких компонентов культурной и этнической идентичности, как язык, ценности, привычки, религия и традиции. Поскольку религия играет важную роль в формировании нравственных ценностей и устоев, её утрата этносом приводит к немаловажным последствиям, таким, как ассимиляция. В качестве примера можно привести полностью ассимилированный в России немецкий этнос, для которого религия всегда играла роль проводника национальных традиций и нравственных ценностей между поколениями [6].

Меньшинство зачастую усваивает представление большинства о незначительности своей культуры и, находясь в оппозиции к своему культурному наследию, лишает его своего следующего

поколения [7]. Таким образом, ассимиляционный подход к интеграции иммигрантов в наше время является совершенно несостоятельным, поскольку он препятствует сохранению культурного и языкового разнообразия в мире, необходимость которого признаётся международным сообществом. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) отмечается необходимость сохранения культурного разнообразия, как средства, обеспечивающего полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную и духовную жизнь общества [8].

Не стоит также отрицать тот факт, что обособление малых этнических культур может привести к массовым беспорядкам и межэтническому противостоянию. Некоторые главы европейских стран раскритиковали подход мультикультурализма, ссылаясь на отсутствие самого желания иммигрантов интегрироваться в принимающее общество и создание на этой основе изолированных общин [9]. В частности канцлер Германии, А. Меркель, заявила о крахе мультикультурализма в Германии, отметив, что иммигранты должны принимать немецкие ценности, культуру и уважать законодательство страны [10]. Согласно проведённым исследованиям, почти 23 % турок, живущих в Германии либо не говорят, либо крайне плохо знают немецкий язык и почти не общаются с немцами [11].

Стремительно развивающаяся глобализация и растущая нестабильность в отдельных странах позволяют сделать вывод о том, что уровень международной миграции со временем будет только увеличиваться. Немаловажным является устранение расизма, который способен вызывать ненависть к своей культуре и оказывать сильнейший стресс. Для предотвращения усиления этнической напряжённости, следует не допускать формирования обособленных от остального общества общин [9]. Необходимо также расширять участие мигрантов в политической, экономической и социальной жизни принимающего общества.

Библиографическое список:

1. Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91-95.
2. Желнина Е.В. Культура как значимый фактор воздействия на инновационную активность современных промышленных предприятий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 5 (май). С. 96-100. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/15148.htm>
3. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-v-epohu-globalizatsii>
4. Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. НУЛ исследований в области бизнес-коммуникаций национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2012. № 12. С.1-19.
5. Dinesh Bhugra. Migration, distress and culture identity. British Medical Bulletin. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bmb.oxfordjournals.org/content/69/1/129.full>
6. Лейман А.В. Сохранение культуры российских немцев (1941-2000-е гг.) (на примере Красноярского края) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2008Leiman.htm>
7. Саарикиви Я., Пасанен А., Замятин К. Как и зачем сохранять языки народов России. Хельсинки: Vammalan Kirjainho Oy, 2012. 181 с.
8. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
9. Лялина А.В. Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. 2014. № 2. С. 128-145.
10. Multiculturalism is a sham, says Angela Merkel // The Washington Post [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/14/angela-merkel-multiculturalism-is-a-sham/>

11. Турки плохо интегрируются в Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inright.ru/news/id_984/

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кривоносова Л.А.

Перспективные направления развития Дальневосточного федерального округа активно поддерживаются разработкой и реализацией социальных программ и инновационных проектов, выполнение которых требуют постоянной оценки и анализа.

В настоящее время практически отсутствуют методики оценки социальных программ на основе системы обратной связи, в том числе и в формате общественной экспертизы. Так в структуре управления государственной программой «Социальная поддержка граждан» предусмотрена лишь её оценка с использованием результатов ежеквартального мониторинга, отражающего поэтапный ход реализации. В качестве респондентов мониторинговых замеров определены только граждане, получившие социальные услуги в учреждениях социального обслуживания населения. Данные показатели не могут выступать как единственные, так как ограничивают исследовательскую базу.

В целях восполнения недостающей информации, нами разработана социальная технология оценки социальных программ при использовании совокупности социологических методов, выстроенных в логической последовательности, с помощью которых можно оценить эффективность выбранных социальных приоритетов, объект программирования, конечный результат программы, программные мероприятия, их соответствие имеющимся ресурсом и организационно-управленческому обеспечению, а также методические аспекты социальных программ.

Преимущество социологических методов состоит в их возможности результативно описывать и анализировать практики выполнения региональных программ как механизмов социального развития. В зависимости от задач исследования, активно используются методы различных видов опросов, мониторинговых и сравнительных замеров, интервью. Положительно себя зарекомендовали лонгитюдные исследования, метод фокус-групп, наблюдения, контент-анализ документов и др. Все методы достаточно подробно описаны в литературе и их адаптация не составляет особых проблем.

Предлагаемая нами технология с использованием социологических методов, прошла апробацию экспертной промежуточной оценки реализации в Хабаровском крае государственной программы «Социальная поддержка граждан» № 2553-р от 27.12.2012. Миссией проведенных оценочных мероприятий стал анализ соответствия выполняемых программных мероприятий целям и показателям социального развития территории.

Итоги общественной экспертизы были сформированы в несколько уровней замечаний. Часть из них носила общий методический характер.

Например, выявлено отсутствие мероприятий, обеспечивающих конкретизацию конечных результатов программы, в частности создание эффективной системы социального обеспечения граждан по организационно-управленческому, организационно-методическому и финансово-экономическому направлениям, ориентированных на конкретные показатели достижения, выраженные в метрологических единицах.

Установлено, что количество и тематическая направленность трех, входящих в состав программы подпрограмм способствует реализации приоритетов социального обеспечения населения Хабаровского края, внедрение новых механизмов в работе органов власти и управления, таких как расширение сети социальных учреждений, различных организационно-правовых форм и форм собственности, повышение обеспеченности социальных работников, развитие конкуренции в системе социального обслуживания населения с различными категориями граждан.

Следующий уровень экспертных мероприятий был связан с соблюдением в программном документе принципов адресности, гарантированности, соответствия уровней, оказываемых социальных услуг, установленным нормам и стандартам.

Экспертами обнаружено, что существующая сегодня в крае система социальной поддержки граждан, сохраняет несколько проблемных точек.

Во-первых, система, функционирующая с акцентом на гарантированность, не стимулирует граждан к активизации собственных усилий по преодолению сложившейся трудной жизненной ситуации, а в определенной мере даже способствует формированию иждивенческих, потребительских настроений.

Во-вторых, сложившаяся система социальной поддержки ориентирована, в первую очередь, на представление монетизированных форм помощи, что во многом сокращает возможности реализации принципа индивидуального, дифференцированного подхода.

В-третьих, несмотря на использование терминологии «адресности» в предоставлении социальной поддержки, в крае, в большинстве случаев, согласно государственной программе, во многом сохраняется «категориальный» подход. Адресность трактуется, чаще всего, как установление приоритетности той или иной традиционно выделяемой «льготной» категории граждан.

Также для дальневосточников не совсем подходят и категориальные льготы. Для борьбы с абсолютной бедностью группы, выделенные по политическим и демографическим критериям (например, ветераны войны и одинокие матери), в территориальном сообществе могут оказаться крайне неоднородными по материальному положению.

Сегодняшняя система помощи населению идет по пути стандартизации и унификации, что лишает возможности персонализированного подбора индивидуального «пакета услуг».

Простое распределение пособий дает кратковременный эффект роста потребления. Нужны дополнительные меры стимулирующего характера по повышению самостоятельных доходов. С задачей стимулирования роста доходов неразрывно связана индивидуализация обслуживания клиентов адресных программ.

В части реализации основной программно-целевой установки по развитию системы социального обслуживания в Хабаровском крае, акцент в социальной экспертизе делался на то, что повышение качества здесь реализуется только средствами оказания государством материальной и финансовой помощи через развитие сети социальных учреждений и их ресурсной базы. Программа слабо ориентирована на расширение форм и внедрение новых технологий организации и представления социальных услуг населению, которые относятся к немонетизированным как: социальная адаптация, социальное консультирование, социальная коррекция, социальный надзор, социальная терапия, персональное социальное сопровождение и профилактика трудной жизненной ситуации.

В настоящее время важно определить какие немонетизированные виды помощи и в каких территориях имеют наибольшую значимость и могут использоваться, а также было рекомендовано разработать комплекс мероприятий по созданию информационной базы организационно-управленческого сопровождения через использование методов социологии.

В рамках экспертизы в 2016 году ДВИУ-ф РАНХиГС при ПРФ проводил анализ качества услуг, оказываемых населению, в т.ч. и по данной программе в Хабаровском крае, Амурской области, республике Саха (Якутия). Опрошено 346 респондентов – потребителей социальных услуг. По результатам исследования только 32,7% дали положительную оценку качеству, получаемых услуг; 57,4% отмечают излишний бюрократизм и волокиту; 63,7% считают данную процедуру слишком усложненной, слабо компьютеризированной, при отсутствии мобильного информационного банка данных.

В целях повышения качества оказываемых услуг предлагается разработка и внедрение единого социального мониторинга их оценки в рамках госпрограммы. Основными параметрами всех мониторинговых замеров, проводимых с периодичностью два раза в год, может стать полный спектр оценки всех социальных услуг, декларированных госпрограммой, а также определение качественной выраженности следующих показателей: информированность потребителя о процедурах получения услуги; комфортность запроса и ожидания получения услуги; своевременность получения услуги;

профессиональная подготовленность персонала; возможность обжалования низкого качества оказания услуги.

Социальной экспертизой так же установлено, что массив нормативных правовых актов в области социальной защиты населения постоянно увеличивается. В связи с этим представляется целесообразным, в рамках анализируемой программы, провести отраслевую кодификацию законодательства о социальном обеспечении населения в РФ в форме федерального Кодекса социального обеспечения, позволяющую совместить оптимальную централизацию правового регулирования с правовой определенностью и прямым действием отраслевых норм.

В статье представлены только некоторые элементы технологии и основные итоги проведенной комплексной социальной экспертизы выполнения государственной программы в Хабаровском крае, с использованием разработанной технологии.

В целом, итоги проведенной общественной экспертизы качества выполнения социальной программы на региональном уровне с использованием социологических средств и технологий транслируют достаточно широкую палитру замечаний, выявленных проблем, несоответствий и предложений. Использование предлагаемой нами технологии в практике программирования будет способствовать обеспечению преемственности устойчивого регионального управления социальным развитием.

Библиографический список:

1. Березутский, Ю.В. Кривоносова Л.А., Сидорова Н.П. Технологическое обеспечение научно-исследовательской работы по направлению подготовки «Социология»: учебное пособие. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2015. 208 с.
2. Кривоносова Л.А. Социология управления. Хабаровск: ДВИУ-ф РАНХиГС, 2016. 216 с.
3. Кузьмин А.А. Особенности проведения отдельных этапов оценки проектов и программ: материалы для Школы по оценке программ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipen21org/ipen/>
4. Организация административного мониторинга социальных программ на региональном и местном уровнях / под ред. А.Л. Александровой. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

ФАНТОМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Кривошеев В.В.

Социальный мир всё в большей мере заполняется фантомами, представляющими собой, по точному определению Ж.Т. Тощенко, давно и плодотворно занимающемуся этой проблемой, явления, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности [1, с. 3]. В латентном виде фантомы существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве. Но в период кардинальных преобразований государственной и общественной жизни эти явления имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ощутимое влияние на общественное сознание, на все происходящие в обществе процессы [2, с. 54]. То есть именно в ходе трансформации социума меняется масштаб фантомных явлений и процессов, они становятся всё более распространенными, значимыми, заполняющими все социальное пространство.

Всё более полное утверждение фантомов в социальной жизни опирается на достижения электронной культуры, делающей существование индивида, группы, общества в целом погруженной в виртуальную реальность, новую, цифровую действительность.

Суть произошедших перемен в том, что появление качественно иного информационного пространства очень часто сопровождается заполнением его вымышленными сообщениями, постановочными сюжетами, несуществующими персонажами, мифологемами. Уже известны случаи, когда при съемках художественного фильма используются электронные аналоги (дублеры), которым присваивается цифровое лицо умершего актера. Так было, например, при завершении съемок

голливудских фильмов «Форсаж 7», «Гладиатор», когда неожиданно скончались актеры, играющие ведущие роли [3]. Понятно, что далеко не все данные о таких заменах попадают в средства массовой информации. В то же время у того, кто видит эти фильмы, обращается к таким образам, у любого получателя информации в электронной форме как не было, так и нет инструментов распознавания иллюзий, отделения фантомного от реально существующего. Получается, что грань между действительным, естественным и призрачным, нереальным все более подвергается эрозии.

К настоящему времени, по сути, завершена виртуализация не только индивидуального, но и массового сознания, люди всё в большей мере становятся, если можно так сказать, электронными визуалистами. Люди предпочитают смотреть на происходящее через экраны своих гаджетов, при этом неважно, что происходит – очередной фейерверк или дорожно-транспортное происшествие. Главное не в том, чтобы сохранить это на память, а в том, чтобы как можно быстрее разместить отснятое в Интернете, получить как можно больше одобрительных замечаний («лайков») и быстро забыть всё это, потому что зафиксировано уже новое событие. И всё это новое («актуальное») надо также немедленно разместить, параллельно реагируя на подобные сюжеты и фотографии своих интернет-друзей.

Студенты, все учащиеся, живя в мире социальных сетей, электронных энциклопедий, порой искренне не могут понять преподавателя, который к экзамену или зачёту зачем-то требует что-то выучить, запомнить, затем устно воспроизвести, если каждый хорошо знает, что в любое время и в любом месте достаточно включить хотя бы смартфон, с помощью 4G-технологии войти в Интернет, «погуглить», т.е. осуществить поиск информации с помощью определённой программы (как видим, электронная культура уже породила свой язык), и можно получить ответ на любой поставленный вопрос. При этом понимание, проникновение в сущность явления, процесса представляется чем-то не столь важным, необходимым.

Современный человек, и российский индивид в этом плане не исключение, живет не только в двух мирах («мир вещей» и «мир символов» по Э. Кассиреру) [4, с. 477], а в трех – к двум названным сейчас с полным основанием надо добавить третий, виртуальный мир, когда сами вещи и символы стали фантомами, нереальными объектами, символами символов, симулякрами, говоря языком Ж. Бодрийера [5]. Человек всё больше погружается в особую среду, которая пока ещё не оценена и не понята должным образом исследователями социальной жизни. При этом лишь фиксируется, что эта своеобразная гипертекстуальная среда становится всё более «дружественной» по отношению к человеку, она заманивает, удерживает его. Отсюда и изобилие различных интерактивных компонентов, гиперссылок, которые создают у индивида иллюзию физического присутствия в самых различных процессах, внутри среды (от простого перехода от одной электронной страницы к другой, до возможности выбора цветового оформления интересующего объекта, его модификации). Все эти компоненты «дружественного» пользовательского интерфейса позволяют создавать в сознании человека иллюзию естественности гипертекстовой среды и реального вовлечения пользователя в виртуальные процессы [6]. Более того, этот виртуальный мир молодым пользователям Интернета часто не хочется покидать, он выглядит ярче, интересней, чем обычный жизненный мир человека, с невымышленными конфликтами и проблемами.

Человек электронной культуры перестал быть просто играющим человеком [7]. Теперь это индивид, который в состоянии общаться со своими партнерами в виртуальной среде, находящимися за сотни, а то и за тысячи километров друг от друга. Когда-то единицы радиолюбителей, обязанные зарегистрировать свой передатчик в соответствующих органах, гордились тем, что установили связь с такими же любителями с других континентов. Теперь всё обстоит не только проще, несравненно распространенней, но и гораздо более важнее для многих пользователей Интернета. Известно, например, что сейчас миллионы подростков во всем мире играют в Dota 2. Это игра не обычная «стрелялка» или «догонялка», т.е. не такая игра, где человек действует один. Это компьютерная многопользовательская командная игра жанра Multiplayer online battle arena, в которой игроки разделены на команды по 5 человек. Подростки погружаются в сражения полностью, в ходе игры

много часов подряд они общаются, взаимодействуют друг с другом, хотя разделены на многие сотни, тысячи километров. Зафиксировано, что в середине 2015 года одновременно в эту игру играло до 10 млн. человек (данных по Китаю и по некоторым другим странам просто нет). Примечательно, что когда на Украине началась гражданская война, фирма Valve, разработчик игры, планировала отключить от неё Россию. Но российские участники мгновенно зарегистрировались на украинских серверах. В логике XXI века, века электронных фантомов, они совершили нормальный поступок, акт рационального отношения к жизни. Многие до сих пор так и играют в одних командах с украинцами, общаясь при этом, естественно, на русском языке [8].

Специалисты утверждают, что Dota 2 – это только начало, мир электронных фантомов ожидает еще немало сюрпризов. Считается, что киберспорт уже в ближайшем будущем станет главным развлечением – вместо традиционного спорта люди будут смотреть соревнования по видеоиграм и играть в них же. При этом киберспорт может быть разделён на профессиональный и любительский, как и обычный спорт [9].

Электронный, фантомный, по сути своей мир, характеризуется перенасыщением социально-сетевым информационным шумом. Многочисленные пользователи, имея свободный доступ к Интернет-ресурсам, в состоянии загрузить в глобальную сеть все, что угодно, что именно они считают важным и интересным. В результате действительно необходимую информацию часто невозможно обнаружить, поскольку она скрыта за внешне привлекательными и яркими пустышками, агрессивно навязчивыми к тому же. Но основными виновниками фантомов в интернете являются сами программисты, которые ощущают себя абсолютно свободными в производстве любого содержания (контента) [10]. Часто ради спортивного интереса «продвинутые пользователи» загромаждают глобальную сеть вымыслами, слухами, непроверенными данными и сведениями, бессодержательными сюжетами, отвлекающими человека от реальных забот и проблем, от действительно необходимой информации.

С определённой долей уверенности можно констатировать, что сейчас, даже в условиях всепроникающего господства электронной культуры осталась по сути лишь одна реальность – время. Погрузившись в мир социальных сетей, человек также как и его предшественник, не знавший ничего подобного, ограничен суточными временными ритмами, он порой совершенно незаметно для себя сжигает единственный действительно невозполнимый ресурс, который мог использовать для реальных контактов, развития воображения, общения с природой, реального духовного обогащения, т.е. саморазвития.

Именно специалисты, связанные с интернетом профессионально, оказывают наибольшее воздействие на формирование норм, ценностей, стиля общения в глобальной сети. Одним из таких правил является тщательно скрываема анонимность участников виртуального общения, всех тех, кто размещает фотографии, комментарии и т.п. Анонимность делает виртуальное общение фальшивым, часто насыщенным откровенным хамством, оскорблениями. Именно анонимность делает возможным всё более распространённую киберпреступность, своеобразную новую форму проявления аномии современного общества.

В целом можно констатировать, что не только фантомы электронного общества, но и все его проявления еще нуждаются в междисциплинарном анализе.

Библиографический список:

1. Тощенко Ж.Т. [Фантомы общественного сознания и поведения](#) // Социологические исследования. 2004. № 12.
2. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
3. Брожитов С. «Форсажу 7» был нужен Пол Уокер: цифровые образы актеров уже реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kinometro.ru/analytics/show/name/Forsazhy_7_byl_nuzhen_Paul_Walker_567

4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
6. Добычина Н.В. Онтология виртуального пространства: информация, символ, гипертекст // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view>
7. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука-классика, 2007.
8. Махлов А. Мир игры // Дворник'ь. 2015. 13-20 октября.
9. Пророков Г. Почему киберспорт – развлечение для подростков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/206395-esports-is-for-teens>
10. Затуливетер Ю.С. Компьютерный базис сетевидеостроения // Технические и программные средства систем управления, контроля и измерения (УКИ'10): конференция с международным участием (18-20 октября 2010 г., Москва, Россия). М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2010.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Крикунова Ю.А.

В рамках данной статьи попытаемся рассмотреть личность телеведущего «не как она «действительно есть» органически и психологически, а как она сделана другими и самой собой в их и её собственном опыте в ходе социальных отношений» [1, с. 72]. В связи с чем обратимся к анализу жизненных траекторий телеведущих с помощью результатов проведенного автором глубинных биографических интервью.

Выборку составили двенадцать телеведущих, являющихся представителями журналистских сообществ г. Казани и г. Тольятти, среди которых оказались четверо мужчин и восемь женщин. Стаж работы информантов на телевидении от 4 до 25 лет. Выборка составлена методом «снежного кома».

В начале каждого интервью информантам была предоставлена возможность рассказа о своей жизни с момента рождения до настоящего времени. В связи с этим В.А. Ядов замечает, что «в ходе такого свободного изложения в памяти респондента ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. Это позволяет выявить наиболее важные «смыслообразующие» моменты, конструирующие его биографию» [2, с. 416].

С нашей точки зрения, социолог, осуществляющий коммуникативный акт с информантом, должен сосредоточиться на тех сведениях, которые позволят ему выявить признаки, объединяющие разных людей в однородную социальную группу – в данном контексте социально-профессиональную. Согласно теории В. Фукс-Хайнрица, «главной исследовательской задачей биографического интервью является необходимость улавливания в конкретной биографии факторов, конституирующих социально типическое... Исследователя интересует не частота повторяемости, а «репертуар возможностей» различных жизненных вариантов» [3, с. 22].

Исходя из этого, жизненный путь того или иного телеведущего интересен нам не только с позиций профессиональной, но и с социализационной, через его восприятие агентов социализации и тех воздействий, которые они оказывали и продолжают оказывать на него на протяжении всей его жизни.

Сравнительный анализ текстов интервью показал, что в самостоятельном повествовании особое внимание информанты уделяли следующим моментам: месту рождения и особенностям политического строя; родительской семье и близкому окружению; социальной активности в первый период детства, в школьные годы; роли педагогов и преподавателей; раннему началу трудовой деятельности; причинам и событиям, предшествующим приходу в профессию. Важно, что информанты в большинстве случаев делали акцент на свойствах личности, помогающих им преодолеть трудности телевизионной профессии.

Одним из значимых факторов становления личностей информантов явилась общая социально-политическая, социально-экономическая и духовная ситуация в стране в период их взросления и вступления в сознательную и самостоятельную жизнь. Данный период в жизненных циклах информантов пришелся на «советское время». Интервьюируемые с теплом и трепетом отзывались об этом времени, отмечая, общий патриотический настрой, нравственность, строгость и ответственность как характерные черты воспитания в семье и на всех уровнях образования.

В 1990-е годы, когда российское общество переживало «смутное время», в жизненных траекториях наших информантов происходили значительные перемены в связи с появлением в российских городах государственных и частных телекомпаний как выражение зарождающейся свободы слова и потребности в её публичном выражении в условиях демократизации российского общества.

Телекомпании проводили конкурсы (кастинги), в которых принимало участие огромное количество претендентов на роли телевизионных дикторов и ведущих программ – предпочтение отдавалось тем, кто выделялся на фоне других определенным опытом публичных выступлений, работы на радио, литературным талантом, дикцией и голосом, привлекательными внешними данными. Многие информанты отмечали, что истоком выбора профессии телеведущего, являлся богатый опыт ведения концертов и праздничных мероприятий в период обучения в школе, училище.

Анализ детского и юношеского периодов жизни информантов показал, что важнейшим агентом социализации телеведущего является семья, фактически предопределяющая его будущую образовательную траекторию и профессиональное амплуа. Все без исключения информанты были в достаточно близких эмоциональных и доверительных отношениях с родителями, бабушками, дедушками, сестрами. Можно предположить, что сформированная в семье потребность в эмоциональной близости с Другим позднее, в профессиональной сфере находит своё отражение в ориентации на партнёрство с коллегами, сотрудниками, соавторами творческих идей, а также и с героями телепередач, ток-шоу, которые взаимодействуют с телеведущими в процессе их эфирной работы.

Если остановиться на том аспекте, чьё влияние было наиболее значимым на различных этапах жизнедеятельности телеведущих – отдельных индивидов, социальных групп или социальных институтов, то целесообразно обратиться к анализу роли педагогов в социализации телеведущих, так и к творческим коллективам, включая внешкольное образование, профессиональный коллектив и профессиональное сообщество.

Как показало исследование, общими для всех информантов чертами являются активность, самостоятельность в принятии решений, свобода выбора творческих увлечений, а также потребность лидировать, объединять вокруг себя людей. Обучение в средней школе является наиболее ярким этапом в формировании профессиональных черт телеведущих, поскольку именно в этом звене образовательной системы проявляются лидерские потенции личности, складывается её мировоззрение, система жизненных ценностей и установок.

Насыщенная творческой деятельностью жизнь, посещение множества разнообразных кружков, секций, участие в школьной самодеятельности для наших информантов во всех случаях являлось самостоятельно принятым решением, результатом внутренней потребности в активном времяпрепровождении.

В детстве и юности, интервьюируемые нами телеведущие были заняты учебой в общеобразовательной, музыкальной и/или в художественной школах, занятиями в дополнительных кружках, спортивных секциях, а также общественной деятельностью. Все это привело не только к духовному обогащению личностей информантов, но и к формированию социально активных, разносторонних, самодостаточных личностей, являющихся основой построения их профессиональных качеств.

Проведенный нами анализ биографических материалов позволяет утверждать, что стремление охватить всё, попробовать себя в разных сферах свойственно личности телеведущего, будь то телеведущий регионального или федерального масштаба, и служит мотивом выбора профессии.

Немаловажными факторами формирования личностей телеведущих являются кумиры, литературные персонажи, герои фильмов, выдающиеся личности на которые равнялись, мечтали быть похожими наши информанты в подростковые и юношеские годы. В интервью информанты показали свое неосознанное стремление подражать, устойчивое и сильное желание войти в интересующую их профессиональную общность, связав своё будущее с ролью телеведущего, отождествляя себя, свои возможности с возможностями своих кумиров, а значит и с профессиональным сообществом.

Наиболее распространенными мечтами о будущей профессии у информантов женского пола были профессии творческие и публичные, «видные»: диктор, певица, актриса, балерина, врач, учитель. Информанты мужского пола чаще мечтали о профессиях героических либо творческих – космонавта, артиста, реже хотели стать диктором, садовником, водителем.

Если образовательные организации формировали характер, мотивацию, социальные установки будущих профессионалов телеэкрана, то их конкретные наставники – учителя и преподаватели выступали в качестве единичных агентов социализации. Именно от их профессионализма, личностного обаяния, душевных качеств зависят и желание учиться, и извлекаемое учениками содержание предметов, и получаемое ими же качество образования. Данные факты отмечали и сами информанты, с теплом и благодарностью отзывающиеся о тех личностях, которые сыграли позитивную роль в их становлении.

Первые шаги в журналистской профессии – ещё один важный этап в жизни и деятельности телеведущих. Рамки данного этапа – обучение профессии. В этом смысле студенчество для некоторых информантов – не только студенческая жизнь со своей особой атмосферой, наполненная духом свободы и творческим досугом, участием в студенческих фестивалях, КВН и прочим. Это ещё и период упорного обучения, первого опыта работы на телевизионном поприще, предполагающий дальнейшее вхождение в роль «звезды экрана», личности, способной влиять на умы телезрителей уже своим внешним обликом, имиджем.

При этом первые шаги в профессии многие телеведущие делают еще задолго до поступления в вуз, а значит вновь подтверждается тезис о том, какое важное значение имеют семья, детское дошкольное учреждение, средняя школа и учреждения дополнительного образования в формировании жизненных установок, мотивов, норм социального поведения, способов воздействия на окружающих. Социальность – важная основа, на которой возводится всё здание личности телекоммуникатора.

Итак, важным фактором «попадания на экран» является раннее начало журналистской деятельности, будь то подготовка к поступлению в вуз в школе молодого журналиста или самостоятельные шаги к профессии внештатным сотрудником в газете, или работа ведущим небольшой рубрики на радио. Желание добиваться всего самостоятельно, настойчивое стремление к цели, инициативность и трудолюбие помогают личности внедриться в желаемую профессиональную группу, стать «своим» среди «своих».

Подводя итоги, отметим, личность телеведущего выступает творцом собственного жизненного пути, самостоятельно, на основе профессиональной рефлексии оценивающего свойства социального пространства и жизненного мира, преобразующего их в соответствии со своими жизненными целями, ценностями и задачами. Анализ жизненного пути личности телеведущего актуален и тем, что как представитель творческой и публичной профессии он апеллирует к массовой аудитории и эффективно воздействует на нее, находясь в эпицентре коммуникативного процесса. В его личности, как в фокусе, сходятся все информационные нити: от работодателя, от аудитории и к аудитории. Его статус и его роли на телевидении в целом и на телеканале в частности определяются всеми теми жизненными событиями, которые происходят с его прямым участием перманентно.

Библиографический список:

1. Знанецкий Ф. Теория социальных персонажей // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1996.
2. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Изд-во «Добросвет», Кн. дом «Ун-т», 1998. 596 с.
3. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11-41.

МЕТОДИКА ЭДСО: ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Ксенофонтова Е.Г.

Несмотря на то, что потребность в исследовании специфики современного состояния разнообразных социальных общностей крайне высока, инструментарий, применяемый исследователями, оказывается или узконаправленным, или недоступным другим исследователям, или известным, но далеко не современным, или крайне громоздким в плане обработки результатов. Поэтому мы представляем здесь методику, которая может быть проведена и обработана очень быстро в любых «полевых условиях», доступна для сопоставления результатов с данными по другим исследователям, а также применима к социальным общностям совершенно различного масштаба и разной формы организации – семья, фирма, население региона, национальная, возрастная или профессиональная группа и т.д. Для политологов может быть интересно исследовать отношение разных подгрупп к России, как очень широкой социальной общности. Для практиков государственного и муниципального управления это исследование дает не только вывод о том, на что следует срочно обратить внимание и с какими проблемами работать, но и производит «формирующий эффект» в плане повышения чувства единства общности.

Некоторые теоретические основы данного подхода, связанные с видами социальных групп, представлены в работе [1]. При этом рассмотрение разных аспектов поведения человека в организации, с которой у него выстроены трудовые отношения, представлено в двухтомнике [2], в том числе, в разделах о нематериальной мотивации и системах оценки персонала.

Методически данный инструмент представляет собой синтез опросников с заданным перечнем закрытых вопросов, позволяющих экспресс-обработку, и проективных методик, обычно не сочетающихся с массовым и, тем более, экспресс-применением. Консультанты, работающие с какой-либо одной социальной общностью, погружаются в глубокий качественный анализ результатов интервью, материалов, собранных «на месте» и т.д., не имея возможности формализовано сопоставлять большие массивы данных. Исследователи, проводящие массовые опросы, наоборот, испытывают недостаток в конкретике, которую за большими цифрами часто ждет от них заказчик – тот, кто управляет данной социальной общностью.

Методика ЭДСО позволяет опрашиваемым «выпустить пары»: при желании, дописав текстом то, что у них «наболело» или хочется чем-то похвалиться или что-то конкретное предложить лидерам данной общности. Эти ответы становятся основанием для формирования гипотез относительно имеющих в общности позитивных и негативных процессов. При этом сам факт участия в опросе может иметь эффект повышения вовлеченности участников в данную общность, поскольку строение опросника предполагает переход от критически-аналитической фазы к фазе позитивного эмоционального принятия обсуждаемой общности.

Итак, помимо количественных ответов респонденты имеют возможность дать (при желании) текстовые комментарии. В электронном формате опроса респондент вынужден дать количественный ответ, иначе ему не будет предоставлен переход к следующему блоку вопросов, однако качественный ответ, предполагающий дописывание своего текста, в электронном формате также, как и в бумажном, не является обязательным. Количественные ответы являются основой как базовой обработки

результатов, так и углубленно-аналитической. Текстовые ответы, данные респондентом, анализируются только при углубленном анализе результатов.

Способ базовой обработки результатов.

В каждом блоке из 4 утверждений, ориентированных на глубокую диагностику степени идентификации, ценностной однородности и т.д. разных групп опрашиваемых, можно вычлениить 1 пункт, характеризующий, скажем, отношение к будущему данной социальной общности. Просуммировав ответы по аналогичным пунктам из других блоков, можно получить среднее значение по пункту отношения к будущему данной общности. Далее, повторив эту операцию с 3 другими пунктами, можно выявить «зоны» большего и меньшего благополучия для дальнейшей работы по коррекции ситуации со стороны руководства общности (см. далее номера пунктов, по которым можно построить диаграмму зон разной степени благополучия, например, компании «Х»).

Ощущаемое отношение компании к себе (меня уважают, я здесь нужен) = (№2 + №6 + №10 + №15 + №17)/ 5

Уважительное отношение к компании: её руководству и реализуемым и этим руководством принципам работы компании и в компании. (№1 + №7 + №9 + №13 + №19)/ 5

Видение будущего компании (основание для отраслевого\регионального и т.д. оптимизма). Вера в будущее усиливается действиями по приближению желаемого состояния, даже если сейчас оно не очень оптимистично. (№4 + №5 + №11 + №14 + №20)/ 5

Видение своего будущего в ней. Совпадение желаемого с возможным. (№3 + №8 + №12 + №16 + №18)/ 5

Особенности опросника и формат бумажного бланка.

Название опросника вариативно: «Наш регион\нация\город\организация как (большая) социальная общность» – ключевое слово выбирается конкретным исследователем. Пример названия на бланке: Опросник «Наша организация как социальная общность».

Инструкция: Впишите, пожалуйста, цифровой ответ на каждый из 20 вопросов. Словесные ответы требуются не на каждый вопрос и отвечать на них желательно, но не обязательно.

Опросник предъявляется респондентам в виде таблицы, формат которой не соответствует требованиям к оформлению тезисов конференции, но может быть выслан заинтересовавшимся методикой коллегам по запросу (также, как и доступ не к бумажной, а к электронной форме опроса и обработки данных). Справа от столбца с вопросом размещается столбец с заготовкой места для цифрового ответа: Согласен \ Согласна на%.

Формулировки некоторых вопросов контекстуально обусловлены. Подача тематических групп вопросов осуществляется визуально отделенными блоками.

На каждый вопрос предполагается цифровой ответ, выраженный в процентном формате (что имеет несколько преимуществ по сравнению с 10-балльными шкалами и, тем-более, ответами «Да/Нет»). При этом в методику заложена возможность двойного прочтения вопроса – с акцентом на столбце или строке («уважать на ...%» или «согласен с утверждением на ...%»). Такая вариативность поведения респондентов не повышает риск неточности интерпретации, поскольку результаты обрабатываются методом усреднения ответов на несколько однонаправленных вопросов и ответы по каждому пункту отдельно на базовые выводы по группам факторов не влияют.

Перечень пунктов опросника.

У меня есть основания уважать данную социальную общность.

Я чувствую уважение к себе.

Наша социальная общность нуждается в моём вкладе в её будущее функционирование и развитие.

Данную общность ждет долгое и хорошее будущее

Я хочу (и надеюсь, что это возможно), чтобы со временем наша социальная общность ...

В настоящий момент я ощущаю себя «на своём месте»

Наша социальная общность отличается следующими сильными сторонами:

а) ...

б) ...

Я не мыслю себя вне данной социальной общности в будущем и мои перспективы в ней меня вдохновляют

Имеющиеся у нашей общности проблемы, на мой взгляд, разрешимы. Они заключаются в следующем: ...

У меня также есть некоторые сложности здесь, но я верю в возможность их сокращения.

Сложности связаны с ...

Через несколько лет у нашей социальной общности возможны трудности с ...

Однако я предполагаю вероятность позитивного исхода.

Моё будущее в данной общности не обязательно будет безоблачным, однако я считаю это вполне преодолимым.

К примеру: ...

Влияние нашей общности на внешнее окружение достаточно высоко

Думаю, что со временем её влияние усилится благодаря

У меня лично есть возможность влияния на то, что происходит в нашей общности.

В перспективе я верю, что смогу повлиять на принятие следующих решений:

1) ...

2) ...

Я вижу смысл в том, что я делаю здесь, и он заключается в следующем: ...

Считаю, что идеал для меня здесь вполне достижим.

Особенно, если ...

Данная социальная общность существует ради благородной цели: ...

Её предназначение может быть реализовано в полной мере

Для этого нужно...

Каким главным словом можно описать сущность, особенность и достоинство данной социальной общности?

Мы – ...

Библиографический список:

1. Ксенофонтова Е.Г. Групповое поведение в организации // Организационное поведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. С.А. Баркова. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 89-113.

2. Управление человеческими ресурсами. В 2 ч. Учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М.: Издательство Юрайт, 2016.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ И ЗАДАЧИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кудрявцев В.А.

При дискретности, фрагментарности, ландшафтности восприятия действительности, при унаследованном от Запада теоретическом субъективизме, мировоззренческом синкретизме и эклектике современного сознания перед отечественной социальной наукой стоит задача создания междисциплинарного учения об обществе и человеке, включающего в себя философскую антропологию, социальную философию, социологию, психологию и этико-правовую проблематику. Эта задача не является чисто гносеологической: «Я хочу начать с обвинения гносеологии. Гносеология есть выражение сомнения в силе и оправданности философского познания. Гносеология есть раздвоение, подрывающее возможность познания. Кто отдал свои силы гносеологии, тот редко доходит до онтологии. Он пошел не тем путем, который приводит к бытию. Человек потерял силу познавать бытие, потерял доступ к бытию и с горя начал познавать познание. Так и на всем

познавательном пути его перед ним продолжает стоять познание, а не бытие» [1, с. 4]. Такая бердяевская установка перестать «познавать познание», а познавать онтологию нашего социального бытия в социологии попросту утеряна. И, конечно же, принцип междисциплинарного подхода как синтетического синергизма при познании социального бытия здесь должен стать стержнем современного социального знания.

Во главе угла государственно-социального строительства постсоветской России лежит задача разработки и создания целого комплекса условий для экономического, социального и культурного развития, и Дальне-Восточный регион с его несомненной спецификой здесь не исключение. Исходя из предмета интереса персоналистической социологии, центром изучения которой является человек, личность в обществе, в основе всех нынешних научных разработок и преобразований, по нашему убеждению, должна лежать задача восстановления целостности и осмысленности мирознания и вытекающей из него задачи реморализации человека и, соответственно, осуществления властью и обществом нравственно-правовой трансформации и оздоровления общественных отношений. Сюда же как практически-структурная и организационная часть входит и специфическое правовое воспитание и образование граждан с целью выработки у них способности сознательного исполнения главных законов на основе морального восприятия и понимания своих собственных задач, общественной жизни и функций государства.

Спустя четверть века после распада СССР хорошо видно, что без очищения и включения в общественную жизнь крайне ослабленной и даже извращенной за позднесоветский и постсоветский период морально-ценностной составляющей общественного сознания; без реабилитации личности как предмета корпуса общественных наук, предельно стилизовавших социальную реальность и фактически нивелировавших человека до уровня «социального продукта», «индивида», «ресурса», все реформы у нас в стране, в какой бы области они не осуществлялись, будут обречены. Наше государство в столь сложный исторический момент не устоит без множества государственно, социально-нравственно ориентированных личностей с их сознательным соблюдением и волевым исполнением своих обязанностей. Это должно быть сопряжено с формированием и ростом правосознания, но только не формально-юридического, а морально мотивированного. Именно такое теоретико-нравственное учение и завещание оставили нам лучшие умы русской классической социальной мысли. Поэтому вопрос теоретико-мировоззренческой реанимации, творческой разработки и применения на практике ключевых моментов их творческого наследия остается крайне актуальным для современной России.

Сегодня понятно, что при главенстве виртуальной формы нашего нынешнего совместного бытия все общественно-коммуникационные процессы должны рассматриваться как информационно-технические, как становление сферы IT. Математическое и прочее моделирование здесь, несомненно, является закономерным следствием и двигателем процесса ускоренной технологизации. Но при этом межличностное, бытовое, деловое, корпоративное, административное общение и взаимодействие – это всё же сегодня явление двоякой природы: оно имеет не только информационную или сетевую, включающую и формирующую всех, просчитываемую, смоделированную, но и мощную антропологическую составляющую. Конечно, последняя как человеческое измерение и общение, ныне всё больше вытесняется из «Системы» в силу слабости, ненадежности и благодаря рискам, связанным именно с её несовершенным звеном - «человеческим фактором». Таким образом, налицо противоречие: вся наша национальная культура, философия и социология настаивают именно на возрождении, развитии и воспитании нравственного компонента сознания как главного и определяющего собой всю систему социальных отношений и их эффективность и устойчивость; система и эпоха, наоборот, вытравливают человеческое в человеке – его чувства, мораль, вкусы и прочее. Задача сохранения человеческого вида обязывает возродить живую жизнь, нравственность, традицию в религии и культуре вопреки тенденциям техноцивизации. И противоречие это кратно усиливается в эпоху тотальной обкатки сознания масс-медиа, виртуализации, коммуникации,

общения в сети, имморальных в самой своей основе. И ныне несомненно главенствует тенденция продолжения антропологических угроз и искажений облика человека [2].

На наш взгляд «Глобальная Сеть», сама по себе нейтрально морально окрашена, зависит от качества сознания своих агентов и их собирания в ячейки, от многих других структур с их задачами. Поэтому она не должна быть чем-то изначально чуждым нравственности при решении задачи реморализации, поскольку эта задача должна включать в себя социально-этические и антропологические аспекты. Цель философии и социологии и их прямой теоретико-практический долг здесь – выявить, выделить и описать эти вне-технологические аспекты, понять их и дать им оценку, определить антропологические тренды.

Большим подспорьем здесь может стать наше обширное философское и социологическое наследие с его прогнозами, с его панморализмом восприятия мира и глубокими разработками ценностно-нормативных элементов сознания, например, русскими субъективистами и особенно неокантианцами Л.И. Петражицким, П.И. Новгородцевым, Б.А. Кистяковским и другими. Не совсем понятно, что мешает коррекции и внедрению в жизнь этих разработок сейчас, в период вступления России с новый и сложный период своей истории. Ведь проблемы, поднятые отечественными мыслителями перед самыми революциями 1917 года и позже, в вынужденной эмиграции, вовсе не устарели – они только актуализировались спустя век. Тут важен общий настрой обществоведов, политиков, управленцев, министерств и ведомств, и, конечно, их подход. В общих принципах подхода к наследию совершенно прав авторитетный английский философ А.Н. Уайтхед, занимавшийся интеллектуальной ретроспекцией идей в науке, философии и теологии и констатировавший: «Возьмите любую проблему, обсуждавшуюся Платоном: она сохраняет свое жизненное значение и по сей день. Наука росла, тогда как присущая уму широта охвата сокращалась. Античники XIX столетия оказались ...более ограниченными, чем лучшие из древних греков; христианские ученые – более ограниченными, чем лучшие из первых римских пап; представители естествознания оказались более ограниченными, чем основатели математики и физической науки. Современные ученые утратили чувство широкой альтернативы. Критиковали и исследовали там, где нужно было стремиться п о н и м а т ь» [3, с. 402, с. 373, с. 372].

Понимающая в веберовском смысле социология должна быть объемной по взгляду и многоуровневой по кругозору. Мы должны стремиться понять в первую очередь, в том числе и синергического подхода, то, что радикальные тренды ориентированы к постчеловеку. Есть целая группа активных проектов и программ, есть целая стратегема, которая нацелена на разработку методов преодоления человека, отказа его от собственной идентичности как Homo sapiens с целью замены его каким-то сконструированным существом, условно представленным термином «постчеловек»[4]. Об этом же и Ф. Фукуяма [5]. Здесь мир мыслится как мир генетических мутантов, или, киборгов, или же как переделка сознания человека в компьютерную программу. Все эти версии сетевого «постчеловека» описывают человека как мутанта в тренде инновационных генных технологий, киборга как продукта технологий компьютерных. Этот радикальный «трансгуманистический» тренд будет определять главного соперника гуманной персоналистической междисциплинарной, синкретической позиции. Вся проблема – выработать принципы и задачи по управлению этими трендами.

Библиографический список:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Хоружий С.С. Виртуализация общения: антропологические угрозы и пути борьбы с ними. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4543010.html>
3. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 387 с.
4. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеплецов В.Р. «Технолюди» против «постлюдей». НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12-21.

5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 352 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Кузнецова И.В.

Предпринимательство суть сложная система социально-экономических отношений, теоретическое изучение которого имеет длительную историю. Первые исследования предпринимательства принадлежат экономистам 18 века. Научный анализ предпринимательства с позиции социологии был начат в 20-м веке Максом Вебером и Йозефом Шумпетером. Сегодня данной проблематикой занимаются представители различных отраслей науки: экономисты, социологи, психологи и др. Консолидация научного знания об этом социально-экономическом явлении происходит примерно с конца 1980-х годов.

Большинство современных авторов вслед за Шумпетером относит к характерным чертам предпринимательского процесса инновационность, который рассматривал инновацию в качестве специфической социально-экономической функции предпринимательства. В дальнейшем этот подход получил широкое признание и развитие в обществоведческой среде.

К важнейшим признакам предпринимательской активности относит новацию известный учёный Пер Давидссон. В своей книге «Исследуя предпринимательство» он предлагает перспективный на наш взгляд подход к пониманию его сущности [1]. Предприниматель должен быть успешным, хотя критерии этой успешности по мнению Давидсона не должны пониматься слишком узко (микроэкономически). «Предпринимательство ... состоит во внедрении новой экономической деятельности, которая приводит к изменениям рынка» [1, с. 33].

Трактовка Давидссона опирается на определение Израэла Кирцнера, который понимал под предпринимательством конкурентное поведение, движущее рыночным процессом [2, р. 19-20]. С точки зрения Давидссона такое понимание роли предпринимателя в обществе включает как поведенческий аспект, описывающий действия последнего в рыночной конкурентной среде, так и результат этой деятельности, состоящий в изменении рыночной среды. Результативность (отдача, эффективность, производительность) предпринимательской деятельности играет в концепции Давидссона важную роль.

Однако не все изменения в рыночном поведении акторов имеют предпринимательскую природу. Наряду с предпринимательством автор выделяет «обычный бизнес», который отличает так называемый непредпринимательский рост, т.е. «деятельность по пассивному или реактивному поддержанию существующего на рынке роста» [1, с. 41]. Давидссон полагает, что критерием успешности выступает полезность результатов предпринимательской деятельности для экономической системы в целом. Успешная на микроуровне бизнес-единица может приносить обществу вред (наркобизнес), и наоборот неуспех первопроходцев может вдохновить последователей, вызвав положительный макроэкономический эффект.

Хочется подчеркнуть особую важность этой последней составляющей содержания предпринимательства. Автор тесно увязывает микро- и макроуровни, характеризует предпринимательство «как феномен на микроуровне, оказывающий важные воздействия на более агрегированных уровнях» [1, с. 47]. Его социальная функция, понимаемая как общественная полезность этого вида деятельности, выходит здесь на первый план. Этот подход созвучен идеям корпоративной социальной ответственности.

В конце 60-х годов XX века в условиях нарастания экологических проблем и усиления влияния крупных международных корпораций на общество мировое сообщество начинает настойчиво требовать от бизнеса социально-ответственного поведения. В этот период возникают следующие подходы к социальной ответственности бизнеса:

- теория корпоративного эгоизма;

- теория корпоративного альтруизма;
- теория разумного эгоизма;
- теория социально-ответственного поведения;
- теория корпоративного гражданства [3, с. 20].

Теория корпоративного эгоизма была разработана М. Фридманом и Д. Хендерсоном. Эта концепция полагает социально ответственной компанию, которая устанавливает приемлемый уровень заработной платы, своевременно и в полном объеме платит налоги, выполняет все закрепленные в законодательстве социальные обязательства. По мнению М. Фридмана бизнес ответственен только перед акционерами за увеличение доходов. В дальнейшем, данный подход получил развитие в рамках концепции «компания собственников».

Принципиально иной взгляд на корпоративную социальную ответственность был предложен Комитетом по экономическому развитию и получил название «*теория корпоративного альтруизма*». Она утверждает, что корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества жизни населения. В основу этого подхода положена концепция «компаний участников».

К. Дэвисом была предложена *теория разумного эгоизма*, считавшая социально-ответственным любой бизнес, сокращающий долгосрочные потери в прибыли. Компания, участвующая в социальных программах, сокращает текущие прибыли, но создает условия для устойчивого развития бизнеса в будущем.

Теория социально-ответственного поведения Джо. Галаскевича основана на стремлении бизнеса через осуществление благотворительных и социальных программ повысить свой социальный статус.

В 1980-е гг. в Америке формируется *теория корпоративного гражданства*, согласно которой бизнес призван осуществлять стратегию взаимодействия с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «корпоративного гражданина», полноправного участника этого процесса.

В 2011 г. М. Портер и М. Креймер предложили концепцию «разделяемой (общей)» ценности, подразумевающую такой способ ведения бизнеса, который «повышает конкурентоспособность компании, одновременно улучшая экономические и социальные условия сообществ, в которых она ведет свою деятельность» [4]. Авторы подчеркивают, что рыночный спрос формируется под влиянием не только экономических, но и социальных потребностей. Идея общих ценностей увязывает успех компаний с решением социальных проблем, аргументировано доказывая, что слабость общества, его проблемы зачастую оказывают непосредственное воздействие на бизнес.

Современные теоретические исследования свидетельствуют о смещении парадигмы от трактовки предпринимательства как деятельности, преследующей исключительно своекорыстный интерес в сторону сочетания в ней частного и общественного интереса. Разделяемая ценность уже не есть результат действия «невидимой руки рынка» А. Смита, а осмысленно и целенаправленно создаваемая полезность.

Изучение феномена предпринимательства осуществляется не только в теоретическом ключе. Широко применяются методы эмпирических прикладных социологических исследований как количественные, так и качественные. Известный российский экономсоциолог А.Ю. Чепуренко отмечает значимость двух крупных международных проектов, это «Панельное исследование динамики предпринимательства» (PSEDI) и «Глобальный мониторинг предпринимательства» (GEM) [5, с. 374]. В России прикладными исследованиями предпринимательства 2006 года занимается общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ». Она реализует исследовательский проект «Предпринимательский климат в России: ИНДЕКС ОПОРЫ».

П. Давидссон посвятил методам исследования предпринимательства свою книгу «Исследуя предпринимательство». Он поставил своей задачей применить теоретические достижения изучения предпринимательства «для дизайна эмпирических исследований и анализа данных» [1, с. 15]. Нельзя

не согласиться с мнением автора книги о равной значимости качественных и количественных методов. Противопоставление их нецелесообразно и непродуктивно. Между исследовательскими задачами и выбранными методами должно быть соответствие. Самым плодотворным путём в исследовании предпринимательства были бы с точки зрения Давидссона интегрированные программы исследований, включающие различные их типы, направленные на изучения разных аспектов одной и той же проблемы [1, с. 112-118].

Библиографический список:

1. Давидссон П. Исследуя предпринимательство / пер. с англ. (под ред.: А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцова). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 399 с.
2. Kirzner I.M. Competition and Entrepreneurship. Chicago, IL: University of Chicago Press. 1973. 256 p.
3. Грекова Г.И., Киварина М.В., Кузьмин А.В., Руденко К.А. Взаимодействие предпринимательских структур, власти и населения в системе социального партнерства. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2010.
4. Porter M., Kramer M. Creating Shared Value // Harvard Business Review 89, nos. 1-2 (January–February 2011): 62–77.
5. Чепуренко А. Ю. Возможна ли теория предпринимательства в России? // В кн.: Исследуя предпринимательство / (под ред.: А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцова). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. Гл. 11. С. 369-397.

ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СИНЕРГЕТИКИ И МОДЕЛЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Купряшкин И.В.

По данным Всемирного отчета гуманитарных наук стереотипы о гуманитариях, как ученых отделившихся от мира и живущих в башне из слоновой кости, которые не способны к ответам на вызовы реального мира все еще существуют и тревожат ученых всех стран [8, с. 63]. С высоты птичьего полета, (иначе нам пришлось бы выйти за рамки тезисов), в современной отечественной науке наиболее заметны несколько вариантов решения сложившейся ситуации.

Первый способ предполагает популяризацию достижений социально-гуманитарных наук в широкой среде. Эта работа, как известно, ведется. Тенденции к публичности гуманитарных наук в последние годы свидетельствуют о желании преодолеть кажущееся отчуждение от мира.

Второй способ сбросить «клеймо демагогии» с гуманитариев требует от нас такие теории, на основании которых возможны достоверные прогнозы. Как известно, возможность прогнозирования есть один из критериев верификации научной теории. Рассмотрим этот принцип подробнее используя пример модели научного исследования. Применяя принцип развития профессор К.М. Оганян выделяет четыре основные стадии в научном познании объективных законов действительности: эмпирическое исследование, нефундаментальное теоретическое исследование, умозрительное исследование, фундаментальное теоретическое исследование [6, с.83]. В качестве результата процесс научного познания завершается объяснением известного и предсказанием нового [6, с. 87]. Описанный процесс формирования научного знания имеет диалектическую природу. Так, теоретическое знание есть вид умозрительного, дающего объяснение известного эмпирического знания и прогнозирующее новое [6, с. 87]. Теоретическое знание оказывается синтезом противоположностей (эмпирическое и умозрительное) и отрицанием отрицания (возврат от умозрения к эмпирии на основе первой). Попутно заметим, что представленная модель имеет преимущество перед привычным разделением научного исследования на фазу эмпирического и теоретического, поскольку объясняет переход от первого к второму.

Третий способ вернуть социально-гуманитарным студиям статус научных происходит из теоретико-методологического допущения сходства между природным и социальными мирами.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-36-00172 мол а «Диалектический и синергетический методы в исследовании фундаментальных трансформаций современного общества»)

Успехи естественных наук еще в XIX веке привели к попыткам применить их познавательные модели в исследовании общества [2, с. 22]. В дальнейшем было признано в целом, что естественные науки и науки о деятельности человека отличаются друг от друга не только полем исследования, но и системой категорий, благодаря которой они объясняют явления и создают теории. Впрочем, различия не означают необходимости полного разрыва и отсутствие эффекта от взаимопроникновения. Очередная попытка междисциплинарного синтеза, уже в наши дни, представлена претензией синергетики на статус общенаучной парадигмы [2, с. 23]. Основные принципы синергетики изложены в трудах Германа Хакена, Ильи Пригожина, Клауса Майнцера и других. Несмотря на постоянно растущую популярность у гуманитариев, синергетика лишь заполняет междисциплинарные ниши и глубоко не интегрирована в предмет социальных наук. Сами представители естественных наук не ставят цель превращения синергетики в общенаучную парадигму и отдают право последнего слова специалистам в конкретных областях [3, с. 75-76]. Рассмотрим основной принцип указанного научного направления, по мнению его представителей. «Нелинейность – важнейшее понятие синергетики. Поведение линейной системы предсказуемо, ее путь развития однозначен, однонаправлен. Нелинейная система проходит через состояния неустойчивости (точки бифуркации), где малые события, отклонения, флуктуации определяют путь ее дальнейшего развития, один из целого спектра возможных». – пишет редактор во вступительной статье к книге «Синергетика. Антология» [4, с.18]. В Антологии неоднократно подчеркивается креативная случайность элементов мира [4, с.10]. Один из гуру синергетики, И. Пригожин пишет: «Бифуркации вводят элемент неопределенности, они означают «конец определенности», а флуктуации могут дать начало новым пространственно-временным структурам» [7, с. 56]. Итак, будущее всегда открыто. «Прохождение через каскады бифуркаций делает будущее принципиально непредсказуемым» [4, с. 20]. Возвращаясь к социальным наукам, вспомним о прогностической функции. Синергетические принципы неопределенности и случайности сводят возможность социального прогнозирования если и не к нулю, то к минимуму недостаточному для формирования научного алиби для гуманитариев. Как показал А.В. Готного, недостаток социальной синергетики лежит в нарушении правила экономии при попытках объяснить причины и уходе от вопроса о главной движущей силе изменений [2, с. 30]. Последнее замечание сближает синергетику с постмодернизмом. Первый вызов для гуманитариев исходит из сферы естествознания, второй – из сферы культуры [2, с. 25]. Для иллюстрации тезиса приведем объемную цитату: «Оперируя такими ключевыми категориальными понятиями, как бифуркация, случайность, выбор, хаос и др., синергетика позволяет определить уникальность как атрибут бытия и установить нелинейность спонтанности, свободы и творчества, т. е. возможность спонтанного возникновения «порядка из хаоса». «Точка бифуркации» является местом, где происходит разветвление разноразностных направлений для появления нового качества на основе подготовленного предшествующего материального и информационного взаимодействия, а не только при условии непреднамеренного вторжения хаоса неопределенности» [1, с. 48]. Как и в работах постмодернистов, «декларации хаоса» для последователей синергетического направления в социальных науках обычно достаточно. Вместо ожидаемого разворачивания утверждений и аргументации тезисов читатель снова прочтет священную мантру: «Синергетическая модель развивающейся гармонии описывает условия зарождения новых свойств, обуславливающих доопределение бытия, в точке бифуркации, где в процессе и результате зарождения недетерминированных возможностей появляется новый вектор развития, новая «стрела времени»» [1, с.55]. Думается, затруднения в осмыслении регулярно повторяющихся похвал бифуркациям и флуктуациям не случайны. Еще Г. Лукач предупреждал, что познавательный идеал естественных наук, когда он применяется к изучению природы, служит прогрессу науки, но он неприложим к сфере обществознания [5, с. 113].

Критика, в том числе и наша, направлена не против синергетики как таковой, как направления в естественных науках. Эвристический потенциал синергетики в естествознании могут оценить только сами ученые естественнонаучного направления. Методология синергетики в применении к

предметному полю социальных наук оказывается неудачной, поскольку лишает исследователя возможности прогнозирования и может использоваться лишь как описательная модель постфактум. Обращение гуманитариев к естествознанию и перенос принципов синергетики в сферу социальных исследований следует рассматривать как очередной поворот не туда.

Библиографический список:

1. Володина О.В. Синергетическое обоснование философии развивающейся гармонии // Вестник БГУ. Педагогика, филология, философия. 2016. Выпуск 3. Философия. С. 48-56.
2. Готнога А.В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 224 с.
3. Готнога А.В. Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 264 с.
4. Князева Е.Н. Синергетика: ее исторический путь, научные школы, методологический потенциал и перспективы развития // Синергетика. Антология / научный редактор, составитель, автор переводов и вступительной статьи Е.Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 5-30.
5. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
6. Оганян К.М. Философия и методология социальных наук: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 166 с.
7. Пригожин И. Дано ли нам будущее? // Синергетика. Антология / научный редактор, составитель, автор переводов и вступительной статьи Е.Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 49-57.
8. Holm P., Jarrick A., Scott D. Humanities World Report 2015. NY-L: Palgrave Macmillan. 232 p.

**«АЗИАТСКАЯ» СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ
«ЗАПАД-ВОСТОК»**

Лепин А.П.

Господствующая, долгое время в социальных науках, объяснительная схема, предметом которой являлся неудержимый прогресс всего западного, выражаемый в терминах дихотомического характера «просвещенный - отсталый» или «цивилизационный - туземный» в настоящее время переживает кризис. Определив себя около двух веков назад как цивилизацию прогресса, западная цивилизация, по мнению французского антрополога К. Леви-Стросса, разрушила тот образец который сама себе предлагала и уже не осмеливается предлагать его другим. И далее: «Если у цивилизации западного типа нет собственных сил возродиться и достичь повторного расцвета, может ли она узнать что-то о человеке и о себе самой из опыта обществ, чьим уделом долгое время были унижение и пренебрежение и которые лишь недавно вошли в сферу ее влияния?» [1, с. 13]. Задаваясь этим вопросом, величайший ученый современности ищет ответы в антропологии, поскольку прочие науки о человеке и обществе, по его авторитетному мнению, не дают ответа.

В частности это относится к исследованию вопросов развития социально-политической мысли в странах Юго-Восточной Азии. По мнению С.Г. Алатаса, существует множество мыслителей из Индии, Китая, Японии и Южной Азии XIX - начала XX века, которые могли бы характеризоваться как современные социальные мыслители, но которые всего лишь упоминаются в ранней истории социологии и полностью исчезают из более поздних работах по социологии [2, с. 91].

Основной проблемой, с которой сталкиваются отечественные исследователи, имеющие научным интересом историю становления и развития социологии в странах Юго-Восточной Азии, является отсутствие удобных и доступных текстов по указанной теме. Российские и переведенные на русский язык европейские и американские учебники не включают в себя материалов по Азии, за исключением ритуального упоминания о том, что истоки социологической науки можно найти, к примеру, в рассуждениях Конфуция [3, с. 244]. Безусловно философия Конфуция оказала (и

продолжает оказывать) влияние на общественную жизнь и менталитет в Китае, Японии, других странах Азии и даже на Западе [4, 66], но дополнительным «обручем», наряду с насилием скрепляющим мировую иерархическую систему стало христианство. По мнению С.И. Лунева и Е.В. Колдуновой, «с обращением в христианство стало возможным и распространение европейского образования, европейского предпринимательства, а в более общем плане – европейского подхода к образу жизни» [5, 20]. Последний, как показывает К. Леви-Стросс в своих рассуждениях, не является единственно возможным; и при других порядках люди могли и могут быть счастливы. К сожалению, гуманистическая мысль, которая, как считалось в течение трех столетий, служила западному человеку для раздумий и стимулом к действию, оказалась бессильна предотвратить кровопролития вселенского масштаба – обе мировые войны, неизбывная нищета и голод на огромной части планеты, загрязнение воды и воздуха, истощение ресурсов и гибель красот природы. Напротив, изучаемые антропологами «не-европейские» общества, по мнению ученого, могут преподать нам урок с помощью разнообразных правил, воспринимаемых нами чаще как предрассудки. Эти общества – пишет он – смогли удержать равновесие между человеком и природной средой, которое утратили мы [1, с. 50, 57].

И если антропологам в лице французского ученого удалось убедить и отдельных людей и власти, что всякий обычай, всякое верование, какими бы шокирующими и нелогичными ни казались они по сравнению с нашими, являются частью системы [1, с.57], то в других социальных и гуманитарных науках, продолжается то что С.Г. Алатаас называет «неприятием всерьез голоса Востока» или «маргинализацией неевропейских теорий и концепций» т.е. пренебрежение неевропейскими традициями как источниками теоретических и концептуальных преобразований. В социальных и гуманитарных науках, по мнению указанного автора, имеет место быть «европоцентризм», понимаемый как оценка и определение западной и других цивилизаций с западной точки зрения, благодаря которой устанавливаются и используются концепты, впервые появившиеся в европейской философской традиции. Как результат, любой частный аспект исторической или социальной реальности конструируется в европейских категориях и концептах, сопровождаясь неспособностью представить точку зрения «Другого» [2, с. 90]. Хорошим примером в этом случае может служить идеология прав человека, которая, по мнению французского философа А. де Бенуа, является универсалистской в той мере, в какой намеревается навязать себя везде и всюду, не обращая внимание на сообщества, к которым принадлежат люди, на традиции и контексты. В то же время она является субъективистской, поскольку определяет права в качестве атрибутов, принадлежащих исключительно человеку [6, с. 8].

В сложившейся дихотомии «Запад-Восток», когда в первое понятие включается также и американская научная традиция, а второе не ограничивается Ближним Востоком, а понимается как «азиатское» (чаще всего), «африканское» или «туземное» в зависимости от контекста, европейцы являются познающими субъектами, в то время как неевропейцы – молчаливыми пассивными и неавтономными субъектами [2, с. 81]. Иллюстрируя подобное положение дел, в частности Э. Саид ссылается на встречу Г. Флобера во время путешествия по Ближнему Востоку с египетской танцовщицей и куртизанкой, которая не произнесла ни одного слова и даже не назвала своего имени. Именно французскому писателю пришлось представить (назвать) её. Это же, по мнению С.Г. Алатааса, справедливо и в отношении социальных наук: указанная выше субъект-объектная дихотомия является важной чертой большинства учебников по социологии или работ по истории социологических учений, в которых европейцы предстают социальными теоретиками и социальными мыслителями, а сама Европа – авансценой, в то время как неевропейцы остаются объектами их анализа, но никогда не оцениваются как обладающие значимостью для европейской истории [2, с.91].

Собственный беглый анализ показывает, что неевропейские идеи чаще всего рассматриваются в тесной привязке к религиозному контексту, опять же, благодаря устоявшейся дихотомии о том, что Запад – это собственно олицетворение научного, в то время как Восток – это полная ему противоположность. Выросшая из мифологических, религиозных и философских учений,

сфера социальных знаний государств Юго-Восточной Азии оказалась уникальной и многогранной, но недостаточно интегрированной в мировую социологию. Последнее обстоятельство, по мнению Н.Г. Осиповой, не исключает наличия достаточно развитых и специфичных социологий, сформированных научными традициями отдельных стран [7], тем более, что в Индии, Японии, Китае и мусульманском мире социологические работы были известны европейцам начиная с XIX вв. как например, в случае с Ибн Халдуном, который признается некоторыми европейскими учеными в качестве основателя философии истории [2, с. 91-92].

В настоящее время мы находимся на пороге переосмысления сложившейся дихотомии «Запад-Восток», утверждающую, среди прочего, и дисциплинарную зависимость азиатских стран от западных социологических теорий. Оказалось, что «рецепты, подходящие одному обществу, не всегда приложимы к другому, а его социальные институты, обычаи и верования не являются единственно возможными» (К. Леви-Стросс) [1, с.56-57]. К сожалению, основные интеллектуальные усилия исследовательского корпуса тратятся не на знакомство с азиатской социологией, а на попытки переложить те или иные западные социологические теории на азиатские общества, главной особенностью которых является отказ от радикальной смены собственных социокультурных основ, трансформировались лишь те из них, которые, по мнению С.И. Лунева и Е.В. Колдуновой, в наибольшей степени препятствовали вовлечению этих стран в международное разделение труда [5, с. 22]. Неправомерно, здесь мы солидарны с Н.Г. Осиповой, отрицать относительно автономное существование социологии в странах «незападного» мира, поскольку незнание какого-либо факта не говорит об его отсутствии [7]. В современных условиях игнорировать все, что находится за пределами европейской и американской социологии, нельзя.

Библиографический список:

1. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016.
2. Алатас С.Ф. Жив ли ориентализм? Его наследие в современных социальных науках // Ориентализм и ориенталистика: сборник статей. М.: Садра, 2016.
3. Лепин А.П. Социология в странах Юго-Восточной Азии: постановка проблемы // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015.
4. Минервин И.Г. Азиатский менеджмент: конфуцианское наследие и современность // Экономические и социальные проблемы России: Сборник научных трудов. М.: РАН ИНИОН, 2015.
5. Лунев С.И., Колдунова Е.В. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии. М.: Academia, 2015.
6. Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.
7. Осипова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки // Вестник Московского университета. Серия 18. 2013. № 4.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРОЦЕСС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНЕРГЕТИКИ

Лыкова В.В.

Проблема исторической памяти актуализируется во всех современных обществах в связи с тем, что структурно меняется механизм накопления, использования и передачи социокультурного опыта, который лежит в основе трансформационных процессов современного мира. Трансформации протекают в сопровождении радикальных социальных метаморфоз и кризисов, формируются нестабильные «текущие» общества, в которых зоны стабильности и, следовательно, предсказуемости сокращаются, также как и время их существования. Социальные кризисы приобретают всеобъемлющий и глобальный характер.

В условиях неопределенности кризисного социума должна измениться и методика анализа происходящих социальных изменений. Речь идет о социальной синергетике. В рамках синергетического подхода социосинергетика позволяет по-новому посмотреть на трансформационные риски, понять возможности и ограничения конструктивного вмешательства в проектируемое будущее, выявить источники непредсказуемого (с точки зрения традиционных научных подходов) поведения масс и индивидов. «Согласно социосинергетическим принципам, социетальная система, которая оказалась в режиме бифуркации, может быть выведена из него на основе новых базисных структур, ценностей и норм поведения. В этот момент негативную роль играет концептуально-рационалистическая слабость реформ, социальное мифотворчество и моральный декаданс» [1, с. 3].

В условиях множественных бифуркаций встает вопрос о соответствии научных знаний и принимаемых властями политических решений синергетической сложности решаемых задач. Господствующий до сих пор подход предполагает монополию упрощенного рационального подхода, имеющее целью «совершенное» общество; самоуверенность социальных экспериментаторов (как ученых, так и политиков), предполагающих, что массы нужно направлять по «верному пути» как насилием, так и манипулятивными технологиями.

Можно говорить о двух борющихся сейчас механизмах адаптации к внезапно меняющимся условиям: все еще влиятельным либеральным трендом, который требует все ускоряющегося роста инноваций, которые при своем накоплении могут породить кумулятивный эффект и неожиданно для людей произвести качественное изменение существующих мегасистем: природной, социальной и биосоциальной природы человека. Появляется возможность, что неподдающимся управлению скачком одновременно и взаимосвязано можно уничтожить природный мир, деформировать природу социума (уничтожив часть или большинство обществ), и сделать человека биороботом. Опасности эти большинством людей если рационально не осознаются, то хотя бы бессознательно ощущаются.

И как результат, формируется второй тренд – «структурный консерватизм», по мнению Г. Люббе [2, с. 106]. Этот консерватизм не имеет ничего общего с традиционными политико-идеологическими консерватизмами, ориентированными на консервацию старых элементов в интересах правящих групп. Речь идет скорее о таком консерватизме, который ищет основания социальной стабильности (при принципиальном оправдании происходящего) в исторической легитимации современности, поиске ее генетических корней, то есть в традициях. Г. Люббе полагает, что, мы начинаем отстаивать такого рода консерватизм тогда, когда нам становится ясно, что опасности, связанные с замедлением прогресса менее серьезны, чем тяжкие последствия уже осуществившегося и, особенно, возможного в будущем.

Задачи анализа и конструирования прошлого с целью объяснить или изменить настоящее, тем самым воздействовать на будущее, остается востребованной и решается в разработке новых понятий, таких как историческая память. Историческая память как символическая репрезентация прошлого, как идеальная реальность объединяет в себе различные виды знания: научное (прежде всего, историческое), религиозное, идеологическое, искусство, обыденное знание.

Субъекты истории, индивиды, группы, общества, проводят операции с прошлым в соответствии со своими ценностными ориентациями, социальным статусом, проектом будущего, конструируя некую непротиворечивую и позитивную (для себя) целостность. В разных социальных группах одного и того же общества в зависимости от успешности адаптации субъектов версии исторической памяти разнятся. Так доминирующей является историческая репрезентация политически господствующих групп, та, которую Хаттон определяет как «официальную память» [3, с. 48]. Однако, даже в тоталитарных обществах одновременно с «официальной историей» существуют дополняющие, опровергающие («контрпамять» М. Фуко), тайная история и др.

Историческая память любого исторического субъекта предстает как открытая, неравновесная система с динамикой взаимодействий, часто противоречащих друг другу интерпретаций прошлого. В

современных условиях глобальных взаимосвязей существенным становится динамика версий исторической памяти не только внутри общности, но и на мировом уровне. Если еще учесть, что происходит изменение числа исторических субъектов и объектов, их положения на мировой арене, которое меняется как раз вследствие их активных социоисторических действий, то проанализировать эту многозначную и противоречивую систему можно только с помощью социосинергетики.

Современные динамично и проективно меняющиеся общества актуализируют проблемы накопления и использования социального опыта. Факт ускорения в цивилизационном развитии не требует доказательств, важнее описать структурные изменения социокультурного опыта, происходящие под его влиянием. Во-первых, быстрая эволюционная динамика вызывает небывалый рост устаревших форм опыта, образов мира, норм и стереотипов поведения. Это уже не процесс длящийся поколениями, а ощущаемая современниками непрерывная утрата значимости структур прошлого опыта.

Во-вторых, кардинальным образом меняется сущность социального наследования за счет переоценки места и значения прошлого, в том числе исторического опыта. Традиционно прошлое воспринималось, прежде всего, как простое накопление, консервация исторического опыта, предполагающая неизменность традиции. Безусловно, эта важнейшая функция сохраняется, но она в значительной степени трансформируется, усиливая свой творческий потенциал за счет одновременного сосуществования разнообразных «картин прошлого», интерпретаций и реинтерпретаций исторического опыта, их рекомбинирования и переозначивания, сочетания прежде несочетаемого – «кентавризм» (Ж. Тощенко).

В-третьих, учитывая скачкообразность, прерывистость современного исторического процесса, все более возрастающее влияние на него социальной активности людей, поведение которых зависит также от того, как быстро они смогут осмыслить и преодолеть негативный исторический опыт и полученную коллективную травму. XX век продемонстрировал, что социокультурные процессы, приводящие очень часто к дезорганизации и несогласованности, расколам и конфликтам в ключевых элементах культуры: ценностях, верованиях и нормах, идеологиях – становятся преобладающими, что потребовало введения понятия «коллективной травмы» (в работах Дж. Александера, А. Нейла, Н. Смелзера, П. Штомпки и др). Наиболее всеобъемлющий подход к анализу коллективной травмы и механизмам ее преодоления продемонстрировал П. Штомпка [4, с. 6-16].

В-четвертых, в осмыслении опыта прошлого, происходит усиление роли научного знания, прежде всего, исторического. Однако, если ранее история трактовалась, как объективное, истинное знание о прошлом в отличие от коллективной памяти (М. Хальбвакс), сегодня учитывая влияние постмодернизма и негативного исторического опыта, доминируют другие подходы. Сами историки указывают на обратное воздействие на историческую науку массового исторического сознания и политического заказа [5, с. 9]. И хотя в современных обществах история является каркасом исторической памяти и, следовательно, поведения людей как субъектов истории, люди черпают свои знания и из обыденного знания, массового искусства, религии, собственной личной и семейной истории.

В-пятых, все более распространенной становится практика вмешательства в существующие формы исторической памяти. Вначале конструирующее воздействие осуществляется как использование массовой идеологии и политических технологий, то есть опосредованное влияние. Но во второй половине XX века, появляются механизмы прямого воздействия, так называемая «политика памяти» (исторической политики). Органы государственной власти формулируют целостные программы политики памяти, создают Институты национальной памяти (Польша, Украина и другие), ставя задачу монополизировать право на историческую память. Целью подобной политики является не только контроль за поведением людей внутри страны, но и борьба за изменение места государства в геополитическом пространстве. Глобальная бифуркация формирует исторические альтернативы, позволяющие обществам и государствам, которые были ранее субъектами истории (или составной частью более крупного субъекта), стать самостоятельными «игроками» в мировой политике. Но для

решения этой задачи необходима собственная история и историческая память. Сформировать быстро, как требует динамика современного мира, трудно, поэтому начинается переписывание историй («война историй»).

Таким образом, в условиях социальных бифуркаций происходит трансформация содержания, роли и функций исторической памяти, которая становится не только интегрирующим и стабилизирующим, но и инновационным фактором осуществляемых множественных трансформаций.

Библиографический список:

1. Ельчанинов М.С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 21-30.
2. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 105-108.
3. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
5. Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЬСТВА И ПУТИ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ

Макеева Н.А.

Образование является неотъемлемым элементом духовной культуры любого общества, одним из важнейших универсальных социальных институтов человечества, оказавших огромное влияние на ход его цивилизационного развития.

Роль образования и учителя, как его главного актора, настолько велика, что оказывает значительное воздействие на качество протекающих социальных процессов. В связи с этим закономерен интерес к проблемам социального положения учителей школ, профессионального развития учительства.

Оценивая современное социальное положение учительства, большинство ученых сходятся во мнении, что эта профессиональная группа находится в упадке: российские учителя не сохранили положение среднего класса и их социальный статус снизился.

Неспособность культуры формировать и поддерживать феномен учителя приводит к процессам деградации духовной жизни, слому механизмов социокультурной идентичности [1].

В современных российских условиях необходимо улучшать профессиональную подготовку учителей. Однако вне зависимости от того, насколько хорошую теоретическую подготовку получили учителя, нельзя ожидать, что ее будет достаточно для преодоления всей трудностей, с которыми им придется столкнуться в течение своей профессиональной деятельности. Деятельность учителя будет неэффективной без его сформированной профессиональной культуры. Профессиональная культура рассматривается как важная часть общей культуры преподавателя, проявляющейся в системе профессиональных качеств и специфике профессиональной деятельности.

Выделяют три компонента профессиональной культуры учителя – аксиологический, технологический и когнитивный. Аксиологический компонент профессиональной культуры включает в себя совокупность профессионально-педагогических ценностей, технологический – уровень владения личностно-ориентированными технологиями профессионально-педагогической деятельности, когнитивный – культуру мышления учителя [2].

Сформированная профессиональная культура учителя – это средство его профессиональной деятельности, основа педагогического мастерства и условие развития его высокого профессионализма [3].

В условиях личностно-ориентированного обучения, составляющего основу современного образования, проблема профессиональной культуры учителя приобретает особое значение, выступая

той доминантой, которая позволяет успешно выстраивать субъект-субъектные отношения с учениками и создавать условия для творческого развития школьников.

Следовательно, формирование профессиональной культуры у будущих учителей в системе высшего профессионального образования является важной задачей в организации учебно-воспитательного процесса в системе педагогического образования.

На данный момент существующих знаний о формировании профессиональной культуры у будущих учителей в системе высшего профессионального образования недостаточно. В связи с этим существует потребность определения фактической профессиональной культуры студентов педагогических вузов. Проводимое исследование имеет большое практическое значение. Обработанные данные могут быть использованы в обучении будущих учителей для формирования у них высокого уровня профессиональной культуры.

Исследование на тему «Профессиональная культура школьного учительства и пути её формирования» проводилось с 14 марта по 10 апреля 2016 года. Цель исследования – выявить особенности и уровень профессиональной культуры студентов педагогического факультета ТвГУ. Основным методом сбора данных был анкетный опрос.

В исследовании приняли участие студенты Института педагогического образования Тверского государственного университета направления «педагогическое образование», очной формы обучения, с 1 по 4 курс, в возрасте от 17 до 23 лет, различных профилей обучения: начальное образование, начальное образование и иностранный язык, начальное образование и информатика. Материальное положение своей семьи оценивают как среднее более половины опрошенных студентов (60%), низкое – 32%, высокое – 8%.

На основе всех полученных данных исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство студентов выбрали место учебы по собственному желанию в силу личной заинтересованности, им нравится учиться на данной специальности. Больше всего студентов в своей будущей профессии привлекает общественная полезность и творческий характер деятельности. Однако лишь около половины опрошенных студентов считают профессию учителя своим призванием и планируют в дальнейшем связать свою жизнь с работой в школе.

2. Среди необходимых качеств, которыми должен обладать хороший учитель, студенты, прежде всего, отмечают профессионализм, ответственность, терпение, эмоциональную устойчивость и эрудированность.

3. Направленность на ценности профессиональной культуры у студентов недостаточно сформирована. Такие ценности, как познание, творчество, образованность, чуткость и терпимость, важные для учителя, заняли средние ступени в рейтинге ценностей. Таким образом, можно сделать вывод, что студенты обладают средним уровнем сформированности аксиологического компонента профессиональной культуры.

4. Студенты обладают средним уровнем коммуникативных навыков и организаторских качеств. Уровень культуры речи студентов можно оценить как выше среднего. Таким образом, у студентов был выявлен средний уровень технологического компонента профессиональной культуры.

5. Студенты обладают средним уровнем когнитивного компонента профессиональной культуры.

В целом, можно сделать вывод о том, что студенты педагогического факультета обладают средним уровнем профессионально-педагогической культуры. Это говорит о необходимости просвещения студентов в вопросах профессиональной культуры учителей и ее ценностях, её важности в будущей профессии. Сформированный уровень профессионально-педагогической культуры поможет будущим учителям успешно справляться с профессиональными задачами и преодолевать трудности, достичь высокого профессионализма.

Библиографический список:

1. Сафронов И.П. Учитель как феномен культуры и конструкт социальной реальности. Монография. М.: «Прометей» МПГУ, 2007.
2. Алипханова Ф.Н. Профессионально-педагогическая деятельность как условие формирования профессиональной культуры студентов // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 13.
3. Алова Н.Н. Структура педагогической культуры преподавателя профессионального лицея // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2.

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Мищенко А.С.

В последнее время заметно актуализировались проблемы согласования государствами своей культурной политики в области воспроизводства человеческого капитала. Возникла потребность в комплексе социальных, экономических и педагогических мер, способствующих формированию у граждан не только полноценных национальных, но и наднациональных культурных компетенций, позволяющих им успешно взаимодействовать с другими работниками в рамках международных рынков труда и производства. Формирование наднациональных культурных компетенций наших граждан должно стать точкой роста и обновления техно-гуманитарных ресурсов развития российского общества в целом и его производства в частности. А социологическое изучение данных вопросов, как мы полагаем, выступает одним из условий, обеспечивающим развитие личностного и человеческого потенциала нашей страны. Это было реальной проблемой в конце прошлого века, остаётся таковой в настоящее время и, видимо, будет иметь такое же значение в будущем [1, с. 349-350].

Как показывают исследования отечественных социологов, в дальнейшем такая практика должна выразиться в опережающем обновлении культурного контента формирования человеческого капитала нашей страны. Оно должно включать в себя обновление модулей, формирующих культуру всемирной отзывчивости наших граждан. Это логически должно быть обусловлено задачами, встающими перед современным российским обществом, заинтересованным в создании эффективных механизмов, расширяющих межкультурные взаимосвязи народов, живущих в нашей стране и в азиатско-тихоокеанском регионе.

Эти меры должны учитывать несколько обстоятельств. С одной стороны, – как показывают ряд социологических исследований, наши граждане не обладают глубокими знаниями в области многовековой истории жизни народов данного региона. С другой стороны, – развитие взаимодействия нашей страны с государствами АТР приведёт к росту взаимообмена учащимися на уровне школ, лицеев, колледжей и вузов. При этом, как показали ряд социологических обследований российских ученых, молодежь, а также взрослые российские граждане, зачастую сами слабо знают важнейшие факты не только чужой, но и своей отечественной истории. Так, по данным М.Е. Илле [2], в начале нового столетия лишь 10 – 15% петербуржцев были активно приобщены к художественной жизни города – культурной столицы России. При этом только 12% горожан смогли дать правильные ответы на четыре самые простые вопроса из истории и культурной жизни Санкт-Петербурга (вот эти вопросы: Кто из скульпторов является автором памятника Петру Великому, более известного под названием «Медный всадник»? Кто из архитекторов является автором проекта Александринского (Пушкинского) театра в Петербурге? Кто из поэтов является автором этих строк «...И не пуская тьму ночную / На золотые небеса / Одна заря сменить другую / Спешит, дав ночи полчаса ...»? Кто из композиторов является автором оперы «Пиковая дама»? ... Предложить более простые вопросы, – по мнению М.Е. Илле, – было просто невозможно, ведь все они связаны с ключевыми фигурами культуры и символического пространства Санкт-Петербурга; без них немыслима также история Российской империи). Аналогичные результаты, но на более обширной выборке студентов российских гуманитарных и инженерных вузов, были получены сотрудниками института

социологии РАН (исследования проводились в 1999 – 2006 годах). Оказалось, что за пределами осознанного восприятия у студентов технического и гуманитарного профиля остались многие культурные феномены, книги и фильмы, в которых рассказывается о заметных персонажах и вехах российской истории. Это – «Иван Грозный», «Андрей Рублев», «Война и мир», «Тихий Дон». Данные исследования показали, что российские студенты, на рубеже XX и XXI веков, не знали многих отечественных деятелей науки, представителей инженерной и гуманитарной мысли двадцатого века: М.С. Эзейнштейна не смогли идентифицировать как кинорежиссера – 73,9% респондентов; Ж.И. Алфёрова, как ученого – физика – 72,4%; Д.С. Лихачева и С.П. Королева, соответственно, – 67,4% и 49,2% опрошенных студентов [3, с. 310-318]. Наши собственные исследования учащихся учреждений средней профессиональной школы Северо-запада России (район Хибин), в тот же исторический период, показали следующее: респонденты не смогли назвать города, которые входят в «Золотое кольцо России», – затруднились ответить 60,6% учащихся; даты основания Москвы и Санкт-Петербурга – по 48,5% соответственно. Приведенные нами самые разные социологические данные лишней раз подчеркивают, что нам необходимо задуматься над фундаментальными условиями и инструментами повышения, культурного потенциала наших граждан. Они должны предусматривать не только меры их общекультурного просвещения, но и базироваться на формировании у них соответствующих наднациональных культурных компетенций. Как справедливо отмечают С.Г. Ларченко и С.Н. Еремин, это можно обеспечить лишь наращивая системный характер культурного, социального, экономического, научного, технического и профессионально-трудового взаимодействия народов: в качестве первых – неперенных – условий и внутренних моментов такого развития и взаимодействия, по их мнению, должны выступать меры по формированию общих для взаимодействующих культур целей, объектов и предметов деятельности [4, с. 55]. Эти моменты должны стать факторами расширения и углубления социокультурного диалога народов России и Азиатско-тихоокеанского региона. В своей целевой установке такая политика должна создать условия для формирования понимания того, как и при помощи каких механизмов и технологий можно если не преодолеть, то хотя бы сблизить наши культурные, профессиональные и трудовые различия и несовпадения. В процессе широких фронтальных социологических исследований мы должны найти ответы на следующие вопросы: можно ли их смягчить через процесс институализации новых форм просвещения молодежи и взрослых, через – диверсификацию форм подготовки специалистов, обладающих не только национальными, но и наднациональными культурными компетенциями? Могут ли они – компетенции, – как некоторые константы, обеспечить динамичный обмен знаниями и навыками между нашими гражданами, вызвать к жизни необходимый нам синергетический культурный эффект и т.д. Ответы на эти вопросы, найденные в ходе реализации социологических исследований, а также в процессе реальной практики, расширят наши возможности в области межкультурного взаимодействия. В свою очередь, практическое сближение наших народов на социальной и культурной почве их взаимной практики, – полагал выдающийся российский философ Н. Лосский, – сможет создать особое взаимопроникновение и взаимообогащение наших культур и наций [5, с. 323].

В этом смысле социологические исследования и практика сближения политики России и стран Азиатско-тихоокеанского региона в области образования и просвещения – являются важными условиями, так сказать, взаимовыгодной трансверсализации культурного потенциала наших граждан. Эти виды деятельности должны базироваться на расширении возможностей личности в области непрерывного обновления и углубления своих национальных и наднациональных культурных компетенций, на – её умении выстраивать целостную гамму культурных моделей поведения в различных сферах и срезах общественного бытия: на производстве, в бытовой обстановке; в собственном индивидуальном развитии и т.д. Все это необходимо уметь делать в соответствии с традициями и жизненными потребностями не только своей, но и иных национальных общностей.

Приведённые факты говорят о том, что мы должны преодолеть существенно обеднённый, а где-то и искажённый фонд современных смыслов и символов, которыми оперируют граждане наших стран, а они необходимы для выстраивания у них глубинных отечественных Я – и Мы – образов, помогающих сформировать их личную национальную идентичность и горизонт наднационального культурного

развития. Без этого невозможно сформировать у современных граждан адекватное российской ментальности (Ф.М. Достоевский) национальное и наднациональное самосознание, выработать правильный масштаб оценок явлений мировой и собственной отечественной культуры.

По нашему мнению, в сложившейся ситуации необходимо более четко эксплицировать систему социальных условий и институтов, формирующих новый комплекс имен – символов. Позволяющих предметно восстановить (а для некоторых обучающихся и слушателей впервые установить) утраченную связь времен, воссоздать (а для многих людей впервые создать) целостность их жизненного мира как граждан нашего государства. Это поможет им сформировать широкое историческое, культурное, ценностное и смысловое пространство обновлённых имён – символов нашей тысячелетней истории. В процессе социологических исследований необходимо также осмыслить и предложить совокупность мер для разрешения, стоящей перед нашим государством колоссальной мировоззренческой задачи, – воспитать, прежде всего, у молодежи многомерное (с гражданской и нравственной точки зрения) современное культурно-историческое сознание, соответствующее реалиям нового XXI века.

Для этого требуется создать определённую систему совместных социальных и политических, культурных и гуманитарных практик жизнедеятельности России и стран Азиатско-тихоокеанского региона. В данных практиках должны отразиться важнейшие элементы макросоциального, организационно-институционального и гуманитарно-личностного аспектов жизнедеятельности наших сообществ. В частности, макросоциальный аспект должен включать: доктринальные установки государства на функции различных систем общества; параметры развития производительных сил и социально-экономических условий жизнедеятельности гражданского социума; политико-правовые системы, включая механизмы создания и применения модельного законодательства в области образования и просвещения молодежи и взрослых. Организационно-институциональный аспект – показатели сближения и диверсификации различных сфер и организаций наших стран; содержательные аспекты их жизнедеятельности; профессиональные и квалификационные, деятельностные и другие компоненты эдукационных институтов, образовательной и просветительской практики. Гуманитарно-личностный аспект – постоянно сближающиеся целевые установки, конкретизирующие доктринальные установки государственной политики; собственно гуманитарные аспекты, стандарты и требования к акторам социальных процессов; их ценностные константы и культурные практики; непрерывно сближающиеся Этнос и Габитус поведения акторов общественного процесса и т.д.

Участие социологических организаций в реализации такой политики позволит реализовать (посредством имеющегося у них социокультурного и технологического потенциала) глубинные национальные интересы народов России: охранить от деградации не только имеющиеся национальные формы хозяйственной практики, но и расширить их представление о своих культурных, социальных и экономических ресурсах развития; тем самым, обеспечить им – за счет совершенствования своего человеческого капитала – непрерывное и устойчивое движение вперед – к овладению более высокими по своему качеству наднациональными культурными компетенциями.

Библиографический список:

1. Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей. Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб: Алетейя, 2001. 556 с.
2. Илле М.Е. Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках. Исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX – начала XXI века. СПб: Норма, 2008. 112 с.
3. Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008. 359с.
4. Ларченко С.Г., Еремин С.Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 174 с.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: избранные труды. М.: Политиздат, 1990. 368с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. САРАНСКА)

Могина О.А.

Саранск – студенческий город. На небольшой территории города (площадью 383 км²) расположено 6 вузов (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, Саранский кооперативный институт, Саранский филиал Современного гуманитарного института, Мордовский гуманитарный институт, Филиал Волго-Вятской академии государственной службы), 15 техникумов, колледжей и училищ.

Численность населения Саранска, согласно данным Мордовиястата на 1 января 2016 г. составила 307 987 чел., 24 793 студенты (8,05 %) [1]. На 10 000 горожан приходится 307 учащихся организаций высшего образования. Следует отметить тенденцию снижения численности студенческой молодежи — в 2012 г. на 10 000 горожан приходилось 430 студента. Причина заключается в том, что в вузы поступило малочисленное поколение 1990-х гг. — поколение «детей перестройки».

Республика Мордовия включает 22 района, и только два из них (Ковылкинский и Рузаевский) имеют свои филиалы образовательных учреждений, следовательно, основной поток абитуриентов из других территорий республики стекается в г. Саранск. В связи с этим проводится политика в поддержку студентов: возведен новый корпус МГУ, построен бассейн, общежития, открываются спортивные площадки.

Большое количество студентов вступает во взаимодействие с окружающей средой, задает некие потребительские рамки культурного пространства, которые отражаются на архитектурном виде города. Студенчество – это социальная группа с наиболее быстро меняющейся ментальностью, формирующей запросы на продукты и услуги в определенном ценовом диапазоне: один из важнейших факторов развития городского пространства. Такие сооружения Саранска, как сеть ресторанов быстрого питания, торгово-развлекательные центры, спортивные комплексы, клубы, площадки для прогулок создают комфортные условия для проживания молодого поколения.

Студенческая молодежь — значимый субъект проектирования социокультурного пространства города, участвующий в формировании городского пространства. Так, студенческая молодежь вкладывает свои деньги в развитие города через инвестиции в собственное развитие. Девушки и юноши голосуют своими деньгами за тот спектр товаров и услуг, который доступен людям относительно небольшого достатка. Как отмечают российские исследователи, «развитие городов все в большей мере начинает определяться индивидуальными жизненными стратегиями населяющих его людей, даже если это стратегии выживания» [2].

Молодежь задает рамки для формирования социокультурного развития имиджа города, которое включает в себя такие элементы как социум, символы и ценности, коммуникацию и информацию [3]. Образ города, формирующийся в сознании студентов, обладает сильной мотивационной нагрузкой и оказывает влияние на поведение людей, образ их мыслей и отношение к происходящим событиям, а также способствует повышению значимости и привлекательности города.

В целях изучения представлений студенческой молодежи о социокультурном пространстве г. Саранска, в октябре-ноябре 2016 г. на базе МГУ им. Н.П. Огарёва проведено пилотажное социологическое исследование. В нашем исследовании студенты рисовали на бумаге карту города, а именно то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для города. В рамках исследования был получен 72 ментальных карты, нарисованные студентами гуманитарного, естественно-научного и технического направлений. На основе анализа этих карт был сформулирован ряд выводов.

Самыми популярными среди студентов являются такие объекты городского пространства, как Центральный рынок (28 упоминаний), ТРК «Огарев Plaza» (27), ТРЦ «РИО» (27), ТРЦ «Сити-Парк» (25).

К наиболее часто отмечаемым элементам социокультурного пространства города относятся Парк им. А.С. Пушкина (27), Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова (25) и площадь Тысячелетия (23).

Культурно-досуговая среда учреждений профессиональной культуры Саранска студентами практически не отражена: обозначены только Республиканский театр оперы и балета им И.М. Яушева (10), Республиканский Дворец Культуры (8), Музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи (всего 5 карт).

Таким образом, хочется обозначить следующую тенденцию: социокультурное пространство города, исходя из субъективных ориентаций студентов, размывается пространством потребления, где доминантами становятся торговые центры.

Библиографический список:

1. Данные Мордовиястат на 1 января 2016 года // разделы «Население», «Социальная сфера». 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://mrd.gks.ru>
2. Вендина О.И. Можно ли увидеть четкие перспективы в туманном будущем городов? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ve26.html>
3. Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. [Электронный ресурс]. URL: <http://uvd45.ru/3-kurs/sotciokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda-09-00-11-sotci>

СОБОРНОСТЬ КАК ИСХОДНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ АКЦИОСФЕРЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Монина Н.П.

Создание цивилизации или культуры происходит, как правило, вследствие попыток дать адекватный ответ на те вызовы, которые появляются. Огромнейшую роль в процессе складывания культурной общности играет религия. Именно она формирует то духовное поле, пространство, в рамках которого и происходит поиск ответа на вызовы истории. Именно она ограничивает устремления человека и направляет их в то или иное русло.

Какое культурное пространство сформировало православие? Чем это пространство отличается от пространства католического мира, мира ислама, языческого ареала?

Всем известна легенда о выборе веры князем Владимиром. Хотелось бы лишь напомнить основную причину (согласно легенде) выбора именно византийского варианта христианства: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и сказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем в других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве» [1, с. 78].

Безусловно, предание о выборе веры можно считать благочестивым вымыслом, но в приведённом отрывке отразилось то сильное впечатление, которое произвело на русских, впервые знакомившихся с христианством, византийское богослужение. По мнению игумена Иоанна Экономцева, столь свойственное русским образно-символическое восприятие мира, их максимализм, стремление достигнуть Абсолюта одним порывом воли, нашло благоприятную почву.

Русь приняла крещение от Византии. И этот цивилизационный выбор сразу же определил и её историческую судьбу, и её культурный путь, и определённые ценностные доминанты.

В контексте данного исследования рассмотрим социальный пласт ценностной матрицы русской культуры, сформированный православием.

Ядро любой культуры составляют ценности, те базовые, фундаментальные постулаты, которые и определяют сущность, характер и содержание культуры. А потому именно рефлексия,

глубокая и основательная, аксиологических установок отечественной культуры приобретает сегодня важное значение.

Аксиосфера любой культуры, безусловно, складывается под воздействием нескольких факторов: географического, климатического, геополитического, религиозного. На наш взгляд, эти факторы взаимосвязаны и взаимозависимы. Изначальные ценностные представления формируются в обыденной жизни, в процессе освоения новых территорий, приспособления к определённому климату и образу жизни. Общества и цивилизации вообще складываются как стратегии адаптации в конкретных обстоятельствах. Но окончательное свое оформление получают в контексте религиозного мировоззрения. В свою очередь, религия не является чем-то обособленным, она, скорее, впитывает то, что заложили природа и география, привнося в складывающуюся ценностную картину мира нравственный, моральный, трансцендентный аспект.

Одной из фундаментальных социальных ценностей, формирующих аксиосферу русской культуры является, на наш взгляд, соборность. Соборность – одна из основных аксиологических доминант русской культуры, ключевая категория русской религиозной философии и социально-философской мысли, не имеющая аналогов в истории западного культурологического и социологического мышления.

Соборное видение мира, соборное мировоззрение сложилось задолго до принятия христианства, ведь идеи коллективизма, общинности, взаимопомощи и взаимовыручки, послужившие базисом для оформления идеи соборности в контексте религиозного мировоззрения, были актуальны еще в языческий период. В условиях «евразийского неудобья», постоянных набегов кочевников иного способа выжить, кроме как «со-бытие», не было.

После принятия христианства идеи коллективного сожительства не исчезают, а трансформируются, вписываясь в православную картину мира. «Коллективизм «земной» получает освещение и благословление с позиций Церкви и дополняется единством в духе, нравственным, духовным единением» [2, с. 83].

Под соборностью русская традиция понимает «как реальное внутреннее согласие, единомыслие людей, так и нравственный идеал общения личностей в истине, любви к Богу и друг другу. Соборная интенция, предполагающая органическое соединение начал свободы и единства в отношениях между людьми, глубоко определяет мировоззренческий контекст русской православной культуры, ее ориентацию на органическую связь принципа личности с принципом нравственной общности, согласности лиц в истине, избегая крайностей индивидуализма и коллективизма» [3, с. 100].

Великий русский писатель Ф.М. Достоевский писал: «Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов её населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть...» [4, с. 498].

Коллективистское видение мира, сложившееся в языческий период как единственно возможный вариант выживания в условиях Русской равнины, несшее в себе по большей мере социальные и экономические характеристики, дополняется духовно-нравственной доминантой после принятия христианства. И в таком одухотворенном варианте, синтезе экономики и религии, продолжает существовать на протяжении всей последующей русской истории. Именно в этом, на наш взгляд, специфика русской цивилизации, в отличие от западной. Примат духовных ценностей над ценностями материальными обусловлен именно соборным видением мира в самом широком смысле этого слова. Соборная цивилизация, коей по сути своей является Россия а priori не может быть потребительской, как, к примеру, западная, в которой верх берет именно экономика. Потому одной из основных ценностей западного мира является труд как процесс «делания», создания комфортных условий существования. В то время как в русской культуре гораздо более ценным считается труд духовный, «духовное делание», а потому – аскетический образ жизни. И отнюдь

неслучаен тот факт, что главными героями, великими людьми русской истории и культуры, чья жизнь не просто служит примером, но формирует мировоззрение человека, были Сергей Радонежский, Паисий Величковский, Ефросинья Полоцкая. Ну что же было выдающегося в тихом монастырском житии преподобного Сергия, Паисия Величковского или Ефросиньи Полоцкой? Никакой земной власти, никакого материального богатства или даже просто достатка, но промысел Божий дал их словам и деяниям такую власть, которая преобразила Русское государство. Ученики преподобного Сергия Радонежского заложили основы общинного образа жизни, благодаря которому после монгольского ига возродилось Русское государство. Преподобный Паисий и его ученики, распространяя добротолубие, способствовали восстановлению монашеского умного делания. Преподобная Евфросиния стала матерью женского монашества и всех жён русских, избравших путь духовного совершенствования и аскетизма. Она — первая русская игуменья, «матушка Русской земли». Она первой из святых русских жён воплотила и раскрыла для других русских женщин путь святости преподобных как главный в делании Святой Руси. Жизнь её – полнота преподобнического подвига. Она стала первой наставницей русских женщин в таинствах духовной жизни.

Понятие соборности «глубоко сопряжено с православным учением о Церкви, как о благодатном соборе всего человечества вокруг Христа, Богородицы и святых, должном охватить единством духовного преображения всю тварь, весь космос. Каждый христианин поэтому призван найти свой личный путь к соборности твари, обогатить ее нравственными проявлениями своей неповторимой души и, вместе с тем, восполнить собственное бытие соборным духом. Именно восполнение, обогащение индивидуальных душ универсальным духом христианской истины и любви определяет религиозно-нравственный смысл межличностной соборной связи» [2, с. 101].

Ценность соборного единения реализуется в русской культуре в разных измерениях. Мы можем говорить о трактовке соборности как идеала духовной цельности, символизирующем неразрывность веры и жизни, как идеала добротолубия как критерия истинной христианской жизни и святости, как идеала нестяжательства, реализуемого посредством преобладания духовно-нравственных мотивов жизни, и, наконец, как идеал патриотизма, понимаемого как любовь к земному Отечеству как преддверию Царствия Небесного.

Сегодня нам важно не потерять именно эту, духовную компоненту, не выродиться до уровня потребителя, а сохранить нравственный контекст существования цивилизации.

Ценность соборного единства, таким образом, возникшая и из православия в том числе, получила универсальную реализацию в социокультурной жизни русских. Ортодоксальный характер православной религии в национальном сознании, её выход за рамки веры в более широкую сферу духовной жизни укрепили эту аксиологическую черту, ставшую доминантной в русской культуре.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что опора на национальные ценности, в частности, соборность – не просто гарант сохранения нашей культуры, но, по большому счету, гарант сохранения русской цивилизации вообще. Сегодня история формулирует новые вызовы, ответы на которые невозможно дать без опоры на традиционную аксиосферу русской культуры.

Библиографический список:

1. Мони́на Н.П. Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 196 с.
2. Мони́на Н.П. Философские доминанты русского культурного архетипа // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5-6 марта 2011 года. Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 81-86.
3. Monina N. Epistemology of unity in the philosophy of A.S. Khomyakov // Moral potential of the society: reproduction preservation and intensification issues. 2nd edition: research articles, B&M Publishing. San Francisco, California, USA, 2015. 148 pp.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15. Т.14. Л.: Наука, 1988-1996.

РОЛЬ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК В СОВРЕМЕННЫХ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Мурашова Л.С.

Современные высшие учебные заведения являются неотъемлемым общественным институтом и ориентированы на становление духовного облика человека. Главное назначение (социальная роль) университетов – это, конечно, производство культуры мышления, а именно формирование у студентов индивидуального мышления. Так, преподаватель призван, скорее, рассказывать о поиске знаний, описывать процесс их приобретения, а также заставлять знание работать, а не «накачивать» студента информацией и сообщать различные факты, которые удобнее добывать из книг [1]. По большому счету, именно социогуманитарные и философские дисциплины формируют у человека культурные и когнитивные навыки, способности оценивать явления общественной жизни и т.д.

Так, философские дисциплины формируют наиболее общую и предельно комплексную картину существующего мира, что позволяет мыслить более широко и масштабно. Социальные дисциплины способны научить своевременно реагировать на постоянно изменяющиеся социальные процессы, а также поддерживать стабильность многообразия социальных отношений. Кроме того, социогуманитарные дисциплины призваны осуществлять культурную функцию в государстве, сохраняя его национальную культуру.

В связи со стремительным процессом глобализации общества, возрастает роль общественных и гуманитарных наук. Потому как современный этап развития связан с поиском путей решения глобальных проблем человечества. Так, возрастают проблемы, связанные с увеличением масштабов и глубины антропогенного воздействия на среду. Расширяется и сам спектр проблем: наряду с проблемами международной безопасности, борьбы за разоружение, демографической и экологической проблемами появились проблемы преступности, терроризма, наркомании, «вандализации» культуры. Процессы глобализации и информатизации еще более стимулируют роль социогуманитарных наук.

Кроме того, в современных условиях глобализации большую роль играет ухудшение социальных связей, то есть происходит рост отчужденности человека в обществе. Так, в массовом обществе человек все больше и больше чувствует себя изолированным и одиноким.

Поэтому социально ориентированные профессии – это актуальная потребность настоящего и глобальная потребность будущего. В смысле не просто знаний о социальном развитии, а в смысле социального взаимодействия и понимания социального взаимовлияния во всем многообразии культурного потенциала [2].

Стоит отметить, что в современном обществе также отмечается постепенное сокращение преподавания социогуманитарных и философских дисциплин. Так, в июне 2015 года в Японии произошло событие, которое осталось почти незамеченным на фоне новостей о сокращении японской экономики. Министр образования Хакубун Шимомура направил в 86 государственных университетов Японии письмо, в котором призвал их сосредоточиться на областях знаний, «лучше отвечающих потребностям общества», то есть – сократить или и вовсе отменить учебные программы по гуманитарным и социальным наукам [3].

Это, прежде всего, связано с повсеместной технологизацией общества. Данный процесс имеет две стороны. С одной стороны высокая технологичность общества оптимизирует процесс обучения, освоения деятельности и учебной деятельности, а также требует и новых способов мышления. Но вместе с тем тотальная технологизация образовательного процесса несет и определенные риски. Например, раскол между мышлением и чувством, разумом и переживанием может привести тяжелым психологическим и духовно-нравственным потерям. Иными словами, духовное развитие личности человека уходит на второй план, в то время как человек становится механизмом, выполняющим

определенные функции. А университеты в свою очередь делают упор лишь на подготовку кадров для производства.

Так, сейчас в современном обществе исчезает нацеленность на познание, человеку просто достаточно нажать на кнопку «поиск» и узнать все необходимое, не осмысливая и не запоминая. Люди часто не хотят обременять себя получением знаний и чтением. Да, образование, опираясь на точные науки, становится более прагматичным, но, это также ведет к утрате духовного компонента личности, люди перестанут мыслить и анализировать.

Однако, при всех существенных изменениях, университет может сохранить свой культурологический статус лишь при том условии, что он сохраняет свою важнейшую культуросозидательную функцию. Это означает, в частности, что современные университеты должны нести в себе следующие принципы: гуманизм как основа образования; открытость для мировой культуры, социума, человека; фундаментальность и праксеологический характер социального образования; непрерывность образовательного процесса от дошкольного периода до окончания активной социальной жизни человека; постепенность, последовательность и упреждающий характер социального образования, его целостность и всеобщность; личностно-ориентированный подход к содержанию и организации образовательного процесса, базирующийся на индивидуализации и вариативности [4].

Таким образом, именно гуманитарные и социальные науки учат людей говорить, думать, развивать воображение, интерпретировать действительность и т.д. На наш взгляд, в стремительно развивающемся мире истинные человеческие качества и взаимоотношения отодвигаются на второй план. Поэтому в современных условиях возрастает необходимость в социогуманитарных науках, науках о человеке.

Библиографический список:

1. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
2. Полюшкевич М.А. Социальные смыслы социального образования // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов: науч.-метод. материалы / науч. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 50-52.
3. Соломонова И. Япония отменила гуманитарные науки. Почему это важно? [Электронный ресурс] // Republic: онлайн-журнал о политике, экономике и бизнесе, 2015. URL: <https://republic.ru/posts/56806> (дата обращения: 25.11.2016).
4. Котова Л.Б. Социальное образование как фактор социального развития // Ученые записки РГСУ. 2009. № 7-1. С. 30-33.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ XXI ВЕКА: ЗАГАДКА СИНГУЛЯРНОСТИ

Назаретян А.П.

Фундаментальные научные открытия на стыке XX и XXI веков заставили по-новому оценить обозримые перспективы цивилизации, существенно повысив градиент нелинейности прогнозных моделей. Подробный иллюстративный и библиографический аппарат к изложенному далее см. в работах автора [1-3].

К 1980-м годам в различных дисциплинах был накоплен массив фактических данных, свидетельствующих о том, что история и предыстория человечества, био-, геосферы и космоса составляют единый преемственный процесс, пронизанный сквозными векторами. На протяжении без малого 14 млрд. лет, от самого горизонта доступного сегодня ретроспективного обзора («Большой взрыв»), Вселенная изменялась от хаоса и однообразия в сторону всё более сложных организаций и устойчиво неравновесных состояний. Учёные разных стран и специальностей заговорили об универсальной эволюции. Сформировался междисциплинарный исследовательский проект, нацеленный на построение интегральной модели прошлого – *Универсальная история* (син.: *Big history, Weltallgeschichte, Megahistoria*).

Поскольку обнаруженные векторы универсальной эволюции вошли в отчётливое противоречие с ожиданиями, вытекающими из классического естествознания (где основой необратимости времени считается закон возрастания энтропии), астрофизики вынуждены различать *термодинамическую* и *космологическую стрелы времени* (рис. 1), оставив под вопросом причинную связь между ними.

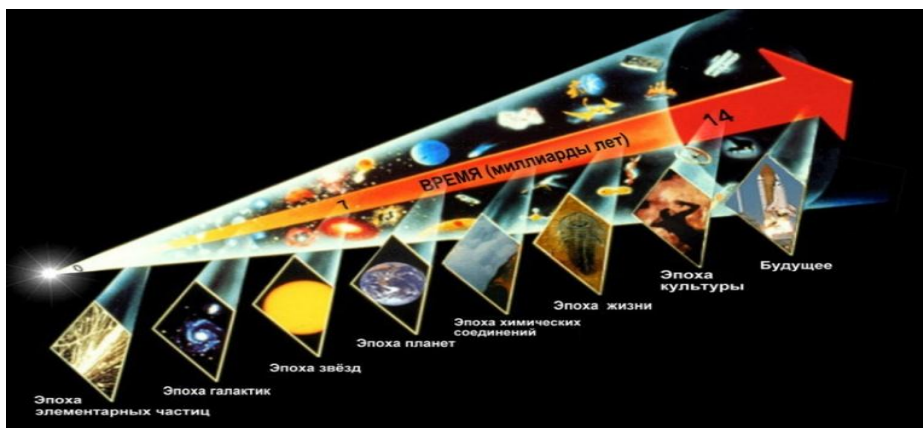


Рисунок 1 – Эпохи космической эволюции (по Эрику Чайсону)

Далее было показано, что динамика универсальной эволюции на всём её протяжении оставалась крайне неравномерной. В первые миллиарды лет после Большого взрыва структурные преобразования в Метагалактике (образование частиц, галактик, звёзд и планет) последовательно замедлялись. Но около 10 млрд. лет назад в недрах звёзд первого поколения были синтезированы и выброшены взрывами в космическое пространство ядра тяжёлых элементов – и сформировался новый механизм самоорганизации, связанный с конкуренцией за свободную энергию (образование и сохранение тяжёлых элементов требует энергии извне). Эволюция продолжилась в направлении органического вещества и живой клетки, а прежнее замедление сменилось столь же последовательным ускорением событий. В современных космологических моделях эта смена динамики обозначена как *два рукава универсальной эволюции* (рис. 2).

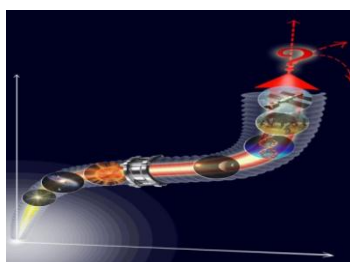


Рисунок 2 – «Два рукава» универсальной эволюции (по Алексу Пинкину)

Образовавшаяся около 4,5 млрд лет назад Земля была в короткий срок «заражена» простейшими живыми организмами. Имеются эмпирические основания полагать, что первичная жизнь зародилась в иной точке Галактики, за 215 млн. лет (один галактический год) была разнесена метеоритами и кометами и угнездилась на всех доступных пространствах: только одно из таких оснований – следы жизни, относящиеся к эпохе, предшествовавшей появлению на планете океана.

Ещё одно неожиданное обстоятельство выявили независимые расчёты, которые были произведены в Австралии, России и США по разным источникам и даже с использованием различных математических аппаратов. Показано, что эволюция био- и антропосферы сопровождалась удивительно чёткой временной динамикой: интервалы между глобальными фазовыми переходами последовательно сокращались в соответствии с простой логарифмической формулой. На протяжении 4 млрд лет на планете дрейфовали континенты, сдвигались полюса, многократно менялся климат, извергались мощные вулканы, падали крупные метеориты, потом появился *Homo sapiens* с его

«свободой воли» и вечными сумасбродствами – а фазовые переходы в эволюции следовали, как по расписанию (рис. 3).

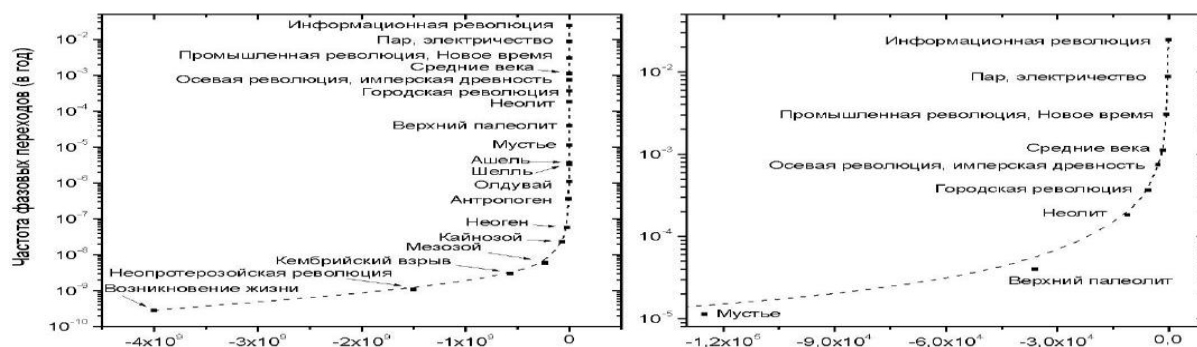


Рисунок 3 – Гипербола ускорения планетарной эволюции (по Александру Панову)

Внимательный анализ переломных эпизодов глобальной истории показывает, что в каждом из них события могли развиваться совсем иначе: биосфера (а затем антропосфера) могла быстро деградировать (на языке синергетики – *простой аттрактор*) или «зависнуть» (*горизонтальный странный аттрактор*) с перспективой медленной деградации. Мы живём на этой планете благодаря тому, что до сих пор во всех полифуркационных фазах кризисы разрешались перестройками глобальной системы в направлении *вертикального странного аттрактора*, с отсечением архаичных подсистем. Но, следуя известному из теории систем *принципу имплементации* (*всё, что может произойти, происходит*), логично предположить наличие во Вселенной множества эволюционных очагов, в которых разыгрываются все возможные сценарии и лишь малая доля которых достигает уровня, сопоставимого с технологической цивилизацией Земли.

Но что дальше? Экстраполяция полученной гиперболы привела всех её первооткрывателей к общему выводу: около середины текущего века кривая сворачивает в вертикаль, т.е. теоретически скорость эволюции устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю.

Точка кривой, в которой значение функции обращается в бесконечность, называется *сингулярностью*. Поэтому в научной литературе этот математический вывод обозначен (по именам авторов) как *Вертикаль Снукса – Панова* или *Сингулярность Курцвейла*. Его обсуждению посвящаются книги, статьи и международные конференции. В 2008 году в Кремниевой долине открыт Университет Сингулярности («для подготовки к будущему»), в 2010 году в Институте востоковедения РАН основан Центр Мегаистории и системного прогнозирования. Сходные учреждения образуются в Японии, Южной Америке и ряде стран СНГ.

Добавлю, что Мегаисторические расчёты подкрепляются и расчётами по частным параметрам: генетическим, демографическим, экологическим и технологическим. Похоже, цивилизация в ускоряющемся режиме приближается к полифуркационной точке, превосходящей по планетарному (и космическому?) значению все прежние фазовые переходы, и интрига четырёх миллиардов лет эволюции действительно будет так или иначе разрешена в текущем веке. Синергетическая модель представляет три направления «постсингулярных» процессов:

1. Начало «нисходящей ветви» в истории Земли, о которой много писали европейские философы XVIII – XIX веков, связывая её преимущественно с внешними факторами (истощение Земли, угасание Солнца и т.д.) и относя на тысячи, миллионы и сотни миллионов лет в будущее. Сегодня мы видим, что причиной исчерпания истории может стать исключительно собственная деятельность человечества, и критический срок исчисляется десятилетиями. В зависимости от того или иного сценария, деградация антропо- и биосферы может длиться от суток до тысячелетий, но в любом случае *простым аттрактором* остаётся превращение Земли в «нормальное» космическое тело, подобное Луне или Марсу, не отягощённое разумом и жизнью.

2. «Зависание» эволюции с перемещением ядра социальной жизнедеятельности в виртуальную сферу – *горизонтальный странный аттрактор*. Достигнутая устойчивость может оказаться долгосрочной, но рано или поздно растущая энтропия космической Вселенной поглотит «эскапистскую» цивилизацию.

3. *Вертикальный странный аттрактор* – смена планетарной фазы космической фазой эволюции, сопровождающаяся радикальными преобразованиями состояния, качества разума и его субстрата. Здесь приходится напомнить, что прогресс всегда был и остаётся выбором *меньшего из зол*: альтернатива прогрессу в полифуркационной фазе – деградация.

В новейшей физической литературе приводятся обильные аргументы в пользу того, что сознание – не побочный эффект организации физических частиц, а «космологически фундаментальное явление», способное сыграть ключевую роль в дальнейшей эволюции Метагалактики. И что «законы природы» принципиально не ограничивают масштаб и диапазон сознательного регулирования масс-энергетических процессов. Вместе с тем в психологии творчества показано, что неуправляемые константы остаются таковыми в рамках определённой модели, и всегда можно сконструировать метамодель, в рамках которой они превращаются в управляемые переменные. Отсюда потенциальные перспективы разумного влияния на космические события беспредельны. Но тогда космос должен быть полон могущественными цивилизациями, так что с развитием астрономии всё острее звучит парадокс, сформулированный Э. Ферми в начале 1950-х: «Где они?».

По этому поводу ссылались на слабость аппаратуры и т.д., но в последнее время обратили внимание на «гуманитарную» сторону дела. Выявлена системная зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и внутренней устойчивостью общества – *закон техно-гуманитарного баланса*. А именно, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные регуляторы необходимы для сохранения социоприродной системы.

Как показывают специальные исследования, печальная судьба многих процветавших обществ обусловлена тем, что люди, не справившись с возросшим технологическим могуществом, подрывали природные и/или геополитические основы собственного существования. Продолжали историю те из них, которым удавалось своевременно привести ценности и нормы деятельности в соответствие с новыми технологиями, причём драматический отбор жизнеспособных организмов интенсифицировался в периоды глобальных антропогенных кризисов. Регулярная «отбраковка» разбалансированных социумов имела и важные позитивные последствия: с ростом убойной мощи оружия и демографической плотности *коэффициент кровопролитности* обществ (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения) нелинейно, но последовательно сокращался.

Здесь, однако, и возникает решающая коллизия. До сих пор человечеству в целом удавалось, в конечном счёте, обуздывать растущую инструментальную мощь. Но как далеко это может продолжаться? Признав неограниченные возможности развития инструментального разума, мы не готовы оценить перспективу развития гуманитарного разума. Роковую роль в судьбе Земной (и любой иной) цивилизации может сыграть несоразмерность диапазона саморегуляции – сдерживания, сублимации агрессии – диапазону управления силами природы. В итоге разум, рождённый планетарной эволюцией, самоуничтожается прежде, чем достигнет космически релевантной стадии развития. В лучшем случае, можно предположить, что лишь мизерная доля развивающихся цивилизаций (в пределе – только одна) способна преодолеть рубеж между планетарной и космической стадиями. Все прочие остаются расходным материалом универсальной эволюции, реализуя (ср. *принцип имплементации*) опыт всех тупиковых стратегий.

К критическому рубежу истории стремительно приближается цивилизация Земли, а потому «поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете» [4, с. 503]. Ситуация остаётся крайне неоднозначной. В первом

десятилетия XXI века был достигнут исторический рекорд ненасилия: данные ООН и ВОЗ отражали необычайно низкий коэффициент кровопролитности, так что суммарное число жертв насилия в мире уступало числу самоубийств. Но с 2011 года события развиваются по неблагоприятному сценарию, и глобальная геополитическая система идёт вразнос.

Россия могла бы сыграть ключевую роль в восстановлении глобальной устойчивости. Для этого желательна коррекция внешнеполитической риторики и пропаганды, и соответствующие предложения в настоящее время обсуждаются.

Библиографический список:

1. Назаретян А.П. «Агентура влияния» в контексте глобальной геополитической перспективы // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 160-171.
2. Назаретян А.П. Мегаистория и её «загадочная сингулярность» // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 8. С. 755-764.
3. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015.
4. Каку М. Физика будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

КОНЦЕПТ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ В КАЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Нефедев С.Н.

Моделирование – эффективный метод научного познания, важный инструмент преобразования знаний в технологии. С середины XX века он все шире используется в социальных и гуманитарных исследованиях, в сфере поведенческих наук. Область прикладного применения теоретического моделирования: управленческая деятельность, социоинженерия (социальное конструирование), активно используется как теоретическая основа политических, социальных и гуманитарных технологий, как эффективный инструмент преобразования социальных практик.

В методологическом плане моделирование может служить:

- 1) инструментом меж- и трансдисциплинарных исследований;
- 2) основой постнеклассического социального познания.

1) а) *Междисциплинарные исследования.* Построение многофакторных моделей описывающих поведение изучаемого объекта на основе переменных полученных в рамках различных научных дисциплин позволяет исследовать синергетические эффекты их взаимодействия.

б) *Трансдисциплинарные исследования.* Метод моделирования способен обеспечить релевантный и рефлексивно контролируемый трансдисциплинарный перенос теоретических концептов из одних научных областей, дисциплин и исследовательских программ в другие, а также их эффективную «прививку» (И.Лакатос) в инородных познавательных контекстах, задаваемых новыми познавательными стратегиями. Трансдисциплинарный познавательный подход, основанный на переносе концептов в рамках и посредством многофакторной модели изучаемого объекта, является конструктивной системной альтернативой эклектичным постпозитивистским полипарадигмальным подходам («методологическому анархизму» П.Фейерабенда, различным постмодернистским методикам).

2) *Постнеклассическое социальное познание.* Многофакторное моделирование позволяет расположить в едином познавательном горизонте в виде однопорядковых переменных социальные факты: а) детерминированные, регистрируемые при помощи естественнонаучных (количественных, объективистских) методологических подходов и методик; б) включающие интенциональные моменты, поставляемые качественными методами социальных исследований; в) гуманитарные концепты и конструкты, содержащие в себе в качестве регулятивов культурные ценности и смыслы.

Г.Градосельская, поясняя необходимость обращения в исследованиях социальных систем к сетевым (структурным) моделям, указывает на то, что статистические (регрессионные) модели,

традиционно используемые в изучении социальных объектов, нерелевантны исследовательским задачам. Будучи разработаны в иных целях, они: 1) «не дают четкого представления, какая же часть исследуемого объекта реагирует на внешний сигнал» [2, с.4], 2) не позволяют фиксировать изменения структур.

Многофакторная трансдисциплинарная модель, удовлетворяющая требованиям метатеоретического познания, может быть определена как «*структурная модель*». Она представляет собой *топологическую разновидность содержательной модели*, как в ее структурно-функциональной (теоретической), так и в структурно-операциональной (инструментальной) ипостасях. Структурная модель может иметь различные степени сложности, связанные: 1) со степенью ее многофакторности; 2) возможностями графической презентации.

Топологический характер структурной модели предполагает:

1) *возможность ее геометрической и стереометрической графической презентации и визуализации* (более сложные формы отображения структурной модели могут быть реализованы посредством компьютерного моделирования).

2) *ее соотносимость с различными видами когнитивных моделей*: а) когнитивная карта (Э.Толмен), б) когнитивная «метафора» (Дж.Лакофф), в) «код» (культурный, социокультурный, цивилизационный) (Олкер Х.Р.-мл.), г) дискурс-аналитические, социально-конструктивистские модели.

Вариации «структурной модели». Самая простая разновидность структурной модели – одномерная плоскостная *схема – одномерный неориентированный граф*, задающий структурно и контекстуально определенные очертания объекта. Более сложные варианты структурной модели: *одномерный ориентированный граф, многослойный неориентированный граф, многослойный ориентированный граф* [2].

Дискурсивная реконструкция реальности представляет собой линейную детерминистскую абстракцию процесса эволюционного или исторического развития. Структурная же модель представляет собой замыкание исторической «стрелы времени» в пространственно организованные и содержательные «форму» и «тело». В виде одномерного ориентированного графа она предстает как функционально-деятельностный «контур» - «замкнутый ориентированный путь, все вершины которого различны» [4, с.64]. В своем предельном развитии (в виде многослойного ориентированного графа) она способна отобразить сложную вариативно-контурную организацию моделируемого объекта, как проявление сложности его структуры, обусловленной включенностью в средовое многообразие. Такая модель позволяет описать нелинейный характер развития сложносистемного объекта.

Генезис концепта «структурная модель». Истоки этого концепта коренятся в структурно-антропологическом подходе и методологиях структурализма, постструктурализма, когнитивных наук.

Согласно А.Бадью, *проблема моделирования – это проблема формализации как процесса*: ««Модель» обозначает тесно переплетенную сеть обратных действий и предсказаний, из которых сплетается эта история, - ее определяют или, заглядывая вперед, как разрыв, или, оглядываясь назад, как перестройки» [6, с.77]. «Построение концепта модели особенно зависит на всех этапах от (математической) теории множеств» [6, с.64]. Использование в процессе моделирования теории множеств позволяет отобразить вероятностность, нелинейность, которые в сочетании с идеей самоорганизации формируют принципы построения *постнеклассического типа моделей*.

Если *системная модель* ориентирована на отображение разграничения объекта и среды (Н.Луман), то *структурная модель ориентирована на выявление сопряженности*: 1) внутренней сопряженности самого объекта; 2) объекта и среды. В отличие от системно-функциональной модели, которая отображает всего лишь функциональную коммуникацию объекта со средой, *структурная модель предназначена для выявления корреляции структурных трансформаций объекта с*

трансформациями среды, а также установления принципов этих преобразований, позволяющих установить динамическое (аутопойетическое) воспроизводство ее идентичности.

Анализируя концепцию аутопойезиса У.Матураны, Ю.Плотинский отмечает, что «одна система может иметь несколько структур, меняя их с тем, чтобы лучше взаимодействовать с внешней средой. Т.о., *система осуществляет структурное сопряжение с другими системами и внешней средой*» [4, с.21]. В сложных системах подсистемы имеют собственные структурные организации, сопряженные друг с другом. Структурная модель способна отобразить и выявить внутреннюю структурную сопряженность подсистем сложной системы и, т.о., *объяснить синергийный и рекурсивный эффекты*, сопровождающие аутопойетический процесс.

Э.Гидденс, указывает на два способа моделирования социальных отношений во времени и пространстве: 1) синтагматических аспектов, связанных с горизонтальным воспроизводством ситуативных практик; 2) парадигматического аспекта, связанного с порядком «модусов структурирования». В структурализме представлены две трактовки концепта «структура», как: 1) «матрицы трансформаций набора элементов»; 2) «правил трансформации, контролирующими эту матрицу» [1, с.42]. Сам же Э.Гидденс определяет себя как сторонника второй трактовки и относит *структуры к «правилам (и ресурсам)»*, именуя их *структурными принципами* [1, с.42].

Структурные модели в когнитологии представлены в виде *когнитивных карт*, организующих восприятие и действие посредством структурно упорядоченных рефлексивных процедур. Когнитивные карты служат эффективным средством анализа действия трудно формализуемых факторов [4, с.65]. Согласно типологии моделей предложенной Ю.Плотинским, самой сложной, поведенчески и социально значимой выступает – *когнитивная модель*. Она способна обобщать и использовать данные других видов моделей: формальных, содержательных (концептуальных, системно-функциональных) [4, с.90]. Роль когнитивных моделей: 1) в социальных науках состоит в том, что они «являются неотъемлемой частью социальной реальности, во многом формируют, конструируют саму реальность», 2) в поведенческих науках – поскольку «решения принимаются именно на основе когнитивной модели» [4, с.92]. Когнитивная модель представляет собой топологически организованную, содержательную структурную модель.

Структурная модель способна отобразить и выявить структурные отношения более глубокие, нежели культурно-символические. В рамках структурной модели при помощи понятия «код» можно выявить принципиальную соизмеримость символического (ценностно-смыслового) и коммуникативного (функционального) действия. Что позволяет помыслить «код» вне рамок культурного поля [5, с.196], а рационалистическая «теория коммуникации может заменить символическую» [5, с.195], на основе общей для них кодирующей структуры. Эти предположения относительно природы структурного принципа позволяют структурной модели выявлять структурную общность между функциональными (детерминистскими) и символическими (партиципативными) формами мышления.

Структурная модель отображает культурные процессы и взаимодействия на более фундаментальном уровне, чем модель семиотическая. «Структурный анализ обрабатывает одновременно синтаксис и лексику, не расчленяет изучение правил и содержания, выявляет детали, характерные для каждого контекста, демонстрируя при этом общие логические процедуры» [5, с.238].

М.Энаф, анализируя методологию структурного анализа К.Леви-Строса, отмечает, что тот, предчувствуя трудности, связанные с использованием лингвистической модели и концепта значения, полностью обновил подходы к рассмотрению мифов и символического. К.Леви-Стросс выдвинул оригинальное предположение, согласно которому в исследовании дорациональных типов мышления (мифологического, партиципативного) не только возможно, но и необходимо *отказаться от интерпретаций*. Суть структурного анализа дорационального (можно расширить предмет анализа до любых инокультурных типов мышления – С.Н.) состоит в том, чтобы аутентичным образом выявить отношения трансформации между мифами как базовыми элементами иного типа мышления [5, с.239].

У.Матурана и Ф.Варела также выходят за рамки семиотико-лингвистической модели в понимании взаимодействия аутопойетических систем: «с точки зрения биологии в коммуникации не существует «переданной информации. ... Коммуникация происходит каждый раз, когда существует координация поведения в области структурной сопряженности ... *Феномен коммуникации зависит не от того, что передается, а от того, что происходит с тем, кто принимает передаваемое*» [3, с.173]. Т.о., коммуникация предстает не как семиотический, а как структурный процесс.

Итак, *структурная модель* – это: 1)топологическая содержательная модель постнеклассического типа, релевантно отображающая процессы структуриации и самоорганизации сложных систем; 2)эффективный инструмент меж- и трансдисциплинарных исследований; 3)концептуальная форма, обеспечивающая возможность постнеклассического социального познания.

Библиографический список:

1. Гидденс Э. Структура, структуриация // Контексты современности – I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / Хрестоматия. Казань, 2000. С. 41-48.
2. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии / под ред Г.С. Батыгина. М.: Новый учебник, 2004. 248 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. 296 с.
5. Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. СПб.: Гуманитарная академия, 2010. 560 с.
6. Бадью А. Концепт моделі. Вступ до матеріалістичної епістемології математики. К.: Ніка-Центр, 2009. 232 с.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ СУБЭТНОС: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ*

Никитенко В.Н.

Субэтносами в этнографии и этносоциологии называют проживающее в границах определённых территорий сообщества людей, которые принадлежат к большему народу (этносу), но отличаются от него своей культурой, часто языком (диалектом), более поздним, чем в момент зарождения общего этноса географическим месторасположением, и осознающих это отличие. Субэтносы обычно имеют самоназвания, а её члены испытывают двойственную принадлежность – к этносу и субэтносу одновременно. Известно, что многие жители российского Дальнего Востока не без гордости именуют себя, особенно находясь за пределами региона, дальневосточниками. Приверженность к такому самоназванию не случайна, а сформировалась в результате интеграции живущих в пределах дальневосточной территории со своеобразной природной, ландшафтной и социально-культурной средой. Нередки случаи, когда люди, прожившие в этой среде большую часть своей жизни и вышедшие на «заслуженный отдых» переселились на ПМЖ в другие районы страны, или даже за рубеж, продолжают считать себя дальневосточниками [1].

Возможности для теоретического осмысления становления и эволюции дальневосточного субэтноса предоставляет пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилёва (1912-1992). Советский историк, географ и этнограф считал, что на формирование и изменение этносов влияют не только социально-экономические, но и природно-климатические условия, ландшафт, явления геофизического характера и даже космического масштаба. При этом учёный не без основания утверждал, что изменения в природной и социальной среде существенно зависят от позиции тех или иных этнических групп или индивидов – пассионариев (наиболее восприимчивых и активных людей) [2].

*Работа подготовлена в рамках научной программы «Дальний Восток» и конкурсного проекта № 15-I-9-001 о «Социокультурные детерминанты межэтнического взаимодействия в социальном пространстве дальневосточного региона России (Еврейская автономная область)»

Получение знаний о становлении и эволюции дальневосточного субэтноса в данном случае осуществляется в контексте с поиском решения проблем дефицита постоянного населения российского Дальнего Востока, что является неотъемлемой частью реализации федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», а также возможностей для государственного и общественного регулирования демографических процессов в региональном социальном пространстве. Исследование включает в себя ретроспективный анализ этногенеза на рассматриваемой территории, получение знаний о современном состоянии и динамике дальневосточного субэтноса. При этом в качестве особой информативной ценности рассматриваются результаты социологического опроса жителей территории, которые являются её старожилами и считают себя коренными дальневосточниками. К таковым относят себя не только местные аборигены, но и позже укоренившиеся здесь переселенцы и их потомки.

До прихода на Дальний Восток российских переселенцев здесь жили племена палеоазиатских народов, потомки которых и составляют ныне живущее бесспорно коренное население этих мест. Приоритетным фактором влияния на территориальное самоопределение этих народов были природные ресурсы и ландшафты, так как основными видами хозяйственной деятельности являлись собирательство, охота и рыбная ловля. Россияне, по крайней мере, первопроходцы, шли «встреч Солнца» в поисках лучшей доли. Бежали на Дальний Восток от преследований в других местах России старообрядцы, от крепостной зависимости – обезземеленные крестьяне, а также любознательные к новым землям романтики, предприимчивые и служивые люди [3]. В результате стало складываться новое для территории полиэтничное сообщество. Вскоре количество пришлого из разных регионов России населения стало превосходить численность аборигенов. Пришлые россияне заняли по отношению к малочисленному коренному населению патерналистскую позицию, выражающуюся в попытках приобщить аборигенов к своей культуре и образу жизни.

В более поздний, близкий к современности, период социальная общность Дальнего Востока стала формироваться с применением средств государственного регулирования. Приезжали по государственному распределению выпускники учреждений профессионального образования, завербованные и направленные на развернувшиеся стройки и прииски по решению партийных органов и комсомольским путёвкам рабочие и специалисты, наконец, приговорённые судом к лишению свободы и на спецпоселение. Оставалась на ПМЖ и часть отслуживших в Вооружённых силах и отбывших сроки заключения.

Своеобразно проявилась социальная трансформация в Среднем Приамурье в связи с правительственным решением в 1928 году о создании в междуречье Биры и Биджана Еврейской автономной области. Обнадёженные возможностью создания национальной еврейской государственности, многие евреи из бывших местечек России, Белоруссии, Украины и из зарубежья вначале активно двинулись на выделенные государством для их поселения земли. Однако, местный суровый климат, тучи гнуса в летнее время, жилищная неустроенность, трудности в приведении земель в пригодное для сельскохозяйственного производства состояние, неразвитая инфраструктура почти сразу побудили многих еврейских переселенцев развернуться обратно или переехать в более благоустроенные места в пределах Дальнего Востока или другие. Укоренившиеся ранее в этих местах казаки и крестьяне, по оценке руководителя экспедиции, изучавшей эту территорию с точки зрения её пригодности для переселения «трудящихся евреев», Б.Л. Брука (1885-1979) ничего не имели против того, чтобы в Приамурье приезжал на постоянное место жительства дополнительный народ [4].

В настоящее время, по данным Всероссийской переписи населения от 2010 года, дальневосточный субэтнос представляет собой сообщество из представителей более 100 национальностей [5].

Исследованиями, проведёнными сотрудниками ИКАРП ДВО РАН в рамках конкурсного проекта «Воспитательные возможности молодёжных полиэтничных сообществ» (2006-2007 гг.) при

поддержке гранта РГНФ № 07-06-00159-а, установлено, что большинство проживающих здесь молодых людей вполне идентифицируют себя с тем или иным этносом, независимо от численности представляемого ими этноса гордятся своей национальностью, никогда не испытывают чувства неловкости или смущения в полиэтнических сообществах, с уважением относятся к традициям и обычаям своего и других этносов, хотят больше знать о них, положительно относятся к дружбе и бракам между людьми разных национальностей, считают, что российский Дальний Восток должен быть открытой территорией для проживания на ней переселенцев из разных мест, независимо от их национальности [6].

Состав и структура дальневосточного субэтноса продолжают изменяться. Но в настоящее время наметившиеся в нём тенденции не благоприятны для дальнейшего развития Дальнего Востока как социально-территориальной системы. В то же время старожилы и коренные жители региона считают, что на этой территории можно жить не менее счастливо, чем в других местах. Причём, этому могут способствовать не только преференции экономического характера, но и другие факторы. Старожилы считают, что привлекательность Дальнего Востока могут повысить доступность для дальневосточников культурных ценностей, сосредоточенных в столичных городах, пропаганда через СМИ привлекательных сторон жизни на Дальнем Востоке и характерных для коренных дальневосточников личностных качеств [7].

Библиографический список:

1. Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником. Хабаровск: Этнос-ДВ, 1998. 479 с.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. доктора геогр. наук, профессора В.С. Жекулина. 2 изд. испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
3. Азиатская Россия. В 3-х т. Спб.: Изд-во Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
4. Вайсерман Д.И. Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 1999. 512 с.
5. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.
6. Никитенко В.Н. Воспитательный потенциал молодёжных полиэтнических сообществ / под ред. к. пед. н. И.Н. Ищенко. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, БФ АмГУ, 2012. 110 с.
7. Аверина Ю.Н., Никитенко В.Н., Кутовая С.В., Соловченков С.А. Старожилы Дальнего Востока о возможностях укоренения населения в регионе // Региональные проблемы. 2016. Т. 2. № 19. С. 75-79.

ТОЧКИ РОСТА В СИТУАЦИИ ВЫЖИВАНИЯ ИЛИ КАК ВЫЖИТЬ ПОЖИЛОМУ ЧЕЛОВЕКУ В ГЛУБИНКЕ

Ондар У.О.

Удаленность от политической, экономической и культурной активности, суровые климатические условия, слабая освоенность территории и малонаселенность обусловили изолированность Республики Бурятия от основных потоков социокультурного пространства. Поэтому в столь сложных условиях приходится выживать пожилым людям, которые находятся на пенсии.

Новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного оказывают противоречивое влияние на жизнедеятельность людей старшего возраста. В этой возрастной группе преобладают процессы дифференциации, причем дифференцирующие факторы проявляются более зримо, чем интегрирующие. Это связано с тем, что в условиях социальных изменений происходят усложнение социальной структуры современного общества. Всё большая часть пожилых людей оказывается в трудной жизненной ситуации и подвергается риску постепенного исключения из общества. Попытки рассмотрения эксклюзии старости в теоретических

концепциях структурного функционализма были сделаны в 60-е г. XX в. Э. Камминз и У. Генри. Теория отчуждения или разобщения (disengagement), предложенная учеными «исследует тенденцию постепенного отлучения пожилых людей от некоторых существенных для общества функций и ролей для того, чтобы это общество могло продолжить нормально функционировать» [1, с. 17]. В ситуации выживания находится многочисленная группа людей старшего возраста, находящаяся за чертой бедности или балансирующая на грани бедности, особенно в сельской местности. Старость для большинства населения ассоциируется с негативными тенденциями и выражается в таких характеристиках, как беспомощность, одиночество, череда болезней, малообеспеченность, хотя в последнее время наметилась тенденция удовлетворенности социальным самочувствием всех возрастных групп, в том числе и старшего поколения, по сравнению с началом 2000-х гг. Об этом свидетельствуют социологические исследования Института социологии РАН: «...несмотря на наличие значительного негатива в жизни людей, на протяжении всех последних лет в российском обществе наблюдалось хотя и не очень быстрое, но последовательное нарастание позитивных умонастроений» [2].

Исследователи отмечают у людей старшего возраста существенные изменения в системе ценностных ориентаций. В социологических исследованиях, посвящённых старшему поколению, набор ценностных ориентаций отличается абстрактностью, не позволяющей выявить, в чём же состоит «полноценная, активная жизнь», если человек не занят в сфере трудовой деятельности, введение понятия общественная работа не вносит ясность, так как тоже встаёт вопрос о её определенности. Думается, не достаёт таких понятий, как передача жизненного, духовного и профессионального опыта, участие в жизни семьи и поддержание родственных связей, межпоколенные взаимодействия, добровольные услуги обществу, развитие внутренней духовной культуры, постоянное совершенствование путем самообразования и обучения, желание участвовать в общественных организациях и политической деятельности.

В нашей стране считается, что социальная работа с пожилыми людьми должна ограничиваться помощью по хозяйству и покупкой продуктов. Между тем, в мире это мнение уже давно доказало свою несостоятельность. И лучшее тому доказательство – это обучение компьютерным технологиями пенсионеров, которое популярно в европейских странах, а его результаты – это миллионы пожилых пользователей Интернета, которые ничуть не хуже ориентируются в мировой паутине, чем молодое поколение.

В Республике Бурятия в 2008 году был открыт общественный университет «Знание» для пенсионеров при Бурятском республиканском отделении «Союз пенсионеров России». С 2012 года при университете работает факультет «Основы компьютерной грамотности». Преподавателями курсов выступают студенты направления «Социальная работа» социально-психологического факультета Бурятского госуниверситета, которые в своей будущей профессиональной деятельности будут взаимодействовать со старшим поколением. Взаимоотношение поколений в непосредственной обстановке учит толерантности и умению находить точки соприкосновения представителям различных возрастных групп. За время деятельности факультета прошли обучение около 160 слушателей, средний возраст которых составил 66 лет (например, одному из слушателей исполнилось 81 год) [3, с. 88].

Интернет – глобальная сеть, которая охватила весь мир. Мне кажется, что в современном мире, каждый человек должен уметь пользоваться компьютером и Интернетом. Пожилые люди не исключение. При освоении сети Интернет, многие испытывают страх, неуверенность, плохо запоминают информацию, не понимают некоторые функции. За две недели обучения люди старшего возраста научились самостоятельно включать компьютер, пользоваться мышкой, овладели программой Word, а также самостоятельно заходят в электронную почту, отправляют письма, общаются в социальных сетях. Здесь важно учитывать тот барьер, который преодолевают пожилые люди, ведь учителями выступают молодые люди. Как справедливо пишут А. Кузнецов и О. Сергеева «когда в роли проводника выступают представители младших поколений (дети или внуки), тогда

нарушается житейская максима «младшие не учат старших» [4, с. 112]. Поэтому «важную роль в становлении пользователя ПК играет наличие проводника: родственника, коллеги, знакомого человека, способного дать консультацию и обучить пользоваться компьютером» [4, с. 111].

В целом, наши занятия проводятся на хорошем уровне, мы стараемся найти индивидуальный подход к каждому, слушатели остаются довольными, проведенными занятиями. Конечно же, в связи с их возрастом, им не удастся с первого раза понять данную информацию, поэтому приходится несколько раз повторять. Но усердие слушателей и ответственность студентов дают хорошие результаты.

Таким образом, активное вовлечение представителей третьего возраста в современное информационное общество может способствовать преодолению их неравенства в области современных технологий и послужит точками роста в их жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Козлов А. А. Теории и традиции западной социальной геронтологии / Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О.В.Краснова, А.Г. Лидерс. М., 2003. С.6-24.
2. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru>
3. Бутуева З. А. Формирование образовательной среды для людей старшего возраста как фактор устойчивого развития региона / Стратегии социального развития современного общества: российские и мировые тренды: сборник научных трудов / сост. К.Е. Юхин. М.: РГСУ, 2015.
4. Кузнецов А., Сергеева О. «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // Социология власти. 2014. № 3. С. 99-125.

ЭКСПЕРТЫ О МИССИИ ВЫСШЕГО СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Осмачко Н.В., Кузнецова Л.П.

Интенсивные процессы реформирования высшего образования в нашей стране, ориентированные на снятие противоречий в этой сфере, сложившихся в конце XX века, приведение ее в соответствие с международными стандартами, запросами общества, с неизбежностью породили новые проблемы. Особое беспокойство вызывает судьба высшего социогуманитарного образования. В традиционной модели высшего образования значение социогуманитарного знания не оспаривается: без него невозможна трансляция культурно-исторического наследия общества, оно обязательно для студентов, так как формирует образованную личность, что, в свою очередь, обеспечивает «жизнеспособность демократии» [1].

В настоящее время, когда модернизационные нововведения в высшем образовании направлены на формирование сервисной модели, продуцирующей так называемое полезное знание [2, с. 316] в рыночных транзакциях «продавцов» образовательных услуг и их «покупателей», значение неутилитарных социальных и гуманитарных наук падает, резко уменьшается объем их преподавания, закрываются многие образовательные программы, сокращаются штаты, увеличивается учебная нагрузка и др. [3; 4; 5].

Возникает ряд вопросов: как концептуализируется миссия социогуманитарного высшего образования в контексте происходящих в обществе перемен? Можно ли выделить региональную специфику в ее реализации? Если да, то какими особенностями характеризуется миссия социогуманитарного высшего образования на Дальнем Востоке России? Эти вопросы были адресованы экспертам – преподавателям вузов г. Владивостока*, включенных в систему социогуманитарного образования, обладающих ценным опытом и профессиональной рефлексией.

*Группу экспертов составили 14 преподавателей с научными степенями доктора и кандидата философских, исторических, социологических, политических наук; из них семь экспертов в возрасте до 40 лет и семеро – старше 40 лет

В рамках первой задачи определялось, что, по мнению экспертов, представляет современное социогуманитарное образование. Более половины опрошенных (57,1%) полностью согласились, а 28,6% – приняли как рабочее следующее определение: «Гуманитарное образование – и культурный «багаж», и профессиональные навыки». Единственный эксперт в своем определении указал и проблему гуманитарного образования: «...образование и жизнь в гуманитарном знании отделены китайской стеной...».

Эксперты (за исключением одного) считают, что, хотя нет прямого соответствия между социогуманитарным образованием и тем, чем занимается человек после окончания вуза, об утрате его значения говорить нельзя. Наоборот, трудоустройство не по специальности «свидетельствует об универсализме гуманитариев», которые могут трудоустроиться во многих сферах: образования, науки, управления, СМИ и др.

Мнения экспертов по поводу возрастания в современных условиях ценности социогуманитарного образования неоднозначны: 64,3% респондентов согласились либо полностью, либо в основном с этой формулировкой; при этом три представителя «старшей» группы уточнили, что она «возрастает не с точки зрения конъюнктуры...в современном обществе – если хочешь быть субъектом собственной жизни, ты должен ориентироваться в современном мире; научиться учиться»; а четыре представителя «младшей» группы экспертов сочли, что оно «требует пересмотра».

Как видим, в целом, социогуманитарное образование, по мнению экспертов, не утрачивает своего значения, однако тезис о возрастании его ценности вызвал либо комментарии, либо возражения. Заслуживает внимание точка зрения единичного эксперта о том, что «как раз гуманитарное знание сегодня обесценивается» и приведенная аргументация: «неопределенность его целей в виде помощи индивиду в достижении человеком подлинно моральной жизни...; гуманитарное знание упражняется в социальной риторике, с небольшим операционным содержанием».

Далее этот эксперт продолжает спорить с коллегами по вопросу о миссии (основной цели) социогуманитарного образования в России, утверждая, что она «не определена ни по целям, ни по адресатам...Постановка предельно широких целей гуманитарного образования снимает с него ответственность за производство материальных ценностей...».

Остальные тринадцать экспертов продемонстрировали достаточно согласованное и емкое понимание целей гуманитарного образования:

- первая – формирование профессионалов, обеспечивающих «сопровождение процессов экономического и технологического развития»;
- вторая – формирование личности, ее ценностных ориентиров, таких субъектных качеств как гражданственность, патриотизм, толерантность и др.;
- третья цель – формирование общественного мнения о значимости гуманитарного знания как такового.

Один эксперт из «младшей» группы сформулировал социокультурную цель гуманитарного образования, заключающуюся в том, чтобы «хранить человечность, духовность, память и честь нации...».

В рамках второй исследовательской задачи определялось, отличается ли социогуманитарное образование на Дальнем Востоке от такового в других макрорегионах России. Половина экспертов не видят специфики в реализации целей социогуманитарного образования в ДФО, некоторые из них аргументируют свое мнение следующим образом: «Опыт гуманитарного образования в Западной Европе имеет для России (а Дальний Восток, несомненно, часть России) большую ценность, чем в США, других странах АТР. Лучше видеть общее в гуманитарном образовании Дальнего Востока и центральной части России».

Четыре эксперта (28,6%), из них трое относятся к «старшей» группе, считают, что социогуманитарное образование на Дальнем Востоке имеет исторические, геополитические, социокультурные особенности. Обоснование этой позиции весьма убедительное: «Российский

Дальний Восток всегда был поликонфессиональным и полиэтническим регионом и здесь эти проблемы стоят особо остро. Кроме того, российский Дальний Восток – регион порубежья..., где очень тесные связи жителей с культурой и народами сопредельных стран и в такой обстановке необходимо формировать не только мировоззрение, но и знание истории своей малой родины, в данном случае истории российского Дальнего Востока, а не АТР. Те, кто не знают и не хотят знать свою историю – будут учить чужую».

И, хотя большая часть экспертов не поддержали идею о специфике социогуманитарного образования на Дальнем Востоке, в перечне проблем, указанных ими, есть и «работающие» на этот тезис: кадровые, образовательно-технологические, географическая удаленность от российских центров науки и образования, что «затрудняет коммуникацию, передовые идеи и технологии доходят медленно» (см. табл. 1).

Таблица 1 – Основные проблемы в социогуманитарном образовании на Дальнем Востоке

№ п/п	Проблемы	Кол-во экспертов	Кол-во экспертов (возраст до 40 лет)	Кол-во экспертов (возраст старше 40 лет)
1	Проблема кадров: «их всегда не доставало», низкий уровень подготовки	6	4	2
2	Эксплуатация устаревших технологий социогуманитарного образования	5	4	1
3	Деление на «центр» и «периферию»; географическая удаленность	4	1	3
4	Структура рынка труда в России, которая не заинтересована гуманитариях	4	2	2
5	Перманентное реформирование, девальвация статуса преподавателя, повышение статуса бюрократа в вузе	3	2	1
6	Отток талантливой молодежи	2	1	1
7	Низкий социальный статус специалиста-гуманитария	2	1	1

Третья задача предполагала получение ответов на вопрос, улучшил или ухудшил состояние социогуманитарного образования на Дальнем Востоке переход на Болонскую систему образования (включая всех представителей «старшей» группы) экспертов отметили, что ухудшил^{**}: «разрушает смысл и подлинность системы гуманитарного образования в стране»; не позволяет «научить бакалавров анализировать»; сокращает количество дисциплин гуманитарного цикла у «технарей»; бюрократизирует учебного процесса и оценки знаний студентов.

Отношение экспертов к реализации компетентностной модели в социогуманитарном образовании было также критическим. 35,7% опрошенных определили ее как «формальное и некритичное заимствование зарубежного опыта», 28,6% отметили декларативный и общий характер компетенций, сформулированных во ФГОСах, что ставит перед преподавателями проблемы содержательного наполнения дисциплин, критериев их оценки.

Около трети экспертов обратили внимание на «экономоцентричность» компетентностного подхода, при котором сокращается количество базовых дисциплин и уменьшаются расходы на гуманитарное образование (в том числе, и на негуманитарных ОП).

При этом трое (из них – двое из «младшей» группы) позитивно оценили компетентностную модель: она «позволяет определить приоритеты в подготовке бакалавров и магистров, сформировать систему управления качеством профессиональной подготовки».

В целом, эксперты демонстрируют многоплановое представление о миссии социогуманитарного высшего образования в России, настаивая на том, что на Дальнем Востоке она

^{**}Позицию «затрудняюсь сказать» выбрали трое экспертов в возрасте младше 40 лет: «надо было менять прежнюю систему: она не была гибкой, плохо менялась»; «пока трудно сказать, дождемся результатов»

не отличается особой спецификой. Не отрицая ценности социогуманитарного знания в современных условиях, в то же время они достаточно точно определяют и его проблемы: «все, что сегодня происходит в сфере высшего образования очень хорошо концептуализируется в терминах социологии бюрократии...». Большая часть преподавателей негативно оценивают стратегию интенсивного реформирования высшего образования в нашей стране.

Библиографический список:

1. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
2. Истомина А.П. Трансформация современного высшего образования: к постановке проблемы // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т. С. 315-318.
3. Липская Л.А. Социокультурная динамика высшего образования в России // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 31-38.
4. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 91-101.
5. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 30-37.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОРСАЙТА ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Остовская А.А.

Технологию Форсайта можно по праву назвать самым современным и прогрессивным инструментом предсказания и построения будущего, хотя, следует отметить, что традиционно в РФ уже используют другие хорошо отработанные технологии, которые обеспечивают такую функцию. В частности, на региональном уровне, который рассматривается нами, давно используются региональное прогнозирование и стратегическое планирование регионального развития. Поэтому возникает вопрос, какое место в существующей отечественной системе предсказания отводится каждой из указанных технологий и какую роль они при этом играют.

Для ответа на этот вопрос, в первую очередь, обратимся к методикам прогнозирования и стратегического планирования на региональном уровне, учитывающих большой мировой опыт и применяются у нас достаточно значительное время.

На региональном уровне ответственными за разработку проектов прогнозов экономического и социального развития областей, районов и городов на среднесрочный период (5 лет) определены местные государственные администрации и органы местного самоуправления. Особенности прогнозирования на региональном уровне являются:

- нормативно-правовое определение и урегулирования;
- наличие общей методики проведения;
- среднесрочная периодичность прогнозов;
- ответственность за разработку таких прогнозов возложены на местные государственные администрации и органы местного самоуправления;
- финансирование осуществляется из бюджетов регионов;
- для прогнозирования преимущественно используются формализованные (расчетные) методы.

Особенностями стратегического планирования на региональном уровне являются:

- наличие общей методики проведения;
- четкая определенность необходимых действий и ожидаемых результатов на всех этапах ее реализации;

- получение стратегического плана с соответствующими обоснованиями его этапов;
- нормативно-правовое закрепление методических рекомендаций по формированию региональных стратегий развития;
- инициирование (заказ) разработке органами государственной власти высшего, центрального и регионального уровней государственного управления;
- определение авторского коллектива разработчиков соответствующими органами государственной власти;
- финансирование разработки региональных стратегий, как правило, из средств региональных бюджетов;
- при разработке региональных стратегий развития обязательно учитываются действующие национальные стратегии развития;
- в связи с этим, разработку или пересмотр (актуализация) региональных стратегий развития происходит, как правило, в привязке к принятию новых национальных стратегий развития.

Следующим шагом нашего исследования является рассмотрение методики регионального Форсайта. Опыт проведения региональных Форсайтов пока очень незначительный, да и в основу методик их проведения, в основном, положены устоявшиеся модели зарубежного опыта. Поэтому для выделения типовой методики проведения регионального Форсайта проанализируем лучшие зарубежные практики.

Общим подходом к формированию методик Форсайт-исследований является выделение таких его фаз:

- перед Форсайт (описание сегодняшнего состояния региона; определение целей и логических обоснований Форсайта, выбор ключевых сфер для анализа);
- собственно, Форсайт (определение методологии сбора данных, сбор данных, обработка, формализация, определение продукции и результатов Форсайта, подготовка заключений);
- распространение результатов (обсуждение, внедрение, оценка результатов) [1].

Этот подход соответствует концепции Европейского Союза относительно рассмотрения Форсайта, как: а) размышления о будущем (прогнозирование вариантов развития с привлечением представителей власти, бизнеса, общественности; согласование видения будущего участниками; создание сетей высококвалифицированных экспертов Форсайт); б) обсуждение будущего (согласование представления о будущем; развитие опыта взаимодействия и кооперации бизнеса, государства и ученых; создание диалоговой учебной среды); в) формирование будущего (использование результатов Форсайта для выработки стратегий и плановых документов развития стран, регионов и корпораций).

Далее рассмотрим варианты методик Форсайта в ряде работ, развивающих указанную концепцию и, что главное для нашего исследования, могут быть применены в региональных Форсайтах.

В работе [2] выделено пять этапов методики Форсайта, а именно:

- подготовка к исследованию;
- мобилизация участников;
- предсказания;
- разработка рекомендаций;
- осуществление преобразований.

Целесообразно обратить внимание и на подробно описанную методику проведения Форсайта, что включает в себя четыре этапа [3]:

1. Подготовка обзора Форсайта (подготовка предварительного доклада с обзором проблемы, выбранной для исследования, так и его особенностей). По его результатам принимается решение о проведении следующего этапа и о выборе его методов.

2. Разработка предвидения (основная часть Форсайта). На этом этапе главной задачей является отбор экспертов и организация их взаимодействия в соответствии с выбранными методами.

Производится формирование экспертных панелей по сферам анализа, проводится опрос экспертов (Делфи - метод) или организуется взаимодействие экспертов с помощью других методов Форсайта (экспертные панели, симпозиумы, организационно-деятельные игры, Форсайт - сессии). Обрабатываются результаты опросов и результаты проведенных мероприятий исследования. Формируются подготовительный материал для дорожных карт, возможные сценарии, которые учитывают технологии, анализируется влияние технологий на социально-экономические процессы региона.

3. Подготовка отчетов, дорожных карт, сценариев. Подготовленные на втором этапе документы обрабатываются в итоговые документы, формируются сценарии и дорожные карты, базы данных технологий и базы данных экспертов.

4. Распространение Форсайта. Данный этап состоит в использовании результатов Форсайта при формировании стратегий развития конкретных сфер, формировании приоритетов исследований, разработке механизма государственной поддержки и конкретных проектов

С точки зрения практической реализации Форсайта как проекта, по нашему мнению он должен также предусматривать:

- разработку структуры и организации проекта создания регионального Форсайт-центра; создание управляющей структуры;
- обеспечение менеджмента проекта и назначения его руководителя;
- подбор команды проекта; подготовка бизнес-плана;
- финансирование проекта и его технологическое обеспечение;
- набор штата; реализацию Форсайт-проекта (сдача проекта, расширения сферы Форсайта, инвестирование в региональные и местные исследования, стратегии, проекты).

Библиографический список:

1. Калюжнова Н.Я., Третьяк В.П. Форсайт региона: опыт Иркутской области // Процедура разработки Форсайта: материалы международной интернет-конференции (февраль, 2007) [под ред. Н.Я. Калюжновой]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. С.11-27.

2. Поппер Р. Мониторинг исследований будущего // Форсайт. 2012. Т. 6. № 2. С. 56-75.

3. Верхотурова Е.В. Форсайт как инструмент стратегического управления развитием инноваций: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством: менеджмент». Иркутск, 2013. 20 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РАЗВИТИИ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Панфилова А.О., Стещенко В.А.

Непременным условием конкурентоспособности организации, ее ключевым конкурентным преимуществом является наличие высококвалифицированного и способного работать на корпоративный результат персонала, – факт, признаваемый всеми авторами.

Ключевой особенностью социальных организаций является то, что они создаются для решения конкретных общественных задач. Такие организации одновременно служат и специфическим инструментом, механизмом реализации социально значимых целей, задач и потребностей. Следовательно, при планировании и реализации ее деятельности необходимо учитывать такие факторы, как целеполагание, эффективность и стиль управления, мотивацию служащих. Последний фактор может иметь особое значение, будучи интерпретирован в синергетическом контексте.

В первую очередь, отметим, что мотивы и их формирование, все разнообразие потребностей и установок, составляющих трудовой потенциал личности, в большинстве случаев, отражаются, систематизируются и изучаются в различных теориях мотивации труда и служат толчком в исследованиях мотивационного механизма.

Согласно определению А.Я. Кибанова, мотивация труда - это внутренний процесс, происходящий под воздействием потребностей в благах и выражающийся в формировании мотива поведения личности с целью активизации трудовой деятельности на основе общественного разделения труда и развития частной собственности [2, с.21].

В более общем смысле, с точки зрения теории управления, мотивация рассматривается как процесс формирования у работников стимулов к деятельности по достижению личных жизненных целей или целей управления организацией.

Другими словами, трудовая мотивация представляет собой процесс выбора и обоснования способа желаемой меры участия человека в производственной деятельности. Важной частью системы мотивации являются мотивы трудовой деятельности, составляя, в свою очередь, часть всей совокупности мотивов человека. Формирование мотива труда происходит в том случае, если в распоряжении общества или субъекта управления имеется набор благ, отвечающих социально-обусловленным потребностям человека [4, с. 61-62]. Одновременно он служит и существенным стимулом трудовой деятельности.

Таким образом, для получения желаемых благ требуются личные трудовые усилия работника. Исследователи отмечают, что именно трудовая деятельность предоставляет работнику возможность получить эти блага с меньшими материальными и моральными затратами, чем другие виды деятельности [5; с.7].

В практике управления, как правило, одновременно применяют различные методы стимулирования персонала и их комбинации. Практически все исследователи сходятся на том, что для эффективного развития и совершенствования системы мотивации служащих необходимо использовать и задействовать различные группы методов. Так, например, использование только властных и материальных факторов мотивации не позволяет мобилизовать творческую активность персонала на достижение целей организации. Для достижения максимальной эффективности необходимо применение духовной мотивации. Эти положения позволяют предположить возникновение синергетического эффекта в случаях, когда к формированию и развитию системы мотивации персонала подходят комплексно, продуманно, ответственно.

Синергетический эффект, или свойство, присуще любой форме организации совместной деятельности людей. По своей сути, он представляет собой феномен дополнительного результата к кооперации усилий работников. Подобный эффект, возводимый многими исследователями в статус закона, является основополагающим законом организации. Суть его заключается в том, что при корректной организации социальной системы сумма ее свойств превышает сумму свойств ее компонентов, а при плохой организации – эффективность функционирования системы ниже суммарной эффективности ее составляющих. Иначе говоря, целое не может определяться только свойствами его составных элементов, наоборот, сами элементы определяются целым и лишь в его рамках получают свое функциональное объяснение [6, с.10]. В теории управления под синергией понимается процесс существенного усиления или ослабления потенциала системы в целом.

Возможности применения синергии очень обширные. Синергетический эффект позволяет изучать психологический портрет личности и матрицу потребностей, осуществлять подбор персонала на основе результатов исследований, управлять конфликтами и морально-психологическим климатом в коллективе, осуществлять контроль и стимулирование труда, обеспечивать целенаправленное взаимодействие работников [6, с.140].

С точки зрения синергии, система управления персоналом должна дать ответы на следующие вопросы:

- какие факторы класть в основу личной заинтересованности каждого сотрудника в результатах работы?
- каков потенциал каждого сотрудника по отдельности и команд, составленных из них, а также коллектива в целом?

- какие командные связи являются оптимальными, а какие «работают» на понижение эффективности;
- что или кто может помешать работе коллектива и на кого можно опереться при построении эффективно действующей команды?

Следует отметить, что во время производственного процесса сотрудники, постоянно обмениваясь друг с другом различной информацией, не всегда формируют синергетический эффект. Закон синергии начинает работать только при грамотном, научно организованном процессе управления персоналом и координации отдельных его составляющих. Сегодня практически все российские коммерческие предприятия глубоко погружены в конкурентную среду, агрессивность которой тем сильнее, чем глубже кризисные явления в мировой экономике. Соответственно, необходимо усиливать собственные конкурентные преимущества, особенно на фоне дефицита сотрудников, обладающих набором необходимых профессиональных компетенций [6, с.9]. В этой связи, особенно актуальными становятся вопросы, связанные с отбором персонала, его последующей адаптацией и стимулированием.

Можно утверждать, что главная задача при реализации этих вопросов – признание первостепенной важности корпоративной среды - связей и взаимодействий между сотрудниками, их сплоченности и ориентации на общий результат. Отчуждение и разобщенность персонала, преследований ими сугубо личной выгоды в процессе труда – факторы, которые способны свести к минимуму синергетический эффект, или не позволить ему развиваться вообще. Организация, будучи сложной системой, должна иметь свободную возможность к самоорганизации, лежащей в основе синергии. Организационная система должна стать более открытой, подвижной, активно стимулирующей творческие способности сотрудников, поощряющей экспериментирование и активный поиск решений. Это, в свою очередь, означает необходимость развивать разнообразие подходов к труду и трудовым действиям, поскольку это способствует креативности, инновациям, уводит от рутины и однообразия функционала.

Таким образом, корпоративное управление и моделирование организационных процессов на основе синергетического подхода призвано развивать и совершенствовать как систему мотивации и стимулирования персонала, так и обеспечивать большие возможности внутренней самоорганизации, гибче реагировать на вызовы внешней среды.

Библиографический список

1. Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. 224 с.
2. Кибанов А.Я. Мотивация трудовой деятельности. Учебное пособие. Самара: СГТУ, 2001.
3. Бойко Ю.И., Коробкина М.А. Мотивация и стимулирование труда как объективный фактор повышения конкурентоспособности предприятия в условиях становления и развития рыночных отношений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 241-245.
4. Шапиро С.А. Основы управления персоналом в современных организациях: уникальный подход, обеспечивающий эффективную работу компании. М.: ГроссМедиа, 2005. 206 с.
5. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. Учебник. М.: ИНФРА-М, 2010. 695 с.
6. Синергетика в отборе персонала на предприятиях рыбной промышленности Приморского края. Коллективная монография. Под ред. И.С. Чиповской. Уфа: АЭТЕРНА, 2015. 156 с.

О ПРИМЕНЕНИИ КАЧЕСТВЕННОЙ (ВИЗУАЛЬНОЙ) СОЦИОЛОГИИ ПРИ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Подъячев К.В.

Дискуссии об «особом пути» России, специфике российской цивилизации и подобном идут и в академическом сообществе, и в СМИ уже не первый год. В последнее время они вновь приобрели особую остроту. Заговорили об «особом пути», специфике российской цивилизации и представители властей, начиная с Президента. Изменяется общественное мнение, причём есть все основания

полагать, что не государственная пропаганда формирует его, но, скорее официальная риторика меняется вслед за настроениями большинства граждан. Новейшие исследования отмечают, что даже у представителей среднего класса, считавшихся носителями «постмодерного», космополитичного сознания, в последнее время возникло «осознание.. неприменимости ряда норм и ценностей западной культуры в российских условиях, неприемлемости стандарта, который.. используется странами Запада в оценке России» [1, с. 344].

Однако до сего дня можно *обнаружить некоторое расхождение между образом регионов в популярном дискурсе и тем, что возможно наблюдать непосредственно при посещении населённых пунктов, расположенных на отдалении от основных экономических центров страны*. Нами было сделано предположение, что социальная реальность российских регионов обладает некоторыми специфическими особенностями, которые не учитываются наиболее распространёнными сегодня методиками социальных исследований. Кроме того, произошедшие совсем недавно события («Брекзит», победа Д. Трампа в США, успех Ф. Фийона во Франции) показали фундаментальную слабость количественной социологии, которая даже в Америке, на родине Т. Парсонса, Ч. Мэрриама, Д. Гэллапа, не смогла верно предугадать результаты столь значимых массовых процессов. А это вынуждает нас обратиться к поискам методов, которые могли бы корректировать полученные данные с целью достижения более близкого к истине результата. По этой причине мы прибегли к сочетанию качественных методов (глубинных интервью и фокус-групп) с инструментами визуальной социологии, непосредственным наблюдением, элементами интуитивного знания, всем тем, что называется «третьей социологией» [2].

Эта методика была опробована автором и его коллегами, в ходе полевых исследований в 2013 – 2015 годах*. Проведённые исследования были многоаспектными, т.к. охватывали разные сферы жизнедеятельности региональных сообществ: политику, культуру, образование, гражданскую активность.

Интуитивный элемент в этой работе имел очень большое значение, хотя многими исследователями он и отвергается как ненаучный. Действительно, интуитивное знание имеет тот недостаток, что оно с большим трудом поддаётся верификации и адекватной трансляции. Тем не менее, мы полагаем, что в нашем случае оно необходимо. Так, сегодня благодаря широкому распространению веб-технологий информацию (в том числе визуальную) о различных регионах можно получать, не отходя от монитора (для этой цели сгодится хотя бы и сервис «панорамы» на Яндекс-картах). Но при этом никакие фотографии и даже видеоматериалы не могут передать главного: атмосферу жизни, непосредственное ощущение той среды, в которой разворачивается жизнедеятельность наших респондентов. Что же касается СМИ и блогосферы, то они полны взаимоисключающей информации, верифицировать которую, не проведя непосредственного наблюдения, невозможно.

Поэтому мы старались по возможности совершать поездки на личном транспорте, работать в регионах непосредственно, и не останавливаясь только на столицах субъектов РФ, добираться до районных центров и сельских поселений. Также важной частью используемой методики является интервьюирование респондентов непосредственно на их рабочих местах, что позволяло наблюдать обстановку, в которой разворачивается их повседневная деятельность. Также значительное внимание уделялось нами визуальному наблюдению, для чего внимательно осматривались и фотографировались не только архитектурно-градостроительные доминанты, но и различные объекты городской среды, инфраструктуры, жилые дома, интерьеры органов власти, учреждений образования и культуры, изделия местных творческих студий и т.п. Фотографии отдельно анализировались нами на предмет обнаружения разного рода позитивных и негативных признаков, символов и знаков,

* Речь идёт об исследовательской группе Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН под руководством И.А. Халий, работавшей по проектам РФФИ № 13-06-00314А (ИКРБС ЕГИСУ 316021750028) «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» и РГНФ № 13-33-01031 (ИКРБС ЕГИСУ 316021750027) «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России». Охвачено более 20 субъектов РФ, в том числе Московская, Тамбовская, Свердловская, Орловская, Смоленская, Ивановская области, Республика Крым и ГФЗ Севастополь. Основным методом сбора данных были глубинные интервью и фокус-группы.

характерных черт общей атмосферы и т.п. К сожалению, формат тезисов не позволяет опубликовать иллюстративный материал, без которого представить итоги визуального наблюдения крайне трудно. Поэтому постараемся изложить только наиболее важные наблюдения и основные выводы.

Первым, наиболее важным объектом наблюдения и анализа является жизненная среда, т.е. то пространство, где проходит повседневная жизнь людей. За исключением личных жилищ, куда, по понятным причинам, проникнуть нет возможности, это дворы, улицы, площади, скверы, объекты инфраструктуры и т.д.

Визуальное наблюдение показывает, что ситуация обстоит вполне благоприятно. Городская среда не только в крупных, но и в малых городах находится в удовлетворительном состоянии. Конечно, в бедных регионах и муниципальных образованиях недостаёт средств для капитального ремонта дорог и фасадов, не везде есть возможность даже устроить тротуары. Но при этом на улицах чисто (причём в малых городах ситуация лучше, чем в крупных), урны, где они есть, не опрокинуты, лавочки не поломаны и т.д. Осмотр дворов и (где это было возможно) подъездов также показывает, что основное жизненное пространство местные жители стараются содержать в чистоте и порядке. Тщательный поиск так и не привёл к обнаружению в каких-либо «потайных» местах большого количества пустых бутылок, что опровергает (по крайней мере на уровне визуального анализа) расхожий медийно-кинематографический миф о повальном пьянстве в российской провинции.

При этом там, где можно наблюдать элементы упадка и разрухи, более глубокое изучение вопроса, как правило, показывает, что это не признаки наступающего краха, но следы прежних трудностей: не *уже* в руинах, а *ещё* в руинах. В большей части населённых пунктов, посещённых нами, шла активная работа по обустройству городского пространства. Почти во всех городах и посёлках имеются весьма благоустроенные участки рекреации: скверы, торгово-пешеходные улицы или хотя бы небольшая площадь с фонтаном. Стоит отметить, что в Крыму, до 2014 г. находившемся вне России, ситуация с инфраструктурой обстоит значительно хуже, но и там (прежде всего благодаря усилиям местных жителей) жизненная среда не находится в упадке.

О состоянии экономики визуальное наблюдение не может сказать многого. Хотя кое-какие существенные детали бросаются в глаза. Во-первых, действительно можно наблюдать признаки деиндустриализации. Многие промышленные предприятия не действуют, здания, прежде занятые ими, либо сданы под офисы, либо пустуют, являя собой удручающее зрелище. В центральных районах городов вместо предприятий построены торгово-развлекательные центры.

Во-вторых, визуальное наблюдение не подтверждает негативных оценок уровня благосостояния граждан. Что бы ни говорила статистика, не только в столичных мегаполисах, но и в областных центрах, и даже в малых городах можно наблюдать признаки явного роста материальной обеспеченности. И в-третьих, там, где промышленные предприятия не закрылись в 1990-х, они развиваются достаточно успешно. Некоторым удалось даже пережить экономический коллапс целых регионов, как, например, ткацкой фабрике в г. Шуя Ивановской обл.

Сфера культуры является едва ли не наиболее удобным объектом для визуального наблюдения. Первое, что действительно бросается в глаза – это православные храмы. Они есть во всех хоть сколько-нибудь значимых населённых пунктах: в крупных городах, средних областных центрах, районных центрах, малых городах, сёлах и совсем малоизвестных, удалённых от центров населённых пунктах. При этом почти все они при советской власти были в лучшем случае переданы учреждениям культуры, а чаще – просто брошены и находились в руинированном состоянии. Сегодня значительное число их восстановлено, либо находится в процессе восстановления. Строятся также новые храмы, которых до 1917 года не было.

Второе, на что следовало бы обратить внимание – сохранение сети музеев, домов культуры, клубов, концертных залов. Они есть везде, где есть хоть какая-нибудь возможность их содержать. Третье, что следует отметить – на местах, особенно в малых городах, сёлах много сил уделяется сохранению исторической памяти и живой традиции национальной культуры. Так, почти во всех муниципальных образованиях организованы краеведческие музеи. Хотя содержание их вменено

местным властям федеральным законодательством, экспозиции музеев в значительной степени сформированы при участии местного населения, энтузиастов, не получающих за свой труд никакого вознаграждения. Особое место занимают экспозиции по истории Великой Отечественной войны, прежде всего в регионах, затронутых боевыми действиями. Но и в областях, находившихся далеко от линии фронта, подобная работа также проводится.

В целом, на основании даже только визуального наблюдения можно сделать вывод о том, что культура в российской провинции отнюдь не умерла. Более того, она живёт и развивается и в весьма удалённых от основных центров муниципальных образованиях, а усилия по сохранению исторической памяти и национальной культурной традиции приносят свои плоды.

Подводя итоги проделанной работы, можно кратко сформулировать следующие основные выводы:

1. Можно утверждать, что наша гипотеза о слабой применимости количественных и институциональных методов для анализа социальной ситуации в российской «глубинке» получила подтверждение. Непосредственная работа на месте, полевые исследования, сочетающие качественные методы с принципами «третьей социологии» и элементами интуитивного знания, могут существенно скорректировать полученные другими способами данные, что даёт большее приближение к пониманию происходящих в локальностях процессов.

2. При непосредственном визуальном наблюдении наблюдается значительный контраст с тем образом региона, который можно составить путём анализа публикаций в СМИ. Исключительно негативная оценка происходящих в регионах процессов представляется ошибочной.

3. На муниципальном и локальном уровнях жизнь определяется не институтами, а акторами [3, с. 245]. Акторы и формируемые ими неформальные активные сообщества не фиксируются средствами институциональной социологии. В итоге возникает впечатление, будто гражданское общество в российской провинции не развито, и население там является носителем исключительно сервильного и патерналистского сознания, но данное впечатление в корне неверно, и, опираясь на него, можно допустить тяжёлые ошибки, как в научных выводах, так и в политическом управлении.

Библиографический список:

1. Средний класс в современной России: опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016.
2. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.
3. Актуализированные ценности современного российского общества 2015 / отв. ред. И.А. Халий. М.: ИС РАН. 273 с. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4061

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Попов М.В.

Эпоха буржуазных революций была открыта Великой французской революцией 1789 года, провозгласившей Декларацию прав человека и гражданина. Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозгласила и открыла эпоху победоносных пролетарских революций Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года. Ей предшествовали великий подвиг французских коммунаров, открытие рабочими Иваново-Вознесенска Советов и проведенное под руководством Московского Совета рабочих депутатов в ходе первой русской революции декабрьское вооруженное восстание в Москве.

Теперь в России великие революционные завоевания на время утрачены. Тому есть и экономические, и политические причины. Но весьма существенными являются причины идеологические. В.И. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма» разъяснял, что без солидного философского обоснования «никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания». Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, ученый «должен быть современным

материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом». Чтобы достигнуть этой цели, Ленин призывал «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), – т.е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застои и гниение во многих передовых государствах Европы, – каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм. Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон». В том числе печатать отрывки из главных сочинений Гегеля, «истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много».

Под этим углом зрения следует рассматривать как все теоретические работы Ленина, которые созданы им после завершения фундаментального конспекта «Науки логики» Гегеля, так и революционную созидательную деятельность рабочего класса и его партии по созданию и использованию для строительства коммунистического общества Советской власти, столетнюю годовщину установления которой мировой рабочий класс и все прогрессивное человечество отмечает в 1917 году [1, с. 3]. В своем конспекте гегелевской «Науки логики» В.И. Ленин уяснил для себя и для будущих поколений марксистов, что «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля» [2, с.162]. Поэтому можно считать, что если бы не работа, проделанная Лениным в «Философских тетрадах», не была бы столь плодотворной теоретической и практической деятельностью Ленина, не могла бы с такой виртуозностью пройти и победить прошедшая через семь месяцев после второй русской, буржуазной, революции третья русская, пролетарская революция. Пролетарская не только по своим движущим силам, какой была уже первая русская революция, но и по характеру решаемых задач.

Материалистическая диалектика помогла Ленину обосновать закономерный характер социалистической революции, показав, что империализм есть высшая и последняя стадия развития капитализма, умирающий и загнивающий капитализм, что на этой стадии характерная для товарного производства неравномерность экономического развития превращается в закон неравномерного развития капиталистических стран, что поэтому социалистическая революция произойдет не одновременно во всех передовых странах капитализма, как считали К. Маркс и Ф. Энгельс, а в одной отдельно взятой стране, что острейшие империалистические противоречия, борьба империалистических стран между собой за раздел и передел мира создают благоприятные условия для успешного строительства социализма в стране, первой совершившей социалистическую революцию, что государственно-монополистический капитализм есть такая ступенька в развитии империализма, между которой и социализмом никаких промежуточных ступеней нет, что при капитализме действует тенденция превращения в единую капиталистическую монополию и что единая капиталистическая монополия, но обращенная на пользу всего народа, означала бы социализм, что, следовательно, империализм есть канун социалистической революции. В.И. Ленин обосновал, что при империализме мир вступил в эпоху пролетарских революций и диктатуры пролетариата, и передовым классом в эту эпоху является выпестованный самим капитализмом рабочий класс, так что капитализму в эту эпоху суждено превратиться в свою собственную противоположность – в коммунизм, поначалу неполный, неразвитый, несущий на себе родимые

пятна капитализма в экономическом, нравственном и умственном отношении, с помощью диктатуры пролетариата преодолевающий их и превращающийся в полный коммунизм.

Диалектический материализм, примененный к истории, то есть исторический материализм, требует выводить необходимость и неизбежность исторических переворотов не из желаний и намерений, объективно экономически заинтересованных в них общественных сил, а из тех изменений, которые происходят в общественном производстве и определяют экономическое положение классов и обстоятельства, условия и результаты их классовой борьбы. Такова историко-материалистическая трактовка содержащегося в «Учении о сущности» Гегеля положения о том, что когда для какой-нибудь сути дела созданы все условия, она вступает в существование. Превращение империализма в свою противоположность – в коммунизм, то есть коммунистическая революция, составляет содержание той эпохи, которая определяется экономической природой империализма. Поэтому экономический анализ империализма – это ключ к пониманию и осуществлению прогрессивных задач, стоящих перед рабочим классом в эпоху империализма и пролетарских революций, эпоху перехода человечества от капитализма к коммунизму. В экономическом обосновании стратегии революционной борьбы рабочего класса в современную эпоху – глубочайший смысл и значение ленинской работы «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Ленин – гений. Гений он потому, что осознал объективную необходимость коренных социальных изменений, означающих переворот во всем экономическом базисе и политической и идеологической надстройке и своей титанической деятельностью по просвещению и организации рабочего класса продвинул человечество вперед. И он смог это сделать благодаря тому, что стоял на плечах гигантов, какими были Гегель, Маркс и Энгельс.

В.И. Ленин осознал и всегда подчёркивал, что главным в учении К. Маркса и Ф. Энгельса является учение о диктатуре пролетариата. Сам Маркс писал об этом в письме к Иосифу Вейдемейеру 5 марта 1852 г. так: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определёнными фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [3, с. 434-427].

В книге «Государство и революция» и в других своих работах Ленин последовательно проводил мысль о том, что тот не марксист, кто не доводит признания борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В работе «Великий почин» он особо подчёркивал, что диктатура пролетариата необходима не только на переходный от капитализма к коммунизму период, но и в течение всей первой фазы коммунизма, при социализме, вплоть до полного уничтожения классов и перехода тем самым коммунизма в высшую фазу, в которой уже не будет никаких классовых различий, никакого социального неравенства, в том числе неравенства между городом и деревней, людьми физического и людьми умственного труда. В этой работе Ленин первую фазу бесклассового общества социализм описал характерной для диалектики противоречивой формулой: «социализм есть уничтожение классов», что выражает классовую борьбу трудящихся во главе с осуществляющим свою диктатуру рабочим классом за изживание всех родимых пятен и отпечатков старого капиталистического общества, которые еще имеют место в низшей фазе коммунизма – при социализме.

Без диктатуры рабочего класса диалектическое противоречие, выражаемое формулой «социализм есть уничтожение классов», разрешается возвратом к классовому обществу – капитализму, что подтвердилось реставрацией капитализма в СССР.

Последовательно проводимая диктатура пролетариата обеспечивает разрешение противоречия между бесклассовой природой коммунизма и существованием классовых различий в

его первой фазе по линии перехода социализма как неразвитого, неполного коммунизма в полный коммунизм. Такова диалектика перерастания социализма в полный коммунизм, и В.И. Ленин смог выразить эту диалектику потому, что диалектику изучал по Гегелю. А те, кто диалектику учили не по Гегелю, не смогли удержать завоевания социализма и сдали их под напором реакции и лжи.

Тот, кто изучал диалектику по Гегелю, понимает, что сущность оформлена, а форма существенна. Измените форму, и вы можете потерять сущность. Поэтому Ленин считал своим теоретическим и практическим долгом донести до русского и мирового коммунистического и рабочего движения ту мысль, что создаваемые на основе производственных единиц, а не территориальных округов, органы власти — Советы, по сущности своей, являются организационной формой диктатуры пролетариата. В статье «Очередные задачи Советской власти» дается чеканная диалектическая формулировка: «Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата» [4, с. 196]. Советская власть и диктатура пролетариата соотносятся как форма и сущность, и этот вывод с точностью до названий носит всеобщий, общемировой характер как закономерность социалистической революции, построения социализма и перерастания социализма в полный коммунизм. Последовательное осуществление этого фундаментального положения – залог новых побед мирового коммунистического и рабочего движения.

Контрреволюция и временная реставрация капитализма в СССР и в европейских странах Совета экономической взаимопомощи, наступившие по причине оппортунизма и ревизионизма их руководителей и отхода их от марксизма-ленинизма, замедлили, но не могли остановить развитие системы социалистических государств. Нынешний мир уже не может быть охарактеризован как мир империализма. Он расколот на две противоположные системы, и система социалистических государств, население которых составляет около полутора миллиардов человек, успешно развивается. В переходном периоде от капитализма к коммунизму находятся быстро наращивающая свой потенциал Китайская народная республика; Социалистическая республика Вьетнам, при поддержке КНР и СССР победившая США; Куба и Лаос. В первую фазу коммунизма вступила успешно отстаивающая свою независимость Корейская Народно-демократическая республика.

Открытую сто лет назад Великой Октябрьской социалистической революцией победоносную борьбу рабочего класса за революционное превращение империализма в коммунизм – не остановить.

Библиографический список:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ЭКИПАЖЕ

Проноза Е.В., Проноза А.В.

Каждая профессия (а равно наука) в процессе своего развития создаёт свой специфический понятийный и категориальный аппарат. Чем сложнее профессия и чем она древнее, тем объёмнее и сложнее система понятий и категорий, которыми она оперирует. Это объективный и закономерный процесс, поскольку наличие единого понятийного аппарата позволяет адекватно общаться представителям разных национальностей в рамках одной и той же профессии.

Однако в процессе исторического развития некоторых профессий этого оказалось недостаточно. Возникла необходимость использования какого-то одного, единого языка, способствующего адекватному восприятию и пониманию всех участников общения в условиях профессиональной деятельности. Так, например, языком современной медицины традиционно является классическая латынь, которая в настоящее время в речевом общении нигде в мире не используется, т.е., является мёртвым языком. Языком учёных-арабистов считается французский язык,

а языком профессиональных музыкантов, оперных певцов и исполнителей является итальянский. Достаточно посмотреть в ноты любого музыкального произведения, чтобы увидеть большое количество различной музыкальной терминологии на итальянском языке.

Исторически сложилось так, что языком современных лётчиков и моряков является английский язык. В условиях глобализации, расширения связей между народами объективно возникает необходимость знания профессионального языка. Если в рамках одной, отдельно взятой страны это требование представляется не столь актуальным, то в условиях международной кооперации оно становится одним из основных факторов высоко-высокопродуктивной деятельности и, в конечном счёте – залогом успешной конкуренции на международном рынке труда.

Морские профессии предъявляют повышенные требования к знанию английского языка. Но, так было не всегда. Ещё 20-30 лет назад, когда в СССР существовал многочисленный торговый и рыболовецкий флот, необходимость знания английского языка всеми членами судового экипажа отсутствовала. Оно было обязательным лишь для офицерского состава кораблей и судов, поскольку являлось одним из главных условий осуществления ими профессиональной деятельности за пределами страны. Что касается рядовых членов экипажа, то они выполняли свои повседневные обязанности в привычной, языковой среде. Использование ими английского языка ограничивалось необходимым минимумом, обеспечивающим коммуникацию с местным населением во время стоянок в заграничных портах для осуществления мелких торговых операций. О найме советских моряков иностранными круизными компаниями и возможности их работы на иностранных судах в то время не могло быть и речи. В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Теперь, знание английского языка будущими моряками стало одним из основных условий их успешного трудоустройства и, соответственно, высокой заработной платы. Причины этого следующие. Во-первых, сокращение численности судов торгового и рыболовецкого флота после распада СССР. Во-вторых, появление реальной возможности трудоустройства по полученной морской профессии на флотах иностранных государств. В-третьих, большая разница между оплатой труда моряков за пределами России и представителями большинства рабочих профессий внутри страны. Именно материальный фактор делает профессию моряка более престижной на фоне всех других.

К сожалению, в настоящее время отсутствуют систематические исследования, которые позволили бы очертить круг проблем, которые должны решаться при изучении английского языка будущими моряками. Поясним это подробнее.

Несомненно, что знание английского языка предъявляет высокие требования к офицерскому составу кораблей и судов. Можно сказать, что со времён Советского Союза эти требования не изменились. Главный упор при изучении английского традиционно делается на овладение профессионально-ориентированной лексикой и выработку навыков эффективной коммуникации в условиях профессионального взаимодействия. Большинство учебников и пособий английского языка для моряков ориентируют именно на это [1; 2; 3; 4].

Что же касается рядовых членов экипажа, то здесь ситуация обстоит много сложнее. Условия пребывания в многонациональном экипаже предъявляет взаимоисключающие требования. С одной стороны, рядовой член экипажа должен знать профессионально-ориентированный английский, чтобы успешно справляться со своими служебными обязанностями в условиях совместной деятельности с другими иноязычными членами экипажа. В таких условиях, английский язык становится языком межнационального общения и от степени понимания собеседника зависит эффективность совместной деятельности. С другой стороны (и это особенно важно) нужно помнить, что для других, не англоязычных членов экипажа (например – представителей юго-восточной Азии), характерным является знание английского языка не в его классическом варианте, а в диалектном, порой достаточно сильно отличающемся от привычного для нас со школьной скамьи английского языка.

В результате возникает ситуация общения, для которой характерна коммуникация представители разных национальностей использующих не свой родной язык, а английский, причём в его различных вариантах. В самом худшем случае можно представить наличие на корабле стольких

диалектов английского, сколько будет в экипаже представителей различных национальностей. Естественно, что эффективность не только коммуникации, но совместной деятельности в таких экипажах становится проблематичной. Морские профессии традиционно считаются профессиями повышенного риска. Поэтому, в случае возникновения экстремальной ситуации, именно банальное непонимание членами экипажа друг друга, может привести к катастрофическим последствиям.

Особенностью современного английского языка является отсутствие в нём понимания «правильного» или «неправильного» употребления тех или иных слов и выражений. В настоящее время существуют два основных «стандартных» диалекта английского, общепризнанных во всём мире. Это «английский Би-Би-Си» («BBC English») или «королевский английский» и «общий американский», характерный для США, Канады, Филиппин и других стран, имеющих тесные исторические и экономические связи с Соединёнными Штатами.

Что касается «королевского английского», то это диалект образованных людей Лондона и юго-востока Англии. Он имеет статус RP – национального стандарта. Этот классический английский преподаётся в российских вузах и является базой любого курса по английскому языку [5].

Кроме этих двух основных диалектов существует множество других вариантов английского, которые, в свою очередь, включают в себя многие поддиалекты. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих разницу произношения одних и тех же фраз в классическом и австралийском вариантах английского языка (см. табл.) [6].

Таблица – Пример диалога на австралийском английском и английском Би-Би-Си

№	Английский Би-Би-Си	Австралийский английский	Перевод на русский язык
1	- Can I have a sandwich?	- Knife a samich?	- Можно мне сэндвич?
2	- I'll get you one in a sec.	- I'll gechawun inn a sec.	- Один момент.
3	- How much is it?	- Emma chisit?	- Сколько это стоит?
4	- That'll be eight ninety.	- Attlebee aitninee.	- С Вас 8.90.

Как видно из таблицы, человек, усвоивший классический вариант английского языка с большим трудом, а то и вовсе не поймёт фразы, произнесённые собеседником на «австралийском английском».

Главной тенденцией развития современных английских диалектов является стремление к упрощению. Больше всего этому подвержен молодёжный сленг. В результате сложных процессов взаимодействия с другими языками и культурами возникают новые слова и названия, а старые видоизменяются до неузнаваемости. Особенно сильно меняется фонетика. Фонетические различия встречаются повсеместно. Именно они в первую очередь определяют диалект или вариант языка и именно поэтому ещё одной проблемой успешной коммуникации в иноязычной среде является выработка фонематического слуха. Фонематический слух характерен только для человека. Это способность различать звуки речи на фоне других звуков и шумов. На развитие фонематического слуха влияет языковая среда, в которой человек рос и воспитывался. Смена языковой среды вызывает необходимость выработки новой системы фонематического слуха. Этот процесс зависит не столько от усвоения иностранного языка в стенах учебного заведения, сколько от практических навыков общения в иноязычном коллективе. Так, человек, хорошо усвоивший английский язык, впервые попав в иноязычную среду, как правило, теряется и не может понять собеседника. Наиболее частой реакцией в такой ситуации бывает выражение просьбы собеседнику говорить медленнее. Но условия быстроменяющейся обстановки на корабле непохожи, например, на переговорный процесс в бизнесе, поэтому выражение такой просьбы будет в лучшем случае неуместным. Избавиться от этого недостатка может помочь речевая практика, и чем она шире, тем более высоким будет качество общения и уровень понимания.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях глобализации, объединения экономик разных стран и взаимопроникновения культур, важность изучения английского языка неуклонно повышается. При его изучении нужно опираться, прежде всего, на британский вариант («принятый

стандарт» – RP). Знание правильного базового языка необходимо для понимания других его вариантов, диалектов и особенностей. Однако ознакомление с различными диалектами и возможными речевыми ситуациями, основанными на них, является достаточно актуальным для представителей морских профессий.

Библиографический список:

1. Китаевич Б.Е., Сергеева, М.Н., Каминская Л.И., Вохмянин С.Н. Учебник англ. языка для моряков. М.: Росконсульт, 2001.
2. Китаевич Б.Е., Короленко А.И., Калининская М.Я. Морские грузовые операции. М.: Б. м., 1999.
3. Пенина И.П., Емельянова И.С. Английский язык для морских училищ. М.: Высш шк., 2003. 239 с.
4. Пилацкий Е.С. Повседневный английский для моряков. Одесса: ЛАТСТАР, 2000. 156 с.
5. Новый английский язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nazykye.ru/new-english/>
6. Австралийский вариант английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Австралийский_вариант_английского_языка

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Пыстогова Е.А.

В настоящее время методы картирования широко применяются во всех сферах научного познания, начиная от классической для данного метода географии, и заканчивая такими науками, как физика, биология, социальные науки. Причиной такого широкого распространения выступает необходимость отслеживать влияние внешней среды на изучаемые процессы, а также удобство метода для сбора, обработки, хранения пространственной информации.

Социальное картирование – это группа методов как пространственно-графического, так и информационно-графического характера, объединенных одним объектом изучения: социальная реальность, особенно в тех своих проявлениях, которые могут быть визуализированы и графически отображены [5, с. 67].

Обоснование метода картирования как одного из методов социальных наук представлено в работах Ч. Бута [7], Э. Бёрджеса [2], И.А. Скалабан [5], С.Ю. Волченко [3]. Несмотря на большую историю применения метода в области социальных наук, метод картирования на данный момент еще не раскрыл свой аналитический потенциал, создание карт для представления результатов исследования «не сопровождается пока попытками их систематизации и анализа» [5, с. 62].

В рамках социального картирования как метода анализа социального пространства Скалабан И.А. [5] выделяет четыре вида: социально-статистический, социально-антропологический, социально-сетевой и проектный. При исследовании качества жизни на территории, наиболее применим социально-статистический вид социального картирования, поскольку он предполагает представление количественной информации: официальной статистики и результатов количественных социологических исследований. Однако зачастую все виды социального картирования применяются комплексно, поэтому такое разделение весьма условно. В англоязычной литературе статистическое картирование выделяется среди остальных видов социального картирования своими аналитическими возможностями: так, например, Л. Анселин в презентации «Картирование и анализ для пространственных социальных наук» [6] показал, какие аналитические инструменты применимы к анализу статистической информации при помощи карт.

Качество жизни – многомерная, интегративная категория, которая, вне зависимости от метода измерения, включает в себя целый ряд показателей. В этой связи исследование качества жизни при помощи метода социального картирования открывает для исследователя целый ряд возможностей. Рассмотрим это на примере применения метода оценки качества жизни, разработанного Лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова (далее Метод) [1].

В рамках Метода для построения индекса качества жизни используются данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, что обусловливается их доступностью. Более того, данные, необходимые для расчета индекса, измеряются каждый год, что позволяет проводить мониторинг качества жизни в выбранных регионах. В статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» [4] публикуются не только значения показателей, но и методология их измерения.

Для получения социальной карты качества жизни необходимо выделить группы регионов со сходными значениями индекса качества жизни. Автором работы было принято решение выделить пять групп регионов: с очень высоким качеством жизни (им соответствует черный цвет); с высоким качеством жизни (на карте темно-серые); со средним качеством жизни (на карте обозначены серым цветом); с низким качеством жизни (представлены светло-серым цветом); с очень низким качеством жизни (им соответствует белый цвет).

На рисунке 1 представлено состояние качества жизни во всех регионах России. Она дает возможность выделить территориальные районы по состоянию качества жизни. Города федерального значения Москву и Санкт-Петербург, и также Московскую область можно охарактеризовать как регионы с очень высоким качеством жизни. Противоположностью этих регионов по индексу качества жизни являются регионы с очень низким значением индекса. Это Республика Тыва и Республика Алтай.

Если взглянуть на уровень выше, на федеральные округа, то здесь высоким уровнем жизни выделяются Центральный и Уральский. Самым неблагоприятным по качеству жизни является Сибирский федеральный округ. Только один субъект Российской Федерации, входящий в его состав, имеет высокий показатель качества жизни, – это Новосибирская область. Два субъекта Сибирского федерального округа характеризуются очень низким качеством жизни. В рамках Дальневосточного федерального округа видим значительную разницу между регионами, имеющими и не имеющими выход к Тихому океану. Среди имеющих выход к Тихому океану только в Приморском крае среднее качество жизни, в остальных субъектах качество жизни высокое. Все три субъекта, входящие в Дальневосточный федеральный округ и не имеющие выход к Тихому океану, – Республика Саха (Якутия), Амурская область, Еврейская автономная область – имеют низкое качество жизни.



Рисунок 1 – Качество жизни населения регионов России, 2013 год

Метод был доработан автором: среди компонент индекса выделяются те, которые можно отнести к социально-демографическому, экономическому, и жилищно-коммунальному факторам. Для каждого из факторов также рассчитаны индексы и представлены карты. Эта доработка позволяет оценивать влияние групп факторов на индекс качества жизни в регионах.

Метод социального картирования обладает рядом преимуществ перед традиционными методами представления результатов исследования качества жизни регионов России. В первую очередь, к ним можно отнести наглядность представления результатов, что позволяет видеть территориальные районы, объединения регионов, которые граничат между собой и традиционно

имеют сходное качество жизни. Во-вторых, необходимо отметить удобство такого метода при рассмотрении влияния различных факторов на качество жизни регионов России. Рассмотрение карт, которые отражают состояние экономических, социально-демографических факторов, а также факторов состояния жилищно-коммунального хозяйства, их наложение на карту качества жизни позволит выделить те факторы, которые ниже других и, соответственно, «тянут» индекс качества жизни вниз. Выделение таким образом факторов, которые негативно сказываются на значении индекса качества жизни, наглядно показывает, какие преобразования необходимо совершить в регионе для улучшения качества жизни. В-третьих, этот метод позволяет обрабатывать большие объемы данных при мониторинге качества жизни регионов России. При построении индекса качества жизни на протяжении нескольких лет и выявлении тенденции его измерения в различных регионах Российской Федерации региональная карта исследования позволит увидеть изменения, которые происходят во всех регионах (особенно актуально проследить такие тенденции в связи с кризисом, который в настоящее время переживает Россия) или же отсутствие изменений.

В заключение следует отметить, что метод оценки качества жизни, разработанный Лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова позволяет оценить качество жизни в регионах России, учитывая при этом значимые в России показатели. Авторская доработка метода дает возможность показать влияние экономических, социально-демографических факторов, а также факторов состояния жилищно-коммунального хозяйства на значение качества жизни в регионах. Социальная карта является собой наглядный способ представления результатов подсчета индекса качества жизни регионов Российской Федерации. Ее целесообразно использовать, во-первых, для анализа влияния различных факторов на значение индекса качества жизни, во-вторых, для мониторинга изменения индекса качества жизни с течением времени. Обе эти задачи приобретают особую актуальность: первая – поскольку ее решение позволит выделить факторы, негативно влияющие на качество жизни, и улучшить их; вторая – по той причине, что кризис, который переживает сейчас Россия, наложит свой отпечаток на динамику качества жизни в регионах, и эту динамику необходимо отслеживать и влиять на нее.

Библиографический список:

1. Ахременко А.С., Евтушенко С.А. Качество жизни регионов России: политологический аспект, методология и методика измерения // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 1. С. 67-83.
2. Бёрджес Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. № 1-2 (11-12). С. 168-181.
3. Волченко С. Ю. Социальное картирование как технология социальной работы по семейному неблагополучию на территории // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 125-130.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб / Росстат. М., 2014
5. Скалабан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журнал исследований социальной политики. 2012. №1. С. 61-78.
6. Anselin L. Mapping and Analysis for spatial social science // Center for Spatially Integrated Social Science. 2002.
7. Booth C. Life and Labour of the People in London // Volume 1. London: Macmillan, 1902. P. 278.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

Рерке В.И.

Актуальность исследования обусловлена тем, что вопросы жизнеустройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в последние годы находятся на острие политических, научных и общественных обсуждений. По данным министерства социального развития опеки и попечительства Иркутской области более 80% детей-сирот и детей, оставшихся без попечения, воспитываются в замещающих семьях [1]. Вместе с тем нередки случаи, когда замещающие родители из-за возникших проблем отказываются от ребенка, что приводит к такому негативному явлению, как вторичное сиротство [2,3]. Во многом несостоятельность данных семей связана с неготовностью приемных родителей к выполнению взятых на себя родительских функций.

С целью выявления проблем замещающих семей и определения наиболее эффективных форм их социально-психологического сопровождения было проведено эмпирическое исследование.

В данном исследовании приняло участие 10 замещающих родителей (матерей), воспитывающих 10 детей (6 мальчиков и 4 девочки) в возрасте от 9 до 15 лет, которые ранее являлись воспитанниками социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних Усольского района. Все приемные дети, принимавшие участие в исследовании физически здоровы, 4 из 10 проживают в приемной семье более 3-х лет, 1 ребенок – 2 года и 5 испытуемых находятся в замещающей семье менее 1 года. В кризисном возрасте от 12 до 15 лет находится 4 детей, 6 – в некризисном (9-11 лет); 3 детей из 10 подвергались жестокому обращению в кровной семье, 1 ребенок на момент участия в исследовании находился в состоянии переживания горя из-за смерти родного родителя. Из 10 приемных родителей в родственных отношениях с детьми состоят 6 человек, другие 4 не являются родственниками для приемных детей. К исследованию были привлечены родители в возрасте от 28 до 64 лет.

Сравнительный анализ первичной диагностики приемных родителей и диагностики подопечных позволил сделать следующие выводы: наибольшее количество проблем выявлено в тех семьях, где возраст приемного родителя старше 55 лет, это родные бабушки, тети подопечных, для которых характерным является комплекс нарушений процесса воспитания (гиперпротекция, чрезмерность обязанностей и запретов, воспитательная неуверенность, инфантилизация в сочетании с гиперсоциализацией, симбиоз).

Уровень общей семейной тревожности детей, в данных семьях выше, чем в остальных. Вероятно, это обусловлено рядом специфических проблем.

Во-первых, родные бабушки становятся приемными родителями автоматически, не проходя предварительную подготовку в школе приемных родителей, зачастую они не имеют базовых педагогических знаний и продолжают воспитывать подопечного ребенка в соответствии со сложившимся стереотипом своего стиля воспитания, не всегда позитивным.

Во-вторых, родные бабушки чаще, чем остальные испытывают материальные затруднения, не позволяющие дать детям качественное образование, развить их способности и интересы. В силу своего преклонного возраста, а зачастую и плохого психофизического состояния они менее активны, мобильны, реже проявляют гибкость во взаимоотношениях с детьми. Результатом этого являются напряженные, конфликтные взаимоотношения, отсутствие нормального эмоционального контакта, частые ссоры, что подтверждают результаты проведенной диагностики. Подростки испытывают психологический дискомфорт в семье и, как правило, начинают искать значимых для себя людей в своем ближайшем окружении вне семьи.

Приемные родители, не состоящие в родственных отношениях с детьми, также имеют ряд проблем и ситуацию в данных семьях нельзя характеризовать как благополучную. Для этих родителей характерны такие нарушения как неустойчивый стиль воспитания детей, недостаточность запретов, минимальность санкций, инфантилизация, симбиоз. Уровень семейной тревожности детей в этих семьях средний, многие из них испытывают чувство неполноценности, вину, тревогу. Наиболее выражены проблемы в неполных семьях.

Самая благополучная ситуация была диагностирована в семье, где возраст опекуна 38 лет, полная семья, не имеющая кровных детей. В истории семьи есть позитивный опыт принятия приемного ребенка. У данного родителя не выявлено ни одного нарушения процесса воспитания, в семье объективное количество требований к подопечному, учитываются его возрастные и индивидуальные особенности, адекватно удовлетворяются потребности. Но по результатам диагностики ребенок также испытывает тревогу в данной семье, вероятно, это связано со сложным периодом адаптации, т.к. в семье мальчик находится всего 8 месяцев.

Таким образом, анализ результатов психодиагностической работы с замещающими семьями, позволяет сделать вывод о том, что выявленные проблемы не способствуют благоприятному психологическому развитию детей в условиях семейного воспитания, а соответственно требуют вмешательства специалистов и психологической коррекции детско-родительских отношений, что подтверждает необходимость комплексного социально-психологического сопровождения замещающих семей.

С целью оказания помощи семьям в решении выявленных проблем была разработана и апробирована программа социально-психологического сопровождения замещающих семей. Цель программы – создание социально-психологических условий, способствующих социально-психологическому сопровождению замещающих семей в условиях СРЦН.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: обучение приемных родителей созданию условий, необходимых ребенку для полноценного психологического развития: обучающие занятия, направленные на формирование адекватного отношения к уровню развития ребенка, освоения приемов по развитию и воспитанию детей, формирование адекватных требований в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями; оказание психолого-педагогической помощи в оптимизации процесса семейного воспитания: индивидуальное консультирование приемных родителей, релаксационные занятия, направленные на саморегуляцию организма, повышение стрессоустойчивости; совместные тренинги с детьми, направленные на формирование навыков позитивного общения, гармонизацию отношений между членами семьи после принятия ребенка; оказание психологической помощи детям: коррекционно-развивающие занятия, направленные на снижение тревожности, формирование позитивного отношения к семье, развитие навыков бесконфликтного общения с приемными родителями, развитие эмоциональной сферы, способности понимать свои чувства и переживания других людей; стимулирование профессионального диалога между приемными родителями, обмена позитивным опытом и развитие способности к саморефлексии: групповые занятия в клубе приемных родителей, состоящие из 2-х модулей: информационный и практико-ориентированный. В информационном модуле участники клуба совместно с педагогом рассматривают проблемы, предложенные для обсуждения, психологические и социальные причины их возникновения, способы коррекции. Практико-ориентированный модуль предполагает анализ проблемных ситуаций, обмен положительным опытом. Кроме того, реализация программы социально-психологического сопровождения замещающих семей предусматривает такие формы работы как патронаж (оказание психолого-педагогической помощи семье на дому), индивидуальное и групповое консультирование, коррекционные занятия, родительские лектории, обучающие семинары-практикумы, релаксационные занятия с применением арт-терапевтических техник, тренинги.

Сопровождение осуществлялось по трем этапам: диагностический, реализационный, контрольно-оценочный этапы. В рамках диагностического этапа была проведена первичная диагностика и предоставлена индивидуальная консультация по результатам диагностической работы каждому приемному родителю. На реализационном этапе были внесены коррективы и уточнения в содержание комплекса мероприятий в соответствии с полученными данными в ходе первичной диагностики.

После апробации программы социально-психологического сопровождения была проведена повторная диагностика. В результате исследования выявлена положительная динамика в

родительском отношении группы испытуемых, увеличилось количество приемных родителей с адекватным подходом к процессу семейного воспитания, удалось понизить уровень семейной тревожности у детей, появилась положительная динамика в отношении приемных детей к семье, более позитивная система внутрисемейных отношений. Так, анализ результатов контрольной диагностики показал следующее: по методике АСВ нарушений в процессе воспитания не выявлено у 5 приемных родителей, для которых на момент первичной диагностики были характерны гиперпротекция, чрезмерность требований-обязанностей, запретов, неустойчивый стиль воспитания, минимальность санкций, недостаточность требований-запретов; у 2 испытуемых уменьшилось число выявленных нарушений воспитательного процесса с 2 до 1; т.е. у 1 матери сохранилась воспитательная неуверенность, но уже не в сочетании с гиперпротекцией, у 1 родителя по-прежнему диагностируется неустойчивость в стиле воспитания, но уже не в комплексе с недостаточностью требований-запретов. У 1 родителя выявленные нарушения: игнорирование потребностей ребенка и чрезмерность санкций сменились гиперпротекцией; и у 2 матерей результаты не изменились, у 1 – нарушений воспитательного процесса не выявлено, у другой – недостаточность требований-запретов. Кроме того, у 4 приемных родителей (40%) диагностирован социально желательный образ родительского отношения «кооперация», это родители, у которых на момент первичной диагностики родительское отношение характеризовалось симбиозом и стремлением инфантилизировать ребенка; у 6 родителей результаты существенно не изменились: у 3 сохранилась тенденция к симбиотическим отношениям, у 2 – инфантилизация, но уже не в сочетании с авторитарной гиперсоциализацией; у 1 матери сохранился социально желательный образ родительского отношения «кооперация».

Анализ детских рисунков при проведении вторичной диагностики внутрисемейных отношений, субъективных переживаний приемного ребенка по поводу семейной ситуации показал, что 4 испытуемых переживают тревогу по поводу семейной ситуации, но уже не оценивают ее как конфликтную и не испытывают чувство неполноценности в семье (на рисунке изображены все члены семьи, объединенные совместной деятельностью, фигуры соразмерны, присутствует штриховка, прерывистые линии, следы стираний и исправлений).

Соответственно, можно сделать вывод о том, что занятия, предусмотренные содержанием разработанной программы социально-психологического сопровождения замещающих семей, оказывают положительное влияние на гармонизацию детско-родительских отношений и способствуют благоприятному психологическому развитию ребенка в условиях замещающей семьи.

Библиографический список:

1. Ежегодный доклад «О положении детей в Иркутской области» за 2014 год // Министерство социального развития, опеки и попечительства Иркутской области. Иркутск, 2015.
2. Бубнова И.С. Рерке В.И. Особенности проявления тревожности у подростков-сирот с несформированным типом гендерной идентичности // Казанский педагогический журнал. 2016. №1-2. С.176-179.
3. Рерке В.И. Изучение жизненной перспективы личности воспитанников интернатного учреждения в контексте субъективной картины мира // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 2. С. 174-176.

ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ*

Савельева Ж.В.

Здоровье студенчества является острой проблемой российского общества: исследователями констатируется наличие хронической заболеваемости у 57-80% российских студентов [1]. Как

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-06-01064 «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза»)

показывают данные в динамическом срезе показатели заболеваемости российских студентов растут, их здоровье ухудшается [2, с. 36]. Подобная ситуация делает актуальным и востребованным всесторонний теоретический и эмпирический анализ здоровья студенчества и поиск оптимальных здоровьесберегающих моделей, реализуемых в институциональной среде российских вузов. Исследовательский проект, посвященный данной теме, на начальном этапе требует детальной проработки подходов и ключевых понятий для процедур интерпретации, операционализации и создания релевантного инструментария.

В отечественной науке достаточно разработанной областью исследований в области здоровья является поле медико-социальных и гигиенистских концепции и исследований здоровья обучающихся (И.К. Раппопорт, Л.М. Сухарева, Е.И. Шубочкина, С.С. Молчанова, В.П. Медведев, В.Р. Кучма и др.). Однако большинство работ выполнено в русле классического подхода к здоровью, основанного на объективистском подходе и количественной методологии. Кроме того, объектом большинства работ является исключительно физическое здоровье. Медико-социальные исследования, реализуемые в поле социологии медицины, рассматривают здоровье сквозь призму патологии, биологической дисфункции организма, через статистику заболеваемости. В рамках медико-социальной исследовательской перспективы недостаточное внимание уделяется факту преобладания эндогенной модели заболеваемости, вопросам активности пациента и его усилий в области поддержания здоровья, борьбы с хроническими заболеваниями, проблемное поле часто ограничивается рамками здравоохранения [3, с. 57].

Социология здоровья опирается на гуманистическую парадигму здоровья, отталкивается от факта социальной обусловленности болезни в условиях современного общества, важности для лечения опыта болезни, целостного подхода к личности пациента (ограниченным и фрагментарным признается механический подход к лечению больного тела). В рамках новой социальной парадигмы здоровье рассматривается как самодостаточная ценность, включает элементы не только физического порядка, но и социальные, психологические компоненты. Гуманистическая модель здоровья предполагает наличие симметричного взаимодействия врача и пациента. Пациент признается целостной личностью, активно соучаствующей в процессе выздоровления, а не только пассивным объектом для воздействия.

Важным концептом с точки зрения новой парадигмы здоровья в условиях уменьшения роли экзогенной модели заболеваемости и распространения в студенческой среде хронических неинфекционных заболеваний становится категория «здоровый образ жизни». Категория ЗОЖ, по мнению Ж.Келле, имеет идеологический налет советской науки и выступает своеобразным эквивалентом совокупности концептов «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», используемых в западной науке [4, с. 52], однако активно используется для описания способов и условий жизнедеятельности российского студенчества в контексте индивидуальных и организационных, институциональных возможностей укрепления здоровья (Д.Н. Давиденко, Ю.К. Щедрин, Н.А. Безруких, В.Ю. Альбицкий, М.Я. Виленский и др.). Педагогические аспекты внедрения ЗОЖ и здоровьесберегающих технологий в среду обучающихся представлены в работах А.М. Леонтьук, Т.Б. Леонтьук, А.В. Беляева, Н.А. Рыбачук, И.П. Бочаров, С.В. Гончарук, В.Б. Шуматов и др.

Холистический подход к проблеме предполагает учет социального компонента здоровья. Определению и операционализации понятия «социальное здоровье» применительно к студенчеству, его соотношению со смежными категориями «здоровый образ жизни», «социальное самочувствие», «общественное здоровье», «здоровый стиль жизни» посвящены работы Р.А. Зобова, А.А. Козлова, М.Я. Виленского, Е.В. Утишевой, А.В. Ильина, М.М. Малышевой, О.А. Брейкиной, В.Л. Гатило, Т.В. Городовой и др. Социальное здоровье студента определяется российскими исследователями как совокупность личностных характеристик, обеспечивающих физическую и психологическую целостность индивида на основе его социальных связей и отношений [5, с. 1442]. Основные подходы к социальному здоровью сконцентрированы в следующих смысловых полях: здоровый социум

общество (общество без социальной аномии); социальное благополучие индивида (удовлетворенность материальным состоянием, питанием, жилищем); комфортное состояние человека в рамках социальной системы; социальная адаптация (способы взаимодействия со средой); качество личности, обеспечивающие возможность самоактуализации и гармонию при взаимодействии с обществом [6]. Применительно к практическим исследовательским задачам по исследованию здоровья студенчества, на наш взгляд, более актуальны трактовки, определяющие социальное здоровье через благополучие, комфорт, адаптацию и возможности гармоничного взаимодействия.

Для разработки инструментария необходимо в свою очередь уточнить понятие адаптации. Подходы к здоровью через возможности адаптации акцентируют внимание на взаимодействии индивида с окружающей биологической и социальной реальностью, на процессах реакции на среду, приспособления к ней и преобразования (И. Иллич, А. Алонзо, Л.В. Король и др.). Адаптация обучающегося к институциональной среде вуза, взаимодействие с социальными группами, социальные ожидания, нормы и санкции, социально-психологический климат оказывают влияние на физическое и социальное здоровье студента. К факторам успешной адаптации относят психологический комфорт в семье, соблюдение режима сна и отдыха, рациональное питание, занятия физкультурой (Т.Г. Малкова, Л.С. Елгина, И.В. Журавлева и др.) [7, с. 91]. Интересная попытка исследования адаптации студентов через обследования физического здоровья (системы кровообращения) с использованием специальной компьютерной программы представлена в работах Т.Е. Фертиковой, Л.П. Другановой, С.Д. Кургалина [8]. Подобный скрининг позволяет оценить функциональное состояние организма молодых людей и применим для обследования больших совокупностей, однако исключает анализ социальных и психологических параметров здоровья при адаптации.

С категорией «социальное здоровье» тесно связана категория «социальное самочувствие». Самочувствие российской молодежи и студенчества стало специальным объектом исследования Л.Е. Петровой, М.В. Блохиной, Л.Г. Григорьева, С.Ю. Дьячковой, Р.В. Карамельского и др. Социальное самочувствие можно определить как феномен ощущения жизни индивидом, которое характеризуется устойчивым состоянием оптимизма, желанием реализовывать свой творческий потенциал, преодолевать давление социальных структур; здоровое социальное самочувствие Е.М.Соколова рассматривает как способность сохранения и развития социальной активности [9].

Соотношение категорий «здоровье» и «социальное самочувствие» в научной литературе не получило однозначной интерпретации. По мнению ряда авторов (В.Л. Гатило, О.А. Брейкина, А.В. Ильин, Т.Б. Сергеева) социальное самочувствие является элементом социального здоровья студента. Встречаются трактовки, в которых (физическое) здоровье и его самооценки являются частью социального самочувствия (П.М. Козырева, Я.Н. Крупец). Так, согласно Я.Н. Крупец, социальное самочувствие состоит из внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма), оценок внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени), восприятия собственного положения в новых условиях [12, с. 144].

Социальное самочувствие молодежи выражается через субъективное ощущение благополучия, жизненные притязания, ценностные ориентации, планы, ожидания, степень самореализации, удовлетворенность местом учебы, отношением к будущему [10]. Традиционно исследователи при мониторинге социального самочувствия учитывают параметры, характеризующие степень удовлетворенности студентов существованием в различных сферах жизнедеятельности – бытовой, семейной, образовательной, социальной, политической и др., а также социально-психологическое состояние, выражающееся в оценках собственного статуса, положения, здоровья, в степени оптимизма, доверия к социальным институтам, включенности в социальную жизнь и активности.

Таким образом, исследовательская стратегия в рамках гуманистической парадигмы здоровья, должна включать смысловые блоки исследования, сфокусированные на социальном здоровье – на

самооценках здоровья студенчества, образе жизни, социальном взаимодействии в образовательной среде вуза, социальном самочувствии студентов. Однако здоровье не исчерпывается социальным компонентом и, по справедливому замечанию Д. Ингелхарта, «понимание здоровья и болезни не может быть понято, если исходить из резкого противопоставления естественных и гуманитарных наук»[12]. В связи с ориентацией на принцип полипарадигмальности, в исследовательском проекте предполагается параллельное изучение психологического компонента здоровья студентов экспериментальной группы с помощью тестовых методик, а также физического – с помощью медицинских методов анализа, что позволит обеспечить междисциплинарный синтез подходов и подойти к изучению проблемы здоровья студенчества комплексно.

Библиографический список:

1. Солодков А.С. Физическое и функциональное здоровье школьников и студентов России // Ученые записки университета им. П.Ф.Лесгафта. 2013. № 3 (97).
2. Фертикова Т.Е., Рогачев А.Е. Проблема здоровья и болезни студенческой молодежи // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2015. № 60.
3. Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11.
4. Келле В.Ж. Образ жизни и здоровье (методологический аспект) // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М.: ИЧ РАН, 2003.
5. Гатило В.Л., Ильин А.В., Рыльский С.В. Спорт как фактор формирования социального здоровья студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.
6. Гатило В.Л., Городова Т.В. Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/pdf/2015/1/107.pdf>
7. Здоровье студентов: социологический анализ; отв. ред. И.В.Журавлева. М.: Инфра-М, 2014.
8. Фертиковой Т.Е., Друганова Л.П., Кургалина С.Д. Изучение адаптации студентов-медиков к образовательному процессу на основе показателей системы кровообращения с применением информационных технологий // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 39-1.
9. Соколова Е.М. Социальное самочувствие персонала как объект социологии управления (на примере организаций железнодорожного транспорта) // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 3.
10. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50-55.
11. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4.
12. von Engelhardt D. Health and Disease: History of Concepts // In: Post, Stephen G., ed. Encyclopedia of Bioethics. 3rd ed. New York: Macmillan Reference USA: Thomson/Gale; 2004: 1057-1065.

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ВЫДУМКА**

Сакун Д.И.

История возникновения компьютера берет свое начало в XVII веке, общество уже тогда стало задумываться о создании такой машины, которая бы повысила производительность и эффективность труда, появление первого в мире компьютера и помогло решить данную задачу. Таким образом, в начале своего развития компьютер выполнял одну лишь, но важную для общества функцию - механически осуществлял арифметические действия (сложения, вычитания, умножение, деление), тем самым облегчая человеческий труд. С тех пор прошло много времени, и роль компьютера в общественной жизни стала гораздо значимее, а его функции существенно возросли. Современный

компьютер – это общение, игра, работа, покупки, библиотека, учеба, кино, музыка, различные виды услуг, электронные деньги и т.д. Компьютер сегодня - это не вычислительная машина для облегчения человеческого труда, а «чудо» техника для упрощения жизни человека.

Современное общество полностью заполнено компьютерами, почти в каждом доме обитает такая «чудо» машина, да еще и в различных ее видах: от настольных до карманных компьютеров. Существование человека в современном мире невозможно без взаимодействия с компьютером. Умение им пользоваться является обязательной составляющей современного человека, а знакомство с «машиной» происходит еще в младенческом возрасте. Но насколько безопасна такая крепкая связь? Конечно, нельзя недооценивать полезные и важные свойства компьютера. Он существенно облегчает поиск нужной нам информации, может служить надежным хранилищем для различных документов, с помощью него можно максимально оптимизировать рабочий процесс, можно общаться с родными и близкими в любое время по всему миру и многое-многое другое. Но, к сожалению, компьютер может превратиться из друга и помощника в злейшего врага.

Возможно и то, что человек полностью растворится в информационной среде, и станет зависим от нее. В настоящее время компьютер становится базисной средой обитания человека, а система «человек-человек» заменяется системой «человек-машина». Таким образом можно говорить о том, что складывается ситуация социального неблагополучия, которая угрожает безопасности современной личности. Социальная безопасность создает условия для благополучного существования человека как внешнего — экономического и политического, так и внутреннего — эмоционального [2]. То есть происходит смена среды обитания современного человека, сопровождающаяся трансформацией сознания, рационализацией психической деятельности, эмоциональным отчуждением, десоциализацией, деструктивными изменениями психики. Наиболее чувствительной к этим изменениям является психика детей, подростков и лиц молодого возраста [4, с. 30].

Само явление компьютерной зависимости начало изучаться в зарубежной психологии с конца 80-х годов XX века. В это время врачи-психотерапевты столкнулись со случаями, когда у сотрудников компаний, которые используют в своей деятельности Интернет, появляется патологическое влечение к пребыванию в сети, вследствие этого, уменьшалась работоспособность, рассеивалось внимание.

С тех пор было проведено достаточно исследований, касающийся данного вида аддикции. В настоящее время выделяют 5 типов компьютерной зависимости: навязчивый серфинг (путешествие в сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам); страсть к онлайн-биржевым торгам и азартным играм; виртуальные знакомства; киберсекс (увлечение порносайтами); компьютерные игры [4, с. 30].

Однако, несмотря на многочисленные исследования в области деструктивного воздействия компьютера на человека термин «компьютерная зависимость» все еще не признан многими учеными и не стал социальной проблемой в России. Официальная статистика по количеству людей зависимых или склонных к зависимости от компьютера до сих пор не видется, но сам феномен формирования патологической связи между человеком и компьютером давно стал очевиден и приобретает все больший размах.

Зависимость от компьютера характеризуется развитием психопатологических изменений личности, ведет к нарушениям социальных норм поведения, правонарушениям и даже самоубийствам. Симптомы компьютерной зависимости могут быть психические и физические. Физические признаки компьютерной зависимости представлены нарушениями со стороны глаз, опорно-двигательного аппарата и пищеварительной системы. Наиболее распространенными психическими признаками компьютерной зависимости являются «потеря контроля» над временем, проведенным за компьютером, ложь относительно времени проведенного за компьютером, утрата интереса к социальной жизни, ощущения чувства радости и вины во время работы за компьютером, раздраженное поведение и другое.

В последнее время нередко можно услышать в новостях или прочесть в статье о случаях девиантного поведения подростками, попавшими в зависимость от компьютерных игр. Подростки и молодые люди с неокрепшей психикой быстро вовлекаются в виртуальную среду. Вследствие этого, происходит задержка психического и эмоционального развития. Новое поколение становится асоциальным, и в дальнейшем не может нормально адаптироваться в реальном обществе. Физически здоровые молодые люди сидят дома за компьютерами и, по сути, являются инвалидами. Это особенно важно с учетом сензитивности детского и юношеского возраста [1].

Несмотря на отсутствие в российской практике диагноза «интернет-зависимость», в некоторых странах интернет-зависимость официально признается заболеванием, и ее лечение проводится радикальными методами. Примером может служить Китай, где первая клиника для лечения интернет-зависимости появилась еще в 2005 году, а интернет-зависимость провозгласили угрозой здоровью населения. В настоящее время в Китае существуют специальные реабилитационные центры, представляющие собой синтез армии, тюрьмы и психлечебницы.

Не смотря на отсутствие признания обществом проблемы компьютерной зависимости, в России все же проводится терапия данного вида расстройства. Однако такая деятельность осуществляется лишь некоторыми организациями здравоохранения, наркодиспансерами, психологическими центрами или частными психотерапевтами и психологами. То есть, существующей системы специализированных учреждений и методов работы с компьютерной аддукцией до сих пор не существует.

Но, как и в каждой зависимости, наиболее важное место должно выделяться осуществлению превентивной деятельности. Для этого целесообразно было бы осуществлять профилактические лекции с самого раннего возраста, научать компьютерной культуре, проводить уроки безопасности работы за компьютером и другое. Все выше перечисленное позволит обеспечить субъективное благополучие человека, которое принято трактовать как совокупную оценку, позволяющую человеку охарактеризовать свою жизненную ситуацию на данный момент времени. Эта обобщенная оценка включает в себя сумму частных удовлетворенностей в различных сферах жизнедеятельности человека, ключевыми в ней выступают: семья, здоровье, работа, жильё, досуг, образование, экологическая обстановка и, конечно же, финансы и экономическое положение [3, с. 14].

Конечно, выбрасывать компьютер не разумно, ведь он приносит много полезного и интересного. Просто, во всем нужна мера. Но для того чтобы в обществе начала образовываться система работы с компьютерной зависимостью, общество должно само признать бесспорно существующую компьютерную аддикцию. Как и с любым другим видом зависимости, главным является осознать проблемы, и лишь затем дальнейшее ее решение. Вернуть человека снова в реальную жизнь довольно сложно, а вот помочь ему не впасть в виртуальную жизнь проще. Важно помнить о том, что возможность переиграть свою жизнь, как в компьютерной игре, нет.

Библиографический список:

1. Бажин А.С., Фомина Н.И. Юношеский возраст как сензитивный период развития ответственности // Студент. Аспирант. Исследователь. 2015. № 4 (4). С. 129-139.
2. Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2015. № 6 (16). Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2277>
3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 12-26.
4. Юрьева Л.Н., Большот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: монография. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИА КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Самойленко П.Ю.

Современные масс-медиа являются мощнейшим коммуникативным каналом, действующим в области гуманитарной культуры и воздействующим на общественное мнение. Поскольку гуманитарная культура в современном понимании это и совокупный исторический объем знания философии, религиоведения, юриспруденции, этики, искусствознания, педагогики, литературоведения и других наук, и в то же время системообразующие ценности гуманитарного знания, такие как гуманизм, идеалы красоты, совершенства, свободы, добра и т. п., то очевидным становится значимость средств массовой коммуникации для формирования гуманитарных и культурных ценностей.

Необходимо отметить, что содержание медиа и рекламы является зеркалом социальных процессов, начиная от используемой лексики, стереотипов и социальных моделей и заканчивая философией публикаций и сюжетов в целом [7].

В настоящее время в сфере коммуникативистики активно обсуждаются вопросы информационной открытости. XXI век – время так называемой информационной цивилизации (или информационного общества), то есть исторический период в развитии человечества, в течение которого информация, средства ее производства и продуцирования становятся основополагающими как для развития общества в целом, так и как его существенная экономическая составляющая [9, с. 397]. Ряд ныне существующих теорий напрямую говорят о том, что информационное общество является историческим периодом развития человечества, следующим после постиндустриальной эпохи, когда порядка 70% экономически активного населения трудится в сфере обслуживания, при этом их большая часть занята в различных сферах так называемого «информационного производства», то есть в сфере телекоммуникаций, у операторов сотовой связи, Интернет-провайдеров и т.д. Подавляющее большинство населения в таких условиях нуждается в постоянном получении информации, а также участвует в сфере ее производства (работает в СМИ, различных коммуникационных компаниях, в сфере рекламы и PR и т.д.).

Перевод общества на инновационный путь развития и сверхмодный ныне термин «нанотехнологии» – также составляющие широкого процесса информатизации общества и экономики [6].

В таких условиях существенно видоизменяется существующая система массовых коммуникаций. Происходит бурное развитие технически сложных средств передачи информации, электронных СМИ – телевидения, радио, сотовой телефонии, спутникового телевидения, и, конечно же, сети Интернет. Информационные технологии полностью пронизывают все сферы жизни современного человека и области его жизнедеятельности, без компьютеризации и использования сети Интернет сегодня невозможно представить подавляющее большинство социальных процессов, во всяком случае, в цивилизованном обществе [10, с. 34]. Проникновение Интернета и современных информационных технологий в жизнь человека стало настолько существенным, что они (в форме переписки по E-mail, ICQ и т.д.) в отдельных случаях даже начали вытеснять живое человеческое общение – межличностную коммуникацию как таковую.

Актуальность исследования влияния современных информационных технологий на жизнь индивида стала весьма актуальной в связи с тем, что пользование информационными технологиями (в том числе технологиями связи) индивидом начинает во всё большей степени рассматриваться как насущная потребность в основании так называемой «Пирамиды Маслоу», иными словами, индивид рассматривает использование, к примеру, сотовой связи и Интернет не как развлечение, а как насущную потребность одного из первых порядков, от удовлетворения которой напрямую зависит жизнь и благополучие самого индивида и его близких. При этом существенный объем получаемой индивидом информации носит рекламный характер.

Уже в начале 2000-х годов стало достаточно очевидным, что по темпам развития и техническим возможностям, в том числе по степени возможности модернизации, Интернет имеет огромный

потенциал и в достаточно близкой перспективе начнет обгонять в своем развитии иные средства массовой коммуникации. Это уже и произошло, и, сегодня Интернет превратился в мощнейшую систему коммуникации, которая обладает уникальными параметрами: сочетает в себе функции средства массовой информации, средства массовой коммуникации и средства связи. Появление и постоянное увеличение сформировавшейся социальной страты – т.н. людей, «живущих в Сети».

Необходимо отметить, что на современном медиарынке велика роль рекламы – с её помощью формируется общественное мнение, а социальная реклама помогает формировать желаемые модели поведения в социуме.

Одной из главных причин этого, по мнению многих исследователей, являются быстрые и бурные качественные изменения, связанные с развитием техники и технологий, а также информатизацией общества [3, с.12]. Сегодня развитие материальной культуры, в частности средств информатизации, происходит все убыстряющимися темпами. Так, скорость обновления информационных технологий возрастает настолько, что поколения технологий сменяют друг друга каждые 3-5 лет. Как уже отмечено выше, формируется так называемое информационное общество, или информационная цивилизация.

Интеллектуальное освоение последствий такого быстрого развития не поспевает за ростом получаемой и перерабатываемой информации. Это ведет к еще большему обострению противоречий между материальной и духовной компонентами современной культуры. Таким образом, информатизация общества не только изменяет мир, но и создаёт в этом мире новые проблемы. При этом одной из таких проблем является как раз большой объем рекламы, в особенности в условиях жизни индивида в крупных современных городах.

Помимо непосредственно рекламы, существенную роль играют массовые коммуникации – широкое использование информационной техники и технологии – радио, телефонии, кино, телевидения, мультимедийных средств, компьютеров, и, разумеется, сети Интернет. Современные информационные технологии приводят к совершенствованию культуры в ряде других важнейших факторов человеческой деятельности [5, с. 49].

Такие проблемы усматривает, например, Э. Тоффлер. Информатизация общества имеет своим непосредственным следствием дальнейшую трансформацию культуры, усложнение ее структуры, содержания и функций [8, с. 76]. Наряду с элитарной, народной и массовой культурами начинает свое существование и бурное развитие информационная культура. Она, кроме всего прочего, включает в себя так называемую экранную культуру. Последняя в своем составе имеет компьютерную культуру и культуру Интернет. Эти элементы информационной культуры располагаются между собой по принципу «матрёшки»: каждая из предыдущих форм экранной культуры включает в себя последующую форму, как один из своих элементов наряду с другими. Содержание информационной культуры развивается, порождая не только новые формы культурного освоения реальности, но и отражая различные процессы – кризис рационализма, постмодернистские установки и др. Это еще в большей степени углубляет кризис всей культуры общества эпохи ее информатизации [4, с.11].

Модернизационный потенциал современных медиа обусловлен тем, что именно реклама является одним из основных источников информации о происходящих технических достижениях, развитии техники и технологий, именно рекламные и маркетинговые технологии нацеливают общество на адаптацию к техническим изменениям, продвигая соответствующие товары и услуги.

Следует отметить, что с точки зрения модернизации общества и происходящих в нем процессов можно говорить о следующих основных тенденциях развития современных средств массовой информации:

- массовые коммуникации становятся неотъемлемым атрибутом жизни общества. Их доступность и стоимость становятся индикатором уровня жизни и развития общества и государства;
- рекламный контент является одной из массовых составляющих любого канала коммуникации;

- массовые коммуникации развиваются в основном с упором на электронные виды средств массовой информации и средств массовой коммуникации, в рамках которых также активно получают развитие различные формы рекламирования;

- информационная насыщенность общества все время увеличивается, постоянно растет количество массовых коммуникаций и повышается степень конкуренции между ними;

- постепенно и неуклонно растет информационная транспарентность и открытость массовых коммуникаций.

Резюмируя, можно говорить о том, что в ближайшее время современные массовые коммуникации и реклама будут продолжать динамично развиваться и изменяться как гуманитарная составляющая общества и будут тесно связаны с такими науками и областями знаний как социальная философия, социология, психология потребительского поведения, IT-технологиями, и т.д. При этом именно общество не только подвергается влиянию рекламы и медиа, но и само способно влиять на развитие данной сферы и должно давать определённый социальный заказ, в том числе и на модернизационные проявления.

Библиографический список:

1. Барулин В.С. Социальная философия. Ч. 2. М., 2003. 187 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sociologija/bell_d_grjadushhee_postindustrialnoe_obshestvo/25-1-0-2349
3. В тени цифрового неравенства // Золотой Рог. № 41(1721) от 01.06.2010.
4. Исхаков В.Б. Общественно-политические трансформации в России на рубеже столетий: социально-политические аспекты // Проблемы национальной стратегии. РИСИ. 2010 г. № 1.
5. Левада Ю. Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. М.: «Новое издательство», 2008. 215 с.
6. Роль СМИ в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://humanitar.ru/show_article/56
7. СМИ – зеркало социальной и политической жизни общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journalpro.ru/articles/smi-zerkalo-sotsialnoy-i-politicheskoy-zhizni-obshchestva/>
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Прогресс, 2004. 760 с.
9. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. 397с.
10. Cukier K. Who will control the Internet? // Foreign Affairs. 2005. November/December
11. Schiffman L.G., Kanuk L.L. Consumer Behavior. Toronto, 2007.

ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ОДНА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сенченко О.И.

Происходящие демократические изменения в стране, вызывают необходимость поиска новых, эффективных путей преобразования различных сторон жизни общества и его социальных институтов. Основной тенденцией, как в бизнесе, так и в государственной сфере управления, на сегодняшний день, является возрастание значимости роли персонала, а именно конкретных людей, благодаря усилиям которых функционирует «экономический механизм» как на региональном уровне, так и на уровне всей страны.

В настоящих динамичных условиях все больше возрастает потребность в профессионально подготовленных, компетентных кадрах. Современному специалисту необходимо не только соответствовать высоким требованиям системы управления, но и уметь работать в быстроменяющихся условиях. Большой объем, выполняемых обязанностей, многозадачность, давление и жесткая регламентация деятельности, обуславливает недостаток профессиональных умений и навыков, вследствие чего возникают стрессовые состояния.

Рассматривая данную проблему, хотелось бы обратиться к институту Высшего образования. Высшее образование ориентируется в своем развитии на качественную подготовку специалиста, отвечающую изменениям, происходящим на рынке труда, поэтому основной задачей высшей школы является подготовка компетентного, гибкого, конкурентоспособного специалиста для работы в динамично меняющихся условиях, а главное способного самостоятельно и творчески решать профессиональные задачи. На сегодняшний день интенсивно развивается наука, а так же внедряются информационные технологии – образование все больше направлено на выполнение социального заказа, а именно на подготовку специалистов, знающих свои права, должностные обязанности, разбирающихся в технологиях профессиональной деятельности. Тем не менее, можно заметить, что при таком подходе не всегда учитывается сторона профессионального образования, которая отвечает за формирование личности специалиста, обладающего упорядоченной системой ценностей, служащих основой для становления профессиональных ориентаций. Это говорит о том, что осмысление роли ценностей как определяющего начала любой деятельности просто необходимо. Это позволит по новому определить принципы, цели и содержание образования будущих специалистов [1].

Развитие личности как специалиста закладывается высшим образованием, а не на месте работы, когда риск оказаться в сложной и нестандартной ситуации, а вследствие, и привести к необратимым последствиям гораздо более высок без должной подготовки, которая необходима молодым кадрам в современных условиях, и которая должна в большей мере обеспечиваться высшим образованием.

Личность – это внутренняя система саморегуляции человека. Она испытывает влияние двух других детерминирующих сил, которые условно можно обозначить как организм, внутренний мир (т.е. человек как живое существо в целом), и среда - внешний мир в широком смысле, включая в первую очередь других людей. Соотношение между этими тремя движущими силами и определяет линию жизни человека (развитие), в том числе и линию «профессиональной жизни» [2].

На данный момент замечается тенденция поверхностного восприятия роли личности, как двигателя прогресса. По причине этого обостряются определенного рода проблемы. Одна из актуальных проблем – это неготовность современных предприятий растить и воспитывать молодых специалистов, мотивируя это тем, что предприятию необходимы сразу молодые, опытные и что немаловажно важно коммуникабельные кадры. Последовательно все это вырабатывает в личности комплекс неполноценности и сомнение в правильности выбора своей профессии.

Равным образом во всех сферах деятельности преобладает формализм (когда переоценивают роль формы и за формой забывают содержание или пренебрегают им). Возникает формальное отношение к своей деятельности и это становится основной линией поведения личности, как в жизни, так и на профессиональном поприще. К примеру, человек, получая высшее образование и зачастую не одно, в конечном итоге, не может воспользоваться знаниями по назначению, и направить их в нужное русло, а точнее для личностного роста.

Еще одной проблемой является то, что специалист практически в любой сфере имеет жесткие рамки своей деятельности, и невозможность проявить себя как самостоятельная, творческая единица. Это снижает инициативность, вызывает нежелание проявить себя и в какой-то степени равнодушие к оптимизации своей деятельности.

Чрезмерный контроль над работой специалистов также не обеспечивает только положительные результаты. Возникает парадоксальная ситуация, чем больше контроль за работой сотрудника, тем больше страхов у сотрудника совершить ошибку. Это создает латентную нервную ситуацию, усиливает тревожность, что негативно сказывается на общих итогах работы.

Во многих организациях пренебрегают дополнительным обучением персонала (развитием его как в профессиональном, так и на личностном уровне), в свою очередь персонал не желает осваивать что-то новое и болезненно воспринимает малейшие перемены.

Следует заметить, что общий морально-психологический климат играет немаленькую роль в организации, зачастую он бывает нездоровым и вызывает множество как межгрупповых, межличностных, так и внутриличностных конфликтов с разной динамикой их развития - это также влияет на качество, выполняемой работы. Все эти актуальные проблемы имеют основополагающий характер в становлении и развитии личности как специалиста.

Приходим к выводу, что современный человек ежедневно принимает современные вызовы времени, постоянно находясь в напряжении и испытывая стресс, но даже в этих условиях он должен уметь адаптироваться и принимать управленческие решения исходя из сложившейся ситуации и имея определенные исходные данные.

На наш взгляд, необходимо мобилизовать все внутренние ресурсы человека, чтобы не отставать от мировых стандартов, так как персонал - это стратегический ресурс компании, ее нематериальный актив и интеллектуальный капитал одновременно. Во главу угла нужно ставить личность человека, начиная с момента ее профессионального обучения. Важно собрать в человеке единый образ, несущий в себе набор тех ценностей и качеств, которые помогут ему грамотно реализовать свои возможности и таланты ради прогресса. Поэтому образование должно быть более гибким, динамичным и соответствовать движению прогресса, следовательно, будет гармонично развиваться и сама личность. Все эти принципы относятся не только к системе образования, но к современным функционирующим организациям, которые должны принимать во внимание всю динамику происходящих тенденций в мировой практике.

Библиографический список:

1. Караванова К.Ж. Профессионально-личностное развитие специалиста по социальной работе в период вузовского обучения: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. псих. наук (19.00.07). Москва, 2012. 43 с.
2. Комарова А.В., Слотина Т.В. Современный взгляд на идеи А. С. Макаренко и И.П. Иванова о взаимосвязи личности коллектива [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-idei-a-s-makarenko-i-i-p-ivanova-o-vzaimosvyazi-lichnosti-i-kollektiva>
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ РОССИЯН В ПЕРИОД САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ

Скуденков В.А.

Проблема экономических притязаний разных социальных групп в настоящее время стоит очень остро в силу возрастания «общественной нагрузки на личности», общественного влияния, значимости «социальности» человека в разных формах её отражения, а также усложнения общей системы социальной стратификации. Выделяют несколько причин, в силу которых проблема экономических притязаний разных социальных групп приобретает больший интерес: качество жизни становится важнее, чем показатели экономического процветания; личное счастье становится более важным из-за нарастающей тенденции к индивидуализму; разработан ряд методов измерения экономических притязаний, благодаря которым эта область смогла превратиться в серьезную и признанную научную дисциплину.

Экономические притязания разных социальных групп включают социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределена совокупностью условий социализации, как в субъективном, так и в объективном планах, равно как и реализацию потребностей (в том числе связанных с психическим и соматическим здоровьем личности), также имеющих социальный контекст, глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жизни и самореализации в ней с «эталонными представлениями», усвоенными в процессе социализации [1, с. 109].

Современные зарубежные исследования в области экономических притязаний изучают базовые установки по отношению к деньгам, их получению и использованию; повседневное экономическое поведение; психические расстройства, связанные с деньгами и психические особенности богатых людей; экономические детерминанты социальной и личной активности (И. Фурман, А. Вейсман, Р. Тмпер, Р. Янг, С. Московичи и др.). Но мы опирались на работы наших соотечественников: В.В. Новикова, А.Д. Карнышева, А.П. Вяткина, О.С. Дейнека, Е.Л. Трофимовой, Т.А. Тереховой и др.). И пришли к выводу, что экономические притязания – это желаемый уровень удовлетворения потребностей, детерминирующий поведение. На него влияет внешняя объективная ситуация, а также успехи и неудачи. Экономические притязания становятся условием формирования мотивов и стимулов деятельности индивида.

Начиная с марта 2014 года, когда по результатам проведенного в Крыму и Севастополе референдума, эти субъекты вошли в состав Российской Федерации, Европейский союз, так же как США и ряд других западных стран, проводит политику введения санкций против России. Данные санкции являются односторонними в том смысле, что они не одобрены Советом Безопасности ООН [2].

Декларируемыми причинами введения санкций против России служат непризнание Европейским союзом присоединения Крыма и Севастополя к России (именуемого в документах ЕС «незаконной аннексией») и лишенное внятной мотивировки обвинение России в нарушении территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины. Декларируемыми целями санкций является изменение не устраивающей ЕС политики России на Украине.

Данные процессы не могут не отразиться на поведении россиян, на их экономических притязаниях. Экономические притязания в социально-экономической дифференциации, неравенства разных регионов и групп населения современной России отражают не только актуальные вопросы современного общества, но и непосредственно связаны с проблемами благосостояния каждого ее жителя. Особенно важно изучать экономические притязания в период введения санкций против России.

Исследование проходило в Иркутской области. Респондентами были жители разных городов области: Иркутск, Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское. В возрасте от 18 до 65 лет. Занятые либо на государственной службе, либо в бизнесе.

В исследовании в 2014 году приняло участие 76 человек. Из них 42 женщины и 34 мужчины. В исследовании 2016 года приняло участие 72 человека. Из них 40 женщин и 32 мужчины.

Методы исследования: фокус-групповое интервью; контент-анализ; семантический анализ; также мы применяли такие методы обработки информации как статистические, факторный анализ, множественный регрессионный анализ (метод stepwise).

В 2014 году основные результаты показывают, что у представителей бизнеса экономические притязания выше и более предметны, а у государственных служащих они строятся на социальных, а не материальных ценностях и задачах и более формальны.

Государственные служащие экономические притязания в 4 раза чаще окрашивают в социальные или духовные формы. При этом, собственно экономические притязания окрашиваются в негативные тона. Для представителей бизнеса, экономические притязания конкретны и лаконичны (с указанием места, количества комнат, предметов, марок и класса машин и т.д.)

Среди представителей бизнеса значительная часть уже обладает тем, что причисляют к экономическому благополучию. Среди государственных служащих таких единицы. И большая часть не считает, что когда-либо сможет обладать теми благами, которыми обладают богатые люди.

Среди государственных служащих (39%) с высоким уровнем притязаний и 61% с низким. Но при этом, уверенность в их получении только у 7%. Это позволяет заключить, что большая часть государственных служащих будет или уже фрустрирована. Чем старше, опрошенные нами представители этой группы тем больше они это подтверждают.

Представители бизнеса в два раза чаще, чем представители государственной службы говорили о том, что успех невозможен без богатства.

Для государственных служащих, богатство – это то, что показывают по телевидению и в глянцевого журналов. Для этой группы – богатство недостижимо. Благосостояние является основным содержанием, причем, в контексте «благо» – «благое состояние», имеющем не экономическое, а духовное или нравственное содержание.

Для представителей бизнеса – достаток – это основное понятие. В него входит и материальный уровень и качество жизни и социальные и экономические ожидания.

Состоятельным в экономическом смысле человеком никто из респондентов обеих групп себя не назвал. При этом, государственные служащие уверены, что никогда не будут состоятельными, а представители бизнеса – что это вопрос времени.

Профессиональная деятельность и уровень дохода определяют экономические притязания группы, а также отношение к желаемому количеству дохода будет отличаться. Реальный уровень дохода на этот процесс влияет минимально у представителей бизнеса и никак не связан у государственных служащих.

Решающее влияние на представления респондентов о том, с какого уровня доходов начинается богатство, оказывает их собственное материальное положение. Чем выше собственный доход, тем выше и планка «черты богатства».

Уровень экономических притязаний разных социально-экономических групп зависит от возраста респондента. Чем младше респондент, вне зависимости от группы, тем больше притязаний он имеет, чем старше – тем больше материальных притязаний уже имеет в личном пользовании и экономические притязания распространяются уже не на достижение, а на поддержание уже достигнутого экономического и социального статуса.

Представители бизнеса смотрят на деньги логически и рационально, и выстраивают зависимость их количества от собственных усилий, государственные служащие воспринимают через призму эмоций, и выстраивают зависимость от внешних условий.

Для бизнеса не имеет значения как они получили или получают материальные блага, о которых мечтают. Государственные служащие более щепетильны в вопросах этики и не любые материальные блага готовы принять.

Собирательный образ идеальной жизни у государственных служащих может быть обозначен как «безопасная, спокойная старость». У представителей бизнеса как «уверенное, материально благополучное будущее».

В 2016 году, под влиянием воздействия санкций, результаты изучения экономических притязаний изменились у представителей бизнеса более четко, нежели чем у государственных служащих. Выявлена прямая взаимосвязь экономических притязаний представителей бизнеса от реальной внешнеэкономической обстановки, тогда как притязания государственных служащих практически не изменились.

Но в то же время, представители двух рассматриваемых нами социально-экономических групп имеют разные представления о характеристиках, причинах и символах бедности и богатства.

Видна разная оценка экономических притязаний в двух рассматриваемых группах. Причины не одинаковой оценки: различные условия профессиональной деятельности, а в месте с тем и системы мировоззрения.

Но общая составляющая – экономические санкции, ведение против России внесли серьезный вклад в изменение притязаний всех групп общества, особенно это видно по представителям бизнеса.

Экономические притязания последних существенно понизились, тогда как у государственных служащих лишь немного изменились. Представители бизнеса рационально понимают и реально ощущают влияние санкций и соответственно, подстраиваются и адаптируются под новые условия из-за большой зависимости от них. Государственные служащие менее адаптивны, но и внешние санкции на них меньше влияют.

Таким образом, нами сформулированы общие закономерности социально-стратификационной трансформации общества, на основе экономических притязаний разных социально-экономических групп на примере государственных служащих и представителей бизнеса.

Притязания как психологическое явление реализуются не одинаково у разных социально-экономических групп. Экономические притязания как социально-психологическая категория формируются на основе внутренних и внешних воздействий. Внутренние раскрываются в результате социализации, развития личных амбиций и мотивации к сфере трудовой деятельности. Внешние находят развитие в результате профессиональной стратификации, реального дохода и возраста респондентов. Экономические притязания обусловлены обозначенными выше факторами.

Библиографический список:

1. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 198 с.
2. Скуденков В.А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи // Общество и социология в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вологда: Правительство Вологодской области, 2015. С. 81-83.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ СИЗО-1 Г. ЯКУТСКА

Соболева С.В.

Проблема роста преступности является одной из глобальных проблем. По данным официальной статистики в России за период январь - июнь 2016 года было зарегистрировано более 1182,5 тыс. преступлений [1]. Если анализировать ситуацию с преступностью в Республике Саха (Якутия), то за последние годы существует тенденция к росту числа зарегистрированных преступлений примерно на 8,4%.

Социальная работа в пенитенциарных учреждениях современной России только начинает складываться, но уже можно отметить ее специфику, особенности, проблемы. Спецификой социальной работы в учреждениях исправительной системы состоит в следующем:

- она ведется внутри социальных организмов с высокой степенью закрытости и изолированности;
- ее объектом являются лица с высоким индексом социального неблагополучия и повышенной стрессогенностью;
- социальная работа проводится в обстановке противоборства двух непримиримых этико-правовых концепций (менталитет тюремного мира);
- социальная работа неразрывно связана с исполнением уголовного наказания, имея по сути, те же конечные цели, что и этот социально-правовой институт;
- социальная работа в условиях пенитенциарных системы не должна прекращаться с окончанием исполнения наказания, т.к. бывший заключенный нуждается в ресоциализации и адаптации к внешнему миру, его правилам и нормам;
- в отличие от других сотрудников пенитенциарного персонала социальный работник объективно вынужден занимать особое место: он является посредником не только между властью и гражданином, но и между философией наказания и враждебной ей философией преступного мира, заставляя приверженцев этих философий искать социально приемлемые точки соприкосновения [2].

В данной статье мы ставили цель изучить особенности содержания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных в следственном изоляторе УФСИН, а также выявить специфику социальной работы в следственном изоляторе на примере СИЗО-1 г. Якутска. Так как объект нашего исследования является достаточно сложным для обследования, в качестве методов исследования был выбран такой качественный метод исследования, как глубинное структурированное интервью по специально разработанному вопроснику из 18 вопросов. Перед

проведением интервью с заключенными была проведена большая работа по организации данного исследования, получению разрешения у выше стоящих инстанций. В итоге в качестве места опроса заключенных было выбрано СИЗО-1, находящееся в г. Якутске. Выборка составила 15 человек. Интервью проводилось непосредственно автором статьи.

Социально-демографические характеристики респондентов. Средний возраст опрошенных заключённых в исследовании составил 30 лет, средний срок пребывания в местах заключения – 1 год 7 мес. Большинство заключённых, участвовавших в интервью, не состояли в браке (47%), 20% были в официальном браке и 33% были разведены. У более чем 67% заключённых были дети.

Заключённые имели в основном среднее общеобразовательное и среднее специальное образование. Большинство из опрошенных заключённых (74%) по желанию продолжали учебную деятельность в следственном изоляторе (в соответствии ст. 108 «Профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных к лишению свободы» УИК РФ в исправительных учреждениях организуется обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него).

Все респонденты, пребывая в СИЗО, занимаются общественно-полезным трудом. Это является показателем воздействия социальной работы на респондентов, общеобразовательная и профессиональная подготовка является одними из важных направлений исправления и перевоспитания заключенных.

Согласно ст.23 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и правилами внутреннего распорядка СИЗО УИС (приказ Минюста № 189 от 14.10.2005): «Подозреваемым, обвиняемым и осужденным создаются бытовые условия, отвечающие требованиям гигиены, санитарии и пожарной безопасности. Камеры должны быть оборудованы всем необходимым, также каждому выдаются средства индивидуального пользования». Исследование показало, что больше половины заключенных (60%) условиями содержания в СИЗО-1 были полностью удовлетворены, 13% были скорее удовлетворены, чем нет. Доля не удовлетворенных условиями содержания в СИЗО в исследовании составила 7%, и 13% скорее были не удовлетворены, чем удовлетворены.

В соответствии со ст.22 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», п.44 Правил внутреннего распорядка СИЗО УИС (приказ Минюста № 189 от 14.10.2005): все подозреваемые, обвиняемые, осужденные ежедневно обеспечиваются бесплатным трехразовым горячим питанием по нормам, определяемым Правительством Российской Федерации. Большинство респондентов (47%) считают, что, питания достаточно, но пища невкусная, когда, как только 27% опрошенных уверены, что их хорошо кормят.

Одной из главных задач социальной работы в пенитенциарных учреждениях, по мнению Е.И. Холостовой, является восстановление и развитие социально-полезных связей осужденного с семьей, с друзьями и внешним миром. Только у 60% респондентов есть возможность вести телефонные разговоры, у остальных нет возможности или же проблемы со связью. 67 % хорошо поддерживают коммуникацию с родственниками и близкими, 20% испытывают затруднение с ответом и 13% не могут общаться со своими родными из-за трудностей со связью.

В ст.17 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» изложены права подозреваемых, обвиняемых и осужденных находящихся в следственных изоляторах. В соответствии с п. 16 они имеют права получать посылки и передачи: 73% – получают; 20% – нет; 7% респондентов получают крайне редко.

Для восстановления и развития социально полезных связей социальный работник может использовать такие технологии, как розыск родственников и иных лиц; интервьюирование прибывших на свидание родственников; сюрприз для заключенного; восстановление социально полезной связи заключенного с родственником; преодоление препятствий к предоставлению,

заклученному права на свидание, получение посылки или телефонный разговор; телефонные переговоры; защита чести и достоинства; установление и улучшение отношений с семьями заключенных; наличие под рукой списка и адресов СМИ и служб знакомств [18]. Как видно из рисунка 1, в следственном изоляторе-1 г. Якутска в основном пользовались технологией контакта с родственниками и близкими (53%), преодоление препятствий к предоставлению, заключенному права на свидание, получение посылки или телефонный разговор (26%).



Рисунок 1 – Технологии социально-полезных связей, которые применялись в отношении респондентов

Конкретные виды социальной помощи, которые применялись в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных, на первом месте – это медицинская помощь – 40%, 20% – не пользовались и 20% воспользовались оформлением документов.

Немаловажную роль в осуществлении социальной работы играют средства массовой информации. Исследование показало, что основным способом получения информации от внешнего мира в СИЗО-1 являлся телевизор (93%), родные и знакомые (46%), СМИ (40%) и радио (40%) оказались самыми доступными и эффективными средствами для получения информации.

Также респонденты выбрали те виды социальной помощи, которые, по их мнению, являются обязательными для осуществления социальной работы в пенитенциарных учреждениях. 40% считали, что основной должна быть помощь наиболее нуждающимся (инвалидам, пенсионерам, несовершеннолетним). Каждый пятый респондентов ответил, что необходимо содействие в адаптации, организация досуга и подготовка к выходу на свободу (20%). Менее всего заключенные нуждались в такой социальной помощи, как составление плана обучения, правовая и психологическая помощь.

Таким образом, подозреваемые, обвиняемые и осужденные считают, что, социальная работа в СИЗО-1 г. Якутска осуществляется на среднем уровне. Это обусловлено тем что, в следственном изоляторе есть возможности продолжить учебную и трудовую деятельность, в отношении них применяются большинство социально-полезных технологий, виды социальной помощи и сами респонденты считают, что, социальная поддержка в пенитенциарных учреждениях необходима.

Библиографический список:

1. Состояние преступности в России за январь-июль 2016 г. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/8306504/>
2. Холостова Е.И. Социальная работа. М.: Изд-во «Дашков и Ко», 2013. 612 с.

ДОСТОИНСТВА КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сыроед Н.С., Деменок А.С.

В практике современных исследований в области социальных наук, количественные методы по-прежнему сохраняют очевидное первенство. Однако, «они все чаще испытывают сильное давление со стороны более гибких, качественных методов» [2, с. 2]. К тому же количественные методы далеко не всегда позволяют раскрывать многие существенные явления, в частности, глубинные механизмы возникновения массового сознания. Кроме того, как справедливо указывает В.А. Ядов, несмотря на то, что «применение количественного подхода со времен Конта – синоним научности, главная причина разочарования в традиционных жестких методах исследования – неудовлетворенность фрагментарностью получаемых данных» [6, с. 4].

Интерес исследователей к установлению причинно-следственных связей и мотивационных механизмов различных социальных явлений. стимулировал рождение качественных методов в социологии и других науках

В современной науке качественные методы исследования получают все большее признание. Их преимущество заключается в отсутствии жесткой формализованной схемы сбора данных и статистической формы полученных результатов. Качественные методы опираются на активность респондентов, учитывают роль неосознаваемых факторов человека, его установок и представлений в интерпретации получаемой информации, выражении собственного мнения и проявлении мотивов выбора [3, с. 8].

Другими несомненными достоинствами качественных методов исследования в сравнении с количественными методами являются следующие: во-первых, качественные методы, в отличие от количественных, которые основываются на статистических процедурах, носят нестандартизованный характер. О.Ю. Лысенко и И.М. Марковская отмечают, что качественные методы направлены на широкое изучение всего спектра проявлений объекта и не прослеживают его количественные закономерности, ориентируясь на раскрытие причинно-следственных связей и анализ самого процесса изменения и взаимодействия изученного объекта как внутри себя, так и с окружающей его реальностью, давая тем самым возможность для более глубокого и полного понимания и объяснения социально-психологических явлений [3, с. 9].

Во-вторых, формулировки вопросов и вариантов ответов стандартизированного опросника могут не совпадать с имеющимися в сознании респондента категориями, которыми он оперирует при восприятии объекта исследования, что приводит к тому, что в результате исследователь получает либо неполную, либо искаженную информацию. Применение качественных, неформализованных методов представляет респонденту возможность высказаться свободно и полно.

В-третьих, достоинством качественных методов является «аппеляция к активности аудитории, в результате чего создаются условия для наблюдения за значениями индивида» [3, с. 10]. В ситуации качественного исследования, максимально приближенной к жизненной, респондент, свободно высказывающий свое мнение, решает творческую задачу представления своих образов в том виде, как они влияют на мотивацию [3, с. 10].

Только качественные методы и их профессиональное применение в социальных исследованиях способствуют раскрытию глубинных механизмов поведения человека, причинности его поступков и нормативно – ценностных оснований его мотивов и действий.

Таким образом, качественные методы относятся к разряду комплексных методов исследования, применяя которые можно получать не статистические количественные закономерности, а «реальное содержание мотивационных и эмоциональных аспектов восприятия информации» [1, с. 8]. Эти методы позволяют: преодолеть фрагментарность данных, получаемых количественными методами, то есть, достичь целостности в описании и понимании изучаемого явления; получить информацию, соответствующую категориальному аппарату, используемому индивидом при восприятии и оценке информации; достичь углубленного понимания исследуемых явлений, не ориентируясь на массовый сбор данных; получать богатый объем данных быстрее и дешевле, чем при помощи традиционных количественных методов [1, с. 9].

Методы сбора качественных данных различны. Они делятся на две категории: индивидуальные методы – интервью, наблюдение; и групповые – фокус-группы, расширенные творческие группы (ECG), Peer-группы, группы конфликта, «мозговой штурм», десантные группы, сензитивные группы, модификация поведения, номинальные группы, Delphi-группы, синектика, адаптационные группы и группы обсуждения без лидера [4, с. 5]

Однако, несмотря на многие достоинства, применение качественных методов все же вызывает дискуссии, главным образом, из-за отсутствия статистических обоснований полученных результатов, что нередко вызывает сомнения в их валидности. В этой связи можно сослаться на высказывание Ричарда Лапьера, известного психолога из Стэнфордского университета о том, что «количественные измерения, конечно, точны, качественные, конечно, имеют субъективные ошибки, тем не менее, представляется более ценной тонкая догадка, чем аккуратное исследование по не относящемуся к делу явлению» [4, с. 5]. Дж. Кэмпбелл подчеркивает значимость возможности количественной проверки информации, полученной на основе применения качественных методов. В этом случае информация обладает и внутренними механизмами валидации, хотя эти механизмы до настоящего времени остаются недостаточно изученными [6, с. 5]. На эти же обстоятельства указывают и другие исследователи.

Опыт наших научных исследований, проводимых на кафедре социальных наук Школы гуманитарных наук ДВФУ, также убедил нас в том, что качественное исследование гораздо шире и детальнее, чем количественное. А так как мы в своих работах в основном исследуем конфликты во всем их многообразии, то качественный анализ является неотъемлемой частью всех наших изысканий. Отчасти мы опираемся и на количественные показатели (статистические данные или процентные соотношения), но глубинный и целостный анализ возможен только при использовании качественных методов исследования.

Таким образом, мы можем увидеть очевидные достоинства качественных методов, открывшиеся в уже многолетнем опыте их применения, которые все больше привлекают ученых.

Библиографический список

1. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Прогресс, 2001.
2. Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях // Введение в практическую социальную психологию. М.: Наука, 2014.
3. Лысенко О.Ю., Марковская И.М. Качественные методы социально-психологических исследований: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001.
4. Мельникова О.Т. Качественные методы в решении практических социально-психологических задач // Введение в практическую социальную психологию / под ред. Ю.М. Жукова. М.: Наука, 1994.
5. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
6. Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология. 1999. № 1.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Тарасов В.И., Нехайчук Ю.С.

Понятие «благосостояние» можно определить как финансовую обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, то есть предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности.

Существует много взглядов известных ученых, которые занимались проблемой обеспечения общественного благосостояния и механизмов его достижения. Так, по мнению Л. Эрхарда, предоставление социальных гарантий – это функция самостоятельной экономики, а не государства. Он считал конкуренцию главным средством обеспечения благосостояния, поскольку она дает возможность всем людям использовать хозяйственный прогресс, особенно в качестве потребителей.

Также, Л. Эрхард обращает внимание, что социальные гарантии, прежде всего, означают создание условий, при которых каждый может и обязан позаботиться сам о себе. Тогда люди будут проявлять инициативу, трудолюбие и изобретательность в поисках увеличения производства. А, если «усилия социальной политики направлены на то, чтобы каждого человека уже с момента его рождения предохранить от всех превратностей судьбы, тогда нельзя требовать от людей, которые воспитаны в таких условиях, чтобы они проявили в необходимой мере такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремление к достижениям в производстве и другие лучшие качества, которые являются решающими в жизни и будущности нации» [1, с. 62].

Свой взгляд по вопросам достижения благосостояния высказал и профессор Гарвардского университета философ Джон Роулз. Он утверждает, что общественное благосостояние зависит лишь от благосостояния беднейшей лица; общество выигрывает тогда, когда достаток этого лица улучшается, однако ничего не выигрывает от роста благосостояния других [2, с. 144].

Кроме различных точек зрения относительно общественного благосостояния также существуют и различные взгляды относительно роли государства в этом процессе. В экономической литературе мы можем выделить две принципиально разные позиции по вопросу роли государства в обеспечении благосостояния населения – неолиберальная и эгалитарная.

Сторонники первого подхода считают нецелесообразным сохранение усиленной роли государства в решении вопросов достижения благосостояния и экономического развития. При этом решение социальных задач, что является предпосылкой улучшения благосостояния, которые не возможно отрегулировать в рамках рыночных отношений, предполагает передать частным негосударственным общественным организациям. Последователи данного подхода (который в условиях кризиса государства всеобщего благосостояния был очень распространен с середины 70-х и до конца 80-х годов) фактически возвращаются к роли государства в период капитализма свободной конкуренции и свободного предпринимательства.

Такая точка зрения предполагает обеспечение каждым индивидуумом благосостояния своей семьи за счет своей предпринимательской и трудовой деятельности, а также высокую степень семейной, в том числе личной, ответственности и индивидуальной инициативы.

Другую полярную позицию – эгалитарную, как известно, занимают радикалы-государственники, которые считают необходимым, чтобы ведущим в экономике была государственная собственность, а доминирующей формой контроля над производством и распределением общественного благосостояния должно быть социальное государство. Понимание основ социально-экономического развития общества, лежащей в основе эгалитарного подхода, наибольшего развития приобретает в конце XIX века, когда увеличился удельный вес государственного регулирования и снизилась степень автократии в вопросах общественного выбора благодаря усилению контроля со стороны парламентов. Это привело к тому, что экономисты стали все больше интересоваться расходной частью государственной деятельности и все активнее искали возможности увеличения ее эффективности.

После появления «экономики благосостояния» и идеи Дж.М. Кейнса о антицикличности бюджетной политики, вопросы влияния государственных расходов на улучшение общественного

благополучия стали центром внимания аналитиков. Дж.М. Кейнс в частности писал, что «идеи экономистов и политических философов – и когда они правы и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято считать. В действительности только они и правят миром» [3, с. 432].

Усредненным вариантом эгалитарного и нелиберального подходов к решению вопросов общественного благополучия можно назвать западную социальную систему, которая нашла свое отражение и реализацию в форме государства всеобщего благополучия, в которой наиболее полное развитие нашла идея отделения механизма хозяйствования от способа распределения (в том числе путем заключения договора между предпринимателями, профсоюзами и правительством).

В соответствии с вышеназванными подходами относительно общественного благополучия почти во все времена, все государства, тем или иным образом были причастны к осуществлению возможных мероприятий для создания государства благополучия.

При реформировании национальной экономики необходимо учитывать влияние трансформационного процесса на благополучие населения. Ведь изменения в различных секторах экономики так или иначе влияют на благополучие общества.

Важное значение для увеличения общественного благополучия имеет диалектическая взаимосвязь финансовой и социальной политик. Он находит свое конкретное проявление в следующих двух определяющих моментах: финансовая политика имеет своей конечной целью финансовое обеспечение материальных и духовных благ как важного условия роста благополучия населения; социальная политика связана с воздействием на отношения между людьми по использованию ими материальных и духовных благ, то есть по использованию ими условий жизни и всестороннего совершенствования членов общества исходя из принципа социальной справедливости.

В условиях рыночной экономики социальная политика имеет целью создание необходимых предпосылок для удовлетворения населением государства, его социальных потребностей и обеспечение социального мира в обществе, консенсуса между индивидуумами, социальными группами, нациями. Социальная политика реализуется через систему социальных гарантий. Она в разных странах имеет различную структуру. Однако, в основном, социальной политикой предусматривается не только борьба с бедностью, но и ее предупреждение.

Цель социальной экономики не сводится к условному распределению по уровню доходов всего населения на богатых и бедных и защиты последних. Основная цель должна заключаться в создании благоприятных условий всем слоям населения, формировании среднего класса. Рост эффективности социальной рыночной экономики является основным источником увеличения общественного благополучия и социального развития государства. Вместе с этим и улучшение условий жизнедеятельности населения осуществляет обратный благоприятное влияние на экономическое развитие страны.

Однако, условием достижения общественного благополучия является проведение сдержанной социальной политики. Государство не должно стараться максимально защищать все бедные слои. Социальная политика, направленная на защиту исключительно малоимущих слоев населения

«... может иметь негативные последствия, поскольку люди стараются изменить свое поведение таким образом, чтобы их статус соответствовал новым критериям. Существует множество предельных случаев, которые можно использовать. Фактически, количество людей, которое относится к категории бедных, может возрасти в результате борьбы с бедностью» [4]. Именно такую ситуацию мы можем наблюдать сегодня в нашем государстве.

Социальные гарантии, с финансовой точки зрения, представляются как система отношений человека и государства в распределении имеющихся ресурсов по поводу удовлетворения основных потребностей, обеспечивающих становление личности в обществе на основе цивилизованности, равной доступности, бесплатности. Удовлетворение этих потребностей способствует благополучию населения в пределах минимального уровня в условиях ограниченной эффективности производства.

Пределы минимальных потребностей подвижны и расширяются за счет развития факторов производства и экономических отношений.

Основным элементом социальных гарантий в денежном выражении в РФ есть МРОТ, что должно обеспечиваться государством. Еще одним количественным показателем является стоимость жизни, которая определяется индексом жизни, что фиксирует набор потребительских благ – то есть это «потребительская корзина». Эта «корзина» признается в качестве минимального прожиточного минимума, который показывает порог бедности и необходим для разработки мероприятий по социальной защите населения. Совокупность гарантий определяет качество и уровень жизни общества. Уровень жизни зависит от степени развития потребностей человека, от количества и качества жизненных благ и услуг, которые используются для их удовлетворения [5].

Основными конструктивными элементами системы гарантий, которые органически содержит в себе показатель уровня жизни населения, гарантии в сферах производства, распределения, обмена и потребления. Гарантии в сфере производства – это гарантии формирования и поддержки развития способностей к труду, гарантии занятости, принятия решений в данной области. Гарантии в сфере распределения – это гарантии получения доходов и социальных выплат на основе общественно признанных путей их формирования. Гарантии в сфере обмена и потребления – это гарантии покрытия денежных доходов и свободного распоряжения ими, равный доступ ко всем рынкам товаров и услуг.

Определение основных факторов социального развития и увеличения общественного благосостояния позволит разработать комплекс мероприятий для роста эффективности производства и предпринимательской деятельности во всех секторах национальной экономики, повышение ресурсоотдачи, качества продукции и тому подобное. Нужно помнить также о двумерную и взаимообуславливающую зависимость благосостояния населения и экономического роста государства. С одной стороны, экономический рост – это путь к достижению общественного благосостояния, с другой – увеличение благосостояния, соответственно, приводит к экономическому росту. Необходимое условие успеха – сбалансированность роста дохода и потребления на душу населения.

Библиографический список:

1. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Начало Пресс, 1991. 261 с.
2. Стиглиц Дж.Э. Экономика государственного сектора. К.: Основы, 1998. 854 с.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 2008. 494 с.
4. Трофимова В.В., Нехайчук Д.В., Тарасов В.И. Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект. Симферополь: Крымский институт бизнеса, 2015. 320 с.
5. Нехайчук Д.В. Взаимодействие механизмов финансового обеспечения государства и регионов. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 432 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ: МЕСТО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ

Титова М.А.

В социальном проектировании городов XX века принято было говорить о градообразующих предприятиях – промышленных центрах, вокруг которых происходило формирование городской среды.

Промышленное предприятие создает рабочие места, требующие населения соответствующего возраста, пола и подготовки. Жизнь данного населения обеспечивается необходимой инфраструктурой, жильем; профессиональная подготовка – соответствующими образовательными учреждениями.

Значимость наличия рабочих мест сохраняет свое ключевое значение для активного развития социальной среды и на современном этапе [4]. Вместе с тем, внедрение новых коммуникационных

технологий открывает новые возможности «дистанционного» строительства профессиональной карьеры [3]. Коммуникационные новшества содержат в себе потенциал для социальной децентрализации – постепенно сокращается необходимость для персонала жить в непосредственной близости от центров деловой активности.

Тем не менее, понятие «относительного перенаселения», созданного экономистами для характеристики сущности явления «безработицы» остается актуальным и вскрывает важную экономическую причину негативных социальных явлений, в частности, негативной демографической динамики. Социальная среда теряет материальную основу своей активности вследствие отсутствия свободных рабочих мест, недоразвитости «производственного» сектора экономики.

Каждый слой населения, каждая социально-профессиональная группа претендует на рабочие места, требующие определенного уровня профессиональной квалификации. Ситуация отсутствия рабочих мест, отвечающих подобным запросам, не только описывается в терминах «относительного перенаселения», но и воспринимается как таковое, что, в свою очередь, способствует сокращению активности социальной среды, в том числе, угасанию репродуктивной динамики.

Важно отметить, что ключевое экономическое значение для «социального здоровья» населения, для позитивной демографической картины имеет не столько непосредственный уровень доходов населения, сколько наличие «рабочих мест», отвечающих запросам той или иной страты, иначе говоря, перспективы трудовой активности.

Например, уровень доходов в профессии может быть относительно высоким, но перспективы будущего трудоустройства детей в той же профессии могут быть низкими, как вследствие отсутствия свободных рабочих мест, так и вследствие невысокого социального престижа профессии. В подобной ситуации можно говорить о том, что социальная среда не мотивирует социально-профессиональную группу к самовоспроизводству [5].

И наоборот, население, занятое в сферах трудовой деятельности, предоставляющей большое количество потенциальных рабочих мест, социально мотивировано к активным репродуктивным процессам. В качестве примера можно привести традиционное крестьянское хозяйство, где каждый новый член семьи является потенциальным дополнительным работником, что способствует благосостоянию всей семьи в целом [1].

Анализ демографической статистики Франции также подтверждает тезис об особой экономической мотивации социального здоровья населения, и в частности репродуктивного поведения. Демографические показатели могут служить «барометром» благополучия социальной среды. Зоны повышенной экономической активности демонстрируют и активную демографическую динамику – это северные районы Франции, тогда как «традиционный» юг характеризуется все большим сокращением численности населения [10].

Вместе с тем, многие исследователи отмечают, что в постиндустриальную эпоху все большее значение приобретает институт образования [9]. Университеты становятся новыми «производствами», новыми центрами всей социально-экономической активности. Отсюда социально-экономическая значимость и предыдущих образовательных ступеней. Неравенство в доступе к образованию – имеется в виду качественное образование, его высокий уровень, то есть дающее возможности для социальной мобильности – остается важной проблемой общества [5].

Ученые признают, что наблюдается определенная динамика функций образования: от социальной селекции, осуществлявшей почти до XX века закрепление тогдашней стратификации [6], к меритократической идеологии, на основе которой предпринимались усилия для предоставления равных возможностей в сфере образования (имевшие некоторые успехи в распространении общего среднего образования, но оставлявшие дифференциацию в приобретении высшего), и ныне – к «парентократической» (от англ. parents – родители) модели, в которой «образование ребенка во всевозрастающей степени зависит от благосостояния и желаний родителей, нежели от его собственных способностей и усилий» [2]. Дифференциация зримо проявляет себя в школе, затем она обретает еще большую определенность в сфере профессионального образования, закрепляется в ней;

так формируется то, что находит продолжение в дальнейших жизненных путях поколения и выражается в воспроизводстве и углублении социального неравенства.

Качество образовательного учреждения все чаще становится ключевым фактором, определяющим социальный статус жилого района, основой для социальной селекции тех, кто может проживать в нем. И вместе с тем, проблема социального расслоения детства становится одной из важных проблем для современной социологии [7].

Экспертный опрос глав московских инвестиционных строительных компаний показал, что важное значение для успешных продаж жилья в новых жилых комплексах имеет наличие в них образовательных учреждений. Образовательные структуры становятся новыми «градообразующими» предприятиями. Тем не менее, сами образовательные учреждения остаются для всех участников сферой «инвестиций в будущее», а не сферой извлечения прибыли.

Эксперты образования также поддерживают мнение, что образовательные учреждения высокого рейтинга не могут и не должны «зарабатывать деньги». Примером тому являются, в том числе, самые дорогие университеты и школы мира, существующие, несмотря на высокую плату за обучение, за счет средств спонсорских и благотворительных фондов.

«Доходность» образовательных учреждений проявляется иначе: вокруг престижных центров образования люди охотно покупают жилье, что, в свою очередь, приводит к развитию инфраструктуры, активизации экономической деятельности района [8].

Каковы же критерии образовательного процесса, обеспечивающего гарантии дальнейшего социального роста в современных условиях динамичного социума? Какие образовательные структуры могут способствовать «активизации» социальной среды? Международные образовательные стандарты все большее значение уделяют фундаментальному характеру образовательного процесса. Несмотря на то, что фундаментальное образование требует значительных затрат. Государственные и частные инвестиции в фундаментальное образование являются приоритетным направлением современной экономической политики, поскольку являются ключевым условием позитивной экономической, демографической и социальной динамики.

Таким образом, значимым этапом проектирования активной социальной среды становится планирование и организация структур фундаментального образования, служащих залогом успешного решения многих социально-экономических проблем, в том числе, проблемы «относительного перенаселения» в условиях демографического кризиса.

Библиографический список:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996.
2. Браун Ф. Социальные изменения и образование в России // Молодежь России на рубеже 90-х годов. М.: ИС РАН, 1992.
3. Гвоздиков Р.Н. Социальная информатизация общества: вероятность последствий // Вестник СевКавГТУ Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1.
4. Глазунов М.Н. Безработица и занятость. М.: Проспект, 2015.
5. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: ЦСПиМ, 2010.
6. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. М.:КДУ, 2008.
7. Тёрнборн Й. Социология: призвание и профессия. М., 2012.
8. Эффективность реализации национального проекта «образование»: оценки, мнения, суждения. М.: ЦСП, 2007.
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
10. INSEE. Population. <http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp>

ИССЛЕДОВАНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОСОВСКИХ СЕРБОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД МЕТОДОМ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Толвайшиц Л.

В настоящей статье представлены итоги исследования исторической идентичности косовских сербов в послевоенный период (с 1999 г.). Исследование проводилось методом включённого (участвующего) наблюдения. Анализ эмпирических данных производился методом нарративного анализа, находящего всё более широкое применение в исследованиях идентичности [1, с. 92, 72-110]. Базовый нарратив определяется по преобладающим символам и элементам дискурса, повторяющимся в индивидуальных историях, собранных на всей территории края и отличающихся постоянством. Базовый нарратив охватывает события, отношения между действующими субъектами, цели, а также оценку действий, осуществлённых в прошлом, осуществляемых в настоящем и предлагаемых на будущее. Предпочтение методу нарративного анализа отдано ввиду его открытости и гибкости: настоящий метод позволяет представителям исследуемой группы свободно излагать свои представления, а исследователям – выявлять релевантные когнитивные переменные [2; 3].

Сбор эмпирических данных производился в ходе полевого исследования в местах проживания сербского населения на всей территории Косова и Метохии с июня 2009 г. по декабрь 2016 г. В основу выборки мест и событий положены следующие критерии репрезентативности: посещаемость события, значение события (значимость повода, освещение в СМИ, уровень официальности) и регулярность событий (предпочтение отдавалось наиболее регулярным мероприятиям). Особое внимание уделено местностям, опыт военных и послевоенных лет которых подразумевает наличие особо тяжёлых травм, оставляющих глубокий след в коллективной памяти населения.

Основные вопросы исследования включают в себя преобладающие формы увековечивания исторической памяти, выбор памятных событий и механизмы становления, поддержания и передачи коллективной памяти косовских сербов. Исследование опирается на дискурсы, развиваемые в ходе памятных мероприятий, интервью с участниками, репрезентативное творчество местных авторов и символы идентичности, доминирующие публичным пространством.

Анализ форм увековечивания коллективной памяти в Косове и Метохии в исследуемый период позволяет прийти к заключению, что индивидуальный и коллективный опыт войны 1999 г. и последовавшего послевоенного периода лёг в основу современной коллективной идентичности косовских сербов. Практика увековечивания памяти на всей территории края свидетельствует об исключительной степени гомогенности дискурсивных тем и истолкований, в общей сложности составляющих преобладающую модель коллективной памяти. Доминирующие мотивы коллективной памяти обусловлены опытом незащищённости гражданских лиц от этнически мотивированного насилия, несмотря на внушительное присутствие международного войскового контингента, безнаказанность виновников и непрекращающаяся опасность. Случаи нападений на гражданские лица и саботажа памятных мероприятий отмечаются в течение всего периода, охваченного настоящим исследованием, а волны эскалации насилия непосредственно коррелируют с динамикой политических процессов. Недоверие косовских сербов к международным миссиям и властным институтам, базирующимся в Приштине, обусловлено также игнорированием сербской коллективной памяти со стороны последних: в течение всего периода исследования не зафиксировано ни единого случая участия представителей международных сил в мероприятиях, посвящённых памяти сербских гражданских жертв косовской войны.

В условиях сохраняющейся внушительной этнической дистанции и закрытости косовского публичного пространства для памяти сербских жертв войны, в коллективной памяти преобладает мотив насилия Армии освобождения Косова (АОК) над гражданским населением, осуществлявшегося с 1998 г. Некритическое возвеличивание АОК в публичном пространстве Косова и атмосфера безнаказанности не способствует установлению сербско-албанского диалога на темы памяти войны и послевоенного времени.

В преобладающей модели исторической памяти налицо ярко выраженная склонность увязывать в единый дискурс события довоенного времени, бомбардировки 1999 г., послевоенный период и погромы марта 2004 г. Опыт повседневной жизни, преломляемый сквозь призму исторической преемственности, отражается в практических формах сохранения памяти. В модели коллективной памяти косовских сербов очевидны непосредственные связи с предыдущими историческими периодами. В ходе исследования методом нарративного анализа эволюции коллективной памяти косовских сербов обнаружено происходящее в течение 17 послевоенных лет возрождение к жизни исторических и эпических символов, образов, метафор и когнитивных схем, отсылающих к XIV веку и объединяемых в единое циклическое повествование о дальнейшей сербской истории (напр., «Второй косовский бой», «второе османское иго»). Воспринимаемые как не утратившие актуальности, они массово используются при истолковании событий современности и действий современных акторов. Политические метафоры и образы актуализируются перед лицом кризиса идентичности. Возрождение и возобладание исторического нарратива по мотивам древности произошло в момент, когда сербы края оказались на историческом перепутье, в условиях непрекращающейся межэтнической напряжённости, социальной и политической неопределённости, сменяющейся ускоряющимися переменами в статусе края и населяющих его сообществ. Приспособление косовско-сербского сообщества к опасности и угрозам выразилось в вышеупомянутой форме самосознания, а также массовой посещаемости праздников. Заготовленная когнитивная схема нацелена на координацию коллективного действия.

Мероприятия, проводимые по случаю памятных дат – как связанных с послевоенными травмами, так и традиционных праздников – в рассматриваемый период обрели функции сплочения и гомогенизации косовско-сербского общества. Прочно закрепившиеся в базовом дискурсе и визуальном оформлении тесного пространства сербских анклавов мотивы памяти, не меркнущие с течением времени, распространены на всей территории края.

В установившейся модели исторической памяти традиционные государственные, церковные и народные праздники увязываются с историческими мотивами страдания, обретшими актуальность в контексте настоящего времени. Праздники, исполненные символики и риторики индивидуального и группового самоотождествления с традицией, наделены мощной функцией сплочения индивидов в единое и единодушное сообщество, однородное в культурном и социальном отношениях.

Совокупность индивидуального опыта косовских сербов в послевоенный период легла в основу коллективной памяти анклавного сообщества. Нарративный анализ показал, что в преобладающей картине коллективной памяти, состоящей из индивидуальных повествований, на всей территории края последовательно повторяются следующие символы и дискурсивные ключевые слова: окружение гетто как закрытое, огороженное стенами и колючей проволокой пространство; утрата дома и города; сёла, стёртые с лица земли; разрушенные церкви; непостоянство – временный статус перемещённых лиц; утраченная свобода передвижения; изгнание; исчезновение; страх; терпение; постоянная опасность для индивида ввиду его принадлежности к определённой этнической, культурной и конфессиональной группе; преждевременно прерванное детство; неопределённость будущего; чрезвычайное положение; ненормальные условия жизни, ставшие нормой; а также действительность, по ужасу превосходящая смерть (имеются в виду волны погромов мест памяти и беспрецедентная история торговли органами похищенных сербов).

Особая роль в поддержании и координации становления нарратива коллективной памяти косовских сербов принадлежит Сербской Православной Церкви, однако налицо консенсус и прочих действующих субъектов, координирующих его – интеллигенции, деятелей искусства и местной политической элиты. Базовым нарративом выдвигаются следующие цели и действия, предлагаемые для сербского сообщества края: выжить в Косове вопреки гнёту; хранить память о пережитом опыте, единство и преемственную связь поколений, поощрять рождаемость, сохранить единство сербов вопреки уходу институтов сербского государства из края. Базовый сербский нарратив о Косове основывается на идее естественных связей территории края с сербским народом, наделённым

самобытной этнокультурной идентичностью. В нарративе подчёркиваются ценности этнокультурной солидарности, преданности индивида сообществу, верности цели выживания сообщества, готовности жертвовать личными интересами на благо народа и государства. Угрозы и травмы послевоенного времени усиливают мотив выживания сообщества [4].

Конкурирующий нарратив отталкивается от противоположного утверждения об отношении гражданина, народа и государства, в центре которого находится индивид, а не сообщество. Конкурирующий нарратив в крае представлен в политических кругах косовских сербов, избравших тактику кооптации в институты самопровозглашённой республики Косова, а также в части политических и интеллектуальных кругов Сербии. Представители конкурирующего нарратива заявляют о рукотворном и манипуляционном характере господствующего в Сербии нарратива о Косове, как и, впрочем, об искусственной природе самого понятия нации в ключе конструктивистской и инструменталистской парадигм этнополитики. На первый план выдвигаются гражданская концепция нации и универсальные глобальные ценности, а значимость этнокультурных особенностей для политической организации маргинализируется. Нарративом «новой реальности» выдвигается цель интеграции косовских сербов в институты самопровозглашённой республики как единственно возможный путь к выживанию в крае [5, с. 224-227]. Несмотря на усилившееся в последние годы поведение косовских сербов в рамках предлагаемой контрнарративом кооптационной тактики выживания, в ходе исследования не обнаружено сколь-либо значимого выражения конкурирующего нарратива среди населения сербских анклавов Косова и Метохии.

Библиографический список:

1. Sylvan D.A., Metskas A.K. Trade-offs in measuring identities. A comparison of five approaches // Abdelal R., Herrera Y.M., Johnston A.I., McDermott R. (eds.) *Measuring Identity: A Guide for Social Scientists*. Cambridge. 2009. P. 72-112.
2. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 4(16). С. 23-33.
3. Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 33. С. 6.
4. Tolvaišis L. Kosovo serbų bendruomenė: istorinės atminties ir nacionalinių naratyvų raida pokario laikotarpiu (1999–2015 m.) // Aleksandravičius E. (red.). *Tautiniai naratyvai ir herojai Vidurio Rytu Europoje po 1989 m.* Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, Versus Aureus. 2015. P. 379-467.
5. Tolvaišis L. Historical Memories of Kosovo Serbs in the Post-War Period and Conflicting Serbian National Narratives About Kosovo. *Darbai ir Dienos*. Vol. 60. 2013. P. 201-232.

УРОВЕНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Трофимова Е.Л.

В исследованиях педагогов, политологов, социологов за последнее десятилетие неоднократно отмечалось, что у современной молодежи сформировалось скорее негативное отношение к службе в армии, отсутствие чувства долга перед Родиной, что в целом свидетельствует о низком уровне гражданской идентичности [1-4]. В то же время в последние годы наметилась тенденция позитивных сдвигов: повышается престиж службы в армии, учебы в военных вузах, активизировалось направление военно-патриотического воспитания. Идеи объединения российского народа способствуют повышению уровня гражданской идентичности. Авторы, в том числе Л.М. Дробижева обращают внимание на то, что в условиях возрастающей угрозы терроризма и экстремизма, ростом ксенофобий востребована гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение [5-7]. Сформированность гражданской идентичности предполагает принятие своей принадлежности к государству, возникновение чувства сопричастности к проблемам страны и ответственности за происходящее и будущее Родины, позитивное отношение к Отечеству и готовность реализовать

гражданское поведение. Готовность защищать интересы Родины и своего народа, стремление к службе в армии являются индикаторами поведенческого компонента гражданской идентичности.

Целью нашего исследования стало выявление уровня гражданской идентичности солдат срочной службы.

Мы предполагаем, что уровень гражданской идентичности и отношение к срочной службе в армии у студентов и солдат срочной службы различны: юноши, проходящие службу по призыву в армии, имеют более высокий уровень гражданской идентичности в целом и поведенческого компонента в частности.

В исследовании принимали участие 85 молодых людей, из них 40 –юноши призывного возраста, проходящие на момент исследования срочную службу в воинских частях и 45 юношей – студенты очного обучения Байкальского государственного университета (направлений обучения: «Экономика», «Психология», «Управление персоналом»).

В качестве методов исследования использовались:

- метод свободных ассоциаций;
- проективная рисуночная методика «Нарисуй человека»;
- опросник личностного роста И.В. Кулешовой, П.В. Степанова, Д.В. Григорьева (шкала отношение к Отечеству);
- авторская методика «Опросник гражданской идентичности».

Обсуждение результатов исследования.

Изучая отношение к Отечеству, как компонент гражданской идентичности, мы применяли опросник И.В. Кулешовой, П.В. Степанова, Д.В. Григорьева. Авторы рассматривают отношения как ценностные (позитивные), неценностные (равнодушные) и антиценностные (негативные). Юноши, проходящие службу по призыву в армии, продемонстрировали более позитивные установки к Отечеству: 72,5% из них имеют устойчиво-позитивное, 25% – ситуативно – позитивно отношение и у 1 респондента (2,5%) зафиксированы ситуативно-негативные оценки. Среди юношей студентов ответы распределились следующим образом: 24,4% – устойчиво-позитивное, 57,8% – ситуативно – позитивное и 17,8% – ситуативно-негативное отношение. Различия по шкале достоверны по t-критерию Стьюдента при $p=0,06$.

Для исследования уровня гражданской идентичности и степени выраженности отдельных компонентов (когнитивный, поведенческий, эмоциональный) нами был разработан опросник из 10 вопросов. Опросник позволяет выявить как степень сформированности каждого компонента, так и по суммарному баллу – уровень гражданской идентичности. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень гражданской идентичности

	Компоненты гражданской идентичности			Уровень гражданской идентичности
	Когнитивный (max. 9)	Эмоциональный (max. 15)	Поведенческий (max. 13)	
Солдаты	7,8	10,5	10,3	28,6
Студенты	6,4	9,3	8,7	24,3
t-критерий при $p=$	0,001	0,005	0,0004	0,0001

Показатели, как по отдельным компонентам, так и по уровню гражданской идентичности у всех респондентов находятся в диапазоне средних значений. Наиболее высокие оценки выявлены по шкале когнитивного компонента, то есть опрошенные идентифицируют себя как граждане, и считают, что частично знают историю и культуру своей страны. Самые низкие балла оказались по

шкале эмоционального компонента, свидетельствующие о том, что чувство сопричастности с жизнью страны, единения, гордости за достижения возникают ситуативно. Тем не менее, у юношей, проходящих службу по призыву в армии, значения по всем шкалам достоверно выше.

Один из этапов нашего исследования – это метод свободных ассоциаций (респонденты не ограничивались в выборе ассоциаций). На предъявление стимула в виде слова «армия», респонденты должны были написать все приходящие на ум ассоциации. Далее проводилась семантическая обработка, т.е. выявление смысла, раскрытие плана содержания информации. Помимо этого нами учитывались качественные показатели (негативная – положительная оценка и повторяемость одни и тех же слов). С полученными результатами можно ознакомиться в таблице 2. Самые часто встречающиеся ассоциации у студентов и солдат: «форма», «солдат», «дембель», «встреча», «военный билет», «дедовщина», «насилие», причем, наиболее часто встречающиеся ассоциации имеют, в основном, положительную окраску.

Таблица 2 – Характер ассоциаций у студентов и солдат срочной службы

Характер ассоциаций	Солдаты срочной службы	Студенческая молодежь
Положительные	(53%)	(24%)
Отрицательные	(27%)	(71%)
Нейтральные	(20%)	(5%)
Общее количество	80	85

Негативная оценка армии выражалась следующих словах: у студентов – «война», «усталость», «суицид», «агрессия», «обман» «подстава» «дедовщина»; у юношей, проходящих службу по призыву в армии – «дедовщина», «духи», «дисбат», «тюрьма», «мучение», «голод», «страх», «самовольное отлучение от части», «побег», «ненависть».

Следующим этапом исследования стал анализ материалов, полученных по проективным рисуночным тестам «Автопортрет» и «Нарисуй человека».

Обобщая интерпретации рисунков изображенных солдатами срочной службы и студенческой молодежью, мы можем проследить некоторую схожесть в рисунках. Образ солдата практически на всех рисунках находится в подвешенном состоянии, без опоры, так что тот кажется парящим в воздухе, что, вероятно, можно характеризовать как оторванность от реальности, склонность к фантазии и играм воображения, слабый контакт с действительностью. Рисунки солдат срочной службы отличаются детальностью, а также четкостью прорисовки и выделения черт лица, то есть говорят о социальной желательности, могут быть попыткой создать образ успешного человека, подчеркнутое лицо в большинстве рисунков говорит о сильной озабоченности отношениями с другими. Рисунки студентов преимущественно свидетельствуют о недостаточной зрелости, инфантильности.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать следующие выводы: гражданская идентичность юношей, проходящих службу по призыву в армии, характеризуется средним уровнем сформированности когнитивного и поведенческого компонентов с тенденцией к высоким значениям, но при относительно более слабо позитивно выраженном эмоциональном компоненте, то есть осознанием себя как гражданина страны, выполняющего долг перед Родиной, но не испытывающим при этом чувства гордости, сопричастности и ответственности за происходящее в стране.

Выявленные в ходе исследования результаты позволили увидеть, какие характеристики ассоциируются с армией, и солдатом на декларативном и проективном уровнях. Обнаружено, что в оценках солдат срочной службы преобладают позитивные установки по отношению к Отечеству, ядро ассоциативного поля также состоит преимущественно из положительно окрашенных характеристик, однако, возможно и мотивированное искажение ответов вследствие проведения исследования по месту службы, непосредственно в воинской части. В ассоциативном ряду выявлены и ярко эмоционально окрашенные отрицательные оценки, рисуночные методики подтверждают стремление к созданию положительного образа военнослужащего, но демонстрируют и наличие проблем.

Библиографический список:

1. Битев А.С. Некоторые аспекты проблемы формирования позитивного отношения молодежи к службе в армии в системе образования // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 1-1 (46). С. 29-32.
2. Брюшков Д., Любаев А. Исследование отношения студентов к службе в армии в процессе изучения дисциплины безопасность жизнедеятельности // NovaInfo.Ru. 2014. № 27. С. 243-247.
3. Губарева В.Р. Негативное отношение молодежи к службе в армии и его социальные причины // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 10 томах. 2015. С. 51-52.
4. Котельникова Е.А. Проблема отношения молодежи к службе в армии // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/06/3235>
5. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 10-30.
6. Дробижева Л.М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12-17.
7. Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11.

ВИЗУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И АХИЛЛЕСОВА ПЯТА ГЕРМЕНЕВТИКИ

Трунёв С.И., Антонюк Е.Ю.

Когда В. Дильтей формулировал принципы герменевтики, он прекрасно понимал то, что перенести сознание интерпретатора на место сознания интерпретируемого (автора) крайне сложно, в виду контекстуальности самого сознания. Описывая герменевтику Дильтея, К.Г. Гемпель написал буквально следующее: «... [историк – прим. авторов] на время обобщает свои чувства в общее правило и использует последнее в качестве объяснительного принципа для истолкования действий рассматриваемых людей» [1, с. 27]. Вопрос в том, насколько правомерно судить о произведении искусства давно минувших дней по выводам, сделанным исходя из собственного (теперешнего) сознания. Впрочем, есть еще и бессознательное, о предустановках которого мы сознательно умолчим.

Когда Г.Г. Гадамер решал проблему герменевтического круга, он также прекрасно понимал, что перенесение сознания на место (и во время) другого сознания практически не возможно. Фактически он решил данную проблему посредством понятия «наброска» или же предпонимания. Да, мы не можем отстраниться от контекста, в рамках которого сформировалось наше сознание, но мы можем осуществить некий «диалог» с текстом или с его автором. Собственно, это далеко не та проблема, которая нас интересует: нас интересует именно ахиллесова пята герменевтики, которую мы хотели бы обозначить термином «отсутствие случайности». Отчасти она связана с проблемой контекстуальности сознания, но коррелирует с ней скорее косвенным, нежели прямым образом.

Читаем представителей качественной социологии, и что мы видим? Качественная социология пошла по пути классической герменевтики, понимая автора снимка (серии снимков) как автора, в воплощенном замысле которого нет *ничего случайного*. Итак, перед нами текст или фотографический текст или текст, сопровождающий фотографический текст. По этому поводу Е. Мещеркина-Рождественская пишет, что анализ данных феноменов культуры развивается в три этапа: дескрипция, реконструкция и социально-культурная интерпретация. Сразу оставляем вне поля нашего зрения дескрипцию, поскольку язык описания в терминах чувственных ощущений с необходимостью будет в определенной степени субъективным (эту проблему поставили и не смогли удовлетворительным

образом разрешить еще неопозитивисты). Далее следуют реконструкция и социально-культурная интерпретация, и здесь нам придется привести довольно пространную цитату:

«Реконструкция:

- сначала текст и изображение разделяются, чтобы отдельно обыграть их значение на предмет совпадения и различия; это интерпретативное обыгрывание посылов текста и изображения призвано раскрыть их символическое содержание и тем самым *герменевтически* (*курсив авторов*) («целое определяет детали») приближает к латентной символической структуре:

- одновременно это и анализ формы, элементов формы текста и изображения, ведущий к реконструкции культурного контекста.

Социально-культурная интерпретация:

- заключается в формулировании символического и смыслового содержания уплотненных толкований изображения и текста;

- здесь реконструируется символическое содержание значений как культурных смысловых образцов» [2, с. 31].

На наш взгляд, при наличии наукообразных терминов, данный алгоритм не решает целый ряд вопросов. Во-первых, конечно, с новой силой встает проблема контекстуальности сознания. Иначе говоря, на каком основании мы, исходя из собственных латентных предпосылок, пытаемся анализировать сознание фотографа и даже делать относительно сделанного им снимка некоторые далеко идущие выводы? Даже если мы имеем на руках всю информацию об авторе, его эстетических предпочтениях, повлиявших на его творчество школах и т.п., наша интерпретация может оказаться плодом наших же «фобий», «филий», истерий и неврозов...

Второй момент: на каком основании мы рассматривает визуальный текст (или визуальный ряд) как что-то, что не содержит в себе элемент случайности? Мы понимаем, что это не более (но и не менее) чем издержки герменевтического метода, но от этого признания наши выводы не становятся более достоверными. Ставим вопрос ребром: можно ли рассматривать визуальный ряд, созданный определенным автором как нечто, в рамках чего нет никакого материала, занесенного волей случая? Позволяют ли наши, пусть даже исчерпывающие знания об авторе решить данный вопрос? Иначе говоря, сводится ли визуальный материал к авторской воле (замыслу фотографа) или нет?

Полагаем, что здесь герменевтика работает не столь эффективно, как того требуется. А можно ли рассматривать в качестве альтернативы совокупность практик работы с визуальными текстами – деконструкцию? Ведь она хороша в плане результатов, но предполагает культурную осведомленность Ж. Деррида, то есть его *личную* включенность в культуру (чего по известным причинам невозможно себе представить) или же, возможно, осведомленность еще пары-тройки относительно современных европейских интеллектуалов.

Таким образом, методы качественной социологии (антропологии), плотно завязанные на методологии классической герменевтики, оставляют желать даже не лучшего, а хотя бы чего-то еще. Пора, наконец, отойти от фигуры Автора, равно как и от представлений о визуальном тексте как о речи. Но хватит ли у нас интеллектуального бэк-граунда на деконструкцию (или даже на исследования в стиле Ролана Барта)? В любом случае стоит заново поставить вопрос о том, как вести качественные социологические исследования. На какую методологию и на каких авторов опираться? Давайте будем думать.

Библиографический список:

1. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.

2. Мещеркина-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.

ДЕСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ В АСПЕКТЕ РАЗВЕРТЫВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Уваров Е.А.

В контексте рассуждений о современных социальных деструкциях невозможно не согласиться с В. Франклом, утверждающего, что каждому времени свойственен свой невроз [1]. Задаваясь вопросом осмысления причины современных социальных девиаций, приходишь к выводу не только о частных проявлениях, но и всеобщности распространения глубокой психологической травмы, поразившей общество и отдельно взятого человека.

Следует признать, что в настоящем мы являемся участниками развёртывания новой жизненной реальности, которая по пессимистичным представлениям приближает нас к социальному тупику и, даже, по ряду мнений, цивилизационному небытию. Вполне вероятно, что человечество находится в точке бифуркации, с абсолютно непредсказуемой траекторией дальнейшего развития: одна может человечество вести к новому Ренессансу в своем развитии, с глубинными духовно-нравственными приобретениями, другая, к деструкции и его полному «оскотинивливанию» [2].

В современном социальном пространстве все отчётливее начинает проявляться образ симулятивного мира, который своими установками или, более категорично, своей «нежизненностью» создает псевдочеловека, изменяя его ценностную и смысловую заданность, другими словами, высшую сущность человека. Автор об этом неоднократно писал в своих работах [3; 4]. Всё последнее столетие человек ощущает угрозу своему существованию, и, к сожалению, на пороге нынешнего века, ощущение опасности усиливается.

Свидетельством нестабильности человечества является постоянно пополняющаяся нозологическая группа социальных и психологических девиаций, жизненная усталость среди которых занимает особое место.

Жизненная усталость как коллективный синдром современного общества, принадлежит к области глубоких социальных аномалий и свидетельствует, по мнению Ж. Бодрийера, о появлении «нового зла века». По существу, жизненная усталость является следствием глубокой цивилизационной травмы, ставшей ответом на слом исторических эпох. В европейской цивилизации, после экспансивного распространения ее модели по всему миру, начинают наблюдаться процессы, напоминающие импловивный взрыв, то есть движение вовнутрь; своего рода, схлопывание. В настоящее время мы находимся, по всей видимости, в эпицентре такого рода исторического и социального сжатия.

Жизненная усталость в совокупности приводит к многочисленным социальным и психологическим девиациям, а в целом, к жизненному кризису человечества. Можно заключить, что усталость ведет борьбу против себя самой в виде скрытого протеста в форме бессознательной активности. При этом нужно признать, что такого рода «пассивный отказ» от жизни фактически является скрытым насилием над собой и представляется одним из возможных ответов на социальный вызов. Другими словами, усталость не ведет к аномии в традиционном ее понимании и не является противовесом внешней гиперактивности. Она выступает единственной формой активности, противостоящей существующей социальной модели, которая принуждает человека к отчуждению от современной реальности, то есть от самого себя, своего реального «Я» и включенности в жизненное пространство.

Жизненная усталость как психологический феномен отличается дефинитивной и смысловой многозначностью. Поэтому вопрос осмысления данного явления, его категоризация, весьма сложен и нуждается в своей дальнейшей проработке. С большей долей определенности, и наши исследования это подтверждают, можно сказать, что многочисленные проявления жизненной усталости могут быть объединены в один кластер, обозначаемый как отказ от авторства собственной жизни. Другими словами, происходит отчуждение от себя, разрушение внутреннего мира и самоутверждения в жизненном пространстве.

Жизненная усталость является всеобщим состоянием индивида, находящегося в непредсказуемом, неустойчивом и хаотичном социальном пространстве. Жизненное пространство, по нашим представлениям, являет собой реальность бытия, которая, в свою очередь, является производным результата самоутверждения человека или «призыва человека к себе» (по Э.Фромму) в процессе выстраивания собственного жизненного пути [2; 4].

Причина возникновения жизненной усталости во многом вызвана пронизанностью жизненного пространства огромным количеством спонтанно возникающих и беспричинно исчезающих связей, явлений, событий, что связано с хаотичностью происходящих социальных процессов. Поэтому на фоне социальных флуктуаций категоризировать вновь возникающие социальные и личностные девиации представляется весьма проблематичным, поскольку жизненные перипетии намного опережают научные модели, способные их выявить и описать.

Исходя из этого, природу жизненной усталости определить достаточно сложно, поскольку она всецело исходит из бытия человека, которое на сегодня размыто и не имеет четких предметных границ.

Тем не менее, в самом общем виде жизненная усталость представляет собой общее психологическое состояние человека, которое характеризуется отсутствием жизненной цели, нарушением идентичности, девальвацией ценностной основы. То есть, всего того, что определяет точку опоры развития и существования человека. Для такого состояния характерна дезорганизация бытия и неукоренённость в нем человека. Пожалуй, самым трагичным в этом является разрушение духовно-нравственных и сопряженных с ними ценностно-смысловых координат, в рамках которых собственно только и возможно существование человека.

Оказавшись в «пустом» социальном пространстве, лишённый смысловых ориентиров, индивид начинает испытывать состояние заброшенности, ненужности и экзистенциальной фрустрированности. Кроме того, у человека наступает кризис системы ожиданий, поскольку он лишён не только перспективы будущего, но и надежд на нее.

С одной стороны, нарушение традиционных трансакций с социумом, с другой, размывание внутреннего мира, приводит к состоянию одиночества и пустоты, что, в конечном итоге приводит к состоянию жизненной апатии и отчуждению. При этом никакие рациональные усилия и современные оздоровительные технологии, направленные на преодоление кризисного состояния не могут привести к желаемому результату.

Для жизненной усталости характерно опрокидывание привычного восприятия пространства мира. По сути, это тотальный кризис бытия, который приводит к целой гамме девиаций, предметный ряд которых в дальнейшем будет пополняться. В своей знаковой работе «Мужество быть» П. Тиллих пишет, что человек есть человек лишь потому, что в соответствии со смыслами и ценностями обладает способностью понимать и формировать реальность, то есть свой мир и самого себя как часть этого мира. Утрата смысла априори приводит к возникновению небытия и угрозе духовной жизни человека. В свою очередь, угроза духовному бытию разрушает всю жизненную полноту существования человека [5].

Современный человек в поиске себя и своего места в мире становится качественно «другим», часто «никаким» в том смысле, что на фоне ускоряющихся жизненных процессов превращается в фантомную неуловимость, в некий промежуточный образ между одним и другим проявлением. Об этом пишет английский писатель Джон Фаулз, найдя достаточно точное по смыслу определение – «немо», состояние «никтожества», при котором человек оказывается никем. «Немо», по мнению автора, испытываемое человеком чувство собственной бесполезности и преходящести, то есть относительности существования, мимолетности и фактической ничтожности.

Трагедией человека является то, что в происходящих изменениях он не смог найти себе место и обрести удовлетворение от их результатов. Человеку стало не доставать того, что придает ему ценность и достоинство как Автору собственной жизни. В конечном итоге, он перестал получать удовольствие от жизни; отказ от жизненности и принятие небытия в разных ее проявлениях стало

реальностью. Существование человека в таком мире превращается в постоянное ощущение предстоящей катастрофы, что в целях нейтрализации экзистенциальной тревоги приводит его к отказу от себя и авторства собственной жизни. С целью достижения мнимой безопасности человечество сбивается в безмолвную массу и заменяет жизненную реальность на псевдосуществование. Именно такого рода ментальный и духовный слом человечества приводит к возникновению глубинной психологической травмы, последствия которой для социума весьма печальны.

Вместе с тем, вне всякого сомнения, человечество хочет избежать вставшей перед ним опасности самодеструкции, хотя постоянно находит бесчисленные аргументы для того, что бы оправдать свое сегодняшнее положение. В этом отношении особого внимания заслуживает такой феномен как жизнеспособность. По нашим представлениям жизнеспособность позволяет сохранять и утверждать собственное существование. Процесс жизнеспособности определяется раскрытием внутреннего потенциала, который позволяет человеку создавать, конструировать мир и самого себя. Это предполагает, что если человек хочет оставаться самим собой он должен осознавать себя, создавать себя и быть ответственным в принятии решений.

Человек, являясь Автором собственного жизненного пути, способен осуществить реальные трансгрессии, направленные на отстаивание реального «Я» и создание новой жизненной реальности. При этом в конструировании жизненного пространства Автор собственной жизни опирается на внутренний потенциал, который выступает в качестве реальной возможности самоутверждения. Для человека-автора социальный вызов является источником роста, а его преодоление способствует переходу в более высокое и совершенное, с точки зрения личностной самоорганизации, состояние.

Библиографический список:

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990
2. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2011. 446 с.
3. Уваров Е.А. Психология «плоского человека»: миф или реальность современности / Практическая психология: от фундаментальных исследований до инноваций: материалы межд. науч.-пр. конференции. Тамбов. Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина. 2011. С.81-96.
4. Уваров Е.А. Психология изменяющегося человека. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. 2013. 179 с.
5. Тиллих П. Мужество быть / в кн.: П. Тиллих. Избранное. М.: «Юрист», 1995. С. 7-131.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛЕГЕНЦИИ В РЕГИОНЕ*

Файзуллин Ф.С.

Воспроизводство интеллигенции, и в том числе национальной интеллигенции, – это сложный процесс, являющийся частью социального воспроизводства общества в целом. На социальное воспроизводство интеллигенции влияют целый комплекс объективных, объективно-субъективных и субъективных факторов. Эти факторы по-разному проявляются и оказывают воздействие на формирование национальной интеллигенции. Эти проблемы, к сожалению, мало изучены в нашей отечественной социологической науке [1, с. 8].

В качестве начального этапа освоения профессии, а также исходной точки в процессах воспроизводства социально-профессиональных групп интеллигенции, следует, прежде всего, рассматривать формирование предпочтений старшеклассников в мире профессий. Именно от выбора молодыми людьми той или иной специальности, требующей наличия высшего профессионального

*Работа подготовлена в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности (№ гос. регистрации 01201456661)»

образования, зависит количественная и качественная выраженность различных групп интеллигенции в социально-профессиональной структуре нашего общества.

Основную роль в профессиональном самоопределении личности играют индивидуальные особенности, склонности и способности, психологические качества личности, ведь благодаря им формируется интерес к тому или иному виду деятельности, и именно они являются отправной точкой профессионального самоопределения личности, в процессе которого на человека оказывают свое влияние и множество других факторов [2, с. 6].

Семья, являясь одним из основных институтов социализации личности, формирует у ребенка самые разнообразные установки и ориентации, в том числе связанные с выбором жизненной карьеры, профессии, уровня образования. Будучи моделью определённого образа жизни и источником жизненных ценностей и убеждений, семья оказывает огромное влияние на выбор профессии, важную роль при этом играют социальный, профессиональный статус родителей, их образовательный и культурный уровень. Нельзя забывать о том, что личность всегда является представителем определенного этноса и идентифицирует себя с ним. Так формируется сознание у людей, что они являются представителями определенной национальной интеллигенции.

Национальная интеллигенция, как известно, представляет собой особую социокультурную группу, в которой группообразующими признаками выступают, с одной стороны, этнические характеристики, с другой – специфические черты интеллигенции как социального слоя. Национальную интеллигенцию вообще следует определить как особую социальную группу, представители которой характеризуются единой национальной принадлежностью, владеют национальным языком и культурой, обладают национальным сознанием и самосознанием, являются высокообразованными людьми, профессионально занимающиеся умственной, творческой деятельностью, направленной на развитие материально-производственной и духовной сфер жизни своей нации, глубоко понимающие нерасторжимость своей индивидуальной судьбы и судьбы своего народа. Данная социальная группа выполняет в обществе культурно-просветительскую, образовательную, воспитательную, инновационную и идеологическую функции.

Так, характерной чертой башкирской интеллигенции, как показали наши исследования, является то, что ее формирование происходило под влиянием различных факторов исторического, географического, экономического, социального, политического, культурного, идеологического характера, что обусловило диспропорцию в её профессиональном составе: количество специалистов в гуманитарной, педагогической и медицинской сферах значительно превышает количество специалистов в научно-технической сфере. Из этого закономерно вытекает и диспропорция в национальном составе научно-технической интеллигенции, например, Республика Башкортостан: представители башкирской национальности представлены здесь в меньшем количестве, чем представители других национальностей.

Исследования обнаружили, что компетентность по отношению к институциональным нормам высшего образования представлена, в основном, девальвацией его ценности в сознании современных студентов и восприятия его больше как средства реализации своих социально-статусных претензий. Однако часть студентов-башкир всё же рассматривает социальный институт высшего образования как основу для своей профессионализации. Компетентность по отношению к конвенциональным нормам социальной регуляции, а именно – к национальным и сословным традициям представлена достаточно хорошо, причем более компетентными в этом отношении являются студенты – выходцы из сельской местности. Что касается уровня полноты и свободы владения языками социальной коммуникации, то владения национальным языком в современной студенческой среде остается достаточно актуальным. Хотя активное внедрение англоязычных слов, отсутствие поддержки национальных традиций со стороны ближайшего социального окружения (особенно у горожан) заставляет задуматься о дальнейшей судьбе башкирского языка.

В ходе исследования были выявлены характерные особенности воспроизводственного процесса национальной интеллигенции Республики Башкортостан.

Во-первых, студенты технических вузов РБ в основной своей массе представлены горожанами, выходцами из семей интеллигенции, не в достаточной степени владеющим языком, культурой, историей, традициями и обычаями своего народа. В свою очередь, сельчане, отличающиеся ярко выраженными этническими характеристиками, не могут составить конкуренцию при поступлении в технические вузы другим категориям абитуриентов. Незначительная представленность студентов из сельских местностей в технических вузах детерминирована действием комплекса социальных факторов: невысоким уровнем школьной подготовки, плохой информированностью, изоляцией от системы довузовской подготовки, материальными возможностями семьи, степенью удаленности от места учебы и т.д., а также невысоким уровнем знаний предметов естественнонаучного и математического циклов, даваемых в сельских национальных школах, недостаточным знанием русского языка. Не очень высокое качество школьного образования на селе, слабое знание русского языка сужает для сельской молодежи спектр выбора специальностей, что снижает возможности их социальной мобильности, в свою очередь, негативно отражаясь и на развитии социально-профессиональной структуры башкирского общества.

Во-вторых, доля студентов башкирской национальности из семей, где родители являются инженерами, ниже доли студентов русской и татарской национальностей, что даёт нам основание утверждать, что среди последних сильно стремление воспроизводства социально-профессионального статуса родителей.

В-третьих, одним из решающих факторов, влияющих на то, что лишь незначительная часть башкирской молодежи предпочитает научно-техническую сферу, является низкий престиж этих профессий в сознании башкирского сообщества.

В-четвертых, у студентов башкирской национальности желание работать по специальности, а также связать свою профессиональную деятельность с республикой достаточно высоко, что является позитивной тенденцией для развития национального научно-технического потенциала региона. Таким образом, при увеличении численности выпускников вузов башкирской национальности, имеющих договоренность с региональным работодателем, можно прогнозировать, что большая их часть будет пополнять интеллигенцию республики.

Анализ факторов, влияющих на процесс воспроизводства национальной научно-технической интеллигенции, позволяет определить возможности научно-обоснованного прогнозирования и управления социализацией и инкультурацией личности в существующей системе общественных отношений, разработать основы социальной политики в области развития национальных высококвалифицированных кадров и преодолению социальных различий в структуре воспроизводства в данной сфере.

Библиографический список:

1. Файзуллин Ф.С., Тимирова Л.Н. Социальные проблемы воспроизводства национальной научно-технической интеллигенции. Уфа: Гилем, 2009.
2. Гайнанов Д.А., Атаев А.Г., Закиров И.Д. Теория и механизмы современного государственного управления. М., 2014.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ: ОТ ОНТОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ К ЭКСПЕРТНЫМ ОЦЕНКАМ*

Филипова А.Г., Еськва А.В.

В качестве метода исследования социального потенциала детства [1] в регионе выбран метод онтологического моделирования, позволяющий выявить факторы, оказывающие влияние на систему в настоящем и спрогнозировать возможные влияния в будущем. По определению Томаса Р. Грубера, применившего понятие «онтология» в области информационных технологий, онтология – это

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-36-60041)

спецификация концептуализации [2], т.е. описание понятий и выстраивание модели их отношений. Онтология является «надежным семантическим базисом в определении содержания» [3, с.1]. Модели онтологий, как правило, содержат концепты (понятия, классы, сущности, категории), свойства концептов (слоты, атрибуты, роли), отношения между концептами (связи, зависимости, функции) и дополнительные ограничения.

За основу построения предметной области «Социальный потенциал детства в регионе» взяты три типа источников: (1) словарные статьи; (2) научные статьи; (3) авторефераты диссертаций. Изначально поиск определений осуществлялся по ключевым словам «потенциал», «социальный потенциал», «социальный потенциал детства», затем выявлялись смежные понятия и выстраивалась иерархия отношений [4].

Ключевой концепт «социальный потенциал детства в регионе» мы разбиваем на составляющие – регион, детство, социальный потенциал и определяем сопутствующие категории – надклассы и подклассы. В результате у нас возникают иерархические цепочки: «общество – государство – страна – регион» и «ребенок – человек – семья – общество».

Отношения между классами мы описываем глаголами: «является частью», «имеет», «наследует признаки». Отношение «имеет» указывает, что концепт имеет соответствующие характеристики. «Является частью» означает включение данного элемента (как специфического или одного из многих) в класс более высокого порядка. Отношение «наследует признаки» означает смежность концептов, частичное или полное заимствование функциональности.

Базовая онтологическая модель «Социальный потенциал детства в регионе» представлена на рисунке 1.

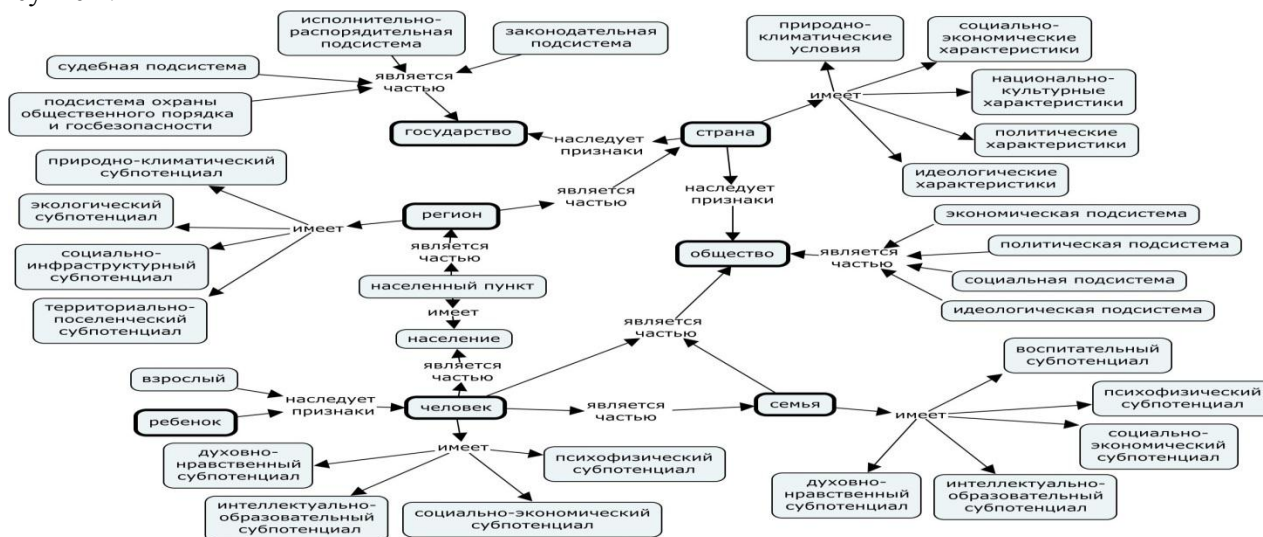


Рисунок 1 – Базовая онтологическая модель предметной области

Построенная онтологическая модель «Социальный потенциал детства в регионе» поможет получить ответы на следующие вопросы:

- Что включает социальный потенциал детства в регионе (смысловая нагрузка понятия)?
- Какие особенности региона влияют на социальный потенциал детства?
- Какие ресурсы можно использовать для воспроизводства и развития социального потенциала детства в регионе?
- Где искать скрытые резервы для развития социального потенциала детства в регионе?

В данной модели отображена структура основных сущностей/концептов предметной области, выстроенных в иерархическом порядке. В ходе исследования модель будет уточняться и корректироваться.

Построение онтологической модели предметной области помогло осмыслить сущность ключевого концепта. Под социальным потенциалом детства в регионе мы будем понимать совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающих на территории какого-либо региона (субъекта РФ), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь.

Целью следующего этапа работы выступает характеристика текущего состояния системы «социальный потенциал детства в регионе», для достижения которой будут выделены качественные и количественные индикаторы оценки состояния подсистем.

В ходе анкетного опроса жителей двух регионов Дальневосточного федерального округа (Приморский и Хабаровский края) выделены основные факторы, влияющие на социальный потенциал детства в регионе: природные ресурсы, уровень жизни, национально-культурные традиции, уровень преступности, состояние дорог и общественного транспорта, особенности географического положения, дисперсность расселения, природно-климатические условия, инфраструктурную обеспеченность региона, работу по поддержанию общественного порядка, экология и др.

Анализ материалов статистических сборников позволил выделить индикаторы четырех вышеуказанных субпотенциалов детства – духовно-нравственного, интеллектуально-нравственного, социально-экономического и психофизического.

Социально-экономический субпотенциал:

- Энергетическая ценность питания;
- Размер общей площади жилища, в среднем на проживающего;
- Величина прожиточного минимума;
- Среднемесячная заработная плата;
- Удельный вес малоимущих семей;
- Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг;
- Потребительские расходы в среднем на душу населения;
- Уровень безработицы;

Психофизический субпотенциал:

- Смертность детей;
- Заболеваемость детей;
- Обеспеченность детей медицинской помощью;
- Численность детей-инвалидов;
- Число оздоровительных учреждений;
- Число санаторно-курортных организаций для детей;

Духовно-нравственный субпотенциал:

- Численность несовершеннолетних, подвергшихся преступным посягательствам, обратившихся в учреждения социального обслуживания семьи и детей;

- Число зарегистрированных преступных посягательств взрослых лиц в отношении несовершеннолетних;

- Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в общем числе зарегистрированных преступлений, дела о которых раскрыты либо разрешены в отчетном периоде;

- Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического и/или алкогольного опьянения;

- Удельный вес подростков, состоящих на учете в ПДН;

- Количество лишений родителей родительских прав;

Интеллектуально-образовательный субпотенциал:

- Число дошкольных образовательных учреждений;
- Охват детей дошкольными учреждениями;
- Численность детей, состоящих на учете для определения в дошкольные образовательные учреждения;
- Средняя наполняемость классов в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждениях;
- Численность учащихся дневных общеобразовательных учреждений;
- Удельный вес учащихся государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений, занимающихся во вторую смену;
- Число учреждений культуры для детей[^]
- ТЮЗ;
- Цирки;
- Общедоступные библиотеки;
- Число изданий для детей и юношества и их тираж;
- Численность учащихся на начало учебного года в детских музыкальных, художественных, хореографических школах и школах искусств Минкультуры России;

Совмещение разных индикаторов, с одной стороны, выделенных респондентами, а с другой, – экстрагированных из региональных статистических сборников, позволит обозначить четыре группы факторов – целевые факторы, свидетельствующие в пользу развития социального потенциала детства в регионе; наиболее важные целевые факторы; управляющие факторы, оказывающие положительное или отрицательное влияние на целевые факторы; наиболее эффективные управляющие факторы.

Обращение к экспертам в дальнейшем поможет определить силу влияния факторов-причин на факторы-следствия, а также исходные характеристики системы «Социальный потенциал детства в регионе» и построить схему причинно-следственных отношений в системе.

Библиографический список:

1. Gruber T.R. A translation approach to portable ontology specifications [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://citeseer.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.101.7493>
2. Овдей О.М., Проскудина Г.Ю. Обзор инструментов инженерии онтологий // Электрон. б-ка. 2004. № 4. С. 1-16. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9118522>
3. Филипова А.Г., Еськова А.В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // Регионоведение. 2016. № 3. С. 137-148.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА*

Филипова А.Г., Штефан Ч.А., Еськова А.В.

Одной из наиболее острых проблем развития Дальнего Востока в целом, и Ванинского муниципального района в частности, является проблема привлечения и закрепления трудовых ресурсов, особенно молодых специалистов. Ситуация усугубляется нестабильной демографической ситуацией в районе, а также миграционным оттоком населения.

Для изучения особенностей и проблем развития Ванинского района необходим комплексный анализ внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на развитие социального потенциала района.

Под потенциалом разными авторами понимается «совокупность имеющихся средств, запасов, сил в какой-либо области» [1, с. 254]. Атрибут «социальный» говорит о ведущей роли общества или

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-36-60041)

других форм социального взаимодействия индивидов (группы, общности, движения и пр.) в накоплении этого потенциала. «Социальное» – это то общее свойство, которое присуще различным группам индивидов, являющееся результатом интеграции индивидов, тех или иных свойств общественных отношений [2, с. 689-690].

В справочной и научной литературе понятие «Социальный потенциал» довольно часто используется в семантической связке с молодежью и семьей, обществом и регионом. В данном случае можно говорить об отношениях проекции, когда социальный потенциал как совокупность материальных и духовных ресурсов отображается на разных социальных уровнях – макроуровне (общество), мезоуровне (регион), микроуровне (индивид, семья).

Социальный потенциал Ванинского района – слабоструктурированная социальная система (СС), изучение которой достаточно трудоемкая задача. Для анализа таких систем зачастую используют когнитивное моделирование, позволяющее выявить основные, влияющие на развитие района факторы, выразить количественно это влияние и провести сценарный анализ на основе полученных данных.

Цель нашего исследования заключается в разработке когнитивной модели социального потенциала Ванинского района.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- а) выделить и обосновать факторы модели;
- б) установить и обосновать взаимосвязи между факторами модели;
- в) провести построение графовой модели.

Когнитивное моделирование – это способ анализа, обеспечивающий определение силы и направления влияния факторов на перевод объекта управления в целевое состояние с учетом сходства и различия в влиянии различных факторов на объект управления.

Классическая когнитивная карта – это ориентированный граф, в котором привилегированной вершиной является некоторое будущее (как правило, целевое) состояние объекта управления, остальные вершины соответствуют факторам, дуги, соединяющие факторы с вершиной состояния имеют толщину и знак, соответствующий силе и направлению влияния данного фактора на переход объекта управления в данное состояние, а дуги, соединяющие факторы показывают сходство и различие в влиянии этих факторов на объект управления [3, с. 39].

Когнитивная карта отражает субъективные представления аналитика об исследуемой проблеме, связанной с функционированием исследуемой системы. Сложным и важным этапом в построении когнитивной карты является структуризация первичных представлений субъекта управления. Основными элементами когнитивной карты являются базисные факторы, определяющие наблюдаемые процессы в системе и окружающей ее среде, и причинно-следственные связи между ними [4].

Содержательно, базисные факторы – это факторы, которые определяют и ограничивают наблюдаемые явления и процессы в СС и окружающей ее среде и интерпретированы субъектом управления как существенные, ключевые параметры, признаки этих явлений и процессов. При становлении когнитивного подхода принятым было формальное представление когнитивной карты в виде знакового графа, т.е. ориентированного графа, вершинам которого сопоставлены факторы, а ребрам – знаки (+ или –). В последнее время все чаще когнитивная карта представляется в виде взвешенного графа, в котором вершинам сопоставляются факторы, а ребрам – веса в той или иной шкале.

Изучение документов Администрации Ванинского муниципального района [5; 6] и представленных в них статистических данных позволило выделить ряд особенностей Ванинского района, проинтерпретированных в терминах «сильные стороны», «слабые стороны», «возможности» и «угрозы» (см. рисунок 1).

Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> - Развитая транспортная сеть: ж/д, автомобильный, морской транспорт - Наличие производственной базы угольной, лесной промышленности и рыбодобывающей отрасли - Выгодное геополитическое положение - близость расположения к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, США и Канаде - Богатая природно-сырьевая база - Туристско-рекреационный потенциал территории – наличие минеральных источников, потенциал для развития горнолыжного туризма - Низкий уровень безработицы 	<ul style="list-style-type: none"> - Низкий сельскохозяйственный потенциал, суровый климат, неплодородные почвы - Нестабильная демографическая ситуация, убыль населения, миграционный отток – следствие старение населения - Слаборазвитая инфраструктура в сфере услуг - Отсутствие возможности получения бесплатного высшего образования - Высокая степень физического и морального износа основных производственных фондов, инженерной и коммунальной инфраструктуры - Неудовлетворительное состояние инфраструктуры туристско-рекреационного комплекса 	<ul style="list-style-type: none"> - Создание международной торговой зоны, развитие экспорта - Развитие внутреннего и внешнего туризма - Разработка природно-сырьевой базы, развитие добывающей промышленности - Максимальное развитие транспортной отрасли - Формирование благоприятного инвестиционного климата - Развитие среднего образования, подготовка кадров рабочих - Развитие предпринимательства и подсобных хозяйств ввиду доступности земли и пр. льготных условий профессий 	<ul style="list-style-type: none"> - Увеличение миграционного оттока, в частности молодежи, старение населения - Увеличение цен на продукты питания, высокая продовольственная зависимость района от других регионов и импорта - Низкий уровень развития социальной инфраструктуры и предприятий в сфере услуг, неудовлетворяющий потребности населения - Дефицит квалифицированных трудовых ресурсов - Увеличение тарифов на перевозки - Более высокий темп развития туризма в других регионах - Недостаточность бюджетных средств для развития инфраструктуры района

Рисунок 1 – Особенности ванинского муниципального района

На основе проведенного SWOT-анализа были выделены следующие факторы, влияющие на социальный потенциал Ванинского муниципального района: 1) уровень средней заработной платы; 2) доступность жилья и состояние жилищно-коммунального хозяйства; 3) уровень развития социальной инфраструктуры; 4) геополитическое и геоэкономическое положение; 5) экологическая обстановка; 6) уровень социальной стабильности, преступности; 7) туристско-рекреационный потенциал; 8) инвестиционный климат; 9) уровень использования промышленного потенциала; 10) миграционная политика государства; 11) стоимость потребительской корзины в районе.

На следующем этапе исследования экспертам было предложено проранжировать факторы от самого важного к наименее важному с точки зрения развития социального потенциала района. Экспертами выступили представители районной администрации, ведущих предприятий, социальной сферы.

Результаты ранжирования факторов приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты экспертного опроса

Фактор/№ эксперта	Оценки экспертов											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Уровень средней заработной платы	11	10	7	10	11	11	11	10	11	11	11	9
Доступность жилья и состояние жилищно-коммунального хозяйства	9	8	3	11	7	5	8	9	10	9	10	11
Уровень развития социальной инфраструктуры	8	11	2	8	6	7	7	8	9	8	6	10
Геополитическое и геоэкономическое положение	1	3	5	5	4	2	9	5	4	5	9	8
Экологическая обстановка	7	5	4	9	5	4	3	4	8	7	4	7
Уровень социальной стабильности, преступности	6	6	10	6	8	6	4	7	7	6	5	6
Туристско-рекреационный потенциал	2	1	1	1	1	1	5	3	1	4	1	4
Инвестиционный климат	3	7	6	7	2	3	1	1	2	2	3	3
Уровень использования	5	9	11	6	3	8	2	6	3	3	7	2

Фактор/№ эксперта	Оценки экспертов											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
промышленного потенциала												
Миграционная политика государства	4	2	8	3	9	10	6	2	5	1	2	1
Стоимость потребительской корзины в районе	10	4	9	4	10	9	10	11	6	10	8	5

Окончательное ранжирование было проведено по суммам рангов, выставленных экспертами. Также определялся вес каждого фактора, т.е. его доля в общей сумме ранжирования факторов (таблица 2).

Таблица 2 – Окончательное ранжирование

№ фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Сумма рангов	123	100	90	60	67	77	25	40	61	53	96
Результующий ранг	11	10	8	4	6	7	1	2	5	3	9
Весомость фактора	0,155	0,126	0,114	0,076	0,085	0,097	0,032	0,051	0,077	0,067	0,121

Таким образом, были выделены и проранжированы факторы развития социального потенциала района, а также определена весомость данных факторов. Как видно из таблицы 2, наиболее весомыми факторами развития социального потенциала района являются уровень средней заработной платы (ф1); доступность жилья и состояние жилищно-коммунального хозяйства (ф2); уровень развития социальной инфраструктуры (ф3); стоимость потребительской корзины в районе (ф4). Региональные социальные программы могут влиять на состояние двух факторов из четырех означенных – ф2 и ф3. Развитие социальной инфраструктуры района (сети медицинских, образовательных, культурно-досуговых учреждений), а также жилищное строительство, благоустройство домов и придомовых территорий в состоянии частично компенсировать негативное влияние ф1 и ф11. Средний размер заработной платы и стоимость потребительской корзины – тяжело поддаются воздействию экономических регуляторов, требуют внесения существенных изменений в экономику района. На следующем этапе исследования будет определена сила влияния обозначенных факторов социального потенциала района друг на друга и построена когнитивная модель «Социальный потенциал Ванинского муниципального района».

Библиографический список

1. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998.
2. Энциклопедический социологический словарь / ред. Г.В. Осипов. М.: ИСПИ РАН, 1995.
3. Макаренко С.И. Интеллектуальные информационные системы: учебное пособие. Ставрополь: СФ МГГУим. М. А. Шолохова, 2009. 206 с.
4. Авдеева З.К., Коврига С.В., Макаренко Д.И., Максимов В.И. Когнитивный подход в управлении // Проблемы управления. 2007. № 3 С. 2-8.
5. Администрация Ванинского муниципального района [Электронный ресурс] / отчет Управления экономического развития администрации Ванинского муниципального района Хабаровского края «Социально-экономическое положение Ванинского муниципального района Хабаровского края за 2014 год». Режим доступа: <http://vanino.org/list.shtml>

6. Администрация Ванинского муниципального района [Электронный ресурс] / «Инвестиционный паспорт Ванинского муниципального района, 2015г.». Режим доступа: <http://vanino.org/list.shtml>

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ РУССКОГО КОСМИЗМА

Хабибуллина З.Н.

В русском космизме самобытные ценности отечественной истории и культуры органически соединяются с научными концепциями о мире. Исходной посылкой русского космизма является представление о Космосе как живом организме, о важной роли человека в этом взаимодействии. Философия русского космизма – это философия жизни, смерти и бессмертия человека и Вселенной в их неразрывном единстве. Она основана на чувстве мирового порядка, интеллектуальном просветлении, убежденности в вечности сознательной жизни.

Речь идёт, в первую очередь, о воззрениях Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.Н. Вернадского, Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, К.Э. Циолковского, В.С. Соловьева, Н.А. Умова. В учениях этих мыслителей, начиная от представлений о конструктивной роли хаоса в эволюции и активной творческой деятельности человека в реализации конечных целей и, заканчивая целостностью биосферы и ноосферы, овладением временем и целенаправленным освоением новых сред обитания – всё это рассматривается с позиций современной теории самоорганизации сложных структур, т.е. синергетики.

Влияние научных идей космизма обусловлено мировоззренческим и методологическим потенциалом, особо значимым в условиях необходимости формирования нового типа экологического сознания и этики космической цивилизации. По мнению авторов ноосферной теории появление человека в ряду восходящих жизненных форм означает, что эволюция переходит к употреблению новых средств – психического, духовного порядка. Ключевым понятием осмысления ноосферы является разум, потому что ведущую роль в ней играют разумные, идеальные реальности: творческие открытия, духовные, художественные, научные идеи, которые материально осуществляются в преобразованной природе, научных комплексах, произведениях искусства и т.д. Научная мысль – такое же закономерное, естественное явление, возникшее в ходе эволюции живого вещества, как и человеческий разум, считает В.И. Вернадский [1, с. 17].

Вернадский предвидел использование достижений науки и техники в антигуманных целях и считал необходимым создать «интернационал ученых», который культивировал бы нравственную ответственность ученых за использование научных открытий и научной деятельности в разрушительных, противоречащих идее ноосферы, целях. Наука, созидательная сила современного мира, работая не только во благо, но и на разрушение, способствует проявлению темных, «демонических» сил в природе человека, отказываясь от императива эволюционного восхождения. Ноосферный, космический идеал должен быть раскрыт в такой конкретности, чтобы он мог увлечь действительно всех. Ноосферное направление избрано самой эволюцией, глубинным законом развития мира, выдвинувшим разум как свое орудие. Научными фактами, эмпирическими обобщениями Вернадский доказывает нам: работать против эволюции, против нового и объективно-неизбежного, сознательного, разумного ее этапа, преобразующего мир и природу самого человека, неразумно и бесполезно.

С позиции синергетики можно попытаться рационалистически пересмотреть даже многие самые ошеломляющие идеи русских космистов, такие, например, как идея Н.Ф. Фёдорова о воскрешении всех поколений умерших [2, с. 114]. И современные философские воззрения в духе русского космизма, в свою очередь, могут многое почерпнуть из синергетики, основывающейся на естественнонаучных моделях, междисциплинарной области знания. Параллели между философией космизма и философией синергетики очевидны, и рассмотрение проектов русских космистов через призму синергетики позволяет глубже понять и осмыслить его потенциал с позиций футурологических. Одной из основных, путеводных для русских космистов идей является идея о

целостности универсума, включенности человека в космос, а поэтому и возможности влиять на процессы эволюции в нем. И в синергетике также представления о целостности, о принципах сборки сложного динамично развивающегося целого из частей являются одними из центральных. Синергетика также, как и в русском космизме, развивает идею целостности мироздания, идею нового эволюционного холизма. Картина мира с точки зрения синергетики – это картина иерархии самоорганизующихся и коэволюционирующих структур [3, с. 57].

Прогресс научный, технический, как считает Н.Ф. Фёдоров, идёт неуклонно, но в нравственной области нет такого последовательного возрастания, так как частая смена поколений не позволяет сохранять и передавать основы духовной и нравственной культуры. Человек должен иметь возможность обозреть исторический, культурный опыт человечества, испробовать различные установки отношения к людям и к жизни, найти наиболее гуманные и эффективные и, как призывал Фёдоров, приступить к изучению прошлого, наших предков, подготовке возможностей их воскрешения и преображения. К.Э. Циолковский, который считал, что за фантазией, сказкой последует научный расчет, посвятил свое научное творчество техническому обоснованию ракеты как на то время единственно целесообразного снаряда для космических путешествий.

С формированием представлений о живой природе как сложном взаимодействии экосистем, после становления и развития идей В.И. Вернадского о биосфере как целостной системе жизни, это новое понимание непосредственной сферы человеческой жизнедеятельности как организма, а не как механической системы, стало научным принципом, обоснованным многочисленными конкретными теориями и фактами. Такое понимание природы стимулировало поиск и новых идеалов человеческого отношения к природе, которые претендуют на то, чтобы стать духовным основанием для решения современных глобальных проблем.

С точки зрения синергетики важно понимать, что переделка природы имеет свои ограничения в виде внутренних потенциалов природной и космической среды. И если мы не принимаем во внимание эти ограничения, то природа и космос могут ответить нам бумерангом, что не только не улучшит, но может существенно ухудшить нашу локальную природную или планетарную ситуацию.

Космическая философия предполагает принципиально новое качество мироотношения, которое можно выразить через идею активной эволюции, то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство. Созданная на Земле новая искусственная оболочка – биосфера, радикально преобразованная трудом и творчеством человека, притом преобразованная не всегда по-настоящему разумно, зачастую носила хищнический, неукротимо и жадно потребляющий природу, ее ресурсы характер. Да и ноосферный информационный поток содержит в себе антигуманные концепции, осуществление которых грозит еще большим, вплоть до гибели самого человечества и биосферы разрушением.

Синтетическое единство идеала будущего состояния социоприродного универсума и стратегии его достижения пронизывает все учения русского космизма. Таким идеалом на уровне должного действия у Н.Ф. Фёдорова является регуляция, представляющее конкретное общее дело всех «сынов человеческих». Такое целенаправленное, масштабное внедрение в реальную возможную, «имманентную» стратегию управляемого перехода от стихийно-наличного бытия к сознательно-должному, спасающую всех и каждого для будущего творческого преображения, можно рассматривать через призму синергетического осмысления [4, с. 57].

В термин «ноосфера» разные авторы вкладывают различный смысл. Один из вариантов связан с пониманием ноосферы как проекта, идеала, такой организации деятельности человека на планете, которая была бы в полном смысле слова разумной, обеспечивала оптимальную «коэволюцию» (Н.Н. Моисеев) [5, с. 4-7] биосферы и человечества, направляя развитие в интересах человечества. Такое развитие должно опираться на гармоничное сосуществование различных культур и народов, «цветущее многообразие» (К.Н. Леонтьев) которых не менее важно для устойчивости ноосферы, чем разнообразие видов для биосферы. В этом, этически-аксиологическом, смысле

ноосфера находится в стадии становления. Козволюция как интерактивная связь между человеческими организациями и отдельными индивидами, всеобщее сотрудничество, соучастие и солидарность, совместные усилия в конструировании и перестройке мира, а тем самым, и своей собственной психики. Как обнаружение универсального родства всего со всем и таинственной связи между прошлым, настоящим и будущим.

Козволюционная стратегия в познании и деятельности становится одной из основных парадигмальных установок человечества. Она способствует конкретизации и содержательному наполнению различных региональных стратегий человеческой деятельности. Среди них – выработка общей стратегии природопользования и стратегии сельскохозяйственной деятельности, разработка современной общей теории человеческой жизнедеятельности, создание экологически ориентированных нравственных, юридических и экономических нормативов деятельности.

Русские космисты выдвинули необходимость нового сознательно-активного этапа эволюции, ведущего к преображенному состоянию природы человека и мира, которое получило различные названия: у Н.Ф. Фёдорова – регуляция природы, у В.И. Вернадского – ноосферы, у религиозных мыслителей – Царствия Божьего, Царствия Небесного. Они солидарны с христианской метафизикой, видящей мир и природу как падшую, извращенную, в которой царит взаимное пожирание и смерть, и ставят задачу дальнейшего восхождения духа, регулирующего сознания в лоне материальных форм.

Синергетические принципы козволюции глубоко содержательны и ориентированы на отдаленное будущее, которое практически невозможно предсказывать традиционными методами. Глубокое понимание синергетических принципов козволюции, нелинейного синтеза частей в устойчиво эволюционирующее целое может и должно лечь в основу современного искусства жить вместе, содействуя утверждению толерантности и сохранению разнообразия в глобализирующихся сообществах. Козволюция есть искусство жить в едином мире, поддерживая и развивая разнообразие на уровнях элементов и отдельных подсистем, культивируя у каждого чувство ответственности за целое в плюралистичном и объединенном мире.

Библиографический список:

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
2. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2 т. Т. 1. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 699с.
3. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.
4. Хабибуллина З.Н. Антропокосмическая мысль отечественной философии. Уфа: РИЦ БашГУ. 2016. 250 с.
5. Моисеев Н.Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. Весна-лето 1997.

К ИСТОРИИ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Хасанова А.Г., Шарипов А.Р.

Слово толерантность вошло в русский язык недавно. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова толерантность – производное от французского *tolerant* – терпимый [1]. «Большой энциклопедический словарь» под общей редакцией А.М. Прохорова трактует «толерантность» как «... терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению». Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции [2].

Идея толерантности возникла еще древности. Общества Древнего мира проявляли веротерпимость по отношению к иноплеменным богам и культам. Из политических соображений

правители мирились с почитанием покоренными народами своих национальных богов, нисколько не сомневались, что «чужие» были столь же реальны, как и «свои». Царь Соломон строил храмы «чужим» богам. Терпимым было отношение к чужим «богам» в Древней Греции и Римской Империи. Основоположник конфуцианства Кун-цзы советовал не поступать с другими так, как не хотел бы, чтобы поступали с тобой. На Востоке корни толерантности восходят к идеям Конфуция, к произведениям мусульманских мыслителей таких, как Авиценна, Фирдоуси, Навои, Рудаки, Аль-Фараби, Ибн-Халдун и других.

Великий Саади писал: «Все племя Адамово - тело одно, из праха единого сотворено. Коль тела одна только ранена часть, то телу всему в трепетание впасть. Над горем людским ты не плакал вовек - так скажут ли люди, что ты человек?» [3].

Основатель Золотой Орды после разгрома городов Европы вернулся в приволжские степи и там жил вплоть до своей смерти в 1256 г. Батый Хан исповедовал древнемонгольскую религию, ко всем другим вероисповеданиям отношение было терпимым. Среди подданных Батые и его ближайших преемников около половины составляли христиан, были и мусульмане. Отношение между мусульманами и христианами сразу после монгольского завоевания, были может быть, лучшими, чем, когда-нибудь еще. В те годы венгерские католические монахи совершали свои путешествия в Поволжье с помощью местных мусульман [4, с. 94-95]. Также прекрасно ладил со своими православными вассалами и хан Берке. В 1261 г. в столице Берке, по просьбе Александра Невского и митрополита Кирилла Киевского была учреждена православная Сарайская епископия. Теперь православные христиане имели в столице Золотой Орды свою церковь, а Владимирская митрополия - представительство. Племянник Берке Менгу-Тимур проводил еще более последовательную и продуманную, чем предшественники, политику широкой веротерпимости. Русская Православная церковь получила новые важные привилегии. Все духовенство, от митрополита до пономаря, включая членов их семей, были освобождены от всех налогов и рекрутской повинности. Ханским чиновникам было запрещено под страхом смертной казни требовать от людей, живших на монастырских и церковных землях каких-либо податей и повинностей, тем более отбирать у церкви эти земли. За поношение православной веры тоже полагалась смертная казнь. С другой стороны, священники и монахи должны были со всей искренностью молиться за хана, его семью и наследников [5, с. 213].

Хан Узбек принял ислам и объявил ее государственной религией Золотой Орды, но высоко ценил и христианство. «Языческие» религии продолжали существовать в разных провинциях Золотой Орды. В 1315 г. в дополнение к православной Сарайской епископии, разрешил построить католическую епископию. Свою сестру Кончаку выдал замуж за московского князя Юрия Даниловича и позволил ей принять крещение [6, с. 210]. Таким образом, татаро-монголы не посягали на духовную жизнь русских людей и православную веру. Русское духовенство они считали своими союзниками. Империя в силу ее «терпимости» - отнюдь не ставила задачи уничтожить культуру вошедших в нее стран, в том числе и Руси. Историю взаимоотношения мусульман и Российского государства нельзя оценивать однозначно. В этих отношениях было немало драматических страниц. Но, тем не менее, преемственность культуры и диалог между исламом и христианством - между тюрками и славянами не прекращались на протяжении веков. История взаимоотношений социокультурного и этнокультурного взаимодействия ислама и православия уходит к IX-X вв., когда языческая Русь выбирала религию соседей. После взятия Казани в 1552 г. изменилась политическая и социокультурная система по стране. Россия превратилась в полиэтническое, и поликонфессиональное государство. Традиции религиозной нетерпимости сохранялись в России дольше, чем в большинстве стран. Это было связано с тем, что после падения Византии Россия считала себя единственной страной истинной веры - православия. В средневековой России существование в селении или городской слободе мечети являлось большим достижением религиозно-духовной жизни последователей ислама. Со времен Петра I русские люди и русское государство мирились с тем, что нерусские народы, проживающие в России, могут быть иноверцами (татары-

мусульмане, немцы-лютеране, поляки-католики и другие). Екатерина II, объявила в 1773 г. Указ «О веротерпимости». Указ исходил из признания бесперспективности попыток обращения мусульман в иную веру. Терпимое отношение к религии и национальной культуре мусульман вызвали к жизни патриотическое служение мусульман Российскому государству на всех этапах его истории. «Как всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедание, то и Ее Величество из тех же правил, сходясь его святой воле, и всем поступать, изволит, желая только, чтоб между подданными Ее Величества всегда любовь и согласие царствовало». Этим же указом запретила архиереям вмешиваться в дела иноверных исповеданий.

Появление Указа, провозглашение принципа веротерпимости стало возможным в результате длительной борьбы мусульманских народов страны против религиозного насилия, за возможность свободно и беспрепятственно исповедовать свою религию, следовать народным обычаям и традициям. Впервые официально была провозглашена веротерпимость к исламу в Российской Империи.

В период правления Николая II самым большим достижением явилось официальное равноправие церквей и мечетей, что и предопределило возможность улучшения взаимоотношений между представителями разных конфессий. После октября 1917 г. стала воплощаться концепция атеистического государства.

Веротерпимость эта проблема любого общества. В современном обществе назрела проблема социальной нетерпимости, возникла необходимость установления межконфессиональной толерантности. Фанатизм порождает насилие, которое в различных формах является одной из характерных черт нашего времени. Распространение толерантности актуально для России во все времена.

Сегодня наиболее цивилизованная часть мирового сообщества осознала угрозу, которая несет в себе насилие, дискриминация, разобщение. Прежде всего, об этом свидетельствует провозглашение ООН 1995 г. годом толерантности. В Декларации о толерантности отмечается, что современный мир «несовершенен, и есть основания опасаться, что он никогда совершенным не станет. Насилие, смерть, интолерантность могут его сделать лишь еще более жестоким и мрачным». С момента окончания «холодной» войны непрерывно росло количество социальных, религиозных и культурных конфликтов. Слишком много конфликтов быстро переросло в более масштабные вооруженные столкновения. Большое число основных прав человека подвергались прямой угрозе, слишком много жизней было потеряно.

Библиографический список:

1. Толковый словарь русского языка / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокуров, Б.А. Парин и др.; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари.
2. Большой энциклопедический словарь в 2 т. Т.2. М., 1991.
3. Ирано-таджикская поэзия. М., 1974
4. Приселков М.Д. Ханские ярлыки. М., 1927.
5. Соловьев С.М. История России. Кн. II. Т. III. М., 1988.
6. Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье в XVIII столетии: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Цветкова И.В.

Дискурс-анализ современные исследователи определяют как междисциплинарное методологическое направление интерпретации социальных и политических коммуникативных процессов. Термин «дискурс» обозначает специфический способ общения и понимания мира, который проявляется в высказываниях людей. Дискурс позволяет изучать высказывания в тесной

взаимосвязи с социальной практикой [1]. Дискурс-анализ, в таком случае, понимается как анализ паттернов, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни [2].

Метод направлен на то, чтобы показать, что язык и социальная структура взаимно влияют друг на друга, хотя это часто остается вне поля зрения [3]. Задача дискурс-анализа состоит в том, чтобы выявить глубинные смыслы социальной коммуникации, обеспечивающие достижение, в конечном счете, объективного социального знания.

В данной работе мы опирались на структурно-функциональную методологию дискурс-анализа. Она дает возможность рассматривать дискурс как социально-семиотическое образование, самоорганизующуюся систему [4]. Дискурс-анализ позволяет проанализировать высказывания в соотношении со структурой коммуникативного действия. Методология интегративного дискурс-анализа включает выделение следующих аспектов: семиотического, деятельностного, материального, политического и социокультурного [5].

Структурно-функциональная модель дискурс-анализа, которая предполагает выделение семиотических, деятельностных, материальных, политических и социокультурных функций дискурса, во многом опирается на концепцию Т.А. Ван-Дейка. Она нашла широкое применение в исследованиях современных российских социологов [6].

Семиотическая функция дискурса позволяет установить взаимосвязи между «знаковыми системами» (знаками, образами, символами) и социальным контекстом. Анализ семиотической функции дискурса состоит в исследовании взаимосвязей знаковых форм с конкретными условиями места и времени. Реализуя эту функцию, дискурс может отображать прошлый опыт, систематизировать и обобщать знания о настоящем. Благодаря этому он репрезентирует информацию, которая позволяет осознавать проблемы, находить рациональные способы их решения. Однако под влиянием системы коммуникации дискурс может преследовать собственные цели. Подчинение требованиям знаковой системы приводит к тому, что дискурс создает и воспроизводит знаки, которые отображают другие знаки. Это влияет на конструирование социальной реальности. В этом случае дискурс направлен на описание неопределенного будущего, которое слабо связано с настоящим.

Анализ деятельностного аспекта дискурса представляет выявление различных социальных действий, направленных на поддержание существующих коммуникативных систем и на создание новых смыслов. Деятельностная функция дискурса обеспечивает обмен информацией и знаниями между участниками социальных отношений. Данный обмен может быть направлен на реализацию интересов взаимодействующих субъектов. В этом случае деятельностная функция дискурса способствует взаимовыгодному сотрудничеству. Преобладание влияния коммуникативной системы подчиняет деятельностную функцию задачам манипулирования символами. Примером может служить создание форм отчетности, которые не соответствуют действительности, но считаются необходимыми для задач управления.

Исследование материального аспекта дискурса направлено на описание ресурсной базы социальных взаимодействий. Материальная функция дискурса под влиянием потребностей социальной системы направлена на характеристику условий и ресурсов, необходимых для осуществления деятельности. В этом случае материальная функция способствует достижению поставленных целей. В частности, она реализуется благодаря использованию научных знаний для создания новых технологий, продуктов, услуг, эффективному использованию финансов, трудовых ресурсов. Однако материальная функция дискурса может быть использована либо для того, чтобы скрыть реальное положение ресурсной базы, либо для оправдания того, почему заявленные цели не были реализованы.

Политические аспекты дискурса формируют и воспроизводят властные отношения в обществе. Выделение политических функций дискурса вытекает из понимания политики как особой сферы социальной жизни. Властные отношения пронизывают все сферы и уровни социального взаимодействия, это находит воплощение в системе высказываний. Двойственность политической

функции дискурса проявляется в характере политических стратегий. Они могут отображать синтез политики и интересов гражданского общества. Доминирование в ориентации дискурса на воспроизводство системы коммуникации выражается в том, что интересы политической стратегии выходят на первый план. Это приводит к тому, что стратегия приобретает идеологический характер.

Анализ социокультурной функции дискурса включает изучение взаимосвязей знаний, ценностей, социальных установок, которые существуют на различных уровнях социальной системы. Под влиянием потребностей социальной системы социокультурная функция дискурса может оказывать влияние на трансформацию социальных институтов. Изменение ценностей приводит к преобразованию стимулов, социальных норм, потребностей. Реализация социокультурной функции при доминировании влияния системы коммуникации может воспроизводить традиционные формы отношений, которые обозначаются новыми терминами.

Анализ функций, представленных выше, позволяет исследовать структуру дискурса. Это дает возможность сформировать теоретические модели дискурса, а также провести их сравнительный анализ.

Дискурс-анализ в качестве методологии инновационного развития не получил в настоящее время детальной разработки. Определение инновационного дискурса было сформулировано в статье А.А. Местникова. Исследователь рассматривает инновационный дискурс как «дискурс государства по поводу инновационных процессов, особенностей инновационной политики, роли частного бизнеса и государства в ее реализации, это всякая языковая реализация, конституирующая социальный порядок касательно восприятия и понимания инноваций и венчурных фондов и места каждого участника в этом процессе» [7]. По нашему мнению, это определение отображает политический аспект инновационного дискурса в условиях российской действительности, но не характеризует дискурс как особую структуру.

Для целей нашего исследования мы определяем дискурс инновационного развития как интертекст. Данное понятие характеризует структурные взаимосвязи между текстами [8]. Интертекстуальность дискурса инновационного развития позволяет анализировать значение коммуникации по целенаправленному преобразованию различных подсистем общественной жизни.

Для проведения дискурс-анализа использованы тексты, содержание которых хорошо известно в России. С позиций дискурс-анализа данные интертексты рассматриваются как разновидности коммуникативных действий по разработке и внедрению инноваций. Объектом исследования выступает интертекст, который формируется в процессе взаимодействия текстов зарубежных и отечественных авторов по проблемам инновационного развития. Каждый текст является интертекстом, он испытывает влияние традиций, а также других культур [9]. Предметом нашего исследования является интертекстуальное пространство дискурса инновационного развития, которое характеризует специфику структурных связей между текстами. Цель исследования состоит в создании теоретических моделей дискурса инновационного развития на основе анализа интертекстов зарубежных и российских концепций и проведения их сравнительного анализа. Исследование направлено на проверку гипотезы о том, что дискурс инновационного развития может рассматриваться как конкуренция, по крайней мере, двух интертекстуальных моделей, которые формируются в публикациях зарубежных и российских ученых. Они обусловлены спецификой реализации функций дискурса в интертекстуальных структурах.

Библиографический список:

1. Йоргенсон М., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008.
2. Волохонская М.С. Дискурс-анализ как метод исследования доверия в Интернет-коммуникации // Материалы научно-практической заочной конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей». СПб.: Издательство НИИРРР, 2011. С. 197-201.

3. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
4. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ. Научный журнал. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st6.shtml>
5. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis // Theory and Method. London: Routledge, 1999.
6. Гавра Д.П., Ипатова Н.А. Использование концепции дискурсивных практик Т.А. Ван Дейка в исследованиях социальных явлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С.127-135.
7. Местников А.А. Инновационный дискурс как фактор модернизации российской экономики // Инновации. 2010. № 3(137). С.54-57.
8. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. № 23. P. 438-465
9. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

ОПЫТ РАБОТЫ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ДЕТЬМИ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Чукреева Л.Н., Пикула А.О.

Неблагополучие семьи негативно влияет на устойчивость брака, снижает социально-психологическое самочувствие ее членов и деструктивно влияет на формирующуюся личность ребенка. В Республике Бурятия на 1 января 2015 г. состояло на учете 3293 неблагополучных семей (в них проживало 6647 детей), в т.ч. 870 семей в социально-опасном положении (из них 1948 детей) [1], поэтому семейное неблагополучие относится к основным проблемам в сфере детства. В период с 2013 по 2015 гг. число неблагополучных семей выросло на 85% [1]. Основной причиной увеличения количества таких семей является снижение уровня доходов граждан на фоне растущей безработицы и снижение уровня общей культуры населения. Как следствие, чаще можно наблюдать деградацию семейного образа жизни, проявления асоциального поведения супругов, жестокое обращение с детьми.

В научной литературе существуют разные подходы к пониманию «неблагополучная семья», но все они сводятся к тому, что в такой семье нарушены взаимоотношения её членов, ролевое поведение не соответствует социальным ожиданиям. Заложниками в такой ситуации оказываются дети, испытывающие на себе все сложности внутрисемейных противоречий. Именно они, в первую очередь, нуждаются в социальной поддержке и помощи. Так, социальные службы ведут патронаж неблагополучных семей с несовершеннолетними детьми, оказывают им помощь в организации детского отдыха. В этой работе к ним подключаются и образовательные учреждения. С детьми работают не только социальные педагоги, но и психологи.

Для изучения опыта работы с детьми из неблагополучных семей был выбран один из детских садов г.Улан-Удэ. Согласно социальному паспорту образовательного учреждения (далее ОУ) в 2015-2016 гг. дошкольное учреждение посещали дети из 273 семей, 12 из которых имеют статус неблагополучных (4,4%). Группу риска составляли опекунские семьи, многодетные, проблемные, малообеспеченные и семьи, в которых один из родителей является безработным. Всего таких семей, требующих внимания, в детском саду насчитывалось 100 (36,6%). Поэтому одним из направлений работы ОУ является укрепление семейных ценностей. С этой целью детский сад участвовал в реализации программ «Тепло традиции» (2013 г.) и «Крепкая семья» (2016 г.).

В течение трех лет администрация Железнодорожного района и Управление по делам молодежи г. Улан-Удэ реализовали образовательную программу «Тепло традиций», призванную объединить родителей, педагогов, общественность для совместной деятельности по укреплению семейных отношений, повышению уровня психологической культуры и культуры воспитания детей в семье, профилактике социального сиротства.

Комплексная программа «Крепкая семья», реализованная в текущем году, была направлена на объединение усилий общественности по укреплению авторитета и поддержки института семьи. Цель программы заключалась в формировании эффективной комплексной системы профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с семьями и детьми, которые находятся в социально опасном положении, в трудной жизненной ситуации, на ранней стадии социального неблагополучия.

Реализация подобных программ позволяет выстраивать сотрудничество между детским учреждением и семьей ребенка, достигать поставленных целей в его развитии. Такие программы как «Крепкая семья» и «Тепло традиций» объединяют родителей и детей, дают возможность приобрести новые знания в воспитании детей. Однако не всегда удается наладить партнерские отношения с семьями. В рамках настоящей работы по изучению опыта деятельности детского сада был исследован случай отдельно взятой семьи. Семья, выбранная для наблюдения, является многодетной, неполной (детей воспитывает отец). Старшая дочь посещает школу, сыновья (в возрасте 6 и 4 лет) – детский сад. Старшие дети имели сформированные показатели развития, в отличие от младшего. Младшему брату на момент исследования было 3-4 года. Период наблюдения с октября 2015 г. по май 2016 г.

Инструментом исследования являлась индивидуальная карта ребенка, в которой фиксировались данные о сформированности навыков и показателях его развития. В карту были включены следующие разделы: физическая культура, социальное, речевое, познавательное, этическое, математическое развитие и игровая деятельность.

Так, из четырнадцати показателей социального развития ребенка на начало текущего учебного года не было сформировано двенадцать навыков. Например, наблюдаемый не мог вступить в общение, исправлять ошибки, принимать помощь, найти себе занятие т.д. Так же мальчик не пользовался столовыми приборами во время еды, не умывался. Не разговаривал и не играл с ребятами в группе, то есть не вступал в коммуникацию ни со сверстниками, ни с воспитателями.

Ребенок посещал и продолжает посещать общую группу, где достаточно проблематично воспитателю реализовывать индивидуальные инновационные методики развития. Тем не менее, по итогам работы в течение года были сформированы полностью либо частично восемь социальных навыков. Игровые методики, применяемые в детском саду, помогли ребенку вступать в общение с детьми, принимать помощь со стороны и оказывать ее. Также в игровой деятельности он приобрел навыки в различных видах игр и научился сотрудничать с детьми в процессе игры. Индивидуальный подход позволил достичь изменений в этическом развитии – стал проявлять интерес к игре с рифмой и словом, частично может воссоздавать задуманный образ. Может объединять предметы на основе общих понятий (одежда, обувь, транспорт), составлять пазлы, понимать смысл сюжетной картинки, что свидетельствует о развитии познавательной активности. Здоровье сберегающие технологии, используемые в педагогической практике, позволили мальчику частично достичь средних показателей физического развития (бег, метание мешочка с песком), частично сформировались и навыки личной гигиены. Сложнее было определить социально-личностные показатели, позволявшие оценить какое место в социуме определил себе ребенок. Затруднения возникли, потому что наблюдаемый не разговаривал (словарный запас с педагогическими работниками определялся только словом «папа», на вопросы он отвечал кивком головы в знак согласия или молчанием – несогласия).

Для оценки взаимоотношений в наблюдаемой семье была использована проективная рисуночная методика «Моя семья» и «Несуществующее животное», интерпретация которой позволяет увидеть достаточно четкую картину отношений к ребенку в семье. Особенностью данной методики является ограничение в минимальных возрастных границах тестируемого, поэтому для дальнейшей работы был привлечен старший брат (6 лет).

Тестирование проводилось с интервалом в один месяц. Тестирование ребенка, проведено психологом детского сада 16 апреля 2016 г.

Свою семью в рисунке 1 ребенок изобразил из трех человек: папа, брат и сам. Он четко понимает существующую ситуацию, поэтому на рисунке только один родитель, с которым он живет. Отсутствие мамы и старшей сестры свидетельствует о наличии негативных эмоций (по отношению к

женщине). В своем рисунке мальчик, рисует себя очень маленьким и самым последним – это говорит о том, что ребенку не хватает внимания со стороны взрослых и у него заниженная самооценка. Солнце на рисунке говорит о присутствии любви, но ее не достаточно, так как оно не больших размеров и находится вдали от семьи в верхнем левом углу. Последовательность в рисунке обычно отражает степень значимости конкретного члена семьи для ребенка. Самым значимым является отец. Огонь черного цвета на рисунке свидетельствует о подавленности и потребности в изменениях.

Анализ второго рисунка (16 мая 2016 г.) После проведенной работы со специалистами ребенок рисует свою семью иначе. Отношения ребенка к членам семьи позитивное, появилась эмоционально – значимая связь с сестрой, отсутствие тела у членов семьи показатель напряжения в социальной сфере, солнце в рисунке признак эмоциональной защищенности и тепла, но его по-прежнему не достаточно до полного удовлетворения т.к. оно маленького размера, и находится ближе к брату. Все члены семьи находятся в одном доме - это попытка объединить и сплотить свою семью, наличие трубы у дома говорит о взаимоотношения с родными.

Таким образом, анализ рисунков подтверждает наличие социально-психологических проблем в семье, которые негативно сказываются на эмоциональном состоянии ребенка.

Рисуночный тест «Несуществующее животное» позволил определить внутренний мир ребенка. Разбор рисунка (16 апреля 2016 г.). *Положение рисунка находится в нижней части* – это показывает, что ребенок не уверен в себе, имеет низкую самооценку, подавлен, нерешителен, не заинтересован в своем положении в социуме. Для решения этих проблем ему требуется признание и возможность для самоутверждения. Также рисунок выражает среднюю *степень агрессивности* (количество углов в рисунке). Отсутствие ушей – символизирует нежелание слушать. Возможно, это защитная реакция ребенка на критику или замечания, которые он не воспринимает, на социальное окружение. Также ребенку неинтересна информация, поступающая через слух, поскольку глаза пустые, без зрачков и радужки, в тоже время это является свидетельством наличия страхов у ребенка.

При выполнении этого же задания «Несуществующее животное» от 16 мая 2016г. были заданы шесть вопросов, ответы на них являются комментариями к рисунку: 1. Как его зовут? Ответ ребенка: имени у несуществующего животного нет. 2. Какое настроение у животного? Настроение у него радостное, радуется он солнцу это – любовь, энергия, тепло отношение к миру. 3. Что он любит? Животное любит кушать травку. 4. Где живет «несуществующие животное»? Живет в пещере. С кем живет? Живет один без мамы и папы, когда ему грустно или одиноко он смеется. 5. Есть ли у него друзья? Да, у него есть друг.

Совместно с психологом детского сада был проведен анализ рисунка: животное, живущее в пещере, – это недостаток в общении. Полученные результаты свидетельствуют о неуверенности в себе, нерешительности, замкнутости. Такое состояние ребенка ограничивает его желание к установлению социальных связей, развитию социальных отношений.

Полученные результаты исследования свидетельствуют; во-первых, о необходимости дальнейшей работы, как психолога, так и педагогических работников с целью коррекции развития личности; во-вторых, о необходимости вести плановую и системную работу социального педагога с семьей; в-третьих, изменения в подходе к социально-психологической работе с детьми из неблагополучных семей и повышение ее значимости.

Изученный опыт деятельности детского сада «Улыбка», на базе которого проводилось исследование, показал, как позитивные, так и негативные аспекты. Положительно был оценен опыт реализации программ «Тепло традиции» и «Крепкая семья». В качестве недостатков была отмечена удовлетворительная деятельность психолога и отсутствие специалиста по социальной работе, чьи функции частично выполняют психолог и воспитатель. Коррекция неблагоприятных отношений в семье между родителями и детьми не выстроена и проводится ситуативно. Учитывая растущее число неблагополучных семей и семей, находящихся в социально-опасном положении, чьи дети посещают детский сад, необходимо усиливать работу специалистов с детьми и семьей.

Библиографический список:

1. Доклад «Семья, материнство и детство» // Материалы итогового отчета Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия за 2015 . Улан-Удэ, 2016.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Шановалова П.В., Каплун О.Ю.

Лидерство является одновременно одной из самых актуальных и увлекательных тем для изучения, потому как вопросов, связанных с формированием и развитием данного феномена, по-прежнему больше, чем ответов. Особенно актуальным, на наш взгляд, является изучение вопроса о том является ли лидерство врожденным или приобретенным качеством. Цель данной работы – охарактеризовать основные модели и теории лидерства.

Существует множество мнений о том, кто такой лидер и кто вправе им называться. А главное – какими характеристиками лидеры должны быть наделены. С. Киркпатрик и Е. Лок считают лидерами тех, у кого есть стимул к действию, подкрепленного энергичностью, инициативой, упорством и мотивацией [2, с. 199]. Лидерам свойственно стремление достичь цели, амбициозность, честность и прямота, знание дела; уверенность в себе и эмоциональная устойчивость. Лидер ориентирован на перспективу; стремится к познанию, способен упорядочить и интерпретировать поступающий объем новой информации. Представляется, что лидер – некая путеводная звезда для группы единомышленников. Н. Чити добавляет, что основная задача лидера учиться самому, постоянно совершенствоваться, а главное – иметь истинное желание научить этому других [2, с. 200].

Лидерство – особое умение. Отмечено, что организация процветает с лидером и увядает с менеджером [1, с. 172]. Причина этого кроется в том, что менеджер работает по принципу «потому что надо так, а никак иначе» [1, с. 173]. В то время как лидер задается вопросом «что бы сделать для того, чтобы получилось лучше нынешнего» [2, с. 199]. Лидер – новатор и энтузиаст, который создает цели и посылает пульс команде на их исполнение. Известный американский специалист в области менеджмента Д. Кембелл писал, что лидерство – загадочное и ускользающее качество, существование которого легко признать, но трудно описать; а еще сложнее использовать на практике. Кроме того, по мнению Д. Кембелла, данное качество невозможно создать в других [2, с. 201]. Соглашаясь с мнением американского специалиста о загадочности феномена, отметим, что по нашему мнению, лидерство должно и может воспитываться и развиваться в человеке, особенно если дело касается молодых людей.

Вопрос о феномене лидерства, возможностях его формирования и развития раскрывают теории лидерства [2, с. 199]. Рассмотрим самые известные из них.

Первая теория – теория великого человека. Основана на уверенности в том, что лидер – человек с рождения наделен качествами для исполнения своего предназначения, что заложено в его геноме. Согласно данной теории научить лидерству невозможно. Это – врожденный «дефект» [2, с. 201].

Вторая теория: теория личностных качеств. Основана на уверенности в том, что лидер – человек обладающим неким набором характеристик, качеств и параметров. В 1940 г. американский психолог К. Бэрд составил свод из 79 качеств лидера, к основным он отнес такие, как: гибкость, дальновидность, стойкость, решительность, твердость, уверенность в своих силах, применение рисков, политическое чутье [2, с. 200].

Третья теория названа «поведенческой теорией». Здесь лидер рассматривается в контексте своей работы, ситуативности, ответных реакций на различные раздражители. Различные аспекты поведенческой теории лидерства представлены в работах Д. МакГрегора, К. Левина, Р. Лайкерта, Р. Блейка и Д. Моутаан, Э. Фляйшмана и Э. Харриса.

Четвертая теория – вероятностная (она же ситуационная или ситуативная). Согласно этой теории, лидер «рождается» в тот момент, когда сходятся все благоприятные обстоятельства.

Представитель данной теории – Э. Хартли предположил, что человек, однажды приняв на себя роль лидера, будет делать это с особой частотой, поскольку в его сознании уже закрепилось поведение лидера, и он снова возьмет на себя эту функцию [3 с. 164].

Пятая теория – теория группы. Лидер выбран из числа себе подобных, находится в центре; власть держится при помощи управленческих и харизматических качеств. Один из ярких представителей данной теории – Ф.Э. Финдлер выделяет два типа лидерства: инструментальное и эмоциональное. Инструментальный лидер ориентирован на задачу, ее достижение в лучшем варианте и на продуктивную, быструю, слаженную работу. Эмоциональный – ориентирован на людей, стремится воодушевить их. Ф.Э. Финдлер утверждает, что инструментальный лидер способен вывести свою команду к большим вершинам, нежели эмоциональный. Однако, не стоит забывать, что в работе с людьми эмоциональный лидер способен достичь больших успехов [2, с. 201].

И, наконец, шестая теория – современная теория лидерства. Здесь лидер – социальный субъект, создающий социальную или корпоративную культуру. Представителями данной теории являются Р.Манн, С.Бирт, Е.Борчат.

Современные ВУЗы, стремясь формировать и поддерживать лидерство студентов, также стремятся взрастить из студентов социальных субъектов, при этом ориентируются не столько на теорию, сколько на практическую работу. Вузы отдают часть полномочий студентам (в виде студенческих советов, профсоюзов, клубов), поддерживают студенческие инициативы, помогают реализовать проекты. Иными словами проводится работа по формированию и развитию качеств, присущих лидерам, формируется уверенность в себе и своих силах. С.Р. Филонович утверждает, что проводя работу, направленную на развитие лидерства и личностного роста, увеличивается количество уверенных в себе людей [4, с. 19]. Другими словами увеличивается число социальных субъектов, готовых в будущем предложить свою программу обществу и вдохновить окружающих на её реализацию. Поддержка студенческих инициатив в ВУЗах в недалёком будущем даст обществу новых лидеров со стратегическим мышлением, неординарным видением ситуации, уверенностью в себе, готовых приносить пользу обществу.

Библиографический список:

1. Алейников Н.Я. Учит ли вуз лидерству? // Мир транспорта. 2012. № 6 (44). С. 170-175.
2. Фонарев А.В. Воспитание лидерства: от основных теорий к практике // Альманах современной науки и образования. 2013. №3 (70). С. 198-201.
3. Мокшанцев Р., Мокшанцева А. Социальная психология: учеб. пособие. М.: Сибирское соглашение; Инфра-М, 2007. 212 с.
4. Филонович С.Р. Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2003. № 2. С. 3-24.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КАПИТАЛА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Шаринов А.Р., Хасанова А.Г.

В современном мире огромное значение приобрела деятельность транснациональных компаний (ТНК), распространяющих свою продукцию по всему миру. С последующим размещением производства на территории разных стран, тем самым разрушается национальное производство и национальная продукция. Всё это создаёт предпосылки для размывания национального самосознания.

Так К. Вердери дополнительно приводит утверждения географа и социального теоретика Дэвида Харви, который считает, что «главную координирующую функцию в новом мировом порядке будет выполнять главным образом финансовый капитал, а не нации-государства со своими границами...» [1, с. 305].

Другой западный исследователь Э. Балибар дает футуристическое видение, в котором границы национального государства «стираются» и мир становится единым, глобальным пространством. Так он пишет, «...у меня тем больше оснований так полагать, что глобализация, перемещение населения в рамках системы национальных государств все больше будет способствовать тому, что само понятие «границы» будет пересмотрено,...»[2, с. 37].

В связи с этим обратимся к прошлому, где мировая история – это история колонизации одних народов другими, когда на данную территорию приходили «первооткрыватели», «первопроходцы», что на самом деле представляется как претензии более сильных. Взгляд на данную проблему сформировался ещё в XIX веке в направлении социал-дарвинизма. При этом колонизаторы, как правило, априори с превосходством относились к местным жителям и это превосходство формировало потребительское, грабительское отношение к завоёванной территории. Приоритетным для колонизаторов становилась нажива в ущерб гармонии совместного существования. Данная политика порой принимала крайне уродливые формы шовинизма и ксенофобии к аборигенам, так об этом в частности пишет Б. Андерсон: «Французские и американские империалисты много лет управляли вьетнамцами, эксплуатировали их, убивали.»[3, с. 167]. Из этого следует, что подобное отношение к другим вполне естественно для колонизаторов, и в основе данной политики лежит различие экономических интересов метрополии и колонии.

Другим важным рассматриваемым аспектом является бурное развитие промышленного книгопечатания. В период развития капитализма «печатное слово», являлось мощным средством массовой коммуникации, это развитие позволило создавать единые национальные языки в противовес существующих наречий различных регионов страны, что способствовало формированию единого национального самосознания. Всё это стало возможным благодаря развитию капитализма.

Капитализм в своём развитии способствовал быстрому формированию национального самосознания, этого требовал, прежде всего, рынок с его растущей конкуренцией за сферу сбыта произведённой продукции. В этом преуспели, наиболее развитые экономики европейских стран, где раньше других была преодолена феодальная раздробленность.

Современный капитализм, на основе глобального религиозного единообразия, распространился достаточно быстро, не испытывая особых проблем. Сформировавшееся единое авраамическое религиозное пространство – иудаизм, христианство и ислам – позволили создать интегрированные экономические связи. Современный капитализм в погоне за получением всё большей прибыли, стремится стандартизировать образ жизни, вкусовые предпочтения, культурные запросы, то есть подстроить запросы людей под конвейер, номенклатуру выпускаемой продукции. Альтернативой данному процессу может стать возникновение экономических противоречий, вследствие конкуренции элит, в виде государственного протекционизма, т.е. локализации.

Процесс глобализации необратим и расширяет свои возможности, оставляя всё меньше национального, но с другой стороны, мир продолжает жить в условиях наследия «холодной войны», сохраняя различные межгосударственные и военно-политические союзы, что также противоречит процессу глобализации, сохраняя существующее неравенство в международных отношениях. Современный этап глобализации полон противоречий, неразрешимых на сегодняшний день, и создающих новые геополитические проблемы.

Необходимо отметить еще одну, важную и мало обозначаемую реальность современного этапа глобализации, это процесс всё большего вовлечения новых территорий и людей к единым стандартам потребления, как одежды, так и продуктов питания. Продвижение своего национального продукта, подавление и вытеснение с рынка продукции конкурентов. В качестве примера можно отметить импорт ещё со времён СССР и в современной России «ножов», что не способствовало развитию собственного птицеводческого производства.

В современной жизни мы всё больше имеем возможностей для потребления экзотических и ранее недоступных стандартов и брендов. Это, например, современные бренды фаст-фудов, таких как McDonald's и KFC, (известный в России, как «Ростикс KFC»), так и традиционные кухни (китайская, мексиканская, итальянская, турецкая, японская и другие). Во всём этом разнообразии отметим положительные стороны глобализации, так как у людей возникает возможность оценить другие культуры, традиции, даже не будучи в других странах. От обратного можно говорить о сохранении «национального», где американский «фаст-фуд», рассматривается как «современное национальное», отражающее прагматизм протестантского американского капитализма.

Отметим, что при всём этом культурные национальные стандарты потребления пищи, являются маркерами по национальной идентификации, так как культурные различия в этой сфере, будучи привычными для одних народов, могут быть совершенно не приемлемы для других. Так существуют религиозные запреты на потребление свинины для иудеев и мусульман. Впрочем, не все религиозные запреты действуют одинаково, конское мясо тоже запрещено для употребления в пищу в христианстве и в исламе. При этом французы-христиане и ряд народов исповедующих ислам (башкиры, татары, казахи) не отказались от потребления этого сорта мяса! Также существуют экзотические блюда юго-восточной Азии – китайской, вьетнамской кухни, которые в большем своём разнообразии не приемлемы, а порой вызывают отвращение для других культурных традиций.

Об этих аспектах, в частности пишет японский исследователь Тамоцу Аоки, который отмечает, что «на современную японскую одежду существенное влияние оказала западная культура. Японский национальный стиль одежды – теперь по большей части исключение, в то время как западный – общее правило»[4, с. 82].

Данная цитата, в большей степени применима к высокоразвитым Азиатским странам, а в целом для каждой страны мира присущи свои особенности, специфика, это означает, что по-разному воспринимаются современные тенденции. Региональная, локальная специфика отражается на международных отношениях, так общеизвестным фактом является то, что отличающиеся культурные и религиозные традиции зачастую мешают международной интеграции.

Процесс глобализации противоречив и во многом из-за противоречивости самой мировой экономики. Если в мире наблюдается экономический рост, то глобальные, транснациональные корпорации (ТНК) активны по всему миру, но как только возникает экономический спад или рецессия в экономике, то эти компании уводят свои активы в свои национальные государства. Глобальный капитал является локомотивом процесса глобализации, «подцепляя» к себе одну национальную экономику за другой, но как только возникает сбой в работе механизма этого «локомотива», начинается «отцепка» вагонов ставших обузой. В этом проявляется негативная составляющая транснационального капитала.

Для того чтобы не быть «прицепным вагоном», нужно, иметь, собственный «двигатель», и свой путь, а для этого необходимо не декларативная поддержка национального, а реальная работа по его сохранению и развитию. Применительно к России - это необходимость развития современных отраслей экономики, производящей конкурентно-способную продукцию, то есть общеизвестные принципы рыночной экономики «купят у того, у кого товар лучше по цене и качеству». Спецификой такой страны как Российская Федерация, является её многонациональный и многоконфессиональный состав на большой территории. Только комфортное сосуществование каждой нации, этноса, народа (кому как нравится определять), и удовлетворение, прежде всего, национально-культурных запросов – сохранение национального языка, традиций, культуры и искусства позволит создать условия для гармоничного развития каждого человека. Противодействовать разрушительным негативным проявлениям глобализации, возможно лишь сохранив ценность национального в противовес унифицированному глобальному. Некоторые российские политики, хотели бы сделать так, чтобы в России по определению «все стали русскими», такой подход на самом деле наносит стране вред, и они, эти политики угроза

национальной безопасности. «Сделанные» русскими, также как в прочем и сами русские по происхождению, в дальнейшем в силу уничтоженного национально-культурного основания утратят своё «русское» национальное самосознание, в угоду более широкой глобальной идентичности.

Современный мир, особенно в условиях экономического кризиса, полон неразрешённых противоречий. С одной стороны, развитие мирового капиталистического хозяйства и мирового капитала преследует основную цель – извлечения из всего максимально возможной выгоды. С другой стороны, элита национальных государств сопротивляется процессу потери ими своего могущества в политике и экономике своей страны.

Библиографический список:

1. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр. М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос - Альтера, Ессе Ното, 2003.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН – пресс - Ц», «Кучково поле», 2001.
4. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕАТРАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ КРЫМА В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ПОЛУОСТРОВА В XIX – XX ВВ.

Шендрикова С.П.

Исторические тенденции культурного развития Крыма, по мнению современных ученых и исследователей, основываются именно на истории края. Культурное наследие полуострова имеет глубокие вековые традиции. Археологические достопримечательности древности ярко демонстрируют современникам культуру скифов (Таврия) и греческих поселений (Боспорское царство и Херсонес). Раннее средневековье в качестве исторического наследия оставило на полуострове следы влияния Византии и Европы (готики). Следующим по хронологии был тюркско-татарский культурный период, когда, казалось бы, в достаточно закрытом мусульманском обществе культивировалась своя самобытная крымско-татарская культурная жизнь, которая, в свою очередь, повлияла на развитие крымского социума в целом. И, наконец, судьбоносный этап в истории Крыма – его присоединение в 1783 г. к Российской империи – ознаменован глобальными геополитическими изменениями в регионе, которые отразились во всех сферах жизни и деятельности крымского общества.

Вхождение Крыма в состав Российской империи значительно изменило характер жизни в городах полуострова. Особенностью этого исторического момента стало ускоренное развитие крымских городов и их радикальное переустройство, которое должно было придать им более цивилизованный внешний вид и большую функциональность. Следствием этого процесса стал рост удельного веса городского населения.

В начале XX в., несмотря на политические коллизии, Крым характеризовался достаточно устойчивой экономикой, характерной чертой которой на тот момент была перерабатывающая промышленность. В социальном плане это отразилось на новом витке роста городского населения. К 1914 г. количество горожан в Крыму достигло 50 %. Поэтому наблюдался активный рост культурного уровня крымского общества. В этот период заметно возросло количество частных и публичных библиотек. В Симферополе насчитывалось шесть магазинов, столько же библиотек и читален. В рамках активного благоустройства крымских городов одним из ведущих специалистов был известный архитектор того времени, академик Н. Краснов [1, с. 246].

Модернизация экономики полуострова в XIX в. способствовала интенсивному развитию социальной сферы крымского общества. Это, в свою очередь, повлекло существенные изменения и в

культурной жизни городского населения. Эволюция социокультурных процессов не всегда прогрессировала. Она имела как периоды бурного подъема, так и периоды затишья. Это было следствием нестабильного экономического развития и военно-политических баталий, которые имели место в истории Крыма и государства в целом. Однако активные изменения, продиктованные временем, имели свое отражение, в частности, в культурной сфере крымской среды. Этот процесс интенсифицировал отдачу духовного развития и социальный оптимизм, что всегда было свойственно творческой театральной среде полуострова. Необходимо также заметить, что театральный прогресс в российской глубинке в XIX в. был спровоцирован купечеством. Яркий пример – Ф. Волков в Крыму, причем не единичный. Объясняется это, на наш взгляд, коммерческими способностями купечества: любое дело ориентировалось на материальную выгоду. Казалось бы, такая непрезентабельная цель, а принесла немалые результаты как в культурном, так и в финансовом аспектах.

В 60-х гг. XIX в. приоритетным в российском обществе был вопрос народного образования и воспитания. Эту идею особенно поддерживали «шестидесятники», среди которых следует назвать Н. Пирогова, П. Сокольского, Г. Благосветлова и др. [2, с. 17]. Так, последний утверждал, что образование начинается с наблюдения, а поэтому воспитание общества состоит не только из школы. Ведущую роль в культурной жизни российской провинции на тот момент естественным образом стал играть театр. И Крым здесь тоже не был исключением. Театральная жизнь полуострова активно влияла на социальное развитие крымского общества. В данном вопросе следует особенно подчеркнуть значение благотворительных спектаклей.

Говоря о благотворительной деятельности театров в Крыму, необходимо отметить, что в первой половине XIX в. подобные постановки имели большое значение в провинции. Они были не только проявлением гражданской позиции по злободневным вопросам, но и неким «инструментом» решения ряда важных социальных проблем.

В небольших уездных городах того времени стационарных театральных коллективов, как правило, не было, поэтому спектакли ставились силами местных любителей. И, чтобы привлечь к себе внимание, артисты – аматоры объявляли спектакли благотворительными. Чаще большинство суммы (если не вся сумма) от вырученных средств шла на поддержание бедных семей, малообеспеченным учеников и т.п.

В 1840 г. в Симферополе по инициативе жены гражданского губернатора М. Муромцова был создан «Благотворительный Комитет». Этим комитетом в январе, феврале и марте 1840 г. было организовано пять любительских спектаклей, четыре из которых прошли в частном особняке Муромцовых и один – в городском театре. За эти спектакли всего было выручено 1450 руб. 25 коп., из которых бедным семьям в Симферополе выдано 230 руб. 65 коп.; пожертвовано на постройку городской библиотеки 350 руб. и на содержание сирот, находящихся в «Странно-приятном Доме Таранова-Белозерова, 1», – 110 руб. 25 коп. [3].

Во все последующие годы, как в Симферополе, так и в других губернских городах, благотворительные спектакли постоянно организовывались местными властями разного уровня. Любительские коллективы артистов, гастрольные труппы и другие театральные общества принимали в этом активное участие. В 1845 г. неоднократно давались благотворительные спектакли в фонд ремонта устаревшего театрального здания. Такая акция была организована директором местной гимназии А. Самойловым. В день открытия обновленного театра (27 декабря 1845 г.) состоялся благотворительный спектакль в пользу театрального здания [4].

В Государственном архиве Республики Крым хранятся отчеты дирекции симферопольского театра за 1873 г. «О поступлениях в городскую казну средств», которые были выручены от двух спектаклей с благотворительной целью [5, л. 2–4].

За 1876 г. сохранились сведения о количестве денег, полученных от театральных спектаклей «...в пользу инвалидов» [6, л. 16–25]; а в 1877 г. – о доходах и получении 17 апреля от представления в пользу инвалидов и перечисленных в Таврическое губернское казначейство [7, л. 10].

В 1878 г. был составлен полный финансовый отчет о благотворительности в Крыму [7, л. 17–40]. В 1879 – 1880 гг. снова было представлено свидетельство о денежных средствах, вырученных от различных представлений в пользу инвалидов [7, л. 4–16].

Резюмируя вышесказанное, следует сделать вывод, что всё это ярко свидетельствует о том, что театральные деятели Симферополя осознавали важность выполнения социально-культурной функции своего учреждения, а театральная жизнь в середине XIX в. на полуострове стала важнейшим фактором как культурной, так и социальной сферы крымского общества.

Библиографический список:

1. Крым от древности до наших дней / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия: Коктебель, 2010. 656 с.
2. Петровская И.Ф. Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века. Л.: Искусство, 1979. 247 с.
3. Симферопольский театр // Одесский вестник. 1845. 17 марта (№ 22).
4. Смесь. Симферопольский театр // Одесский вестник. 1846. 19 янв. (№ 6).
5. Госархив РК. Ф. 26 Канцелярия Таврической губернии, г. Симферополь, оп. 1. Д. 25874 О деньгах, вырученных от двух спектаклей на Симферопольском театре, 5 л.
6. Там же. Ф. 26 Канцелярия Таврической губернии, г. Симферополь, оп. 1. Д. 26553 О доставлении сведений о числе театров, клубов и т.п. заведений за 1876 год и о количестве денег, вырученных в пользу инвалидов, 31 л.
7. Там же. Ф. 26 Канцелярия Таврической губернии, г. Симферополь, оп. 1. Д. 26816 О доставлении сведений о числе театров и клубов и о количестве денег, собранных в пользу инвалидов, 40 л.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВНУТРЕННЕЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

Шмельфениг О.В.

Математическая модель внутренней позиции личности построена на основе теоретических данных монографии Л.И. Божович [1] и изучения материалов психологических исследований, проведенных в старших классах физико-математической школы Новосибирского Академгородка. Используемый математический аппарат теории множеств и отношений имеется в работах В.В. Вагнера [2] и Ж. Риге [3].

Л.И. Божович пишет, что любое качество личности (например, организованность, дисциплинированность) не может существовать вне контекста целостной личности учащегося, вне системы мотивов его поведения, отношений к действительности, переживаний, убеждений и прочего. В современной педагогике ведущим является воспитание определенных потребностей и стремлений человека. Для контроля над формированием личности необходимо получать «обратную информацию». В качестве одного из методов и предлагается математическая модель внутренней позиции личности на языке теории графов и бинарных отношений, являющаяся целостной характеристикой совокупности ее стремлений.

Согласно работе [1], внутренняя позиция учащегося складывается из его возможностей, ранее возникших потребностей и стремлений, отношения к тому положению, какое занимает он в жизни в настоящее время, и какое хочет занимать. Именно эта внутренняя позиция обуславливает его определенное отношение к действительности, к окружающим и к самому себе. Через внутреннюю позицию преломляются воздействия, идущие от окружающей среды.

В результате изучения экспериментальных материалов выделены следующие стремления личности: a_1 – стремление усовершенствовать какое-либо дело, решить научную проблему; a_2 – стремление к участию в общественной жизни; a_3 – заинтересованность в людях; a_4 – интерес к какому-либо виду искусства, литературе; a_5 – стремление к познанию мира; a_6 – стремление заниматься спортом; a_7 – стремление заниматься каким-либо дополнительным видом деятельности; a_8 – стремление к лидерству; a_9 – стремление достичь житейского комфорта.

При математическом моделировании вводимые характеристики, в данном случае – стремления для каждого конкретного индивида, обычно измеряют баллами, то есть пользуются числовой шкалой. Но такая субъективная оценка непременно влечет искажение картины внутренней позиции, и вряд ли годится для построения соответствующей модели. Более того, численные характеристики требуются не всегда. Нас может интересовать структура внутренней позиции в целом, то есть, как упорядочены относительно друг друга элементы внутренней позиции, а не числа, которые им можно приписать. Для описания структуры достаточно построить соответствующее бинарное отношение ω между элементами множества $A = \{a_1, a_2, \dots, a_9\}$, выражающее распределение предпочтений индивида между указанными стремлениями a_1, a_2, \dots, a_9 .

Бинарным отношением между элементами некоторого множества называется любая совокупность упорядоченных пар элементов этого множества [2; 3]. Если структура внутренней позиции индивида достаточно иерархизована, упорядочена, то отношение ω будет отношением порядка или квазипорядка. Отношение это можно построить с помощью интервью (анкеты), содержащего 36 вопросов -альтернатив. Каждый вопрос устанавливает, какое из двух различных стремлений сильнее в некоторой паре стремлений из множества A . Почему вопросов 36? Так как стремлений 9, то число всевозможных упорядоченных пар между ними равно 81. Выбросим пары, где элемент сравнивается сам с собой, - останется 72 пары; далее, если выбор сделан в некоторой паре стремлений (a_i, a_j) , где $i, j = 1, 2, \dots, 9$, то для симметричной пары (a_j, a_i) ответ известен автоматически. Таким образом, нужно задать 36 вопросов-альтернатив для выяснения полной картины предпочтений между всеми стремлениями множества A . Отношение ω между элементами множества A строится так: пара элементов (a_i, a_j) принадлежит отношению ω тогда и только тогда, когда индивид предпочитает элемент a_i элементу a_j или они для него равносильны; символически запишем это как $(a_i, a_j) \in \omega$.

Задать бинарное отношение ω можно перечислением всех пар, принадлежащих этому отношению. Но часто удобнее воспользоваться эквивалентным способом задания отношения при помощи матрицы (в нашем случае размерности 9×9). Матрица заполняется так: если пара элементов (a_i, a_j) находится в отношении предпочтения ω , то есть, индивид предпочитает стремление a_i стремлению a_j или они равносильны, то в клетке a_{ij} на пересечении i -й строки и j -го столбца ставится 1; если же стремление a_j предпочитается стремлению a_i , то $a_{ij} = 0$ (при этом, очевидно, $a_{ji} = 1$). Таким образом, из матрицы сразу видно, что бинарному отношению ω принадлежат такие и только такие пары (a_i, a_j) , для которых $a_{ij} = 1$.

Исследуем наше бинарное отношение ω . Заметим, что оно рефлексивно, то есть для любого $i = 1, 2, \dots, 9$ пара $(a_i, a_i) \in \omega$, или в матричной форме, $a_{ii} = 1$. Далее, если у личности сильно развита иерархия стремлений, то ω и транзитивно (то есть для любых $i, j, k = 1, 2, \dots, 9$, если $(a_i, a_j) \in \omega$ и $(a_j, a_k) \in \omega$, то $(a_i, a_k) \in \omega$). То же условие транзитивности в матрице: если $a_{ij} = 1$, и $a_{jk} = 1$, то $a_{ik} = 1$. Как известно [3], рефлексивные и транзитивные отношения – это отношения квазипорядка. Если же выполняется и условие антисимметричности: $a_{ij} = 1$ и $a_{ji} = 0$, то ω будет отношением порядка [3].

Отношение ω назовем теоретико-множественной моделью внутренней позиции личности. В любом конкретном случае исследование отношения ω продолжается, в том числе и с привлечением теории графов. Известно, что теория плоских графов совпадает с теорией бинарных отношений и поэтому является частью общей теории отношений, однако у языка теории графов есть преимущество – определённая структурная наглядность.

Для дальнейшей характеристики внутренней позиции индивида можно вводить числовые параметры, являющиеся как бы вторичной информацией, извлекаемой из уже построенного отношения ω . Разумеется, и сами параметры и их число зависят от задачи исследования. Покажем, как можно поставить в соответствие каждому стремлению a_i некоторые числа, характеризующие его относительно всех других стремлений. Число $V^+(a_i)$ всех стремлений, которым индивид предпочитает данное стремление a_i , назовём положительным весом a_i . В терминах теории

отношений $V^+(a_i)$ – число элементов в срезе $\omega \langle a_i \rangle$ бинарного отношения ω через элемент a_i , а в матрице это, очевидно, число единиц в i -ой строке. Число $V^-(a_i)$ всех стремлений, которые индивид предпочитает данному стремлению a_i , взятое со знаком «-», назовём отрицательным весом a_i ; это число по абсолютной величине совпадает с числом элементов в срезе обратного бинарного отношения $\omega^{-1} \langle a_i \rangle$ через элемент a_i , а в матрице совпадает с числом единиц в i -м столбце. Наконец, можно ввести средний вес $V(a_i)$ стремления a_i : $V(a_i) = V^+(a_i) + V^-(a_i)$. Каждый из полученных весов можно пронормировать: разделить на общее число стремлений – число элементов в множестве A (в нашем случае 9). Тогда получим числовую характеристику стремления a_i , как бы «удельный вес» его относительно целого (совокупности стремлений). Нормированные веса элементов обозначим соответственно: $V^+(a_i) = 1/9 V^+(a_i)$, $V^-(a_i) = 1/9 V^-(a_i)$, $V(a_i) = 1/9 V(a_i)$.

Таким образом, каждому отношению ω (его матрице или графу) можно поставить в соответствие три вектора весов и три вектора соответствующих нормированных весов. Например, вектор среднего нормированного веса имеет вид $V(\omega) = (V(a_1), \dots, V(a_9))$. Он даёт оценку «удельного веса» каждого стремления во внутренней позиции личности. Полученные вектора нормированных весов не есть нормированные вектора в алгебраическом смысле – наша операция нормирования компонент векторов служит другой цели: сделать их дробями, меньшими единицы, при этом, чем ближе будет к единице та или иная компонента, тем предпочтительнее по сравнению с другими соответствующее ей стремление индивида. Видимо, наиболее существенные числовые характеристики – это нормированные положительные веса стремлений a_1 и a_3 . Наверное, близость их к единице связана с хорошим развитием положительных качеств личности, что подтвердили и исследования психологов в ФМШ.

Из построенного отношения можно получить еще один, на наш взгляд, важный числовой параметр, который должен характеризовать степень иерархичности внутренней позиции индивида, то есть меру упорядоченности отношения ω . Эта процедура производится над графом отношения ω и здесь не описывается. Можно исследовать более точную теоретико-множественную модель внутренней позиции, состоящая из двух отношений ω и $\tilde{\omega}$. Отношение ω строится между элементами множества A , как описано, а отношение $\tilde{\omega}$ определяется между элементами множества \tilde{A} , состоящего из тех же стремлений, но преломленных через реальность, то есть, скорее, из соответствующих им конкретных деятельностей. На базе этих отношений (как бы идеального и реального) можно построить усредненное отношение, более точно отражающее внутреннее состояние индивида.

Основная идея построения данной математической модели внутренней позиции личности состоит в том, что мы не оцениваем сразу каждое стремление отдельно, и не ждём этого от испытуемого (всё это исказило бы истинную картину внутренней позиции), а выясняем, как стремления упорядочены относительно друг друга. Получаем целостную характеристику, не несущую пока никаких числовых оценок. Затем, привлекая теорию отношений и теорию графов, исследуем построенное отношение и получаем уже более или менее адекватные числовые характеристики и стремлений и некоторых ведущих свойств личности и степени иерархичности, упорядоченности внутренней позиции.

Внутренняя позиция непосредственно связана с качествами личности. Построенная математическая модель и полученные с её помощью сведения могут быть использованы для выяснения мотивационной сферы индивида в настоящее время, для прогнозирования его поведения в тех или иных ситуациях, для дальнейшего управления формированием личности.

Библиографический список:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
2. Вагнер В.В. Теория отношений и алгебра частичных отображений. В кн.: Теория полугрупп и ее приложения. Саратов, 1965.

ГОСУДАРСТВО: ГРАНИ ОТЧУЖДЕНИЯ

Широкалова Г.С.

В последнее время общественное мнение придает некий мистический характер 2017 году, как началу возвращения к социально справедливому государству, поскольку «сколько ж можно терпеть?...» Однако ожидание перемен пока психологически сродни описанному Н. Некрасовым: «Вот приедет барин, барин и рассудит». Несмотря на увеличение социального неравенства, сокращение социальных гарантий, снижение доступности здравоохранения и образования и далее по списку, в обществе нет «левого» социального субъекта, способного провести радикальные социальные реформы в интересах большинства. КПРФ за четверть века слишком «вписалась» в «думскую» власть, чему способствовала политическая пассивность населения.

Потребность в реальной власти есть у либералов, и они её получили во время последних выборов: войдя в списки «Единой России» и правительство они ускоряют либерализацию экономики, тем самым обеспечивая для избранных либерализацию культуры и морали. Высок рейтинг В.В. Путина, но гарантирует ли этот факт стабильность ситуации внутри России? Границы возможного для них также объективны и задаются степенью отчуждения населения от государства. Оно проявляется во многих показателях и, в первую очередь, зависит от возможностей удовлетворения базовых потребностей населения, обеспечивающихся у наемных работников, которых большинство в России, размером заработной платы, а у старшего поколения – пенсией.

Приведём в этой связи результаты всероссийского исследования, проведенного Российским обществом социологов среди студентов в 2016 г. (Опрошено 3964 человек)

Таблица 1 – Насколько справедлива в нашем государстве оплата труда? (%)

% от опрошенных	Получает больше, чем заслуживает	Получает столько, сколько заслуживает	Получает меньше, чем заслуживает
Министр федерального правительства	81,4	14,5	3,6
Рядовой чиновник в местной администрации	68,8	21,8	9,6
Руководитель большого завода	42,2	49,1	8,7
Хозяин небольшого продуктового магазина	11,0	71,9	17,1
Профессор университета	7,6	34,6	57,8
Хирург высокой квалификации в городской больнице	4,7	33,2	62,1
Врач в поликлинике	4,3	13,6	82,1
Рядовой инженер на большом заводе	2,6	33,4	64,1
Рабочий на заводе	1,9	16,5	85,6
Дворник, убирающий улицы города	1,7	27,7	70,6
Пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж	1,5	7,8	90,7

Вряд ли есть необходимость комментировать таблицу. Мнение студентов сформировалось под влиянием социального опыта старших поколений, и он оказался гораздо значимей, чем внушаемое СМИ либеральное правило – «не считай деньги в чужом кармане».

Другим показателем отчуждения является разделение в общественном мнении понятий «страна» и «государство». Если в СССР они воспринимались как синонимы, то сейчас их содержательное наполнение может рассматриваться как один из показателей притяжения/отчуждения окружающей действительности.

Студентам – заочникам (30-40 лет) было предложено описать своё отношение к стране и государству. Первоначально предполагалось сгруппировать отдельные характеристики страны и государства, но в этом случае нарушалась логика рассуждений авторов. Поэтому исключив некоторые резкие оценки государства, процитируем ряд типичных ответов.

Р.О.: «На фоне недоверия государству, наше правительство кажется положительным в лице новых назначений и тотальной борьбы с коррупцией.

Доверие и надежду надо возложить не только на известных лиц, как Путин, Медведев, Шойгу, но и на их предложенных лиц. Думаю, что в будущем, все будет по-иному. И громкие «посадки», не заставят себя долго ждать. Ведь не должно быть такого расслоения общества, как видим в данный момент, на примере госслужащих, которые получают миллиарды.

Может быть когда-то, и Россия сможет оторваться по рейтингу от Зимбабве.

Вся надежда на ...? Для такой страны, как Россия, трудно представить, что лучше. Но сравнивать Россию с другими странами неблагодарное дело, так как многие идут по западному принципу, но и своя история дает о себе знать. Новое направление Путина на Восток вот что может в корне изменить суть. Может, и возьмут в какой-то момент пример с Китая по борьбе с коррупцией.

Главное в нашем развитии не забывать об экологии и чистоте природы, нам это известно по НТР в СССР».

И.А.: «Я люблю свою страну. В нашей стране можно легко общаться с незнакомым человеком, и никто за это на тебя косо не посмотрит. Ещё я люблю свою страну за то, что в разных её частях разные убеждения, традиции, обычаи, и это очень интересно. В нашей стране очень много интересных мест».

Иное отношение к государству. «Свою точку зрения, я объясню тем, что наше правительство не даёт никаких толчков к развитию промышленности и соответственно, люди получают зарплату меньше. Государство хочет производить свои продукты питания, промышленные товары. Государство покупает эти товары в других государствах, соответственно, это отток капитала из страны. А ведь, если мы сами производили, то эти средства находились бы в стране и улучшали благополучие граждан.

Например, возьмем Германию и Россию. После Второй Мировой войны у Германии отняли практически все промышленные предприятия, отобрали часть земель. Но спустя 70 лет у них одна из ведущих в мире экономик. У России же ничего не отнимали. У России было 70 лет, чтобы наладить все сферы промышленности, социальные сферы. В итоге, мы живем намного хуже Германии. В Германии пенсионеры на свою пенсию могут позволить себе путешествовать по миру, позволяя себе закупать дорогие вещи. У нас же пенсионеры не знают, как свести концы с концами. Не то, чтобы путешествовать, иногда пенсии не хватает, чтобы купить продукты. Я считаю, если человек проработал всю жизнь, то государство в полной мере должно удовлетворить его потребности. Иногда задумываешься, и делается нехорошо от действия наших властей.

Ещё, на мой взгляд, нужно жёстче бороться с коррупцией. Я восхищаюсь Китаем, там, если тебя уличили во взятке, сразу расстрел. Нам также нужно бороться с коррупцией».

Г.А.: «Я люблю свою страну, я люблю свой город, я люблю свою деревню, где я родился, но не люблю правительство, потому что оно всё лучшее делает за границу, не для нашей страны. Например, газ и нефть мы поставляем, продаем за границу за копейки, а с нас, простых российских жителей, дерут втридорога. Цены у нас на всё самые высокие. Мы платим налоги, а дорог как не было, так и нет, только набиваются чьи-то карманы.

Наше правительство работает само для себя, чтобы только ему было хорошо, а на мирных жителей ему наплевать, особенно на деревни, в которых наше правительство закрывает больницы, школы, детские сады, всё, чтобы экономить для себя. В наше время, очень сложно купить жилплощадь, потому что процент на ипотеку очень большой, а за границей процент маленький, за границей всё лучше, и всё дешевле.

Наше правительство только хорошо может позировать перед камерами на ТВ. Говорят, что у нас всё хорошо, что делают для нас всё самое лучшее. А на самом деле не так уж и хорошо, правительство нас обманывает. Я люблю свою Родину, но меня не устраивает правительство».

А.А.: «Некоторые люди не могут отличить страну от государства, считают, что если ты выступаешь против политики государства, то ты враг России, национальный предатель и т.д.

Я люблю нашу страну, но не люблю государство, как, например, люблю наш прекрасный народ, но не люблю государство так же, как жуликов и воров, которые обессиливают этот сильный народ. Страна – это люди, земля, где мы живем! Государство – это аппарат насилия над людьми, орудие пропаганды и воровства. Государство нас зомбирует, кошмарит внешней угрозой с Запада, предателями внутри страны и так далее. Люди это «съедают»! Потому что государство это самый страшный аппарат пропаганды, которой не всегда следует верить.

Ненависть к правительству – это нормальное явление для любого демократического общества. Люди выбирают себе новое правительство на свободных выборах, идет нормальная сменяемость власти, это, конечно, не в случае ... России, ибо тут не о какой сменяемости власти речи пока не идёт. А речь идёт о натаскивании «патриотов» в ненависти к врагу. Вот, собственно, поэтому в России рано или поздно случится «Майдан».

Любить! А любить нужно маму, папу и близких нам людей!!!»

С.В.: «Не люблю государство, большинство управленцев (депутатов) издают законы, основываясь на своей личной жизни, то, что нужно им, а не на жизни людей своей страны (не узнав нужно ли это людям). Большинство управленцев не соблюдают свои же изданные законы.

Не нравится государство за то, что в стране есть нефть, газ и другие природные запасы, и люди могли бы за их счет жить безбедно, и развивать экономику до очень высокого уровня, что в дальнейшем можно было бы жить и без них (запасов). Но в стране этими запасами пользуются лишь единицы, а остальные люди живут в глубокой нищете.

Но, я люблю больше свою страну, и надеюсь, что государство, хоть и потихоньку, исправится. И все управленцы будут думать о людях, а не о том, как бы больше наворовать у страны».

В.М.: «Да, я люблю свою родину, люблю места, где я родился и вырос. Но нелюбовь к государству у меня преобладает. Государство в наше время практически ничего не делает для народа. Нашу власть, прежде всего, беспокоят проблемы других государств.

Наши природные ресурсы, которые мы экспортируем в другие страны, там стоят дешевле, чем у нас. Я не согласен с рекламой, которую постоянно показывают по телевизору, что Газпром – наше достояние. Это достояние тех, в чьих руках сейчас находится контрольный пакет. У нас в стране процветает коррупция, и никакого наказания за это не получают. За деньги в нашей стране можно купить все, даже свою свободу, поэтому коррупция была и будет.

После введения санкций против России, цены выросли как в магазинах, так и в аптеках, так как своего производства у нас практически нет. На сельское хозяйство не обращают никакого внимания, хотя и говорят, что надо возрождать, но это только говорят. Деревни и колхозы рушатся, а молодое поколение, уезжает в города, так как в селе нет достаточной работы и зарплаты».

У студентов есть неточности в оценках истории. Но эти мелочи не существенны для ответа на главный вопрос: перейден ли рубикон доверия/недоверия к власти, после которого большинство населения равнодушно отнесётся к смене любых ключевых фигур в какой бы форме она не прошла на любом уровне? Станет ли любовь к малой родине и прошлому фактором, который в критической ситуации побудит встать на защиту государства?

Качественные исследования – первый этап для разработки инструментария. Студентами подсказаны направления дальнейших количественных исследований, которые позволят с большей степенью вероятности прогнозировать поведение большинства в критических ситуациях.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Эрлих П. В., Лебедева Г.Н.

К концу XX века стали ведущими тенденции появления глобального сообщества людей - состояния общества наибольшего размера и наибольшей сложности, объединяющее все человечество, всех людей, обитающих на планете Земля. Единого мнения среди ученых о том, когда начался процесс глобализации, не существует. Одни исследователи полагают, что процесс глобализации начался в XX веке, другие относят его к эпохе Великих географических открытий, третьи – еще к более раннему времени, четвертые связывают этот процесс исключительно с новейшими достижениями научно-технической революции. Глобализация — это процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, приводящий к единству мира [1]. «Совокупность процессов, делающих единым социальный мир», «единство мира проявляется в нескольких сферах: это маршруты авиакомпаний, современные технологии коммуникаций и телекоммуникаций, явным выражением которых является Интернет; это более тесная связь экономических, финансовых, политических, культурных взаимосвязей и взаимозависимостей, когда события в одной части мира немедленно влияют на то, что происходит в самых отдаленных от нее странах. Кроме того, появляются группы и профессии, чья деятельность не связана с конкретным местом (бизнесмены, менеджеры, профессиональные спортсмены, артисты)»[2, с. 602-604].

Результатом таких процессов становится *унификация мира*. Это – приведение к единообразной системе или форме, т. е. процесс, который делает людей похожими или безличными, способствует деградации современных культур, индивидуальности человека и групп. К другим недостаткам относятся: во-первых культура потребления - это разрушительная культура, главным ударом которой является экология и сознание людей. У людей возникают негативные человеческие черты: инфантилизм, нарциссизм, эгоизм, собирательство и другие. Во-вторых, как следствие, деиндустриализация экономики – обрабатывающие отрасли теряют позиции, в то время как на арену выходит процветающая сфера услуг. В-третьих, глобализация значительно влияет на экосистему мира. Все чаще возникают конфликты по поводу использования ресурсов. В-четвертых, конкуренция порождает большую пропасть между квалифицированными и неквалифицированными сотрудниками. Людям все больше приходится учиться. В-пятых, преимущества глобализации не могут распределяться равномерно по всему миру.

Особенно надо рассмотреть информационные проблемы. Большинство из нас осознают, что информация сильно влияет на всех нас, она (информация) определяет наши решения. Но все чаще возникают проблемы о которых мы и не задумывались ранее: До недавнего времени у людей не были так распространены такие психологические болезни как депрессия, инфантилизм, нарциссизм и другие. Многие связывают это с увеличением количества информации поступающей нам в мозг. В среднем мы потребляем около 34 гигабайт в день [3], поэтому наш мозг включил мышление, которое включалось раньше при появлении опасности. Эти мышление называется клиповым [4; 5; 6, с.230; 7; 8].

Человек использующий его способен обрабатывать большое количество информации, но к сожалению из-за этого страдает запоминание. У современных детей все чаще возникает такая проблема. Был проведен тест, в котором сравнивали мышление людей - разного возраста, привычек и социального положения. Тест показал, что молодые люди охватывали такой же объём информации что и взрослые, но запоминали гораздо меньше.

Но у глобализации есть и положительные черты для общества: Во-первых, благодаря своему масштабу глобализация породила международную конкуренцию. Конкуренция, в свою очередь, это стимулятор производства, чем она жестче, тем выше уровень производимой продукции. Во-вторых, глобализация спровоцировала экономии производственных масштабов, что поспособствовало избеганию скачков в экономике и снижению цен. В-третьих, международная торговля выгодна всем субъектам рыночных отношений, создание торговых союзов только ускоряет процесс глобализации.

В-четвертых, внедрение современных технологий способствует повышению производительности. В-пятых, страны, находящиеся на стадии развития, могут догнать передовые государства [9].

Есть еще одно преимущество, обнаруженное недавно: благодаря информационным технологиям люди объединяются в рамках мирового общества направленного на решение конкретных проблем. Приведем простой пример: в Тунисе сейчас идет гражданская война, в которой убивают не только повстанцев, но и мирных жителей. Иногда снайперы, находящиеся на зданиях открывают огонь по гражданам, те (гражданские) в свою очередь определяют местоположение снайпера и пишут через Twitter повстанцам, местоположение снайпера, что в конечном итоге спасает их жизни [10]. Это всего лишь один из сотни примеров, количество которых растет с каждым днем. Таким образом, мы приходим к последней затрагиваемой теме. Также хотелось бы затронуть проблему, которая родилась после создания сайта Wikileaks. Это сайт, который открывает секретные файлы государств, фирм и т.д. Это ведет к большей открытости глобальных структур. Поэтому государству приходится все больше вводить законопроектов, ограничивающих деятельность людей в интернете. Например, в России - проект Яровой, который устанавливает слежку за всеми россиянами в интернете на официальном уровне [11; 12].

Таким образом, мы видим, что глобализация влияет на людей неоднозначно. С одной стороны открывает возможности человечества как общества в целом, с другой усиливает информационные проблемы, ухудшает психологический климат и увеличивает возможность появления тирании в государствах.

Таким образом, можно сделать вывод, что глобализация влияет на общество как положительно (кратко перечислю плюсы и вывод) так и отрицательно. Также становятся видны проблемы между информационным обществом и государством. Следовательно, остается открытым вопрос: К чему мы придем? К увеличению количества малообразованных, бездушных, одинаковых людей живущих в всезнающем государстве? Или к открытому обществу, которое стремится к сплочению сил, для совместного решения проблем?

Библиографический список:

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
3. http://www.infox.ru/hi-tech/internet/2009/12/10/Amyerikancyu_potryeb.phtml
4. Митягина Е.В., Долгополова Н.С. «Клипное сознание» молодежи в современном информационном обществе // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 53-59.
5. П. Кирилл. Google есть – ума не надо // Живая психология. М.: Библио-Глобус, 2014. № 3. С. 26-31.
6. Пудалов А.Д. Клиповое мышление. Современный подход к познанию // Сборник трудов Ангарского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 229-233.
7. Шалагина Е.В. Феномен «клипового мышления» в современной образовательной ситуации: социологический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32277/1/klo_2015_136.pdf
8. <https://www.youtube.com/watch?v=qXfNHZNKDkk>
9. <http://estplusi.ru/kategorii/dengi/item/105-globalizatsiya-plyusy-i-minusy.html>
10. <http://arscity.ru/tunis-twitter-revolyuciya-ili-vikiliks-revolyuciya-20110119.html>
11. Ирхин Ю.В. Электронное правительство: теория и практика // Государственная служба. Научно-политический журнал РАГС. 2008. № 4. С 160-172.
12. Проект Яровой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.refnews.ru/read/article/1393086>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абдюшева Светлана Рашитовна**, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математического моделирования Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: asr_light@mail.ru
2. **Абрамова Мария Алексеевна**, доктор педагогических наук, доцент, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия) E-mail: marika24@yandex.ru
3. **Абросимова Евгения Евгеньевна**, младший научный сотрудник Центра научных исследований, проектов и программ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия) E-mail: gaijony@mail.ru
4. **Абухович Юлия Константиновна**, старший преподаватель кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь) E-mail: acuprav@gmail.com
5. **Авраменко Елизавета Валерьевна**, студент Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: sonethkom@yandex.ru
6. **Адиев Асланбек Залимханович**, кандидат политических наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала, Россия) E-mail: khalid_84@mail.ru
7. **Акимова Мария Александровна**, аспирант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, (Рязань, Россия) E-mail: trussardi@yandex.ru
8. **Актамов Иннокентий Галималаевич**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: aktamov13@gmail.com
9. **Акулова Анна Павловна**, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: red-schoolgirl@yandex.ru
10. **Алейникова Светлана Михайловна**, кандидат социологических наук, начальник отдела технологий кадровой работы НИИ Теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь) E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru
11. **Ангаева Дарима Баировна**, докторант Варшавского университета (Варшава, Польша) E-mail: vinda91@inbox.ru
12. **Анепкина Антонина Алексеевна**, студент Дальневосточного Федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: lyalya134@bk.ru
13. **Амбарова Полина Анатольевна**, кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: borges75@mail.ru
14. **Амбарцумян Роман Михайлович**, аспирант Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) E-mail: pobeda1616@mail.ru
15. **Андрианова Виктория Анатольевна**, магистрант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: vika_moskvich@mail.ru
16. **Андрянова Татьяна Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск, Россия) E-mail: andriyanova.tv@gmail.com
17. **Анжиганова Лариса Викторовна**, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия) E-mail: alv_9@mail.ru

18. **Анисина Елена Алексеевна**, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, Россия) E-mail: Anisina_L@mail.ru
19. **Анкудинов Иван Иванович**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ryback95@bk.ru
20. **Антонюк Екатерина Юрьевна**, кандидат культурологии, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС (Саратов, Россия) E-mail: eyu_antonyuk@mail.ru
21. **Анферова Елена Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: anferova.en@dvfu.ru
22. **Ардальянова Анна Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ardy2004@mail.ru
23. **Арефьев Михаил Анатольевич**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: ant-daga@mail.ru
24. **Арефьева Дарья Витальевна**, студент Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: dvarefieva@gmail.com
25. **Арпентьева Мариям Равильевна**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия) E-mail: mariam_rav@mail.ru
26. **Арсланова Ралина Рафиковна**, магистрант Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: asr_light@mail.ru
27. **Багирова Анна Петровна**, доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru
28. **Бадараев Дамдин Доржиевич**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: damdin80@mail.ru
29. **Бадмацыренов Тимур Баторович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: batorovitch@mail.ru
30. **Бадмацыренова Елизавета Леонидовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: el.leonidovna@mail.ru
31. **Бадонов Алексей Маланович**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: badonov@mail.ru
32. **Базарова Аюна Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия) E-mail: avbazarova@inbox.ru
33. **Бальжанова Арюна Борисовна**, студент Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: balzhanova.aryuna@mail.ru
34. **Бальжинимаева Елена Панфиловна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: elena.balzhinima@mail.ru
35. **Бальчунас Оюна Сергеевна**, аспирант Байкальского института природопользования Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия) E-mail: oyunabalchunas@yandex.ru

36. **Барашок Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: irina-barashok@yandex.ru
37. **Барбенко Ярослав Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: prohist@ya.ru
38. **Баронина Анна Александровна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: Baronina_95@mail.ru
39. **Батина Ольга Эдуардовна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: batina858@mail.ru
40. **Батордоржиева Оюна Бэлигтеевна**, студент Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ouna97@mail.ru
41. **Батьянова Людмила Николаевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru
42. **Башарова Регинана Рифовна**, студент Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Россия) E-mail: regina_mirgaleeva@mail.ru
43. **Башкуева Елена Юрьевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия) E-mail: orei.bnc@mail.ru
44. **Бегинина Ирина Александровна**, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии регионов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: begininaia@yandex.ru
45. **Бегинина Александра Алексеевна**, магистрант Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: sashabeggin@gmail.com
46. **Бедрина Елена Борисовна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международной экономики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия) E-mail: bedrina1967@mail.ru
47. **Безденежных Петр Владимирович**, магистрант Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: menzorg@gmail.com
48. **Белинская Дина Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия) E-mail: may_1981@mail.ru
49. **Белкина Виктория Александровна**, студент Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия) E-mail: viktorija2206.1995@mail.ru
50. **Беломестнов Виктор Георгиевич**, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики, организации и управления производством Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, главный научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия) E-mail: b_v_g02@list.ru
51. **Беляков Виктор Николаевич**, доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики Крымского института бизнеса (Симферополь, Россия) E-mail: belyakov.vn@gmail.com
52. **Бердышева Анна Сергеевна**, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: berdyshevaanna0@gmail.com
53. **Бессчетнова Оксана Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Балашовского института (филиала) Саратовского

- государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Балашов, Россия)
E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru
54. **Бийжанова Элиза Камчыбековна**, научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия) E-mail: eliza2306@mail.ru
55. **Богатова Ольга Анатольевна**, доктор социологических наук, доцент профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия) E-mail: bogatovaoa@yandex.ru
56. **Бреславский Анатолий Сергеевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия) E-mail: anabres05@mail.ru
57. **Буркальцева Диана Дмитриевна**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансы предприятий и страхования» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского» (Симферополь, Россия) E-mail: di_a@mail.ru
58. **Буров Виталий Юрьевич**, доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики Забайкальского государственного университета (Чита, Россия) E-mail: burovschool@rambler.ru
59. **Буртонова Ирина Бабасановна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: aniri63@mail.ru
60. **Буртонов Михаил Николаевич**, студент Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: aniri63@mail.ru
61. **Вахина Анастасия Дмитриевна**, магистрант Тверского государственного университета (Тверь, Россия) E-mail: vakhina1994@mail.ru
62. **Величко Михаил Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: nbvrvmv@yandex.ru
63. **Вершинина Инна Альфредовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: urbansociology@yandex.ru
64. **Винокурова Анна Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: vinokurova77@mail.ru
65. **Вовженяк Инна Станиславовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: inna_pogi@mail.ru
66. **Ворошилова Анжелика Игоревна**, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru
67. **Воронова Екатерина Сергеевна**, магистрант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, Россия) E-mail: katelyn1994@yandex.ru
68. **Габриелян Олег Аршавирович**, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь Россия) E-mail: gabroleg@mail.ru
69. **Гавриленко Ольга Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: o-s@proc.ru
70. **Гаврилова Наталья Игоревна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия) E-mail: nig2312@yandex.ru

71. **Галенко Елена Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: golenko.e.v@dvfu.ru
72. **Галкина Анастасия Владимировна**, студент Иркутского Государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: 95_nastya@list.ru
73. **Галкина Елена Петровна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия) E-mail: ruh2000@mail.ru
74. **Гареева Эллина Радиковна**, студент Уфимского государственного нефтяного университета (Уфа, Россия) E-mail: gareeva-ellina@mail.ru
75. **Гареева Лилия Рифмировна**, старший преподаватель кафедры математического моделирования Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: lily.gareeva@gmail.com
76. **Гармаева Татьяна Иннокентьевна**, кандидат философских наук, зав. лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: tanya_osorova@mail.ru
77. **Гаспарян Михаил Владимирович**, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь Россия) E-mail: mgasp@mail.ru
78. **Гатауллина Светлана Юрьевна**, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: 06surga@mail.ru
79. **Герасимов Антон Валериевич**, старший преподаватель кафедры естественно-математического образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия)
80. **Герасимук Анастасия Ростиславовна**, студент Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: nast250397@mail.ru
81. **Гизатулина Анастасия Александровна**, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия) E-mail: gizatulinaaa@mail.ru
82. **Говердовская Мария Алексеевна**, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия) E-mail: marija-goverdovskaja@rambler.ru
83. **Говорухина Галина Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия) E-mail: govorgv@gmail.com
84. **Голубев Виктор Сергеевич**, старший преподаватель кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы (Минск, Белоруссия) E-mail: golubev_vs@list.ru
85. **Голубев Сергей Викторович**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета (г. Витебск, Белоруссия) E-mail: golubev_sergei1962@mail.ru
86. **Гольцова Евгения Викторовна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: jeny1963@bk.ru
87. **Гончарова Инна Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методологии социологических исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия) E-mail: ig73@inbox.ru

88. **Гончарова Светлана Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: goncharova.sv@dvfu.ru
89. **Горбачева Наталья Борисовна**, специалист по методической работе кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: gnb0906@mail.ru
90. **Горбункова Дарья Николаевна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: gorbunkova-darja@rambler.ru
91. **Горбунов Николай Михайлович**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: shadrin1995nick@yandex.ru
92. **Горбунова Анастасия Андреевна**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия) E-mail: nastia_gorbunova@mail.ru
93. **Горобец Елена Владленовна**, кандидат экономических наук, доцент, учитель математики и информатики муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Специализированная школа №1 им. Д. Карбышева с углубленным изучением французского языка г. Феодосии Республики Крым» (Феодосия, Россия) E-mail: gorobets_feo@mail.ru
94. **Горячих Мария Владимировна**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: goryachih@ie.u.cfu.ru
95. **Грабельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: sociolab@bk.ru
96. **Грачиков Евгений Николаевич**, кандидат политических наук, постоянный член Центра мирового социализма Академии общественных наук Китая, координатор китайских программ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: egrachikov@gmail.com
97. **Гримов Олег Александрович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия) E-mail: grimoleg@yandex.ru
98. **Гринкевич Ольга Валерьевна**, аспирант Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь) E-mail: olga.k333@mail.ru
99. **Грицких Надежда Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной философии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: Anris@list.ru
100. **Грошев Игорь Львович**, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища (Тюмень, Россия) E-mail: grosh@nextmail.ru
101. **Грошева Ирина Александровна**, кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Тюменского филиала Московского института государственного управления и права (Тюмень, Россия) E-mail: grosh@nextmail.ru
102. **Грудинина Виктория Максимовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: grudinina93@list.ru
103. **Гудина Ольга Владимировна**, магистрант Вятского государственного университета (Киров, Россия) E-mail: olgut93@mail.ru
104. **Гук Ольга Анатольевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук и социально-культурного сервиса Феодосийской финансово-экономической академии (Феодосия, Россия) E-mail: Guk.olya16@gmail.com
105. **Гуринович Людмила Анатольевна**, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: milgur@mail.ru

106. **Гусельникова Татьяна Олеговна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: tanya.ignateva211195@mail.ru
107. **Гуслякова Людмила Герасимовна**, доктор социологических наук, профессор, международный магистр социальной работы, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия) E-mail: guslyakova@mail.ru
108. **Давыденкова Антонина Гилеевна**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: ant-daga@mail.ru
109. **Дагбаев Эрдэм Данзанович**, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: edagbaev@mail.ru
110. **Данилова Светлана Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (Донецк, ДНР) E-mail: svtlndanilova2015@yandex.ru
111. **Данильченко Мария**, магистрант City University of London (MA Media and Communications) (Лондон, Великобритания) E-mail: maria_danilchenko@mail.ru
112. **Дарижапова Марина Николаевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии социально-психологического факультета Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, Россия) E-mail: mdarizhapova@mail.ru
113. **Дармаев Тумэн Гомбоцыренович**, кандидат физико-математических наук, доцент, зав. лабораторией вычислительных и геоинформационных систем Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: dtumen@mail.ru
114. **Деменок Анастасия Сергеевна**, магистрант Дальневосточного Федерального Университета (Владивосток, Россия) E-mail: demenok.a@bk.ru
115. **Демина Юлия Андреевна**, ассистент кафедры мировой экономики Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: demina0001@mail.ru
116. **Дергунова Екатерина Александровна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: katarina_d95@mail.ru
117. **Деренко Николай Васильевич**, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: derenko.n@gmail.com
118. **Джелилов Ахтем Алиевич**, доктор философии, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (Симферополь, Россия) E-mail: ahtemenglish@mail.ru
119. **Дмитриев Евгений Иванович**, кандидат социологических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации и переподготовки Республиканского института высшей школы (Минск, Белоруссия) E-mail: FPK_RIVSH@mail.ru
120. **Докучаев Илья Игоревич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru
121. **Долгаева Евгения Ивановна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия) E-mail: ewgiv@mail.ru
122. **Долженкова Анна Владимировна**, студент Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: cinemanka@mail.ru
123. **Дытченко Ольга Александровна**, студент Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: olya.karanda@yandex.ua

124. **Дышаева Людмила Франковна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Уральского института управления РАНХиГС (Екатеринбург, Россия) E-mail: lyudmila.ekat@gmail.com
125. **Дышаева Анастасия Анатольевна**, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: anastasia.dyshaeva@gmail.com
126. **Емельянова Татьяна Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: t_krasovska@mail.ru
127. **Ерохин Алексей Константинович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета (Владивосток, Россия) E-mail: alker@list.ru
128. **Ерохина Елена Анатольевна**, доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия) E-mail: leroh@mail.ru
129. **Ерохина Людмила Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail logos31@rambler.ru
130. **Еськова Анна Владимировна**, кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия) E-mail: eskann68@gmail.com
131. **Жариков Евгений Прокофьевич**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru
132. **Желнина Евгения Валерьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: ezhelnina@yandex.ru
133. **Журавская Татьяна Николаевна**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда Дальневосточного федерального университета, младший научный сотрудник Амурской лаборатории экономики и социологии Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Благовещенск, Россия) E-mail: zhuravskaia.tn@dvfu.ru
134. **Загутин Дмитрий Сергеевич**, доктор философских наук, профессор кафедры связей с общественностью Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия) E-mail: rostov-zd@mail.ru
135. **Захарченко Анастасия Вадимовна**, студент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия) E-mail.ru: zaharchenko-96@mail.ru
136. **Заяц Ольга Васильевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: Zayats.ov@dvfu.ru
137. **Зборовский Гарольд Ефимович**, доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
138. **Змиевский Павел Викторович**, аспирант Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия) E-mail: saywfbaby@gmail.ru
139. **Иванов Дмитрий Владимирович**, аспирант Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: russia-ufa2009@ya.ru

140. **Иванов Роман Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: history2002@bk.ru
141. **Иванова Татьяна Николаевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru
142. **Ивашина Наталья Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия) E-mail: ivashina.nv@dvfu.ru
143. **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи, декан социологического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: ivchenkovsg@mail.ru
144. **Игебаева Фания Абдулхаковна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа, Россия) E-mail: igebaeva.fania@yandex.ru
145. **Ильина Вера Александровна**, магистрант Тверского государственного университета (Тверь, Россия) E-mail: veruchkai@mail.ru
146. **Индербиев Альберт Адамович**, заместитель начальника отдела проектной и программной деятельности Министерства Чеченской Республики по делам молодежи (Грозный, Россия) E-mail: albert_344@mail.ru
147. **Испулова Светлана Николаевна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия) E-mail: sispulova@mail.ru
148. **Истомина Анна Петровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) E-mail: annaistom@yandex.ru
149. **Кадничанская Марина Ивановна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия) E-mail: m-i-k@mail.ru
150. **Касаткина Екатерина Дмитриевна**, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: katykasat@gmail.com
151. **Калина Анастасия Юрьевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kalian.aiu@students.dvfu.ru
152. **Калашникова Светлана Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) E-mail: smkalashnikova@rambler.ru
153. **Каплун Оксана Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ilchenko.oYu@dvfu.ru
154. **Караева Анжелика Пирмамедовна**, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: anzhelika.karaeva@gmail.com
155. **Карпец Ольга Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ov.karpets@yandex.ru
156. **Карякина Лариса Александровна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (Саранск, Россия) E-mail: kariakina.larisa@yandex.ru

157. **Килимова Людмила Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия) E-mail: lyuda-klv@yandex.ru
158. **Киселева Ольга Игоревна**, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: kiselevaolia@ya.ru
159. **Кишкин Максим Игоревич**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: kishkinm@gmail.com
160. **Клепова Марина Игоревна**, студент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) E-mail: marina.klyopova@yandex.ru
161. **Ковалева Галина Александровна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия) E-mail: galoka1960@yandex.ru
162. **Коваленко Светлана Витальевна**, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kovalenko_svi@students.dvfu.ru
163. **Ковтун Галина Степановна**, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kogala@yandex.ru
164. **Козлов Владимир Александрович**, студент Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: Kozlov@nm.ru
165. **Козырев Геннадий Иванович**, доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры социологии РХТУ имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия) E-mail: genkozyr@mail.ru
166. **Колесникова Галина Ивановна**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики (Таганрог, Россия) E-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red
167. **Колодезникова Инна Валентиновна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и маркетинга Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва Россия) E-mail: inna0105@yandex.ru
168. **Колесниченко Кирилл Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kolesnichenko.kyu@dvfu.ru
169. **Комарова Анастасия Николаевна**, аспирант Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия) E-mail: zaunka@bk.ru
170. **Комбаев Алексей Викторович**, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: kombaev@mail.ru
171. **Комплектова Анна Викторовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: shvedova.av@students.dvfu.ru
172. **Кондратенко Галина Викторовна**, младший научный сотрудник Отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия) E-mail: Gala103@yandex.ru
173. **Коноплева Анна Алексеевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, (Симферополь, Россия) E-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com
174. **Коньков Александр Тимофеевич**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия) E-mail: konkov_sakh@rambler.ru

175. **Копрянцева Мария Владимировна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: mkopyranceva@gmail.com
176. **Кориненко Сергей Андреевич**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: sergeik93@mail.ru
177. **Коркина Кристина Анатольевна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: kristin25crust@gmail.com
178. **Костень Дмитрий**, основатель компании «3D Business Solutions» (Нью-Йорк, США) E-mail: dkosten@me.com
179. **Костина Елена Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kostinaeu2000@mail.ru
180. **Котков Дмитрий Андреевич**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ct_dmtr@mail.ru
181. **Котоманова Ольга Владимировна**, кандидат философских наук, доцент, декан социально-психологического факультета Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: kotomanova@yandex.ru
182. **Кочева Екатерина Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru
183. **Кривоносова Людмила Александровна**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, социальной работы и права ДВИУ – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Хабаровск, Россия) E-mail: cla60@mail.ru
184. **Кривошеев Владимир Вениаминович**, доктор социологических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия) E-mail: krivs48@rambler.ru
185. **Крикунова Юлия Анваровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: julialeo@yandex.ru
186. **Кришкевич Екатерина Дмитриевна**, студент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия) E-mail: miss.baunty@mail.ru
187. **Крупенёва Ксения Андреевна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: kseniya.krupeneva@mail.ru
188. **Ксенофонтова Елена Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: eksen@mail.ru
189. **Кудрявцев Владимир Александрович**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: vladikudr@mail.ru
190. **Кудрявцева Марина Владимировна**, студент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) E-mail: marina-kudrjavceva1996@mail.
191. **Кузина Ирина Геннадьевна**, кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kuzina.ig@dvfu.ru
192. **Кузнецова Ирина Валерьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и маркетинга Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: ireneheupferd@yandex.ru
193. **Кузнецова Лариса Павловна**, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kuznetsova.lp@dvfu.ru

194. **Кузнецова Наталия Викторовна**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ipatovanat@mail.ru
195. **Кузьмин Александр Иванович**, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАЕН, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: kuz53@list.ru
196. **Купряшкин Илья Владимирович**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kupryashkin.iv@mail.ru
197. **Куриков Владимир Михайлович**, доктор экономических наук, профессор Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия) E-mail: VMKurikov56@mail.ru
198. **Кухлевский Алексей Леонидович**, аспирант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kukhlevskii.al@students.dvfu.ru
199. **Лагонская Вероника Викторовна**, студент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) E-mail: 7without7@mail.ru
200. **Ларионов Валерий Глебович**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и организации производства Московского государственного технического университет имени Н.Э. Баумана (Москва, Россия)
201. **Лебедева Галина Николаевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: gal_le@list.ru
202. **Ледовская Дарья Сергеевна**, студент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) E-mail: Daria.Salvatore1864@mail.ru
203. **Лепин Александр Петрович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) E-mail: alexlepin@bk.ru
204. **Лесниковская Екатерина Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: elesnikovskaya@gmail.com
205. **Лимкина Надежда Александровна**, старший научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Научного центра социально-экономического мониторинга (Саранск, Россия) E-mail: limkinana@yandex.ru
206. **Липатова Мария Евгеньевна**, научный сотрудник кафедры социологии коммуникативных систем Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: lme-tatarintseva@mail.ru
207. **Лободин Павел Николаевич**, аспирант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия) E-mail: lobodin.pn@dvfu.ru
208. **Лыкова Валентина Васильевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск, Россия) E-mail: tinalykova@mail.ru
209. **Лю Шуанфэн**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: llzsf0830@gmail.com
210. **Макаров Сергей Николаевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия) E-mail: snmak75@mail.ru
211. **Макеева Наталья Алексеевна**, студент Тверского государственного университета (Тверь, Россия) E-mail: mackeeva.nata@yandex.ru

212. **Максимова Светлана Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия) E-mail: svet-maximova@yandex.ru
213. **Малыхина Инга Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент, декан по работе с иностранными студентами Иркутского государственного аграрного университета имени А.А. Ежевского (Иркутск, Россия)
214. **Мамонова Анастасия Дмитриевна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: stuffy957@mail.ru
215. **Маркеева Анна Валерьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: anna_markeeva@mail.ru
216. **Маслов Максим Андреевич**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: maximmaslov40@gmail.com
217. **Матвеева Наталья Васильевна**, ст. преп. кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: nata.14.01.50@mail.ru
218. **Матёв Николай Анатольевич**, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: matev.na@dvfu.ru
219. **Маяцкая Ирина Александровна**, кандидат технических наук, доцент кафедры сопротивления материалов Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия) E-mail: irina.mayatskaya@mail.ru
220. **Мельникова Дарья Олеговна**, студент Воронежского государственного университета кафедры социологии и политологии (Воронеж, Россия) E-mail: dasha8950765@yandex.ru
221. **Меньшиков Михаил Юрьевич**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: menshikov.miu@mail.ru
222. **Меркушова Наталья Ивановна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: merkushova.ni@dvfu.ru, nmerkushova@mail.ru
223. **Миргалеев Тимур Радикович**, студент Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: timi00@mail.ru
224. **Мироненко Анастасия Александровна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: 96mnastya@mail.ru
225. **Мищенко Александр Сергеевич**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории теории формирования единого образовательного пространства СНГ Санкт-Петербургского филиала Института управления образованием РАО (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: mischenko-al@yandex.ru
226. **Могина Ольга Александровна**, студент Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия) E-mail: olia.mogina@yandex.ru
227. **Монина Наталья Петровна**, кандидат философских наук, доцент кафедры хореографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (Омск, Россия) E-mail: monijulia@yandex.ru
228. **Моисеев Игорь Евгеньевич**, аспирант кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь) E-mail: moiseevigor53@gmail.com
229. **Монахов Данила Никитич**, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры методологии социологических исследований Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: MonahovDN@yandex.ru

230. **Моргун Светлана Эдуардовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: sveticlapochka@mail.ru
231. **Морева Александра Артуровна**, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: mor-15s@mail.ru
232. **Мосеева Полина Сергеевна**, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: polina.moseeva@bk.ru
233. **Москвин Алексей Николаевич**, студент Дальневосточного Федерального университета (Владивосток, Россия) Email: ironspk@gmail.com
234. **Мочалина Ольга Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственных финансов и банковского дела Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: mochalinaos@gmail.com
235. **Муллагалимов Хамза Ришатович**, магистрант Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: phyz@bk.ru
236. **Муллаянова М.Р.**, студент Башкирского государственного университета (Уфа, Россия)
237. **Мурашова Любовь Сергеевна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: lyuba.m.95@mail.ru
238. **Назаретян Акоп Погосович**, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор Университета «Дубна», эксперт РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра в Институте востоковедения РАН, главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории» (Дубна, Россия) E-mail: anazaret@yandex.ru
239. **Налунина Дарья Евгеньевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: filosofiya93@mail.ru
240. **Напалкова Анастасия Алексеевна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга, коммерции и логистики Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: naromir@mail.ru
241. **Недре Валерия Юрьевна**, ассистент кафедры менеджмента предпринимательской деятельности Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: lera1.85@mail.ru
242. **Нестерова Алина Андреевна**, магистрант Дальневосточного Федерального Университета (Владивосток, Россия) E-mail: alinka9595@bk.ru
243. **Нефедев Сергей Николаевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия) E-mail: sergnefsn@mail.ru
244. **Нехайчук Дмитрий Валериевич**, доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансов и математических методов в экономике Крымского института бизнеса (Симферополь, Россия) E-mail: dimchikn@mail.ru
245. **Нехайчук Юлия Серафимовна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов предприятий и страхования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: elekobec@mail.ru
246. **Никитенко Виктор Николаевич**, доктор педагогически наук, профессор, заведующий лабораторией региональных социально-гуманитарных исследований Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Биробиджан, Россия) E-mail: rsgilab@rambler.ru
247. **Никитин Антон Павлович**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия) E-mail: pavlen-abakan@mail.ru

248. **Никифорова Алина Александровна**, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук и туризма Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия) E-mail: blinks@bk.ru
249. **Новоселова Елена Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: alena_n_@mail.ru
250. **Овчаренко Наталья Петровна**, кандидат технических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ovcharenko.np@dvfu.ru
251. **Ондар Ульяна Олеговна**, студент Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: ondar.95@list.ru
252. **Онищенко Кристина Станиславовна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: kris9.13@mail.ru
253. **Ортыков Амридин Уктамович**, генеральный директор ООО «Забайкальская краевая лаборатория судебных экспертиз» (Чита, Россия) E-mail: burovschool@rambler.ru
254. **Османова Эльнара Усеиновна**, аспирант Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: elnara.osmanova@mail.ru
255. **Осмачко Надежда Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: osmachko.nv@dvfu.ru
256. **Остовская Анастасия Андреевна**, кандидат наук государственного управления, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: nastasy.ver@yahdex.ua
257. **Паначёва Анна Сергеевна**, кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: panacheva.as@dvfu.ru
258. **Панфилова Анна Олеговна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: anna_pl.vl@mail.ru
259. **Перелыгина Виктория Алексеевна**, магистрант Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: vika_pereligina.ru@mail.ru
260. **Петрова Елена Викторовна**, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия) E-mail: lenapet_05@mail.ru
261. **Петрова Ольга Сергеевна**, кандидат исторических наук доцент кафедры источниковедения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: osp-1@yandex.ru
262. **Пикула Анастасия Олеговна**, специалист по социальной работе муниципального дошкольного образовательного учреждения № 12 «Ласточка» (Краснодар, Россия)
263. **Подгорная Карина Сергеевна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: karina.podgornaya@yandex.ru
264. **Подъячев Кирилл Викторович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия) E-mail: kirvik@bk.ru
265. **Полюшкевич Максим Александрович**, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: karida_ma@mail.ru
266. **Попиль Василина Андреевна**, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: popil.va@dvfu.ru

267. **Попов Михаил Васильевич**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
268. **Попова Татьяна Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: tpopova55@mail.ru
269. **Прокофьева Александра Сергеевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: lobodenko_as@students.dvfu.ru
270. **Проноза Андрей Викторович**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Курского государственного университета (Курск, Россия) E-mail: pronozaz@mail.ru
271. **Проноза Елена Валентиновна**, специалист высшей категории, старший преподаватель предметно-цикловой комиссии гуманитарных и социально-экономических дисциплин Судомеханического техникума Керченского государственного морского технологического университета (Керчь, Россия) E-mail: pronozaz@mail.ru
272. **Прончев Геннадий Борисович**, кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой методологии социологических исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия) E-mail: pronchev@rambler.ru
273. **Прончев Константин Геннадьевич**, студент Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия) E-mail: kpronchev96@gmail.com
274. **Прончева Ольга Геннадьевна**, аспирант Института прикладной математики имени М.В. Келдыша Российской академии наук (Москва, Россия) E-mail: olga.proncheva@gmail.com
275. **Прочаковская Оксана Анатольевна**, кандидат социологических наук, ведущий документовед Социологического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: oksanaprochakovskaya@yandex.ru
276. **Пургина Маргарита Михайловна**, студент Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) Email: futurama96@list.ru
277. **Пыстогова Екатерина Александровна**, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: epystogova@gmail.com
278. **Раднаев Базар Александрович**, магистрант Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: bakumandiamond@gmail.com
279. **Рерке Виктория Игоревна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: rerkew@mail.ru
280. **Решетникова Екатерина Владимировна**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: eresh80@mail.ru
281. **Родак Олеся Игоревна**, студент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: rodak1995@rambler.ru
282. **Родионов Владимир Александрович**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: vladimir_198025@mail.ru
283. **Руденко Людмила Лазаревна**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ludrudenko@inbox.ru
284. **Русейшвили Екатерина Гурамовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kate.ruseishvili.13@gmail.com

285. **Рябокоть Мария Владимировна**, заместитель начальника отдела профориентации и работы со школами, аспирант Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) E-mail: mvr@unn.ru
286. **Савельева Жанна Владимировна**, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия) E-mail: ivanov@mail.ru
287. **Савинова Алина Владимировна**, аспирант, начальник Управления корпоративных коммуникаций Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия) E-mail: savinova_91@mail.ru
288. **Сакун Дарья Игоревна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: daren_love@mail.ru
289. **Самойленко Петр Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: petersam@mail.ru
290. **Свердликowa Елена Альбертовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: elena.sverdlikova@gmail.com
291. **Свистунова Ирина Григорьевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: irinasvistunova94@gmail.com
292. **Севастьянова Нина Владимировна**, студент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия) E-mail: sevastyanova_96@inbox.ru
293. **Селезнева Юлия Максимовна**, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: Selezneva_Juli@mail.ru
294. **Семенов Сергей Алексеевич**, аспирант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: sergeisemenoff@yandex.ru
295. **Сенченко Олеся Игоревна**, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: lis-oc@mail.ru
296. **Сибушева Алла Рафиковна**, научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления НЦСЭМ, магистрант Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия) E-mail: si_all@mail.ru
297. **Симонян Аревик Вардановна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: arevik.simon@yandex.ru
298. **Скоробогатова Татьяна Николаевна**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: stn57@mail.ru
299. **Скуденков Владимир Алексеевич**, магистрант Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: vskudencov@mail.ru
300. **Скульмовская Любовь Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии Тюменского государственного института культуры (Тюмень, Россия) E-mail: skolimovska@mail.ru
301. **Слепова Ольга Михайловна**, директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» (Ульяновск, Россия) E-mail: slepova15@yandex.ru
302. **Смирнова Елена Сергеевна**, студент Тверского государственного университета (Тверь, Россия) E-mail: lenasmirnova199521@mail.ru
303. **Соболева Светлана Васильевна**, студент Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия) E-mail: s.soboleva2011@yandex.ru

304. **Солонько Игорь Викторович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: soligor7@rambler.ru
305. **Соколова Анна Михайловна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: anita5277@bk.ru
306. **Соколова Маргарита Михайловна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: marsok18@mail.ru
307. **Сорокина Полина Аркадьевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: oduvanchik001@mail.ru
308. **Софронов Дмитрий Александрович**, аспирант Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия) E-mail: d.sof2012@yandex.ru
309. **Статкевич Валерия Валерьевна**, студент Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: kalery-st@mail.ru
310. **Стеколыщикова Анастасия Александровна**, аспирант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: Anas-yasT@mail.ru
311. **Стерлигова Дарья Владимировна**, магистрант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, Россия) E-mail: Anisina_L@mail.ru
312. **Стешенко Виктория Андреевна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: vikasteshenko249@gmail.com
313. **Судьин Сергей Александрович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) E-mail: sudjin@mail.ru
314. **Сурина Снежана Эдуардовна**, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: snezh99@inbox.ru
315. **Сыроед Надежда Саввовна**, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: syroed.ns@dvfu.ru
316. **Тарасов Валерий Иванович**, кандидат философских наук, доцент, ректор Крымского института бизнеса (Симферополь, Россия)
317. **Тер-Никогосова Наталья Александровна**, студент Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: natasha_tlt@bk.ru
318. **Тимшина Екатерина Леонидовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московской академии экономики и права (Москва, Россия) E-mail: k.timshina@yandex.ru
319. **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия) E-mail: larissa@bsu.by
320. **Титова Мария Александровна**, кандидат социологических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: aviamaria@yandex.ru
321. **Толвайшис Леонас**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических систем Факультета европейских политико-правовых исследований Университета «Эдуконс» (Нови-Сад, Сербия) E-mail: leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs
322. **Томилов Владимир Анатольевич**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарного образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета (Усурийск, Россия) E-mail: tomilov05@mail.ru
323. **Трифонова Галина Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Владивосток, Россия) E-mail: galinatrifonova@list.ru

324. **Трофимова Виктория Валериевна**, кандидат экономических наук, доцент, проректор Крымского института бизнеса (Симферополь, Россия) E-mail: dimchikn@mail.ru
325. **Трофимова Елена Леонидовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и экономической психологии, социологии и социальной работы Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: trofimova-bgy@mail.ru
326. **Трунёв Сергей Игоревич**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Россия) E-mail: si_trounev@mail.ru
327. **Тупик Елена Сергеевна**, старший преподаватель кафедры социологии Тверского государственного университета (Тверь, Россия) E-mail: lussiam@mail.ru
328. **Тупикина Елена Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Дальневосточного Федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: etupikina@mail.ru
329. **Туринцева Елена Анатольевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия) E-mail: e_turin05@mail.ru
330. **Тчапе Анастасия Каклеа**, аспирант Ульяновского государственного технического университета (Камерун) E-mail: olses@rambler.ru
331. **Уваров Евгений Алексеевич**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психолого-педагогического и социального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия) E-mail: uvarovea@yandex.ru
332. **Усачева Ксения Олеговна**, младший научный сотрудник Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: ksenia_yaya@bk.ru
333. **Ухалова Татьяна Сергеевна**, старший преподаватель кафедры экономической теории Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: vuyshka@ya.ru
334. **Ушкова Ю.В.**, аспирант Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия) E-mail: jul.ushkova@gmail.com
335. **Фадеев Павел Васильевич**, младший научный сотрудник сектора изучения межнациональных отношений Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия) E-mail: erving45@gmail.com
336. **Фадеева Татьяна Васильевна**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия) E-mail: tatianaf5555@mail.ru
337. **Файзуллин Тагир Фанилевич**, кандидат социологических наук, докторант общенаучной кафедры Уфимского государственного авиационного технического университета (Уфа, Россия) E-mail: fayzullintf@rgsu.net
338. **Файзуллин Фаниль Саитович**, главный научный сотрудник ИСЭИ УНЦ РАН, академик Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия) E-mail: philosugatu@mail.ru
339. **Федирко Оксана Петровна**, доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: fedenka.67@mail.ru
340. **Филипова Александра Геннадьевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: alexgen77@list.ru
341. **Фролова Снежана Николаевна**, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: skovaleva@yandex.ru

342. **Хабибуллина Зия Наиловна**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного (Уфа, Россия) E-mail: Habibullina_z@mail.ru
343. **Хавер Виктория Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туризма Крымского институт бизнеса (Симферополь, Россия) E-mail: vn.khaver@gmail.com
344. **Хакназаров Саид Хамдамович**, кандидат геолого-минералогических наук, профессор РАН, зав. научно-исследовательским отделом социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия) E-mail: s_haknaz@mail.ru
345. **Хандаров Федор Владимирович**, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: webcastor@gmail.com
346. **Хасанова Амина Гизетдиновна**, доцент кафедры истории и политологии Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Россия) E-mail: amina.khasanova.2016@mail.ru
347. **Хышиктуев Олег Валентинович**, кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права и международных отношений Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: olegbuyanto@yandex.ru
348. **Цветкова Ирина Викторовна**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru
349. **Цыбиков Анатолий Сергеевич**, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой информационных технологий Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: cas313@rambler.ru
350. **Черномор Максим Сергеевич**, магистрант Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) E-mail: muher81@gmail.com
351. **Чикишева Светлана Юрьевна**, магистрант Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) E-mail: s.chikisheva@mail.ru
352. **Чистик Ксения Вячеславовна**, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ksenya_chistic95@mail.ru
353. **Чукреева Лариса Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия) E-mail: chukreeva_water@mail.ru
354. **Шаповалова Полина Валериевна**, аспирант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: polina.shap@mail.ru
355. **Шарипов Азамат Ражапович**, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) E-mail: A.R.Sharip@mail.ru
356. **Шаршембиева Таалай Султановна**, кандидат социологических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызская Республика) E-mail: shartaalay@mail.ru
357. **Шахаева Александра Альбертовна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) E-mail: sashash@yandex.ru
358. **Шахматова Надежда Владимировна**, доктор социологических наук, профессор кафедры теории, истории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru

359. **Шевцова Алла Леонидовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь) E-mail: alla.l.shevtsova@gmail.com
360. **Шевченко Олег Константинович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: skilur80@mail.ru
361. **Шендрикова Снежана Павловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия) E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru
362. **Шимбирёва Ольга Александровна**, ассистент кафедры источниковедения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: kaptelina@mail.ru
363. **Шимельфениг Олег Владимирович**, кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) E-mail: shim.ov@mail.ru
364. **Шиняева Ольга Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия) E-mail: olses@rambler.ru
365. **Широкалова Галина Сергеевна**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «Философия, социология, политология» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (Нижний Новгород, Россия) E-mail: shirokalova@list.ru
366. **Шишкарева Наталья Валерьевна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: g-nat@mail.ru
367. **Шмарова Ирина Викторовна**, старший преподаватель кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: i.v.shmarova@urfu.ru
368. **Шмидт Юрий Давыдович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бизнес-информатики и экономико-математических методов Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия) E-mail: syd@dvfu.ru
369. **Штефан Чарна Александровна**, магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия) E-mail: 4ark@mail.ru
370. **Шойдорова Елена Юрьевна**, аспирант Байкальского института природопользования Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)
371. **Шубат Оксана Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) E-mail: o.m.shubat@urfu.ru
372. **Шуст Александр Сергеевич**, старший преподаватель кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь) E-mail: smo.pac.by@gmail.com
373. **Щека Виктория Игоревна**, магистрант Вятского государственного университета (Киров, Россия) E-mail: vi_sheka@vyatsu.ru
374. **Эрлих П. В.**, студент Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: pavelru8@gmail.com
375. **Юрасова Мария Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) E-mail: polevik@rambler.ru

376. **Юрченко Екатерина Сергеевна**, ассистент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) E-mail: ekaurch@mail.ru

377. **Яйгакова Аруна Васильевна**, кандидат социологических наук, начальник отдела семейной политики, опеки и попечительства Министерства труда и социального развития Республики Алтай (Горно-Алтайск, Россия) E-mail: aruna_tatina@mail.ru

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ:
РОССИЯ И СТРАНЫ АТР

Материалы
Второй всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Владивосток
7-8 декабря 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.12.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 85,46. Уч.-изд. л 79,46.
Тираж 100 экз. Заказ 529.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10